

АРХЕОЛОГИЯ СССР

**Финно-угры и балты
в эпоху средневековья**

— ПЕЧАТ —

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

АРХЕОЛОГИЯ СССР

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

АКАДЕМИКА

Б. А. РЫБАКОВА

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Академик **Б. А. РЫБАКОВ** (главный редактор)

Р. М. МУНЧАЕВ (зам. главного редактора)

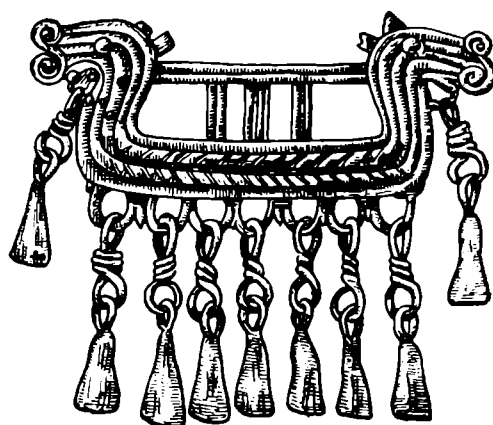
В. А. БАШИЛОВ (зам. главного редактора)

П. Г. ГАЙДУКОВ (ответственный секретарь)

ИЗДАТЕЛЬСТВО • «НАУКА» • МОСКВА 1987

АРХЕОЛОГИЯ СССР

Финно-угры и балты в эпоху средневековья

Ответственный редактор тома
доктор исторических наук
В. В. СЕДОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО • «НАУКА» • МОСКВА • 1987

Археология СССР
с древнейших времен до средневековья
в 20 томах

- * ПАЛЕОЛИТ СССР 1984
- МЕЗОЛИТ СССР
- НЕОЛИТ ЮГА СССР. НЕОЛИТ СЕВЕРА СССР
- * ЭНЕОЛИТ СССР 1983
- ЭПОХА БРОНЗЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАВКАЗА
- ЭПОХА БРОНЗЫ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
- * ЭПОХА БРОНЗЫ ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ СССР 1987
- * ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА КАВКАЗА И СРЕДНЕЙ АЗИИ 1985
- * АНТИЧНЫЕ ГОСУДАРСТВА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ 1984
- СТЕПИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР
- В СКИФО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ
- СТЕПНАЯ ПОЛОСА АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ СССР
- В СКИФО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ
- РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК
- ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ СССР
- СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.
- * ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ В VI—XIII ВВ. 1982
- * ДРЕВНЯЯ РУСЬ. ГОРОД, ЗАМОК, СЕЛО 1985
- ДРЕВНЯЯ РУСЬ. ЗОДЧЕСТВО, КУЛЬТУРА, БЫТ
- ФИННО-УГРЫ И БАЛТЫ
- В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
- * СТЕПИ ЕВРАЗИИ
- В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ 1981
- КРЫМ И КАВКАЗ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
- СРЕДНЯЯ АЗИЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

* Звездочкой отмечены вышедшие тома. Цифрой обозначен год выхода тома.

В книге собран и научно систематизирован материал по двум крупным этносам — финно-уграм и балтам, заселявшим в эпоху средневековья значительные пространства Северо-Восточной Европы — от побережья Балтийского моря на западе до бассейна Оби на востоке. В основе исследования лежат тысячи археологических памятников и огромнейший вещевой материал, полученный в результате раскопочных работ на протяжении более 150 лет. Широко используются письменные источники и данные смежных наук.

Результатом исследования является реконструкция конкретной истории каждого из финно-угорских и балтских племен раннего средневековья и условий формирования средневековых народностей. Подробно характеризуются поселения, жилища, быт и хозяйство, а также социальные отношения, обычаи и верования средневековых племенных образований финно-угров и балтов.

Средневековая культура многих финно-угорских и балтских этносов развивалась в тесном взаимодействии с древнерусской культурой. Некоторые из финно-угорских племен вошли в состав государственной территории Древней Руси, в результате в отдельных регионах Восточной Европы сформировался славяно-финский симбиоз. Поэтому проблеме культурных контактов восточного славянства с соседними племенами в томе уделено много внимания.

Таким образом, в книге исследуются начальные процессы формирования эстонской, латышской и литовской народностей, а также карелов, мордвы, коми, марийцев, удмуртов, хантов и манси.

Авторы тома

Л. А. ГОЛУБЕВА
В. А. МОГИЛЬНИКОВ
В. В. СЕДОВ
Р. Л. РОЗЕНФЕЛЬДТ

Рецензенты

Т. Н. НИКОЛЬСКАЯ
И. П. РУСАНОВА

Введение

Обширнейшие пространства лесной зоны Восточной Европы от побережья Балтийского моря на западе до Уральских гор на востоке и далее западно-сибирские земли, охватывающие бассейн среднего и нижнего течения р. Оби, с глубокой древности заселяли два этноязыковых массива — финно-угры и балты. Они принадлежат к различным, неродственным языковым семьям. Финно-угорские племена и народности вместе с самодийскими составляют уральскую языковую семью. Балты же вместе с родственными по языку и происхождению славянами, германцами, кельтами, италиками, иллирийцами и другими этносами являются индоевропейцами. Описание средневековых древностей финно-угорских и балтских племен вместе в настоящем томе обусловлено исключительно географическими соображениями — они были давними соседями и находились в самых тесных контактах.

Балтские племена в средние века заселяли области юго-восточной Прибалтики, примерно от Калининградского полуострова до Рижского залива, включая значительные части бассейнов Немана и Западной Двины. Более северные и северо-восточные территории от побережья Балтики и Ботнического залива до нижнего и среднего течения Оби включительно принадлежали различным финно-угорским племенам.

И европейская и азиатская части территории расселения средневековых финно-угорских и балтских племен характеризуются равнинностью. В Европе — это северные части Русской равнины, в Азии — Запдносибирская низменность. Уральские горы разграничивают эти земли. В отдельных местах Русской равнины наблюдаются конечно-моренные возвышенности, чередующиеся с песчаными или болотистыми низинами и озерами. Таковы Прибалтийская возвышенность, сглаженная водораздельная возвышенность между бассейнами Волги и Северной Двины. На северо-востоке Европы находятся Вятский и Верхне-Камский тектонические валы.

Наиболее крупными реками севера Русской равнины являются Неман и Западная Двина, принадлежащие к бассейну Балтийского моря, Северная Двина, образующаяся из рек Сухоны и Юга и впадающая в Белое море. Финно-угорский ареал захватывает значительную часть Волжского бассейна, в том числе Прикамье целиком. Крупнейшей рекой азиатской части этого ареала является Обь.

Почвы региона — подзолистые и дерново-подзолистые. Первые формируются под хвойными «северотажными» и «среднетажными» лесами с моховым напочвенным покрытием и занимают весь север Русской равнины и бассейн среднего и отчасти нижнего

течения Оби. Эти малоплодородные почвы часто перемежаются с массивами болот и заболоченных почв.

Дерново-подзолистые почвы свойственны зоне хвойных лесов, чередующихся со смешанными лесами. Здесь обычен травяной напочвенный покров. Такие почвы и леса, также местами заболоченные, свойственны обширным пространствам северной половины Русской равнины.

К началу средневековья финно-угры в языковом и культурном отношении были дифференцированы на множество племен и племенных группировок. Древние племена, говорившие на едином финно-угорском языке-основе в период своей общности, жили несколько тысячелетий назад, в эпоху камня. Вопрос о том, где, когда и в каких конкретных условиях сложилась финно-угорская общность, активно обсуждается в научной литературе как среди лингвистов (Castren M. A., 1857; Кёппен Ф. П., 1886; Setälä E. N., 1926, S. 120—189; 1932; Toivonen J. N., 1953, S. 3—41; Itkonen E., 1950, S. 2—24; 1969, S. 303—306; Hajdu P., 1969; 1975; Казанцев Д. Е., 1979), так и археологов (Aspelin J. R., 1875; Ailio J., 1922; Tallgren A. M. 1924; Третьяков П. Н., 1966, с. 14—62; Халиков А. Х., 1967, с. 9—36; Бадер О. Н., 1972, с. 10—31; Laslo D., 1960, S. 416—419; Ласло Д., 1971, с. 7—9). Большинство исследователей склоняются к мысли о формировании финно-угорской языковой общности в Волго-Камье с прилегающими областями Среднего Приуралья.

Общими для всех финно-угорских языков в настоящее время являются унаследованные от прафинно-угорского языка-основы некоторые элементы спряжения, склонения и словообразования, а также несколько сотен общих лексем. Расселение финно-угорских племен на обширнейшей территории и взаимодействие их с различными племенами иных языковых семей привело к дифференциации финно-угров. Финно-угорские языки и диалекты далеко разошлись друг от друга как по грамматическому строю, так и по составу лексики и фонетическим особенностям.

К глубокой древности относится отделение восточной ветви финно-угров, легшей в основу угорских языков и племен. В дальнейшем от остального массива прафинского языка отделилась сначала пермская группировка (пракамско-финские племена) и позднее дифференцировались еще две группировки — прибалтийско-финская и поволжско-финская. Общая схема эволюции финно-угорского этноса (Языки народов, 1966; Основы финно-угорского языкознания, 1974, с. 18—54) дается ниже.

Отдельные главы первой части настоящей книги посвящены основным этноязыковым группировкам

финно-угров — прибалтийско-финской, поволжско-финской, камско-финской (или пермско-финской), обско-угорской и венгерской. В средневековье эти крупные финно-угорские группировки уже не были едиными, а состояли из нескольких различных в культурном отношении племенных образований (карта 1), на основе которых формировались ранние народности.

При характеристике прибалтийско-финских племен и народностей за пределами исследования остались древности финнов-суоми (летописные сумь и емь), поскольку они проживают вне пределов СССР. По этой же причине не рассматриваются венгерские археологические материалы Среднего Подунавья. В разделе «Венгры» речь идет о древностях второй половины I тысячелетия н. э. Восточной Европы, связанных с проживанием здесь древних венгров и их продвижением в Паннонию. Западносибирские древности угорских племен анализируются вместе с самодийскими. Это обусловлено тем, что при современном состоянии археологических знаний этническая атрибуция культур и древностей во многих местах дискуссионна.

В основе настоящей работы лежат материалы археологии. Данные других наук — лингвистики, истории, антропологии, топонимики и этнографии — привлекаются как вспомогательные источники для более полного понимания тех или иных историко-культурных или этнических вопросов.

Начало научной систематизации средневековых археологических материалов по финно-угроведению было положено прекрасным изданием «Атлас финно-угорских древностей» финского ученого И. Р. Аспелина (Aspelin J. R., 1877; 1878; 1880; 1884). Этот труд не потерял своего научного значения и поныне, им постоянно пользуются исследователи финно-угроведы.

Последние десятилетия XIX в. и особенно XX столетие характеризуются бурным накоплением архео-

логических материалов на всей территории расселения финно-угорских племен и народностей. Финно-угорские древности дополнили коллекции множества музеев и научных учреждений. По мере сбора и накопления материалов в научной литературе появлялись их публикации, большое количество исследовательских статей и монографий. Однако все они без исключения охватывали не весь средневековый финно-угорский мир, а его отдельные, более или менее крупные части — отдельные археологические культуры или их группы в пределах какого-либо региона, отдельные племена или их группы в пределах опять-таки сравнительно небольшого региона.

Здесь нет места для характеристики всей этой обширной литературы. Она названа и проанализирована довольно подробно в соответствующих разделах настоящей книги. Можно отметить только, что наиболее значительный вклад в изучение археологии средневековых финно-угров внесли своими трудами А. А. Спицын, А. М. Тальгрэн, Х. А. Моора и А. П. Смирнов.

Следует упомянуть здесь сводную работу Л. А. Голубевой, посвященную зооморфным украшениям финно-угров (Голубева Л. А., 1979б). Она дает возможность лучше понять духовный мир средневековых племен. Для познания духовной культуры финно-угорского населения интерес представляют и работы Б. А. Рыбакова (Рыбаков Б. А., 1976, с. 57—63; 1979, с. 7—34).

Плодотворно и многосторонне разрабатывалась проблема контактов финно-угорского этнического массива со славянами. Установлено активное участие финно-угорского субстрата в формировании восточно-славянского населения и культуры северо-западных и северо-восточных земель Древней Руси (Седов В. В., 1966б, с. 246—251; 1982, с. 158—196; Рябинин Е. А., 1979, с. 93—102; 1981а).

Большое значение для финно-угорской археологии, в том числе той ее части, которая относится к

средневековой поре, имеют международные финно-угорские конгрессы. С ними связаны важные обзоры работ и анализы состояния изученности тех или иных вопросов финно-угроведения (Советское финно-угроведение, 1980а, с. 5–50; 1980б, с. 8–29; 1985, с. 8–59; Седов В. В., 1983, с. 3–11).

Можно упомянуть здесь также целостные монографические исследования по финно-угорским племенам, написанные в последние десятилетия и основанные на материалах лингвистики, этнографии и антропологии, без которых невозможны полнокровные археологические изыскания. Это труд венгерского ученого-языковеда П. Хайду (Hajdu P., 1975), финского исследователя Т. Вуорела (Vuorela T., 1964), обобщившего этнографические материалы, и советских антропологов К. Марк (Mark K., 1970) и В. П. Алексеева (Алексеев В. П., 1969, с. 66–161).

В книге «Древние культуры уральских народов» (Ancient Cultures, 1976) дается краткая характеристика материальной и духовной культуры древних финно-угорских племен по данным этнографии, фольклористики и в меньшей степени археологии. Все издание носит популярный характер.

После атласа И. Р. Аспелина настоящая работа является первой попыткой собрать, научно систематизировать и монографически осмыслить все накопленные к настоящему времени археологические материалы VI–XIV вв. по финно-угорским племенам и раннесредневековым народностям.

Вторая часть книги, как уже говорилось, отведена средневековым древностям балтов. Ныне к балтским народностям принадлежат литовцы и латыши. Записан и исследуется языковедами также прусский язык, исчезнувший в результате немецкой колонизации. Самоназвания у рассматриваемой этноязыковой общности нет, этноним *балты* — неологизм кабинетного происхождения, употребляемый в научной литературе с середины XIX в. и по своему происхождению связанный с Балтийским морем.

В античных и средневековых исторических источниках балты именуются айстами-аестями (Fraenkel E., 1950, S. 19–22). Еще П. И. Шафарик показал, что последний этноним относится к балтской этнической общности — так называли германцы своих восточных соседей. Это было признано большинством исследователей. Правда, некоторые ученые (К. Яунюс, К. Буга) предпочитали употреблять вместо этнонима *балты* их древнее название *айсты*, что, однако, не было поддержано другими.

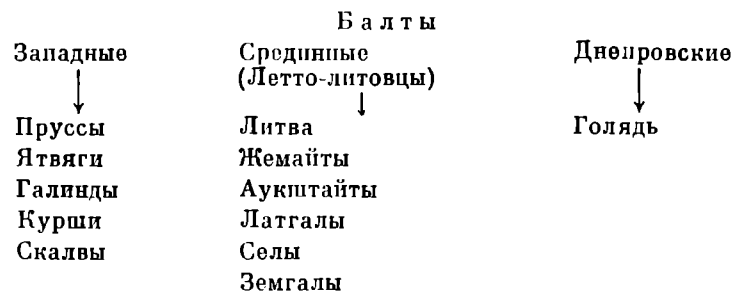
Иордан в сочинении «Getika» (середина VI в.) отводит аестиям значительные пространства Восточной Европы. Они жили, с одной стороны, по берегам Балтийского моря, где соседствовали с видивариями — обитателями низовьев Вислы; с другой стороны — соприкасались с тюркским племенем *акациры*, обитавшим в бассейне нижнего течения Дона (Иордан, 1960, с. 72, 90; Седов В. В., 1970б, с. 47, 48; 1978, с. 12, 13). В VI в. этноним *айстии* (*остии*) фигурирует в англосакском переводе произведения Орозия. Аестиев упоминает также биограф Карла Великого Эйнгарт. Последний раз они называются в сочинении скандинавского путешественника Вольфстана (890 г.), но эти известия не прибавляют нового к локализации айстов Иорданом.

Древнерусские летописи называют отдельные племена балтов — литву, жмудь, летголу, зимиголу, корсь, пруссов, ятвягов и голядь.

Формирование этноязыковой общности балтов лингвисты относят ко II тысячелетию до н. э. (Моора Х. А., 1958, с. 9–33; Седов В. В., 1980, с. 14–21; Mažiulis V., 1970; Zinkevičius Z., 1984).

Судя по материалам современной и исторической диалектологии, уже в конце этого тысячелетия балты дифференцировались на три крупные диалектно-племенные группировки — западную, срединную и днепровскую. К началу средневековья в результате эволюции и членения первой группировки образовались пруссы, ятвяги, галинды, курши, скалвы. К срединной (или летто-литовской) группировке принадлежат средневековые племенные образования — литва, жемайты, аукштайты, латгалы, земгалы и селы (см. схему).

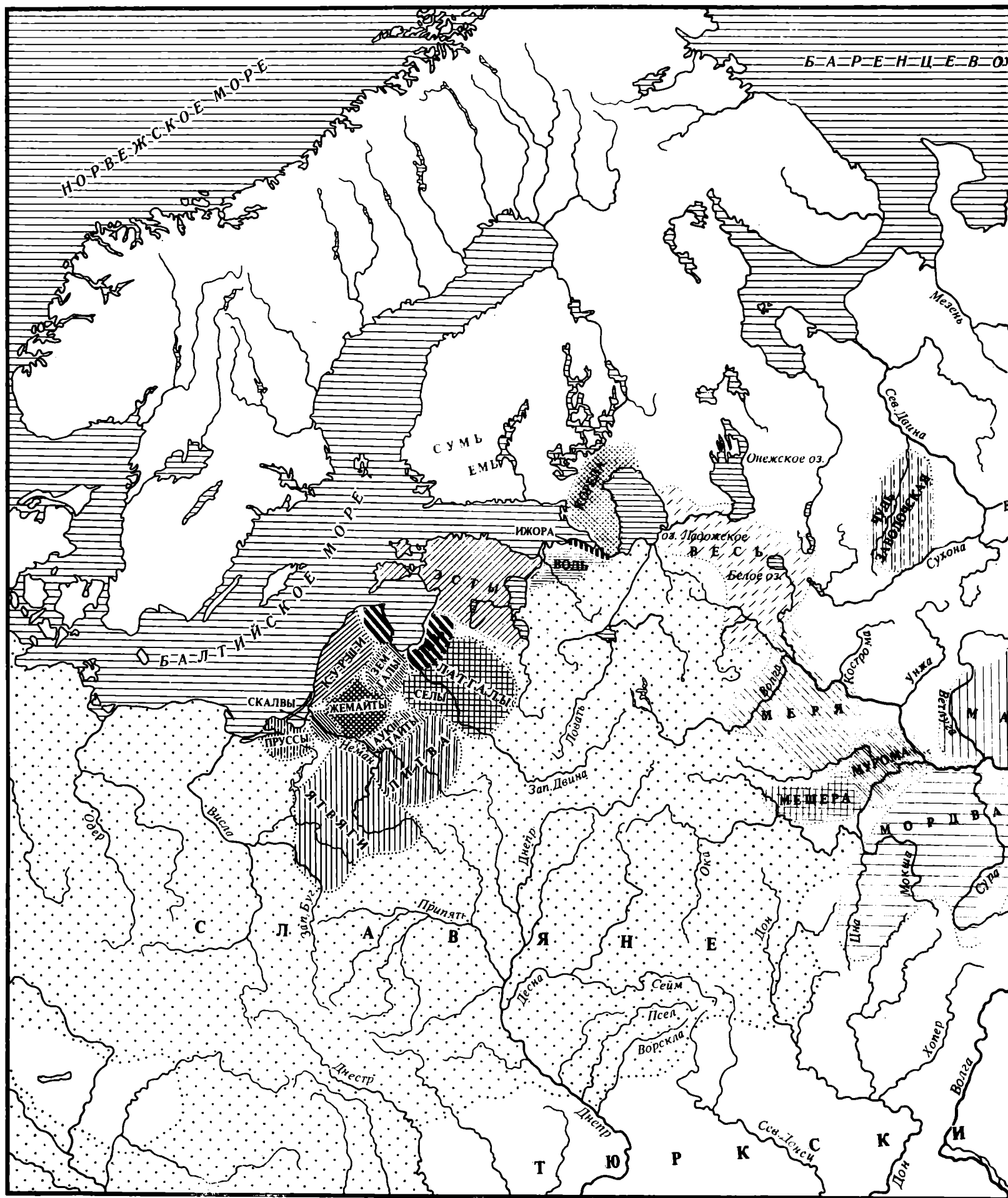
СХЕМА ЭВОЛЮЦИИ БАЛТОВ

Днепровские балты заселяли области Верхнего Поднепровья со смежными территориями Западно-Двинского и Окского бассейнов (Седов В. В., 1985, с. 20–29). Племенные названия их в основном неизвестны, исключение составляет голядь, упоминаемая русской летописью, а еще раньше Иорданом.

Раннесредневековая история днепровских балтов переплетается с восточнославянской. Племена днепровских балтов в самом начале средневековья представлены археологическими культурами — тушемлинско-банцеровской, колочинской и мощинской. Начиная с VI в. н. э. на их территории фиксируются славянские культурные элементы, свидетельствующие о начале инфильтрации славян. За инфильтрацией последовало расселение славян, значительные массы славянского населения постепенно осваивают земли днепровских балтов. В VIII–IX вв. начинается славянизация местного населения. В результате происходят существенные сдвиги в развитии культуры Верхнего Поднепровья и соседних областей Западно-Двинского и Окского бассейнов. Ассимиляционный процесс продолжался до XII–XIII вв. При этом какое-то время среди основной массы славянского населения сохранялись небольшие островки балтов. Балтский субстрат этого региона оказал воздействие на формирование одной из восточнославянских народностей — белорусов (Седов В. В., 1970б, с. 162–190). Следы проживания днепровских балтов является сравнительно мощный слой гидронимии, выявляемой исследователями на всей территории их проживания (Vasmer M., 1932, S. 637–666; Топоров В. Н., Трубачев О. Н., 1962).

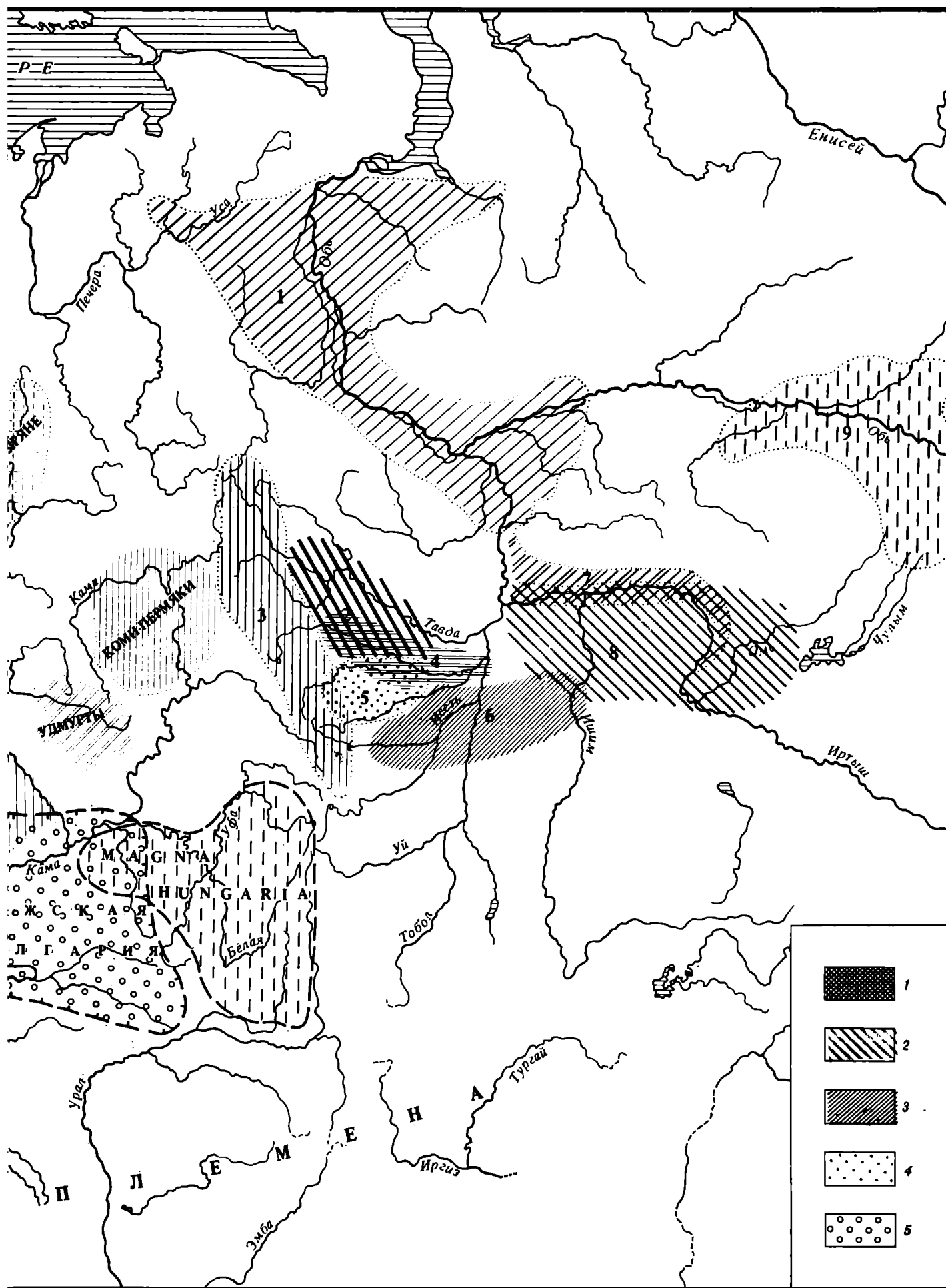
Поскольку начало средневековья в ареале днепровских балтов характеризуется тесным славяно-балтским взаимодействием и славянизацией их,

Карта 1. Финно-угры и балты в раннем средневековье
(цифры на карте)

1 — памятники кинтусовского типа; 2 — юдишская культура;
3 — памятники петрогломского типа; 4 — памятники молчановского типа; 5 — памятники макушинского типа; 6 — ба-

кальская культура; 7 — усть-ишимская культура; 8 — потчевашская культура; 9 — памятники Томско-Нарымского междуречья X—XIII вв.

Условные обозначения легенды:

1 — балты; 2 — финноязычные племена; 3 — угорские племена; 4 — славяне; 5 — болгары

древности Верхнего Поднепровья и смежных областей Западно-Двинского и Окского бассейнов рассмотрены были в томе «Археологии СССР», посвященном восточным славянам (Седов В. В., 1982, с. 29—45).

Каждый из разделов, посвященных отдельным племенным образованиям средневековых балтов, содержит историографический очерк. Здесь необходимо назвать только исследования, охватывающие средневековый балтский мир в целом. Одно из первых обобщений археологического материала юго-восточной Прибалтики принадлежит Ф. Крузе (Kruse F., 1842). Ко второй половине XIX в. принадлежат работы К. Гревингга (Grewingk C., 1865; 1884).

Древности балтов за пределами Прибалтики в то время еще не были выявлены. Введенные в научный оборот памятники днепровских балтов и значительное пополнение средневековых археологических коллекций с территории юго-восточной Прибалтики потребовали прежде всего их научной систематиза-

ции по отдельным регионам. Середина и вторая половина XX в. и характеризуются ценными исследованиями по средневековым древностям отдельных более или менее крупных регионов ареала балтского расселения. Среди них наиболее значительными являются «Очерки по археологии Литвы» (Kulikauskas P., Kulikauskienė R., Tautavičius A., 1961), «Археология Латвии» (Latvijas arheologija, 1974) и «Археологический атлас Литвы» (Atlasas, 1975; 1977; 1978).

Интересным обзором археологии балтов в целом, начиная с глубокой древности, является научно-популярная книга М. Гимбутас (Gimbutas M., 1963). Недавно переработанный и дополненный вариант ее был издан на литовском языке (Gimbutienė M. 1985). Несомненный интерес представляет исследование Р. Я. Денисовой по антропологии балтов (Денисова Р. Я., 1975). Таким образом, настоящая книга является первой попыткой монографического анализа всех средневековых древностей балтских племен.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Финно-угры

Глава первая
Прибалтийские финны

Глава вторая
Поволжские финны

Глава третья
Прикамские финны

Глава четвертая
Угры и самодийцы
Урала и Западной Сибири

Глава пятая
Венгры в Восточной Европе

Глава первая

Прибалтийские финны

К прибалтийско-финской этноязыковой группе ныне принадлежат эстонцы, финны (суоми), карелы, ливы, водь, ижорцы и вепсы. Их языки довольно близки между собой и составляют отдельную группу финно-угорской языковой семьи, восходя к существовавшему в древности прибалтийско-финскому языку-основе (Аристе П. А., 1956, с. 5—27).

По древнерусским летописям и материалам археологии выделяются следующие раннесредневековые прибалтийско-финские племенные образования: эсты (в летописях — чудь), заселившие области современной Эстонии; емь (хяме) и сумь (суоми), жившие в южной части Финляндии и составившие основу современной финской народности; корела — в северо-западном Приладожье и на Карельском перешейке; ливы, которым принадлежала Видземе — северо-западная часть современной Латвии, низовья р. Даугавы и северная часть Курземе; водь, обитавшая в северо-западных районах новгородской земли южнее Финского залива и восточнее Чудского озера; ижора — на р. Неве и южнее ее; весь — в юго-восточном Приладожье и Белоозерском крае и чудь заволоцкая, занимавшая северо-восточные земли Новгородского государства.

Прибалтийско-финские племена в древности заселяли также коренные области Новгородской и Псковской земель. Расселившиеся здесь в середине I тысячелетия н. э. славяне смешались с ними, постепенно местные племена оказались славянизированными. Древнейшие погребальные памятники словен ильменских и кривичей псковских содержат отчетливые элементы, восходящие к прибалтийско-финскому субстрату (Седов В. В., 1970а; 1974; 1982, с. 46—66). По-видимому, остатками древнего прибалтийско-финского населения Новгородско-Псковской земли является небольшая этнографическая группа сету, заселяющая регион, примыкающий к Псковскому озеру с юго-запада. В языковом отношении сету ныне принадлежат к вырусскому диалекту южноэстонского наречия, а в этнографическом — самобытны (Рихтер Е., 1959, с. 396—408).

Таким образом, до славянского расселения прибалтийско-финское население занимало довольно обширное пространство северо-запада Восточной Европы от побережья Балтийского моря до Белоозерья включительно, достигая на юге Западной Двины и бассейна верхнего течения Волги. На всей этой территории отчетливо сохранился слой гидронимии прибалтийско-финских типов (Vasmer M., 1934, S. 351—440).

Общих работ по средневековой археологии прибалтийских финнов до сих пор не было написано. В этом отношении заслуживает внимания интересный обзор Х. А. Моора, касающийся древностей

западной части прибалтийско-финских племен и написанный в связи с изучением этногенеза эстонского народа (Моора Х. А., 1956, с. 123—141).

Вопрос о том, когда, где и в каких условиях сложилась прибалтийско-финская этноязыковая общность, давно занимает исследователей. Анализ развития представлений по этой теме в среде лингвистов сделан эстонским ученым П. А. Аристе (Аристе П. А., 1956, с. 5—11). Наиболее основательной является гипотеза финского лингвиста Э. Н. Сетяля (Setälä E. N., 1926), уже упоминавшаяся ранее. Этот исследователь полагал, что начало формирования прибалтийско-финских племен относится к последним векам I тысячелетия до н. э., когда их предки отселились от поволжских финнов и приблизились к Балтике. Здесь и сформировался общеприбалтийско-финский язык, существовавший до VIII в. н. э., когда началась его дифференциация на отдельные языки.

Теория Э. Н. Сетяля имеет много сторонников, в частности к ним принадлежал и такой крупный специалист по прибалтийско-финскому языкознанию, как Д. В. Бубрих (Бубрих Д. В., 1947).

На основе данных археологии проблему формирования прибалтийских финнов пытался осветить А. М. Тальгрэн (Tallgren A. M., 1922, S. 124—127; 1926). Им был избран ретроспективный метод, однако исследователь находился под влиянием лингвистической гипотезы Э. Н. Сетяля, а собственно археологических фактов для самостоятельного освещения вопроса было недостаточно. А. М. Тальгрэн попытался на некоторых археологических данных подтвердить мысль Э. Н. Сетяля о том, что предки прибалтийских финнов переселились в Прибалтику в последних веках I тысячелетия до н. э., отделившись от своих поволжских соплеменников, которые в археологическом отношении характеризуются дьяковскими памятниками. В Прибалтике, по мнению А. М. Тальгрена, финны-пришельцы застали германское население, в результате культура их под германским воздействием претерпела серьезные изменения.

Еще раньше о появлении прибалтийско-финских племен в Прибалтике на рубеже нашей эры и о взаимодействии их с якобы обитавшим здесь германским населением писал А. Гакман (Hackman A., 1905; Ebert M., 1925, S. 338). А. Фриденталь придерживался мнения, что прибалтийско-финские племена достигли Балтики только в середине I тысячелетия н. э. (Ebert M., 1928—1929, S. 29).

С гипотезой А. М. Тальгрена не согласился большинство археологов, в том числе Ю. Айлю, А. Яюряппа, А. Я. Брюсов, Х. А. Моора. Поскольку археология не фиксирует заметного продвижения на-

селения из Поволжья в Прибалтику в конце I тысячелетия до н. э. и в первые века нашей эры, исследователи стали вести поиски в Прибалтике однородной материальной культуры, в условиях которой могла сложиться прибалтийско-финская языковая общность.

Согласно представлениям эстонского археолога Л. Ю. Янитса, таковой была прибалтийская культура типичной гребенчато-ямочной керамики (Янитс Л. Ю., 1956, с. 142—171; 1975, с. 416—421). Эта культура распространилась в III тысячелетии до н. э. на всей территории, которую в раннем средневековье заселяли прибалтийско-финские племена. Этот факт послужил основой для утверждения о том, что прибалтийская культура типичной гребенчато-ямочной керамики соответствует общеприбалтийско-финскому этносу, носители этой культуры и образовали ту ветвь финно-угров, которая и была прибалтийско-финской языковой общностью.

С этим мнением согласились Х. А. Моора (Моора Х. А., 1956, с. 64), П. Н. Третьяков (Третьяков П. Н., 1966, с. 59—61) и некоторые другие археологи.

Однако предположение о формировании прибалтийско-финской этноязыковой общности в условиях неолитической культуры с типично гребенчато-ямочной керамикой во многом неприемлемо. Эта культура является сравнительно кратковременным формированием. Уже в конце III тысячелетия до н. э. на ее территории образуется несколько различных поздненеолитических культур, а позднее, на рубеже неолита и эпохи ранней бронзы, складываются опять-таки разнохарактерные культурные группировки. В связи с этим трудно допустить, что в условиях прибалтийской культуры типичной гребенчато-ямочной керамики смогла сформироваться устойчивая этноязыковая общность. К тому же область формирования прибалтийско-финского языка и этнической общности совсем не обязательно должна соответствовать или приближаться к территории позднейшего расселения племен, вышедших из этой общности.

Исследователи, допускающие формирование прибалтийско-финского языка-основы в условиях названной неолитической культуры, не в состоянии объяснить тесную языковую связь прибалтийских финнов с поволжскими. Языкознание же неоспоримо свидетельствует о существовании в древности финско-волжской или, как еще ее называют, западно-финской общности, из которой позднее вышли на востоке поволжско-финские, а на западе — прибалтийско-финские языки.

В этой связи автором настоящих строк была предложена гипотеза о формировании прибалтийско-финской этноязыковой общности в условиях внутрирегионального взаимодействия финско-волжского населения — носителей культуры текстильной керамики с расселившимися среди них в эпоху раннего железа племенами культуры штрихованной керамики (Sedov V. V., 1980b, S. 429—438). Прибалтика оказалась заселенной финно-угорским этносом уже в эпоху камня, по это были не прибалтийские финны. Судя по данным археологии и лингвистики, между древнейшими племенными образованиями финно-угров и современными языковыми группами

имели место промежуточные этнодиалектные формирования.

Культуру текстильной керамики, по-видимому, нужно связывать с финно-волжской общностью. Изучение текстильной керамики памятников эпохи раннего железа Прибалтийского региона показывает, что для нее характерны те же существенные признаки, что и для всего ареала этой керамики, в том числе дьяковской. Вместе с тем памятники Прибалтийского региона отличаются от поволжских тем, что в них постоянно присутствует наряду с текстильной штрихованная керамика, отражая инфильтрацию или миграцию индоевропейского (балтского или иного близкого балтам) населения. Хорошо известно, что во всех прибалтийско-финских языках отчетливо проявляется балтское (или индоевропейское, близкое балтам) воздействие, которое сказывается не только в лексике, но и в какой-то степени в грамматике и фонетике (Аристе П. А., 1956, с. 11—14; 1975, с. 14—18). Внутрирегиональное взаимодействие местного населения с носителями культуры штрихованной керамики и привело к отрыву прибалтийских финнов от поволжских и сложению прибалтийско-финского языка и общности.

Эсты

Эсты заселяли северо-западную окраину Восточноевропейской равнины на восточном побережье Балтийского моря и острова Моонзундского архипелага (современные области Эстонской ССР).

Начало научных изысканий по археологии эстов относится к 30—40-м годам прошлого столетия, когда были основаны в Тарту Ученое эстонское общество (1838 г.), в Таллине Эстляндское литературное общество (1842 г.) и Центральный музей отечественных древностей при Тартуском университете (1843 г.). По инициативе этих учреждений стали производиться раскопки каменных и грунтовых могильников, было положено начало музейным археологическим коллекциям.

Вскоре возникли и местные музеи в Нарве (1864 г.), Курессааре (ныне Кингисепп, 1865 г.), Вильянди (1881 г.), Пярну (1895 г.), Пайде (1904 г.).

В XIX и начале XX в. в различных местах Эстонии было раскопано несколько могильных памятников. Многие из этих раскопок несовершенны; выявлены далеко не все детали погребального ритуала. Наиболее результативными оказались раскопки Я. Холцмайера и Р. Гаусманна каменных могильников Пяэлда, Мяла, Лээдри и Орикула, относящихся ко второй половине I тысячелетия и началу II тысячелетия н. э. (Holzmayer J. B., 1981, lk. 16—37; Hausmann R., 1889, S. 122—129; 1909, S. 21).

Большая и плодотворная работа была проведена по сбору сохранившихся среди местного населения преданий об археологических памятниках Эстонии (Jung J., 1898; 1899; 1910). Были опубликованы первые каталоги археологических вещей находок (Kruse F., 1842; 1856; Hartmann H. E., 1871; Hansen G., 1875). Эстонские материалы стали составной частью «Атласа финно-угорских древностей» И. Р. Аспелина (Aspelin J. R., 1884).

Вместе с накоплением археологических материалов были сделаны первые шаги по их историческому осмыслению. Так, на основе материалов, полученных при раскопках, профессор Тартуского университета К. Гревингк делает попытку членения погребений на типы и определения дат археологических находок. Им была разработана первая периодизация древней истории Прибалтики. Этот исследователь занимал и правильную позицию в этнической атрибуции средневековых памятников Эстонии, полагая, что они принадлежат эстам (Grewingk C., 1874—1877; 1887, S. 153—177).

Заметный вклад в изучение средневековых древностей Эстонии внес Р. Гаусманн. В его трудах археологические материалы Прибалтики получили научную систематизацию, могильные памятники подразделены на типы, при этом были подмечены различия между ранними и поздними каменными могильниками эстов (Hausmann R., 1896a; 1896b; 1910). В историографии археологии Прибалтики нельзя не назвать и работ немецкого исследователя М. Эберта, в которых широко стал применяться типологический метод анализа (Ebert M., 1913, S. 498—559).

В 1920—1940-е годы были заложены основы эстонской национальной археологии. Организационным центром эстонской археологии становится университет в Тарту, при котором в 1920 г. основывается кафедра археологии, а в следующем году и кабинет археологии, реорганизованные позднее в Институт с музеем. Первым руководителем кафедры в 1920—1923 гг. стал финский археолог А. М. Тальгрэн. В это время были подготовлены молодые кадры эстонских археологов.

В обобщающем труде по археологии Эстонии А. М. Тальгреном (Tallgren A. M., 1925) систематизированы и исторически осмыслены материалы, накопленные к тому времени. Было обращено внимание на топографию памятников и их связь с природными условиями. Вещевой материал из памятников средневековья подвергся хронологическому анализу. Древности эпохи средневековья в результате были дифференцированы на два периода — средний железный век (V—VIII вв.) и поздний железный век (IX—XIII вв.).

В буржуазный период в Эстонии была проведена большая организационная работа по регистрации и учету памятников археологии, что создало предпосылки для дальнейших более углубленных изысканий. На основе собранных материалов написана обзорная публикация о городищах (Laid E., 1923).

В 20—30-х годах на ряде могильников были произведены раскопочные работы, в основном небольшие. В 20-х годах полевые исследования велись еще несколько поверхностно, детали строения памятников и обрядности не получали отражения в отчетной документации. В 30-х годах методика раскопок заметно совершенствуется, а отчетность по ним становится точнее и детальнее. Раскопки могильников в 20—30-х годах вели Х. А. Моора, А. Фриденваль (Friedental A., 1938, S. 147—160), А. Вассар, Р. Индреко, Е. Саадре и М. Шмидехельм.

В 30-х годах проведены были и раскопки на городищах Варбола, (Laid E., 1939, lk. 183—215), Лыхавере (Mooga H., Saadre O., 1939, lk. 139—182),

Иру (Vassar A., 1939, lk. 53—100), Керикмяги в Пееду (Muistse Eesti, 1939, lk. 101—138).

Эстонскими археологами были продолжены историко-культурные и хронологические штудии постоянно пополняемых археологических материалов. В 1932 г. была опубликована сводная работа по археологии Эстонии Х. А. Моора, написанная для широкого круга читателей (Mooga H., 1932). Эстонская археология от простого вещеведения стремилась перейти к историческим обобщениям. В первом томе «Истории Эстонии» (Eesti ajalugu, 1935), охватывающем период от эпохи камня до XIII в. н. э., такая попытка сделана. При этом наряду с археологическими материалами привлечены данные геологии, лингвистики, фольклора и письменных источников.

Наиболее значительные результаты в археологии эстов получены после второй мировой войны, когда Эстония вошла в состав нашей страны. Начинается систематическое изучение памятников археологии, постепенно совершенствуются техника и методика археологических раскопок.

В последние десятилетия много внимания уделяется изучению средневековых городищ эстов. В самом конце 40-х годов возобновляются раскопочные работы на городищах, активно ведущиеся и в 50-е годы. Раскопки велись в Варбола, Отепя, Лыхавере, Иру, Наану, недалеко от Вильянди и др. Материалы этих исследований обширны, и только краткая, предварительная информация о них опубликована Х. А. Моора (Mooga H., 1955, lk. 73—87).

С целью выяснения характера и облика древнего города впервые были произведены раскопки в Таллине (Mooga H., 1953, lk. 167—180; Тараканова С. А., Саадре О. В., 1955, с. 31—45).

Важные материалы для характеристики культуры юго-восточной части Эстонии во второй половине I тысячелетия н. э. дали раскопки, проведенные М. Х. Шмидехельм на городище и прилегающем к нему селище в Рыуге (Шмидехельм М. Х., 1959, с. 154—185).

К 60—80-м годам принадлежат наиболее крупные раскопочные работы. К тому же они велись совершенной методикой и поэтому являются наиболее результативными и весьма значимыми в научном отношении.

Многолетними исследованиями были охвачены такие крупные древнеэстонские центры, как Тарту (Trummal V., 1964; 1970; lk. 3—32; 1974, lk. 3—37; Труммал В. К., 1971, с. 265—271; Мязсалу А., 1980, с. 375—377; 1981, с. 382, 383) и Отепя (Шмидехельм М. Х., 1968, с. 285). Производились раскопки в различных местах древнего Таллина (Tamm J., 1976, S. 74—76; 1979, S. 385—389; 1980, 391—394; Deemant K., 1979a, S. 390—392). Но наибольшее внимание было уделено раскопочным исследованиям рядовых городищ и укрепленных поселений местной феодализирующейся знати. Изучались как городища второй половины I тысячелетия н. э., так и городища XI—XIII вв. Раскопкам подверглись городища Соонтагана (под руководством Э. Ю. Тыниссона) в 35 км северо-западнее г. Пярну (Шмидехельм М. Х., 1968, с. 283, 284; Селиранд Ю. Я., 1969, с. 386; Тыниссон Э. Ю., 1970b, с. 344, 345; 1971, с. 353, 354; 1972b, с. 446, 447), Синиаллику в 7 км юго-западнее

г. Вильянди (Шмидехельм М. Х., 1968, с. 284; Селиранд Ю. Я., 1969, с. 385; 1970, с. 343, 344; Selirand J., 1972; 1980, S. 86, 87), Тырва в Валгаском районе (Шмидехельм М. Х., 1968, с. 283), на городище «Ложь Калевипоэга» в Алатскиви (исследования М. Э. Аун) близ западного побережья Чудского озера (Аун М., 1972, с. 445, 446; 1974, с. 90–92), Унипи́ха (раскопки М. Э. Аун), расположенном в 20 км к югу от Тарту (Аун М., 1970, с. 342; Аун М., 1975, lk. 345–359), Коновере (Э. Ю. Ты́ниссон) в Рапласком районе, примерно в 80 км к юго-западу от Таллина (Ты́ниссон Э. Ю., 1972а, с. 446, 447; 1973, с. 403, 404; 1974б, с. 416, 417; 1975б, с. 89–93), Ло́ху (Э. Ю. Ты́ниссон) на берегу р. Кейла (Ты́ниссон Э. Ю., 1975а, с. 432; 1976а, с. 464, 465; 1976б, с. 66–70). Большой интерес вызывают начатые в середине 70-х годов под руководством Э. Ю. Ты́ниссона и Ю. Я. Селиранда раскопки городища Варбо́ла (Селиранд Ю., Ты́ниссон Э., 1978а, с. 90–94; 1978б, с. 462; Ты́ниссон Э., 1981, с. 384; Ты́ниссон Э., Селиранд Ю., 1978, с. 358–360; 1979, с. 482). Можно упомянуть также раскопки Т. Тамла на городище Па́да в северо-восточной Эстонии (Тамла Т., 1978, с. 353–357; 1980, с. 378–381).

К сожалению, пока исследователи располагают более или менее подробными публикациями о раскопках изысканиях на этих городищах. Монографических исследований, посвященных этим памятникам до сих пор нет.

Крупных раскопок селищ почти не производилось. Исключение составляет, пожалуй, селище Олу́ствере, расположенное в 20 км к северу от г. Вильянди. Здесь начиная с 1978 г. велись систематические археологические раскопки, охватившие значительную площадь поселения (Лави А., Соколовский В., 1980, с. 387–390; Лави А., Лаул М., Соколовский В., 1981, с. 411–415).

Существенные результаты получены при сравнительно небольших раскопках М. Э. Аун на селищах Кививаре, в 40 км севернее г. Валга, и Унипи́ха при одноименном, упомянутом выше городище (Аун М., 1970, с. 342; 1975, с. 81–83; Аун М., 1975, lk. 345–359). Ко второй половине I — началу II тысячелетия н. э. относится поселение у д. Линнузе, в 3 км от г. Кунда, исследованное небольшими раскопками под руководством К. Янитса (Янитс К., 1979, с. 380, 381). Среди поселений первой половины II тысячелетия н. э., которые подвергались раскопкам, можно назвать Куусалу в Харьюском районе (Краут А., 1980, с. 382–385; 1981, с. 408–410), Казпа в Выруском районе (Тамла Т., Лаул М., 1979, с. 381–384), Кейла в Харьюском районе (Mandel M., 1978а, S. 361–363).

В советский период эстонские археологи довольно много внимания уделяли и раскопкам могильных памятников. В основном они относятся к 60–80-м годам, поскольку в первые послевоенные годы изучались в основном курганы юго-восточной Эстонии. Исключение составляет территория о-ва Сааремаа, где в 40–50-х годах раскапывались каменные могильники в Рандвере (Metsar L., 1949; Kustin A., 1962, lk. 58–130) и Кяку, а также грунтовый могильник XIII–XIV вв. в Карья (Kustin A., 1958, lk. 47–57). В 50-х — начале 60-х годов исследования произведены также в грунтовом могильнике

Каберла в восточной Эстонии (Selirand J., 1962, lk. 130–160).

В 60–70-х годах раскопками был охвачен целый ряд могильников эстов. К сожалению, научно-отчетная информация об этих исследованиях не издана. Имеются лишь краткие информации в ежегодниках «Археологические открытия». Раскопки велись на каменных могильниках Лехмя-Лео в 10 км восточнее Таллина (Шмидехельм М. Х., 1968, с. 281; Селиранд Ю. Я., 1969, с. 383; Лыугас В., 1970б, с. 345, 346; 1971а, с. 352, 353), Куревере на Сааремаа (Kustin A., 1966, lk. 87–94; Лыугас В., 1971б, с. 431), Прэеди в Пайдеском районе (Шмидехельм М. Х., 1968, с. 282; Селиранд Ю. Я., 1969, с. 384) и других.

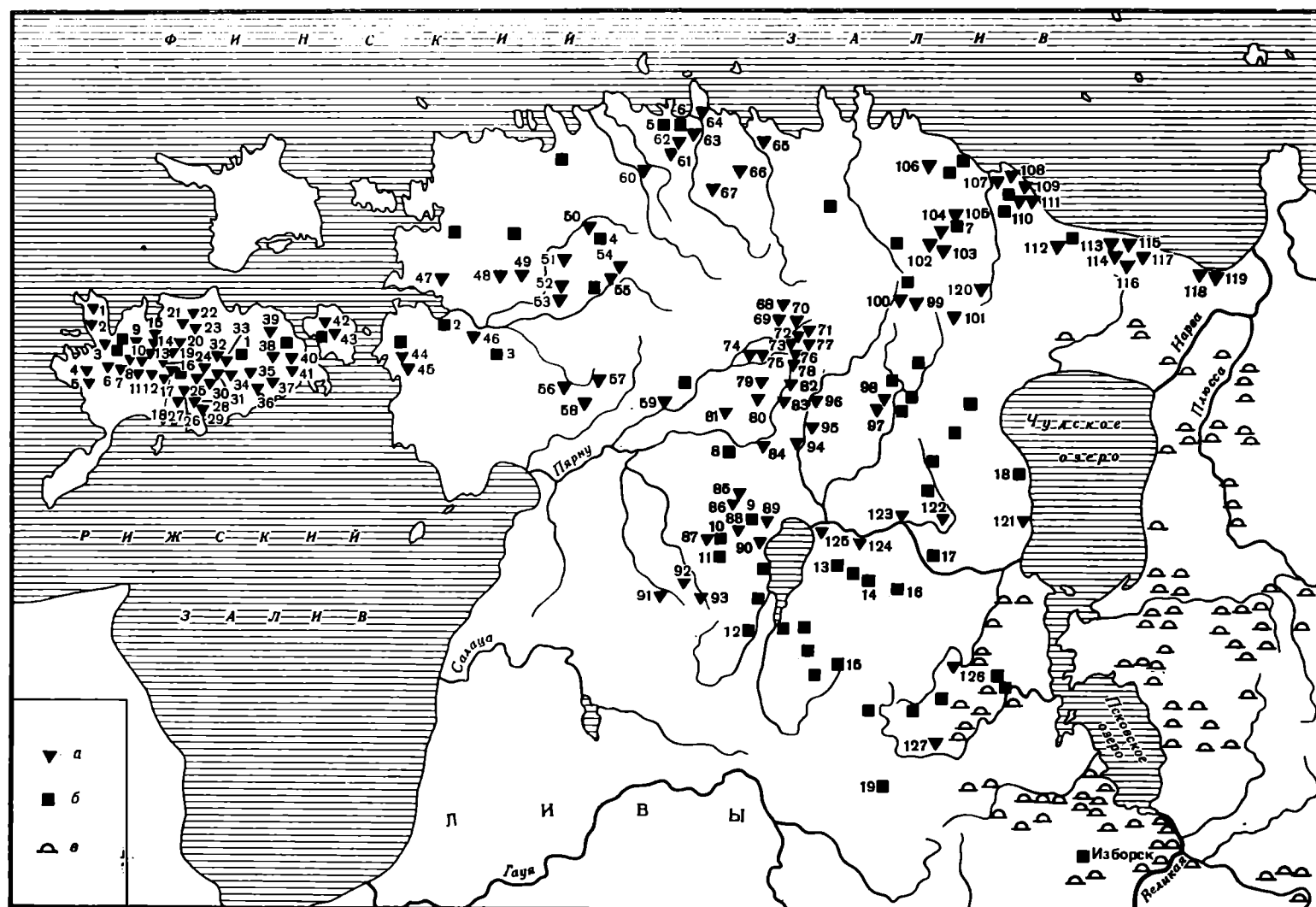
Обобщающая работа по погребальным древностям эстов XI–XIII вв. написана Ю. Я. Селирандом (Selirand J., 1974b). В ней всесторонне исследованы могильные памятники периода возникновения раннефеодальных отношений, при этом особенно много внимания уделено характеристике вещевого инвентаря.

После выхода в свет книги Ю. Я. Селиранда погребальные памятники эстов исследуются еще более активно. Каменные могильники, относящиеся в основном к раннему железному веку, но используемые для захоронений и во второй половине I тысячелетия н. э., раскапывались в Паю на о-ве Сааремаа (Tamla T., Jaanits K., 1977, S. 64–70), в Мыйгу-Пээтри недалеко от Таллина (Tamla Ü., 1977, S. 55–60), в Лихула Хаапсалуского района (Mandel M., 1975, с. 431, 432; Mandel M., 1976, S. 56–58). Исследовались также каменные могильники с захоронениями первых веков II тысячелетия н. э. Это Уугла в Хаапсалуском районе (Mandel M., 1978b, S. 350–352), Лахепера на западном побережье Чудского озера (Lavi A., 1978b, S. 334–336; 1980, S. 361–368), Иру на восточной окраине Таллина (Лыугас В., 1975, с. 429, 430; Lõugas V., 1976а, S. 51), Кымси в западной Эстонии (Mandel M., 1980, S. 373, 374) и др. Наибольший интерес представляют многолетние раскопки, производимые К. Деемантом на каменном могильнике Прооза (Деемант К., 1971, с. 354; 1973, с. 399; Deemant K., 1975, S. 78–80; 1976, S. 55; 1977, S. 62, 63; 1978а, S. 81–83; 1978b, S. 337–338; 1979b, S. 368; 1980, S. 360, 361; 1981, S. 394–396).

Продолжались раскопки грунтовых могильников эстов средневековой поры. М. Мандель в 1979 и 1980 гг. исследовал могильник с захоронениями по обряду кремации в Линнамяэ Пярнуского района (Mandel M., 1979, S. 377–379; 1981, S. 406, 407). Интерес представляют раскопки могильника с трупоположениями в Вальяла на о-ве Сааремаа (Selirand J., 1975, S. 94, 95; 1976, S. 71–73).

Недавно была издана обобщающая работа по археологии Эстонии (Jaanits L., Laul S., Lõugas V., Tõnisson E., 1982, lk. 251–420), в которой два раздела посвящены средневековой поре.

Наиболее характерной особенностью культуры эстов являются своеобразные каменные могильники, на основе которых отчетливо вырисовывается регион расселения этой этнической группировки. Она занимала в основном области современной Эстонии (карта 2). Лишь крайние юго-восточные районы

Карта 2. Расселение эстов

а — каменные могильники: 1 — Калме; 2 — Кырузе; 3 — Куревере; 4 — Кихелькоона Лоона; 5 — Лесдри; 6 — Паю; 7 — Одалятси II; 8 — Одалятси I; 9 — Пидула; 10 — Пайкюла; 11 — Когула; 12 — Пярни; 13 — Каарма Лоона; 14 — Саувере; 15 — Охтья; 16 — Тахтула; 17 — Няку; 18 — Лао; 19 — Пийла; 20 — Вялья; 21 — Тыризе; 22 — Пуртса; 23 — Карья; 24 — Такка Хаеска; 25 — Пюха Сепя; 26 — Орикюла; 27 — Упа; 28 — Тахула; 29 — Лоона; 30 — Каали; 31 — Раху; 32 — Арукюла; 33 — Ратла; 34 — Калли; 35 — Тыния; 36 — Пийде; 37 — Вильтина; 38 — Мустла; 39 — Рахула; 40 — Торнпиме; 41 — Ардла; 42 — Пялда; 43 — Кантси; 44 — Кымси; 45 — Паюмаа; 46 — Кирбла; 47 — Энivere; 48 — Вайке-Калю; 49 — Лаукна; 50 — Варди; 51 — Лиманду; 52 — Мока; 53 — Хаймре; 54 — Куузику; 55 — Иира; 56 — Мыйзакюла; 57 — Леху; 58 — Табриа; 59 — Кадвясте; 60 — Юкснурме; 61 — Лехмя; 62 — Раз; 63 — Лагеди; 64 — Саха; 65 — Саунья; 66 — Раасику; 67 — Маллавере; 68 — Нурмси; 69 — Леэди; 70 — Пурди; 71 — Тарбья Каламехе; 72 — Тарбья Мику; 73 — Валгма; 74 — Вирика; 75 — Виятса; 76 — Хуукси; 77 — Кахала; 78 — Таадиквере; 79 — Кяревере; 80 — Мяэру; 81 — Виллевере; 82 — Таадиквере Кивиме; 83 — Эйствере; 84 — Уве-Веневере; 85 — Сюржавере; 86 — Мад; 87 — Хайтмали; 88 — Вана-Выйду; 89 — Кууде; 90 — Риума; 91 — Саммасте; 92 — Таугасалу; 93 — Хельме Нягутси; 94 — Мыхкюла; 95 — Вана-Пылтсамаа; 96 — Паюзи; 97 — Выймаствере; 98 — Кыюла; 99 — Роху; 100 — Янту; 101 — Лаеквере; 102 — Йярни; 103 — Инью; 104 — Тырма; 105 — Арна; 106 — Эссу; 107 — Малла; 108 — Ийла; 109 — Асере; 110 — Тамме; 111 — Ридакюла; 112 — Майдла-Лийва; 113 — Сака; 114 — Кохтла; 115 — Ярве; 116 — Кохтла Куузику; 117 — Кукрузе; 118 — Тырсаме; 119 — Сытке; 120 — Реола; 121 — Саммасте; 122 — Кобрату; 123 — Ыви; 124 — Улила; 125 — Вереви; 126 — Лоотвина; 127 — Райсте; **б** — исследованные городища: 1 — Вильяла; 2 — Лихула; 3 — Соонтага; 4 — Варбола; 5 — Таллин; 6 — Иру; 7 — Ракквере; 8 — Лыхавара; 9 — Наану; 10 — Вильянди; 11 — Синиаллику; 12 — Тьрве; 13 — Алт-

Лаари; 14 — Пэеду; 15 — Отепя; 16 — Унипиха; 17 — Тарту-Юрьев; 18 — «Ложь Калевипоега» (Алатскиви); 19 — Рыуге; **в** — курганные могильники.

и небольшая юго-западная часть Эстонии исключаются из ареала эстов.

Каменные могильники с оградками (табл. I, 1, 2) * представляют собой крупные сооружения, состоящие из нескольких более или менее прямоугольных клеток — «огражек», которые образовывали стенки из крупных валунов или плитнякового камня. Пространство внутри оградок заполнялось мелкими камнями с землей или плитняковой щебенкой. Пристроенные друг к другу, такие оградки и образуют могильник, достигающий в длину 50–70 м при ширине в среднем 10–12 м. Ориентированы ряды оградок в основном с севера на юг. Нередко могильники состоят из нескольких рядов оградок.

Могильники с оградками являются коллективными усыпальницами. Кремация умерших совершалась на стороне, а собранные с погребальных костров остатки трупосожжения сыпались внутрь оградок. В результате в каждой из оградок, которые использовались для захоронений длительное время, нередко в течение нескольких столетий, выделить отдельные погребения и комплексы вещей не представляется возможным, поскольку сожженные кости

* Иллюстрации (таблицы) I–CIII помещены в конце части первой.

и вещи помещались без какого-либо порядка и перемешаны.

Реконструируя облик эстских каменных могильников, В. Лыугас полагает, что оградки с каменными стенками стояли в древности открытыми и, может быть, некоторые из них сверху имели перекрытия, напоминая дома (Lõugas V., 1975, lk. 198–210).

Могильники с каменными оградками весьма характерны для первой половины I тысячелетия н. э. Научное издание их для северо-восточного региона Эстонии выполнено М. Х. Шмидехельм (Шмидехельм М. Х., 1955), обзор западноэстонских материалов сделан А. К. Вассаром (Вассар А. К., 1956, с. 187–218).

Во второй половине I тысячелетия н. э. эсты использовали в основном ранее сооруженные каменные могильники с оградками. Остатки трупосожжений при этом сыпались в те же оградки, содержащие захоронения предшествующей поры. Иногда к могильникам пристраивались дополнительные кладки. В отличие от сооружений первой половины I тысячелетия н. э. эти пристройки представляют собой каменные кладки, сложенные без особого порядка.

По мере роста народонаселения в ряде мест во второй половине I тысячелетия н. э. строятся новые каменные могильники. В отличие от правильных могильных сооружений предшествующей поры они являются кладками из крупных и мелких камней, сложенных бессистемно. Однако связь их с более ранними могильниками очевидна — по-прежнему господствуют трупосожжения, совершаемые на стороне, кальцинированные кости и предметы разбрасываются между камнями, так что выделить отдельные погребения невозможно. Могильный инвентарь часто поломан и носит следы пребывания в огне. Обломки глиняной посуды, встречающиеся при раскопках, также не связываются с определенными захоронениями, они обычно рассеяны по площади могильников.

В отличие от предшествующего периода при совершении погребений в могилы клали очень немного вещей, зато в число редких предметов погребального инвентаря входят предметы вооружения, ранее отсутствовавшие.

Такие же каменные могильники, представляющие собой кладки из разномерных камней, сложенных без особого порядка, характерны для эстов в первые столетия II тысячелетия н. э. По-прежнему сожженные кости умерших и вещевой инвентарь оказываются разбросанными между камнями, поэтому выделять отдельные погребения невозможно. В XI–XII вв. наряду с трупосожжениями в каменных могильниках эстов появляются трупоположения. В более чем в 20 поздних каменных могильниках обнаружены исключительно захоронения по обряду ингумации. Умерших клали или непосредственно среди валунов, или в ящики, сложенные из более или менее крупных плитняковых камней. Трупоположения совершались на спине в вытянутом положении, головой к северу.

Каменные могильники первых веков II тысячелетия н. э. по сравнению с предшествующими периодами богаты вещевыми материалами. Очевидно,

теперь вместе с умершим в могилу клали его личное имущество. Среди инвентаря имеются и орудия труда, и предметы вооружения, и бытовые вещи, и различные украшения, и принадлежности одежды.

Наиболее исследованным за последние годы в материковой Эстонии является каменный могильник в Прооза, в 10 км восточнее Таллина, расположенный на плитняковом всхолмлении на правом берегу р. Пирита. Древнейшие погребения здесь, датированные началом нашей эры, находятся в каменном кургане с ящиком. В северной части холма расположен каменный могильник с оградками III–V вв., а в нескольких десятках метров южнее — могильник с трупосожжениями V–VI вв., устроенный из бессистемно положенных камней. К последнему с запада вплотную примыкает каменный могильник XI–XIII вв., также сложенный из камней (плитняка и валунов) без определенного порядка.

Пережженные кости, немногочисленные фрагменты керамики и вещевые находки находятся между камнями или под ними. Индивидуальные захоронения обычно не выявляются. Лишь в некоторых случаях удалось выделить группы находок и скопления пережженных костей, связанные с конкретными погребениями.

Вещевой материал фрагментарный: большинство предметов оплавлено или нарочно сломано в процессе погребения. Значительная часть вещевых находок относится к V–VI вв. — с площади около 450 кв. м получено свыше 1500 предметов. Это арбалетовидные фибулы, браслеты, перстни, разнотипные бляшки, бусы, булавка (табл. II, 5), реже встречаются железные наконечники копий, наконечники ножен и наверхия мечей (табл. II, 27, 29), фрагменты, умбонов.

Среди находок имеются привозные, свидетельствующие о широких экономических и культурных связях эстов. Это предметы скандинавского происхождения V–VI вв.: 16 аграфов-пуговиц, на некоторых из них сохранилась позолота и тонкий растительный орнамент; бронзовый позолоченный наконечник рукоятки меча с узором; позолоченная серебряная бляшка, на которой изображены две стилизованные звериные фигурки. Два массивных бронзовых браслета имеют балтское происхождение.

В числе предметов XI–XIII вв. содержатся подковообразные пряжки, браслеты, бубенчики, спиральные пронизки из бронзовой проволоки, поясные и уздечные бляшки, наконечники копий, удила.

Для островной части территории расселения эстов характерным является каменный могильник, расположенный близ д. Рандвере в восточной части о-ва Сааремаа (табл. I, 2). Устроен он был на плоской моренной возвышенности и образовывал в плане неправильный овал размерами 33×27 м. Поверхность могильника покрыта слоем колотого плитнякового камня, а кое-где проступают валуны. Между камнями находился черно-серый углистый слой с отдельными крупными углями. Толщина слоя 25–35 см, а местами до 60 см.

В основании могильника прослежена углистая прослойка толщиной 5–6 см, образовавшаяся от выжигания участка, выбранного для его устройства с ритуальными целями. Более половины вещевых ~~находок и большинство~~ кальцинированных костей

зафиксировано в виде скоплений. Исследователи памятника в этой связи полагают, что это отдельные погребения, которых насчитывается 33—36. Среди них четыре были окружены валунами или плитняковыми камнями (более или менее правильные круги диаметром 2,8—3,5 м). Всего в могильнике, как полагают его исследователи, было не менее 60 трупосожжений.

В верхних горизонтах могильника наряду с фрагментами глиняной посуды найдены несожженные кости животных. Это следы поминок, устраиваемых на могильнике либо во время захоронений, либо позднее. Керамический материал разбросан по всему могильнику, преимущественно в верхних горизонтах, и его концентрация не совпадала со скоплениями вещевых находок и кальцинированных костей. Очевидно, что глиняная посуда разбивалась с ритуальными целями, а не сопровождала остатки кремации умерших.

Среди вещей преобладают украшения или принадлежности одежды (табл. II, 8; III, 6, 16). Изредка встречались предметы вооружения, снаряжение всадника и орудия труда. Большинство предметов подвергалось действию огня; многие предметы, помимо того, ломали или изгибали.

Рандвереский могильник оставлен, нужно полагать, богатым семейным коллективом. Его первые захоронения датируются XI в., наиболее поздние относятся к XIII в.

Могильники со сплошной каменной кладкой, подобные Рандверескому, исследовались в Лээдри и Орикюла (относятся ко второй половине I тысячелетия н. э. и первым векам II тысячелетия н. э.), а также в Кяку (XI—XII вв.). Для последнего характерны погребения внутри колец, сложенных из камней. Захоронения вне таких кругов здесь составляют исключение.

В целом каменные могильники эстов сопоставимы с могильными памятниками финских племен суми и еми, отличающимися от эстских лишь некоторыми частностями.

Погребения в каменных могильниках совершались эстами до XIII в. включительно. Вместе с тем уже в XI—XII вв. в материковой части Эстонии параллельно получают распространение грунтовые могильники с погребениями по обряду трупоположения. В конце XII в. такие могильники появляются и на островах. В XIII и XIV вв. они господствуют и в материковой и в островной частях Эстонии. Наблюдаются некоторые различия в топографии каменных и грунтовых могильников эстов. Первые обычно располагаются на невысоких плоских всхолмлениях. Грунтовые же могильники, как правило, устраивались на более возвышенных участках местности — холмах, буграх, грядах и т. п. Грунтовые могильники находились в непосредственном соседстве с синхронными пунктами и являлись общей усыпальницей всей деревенской общины.

На таких могильниках умерших погребали в сравнительно неглубоких (около 1 м) индивидуальных ямах. Захоронения XI—XIII вв. характеризуются незначительной глубиной могильных ям. В ранних могилах умершие хоронились без гробов, потом появились гробы, изготовленные без гвоздей. Иногда сооружались ящики из плитняковых камней. Умер-

ших клали в могилу на спине, лицом вверх, с вытянутыми ногами, руки складывали по-разному. В ранних погребениях умершие имели меридиональную ориентировку (головой на север или северо-восток), в поздних — широтную (головой на запад).

Наиболее ранние трупоположения известны в восточной Эстонии. Отсюда этот обряд постепенно распространился по всей территории расселения эстов, вытеснив ритуал кремации умерших. Обряд трупоположения в целом характеризуют грунтовые могильники, однако и в некоторых каменных могильниках, как уже говорилось, встречены также относительно поздние захоронения по обряду ингумации.

Импульсом для распространения обряда трупоположения в земле эстов, по-видимому, послужило христианство. Знать эстов, как показывают находки предметов христианского культа, восприняла христианскую религию от восточных славян уже в XI в. (Selirand J., 1979, S. 713—720). Подтверждением этого может служить и то, что наиболее ранние трупоположения эстов сосредоточиваются в восточных, соседних с Русью, землях, и то, что наиболее ранние захоронения по обряду ингумации, судя по обильному инвентарю, принадлежат богатым.

Однако влияние христианства в то время было весьма поверхностным. Еще длительное время сохранялись древние религиозные представления эстов. Функционировали средневековые грунтовые могильники до XVI—XVII вв. Их постепенно сменили собственно христианские кладбища.

Погребальный инвентарь грунтовых могильников эстов в целом идентичен вещевому материалу каменных могильников. Сравнительно много вещей содержат захоронения XI—XIII вв. Постепенно инвентарь становится малочисленным, в поздних могилах встречаются лишь единичные предметы. Могильный инвентарь грунтовых могильников представлен украшениями и остатками одежды, в меньшей степени — орудиями труда и бытовыми предметами.

На основе археологических находок и этнографических наблюдений восстанавливается в общих чертах одежда средневековых эстов. Женское одевание состояло из льняной рубахи с рукавами и верхней шерстяной глухой одежды без рукавов. Замужние женщины носили еще передники. С пояса обычно свисали набедренники. На плечи накидывалось шерстяное покрывало, которое украшалось бахромой, бронзовыми пронизками или оловянными бляшками. На голове девушки носили венок или узкую тесьму, а замужние женщины — головной убор — леник, иногда украшенный бронзовыми пронизками. На затылке это головное покрывало закреплялось бронзовыми булавками. В XI — первой половине XII в. булавки оканчивались головкой в виде плоской спирали; позднее получили распространение булавки с биспиральной головкой (Selirand J., 1966, lk. 150—155). Аналогичные булавки употреблялись литовскими и латышскими племенами.

Рубаха, глухая верхняя одежда и наплечное покрывало на груди скреплялись подковообразными застегками. Они представлены очень многими типами. Большинство подковообразных фибул эстов принадлежит к общеприбалтийским типам. В X—XI вв. господствовали фибулы с концами, свернутыми в

трубочку (табл. III, 6, 9), и в меньшей степени — с концами в виде усеченной пирамиды, маковой головки или призмы. В XII—XIII вв. по-прежнему были распространены фибулы с концами, свернутыми в трубочку, и вместе с ними — с гранеными концами (табл. III, 3, 4, 7). Большинство подковообразных фибул, как установлено эстонскими исследователями, изготовлены на месте. Привозными являются единичные экземпляры (фибулы с концами в виде граненых пуговиц с Готланда, фибулы с широкопластинчатой дужкой и продольным ребром из Карелии).

Наиболее характерным украшением эстов являются нагрудные цепи (табл. IV). В XI в. они составляли несколько рядов и имели значительную длину. В XII в. они стали короче и обычно образовывали два ряда; в XIII в. — еще короче и часто в один ряд.

Нагрудные цепочки прикреплялись к одежде двумя булавками. Во второй половине I тысячелетия н. э. эсты пользовались булавками с кольцевой или треугольной головкой, имеющими земгальское происхождение. На их основе в XI—XII вв. в островной части Эстонии развились местные варианты — булавки с треугольной головкой с листовидным и плетеным орнаментом (табл. II, 8), которых найдено свыше 40 экземпляров.

Обычай ношения нагрудных цепей заимствован эстами от балтских племен, что и обусловило распространение булавок земгальского и куршского типов.

С X в. у эстов получают широкое распространение булавки с крестообразной головкой, ставшие характерным племенным признаком этой группировки прибалтийских финнов (табл. II, 1—3, 15, 17). С VII—VIII вв. такие булавки известны среди древностей Литвы (LLM, 1958, № 480—486) и Латвии (Hauzman R., 1896a, Taf. 11, 15; 13, 12—14, 17—19; 29, 17, 18; Šnoge R., 1930, 74 lpp). Эта форма булавок была заимствована эстами и получила у них дальнейшую эволюцию (Selirand J., 1974b, lk. 145, 146).

Самыми распространенными в эстских древностях являются крестовидные булавки с округлыми плоскими лопастями, орнаментированными рельефными концентрическими окружностями и выпуклыми полуспариями посередине. Наряду с ними в XI—XIII вв. получают широкое распространение крестовидные булавки с ажурными головками.

До начала XII в. крестовидные булавки были характерны для материковой части Эстонии, но затем широко распространяются и на островах. Из земли эстов булавки рассматриваемых типов в единичных экземплярах проникли в земли северо-западной Руси. Они найдены в Новгороде (Седова М. В., 1981, с. 73, рис. 25, 1, 2, 4, 8), Изборске, водских курганах Ижорского плато (Спицын А. А., 1896, с. 49, табл. XV, 9). Отдельные находки крестовидных булавок известны в Финляндии (Kivikoski E., 1973, S. 99, Abl. 719) и Швеции (Nermann B., 1929, S. 169, Fig. 179; Jaanusson H., 1971, S. 99—104). Вероятно, из Эстонии была привезена и булавка в Новогрудок (Гуревич Ф. Д., 1966, с. 56, рис. II, 7).

Среди цепей нагрудных украшений нередко встречаются цепедержатели и разделители. Сложные ажурные цепедержатели (табл. II, 19) имеют анало-

гии в регионе ливов, другие отражают водско-новгородские и корельские влияния. Полуовальные цепедержатели имеют куршское происхождение.

К нагрудным цепям привешивались разнообразных подвески — птицеобразные, в виде гребешка или ножичка, S-образные, крестовидные, монетные (табл. II, 6, 12—14, 16, 18, 21—23, 25). Из Новгородской земли происходят немногочисленные лунницы и решетчатые привески.

С XII в. характерным нагрудным украшением эстских женщин стали дисковидные серебряные бляхи, отличающиеся тщательной техникой изготовления и орнаментацией.

Женским украшением были также шейные гривны (табл. III, 12, 13). Среди них имеются массивные уплощенные и витые с различными концами — петлеобразными, с петлей и крючком, с шипом и загнутым концом, седловидные.

Наряду с шейными гривнами эсты носили и ожерелья из стеклянных, пастовых и янтарных бус (табл. II, 9, 10). Довольно часто встречаются бронзовые литые, а иногда и серебряные бусы.

Самым распространенным украшением были браслеты (табл. III, 17—24). Наиболее ранние из них — спиральные (табл. III, 20) — восходят к балтским образцам. В островной части Эстонии спиральные браслеты бытовали и в XI—XIV вв. В XI—XIII вв. в эстских древностях господствуют пластинчатые браслеты, орнаментированные плетеным или ромбовидным узором (табл. III, 22—24). Собственно эстскими являются граненые браслеты и пластинчатые браслеты с расширяющимися концами и профильным желобком в средней части (табл. III, 18). В памятниках XI—XII вв. встречаются привозные латгальские браслеты со звериноголовыми концами. Во второй половине XI в. из Карелии через северные Новгородские земли в Эстонию проникают литые массивные браслеты с волнистым орнаментом. Со второй половины XII в. получают распространение витые тройные браслеты с обрубленными концами, происходящие из Новгородской земли.

Ко второй половине I тысячелетия относятся перстни с раздвоенными и закручивающимися спирально концами (табл. III, 8), характерные для многих районов юго-восточной Прибалтики. В Эстонии они встречаются и в XI—XIII вв. Наиболее распространенными среди эстов в первые века II тысячелетия н. э. были спиральные перстни — простые (табл. III, 17) и с расширенным средним витком. Кроме того, нередко были перстни с утолщенной рубчатой средней частью и заходящими друг за друга концами. Сравнительно редко встречаются также перстни с витой или плетеной средней частью (табл. II, 18).

С праздничной одеждой эстские женщины носили ножи в ножнах, украшенных бронзовыми накладками.

О мужской одежде эстов данные очень скудные. Она состояла из льняной рубахи и длинного, достигающего до колен шерстяного кафтана, штанов, оных и обуви из кожи или лыка. Верхней одеждой и мужчин, и женщин была шуба. Мужские украшения составляли преимущественно разнообразные пряжки, в редких случаях — шейные гривны, браслеты и перстни.

В каменных могильниках эстов, а в виде редкого исключения и в грунтовых захоронениях встречаются орудия труда и бытовые предметы — топоры, ножи, косы, серпы, остроги, замки, ключи, кресала, заклепки, гвозди. В погребениях богатых мужчин, помещенных в каменных могильниках, обнаруживаются наконечники копий, мечи, боевые ножи, наконечники стрел, шпоры, удила, стремяна и уздечные бляшки (табл. V, 3—6, 8—11, 13—15, 20, 21—27, 31—33).

Основная часть средневековых эстов проживала на открытых поселениях — селищах, которые пока археологически весьма слабо изучены.

Исследованные селища второй половины I тысячелетия н. э. единичны. Это поселения Вилла III на р. Выханду (Лыугас В., 1970а, с. 343), у д. Линнузе близ р. Кунда (Янитс К., 1979, с. 380, 381), на р. Ахья в Кяэпа (Тамла Т., Лаул М., 1979, с. 381—384). Раскопками изучались главным образом селища, находящиеся непосредственно рядом с городищами того же времени (Рыуге, Алт-Лаари, Унипи-ха, Кантсияги, Кививаре, Иру, Отепя, Тывра). Площадь их невелика. Самое крупное поселение — селище Рыуге — занимало площадь около 7000 кв. м, площадь Алт-Лаари — около 4500 кв. м, остальные имели меньшие размеры.

На селище Кививаре обнаружена часть немного углубленного в материковый песок основания жилища, ширина которого достигала 3,2 м (Аун М., 1975, с. 81—83). Раскопками этого поселения и селища Унипи-ха (Аун М., 1975, лк. 345—359) изучены очаги двух типов: 1) наземные, ооконтуренные камнями, округлой, овальной или четырехугольной формы; 2) немного углубленные ямы, заполненные углистой землей и мелкими камнями. На селище Рыуге, кроме того, открыты остатки глинобитных печей с основанием в виде каменной кладки.

Несколько селищ первых веков II тысячелетия н. э. выявлены Э. Ю. Тыниссоном в западной части Эстонии, в Хаапсалуском районе (Тыниссон Э., 1974а, с. 93—95). Обнаруженные остатки селищ, по мнению их исследователей, являются местами отдельных домохозяйств или небольших селений, состоявших из нескольких хозяйств. Следовательно, можно полагать, что в начале II тысячелетия н. э. происходило существенное изменение характера сельских поселений. Поселения с плотной застройкой, свойственные второй половине I тысячелетия н. э., сменялись новыми селениями, разделенными на отдельные хозяйства или группы немногочисленных хозяйств, которые стали характерными для развитого средневековья.

Среди прочих выделяется неукрепленное поселение Олуствере, расположенное на севере древней земли Сакала, в 20 км севернее г. Вильянди, и устроенное на относительно ровном участке, который примыкает к неглубокой долине с ручьем. Площадь поселения свыше 2 га. Археологические раскопки, произведенные в 1978—1982 гг. (Лави А., Соколовский В., 1980, с. 387—390; Лави А., Лаул М., Соколовский В., 1981, с. 411—415) показали, что жилищами здесь служили наземные срубные постройки размерами от 6×4 до 8×4 м. Отдельные жилища имели фундаменты, сложенные в ряд из валунов. Выявлены отопительные устройства двух

типов. Преобладают очаги — скопления булыжных камней, сильно разрушенных огнем. В основании они имели овальную, реже четырехугольную форму и были углублены на 10—20 см. Другим типом отопительных устройств служили печи-каменки, характеристика которых будет дана позже.

При раскопках поселения зафиксировано домашнее производство железа в глиняных горшках и обычных печах. Найдены также каменная литейная формочка (табл. V, 19) и обломок тигля. Керамический материал памятника состоит в основном из фрагментов гончарных профилированных сосудов, часто с линейным и волнистым орнаментом. В незначительном количестве встречается лепная керамика — толстостенные, слабопрофилированные сосуды баночной формы с неровной поверхностью. Среди вещевых находок с поселения Олуствере имеются орудия труда и домашнего обихода (ножи, ножницы, пилы, точильные камни), бронзовые украшения, ледоходные шипы и др. Датируется поселение в основном XI—XIV вв. В 1978 г. здесь найдены два монетных клада — один был зарыт в 90-х годах XI в., другой — в третьей четверти XIV в. (Молвыгин А., Соколовский В., 1979, с. 392—394; Соколовский В., 1979, с. 395—398).

Во второй половине I тысячелетия н. э. продолжали существовать или возникали заново укрепленные поселения — городища. Они сооружались в местах, защищенных природой, — на мысах, изолированных холмах. Размеры жилых площадок городищ невелики — до 1000 кв. м. Более крупные размеры имели единичные поселения — Тарту, Отепя, Кантсияги.

Как правило, городища того времени укреплены слабо. Земляные валы насыпались по краям поселений, имевших слабую крутизну склонов. На некоторых поселениях зафиксировано искусственное увеличение крутизны склонов.

Одним из характерных городищ рассматриваемого периода является Рыуге в Выруском районе, на юго-востоке Эстонии (табл. VI, 4). Устроено оно было на узком мысу. С напольной стороны городища насыпан вал высотой около 3 м и вырыт ров. Площадь поселения около 1000 кв. м, культурный слой толщиной 0,4—1 м (Шмидехельм М. Х., 1959, с. 154—185).

Раскопками выявлены следы наземных бревенчатых жилищ размерами от 3×4,5 до 5×7 м. Они располагались по краям поселения, а середина его оставалась незастроенной. Такая же планировка была, по-видимому, и на городище Унипи-ха. Во всех жилых постройках в одном из углов или посередине находились очаги тех же типов, что были упомянуты при характеристике селищ.

Другие небольшие городища эстов, как, например, Унипи-ха, Кививаре, Пеэду, дали материалы, совершенно сходные с рыугескими.

Глиняная посуда городищ, как и синхронных с ними селищ, изготовлена без применения гончарного круга (табл. VII, 24—29). М. Аун подразделяет ее на две основные группы. Преобладают (до 75—80%) фрагменты слабопрофилированных баночных сосудов с тонкими стенками, иногда с маленькими отверстиями на шейке. Сосуды второй группы имеют те же формы, но отличаются от керамики

первой группы примесью мелкой дресвы и песка, лучшим обжигом и более качественной обработкой. Некоторые из этих сосудов украшены ямочным орнаментом. Вместе с баночными сосудами этих двух групп на поселениях встречаются круглодонные миски (табл. VII, 24, 28), часто с лощеной поверхностью. Вся эта керамика в археологической литературе называется рыгеской.

На восточной окраине Таллина находится городище Иру, исследовавшееся в течение нескольких сезонов в 30-х годах (Vassag A., 1939, lk. 53—100). Оно имеет две укрепленные площадки — северную и южную, разделенные валом. Во второй половине I тысячелетия н. э. укрепленное поселение существовало на северной площадке. Валы, как установлено раскопками, имеют в основе стены, сложенные из плитнякового камня насухо. В ходе раскопок городища были открыты очаги, устроенные из камней, следы от деревянных столбов, тигли, железные шлаки, зерна культурных злаков и многочисленный керамический материал, состоящий из фрагментов крупных сосудов баночной формы и чашевидных сосудов с лощеной или слегка сглаженной поверхностью.

Орудия труда и предметы обихода на эстских поселениях второй половины I тысячелетия н. э. немногочисленны (табл. VII, 1—23). Это — железные ножи, узколезвийные и широколезвийные топоры, пружинные ножницы и шилья, рыболовные крючки, наральник, глиняные пряслица. Довольно многочисленны предметы, связанные с металлообработкой, — тигли, льячки, каменные литейные формочки. В коллекции украшений имеются булавки с треугольной, костьювидной и кольцеобразной головками, браслеты с утолщенными концами, фрагменты шейных гривен с плоскими заходящими концами, железные и бронзовые подковообразные фибулы с завернутыми концами, несколько поясных пряжек и накладок. На некоторых поселениях найдено оружие — наконечники копий, дротиков, стрел, фрагменты мечей.

Раскопки поселений дали ряд костяных предметов. Это, прежде всего, привески-гребни (табл. VII, 5, 6, 11), имеющие параллели среди находок Ладоги, Пскова, Камно. Они имеют резные спинки, иногда с зооморфными изображениями. Костяные фигурки птиц из Рыуге и Отепя (табл. VII, 9) находят аналогии в латгальских древностях. Подобные, впрочем, найдены также в Старой Ладоге и Камно. Нередки также привески из астрагалов бобра.

Городища, расположенные рядом с селищами и составлявшие с ними единый поселенческий комплекс, во второй половине I тысячелетия н. э. были, скорее всего, территориальными и племенными центрами эстов. Находки, обнаруживаемые в них, свидетельствуют о ремесленном производстве, рассчитанном на потребности небольшой округи. На поселениях Рыуге и Кививаре обнаружены арабские монеты VIII—X вв., свидетельствующие о торговых отношениях. Такие поселения просуществовали до XI в. включительно.

Городища, вблизи которых нет следов селищ, рассматриваются эстонскими исследователями как поселения отдельных зажиточных семей. Ярким примером наиболее позднего (XI—XII вв.) из таких

городищ является укрепленное поселение Коновере в 80 км юго-западнее Таллина. Устроено оно на конце невысокой гряды, размеры площадки 60×30 м. Раскопками выявлены остатки деревянной стены по периметру поселения. Керамика лепная. Получен интересный вещевой материал и данные по домостроительству. Площадка поселения была плотно застроена жилыми и хозяйственными постройками (Тыниссон Э., 1972а, с. 447; 1973, с. 403, 404; 1974б, с. 416, 417; 1975б, с. 88—94).

О выделении богатых семей в эстском обществе начиная с середины I тысячелетия н. э. свидетельствуют появление погребений с ценным инвентарем, включающим серебряные украшения и драгоценное оружие, а также клады, в составе которых встречаются дорогие украшения и серебряные чаши византийского производства (Tõnisson E., 1962, lk. 182—249).

В период возникновения в древнеэстонском обществе феодальных отношений, в XI—XII вв., строятся новые городища, отличающиеся от укрепленных поселений предшествующего времени более крупными размерами и значительно более мощными оборонительными сооружениями. Они принадлежат к нескольким типам.

Наиболее известны крупные поселения городского типа. Это Тарту и Отепя в древней земле Уганди, Вильянди — в земле Сакала, Таллин — в Рывала, Варбола — в Харьумаа. Они были опорными пунктами, которые управляли окрестными территориями. Площадь большинства таких городищ превышает 4000 кв. м, а древний Таллин охватывал площадь 6—7 га.

Археологически такие городища изучены пока слабо. Городище древнего Тарту устроено на отроге высокой возвышенности при заболоченной луговой пойме р. Эмайыги. Его площадь 800 кв. м. При раскопках выявлены четыре строительных горизонта (Trummal V., 1964; 1970, lk. 3—32; 1974, lk. 3—37; Труммал В., 1971, с. 265—271). Нижние горизонты памятника относятся ко второй половине I тысячелетия н. э.

К XI—XIII вв. относится третий строительный период, когда насыпь вала была укреплена толстым слоем глины, обновлены были и деревянные сооружения на ней. По-видимому, эта строительная деятельность отражает возникновение города (его древнее название Юрьев). «Повесть временных лет» по этому поводу под 1030 годом сообщает: «...иде Ярослав на чюдъ, и победи я, и постави градъ Юрьев» (ПВЛ, I, 1950, с. 101).

Материал третьего строительного периода существенно отличается от культуры предшествующих горизонтов. Основную массу находок составляет гончарная керамика, характерная для городов Северной Руси. Такая керамика в других памятниках эстов в первой половине и середине XI в. не встречается. Очевидно, что в древнем Тарту с начала XI в. была распространена керамика древнерусского происхождения. Нужно полагать, что она явилась образцом для местных гончаров — в конце XI—XII вв. гончарная посуда древнерусского облика распространяется в земле эстов повсюду.

В слоях XI—XIII вв. Тарту найдены и другие древнерусские вещи — наконечники стрел, витые

браслеты, костяные гребни, пряслице из розового шифера, ключи, замки и фрагменты амфор.

Вместе с тем эстонские археологи полагают, что в Тарту до похода князя Ярослава существовало местное ремесленное и торговое поселение, которое постепенно эволюционировало в раннесредневековый город. Князь Ярослав не основал город, а перестроил, усилил его, значительно расширил его культурные связи с Русью.

Городище Варбола расположено приблизительно в 50 км к югу-юго-западу от Таллина. Устроено оно на невысоком известняковом мысу и по периметру защищено валом, сложенным из известнякового плитняка по способу сухой кладки. Площадь поселения около 2 га, длина вала 580 м, высота до 7–8 м. Варбола была важным центром северо-западной Эстонии XIII в. Она неоднократно упоминается в хронике Генриха Ливонского (HCL, XV, 8; XXIII, 9; XXVI, 2, 3, 5; XVII, 3; XXVIII, 7; XXIX, 7) и в древнерусских летописях (Новгородская летопись, с. 52, 251).

Небольшие раскопки этого памятника производились в 1938–1941 и 1953 гг. (Laid E., 1939, lk. 183–215; Moora H., 1955, lk. 84–87). С 1974 г. начались серьезные исследования поселения (Селиранд Ю., Тыниссон Э., 1978а, с. 90–94; 1978б, с. 462; Тыниссон Э., 1981, с. 384; Тыниссон Э., Селиранд Ю., 1978, с. 358–360; 1979, с. 485). Культурный слой городища имел толщину 30–40 см и частично был потревожен при неоднократной вспашке. Зафиксированы остатки наземных срубных построек с печами-каменками. В средней части городищенской площадки располагался колодец глубиной 14 м.

Обнаружено большое количество вещевых находок, относящихся к XII–XIII вв. Среди них орудия труда (ножи, серп, коса, жернов, тигли, льячки), бытовые предметы (кресала, ножницы, точильные бруски), оружие (наконечники стрел, дротика), многочисленные украшения.

Основную часть керамического материала составляли фрагменты лепной посуды. Это слабопрофилированные сосуды с желтоватой поверхностью, хорошего обжига, с примесью песка и мелкой дресвы в глиняном тесте. Орнаментированы были лишь единичные экземпляры (шнуровым или решетчатым узором). Есть обломки сосудов с лощеной поверхностью. Лепная керамика на севере и северо-западе Эстонии бытовала, очевидно, до XIII в. включительно. Черепки гончарной посуды, во многом близкой древнерусской, составляли около четверти керамического материала памятника.

Небольшой материал по этому типу городищ дали раскопки в Отепя. Это одно из самых мощных городищ Эстонии, устроенное на высоком холме с крутыми склонами. Площадь его 3500 кв. м. Заселено оно было еще во второй половине I тысячелетия. К XI–XIII вв. принадлежат булавы с крестовидной головкой, подковообразные фибулы, бронзовый наконечник ножен меча, железные наконечники стрел и др. Новгородцы именовали это поселение «Медвежья голова». Оно неоднократно упоминается в русских летописях начиная с 1116 г. (Новгородская летопись, 1950, с. 20, 40, 52, 57, 66, 72, 73, 79, 204, 231, 250, 258, 272, 281–283, 356, 451, 459).

Археологические раскопки в Таллине пока незначительны (Тараканова С. А., Саадре О. В., 1955, с. 31–45; Tamm J., 1976, S. 74–76; 1979, S. 385–389; 1980, S. 391–394; Deemant K., 1979a, S. 390–392), тем не менее они дали интересные материалы для характеристики городской культуры эстов, особенно периода развитого средневековья, и позволили исследователям заключить, что уже в X–XI вв. в районе Ратушной площади и на Вышгороде существовало эстское ремесленно-торговое поселение городского типа, ставшее в XII в. городским центром. Под именем Колувань оно названо на карте и в сопроводительном тексте, составленном в 1154 г. известным арабским географом Абу-Абд-Аллах-Мохаммед Идриси (Moora H., 1953, lk. 167–180).

Менее крупные городища являются замками местной феодализирующейся знати или центрами древних кихелькондов. Примером замков может служить городище Лыхавере в 25 км севернее г. Вильянди. Это замок Лембиту, «военачальника и старейшины», как называет его «Хроника Ливонии». Он играл выдающуюся роль в борьбе против вторгшихся в страну крестоносцев. В 1217 г. по его призыву со всех эстских земель для борьбы с захватчиками собралось многочисленное войско. В «Хронике Ливонии» замок Лембиту упоминается под названием Леоле.

Городище Лыхавере площадью 1500 кв. м устроено на останце в низкой местности и с северо-запада защищено валом. Оно раскапывалось в 1937–1941 и 1956–1962 гг. под руководством Х. А. Моора (Moora H., Saadre O., 1939, lk. 139–182; Moora H., 1955, lk. 73–78; 1967, S. 84–88; Tõnisson E., 1965). Раскопками установлено, что поселение было обнесено бревенчатой стеной, проходящей в 4–6 м от краев. Углы стены были срублены «в чашку», подпиралась стена с внутренней стороны толстыми вертикальными столбами, а с внешней стороны вплотную примыкала к земляному валу. С внутренней стороны к стене были пристроены столбовые хозяйственные постройки.

В юго-восточной части городища в оборонительной стене и в земляном валу был устроен крытый проход шириной 0,8 м. Для этого были поставлены семь столбов, а вал по обеим сторонам прохода был сложен из плитнякового камня. Ход вел к колодцу (сруб из березовых бревен), расположенному у подножия городища. На позднем этапе жизни колодец глубиной 9,5 м (сруб из сосновых бревен) располагался на площадке городища.

Раскопки в Лыхавере дали интересные материалы для изучения домостроительства средневековых эстов. Керамика поселения почти вся гончарная. Вещевая коллекция включает косы-горбуши, наконечники копий и стрел, в том числе арбалетных, ножи, удила и многое другое. Датируется поселение концом XII – началом XIII в.

К городищам того же типа принадлежит Наану близ г. Вильянди (Moora H., 1955, lk. 78, 79), Сиинялику в том же районе (Moora H., 1955, lk. 79, 80; Selirand J., 1972, lk. 273–278), Лоху на восточном берегу р. Кейла (Тыниссон Э., 1976б, с. 66–69) и др.

Городище Соонтагана в 35 км северо-западнее Пярну упоминается не раз в «Хронике Генриха Ла-

тышского» как центр древнего кихельконда. В 1210 и 1216 гг. оно осаждалось немецкими захватчиками. Устроено оно на невысокой моренной гряде среди обширного болота (площадь около 3000 кв. м). Пройти и проехать на городище можно было лишь по бревенчатой дороге.

В 1966—1971 гг. раскопочные исследования на городище производил Э. Ю. Тыниссон (Шмидехельм М., 1968, с. 283, 284; Селиранд Ю. Я., 1969, с. 386; Тыниссон Э. Ю., 1970б, с. 344, 345; 1971, с. 353, 354; 1972б, с. 446, 447; Tõnisson E., 1977, lk. 662—667). Прорезка вала показала, что в нем содержались деревянные срубные конструкции, а на последнем этапе был сооружен каменный вал. Раскопочными работами на площадке поселения выявлены остатки жилых и хозяйственных построек, собран богатый вещевой материал.

Раскопки средневековых поселений дали возможность во всех деталях изучить эстские жилища (Седов В. В., 1975, с. 286—290; Тыниссон Э., 1980, с. 67—78; Tõnisson E., 1981, lk. 43—56). Это — наземные срубные дома, под нижние венцы которых иногда подкладывались камни. Полы были земляными, дощатыми или вымощенными плитняковым камнем. Каменные настилы иногда устраивались перед входом в жилище. Крыши были двухскатными или четырехскатными. Для покрытия использовались дерн, солома, тростник или плахи.

Для эстского жилища характерно угловое положение печей. Господствовали печи-каменки, которые подразделяются на глухие (они не имели отверстий, и дым выходил через устье топки) и печи с керисом (отверстиями сверху и частично с боков). В Рыуге обнаружена пока единственная глиняная сводчатая печь. Печи строились обычно на уровне пола, а иногда на немного приподнятом основании из песка или камней.

Наряду с домами, отапливаемыми печами, в первых веках II тысячелетия н. э. продолжали бытовать жилые постройки с открытым очагом. На городищах Иру и Коновере такие постройки доминировали, на Лыхаверском поселении — составляли небольшой процент.

В XIII—XIV вв. в Эстонии появляются и первые каменные строения — замки, башни, церкви, ратуши, светские здания. С конца XIII в. руководящую роль в этом строительстве играл Ливонский орден. Многие сооружения того времени, часто со следами более поздних перестроек, дошли до нашего времени и исследуются историками архитектуры (Вага В. Я., 1980). Археологическими раскопками этих памятников уточняются детали, хронология и т. п. (Selirand J., 1974a, S. 96—101).

К эпохе средневековья принадлежат также культовые памятники эстов. Это многочисленные культовые камни с выдолбленными ямками, использовавшиеся эстами-язычниками для поклонений и приношений, очевидно, с глубокой древности, и священные роцци (Tallgren A. M., 1925, S. 166—171).

Эсты как самостоятельное этноплеменное образование сформировались еще в раннем железном веке (Моора Х. А., 1956, с. 107—117). Древние кихельконды, как уже говорилось, сложились на основе древних эстских племен. Однако археологические материалы, относящиеся к раннему средневековью, не

дают оснований для определения регионов эстских племен. Имеется попытка выделения древних племен на основе более ранних археологических данных (Моора Х. А., 1954б, с. 95—118; Шмидехельм М. Х., 1956, с. 172—186).

Ливы

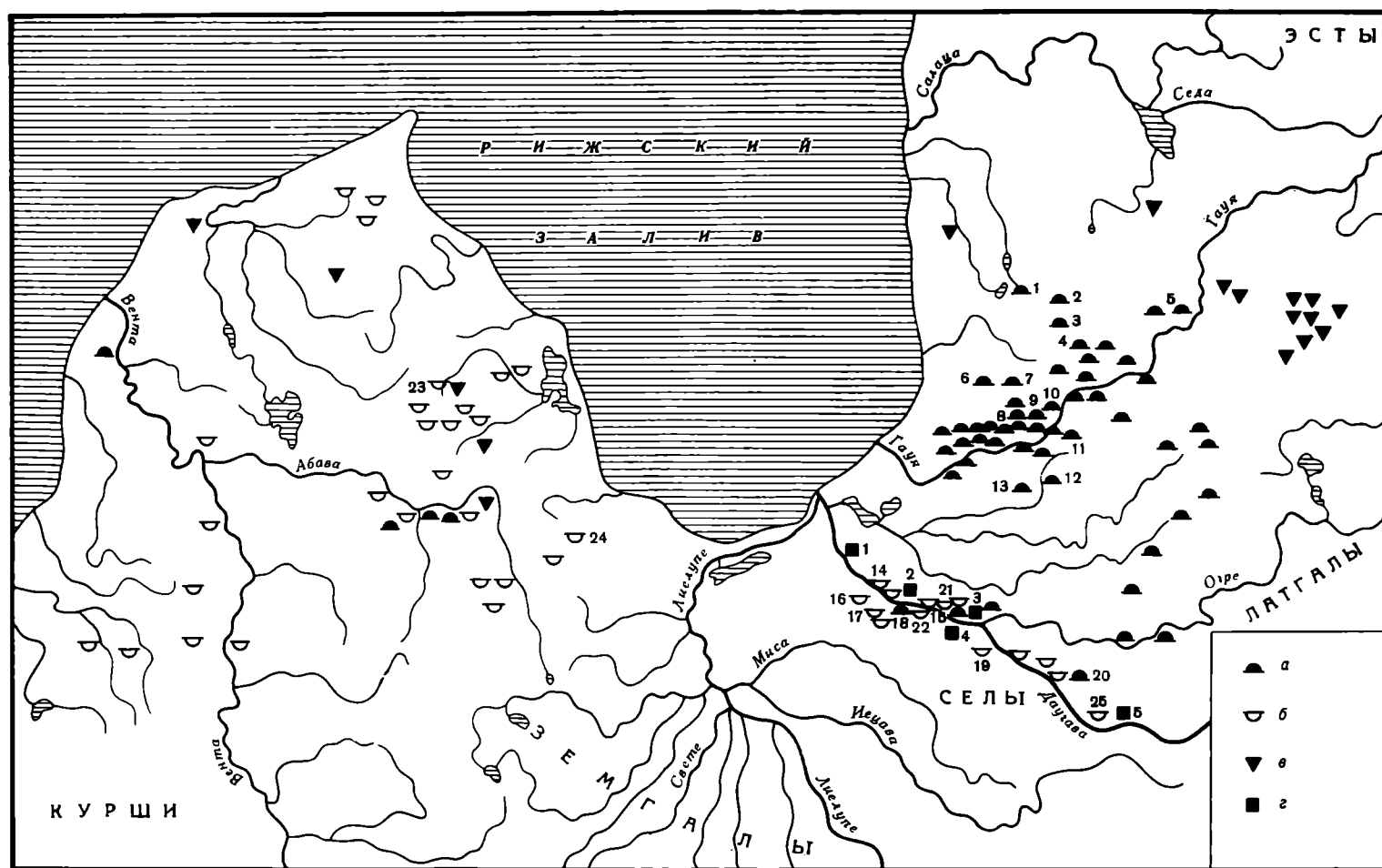
Ливы проживали к югу от эстов (карта 3). Основной территорией их были земли, прилегающие к Рижскому заливу, в бассейнах Даугавы и Гауи, а также в северной части Курземского полуострова. В «Повести временных лет» ливы (либь) упоминаются и в перечне племен Восточной Европы, и среди племен, плативших дань Руси (ПВЛ, I, 1950, с. 10, 13). Во второй половине XII в. в низовьях Даугавы появились немецкие торговцы и миссионеры, а на рубеже XII и XIII вв. земля ливов стала ареной военных походов крестоносцев. На берегах Даугавы и Гауи немцам удалось создать опорные пункты для продолжения агрессии в Прибалтике. От этнонима «ливы» значительная часть Прибалтики с XIII в. получила название Ливония. Неудивительно поэтому, что в письменных источниках, в частности в «Хронике Ливонии» Генриха Латвийского, ливам уделено много внимания.

По словам Генриха Латышского, ливы по внешнему облику очень близки к эстам и немцы не всегда могли различать их. Однако ливский язык заметно отличается от эстонского и других прибалтийско-финских языков как словарным составом, так и старыми фонетическими особенностями (Аристе П. А., 1956, с. 15; 1958, с. 31—40).

Территория, заселенная ливами в первых веках II тысячелетия н. э., на основании анализа исторических источников, данных лингвистики и топонимики, в общих чертах была определена А. Биленштейном в книге об этнической и исторической географии территории Латвии (Bielenstein A., 1892).

Курганные могильники даугавских и гауйских ливов уже в XIX в. привлекли внимание и археологов, и любителей старины. Раскопками этих памятников занимались в 30—40-х годах прошлого столетия Ф. Крузе (Kruse Fr., 1842, S. 2, 3), К. Вольф, К. Напирскис и И. Бэр (Bähr J. K., 1850). Исследованы были десятки курганов около Кримулды, Сигулды и Айзкраукле. Раскопки насыпей ограничивались вскрытием центральных частей и извлечением могильного инвентаря.

К 70-м годам XIX в. относятся раскопки К. Сиверса, К. Гревингга и И. Розена, затронувшие курганные могильники в окрестностях Кримулды, Турайды, Аллажи и Сигулды (Приедас, Пурицас, Сакнитес, Саксукалнс, Таленс). Информация о результатах этих работ печаталась в изданиях Эстонского научного общества (Sb. GEG, 1870, S. 100; 1873, S. 100; 1874, S. 112—115, 159—160; Grewingk C., 1875, S. 46—50; Sb. Riga, 1896; RK, 573—579). Исследования эти заинтересовали немецкого антрополога Р. Вирхова, который определял памятники как ливские и вслед за К. Гревинггом датировал их IX—XIII вв. (Virchow R., 1877, S. 365—369). Ливские памятники в северной Курземе изучались значительно слабее. Можно назвать лишь раскопки

Карта 3. Памятники ливов

a — курганы: 1 — Эйкени-Умургас; 2 — Звиедрукалнс; 3 — Звейниекс; 4 — Пуригас; 5 — Бундес; 6 — Бирини I; 7 — Бирини II; 8 — Кримулда; 9 — Турайда I; 10 — Турайда II; 11 — Сигулда; 12 — Аллажи I; 13 — Аллажи II; b — грунтовые могильники: 14 — Лаукскола; 15 — Кабелес; 16 — Раупи; 17 — Вампениеши I (Доле); 18 — Вампениеши II; 19 — Нарини; 20 — Лиелпечи; 21 — Зарини; 22 — Балдонес Лаури; 23 — Талсы; 24 — Тукумс; 25 — Айзкраукле; c — каменные могильники; d — важнейшие поселения: 1 — Рига; 2 — Саласпилс; 3 — Икшкиле; 4 — Даугмале; 5 — Айзкраукле

А. Биленштейна у Кандавы (Bielenstein A., 1884b, S. 306–310).

В 80-х годах характерные предметы из ливских могильников были изданы в Атласе финно-угорских древностей Ю. Р. Аспелина (Aspelin J. R., 1884, № 2003–2114).

Наиболее значительные исследования ливских памятников относятся к концу 80-х и 90-м годам XIX в. Курганы в бассейне Гауи (Аллажи, Кримулда, Сигулда, Турайда) стали объектами раскопок Р. Гаусманна, Г. Лоешке и Л. Шредера (Sb. GEG, 1894, S. 115; Sb. Riga, 1890, S. 74–80, 1891, S. 92, 104). В том же регионе в 90-х годах курганы ливов раскапывались А. Бухгольцем и Р. Якшем (Buchholtz A., 1900, S. 119–130; Sb. Riga, 1894, S. 100; 1895, S. 50; 1897, S. 100).

Итоги археологического изучения ливских древностей в XIX в. были подведены Р. Гаусманном во введении к каталогу археологической выставки, устроенной в 1896 г. в связи с X Археологическим съездом в Риге (Hausmann R., 1896a, S. XXXIV). В опубликованном каталоге содержатся все вещевые

находки из ливских памятников, собранные к тому времени в музеях Риги и Тарту. В связи с Археологическим съездом в августе 1896 г. были произведены раскопки 25 курганов в богатом ливском могильнике Путели близ Турайды (Sb. Riga, 1896, S. 96, 102, 103, 168–171; Поездка в Трейден, 1896, с. 65–70; Hausmann R., 1909, S. 26–28).

Изучением ливских памятников в эти годы занимался также С. К. Богоявленский. Он участвовал в раскопках курганов в Путели, а также исследовал памятники ливов около Кандавы в Курземе (Богоявленский С. К., 1900, с. 92). В 1897 г. раскопки в Кабели на берегу Даугавы производил А. Бухгольд (Hausmann R., 1909, S. 26).

В начале XX в. курганные могильники ливов в окрестностях Турайды, Кримулды и Сигулды обследовались А. А. Спицыным, которому принадлежит небольшая обзорная статья об этих древностях (Спицын А. А., 1904, с. 61–64).

К первым десятилетиям XX в. относятся также исследования М. Эберта по систематизации прибалтийских древностей, в которых научному анализу подверглись и ливские материалы (Ebert M., 1913, S. 100).

Ливские курганы Видземе, а также грунтовые могильники даугавских ливов активно исследовались в буржуазной Латвии в 20–30-х годах. Среди этих работ следует отметить раскопки Э. Штурмса и В. Гинтерса 1928 г. на могильнике Вайнижи, исследования Э. Штурмса (1929 г.), Х. Риекстиньша (1931 г.) и Н. Пурпетере (1939 г.) в Скривере, изыскания В. Гинтерса (1936 и 1937 гг.) на могильнике Лаукскола, Э. Д. Шноре (1936 г.) — курганов

Аллажи и Мазстраупе и Р. Шноре (1938 г.) — в могильниках Икшкиле и Малпилс (Лембург). К сожалению, материалы этих раскопок остались в основном не опубликованными. В печати имеется только информация о результатах полевых исследований В. Гинтерса (Ginters V., 1938, S. 118—125).

В этот период раскопками изучались и ливские древности в Курземе. Курганы ливов в Тоятыоколо Сабиле в 1923 г. раскапывали М. Эберт и Э. Штурмс, а в 1928 г. — Ф. Балодис и А. Карнупс (Sturms E., 1936a, 100 lpp.). Другой курганный могильник — Криеву-Кани в 1928 г. раскапывался Ф. Балодисом и Э. Д. Шноре, а в 1936 г. — Э. Д. Шноре (Šnore E., 1937, 50 lpp.). Продолжены были исследования каменного могильника Рейнас Х. А. Моора, Б. Нерманом и Ф. Якобсоном (Jākobson F., 1929—1930, 100 lpp.; Balodis Fr., 1930, S. 50).

Значительные археологические материалы региона расселения ливов были обобщены и исторически осмыслены латышскими археологами 30-х годов. Ф. Балодис попытался проследить границу между ливами и балтскими племенами в разные периоды их истории в пределах территории Латвии (Balodis Fr., 1933, S. 24—34; 1935). В работе Э. Штурмса была охарактеризована культура как даугавских и гауйских ливов, так и ливов Курземе. Исследователь предпринял попытку воссоздать этническую историю этого племени (Sturms E., 1936b, S. 25—50). Вопросы истории средневековых ливов анализировались и Э. Д. Шноре (Šnore E., 1935, 100 lpp.).

После окончания второй мировой войны исследование археологических памятников ливов было продолжено и велось широко и плодотворно. Уже в 1945 г. А. Карнупс производил раскопки курганов в Кримулде. В 1959—1964 гг. курганные могильники гауйских ливов (Лиепенас, Приедас, Чиекури) раскапывались совместной экспедицией Института истории Академии наук Эстонской и Латвийской ССР под руководством Э. Ю. Тыниссона, Я. Я. Граудониса, Э. С. Мугуревича (Тыниссон Э. Ю., Граудонис Я. Я., 1961, с. 37—54; Граудонис Я. Я., Тыниссон Э. Ю., 1963, с. 241—252; Тыниссон Э. Ю., Мугуревич Э. С., 1965, с. 24—26; Tõnisson E., 1966, lk. 85—111).

Большое внимание было уделено исследованиям поселений ливов. Среди них прежде всего нужно назвать раскопки городища и селища Кентескалнс, произведенные в 1954—1958 гг. под руководством А. Я. Стубавса (Стубавс А. Я., 1959, с. 186—221; Stubavs A., 1957, 21—43 lpp.; 1976b).

Значительные раскопочные работы произведены латышскими археологами на поселениях даугавских ливов в зонах строительства Рижской и Плавиньской ГЭС. В 1967—1971 гг. А. Я. Стубавс исследовал укрепленное поселение ливов XII—начала XIV в. в Саласпилсе, на месте которого был сооружен замок Ливонского ордена XIV—XVI вв. (Стубавс А., 1970, с. 181—188; Stubavs A., 1968, 72—75 lpp., 1969, 47—51 lpp.; 1970, 59—63 lpp.; 1971, 52—54 lpp.; 1972, 91—96 lpp.). Ливское поселение и грунтовый могильник X—XIII вв. раскапывались в 1967—1975 гг. А. Э. Зариня в Саласпилс Лаукскола (Zariņa A., 1968, 80—82 lpp.; 1969, 59—62 lpp.; 1970a, 73—76 lpp.; 1971, 65—67 lpp.; 1972, 108—110 lpp.; 1973, 76—80 lpp.; 1974, 87—90 lpp.; 1975,

101—106 lpp.; 1976, 100—104 lpp.). Вблизи Саласпилса на о-ве Доле при хут. Рауши селище раннефеодального периода (X—XIII вв.) в 1969—1974 гг. исследовалось Э. Д. Шноре. Одновременно было вскрыто 112 захоронений в ливском могильнике, расположенном по соседству с поселением. В 1966—1974 гг. под руководством той же исследовательницы раскапывались два больших ливских могильника в Вампениеши на о-ве Доле (Šnore E., 1967, 38—40 lpp.; 1968, 75—76 lpp.; 1969, 51—55 lpp.; 1970, 63—67 lpp.; 1972, 96—99 lpp.; 1973, 59—63 lpp.; 1974, 68—71 lpp.; 1975, 85—86 lpp.; Daiga J., Šnore E., 1971, 41—43 lpp.; Daiga J., 1972, 60—64 lpp.).

В Икшкиле Я. Я. Граудонисом в 1968—1975 гг. исследовался каменный замок ливонского времени. На его месте было открыто и изучалось древнее поселение ливов. По соседству, у хут. Зарини на берегу Даугавы, раскапывались грунтовый могильник ливов XI—XII вв. и более поздние кладбища (Graudonis J., 1969b, 32—34 lpp.; 1970, 47—50 lpp.; 1971, 36—38 lpp.; 1973b, 39—42 lpp.; 1974, 28—36 lpp.; 1975, 34—39 lpp.; 1976, 49—56 lpp.).

Под руководством В. А. Уртана в 1971—1976 гг. раскопками исследовались городище, форбург, посад и могильники в Айзкраукле на правом берегу Даугавы. В X—XIII вв. население этого региона было смешанным — на одних и тех же поселениях жили ливы и латгалы (Urtāns V., 1972, 99—103 lpp.; 1973, 66—71 lpp.; 1974a, 74—77 lpp.; 1976, 87—91 lpp.; 1977, 64—68; Urtāns V., Briede J., Urtāns J., 1975, 86—93 lpp.).

Интересные результаты получены благодаря раскопкам И. В. Дайги ливского неукрепленного поселения XI—XIV вв. в Кабелес на правом берегу Даугавы (Daiga J., 1973, 30—34 lpp.).

Культурные отложения ливских поселений исследовались при изучении каменных замков в Вецдоле (Atgāzis M., 1968b, 48—52 lpp.), Турайде (Graudonis J., 1980, 57—62 lpp.; 1982, 76—84 lpp.), Лиелварде (Zariņa A., 1977, 76—80 lpp.) и др.

Одним из интереснейших средневековых поселений в земле ливов является Рига. Археологические материалы, полученные в последние десятилетия, показывают, что недалеко от впадения речки Риги в Даугаву в XI—XII вв. существовал торгово-ремесленный поселок, а недалеко от Даугавы, в том месте, где позднее был сооружен Домский собор, находился рыбацкий поселок ливов (Вилсоне М. Р., 1952, с. 123—134; 1967, с. 9—29; Vilsone M., 1965, 9—27 lpp.; Caune A., 1971, 33—35 lpp.; 1972, 47—53 lpp.; 1974a, 58—61 lpp.; 1975a, 12—17 lpp.; 1977a, 20—24 lpp.; 1985).

Среди могильников даугавских ливов, исследованных в последние десятилетия, следует назвать еще Липшенский, который раскапывался в 1973—1975 гг. И. В. Дайгой (Daiga J., 1974, 21—25 lpp.; 1975, 24—29 lpp.; 1976, 39—46 lpp.), Нарини — у впадения речки Личупе в Даугаву, — раскапывавшийся в 1968 г. М. Атгазисом (Atgāzis M., 1969b, 22—24 lpp.). Менее значительные раскопки производились и на ряде других могильников (Лиелрутили, Леясжагари и др.).

Много внимания уделялось прибалтийскими археологами в послевоенные годы и историко-культурным

обобщениям. Значительную роль в развитии латышской археологии сыграл труд Х. А. Моора по древностям Латвии, в котором рассматривались и ливские археологические памятники (Моора Н., 1952). В одной из статей Х. А. Моора рассмотрел на археологических данных взаимоотношения между куршами и ливами, жившими на территории северной Курземе чересполосно (Моора Х. А., 1950, с. 34–36). Позднее археологические памятники ливов в Курземе и куршско-ливские взаимоотношения были проанализированы Э. С. Мугуревичем (Мугуревич Э. С., 1970, с. 21–36). Этим же исследователем изучались вопросы, касающиеся торговых и культурных отношений ливов с соседями (Мугуревич Э. С., 1965; Muguļevičs E., 1961, 61–79 lpp.).

Обобщающая работа по истории ливов Видземе, в которой были проанализированы все археологические материалы и привлечены данные смежных наук, выполнена Э. Ю. Тыниссоном (Тыниссон Э. Ю., 1968; 1970, с. 204–209). Монографическому анализу древностей XI–XIII вв. гаульских ливов посвящена книга Э. Ю. Тыниссона (Tõnisson E., 1974). Обращался этот исследователь и к древностям I тысячелетия н. э. в связи с изучением истории ливов (Тыниссон Э. Д., 1966, с. 114–116). В последнее время ливские древности получили освещение в коллективной монографии по археологии Латвии (*Latvijas arheoloģija*, 1974, 191–204 lpp.), а вопросы этногенеза ливов в целом рассмотрены А. Я. Стубавсом (Стубавс А. Я., 1977, с. 50–54).

Археологических материалов, относящихся ко второй половине I тысячелетия н. э., в западной части Видземе, там, где в X–XIII вв. письменные источники фиксируют ливов, собрано пока немного. Выделяются лишь городище и селище Кентескалнс, подвергшиеся детальному археологическому исследованию. Результаты раскопок представляют собой ценный источник для изучения истории населения нижнего течения Даугавы во второй половине I тысячелетия н. э.

Городище и селище Кенте расположены на восточной окраине г. Огре, в 40 км от Риги. Устроено городище посреди моренной гряды, которая с двух сторон ограничена болотами и имеет почти отвесные склоны высотой 26–28 м, а с северной и южной сторон защищено двумя-тремя валами. Основная площадка городища четырехугольной формы занимает 1400 кв. м. Между двумя южными валами имеется еще небольшая площадка. За валами расположена его неукрепленная часть (около 2 га).

Как уже отмечалось в 1954–1958 гг. памятник исследовался А. Я. Стубавсом (Stubavs A., 1976b). На городище раскопано 6880 кв. м, на селище — 10 180 кв. м. Нижние напластования культурного слоя относятся к I тысячелетию до н. э. и к первой половине I тысячелетия н. э.

В истории городища Кенте V–IX вв. выделяется три периода. На раннем этапе городище по периметру было защищено бревенчатой стеной, устроенной из вертикально стоящих столбов и горизонтально положенных бревен между ними. Стена проходила по верху валов и по краям городищенской площадки. Городище валами и стенами разделялось на две части — малую площадку и большую. В наиболее опасных местах, кроме того, стояли срубные башне-

образные постройки. С юга городище прикрывала дополнительная защитная стена срубной конструкции.

Постройки раннего этапа были наземными, срубными, с крупными, углубленными в землю очажными ямами. В качестве жилья использовались также оборонительные срубные пристройки, отапливаемые печами-каменками. Вещевые находки датируют этот этап V/VI–VII вв.

На втором этапе планировка поселения остается прежней. Были увеличены в высоту валы с южной стороны. Внутри их были устроены каркасы из бревен, которые клались в четыре-пять ярусов в перекрещивающихся направлениях. Наземные оборонительные конструкции того времени не сохранились. Выявлены остатки срубного жилища размерами 3 × 4 м с печью-каменкой в срединной части. Дата этого периода VII–VIII вв.

На третьем этапе, в VIII — начале IX в., были проведены значительные земляные работы: насыпаны высокие валы, увеличена крутизна склонов. Внутри валы имели каркасы из срубов в два ряда. Остатки наземных сооружений не сохранились. А. Я. Стубавс полагает, что они представляли собой срубные стены, усиленные врытыми в землю столбами. Жилые постройки были срубными, с печами-каменками или очагами.

Раскопками на селище выявлены жилища двух типов — наземные, встреченные по всей территории поселения, и заглубленные в грунт, концентрирующиеся вблизи валов. Полуземлянки, в свою очередь, делятся на два типа — небольшие (10–16 кв. м) четырехугольные и овальные (20–28 кв. м), незначительно углубленные. Отапливались полуземлянки очагами, располагавшимися в срединной части. Наземные постройки имели размеры от 4 × 4 до 4,5 × 5 м. Это срубные дома (рубка в «обло») с пазами, промазанными глиной. В раннее время они сосуществовали с полуземлянками, в VIII в. господствуют наземные жилища. Отапливались наземные дома печами-каменками или очагами. Раскопками зафиксированы также летние кухни столбовой конструкции и шалаши.

Основой хозяйства обитателей городища и селища Кенте было сельское хозяйство. Земледелие было подсечным, и важным орудием труда здесь были железные топоры двух типов — втульчатые и узколезвийные. Серпы для уборки урожая применялись двух типов — одни из них имели слабоизогнутое лезвие и прямой черенок, другие — значительно изогнутые, с зубчатым лезвием. Состав культурных растений, судя по материалам, собранным в раскопах и обработанным А. П. Расиньшем, следующий: ячмень (69%), пшеница (14,7%), горох (11,6%), бобы, рожь, овес (Расиньш А. П., 1959, с. 324, 325, табл. IV, 1).

О роли животноводства говорит остеологический материал. 85,9% костей на городище и 90,4% на селище принадлежат домашним животным. Первое место занимает крупный рогатый скот (55%), далее следуют лошадь (11–30%), мелкий рогатый скот (11–22%), свинья — (6–11%). Среди объектов охотничьей добычи имеются бобр, куница, лось, кабан, заяц, косуля, медведь.

Из рыболовных принадлежностей найдены только крючки с бородкой и без нее.

Раскопки в Кенте зафиксировали следы ремесленной деятельности. На селище открыт куполовидный железоплавильный горн с фрагментами сопел. Место кузницы с большими клещами и другим инвентарем обнаружено на селище у подножия холма. Технологический анализ изделий из Кенте показал высокий уровень кузнечного мастерства — кузнецы были знакомы с ковкой, сваркой, цементацией, закалкой и другими приемами термической обработки железа и стали (Anteins A., 1957, 100 lpp.). Кроме клещей, были найдены зубила и напильники.

На селище исследованы очаги бронзолитейщиков-ювелиров, а также найдены тигли, льячки, литейные формы, зубила, напильники. Ремесленники применяли литье, ковку, гравировку, штамповку, пайку, сверление, клепку и полировку металлов.

Вся керамика Кенте изготавливалась без применения гончарного круга, но иногда с вращаемой деревянной подставкой. Основная форма сосудов — слабопрофилированные горшки с рельефным бортиком в верхней трети. Реже встречаются усеченно-конические невысокие сосуды с таким же бортиком сверху и у дна. Многие сосуды делались с шероховатой поверхностью.

Торговые связи не были развиты. Импортные изделия немногочисленны (янтарь, стеклянные бусы с Ближнего Востока).

Касаясь вопроса об этнической принадлежности населения Кенте, А. Я. Стубавс высказывает предположение о том, что оно было смешанным, латгальско-земгальско-ливским. Формы большей части древностей и керамика принадлежат к характерным для латгалов и земгалов. Отдельные вещи могут быть отнесены к прибалтийско-финским (например, железный выпуклый браслет, втульчатые наконечники копий).

Во второй половине I тысячелетия н. э. на территории Видземе распространяются грунтовые могильники. По своему строению, обрядности и погребальному инвентарю эти памятники идентичны латгальским и, очевидно, оставлены латгалами, продвигнувшимися на север в области расселения прибалтийских финнов. Погребальными памятниками прибалтийско-финского населения северо-западной и центральной Видземе в предшествующее время (первая половина I тысячелетия н. э.) были каменные могильники, напоминающие синхронные кладбища эстов. Вопрос о том, продолжали ли хоронить умерших в видземских каменных могильниках во второй половине I тысячелетия н. э., как это было на территории Эстонии или на севере Курземе, не решен.

Недостаточность археологических материалов для решения этнической ситуации в западной Видземе во второй половине I тысячелетия н. э. позволяет исследователям строить различные предположения. Одна группа ученых высказывает мысль о том, что во второй половине I тысячелетия н. э. в Видземе имело место расселение балтоязычного населения, в процессе которого прибалтийско-финское население было частично вытеснено с прежних мест своего обитания, а частично оказалось ассимилированным пришельцами. Другие исследователи считают, что прибалтийско-финское и латгальское население в западной Видземе в рассматриваемое время жило чересполосно, в процессе продвижения латгальских

этнических элементов сохранялись «островки» прибалтийско-финского населения, а в других местах образовалось смешанное в этническом отношении население. К этому вопросу придется обратиться вновь в связи с рассмотрением проблемы этногенеза ливов.

В X в. в западной Видземе складывается своеобразная и яркая культура ливов (табл. VIII). Количество археологического материала с этого времени резко возрастает. Весьма многочисленные материалы получены в бассейне нижнего течения Даугавы — регионе, где по сведениям «Хроники Ливонии» проживали даугавские ливы.

Погребальными памятниками даугавских ливов являются преимущественно грунтовые могильники. В них преобладают труположения с ориентацией головой на север (с отклонениями на северо-запад или северо-восток). В западной части территории даугавских ливов встречаются и трупосожжения. В могильниках нередко обнаруживаются каменные кладки, а в некоторых могилах вместе с человеком хоронилась собака. Кроме грунтовых могильников, на территории даугавских ливов известны и курганные захоронения.

Одним из характерных грунтовых могильников даугавских ливов является Саласпилс Лаукскола, расположенный на правом берегу Даугавы в 21 км выше Риги. Занимает могильник площадь около 6 га. Еще в 1936 и 1937 гг. здесь было исследовано 23 захоронения. В 1967—1975 гг. под руководством А. Э. Зарини в могильнике вскрыто еще 439 погребений.

Основная часть захоронений — труположения, совершенные в могильных ямах размерами 0,7—1,0×0,4—0,6 м и глубиной 0,8—1,2 м. Умершие ориентированы головами на северо-запад, детские погребения — на юго-восток. В заполнениях ям зафиксированы угольки, дно иногда посыпали белым песком. Над некоторыми захоронениями или вокруг них делались каменные кладки, что считается традицией погребений финского происхождения. Рядом со многими погребениями найдены скелеты собак. В отдельных погребениях с труположениями выявлены остатки гробов, выдолбленных из деревянных колод, некоторые из них выкрашены в белый цвет.

Захоронения по обряду трупосожжения на разных участках могильника составляли от 10 до 50%. Кремация умерших совершалась на стороне. Остатки трупосожжения помещались на могильнике в гнездообразных ямах глубиной 30—50 см. Небольшая часть трупосожжений по расположению инвентаря, ориентации и глубине залегания аналогична труположениям.

Рядом с могилами, как по обряду кремации, так и ингумации, находились ритуальные кострища. В них обнаружены обломки глиняных сосудов и фрагменты предметов, иногда встречаются обломки костей лошади. В кострище около погребения 161 найдены обугленные зерна злаковых растений.

В северной части могильника раскопками выявлено несколько курганных захоронений. Насыпи имели диаметр 7—10 м и содержали по одному погребению по обряду труположения того же типа, что и грунтовые.

Характерным комплексом украшений ливской женщины являются две овальные (черепаховидные) фибулы (табл. IX, 13), соединенные нагрудными цепочками, шейные гривны, ожерелья из разноцветных стеклянных бус, бронзовые браслеты и перстни, железный нож в окованных бронзой украшенных ножнах.

В состав могильного инвентаря мужчин входят предметы вооружения (копья, топоры, шпоры, изредка мечи) и бытовые вещи (табл. V, 1, 2, 17).

В могильные ямы как мужских, так и женских трупоположений ставили глиняные горшки, очевидно с пищей. В ряде погребений (около 10%) встречены монеты (западноевропейские денарии, арабские дирхемы, византийские монеты, персидские драхмы).

Выделяются богатые погребения, свидетельствующие об имущественной и социальной дифференциации населения. Среди них можно назвать из могильника Лаукскола следующие мужские захоронения: 105, где найдены меч, окованный бронзой питьевой рог, копьё, кресало и нож; 286 (наконечник копья; окованный бронзой кожаный пояс, к которому привешены нож и короткий однолезвийный меч в кожаных ножнах, украшенных бронзой; две подковообразные застёжки; пять браслетов; три перстня); 331, принадлежащее мальчику, где найдены копьё, оковка питьевого рога, окованный бронзой кожаный пояс, нож в кожаных ножнах, остатки кафтана, украшенного бронзовыми колечками, четыре браслета; 359 (трупосожжение), сопровождавшееся двумя копьями, двумя мечами, один из которых однолезвийный в окованных бронзой ножнах, топором, ножом, двумя фибулами, двумя браслетами, разновесами от весов, расческой и ключом; 482, в котором найдены меч с серебряной инкрустированной рукояткой, копьё с серебряной инкрустацией, пояс, окованный бронзой.

Среди женских захоронений, содержащих большое количество украшений, можно отметить погребение 120, где найдены две шейные гривны, три ожерелья из различных стеклянных бус и монет, к которым прикреплено нагрудное украшение, состоящее из двух овальных фибул, цепедержателей и девяти рядов цепочек с подвесками, нож в бронзовых ножнах, шесть серебряных и бронзовых браслетов, 10 перстней и украшенная бронзой вилайне. В погребении 480 найдены две шейные гривны, ожерелье из бус и раковин каури, нагрудное украшение, состоящее из двух фибул и шести рядов цепочек с прикрепленными к ним четырьмя подвесками в виде стилизованных фигурок животных, три ключа, янтарная подвеска и амулет (медвежий зуб), четыре браслета, 11 перстней, коробка с иглами. Здесь же обнаружено наплечное покрывало и обмотки ног, украшенные бронзой.

При исследовании могильника зафиксировано несколько символических погребений, не содержащих останков умерших, но с характерным мужским инвентарем.

Инвентарь из могильника Саласпилс Лаукскола характеризует широкие культурные и торговые связи даугавских ливов с западными и восточными землями. Стеклянные бусы, арабские дирхемы, раковины каури свидетельствуют о восточных торговых

связях. Из славянских земель завезены некоторые стеклянные и серебряные бусы, писанка и др. Из Скандинавии происходят фибулы с зооморфным орнаментом, коробковидные фибулы, копья из узорчатой и дамасцированной стали. Но чаще встречаются изделия, изготовленные соседними племенами или находящимися под их влиянием — латгалами, земгалами, куршами; особенно тесные связи выявляются с курземскими ливами.

Аналогичные могильники ливов с богатым инвентарем исследованы и в ряде других мест нижнего течения Даугавы. Таковы, в частности, грунтовые могильники, названные ранее, Вампениеши и Рауши на о-ве Доле, Зарини, Липшенский, Наринский и др.

Важным памятником является Айзкраукльский грунтовой могильник. Материалы его раскопок показывают, что до середины XI в. здесь была распространена ориентировка погребенных, характерная для латгалов (мужчины — головой на восток, женщины — головой на запад). Вместе с тем среди погребений первой половины XI в. нередко встречается ориентация головой на север. С середины XI в. характерная для ливов меридиональная ориентация умерших становится господствующей, и тогда же получают распространение украшения, весьма характерные для ливской культуры.

В Вампениеши исследованы два крупных могильника, расположенные в 300 м друг от друга, один из них грунтовой, другой курганный. В обоих могильниках обнаружены и трупоположения, количественно доминирующие, и трупосожжения. Последние помещались в неглубоких ямках. Захоронения по обряду ингумации находились в грунтовых ямах глубиной 0,7—1,2 м и ориентированы головами на северо-запад. Инвентарь женских погребений типичен для ливов. Нагрудные украшения состояли из скорлупообразных фибул ливского облика, цепедержателей и длинных, свисающих к поясу цепочек, содержатся находки с зооморфным орнаментом, привезенные из Скандинавии. В некоторых женских погребениях курганного могильника нагрудные цепочки крепились не фибулами, а булавами с крестовидной, треугольной или ажурной головкой.

В погребальной обрядности и вещевых материалах даугавских ливов проявляются тесные связи с их восточными соседями — латгалами. Так, общими для этнических группировок являются шейные украшения и браслеты, а также некоторые типы булавок и подвесок. Большинство топоров и черешковых наконечников копий общие для ливов и латгалов. Влияние латгалов проявляется в наличии в некоторых ливских погребениях бронзовых спиральных венков (вайпаги), а также в оформлении одежды бронзой. С другой стороны, при изучении деталей латгальской одежды XII—XIII вв. выявляются элементы влияния ливской культуры (Зариня А. Э., 1980, с. 125—131).

Э. Ю. Тынянов выделил три этапа развития культуры даугавских ливов. Первый период датируется второй половиной X и первой половиной XI в. и характеризуется появлением трупоположений с северо-западной ориентацией и трупосожжений. Характерными вещами являются большие подковообразные застёжки с расширяющимися пуговицеобраз-

ными концами (табл. IX, 4), скорлупообразные фибулы скандинавского происхождения, наконечники копий с узким овальным пером, короткие однолезвийные мечи, лепные горшки, неорнаментированные или с защипным орнаментом. К этому этапу относится часть погребений в таких относительно хорошо исследованных грунтовых могильниках, как Лаукскола, Айзкраукле, Идипи и др.

Второй этап (вторая половина XI — первая половина XII в.) характеризуется появлением наряду с грунтовыми курганными погребениями. Среди тех и других господствуют труположения головой на север или северо-запад. В инвентаре женских погребений доминируют нагрудные украшения, скорлупообразные фибулы, большинство которых принадлежит к местным типам. Помимо шейных гривен, распространяются ожерелья из бус, появляются новые типы подковообразных застежек (табл. IX, 5). Среди наконечников копий теперь наиболее распространенными стали втульчатые. Вместо коротких однолезвийных мечей появляются длинные дву- и однолезвийные. Рукояти мечей нередко украшены серебром. Получают распространение широколезвийные топоры. Широко встречается керамика, изготовленная на гончарном круге. Погребения этого периода известны почти во всех исследованных могильниках.

Третий этап развития культуры даугавских ливов датируется второй половиной XII и первой половиной XIII в. Многие типы украшений, свойственные второму этапу, продолжают бытовать и в это время. Однако число металлических вещей, сопровождающих погребения, заметно сокращается, почти исчезают предметы вооружения. На могильниках появляются первые христианские захоронения, погребения по обряду кремации почти не встречаются. К этому этапу по-прежнему принадлежат и грунтовые, и курганные захоронения.

Вторая группа ливов занимала нижнее течение Гауи с ее правым притоком Брасла. Погребальными памятниками этого региона являются исключительно курганные могильники. Размеры их весьма различны — от небольших, насчитывающих менее десятка насыпей (Стедери, Чиекури) до могильников, состоящих из нескольких сотен курганов (Приеде). Насыпи имеют полусферическую форму, высота их колеблется от 0,1 до 2 м.

Как и в могильниках даугавских ливов, в курганах рассматриваемого региона господствуют захоронения по обряду ингумации, но встречаются и трупосожжения, составляющие 10—20% захоронений. По составу и расположению погребального инвентаря трупосожжения не отличаются от труположений.

Погребения совершались в могильных ямах, расположенных под срединной частью курганных насыпей и изредка на материке. Как правило, каждый курган содержит только одно погребение. Лишь иногда встречаются насыпи с парными или тройными захоронениями. Умерших в гауйских курганах всегда хоронили головой на север. Около захороненных нередко клали камни. Иногда камни выкладывались также вокруг могильной ямы и над ней, что, возможно, объясняется древней традицией прибалтийско-финских племен хоронить умерших в камен-

ных могильниках. Во многих курганах гауйских ливов вместе с человеком погребена и собака.

Для более детального представления об этих памятниках можно рассмотреть два кургана из могильника Лиепинес, состоявшего из 20 насыпей. Сооружены они из коричневатого-серого песка. Один из исследованных здесь курганов (4) имел высоту около 2 м. Под срединной частью насыпи обнаружена могильная яма размерами 2,7×1 м, глубиной 0,15 м, ориентированная почти точно с севера на юг. В ней найдены остатки трупосожжения и богатый вещевой инвентарь (меч, кожаный пояс с бронзовой пряжкой и кольцом с португеей, два копия, боевой топор, нож, подковообразная застежка, спиральная пронизка длиной в 40 см и глиняный сосуд). В той же могильной яме к западу от горшка открыто второе скопление сожженных костей. Оно ограничено расположенными по окружности булыжными камнями. В юго-западном углу могильной ямы лежали кости собаки.

Курган 18 по размерам сходен с предыдущим. В подкурганной яме открыто труположение с северной ориентировкой. Найдены бронзовое блюдо, гончарный глиняный горшок с клеймом на днище, нож с остатками ножен, бронзовое поясное кольцо и спиральная пронизка из бронзовой проволоки. Это рядовое ливское захоронение.

Инвентарь женских погребений из гауйских курганов состоит в основном из украшений. Они во многом идентичны украшениям даугавских ливов. Важную роль в украшениях женщины играли нагрудные цепи (табл. IX, 6), составленные обычно из нескольких рядов и дополняемые различными привесками. Прикреплялись цепи к одежде скорлупообразными фибулами (табл. IX, 13) тех же типов, что у даугавских ливов. В их орнаментике преобладают растительные мотивы, в частности пальметты. Среди подвесок к цепям обычны зооморфные фигурки, медвежьи клыки, а также ножи, ключи, игольники, копоушки, реже — монеты и круглые бляшки из серебряного листа (табл. IX, 1, 7, 11, 15, 20, 21, 23—25).

Среди шейных гривен преобладают витые из трех проволок. Ожерелья составлялись из стеклянных бус, среди которых господствовали боченкообразные и цилиндрические позолоченные и посеребренные. Кроме бус, в ожерелья входили металлические привески и единичные раковины каури.

Основным типом браслетов являются выпукло-вогнутые тонкопластинчатые с суживающимися концами, украшенные штампованным орнаментом (табл. IX, 32, 33). С течением времени эти браслеты постепенно становятся шире. Кроме того, в курганах гауйских ливов встречаются спиральные, витые и браслеты со стилизованными звериноголовыми концами.

Широко представлены спиральные и пластинчатые перстни, а также янтарные подвески.

В составе инвентаря мужских захоронений обычны предметы вооружения. Среди них много мечей типов S, T, Z по классификации Я. Петерсена (Petersen, J., 1919), встречающихся по всей Северной Европе. В могильниках ливов найдены также бронзовые и серебряные наконечники ножен типов, распространенных в Северной и Восточной Европе.

Наконечники копий еще более многочисленны. Они втульчатые, принадлежат к типам G и M по классификации Я. Петерсена (Petersen J., 1919), втулки некоторых из них отделаны серебром или золотом и украшены орнаментом с растительными и звериными мотивами. Такие копия встречаются в Прибалтике, Финляндии и других регионах Балтики, датируются в основном второй половиной XI и началом XII в. Прибалтийские, в том числе ливские, находки этих наконечников копий исследовались А. К. Антейном (Антейн А. К., 1973, с. 72–83).

Основная часть топоров из ливских могильников — боевые, но при необходимости они могли употребляться как рабочие. Преобладают широколезвийные топоры с выемкой и опущенным лезвием двух типов. Первый — топоры с удлиненной в обе стороны спинкой обуха, широко распространенные в землях латгалов, даугавских и гауьских ливов. В памятниках последних еще чаще встречаются топоры с двумя парами боковых выступов-щечковиц и удлиненным в обе стороны обухом, происходящие, как полагают исследователи, с территории Руси.

В некоторых погребениях ливов зафиксированы остатки щитов. С ношением оружия связаны кожаные пояса с пряжками и другими металлическими деталями. Из пряжек преобладают лировидные, реже встречаются пряжки с ажурной обоймой. Нередки также поясные оковки разного облика — в виде фигурок звериного стиля, пальметтообразные, сердцевидные.

К мужским предметам принадлежат также подковообразные застёжки. Самыми распространенными на территории гауьских ливов являются застёжки с дугой ромбического сечения и гранеными пуговками на концах. Часты также застёжки с маковидными и трубчатыми концами.

В состав могильного инвентаря как мужских, так и женских погребений обычно входят глиняные горшки. Среди них лепные немногочисленны, доминируют гончарные. Встречаются в могильниках ливов изредка бронзовые чаши, остатки питьевых рогов, весы, гири и другие предметы.

Хронологическая периодизация гауьских курганов разработана Э. Ю. Тыниссоном (Tõnisson E., 1974, S. 140–162). Нижняя граница этих памятников надежно определяется серединой XI в. Ранние курганы характеризуются небольшими размерами (высота 0,4–0,8 м) и сравнительно глубокими могильными ямами. Наряду с погребениями головой на север встречаются захоронения с северо-западной ориентацией. В погребениях обычны лепные сосуды. Число ранних курганов сравнительно невелико. Инвентарь их неотличим от синхронных погребений даугавских ливов.

К следующей хронологической группе (вторая половина XI — первая половина XII в.) принадлежат курганы высотой 1–1,5 м с могильными ямами незначительной глубины (0,1–0,2 м). С этой группой связаны основные находки мечей, наконечников копий, инкрустированных серебром, боевых топоров и других многочисленных вещей.

Курганы третьей стадии (вторая половина XII — начало XIII в.) тоже относительно высокие. Могильные ямы незначительной глубины, а иногда захоронения находятся на погребенной почве или

даже на невысокой подсыпке. Количество предметов вооружения заметно уменьшается, набор женских украшений остается неизменным.

Третьим регионом расселения ливов стала средневековая область Метсеполе, включающая бассейн р. Салаца и Лимбажскую округу. Эта обширная территория по населенности и роли в событиях начала XIII в. значительно уступала землям даугавских и гауьских ливов. Это был лесной край.

Погребальными памятниками метсепольских ливов являются курганные и грунтовые могильники. По расположению, форме и размерам насыпей, а также по погребальному ритуалу курганы этого региона идентичны курганным могильникам гауьских ливов. Исследовались здесь могильники Звиедрукалнс, Вайнижи и Эйкени. В курганах встречаются каменные кладки; вместе с человеком иногда хоронилась и собака.

Вещевой инвентарь этих курганов немногочислен. Так, в одном из эйкениских курганов исследовано мужское погребение, сопровождаемое черепковым наконечником копья, браслетом со звериноголовыми концами и спиральным перстнем. Во втором кургане этого могильника обнаружена лишь нижняя часть лепного сосуда. Инвентарь многих других курганов метсепольских ливов ограничивается отдельными предметами, но все они принадлежат к типам, известным из гауьских курганов. Датируются курганы Метсеполе второй половиной XI–XII в.

Грунтовые могильники этого региона остаются пока не исследованными. Они известны лишь по случайным находкам, датируемым XI и XII вв.

В Метсеполе обследованы археологами ливские жертвенные пещеры на правом берегу р. Светупе (Urtāns V., 1974b, 71–74 lpp.). Одна из них состоит из двух коридорообразных проходов длиной 47 и 19,5 м. На песчаниковых стенах пещеры выявлены знаки Юмиса (у латышей — божество плодородия), косые кресты, звезда, надписи. При разборке культурного слоя найдены перстни, фибулы, бубенчики, привески, керамика, 626 монет XIV–XIX вв., а также куски воска, рыбы кости и чешуя, кости птиц, яичная скорлупа. Пещера использовалась для культовых целей, по-видимому, с XIV в. Как языческое святилище она упоминается в документах середины XVII в.

Прибалтийско-финское население северной Курземе тоже принадлежало ливам. Однако в культурно-археологическом отношении этот регион несколько отличается от основной ливской территории на восточном берегу Рижского залива.

В северной части Курземе вплоть до X в., очевидно, функционировали каменные могильники с оградками того же типа, что были упомянуты при характеристике древностей эстов. В частности, в каменном могильнике Рейнас был найден вещевой инвентарь, дающий основание утверждать, что захоронения здесь совершались позже IX в. Однако другие могильники с оградками исследованы пока недостаточно.

К периоду до X в. принадлежат в северной Курземе и каменные курганы. Пока раскопками было исследовано только три кургана в могильнике Дреймани в окрестностях Валгале (Štrums E., 1934b, S. 34). Они содержат как трупоположения, так и

сожжения. Вещевой инвентарь отсутствует. Э. Штурмс и Х. А. Моора высказали предположение, что каменные курганы Курземе происходят из каменных могильников с оградками (Šturms E., 1934, S. 33; Moora H., 1952, 125 lpp.). По внешнему виду каменные курганы сходны с такими же памятниками западной Эстонии, где они появляются в начале нашей эры. Поэтому Э. С. Мугуревич полагает, что каменные курганы северной Курземе не связаны происхождением с местными каменными могилами с оградками, а сопоставимы с эстонскими каменными курганами и принадлежат к какой-то группе прибалтийских финнов, родственной западноэстонским племенам.

К X—XI вв. в северной Курземе принадлежат песчаные курганы. Э. Штурмс отметил 16 пунктов с такими курганными насыпями (Šturms E., 1934, S. 34). Однако сведения о некоторых из них являются не вполне достоверными. Песчаные курганы Курземе по своему внешнему облику, строению и погребальной обрядности очень сходны с ливскими погребениями XI—XII вв. в Видземе. В отличие от последних курземские курганы беднее вещевым инвентарем. Однако сравнительно немногочисленные предметы из них идентичны материалам из ранних погребений даугавских и гауйских ливов. Поэтому представляется правдоподобным утверждение Э. Штурмса, что песчаные курганы в бассейне Абавы северной Курземе оставлены курземскими ливами (Šturms E., 1934, S. 36—39).

С XI в. в Курземе, в той ее части, где в предшествующий период были распространены каменные могильники с оградками и могильники с песчаными курганами, появляются грунтовые могильники с трупоположениями. Таковы могильники Лауциена, Либаци, Талсы, Тукумс и др. Устроены они на гравийных всхолмлениях. Могильные ямы имеют глубину от 0,15 до 1,3 м. Мужские захоронения ориентированы головами на северо-восток, ориентация женских и детских погребений неопределенна. Немногочисленные предметы, находимые при трупоположениях, датируют могильники XI—XIII вв.

Э. Штурмс считал, что эти могильники принадлежали курземским ливам (Šturms E., 1934, S. 19). Э. С. Мугуревич (Мугуревич Э. С., 1970, с. 32, 33) согласился с ним, полагая, что в пользу этого мнения говорят и лингвистические материалы (могильники расположены в ареале тамского диалекта латышского языка, сформировавшегося на ливском субстрате; наличие здесь гидронимов ливского происхождения), и археологические данные (сходство погребений рассматриваемых курземских могильников с некоторыми видземскими).

Ливские поселения исследовались в основном в нижнем течении Даугавы. Распространены были неукрепленные поселения крупных размеров. Так, одно из селищ в Саласпилс Лаукскола, расположенное восточнее упоминавшегося могильника, занимало площадь 2,5 га. Второе селище в Саласпилс Лаукскола имело площадь 2 га. Несколько гектаров занимало и поселение Рауши. Селище Кабелес простиралось на площади не менее 5 га. Площадь Мартиньсальского поселения достигала 10 га.

Селища довольно плотно были застроены. Так, в первом селище Саласпилс Лаукскола постройки

располагались шестью-семью группами, в каждой из которых содержалось около 50 тесно скученных строений. Расстояние между постройками 8—10 м. Раскопками установлено, что в X—XI вв. была обжита лишь западная часть поселения, а в XII—XIII вв. поселение занимало уже всю площадь.

Для даугавских ливов характерны полуземляночные и наземные жилища. Углубленные постройки X—XIII вв. здесь, очевидно, восходят к домостроительству второй половины I тысячелетия н. э. Они были отмечены при характеристике Кента-скалнского селища. На втором селище Саласпилс Лаукскола выявлены отложения первой половины I тысячелетия н. э. с жилыми постройками размерами 2—3×2—3 м, углубленными на 0,5 м в материк, с очагом, расположенным в центре.

Жилые постройки размерами от 3×4 до 5×6 м, углубленные от 0,3 до 1,2 м, открыты на ливских поселениях X—XIII вв. в Саласпилс Лаукскола, Рауши, Икшкиле, Мартиньсала и др. Это были однокамерные строения, возведенные в срубной технике. Для обогрева использовались очаги, реже — печи. Отопительные устройства, как правило, занимали срединную часть жилища (Седов В. В., 1975, с. 294, 295).

Наряду с полуземляночными на поселениях даугавских ливов первых веков II тысячелетия н. э. раскопками выявлены многочисленные наземные постройки. Размеры и устройство их определить невозможно, так как от наземных построек обычно сохраняются лишь печи и очаги тех же типов, что и в углубленных жилищах.

Обычными были углубленные в землю (до 0,3—0,5 м) и выложенные камнями очаги диаметром около 1 м. Есть и наземные очаги округлой формы диаметром от 0,5 до 1,5 м с каменной кладкой в основании. Встречаются и очаги продолговатой формы. Небольшую часть составляют очаги без камней. Так, на поселениях Саласпилс Лаукскола исследованы продолговатые очаги размерами 1,6×1 м с хорошо уплотненным основанием. В них найдены фрагменты тиглей, пинцет, бронзовые обрезки.

Очаги доминировали в ливских домах: на их долю приходится около 80% отопительных устройств. Исследованные на поселениях даугавских ливов печи принадлежали двум типам (Zaigra A., 1978, 76—97 lpp.). Один из них составляют печи-каменки, подразделяемые на два вида: 1) неглубокие печи, врезанные в материк на глубину 20—40 см. Размеры оснований их около 1×1,5 м. Основанием и подом таких печей служил обожженный грунт, стены складывались из камней средней величины, а перекрытие — из более мелких; 2) печи, опущенные в материк на глубину 0,4—1,2 м. Одна из таких печей на селище Саласпилс Лаукскола дошла до нас в непотревоженном виде. Она занимала площадь 1,2×1 м и имела высоту 1,1 м. Основание печи было выложено булыжниками в два-три яруса. Его покрывала кладка из плотно подогнанных камней, являющаяся подом печи. Стены ее сложены из камней в один-два яруса, а выше находился свод, устроенный из таких же камней. Около устья печей устраивались ямы глубиной 0,4—0,5 м.

У глубоко опущенных печей нижняя часть имела округлую форму. Диаметр топки 0,6—0,7 м, высота

топки около 0,5 м. Печи-каменки обоих видов бытовали с X по XIII в., при этом со временем они опускаются глубже и увеличиваются в размерах.

Глинобитные печи встречаются реже каенок. Их основанием служил настил из бревен, который промазывался глиной, образуя под печи. Сверху из глины сооружался свод. Печи в плане чаще всего были округлыми, диаметр их основания 1–1,5 м. Некоторые из глинобитных печей устраивались на грунте, другие опускались в ямы глубиной до 0,35 м. В отдельных жилищах обнаружены предпечные ямы.

На поселениях исследованы и хозяйственные постройки. Обычно вблизи жилищ обнаруживаются ямы, предназначенные для хранения пищевых припасов; они круглые, правильной формы, диаметром 1–1,5 м и глубиной до 0,9 м. В одной из таких ям на первом селище Саласпилс Лаукскола сохранились обугленные зерна ржи. Встречаются и ямы производственного назначения. Одна из таких ям, исследованная на том же поселении, имела размеры 1,2×1,7 м и глубину 0,5 м. В ней найдены куски шлака, мелкие капли металла, слитки железа, бронзовые и железные обрезки, железные поковки и др. На селище Рауши, по-видимому, были исследованы остатки кузницы. Рядом с ней найдены наковальня, кричные клещи, кузнечные клещи, кузнечный молот-кувалда, молоток, два бородка, два зубила, драчка, три топора, четыре серпа, замок, цепи, стремя, скоба, набор конской сбруи, безмен с двумя гириями и др. На первом поселении Саласпилс Лаукскола вскрыты остатки сыродутного горна с шахтой диаметром 0,2 м.

В нижнем течении Даугавы известны и единичные городища X–XIII вв. Они были заселены этнически смешанным населением. Так, на городище Даугмале, расположенном на левом берегу Даугавы, проживали преимущественно земгалы и ливы (Urtāns V., 1969a, 89–96 lpp.). Этот памятник рассмотрен в разделе, посвященном земгалам.

На правом берегу Даугавы, в 82 км юго-восточнее Риги, расположено Айзкраукльское городище с посадом, в прошлом населенные ливами и латгалами. Устроено городище на возвышенности (примерно 40 м над уровнем реки). Размеры его около 100×45–65 м. Многолетними раскопками В. А. Уртана установлено, что вал, окружавший городище, имел внутренние конструкции из бревенчатых камер шириной 2 м и насыпался не менее восьми раз. На вершине был устроен частокол. С внутренней стороны к валу примыкали наземные срубные жилые постройки с печами и хозяйственные строения. Жилища площадью 12–16 кв. м имели глиняные или деревянные полы и обмазанные глиной стены. Большинство печей глинобитные, реже — печи-каменки. Под глиняным подом имелись каменные вымостки, что обычно для латгальских печей. В ряде случаев основания печей были устроены из бревенчатых накатов. На посадке исследованы углубленные жилища, характерные для ливских поселений. В последний период жизни городища по его периметру была сооружена каменная оборонительная стена. Она сложена из больших валунов на известковом растворе, ее забутовку составляли мелкие камни. Ширина стены 1,5 м. Сохранилась она на высоту 1–1,1 м. Исследователь памятника полагает, что над камен-

ной стеной располагались еще деревянные конструкции. По письменным данным, поселение Айзкраукле было разгромлено немецкими рыцарями в 1205 г.

Этнически смешанным было в прошлом и городище с посадом в г. Сабиле в северной Курземе, исследованное Э. С. Мугуревичем. Судя по украшениям, найденным при раскопках, это поселение принадлежало куршам и ливам. Описание памятника имеется в разделе, посвященном куршским древностям.

Раскопки в Риге показали, что на территории нынешнего старого города в XII в. существовало два поселения — одно в устье р. Риги, где находилась и торговая гавань, и другое — на берегу Даугавы. Население их занималось рыболовством, ремеслами и торговлей. В строительстве жилых построек доминировала срубная техника. В плане они имели прямоугольную форму, размерами от 3×3 до 6×6 м. Рубка стен в «обло», проконопачивались мхом. Полы были деревянные на лагах или глинобитные на грунте. Отапливались жилища печами-каменками, глинобитными печами или очагами. Печи обычно находились в углу помещения, очаги — в центре. Хозяйственные постройки имели как срубные, так и столбовые стены. Оба поселения на месте старой Риги принадлежали в основном ливам. Однако вещевые находки позволяют полагать, что вместе с ливами здесь селились также латгалы, селы, земгалы.

В экономике ливов в X–XII вв. центральное место принадлежало земледелию и скотоводству. География археологических памятников показывает, что ливы заселяли прежде всего те районы, которые характеризуются благоприятными условиями для ведения этих отраслей хозяйства.

Железные сошники, свидетельствующие о развитии с XI в. пашенного земледелия, найдены на поселении Мартиньсала, а находки зерен ржи в культурных отложениях селищ даугавских ливов указывают на господство паровой системы. Вместе с тем продолжали бытовать подсежная и переложная системы. Серповидные ножи и косари, найденные на территории даугавских ливов, связаны с подсекой.

Судя по остеологическим материалам Айзкраукльского и Даугмальского городищ, доминирующую роль в скотоводстве ливов играла свинья (до 50% среди домашних животных). Около трети костей домашних животных составляли кости крупного рогатого скота. В сравнительно небольшом числе представлены кости мелкого рогатого скота и лошади.

На ряде ливских поселений заметное место принадлежало рыболовству. При раскопках обнаружены рыболовные крючки различных размеров, грузила сетей и некоторые иные орудия рыбной ловли. На территории даугавских ливов значение охоты, судя по остеологическим материалам, было невелико. Не исключено, что в более северных частях ливского региона охота играла большую роль.

Найденный при раскопках поселений и могильников ливов вещевой инвентарь свидетельствует о значительном развитии ремесел, прежде всего кузнечного дела и ювелирного производства. Высокий уровень железообработки демонстрируют предметы вооружения из ливских курганов. Кузнецы владели не только изготовлением различных сортов стали,

дамасцированием и другими технологическими приемами, но и техникой инкрустирования серебром боевых топоров и наконечников копий. Судя по обильным ливским украшениям, развитым было и ювелирное ремесло.

В экономике даугавских ливов благодаря географическому положению важное место занимала торговля. На Даугаве находились пристани и торговые пункты, и с XII в. этот регион был вовлечен в широкую международную торговлю. Торговые взаимоотношения ливов с соседними землями и пути сообщения, проходящие через земли ливов, стали объектом специального исследования Э. С. Мугуревича (Mugurevičs E., 1961, 61–81 lpp).

Общественные отношения ливов в X–XII вв. характеризуются последней стадией развития первобытнообщинного строя. Археологические материалы ярко свидетельствуют о наличии в ливской среде имущей знати, составляющей ядро военной силы ливов. Так, в ряде могильников даугавских и гауйских ливов найдено дорогостоящее оружие; отдельные погребения в целом выделяются богатством могильного инвентаря. По-видимому, основная часть ливского населения, занимавшая сельским хозяйством, рыболовством, охотой и бортничеством, а также ремесленной деятельностью, находилась в некоторой зависимости от знати. Однако ливскую знать еще нельзя считать феодальной. Ливы еще стояли на пороге феодального общества и образования своей государственности. Этот процесс был прерван завоеванием их территории крестоносцами.

Вопросы этнической истории ливов в эпоху раннего средневековья дискуссионны. Яркая культура ливов начинает отчетливо проявляться с X в., и ее истоки не вполне ясны. Финский лингвист И. Коскинен в прошлом столетии высказал предположение, исходя из некоторых общих элементов карельского и ливского языков (Koskinen J., 1866, p. 389), что ливы пришли на побережье Рижского залива из Карелии. Сторонниками этой концепции были А. Биленштейн (Bielenstein A., 1892, S. 100) и С. К. Богоявленский (Богоявленский С. К., 1900, с. 95, 96).

В 30-х годах XX в. на основе археологических данных Э. Штурмс (Šturms E., 1936b, S. 51) и Ф. Балодис (Balodis Fr., 1935, S. 29, 30; 1938, 137–139 lpp.) высказали предположение, что нижнее течение Даугавы и бассейн Гауи во второй половине I тысячелетия н. э. были заселены балтскими племенами, только с X в. здесь появились ливы, переселившиеся из северной Курземы.

В 50-х годах вопрос о происхождении ливов Видземе был заново рассмотрен Х. А. Моора (Moora H., 1952, 162–168 lpp.) Он пришел к заключению, что ливы являются потомками местного прибалтийско-финского населения, которое во второй половине I тысячелетия н. э. в нижнем течении Даугавы и в бассейне Гауи обитало совместно с балтами и отчасти подверглось акултурации.

С точкой зрения Х. А. Моора согласился Э. Ю. Тыниссон. Однако он допускает возможность частичной миграции в Видземе курземских ливов, в результате чего и сформировалась культура видземских ливов X–XII вв. (Tõnisson E., 1974, S. 183–188).

Вывод Х. А. Моора об автохтонном происхождении видземских ливов подтверждается антропологи-

ческими исследованиями Р. Я. Денисовой (Денисова Р. Я., 1975, с. 176–180; 1977, с. 164–168). Ливы X–XII вв. принадлежат к долихокранному узколищному антропологическому типу, восходящему к древнему населению той же территории.

А. Я. Стубавс, вновь проанализировавший вопрос о происхождении видземских ливов, пришел также к выводу о местном генезисе этого племени (Стубавс А. Я., 1977, с. 50–54). Исследователь соглашается с тем, что во второй половине I тысячелетия н. э. в Видземе имело место смешение прибалтийско-финского и балтского населения. Начиная с X в. развитие ремесла и оживленные торговые связи способствовали быстрому подъему уровня жизни ливов, что обеспечило значительный естественный прирост населения по сравнению с соседними этническими группами. Население, говорившее на ливском языке, стало доминирующим, а балтские меньшинства были ассимилированы. Начался период расцвета культуры ливов. При современном состоянии знаний с этой точкой зрения, очевидно, следует согласиться.

Ливов в Метсеполе можно безусловно считать непосредственными потомками древнего местного прибалтийско-финского населения.

Что касается ливов Курземы, то их местное происхождение возражений не вызывает. Каменные могильники с оградками, являющиеся характерными погребальными памятниками прибалтийских финнов, функционировали здесь, как уже говорилось, до X–XI вв. Хорошо прослеживается дальнейшая эволюция погребальных древностей курземских ливов. Присутствие ливов в Курземы зафиксировано письменными источниками XV в.

В научной литературе высказывались сомнения в ливской принадлежности прибалтийско-финского населения Курземы I тысячелетия н. э. (Тыниссон Э. Ю., 1970, с. 208, 209). Основанием для этого служит то, что в письменных источниках XIII в. ливы как жители северной Курземы не называются. Отсюда исследователи полагают, что ливы Курземы являются поздними переселенцами из Видземы. Э. С. Мугуревич, проанализировав все материалы, показал неоправданность такого мнения. Мысль, что этногенез курземских ливов и формирование их материальной культуры протекали в северной Курземы, представляется более правдоподобной (Мугуревич Э. С., 1970, с. 34, 35).

В начале XIII в. территория даугавских и гауйских ливов стала основной ареной военных событий. В результате вторжения немецких феодалов численность ливского населения сократилась. Ливские торговцы и знать лишились своих привилегий. В поредевшие земли ливов началась миграция латгалов, что привело в конце концов к их ассимиляции. В Курземы в результате территориального смешения ливов с куршами медленно протекал тот же процесс (Моора Х. А., 1950, с. 100).

«Хроника Генриха Латвийского» и булла папы Иннокентия III (1208 г.) сообщают об особой этнической группе населения по имени *венды*. Генрих Латвийский сообщает, что первоначально венды жили по берегам Венты, но были выселены оттуда куршами и переселились на Древний холм в Риге. Однако и оттуда они были вытеснены куршами и в

1208 г., живя в бедности среди цесисских латгалов, с радостью встретили немецкого миссионера.

По поводу вендов выдвигались различные гипотезы. Их считали западными славянами (Д. К. Зеленин, М. В. Витов), земгалами (А. Биленштейн), куршами (Я. Эндзелин), ливами (А. Шегрен, Э. Штурмс, Э. Д. Шнорре), водью (Х. Лаакман).

Сравнительно недавно Э. С. Мугуревич (Мугуревич Э. С., 1973, с. 291–299) заново рассмотрел все имеющиеся в науке материалы о вендах и пришел к заключению, что это была одна из групп курземских ливов, жившая в низовьях Венты и получившая свое имя от этого гидронима. Под давлением куршей венды сначала переселились к даугавским ливам Риги, а затем в окрестности Цесиса, что имело место, по-видимому, в XII в. и нашло отражение в археологических материалах.

В XI в. в окрестностях Цесиса появляется могильник с погребальными традициями, отличными от местных латгальских. В нем доминируют трупоположения с северной ориентацией. Вещевой материал могильника обнаруживает значительное сходство с инвентарем могильников северокурземских ливов XI–XII вв. В окрестностях Цесиса известны и отдельные находки предметов, характерных для курземских ливов.

В «Хронике Генриха Латвийского» упомянут «замок вендов» (*Castrum wendorum*). В литературе высказывалось предположение, что он находился на городище Риексту калнс, находящемся ныне в парке г. Цесиса. Произведенные в 1980 г. здесь раскопки Я. Апалсом (Apals J., 1982, с. 12–21) подтвердили это. Вещевой материал имеет параллели в ливской материальной культуре.

Водь

На востоке с эстами соседил водь (самоназвание *Vatjalaiset*). Это племя неоднократно упоминается в древнерусских и средневековых западноевропейских письменных источниках начиная с XI в. Сводка сведений о водях из этих документов сделана еще П. Кёппеном (Kёппен П., 1851, с. 58–66).

В середине XIX в., по данным этого исследователя, насчитывалось 5148 человек, говоривших на водском языке. Жила водь в это время на южном побережье Финского залива, преимущественно в бассейне р. Суммы в окрестностях Копорья (Köppen P., 1849; 1867, S. 20, 41). Не подлежит сомнению, что в раннем средневековье это племя занимало обширную территорию. От этнонима этого племени производно название одной из новгородских пятин — Водской, охватывающей обширную северо-западную часть Новгородской земли.

Первый исследователь водского языка — А. И. Шегрен отводил водям пространство между реками Лугой и Волховом (Sjögren A. J., 1833). А. Х. Лерберг полагал, что водь занимала область между реками Нарвой и Ижорой, причем ее поселения спускались далеко на юг (Лерберг А. Х., 1819, с. 87–89). Согласно Я. Ставровскому, древняя водская территория охватывала и районы южнее Ильменя (Ставровский Я., 1900, с. 103). На основе лингвистических наблюдений Д. В. Бубрих полагал, что к кон-

цу I тысячелетия н. э. водь располагалась «в углу между Чудским озером и восточной частью Финского залива» (Бубрих Д. В., 1947, с. 14; 1948, с. 11, 12).

Водский язык основательно исследован лингвистами. Наиболее крупный вклад в его изучение внес эстонский ученый П. А. Аристе (Ariste P., 1935; Аристе П., 1947). Им же исследовались водская топонимика и антропонимика (Ariste P., 1965; lk. 91–106). К этнографии водь неоднократно обращались русские, эстонские и финские специалисты (Цеплин П. А., 1822, с. 235–244; Успенский Д., 1845, с. 6–12; Прыткова Н. Ф., 1930, с. 306–340; Шлыгина Н. В., 1978, с. 260–278; Örik E., 1970). Антропологическое изучение современной водь произведено было Ю. М. Аулем (Ауль Ю. М., 1964). Написаны и небольшие обзорные работы по истории и культуре водь (Oinas F. Y., 1955; Ränk G., 1960).

Археологическое изучение водь было начато в 70–80-х годах прошлого столетия раскопками Л. К. Иванова более 5500 курганов и жальников на Ижорском плато (Ивановский Л. К., 1880, с. 93–101; Спицын А. А., 1896). В конце XIX в. курганные исследования на северо-западе Новгородской земли были продолжены В. Н. Глазовым и Н. К. Рерихом (Рерих Н. К., 1901, с. 60–68; Спицын А. А., 1903 а). В результате в этом регионе в целом было раскопано свыше 7000 курганных и жальничных погребений, которые стали важным источником изучения средневековой водь и водско-славянских отношений.

Еще в 70-х годах XIX в. финский археолог И. Р. Аспелин в числе восьми групп финно-угорских древностей выделил ингерманландскую, отнес к ней все раскопывавшиеся в то время Л. К. Ивановским курганы. Эта группа древностей характеризовалась исследователем как единая славяно-водская культура (Aspelin J. R., 1875; 1876, p. 19, 20; 1878).

Такой точки зрения придерживались позднее многие ученые, полагая, что славяно-водская культура оставлена водью, испытавшей сильное влияние со стороны Новгорода (Tallgren A. M., 1928, p. 20, 21; 1938b, p. 102; Моога Н., 1929b, S. 272–283; Равдоникас В. И., 1932, с. 24–31).

А. А. Спицын, обработавший и издавший богатейшие курганные древности из раскопок Л. К. Иванова и В. Н. Глазова, признал абсолютное большинство курганов Ижорского плато и Причудья славянскими (Спицын А. А., 1896, с. 36, 37; 1903а, с. 5). Однако одновременно он отмечал, что эти памятники отличаются от чисто славянских, в частности приильменских, обилием нагрудных и поясных привесок, поэтому некоторые из этих курганов могут принадлежать водям. К предположительно водским им были отнесены курганные могильники у Войносолово и Мануйлово (Спицын А. А., 1896, с. 48, 49). Основанием послужило некоторое сходство украшений из этих курганов с древностями эстов.

Несколько сотен курганов и жальников Ижорского плато на рубеже XIX и XX вв. раскопал Н. К. Рерих, который также склонялся к мысли о принадлежности большинства курганов этого региона славянам. Вместе с тем он допускал наличие в этих курганах погребений местного финского племени, перенявшего погребальный обряд от славян (Рерих Н., 1901, с. 60–68).

В 50-х годах XX в. курганные древности северо-западного региона Новгородской земли стали объектом научного анализа автора настоящих строк (Седов В. В., 1953, с. 190—229). В результате изучения взаимовстречаемости между отдельными находками и их картографии удалось показать, что среди курганных древностей северо-запада отчетливо выделяются две разнотипные группы украшений.

Одну из них составляют весьма типичные для словен новгородских ромбоштитковые височные кольца, а также привески-лунницы, рубчатые перстни, сердоликовые бипирамидальные и хрустальные шарообразные бусы, пластинчатые браслеты, орнаментированные узором, сходным с ромбоштитковыми кольцами. Вторую группу образуют украшения, нехарактерные для восточнославянского мира, большинство из них имеют аналогии среди древностей финно-угорских племен. Это многобусинные височные кольца, ожерелья, целиком состоящие из раковин каури или включающие таковые, полые привески-уточки, различные шумящие привески, а также найденные в небольшом количестве нагрудные цепочки и фигурные цепедержатели, сходные с ливскими.

На основе этих этнически определяющих предметов курганно-жальничные могильники Ижорского плато были распределены на три части. Первую часть образовывали погребальные памятники, в которых найдены исключительно этнически определяющие славянские украшения. Эти памятники занимают основную часть Новгородской земли — Приильменья, а на северо-западе — южную и центральную части Ижорского плато и преимущественно южные районы Гдовского Причудья.

Вторую серию составляют курганные могильники, в которых встречены многобусинные височные кольца и характерные финно-угорские украшения. Они интерпретированы как водские. Особенностью этой серии погребений является их территориальная разбросанность. Эти могильники известны в северных частях Ижорского плато, в междуречье Наровы и Плюссы, а также на крайнем юго-востоке того же плато в верховьях р. Оредеж. Кроме того, отдельные могильники этой серии имеются за р. Наровой в северо-восточной Эстонии.

Третью серию погребений северо-запада Новгородской земли образуют курганные могильники, в которых обнаружены украшения славянских и финно-угорских типов. Они определяются как смешанные славяно-водские.

Анализ курганных древностей позволил проследить постепенное распространение на северо-западе Новгородской земли славянского населения, заимствование от славян курганного обряда погребения местной водью и ее постепенную акультурацию и ассимиляцию.

Параллельно были исследованы большие краниологические материалы из курганов Ижорского плато. Их изучение показало, что археологическая дифференциация курганных древностей коррелируется с различными антропологическими типами, свойственными средневековому населению северо-западного региона (Седов В. В., 1952, с. 72—85).

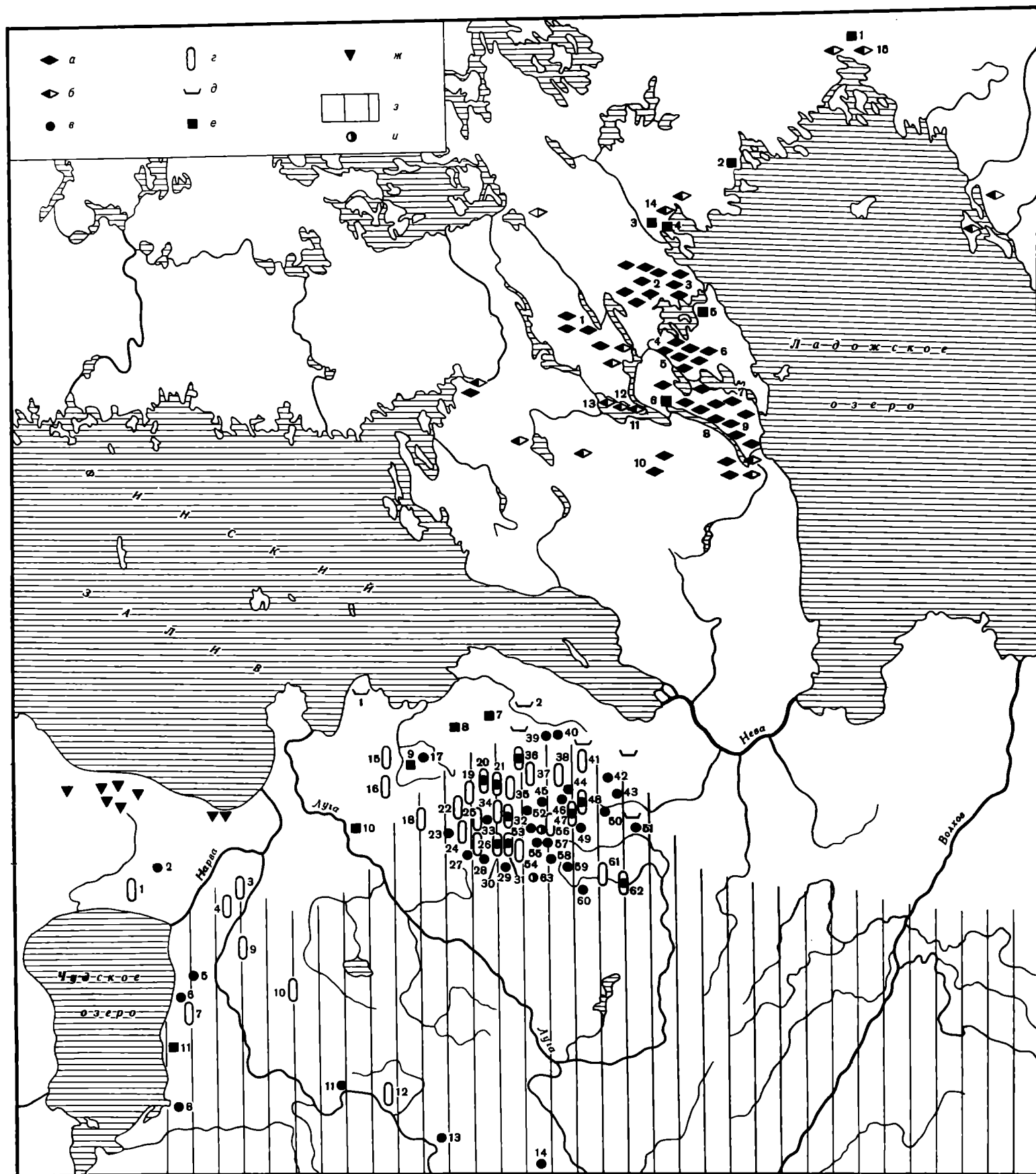
Для курганных погребений Ижорского плато, отнесенных к славянам, так же как для могильников

Приильменья и верховьев р. Луты, характерен европеоидный узколикий антропологический тип с сильно выступающим носом. Курганные черепа, определяемые как водские, принадлежат к иным антропологическим типам. Один из них также европеоидный, но, в отличие от славянского, широколикий и обнаруживает в своем строении небольшую монголоидную примесь (несколько уплощенное лицо, средневыступающий нос). Этот тип генетически восходит к европеоидным широколицым черепам неолита Приладожья и Прионежья. Другая часть водских черепов характеризуется общей грацильностью, мезокрацией, уплощенным лицом и слабо выступающим носом. По всем характерным признакам они относятся к урало-лапоноидной группе, а эта группа в первые века II тысячелетия н. э. повсюду связывается с финно-угорским населением. Черепа из курганных могильников, определяемых археологически как славяно-водские, занимают промежуточное положение между славянским и водским антропологическими типами.

Изложенные выводы о дифференциации курганных древностей северо-западного региона Новгородской земли на основе женских украшений на славянские, водские и смешанные славяно-водские были приняты археологической наукой (Моора Х. А., 1956, с. 135; Моора Х. А. и А. Х., 1965, с. 66—68; Третьяков П. Н., 1970, с. 147, 148; Рябинин Е. А., 1974а, с. 56—59; 1979, с. 100; Куза А. В., 1975, с. 179, 180; Лебедев Г. С., 1977, с. 56, 57; Шаскольский И. П., 1979, с. 46, 47; Кирпичников А. Н., Рябинин Е. А., 1982, с. 55; Моора А., 1964, лк. 28—33).

Публикуя материалы раскопок курганов при д. Лезги в Изборском крае, где в погребениях были встречены многобусинные височные кольца и полая привеска-уточка, Г. П. Гроздилов, правда, высказал сомнение в их водской принадлежности (Гроздилов Г. П., 1965, с. 86). Однако это возражение, как и изложенную в тезисах доклада мысль С. А. Таракановой о том, что водские принадлежали не курганы, а все новгородские жальники (Тараканова С. А., 1955, с. 12—14), нельзя отнести к серьезным.

Начиная с 1971 г. активные полевые работы по изучению курганов и жальничных могил в северо-западном регионе Новгородской земли ведутся ленинградскими археологами. Важные результаты для изучения погребальной обрядности средневекового населения северо-запада получены раскопками курганных могильников Бегуницы, Плешевы, Фьюнатово и др., производимыми Е. А. Рябининым (Рябинин Е. А., 1976, с. 211—219; 1981в, с. 28—34; АО 1971 г., с. 24, 25; АО 1973 г., с. 30; АО 1975 г., с. 38, 39; АО 1977 г., с. 32, 33; АО 1978 г., с. 33; АО 1979 г., с. 10, 11; АО 1980 г., с. 27, 28). Ряд курганных могильников Ижорского плато исследовали В. А. Кольчатова, А. А. Розов и Т. В. Рябинина (АО 1975 г., с. 21, 28; АО 1976 г., с. 17, 18; АО 1978 г., с. 15, 16, 34; АО 1979 г., с. 10, 11; АО 1980 г., с. 14, 28, 29). Курганные памятники Гдовского края плодотворно изучались Н. В. Хвоцинской. Новые существенные результаты были получены раскопками курганов в Залахтове (Хвоцинская Н. В., 1976, с. 18—24; 1977а, с. 62—68; 1977б, с. 118—120; АО 1973 г., с. 33, 34; АО 1974 г.,

Карта 4. Археологические памятники воды, корелы и ижоры
a — могильники корелы XI—XIV вв.; **б** — могильники корелы с погребениями второй половины I тысячелетия н. э.; **в** — курганные могильники с сидячими погребениями; **г** — курганные могильники с находками многослойных височных колец; **д** — могильники ижоры; **е** — исследованные городища; **ж** — каменные могильники эстов; **з** — области восточнославянского расселения по курганам X—XIII вв.; **и** — каменные могильники воды

Могильники корелы: 1 — Кекомьяки; 2 — Калмистомьяки (Куркийоки); 3 — Суотиниemi; 4 — Калмистомьяки (Ряйсяля); 5 — Ховинсары (Тонтиньяки); 6 — Ховинсары; 7 — Лепписенмяки; 8 — Хеннонмяки I; 9 — Патъя; 10 — Хапакюля; 11 — Хеннонмяки II; 12 — Наскалинмяки; 13 — Лапинлахти; 14 — Лопотти; 15 — Хеллюля

Древности воды: 1 — Йуга; 2 — Ляхтепеа; 3 — Большие Поля; 4 — Гостицы; 5 — Малая Каменка; 6 — Калихновщина; 7 — Верхолянны; 8 — Дубницы; 9 — Маля Ружа; 10 — Застой

с. 42, 43; АО 1975 г., с. 46, 47; АО 1978 г., с. 43, 44).

Значительный интерес для изучения славяно-водских взаимоотношений и выявления собственно водских древностей представляют обследование и раскопки средневековых поселений северо-западных земель Новгорода Великого. Эти работы только что начаты и пока не дали материалов для решения этнокультурных проблем (Кирпичников А. Н., Овсянников О. В., 1979, с. 103–118; Кирпичников А. Н., Рябинин Е. А., 1982, с. 56, 57; 1984, с. 45–52; АО 1980, с. 27, 28).

Материалы, полученные в результате экспедиционных работ последних лет, не дали каких-либо оснований для пересмотра или корректировки прежних выводов. Самым надежным индикатором водских древностей остаются многобусинные височные кольца. Это провололочные кольца диаметром в среднем 4,5 см, один конец их завернут обычно в петлю, другой расплюснут и на нем пробито отверстие. На такое кольцо-стержень надевались одна за другой спаянные из двух половинок шарообразные металлические бусины (полые, с гладкой поверхностью) числом от пяти до 12 (табл. X, 1, 3, 6). Носились эти украшения женщинами обычно парами, по одному с каждой стороны головы. Имеется немало случаев, когда в погребениях обнаруживается лишь по одному многобусинному кольцу.

Основным ареалом этих украшений являются окраинные районы северо-запада Новгородской земли (карта 4). Многобусинные височные кольца ни разу не встречены в погребениях совместно с этнически определяющими славянскими украшениями — ромбоштитковыми или браслетообразными завязанными кольцами. Картография многобусинных украшений показывает их территориальную обособленность.

Время расцвета многобусинных височных колец — XIII век, появляются же они в XII в. и бытуют всё XIV столетие (Спицын А. А., 1896, с. 42; Седов В. В., 1953, с. 194; Лесман Ю. М., 1982, с. 65–74). Ромбоштитковые височные кольца в значительной степени синхронны многобусинным — они датируются началом XI–XIV в. (Седов В. В., 1982, с. 178). Поэтому не может быть речи об объяснении различия в височных украшениях населения северо-запада хронологическими мотивами.

Кроме региональной обособленности, неславянская атрибуция многобусинных височных колец определяется их отрицательной корреляцией с типично

славянскими украшениями и, наоборот, встречаемостью с характерными финно-угорскими предметами (Седов В. В., 1953, с. 217). Поэтому набор женских украшений из курганов северо-запада, содержащий многобусинные височные кольца, можно считать финно-угорским, конкретнее — водским, поскольку он характерен для региона, заселенного, судя по историческим и топонимическим данным, водью.

В пользу водской атрибуции многобусинных украшений свидетельствуют и данные этнографии. В прошлом веке и начале XX столетия в отдельных местах было зафиксировано пошение водскими женщинами головных колец с нанизанными «дутыми» серебряными бусами (Прыткова Н. Ф., 1930, с. 335, 336; Manninen J., 1932, S. 99). В конце XVIII — начале XIX в. водские женщины в ряде селений носили с каждой стороны головы по большому серебряному кольцу с подвесками из раковин. Кольца эти соединялись иногда на затылке одной или несколькими цепочками или нитками с нанизанными раковинами (Успенский Д., 1845, с. 9). В некоторых случаях такие цепочки обвивались вокруг шеи (Цеплин П. А., 1822, с. 240, 241).

В курганах при д. Пумолицы на Ижорском плато, относящихся к концу XIV — началу XV в. (Спицын А. А., 1896, с. 52, 100), найдены височные кольца, занимающие промежуточное положение между многобусинными и этнографическими водскими XVIII–XIX вв. Они состоят из провололочного кольца того же типа и диаметра, что и многобусинные, но число металлических бус на них меньшее, и они перемежаются раковинами каури, подвешенными на мелких тонкопроволочных колечках (табл. X, 4). По-видимому, эволюция височных украшений води протекала путем уменьшения числа металлических бус вплоть до полного их исчезновения и постепенной замены бус подвесками из раковин.

Заметим, что д. Пумолицы, где в курганах найдены височные кольца переходного между археологическими и этнографическими головными украшениями води облика, была заселена водью еще в середине XIX в. (Кёппен П., 1851, приложение).

В основном ареале, на северо-западной окраине Новгородской земли, многобусинные височные кольца найдены более чем в 140 погребениях, общее количество их превышает 200. Вне этого ареала имеются единичные находки этих украшений.

В северном и западном Причудье, на окраинной восточной части Эстонии, многобусинные височные кольца найдены в четырех пунктах (Моора А., 1964, lk. 26, 28; joon 3). Эстонские исследователи установили, что курганные могильники западного побережья Чудского озера, в том числе с находками многобусинных украшений, оставлены водскими и водско-славянскими переселенцами из северо-западных земель Новгорода Великого. В пользу этого говорят и значительные водские элементы в кадавическом диалекте эстонского языка, и некоторые особенности народной одежды, и водская топонимика (Моора А. Х., 1956, с. 263, 264; Моора Х. А., Моора А. Х., 1960, с. 30, 31; 1965, с. 65, 66; Моора А., 1964, lk. 20–35).

Очевидно, о водских переселенцах свидетельствуют и единичные находки многобусинных височных

ронье; 11 — Вельяшев Лог; 12 — Горбово; 13 — Морозовицы; 14 — Конезерье; 15 — Пумолицы; 16 — Войносолово; 17 — Лашковицы; 18 — Загоричи; 19 — Смедово; 20 — Артюшкина; 21 — Канарщина; 22 — Плещевицы; 23 — Прологи; 24 — Коноховицы; 25 — Пежовицы; 26 — Тресковицы; 27 — Вруда; 28 — Домашковицы; 29 — Введенское; 30 — Рабичицы; 31 — Роготино; 32 — Волосово; 33 — Ославье; 34 — Сумино; 35 — Ронковицы; 36 — Рутилицы; 37 — Ожогоино; 38 — Волгово; 39 — Гостилицы; 40 — Дятлицы; 41 — Волковицы; 42 — Алапурсково; 43 — Мутакуля; 44 — Гонголово; 45 — Торосово; 46 — Яскелево; 47 — Таровицы; 48 — Ряболово; 49 — Большие Борницы; 50 — Войсковица; 51 — Воппа; 52 — Роговицы; 53 — Лисино; 54 — Грызово; 55 — Калитино; 56 — Арбонье; 57 — Холоповицы; 58 — Глумицы; 59 — Даймище; 60 — Рождественно; 61 — Старо-Сиверская; 62 — Ново-Сиверская; 63 — Извара. Ижорские могильники: 1 — Гамалово; 2 — Усть-Рудица; городища: 1 — Паасо; 2 — Яаккима; 3 — Лопотти; 4 — Хяммеэ-лахти; 5 — Корела; 6 — Тиверск; 7 — Воронино; 8 — Копорье; 9 — Кайболово; 10 — Ям; 11 — Сторожина

колец и в других пунктах. Такие украшения найдены в упомянутых курганах при д. Лезги под Изборском (Гроздилов Г. П., 1965, с. 86), в одном из жальничных захоронений при д. Страшницы в Порховском районе Псковской области (АО 1974 г., с. 20), в земле корелы в Путсинлахти близ Сортавалы (Nordman C. A., 1924, S. 174, Fig. 137; Kivikoski E., 1973, S. 135, Abb. 1078), в одном из каменных могильников Черной Руси (Спицын А. А., 1899б, с. 303—310).

Кроме того, 10 многобусинных височных колец обнаружено при раскопках в Новгороде в слоях конца XIII—начала XV в., что дает основание предполагать присутствие водского населения в этом городе (Седова М. В., 1981, с. 14, 16).

Важным индикатором для выделения финно-угорских погребений в массе древнерусских являются шумящие привески. Разнообразные типы этих привесок, составляющих поясные и нагрудные украшения (табл. X, 7, 11, 13—21), являются характерной и самобытной категорией женского наряда финно-угорских племен Восточной Европы (Седов В. В., 1966б, с. 248, 249; Голубева Л. А., 1979б).

К числу наиболее распространенных шумящих привесок принадлежат полые зооморфные (табл. X, 11, 13, 17—19). Это литые изображения уточек или коньков с рельефным зигзаговым узором по бокам — символом воды. Обычно к этим привескам на коротких цепочках привешивались «утиные лапки», бутылкообразные подвески или бубенчики. Носили их на кожаных шнурках, спускавшихся ниже пояса. Финно-угорское происхождение этих украшений вне всякого сомнения.

На Ижорском плато и в Восточном Причудье шумящие и зооморфные полые привески найдены более чем в 30 могильниках. Это преимущественно полые подвески-уточки, а также привески в виде полого конуса, украшенного зигзагообразным орнаментом, с тремя ушками, к которым на цепочках привешены бубенчики; подвески из трех выпуклых спиральных спаянных бляшек с тремя привешенными колокольчиками и др.

К водским украшениям нужно отнести и найденные в небольшом количестве нагрудные цепочки ливского типа, и фигурные цепедержатели (табл. X, 9, 12), тождественные ливским. Водскими можно считать и ожерелья, составленные из раковин каури или с включением таковых.

Таким образом, на основе многобусинных височных колец и украшений финно-угорских типов на северо-западной окраине Новгородской земли выделяется группа курганно-жальничных погребений, которая должна быть определена как водская. Славянские захоронения северо-запада отличаются от них набором украшений, тождественным распространенным в коренных районах Новгородской земли.

В настоящее время выявляется и специфический погребальный ритуал воды (Седов В. В., 1984, с. 155—161). На основе дневниковых записей Л. К. Ивановского (Спицын А. А., 1896, с. 7—9) и свидетельств Н. К. Рериха устанавливается, что на Ижорском плато в первой половине II тысячелетия н. э. широко бытовал обычай хоронить умерших в сидячем положении (карта 4).

Для захоронения выбиралась площадка диаметром

3—7 м, которая несколько уплотнялась и по окружности обставлялась валунами. На ней разжигался ритуальный костер, от которого в курганах оставался тонкий слой золы и угольков. Затем умерший помещался в сидячем положении в центре площадки. Удержать его позволяла небольшая груда камней, к которой умершего прислоняли спиной (табл. I, 5, 6). Кучи камней имели самую различную форму и высоту, иногда они складывались из булыжников в два—четыре яруса и накрывались плитой. Эти каменные груды, кроме практического значения, имели и ритуальный смысл — промежутки между камнями были заполнены золой и углями, и здесь же встречались следы жертвоприношений в виде костей животных. Поэтому Л. К. Ивановский называл эти сооружения из камней «жертвенниками».

При раскопках курганов при д. Даймище зафиксировано, что покойника усаживали на сиденье, сложенное из кусков дерна, затем засыпали землей (Лебедев Г. С., 1977, с. 140).

Наиболее ранние курганы с сидячими захоронениями подобной конструкции на Ижорском плато относятся к XI в. В них зафиксирован обряд трупосожжения. В отдельных случаях наблюдалось полное трупосожжение, а в курганах Будино (28), Большое Кикерино (8) и Смольково (29) — частичное сожжение.

В XIII—XIV вв. в Водской земле умерших погребали под курганами в грунтовых ямах. И среди них имеются захоронения в сидячем положении. Для последних вырывались овальные ямы глубиной до 0,7 м и таких размеров, чтобы умершего можно было уместить в них сидя. Если яма совсем неглубокая, то у спины умершего помещались валуны. Известны и сравнительно немногочисленные захоронения в сидячем положении в жальниках.

Раскопками курганов у д. Теглицы (Волосовский р-н Ленинградской обл.) выявлены конструктивные особенности могильных ям, связанные с погребениями в сидячем положении. Могилы отличались большими размерами, достигая в длину 2,6—3 м. «Дно ям в ногах захоронений углублено, а восточная стенка могилы расширяется, образуя Т-образный выступ. При погребении умершего в сидячем положении его ноги опускали в это углубление и с помощью деревянных конструкций, установленных в Т-образном выступе, закрепляли тело в неподвижном положении» (АО 1980, с. 28).

Обычно умершего хоронили в сидячем положении ногами к востоку. Вместе с тем имеются сидячие погребения меридиональной ориентировки, т. е. ногами к югу. Таковы, в частности, захоронения в курганах при деревнях Ряболово, Таровицы, Плещевицы.

Для славянского населения, расселившегося как на Восточно-Европейской равнине, так и в других землях Европы, был характерен обряд захоронения умерших в лежачем положении. В Водской земле наряду с погребениями в сидячем положении широко были распространены и характерные для славян курганные и жальничные трупоположения. Захоронения в сидячем положении иногда образуют отдельные могильники, но чаще встречаются на общих кладбищах вместе с курганами с обычными славянскими трупоположениями.

Таблица 1. Могильники Ижорского плато с захоронениями в сидячем положении *

Название могильника	Водские элементы				Славянские особенности		
	захоронения в сидячем положении	многобусинные височные кольца	воорморфные полые и шумящие привески	меридиональная ориентировка погребений	погребения в вытянутом положении	ромбоштитковые височные кольца	характерные славянские украшения
Аллапурсково	29						
Артюшкина	1	1			м	4	
Бегуницы	х		х		м	х	
Борницы	57				м	4	х
Войсковыцы	х				м	х	
Волосово	20	10			м	3	
Вопша 2	2				м	1	1
Вруда	2		1		х	1	
Глумицы	2				х	2	
Гонголово	10				х	1	
Даймище	х		1		х	х	
Домашковицы	3				5		
Дятлицы	3	2					
Калитино	8		1		х	2	х
Канарщина	25	2					
Лашковицы	х	х			х		
Лисино	3		2		х	1	
Мутакуля	44						
Ново-Сиверская	2	11	1		х		
Озера	х				х	1	
Ославье	х				х	7	х
Плещевицы	х	16		х	х	3	
Прологи	м				х		1
Рабитицы	м	1	х		х	2	2
Роговицы	1		1		х	2	
Роготино	51	1			х	3	
Рождественно	1				х		
Рутилицы	м	6					
Рябболово	м	1		х			
Таровицы	х	1	1	х	1	1	
Теглино	х				м	5	1
Торосово	2						
Холоповицы	23						
Яскелево	25				х	2	1

* Число погребений, в которых имеются указанные особенности.
м — много; х — несколько.

Из-за отсутствия дневниковых записей по каждому из раскопанных Л. К. Ивановским курганов нельзя сказать, какой набор женских украшений, славянский или водский, свойственен тому или иному конкретному погребению в сидячем положении. Корреляцию обрядности и украшений можно произвести лишь по могильникам. В одной из таблиц (табл. 1) сведены данные по всем могильникам, где имеются погребения в сидячем положении. Вторая таблица (табл. 2) включает могильники, содержащие исключительно захоронения в вытянутом положении.

Таблица 2. Могильники Ижорского плато с захоронениями в вытянутом положении *

Могильник	Славянские особенности			Водские элементы		
	погребения в вытянутом положении	ромбоштитковые височные кольца	другие характерные украшения	многобусинные кольца	воорморфные и шумящие привески	меридиональная ориентация погребений
Будино	29	2	5			
Выра	38	4	1			
Доложское	47	2				
Елицы	5	2				
Котино	17	2	1		1	
Пежовицы	58	4	1			
Полотбицы	57	4	1			
Старо-Сиверская	44	3	4			
Сяглицы	19	3	2			
Терпилицы	59	5	1			
Унотицы	Около 100	4				
Хотыницы	92	2	4			

* Число погребений, в которых отмечены указанные особенности.

Анализ табл. 1 и 2 дает все основания утверждать, что погребения в сидячем положении связаны с водским ритуалом. Все курганные и жальничные могильники, содержащие только погребения на спине в вытянутом положении, характеризуются исключительно ромбоштитковыми височными кольцами и другими типично славянскими украшениями. Характерные финно-угорские элементы в них практически полностью отсутствуют.

Наоборот, могильники, включающие исключительно погребения в сидячем положении, совсем не содержат славянских украшений. Для них характерны многобусинные височные кольца и другие украшения финно-угорских типов. Имеется, кроме того, большое количество курганных или курганно-жальничных могильников, которые состоят из насыпей, содержащих как вытянутые, так и сидячие захоронения. В таких памятниках встречены разнохарактерные наборы женских украшений. При этом, как правило, в могильниках с преобладающим количеством захоронений в сидячем положении господствуют украшения водских типов, а в могильниках, состоящих преимущественно из курганов с трупоположениями на спине, преобладают ромбоштитковые височные кольца и другие типично славянские вещи.

В северо-западном регионе имеются курганные группы, в которых найдены многобусинные височные кольца, но не встречены сидячие погребения. Эти кладбища оказываются сравнительно поздними, т. е. они, по-видимому, относятся к периоду, когда ритуал погребения в сидячем положении сменился на славянский.

Карта распространения сидячих захоронений в древнерусских курганах отчетливо свидетельствует о том, что они характерны преимущественно для северо-запада (Лесман Ю. М., 1981, с. 52–58; Седов В. В., 1982, с. 174, карта 29). Свыше 98% всех

курганных погребений в сидячем положении приходится на этот регион, при этом господствуют они в Водской земле на Ижорском плато. Только здесь известны могильники с большим числом таких захоронений (от 40 до 150). В Ильменском бассейне сидячие погребения единичны. Единичные сидячие захоронения отмечены также в отдельных регионах Тверского и Костромского Поволжья, заселенных, судя по курганным материалам, метисным славяно-финским населением — переселенцами из Новгородской земли. Исключительно редкие захоронения в сидячем положении зафиксированы, кроме того, в курганах Поднепровья (Седов В. В., 1970б, с. 117, рис. 33). Очень вероятно, что и последние оставлены переселенцами из Новгородчины.

Рассмотренные материалы дают основание сделать следующие выводы. Обряд погребения умерших в сидячем положении в первых столетиях II тысячелетия н. э. господствовал исключительно на Ижорском плато, где он связывается с водью. Вместе с тем не исключено, что ранее этот ритуал был распространен шире, среди дославянского населения значительной территории Новгородской земли. В пользу этого, помимо распространения сидячих погребений в XI—XIV вв., свидетельствуют ритуальные кладки из валунов того же типа, что и в водских курганах, постоянно встречаемые в сопках — погребальных памятниках словен новгородских, отражающих славяно-финский симбиоз второй половины I тысячелетия н. э. (Седов В. В., 1970а, с. 12—22; 1970в, с. 16—18).

Таким образом, можно полагать, что до расселения славян водские или близкородственные им племена заселяли не только Ижорское плато и восточное Причудье, но и значительные пространства северо-запада, соприкасаясь на западе с эстами, а на востоке, на водоразделе Ильменского и Волжского бассейнов, с вельями, не знавшей обряда погребения в сидячем положении. На основе материалов гидронимии вся эта область определяется как древняя прибалтийско-финская (Vasmer M., 1934, S. 351—440). Может быть, отражением бывшего широкого расселения води являются такие топонимы, названные в новгородских писцовых книгах, как Вотцкая, Вотцкое, Воцкая Гора, Вотской конец, Водская дорога, Вожане, Вожаниново и другие, которые находились не только в Водской (Вотской) пятине, но и Шелонской и Бежецкой.

О широком расселении води в древности говорят и языковые материалы. В языке северной води, занимавшей Ижорское плато, выделяются два диалекта: западный и восточный (Ariste P., 1960, lk. 207). Более южные области заселяли южные группировки води (Моора Х. А., Моора А. Х., 1965, с. 63). Различия между северной и южной водью обнаруживаются в археологических материалах XI—XIII вв. (Хвоцинская Н. В., 1981, с. 34—39).

При поисках древностей води I тысячелетия н. э. возникают трудности. Можно полагать, что до встречи со славянами водь хоронила умерших по обряду трупосожжения. Такой обряд многократно отмечен Л. К. Ивановским в курганах Ижорского плато, относящихся к XI в. (Спицын А. А., 1896, с. 7, 8). Представляется несомненным, что водь стала сооружать курганы под влиянием славянской обрядности.

В связи с этим можно предполагать, что прежде остатки кремации умерших оставались на поверхности. Поэтому могильные древности води I тысячелетия н. э. известны очень плохо.

Два интересных могильника с сожжениями исследовал Н. К. Рерих (Рерих Н. К., 1899б, с. 328, 329; 1901, с. 107—109). На мызе Извара (бывш. Царскосельский уезд) близ имения родителей художника им был открыт один из них: «...в лесу в разных местах торчали из-под корней и земли булыжники, где по два, где по четыре, образуя тогда ромбическую форму, удлинненную восток—запад» (Рерих Н., 1900, с. 107). Всего он насчитал 24 могилы и исследовал 16 из них. Дневники и зарисовки Н. К. Рериха дают хорошее представление об их устройстве. Прямо под мхом лежали плотным слоем мелкие камни, ограниченные с востока и запада небольшими валунами. Под камнями находился слой золы, который выходил за пределы каменных настилов, сливаясь с кострищами, располагавшимися немного в стороне. В составе кострищ, помимо большого количества золы и угля, найдены мелкие остатки костей. Вероятно, эти кострища — следы погребальных костров. В самих же могилах, кроме небольших кусочков железа, побывавших в огне, находок не обнаружено. Отмечая сходство их с каменными могилами эстов, Н. К. Рерих эти погребения считал водскими (Рерих Н. К., А-1897).

Подобные могилы были открыты у д. Лисино близ курганно-жальничного кладбища, содержащего сидячие захоронения и интерпретируемого как водско-славянское (Седов В. В., 1953, с. 228—229). Поверхность могил была выложена мелким булыжником, под вымосткой находился слой золы толщиной до 10 см. Никаких находок не оказалось (Рерих Н. К., А-1894, л. 50; А-1896, л. 32, 33).

Сходство изварских и лисинских сооружений с подобными невыразительными каменными погребальными кладками, известными в землях эстов, финнов и корелы, дает основание рассматривать их в качестве могильных памятников води (Седов В. В., 1953, с. 202—204). Высказываемые сомнения в этом (Кольчатов В. А., 1982, с. 62, 63; Хвоцинская Н. В., с. 43—48) говорят лишь о том, что эти могильники нуждаются в дополнительных полевых исследованиях.

Может быть, водскими (во всяком случае, несомненно прибалтийско-финскими) являются и каменные могильники юго-западного Поильменья (в окрестностях Старой Руссы). Один из них раскапывался в 1910 г. В. В. Александровым при д. Солоницко (Alexandrov V. V., Tallgren A. M., 1930, S. 101—108). Это была вымостка из слоя валунов, открывшаяся под дерном. В плане она имела продолговатую форму размерами 23,5×12,8 м. Пространство между камнями было заполнено золой, встречались небольшие скопления углей. Зафиксировано большое количество сожженных костей в виде многочисленных мелких, средних и крупных скоплений, множество фрагментов керамики. Найденные вещи (глазчатая фибула, спиральная привеска, треугольное украшение, бусы и др.) датируют памятник от III—IV до VI—VII вв. н. э.

В Подгощах подобный могильник был открыт еще в конце XIX в. (Рерих Н. К., 1899а, с. 371, 372).

Это оказалась вымостка из валунов в поперечнике до 16 м, под которой находился зольно-угольный слой с мелкими пережженными камнями.

В 1910 г. исследование памятника было продолжено (Alexandrov V. V., Tallgren A. M., 1930, s. 100, 101). Каменная кладка открылась под дерном. Камни в два ряда образовывали эллипс размерами 13,5×10,5 м, ориентированный в направлении запад — восток. Восточный и западный сегменты были сплошь заполнены мелкими камнями, а образовавшийся в середине четырехугольник покрывали более крупные камни. Под ними обнаружены остатки сожженного дерева, обожженные камни, кальцинированные кости, 73 черепка, бронзовые спиральки, крючок, петля, обломки двух железных ножей и подковка. Эти находки относятся к первым векам II тысячелетия н. э. и, как полагают исследователи памятника, принадлежат поздним захоронениям, помещенным в древний могильник.

Имеются сведения о наличии подобного каменного могильника на р. Луга (Моога Н., 1938, S. 18).

Однако все же нельзя утверждать, что такие могильники характерны для воды во второй половине I тысячелетия н. э. Более того, А. М. Таллгрэн полагал, что могильники в Подгощах и Солоницко оставлены эстами, переселившимися в Поильмене, или местным населением, находившимся под влиянием культуры эстов (Alexandrov V. V., Tallgren A. M., 1930, S. 108). Немногочисленность выявленных могильников допускает предположение, что основная часть водского населения хоронила умерших по какому-то иному ритуалу, трудно уловимому археологами.

Места поселений прибалтийско-финского населения Новгородчины — селища второй половины I тысячелетия н. э. — остаются в основном невыявленными. Имеющаяся информация о единичных поселениях не дает каких-либо материалов для историко-культурных и этнических выводов.

Е. А. Рябинин считает водскими обследованные им городища на р. Лемовжа, в Кайболово на р. Сума и в Воронино (Рябинин Е. А., 1984, с. 45–52). По его мнению, это были племенные острожки, используемые окрестным населением для убежища. Однако эти укрепленные пункты вместе с Копорьем образовывали единую, в какой-то мере взаимосвязанную систему форпостов на северо-западе Новгородской земли и могли быть заселены славянским или славяно-водским населением.

Взаимоотношения местного прибалтийско-финского и славянского населения в Новгородской земле были следующими. Расселившиеся в бассейнах Ильменя и Псковского озера славяне застали здесь сравнительно немногочисленное финноязычное население, которое не покидало мест своего обитания. Славяне и местные финны какое-то время жили на одной территории и постепенно смешивались между собой. Финно-угорские элементы отчетливо проявляются и в новгородских сопках, и в длинных курганах Псковщины (Седов В. В., 1970а, с. 16–22; 1974, с. 16–18), поэтому их можно рассматривать как древности славяно-финского симбиоза. Ядро населения Новгородской земли сложилось в условиях такого симбиоза, что оказало заметное влияние на дальнейшую этническую историю этого края, феде-

ративное строение первого государственного образования здесь и структуру самого Новгорода (Седов В. В., 1979, с. 74–80).

До X–XI вв. северо-западная окраина Новгородской земли была еще собственно водской. Сопки, длинные курганы и круглые насыпи второй половины I тысячелетия н. э. здесь отсутствуют. Однако уже в XI–XII вв. на Ижорском плато и в восточном Причудье расселяются значительные массы древнерусского населения. В результате водь в культурном отношении сближается со славянами. Под воздействием расселившихся в этом регионе славян среди водского населения распространяется курганный обряд погребения и древнерусская культура. Собственно водские курганы выделяются среди славянских специфическими женскими украшениями и ритуалом захоронения в сидячем положении, а также по данным антропологии. Курганные материалы дают возможность проследить постепенное смешение воды со славянами, что привело к славянизации значительных масс местного прибалтийско-финского населения (Седов В. В., 1953, с. 209–216).

В XIII–XIV вв. собственно водской оставалась лишь прибрежная полоса Финского залива. Курганные насыпи здесь не известны. Однако не выявлено здесь и иных погребальных памятников этого времени. Очевидно, водское население, не затронутое древнерусской культурой, хоронило умерших по какому-то старым обычаям. Согласно описаниям начала XIX в., умерших водь хоронила в лесах, специально для этого выбранных, погребения обозначались большим камнем (Цеплин П. А., 1822, с. 241, 242).

В «Повести временных лет» дается перечень славянских народов, населявших Русь, а также неславянских, платящих дань и входящих в политический союз Руси (ПВЛ, I, 1950, с. 13). В числе последних названа норема (в других списках нерева, норова, норова, верома и т. п.). Какое конкретное племя скрывается под этим этнонимом, понять трудно.

Одни исследователи связывали это племя с летописной рекой Наровой (современная Нарва) и помещали его на северо-западе Новгородской земли. Другая группа ученых рассматривала норому как одно из литовских племен, указывая на то, что летописец в перечне племен придерживался последовательности их расселения, а норема помещена после корси (курши) и перед либью (ливы).

Представляется несомненным, что название одного из древнейших концов Новгорода Великого — Неревского — производно от этнонима племени неревы. Неревский конец, как полагают исследователи, представлял одно из первоначальных поселений, при слиянии которых возник город Новгород (Янин В. Л., Алешковский М. Х., 1971, с. 32–61; Янин В. Л., 1977, с. 230). Следовательно, название этого новгородского конца связано с одной из тех племенных групп, которые вошли в состав складывающегося в конце I тысячелетия н. э. политического союза славянских и прибалтийско-финских племен.

Еще А. И. Шегрен высказал догадку, что под названием *нерема* в русских летописях имеется в виду водь (Языков Д., 1840, с. 314, 315). И это предположение сейчас представляется наиболее вероятным.

Становится понятным, почему в перечне неславянских племен русских летописей отсутствует водь. С. С. Гадзяцкий объяснял это тем, что у воды были иные отношения с новгородцами, чем у племен — данников Руси; она принадлежала к числу этнических групп, из объединения которых сложилось Новгородское государство (Гадзяцкий С. С., 1940, с. 100). Но такой же этнической группой была весь, однако она имеется в летописном перечне!

Под 1067 г. в летописи сообщается о приходе к Новгороду полоцкого князя Всеслава: «Заратися Всеславъ, сынъ Брячиславъ, Полоцкий, зая Новгород до Неревского конца» (ПСРЛ, IV, с. 123). Почему этот конец города не был тронут Всеславом? Оказывается, не случайно. Из летописного известия 1069 г. ясно, что в союзе с полоцким князем в этих походах принимала участие водь (Новгородская летопись, 1950, с. 17). Неревский конец, очевидно, был в какой-то степени водским, а водь была союзником Всеслава в борьбе с Новгородом, поэтому эта часть Новгорода и не была занята полоцким князем в первом походе.

К тому же оказывается, что при перечислении племен летописец не всегда придерживался порядка их расселения. Так, весь помещена в том же перечне между мерей и муромой (ПВЛ I, 1950, с. 13), а в другом месте — между муромой и мордвой (ПВЛ, I, 1950, с. 10). Между тем весь жила в Белозерье и никогда не соседствовала ни с муромой, ни с мордвой.

Прибалтийское происхождение этнонима нереванера очевидно: из финского *ного* («низменный»), *ноготаа* («низменное, болотистое место»). Нерома (нерева) вместо норома (порова) в русской передаче — закономерное явление (Попов А. И., 1973, с. 97).

Ижора

Согласно историческим данным XIII—XIV вв., ижора заселяла территорию бассейна Невы и часть южного побережья Финского залива (карта 4). Сводка сведений русских и шведских письменных источников об ижоре сделана еще А. Шегреном (Sjögren A. J., 1833, S. 3, 4), а позднее П. Кёппеном (Кёппен П., 1861, с. 260—263). Первое летописное упоминание ижоры относится к 1228 г. (Новгородская летопись, 1950, с. 65, 270). Шведы и немцы называли Ижорскую землю Ингрией. Этот топоним упомянут впервые в булле римского папы Александра III (1164—1181 гг.), адресованной упсальскому епископу Стефану.

Существует мнение (Моора Х. А., Моора А. Х., 1965, с. 69), что этноним рассматриваемого прибалтийско-финского племени происходит от названия левого притока Невы р. Ижора (Inkere, Ingere). Другие исследователи возводят этноним ижора к личному княжескому имени Игорь или Ингвар (Попов А. И., 1973, с. 90).

Археологические памятники ижоры остаются крайне слабо изученными. Первый общий обзор археологических находок из области расселения ижоры был сделан А. М. Таллгреном (Tallgren A. M., 1938a, S. 37—60; 1938b, p. 79—108). В археологиче-

ской литературе и архивных материалах имеются сведения о 10 грунтовых могильниках, расположенных в земле ижоры. Информация о них была собрана автором настоящего раздела, отметившим, что выделить характерные особенности погребальной обрядности и ижорского женского убранства на основе этой информации не представляется возможным (Седов В. В., 1953, с. 200—202).

В 60—70-х годах нашего столетия при обследовании южного побережья Финского залива Э. Ю. Тыниссоном и Е. А. Рябининым зафиксирован еще целый ряд грунтовых могильников, которые весьма проблематично можно связывать с ижорским населением (Тыниссон Э. Ю., А-1963). По данным XVIII—XIX вв., это была область ижорского расселения (Кёппен П., 1854, с. 412—422).

Археологическими разведками последних лет еще пять подобных грунтовых могильников выявлены на Сойкинском полуострове (АО 1980, с. 15). Один из них, расположенный у д. Гамалово, исследовался раскопками.

Каких-либо наземных признаков могильники в земле ижоры не имеют, что затрудняет их поиски. Вместе с тем строгое расположение захоронений в них допускает предположение о существовании в древности каких-то внешних обозначений.

Расположены эти могильники на естественных песчаных всхолмлениях, часто на склонах таких возвышений. Обряд погребения — труположение.

Усть-Рудицкий могильник находится в бассейне р. Коваша на южном побережье Финского залива и исследовался еще в 1866 г. А. М. Раевской (Раевская А. М., 1875, с. 31—33). Вскрыто было семь погребений с южной ориентировкой. Скелеты лежали на глубине 0,7 м. В одном из захоронений найдены серьги и два браслета неизвестных типов. При других погребениях обнаружены какие-то бусы, привеска и железные ножи. При одном из скелетов встречена монета Ивана III. Захоронения умерших в этом могильнике совершались в пределах небольшого естественного всхолмления. Время функционирования кладбища может быть определено весьма приблизительно XIV—XVI вв.

Раскопанный В. И. Равдоникасом грунтовый могильник в Гатчине содержал 22 захоронения, расположенные в четыре ряда (Равдоникас В. И., 1931, с. 24—31). Скелеты находились на глубине 0,7—1,2 м и имели западную ориентировку. В нескольких могилах найдены вещи древнерусского облика. Это браслеты витые 2×4, пластинчатый браслет, перстень с насечками, имитирующими витие, и пластинчатый перстень. Вещевой инвентарь не вызывает сомнений в ижорской принадлежности могильника, хотя конкретных данных для этнической атрибуции погребенных в нем не было обнаружено.

В первые годы раскопок могильника у д. Гамалово, производимых О. И. Коньковой, изучено 16 погребений. Расположен он на восточном склоне вытянутого на несколько километров песчаного холма, достигающего в высоту 15 м. Предполагаемая площадь древнего кладбища 100×60 м. Погребения совершались в овальных ямах размерами 2—2,3×0,5—0,6 м и глубиной 0,3—1,1 м. В двух захоронениях сохранились овальные обкладки из камней. В некоторых случаях зафиксированы остатки гробов-

вищ. Ориентировка умерших, по-видимому, была меридиональной — в двух случаях умершие ориентированы головами на север — северо-запад, еще в двух — на северо-запад, в других — на юго-запад. Среди исследованных захоронений интересно погребение 8. На дне овальной ямы глубиной 0,3 м расчищены остатки деревянного помоста, на котором лежал умерший. Сверху он был прикрыт берестой. На груди погребенного находилась серебряная кольцевая пластинчатая орнаментированная фибула, под левой плечевой костью — серебряная западноевропейская монета XV в., у локтевой кости — железный боевой топор, а справа у таза — нож. В других погребениях встречены пластинчатые кольцевидные или подковообразные фибулы и железные ножи. Из разрушенных захоронений могильника происходят витые бронзовые фибулы, бронзовые перстни, железные ножи и большое число фрагментов гончарной керамики древнерусского облика с линейным и волнистым орнаментом.

Наиболее ранняя группа погребений Гамаловского могильника по вещевым материалам датируется XIII—XIV вв. Более поздние захоронения относятся к XV—XVII вв. Инвентарь их: железные ножи, гвозди от гробовищ и шведские монеты.

К ижорским погребальным памятникам нужно отнести и могильник у д. Мишкино на р. Тосна, в 3 км от ее впадения в Неву, где еще в 1904 г. случайно было открыто и исследовано А. К. Гейкелем захоронение по обряду трупоположения с вещами корельского облика, среди которых находились овально-выпуклые фибулы и цепедержатели (ОАК, 1907, с. 109, 111, рис. 200, 202). Датируется оно XIII—XIV вв.

Может быть, с разрушенными погребениями связаны в Ижорской земле и другие находки корельских вещей, именуемые в литературе «кладами». Они были собраны и описаны А. М. Таллгреном (Tallgren A. M., 1938b, p. 79—108). Это — находки вещей корельских типов у д. Пущево на западном берегу Волхова, а также пластинчатая подковообразная фибула с растительным орнаментом и цепедержатель корельского облика, обнаруженные в окрестностях Гатчины. Отдельные находки вещей корельских типов известны в Войскорове на р. Ижоре и в Кельто к северу от Невы.

Поселения ижоры пока не изучались археологами.

Имеющиеся археологические материалы не позволяют даже приблизительно реконструировать этнографический костюм ижоры. Можно только полагать, что основные украшения ижоры аналогичны корельским. Да и в погребальном обряде, вероятно, со временем наметится близость с корелой. Однако грунтовые могильники пока не дают материалов для выделения племенных признаков.

Ижора — сравнительно молодое этнообразование прибалтийских финнов. На основе языковых данных исследователи полагают, что группа корелы, отпочковавшаяся от основной массы и осевшая на берегах Невы и южнее ее, и образовала самостоятельную этническую единицу — племя ижоры (Аристе П. А., 1956, с. 22; Nirvi R. E., 1961a; 1961b; Лаанест А., 1966, с. 8—10, 18). Обособление это произошло, как полагают лингвисты, в конце I тысячелетия н. э.

или на рубеже I и II тысячелетий н. э. Ижора до настоящего времени называет себя карелами, сохраняя представление о том, что предками ее действительно была летописная корела.

Памятников и отдельных находок, относящихся к I тысячелетию н. э., на территории Ижорской земли нет.

Из основного региона (бассейн Невы) ижора стала расселяться в западном направлении по южному берегу Финского залива. Х. А. и А. Х. Моора высказали мнение о том, что эта миграция началась очень рано и уже в XI—XIV вв. на южном побережье Финского залива до устья Нарвы вместе с водью проживала ижора (Моора Х. А., Моора А. Х., 1965, с. 67, 69). По сведениям XVII—XIX вв., действительно, в этом регионе рядом с водью жила ижора. В летописных материалах свидетельств раннего расселения ижоры в этом регионе не обнаруживается. Наиболее ранние захоронения в названных грунтовых могильниках, относимых к ижоре, датируются XIII в. О расселении ижоры по низменному побережью Финского залива ранее можно предполагать лишь на основе косвенных языковых данных. Так, А. Лаанест утверждает, что в западноижорском диалекте имеются весьма древние особенности, которые не свойственны восточноижорским диалектам, локализуемым в бассейне Невы (Лаанест А., 1966, с. 100).

В хозяйстве ижоры, жившей в малоплодородной низменной местности, значительное место, нужно полагать, занимали охота и рыбная ловля.

Регион расселения ижоры входил в состав Новгородской земли. Согласно исследованиям А. В. Кузы, эта область была освоена Новгородом в XI — первой половине XII в. (Куза А. В., 1975, с. 186). Отсутствие древнерусских курганов в Ижорской земле говорит о том, что здесь не было широкой земледельческой колонизации. Культурное воздействие со стороны славян проявилось лишь в сравнительно немногочисленном распространении вещей древнерусских типов в регионе ижоры, а может быть, и в погребальной обрядности (западная ориентировка некоторых погребенных вместо меридиональной, характерной для финно-угров).

Первоначально зависимость Ижорской земли от Новгорода выражалась в выплате дани и участии в военных делах. Ижора, подобно кореле и водю, составляла отряды в состав новгородской рати, о чем сообщают летописи, а также выполняла сторожевую службу на невском рубеже Новгородской земли. В вошедшей в летопись повести об Александре Невском содержится рассказ о представителе феодализирующейся знати, ижорском старейшине, состоящем на службе Новгорода Великого, обязанностью которого являлась охрана водных рубежей — «стража морская». Имя его Пелгусий, он крестился (наречен был Филиппом) и жил «посреде роду своего погана суща» (Новгородская летопись, 1950, с. 292). В начале XIV в. в условиях нарастающей шведской экспансии в земле ижоры, на острове в истоке Невы, строится сначала деревянно-каменный, а затем полностью каменный новгородский город-крепость Орешек (Кирпичников А. Н., 1980), ставший важным форпостом на северо-западе Руси.

Корела

Корела — одна из древнейших прибалтийско-финских племенных группировок. По данным лингвистики, начало формирования племенных языков древнейших группировок прибалтийских финнов относится к середине I тысячелетия до н. э. (Аристе П. А., 1956, с. 15, 21, 22).

Современные карелы не равнозначны древнему племени, они сформировались значительно позднее в результате сложного этнического взаимодействия корелы и веси при преобладании второго этнического компонента (Бубрих Д. В., 1947; 1949, с. 49, 50).

Средневековая корела заселяла земли, лежащие на запад от Ладожского озера (карта 4). Западным соседом ее была емь. На север от региона корелы простирались обширные земли саамов (летописной лопи) — еще в XVII в. значительные пространства современной Карельской АССР занимали «Лопские погосты».

Первые, весьма результативные археологические исследования древностей корелы произведены в 80-х годах прошлого столетия финским ученым Т. Швиндтом. В окрестностях г. Кексгольма (ныне Приозерск Ленинградской обл.) им было открыто и раскопано несколько грунтовых могильников, иногда называемых кексгольмскими. Материалы этих исследований (Schwindt Th., 1893) до сих пор остаются важнейшими для изучения средневековой корелы. Тогда же раскапывался могильник у г. Миккеля (Heikel A., 1894, S. 100), принадлежность погребенных которого кореле до сих пор вызывает научные споры.

К 90-м годам XIX в. относятся и первые описания укрепленных поселений летописной корелы, выполненные Я. Аппельгреном (Appelgren H., 1891, s. 98—106, 126—136, 148—151, 162—164, 166—168). На четырех городищах (Лопотти, Сур-Микли, Тиверск, Хямеэнлахти) им были произведены небольшие раскопки. Раскопочные работы в Тиверске также в небольших масштабах в те же годы вели Т. Швиндт и А. Хакман.

В последующее время, вплоть до конца 30-х годов XX в., заметных раскопок корельских памятников не производилось. Однако в Финляндский национальный музей (Хельсинки) постоянно поступали различные вещи из случайных находок или из очень небольших раскопок.

Материалы раскопок Т. Швиндта и Я. Аппельгрена, а также случайные находки стали основой для написания ряда археологических исследований, посвященных истории и культуре корелы. Ряд обзорных статей посвятил корельской проблематике А. М. Таллгрен (Tallgren A. M. 1910, s. 100; 1931b, s. 150; 1932, s. 50). Исследователь выдвинул гипотезу, согласно которой корела в Западном Приладожье переселилась с юго-востока, из «шведско-чудского» региона (Tallgren A. M., 1916, s. 35).

Большого внимания заслуживает монография К. А. Нордмана, в которой систематизированы и обобщены все материалы по археологии летописной корелы (Nordman C. A., 1924). Исследователь полагал, что культура кексгольмских могильников свидетельствует о западном происхождении корелы.

Сформировалось племя в западном Приладожье в результате смешения населения, пришедшего с востока (из района Ладоги), с выходцами из западных районов Финляндии. При этом западнофинские черты в культуре корелы были господствующими. Исследователь подчеркивал также сильное воздействие на корельскую культуру со стороны Новгорода.

Позднее К. А. Нордман опубликовал две статьи, освещающие отдельные памятники корелы (Nordman C. A., 1934, s. 100; 1945, s. 50—70).

В конце 30—40-х годов корельские древности были объектом исследований Э. Кивикоски. Ею раскапывались могильники в районе г. Сортавала и около д. Саккола. Несомненный интерес представляет написанная Э. Кивикоски обобщающая работа по археологии корелы (Kivikoski E., 1944, S. 34—73). Культура летописной корелы, по мнению этого автора, имеет западнофинское происхождение, но формировалась при воздействии финно-угорских культур соседних южных и восточных территорий Восточной Европы. Э. Кивикоски полагала, что до эпохи викингов в Приладожье проживало однородное финно-угорское население. Корела и ее культура сформировались в районе Карельского перешейка в результате взаимодействия этого местного населения с пришлым из западных районов Финляндии при воздействии Новгорода и Готланда.

Обзор корельских древностей Э. Кивикоски обычно включает в исторические работы, посвященные Финляндии (Kivikoski E., 1967, p. 134—143), а вещевые материалы из памятников корелы — в каталоги древностей Финляндии (Kivikoski E., 1951; 1973).

С 1970 г. начинается новый этап в изучении археологии корелы. Произведенные в 70-х годах исследования заметно дополнили конкретные материалы. Под руководством А. Н. Кирпичникова были осуществлены раскопки города и крепости Корела (Кирпичников А. Н., 1979, с. 52—73), а также разведывательные работы в Тиверске (Кирпичников А. Н., Петренко В. П., 1974, с. 106—113). Более крупные раскопки Тиверска произведены С. И. Кочкуркиной (Кочкуркина С. И., 1976, с. 63—70; 1981, с. 30—62). Ею же раскапывались городища Паасо и Куркийоки (Кочкуркина С. И., 1975, с. 167—172; 1981, с. 66—68, 73—87). При раскопках в Выборге открыты слои поселения корелы XII—XIII вв., т. е. времени, предшествующего основанию здесь шведской крепости (АО 1980 г., с. 35, 36; Тюленев В. А., 1984, с. 118—125). Начаты были исследования жилищ летописной корелы, ведутся поиски новых могильников (АО 1979 г., с. 30, 31; АО 1980 г., с. 30; Сакса А. И., 1984, с. 112—117).

Наряду с активными полевыми исследованиями ведется работа по изучению всего накопленного археологами материала, по его историко-культурному осмыслению. На основе анализа и картографии овално-выпуклых и подковообразных с растительной орнаментацией фибул, головных застёжек и рукоятей ножей С. И. Кочкуркина попыталась показать, что корельская культура XII—XIV вв. охватывала, помимо Карельского перешейка, регион Миккельских озер (Кочкуркина С. И., 1978, с. 41—70). Обзор и карту распространения украшений корельских форм составил А. И. Сакса (Сакса А. И.,

1981, с. 51–56). Но наиболее существенными являются две книги С. И. Кочкуркиной. Одна из них представляет собой сводку всех имеющихся сведений об археологических памятниках корелы V–XV вв. (Кочкуркина С. И., 1981); вторая работа освещает общие и частные вопросы средневековой истории корелы (Кочкуркина С. И., 1982).

Корельские грунтовые могильники остаются основным источником изучения истории и культуры этого племени (карта 4). Расположены они, как правило, по берегам рек или озер на склонах небольших песчаных всхолмлений. Каких-либо внешних признаков могильники не имеют. До сих пор все могильники обнаружены на обрабатываемых полях, поэтому не исключено, что часть погребений была разрушена при распашке.

Наиболее ранние захоронения совершены по обряду кремации. Одно из таких погребений открыто в 1938 г. местными жителями и тогда же исследовано Э. Кивикоски в Нукутталахти на о-ве Риекалла в Ладожском озере (Kivikoski E., 1939, s. 15; Кочкуркина С. И., 1981, с. 19, 20). Под дерновым покрытием расчищена кладка из камней самых различных размеров, в плане она имела неправильные очертания (около 2×1,5 м). На камнях и между ними собраны сожженные кости, два бронзовых браслета, спиральный перстень, две застёжки-аграфа, бронзовая лента, расплавленные синие бусы и небольшое железное двулезвийное орудие, очевидно применявшееся для обработки дерева и кости. На основе этих находок погребение датируется началом VI в. Э. Кивикоски высказала предположение, что эта могила принадлежит шведскому мореплавателю. Однако весь комплекс находок говорит о погребении здесь местного жителя.

По-видимому, к середине I тысячелетия н. э. относятся также остатки трупосожжения с обломками бронзовых предметов и глиняных сосудов и железными заклепками, выявленные в Муола-Улякуса (Nordman C. A., 1924, s. 95, 96).

Следующие по времени захоронения по обряду кремации относятся к VIII в. Они были исследованы в 1921 г. А. Европеусом в Лапинлахти (Europeus A., 1923, s. 69, 70) и получили характеристику в работах А. Хакмана и Х. Салмо (Hackman A., 1925, s. 24–53; Salmo H., 1938, s. 49, 50). Погребения находились под курганообразной насыпью высотой около 1 м, диаметром 8–9,5 м. Остатки трупосожжений (кальцинированные кости) находились на глубине 0,5–0,7 м среди множества больших камней и обломков колотого гранита. Вокруг камней и под ними залегал черный углистый слой.

Определить количество захоронений и разграничить по ним вещевые находки не представляется возможным. В состав могильного инвентаря входили железные вещи: восемь наконечников копий, наконечник стрелы, серп, долото, два скобеля, два резца, четыре целых и два сломанных ножа, обломок пинцета, гвозди, кольцо от удил, кнутовище и ремешок разделитель, а также фрагмент бронзового котла. Среди украшений из цветных металлов имеются две равноплечные фибулы с выпуклой серединой и слегка вогнутыми концами, круглая ажурная фибула, две подковообразные застёжки, обломок пластинчатого браслета, спиральный пер-

стень, проволочные спиральки, поясные бляшки.

К концу I тысячелетия и к самому началу II тысячелетия н. э. относятся единичные захоронения по обряду кремации, открытые в разное время в грунтовых могильниках Коукунниэми (Nordman C. A., 1924, s. 125), Куппала (Kuujo E., 1958, s. 29), Лопотти (Appelgren H., 1891, s. 148–151; Nordman C. A., 1924, s. 102–120), Наскалинмяки (Schwindt F., 1893, s. 100), Мантинсари (Кочкуркина С. И., 1981, с. 20, 21), Уосуккала (Nordman C. A., 1924, s. 95, 96), Хенномьяки (Nordman C. A., 1924, s. 126). Погребения в них совершались в грунте на небольшой глубине и сопровождались различными вещами — наконечниками копий, топорами, мечами, удилами, серпами, мотыгами, ножами, а также украшениями (фибулами, шейными гривнами, браслетами, поясными накладками и др.).

В могильнике на о-ве Эссари под Выборгом могилы были сложены из камней в два-три ряда и имели форму неправильного четырехугольника размерами 6×5 м. Сожженные кости, собранные в кучку, находились в углублениях и покрывались камнями. Сопровождающие вещи — наконечник копья, нож, точильный камень, пять поясных бляшек — позволяют датировать захоронения X в. (Tallgren A. M., 1918, s. 16–24). Очевидно, трупосожжение под такой же каменной кучей открыто в Кийсанлахти (Nordman C. A., 1924, s. 121). Близ Хелюля в местечке Хернемьяки на берегу оз. Ликолampi исследовались каменные курганы с остатками трупосожжений, сопровождаемые вещами X в. (Kivikoski E., 1944, S. 5–8).

Захоронения по обряду трупосожжения, открытые в грунтовых могильниках Суотниэми и Ховинсари (Тонтимьяки), являются наиболее поздними и синхронны трупоположениям. Основная масса погребений в этих могильниках принадлежит к трупоположениям, сожжения единичны (Schwindt T., 1893, s. 1–11, 51–58, 61–79). При раскопках могилы 3 в Суотниэми под дерном открылся каменистый слой диаметром около 1,2 м и толщиной 15 см. Ниже — тонкая зольно-угольная прослойка (до 4–5 см толщины), а затем — слой с камнями толщиной 20 см, в котором открыто скопление сожженных костей и вещей со следами действия огня, может быть принадлежащих двум умершим. Остатки сожжения и вещи были помещены в деревянный сосуд. Среди предметов имеются три фибулы типов С₂, Н и F₁ (по классификации Ю. Айлио), серебряная пластинчатая фибула, используемая как подвеска, бронзовые спиральки, пять сплавившихся синих стеклянных бус, обрывок железной цепи с копоушкой, обломки железного ножа, две костяные поделки, кусочек ткани, а также фрагменты расплавленных и поломанных железных и бронзовых вещей. Вне погребения, в верхних слоях могилы, кроме того, найдены железные ножницы, обломки серпа, фибула типа F₁, гвоздь, какие-то окислившиеся железные предметы и фрагменты двух глиняных сосудов.

В могиле 13 в Ховинсари кальцинированные кости были сыпаны внутрь деревянного сруба того типа, что характерен для трупоположений. Состав и количество украшений говорят о том, что это коллективная могила. Т. Швиндт предполагал, что в могиле

погребены две-три женщины. Значительная часть вещей обожжена. Среди них имеются ажурный цепедержатель, цепочка, копоушка, спиральки, две бусины с припаянными ушками, куски сплавившейся бронзы, три железных ножа, два кресала, четыре поясные пряжки и поясные кольца, семь швейных игл, кремни, точильный брусок, кусочки кожи и ткани, рыбы кости. Наличие в составе инвентаря кресал, кремней и поясных принадлежностей предполагает захоронение здесь и мужчин.

В Тонтинмяки (могила 1) открыто неполное трупоположение. Кальцинированные кости с угольками находились на глубине 0,3–0,5 м под слоем черной земли с камнями, угольками и сажей. Кости ног оказались несожженными. Состав вещевого инвентаря дает основание некоторым исследователям полагать, что это коллективная могила или, по крайней мере, что здесь погребены двое — мужчина и женщина. Набор женских украшений в этой могиле обычный для трупоположений корельской культуры XII–XIII вв. (пластинчатая подковообразная фибула, круглая фибула с остатками ткани, две овально-выпуклые фибулы типа Н с Ф-образными пронизками и спиралевидными цепедержателями, железная цепь с бронзовой копоушкой). Кроме того, в могиле обнаружены железные топор, мотыга, серп, ножницы, два ножа с длинными деревянными рукоятками (в одном случае обернута бронзовой пластиной), пряжка, кресало и глиняное пряслице.

Основная часть захоронений корельских могильников — трупоположения в грунтовых ямах глубиной 0,3–0,8 м. Характерным признаком корельских могильников являются каменные вымостки над могилами и деревянные обкладки самих могил. Вымостки из камней, находящиеся обычно под дерном, имели неопределенные очертания. Умершего клали в могилу часто внутри деревянного сруба, или стенки могилы обкладывали досками. Дно могилы устилали досками, посыпали углями или промазывали глиной. На дне могилы расстилались шкуры животных, на которые и помещали умерших. Ориентировка, как правило, меридиональная (головой к северу), иногда с отклонениями к северо-востоку или северо-западу. Отмечены случаи захоронений в гробах или долбленых колодах. Наряду с одиночными трупоположениями имеются и коллективные, содержащие от двух до четырех человек внутри одного сруба.

Умерших погребали в праздничной одежде с большим количеством вещей. Поминальные обряды совершались неоднократно, поэтому среди камней, покрывающих могилу, обнаруживаются обломки глиняной посуды, кости животных и пепел. Приносились в жертву лошади, овцы, коровы и собаки. Остатки поминальных пиршеств (кости съеденных животных), вероятно, складывались в глиняные сосуды и ставились около могил.

Для мужских погребений характерны кольцевые фибулы, металлические поясные наборы, кресала, ножи и предметы вооружения (табл. XI). В некоторых захоронениях найдены также орудия труда — топоры, мотыги, серпы, косы (табл. XII, 13, 14, 18, 19), молотки, пробойники.

Женщин клали в могилы в праздничном убранстве. Среди металлических принадлежностей женского

убора исследователи выделяют собственно корельские, определяющие этнографическое и культурное своеобразие этого племени. Это серебряные застёжки для волос, подковообразные пластинчатые орнаментированные застёжки, некоторые типы овально-выпуклых (черепашевидных) фибул, крестообразные ажурные цепедержатели, копоушки и железные ножи с плетеным орнаментом на рукоятках или ножнах.

Головное украшение — сюкерё — изготавливалось из тонких серебряных проволочек посредством плетения. Концы их полые, гладкие, заканчиваются петлями, в одну из которых продевалась игла со спиральной головкой (табл. XIII, 31). Эти украшения концентрируются на Карельском перешейке. Исключение составляет один экземпляр головной застёжки, найденный в Эстонии в составеклада, который датируется по монетам XII в. (Tõnisson E., 1962, lk. 253). В целом корельские сюкерё датируются XII–XIV вв.

Изготавливались они в той же технике, что и цепочки, плетенные из нескольких тонких проволочек. Такие цепочки широко распространены, кроме северо-западного Приладожья, в Финляндии, Скандинавии и Прибалтике (Appelgren H., 1905, s. 40). Местом производства этих украшений, по мнению некоторых исследователей, был Готланд (Nordman C. A., 1942, s. 282; Tõnisson E., 1962, lk. 253).

Типично корельскими являются и большие подковообразные застёжки с растительным орнаментом, как пластинчатые, так и выпукло-острореберные (табл. XIV, 1, 6, 9, 10, 12, 14, 16). Форма их оригинальна и свидетельствует о местном происхождении. Распространены они преимущественно на Карельском перешейке. На территории Финляндии корельские подковообразные украшения встречены только в могильнике Тууккала в районе Миккельских озер. В единичных экземплярах они найдены в ряде памятников Водской земли (Спицын А. А., 1896, табл. X, 17) и в двухкладах Эстонии (Naumann R., 1914, Taf. XIX).

Об истоках орнамента на корельских фибулах написано много исследований. Я. Аппельгрэн полагал, что растительный орнамент развился в землях корелы и ижоры на основе романского стиля (Appelgren-Kivalo H., 1910, s. 138). Существует мнение о новгородском начале орнаментики рассматриваемых фибул (Strandberg R., 1938, p. 167, 190, 200). К. А. Нордман видел в орнаментике корельских фибул смешение византийского мотива с северо-европейским (Nordman C. A., 1924, s. 158; 1945, s. 221).

Обстоятельный анализ корельских подковообразных фибул сделан Х. Сальмо (Salmo H., 1956, S. 89–94). Среди финских фибул он выделил две корельские группы: пластинчатые фибулы и фибулы с выпуклой дугой — и датировал их 1100–1250 гг. Исследователь не определяет место изготовления фибул, но полагает, что наиболее вероятным является Карельский перешеек.

Бронзовые орнаментированные рукоятки ножей (табл. XII, 3, 9, 11, 17) становятся неотъемлемой частью средневековой культуры корелы. Клинки ножей железные (табл. XII, 2, 4, 6), бронзовые рукоятки имеют овальное сечение и слабо расширяются

кверху. В ряде женских погребений ножи находились в ножнах с бронзовой пластинчатой обкладкой, украшенной сложной растительной орнаментацией (табл. XII, 1, 5, 12). Узор на рукоятках — плетеный.

Картография находок ножей с бронзовыми рукоятками, как и их орнаментация, позволяет рассматривать эти предметы как типично корельские, с чем согласны все исследователи (Kivikoski E., 1973, S. 147). Основная масса находок приходится на северо-западное Приладожье, при этом они здесь встречаются не только в могильниках, но и на поселениях (Тиверск, Корела). В Финляндии корельские ножи с бронзовыми рукоятками найдены в районе г. Миккелли в четырех захоронениях могильника Тууккала (Heikel A. O., 1889, s. 10, 11), в котором встречены и другие корельские вещи.

Предметы, происходящие из земли корелы, найдены в ряде мест северного побережья Ботнического залива. Ножи с бронзовыми рукоятками корельского типа обнаружены здесь в нескольких пунктах, в том числе в Гротреске (Serning J., 1956, s. 156, pl. 55, 31) и Гараселете (Christiansson H., 1973, s. 26, fig. 10).

Распространение корельских предметов в этом регионе, очевидно, обусловлено расселением корелы в южной части Лапландии. Северо-восточное побережье Ботнического залива, судя по «Ореховскому договору» 1323 г. со Швецией, было зависимо от Новгорода Великого. Об этом же свидетельствует и берестяная грамота 286, найденная при раскопках в Новгороде (Арциховский А. В., Борковский В. И., 1963, с. 112—114; Янин В. Л., 1965, с. 61—70; Черепнин Л. В., 1969, с. 216—219). В ней говорится о «кореле на Каяно море». Каяно море — название Ботнического залива. В одном из документов XVI в. имеется описание торгового пути из Корелы в Оулу (Lukkarinen J., 1917, s. 40). Известно также, что корельские купцы с давних времен были посредниками в торговле Новгорода с Лапландией, богатой пушниной.

Отдельные находки корельских ножей, далее, известны из курганов Волковицы и Рабитицы на Ижорском плато (Спицын А. А., 1896, табл. XI, 12; XIX, 26), а также происходят из городов северо-западной Руси — Новгорода, Копорья и Орешка. На Неревском раскопе Новгорода исследована усадьба Е, где в слоях XIII—XIV вв. найдены и другие корельские вещи — бронзовые ножны, овально-выпуклая фибула, Ф-образная пронизка. В ряде берестяных грамот, обнаруженных здесь, называются корельские имена, рассказывается о событиях, относящихся к земле корелы, а одна грамота была написана на корельском языке при помощи русского алфавита (Арциховский А. В., Борковский В. И., 1963, с. 120—122; Елисеев Ю. С., 1959, с. 100). Не исключено, что на этой новгородской усадьбе жили вместе со славянами выходцы из Корелии.

Частой находкой в женских погребениях корельских могильников являются овально-выпуклые или черепаховидные фибулы (табл. XIII, 1, 6, 13, 18, 22, 29, 30, 33). Они стали предметом специального анализа Ю. Айлио, выделившего на основе орнамента 11 типов фибул. Он полагал, что корельские фибулы происходят от скандинавских образцов (Ailio J., 1922b, s. 18, 19). К. А. Нордман датировал рассмат-

риваемые фибулы XII—XIII вв. и отрицал их скандинавское происхождение (Nordman C. A., 1924, s. 148).

Позднее О. Хальстром показал, что эти фибулы характерны не только для корельских земель, но встречаются и в Хяме. Он выделил две большие группы — западную, для которой характерны фибулы меньших размеров, датируемые XI в., и восточную, характеризующуюся более крупными экземплярами XII—XIII вв. (Hälström O., 1948, s. 45—64).

Фибулы с ракообразным орнаментом (тип II, по Ю. Айлио) специально анализировались П. Л. Лехтосало-Хиландер (Lehtosalo P. L., 1966, s. 22—39). Выделено было две группы, в первую вошли фибулы, ширина которых составляет 55—57% их длины (датируются XI — началом XII в.); фибулы второй группы имеют соответственно показатели 59—61% и относятся к XII — началу XIII в.

В научной литературе велась дискуссия о корельской, финской (емской) или емско-корельской принадлежности всех рассматриваемых овально-выпуклых фибул (Кочкуркина С. И., 1978, с. 42—54). Думается, что к этому вопросу следует подойти дифференцированно. Распространение различных типов этих фибул дает основание рассматривать в качестве собственно корельских далеко не все типы, а только следующие.

1. Фибулы со звериным орнаментом, относимые Ю. Айлио к типам C_2 и C_3 (табл. XIII, 6). Орнамента их представляет собой преобразованный до неузнаваемости стиль «Борре», соединенный с византийскими чертами в местном восприятии.

Анализу этих фибул посвящена специальная статья Э. Линтури (Линтури Э., 1984, с. 148—155). Фибулы типа C_2 подразделены им на группы и подгруппы. Картография показала, что фибулы группы $C_{2/3}$ сконцентрированы в северо-западном Приладожье и полностью отсутствуют в области Саво. За пределами этих регионов сделана только одна находка в Приботнии. Очевидно, что эти фибулы были наиболее типичными корельскими. Э. Линтури утверждает, что фибулы $C_{2/3}$ были предшественниками групп $C_{2/1}$ и $C_{2/2}$.

Фибулы группы $C_{2/1}$ встречены в большей степени в области Саво, но они есть и в северо-западном Приладожье. Для них характерна поперечная нарезка между окружающими поле пояском и верхним животным.

Фибулы $C_{2/2}$ вряд ли можно считать собственно корельскими, поскольку находки их единичны.

Фибулы $C_{2/4}$ обнаружены вне области расселения корелы — в юго-западной Финляндии, в южной Лапландии, в низовьях Волхова и в д. Пупышево (Tallgren A. M., 1938, Fig. 21), в Костромском Поволжье (Tallgren A. M., 1928, p. 14, 15).

К. А. Нордман полагал, что фибулы типа C_2 возникли в XI в. (Nordman C. A., 1924, s. 57—60, 85, 86). Традиционно эти украшения датируются XII—XIII вв. (Кочкуркина С. И., 1978, с. 51). Э. Линтури, проанализировав вновь хронологию вещевого материала захоронений, в которых встречены фибулы типа C_2 , утверждает, что ранние варианты их могли возникнуть уже в конце XI в., но использовались в основном в XII в. Предположительно они были в употреблении еще и в следующем столетии.

Фибулы C_3 эволюционно восходят к типу C_2 , но дату их определить затруднительно. Особенностью их декора являются небольшие головы и точечные глаза животных, а также узкие прямые лапы боковых зверей. Все они найдены в северо-западном Приладожье и могут рассматриваться как типично корельские.

2. Фибулы с орнаментом в виде плетенки, принадлежащие, по Ю. Айлио, к типам F_1 – F_4 (табл. XIII, 13, 18). Распространены они главным образом в западном Приладожье. Найдены также в окрестностях Миккели (Тууккало, Висулахти, Мойсио). В западной Финляндии одна фибула типа F_1 встречена в могильнике Настола, приписываемом корельским беженцам, другая происходит из Нику-Пеннала (Тёуса) и датируется XII в. Кроме того, одна фибула типа F_1 происходит из земли ливов (Aspelin J. R., 1884, p. 2002).

Овально-выпуклые фибулы с изображением усиков ползающего растения (тип J, по Ю. Айлио), с лилиевидной орнаментацией (тип G), с крестообразным узором (тип I), с рельефным узором, напоминающим четырехлепестковый лист клевера (тип E), как и упомянутые фибулы типа C_1 , нужно отнести к собственно финским (емским). Они распространены почти исключительно вне земли корелы, в областях расселения еми и суми. В кексгольмских могильниках они не встречены вовсе. Лишь в напластованиях Тиверска найдены две фибулы, относящиеся к типам C_1 и J.

Фибулы с орнаментацией, напоминающей рака с расправленными клешнями (тип H, Ю. Айлио считал, что в орнаментике этих фибул предпочтительнее видеть изображение «древа жизни»), встречаются как в памятниках корелы (табл. XIII, 1, 29), так и среди древностей Хяме. Количественно они все же преобладают на Карельском перешейке, что однако не дает основания считать овально-выпуклые фибулы с изображением клешней рака типично корельским украшением. Это, скорее всего, было корельско-емское украшение. За пределами этой территории фибулы типа H обнаружены в Швеции (Agne T. J., 1914, fig. 59), в земле ижоры (ОАК, 1907, с. 109), в Орешке (Кирпичников А. Н., 1980, с. 14), Новгороде (Седова М. В., 1981, с. 84, рис. 30, 3), Изборске (Sedov V. V., 1980a, p. 88).

Согласно П. Л. Лехтосало-Хиландер, эти фибулы бытовали с XI по XIII в., а основная масса их была в употреблении в XII в. (Lehtosalo P. L., 1966, s. 23). Новгородская находка датируется 60–80-ми годами XIII в., тиверская — первой половиной XIV в.

Среди женских украшений корелы широкое распространение получили бронзовые цепедержатели двух типов — биспиральные и ажурные крестовидные (табл. XV, 8). Первые из них нельзя считать собственно корельскими, поскольку в эпоху викингов они были в употреблении в Финляндии и Эстонии (Aspelin J. R., 1880, p. 1487, 1580, 1611; Kivikoski E., 1973, s. 105, Abb. 767) и встречены на Ижорском плато (Спицын А. А., 1896, с. 22, табл. XV, 13), в Новгороде (Седова М. В., 1981, с. 35) и в костромских курганах. Зато ажурные крестообразные цепедержатели можно считать типично корельскими. Регион их распространения ограничен

Карельским перешейком и регионом Миккельских озер.

Бронзовые копоушки с овальным пластинчатым расширением в средней части, ушком вверх и узким ложкообразным завершением внизу (табл. XIII, 2, 4, 5) являются типично корельскими. Пластинчатые расширения украшены обычно аканфовым, растительным узором или плетеным орнаментом. Реже встречаются копоушки с ажурными расширениями. Распространены эти предметы исключительно в западном Приладожье и в регионе Миккели.

Шумящие привески-пронизки в виде буквы Ф (табл. XV, 6, 14, 20) характерны для многих финно-угорских племен. Они широко представлены в памятниках Прикамья (Спицын А. А., 1902, табл. X; Савельева Э. А., 1971, табл. 36, 19, 21), в земле веси (Голубева Л. А., 1973, с. 42, рис. 5, 2). В небольшом числе они найдены в памятниках Карельского перешейка и в регионе Миккельских озер.

На основе охарактеризованных украшений, в большей или в меньшей степени являющихся этнографическими для этого племени, можно очертить территорию расселения корелы. В XII–XIV вв., к которым относится множество погребений рассматриваемых могильников, основным регионом корелы было западное и северо-западное Приладожье. Южной границей расселения этого племени оказался северный берег Финского залива. На западе рубежом корелы был бассейн р. Вуоксы. Отчетливой северо-западной границы корельского расселения, очевидно, не было.

В восточной Финляндии (Саво), вблизи Миккели, по-видимому, корела перемешалась с емским населением. Здесь в могильниках найдены многие вещи, аналогичные корельским, в том числе украшения этнографического характера. Таковы подковообразные пластинчатые и выпуклые фибулы, орнаментированные рукоятки ножей, черепаховидные фибулы типов C_2 , F_1 , ажурные крестовидные цепедержатели и бронзовые копоушки. Таких предметов здесь довольно много, что свидетельствует не только о том, что область Саво входила в орбиту корельской культуры, но и о наличии здесь корельского населения.

Однако невозможно согласиться с теми исследователями, которые относят область Саво целиком к корельской территории. Наряду с типично корельскими украшениями в могильниках этой области постоянно встречаются вещи емских типов. Таковы, в частности, названные овально-выпуклые фибулы типов C_1 , E, G, J. Финляндские археологи указывают на отличия в способах крепления бронзовых спиралек к ткани женской одежды у того и другого населения, отсутствие в женском наряде региона Миккели характерных застёжек для волос. Самым важным является то, что погребальный обряд средневековых могильников этой области заметно отличается от корельского. Здесь отсутствуют каменные вымостки, обозначающие погребения, нет характерных для корелы погребальных срубов. Очевидно, область Саво была заселена корельско-емским населением, может быть, при преобладании корельского в отдельных местах этой территории.

Основным типом поселений корелы как во второй половине I тысячелетия н. э., так и в первых вехах II тысячелетия н. э. были селища. К сожалению,

1. Украшения ливов XI—XII вв.
Булавки с ажурной головкой (Джикли); нагрудное украшение с цепочками (Айзкраукле); фибулы

(Лиелварде, Кандава); цепедержатель, подковообразная застежка и браслет (Даугмале); шейная гривна (Джикли).

2. Бронзовые привески веси XII в. (Несреднево I).

3. Фибула корелы (Паасо).

4

7

5

8

6

9

4. Бронзовая фигурка коня. Верх-Саинский могильник. IX в.
5. Изделия из кости. Городище Иднакар. X—XII вв.
6. Бусы из сердолика, янтаря и стекла. Верх-Саинский могильник. IX в.

7. Бронзовая привеска. Дубовский могильник. X в.
8. Костяной гребень. Городище Иднакар. X—XI вв.
9. Бронзовая привеска. Дубовский могильник. IX в.

10

13

11

14

12

15

10. Бронзовая привеска-уточка. Могильник Крохинские Пески (Белоозеро). XI—XII вв.

11. Бронзовое изображение коня. Верх-Саянский могильник. VIII—IX вв.

12. Бронзовое изображение зайца. Могильник Архирейская Займка.

13. Орнаментированная поделка из глины. Городище Укли II. X—XI вв.

14. Бронзовое навершие кресла. Новоникольский могильник. X—XI вв.

15. Бронзовые изображения рыб. Могильник Скрипунова. XI—XIII вв.

16

19

17

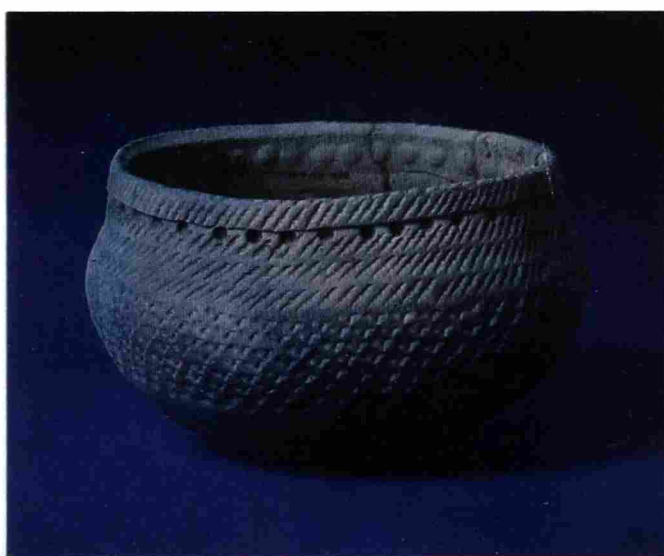
20

18

21

16. Бронзовое изображение двух воинов. Пльинка. VII—VIII вв.

17. Бронзовая птицевидная фигурка. Тарский округ. IV—VI вв.

18. Глиняная фигурка. Городище Уки II. X—XI вв.

19. Бронзовая поясная бляха с изображением голов медведей. Могильник Архиперейская Заимка. VIII в.

20. Бронзовая антропоморфная фигурка. Новоникольский могильник. X—XI вв.

21. Глиняный сосуд. Козловский могильник. IV—VI вв.

эта группа памятников археологии остается неизученной. Такие поселения корелы известны пока по исследованиям городищ, возникших на месте неукрепленных селищ. Одно из них — у Куркийоки в Лопотти, раскапывавшееся траншеями Я. Аппельгреном (Appelgren Hj., 1891, s. 150). Здесь в северной части будущего городища выявлены материалы XI–XII вв. По-видимому, тогда же было заселено всхолмление на южной стороне залива Хямеэнлахти в 5 км от Куркийоки, которое позднее было укреплено (Appelgren Hj., 1891, s. 126–136), а также место, где впоследствии стоял город Тиверск (Tallgren A. M., 1931b, s. 197, 198). Кажется, что большинство поселений XII–XIV вв. расположено на разрушенных памятниках X–XI вв.

Для поселений выбирались каменистые возвышенности. Для устройства жилых и хозяйственных помещений на скалах использовались выступы или ложбины. Культурный слой на камнях подвергался разрушению талыми и дождевыми водами. Поэтому, очевидно, на некоторых таких поселениях культурные наслоения не сохранились.

На территории Финляндии и Карельского перешейка Я. Аппельгреном собраны сведения о более чем 300 природных возвышениях, которые местное население называет Линनावуори или Линнамяки (Appelgren Hj., 1891), т. е. «замковыми горами» или «крепостями на горах». Исследователи неоднократно высказывали сомнения в принадлежности их к археологическим памятникам. Не исключено, что какая-то часть Линनावуори и Линнамяки действительно не являются таковыми. Вместе с тем допустимо предположение о том, что они могли быть древними поселениями, устроенными на природных возвышениях. Слабые культурные напластования на камнях оказались со временем полностью размытыми.

В XII–XIV вв. старые поселения корелы укрепляются каменными стенами. В то же время возникают и новые укрепленные поселения. Среди них наиболее интересным является городище в 3,5 км от д. Васильево Приозерского района Ленинградской обл. Расположено оно близ порогов Тиури на острове между двумя рукавами р. Вуоксы. Высота площадки городища над уровнем воды в реке около 2 м, размеры ее 215–230×40–56 м. По периметру площадка оконтурена стеной, сложенной из валунов.

Положение городища у Тиверских порогов (Тиурилиннасаари) дало основание Я. Аппельгреному отождествлять его с известным по русским летописям Тиверским городком (Appelgren Hj., 1891, s. 98–106). Этот населенный пункт назван в летописях под 1404 и 1411 гг. (ПСРЛ, XI, 1965, с. 190; Новгородская летопись, 1950, с. 402) как северо-западный форпост Новгорода Великого. По-видимому, он был опорным пунктом рубежа Новгородской земли, одновременно контролировавшим водные пути в промежутке между городами Корелой и Выборгом. В «Списке русских городов», составленном в конце XIV в., Тиверск назван в числе залесских городов вслед за Ладогой, Орешком и Корелой (Новгородская летопись, 1950, с. 477).

В 80–90-х годах прошлого столетия Тиверское городище раскапывалось Я. Аппельгреном (Appel-

gren Hj., 1891, s. 98–106), Т. Швиндтом и А. Хакманом (Schwindt Th., 1893, s. 85–90). Раскопочные работы были продолжены после длительного перерыва в 70-х годах XX в. В 1971 г. небольшие исследования произведены под руководством А. Н. Кирпичникова (Кирпичников А. Н., Петренко В. П., 1974, с. 106–113), а в 1971 и 1972 гг. раскопки осуществлены С. И. Кочкуркиной (Кочкуркина С. И., 1976, с. 106–113).

Изучались остатки каменной стены, защищавшей, по мнению финляндских исследователей и А. Н. Кирпичникова, поселение по всему периметру. Сложена стена было насухо из крупных валунов. Камни клались непосредственно на древнюю поверхность по краям городищенского холма. Ширина стены около 4–4,5 м, высота ее около 2 м. Поверху в древности была устроена деревянная надстройка, о чем свидетельствуют камеры на восточном участке оборонительной стены. С. И. Кочкуркина полагает, что Тиверское городище с юга было защищено валом с внутренней каменной кладкой, а с остальных сторон — каменной стеной (Кочкуркина С. И., 1981, с. 50). Мысль о наличии в Тиверске вала, сложенного из больших камней без связующего раствора и засыпанного землей, была высказана П. А. Раппопортом (Раппопорт П. А., 1961, с. 119).

Остатками жилищ являются фундаменты, сложенные из мелких, плотно пригнанных камней, скрепленных глиной. Сами дома, очевидно, были бревенчатыми. Их размеры от 5×3,8 до 6×5 м. Отапливались они очагами. Это были круглой или овальной формы углубления с каменными венцами, промазанными глиной. Наряду с очагами, вероятно, имелись и печи-каменки, но они настолько плохо сохранились, что говорить об их реконструкции не представляется возможным.

Интересные материалы получены при изучении городища Паасо (табл. VI, 5), расположенного между г. Сортавала и пос. Хелюля на горе Паасонвуори при впадении р. Хелюлянийоки в оз. Лийколанъярви. Высота городища над окружающей местностью достигает 65 м. Для городища была использована скалистая вершина горы. Площадка городища имеет размеры около 140×90 м и с северо-восточной и северо-западной сторон ограничена крутыми обрывами. Южный склон пологий, где и находился въезд на поселение.

Раскопки памятника производились С. И. Кочкуркиной в 1978 и 1979 гг. (Кочкуркина С. И., 1981, с. 75–87). До возникновения городища здесь существовало открытое поселение, культурный слой которого полностью разрушен более поздним строительством. При раскопках обнаружены немногочисленные вещевые находки X–XI вв. (равноплечная фибула, калачевидное кресало, сердопковая восьмигранная бусина, бусина-«флакопчик» и др.) и фрагменты лепной керамики. Сохранившиеся культурные напластования относятся к укрепленному поселению и датируются XII–XV вв.

Южная и юго-восточная стороны городища защищены двумя валами, один из которых длиной 38,5 м, второй — 23,5 м. Максимальная высота вала 1,6 м. Сложены они из колотых камней, засыпанных черным пылевидным культурным слоем. В валу имелся проем от ворот для въезда на городище.

От жилых построек до нас дошли остатки каменных фундаментов высотой 0,1–0,3 м. Жилища принадлежали к тому же типу, что и тиверские. Размеры их довольно большие — от 5×5 до 8×6 м. Постройки стояли скученно. Отопительные сооружения — печи или очаги — располагались, как правило, в срединной части жилища. В одном случае печь находилась в углу постройки. Очаги — овальные углубления, заполненные обожженными обломками камней и интенсивным углистым слоем и ограниченные венцом из камней. Печи-каменки строились из камней в два–четыре яруса. Раскопками зафиксированы очаги вне каменных фундаментов жилых построек, что дает основание говорить о наличии на городище домов без фундаментов.

Собранный на городище вещевой материал типичен для корельской культуры XII–XIV вв. Это овально-выпуклые фибулы, ажурные цепедержатели, орнаментированные рукоятки ножей и т. д.

Жилые постройки с каменными фундаментами известны также по раскопкам городища Лопотти у Куркийоки, которые производились Я. Аппельгреном в конце XIX в. и в 1971 г. продолжены С. И. Кочуркиной (Кочуркина С. И., 1975, с. 169–172). Очаги располагались либо в центре жилища, либо у входа (справа в углу), что можно считать характерным для домостроительства корелы.

При раскопках средневекового города Корелы открыты дома иного типа. В слоях XIV в. здесь зафиксированы срубные жилища с печами, помещенными в одном из углов. Срубы ставились на деревянные платформы. Жилища имели стороны 3,5–5 м. Полы их были деревянными, печи — глиняными (Кирпичников А. Н., 1979, с. 59–62). В домостроительстве этого города ощущается новгородское влияние. Более того, имеются основания полагать, что в состав населения Корелы входили новгородцы. Под 1310 г. русская летопись сообщает о походе новгородцев к р. Вуоксе, которые «и срубиша городъ на порозе новъ, ветхыи сметавше» (Новгородская летопись, 1950, с. 92, 93). Корела действительно находилась около порогов, которые показаны на генеральном плане Кексгольма 1798 г. (Кирпичников А. Н., 1979, с. 56).

Материалы раскопок поселений корелы и вещевые находки в их могильниках позволяют говорить о занятии населения охотой, рыболовством, а также земледелием.

Орудия обработки почвы в памятниках корелы пока представлены лишь мотыгами (табл. XII, 13). Нередкой находкой как на поселениях, так и в могильниках являются железные серпы и косы-горбуши (табл. XIII, 19) древнерусского облика. Несомненно, что эти орудия сельскохозяйственного труда новгородского происхождения. Не исключено, что по новгородским образцам часть орудий изготовлена местными ремесленниками.

Полученные в результате раскопок корельских памятников материалы позволяют говорить о развитии здесь собственного железоделательного производства, базирующегося на местных источниках сырья. На городищах корелы производились разнообразные кузнечные изделия. По набору технологических приемов и операций корельские кузнецы находились на одном уровне с новгородскими. При

раскопках Тиверска и городища Паасо найдены зубила, молотки, пробойники. Многочисленную группу находок в памятниках корелы составляют кузнечные изделия для повседневных нужд. Среди них ножи, ножницы, шилья, ключи, замки, дверные пробойники, кресала (табл. XII, 7, 10), светцы, гвозди, скобы и др. Местными ремесленниками, очевидно, производилась какая-то часть оружия, предметов конского снаряжения и поясных наборов. Предметы вооружения в памятниках корелы представлены наконечниками копий, дротиков и стрел (табл. XI, 1–11, 13, 16, 17, 20–22), а также мечами; снаряжение всадника и коня — стременами, шпорами и удилами (табл. XI, 14, 18, 19).

Кроме многочисленных украшений, о бронзолитейном ремесле корелы свидетельствуют находки тиглей, льячек и литейных формочек. Металлографические анализы предметов украшения показывают, что для их изготовления использовались сплавы, аналогичные новгородским. Некоторые корельские украшения самобытны, но в их формировании заметно ощущается существенное воздействие древнерусского ремесла и искусства.

В памятниках корелы широко представлены орудия обработки дерева. Найдены топоры (табл. XII, 14, 18), долота, стамески, сверла, молотки, молоток-гвоздодер и др.

О ткачестве свидетельствуют находки пряслиц, среди которых есть и шиферные, привозные. Как уже говорилось, важную роль в хозяйстве корелы играли охота, рыболовство, а также скотоводство. Остеологический материал поселений представлен костями коровы, овцы и свиньи. Свидетельством рыболовства являются находки железных крючков и каменных грузил от сетей.

До XI в. включительно в земле корелы преобладала лепная глиняная посуда. К сожалению, представлена она весьма фрагментарно, что не дает возможности охарактеризовать эту керамику обстоятельно. Превалировали, по-видимому, сосуды, близкие к баночным. С XII в. у корелы распространяется керамика, изготовленная на гончарном круге. Эта керамика явно новгородского происхождения. По всем характеристикам корельские горшки близки древнерусским. Керамическое производство, судя по петрографическому исследованию глиняной посуды из Тиверска, было налажено в местной среде.

Вопрос о происхождении племени корела остается дискуссионным. В конце XIX в. и в первой половине XX в. в финляндской литературе господствовала точка зрения о сравнительно позднем появлении корелы в северо-западном Приладожье. Согласно представлениям А. Хакмана, предки финских и корельского племен расселялись из Эстонии. Сначала были освоены юго-западные области Финляндии, а потом небольшими группами расселение шло в восточном и северном направлениях. Образование племен происходило уже на территориях, которые они занимали в историческое время. В частности, корела сформировалась в XII–XIII вв. в северо-западном Приладожье за счет переселенцев из Финляндии. Потомки племен каменного века, по мнению этого исследователя, не принимали участия в этногенезе корелы и финнов (Hackman A., 1905).

Мнение о западнофинском происхождении корелы

развивали в своих исследованиях А. Европеус (Eugoraеus A., 1923), К. А. Нордман (Nordman C. A., 1924, s. 182—196), Э. Кивикоски (Kivikoski E., 1944). При этом А. Европеус прямо писал о формировании корелы в результате расселения финнов с запада к побережью Ладожского озера, которого они достигли не позднее XV в. К. А. Нордман также утверждал, что корела сложилась в результате расселения в Приладожье западнофинских группировок из Тавастланда. Однако он считал, что в генезисе корелы приняло участие также население, мигрировавшее с юго-востока, из района Ладogi. Э. Кивикоски рассматривает пришедшее с запада финское население как один из основных компонентов формирования корелы, которое относится к концу эпохи викингов. При этом она считает, что в сложении этого племени какая-то роль принадлежала и местному древнему населению Карельского перешейка, численность которого была большей, чем это предполагалось ранее. В формировании корелы, по мнению Э. Кивикоски, участвовало также и население культуры курганов XI в., так называемого видлицкого типа (Олонецкий перешеек).

Согласно представлениям лингвиста Д. В. Бубриха, корела сложилась в результате внутрирегионального взаимодействия населения, принадлежавшего к разным племенам. По мнению этого ученого, в южном Приладожье в конце I тысячелетия н. э. жила «волховская чудь» — древнее прибалтийско-финское этнообразование. На его основе сформировалась весь. Часть же этого населения переселилась на Карельский перешеек, где при взаимодействии с выходцами из эми стало ядром корельского племени (Бубрих Д. В., 1947, с. 23—26; 1971, с. 17, 18).

А. М. Тальгрэн выдвинул гипотезу о переселении корелы на Карельский перешеек около 1100 г. с юго-восточной стороны, из «шведско-чудских» областей, полагая, что корельская культура XII—XIV вв. развилась на основе курганной культуры IX—XI вв. юго-восточного Приладожья (Tallgren A. M., 1916, s. 35). Это мнение развивал в своих работах В. И. Равдоникас (Равдоникас В. И., 1934, с. 6, 7, 25; 1940, с. 17, 18). Он полагал, что корела является относительно поздним племенным образованием, сложившимся в результате смешения эми, будто бы заселявшей в IX—XI вв. Карельский перешеек, с пришлым населением из восточного Приладожья. Он считал, что курганы видлицкого типа на Олонецком перешейке, которые характеризуются труположениями в срубках и обрядом употребления шкур животных при захоронениях, явились основой культуры корельских могильников в XII—XIV вв.

Все эти концепции строятся на положении, что племя корела сложилось сравнительно поздно и будто бы его древнейшей археологической культурой является культура кексгольмских могильников. В настоящее время мысль о том, что до начала II тысячелетия н. э. северо-западное Приладожье было пустынным регионом, куда заходили лишь небольшие группы охотников, должна быть решительно отвергнута. Собранные археологические материалы свидетельствуют о заселенности этого региона в течение всей второй половины I тысячелетия н. э. Эти материалы не являются какими-либо чужеродными

и должны быть отнесены к тому же этносу, который занимал северо-западное Приладожье во II тысячелетии н. э. То обстоятельство, что древности Карельского перешейка I — начала II тысячелетия н. э. в какой-то степени сходны с синхронными древностями Финляндии и Эстонии, совсем не свидетельствует о массовой миграции населения этих областей в западное Приладожье. Этот факт объясняется еще слабой дифференциацией культуры прибалтийско-финских племен.

Серьезного разрыва между древностями Карельского перешейка второй половины I — начала II тысячелетия н. э. и последующими, достоверно корельскими, нет. Некоторые различия между материальной культурой того и другого периода объясняются разными социально-экономическими уровнями и бурным этническим развитием корелы в первых столетиях II тысячелетия н. э. Именно в это время вырабатывались присущие только ей этнокультурные особенности. Поэтому имеются все основания утверждать, что племя корела сложилось на западном побережье Ладожского озера и ядром его стало местное население.

Как уже отмечалось, язык корелы — один из древнейших прибалтийско-финских языков, поэтому нужно допустить, что формирование племени корела имело место в I тысячелетии н. э. В пользу этого говорит и карельский эпос, созданный в условиях первобытнообщинного строя (Куусинен О. В., 1950, с. 11—16). Очевидно, Г. А. Панкрушев прав в том, что корела сложилась на базе племен, издревле обитавших в южных районах современной Карелии и юго-восточной Прибалтики (Панкрушев Г. А., 1980, с. 148, 149). Этноним корела (*karjala*, *karjala-iset*) является весьма древним, восходящим к эпохе оленеводческого хозяйства (Попов А. И., 1973, с. 83—85).

Вопрос о происхождении корелы в последнее время плодотворно исследовался С. И. Кочуркиной (Кочуркина С. И., 1981, с. 118—123; 1982, с. 37—74), подтвердившей формирование этого этноса на местной основе.

Очевидно, вопрос о формировании племени корела и вопрос о сложении корельской культуры XII—XIV вв. нужно дифференцировать. Формирование племени могло иметь место в I тысячелетии н. э. Формирование же яркой корельской культуры относится к более позднему времени. При этом значительного передвижения населения не было. Корельская средневековая культура впитала в себя элементы культуры Новгорода, Финляндии и Готланд. Так было и при формировании некоторых других культур средневековья.

Трудно сказать, когда область расселения корелы вошла в состав Новгородской земли. Но несомненно, что в XII и последующих столетиях она уже составляла часть этой земли. Известия русских летописей говорят об этом вполне отчетливо. Сведения о кореле начинают появляться в новгородских летописях регулярно с 40-х годов XII в. В 1143 г. корела выступает как союзник Новгорода в походах на емь. Вся последующая история корелы ориентирована на Новгород (Гадзяцкий С. С., 1941; Шаскольский П. П., 1961, с. 117—136; Куза А. В., 1975, с. 186—189; Седов В. В., 1979, с. 79, 80). С. С. Гад-

зяцкий считал, что земля корелы и ранее XII в. входила в состав основной территории Новгородского государства (Гадзяцкий С. С., 1941, с. 38, 39). Новгородцы не ломали местного уклада жизни корелы и не вводили здесь своей администрации. Корела, хотя и была зависимой от Новгорода и платила ему дань, сохраняла внутреннюю самостоятельность. Взаимоотношения Новгорода и корелы в XII—XIII вв. можно считать дружественными. Новгородцы опирались на корельскую племенную знать и сохраняли старый племенной уклад. Чтобы нейтрализовать шведское влияние и закрепить корелу под властью Новгорода, князь Ярослав Всеволодович в 1227 г. принудительным путем произвел массовое крещение корелы.

Влияние Новгорода на культуру корелы XII—XIV вв. несомненно и огромно. Вся ремесленная деятельность корелы основана на новгородских традициях. Среди корельских металлических украшений немало изделий новгородских ремесленников. Своеобразный корельский растительный орнамент впитал в себя византийские особенности изображения растений и пальметок через посредство новгородской культуры.

Весь

Среди племен, названных готским историком VI в. н. э. Иорданом, есть *Vasinabroncas* или *Vasina* (Иордан, 1960, с. 150), что, очевидно, соответствует веси. Древнерусская начальная летопись, составленная в XII в., сообщает довольно точные данные о местообитании этого племени и его соседей. «На Белозере седять весь, а на Ростовскомъ озере меря, на Клецине озере меря...» (ПВЛ, I, 1950, с. 13). Летопись указывает также, что неславянские народы, имеющие каждый «язык свой», являются древнейшими дославянскими обитателями северных регионов Восточной Европы: «А перьвии насельници... в Ростове меря, в Белеозере весь, в Муроме мурома» (ПВЛ, I, 1950, с. 18). Позднейшие исследования доказали, что летописные названия племен являются этнонимами (Попов А. И., 1973, с. 65—72, 98—104).

Весь (известная славянам и как чудь) могла обитать не только вокруг Белого озера, но и значительно западнее (Бубрих Д. В., 1971, с. 100). Представление о широком расселении веси утвердилось в науке раньше, чем были выявлены ее археологические памятники. В 1824 г. А. И. Шегрен указал на генетическую связь этнонимов весь и вепсы. Вепсы — современный народ прибалтийско-финской языковой группы, живущий чересполосно с русскими северо-западнее Белого озера, в верховьях рек Суды, Колпи, Ояти и по западному побережью Онежского озера. Еще в XIX в. вепсы заселяли Свирь, среднее течение Ояти и значительные части Тихвинского и Белозерского уездов. В древности их ареал был еще значительнее. Многие русские и советские исследователи положительно решали проблему преемственности веси—вепсов. В. В. Пименов рассмотрел эту тему с наибольшей полнотой (Пименов В. В., 1965, с. 18—187). М. Фасмер, А. И. Попов, Н. И. Богданов доказали, что славянская гид-

ропия и топонимия Белозерья, юго-восточного Приладожья и Новгородской земли в целом — прибалтийско-финского происхождения. Д. В. Бубрих, А. К. Матвеев, Г. Я. Семина, В. В. Пименов указывали, что прибалтийско-финская (весская) топонимия встречается и восточнее Белого озера: на Северной Двине, Ваге, Кокшеньге. Возможно, что обитавшие здесь незначительные группы прибалтийско-финского населения скрывались под названиями: чудь белоглазая (Каргополь) и чудь заволочская (Пименов В. В., 1965, рис. 3, с. 117—171).

Западноевропейские источники упоминают о северном народе *виссы* и *виссанус* (весь) еще в XI и XII вв. По Адаму Бременскому, *виссы* от рождения седовласы (светловолосы?) (Пименов В. В., 1965, с. 27, 28).

Арабские авторы X—XIV вв. неоднократно упоминали о стране *вису* (ису, весу). Они сообщали о развитой торговле мехами, которую вели с ней волжские болгары. Подавляющее большинство историков и археологов считают, что страна *вису* была расположена к северу от верхней Волги, и отождествляют *вису* с *весью*. А. П. Смирнов обобщил данные в пользу этого мнения (Смирнов А. П., 1952, с. 225 и др.). Он показал несостоятельность гипотезы Ф. Вестберга, поддержанной в 1941 г. М. В. Талицким, о локализации *вису* в среднем Прикамье. А. П. Смирнов подчеркивал преобладающее западное направление торговли волжских болгар: обилие болгарской посуды по Оке, Волге (она есть также на Шексне, Суде, Ояти и Кеме), численное преобладание кладов монет на Великом Волжском пути.

Уже в 20-х годах XIX в. З. Д. Ходаковский, путешествуя по северу России, искал на речках *Весь*, *Колпь* и *Егна* следы веси. В 70-х годах XIX в. финляндский археолог и лингвист Д. Е. Европеус производил раскопки курганов на реках Чагодоца, Молога, Оять, Свирь и Олонка. *Весь* он относил к группе угорских народов и противопоставлял ей чудь Приладожья. Исследователь ошибочно полагал, что открытые им курганы под Бежецком на Мологе принадлежат веси. Материалы же из весских курганов Приладожья изданы были значительно позднее, только в 20-х годах XX в. А. М. Тальгреном и Г. Салоненом (Голубева Л. А., 1973, с. 14). В 1875 г. П. Р. Аспелин также ошибочно отнес к весским курганы, раскопанные им и его предшественниками (Н. А. Ушаковым, Ф. М. Глинкой, Д. Е. Европеусом) в Тверской и Новгородской губерниях. Весские древности не были выявлены и после раскопок И. А. Якубовича (1868 г.) и А. В. Панина (1894 г.) в верховьях Суды. Предвзятое мнение о раннем и полном слиянии веси со славянами, высказанное еще Н. М. Карамзиным, мешало выделению собственно весских древностей. Интерес к памятникам веси заглох, и поиски ее в Белозерье прекратились надолго.

Более успешными оказались археологические изыскания в юго-восточном Приладожье. Многочисленность курганов издавна привлекала к себе исследователей. В 70-х годах XIX в. их раскапывал Е. В. Барсов, полагавший, что они оставлены приотской чудью. Первые значительные раскопки на высоком для своего времени научном уровне провел в юго-восточном Приладожье Н. Е. Бранденбург в

1878—1884 гг. (Бранденбург Н. Е., 1895). Он раскопал 120 курганов и отнес их к предкам вепсов. Правда, исследователь противопоставлял вепсов веси, относя последнюю к уграм. Н. Е. Бранденбург, а также А. А. Спицын в «Дополнительных замечаниях» к книге «Курганы Южного Приладожья» (Бранденбург Н. Е., 1895) впервые указали на характерные особенности изученной ими культуры: расположение курганов цепью вдоль рек; наличие в основании насыпей зольно-пепельного слоя; наличие очагов с преимущественно меридиональной ориентировкой и своеобразным инвентарем; господство южной ориентировки труположений; расположение женских и мужских погребений в различных частях насыпи. Изучение приладожских курганов было продолжено Н. И. Репниковым (1909 г.) и А. И. Колмогоровым (1906—1916 гг.). Последний выявил 178 курганов по рекам Тихвинке, Паше и Сяси, из которых 85 насыпей раскопал (Колмогоров А., 1914).

После Великой Октябрьской революции в исследовании памятников веси наступил новый этап. В 1924 г. В. И. Равдоникас, опираясь на свои работы в Приладожье 1915, 1919 и 1924 гг. пришел к выводу о принадлежности приладожских курганов предкам вепсов — веси (Равдоникас В. И., 1924). В 1928 г. А. М. Таллгрен относил к вепсам древности на территории от Волхова до Белоозера, допуская, что отдельные группы вепского населения могли доходить до рек Онеги и Ваги. В культуре же Приладожья ведущая роль отводилась им скандинавам (Tallgren A. M., 1928).

В 1928—1930 гг. В. И. Равдоникас и Г. П. Гроздилов предприняли обширные исследования на восточном побережье Ладожского озера, по рекам Ояти, Паше, Сяси, Кобоже, Суда и разведывательные раскопки Белоозера (Raudonikas W. I., 1930; Равдоникас В. И., 1934). В общей сложности ими было раскопано 150 курганов. В. И. Равдоникас уделил большое внимание вопросам социально-экономического строя населения «курганной культуры». Он полагал, что значительная часть скандинавского оружия и украшений попадала в Приладожье в результате торгового обмена и использовалась финской родо-племенной знатью. Наблюдая локальные различия в погребальных памятниках и учитывая отсутствие курганов в окрестностях Белоозера, где, согласно летописи, обитала весь, В. И. Равдоникас изменил свою первоначальную точку зрения на этническую принадлежность курганов Приладожья и отнес их основную массу к кореле. Он полагал, что в XI—XII вв. население, оставившее Приладожские курганы, переселилось в северо-западное Приладожье, создав там культуру кексгольмских грунтовых могильников корелы XII—XIV вв. А. М. Линецкий, раскопавший в 1947—1949 гг. на р. Ояти около 170 курганов, вслед за Равдоникасом также отнес их к кореле (Линецкий А. М., 1949, с. 60, 61). Однако Я. В. Станкевич, проделавшая большую работу по хронологии и классификации инвентаря курганов юго-восточного Приладожья, поддержала старую точку зрения об их принадлежности вепсам-веси (Станкевич Я. В., 1947, с. 109).

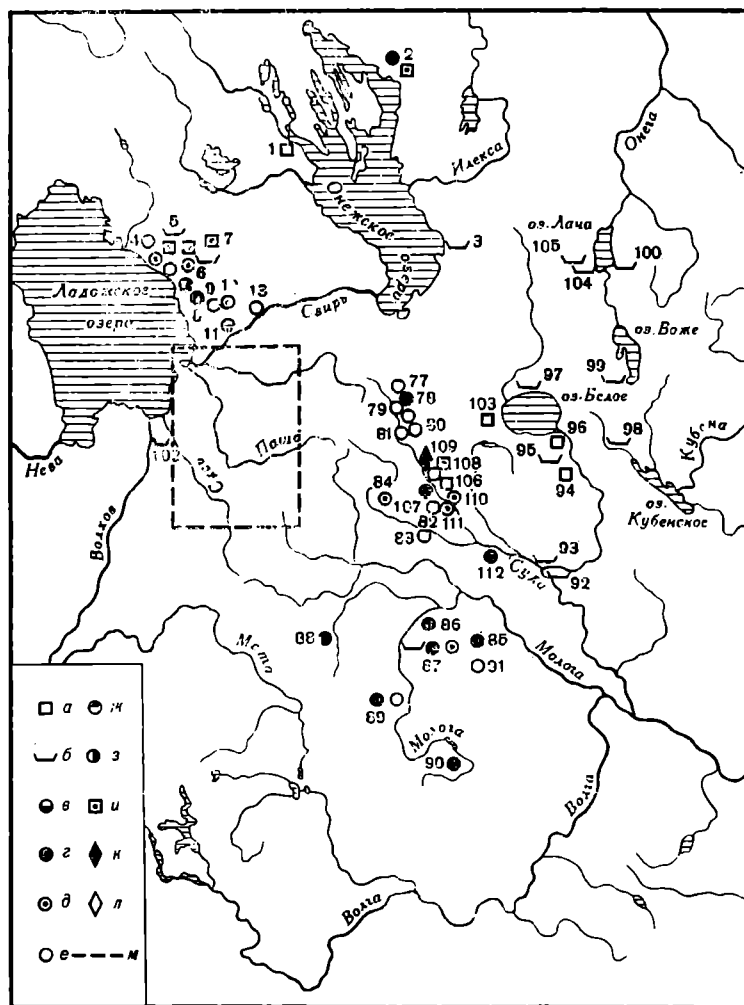
Проникновение отдельных небольших групп населения из юго-восточного Приладожья на север

вплоть до северного побережья Онежского озера (курганы веси X — начала XII в. у деревень Кокорино и Чёлмужи, раскопанные Г. П. Гроздиловым в 1934 г.), несомненно, имело место. Веси приняла участие в сложении карел-людигов и карел-ливиков, о чем свидетельствуют этнографические и лингвистические данные (Пименов В. В., 1965, с. 93). Однако массового переселения населения из юго-восточного Приладожья на Олонецкий и Карельский перешейки не было (Кочкуркина С. И., 1973, с. 66).

В середине XX в. возобновились археологические исследования памятников веси в Белоозерье. С 1949 г. начались систематические раскопки главного города веси — Белоозера. Было обнаружено древнейшее поселение X — начала XI в. с ярко выраженным прибалтийско-финским инвентарем (Голубева Л. А., 1962; 1964а; 1973). В 50—70-х годах раскопками А. В. Никитина и Н. В. Тухтиной в бассейнах Мологи и Суды выявлены курганные и грунтовые погребения веси. Были установлены признаки, сближающие курганы Белоозерья с приладожскими: меридиональная, преимущественно южная, ориентировка погребенных, наличие кострищ, обилие инвентаря, ярусность захоронений (Никитин А. В., 1968, с. 16; 1974, с. 102—105; 1975, с. 97; Тухтина Н. В., 1966; 1970, с. 62—69; 1976, с. 1—22). В 1981—1982 гг. А. Н. Башенькин раскопал на Суде пять курганов с трупосожжениями X — начала XI в., разведкал пять селищ и на одном (Никольское VI) произвел раскопки (Башенькин А. Н., 1982, с. 5; 1983, с. 6, 7). В курганах обнаружены кострища, в одном — сруб с очагом. Работы А. Н. Башенькина подтвердили близость курганов в верховьях Суды с курганами по р. Оять.

Восточнее Белого озера курганов веси нет. В 40—60-х годах работами череповецкого краеведа А. А. Алексеевой, разведками А. Я. Брюсова, Л. А. Голубевой, Н. В. Тухтиной, С. В. Ошибкиной на Шексне и по восточному побережью Белого озера выявлены грунтовые могильники веси конца X—XIII в. (Голубева Л. А., 1961, с. 201—215; 1962, с. 54—77; 1973, с. 19, 20; Тухтина Н. В., 1966, с. 134; Брюсов А. Я., 1969, с. 81—83). Судя по материалам погребений, процесс смешения веси со славянами, протекавший с различной интенсивностью, местами уже в XI в. был значителен (Киснемский могильник). В XII—XIII вв. он наблюдался повсеместно. Об этом свидетельствуют как могильник Крохинские Пески, являвшийся кладбищем горожан Белоозера (Ошибкина С. В., 1972, с. 65—68), так и могильник у с. Нефедьево на р. Порозовице, оставленный сельским населением. В 1978—1983 гг. Н. А. Макаровым исследованы два могильника близ оз. Лача (у деревень Попово и Горка). Погребальный инвентарь этих могильников сходен с инвентарем поздних приладожских курганов и одновременных грунтовых могильников Белоозерья.

В 1974—1978 и 1980—1981 гг. производились раскопки поселения конца IX—X в. Крутик у д. Городище Кирилловского р-на Вологодской обл. Полученный материал дал возможность всесторонне изучить экономическую деятельность населения (Голубева Л. А., 1979а, с. 136—137; Golubeva L. A., 1980, р. 42—47). Одновременное поселение обнаружено Н. А. Макаровым в 1980 г. у д. Васютино

Карта 5. Памятники веси X—XII вв.

а — поселения; б — грунтовые могильники

Курганы с очагами и инвентарем: в — с трупосожжениями; г — с трупосожжениями и трупоположениями; д — с трупоположениями. Курганы без очагов: е — с трупосожжениями; ж — с трупосожжениями и трупоположениями; з — с трупоположениями; и — со срубами; к — курганы с захоронениями коней; л — курганы с захоронениями собак; м — регион, выделенный на карту 6

1 — устье р. Суца; 2 — Чёлмузж; 3 — Муромское озеро; 4 — Видлица; 5 — Симон-Наволоок; 6 — Рабола; 7 — Большие Горы; 8 — Капшойла; 9 — Гиттола; 10 — Горка на Олонке; 11 — Ручьи; 12 — Негежма; 13 — Подъяндебское; 14 — Кузнецы-Чалых; 15 — Карлуха; 16 — Новинка; 17 — Никольское; 18 — Мергино; 19 — Шангиничи; 20 — Яровщина; 21 — Акулова гора (Муратово); 22 — Кургино; 23 — Валданица; 24 — Гайгово; 25 — Алевовщина; 26 — возле Алевовщины; 27 — Нюбиничи; 28 — Гарняки; 29 — Круглицы; 30 — Нижнее Подборье; 31 — Ефремово; 32 — между Карлухой и Каменкой; 33 — Кумбита; 34 — Прилуки; 35 — Исаева; 36 — Воронег; 37 — Рочевщина; 38 — Рыбежная; 39 — Нововесь; 40 — Воскресенский ручей I; 41 — Новая; 42 — Щипьяк; 43 — Вихмязь; 44 — Воскресенский ручей II; 45 — Кручевницкий ручей; 46 — Кириллина; 47 — Сязнига; 48 — Шуковщина; 49 — Костино; 50 — Подбелье; 51 — Леоново; 52 — Середка; 53 — Вахрушева; 54 — Саньково; 55 — Исакова; 56 — Горка на Паше; 57 — Заозерье; 58 — Залюшик; 59 — Пирозеро; 60 — Вичугино; 61 — Орехово; 62 — Крючково; 63 — Вина гора; 64 — Еремьина гора; 65 — Огурцово; 66 — Ганьково; 67 — Усть-Капша; 68 — Шугозеро; 69 — Городище; 70 — Чехихино; 71 — Овино; 72 — Ильино; 73 — Повосельск; 74 — Галичпю; 75 — Горемуха; 76 — Одинцово; 77 — Нижний Копец; 78 — Варнакушка; 79 — Митино-Зворыкино; 80 — Борисово-Судское; 81 — Стан; 82 — Никольское; 83 — Бабаево; 84 — Степаново; 85 — Славиново; 86 — Куреваниха; 87 — Крестцы; 88 — Ленопа; 89 — Сарагожа; 90 — Бежец; 91 — Сухолжино; 92 — Милино; 93 — Торово; 94 — Крутик (д. Городище); 95 — Крохивские Пески; 96 — Белоозеро; 97 — Киснема (Троицкое); 98 — Нефедьево; 99 — Погостище;

Белозерского р-на Вологодской обл. (Макаров Н. А., 1982а, с. 25).

Раскопками изучено численно небольшое количество памятников веси X—XIII вв. (девять грунтовых могильников, около 100 курганов). Они показали своеобразие культуры белозерской веси и в то же время дали материалы для утверждения этнической и культурной общности Приладожья, Белозерья и бассейна оз. Лача.

В 60–70-х годах археологические исследования в юго-восточном Приладожье продолжались с меньшим размахом, чем в 30-е годы, по благодаря им удалось установить новые детали погребального обряда. Помимо бассейна Паши, где работали В. А. Назаренко, С. И. Кочкуркина, В. А. Петренко, Г. С. Лебедев (раскопано около 30 курганов), исследования велись по рекам Тихвинка, Сясь и Капша. Здесь раскопками В. А. Назаренко, В. А. Кольчатова, И. П. Крупейченко исследовано еще свыше 30 курганов. В бассейне Паши и Капши в 1969–1970 гг. было разведано более десятка селищ.

Весская принадлежность финской культуры Приладожья, аргументированная в работах В. В. Пименова, Л. А. Голубевой, С. И. Кочкуркиной, Н. В. Тухтиной, в настоящее время все же оспаривается В. А. Назаренко и Г. С. Лебедевым. Они полагают, что памятники веси ограничиваются на западе р. Оять. Курганный культура Приладожья была, по их мнению, распространена только в междуречье Паши, Сяси, Тихвинки и оставлена «приладожской чудью», неизвестной по письменным источникам (Лебедев Г. С., 1977, с. 195, 196; Назаренко В. А., 1979б, с. 152–156; 1980а, с. 133–134).

Генезис веси неясен (Голубева Л. А., 1970, с. 142–146; Шаскольский И. П., 1979, с. 48). Как в Приладожье, так и в Белозерье неизвестны памятники, непосредственно предшествующие грунтовым могильникам, курганам и поселениям X в. Однако в Белозерье довольно значителен круг памятников начала первой половины I тысячелетия. Они выявлены на реках Шексна, Суда, Шогда, Большой Юг, Молога; разведаны не только селища, по и типично дьяковские городища (Никитин А. В., 1975, с. 27, 28; Башенькин А. Н., 1983, с. 6, 7), а в 1983 г. на Суде был впервые раскопан могильник (Никольское XVII) с трупосожжениями (Башенькин А. Н., 1985, с. 5). По наблюдениям А. Н. Башенькина, селища и курганы веси на Суде довольно часто располагаются на позднедьяковском культурном слое. Вероятно, местное финноязычное население с культурой дьяковского типа приняло участие в формировании белозерской веси. Однако хронологический разрыв между этими памятниками и древностями веси X в. все же остается.

Локальные группы веси оказались в разных исторических условиях. Так, весь приладожская в X — начале XI в. имела тесные контакты со скандинавами, в то время как белозерская весь подвергалась раннему и сильному воздействию славян (Седов В. В.,

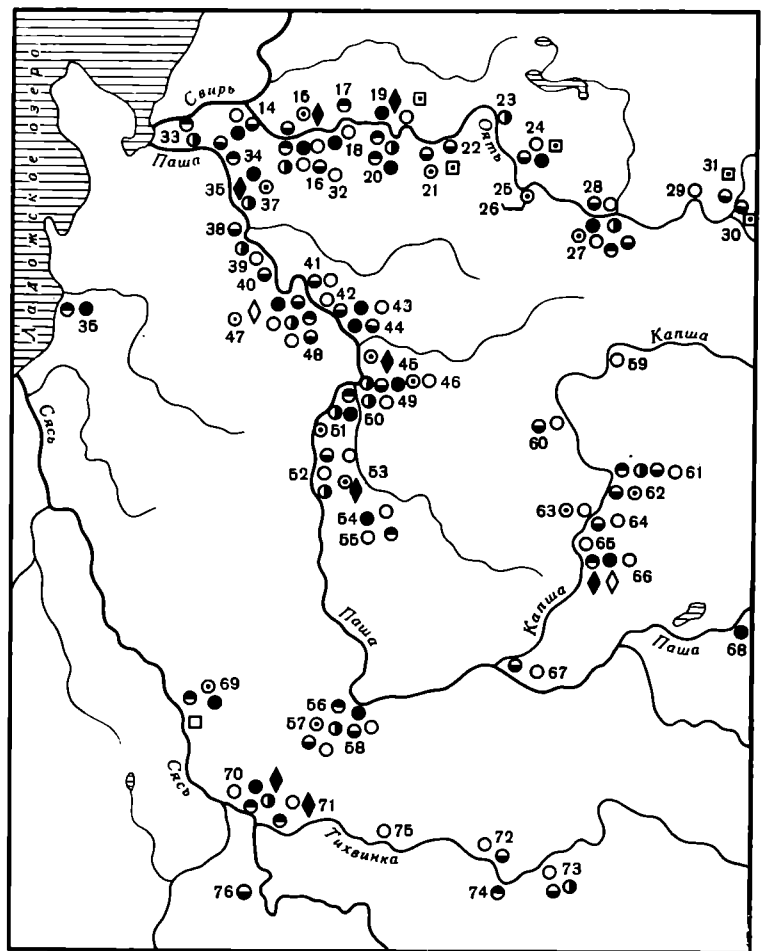
100 — Попово; 101 — Шахнова; 102 — Княщино; 103 — Васютино; 104 — Горка; 105 — Тихманьга; 106 — Никольское VI; 107 — Никольское XI; 108 — Никольское V; 109 — Никольское IV; 110 — Никольское XIII; 111 — Никольское XVI; 112 — Куракино

1982, с. 184). Южная граница территории веси — верхнее Поволжье, где она соприкасалась с мерей. На западе археологические памятники веси не переходят р. Волхов, на северо-западе (Олонецкий перешеек) граничат с памятниками корелы (карты 5, 6).

Основным типом поселений веси являлись небольшие селища, расположенные вблизи рек. Раскопками исследовались четыре поселения белозерской веси. Первое находилось у истока Шексны из Белого озера (предшественник г. Белоозера), второе, Крутик, — в 40 км южнее, у д. Городище, возникшее в конце IX в. и прекратившее существование в конце X в. Селище на месте г. Белоозера датируется первой половиной X — началом XI в. Оба названных поселения возникли в некотором удалении от Шексны. Так, Белоозеро располагалось на возвышенной первой речной террасе на расстоянии 50–70 м от уреза воды. Его естественными границами оказались правые притоки Шексны. Вытянутое вдоль речной гряды поселение имело размеры около 500×50 м. Поселение Крутик располагалось в 6 км от Шексны, на отдельно стоящей гряде (табл. XVI, 8). В древности оно было связано с Шексней небольшой речкой. Размеры верхней площадки гряды 360×30 м, высота 6–8 м. Поселок занимал восточную и центральную части ее. На обоих поселениях выявлены остатки срубных наземных домов рядовой застройки. В Белоозере к середине X в. относятся остатки больших построек (сысье 10 м длиной). От второй половины X — начала XI в. сохранились нижние венцы одно- и двухкамерных домов размерами 7,2×4,7 и 4,8×3,3 м. Среди них различались жилые, производственные, хозяйственные постройки. Усадьбы огораживались косою изгородью. Дома отапливались очагами и печами-каменками. На поселении Крутик застройка была гораздо архаичнее. Между домами оставались участки, почти лишенные культурного слоя. Заборы не прослежены. От домов сохранились лишь остатки сгоревших бревен и очаги, сложенные из камней.

Третье поселение открыто разведкой Н. А. Макарова в 1980 г. на левом берегу р. Мегры, впадающей с запада в Белое озеро, у д. Васютино Белозерского района (табл. XVI, 9). Оно располагалось на высокой (до 16 м) гряде, вытянутой вдоль берега р. Мегры в направлении восток–запад. Длина гряды 200 м, ширина около 50 м. При шурфовке у южного края гряды обнаружены лепная керамика, по тесту, формам и орнаменту аналогичная найденной на поселении Крутик, фрагмент конусовидного тигля и бронзовая трапецевидная привеска. Поселение Никольское VI располагалось на левом, возвышенном (до 5 м) берегу р. Суда, в устье безымянного ручья и было вытянуто вдоль реки примерно на 250 м. Обнаружены остатки наземных построек, очаги, сложенные из камней и в виде ям, заполненных обгоревшими камнями.

В юго-восточном Приладожье разведками выявлены 12 селищ, расположенных по берегам рек, по они не раскапывались. Только одно поселение, известное как городище, исследовалось в 1909 г. Н. И. Репниковым, а в 1928 и 1930 гг. В. И. Равдоникасом (Равдоникас В. И., 1934, с. 27, 28, 37, 38). Поселение занимало треугольную площадку (800 кв. м) правого берега р. Сясь, ограниченную крутыми скло-

Карта 6. Памятники веси X—XII вв.
Врезка к основной карте

нами к реке и оврагу, по дну которого протекал ручей. Отсутствие земляных укреплений заставляет думать, что поселение ошибочно вошло в литературу как городище. Культурный слой его мощностью до 0,5 м содержал камни от очагов, кости животных, лепную и отчасти круговую керамику. В. И. Равдоникас датировал поселение IX—X вв. С. И. Кочкуркина, обследовавшая его в 1971 г., согласилась с этой датой (Брыкина Н. А., Кочкуркина С. И., Сазонова О. И., 1972, с. 26).

Примером временного поселения может служить небольшое селище X—XI вв., открытое в устье р. Суна, у Онежского озера. Здесь обнаружены следы железоделательного производства, лепная керамика и бытовой инвентарь, близкие приладожским. Возможно, оно оставлено населением, продвигавшимся по водным путям на север для добычи пушнины и торговли (Косменко М. Г., 1978, с. 154–157).

На территории веси наблюдается многообразие погребальных обрядов. По-видимому, для нее, как и для других групп финно-угров, исконным являлся обряд захоронения в грунтовых могильниках. Трудности, связанные с их выявлением, объясняются малым числом исследованных погребений.

Захоронения в грунтовых могильниках по обряду трупосожжения на стороне встречаются у веси несколько раз. Это отдельные захоронения кальцинированных костей непосредственно под дерном или в неглубоких ямках. По инвентарю они датируются X в. Таковы погребальный комплекс 1 в могильнике Ни-

Таблица 3. Грунтовые могильники веси

№	Название	Исследователь, дата раскопок	Погребальный обряд — ингумация				Ориентировка умерших	Число исслед. погр.	Дата
			муж.	жен.	дети	неопред.			
1	Троицкое (Киснема)	Арсакова М. Е., 1925				1	З; Ю-З	1	XI в.
		Алексеева А. А., 1947, 1951, 1953	3				З	3	
		Голубева Л. А., 1949	1				Ю-З	1	
		Тихонов С. А., 1951, 1953		2			?	2	
		При земляных работах в 1950 г.				1	?	1	
		Цветкова И. К., 1966	1				С-З	1	
		Тухтина Н. В., 1959	1	1			З	2	
2	Мишино	Семеновский Н. А., 1936		1		2	Ю	3	XI в.
3	Торово	Алексеева А. А., 50-е годы				10	Ю	10	XI—XII вв.
		Тухтина Н. В., 1959		1		4	Ю; Ю-З	5	
4	Крохинские Пески	Ошибкина С. В., 1969		1		3	С-З	4	XII—XIII вв.
		Макаров Н. А., 1983	2	5	3	4		14	
5	Погостище	Брюсов А. Я., 1959		1			В	1	Конец X—XIII в.
		Тухтина Н. В., 1960		2			Ю-З; С-В	2	
		Макаров Н. А., 1978		1		1	Ю-В	2	
6	Полово	Сергневский Г. П., 1924	?	?	?	?	?	?	XI в.
		Макаров Н. А., 1978—1979		1	2	10	Ю-З; Ю	13	
7	Тихмаьга	При земляных работах 1981 г.		2		1	Ю; Ю-В	3	XII—XIII вв.
8	Горка	Макаров Н. А., 1982—1983	9	12	10	3	З; С-З; Ю	34	XII—XIII вв.
9	Нефедьево	Макаров Н. А., 1983	6	8	6	6	В; Ю-В	26	XII в.

кольское XIII, залегающий на глубине 0,05—0,2 м от поверхности, где с бронзовым украшением и бусами найдены льячка и пробитый дирхем (Наср ибн Ахмед, 914—943 гг.), и комплекс 2, где среди типично мужского инвентаря встречено пластинчатое кресало (Башенькин А. Н., 1985, с. 5, 6). На поселении Никольское VI в скоплении кальцинированных костей, принадлежавших женщине и молодому мужчине, имелись бронзовые флакоповидные бусы, шейные гривны, шумящие привески, поясные бляшки, трубочки для трута. Погребальный комплекс залегал сразу же под дерном.

Исследованы девять грунтовых могильников веси конца X—XIII в. с захоронениями по обряду ингумации (табл. 3). К ним следует отнести и Мишино, поскольку версия о курганных насыпях археологическими изысканиями последних лет не подтвердилась. Число исследованных погребений в каждом могильнике — от 3 до 34. Традиционная ориентировка погребенных южная, с отклонениями к западу или востоку. В могильниках, оставленных населением, находившимся под сильным влиянием христианства, встречается западная и северо-западная ориентировка, а в Погостище и Нефедьево — восточная с отклонениями. Положение покойного — на спине, с вытянутыми вдоль туловища или согнутыми руками; глубина могильных ям незначительна. Характерно наличие орудий труда и оружия в мужских погребениях, в женских — присутствие топоров и обилие украшений. В ногах погребенных нередко

ставились горшки с заупокойной пищей. В мужском погребении у д. Крохинские пески в берестяной коробочке были сложены женские украшения — очевидно, дар вдовы. Поздней датой могильников объясняется смешанный (весско-славянский) инвентарь погребений, а иногда и отсутствие последнего.

Грунтовые могильники известны также в Приладжье. Так, В. И. Равдоникас упоминал о женском групповом погребении на р. Оять, близ д. Алеховщина (Равдоникас В. И., 1930, с. 60—66). Среди вещей из этого погребения есть бронзовые: браслеты, крест, подвески-ключи. Вероятная дата — XI век. В. А. Назаренко предполагает наличие других грунтовых могильников на Ояти: у д. Бор, д. Винница и пос. Озерское (Назаренко В. А., 1979б, с. 156). Последние он рассматривает как весскую погребальную традицию в Приладжье (Назаренко В. А., 1979, с. 155, 156). На восточном побережье Ладжского озера В. И. Равдоникасом открыты грунтовые погребения, ориентированные на юг и юго-запад, с руками, вытянутыми вдоль туловища.

Часть захоронений — без вещей, в других найдены топор и мотыга (Равдоникас В. И., 1934, с. 6, 13, 18—19). Все эти погребения, по мнению В. А. Назаренко, могут восходить к более древним грунтовым могильникам с трупосожжениями, которые, однако, пока не обнаружены.

Грунтовые погребения есть и южнее Ладжского озера. В 1974 г. в окрестностях Старой Ладжи у д. Княжино, на правом берегу Волхова обнаружены

следы грунтового могильника, в котором было раскопано мужское погребение XI в., ориентированное на юго-юго-запад. При нем находились накопечник стрелы, пластинчатое огниво, спиралеконечная бронзовая фибула (Петренко В. П., 1975, с. 32). Этот могильник расположен в западной части области распространения весских топонимов. На восточных границах ареала прибалтийско-финских топонимов — по рекам Ваге и Сухоне — также известны грунтовые могильники XI–XIII вв. с трупоположениями, ориентированными на юг, юго-восток и северо-запад, с вытянутым положением рук и комплексами женских украшений, близкими поздним белозерским и приладожским.

Курганный обряд погребения, очевидно, заимствован весью от соседей — славян и скандинавов. Обряд захоронения в курганах со временем менялся. В X — начале XI в. господствовало трупосожжение. В конце X — первой половине XI в. захоронения производились как по обряду трупосожжения, так и трупоположения, с конца XI и в XII в. — только по обряду ингумации. Курганные группы немногочисленны (от 5 до 20 насыпей). Курганы в группах обычно расположены цепью, вдоль реки (табл. XVI, 1).

У различных территориальных групп веси курганный обряд погребения имел свои особенности. Так, в юго-восточном Приладожье сооружению кургана предшествовало предварительное выжигание растительности на погребальной площадке и иногда окружение ее ровиками. Главную же особенность составляют очаги, обнаруженные в 2/3 от общего числа курганов с трупосожжениями. Очаги сооружались обычно в центре будущей насыпи на подсыпке из песка. Их основание обмазывалось глиной и посыпалось гравием. Установлена преобладавшая меридиональная ориентировка кострищ. На очаге размещались кухонные принадлежности: горшки, котлы с цепью, сковорода и сковородники, лопаты. Там же оставлялась заупокойная пища. К востоку от очага помещались кальцинированные кости мужчин, к западу — женщин. Трупосожжения всегда совершались на стороне. Среди курганов с трупосожжениями преобладали ярусные, вероятно семейные, усыпальницы. Встречались также курганы с парными (преимущественно мужчина и женщина) и одиночными (почти исключительно мужскими) погребениями. Можно отметить и другие особенности погребального обряда. Так, в бассейне Ояти кальцинированные кости вместе с погребальным инвентарем заворачивали в бересту. В девяти курганах с трупосожжениями найдены захоронения сожженных коней (карта 5). Конские захоронения всегда сопровождали погребения вооруженных мужчин (Голубева Л. А., 1981, с. 90–96, рис. 1). Кальцинированные конские кости обычно укладывались отдельной кучкой и покрывались предметами конского снаряжения. В кургане 4 у д. Чемихино обнаружены ремненные, слегка обожженные вожжи длиной свыше 10 м. В кургане 17 при д. Карлуха с трупосожжением воина и женщины найден целый скелет верхового коня.

В кургане 5 группы Шангиничи-лес обнаружен скелет коня с обрубленными передними конечностями, лежавший в направлении север—юг. В курга-

не найдены топор, наконечник стрелы, сковорода, точильный брусок. В четырех курганах (на реках Сязнига и Капша) с мужчинами были захоронены собаки (табл. XVI, 5). Убитым животным была придана господствующая у веси южная ориентировка (карта 5).

Обряд ингумации появился в Приладожье уже в X в., но до середины XI в. возводились курганы со смешанным обрядом погребения. Господствующая ориентировка — южная, характерное положение покойных — на спине, с вытянутыми руками.

В курганах с трупоположениями XI в. сохранялся тот же ритуал — захоронения мужчин и женщин совершались по разные стороны очага. Нередко останки женщин, сопровождавшие погребения мужчин, имели следы насильственной смерти (захоронения наложниц, рабынь?). В курганах XI и даже XII в. встречены захоронения черепов. Иногда они поставлены на основание, а рядом положены вещи и украшения.

В. А. Назаренко по курганам XI в. на р. Сязниге (Назаренко В. А., 1974, с. 44, 45) установил, что иногда вместе с мужчиной, погребенным первым, в западной половине кургана только ставился горшок или помещались женские украшения (табл. XVI, 2–4). Когда спустя какое-то время умирала вдова, ее хоронили на поверхности кургана западнее очага, на котором вновь разводили костер. Затем насыпь досыпали. Вероятно, так погребалась свободная женщина.

Г. С. Лебедев (Лебедев Г. С., 1977, с. 195, 196) и В. А. Назаренко полагают, что обряд погребения в курганах с очагами создан особой этнической группой, обитавшей в южном Приладожье, условно названной ими «приладожской чуждой» (Назаренко В. А., 1979б, с. 154–156). Действительно, наибольшее число таких курганов сосредоточено в бассейнах рек Паши и Сяси (карта 5). Однако даже самые ранние из них (с трупосожжениями, очагом в центре и очажным инвентарем) известны не только в южном Приладожье, но и на р. Оять, а на Олонке и Свири были распространены курганы с очагами и со смешанным обрядом погребения, а также с трупоположениями.

Погребальный обряд этих курганов нельзя связать только с финской этнической традицией.

Обычай возводить курганные насыпи и сооружать очаги был в Приладожье заимствован от скандинавов (Назаренко В. А., 1970, с. 191–201; 1979а; 1980б, с. 274; Тухтина Н. В., 1971, с. 162–181). К VIII–IX вв. относится первый курганный могильник с захоронениями выходцев из Скандинавии близ Старой Ладogi. Проникновение скандинавов в юго-восточное Приладожье, по-видимому,шло с пизовьев Волхова, по рекам Сясь и Паша. На Паше известны скандинавские курганные погребения первой половины X в. с очагами, обставленными камеплыми плитами (Залющик). Однако очаги с инвентарем, подобные приладожским, и женские погребения, расположенные к западу от очага, а мужские — к востоку, в Скандинавии не известны. По совокупности признаков подобный обряд нигде за пределами Приладожья не наблюдался. Представляя собой сплав разных погребальных традиций, обряд, очевидно, отражает существовавшую на

определенном отрезке времени этническую смешанность населения: финского (весского) и скандинавского. Малочисленные пришельцы быстро растворились в весской среде, тем более что в XI в. приток скандинавов прекратился. Традиционно сложившийся обряд во второй половине XI—XII вв. отражал уже только весский этнос.

Изменения в погребальном обряде веси со второй половины XI в. происходили под влиянием всевозрастающих контактов со славянами. Появились захоронения в подкурганных могильных ямах; в XII в. в них совершалось 50% захоронений. Покойных помещали в гробы или в колоды. Очаги заменялись кострами. Увеличивалось количество курганов с одиночными и парными захоронениями, исчезла ярусность. Возросло число погребений с западной ориентировкой, но южная оставалась все же преобладающей. Г. С. Лебедев и В. А. Назаренко объясняют изменения в погребальном обряде «приладожской чуди» XI—XII вв. не влиянием славян, а вторжением на Пашу и Сясь оятской и белозерской веси, якобы «растворившей» в своей среде местную этническую группировку (Лебедев Г. С., 1977, с. 215, 216; Назаренко В. А., 1979б, с. 156). Эти утверждения бездоказательны.

Археологические факты свидетельствуют, что, наоборот, уже в X в. отдельные группы приладожской веси проникали из юго-восточного Приладожья в Белозерье. С р. Оять шло проникновение на р. Суду, с р. Сясь и ее притоков на реки Колпь и Шексна (Голубева Л. А., 1973, с. 52, 53). Влияние культуры юго-восточного Приладожья наблюдается не только в погребальных памятниках Белозерья. Как мы увидим далее, высокая ремесленная культура Приладожья оказала сильное воздействие на экономику и ремесленную технологию поселений на Шексне.

Белозерская весь могла заимствовать курганный обряд погребения как от славян, так и от веси приладожской. В бассейне Мологи и по Суде исследованы единичные курганы с трупосожжениями. Они содержали от двух до девяти захоронений на разных уровнях (ярусах). Кальцинированные кости иногда помещали в горшок и закрывали опрокинутым сосудом. По наблюдениям А. В. Никитина и А. Н. Башенькина, в курганах на Суде обряд трупосожжения на стороне сочетался с сожжением на месте. Особенностью курганов на Суде является также наличие ровиков вокруг основания насыпи, в которых помещались остатки трупосожжений вместе с погребальным инвентарем (Никольское XVI, курган 2). А. Н. Башенькин выявил также в кургане Никольское IV наличие сруба (6,8×6,8 м), ориентированного по странам света, сохранившегося на высоту трех-четырех венцов. Сруб был заполнен чистым песком; погребальные комплексы располагались за его пределами. В их числе отдельное захоронение сожженного коня. В срубе имелся очаг в виде круглой ямы в материке диаметром 1 м и глубиной 0,3 м, заполненной углем. У д. Куракино на р. Суды А. Н. Башенькиным был исследован курган с кострищем, ориентированным с северо-востока на юго-запад, на котором черепом на север находился частично разрушенный скелет (Башенькин А. Н., 1983, с. 7).

Курганы с труположениями конца X—XI в. характеризуют преобладание южной ориентировки, положение покойных на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками. Сохраняются ярусные (семейные) захоронения в насыпи, но известны и одипочные погребения на материке и в могильных ямах (Сухолжино). В одном из курганов могильника Никольское IX на р. Колпь зафиксировано мужское захоронение в восточном секторе насыпи. В курганах XI—начала XII в. на р. Суды у д. Нижний Конец женские погребения располагались в западной поле насыпи, а мужские — в восточной. В курганах заметны следы кострищ. В ногах погребенных — сосуды со следами пищи. В женских погребениях найдены характерные весские (нагрудные цепи и пряжки) и славянские украшения, в мужских — топоры, наконечники стрел. В бассейнах Суды, Шексны и Мологи сохранились группы весских курганов XI—XII вв. На Верхней Волге выявлены единичные весские погребения в славянских некрополях (Голубева Л. А., 1973, с. 21—29, 50—56).

Весские погребения XII—XIII вв. характеризуются еще большим смещением финской и славянской погребальной обрядности и инвентаря (карты 7 и 8). Однако погребения по верхней Суде дольше других сохраняли черты сходства с погребениями юго-восточного Приладожья: следы кострищ, южную ориентировку погребенных, ярусность.

В X—первой половине XI в. среди женских украшений приладожской веси передко встречались изделия скандинавского и прибалтийского импорта: бронзовые нагрудные пряжки различных типов, браслеты, бронзовые крученые и железные гривны, игольники, разделители цепей, подвески-ключи. Однако все эти изделия производились и весскими ремесленниками. Местной особенностью являлось также широкое распространение подвесок-копоушек, ложечек и ношение их совместно с шумящими привесками.

В курганах с трупосожжениями X—начала XI в. найдены игольники в виде бронзовых и железных трубочек, различающихся по способу ношения на вертикальные (табл. XVII, 26, 27) и горизонтальные (табл. XVII, 24, 25). Иногда игольники составляли нагрудное украшение, в которое входили бронзовые копоушка, ложечки и шумящие привески.

Нагрудные цепи, соединявшие парные нагрудные пряжки, делались из двойных или тройных круглых звеньев и достигали длины 0,9 м. Иногда их заменяли низки бронзовых бус с оттянутыми концами — бусы-«флакончики» (табл. XVII, 28). Ареал флаконовидных бус охватывал бассейн Суды и верхнее течение Шексны: восточнее Белоозера находки этих бус единичны. В некоторых случаях нагрудные цепочки прикреплялись обоими концами к цеперазделителям (табл. XVII, 23), составляя ожерелье. Были и короткие цепочки, которые прикреплялись к нагрудной пряжке и свисали вдоль груди. К их нижнему концу крепились бубенчики и другие шумящие привески (табл. XVII, 29—33).

Перечисленные бронзовые украшения являлись продукцией местных мастеров. К ним же следует отнести пластинчатые браслеты с ребром в средней части (табл. XVIII, 6). На Белоозере в мастерской литейщика найдена отливка такого браслета, еще не

очищенная от заусениц (табл. XVIII, 2). Местными являются также бронзовые литые браслеты с расширенной средней частью, украшенной пятью продольными валиками. Они найдены на поселении Крутик и в курганах Никольское IV и Никольское XVI на Суде (табл. XIX, 7). Дата их — X — начало XI в. Форму браслетов с валиками копируют перстни, найденные на поселении Крутик и в курганах на Суде (табл. XVIII, 10).

Зооморфные украшения веси X—XI вв. местного происхождения связаны с образами водоплавающей птицы, оленя (лося) и бобра. Как главные объекты промысловой охоты, эти животные были наиболее почитаемы. Их изображения служили не только украшениями, но и оберегами. Женщины носили их на груди или у пояса.

Наиболее распространенными являлись бронзовые подвески, изображавшие утку или оленя. Подвески-уточки плоские, прорезные найдены главным образом на р. Оять (табл. XX, 22).

Подвески-уточки литые полые во второй половине X — начале XI в. представлены одним типом. Это овальные приземистые фигурки с гладким или покрытым треугольным жгутовым орнаментом туловищем и петлями внизу, к которым подвешивались шумящие привески в виде утиных лапок (табл. XX, 23, 24). Известны они, главным образом, по р. Оять, но встречены также в бассейнах рек Паши и Тихвинки, в Челмужах и на оз. Лача.

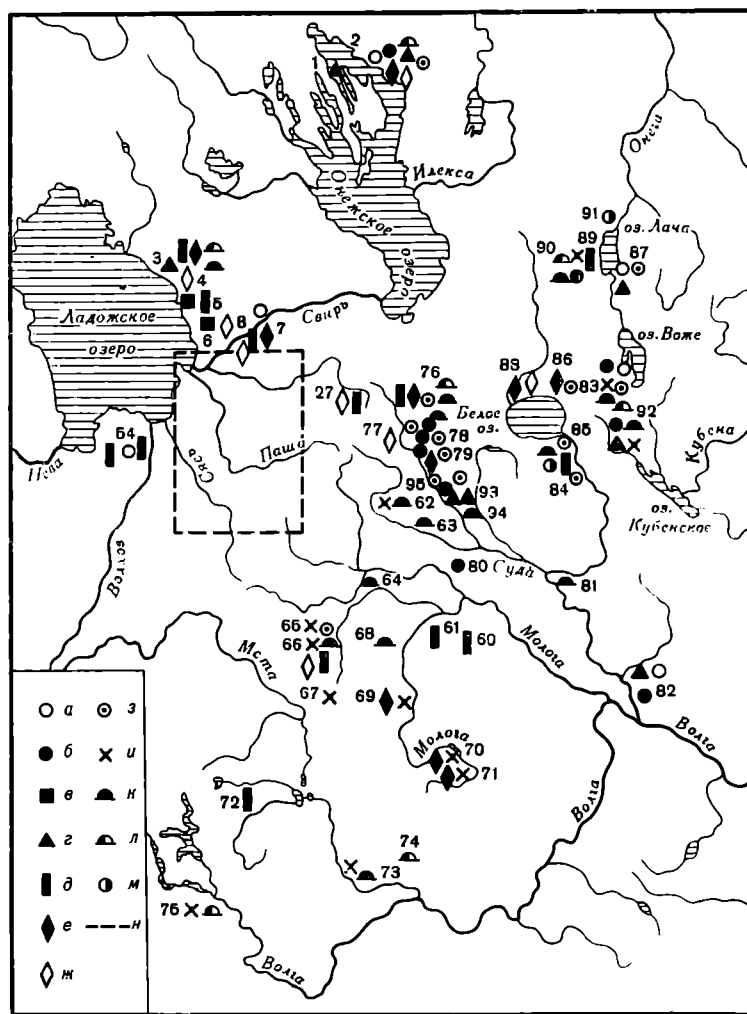
Подвески-олени (лоси) — пластинчатые (табл. XX, 25); в изданиях назывались «собачками», «коньками». Но весь их экстерьер, особенно массивная голова с выступом внизу («бородкой»), напоминает лося. Найдены преимущественно в женских погребениях с трупосожжениями X — начала XI в. в бассейне р. Оять.

Две подвески-бобры найдены на поселении Крутик. Изготовлены они из рога и передают реалистический облик зверя с круглой головой и широким лопатообразным хвостом (табл. XX, 26).

Найденные в приладожских курганах X — начала XI в. три коньковые подвески с шумящими привесками (табл. XX, 21) — прикамского происхождения. Оттуда же происходят подвески-всадницы (табл. XX, 20). Дата подвесок — X — начало XI в. Часть их производилась литейщиками веси.

Во второй половине XI—XII вв. состав женских украшений веси значительно изменяется. Исчезают скандинавские вещи. Горизонтальные игольники в виде трубочек во второй половине XI в. дополняются внизу петлями и шумящими привесками (табл. XVII, 19). Появляются игольники с фигурным щитком (табл. XVII, 10, 11).

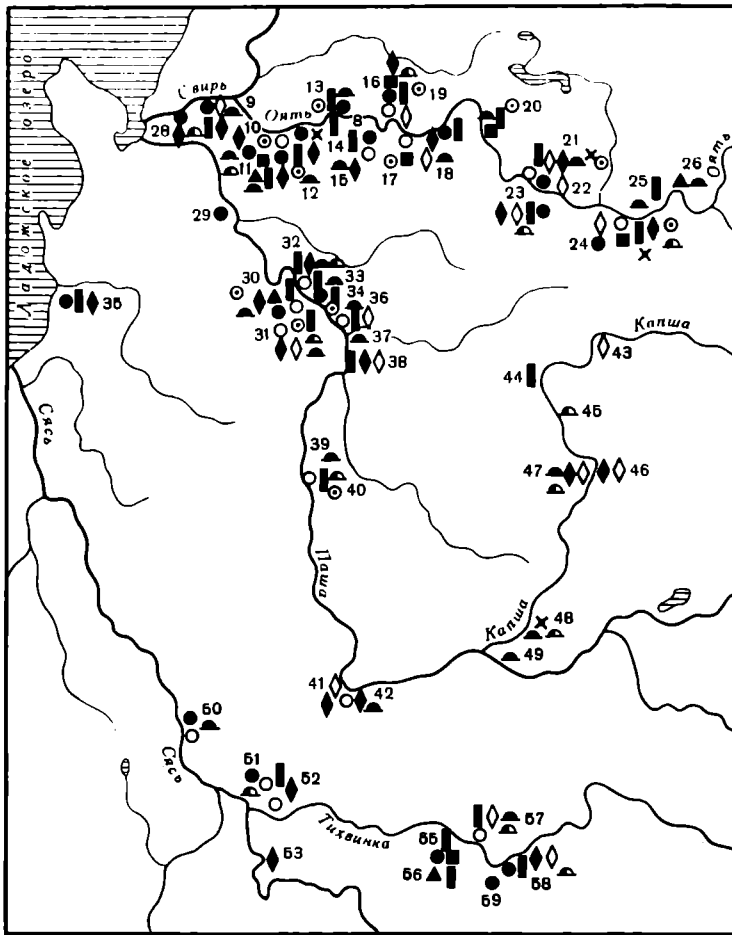
Видоизменяются копоушки. Щиток их принимает различные формы и украшается (табл. XVII, 3, 6—8, 13, 14). Появляется новый тип подвесок в виде ключей (табл. XVII, 15). Женщины носили их в составе сложного нагрудного или поясного украшения; в погребениях на р. Оять встречались по три—пять ключей в связке (табл. XVIII, 16). Всего за пределами Межозерья известны две находки ключей-подвесок — на р. Кемь и в погребении с южной ориентировкой в могильнике XI—XII вв. у д. Корбала на р. Вага. Видоизменение стандартной формы подвески-ключа демонстрируют две подвески

Карта 7. Характерные женские украшения веси X—XII вв.

Подвески: а — утки прорезные; б — утки полые; в — олени; г — «всадница на змее» и «конь па змее»; д — игольники; е — копоушки и ложечки; ж — ключи; з — бусы-«флакончики»; и — нагрудные цепи и цепедержатели; к — погребения с одной нагрудной пряжкой; л — погребения с двумя (редко — с тремя) нагрудными пряжками; м — височные кольца с изображением головы лося; н — регион, вынесенный на карту 8

1 — о-в Кокорин; 2 — Челмужи; 3 — Видлица; 4 — Рабола; 5 — Горка на Олонке; 6 — Гиттола; 7 — Мандрога; 8 — Негежма; 9 — Кузнецы-Чалых; 10 — Карлуха (Колодичник); 11 — Карлуха; 12 — Новинка (Никольщина); 13 — Никольское; 14 — напротив Никольского; 15 — Мергино; 16 — Шангеничи; 17 — Яровщина; 18 — Акулова гора (Муратова); 19 — Кургино; 20 — Валданица; 21 — Гайгово; 22 — между Алеховщиной и Субочиничами; 23 — Алеховщина; 24 — Нюбиничи; 25 — Гарняки; 26 — Круглицы; 27 — погост Озерский; 28 — Кумбита; 29 — Рочевщина; 30 — Связнига; 31 — Щуковщина; 32 — Новая; 33 — Щипняк; 34 — Вихмязь; 35 — Шахнова; 36 — Кириллина; 37 — Костина; 38 — Подъелье; 39 — Леоново; 40 — Вахрушева; 41 — Заозерье; 42 — Залющик; 43 — Пирозеро; 44 — Вычугино; 45 — Орехово; 46 — Еремина гора; 47 — Вина гора; 48 — Ганьково; 49 — Ригачево; 50 — Городище; 51 — Чемихино; 52 — Овино; 53 — Одицова; 54 — Старая Ладога; 55 — Горелуха; 56 — бывш. Тихвинский уезд; 57 — Ильино; 58 — Новосельск; 59 — Галичино; 60 — Крестцы; 61 — Куреваниха; 62 — Дудино; 63 — Бабаево; 64 — Белые Кресты; 65 — Ловча; 66 — Кабожа; 67 — Абакумова; 68 — Пестово; 69 — Сарагожское; 70 — Узмень; 71 — Бежецк; 72 — Могилевская пустынь; 73 — Савинская Горка; 74 — Кидомля; 75 — Коши; 76 — Нижний Конец; 77 — Митино-Зворыкино; 78 — Борисово-Судское; 79 — Стан; 80 — Ширьево; 81 — Минино; 82 — Зубарево; 83 — Погостище; 84 — Крутик (д. Городище); 85 — Белоозеро; 86 — Киснема; 87 — Попово; 88 — Никольское III; 89 — Горка; 90 — Тихманья; 91 — Каргополь; 92 — Нефедьево; 93 — Никольское VI; 94 — Никольское XIII; 95 — Никольское V

Карта 8. Характерные женские украшения веси X—XII вв. Врезка к основной карте

из курганов Приладожья (табл. XVII, 17, 18). Аналогии второй подвеске находим в уже упомянутом могильнике у д. Корбала.

Зооморфные украшения веси в XI—XII вв. также претерпевают значительные изменения. Появились различные варианты плоских прорезных подвесок-уточек (табл. XX, 10, 15).

Значительно разнообразнее становятся уточки полые. В XI в. появляется второй тип подвесок-уточек — с продольными петлями (табл. XX, 16, 17). В XI—XII вв. получает распространение и третий тип полых уточек — с двумя продольными петлями и головкой с хохолком (табл. XX, 12). Если второй и третий типы подвесок эволюционировали от первого, то известный с XII в. четвертый тип полых подвесок в виде фантастических птичек-баранчиков (табл. XX, 11), видимо, проник к веси из Костромского Поволжья.

В результате возрастающих контактов со славянами на территории веси появляются подвески, имевшие в XI—XII вв. массовое распространение в славянских землях. Они известны в литературе как «конек обычный», однако еще А. А. Спицын назвал их «собачками», что более правильно (табл. XX, 19). У белозерской веси появился местный вариант такой подвески, дополненный кольцом над изображением головы (табл. XX, 14). В XI—XII вв. на территории веси бытовали подвески «копь на змее», представлявшие собой эволюцию подвесок «всадница на змее» (табл. XX, 13, 18). Среди них — местные уменьшенные и схематизированные отливки.

В погребениях веси XI—XIII вв. появляются славянские украшения: височные кольца, круглые корешетчатые подвески, рубчатые перстни, крестики и др. Местные типы украшений, видоизменяясь, продолжали бытовать. Так, наряду с игольниками со сплошным фигурным щитком (табл. XVII, 5) появляются экземпляры с ажурными щитками (табл. XVII, 2) и с арочным щитком, выполненным в сложной технике, с литым футляром для иголок (табл. XVII, 1), дополненным шумящими подвесками (Голубева Л. А., 1978, с. 203, 204, рис. 1, 12, 13). Столь же парящими становятся копоушки. В орнаментации некоторых, как и на игольниках, преобладает спираль; иногда рукояти копоушек выполнены в виде птичек или парных конских головок (табл. XVII, 7, 8).

Количество зооморфных украшений веси в XII—XIII вв. сокращается. На смену прежним приходят новые типы зооморфных украшений, распространенные одновременно среди финского и смешанного северорусского населения. Одним из центров их производства становится Костромское Поволжье. Среди них подвески-птички, литые в односторонних или двусторонних формах, с рельефным орнаментом в виде жгутов (табл. XX, 1) и полые, в виде фантастических птичек-баранчиков (табл. XX, 2, 8).

К новым типам относятся также стилизованные литые прорезные коньковые подвески XII в. В сюжете некоторых из них (табл. XX, 4, 5) прослеживается преемственность от коньковых подвесок X в., изображавших двухголового коня и человека или «коня на змее». У большинства подвесок древний сюжет превратился в схематизированный орнамент. Вероятно, они изготовлялись на территории белозерской веси, где обнаружена половина общего числа подобных находок, откуда распространились в Приладожье, бассейн Ваги, Поволжье. Единичные находки зарегистрированы в Новгороде, на р. Луга, в Финляндии, Швеции.

Плоские подвески, изображавшие четвероногого конька (табл. XX, 3), проникли в Приладожье из северо-западных областей Руси. Наиболее поздними являются полые подвески, соединяющие в себе признаки коня и утки (табл. XX, 9). Эта категория украшений распространялась в XII—XIV вв. из Новгорода в финно-угорской среде на широкой территории от земли води на западе до региона коми на востоке. Она завершила собой эволюцию зооморфных украшений.

Женский костюм веси наиболее отчетливо восстанавливается по найденным вещам в погребениях с труположениями из Приладожья. Головной убор состоял из ленты, ремешка и полосы бересты, обшитой тканью, к которым крепились височные кольца. Впрочем, последние были мало распространены. В большинстве это типы, заимствованные от славян: проволочные с эсвидным или спиральным завитком, браслетообразные, ромбоштитковые, трехбусинные. К височным кольцам прикамского происхождения относятся немногочисленные полулунные с высокой дужкой (табл. XVIII, 5). На шее женщины носили ожерелья из бус, бисера и монет, а также гривны.

Покрой верхней одежды был близок к общеприбалтийско-финскому типу, о чем свидетельствует

паличие во многих погребениях веси нагрудных пряжек (одной или двух), расположенных на уровне ключиц.

Так же как у женщин Скандинавии, корел, эстов, верхняя одежда веси по археологическим данным восстанавливается как высокая несшитая юбка из двух полотнищ, с двумя парами петель, из которых длинные перебрасывались через плечо и скреплялись на груди с короткими при помощи парных пряжек. В XI в., но чаще в XII в., известны и погребения с одной пряжкой; предполагается, что в этом случае юбка носилась на одной лямке. По сохранившимся на оборотной стороне бронзовых украшений фрагментам тканей можно говорить о льняных, полотняных и холщовых рубахах и шерстяной верхней одежде (табл. XVI, 7).

Традиционный покрой женской одежды сохранялся и в XII в. Изменялся состав нагрудных украшений, но их расположение в погребении оставалось прежним. Вместо нагрудной цепи иногда служила пизка бронзовых флаконовидных пронизок. К пряжкам присоединялись нагрудные украшения из зооморфных подвесок, бубенчиков, игольника. В погребениях XII в. нагрудные цепочки иногда не соединяют парные пряжки, а свисают с них вертикально. К ним прикреплены крестик, игольник, копоушка и шумящая привеска. Женская одежда подпоясывалась. Известно поясное украшение из шнуров, продетых в бронзовые спирали, к которым прикреплены подвески-уточки, ключи, гребень (табл. XVIII, 16).

О головном уборе белозерской веси известно немного. В курганах с труположениями на р. Суда найдены браслетообразные (пезавязанные) височные кольца с заходящими концами, которые В. В. Седов связывает с финноязычным населением северных областей Древней Руси (Седов В. В., 1982, с. 194, 195). Такие же встречены на поселении Крутик и Белоозере в горизонте X в. Там же, а также в курганах с трупосожжениями на р. Суда известны браслетообразные втульчатые височные кольца, типичные для мери. Только в Белозерье отмечены проволочные височные кольца с заходящими концами и с перегибом, датирующиеся XI–XII вв. Местным белозерским типом были также височные кольца с головой лося (табл. XVIII, 9), найденные в Белоозере (три), Киснеме (одно), в Каргополе (одно). Дата — XI и XII вв.

Лунничные височные кольца X в. из находок на р. Суда и Белоозере отличаются от приладожских более широким щитком и короткой дужкой, отличавшейся вместе с последним. На поселении Крутик найдена каменная литейная форма для изготовления таких колец. Они украшались рельефным орнаментом, снабжались трапецевидными привесками. Дальнейшее развитие этого типа височных колец выразилось в увеличении размеров щитка и усложнении орнамента. Такие кольца известны в погребениях XII–XIII вв. у оз. Воже, на реках Вага и Сухона. В грунтовых погребениях XII в. восточнее Белого озера (Нефедьево) найдены остатки головных уборов из шерстяной ткани, расшитой бронзовыми спиральками.

Женская одежда белозерской веси была, видимо, аналогична приладожской. Так, в женских погребениях конца XI в. у д. Нижний Конец найдены пар-

ные и одиночные пряжки в области ключиц (табл. XVIII, 41). Нагрудными и плечевыми украшениями служили связки шумящих привесок (колоколовидных бубенчиков), по пять–семь штук, вместе с копоушкой и игольником (табл. XVI, 7). Поясные украшения состояли из бубенчиков, соединенных с ножом и гребнем. В погребении 1 нож в футляре лежал на левом плече. Отдельные погребения с нагрудными пряжками и цепочками обнаружены также в бассейнах Мологи и Шексны, а также в Верхнем Поволжье (карта 6). Костюм, требующий двух пряжек в области ключиц, зафиксирован и в грунтовых погребениях веси. В 1978 г. у д. Погостище восточнее Белого озера обнаружено женское погребение конца X — начала XI в. с двумя крупными подковообразными фибулами у верхних головок плечевых костей. Третья малая пряжка находилась на груди (табл. XVI, 6). Покойная лежала на спине, с вытянутыми руками, головой на юг — юго-восток. Среди погребального инвентаря содержались шумящие украшения, а также нож и топор (Макаров Н. А., 1983б, с. 215–219, рис. 1; 2).

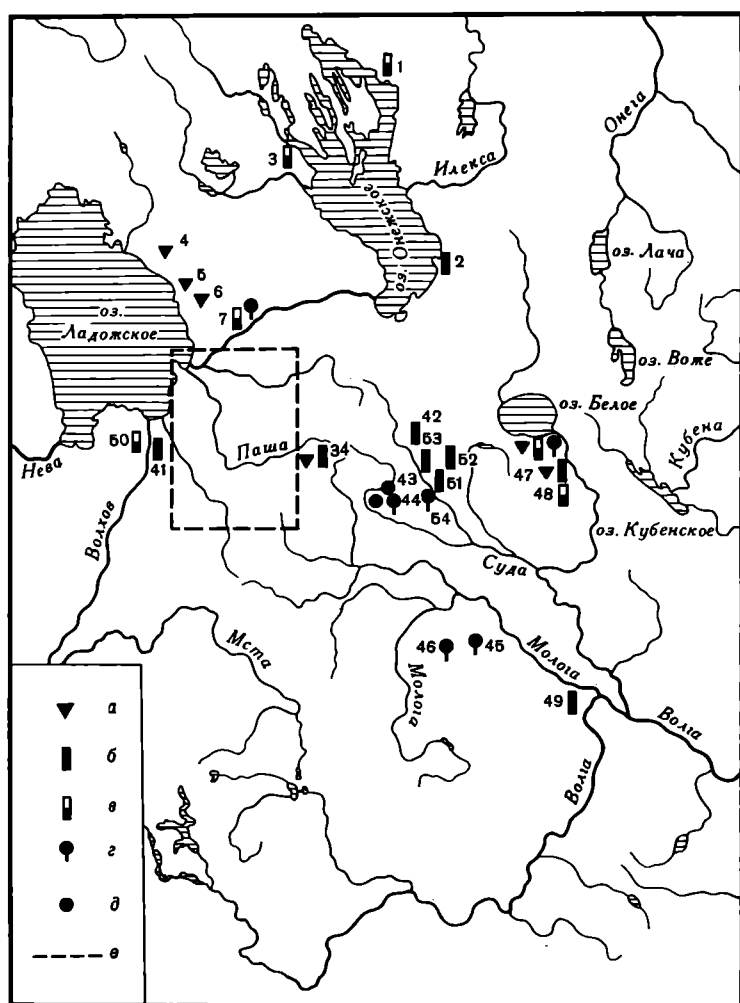
Относительно покроя мужской одежды сведений гораздо меньше. Она изготовлялась также из льняных и шерстяных тканей. Известно о существовании шерстяных плащей, которые застегивались на груди или плече одной пряжкой.

В мужских погребениях всегда встречаются топоры и ножи. Орудия других типов (сошпик, коса) единичны. В курганах юго-восточного Приладожья X–XI вв. обычны также находки оружия: наконечники стрел и копий, боевые топоры. Оружие представлено в основном общеевропейскими формами. Только среди наконечников стрел имеются специфические для местного финно-угорского населения срезни без упора. А. Ф. Медведев отмечал, что русским населением этот тип стрел не употреблялся (Медведев А. Ф., 1966, с. 71). По подсчетам С. И. Кочкуркиной, среди учтенных наконечников стрел Приладожья срезни такого типа по числу находок занимают второе место (Кочкуркина С. И., 1973, с. 49). Они датируются X–XI вв. Помимо Приладожья, такие срезни найдены на поселении X в. Крутик. Мужчины носили у пояса нож, огниво, железную или бронзовую трубочку для трута, кремь, иногда железную иглу с кольцом.

Типичными для веси являлись пластинчатые огнива (табл. XVIII, 12, 19). В Приладожье 3/5 этих огнив найдены в трупосожжениях, а остальные в погребениях X–XI вв. по обряду ингумации с южной ориентировкой. Ареал пластинчатых огнив охватывает также Белозерье и бассейн Мологи (карты 9, 10).

Стальные огнива с бронзовыми рукоятями (табл. XVIII, 15, 20), также известные у веси, были в X — середине XI в. предметами международной торговли и распространялись по Великому Волжскому пути между Прикамьем и Фенно-Скандинавией (карта 9, 10). В Приладожье и на Белозерье они представлены несколькими типами (Голубева Л. А., 1964б, с. 123–128, 130, 131; рис. 1, 2).

У железных игл с кольцами острие иногда покрывалось полудой, а верхняя часть стержня украшалась инкрустацией из серебряной проволоки или рельефными поясками; наиболее распространены

Карта 9. Характерные вещи для мужских погребений VIII—XII вв.

а — срезни; б — кресала пластинчатые; в — кресала с бронзовыми рукоятками; г — острия с кольцами; д — горшки с железными обручами; е — регион, вынесенный на карту 10
1 — Чёлмужи; 2 — Муромское озеро; 3 — устье р. Суны; 4 — Видлица; 5 — Рабола; 6 — Капшейла; 7 — Подьядебское; 8 — Карлуха; 9 — между Карлухой и Каменкой; 10 — Мергино; 11 — Яровщина; 12 — Субочиничи; 13 — Валданица; 14 — Гайгово; 15 — Кумбита; 16 — Усть-Рыбежна; 17 — Балдино; 18 — Новая; 19 — Вихмязь; 20 — Воскресенский ручей; 21 — Кручевницкий ручей; 22 — Костино; 23 — Подбелье; 24 — Сязнига; 25 — Шуковщина; 26 — Леопово; 27 — Вахрушева; 28 — Пирозеро; 29 — Орехово; 30 — Еремина гора; 31 — Вина гора; 32 — Городище; 33 — Чемихино; 34 — Шутозеро; 35 — бывш. Тихвинский уезд; 36 — Заозерье; 37 — Горелуха; 38 — Новосельск; 39 — Ильино; 40 — Галичино; 41 — Княщина; 42 — Митино-Зворыкино; 43 — Новинка; 44 — Степаново; 45 — Сухолюжино; 46 — Крестцы; 47 — Белоозеро; 48 — Крутик (д. Городище); 49 — Владимирское; 50 — Старая Ладога; 51 — Никольское XVI, курган 2; 52 — Никольское XIII; 53 — Никольское VI; 54 — Никольское XI

иглы с гладким острием (табл. XVIII, 18). В X—XI вв. эти иглы, вероятно служившие вилками, имели широкое распространение в восточной Прибалтике, Швеции и в северной Руси (Голубева Л. А., 1971, с. 116, 117, рис. 1, 2, 8, 11). Древнейшая финская находка происходит из кургана с ярусными трупосожжениями на р. Суда у д. Никольское.

В шести курганах юго-восточного Приладожья X—XI вв. и в одном, относящемся к XI—XII вв. (карта 9, 10), найдены горшки, окованные по венчику железным обручем (табл. XVIII, 21). Иногда последний имел петлю и крючок для подвешивания

над очагом или костром. Поселения на Шексе в X в. были ремесленно-торговыми центрами. Особое развитие имела в них черная металлургия. В Белоозере открыты основания двух кузниц. На поселении Крутик выявлены остатки двух кузнечных горнов. У одного в предгорновой яме найдено свыше 100 кусков шлаков весом от 0,3 до 1,5 кг. Рядом обнаружены остатки кузнечного комплекса: валун, служивший наковальней, зубило, кузнечные заготовки топора и ножей, бракованные изделия.

Предгорновая яма второго горна была заполнена темной землей с углями, шлаками, обломками тиглей, льячек, глиняных сопел от кузнечных мехов. Найденные на обоих поселениях рабочие топоры, наконечники стрел, ключи к деревянным засовам, а также обнаруженные на поселении Крутик пешня, ухват, огнива и инструменты (пилы, зубила, стамески и долота, пробойники, шилья, иглы) являлись продукцией местных кузнецов.

Металлографический анализ показал, что большая часть исследованных орудий труда и инструментов выполнена методом трехслойной сварки: железо — сталь — железо. Владение этой самой прогрессивной для того времени технологией доказывает высокую квалификацию ремесленников. Техника трехслойной сварки широко применялась при выделке таких серийных изделий, как ножи. Ножи из поселений Крутик и Белоозеро аналогичны ножам из курганов юго-восточного Приладожья. Технология трехслойной сварки прослежена на кузнечных изделиях из Старой Ладоги с древнейшего слоя Е₃ (середина VIII — первая половина IX в.). Очевидно, этот способ производства пришел в Белоозерье с северо-запада через Приладожье (Хомутова Л. С., 1984, с. 199—210). Продукцией местных кузнецов были и найденные на поселении Крутик стальные пластинчатые огнива с крючком (табл. XIX, 20). Характерными для местного кузнечного производства являются и железо-стальные ложки-лопаточки (табл. XIX, 25), применявшиеся в кузнечном и литейном производстве. На поселении Крутик найдено 10 таких орудий, в Белоозере и в Приладожье — по одному. Они употреблялись также в VIII—X вв. мерей и муромой. У славян, по свидетельству Б. А. Колчина, такие орудия неизвестны.

На поселении Крутик обнаружены следы развитого меднолитейного производства. Плавка цветных металлов происходила как в домашних условиях (на очагах), так и в горнах: кузнечных, литейном. Рядом с последним найдены тигли (табл. XIX, 23), обломки льячек и литейная формочка. Почти половина льячек из поселения Крутик орнаментирована (табл. XIX, 21). Орнаменты (насечка, оттиски полой косточкой, миниатюрной палочкой, веревочкой) аналогичны узорам на глиняных пряслицах и лепной посуде, которую изготовляли женщины. Большинство орудий литья найдено возле очагов. Там же найдены клещи (табл. XIX, 13), глиняные литейные формочки, заготовки цветного металла.

На поселении Крутик найдены также игрушечные льячки и тигельки. Очевидно, здесь литейное дело в значительной мере еще оставалось в руках женщин-литейщиц. В 1982 и 1983 гг. раскопками А. Н. Башенькина в трех курганах с трупосожже-

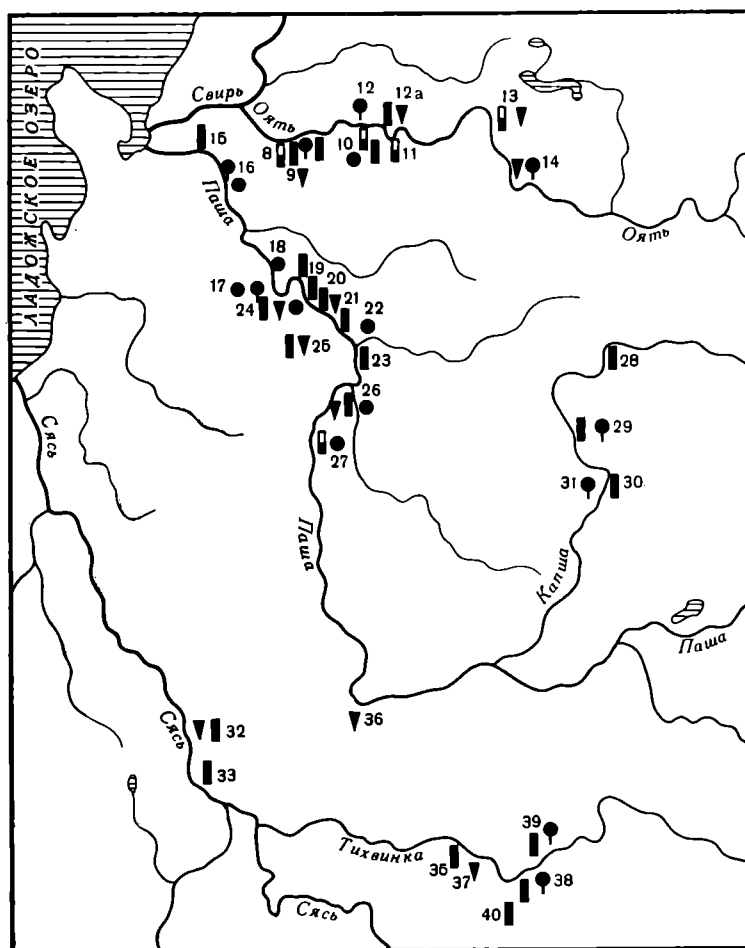
ниями X — начала XI в. на р. Суда были обнаружены четыре погребения литейщиц (Башенькин А. Н., 1983, с. 6; 1985, с. 6, 7). При них найдены глиняные льячки, часть которых орнаментирована, каменные и глиняные литейные формочки. По мере того как литейное дело становилось привилегией ремесленников-мужчин, исчезали и орнаментированные льячки.

На поселениях Белоозеро и Крутик обработка кости и рога также носила ремесленный характер. Помимо наконечников стрел, гарпунов, кочедыков, проколов и рукояток, пряслиц и пуговиц, здесь найдены гребни и подвески, для изготовления которых требовались специфические высококачественные режущие и пилящие инструменты. На поселении Крутик обнаружена косторезная мастерская, объединенная с мастерской литейщика-ювелира. Здесь изготавливались односторонние гребни-подвески с геометрическим орнаментом, а также с фигурками и головками коней (табл. XIX, 5). Подобные гребни типичны для волжских финнов и удмуртов. На Белоозере таких гребней нет. Здесь выделяли односторонние составные гребни-расчески, подражающие привозным фризским. В упомянутой мастерской на поселении Крутик были вырезаны из рога и две скульптурные подвески, изображающие бобра.

О развитии земледелия данных мало. Только многочисленные находки рабочих топоров из курганов X — начала XI в. по рекам Суда и Колпь, а также сошника из кургана 8 у д. Степаново того же времени позволяют предположить, что белозерская весь знала подсежное земледелие.

Обильный остеологический материал позволяет говорить о развитом скотоводстве. На Белоозере оно абсолютно преобладало над охотой. Данные из поселения Крутик свидетельствуют об обратном. По определению палеозоолога Е. Г. Андреевой, кости домашних животных (крупный и мелкий рогатый скот, лошадь, свинья, собака) составили здесь от 21 до 29%, тогда как кости диких животных соответственно — 71–79%. Среди диких животных на первом месте — бобр (от 80 до 97% костных остатков); затем — заяц, лось, северный олень, косуля, куница, лисица, белка, выдра, барсук, медведь. Костей домашней птицы не найдено вовсе, зато много остатков глухаря, тетерева, рябчика, гуся. Найдены и манки для птиц. В большом количестве обнаружены кости крупных рыб: щуки, стерляди, осетра, судака, белорыбицы, леща; найдены и крючки для крупной рыбы (Андреева Е. Г., 1977, с. 73–83).

Для юго-восточного Приладожья материал о хозяйственной деятельности населения получен при раскопках курганов. Состав стада был примерно таким же, как и в Белозерье. Рабочие топоры, мотыги, серп и коса указывают на вероятность подсежного мотыжного земледелия. Пашенное земледелие здесь стало культивироваться с появлением славян. Судя по находкам льняных тканей, возделывался лен. Прядение и ткачество из льна и шерсти, очевидно, было домашним занятием женщин. Об этом свидетельствуют многочисленные находки пряслиц из глины, рога и сланца. Шиферные пряслица стали проникать к веси вместе со славянами. На поселении Крутик их нет, в Белозерье, Приладожье и на р. Суда они известны с конца X — начала XI в.

Карта 10. Характерные вещи для мужских погребений веси X—XII вв. Врезка к основной карте

Судя по находкам в приладожских курганах костей и обрывков шкур медведя, фрагментов меха белки, зайца, хорька, эти животные служили объектами охоты. Но главным промысловым зверем у веси был бобр.

Большая часть керамики (табл. XXI), найденной в памятниках белозерской веси в горизонте X в., изготовлена без помощи гончарного круга. Немногочисленные фрагменты круговой керамики, обнаруженные на поселении Крутик и в раннем слое Белоозера, принадлежат красноглиняным кувшинам, производившимся в Волжской Болгарии. Гончарное ремесло принесено было в Белоозеро славянами в конце X — начале XI в., однако изготовление лепной керамики в Белозерье продолжалось до конца XII в.

Основная часть керамики поселения Крутик сформирована из теста, содержащего примесь крупной дресвы, и имеет грубую шероховатую поверхность. Тщательно заглаженная поверхность других сосудов напоминает лощеную керамику мери. Наиболее распространенной формой являются сильнопрофилированные горшки с резким перегибом в верхней трети, иногда оформленным в виде ребра, и узким дном (табл. XXI, 4). На втором месте стоят широкодонные сосуды с раздутым туловом и пологим плечиком (табл. XXI, 9). Встречаются славяноидные сосуды с четко выделенным плечиком и максимальным расширением, приходящимся на верхнюю четверть высоты, близкие старолadoжским горшкам, и слабопрофилированные сосуды баночных форм (табл. XXI, 3, 5, 7).

Большая часть орнаментов, украшающих керамику из Крутика и Белоозера, представляет собой оттиски твердых штампов: гребенчатых, фигурных, плоских, кольцевидных, а также насечки и отпечатки веревочки. Своеобразен орнамент в виде валика, идущего по шейке сосуда. Наиболее распространенные композиции — одинарные пояски, образованные путем простого повторения отпечатков того или иного штампа, и зигзагообразная линия (табл. XXI, 1). Наряду с ними встречаются и сложные композиции, сочетающие двойные и тройные пояски и зигзагообразные линии. Лепная керамика белоозерской веси богаче орнаментами, чем керамика прибалтийско-финских и поволжско-финских племен.

В нижнем горизонте поселения Крутик собраны развалы низких чаш с широким устьем и узким дном. Они изготовлены из хорошо промешанного теста с тонкими примесями и имеют гладкую поверхность. Точные аналогии этим сосудам известны в древностях поволжских финно-угров — меря, мордвы и муромы. Встречены на этом памятнике и чашевидные сосуды с узким дном, раздутым туловом и плавным переходом от стенок к дну, округлому или слегка уплощенному (табл. XXI, 10). В тесте некоторых из них содержится примесь толченой раковины и слюды. Нарядный орнамент представляет собой сочетание горизонтальных оттисков шнура и поясков, образованных отпечатками различных штампов. По форме, тесту и орнаменту эти сосуды сближаются с посудой Камско-Вычегодского края.

Формы и орнаменты лепной керамики Белоозера, относящиеся в целом к несколько более позднему времени — второй половине X—XI в. и XII в., повторяют те, которые уже знакомы по Крутику. Но на Белоозере преобладают слабопрофилированные сосуды баночных форм, близкие керамике других западнофинских племен (табл. XXI, 5, 7). Распространенные на поселении Крутик узкодонные горшки с резким перегибом в верхней трети встречаются здесь реже и почти исключительно в горизонте второй половины X — начала XI в. В орнаментике сокращается доля оттисков «веревочки на палочке», значительное распространение получают отпечатки рамочных штампов.

Бытосение лепной керамики гончарной в юго-восточном Приладожье произошло быстрее, чем в Белоозере. Среди лепной керамики здесь встречены славяноидные сосуды ладожского типа, но обнаружены и широкодонные горшки с раздутым туловом и пологим плечиком (табл. XXI, 2), и слабопрофилированные сосуды баночных форм (табл. XXI, 3). Приладжская лепная керамика в целом сходна с белоозерской, однако набор форм в Приладожье беднее, а нарядные штамповые орнаменты почти полностью отсутствуют.

Как уже отмечалось, арабские путешественники сообщали о стране Вису, куда отправлялись за пушницей болгарские купцы. Оттуда вывозились шкурки бобров, белок, горностаев и др.

На поселении Крутик найдены 13 монет (Аббасиды, конец VIII — начало IX в. и Саманиды — начало и первая половина X в.), весовые гирьки и чашечки от весов. С арабского Востока на поселения по Шексне поступали сердоликовые и хрустальные

бусы, из Волжской Болгарии — красноглиняная посуда. Пушные богатства земли веси привлекали к себе внимание скандинавов. Их военно-торговые отряды в начале X в. появились в юго-восточном Приладожье. По рекам Паша, Тихвинка, Чагодоца, Молога они направлялись на Волгу, по Ояти и Суде проникали на Шексну. На поселении Крутик к предметам западного импорта принадлежат замки призматические, иглы от фибул для мужских плащей, подвески-крючки, фибулы с шипами, односторонние гребни.

В Белоозере в X — начале XI в. ощущается уже связь с днепровским торговым путем (находки шиферных пряслиц, амфор). Предметами скандинавского импорта являются некоторые женские украшения (браслеты ладьевидные, фибулы с личинами), односторонние гребни, наконечники ножен мечей.

На поселении Никольское VI на Суде обнаружены также предметы западного импорта: призматические замки, овальное кресало с ажурной серединой, иглы от фибул для мужских плащей, односторонние гребни. На связи с Востоком указывают паходки болгарской посуды.

Для Белоозерья и Приладожья идентичен состав стеклянных бус. По мнению З. А. Львовой, эти бусы ближневосточного происхождения привозили в Приладожье скандинавы для меновой торговли пушной с местным финским населением (Львова З. А., 1977, с. 106—109).

С упадком восточной торговли прекратил существование ряд торгово-ремесленных центров по Волжскому пути, в том числе и поселение Крутик. Белоозеро компенсировало ослабление восточных связей развитием торговли с Днепровским и Балтийским бассейнами. С XI в., когда основным источником поступления монетного серебра на Русь стала Западная Европа, приобрел особое значение транзит серебра с Балтики через Неву — Ладожское озеро, р. Свирь, Онежское озеро, р. Вытегра, Белое озеро. Этот путь отмечен крупнейшими (по 5—13 тыс. монет) кладами западноевропейских монет.

Общественный строй веси X—XI вв. можно охарактеризовать как патриархально-родовой на стадии военной демократии. В Приладожье об этом свидетельствует наблюдаемое по раскопкам курганов почти поголовное вооружение мужчин (свободных общинников), а также погребения глав рода или большой семьи, ритуальные захоронения убитых слуг (рабов, рабынь?), обряды, связанные с кровной мстью (Назаренко В. А., 1980б, с. 273). Наличие развитого ремесла, вероятно, стимулированное участием военных дружин в международной торговле, придает особое своеобразие этому обществу, стоявшему уже на грани феодальных отношений. Веси белоозерская, более тесно соприкасавшаяся со славянами, в XI в. обгоняла в общественном развитии весь приладжскую.

Чудь заволоцкая

В русских летописях чудь заволоцкая упоминается единожды в перечне неславянских народов: «В Афетове же части седять... весь, морьдва, заволоцкая чюдь, пермь, печера...» (ПВЛ, I, 1950, с. 10).

Термин «Заволочье» известен по новгородским источникам со второй половины XI в. и сохраняется до конца XV в. Так называлась территория восточнее озер Белое и Кубенское. Из Новгородского края в бассейн Северной Двины проникали многочисленные волоки, проложенные через Заонежье. Отсюда по р. Емца плыли на Северную Двину, а по рекам Пуя, Вель попадали на западный приток Северной Двины — Вагу. Раньше всего славяне, по-видимому, освоили низовья Северной Двины. Полагают, что само название реки, встречающееся в скандинавских сагах, русского происхождения. Верхнее течение Северной Двины и бассейн Ваги, как справедливо отмечал А. Н. Насонов, не имеют следов древнего славянского населения (Насонов А. Н., 1951, с. 107). Погосты новгородцев, ходивших на Вагу и Сухону за данью, исторически известны с первой половины XII в. Археологически они не исследовались.

Чудь заволочская могла сохранить к этому времени этническую самостоятельность лишь в бассейне Ваги (карта 11).

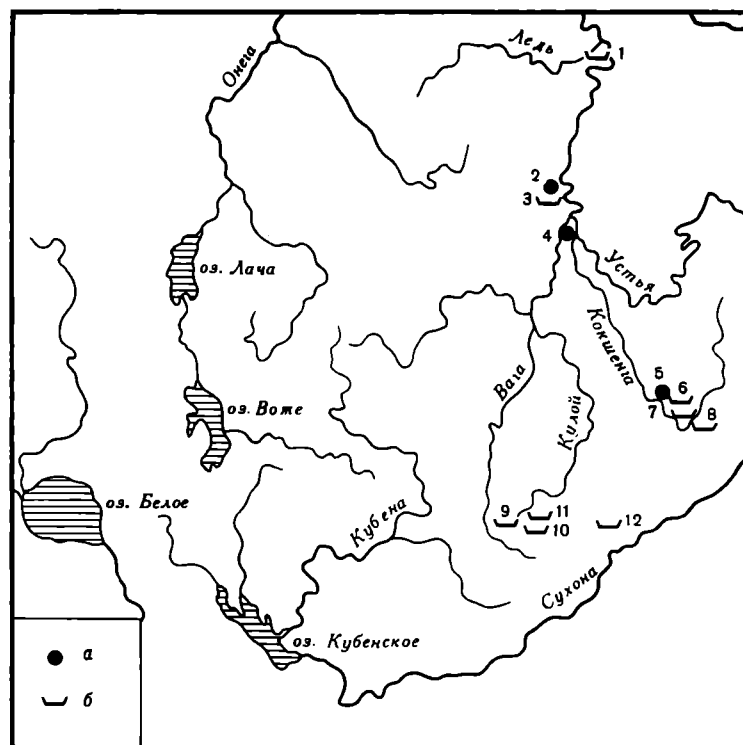
Ю. С. Васильев (Васильев Ю. С., 1971, с. 103—109) и некоторые другие исследователи отождествляют «Заволочье» для XI—XIII вв. именно с Важской землей. Здесь по грамоте XIII в. известно становище Чюдин (вероятно, на месте г. Шенкурска). Источники начала XIV в. сохранили имена местных чудских «князьков», выступавших в качестве старост (Насонов А. Н., 1951, с. 107).

Археологические памятники чуди заволочской до недавнего времени были не известны, хотя отдельные находки «чудских» вещей встречались. Так, в 1914 г. близ устья р. Пуя, в д. Аксеновой Шенкурского у. Архангельской губ. при рытье погребца найдено 12 бронзовых украшений и подвесок-амулетов — прорезная уточка, малая подвеска-«всадница», «конь на змее» (Голубева Л. А., 1973, с. 15).

При земляных работах на Васильевском городище (левый берег Ваги, выше впадения р. Устье) была собрана замечательная коллекция бронзовых вещей (свыше 40 экз.), поступившая в Архангельский краеведческий музей (Спицын А. А., 1915, с. 241, 242, рис. 39—41; Tallgren A. M., 1931a, Fig. 6, 7). Это стилизованные коньковые подвески, полые подвески в виде коньков и уточек, горизонтальный игольник (все с шумящими привесками), пряжки, пронизки. А. А. Спицын отметил, что большинство вещей целиком повторяется в древностях вепсов и в костромских курганах, остальные близки прикамским. Дата вещей — XI—XIII вв.

Предполагалось, что упомянутые находки могли происходить из разрушенных погребений. Однако первый достоверный могильник чуди заволочской был обнаружен и раскопан только в 1976—1977 гг. О. В. Овсянниковым, второй — исследован О. В. Овсянниковым и В. А. Назаренко в 1979 г. Могильники грунтовые; располагались на вторых боровых террасах; на поверхности отмечены западинами (Овсянников О. В., 1979; 1980, с. 22; Ovsyannikov O. V., 1980, p. 228—236, tabl. I—III; Назаренко В. А., 1984, с. 144—147; Назаренко В. А., Овсянников О. В., Рябинин Е. А., 1984, с. 197—216).

Первый могильник расположен на левом берегу Ваги у д. Корбала Шенкурского р-на Архангельской

Карта 11. Памятники чуди заволочской

а — находки средневековых древностей;

б — грунтовые могильники

1 — Корбала; 2 — Аксенова; 3 — Усть-Пуя; 4 — Воскресенское (Васильевское городище); 5 — Шухлиха; 6 — Проневская (Долговицкие могильники 1, 2); 7 — Новгородовская; 8 — Кремлевская (Ульяновский могильник); 9 — Старовская пустошь (Пустошенский могильник); 10 — Марьянская; 11 — Семеново; 12 — Кудринская

обл. В нем исследовано 18 могил. Второй обнаружен на правом берегу Пуи при ее впадении в Вагу (Усть-Пуйский), напротив д. Аксеновская. Раскопано семь могил, пять из которых разграблены. Труположения в обоих могильниках имели южную ориентировку (исключение — погребение двух женщин в могиле 5 головами на запад из Усть-Пуйского могильника). В Корбальском могильнике восемь могил содержали остатки трупосожжений, совершенных на стороне.

В могильниках прослежены бревенчатые срубы, опущенные в могильные ямы и прикрытые берестой, следы кострищ; в заполнении ям наблюдались прослойки угля и золы.

В мужских погребениях найдены остатки кожаных поясов с бляхами (табл. XXII, 23), ножи, топоры, наконечники стрел, сулиц и копий (табл. XXIII, 15—19), овальные и калачевидные кресала поздних типов (табл. XXIII, 13, 14), лировидные пряжки. Наконечники стрел и топоры встречались и в женских погребениях. Как в мужских, так и в женских погребениях в головах обычны горшки (почти все лепные). В нескольких погребениях сохранились остатки кожаной обуви и бронзовые умбоновидные бляхи с шумящими привесками, видимо ее украшавшие (табл. XXII, 16, 18, 21).

Корбальский могильник — более древний (вторая половина XI—XII в.). В одном из его погребений найден динарий германского графства Евер (70-е годы XI в.). В женских погребениях встречены типичные для Приладожья украшения-амулеты: «конь

на змее» (табл. XXII, 7), полая утка с хохолком и двумя петлями (табл. XXII, 4), подвеска в виде ключа (табл. XXII, 6) и подвеска с трапецевидной прорезной основой и антропоморфным навершием (табл. XXII, 12). Аналогичная подвеска происходит из весского погребения XI–XII вв. на р. Каппа. Подобный тип подвесок сложился, видимо, в Приладожье как видоизменение подвесок-ключей. В погребении 10 Корбальского могильника вместе с упомянутой подвеской найдена и литая треугольная подвеска с двумя крест-накрест напаянными по центру проволочками и тремя петлями (табл. XXII, 15). Такая же подвеска известна из весского кургана 3 у Видлицы с монетами первой половины XI в. (Равдоникас В. И., 1934, с. 14, 15, табл. IV, 12). В обоих могильниках найдены лунничные височные кольца; в Усть-Пуйском они крупные, с выпуклинами и штрихованным орнаментом (табл. XXIII, 6, 8). В каждом втором женском погребении этих могильников обнаружены подковообразные застёжки с многогранными и спиральными головками (табл. XXII, 11, 17); в трупосожжении 7 Корбальского могильника их было три.

Они отливались по оттискам самих изделий в мягкой глине (табл. XXII, 20; XXIII, 12). Подобные застёжки известны в памятниках веси Погостище (Тухтина Н. В., 1966, рис. 4, 1) и Чёлмужи, найдены на Васильевском городище, в костромских курганах, в Веселовском и Починковском могильниках марийцев. Их дата — XII–XIII вв.

Женская одежда, видимо, подпоясывалась. К поясу иногда крепились нож и шумящие подвески.

Усть-Пуйский могильник датируется XII–XIII вв. (Назаренко В. А., 1984, с. 147). Только две его могилы содержат вещевой инвентарь, среди которого есть два полых конька-уточки с шумящими привесками (табл. XXIII, 1, 5).

Вещей славянского происхождения в этих могильниках немного. В Корбальском это подвески-коньки так называемого смоленского типа (табл. XXII, 3), бронзовые провололочные витые завязанные браслеты и такой же перстень, бубенчик, крестик (табл. XXII, 2, 5, 13), серебряный овально-щитковый уса-тый перстень.

Полые подвески-коньки с шумящими привесками принадлежат к типам, наиболее тесно связанным с Новгородом. Подвеска, изображенная на табл. XXII, 1, принадлежит к тем, что начали изготавливаться в Новгороде с конца XII в., а типа, приведенного на табл. XXIII, 5, — в середине XIII в. Они отражают направление торговых связей и пути новгородской колонизации на Вагу, Северную Двину, Сухону (Голубева Л. А., Варенов А. В., 1978, с. 229–237, рис. 1).

Территориальная близость чуди заволочской к пермским племенам наложила отпечаток на культуру обитателей Поважья. Вероятно, от перми заимствованы были парные умбоновидные бляхи с шумящими привесками, которые Э. А. Савельева относит к числу нагрудных украшений перми вычегодской (Савельева Э. А., 1971, с. 29–34). Правда, у марийцев и муромы такие бляхи крепились к обуви.

Основа культуры финно-угорского населения По-

важья явно родственна культуре веси. Об этом свидетельствуют набор ведущих украшений, южная ориентировка погребений и, наконец, керамика (табл. XXIV). По формам, пропорциям, составу теста плоскодонная лепная посуда из рассмотренных могильников идентична керамике белозерской веси. Выразительно и сходство орнаментов. Так, узор, выполненный гребенчатым штампом и сочетающий горизонтальные ряды и строенные вертикальные отпечатки (табл. XXIV, 3), схож с белозерским (Голубева Л. А., 1973, рис. 56, 5). То же можно сказать об орнаменте (табл. XXIV, 4), состоящем из кольцевидных отпечатков (нанесенных полый косточкой) и вертикальных оттисков гребенчатого штампа (Голубева Л. А., 1973, рис. 56, 15).

В свое время некоторые исследователи (В. Д. Бубрих, А. И. Попов, А. К. Матвеев, В. В. Пименов и др.) доказывали существование в Заволочье древнего прибалтийско-финского населения. В. Д. Бубрих предполагал, что чуди заволочская входила в группу вепских племен (Голубева Л. А., 1973, с. 12–13).

Могильники на Ваге следует сопоставить с грунтовыми погребениями, открытыми в 20-е годы XX в. Н. А. Черницыным в среднем течении правого притока Ваги — Кокшеньги. Здесь у деревень Проневская, Ульяновская, Новгородовская найдены отдельные трупосожжения XII–XIII вв. в ямах, заваленных камнями. В составе погребального инвентаря — бубенчики с одной прорезью, расплавившаяся подвеска-конек. В тех же могильниках обнаружены и трупоположения с юго-восточной ориентировкой и с невыразительным инвентарем. По словам местных крестьян, на месте погребений находили топоры, копья, бронзовые украшения: полые птички и коньки с шумящими привесками, бубенчики, цилиндрические и боченковидные бусы, горшки (Черницын Н. А., 1925; Голубева Л. А., 1973, с. 19; Рябинин Е. А. 1981б, с. 68–70).

В верховьях Ваги и ее правого притока — р. Кулой, на р. Сондуга и левых притоках Сухоны — Единьга и Возбол в 1923–1924 гг. Н. А. Черницыным (Черницын Н. А., 1966, с. 196–201) и в 1978–1979 гг. Н. В. Гуслистым исследованы грунтовые могильники с трупоположениями, ориентированными на юг, юго-восток, северо-запад и запад. Могильные ямы здесь чаще видные, с каменной наброской. Число погребений в каждом могильнике невелико: в Пустошенском — три, Кудринском — одно, Марьинском — 23 (из них 15 разрушены), Семеновском — 11.

По словам исследователей, Пустошенский и Марьинский могильники раскопаны полностью. Они датируются XII–XIII вв. В каждом из них найдены лунничные височные кольца, аналогичные важским. В трех женских погребениях в области ключиц лежали нагрудные застёжки.

В 1979 г. Н. В. Гуслистым у д. Проневской раскопан Долговицкий II могильник, содержащий 17 грунтовых погребений, ориентированных головами на северо-запад. Найдены наконечники стрел, пластинчатое кресало, поясной набор с подковообразной фибулой с сомкнутыми концами (Гуслистый Н. В., 1980, с. 7). Вероятно, эти могильники оставлены одной из южных групп чуди заволочской.

Глава вторая

Поволжские финны

К поволжско-финской группе финно-угорских народов ныне принадлежат мордва (эрзя и мокша) и марийцы. В древности это была обширная диалектно-племенная группировка, занимавшая территорию Верхнего и Среднего Поволжья. В русских летописях и иных исторических источниках, кроме мордвы и черемисы (марийцев), называются еще мера, заселявшая, как свидетельствуют данные археологии и топонимики, почти все области междуречья Волги и Клязьмы, мурома, локализуемая в бассейне Нижней Оки. На основании сравнительно поздних источников и косвенных данных можно говорить еще о племени мещера, жившем в северной части среднего Поочья.

В эпоху средневековья до широкого славянского расселения в Волго-Окском междуречье мера, мурома, мещера, мордва и марийцы уже были отдельными племенными группировками, различными по языку и характеризующимися своеобразием в культуре и обрядности, поэтому каждой из них посвящен отдельный раздел настоящей главы.

Когда-то в древности поволжско-финские племена составляли единую этноязыковую группировку. Вопрос о времени и территории формирования этой общности в археологии представляется более или менее решенным. Большинство исследователей, в той или иной мере касавшихся этой проблемы, утверждают, что эта общность относится к эпохе раннего железа, когда на широких пространствах лесной зоны Восточной Европы получают распространение культуры текстильной и рогожной керамики. По-видимому, на базе племен — носителей сетчатой и рогожной керамики формируется этническая основа еще не распавшейся в начале железного века западной финноязычной общности. Постепенно от нее отъединяется прибалтийско-финская группировка, об условиях формирования которой уже говорилось. Племена дьяковской и городецкой культур Верхнего и Среднего Поволжья, очевидно, и составили основу поволжско-финской языковой общности (Третьяков П. Н., 1966, с. 145—156). Интересно, что А. А. Спицын и В. А. Городцов первоначально объединяли дьяковские и городецкие городища в единую культурную общность. К ним присоединялся и А. М. Тальгрен. Теперь установлено, что дьяковские и городецкие памятники составляют две весьма близкие, но все же различные археологические культуры. По-видимому, поволжские финны, образуя племенную общность, подразделялись на две диалектные группы.

В последующее время в результате различных исторических процессов, включающих дифференциацию племен, их взаимодействие, а также диффузию населения соседних территорий, произошло форми-

рование раннесредневековых племенных группировок.

Историография археологии средневековых поволжских финнов коротка. Здесь речь может идти о монографических изысканиях, целостно посвященных поволжско-финским племенам, поскольку историография каждого из них рассмотрена в соответствующих разделах весьма основательно. Среди работ обобщающего характера в первую очередь следует назвать труд А. П. Смирнова (Смирнов А. П., 1952), являющийся самым серьезным вкладом в изучение поволжско-финских племен. Археологии верхневолжской части поволжских финнов посвящена монография Е. И. Горюновой (Горюнова Е. И., 1961).

Мера

Впервые мера упоминается в труде историка VI в. Иордана под именем *merens*. Сведения о мере содержатся главным образом в Начальной русской летописи, которая указывает ее географическое положение: «...а на Ростовскомъ озере мера, а на Клещине озере мера же» (ПВЛ, I, 1950, с. 13).

Летопись упоминает мерю в числе северной группы племен, плативших варягам дань, а потом изгнавших их за море. Под 862 г. сообщается о Ростове, в котором Рюрик посадил одного из своих военачальников. «И приа власть Рюрикъ и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Белоозеро» (ПВЛ, I, 1950, с. 18). Мера упоминается и под 882 г., когда Олег, совершая поход на Киев, «поимъвоа многи, варяги, чюдь, словене, мерю, весь, кривичи». Захватив Киев, Олег «нача города ставить и устави дани словеномъ, кривичемъ и мери» (ПВЛ, I, 1950, с. 20). В войске Олега, совершившем в 907 г. поход на Константинополь, упоминается мера, а в числе народов, которые должны были получить «уклады» после удачного похода, назван Ростов. После 907 г. мера исчезает со страниц русских летописей.

Мера была полностью ассимилирована славянами и утратила свой язык. Следы его сохранились в многочисленных топонимических и гидрографических названиях восточной части Волго-Окского междуречья, являвшегося основной племенной территорией мери (Vasmer M., 1935, S. 507—580). Истории и реконструкции языка мери посвящена работа О. Б. Ткаченко (Ткаченко О. Б., 1985). Этноним мера сохранился в названии города Галич Мерский, в «мерских станах», упоминавшихся в документах XVI—XVII вв. Под собирательным именем чюдь потомки мери известны очень долго (например, Чудской конец в Ростове Великом).

В 1851 и 1852 гг. А. С. Уваров, а в 1853 и 1854 гг. П. С. Савельев и К. Н. Тихонравов раскопали 7729 курганов на территории Владимирской, Ярославской и частично Ивановской обл. Несовершенная методика работ, плохая документация затрудняют и делают подчас невозможным восстановление деталей погребального обряда раскопанных курганов, особенно погребений с трупосожжениями. Огромный вещевой материал в подавляющем большинстве своем оказался к настоящему времени депаспортизованным. Как писал А. А. Спицын, «грандиозные раскопки 1851–1854 гг. в Суздальской области будут долго оплакиваться наукой»... (Спицын А. А., 1905, с. 90). А. С. Уваров был уверен, что раскопал курганы мери, о чем свидетельствует и название его труда «Меряне и их быт по курганным раскопкам» (Уваров А. С., 1872). Он правильно отнес к мерянским такие женские украшения, как бронзовые подвески-коньки и треугольные шумящие подвески. Однако раскопанные А. С. Уваровым и его помощниками курганы X–XII вв. были оставлены, как позднее установлено, славянами, ассимилировавшими мерю.

Во время работ экспедиции А. С. Уварова обследован ряд городищ, причем к мерянским были отнесены как городища дьяковской культуры, так и славянские. П. С. Савельевым в 1854 г. начаты раскопки Городца на р. Саре. Он пришел к выводу, что на этом поселении жили «меряне и норманны». Выделить специфические мерянские черты в материальной культуре городища не удалось.

Курганы продолжали привлекать к себе внимание археологов и во второй половине XIX в. Так, в 1863 г. К. Н. Тихонравовым раскопаны 172 кургана в районе современного г. Иванова. В 70–90-х годах XIX в. было вскрыто свыше 730 курганов в нескольких десятках могильников в Костромском Поволжье и окрестностях г. Иванова.

В 1883 и 1894 гг. в печати появились первые известия о грунтовых могильниках на территории мери, открытых при земляных работах. Они привлекли к себе внимание А. А. Спицына. В 1895 г. он произвел первые раскопки такого могильника напротив слободы Холуй на р. Тезе. Впоследствии Спицын отнес этот могильник к муроме (Спицын А. А., 1924, с. 11). Он обратил также внимание на погребение с трупосожжением у с. Подольское на Волге, ниже Костромы, в котором были найдены копы, топор-кельт и орудие, напоминающее лопаточку, и предположил, что там может быть мерянский могильник (Спицын А. А., 1924, с. 11).

В 1905 г. А. А. Спицын обратился к материалам владимирских курганов, раскопанных А. С. Уваровым. Полемизируя с последним, он отнес эти курганы к славянским, указав на славянские черты погребального обряда и инвентаря. «Чудскими» он признал только женские зооморфные украшения (Спицын А. А., 1905). Впоследствии он отнес к мерянским также треугольные подвески и перстни с привесками (Спицын А. А., 1924, с. 13). А. А. Спицын полагал, что меря ушла с места первоначального обитания, отступив перед русскими переселенцами, «задерживаясь на пути отступления лишь небольшими клочками» (Спицын А. А., 1905, с. 166).

После работ А. А. Спицына интерес к древностям мери упал и поиск ее археологических памятников по существу прекратился. В одной из работ А. А. Спицын писал (Спицын А. А., 1924), что меря остается совершенной загадкой. Поиск древностей ее исследователь рекомендовал вести среди поздних дьяковских городищ и грунтовых могильников.

Советские археологи начали исследование памятников мери с раскопок поселений. В 1924 и 1925 гг. Д. Н. Эдинг (Эдинг Д. Н., 1928), а в 1929 и 1930 гг. Д. А. Ушаков и Д. А. Крайнов вели раскопки Сарского городища и открытого рядом могильника.

В 30-х годах П. Н. Третьяков осуществил реконспирочные раскопки ряда позднедьяковских селищ V–VII вв. Верхнего Поволжья, а в 1934–1935 гг. полностью раскопал позднедьяковское городище у д. Березняки. Результаты этих работ имели большой научный резонанс (Третьяков П. Н., 1941а). Если реконструированная им картина экономической и социальной жизни небольшой родовой общины получила широкое признание, то вопрос об этнической принадлежности населения Березняковского городища вызвал острую дискуссию. П. Н. Третьяков полагал, что в середине I тысячелетия н. э. в Верхнем Поволжье в результате экономического развития и разрушения патриархального строя сложились два этнических массива: славянский (кривичи) — в верхнем течении Волги и мерянский — в районе озер Неро, Плещеево и костромского течения Волги (Третьяков П. Н., 1941а, с. 90, 91). Основой для двух этих различных этносов послужила одна и та же культура — дьяковская. Березняковское городище П. Н. Третьяков считал позднедьяковским, но славянским.

Е. И. Горюнова справедливо указала на ошибочность такой точки зрения, отразившей пороки теории стадильности (Горюнова Е. И., 1956).

Отвечая Е. И. Горюновой, П. Н. Третьяков в 1957 г. писал, что Березняковское городище могло принадлежать славянскому местному населению или же было сооружено славянской общиной, далеко продвинувшейся на восток (Третьяков П. Н., 1957, с. 77). В рецензии на книгу Е. И. Горюновой «Этническая история Волго-Окского междуречья» он писал о смешанности населения Березняковского городища (в его составе были славяне — потомки племен зарубинецкой культуры и часть балтов (Третьяков П. Н., 1962, с. 261–263). Впоследствии он уже не настаивал на славянской принадлежности этого поселения, но писал о балтийском компоненте в составе его населения (Третьяков П. Н., 1966, с. 289, 290; 1970, с. 41, 123). Точку зрения П. Н. Третьякова поддержал А. П. Смирнов, который полагал, что в Березняках проживала группа славянских колонистов, проникших в среду волжских финнов. В отличие от П. Н. Третьякова он относил местное население к предкам мери (Смирнов А. П., 1958, с. 149).

Рассматривая другие памятники Ярославского Поволжья, П. Н. Третьяков правильно оценил значение Сарского городища как ремесленно-торгового поселения, «эмбриона будущего города». Он обратил внимание на мерянский характер его культуры (подвески-коньки и треугольные). П. Н. Третьяков отнес к мерянским рядовые могильники у с. Подоль-

ское и слободы Холуй, присоединив к ним могильник у с. Хотимль, открытый в 1926 г.

Большой вклад в изучение проблемы мери внесла Е. И. Горюнова (Горюнова Е. И., 1961). Она рассмотрела этногенез этого племени на основе памятников дьяковской культуры, показав своеобразие культуры мери и отличие ее от соседних племен мари и муромы. Рассмотрев основные направления славянского расселения на территории мери, она отнесла начало этого процесса к IX в. В 1955–1958 гг. Е. И. Горюнова раскопала полностью два мерянских поселка: Попадьянское (VI–VII вв.) в Ярославском Поволжье и Дурасовское (IX в.) в костромском течении Волги.

Курганные кладбища у сел Тимерево, Михайловское, Петровское близ Ярославля привлекали внимание археологов с 70-х годов XIX в. В 1938–1939 гг. Я. В. Станкевич провела здесь значительные раскопки и указала на присутствие финского (мерянского) элемента среди погребенных (Станкевич Я. В., 1941, с. 82, 83). В 1959–1961 гг. и в 1974–1978 гг. большие раскопки курганов Ярославского Поволжья вела экспедиция Государственного Исторического музея. В 1963 г. вышел в свет коллективный труд «Ярославское Поволжье X–XI вв.» (Ярославское Поволжье, 1963), обобщивший итоги многолетних раскопок более 700 курганов. Впервые на основе тщательного анализа деталей погребального обряда и инвентаря был выделен комплекс признаков, позволивший дать этническую атрибуцию каждого из поддающихся определению захоронений, в частности финских. Большим достоинством труда является также привлечение в качестве археологического источника остеологического материала. Большинство погребений получило не только этническую, но и половозрастную характеристику, что особенно ценно для курганов с трупосожжениями. Финские курганы исследователи отнесли к веси.

Раскопки курганов, оставленных ассимилированной славянами мерей, велись А. Ф. Дубыниным и Е. Н. Ерофеевой в пределах Ивановской обл. в 1945–1965 гг.

Список грунтовых могильников мери пополнился открытием в 1972 г. могильника Сунгирь под Владимиром.

В 60–80-х годах разведкой и раскопками славяно-мерянских селищ успешно занимались А. Е. Леонтьев, В. П. Глазов, В. А. Лапшин, И. В. Исланова. В 70–80-х годах А. Е. Леонтьев по материалам Сарского городища выделил мерянский комплекс материальной культуры и показал, какие изменения произошли в нем под влиянием контактов со славянами. Он же проследил процесс развития Сарского городища как укрепленного племенного центра с выросшим при нем посадом вплоть до угасания в начале XI в. (Леонтьев А. Е., 1975).

В 70-х годах большие раскопки проведены И. В. Дубовым на поселении близ д. Большое Тимерево, вошедшим в литературу как протогород. Правда, мерянский элемент в культуре этого поселения значительно уступает славянскому. Меря усилиями советских археологов уже перестала быть археологической загадкой, хотя далеко не все вопросы ее истории освещены в равной степени.

Традиционное мнение об однородности дославян-

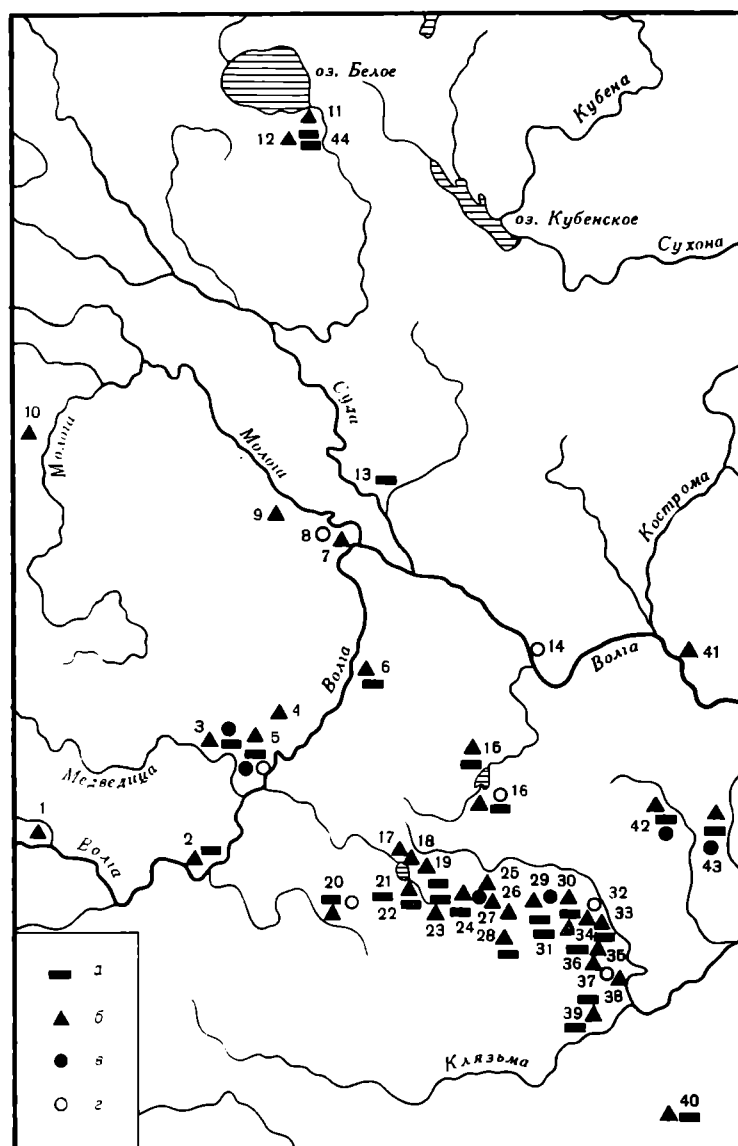
ского населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н. э., изложенное в работах А. А. Спицына, Е. И. Горюновой, К. А. Смирнова, А. Ф. Дубынина, в 70-х годах XX в. подверглось пересмотру. Новейшие археологические и лингвистические исследования показали, что западная часть Волго-Окского междуречья была заселена балтскими племенами (Седов В. В., 1971, рис. 1; Краснов Ю. А., 1974, с. 3–5). Последние были западными соседями мери, сложившейся на базе населения восточных районов дьяковской культуры. Граница балтской и мерянской гидронимии до славянской колонизации (VIII–IX вв.) проходила по правобережью Волги, южнее современного города Кимры и восточнее р. Москвы и места впадения ее в Оку.

Балтские элементы материальной культуры обнаружены и значительно севернее этой границы — на позднедьяковских городищах ярославского течения Волги (Седов В. В., 1971, с. 99–113). Возражая П. Н. Третьякову, В. В. Седов (как и Е. И. Горюнова) отрицал славянскую принадлежность позднедьяковских верхневолжских городищ (Березняки и др.). Предположение о проникновении славян в область междуречья до VIII–IX вв., писал он, «не имеет под собой никаких оснований» (Седов В. В., 1971, с. 109).

Меря занимала большую часть современных Ярославской, Владимирской, Костромской и Ивановской областей (карта 12). На северо-востоке с ней граничили марицы, заселявшие левобережье Среднего Поволжья от устья Оки и междуречье Ветлуги и Вятки. Вопрос о родстве и даже тождестве мери и мари за последние сто лет не раз дискутировался в исторической литературе (Горюнова Е. И., 1961, с. 38–40). В 1967 г. В. Ф. Генинг выдвинул гипотезу о принадлежности мари и муромы мерянской этнической общности, ведущей происхождение от восточного варианта дьяковской культуры, территория которого простиралась якобы до устья Вятки (Генинг В. Ф., 1967). Однако А. П. Смирнов, Е. И. Горюнова и Г. А. Архипов (Архипов Г. А., 1973, с. 9) убедительно показали, что меря и мари — разные народности и формировались на разной основе.

На востоке с мерей соседил мурома, а южнее Клязьмы известны немногочисленные могильники мещеры. Северо-западным соседом меря была весь. Верхнее течение Волги в пределах Ярославской и Калининской областей являлось рубежом, где для XI–XII вв. отмечены чересполосно отдельные весские и мерянские элементы погребального обряда и инвентаря на фоне прочно освоившего эту территорию славянского этноса (Голубева Л. А., 1973, с. 55). Здесь встречены курганные погребения с северной и северо-западной ориентацией и грунтовые погребения с южной ориентировкой, захоронения под сводом (заливкой).

В 1980–1982 гг. К. И. Комаров исследовал у д. Плешково близ г. Кимры два курганные кладбища и поселение калининской группы мери. Мерянские женские украшения здесь представлены с большой полнотой; ориентировка неустойчива. Погребения хорошо датируются дирхемами второй половины X в. и денариями конца X — начала XI в. (Комаров К. И., 1981, с. 56).

Карта 12. Характерные украшения мери

а — подвески-коньки; б — подвески треугольные; в — перстни с привесками; г — височные кольца со втулкой
1 — Васильевское; 2 — Отмичи; 3 — Пекуново; 4 — Кашин; 5 — Плещково; 6 — Посады; 7 — Пустошь Плавь; 8 — Владимирские хутора; 9 — Белый городок; 10 — Воронова; 11 — Белоозеро; 12 — Крутик; 13 — Зубарево; 14 — Попадьянское селище; 15 — Кустеря; 16 — Сарское городище и могильник; 17 — Криушкино; 18 — Александрова гора; 19 — Городище; 20 — Осипова Пустынь; 21 — Васьково; 22 — Киучер; 23 — Большая Брембола; 24 — Кобанское; 25 — Аламово; 26 — Матвейцево; 27 — Ненашевское; 28 — Кубаево; 29 — Шелебово; 30 — Шокишево; 31 — Осановец; 32 — Мало-Давыдовское городище; 33 — Весь; 34 — Давыдково; 35 — Кестрия; 36 — Гнездилово; 37 — Васильки; 38 — Доброе; 39 — Сунгирь; 40 — Новлинское; 41 — Хрипелево; 42 — Иваново (Вознесенский Посад); 43 — Семухино; 44 — Крохинские пески

В нижнем течении рек Шексны и Мологи найдены мерянские украшения в виде подвесок-коньков, треугольников, перстней с привесками. В летописях, как уже говорилось, названа меря, обитавшая вокруг озер Неро и Плещеево. Кроме этих двух групп мери, были и другие племенные группы мери, отличавшиеся своеобразными чертами погребального обряда и инвентаря, особенно в пограничье с соседними племенами. Территории племенных групп были разделены незаселенными пространствами лесов и болот. Меря, очевидно, состояла из нескольких групп родственных племен.

На территории мери исследованы поселения VI—XI вв. различных типов, отражавшие переход от первобытнообщинной формации к классовому обществу.

Древнейшим типом поселения являются городища, которые можно отнести к позднедьяковским. Они представляли собой укрепленные поселения родовых общин. Полностью раскопанное П. Н. Третьяковым в 1934—1935 гг. городище Березняки (Третьяков П. Н., 1941, с. 51—68) расположено на подтреугольном останце коренного берега Волги при впадении в нее р. Сонохты. Площадь останца, соединенного с берегом узким мысом, 320 кв. м. Поселок был укреплен валом, рвом и обнесен бревенчатой стеной (табл. XXV, 3, 4). Мощность культурного слоя городища всего 0,20—0,35 м. Поселок погиб от пожара. Время его существования автор раскопок определял концом III—IV в.—началом VI в. Е. И. Горюнова и Ю. А. Краснов относят памятник к V—VI вв. (Краснов Ю. А., 1980б, с. 65). И. Г. Розенфельдт полагает, что городище существовало до начала IX в. (Розенфельдт И. Г., 1980, с. 58). Последняя дата, основанная на вещах широкого распространения, явно завышена.

На городище обнаружены остатки 11 построек, из которых шесть представляли собой жилые дома. Это были срубные наземные постройки с углубленным земляным полом и очагом из камней, помещенным в центре или ближе к задней стене жилища. Площадь домов, почти квадратных в плане, 16—25 кв. м. Планиграфия находок указывает как будто на разделение жилища на левую, мужскую, и правую, женскую, половины. Вероятно, это были жилища одной семьи.

Постройки располагались параллельно берегу Волги в два ряда, разделенных свободным пространством — «улицей». Наиболее крупные постройки носили, по мнению П. Н. Третьякова, общественный характер. Таков «общинный дом» площадью 40 кв. м., почти не имевший бытового инвентаря, но с большим очагом и нарами вдоль стен. К нему примыкали «кладовая» и ямы, возможно служившие для хранения запасов. Вторая постройка (34,8 кв. м) с очагом интерпретируется как «дом для женских работ». В ней найдена половина всех глиняных пряслиц, обнаруженных при раскопках, две льячки и глиняная литейная формочка. Небольшая постройка без очага, где найдены зернотерки и песты, возможно, служила местом хранения и размола зерна. На поселении обнаружены также кузница и «домик мертвых» — помещение для захоронения кальцинированных костей и погребального инвентаря. Городище Березняки было, очевидно, местом обитания родовой общины, ведущей коллективное хозяйство.

Городища, аналогичные и одновременные Березнякам, почти не исследовались. В середине I тысячелетия н. э. происходил процесс смены городищ селищами. Укрепленные поселения последней четверти I тысячелетия н. э. имели уже другую систему обороны и иную социальную структуру.

Одним из наиболее крупных и значительных поселений мери, вероятно племенным центром одной из ее групп, являлось Сарское городище (табл. XXV, 1). Оно располагается в излучине р. Сары, впадающей в оз. Неро. Первоначальная площадь

городища свыше 800 кв. м. Раскопки городища начаты П. С. Савельевым в 1854 г. Ко времени исследования его Д. Н. Эдингом (1924–1925 гг.) памятник оказался сильно поврежденным из-за кладочисследовательских раскопок (Эдинг Д. Н., 1928). Разрушение культурного слоя городища довершила разработка на нем гравия в 1930 г. В 70–80-х годах XX в. обследование и раскопки остатков поселения произвел А. Е. Леонтьев.

По мнению Е. И. Горюновой и П. Н. Третьякова (Третьяков П. Н., 1941а, с. 91–93), древнейшее мерянское поселение возникло в северо-восточной части природной гряды в VI–VII вв. (по П. Н. Третьякову, в VII в.). В юго-западной части располагался одновременный поселению грунтовый могильник, открытый Д. А. Крайновым в 1930 г. Поселок разрастался в южном направлении. Последовательно насыпавшиеся с напольной стороны валы (по плану, снятому П. С. Савельевым и А. С. Уваровым, их четыре) погребли под собой и площадь могильника. Северная оконечность гряды к тому времени была разрушена. Верхняя дата культурного слоя городища — начало XI в.

А. Е. Леонтьев полагает, что древнейшее поселение возникло не в северной, а в средней, наиболее высокой части гряды (Леонтьев А. Е., 1975, с. 12) и было укреплено двумя валами, насыпанными на материке. Время возникновения городища и могильника А. Е. Леонтьев относит к рубежу VII–VIII вв. В IX–X вв. были заселены как северо-восточная оконечность гряды, так и юго-восточная ее часть. Последняя была огорожена валом, насыпанным не ранее второй половины X в. Площадь городища к концу X в. составляла более 2 га. Могильник располагался за последним (южным) валом; его территория не была заселена. У подножия юго-восточного склона возвышенной части гряды, за пределами укреплений городища, раскопками А. Е. Леонтьева открыто селище — посад площадью около 0,55 га. Мощность культурного слоя посада 0,1–1 м, дата — вторая половина X — начало XI в.

На городище обнаружены остатки 10 построек; большинство принадлежит к наземным с углубленным полом и две — к полуземлянкам. Как полагает А. Е. Леонтьев, одну постройку можно считать жилой, три следует отнести к производственным и хозяйственным сооружениям; назначение остальных неясно: характерной чертой домостроительства на городище являются очаги, сложенные из валунов. На посадке исследованы остатки двух прямоугольных построек размерами 4,15×3,7 м с очагами из камней. На материке расчищены хозяйственные и столбовые ямы.

Выгодное географическое положение Сарского городища способствовало его быстрому экономическому развитию как ремесленного и торгового центра. В то же время поселение являлось, очевидно, и местом пребывания племенного вождя с дружиной. В начале XI в. Сарское городище прекращает свое существование, уступая место Ростову.

Известны также мерянские поселения на городищах дьяковской культуры. Таково Мало-Давыдовское городище на левом берегу р. Ирмеси в Гаврилово-Посадском р-не Ивановской обл., которое раскапывал в 1929 и 1939 гг. А. Ф. Дубынин. Площадка

городища овальная, площадью 3952 кв. м; с северо-востока—востока оно обнесено рвом. Городище исследовалось узкими разведывательными траншеями, поэтому данных о топографии поселения получить не удалось. Обнаружены остатки жилища с углубленным полом и очагом, сложенным из камней. Мерянский культурный слой датируется А. Ф. Дубыниным VIII–X вв. Е. И. Горюнова относит его нижнюю границу к VI–VII вв.

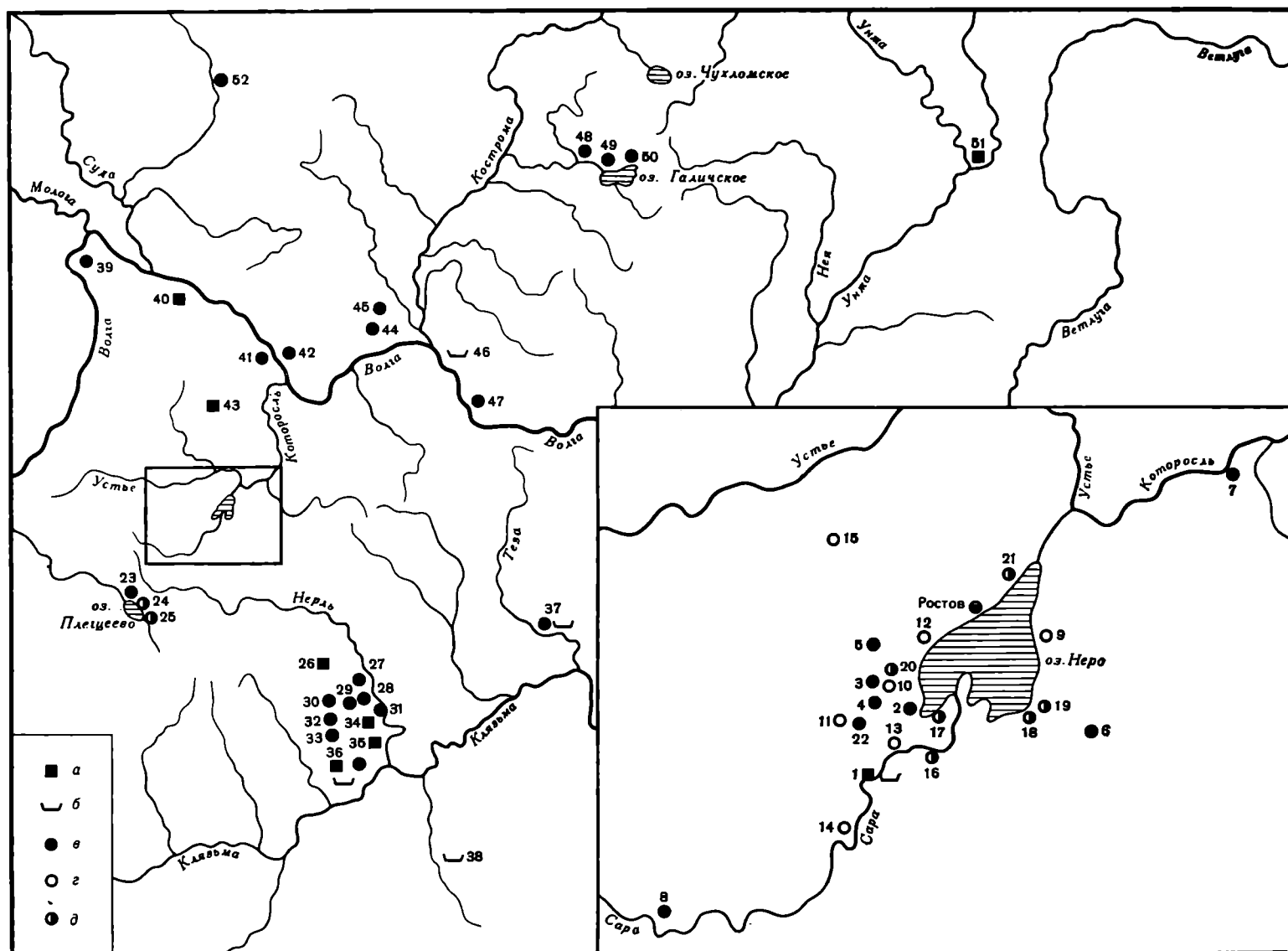
В Ярославской обл. мерянский слой IX–X вв. на дьяковском городище Копок обнаружила И. А. Станкевич (Станкевич И. А., 1981, с. 82, 83). Во Владимирской обл. к мерянским укрепленным поселениям относятся Сунгирское, а также, возможно, Теньковское и Якиманское городища. Они перестают существовать в первой половине XI в. (Леонтьев А. Е., Рябинин Е. А., 1980, с. 77, 78).

Большой интерес представляет городище у д. Попово Мантуровского р-на Костромской обл., известное в литературе как Ухтубужское, расположенное на мысу левого берега р. Унжи. Оно ограждено со стороны поля валом и рвом. Площадь городища около 1000 кв. м. Культурный слой (0,1–0,3 м) сильно разрушен пахотой и кладочисследовательскими ямами. Городище неоднократно подвергалось разведывательным раскопкам. Исследовалось в 1979 г. Г. А. Архиповым (Архипов Г. А., 1980, с. 44) и в 1980–1982 гг. А. Е. Леонтьевым и Е. А. Рябининым (Леонтьев А. Е., Рябинин Е. А., 1981, с. 62, 63).

Вблизи городища обнаружены грунтовый могильник третьей четверти I тысячелетия н. э. и селище. Укрепления городища не исследовались. Верхняя дата культурного слоя — X век. Выявлены остатки десяти разновременных построек. Они наземные, с углубленным полом, ориентированы по странам света. У некоторых жилых построек в одной из стен имелся прямоугольный выступ, в котором находилась печь-каменка прямоугольной формы.

Судя по находкам льячек и чашевидного тигля, на поселении было развито бронзолитейное производство. Керамика городища лепная, аналогичная посуде Дурасовского мерянского селища IX в. Женские украшения имеют сходство как с мерянскими, так и марийскими.

Основным же типом поселений мери являлись селища. Полностью исследованы два разновременных селища в разных частях мерянской земли. Древнейшее — Попадьянское расположено на склоне правого берега Волги близ устья р. Пекши, в 20 км выше Ярославля. Памятник раскапывался в 1933 и 1935 гг. П. Н. Третьяковым (Третьяков П. Н., 1941а, с. 70–74) и доследован в 1955–1958 гг. Е. И. Горюновой (Горюнова Е. И., 1961, с. 82–94). Время существования селища — VI–VII вв. Площадь, занятая постройками, свыше 1200 кв. м. Обнаружены остатки 12 наземных построек, вытянутых в два ряда вдоль берега Волги. Они реконструируются Е. И. Горюновой как срубные бревенчатые прямоугольные дома с углубленным земляным полом и двускатной кровлей, опущенной почти до земли. Жилища площадью до 25 кв. м с одним очагом, сложенным из камней, очевидно, односемейные. Длинный дом площадью около 120 кв. м с пятью разновременными очагами был, вероятно, местом обитания большой семьи. Кровля опиралась на пар-

Карта 13. Поселения и грунтовые могильники мери (по А. Е. Леонтьеву)

а — городища; б — грунтовые могильники; в — селища мерианские; г — селища славянские; д — этническая принадлежность селищ неясна

1 — Сарское городище и могильник; 2 — Львы III; 3 — Шурско-III; 4 — Дубник; 5 — Пужбол; 6 — Новоселки; 7 — Черная; 8 — Новотроицкое; 9 — Угодичи; 10 — Шурско-II; 11 — Кустерь; 12 — Богослов; 13 — Деболовское 1; 14 — Деревня; 15 — Шулец; 16 — Деболовское 2; 17 — Варус (Поречье); 18 — Вексицы I; 19 — Вексицы II; 20 — Шурско-1; 21 — Вельково; 22 — Петровская Слобода; 23 — Кухмарь; 24 — Криушкинское; 25 — Городище; 26 — Мало-Давыдовское; 27 — Красное; 28 — Суздаль; 29 — селища на р. Мжаре; 30 — Кибол; 31 — Гнездилово II; 32 — Кибол I; 33 — Кибол III; 34 — Якиманское; 35 — Васильки; 36 — Сунгирь; 37 — Хотимль; 38 — Новленское; 39 — Килино; 40 — Березняки; 41 — Попадьянское; 42 — Устье; 43 — Копок; 44 — Слободы; 45 — Баскаково; 46 — Подольское; 47 — Дурасово; 48 — Унорож; 49 — Починок; 50 — Интернат; 51 — Попово (Ухтубужское); 52 — Телешово

ные столбы, врытые в пол. Вход в дом — через сени, расположенные по длинной стене, обращенной к Волге. Один из трех позднее функционировавших очагов был глинобитным, на подпечье из земляной подсыпки, охваченной деревянной рамой размерами 1×1 м. Под очага выложен камнями и обмазан глиной. Около домов выявлены круглые ямы для хранения запасов и остатки небольших прямоугольных хозяйственных построек. Поселок был уничто-

жен пожаром. Попадьянское селище, вероятно, принадлежало общине, в которой отдельные семьи имели уже значительную экономическую самостоятельность.

На частично исследованном П. Н. Третьяковым селище у с. Устье на левом берегу Волги (устье р. Ить) обнаружено аналогичное попадьянским жилище с очажной ямой, заполненной валунами.

Второе полностью раскопанное поселение мери — Дурасовское — расположено в Костромской обл. Исследовалось Е. И. Горюновой в 1955—1958 гг. (Горюнова Е. И., 1961, с. 109—116). Расположено на треугольном останце высокого левого берега р. Стежеры при впадении в нее ручья (табл. XXV, 5, 8). Площадь менее 2 га. Памятник вошел в литературу как городище, хотя укреплений не имел. Поселение датируется IX в. Культурный слой незначителен. Обнаружены остатки 10 разновременных жилых и хозяйственных построек. Древнейшая, южная часть поселка была застроена беспорядочно. Три дома в северной части площадки поставлены в один ряд и обращены входом (по короткой стороне) в сторону реки. Все жилища представляли собой наземные, по-видимому срубные, прямоугольные постройки с земляным полом и двускатными крышами, площадью 24—40 кв. м. У одной из них прослежены сени. В жилищах обычно два очага:

основной, у задней стены, и меньший, у входа. Очаги сложены из валунов. Географические и хронологические различия между этими двумя поселениями не мешают увидеть наличие одних и тех же домостроительных традиций (Горюнова Е. И., 1961, с. 115). В отличие от Попадьинского Дурасовское селище являлось поселком соседской общины.

Исследователями отмечена обособленность существования мерянского и славянского населения на первом этапе продвижения славян на территорию мери (вторая половина IX—середина X в.). Одним из показателей является автономное существование мерянских селищ и расположенных рядом грунтовых могильников и отсутствие близ таких поселений курганных групп. Таковы селище Сунгирь на территории современного города Владимира, возникновение которого Е. И. Горюнова относит к VI—VII вв., и соседствующий с ним могильник, селище у с. Хотимль с одноименным грунтовым могильником. Эти поселения, к сожалению, не раскапывались.

А. Е. Леонтьевым прослежено расположение мерянских селищ «гнездами», разделенными довольно значительными незаселенными территориями. Наибольшая концентрация таких селищ им обнаружена в окрестностях оз. Неро (карта 13). Раскопками на селище Кустерь в 1982 г. выявлены остатки наземного жилища, откуда происходят подвеска-птичка и гребень с конскими головками. Селища располагались по возвышенным берегам озера и отличались большими размерами (до 6–8 га) при незначительном культурном слое (0,3 м). Они одновременны Сарскому городищу, к которому тяготели как к племенному центру, и с упадком последнего прекращают свое существование.

Чересполосно с мерянскими на берегах озера располагались славянские селища (карта 13). Предположительно они возникают в IX–X вв. и намного переживают мерянские. Около них возникают курганные группы. С упадком мерянских селищ на славянских проявляются довольно значительные элементы мерянской материальной культуры, что свидетельствует о смешении мерянского и славянского этносов. Планомерные раскопки селищ начались только в конце 70-х годов XX в. Одно из наиболее крупных селищ — Шурскол II, площадью 8 га — пример славянского поселения, в котором мерянское население появляется в XI в. В горизонте напластований этого времени обнаружены мерянская лепная посуда, костяные игольники, копоушки, пряслица, железные ножи с прямой спинкой и круглая ажурная бронзовая пряжка с шумящими привесками мордовско-муромского происхождения (Исланова И. 1982, с. 185–195; Леонтьев А. Е., 1984, с. 26–32).

Концентрация селищ обнаружена также на берегах Плещеева озера, на правобережье нижнего течения р. Нерли Клязьминской. Раскопками селища у с. Васильки на Нерли мерянские элементы культурного слоя выявлены на предматерике; они представлены главным образом керамикой (Яковлева Т. Ф., 1978, с. 107, 108).

Селищ на территории центральной группы мери разведано уже около 40, но поскольку большинство их выявлено только путем осмотра и сбора керамики, а этническая принадлежность их до раскопок остается неопределенной, на карте они не показаны.

Такие города, как Ярославль и Суздаль, возникли на селищах предшествующего времени (Воронин Н. Н., 1941, с. 36–40). Суздальский детинец построен на месте меряно-славянского поселения IX–X вв. (Седова М. В., Беленькая Д. А., 1981, с. 96). В черте Суздаля, на р. Мжаре, найдены остатки еще одного мерянского селища с разрушенными очагами из камней, лепной посудой и ножами мерянского типа. В XI–XII вв. на месте селища функционировал курганный могильник. От второго селища на р. Мжаре сохранился культурный слой, выявленный на славянском поселении Гнездилово II. Помимо мерянской посуды, найдены костяные копоушки и глиняные пряслица (Лапшин В. А., 1981а, с. 61). Фрагментарность материала не позволяет ответить на вопрос, какую роль сыграли мерянские селища в росте и формировании древнерусских городов.

Известны также селища и ремесленно-торговые поселки, связанные с Великим Волжским путем, в состав населения которых входила меря, но наиболее активную роль играли славяне. Это селища у деревень Петровское, Михайловское, Малое и Большое Тимерево с их огромными курганными некрополями.

Наиболее изучено селище у д. Большое Тимерево. Культурный слой его, равный всего 0,2–0,4 м, распахан и сохранился непотревоженным лишь в западинах жилищ и ямах. Древнейшая часть селища площадью до 1 га была укреплена с напольной стороны частоколом. По находкам двух кладов дирхемов, зарытых в землю в последней трети IX в., и другому вещевому инвентарю ранний период селища определяется IX — началом X в. На поселении жили славяне. Найдены вещи скандинавского облика; изделия финно-угорского происхождения, по мнению И. В. Дубова, отсутствуют (Дубов И. В., 1978, с. 120–125). В X в. селище увеличивается в размерах до 5 га; в инвентаре его хорошо прослеживаются местные финно-угорские черты. К этому времени относится выявленный на поселении в 1975 г. комплекс наземных прямоугольных построек с углубленным полом, очагом из камней и коридорообразным входом. Кровля постройки, покоящаяся на опорных столбах, реконструируется как двускатная, доходящая почти до земли (Томсинский С. В., 1982а, с. 118–121, рис. 1А, Б; 1982б, с. 188–191). Предположительно эти постройки связываются с местным финно-угорским населением.

Последнее принимало активное участие в экономической жизни поселка. На поселении найдены основание горна и остатки литейной мастерской X в., обломки тиглей и льячек с точечным орнаментом, железная ложка-лопаточка. Последняя принадлежит к типу орудий, применявшихся в бронзолитейном производстве волжских финно-угров VII–X вв. Как ремесленно-торговый центр с полиэтническим населением, Тимеревское поселение можно отнести к протогороду (Дубов И. В., 1982б, с. 103–110). К концу XI в. поселение прекращает существование, так и не сложившись в город, уступив место Ярославлю.

Непосредственно связано с Волжским торговым путем и поселение Сарское II, возникшее в X в. на левом берегу р. Сары, напротив Сарского городища. Площадь селища около 300 кв. м, мощность куль-

турного слоя до 0,3 м. Селище раскопано полностью, что позволяет оценить специфический характер его как временного лагеря воинов. Здесь найдены предметы вооружения и снаряжения всадников, а также две весовые гирьки и три дирхема конца IX — начала X в. На селище обнаружен очаг в виде ямы, выложенной камнями (Леонтьев А. Е., 1980, с. 61, 62).

Древнейшим типом погребальных сооружений мери является «домик мертвых» Березняковского городища. Его остатки сохранились в виде сруба размерами 2,2×2,2 м, ориентированного по странам света, с углубленным на 0,3 м полом. Кальцинированные кости помещались россыпью и отдельными кучками вдоль северной и южной стенок сруба. Между ними находился погребальный инвентарь: втульчатые топоры-кельты, железные пряжки с бронзовыми обоймицами, бронзовая ажурная бляха (табл. XXVI, 5, 16–21, 25, 39), ножи, обломки посуды. П. Н. Третьяков полагал, что в домике сохранился прах не более пяти-шести человек. Ближайшей аналогией служат «домики мертвых» на городище позднеславянского времени близ бывшего Саввино-Сторожевского монастыря под Звенигородом, датированном VI–VII вв. (Краснов Ю. А., Краснов И. А., 1967, с. 34–36, рис. на с. 35; 1978, с. 140–152).

Типичными для мери являются грунтовые могильники с захоронениями в ямах. Известно пять таких: Сарский, Хотимльский, Подольский, Сунгирьский, Новленский (карта 10). Могильники, как правило, биритуальны. По подсчетам Е. И. Горюновой, захоронения с сожжениями составляют от 30 до 90% от общего числа погребенных. Захоронения по обряду трупосожжения и ингумации в могильниках одновременны и не различаются по составу инвентаря.

Сожжения производились на стороне, в особых кремационных ямах. Они обнаружены на Хотимльском, Сарском и Сунгирьском могильниках. На последнем расчищены две кремационные ямы, как бы ограничивающие площадь древнего мерянского кладбища с северо-запада и юго-востока. Ямы круглые, диаметром 2 и 1,2 м, глубиной 0,75 и 0,24 м. Они заполнены золой, углем, кальцинированными костями человека и животных. В одной из ям найден нож с прямой спинкой и расплавленные бронзовые украшения.

В трех могилах Хотимльского могильника (раскопки А. Ф. Дубынина) были захоронены только черепа, поставленные на основание. Расчленение скелета или частичное сожжение — особенности погребального ритуала муромы.

Кальцинированные кости вместе с остатками костра и вещами ссыпались на дно могилы. Небольшие ямки с кальцинированными костями и пережженными металлическими украшениями обнаружены на дне могил в Сарском могильнике. В Хотимльском могильнике вещи были сложены в кучки на дно могил. В одном погребении Сарского могильника вещи были завернуты в бересту. Погребальные урны отсутствовали. Прослежено, что могилы с трупосожжениями ориентированы так же, как с трупоположениями, и имели ту же глубину (Новленский могильник; ориентировка могил с трупосожжения-

ми: юг—север и юго-запад — северо-восток). Встречены парные и коллективные захоронения в одной могиле.

Для трупоположений характерны меридиональная, чаще всего северная, ориентировка и индивидуальные захоронения. Парные редки. Обычное положение покойных — на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками. Женщины погребались с украшениями, лежавшими так, как их носили при жизни. В погребениях мужчин встречены ножи, кресала, топоры, пещни; нередко оружие. Обычай втыкать оружие рядом с покойным в дно могилы или в засыпь могильной ямы, зафиксированный в Хотимльском могильнике, сближает его с муромскими.

В мужское погребение 7 могильника Сунгирь в качестве дара покойному были положены женские украшения: конек-подвеска и браслет. Конек находился в глиняном горшке, а браслет — рядом с последним.

Почти все могильники открыты случайно, при земляных работах, разрушавших памятник. Поэтому первоначальное количество погребений ни для одного могильника мери неизвестно. Данные об исследованных погребениях в грунтовых могильниках сведены в табл. 4.

А. Е. Леонтьеву удалось полностью или частично восстановить 17 погребальных комплексов Сарского могильника. Дата могильника, по Е. И. Горюновой, — VI–VIII вв., по П. Н. Третьякову, — VII–VIII вв. А. Е. Леонтьев датирует могильник VIII–X вв. Погребальный инвентарь грунтовых могильников отражает специфику мерянского этноса, еще не подвергшегося воздействию славян.

Чрезвычайно интересны три погребения мери по обряду трупосожжения, в которых найдены орудия для литья. Первое — женское погребение 9 Хотимльского могильника (раскопки А. Ф. Дубынина) с льялкой, бронзовыми булавкой, бубенчиком и браслетом. Второе — из Сарского могильника, опубликовано П. Н. Третьяковым (Третьяков П. Н., 1941а, с. 94, рис. 52, 4–7). В нем обнаружены льялка, литейные формочки из белого камня и металлические украшения пояса. Третье погребение также женское, с литейными формочками из Сарского могильника, выявлено А. Е. Леонтьевым. Все три погребения принадлежали, очевидно, женщинам-литейщицам. В последней четверти I тысячелетия н. э. погребения женщин-литейщиц были довольно широко известны у мари, муромы, мордвы (Голубева Л. А., 1984, с. 75–89).

В женском погребении 3 Хотимльского могильника (раскопки А. Ф. Дубынина) найдена костяная подвеска, изображающая коня. В засыпи могил неоднократно встречены конские зубы и кости. В мужских погребениях Хотимльского могильника встречены удила, а в могиле 7 Сунгирьского могильника — удила и стремя. По законам первобытной магии эти принадлежности конской упряжи заменяли в погребении реального коня, который должен был сопровождать покойного в загробный мир.

Раскопками А. Ф. Дубынина в погребении 15 Хотимльского могильника обнаружено захоронение коня. Последний помещен был в могилу с подогнутыми ногами, головой на восток.

Таблица 4. Грунтовые могильники мери

№	Могильник	Исследователь, дата раскопок	Погребальный обряд							Обряд не оп- реде- лен	Число погр.	Дата
			сожжение			ингумация						
			муж.	жен.	неоп- ред.	муж.	жен.	дети	неоп- ред.			
1	Хотимль	Граков Б. Н., 1926 Дубынин А. Ф., 1945, 1947	4 6			2 1	1 1			В В	7 18	VII—X вв.
2	Подольское	При земляных работах 1894 г.	1								1	VII—IX вв.
3	Сунгирь (древняя часть)	Мошенина И. Н., 1972		2		4	2		13	С-3 С—С-3 Ю-В—3	21	X — первая половина XI в.
4	Новленское	Макаренко Н. Е., на- чало XX в.	1	6							7	X — первая половина XI в.
5	Сарское	Ушаков Д. А., конец XIX в.; Крайнов Д. А., 1930		5	2	6	6				19	Конец VII— X в.
Всего			12	16	6	13	10	1	13		2	73

Курганный обряд на землю мери принесли славяне в IX в. До конца X в. захоронения в курганах производились по обряду кремации. К концу X в. появились трупоположения, но до начала XI в. оба обряда сосуществовали. В XI—XII вв. обряд трупоположения господствовал.

В самых древних курганах конца IX — первой половины X в. мерянский элемент отсутствует (Леонтьев А. Е., Рябинин Е. А., 1980, с. 71). Археологам не удалось выявить курганные группы, которые являлись бы исключительно мерянскими кладбищами. Повсеместно мерянские погребения встречены в могильниках, где преобладают славянские захоронения.

Принадлежность курганных захоронений ассимилированной мере обосновывается отдельными элементами погребальной обрядности и инвентаря. Сумма признаков, отражавших финский этнос погребенных, в разных частях мерянской территории и в разное время не адекватна.

Наиболее ранние курганные кладбища известны в Ярославском Поволжье, где они связаны с поселениями, возникшими в IX в. Из 770 раскопанных здесь курганов 163 относятся к финским (Ярославское Поволжье, 1963. Приложение. Таблицы). Большая часть насыпей содержала трупосожжения. Финские черты погребального обряда выражены в меридиональной ориентации погребальных кострищ, в погребальном инвентаре, а также в северной ориентировке трупоположений. По мнению М. В. Фехнер и Н. Г. Недошивиной, финские черты погребального инвентаря характеризуют костяные копоушки, глиняные кольца и глиняные слепки звериных лап, привески из астрагалов бобра, округлодонные сосуды (Недошивина Н. Г., Фехнер М. В., 1982, с. 68). В ряде случаев при захоронениях с финскими вещами встречены сосуды, опрокинутые вверх дном. К финским отнесены исследователями ярославских курганов и три женских трупосожжения X в. с орудиями труда — льячками (курган 118 Петровского могильника; курган 1 (1902 г.) и курган 6 (1938 г.) Михайловского могильника).

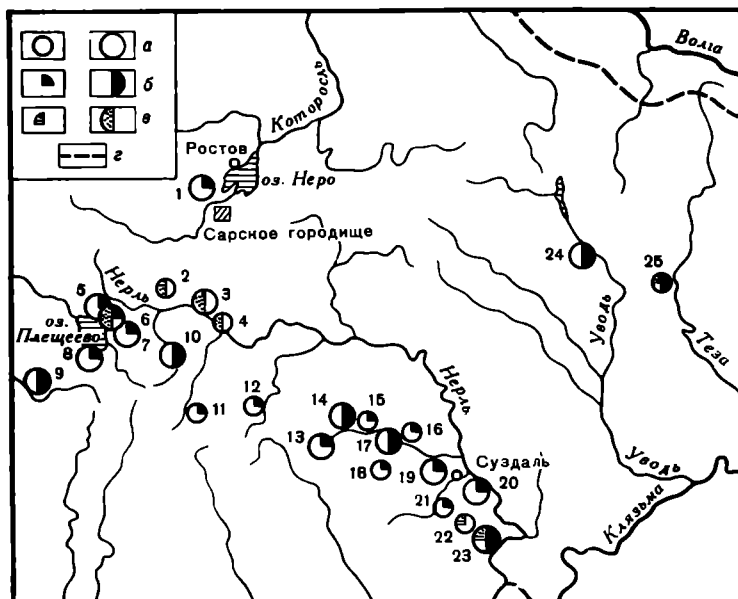
Дата ярославских курганов, по мнению их исследователей, — от конца IX до середины XI в., причем основная масса погребений относится ко второй половине X — началу XI в.

Археологическим материалом может быть подтверждена как наиболее ранняя дата последняя треть IX в. (Куза А. В., Леонтьев А. Е., Пушкина Т. В., 1982, с. 284—285). По мнению Н. В. Дубова, ранние курганы разделяются на славянские и скандинавские. Финские погребения в ярославских курганах становятся «ведущей группой» с середины X в. Это курганы с трупосожжениями на кострищах, остатками сгоревших плах и вещами местного производства (Дубов Н. В., 1978, с. 116—127).

Древнейшие курганные насыпи в центре Суздальской земли появляются, вероятно, в середине X в. (Рябинин Е. А., 1979, с. 239—243; Лапшин В. А., 1981, с. 45—48). Анализируя материалы из владимирских курганов X—XII вв., А. Е. Леонтьев и Е. А. Рябинин пришли к выводу, что мерянские элементы в обряде и инвентаре представлены немногим более чем в 500 из 7000 с лишним исследованных насыпей (Леонтьев А. Е., Рябинин Е. А., 1980, с. 74, 75, рис. 3). К наиболее отчетливым мерянским элементам исследователи относят северную и северо-западную ориентировку погребений. Мерянский комплекс женских украшений (выделенный еще А. А. Спицыным) составляют для данной территории височные кольца со втулкой, подвески-коньки и треугольные перстни с привесками (карты 12, 14).

Для центральной группы мери характерно также наличие в женских погребениях орудий труда и оружия. Набор украшений в этих погребениях различен. Полный мерянский набор — подвески-коньки, треугольные подвески и перстень с подвесками — встретился только в одном погребении.

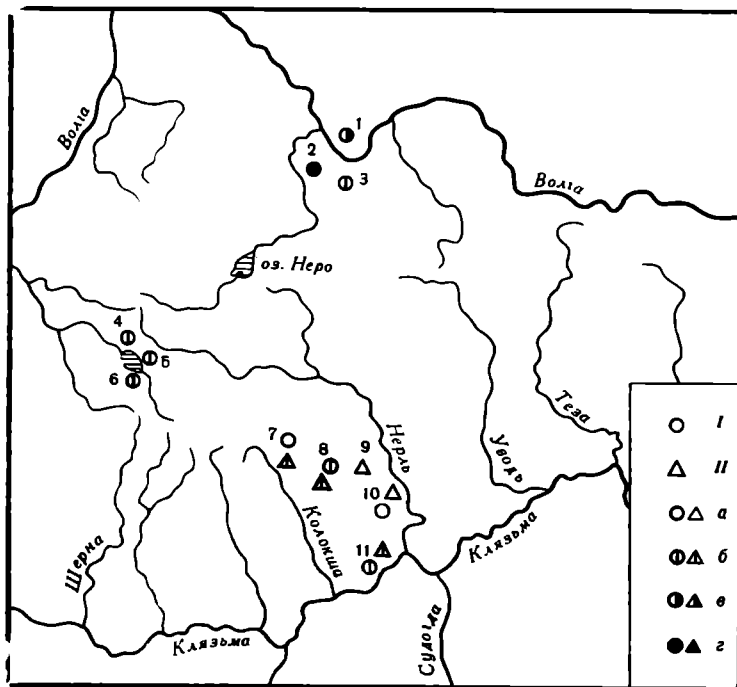
В кургане 76 у д. Шокшево женщина с набором мерянских украшений (конек, две треугольные подвески) и наконечником стрелы была погребена с конем. В погребении 224 из Осиповой пустыни треугольная подвеска, перстень с привесками, топор,

Карта 14. Мерянские элементы в курганных могильниках Ростово-Суздальской земли (по А. Е. Леонтьеву и Е. А. Рябину)

a — курганные группы (слева — менее 100 курганов, справа — свыше 100); *b* — погребения с этноопределяющими элементами мерянской материальной культуры (слева — до 10 погребений; справа — свыше 10); *v* — погребения с меридиональной ориентировкой (слева — до 10 погребений; справа — свыше 10); *z* — юго-западная граница региона костромских курганов

1 — Кустерь; 2 — Вепрева Пустынь; 3 — Старово; 4 — Буково; 5 — Криушкино; 6 — Городище; 7 — Большая Брембола; 8 — Весково; 9 — Осипова Пустынь; 10 — Кобанское; 11 — Ключер; 12 — Теньки; 13 — Кубаево; 14 — Шелебово; 15 — Осановец; 16 — Давыдково; 17 — Шокшево; 18 — Кестра; 19 — Весь; 20 — Новоселка; 21 — Гнездилово; 22 — Семеново; 23 — Васильки; 24 — Вознесенский Посад (Иваново); 25 — Семухино

Карта 15. Захоронения коней в курганах Ярославского Поволжья и Владимиро-Суздальской земли

I — погребения коней вместе с человеком; *II* — отдельные погребения коней; *a* — одиночное погребение; *b* — 2—5 погребений; *v* — до 50 погребений; *z* — свыше 50

1 — Михайловское; 2 — Большое Тимерево; 3 — Петровское; 4 — Городище; 5 — Большая Брембола; 6 — Весково; 7 — Шелебово; 8 — Шокшево; 9 — Весь; 10 — Сельцо; 11 — Васильки

наконечник стрелы найдены вместе с монетой Генриха IV Баварского (1084—1106 гг.). Мерянские традиции во владимирских курганах сохранялись, судя по этому погребению, еще в начале XII в.

Различия в погребальном инвентаре курганов Ярославского Поволжья и центра Владимиро-Суздальской земли дало основание авторам книги «Ярославское Поволжье» отрицать мерянскую принадлежность первых и относить их к веси. Исторические и лингвистические данные (Кирпичников А. Н., Шаскольский И. П., 1965, с. 317, 318) этого не подтверждают. Некоторые различия в курганах этих регионов обусловлены временными мотивами: владимирские курганы в целом моложе ярославских. Погребальные обряды этих двух регионов сближает ориентировка погребенных на север и северо-запад и особенности, связанные с культом коня, не характерные для веси.

В Ярославском Поволжье известно 65 курганов с захоронениями коней, в центре Владимиро-Суздальской земли — 29.

Большинство погребений людей с конями в Ярославском Поволжье представлено курганами, содержащими трупосожжения человека и коня (61). ридиональной ориентировке кострищ, наличию во-37 из них могут быть отнесены к финским по метивных предметов — глиняных лап и колец, а также опрокинутым горшкам (карта 15).

В девяти таких курганах кони захоронены с мужчинами; в двух случаях это были воины-торговцы (с оружием и частями складных весов); еще в восьми конь сопровождал парные (мужчина и женщина) или семейные (женщина с детьми) захоронения. В 13 погребениях кони захоронены с женщинами, в семи — кости человека не определены по полу. Среди владимирских курганов обнаружен только один курган с трупосожжением воина, женщины и коня (Шокшево, курган 194). Погребения с конями отличаются разнообразием способов захоронений как человека, так и коня. Так, в двух курганах Тимеревского могильника при трупосожжениях человека найдены разрубленные части туши коня, а во владимирских курганах трупосожжение мужчины сопровождал убитый конь.

При захоронениях по обряду ингумации конь также иногда погребался расчлененным. В двух курганах Михайловского могильника были захоронены челюсти, передние ноги и череп коня. Во владимирских курганах расчлененные остовы коней в трех случаях найдены при парных захоронениях (мужчин и женщин). Возле женских костяков были глиняные лапы и кольца, бронзовый конек-подвеска. В кургане 36 Вески части туши коня захоронены с воином-купцом. При нем находились наконечник копья, кинжал, чашечки от весов. В десяти владимирских курганах с трупоположениями найдены целые конские остовы. В шести курганах кони были захоронены с мужчинами, в одном — с женщиной, в трех — пол людей не установлен. Кони погребались в насыпи кургана; их положение и ориентировка остались неизвестными. В восьми курганах кони были взызданы. Оружие было найдено только в двух мужских погребениях (меч, наконечники копья и стрел). В женском погребении (Шокшево, курган 76) при остова коня были удила, части уздечки, стремена и наконечник стрелы. Женщина похоронен-

на в мерянском уборе: на плечах — треугольные подвески, на груди — подвеска-конек. Тут же лежали дирхемы X в.

Захоронения коней (без человека) совершали как по обряду сожжения (Владимирская обл., два кургана), так и ингумации (Владимирская обл., 12 курганов). Кони погребались в насыпи кургана. В шести курганах были захоронены верховые кони; при некоторых, кроме уздечек и удила, найдены стремяна, топор, наконечник стрелы.

В ярославских курганах конские захоронения датируются X — началом XI в. Среди владимирских курганов обнаружено только одно трупосожжение коня, которое может быть отнесено к X в. Все другие типы погребений датируются второй половиной X — первой половиной XI в. Ритуальные погребения коней не характерны для славян (Голубева Л. А., 1981, с. 87—97). В большинстве своем рассматриваемые погребения с конем принадлежали, скорее всего, смешанному славяно-мерянскому населению. Женские погребения с конем, несомненно, мерянские. Отдельные захоронения коней (расчлененные и целые остовы) известны у восточных финнов с VI в. Особенно были распространены такие погребения в IX—XI вв. у соседней муромы.

Так же как и в грунтовых могильниках мери, в курганах центра Владимиро-Суздальской земли и Ярославского Поволжья в погребениях без коней встречались предметы конского снаряжения. В Ярославском Поволжье удила и стремяна сопровождали пяти погребениям вооруженных мужчин. Во владимирских курганах предметы конской сбруи найдены в 18 насыпях. В двух из них были погребены женщины, в остальных — мужчины.

Ярославские и владимирские курганы объединяют также находки глиняных лап и колец (табл. XXVII, 2, 6). Сведения о них объединены в табл. 5. В курганах Ярославского Поволжья глиняные амулеты встречены исключительно в трупосожжениях. Обычно они лежат на кострищах, часто вместе с кальцинированными костями человека и жертвенных животных. Во владимирских курганах они также характерны для трупосожжений, но в трех случаях найдены и в трупоположениях, у головы умершего. Лапы и кольца, вылепленные из грубой глины, часто необожженной, вероятно, изготавливались специально для погребального обряда. Их культовое значение несомненно.

Как лапы, так и кольца обычно встречались в погребениях по одному экземпляру, но в восьми ярославских курганах и одном владимирском найдено по две лапы, лежавших вместе с кольцами.

Амулеты в виде глиняных лап характерны для мужских погребений. В глиняных лапах длительное время усматривали подражание лапам медведя и связывали их с медвежьим культом (Воронин Н. Н., 1941, с. 149—190). Это мнение разделял и П. Н. Третьяков (Третьяков П. Н., 1976, с. 127, 128). Он полагал, что глиняные лапы в Волго-Окское междуречье проникли от веси, что бездоказательно. М. В. Фехнер показала их сходство с лапами бобра (Фехнер М. В., 1962, с. 305—309). На территории СССР, помимо ярославских и владимирских курганов, одна находка известна в шестовицких курганах. За пределами нашей страны один

экземпляр обнаружен в Швеции (Сандерманланд) и около 70 найдены в курганах на Аландских островах (Kivikoski E., 1980, S. 34, 50, 51). Э. Кивикоски согласна с интерпретацией М. В. Фехнер этих лап как бобровых и полагает, что между их находками на территории СССР и на Аландах должна существовать связь. Вопрос о первоначальном происхождении лап, как она полагает, решается в пользу второй территории.

И. В. Дубов возражает против предположения о прямом проникновении лап из Финно-Скандинавии и считает, что в этом случае имело место явление конвергенции (Дубов И. В., 1978, с. 134—135; 1984, с. 95—99). Исследователь утверждает, что глиняные лапы все же следует связывать с культом медведя. К. Ф. Мейландер указывает, что на Аландских островах никогда не было ни медведей, ни бобров. Учитывая ритуальное значение глиняных лап, он признает первенство ярославских находок (Мейландер К. Ф., 1979, с. 37). По уточненным данным, погребения с глиняными лапами датируются М. В. Фехнер концом IX—XI в. 40% глиняных лап из ярославских могильников происходит из погребений с оружием. В девяти мужских погребениях с лапами найдены гири, в одном — коромысло от весов. Гири найдены также в пяти мужских погребениях с лапами из владимирских курганов; в одном из них были весы. В трех таких погребениях обнаружены наконечники стрел. Несомненно, что все эти погребения являются захоронениями дружинников. Встречаемость глиняных лап с глиняными кольцами, не известными на Аландских островах, свидетельствует о погребальном ритуале, объединившем на местной почве черты разных древних культов. О культе бобра у веси уже говорилось. В мерянских памятниках нередко находки астрагалов бобра с просверлинами. На Сарском городище найден позвонок бобра, посившийся как оберег. Глиняные кольца можно рассматривать как солярные символы. Замечено, что глиняные лапы в ярославских курганах встречаются с перевернутыми горшками, покрывающими кальцинированные кости и погребальный инвентарь (Дубов И. В., 1977, с. 46—52; 1982а, с. 17). Пять таких погребений отмечены в Тимиревском могильнике и одно — в Петровском. Три погребения с мерянскими украшениями и перевернутыми горшками известны из Владимирских курганов с трупосожжениями. Перевернутые урны с кальцинированными костями обнаружены в позднедьяковском «домике мертвых» под Звенигородом. Обычай переворачивать погребальные урны свойствен также и балтскому обряду, но в данном случае речь может идти, вероятно, о финно-угорской черте.

К древним культам, нашедшим отражение в погребальных обрядах Ярославского Поволжья и Владимирской земли, относится еще культ змеи. Так, в кургане 134 у д. Васильки под слоем кальцинированных костей было найдено пять изображений змеек, вырезанных из железных пластин (табл. XXVII, 3). В погребении по обряду трупоположения в кургане 22 у д. Романово на левой плечевой кости женщины лежал обломок бронзовой змейки. Погребение датируется концом X в. Две змейки, вырезанные из пластинок железа, найдены при раскопках Сарского городища (табл. XXVII, 7, 8).

Таблица 5. Курганные погребения с глиняными лапами и кольцами (по данным на 1977 г.)

Могильники	Число курганов	Курганные погребения с лапами				Курганные погребения с лапами и кольцами				Курганные погребения с кольцами			
		муж.	муж. и жен.	жен.	неопред.	муж.	муж. и жен.	жен.	неопред.	муж.	муж. и жен.	жен.	неопред.
<i>Ярославские</i>													
Тимерево	64	19	7	6	16	3	1	4	3		1	4	
Михайловское	22	2		1	2	6	2		5	1			3
Петровское	14	2	1	2	1	1						4	3
Итого	100	23	8	9	19	10	3	4	8	1	1	8	6
<i>Владимирские</i>													
Богослов	2	2											
Большая Брембола	4					1		2	1				
Васильки	7	2		1	1			1					2
Весь	2												2
Веськово	13	2			1	3			3	1		1	2
Городище	2					1	1						
Кустеря	1									1			
Шокшево	1												1
Шурскол	2	1								1			
Итого	34	7		1	2	5	1	3	4	3		1	7

Курганы XI–XII вв. западной части Ивановской обл. обнаруживают значительное присутствие мерянских украшений. Так, в Семухинских курганах на р. Тезе (исследовано свыше 40 насыпей) наиболее устойчивым мерянским признаком обряда является северная и северо-западная ориентировка. В инвентаре женских погребений имеются коньки мерянского типа, треугольная подвеска и перстни с привесками. Появились и новые типы зооморфных украшений широкого распространения, датирующиеся XII в. (Ерофеева Е. Н., 1976, с. 216–225).

Самые поздние курганы (конец XI–XIII в.) с мерянскими элементами известны в Костромском и Ивановском Поволжье. К их материалам (главным образом вещевому инвентарю) обращались П. Н. Третьяков, Е. И. Горюнова, Е. А. Рябинин и другие исследователи. В. П. Глазов выделил около 350 погребений, которые по ориентировке и некоторым другим деталям погребального ритуала можно отнести к финским (Глазов В. П., 1977, с. 37–44).

Близ Кинешмы известны курганы только с восточной ориентировкой (из них восемь под сводами), с погребениями в могильных ямах, обложенных срубам, и захоронениями расчлененных костяков. В погребениях встречены зооморфные и треугольные подвески разных типов, а в трех курганных группах в женских погребениях зафиксированы нашитые на кожаную обувь перстни. По-видимому, меря как аборигенное население этого края оставила заметный след в кинешемских курганах.

Ранний комплекс женских украшений мери (VI–IX вв.) известен по грунтовым могильникам и поселениям. Он имеет много общего с украшениями населения, оставившего поздние рязанские могильники, и с украшениями муромы; некоторые типы украшений мери восходят к дьяковской культуре.

Характерной частью головного убора мери были провололочные височные кольца с запором в виде

втулки (табл. XXVIII, 4), которые можно считать этническим украшением центральной группы мери. Большое распространение имели также височные кольца с заостренными или обрубленными концами, иногда соединенные обмоткой. Височные кольца с запором в виде щитка и крючка, известные по находкам на Березняковском городище, в более позднее время для мери не характерны (табл. XXVI, 28).

Древнейшим типом шейных гривен мери является найденная на Березняковском городище гривна (обломок) из круглого бронзового дрота с петлей и крючком, обмотанная тонкой проволокой, закрепленной бронзовыми же бусами (табл. XXVI, 26). В Хотимльском могильнике обнаружена пластинчатая гривна с петлей и крючком (табл. XXVIII, 23). Гривна глазовского типа с четырехгранной головкой и крючком из Новленского могильника датируется уже концом IX–X в.

К украшениям, входившим в состав ожерелий, относятся различные типы подвесок и пронизок. Среди них распространены трехспиральные шумящие подвески с ушком в виде спиральной трубочки и двумя петлями внизу для шумящих привесок. Прототипами их были позднедьяковские височные украшения. Наиболее ранняя такая подвеска найдена на Березняковском городище. В X в. подвески видоизменяются. Весьма древней является и пронизка в виде литой трубочки, имитирующей спираль, с тремя петлями внизу для шумящих привесок, найденная на Березняковском городище (табл. XXVI, 32). Широко представлены также пронизки, украшенные с лицевой стороны двумя-тремя спиралями, расположенными в ряд (табл. XXVIII, 8).

К раннему комплексу украшений относятся и пирамидальные колокольчики с выступами-пирамидами внизу. Впервые они найдены на Попадьинском селище. В Сарском могильнике крупные колокольчики

встречены в погребениях с трупосожжениями и трупоположениями. В ушко двух колокольчиков продеты петли из крученой проволоки, согнутой в виде восьмерки (табл. XXVIII, 5). В погребениях VII—VIII вв. Безводнинского могильника муромы такие колокольчики с петлями являлись накосниками. Вероятно, для этой же цели служили крупные бутылковидные привески без ушек. В одном из трупосожжений Сарского могильника найдено 10 таких привесок, завернутых в кусок бересты (табл. XXVIII, 14).

Финской традицией является обычай украшения рук спиральными браслетами (табл. XXVIII, 13) и перстнями. Происходящие из ранних комплексов Сарского могильника нагрудные бляхи с «дверцей» и пряжки с «крылатой иглой» отражают связи с соседней муромой (табл. XXVIII, 1, 12).

В X—XI вв. меря носила подвески-коньки с шумящими привесками, выполненные в технике филигрании. Коньки изготовлялись из крученой и гладкой проволоки в сочетании с зернью и деталями из листового бронзы или отливались по восковой модели. Они имели сложные украшения туловища, одну или две головы, петли вместо ног (табл. XXIX, 8, 12). Мерянский тип коньков представлен не менее чем девятью вариантами (Голубева Л. А., 1976, с. 60—77).

В костромских курганах таких коньков нет. На территориях соседей мери находки коньков этого типа очень редки. В погребении коньки встречались в одном экземпляре. Мерянские женщины носили их на плече (преимущественно правом) или на груди пришитыми к одежде. Подвески служили амулетами, связанными с культом коня. В начале XII в. их производство прекращается, появляются зооморфные украшения новых типов, известные по курганам Ивановской и Костромской областей (Рябинин Е. А., 1975; 1981а). Это описанные в главе о веси стилизованные литые коньковые подвески, полые подвески-уточки и подвески в виде фантастических птичек-баранчиков (табл. XXIX, 5), плоские подвески-птички с привесками в виде утиных лапок и полые подвески с шумящими привесками, соединяющие в себе признаки коня и утки. Значительная часть этих украшений производилась в Костромском Поволжье в XII—XIII вв., возможно городскими ремесленниками, и имела обширный ареал. Такие украшения встречаются и в погребениях без каких-либо финно-угорских примесей в обряде и инвентаре. Однако чаще всего они коррелируются с северной или северо-западной ориентировкой (курганы Ивановской обл.) или иными финскими элементами погребального обряда (погребения под заливкой в Костромской обл. и др.).

За многовековой период своего бытования треугольные подвески мери претерпели существенные изменения. Древнейшей является подвеска из Сарского городища (могильника?). Ее щиток согнут из двух крученых проволочек; внутри такие же проволочки, расположенные крест-накрест. Размеры щитка $2 \times 1,8$ см. Внизу три петли, к которым привешивали миниатюрные пирамидальные колокольчики с шипами по углам (табл. XXIX, 25). Дата подвески — VII—VIII вв.

IX—X вв. датируются три подвески из Сарского городища и могильника Сунгирь. Их щитки крупнее (3×2 см), согнуты из тройных крученых и гладких проволочек. Такие же проволочки заполняют внутреннее пространство подвески; петель четыре и пять, на них навешены треугольные и бутылковидные привески (табл. XXIX, 19—21).

К X—XI вв. относятся подвески «мерянского типа», выделенные еще А. С. Уваровым. Их щитки имеют размеры 4×4 и $5 \times 4,5$ см, иногда украшены волютами и причудливым переплетением; петель пять или шесть; привески — треугольные, иногда бутылковидные, навешивающиеся непосредственно на петли (табл. XXIX, 15). Подвески найдены на территории Владимирской, Ивановской, Калининской областей. Мерянские женщины пришивали их к одежде, на плечи, предпочтительно справа.

Подвески имели не только декоративное назначение, но являлись и оберегами. Треугольник — один из древних культовых символов, обозначавший жизнь, землю, плодородие.

Во второй половине XI в. появляется новый тип треугольной подвески, зарегистрированный впервые в курганах у д. Семухино Ивановской обл. Щиток подвески согнут из гладких двух-трех проволочек, имеет округлое основание, размеры $2 \times 2,5$ и $3 \times 2,5$ см. Позднейшие экземпляры подвесок отливались, при этом обязательно имитировалась скань. Внутреннее пространство щитка обычно разделено вертикально опущенными из вершины на основание сдвоенными проволочками. Реже встречаются узоры в виде наклонных линий, креста, решетки. Петель три. Привески треугольные, в виде утиных лапок и однопрорезных бубенчиков, крепились к щитку проволочными звеньями в виде двух взаимно перпендикулярных петель (табл. XXIX, 6, 10). Наибольшее распространение привески этого типа получили в костромских курганах XII в. Треугольные подвески в это время утратили свое ведущее место в женском уборе. Их теперь находят в погребениях у тазовых костей, часто в кожаных мешочках, вместе с другими подвесками-амулетами.

Менее распространенными в X—начале XI в. были шумящие подвески из нескольких рядов спиралей, расположенных треугольником (табл. XXIX, 18). Они обычно отливались по восковой модели. В X—XII вв. в суздальских, семухинских и костромских курганах встречались треугольные шумящие подвески из спаянных проволочных колец (табл. XXIX, 1).

К шумящим украшениям мери относятся также ложновитые бронзовые кольца средней и большой величины с напущенными колечками или бубенчиками (табл. XXIX, 14). По погребениям в курганной группе Семухино XI—XII вв. известно, что их надевали на поясной ремень.

Перстни с петлями (от двух до четырех) и шумящими привесками представлены у мери несколькими типами. Есть ажурные решетчатые — одно-, двух- и четырехзигзаговые (табл. XXIX, 13), пластинчатые, широкосрединные, валиковые (табл. XXIX, 9). Привески, чаще всего треугольные, навешивающиеся непосредственно на петли, встречаются также в виде бубенчиков и утиных лапок. Иногда привески соединяются с перстнем посредством звеньев.

Такие «перстни» редко употреблялись по прямому назначению, а служили плечевыми, нагрудными и поясными украшениями-подвесками.

Женский костюм мери восстановить трудно, так как погребений с труположениями в грунтовых могильниках известно очень немного, а в курганах мерянские элементы уже сочетаются со славянскими. Можно полагать, что головной убор состоял из ремешка, застегивающегося пряжкой, к которому крепились височные кольца. На шее женщины носили ожерелья из бус, монет, куда иногда входили и привески, гривны. Предположительно верхняя одежда состояла из длинной рубахи, подпоясанной тканым или кожаным пояском с пряжкой. В X—XI вв. широко распространены были бронзовые наплечные украшения с шумящими привесками. К поясу подвешивались подвески-обереги, шумящие подвески, гребень, нож (обычно слева). Браслеты и перстни (преимущественно славянских типов) носила не каждая женщина. Очевидно, ноги обертывали онучами, так как в погребениях перстни и даже браслеты иногда находили на уровне колен. Те и другие, по-видимому, пришивались к онучам и к кожаной обуви типа поршней.

Характерными вещами из мужских погребений в раннее время являются В-образные пряжки, ножи с «горбатой» или прямой спинкой, топоры-кельты (табл. XXVIII, 18). Оружие — наконечники копий и стрел — найдено в 3/4 погребений; мечи очень редки. В более поздних погребениях появляются проушные топоры со щековицами, пластинчатые кресала, встречаются иглы с кольцами (Хотимльский могильник). Для мужских курганных погребений X—XI вв. характерны топоры, а находки других орудий труда единичны. Наконечники стрел, копий нередки. В процессе ассимиляции славянские типы оружия и орудий в мужских погребениях мери становятся преобладающими. Мужская одежда мери по археологическим данным не восстанавливается. Известно, что у пояса мужчины носили нож, огниво, трубочку для трута, кремь, иногда железную иглу с кольцом и кожаный кошелек.

В VI—VIII вв. основными занятиями населения являлись скотоводство (свиньи, лошади, крупный рогатый скот), охота, рыболовство. Земледелие, вероятно, было подсечным, без применения пахотных орудий. На Березняковском городище и Попадьинском селище найдены примитивные серпы с небольшим изгибом лезвия и кольцом вместо рукояти (табл. XXVI, 1), топоры-кельты, втульчатые долотовидные с узким лезвием (табл. XXVI, 39), и ножи с горбатой или прямой спинкой (табл. XXVI, 7, 8). Выделка изделий из железа на Березняковском городище производилась в общинной кузнице, представлявшей собой постройку с плетневыми стенами, опиравшимися на столбы. Развал очага, сложенного из камней (горна?), занимал 2,5×2,2 м. Рядом была предгорновая яма размерами 1,4×1,2×0,3 м. Кузнецы-профессионалы, изготавливавшие необходимый производственный инвентарь и оружие, обслуживали нужды всей общины.

Меднолитейным производством, вероятно, занимались женщины-литейщицы. На Березняковском городище для этих целей служил «женский дом» с большим очагом, около которого лежали две льячки

(табл. XXVI, 17, 18) и обломок литейной формочки. На Попадьинском селище найдены десятки льячек. При раскопках мерянской деревни на Дурасовском городище в слое IX в. 1/6 часть всех индивидуальных находок составляли как льячки обычные, так и массивные льячки-тигли с округлым дном и литейные формочки (табл. XXX, 12, 13). Льячки обозначались метками, возможно являющимися тамгами или оберегами. Погребениями литейщиц (Хотимльский и Сарский могильники) отмечен особый период «женского ремесленного литья» у финно-угров, когда литьем бронзовых украшений занимались почти исключительно женщины. Труд женщин-литейщиц при отсутствии специальных приспособлений (литейных горнов) не выходил за рамки домашнего производства. Такими же являлись косторезные, гончарные и другие производства, а также прядение и ткачество.

Качественно новым типом поселения назвал П. Н. Третьяков Сарское городище, являвшееся племенным центром и средоточием специализированного ремесла, прежде всего кузнечного, бронзолитейного, ювелирного.

По находкам с Сарского городища А. Е. Леонтьев (Леонтьев А. Е., 1976) изучил технологию изготовления цельножелезных ножей с прямой спинкой. Мерянские ремесленники продолжали традиции металлообработки дьяковской культуры. Сарским типом в литературе назван мерянский тип топора-кельта, более удлиненного, чем березняковский (табл. XXXI, 2).

На Сарском городище найдены четыре пластинчатых кресала, очевидно здесь же изготовленных (табл. XXXI, 22). Форма этих кресал производна от дьяковских; древнейший экземпляр происходит с Березняковского городища (табл. XXVI, 38). Такие кресала найдены на селищах и в грунтовых могильниках мери. По форме они несколько отличны от весских пластинчатых кресал.

На Сарском городище найдены две железные ложки-лопаточки, применявшиеся в бронзолитейном деле у веси и муромы, но не известные славянам. Древнейший экземпляр такого орудия найден около кузницы городища Березняки (табл. XXVI, 40). Такие же обнаружены в погребальном комплексе у с. Подольское и на поселениях у с. Шурскол, Вексицы I и Большое Тимерево. Возможно, что этим орудием срубались заусеницы с отливом. Литейщицы и ювелиры Сарского городища, вероятно, удовлетворяли потребности населения ближайшей мерянской округи.

В X в. бронзолитейное дело на Сарском городище находилось уже в руках ремесленников-мужчин. Об этом свидетельствует унифицированная форма тиглей с трехгранным верхним краем и конусовидным дном (табл. XXXI, 16). Такие же тигли применялись ремесленниками веси из поселка X в. Крутик на Шексне. Эта же форма тиглей господствовала в горизонте X в. Старой Ладogi. Вероятно, именно из Старой Ладogi пошло быстрое распространение данной формы тиглей в ремесленно-торговых поселках, связанных с Великим Волжским путем.

Не случайно в это же время у мери (так же как и у муромы) появляются погребения литейщиц-

мужчин. Пример — погребение первой половины XI в. в урочище Бугриха (курган 5) близ д. Киучер Ярославской обл. (раскопки Е. И. Горюновой 1960 г.). Льячка лежала возле таза покойного. В погребении были также топорик, колчан со стрелами, нож, кожаный пояс. Льячка не орнаментирована, что в данном регионе характерно для времени перехода литейного дела в руки мужчин.

Целые серии найденных на Сарском городище копоушек, гребней (в том числе с конскими головками), грубчатых игольников свидетельствуют и о выделении косторезного ремесла (табл. XXXI, 3–5).

Для X — начала XI в. как на материалах поселений, так и по курганным инвентарям можно проследить внедрение новых элементов культуры. Это железо-стальные трехслойные ножи с уступом при переходе от спинки к черенку, проушные топоры, ланцетовидные наконечники копий и стрел, калачевидные кресала, сошники, шиферные пряслица, односторонние наборные роговые гребни и пр.

В X в. получают распространение славянские и скандинавские украшения. Наиболее стойко мерянские традиции сохранялись в гончарном деле, которое вплоть до рубежа X–XI вв. продолжало оставаться домашним производством. Круговая керамика не обнаруживает преемственности форм с лепной, так как она привнесена в мерянскую этническую среду славянами. Лепная керамика мери в основном плоскодонная, представлена различными типами горшковидной и мисковидной посуды, имеет приземистую форму, и, как правило, лишена орнамента (табл. XXXII). Наиболее отчетливо связь между мерянской и дьяковской керамикой прослеживается в посуде с коричнево-серым и черным лощением, сохраняющейся вплоть до XI в.

На торговом пути с Верхней Волги на Оку, пролегавшем по рекам Которосль, Сара, Нерль Клязьменская, зарегистрировано пять крупных кладов куфических монет, зарытых в первой и последней трети IX в., и два клада, относящиеся к концу X в.; обнаружены многочисленные погребения с монетами, весами и гирьками.

Археологические материалы убеждают, что не только славяне и скандинавы, но и меря принимали участие в волжской торговле. Так, 12 погребений с весами и гирьками из Ярославского Поволжья по особенностям погребального обряда и инвентаря можно отнести к финским.

10 погребений владимирских курганов с весами и гирьками также могут быть отнесены к финским.

В грунтовом могильнике Сунгирь найдены мужские погребения с кожаными кошельками. В погребении 5 были две гири, дирхем, топор и нож.

Общественный строй мери ко времени ее встречи со славянами являлся переходным от родо-племенного к классовому обществу. Социальное развитие отдельных групп мери было неоднородным. На берегах оз. Неро в VIII–X вв. сложилась наиболее развитая социальная структура, выразившаяся в концентрации крупных селищ вокруг племенного центра — Сарского городища. Международные связи ростовской мери прослеживаются с IX в. На Костромском левобережье Волги еще в X в. сохранялись маленькие поселки типа Дурасовского, с более примитивным экономико-социальным обликом. Судя по

довольно многочисленным женским погребениям с оружием и конями, меря еще в X в. сохраняла черты, свойственные доклассовому обществу. Ассимиляция мери славянами усилила в местном обществе процесс классового образования. Включение мерянской земли в состав древнерусского государства привело к становлению феодальных отношений. Утрата мерей своей этнической самостоятельности в центральной части ее территории завершилась в XII в. В Костромском Поволжье отдельные островки мерянского населения сохранялись еще в XII–XIII вв.

Мурома

Сведения письменных источников о муроме скудны. Под 862 г. Начальная летопись сообщает, что мурома составляла дославянское население одноименного города, являлась его «первыми насельниками». Этническая территория племени на востоке охватывала нижнее течение Оки: «А по Опе реце, где втечет в Волгу, мурома языкъ свой...» (ПВЛ, I, 1950, с. 13). Начальная летопись упоминает также мурому в числе других неславянских народов, плативших дань Руси.

Ценные этнографические сведения о погребальном обряде муромы, включающем в себя захоронения коней, сообщает «Житие Константина Муромского», составленное в XVI в. (Житие Константина Муромского, 1860, с. 229–235).

Мурома была полностью ассимилирована славянами. Многочисленные топо- и гидронимические данные позволяют отнести мурому к поволжско-финскому племени, по языку близкому к мордве, но отличавшемуся значительным своеобразием (Попов А. И., 1973, с. 101, 102).

В 1840 г. при земляных работах на южной окраине г. Муромы был открыт первый грунтовый могильник муромы X–XI вв. — Пятницкий (Титов А., 1840). Научные раскопки его произведены в 1924 и 1937 гг. В 1850-х годах в 14 км от Муромы, на речке Максимовке, близ одноименной деревни, обнаружен второй могильник — Максимовский. В разные годы на нем вели раскопки А. С. Уваров, В. Б. Антонович, Ф. Д. Нефедов, А. А. Спицын, Ф. Я. Селезнев (Уваров А. С., 1907, с. 17–20; Спицын А. А., 1901, с. 44–50, 105, 113, табл. XXIV–XXX; Селезнев Ф. Я., 1925). Могильник сразу получил признание как памятник летописной муромы. Северная ориентировка погребений, своеобразие женского убора, включавшего в себя венчики и головные жгуты, оригинальные височные кольца, богато украшенные пояса с пряжками и боковым ремнем, обилие шумящих привесок дали четкое представление о погребальном обряде и инвентаре муромы IX — первой половины XI в. Западная ориентировка некоторых погребений с набором славянских вещей позволила А. А. Спицыну высказать предположение об использовании славянами могильника в XI в. и смешении их с аборигенами.

Открытия грунтовых могильников муромы следовали одно за другим. В 60-х годах XIX в. почти в центре города выявлен Муромский могильник. В 1895 г. А. А. Спицын произвел небольшие рас-

копки Холуйского и Урвановского могильников. Эпоху в изучении древностей муромы составили раскопки В. А. Городцова в 1910 г. могильника у д. Подболотни в 12 км от г. Муром (Городцов В. А., 1914). Были выявлены ранние погребения (VI–VIII вв.), что дало возможность сопоставить древности муромы с материалами рязанских и тамбовских могильников. Ритуальные захоронения коней, обнаруженные на площади могильника, оказались характерной особенностью погребального обряда муромы.

Поселения муромы в дореволюционное время не изучались. Следует отметить, что и советские археологи уделяли преимущественное внимание раскопкам погребений муромы. С 1923 г. было раскопано свыше 10 грунтовых могильников: Корниловский (Селезнев Ф. Я., 1925), Пермиловский (Селезнев Ф. Я., 1925), Муромский (Горюнова Е. И., 1953, с. 33–42), Кочкинский (Дубынин А. Ф., 1966, с. 67–79), Безводнинский (Краснов Ю. А., 1980а), Желтухинский (Черников В. Ф., 1974, с. 33–34; 1975, с. 180), Чулковский (Авдеев А. М., Богачев А. Ф., Жиганов М. Ф., Зеленева Ю. А., 1975, с. 132, 133), Молотицкий (Розенфельд Р. Л., 1978, с. 180). Они дали серию ранних погребений (Кочкинский, Безводнинский), расширили ареал муромских памятников. Наиболее значительные раскопки проведены А. Ф. Дубыниным на Малышевском могильнике в Селивановском р-не Ивановской обл. Здесь вскрыто 216 погребений, в том числе 16 конских. Публикации раскопок носят предварительный характер (Дубынин А. Ф., 1949а, с. 134–136; 1949б, с. 91–97).

Раскопками Пятницкого (IX–XI вв.) и Муромского (VIII–X вв.) могильников внесен существенный вклад в историческую топографию г. Мурома. В 1939 г. Д. Н. Эдинг близ Пятницкого могильника раскопал одноименное селище с преобладающим славянским инвентарем (Смирнов А. П., 1952, с. 150, 151). В 1946 г. Н. Н. Ворониным и в 1948 г. Е. И. Горюновой на кремлевском холме Мурома и близ церкви Николая Набережного в основании культурного слоя города были открыты муромские селища VIII–IX вв. (Воронин Н. Н., 1947, с. 136–139; Горюнова Е. И., 1953, с. 33).

В полемике с Е. И. Горюновой И. П. Богатов не смог привести убедительных доводов в защиту тезиса о русском городе Муроме с 862 г. (Богатов И. П., 1959, с. 223–226). Работы 1970–1971 гг. Н. В. Тухтиной у церкви Николая Набережного вблизи раскопа Н. Н. Воронина 1946 г. показали небольшие размеры Муромского селища, раскинувшегося вдоль берега Оки. Рост его начался только в XI в. и связан уже с деятельностью славян (Тухтина Н. В., 1980, с. 131–133).

Фрагментарность археологических работ в Муроме, неизученность горизонта X в. оставляет открытым вопрос об участии муромских селищ в формировании города. Неизвестно, где располагался древнейший центр города и был ли он в X в. укреплен.

Представление о муромской деревне IX–XI вв. дает единственное подвергнутое большим раскопкам селище у д. Тумовки в 7 км от Мурома. Оно исследовалось Е. И. Горюновой в 1937–1950 гг. (Горюнова Е. И., 1961, с. 163–182). В 60–80-х годах

разведано довольно много селищ, но они не раскапывались. Не изучены и городища.

С. К. Кузнецов видел в муроме одно из подразделений мери (Кузнецов С. К., 1910, с. 108–127). В. Ф. Генинг полагал, что мурома формировалась в недрах мерянской этнической общности, вследствие чего ее отдаленных предков нужно искать в племенах восточного варианта дяковской культуры (Генинг В. Ф., 1967б).

Наиболее убедительна гипотеза о происхождении муромы, как и мордвы, от племен городецкой культуры, локальные группы которой занимали с половины I тысячелетия до н. э. муромское и рязанское течение Оки, бассейны рек Цны и Мокши.

Несомненная этнокультурная близость муромы и мордвы истолковывалась исследователями по-разному. Так, А. А. Гераклитов (Гераклитов А. А., 1931) вообще отождествлял мурому с мордвой. П. Д. Степанов, а в последнее время В. Н. Мартынов и Д. Т. Надькин полагали, что мурома приняла участие в формировании мордвы-эрзи (Мартынов В. Н., Надькин Д. Т., 1979, с. 103–133). Высказывался также взгляд на мурому как на одно из мордовских племен (Смирнов А. П., 1940, с. 143) или на одно из племен, родственное мордво-мокше, но имевшее несколько отличный язык (Горюнова Е. И., 1961, с. 159). А. Е. Алихова и А. Ф. Дубынин отстаивали взгляд на мурому как родственное мордве, но самостоятельное племя, сохранявшее еще в X в. свой язык и свою этническую территорию (Алихова А. Е., 1949б, с. 26–30; Дубынин А. Ф., 1949а, с. 134–137).

Специфические черты материальной культуры муромы прослеживаются уже в ранних погребениях Малышевского и Подболотьевского могильников. В IX–XI вв. мурома по сумме этнографических признаков, которые могут быть установлены археологами, выступает как самостоятельная этническая общность.

Большая часть археологических памятников муромы расположена на левобережье Оки, между ее притоками Ушной и Унжей и правобережьем Клязьмы (карта 16). Памятники муромы занимали и левобережье Клязьмы, соседствуя на северо-западе по р. Тезе с могильниками и селищами мери. Самым северным памятником муромы является могильник у с. Кочкино Палехского р-на Ивановской обл. на р. Лух, левом притоке Клязьмы. О давнем проживании здесь муромы говорят названия ближайших селений Большая и Малая Муромка (Дубынин А. Ф., 1966, с. 67).

Такие могильники, как Нижневерейский, Урвановский, Чулковский, свидетельствуют, что мурома освоила и левобережье Оки. Отдельные группы муромы могли продвинуться и далее на восток в пределы горьковского течения Волги. Вероятно, так следует рассматривать появление здесь Желтухинского и Безводнинского могильников. Исследователь последнего могильника Ю. А. Краснов, признавая наибольшую близость этого могильника к муромской группе памятников, рассматривает оставившее его население в качестве особой группы поволжских финно-угров, в V–VI вв., близкой муроме, но впоследствии ассимилированной мордвой (Краснов Ю. А., 1980а, с. 117–119). Мордва была восточ-

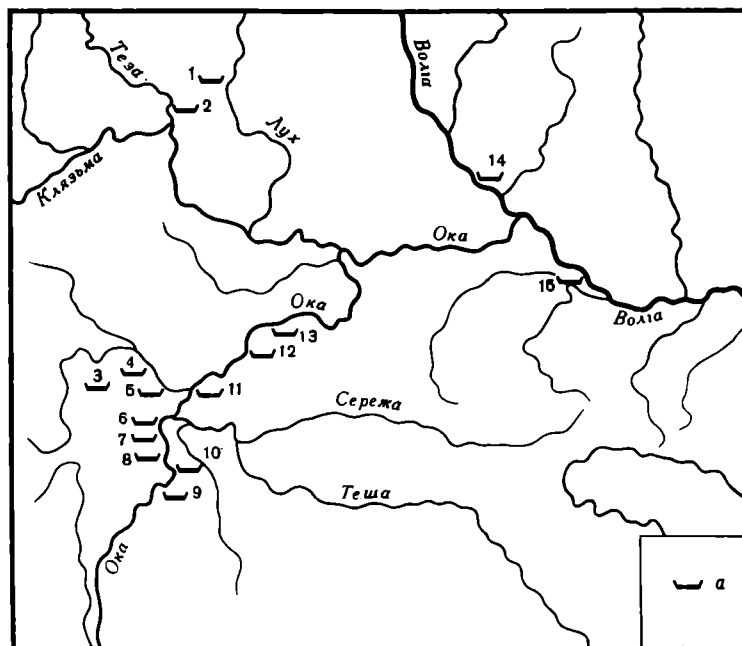
ным и юго-восточным соседом муромы, мещера — южным.

Появление славян на территории муромы относится к X в. В это время в могильниках муромы появляются погребения с западной ориентировкой и набором славянских вещей. Попытки некоторых исследователей значительно удревить эту дату, объясняя обряд трупосожжения и конские захоронения славянизацией муромы (Смирнов А. П., 1952, с. 147, 148), несостоятельны. К концу XI в. процесс ассимиляции муромы славянами был в основном завершен.

Наиболее распространенным типом поселения муромы являлось селище (карта 17). Достоверно ранних селищ, одновременных древнейшим погребениям могильников (VI—VII вв.), пока не найдено. Много селищ с широкой датой (VIII—IX вв.?) обнаружено разведками по берегам р. Ушны (Гусек, Чебашихинское, Юромка), но они не раскапывались. Располагаются селища обычно на высоком плато коренного берега небольших рек, в пойме которых имеются заливные луга. Шурфовки их выявляют незначительный культурный слой, представленный почти исключительно лепной керамикой. Площадь селищ 1,5—2 га. Упомянутые выше селища в черте г. Муром (на кремлевском холме и Николо-Набережное) лишь частично затронуты раскопками. Слой Николо-Набережного селища характеризуется лепной керамикой, находками костяных пряслиц, наконечников стрел, кочедыков, большим количеством костей домашних животных и зерен проса. Поселение датируется VIII—IX (или VIII—X) вв.

Единственным хорошо изученным поселением муромы является селище IX — начала XI в. у д. Тумовки, в 7 км юго-западнее Мурома, на левом берегу р. Илемны. Площадь его более 2 га, культурный слой около 0,3 м толщиной распахан. Тумовское селище исследовалось Е. И. Горюновой в 1947—1950 гг. Обнаружено 37 разновременных жилых, производственных и хозяйственных построек. Жилые дома представлены тремя типами. Для раннего периода характерны прямоугольные полуземлянки глубиной до 1,2 м, площадью до 44 кв. м, с одним или двумя очагами. Кроме обычного типа очагов, сложенных из камней, здесь были открыты печи с глинобитным сводом. Некоторые дома были связаны друг с другом крытыми переходами. Более поздний тип домов — наземные срубные, с углубленным на 0,2—0,3 м земляным полом и печью с глинобитным сводом. Такого же типа постройки малых размеров и без очагов служили, очевидно, клетями. Застройка поселка беспорядочная.

К самому позднему периоду жизни поселка относятся обнаруженные на южном раскопе основания наземных прямоугольных построек с дощатым полом и подпольными ямами глубиной до 1 м. Площадь таких домов составляла всего 10—12 кв. м. Печи глинобитные, с подом из камней и глинобитным сводом. Дома поставлены по одной линии, как бы в уличном порядке. К дому примыкал двор с хозяйственными постройками и навесом для скота. На территории поселка выявлены глинобитные площадки (4×4 м), представляющие собой, вероятно, общинные токи. В южном раскопе обнаружены рудообжигательная печь и две кузнечно-литейные

Карта 16. Грунтовые могильники муромы

а — могильник; 1 — Кочкинский; 2 — Холуйский; 3 — Малышевский; 4 — Молотицкий; 5 — Максимовский; 6 — Муромский; 7 — Пятницкий; 8 — Подболотьевский; 9 — Нижне-Верейский; 10 — Урвановский; 11 — Корниловский; 12 — Пермилковский; 13 — Чулковский; 14 — Желтухинский; 15 — Безводнинский

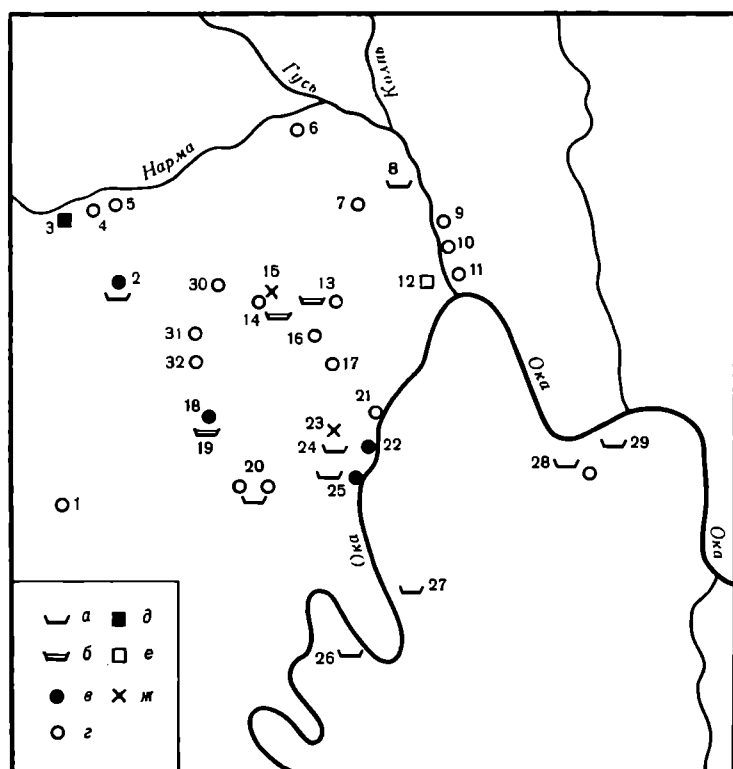
мастерские. В XI в. на Тумовском селище вместе с муромой жили и славяне.

По р. Ушне разведаны славяно-муромские селища X—XII вв. Так, селище у д. Новленка занимает площадь до 10 га, мощность его культурного слоя от 0,25 до 1 м. Муромский элемент в нем представлен лепной керамикой.

На селище X—XII вв. у д. Малышево А. Ф. Дубыниным произведены в 1950 г. небольшие раскопки. Культурный слой его имел толщину около 0,45 м. Обнаружены остатки наземных домов с глинобитными печами и подпольями. К числу муромских находок на селище следует отнести лепную посуду, глиняные пряслица и железное орудие, напоминающее ложку-лопаточку.

Есть основания полагать, что городища городецкой культуры использовались муромой для поселения или в качестве убежищ. Так, в верхнем слое городища у д. Ознобишино (Селивановский р-н Ивановской обл.) раскопками А. Ф. Дубынина в 1950 г. обнаружены муромская лепная керамика, железные пряжки и глиняные пряслица с точечным орнаментом. К сожалению, остается неизученным интереснейшее городище Чаадаевское под Муромом, где, по преданию, был старый город. И. П. Богатов относил его к IX в. А. А. Спицын нашел на площадке городища бронзовый ажурный наконечник ножен меча скандинавской работы (Спицын А. А., 1901, табл. XXVIII, 2). Оттуда же происходит аббасидский дирхем (821—822 гг.), хранящийся в Муромском музее (инв. № 10350).

Для могильников характерно рядовое расположение погребений. Расстояние между рядами и количество могил в них различно. Погребения с конями и могилы с отдельными захоронениями коней рас-

Карта 17. Памятники муромской округи

а — могильники раскопанные; б — могильники обследованные; в — селища раскопанные; г — селища обследованные; д — городища раскопанные; е — городища обследованные; ж — кладбища: 1 — Гусек; 2 — Малышево; 3 — Ознобишино; 4 — Юромка; 5 — Дубки; 6 — Новлянка; 7 — Митино; 8 — Молотицы; 9 — Чебашиха; 10 — Красный Яр; 11 — Битюково; 12 — Чаадаево; 13 — Максимовка; 14 — Пополутово; 15 — Савково; 16 — Лопатино; 17 — Ковардицы (1, 2); 18 — Тумовка; 19 — Кольдина; 20 — Подболотня; 21 — Якиманская слобода; 22 — Николо-Набережное; 23 — Кремль Мурома; 24 — Муромский могильник; 25 — Пятницкое селище и могильник; 26 — Нижняя Верей; 27 — Урваново; 28 — Корниловка; 29 — Пермиловская Пустынь

положены на площади могильников между рядами человеческих могил или вперемежку с ними, не образуя обособленных групп. Несмотря на длительное время функционирования отдельных могильников, могильные ямы редко перекрывают друг друга.

Могильники биритуальны (табл. 6). Трупосожжения появляются в начале второй половины I тысячелетия н. э., но имеют наибольшее распространение в IX — первой половине X в. Погребальный инвентарь в погребениях с трупосожжениями и ингумацией одинаков. Сожжение трупов происходило на стороне, на особых площадках или в кремационных ямах, обнаруженных в Безводнинском, Кочкинском, Муромском могильниках. Могилы с трупосожжениями, как правило, имеют те же размеры, ориентировку (север—юг, северо-запад — юго-восток, единичные — восток—запад) и прямоугольную форму, как и могильные ямы с трупоположениями. Есть и могильные ямы неправильно-округлой формы. Кальцинированные кости обычно укладывались кучкой, иногда же рассыпались по дну ямы. Вещи располагались на костях или рядом. В Безводнинском могильнике оружие и удила укладывались к северу или югу от кальцинированных костей, что соответствовало их положению в ногах или головах погребенных

по обряду ингумации, а топоры-кельты — к западу (у тазовых костей).

В Кочкинском могильнике для захоронения остатков трупосожжения использовались, как правило, ямы неправильно-округлой формы. Здесь преобладали парные (мужское и женское) трупосожжения, причем кальцинированные кости с комплексами женских и мужских вещей располагались на разной глубине или в разных сторонах могильной ямы. В ряде случаев женские украшения были завернуты в бересту, луб или ткань. В засыпи могил встречались отдельные кости домашних животных, части конских и коровьих туш, а в одном мужском погребении Подболотьевского могильника была груда костей медведя.

В некоторых могильниках муромы (Муромском, Малышевском и др.) наблюдался также обряд частичного трупосожжения с предварительным отсечением черепа. Последний укладывался на дно могилы, в северной ее части, а кальцинированные кости складывались кучкой или рассыпались южнее черепа. В ряде женских погребений Кочкинского и Нижневерейского могильников черепа с сохранившимися на них венчиками и височными кольцами были поставлены на основание, а остальные украшения разложены южнее и в таком порядке, как они носились при жизни.

При обряде трупоположения умерших клали в могилы без гробов, но дно ямы устилалось предварительно лубом или берестой, иногда присыпалось песком. В Безводнинском могильнике в некоторых могилах перед захоронением разводились костры. Покойных иногда обертывали в луб или рогожи. Положение покойных — на спине, с руками, сложенными кистями в области тазовых костей или на груди. В Безводнинском, Кочкинском, Малышевском могильниках известны вторичные захоронения, когда останки умерших представлены неполным набором костей скелета, лежащих без анатомического порядка (иногда погребался череп). Встречено также несколько мужских трупоположений вместе с остатками женских трупосожжений.

Для погребений муромы характерна ориентировка на север и северо-запад. Только для нескольких ранних погребений Безводнинского, Холуйского, Подболотьевского и Малышевского могильников известна ориентировка на юг, юг-юго-восток и юг-юго-запад. Восточную ориентировку имели не более семи ранних захоронений в Холуйском, Кочкинском и Подболотьевском могильниках. В двух из них найдены лучевые и крестовидные фибулы и подражания им. В. В. Седов полагает, что эти погребения принадлежат пришлому (балтскому) населению (Седов В. В., 1966а, с. 96).

В Кочкинском могильнике восемь трупоположений из девяти имели западную ориентировку. Почти все они датируются VIII—IX вв.; их инвентарь чисто финский. В Подболотьевском могильнике погребений с западной ориентировкой 14; они расположены в поздней части могильника. В Максимовском могильнике таких погребений шесть. Погребения с западной ориентировкой имеют скудный инвентарь. Иногда в них присутствуют славянские вещи; часть погребений безынвентарна. Как полагал А. А. Спицын, такие погребения в Максимовском могильнике

Таблица 6. Грунтовые могильники муромы

№	Могильник	Исследователь, дата раскопок	Погребения людей				Захоронения коней			Всего	Века
			сож- жение	ингу- мация	ориенти- ровка	итого	ингу-мация		ориенти- ровка		
							с чело- веком	от- дель- но			
1	Кочкинский	Ерофеева Е. Н., 1959, 1961—1962	16	9	З; В	25		11	Ю; С; В; З	35	V—IX
2	Безводнинский	Краснов Ю. А., 1970—1972	27	103	С; ССЗ; ЮЮВ	139	14	21	Ю; ЮВ	165	V—VIII
3	Холуйский	Спицын А. А., 1895		5	СВ					5	VI—VIII
4	Подболотьевский	Городцов В. А., 1910	43	214	С; Ю; В	257	6	17	С; ССВ; Ю	276	VI—XI
5	Малышевский	Дубынин А. Ф., 1938, 1940, 1945—1950	74	127	С; Ю; В	201	3	12	Ю; С	216	VI—XI
6	Желтухинский	Черников В. Ф., 1974	×	×			2		Ю	23	V—VIII
7	Муромский	При земляных работах в 1948; Горюнова Е. И., 1948		8	С	8				8	VIII—X
8	Максимовский	Уваров А. С., Антоно- вич В. Б., 1878; Нефедов Ф. Г., 1886; Спицын А. А., 1895; Селезнев Ф. Я., 1924	12	57	С; СВ; З	69	3		С, СВ; СЗ	72	IX—X
9	Корниловский	Селезнев Ф. Я., 1923; Жу- ков Б. С., 1927; при земля- ных работах в 1939 г.	1	19	С			2	Ю; СЗ	22	IX—X
10	Пятницкий	Селезнев Ф. Я., 1924; Вино- градов К., 1937	1	29	С; СЗ			2	Ю; ЮВ	32	X—XI
11	Пермиловский	Селезнев Ф. Я., 1924		6			1		С	7	X—XI
12	Чулковский	Жиганов М. Ф., 1974		9	С; СЗ			1	С	10	IX—XI
13	Нижне-Верейский	Черников В. Ф., 1962	1	9	С			1		11	IX—X
14	Урвановский	Спицын А. А., 1895		3	С				С	3	X—XI
15	Молотицкий	При земляных работах в 1956 г.		2						2	X

× — число неизвестно.

оставлены славянами или христианизированным муромским населением. Дата — конец X — первая половина XI в.

Женщины погребались с полным набором украшений — от головного убора до обуви. Обычными находками в погребениях являются глиняные пряслица и шилья, посуда. Характер украшений со временем менялся. Женский убор, как и другой погребальный инвентарь, отражал имущественное, семейное, социальное положение женщины. Так, погребения женщин-литейщиц сопровождалось орудиями труда и полуфабрикатами. Богатые женские погребения выделялись не только инвентарем, но и захоронениями коней.

Для мужских погребений характерны наборы для высекания огня (кресала, кремни, фитильные трубочки), кельты, воткнутые в землю. Из других орудий труда встречаются ножи, пешни, один раз — серп. Погребения мужчин-ремесленников с орудиями труда (кузнецов, литейщиков) известны только с X в. Мужские погребения с конями обычно выделяются богатством инвентаря; в некоторых случаях при них находились и женские захоронения. Почти в каждом мужском погребении было оружие (наконечники стрел, копий, крайне редко — мечи). Иногда в них обнаруживаются принесенные в дар женские украшения. Обычно последние лежат сбоку, но в некоторых случаях — на покойном, там, где было их место в женском уборе.

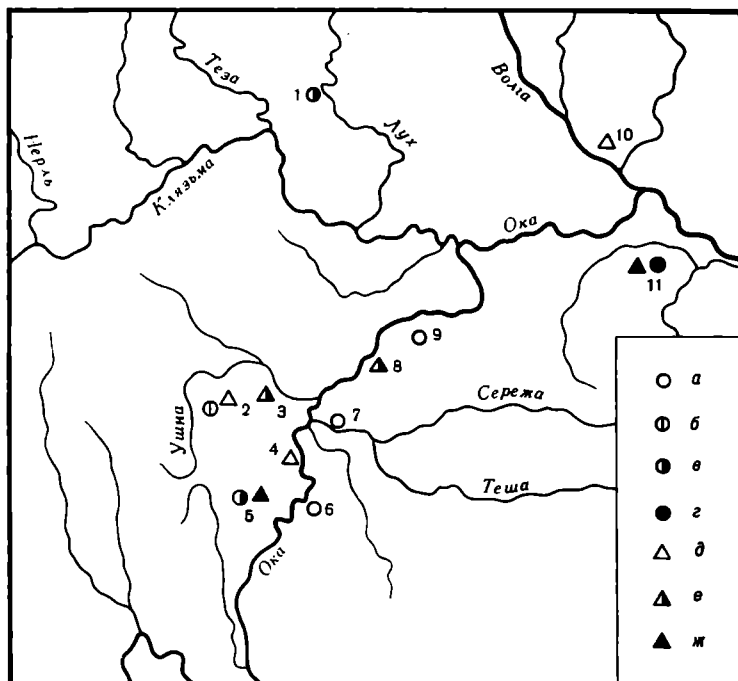
Замечательной чертой погребального обряда муромы являются конские захоронения. Они известны с VI—VII вв., но большинство относится к более позднему времени. Обнаружено 96 таких погребений в 11 могильниках. Они представлены погребениями людей с конями (29) и погребениями коней (67).

По наблюдению Ю. А. Краснова, около половины костяков коней Безводнинского могильника принадлежали молодым особям, которые еще не могли использоваться для верховой езды; их и погребали без сбруи. Восемь раз кони найдены в женских погребениях. Эти факты убеждают, что заклание и захоронение коней производились в ритуальных целях (карта 18). Следует отметить сходство типов погребений коней как в ранних (Безводнинский), так и в более поздних могильниках муромы и господство южной ориентировки конских захоронений, что свидетельствует о существовании стойких традиций в обряде захоронения коней у муромы.

Погребения человека с конем разделяются на две группы: с расчлененной тушей коня и с целой конской тушей. В каждой из групп по особенностям положения убитого коня и различиям в погребальном обряде умершего выделяются типы погребений.

Погребения с расчлененной тушей коня делятся на шесть типов.

Тип 1 представлен четырьмя погребениями с трупоположениями Безводнинского могильника (44, 57, 90, 150), двумя женскими и двумя мужскими, ориен-

Карта 18. Конские погребения у муромы

а-г — захоронения коней (а — одно — два погребения; б — 11—12 погребений; в — 17 погребений; г — 21 погребение); д-ж — погребения с конями (д — одно — три погребения; е — 6 погребений; ж — 14 погребений); могильники: 1 — Котковский; 2 — Малышевский; 3 — Максимовский; 4 — Пятницкий; 5 — Подболотьевский; 6 — Нижневерейский; 7 — Корниловский; 8 — Пермиловский; 9 — Чулковский; 10 — Желтухинский; 11 — Безводнинский

тированными на север и юг. Часть туши коня (передние конечности, позвонки, ребра, череп) помещалась в засыпи в южной части могилы, а кости задней части укладывались на дно в ее северной части. Череп вздернут, обращен резцовой частью на юг.

Тип 2 представлен тремя погребениями с труположениями (3, 41, 151) Безводнинского могильника (два последних — женские). Ориентировка северо-северо-западная и неопределенная. Часть туши коня укладывалась на особых выступах в северной и южной частях могилы. Как и в первом типе, сохранялось размещение костей в анатомическом порядке, черепом на юг.

Тип 3 представлен двумя мужскими труположениями, ориентированными на север-северо-запад и юг-юго-восток, в одной могиле (16) Безводнинского могильника. Захоронены только передние конечности двух коней и два черепа, ориентированные резцовыми частями на юг. Кости коней лежали на дне могилы в ногах и у головы.

Тип 4 представлен погребениями 12, 151, 179 Малышевского могильника при захоронениях человека по обряду кремации. Кости коня — задние и передние ноги, на которые положен череп, — расположены на уровне или ниже кальцинированных костей человека. Череп коня ориентирован на северо-запад. В погребениях (151 и 179) найдены удила, стремяна, украшения сбруи, наконечники стрел, боевые топоры. К этому же типу относится погребение 122 Подболотьевского могильника. Кальцинированные кости человека расположены ниже черепа коня. Ориентировка последнего неизвестна.

Тип 5 — конские захоронения сопровождают труположение человека. Известно три таких случая, в том числе два мужских погребения (124 и 169) Подболотьевского могильника. В первом погребении были топор-кельт, огниво, ремень с накладками, лямка. Части туши коня (передние ноги и положенный на них череп) захоронены выше человека. В захоронении 169 погребенный ориентирован на север, а останки коня помещены в северной части могилы. Следующее погребение 3 Максимовского могильника — женское, при нем найдены браслеты, перстни, нагрудная бляха с дверцей, серебряная чаша. Кости и зубы коня были покрыты берестой, на которой лежали украшения сбруи.

Тип 6 представлен двумя мужскими погребениями (23, 33) Подболотьевского могильника по обряду ингумации, ориентированными на север и северо-северо-запад. Кости коня расположены на одном уровне с останками человека. В обоих погребениях головы коней были уложены у головы человека. В погребении 23 захоронены два коня и голова второго коня положена на левое колено человека.

Три погребения с труположениями не могут быть отнесены к какому-либо типу, так как их ориентировка и положение костей коня по отношению к человеку неизвестны. Это парное погребение 4 (мужчина и женщина) Максимовского могильника и женское погребение 17 того же могильника. В погребении 4 найдены удила, части сбруи, два стремяна, копье, височные щитковые кольца, перстни, браслеты, подвеска с головкой медведя. В погребении 17 были удила, части сбруи, часть головного жгута со спиральной обмоткой, бронзовые украшения в виде полуцилиндров с шумящими привесками. Третьим является мужское погребение 5 Пермиловского могильника.

Погребения с целым остовом коня дифференцируются на два типа.

Тип 1. Труположения человека головой на север. Конь (со вздернутой головой, резцовой частью на юг) укладывался в могилу, как правило, слева от человека, на дно могилы или на невысокую ступень или в нишу. Представлен погребениями 12, 40, 54—55, 61 Безводнинского могильника (первое — женское, остальные — мужские). В последних найдены копыта, топоры-кельты.

Тип 2. Представлен мужским труположением (88) Подболотьевского могильника. При скелете, ориентированном на север — северо-восток, — топор, нож, спиральный перстень, пряжка. Конь положен выше человека в засыпь могильной ямы, ориентирован так же. Около коня лежали удила, стремяна, пешня.

Два захоронения мужчин в Желтухинском могильнике не могут быть отнесены к какому-либо типу по недостатку сведений. Коня ориентированы на юг, детали неизвестны. Среди собственно конских погребений выделяются две группы: I — захоронения расчлененных туш коней; II — погребения целых остовов. В каждом могильнике захоронения расчлененных туш коней имели свои особенности, что позволяет, используя классификацию, предложенную Ю. А. Красновым, выделить несколько типов.

Тип 1. Разрубленные части конской туши (в Безводнинском могильнике — без хвостовых позвонков)

положены в могилу в анатомическом порядке, черепом на юг. Задние конечности уложены на дне могилы, передние — выше, в засыпь. Шея и голова коня задраны вверх. К этому типу относятся 14 погребений (17, 24, 25, 42, 43, 51, 59, 60, 64, 82, 88, 89, 132, 138) Безводнинского могильника (Краснов Ю. А., 1980а, с. 33) и два погребения (20, 26) Малышевского. В каждой могиле обычно погребен один конь, а в могиле 17 Безводнинского могильника — два.

Тип 2. Захоронены только передние ноги коня, на которые положен череп, резцовой частью к югу. Представлен двумя погребениями (112, 165) Безводнинского могильника и двумя (54, 55) Малышевского. В погребении 54 были захоронены четыре передние ноги и два черепа.

Тип 3. Передние и задние ноги захоронены отдельно от черепа. В двух погребениях (27 и 190) Малышевского могильника черепа были ориентированы на юг. В могиле 27 найдены удила, колокольчик, шумящие подвески. В погребении 1 Чулковского могильника череп лежал в северо-западной части могилы.

Тип 4. Захоронения частей туш коней с отсеченными черепами, без позвонков и ребер. Остальные кости положены в анатомическом порядке, передней частью к северу. Представлен тремя погребениями Кочкинского могильника. Два захоронения произведены в могилах, одно — в кремационной яме. В двух случаях вместе с конем были захоронены рассеченные туши коров.

Тип 5. Части остовов разбросаны, череп отсутствует. К нему относятся погребения 13 Подболотьевского могильника и 98 Малышевского.

При погребении целых остовов (группа II) кони укладывались в могилу на брюхе, с подогнутыми ногами. Иногда туша оказывалась завалившейся на бок. Выделяется несколько типов таких захоронений.

Тип 1. Характерное положение шеи — вытянутое, приподнятое. Череп вздернут, обращен резцовой частью на юг или юго-восток. В Безводнинском могильнике таких погребений пять (23, 37, 56, 80, 83). Хвостовые позвонки обрублены. В Малышевском могильнике погребений этого типа также пять (20—22, 28, 29). В одном конь был взнуздан (удила, уздечка с оголовьем, стремяна, бубенчики, колокольчик). В Корниловском могильнике обнаружено одно подобное погребение. В могиле найдены уздечка, оголовье, топор, нож. В Пятницком могильнике погребений этого типа было два (13 и 14), в Нижневерейском и Подболотьевском (погребение 115) — по одному. Положение черепа коня в последнем погребении неясно; конь был взнуздан.

Тип 2. Положение коня в могиле, с вытянутой шеей и вздернутым черепом, такое же, как у первого типа, но ориентировка неустойчивая. В Кочкинском могильнике найдено восемь могил, причем в одной — два остова. Ориентировка коней: южная (два), северная (три), восточная (два), западная (один). В двух могилах найдены удила, нож.

Тип 3. Ориентировка на север с отклонениями. 15 погребений Подболотьевского могильника ориентированы на север и север-северо-восток. Неясно, были ли головы захороненных коней вздернуты. 10 коней взнузданы. Кроме удил, в погребениях най-

дены стремяна, пряжки, в двух — топоры, копье, ножи. В двух погребениях вместе с взнузданным конем в могилу были положены завернутые в бересту женские украшения. В Корниловском могильнике открыто одно конское погребение, ориентированное на северо-запад. При нем были удила.

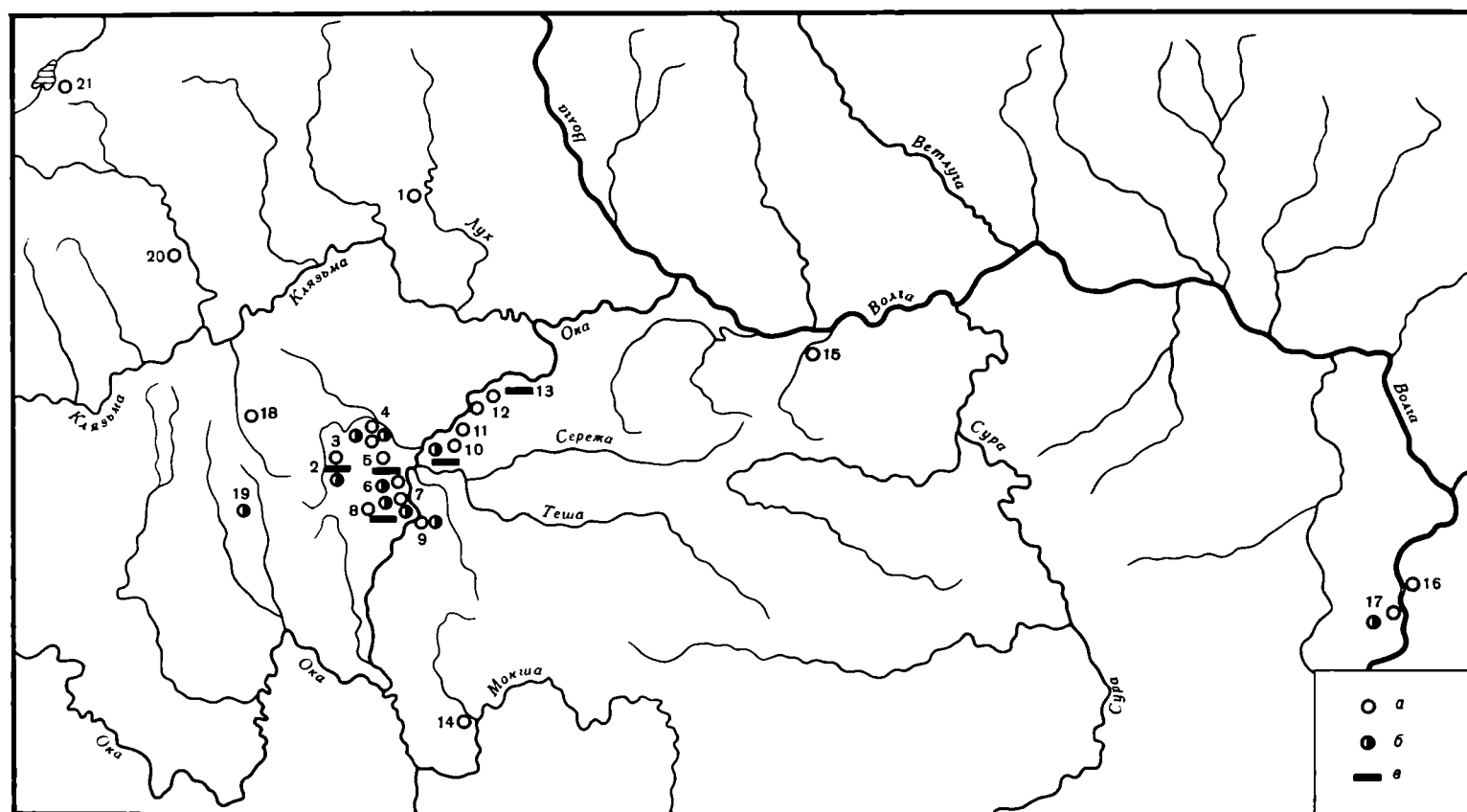
Кроме того, в ряде погребений без коней найдены предметы конского снаряжения, причем в ранних погребениях их больше, чем в поздних. Так, удила встречены в 16 погребениях Безводнинского могильника (из них пять — женские) и в 10 Кочкинского (из них два раза — в женских погребениях). В таком большом могильнике, как Подболотьевский, удила и стремяна найдены только в семи мужских погребениях.

Этнически определяющими предметами для муромских женщин являлись головной убор, пояс, обувь, реконструируемые по сохранившимся металлическим деталям и украшениям (карта 19).

В состав головного убора входили жгуты, венчики, ремни, височные кольца, наконечники. Головные жгуты изготавливались из конского волоса, льняных или шерстяных нитей, свернутых или сшитых в виде трубочки полос кожи, бересты. Они украшались бронзовыми разомкнутыми колечками, обматывались тонкими кожаными ремешками, обвитыми спиральками, пронизками. Замкнутые жгуты охватывали голову женщины кругом, от лба к затылку. Дугообразные жгуты — наиболее своеобразная особенность головного убора муромы; они неизвестны другим финским племенам (Алихова А. Е., 1949б, с. 28). Жгуты обеих форм найдены уже в ранних захоронениях Безводнинского могильника. В VIII—X вв. головные жгуты отличались массивностью и обязательно обвивались бронзовой спиралью.

Головные венчики носились на лобной части; на темени концы их завязывались или застегивались пряжкой. В Кочкинском могильнике венчики состояли из трех узеньких ремешков со спиральными пронизками, соединенных через некоторые промежуточные прямоугольными обоймицами со штампованным орнаментом (табл. XXXIII, 1, 2). Такие же венчики известны и в Безводнинском могильнике. В Подболотьевском могильнике найдены венчики из нанизанных на ремешки цилиндрических трубочек, спиралей и обоймиц. Как показали находки в Безводнинском могильнике, венчики изготавливались также из полосок кожи или ткани и украшались нашитыми на лицевую сторону бусами, спиральками, обоймицами.

Узкий головной ремень (до 1 см), украшенный бронзовыми спиральками, обоймицами, трапециевидными привесками и обхватывающий голову кругом (завязывался на темени), известен (в сочетании с головным венчиком) в погребениях VI—VII вв. Малышевского и Подболотьевского могильников. Он и в более поздние времена оставался постоянным элементом головного убора, но в IX в. в дополнение к нему появился широкий (до 3 см) головной ремень. Последний надевался на голову выше узкого. Обычно он украшался бронзовыми обоймицами, но иногда разрезался на три—пять узких ремешков, на которые нанизывались спирали или серебряные цилиндрические трубочки в сочетании с прямоугольными обоймицами. В этом случае он заменял вен-

Карта 19. Характерные украшения муромы

а — височные кольца со щитком; б — лунничные височные кольца; в — подвески-коньки; 1 — Кочкино; 2 — Малышево; 3 — Максимовка; 4 — Молотицы; 5 — Тумовка; 6 — Муромский могильник; 7 — Пятницкий могильник; 8 — Подболотня; 9 — Нижняя Верея; 10 — Корниловка; 11 — Пермиловский могильник; 12 — Звягино; 13 — Чулково; 14 — Шокшинский могильник; 15 — Левино; 16 — Больше-Тарханский могильник; 17 — Танкеевский могильник; 18 — Новленская; 19 — Пустошенский могильник; 20 — Мало-Давыдовское городище; 21 — Сарское городище

чик. В начале XI в. этот сложный головной убор выходит из употребления.

Для ранней стадии муромских могильников (VI—VII вв.) характерны два типа височных колец: проволоочные гладкие и со щитком. Гладкие браслетообразные кольца с тупыми сходящимися концами обычно изготавливались из серебра. Диаметр колец 5—11 см; в погребении их находят по два. Они есть в Безводнинском, Кочкинском и других могильниках (табл. XXXIII, 9, 10).

Наиболее распространенным этническим украшением муромы являлись височные кольца со щитком, изготавливавшиеся главным образом из бронзы. В VI—VII вв. эти кольца диаметром 6—7 см имели миниатюрный щиток неопределенной формы и помещались по два — четыре в погребение. В VIII—IX вв. они становятся немного крупнее, щиток увеличивается и приобретает овальные очертания. Иногда кольца дополняют шумящие привески, спирали (табл. XXXIV, 3). В погребении находят до восьми колец. Во второй половине IX—X в. диаметр кольца увеличивается до 10—13 см; щиток, наоборот, уменьшается, утрачивая правильную форму. Число колец в погребении достигает 12—14. В X в. получают распространение и бронзовые перстнеоб-

разные височные кольца. Тогда же головной убор дополняется массивными лунничными височными кольцами. Их носили по одному с каждой стороны головы, вместе со щитковыми. Лунничные височные кольца обычно серебряные, размерами 6,5×7,5 см и меньше. Некоторые из них снабжались привесками (табл. XXXV, 4), украшались гравировкой.

По погребениям Безводнинского могильника наконечники реконструируются как многосоставные украшения, состоящие из вдетых в косу тонких ремешков с нанизанными на них цилиндрическими пронизками, спиралями, обоймицами. Внизу к ремешкам крепились бутылковидные привески или пирамидальные колокольчики. Наконечники из пронизок, обоймиц и колокольчиков известны как в ранних, так и в поздних погребениях Малышевского и Подболотьевского могильников. С IX в., особенно в X в., получили распространение сложные спинные подвески в виде коромысел (табл. XXXIV, 18). Они состоят из перекладин (от одной до четырех) с шумящими привесками, выполненных из бронзы (или рога, дерева, обмотанных бронзовой спиралью) и соединяющих их по вертикали ремней с бронзовыми обкладками или узких ремешков, которые продевались в цилиндрические пронизки (табл. XXXV, 13). Известны спинные подвески из погребений Малышевского, Подболотьевского, Максимовского, Пятницкого, Корниловского могильников. Это украшение обычно интерпретируется как наконечник. Однако В. Н. Мартыанов и Д. Т. Надькин предполагают, что это часть поясного украшения типа мордовского пулага (Мартыанов В. Н., Надькин Д. Т., 1979, с. 125—130), хотя для этого мало данных.

В отличие от соседних племен, где кожаные пояса были принадлежностью мужского костюма, у муромы кожаные пояса с металлическими накладками и

наконечниками носили и женщины. В Безводнинском могильнике известны пояса с боковыми дополнительными ремнями, богато украшенные бляшками-накладками и шумящими привесками. Классическая форма женского пояса мурома — с широким и длинным боковым ремнем справа — получает наибольшее распространение в X в. Ремень покрывался сплошь бронзовыми обоймами. Особое внимание уделялось украшению передней части пояса. Здесь помещались две-четыре большие литые ажурные пряжки или бляхи, снабженные шумящими привесками (табл. XXXIV, 17; XXXV, 9). Иногда же на ремень нанизывались пронизки — полуцилиндрики с колокольчиками или привесками в виде гусиных лапок. Шумящие украшения пояса должны были отпугивать злых духов. Об охранительном значении пояса свидетельствуют и амулеты-коньки, опущенные с пояса до уровня лона женщины в погребении 2 Корниловского могильника.

Бронзовые украшения кожаной обуви обнаружены в женских и детских погребениях Безводнинского могильника. Они состояли из пронизок, обоймиц и различных бляшек с подвешенными к ним колечками, пришивавшихся к обуви в области стопы. В поздних погребениях мурома украшения обуви представлены различными типами литых подвесок, прямоугольных или округлых (умбоновидных), снабженных шумящими привесками (табл. XXXIV, 13). Ноги от щиколоток до середины голени плотно обматывались ремнем, сплошь покрытым бронзовыми обоймами. Муромские украшения ног типологически отличны от мордовских.

Одежда муромки изготовлялась из льняных и шерстяных тканей, меха. О покрое ее трудно судить. Возможно, подпоясанная одежда типа рубахи носилась с напуском, и подол ее с нашитыми шумящими привесками доходил до середины голени, открывая богато украшенные ноги.

Женское убранство мурома постепенно эволюционировало. В VII в. головной убор, состоявший из головных жгутов, венчика и височных колец, украшался крестовидными фибулами или их подражаниями. Последние — местной работы, отливались без игл и нашивались на ткань или кожу (табл. XXXIII, 3).

В составе ожерелья встречались красные пастовые бусы. Среди шейных гривен преобладали дровые с крючками или с концами, обмотанными проволокой, и нанизанными на них бусами; пластинчатые и узкие серповидные (табл. XXXIII, 4). В Безводнинском, Кочкинском, Подболотьевском могильниках найдены массивные трапециевидные привески на двойных петлях (табл. XXXIII, 5).

В число нагрудных украшений входили пластинчатые бляхи с дверцей и шестью треугольными прорезями и литые круглые застежки с ложножгутовым орнаментом и шумящими привесками (табл. XXXIII, 6). На руках носили спиральные, дровые и пластинчатые браслеты (табл. XXXIV, 9, 11), спиральные перстни.

Для VIII—IX вв. характерны шейные гривны с «лодочкой» (табл. XXXVI, 9) и дровые со щитком. В IX в. появляются: нагрудные пластинчатые бляхи без прорезей и круглые ажурные бляхи-пряжки с выступом (табл. XXXIV, 8); перстни с привесками или со щитком и глазком; украшения пояса

в виде литых прямоугольных блях с ложной зернью и сканью, в орнаменте которых присутствуют волюты (табл. XXXIV, 17, 19), и с шумящими привесками; спинные подвески в виде коромысла (табл. XXXIV, 18).

Для IX—X вв. можно проследить различия между девичьим и женским головными уборами. По наблюдениям А. Ф. Дубынина, девичий убор состоял из замкнутого жгута, головного ремня, венчика, височных колец и накосника. Иногда к узкому головному ремню прикреплялись на висках пронизки в виде полуцилиндров с шумящими привесками или бутылкообразные подвески с шумящими привесками. У замужней женщины головной убор дополнялся двумя дугообразными жгутами (табл. XXXVI, 2—5).

В X в. бронзовые украшения покрывали женщину буквально с головы до ног. Все они, начиная от височных колец, крупнее и массивнее, чем в предыдущее время. Так, среди шейных гривен преобладают гривны глазовского типа (табл. XXXVI, 10). В составе ожерелья увеличивается число металлических шумящих привесок различного рисунка. Наиболее распространенными являются цилиндрические пронизки, у которых снизу вертикально или наклонно припаяны «ножки» — узенькие трубочки из спиральной проволоки с петлями, к которым подвешены треугольные пластинки (табл. XXXV, 6). Из таких привесок образуются ожерелья, а в трех погребениях Максимовского и Корниловского могильников они найдены в составе девичьего головного убора. Усложняется рисунок поясных литых ажурных блях и пряжек с шумящими привесками.

Помимо перстней с привесками, появляются большие перстневидные привески, которые надевали на гривны или пришивали к одежде. К ним крепились до восьми шумящих привесок на длинных цепочках (табл. XXXV, 5). Лунницы с шумящими привесками становятся крупнее (табл. XXXV, 4). Круглые нагрудные бляхи-пряжки с ажурным рисунком кольца увеличиваются в диаметре; число шумящих привесок у них достигает до 12 (табл. XXXV, 3). Появляются зооморфные украшения: амулеты-коньки с шумящими привесками и коньковые подвески. Подвески-коньки муромского типа (табл. XXXV, 7) отличаются от мерянских и мордовских тем, что имеют «ножки» (до семи) в виде узеньких трубочек с петлями из спиральной проволоки. На спинке — декоративная петля, спирали или украшение, напоминающее солнце с лучами. Через петли с тыльной стороны продевался ремешок, и подвеска носилась на груди, в составе ожерелья или поясного украшения. Почти половина подвесок найдена в трупосожжениях, поэтому установить их основное место в женском уборе затруднительно. Шесть подвесок, что составляет $\frac{1}{3}$ всех находок, найдено в погребениях с дирхемами, самые поздние из которых датируются концом X в. (Голубева Л. А., 1976, с. 75—78, рис. 1, 2).

Наборные коньковые подвески — с квадратным и трапециевидным щитком представлены двумя типами, первый из которых отмечен индивидуальными особенностями в заполнении внутреннего пространства щитка и небольшими размерами последнего (табл. XXXV, 1), а второй, более поздний, принадлежит к числу серийных отливок, изготовлявшихся

на территории мари. Найдены они в погребениях Подболотьевского, Малышевского, Урвановского могильников (Голубева Л. А., 1979б, с. 51). Дата этих подвесок — X — первая половина XI в.

Для муромки того времени характерны трапециевидные и бутылкообразные привески, нашивавшиеся на рукава, подол, швы одежды (табл. XXXVI, 10). В первой половине XI в. костюм муромки становится проще; среди украшений появляются славянские типы: встречаются крестики и шиферные пряслица.

Мужская одежда по археологическим данным не восстанавливается. Встречающиеся почти в каждом мужском погребении огнива принадлежат к типу пластинчатых и подразделяются на два варианта (Голубева Л. А., 1965, с. 258—260): в виде пластины с ручкой и овально-изогнутой пластины со сходящимися концами (табл. XXXVII, 3, 4). Оба варианта огнив являются этнически определяющими признаками культуры муромы. Следует отметить наличие огнив второго варианта в Кочкинском и Безводнинском могильниках в погребениях VI—VII вв. Для того же времени характерны топоры-кельты небольших размеров (табл. XXXVII, 11), ромбовидные наконечники стрел, втульчатые наконечники копий с двущипным или ромбовидным пером. Для VIII—IX вв. свойственны кельты более удлиненной формы (табл. XXXVII, 12), которые в конце IX — начале X в. сменяются проушными топорами со щековицами (табл. XXXVII, 13). В IX—X вв. в погребениях встречаются огнива первого и второго вариантов. Топоры приобретают более удлиненные и узкие лезвия. Копья втульчатые, двущипные, с пером ромбической и удлиненно-треугольной формы (табл. XXXVII, 14, 15).

В конце X — начале XI в. появляются черешковые копья с листовидным пером, топоры с выемкой. В погребениях X — начала XI в. известны кожаные кошельки и весы с гирьками. В богатых мужских погребениях Малышевского могильника (40, 72, 84) найдены бронзовые котлы, деревянные ковши и такие же чаши с серебряной обкладкой.

Основу хозяйственной деятельности муромы в V—VIII вв. составляли животноводство (особенно коневодство) и земледелие. Вероятно, добыча и обработка железа уже выделились в самостоятельное производство, но конкретные данные об этом отсутствуют.

Литейное дело, очевидно, находилось в руках женщин. Об этом свидетельствуют четыре погребения литейщиц из Малышевского, Желтухинского и Безводнинского могильников. В погребениях найдены льячки, шилья, литейная формочка. Как правило, эти могилы отличаются богатством женского убора (Черников В. Ф., 1974, с. 34; 1975, с. 180). Особой пышностью наряда, изделиями из серебра, множеством бронзовых украшений выделялось погребение литейщицы из Безводнинского могильника. Социальная значимость мастерицы подчеркнута помещением в могилу удила и размерами ямы — самой большой в могильнике (Краснов Ю. А., 1980а, с. 18, 175, 176). Вероятно, литейщицы обслуживали нужды своей общины и их производство еще не было товарным.

О муромской деревне IX — начала XI в. дают представление раскопки Тумовского селища. Основной отраслью хозяйства обитателей поселка и в эту

эпоху являлось животноводство. Состав стада: свинья, лошадь, корова, овца. Земледелие носило, очевидно, экстенсивный характер. Найдены обломки серпов, мотыги, каменные ручные мельницы — зернотерки. Большое значение имели охота (пушная), рыбная ловля, бортничество; были развиты домашние производства — ткачество, косторезное дело, гончарство (без применения гончарного круга).

Особенностью хозяйственной деятельности жителей поселка являлась обработка железа, оставившая свой след почти в каждом жилище. Такая специализация хозяйства была, очевидно, обусловлена близостью местного сырья — выходов бурого железняка близ с. Панфилово (кустарная добыча железной руды здесь продолжалась до XIX в. включительно).

Вблизи селища обнаружен разрушенный сыродутный горн. Раскопками на площади поселения исследованы рудобжигательная печь и две кузнечно-литейные мастерские. Печь представляла собой круглую яму, обмазанную толстым (до 0,2 м) слоем глины, на деревянном каркасе. Внутренний диаметр печи составлял 1,5 м, глубина — 0,5 м. Под дном этого своеобразного «глиняного котла» находилась топка. Одна из мастерских помещалась в жилище-полуземлянке, вторая — на поверхности, под навесом. Около больших каменных очагов найдены шлаки, крицы, обломки горшков с остатками железа, а также части тиглей, льячки, полуфабрикаты, свидетельствующие об объединении работ по железу и меди в руках одного мастера. Производственные сооружения датируются концом X — началом XI в.

Наряду со специализацией железоделательного и кузнечного ремесла меднолитейное дело в большей степени сохраняло характер домашнего производства и занимались им на Тумовском селище женщины. Этот вывод можно распространить и на бронзолитейное (в частности, ювелирное) производство муромской деревни в целом. В шести могильниках муромы IX—XI вв. (Корниловском, Максимовском, Малышевском, Нижневерейском, Подболотьевском, Пятницком) найдено 23 погребения литейщиц. Большинство захоронений относится к X в. В комплекс орудий труда в погребениях по-прежнему входят льячки, формочки, шилья. Льячки муромы имеют форму овального ковпичка с односторонним сливом. Мастерицы этого времени выполняли работу не только на заказ, создавая настоящие шедевры ювелирного искусства, но и производили многие типы украшений серийно, по упрощенной технологии, заменяя кропотливую наборную работу отливкой. Такие изделия предназначались для продажи на рынке. Превращение литейного дела в ремесло совпадает с появлением в X—XI вв. погребений литейщиков-мужчин. Известны два таких погребения, оба из Подболотьевского могильника. В погребении 124 найдена только льячка, в погребении 2 — льячка, литейная формочка, женские украшения и набор кузнечных инструментов. Оба погребения как бы иллюстрируют переход литейного и ювелирного дела в руки мужчины.

Развитие ремесла у муромы не достигло своей высшей стадии — ремесла городского. Оставаясь деревенской, материальная культура муромы долго сохраняла этническое своеобразие. Значительно более поздняя, чем у мери, встреча со славянами так-

же сказала на длительном переживании традиционных приемов в кузнечном и гончарном деле, продолжительности бытования местных типов орудий труда, оружия, украшений. Так, муромские кузнецы еще в конце X в. продолжали изготавливать наиболее распространенные орудия — ножи — по примитивной технологии: из цельного железа. Появление в конце X в. славянских калачевидных огнив не вытеснило в быту традиционных огнив — пластинчатых. Применявшееся в металлургическом производстве орудие в виде железо-стальной ложки-лопатки (известное также вес и мера) найдено в шести мужских погребениях мурома. Обнаружено такое орудие и на Тумовском селище (табл. XXXVII, 1).

Наиболее отчетливо этнические традиции мурома проявились в длительном бытовании глиняной посуды, которую женщины-муромки в XI в. изготавливали без гончарного круга. Посуда обычно выделялась с большой примесью кварца, реже — шамота, отчего стенки ее шероховаты. Основные формы посуды: плоскодонная горшковидная или баночная с широким устьем; мисковидная приземистая с ребром (табл. XXXVII, 6—9). Встречена также посуда из хорошо промешанной глины с примесью мелкого речного песка в тесте со стенками, тщательно сглаженными или подлощенными. По мнению Е. И. Горюновой, эта посуда подражала привозной болгарской. Муромская посуда обычно не орнаментировалась.

Отсутствие кладов восточных монет вдоль течения Волги от Ярославля до Горького, малочисленность здесь археологических памятников свидетельствуют о том, что этот отрезок Волги не был включен в Великий торговый путь. Из Верхнего Поволжья через реки Которосль, Нерль, Клязьменскую, Клязьму и Москву этот путь выходил на Оку. Среднее и нижнее течение Оки вплоть до Волги представляло собой магистральный отрезок Великого Волжского пути. По Оке и Десне открывался также торговый путь в Киев. На бассейн Оки приходится около одной трети кладов дирхемов, найденных в Восточной Европе (Монгайт А. Л., 1961, с. 95).

Рассматривая вопрос о том, в чьих руках находилась транзитная торговля по Оке, А. Л. Монгайт отвергал сколько-нибудь заметное участие в ней норманнов. Находки скандинавских вещей как в рязанском, так и в муромском течении Оки единичны. Ведущую роль в этой торговле Монгайт отводил славянам, которые, по его мнению, начали колонизационное движение не только на Среднюю, но и Нижнюю Оку в IX в. Проникновение славянских вещей в инвентарь муромских могильников для IX в. он считал значительным (Монгайт А. Л., 1961, с. 97).

Е. И. Горюнова справедливо указала на участие в окской торговле болгарских купцов. Она видела в них «основных агентов» торгового движения по Оке и предполагала, что они могли не ограничиваться кратковременными наездами, но осуществлять постоянные и тесные связи с местным населением, получая от него пушнину, воск, мед. Болгарская керамика найдена на многих муромских селищах.

В свою очередь, представители мурома бывали в Болгарах. В 1978 г. Е. П. Казаковым в Танкеевском могильнике были раскопаны мужское и женское погребения мурома X в. Особенно интересно богатое

женское погребение с лунничными и щитковыми височными кольцами, коньковыми подвесками с трапециевидными щитками, перстневидной шумящей пронизкой на шейной гривне, украшениями обуви и пр.

Местные чудские племена, по мнению А. Л. Монгайта, долго оставались в стороне от торговли с Востоком. До X в. они, возможно, «признавали лишь натуральный обмен и не принимали дирхемов в расчет за проданные товары» (Монгайт А. Л., 1961, с. 96). В качестве доказательства он ссылался на то, что в Корниловском и Максимовском могильниках все дирхемы якобы относятся ко времени не ранее X в. Лишь под влиянием славянской колонизации мурома, по его словам, была вовлечена в восточную торговлю. Однако в коллекции Муромского музея хранятся собранные в крае восточные монеты VI—IX вв., правда без указания на точное место находки. Из монет, местонахождение которых известно, есть два дирхема чеканки 757—758 гг., найденные в Муроме (Фасмер Р. Р., 1929, № 20) и с. Лесниково (Муромский музей, нумизматическая коллекция, № 10169).

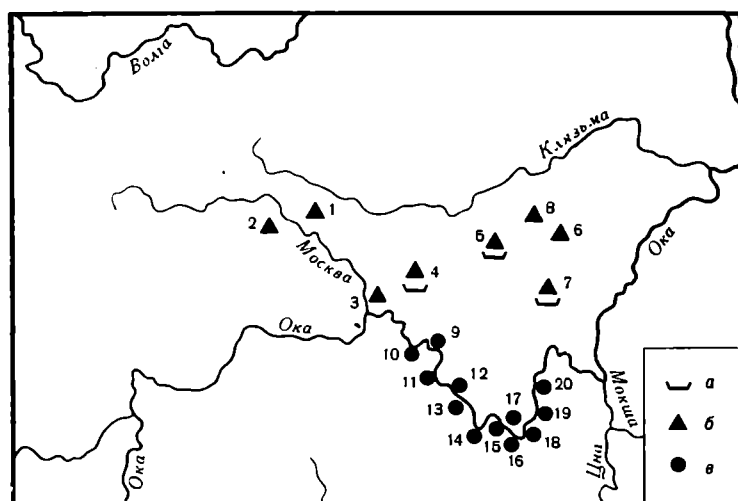
На территории мурома известно 30 погребений с монетами. Самая старшая — аббасидский дирхем 753—754 гг. из погребения 5 Максимовского могильника (Уваров А. С., 1907) — найдена с вещами IX — начала X в.

Монеты Аббасидов IX в. (без младших монет) чеканки 820 и 825, 867 и 880—881 гг. обнаружены в погребениях 16, 9, 6 Максимовского могильника (Уваров А. С., 1907), которые датируются по вещам IX в. и началом X в. В Корниловском могильнике встречена монета 853—862 гг., чеканенная в Мерве. Две аббасидские монеты IX в. происходят из Подболотьевского могильника (Муромский музей, нумизматическая коллекция, № 12027—12028). Два дирхема чеканки 821—822 гг. были найдены в Муроме (Фасмер Р. Р., 1929, № 22) и на Чаадаевском городище (Муромский музей, нумизматическая коллекция, № 10350). Одна аббасидская монета IX в. вместе с двумя саманидскими X в. обнаружены в погребении 1 Корниловского могильника.

Погребения с монетами VIII и IX вв. принадлежат местному финскому населению, участие которого в восточной торговле началось задолго до массового славянского расселения. В 21 погребении мурома (18 происходят из Малышевского могильника) и на двух поселениях — Тумовском и в Муроме — найдены дирхемы X в. (Фасмер Р. Р., 1929, с. 288).

Погребений с весами и гирьками в Малышевском, Максимовском и Подболотьевском могильниках зафиксировано пять. Они датируются X в. Для хранения складных весов здесь, как у соседней мери, употреблялись кожаные футляры. Гирьки для малых взвешиваний найдены и на поселениях: на Воеводской горе в Муроме и на Тумовском селище. На последнем найден также разновесок в виде диска.

Можно присоединиться к Е. И. Горюновой, утверждавшей, что местное сельское население принимало «непосредственное и активное участие в торговле с болгарами» (Горюнова Е. И., 1961, с. 181). Муромским ремесленникам требовалось большое количество привозного сырья — меди и монетного серебра, шедших в значительной мере на переплавку.

Карта 20. Грунтовые могильники и характерные украшения мещеры

a — грунтовые могильники мещеры; *b* — характерные украшения мещеры; *в* — рязанско-окские могильники; 1 — Бисерово; 2 — Акатово; 3 — Бессониha; 4 — Жабки; 5 — Закопье; 6 — Новленская (Новая); 7 — Пустошенский; 8 — Левинский; 9 — Кузьминский; 10 — Вахинский; 11 — Конищевский; 12 — Дубровицкий; 13 — Польновский; 14 — Борковский; 15 — Шатрищенский; 16 — Дубровский; 17 — Дегтяный; 18 — Кулаковский; 19 — Тырновский; 20 — Курманский

Наибольший подъем восточной торговли и усиление ввоза монетного серебра в Европу приходится на первую половину X в. С участием славян в земле мурома ускорился рост ремесла и торговли, успешно развивался процесс градообразования, получила новый импульс восточная торговля. Не случайно в Муроме обнаружен один из крупнейших кладов восточных монет, зарытый после 939 г. Он был открыт в 1868 г. в Окском саду. В глиняном кувшине оказалось 11 077 целых монет, в медном — только изломанные. Общий вес клада составил два пуда 33 фунта (45,2 кг). Монеты клада датируются 715—939 гг. (Марков А. К., 1910, с. 5, 6). Второй клад найден в 1924 г. близ Мурома в с. Савково. Он насчитывал более 200 монет, позднейшие из которых датируются 996 г. (Фасмер Р. Р., 1929, с. 290). В составе клада есть и западноевропейские монеты. Наиболее поздняя монета западноевропейской чеканки — денарий Генриха IV Баварского (995—1002 гг.) — известна из погребения 1 Максимовского могильника.

Общественный строй мурома в X в. представлял собой последнюю ступень патриархально-родового общества. Налицо имущественное и социальное неравенство, выделение ремесла. Однако почти поголовное вооружение мужчин, женские погребения с конями свидетельствуют в пользу общества свободных общинников. Ассимиляция мурома славянами протекала интенсивно, и к XII в. мурома окончательно утратила свою этническую самостоятельность.

Мещера

Мещера — поволжско-финское племя, заселявшее междуречья Клязьмы, Москвы и Средней Оки (Мещерскую низменность). Упоминается в Толковой Палее XIII в. и поздних списках русских летописей,

в перечне племен, живших на р. Оке. О Мещерской земле, «идеже есть мордовский язык», упоминал А. М. Курбский в рассказе об одном из казанских походов (Устрялов Н. Г., 1883, с. 17). Язык мещеры, вероятно составлявший один из диалектов мордовского, не сохранился; население к началу II тысячелетия н. э. полностью было славянизировано.

Археологические памятники мещеры впервые выявлены в 1870—1871 гг. благодаря случайной находке бронзовых украшений близ с. Жабок бывшего Егорьевского уезда Рязанской губ. Среди них были шумящие пронизки и подвески, какие носили мурома и мордва, а также своеобразные фибулы и шумящие подвески арочного типа, отдаленно напоминающие двуглавого коня и выполненные в технике филигрании (табл. XXXVIII). Вещи тогда же были изданы (частично) И. Р. Аспелиным (Aspelin I. R., 1878, tabl. 911—916).

В 1891 г. аналогичные украшения обнаружены на другом конце села вместе с человеческими костями. А. А. Спицын, обследовавший места находок в 1893 г., погребений не обнаружил (ОАК за 1893 г., с. 31, 32).

В начале XX в. во владимирской Мещере были исследованы грунтовые могильники своеобразного облика (карта 20): Закопский (Макаренко Н. Е., 1910) и Пустошенский (Иванов А., 1925).

Шумящие подвески арочного типа, сходные с найденными близ с. Жабок, свидетельствовали о наличии среди погребенных финского этноса с сильным славянским влиянием. Дата могильников — XI—XII вв.

А. А. Спицын (Спицын А. А., 1906в, с. 1—6) и П. П. Ефименко (Ефименко П. П., 1926, с. 61) все эти древности отнесли к культуре мещерских могильников. С ними согласился и А. Л. Монгайт (Монгайт А. Л., 1961, с. 117, 118). Подробно разобрав инвентарь Пустошенского могильника и выделив в нем чуждые (мещерские) элементы, исследователь и этот могильник отнес к славянизированной мещере.

Вероятно, к тому же кругу памятников следует отнести и Левинский могильник (Судогодский р-н Владимирской обл.), вещи из которого, частично изданные Е. И. Горюновой (Горюнова Е. И., 1961, рис. 42, 17), хранятся во Владимирском музее.

В той части Мещерской низменности, которая входит в пределы Московской обл., также найдены характерные подвески в виде стилизованных двуглавых коней. Наиболее ранняя находка — подвеска из д. Бессониha бывшего Коломенского уезда, изданная в 1876 г. (Анастасьев А. М., 1876). П. П. Ефименко объяснил ее появление в вятическом кургане славянизацией местной мещеры. Аналогичные подвески были впоследствии найдены в подмосковных курганах у деревень Бисерово (ГИМ, инв. № 44738) и Акатово (Недошивина Н. Г., 1969, с. 214—227, рис. 31). А. Л. Монгайт полагал, что элементы культуры мещеры можно проследить и в курганах, раскопанных в 1877 г. Ф. Д. Нефедовым в бывшем Касимовском уезде Рязанской губ. Он указывал, что границы распространения культуры мещеры при малом числе известных памятников определить трудно.

Племена культуры рязанско-окских могильников

Самостоятельную группу памятников поволжско-финских племен составляют рязанско-окские могильники, расположенные в среднем течении Оки на участке от устья Москвы-реки до Касимовской возвышенности.

Известны следующие грунтовые могильники этой группы: Борковский (Черепнин А. И., 1894, с. 177—193; 1895а; с. 71—103; 1895б, с. 103—167; 1896а, с. 285—333; Селиванов А. В., 1895, с. 141—150; Спицын А., 1901, с. 26—43), Вахинский (Вакинский) на Шмаковой горе (Городцов В. А., 1905, с. 550—552; Ефименко П. П., А-1921), Дегтянный или Закопищенский (Проходцев И. И., 1914), Дубровичский (Городцов В. А., 1925), Дубровский (Федоров А. Ф., 1904), Конищевский или Фефеловский (Городцов В. А., 1905, с. 578, 579), Кузьминский или Константиновский (Черепнин А. И., 1897, с. 60—73, 234—310; Спицын А. А., 1901, с. 26—43, 87—102), Кулаковский (Черепнин А. И., 1903, с. 115—121), Курманский (Уваров Ф. А., 1890, с. 328—343; Черепнин А. И., Проходцев И. И., 1898, с. 76—81), Польновский или Гавердовский (Черепнин А. И., 1897, с. 56—59), Тырновский (Черепнин А. И., 1896б, с. 25), Шатрищенский или Старо-Рязанский (Спицын А. А., 1901, с. 43, 103, 104; Кравченко Т. А., 1969, с. 93—99; 1974, с. 116—183).

Интереснейшими работами, обобщившими все данные по рязанско-окским могильникам, являются исследования П. П. Ефименко (Ефименко П. П., 1926, с. 59—84; 1937, с. 39—56). На основе анализа вещевого инвентаря и корреляционных таблиц он дифференцировал погребения рязанско-окских могильников на пять последовательных хронологических стадий, начиная с конца I—II в. н. э. до VII в. включительно.

А. П. Смирнов рассматривал материалы рязанско-окских могильников и хронологию их в общем обзоре поволжско-финских древностей бассейна Оки (Смирнов А. П., 1952, с. 111—144). Исследователь согласился с их датировкой, предложенной П. П. Ефименко, и полагал, что нет оснований выделять рязанско-окские могильники в особую группу и «будет более правильно отнести все эти могильники к мешере» (Смирнов А. П., 1952, с. 144).

В обзорах рязанско-окских древностей, написанных А. Л. Монгайтом, серьезно оспорена верхняя дата функционирования этих могильников. Отмечая наличие в отдельных погребениях предметов, несомненно существовавших позже VII в., исследователь считал возможным вслед за А. А. Спицыным датировать наиболее поздние захоронения VIII—X вв. (Монгайт А. Л., 1953, с. 166, 167; 1961, с. 76, 78).

Вопрос о хронологии рязанско-окских могильников позднее был затронут в статье А. К. Амброза (Амброз А. К., 1971б, с. 112—115). Он попытался разработать новую периодизацию древностей обширного ареала рязанско-мордовских могильников. Наиболее ранние погребения рязанско-окских могильников, по А. К. Амброзу, относятся к этапу II, датируемому V в. Новые исследования Шатрищенского могильника показали, что захоронения в нем

совершались с V по первую половину VIII в. (Кравченко Т. А., 1974, с. 120).

Могильники рязанско-окского типа в большинстве случаев насчитывают по несколько сотен погребений. Могильные ямы прямоугольные в плане (с округленными углами), корытообразные внизу. Размеры их 1,8—2,3×0,4—1,1 м при глубине 0,3—1,3 м. Расположение ям бессистемное, но на отдельных участках зафиксированы ряды могил.

Выделяются четыре типа захоронений: трупоположения в ямах (они составляют абсолютное большинство во всех могильниках), погребения отдельных черепов, трупоположения и кенотафы.

Анализ особенностей погребальной обрядности и вещевых инвентарей показывает неоднородность культуры населения, оставившего рязанско-окские могильники (Седов В. В., 1966а, с. 86—104). Для выделения отдельных культурно-этнических компонентов в рассматриваемых древностях наиболее интересным оказывается Борковский могильник.

Расположен этот памятник на окраине г. Рязани, на левом берегу р. Трубеж, недалеко от места ее впадения в Оку. Захоронения Борковского могильника располагались на двух холмах — Придорожном и Жемчужном, — отстоящих один от другого на 120—130 м. А. И. Черепнин при издании материалов раскопок исходил из положения, что погребения на этих двух холмах составляли единый могильник. Согласно корреляционной таблице, приложенной к работе П. П. Ефименко (Ефименко П. П., 1926), Придорожный и Жемчужный бугры использовались для захоронений умерших в одно и то же время, что существенно, чтобы не принимать обнаруживаемые различия за хронологические.

Заметные различия между захоронениями на Придорожном и Жемчужном буграх Борковского могильника прежде всего проявляются в ориентировке трупоположений. Так, на Придорожном бугре всех мужчин хоронили головой на север, а на Жемчужном бугре для всех захоронений характерна восточная ориентировка. Что касается женских погребений Придорожного бугра, то среди них господствует меридиональное положение (13 из 17 погребений) и изредка встречается восточная ориентировка.

Сравнительное изучение меридиональных трупоположений и погребений с восточной ориентировкой обнаруживает заметное различие и в их погребальных инвентарях.

Детальный анализ взаимосвязи вещевых инвентарей с различными типами погребальной обрядности произведен в специальной работе (Седов В. В., 1966, с. 89—92). В результате выявляется, что для меридиональных трупоположений характерны следующие вещи (табл. XXXIX). Шумящие привески различных типов, которые входили в состав ожерелий, нагрудных, головных и поясных украшений (табл. XXXIX, 1, 2, 4, 5, 9—12). Это характерная и самобытная категория женского наряда всех средневековых финских племен Среднего Поволжья. Подковообразные застёжки с концами в виде трубочек, подобные которым получили широкое распространение в мордовских памятниках VII—XI вв. и явились прототипами мокшанских скульгам XI—XIV вв. Толстопроволочные шейные гривны с крючком на одном конце и расплюсченной петлей на дру-

гом (табл. XXXIX, 6—8). Круглопроволочные или узкопластинчатые браслеты с расплюснутыми и срезанными под углом концами (табл. XXXIX, 21), подобные им являются типичными и весьма распространенными в мордовских древностях VII—VIII вв. Синие гранчатые бусы (табл. XXXIX, 13), поясные бляшки южного происхождения (табл. XXXIX, 16—20), пламевидные наконечники копий, наконечники стрел (табл. XXXIX, 15).

Характерным для рассматриваемых трупоположений является постановка глиняных сосудов у головы погребенного. Положение умерших головой на север (или на юг) — обычай, типичный в лесной зоне Восточной Европы исключительно для финно-угорского населения. Такая обрядность получила распространение на обширной территории расселения финно-угорских племен от Прибалтики на западе до Урала на востоке. Обычай погребения умерших в меридиональном направлении тесно связан с финно-угорскими мифологическими представлениями и удерживался у некоторых поволжско-финских народностей до XVII—XVIII вв. В памятниках древней мордвы эта обрядность определенно выявляется в первой половине I тысячелетия н. э.

Таким образом, погребения Борковского могильника, ориентированные на север (реже — на юг), и по ритуалу, и по вещевым инвентарям следует отнести к местному финно-угорскому населению.

Характерным для трупоположений с восточной ориентировкой является совершенно иной набор инвентаря (табл. XL).

Подковообразные застёжки с завернутыми концами (табл. XL, 2, 6, 7). Эти предметы самых разнообразных типов принадлежали к числу излюбленных украшений балтских племен, начиная с раннего железного века, и известны в отдельных местах до XIX в. Подковообразные застёжки с завернутыми концами, аналогичные украшениям рязанско-окских могильников, в могильниках и на поселениях Прибалтики весьма многочисленны. Есть такие находки и в памятниках верхнеднепровских балтов (Третьяков П. Н., Шмидт Е. А., 1963, рис. 4, 22; 11).

Браслеты со змееголовыми концами (табл. XL, 12). Поиски аналогий им уводят в Прибалтику, где распространение украшений, оформленных змеиными головами, связано с бытованием у древних балтов культа змей.

Браслеты, сделанные из толстого дрота и имеющие утолщенно-конические концы (табл. XL, 15). Ареалы этих украшений находятся западнее и юго-западнее среднего течения Оки. В древностях балтов такие браслеты распространены во второй и третьей четвертях I тысячелетия н. э. (Моога Н., 1929; Taf. XXVI, 2, 6; 1938, Fig. 60, S. 430; LLM, 1958, 272, 348—353 *рав.*). Такие же по форме, но менее массивные браслеты известны в памятниках юга Восточно-Европейской равнины.

Арбалетные фибулы (табл. XL, 1), найденные в Борковском и других рязанско-окских могильниках, имеют ближайшие аналогии в западных районах Волго-Окского междуречья и на Смоленщине, в Прибалтике и в южных районах Восточной Европы.

Крестовидные фибулы (табл. XL, 3) рязанско-окских могильников (кроме Борковского, они встречаются в Кузьминском, Курманском, Дубровском и

Польновском могильниках) опять-таки уводят к балтским древностям запада Волго-Окского междуречья (Плетнев В. А., 1903, с. 167; Третьяков П. Н., 1941а, с. 80, 82, рис. 46).

К украшениям, сближающим рязанско-окские могильники с памятниками верхнеокских балтов, принадлежат и своеобразные умбоновидные привески (табл. XL, 11). Они найдены на городищах Федяшевском, Барвихинском, Троицком, Подмокловском, Круглица, на селищах Калашинском и Заречском в бассейне р. Угры. В рязанско-окских могильниках эти украшения использовались иногда как бляшки и в некоторых случаях (например, в Дубровичском могильнике) были снабжены бутылочными привесками.

Витые шейные гривны из трех проволок с концами в виде трех колец из рязанско-окских могильников имеют аналогии среди предметов Мощинского кладя (Булычев Н. И., 1899, с. 18, табл. VIII, 3) и в Литве (LLM, 1958, 89 *рав.*).

Шейные гривны из толстого дрота с проволочной обмоткой на концах и напускными металлическими бусами (табл. XL, 9, 10) из рассматриваемых могильников имеют определенно балтское происхождение. В древних могильниках Литвы это один из распространенных типов шейных украшений (Mooga H., 1929, Tabl. XIV, 5; 1938, S. 312, 313; LLM, 1958, 279 *рав.*). Найдены такие гривны и в западной части Волго-Окского междуречья.

Головной убор, состоящий из нескольких рядов спиральных пронизок, разделенных пластинами-бляшками, весьма характерен для ряда балтских племен (Zariņa A., 1960, 79—84 *pl.*). Такой же головной убор бытовал у днепровских и окских балтов, о чем свидетельствуют находки в длинных и круглых курганах VII—XI вв. и на Мощинском городище. Нужно полагать, что в ареал рязанско-окских могильников аналогичный головной убор был занесен переселенцами из западных районов. Однако этот убор был перенят местными поволжскими финнами и бытовал в среде мордвы до развитого средневековья.

Трех- или шестилепестные височные привески рязанско-окских могильников (табл. XL, 14) также составляют особенность женских захоронений с восточной ориентировкой. Их ближайшие аналогии опять-таки находим в Прибалтике.

О связях балтов западных районов Волго-Окского междуречья с населением рязанского течения Оки свидетельствует также керамический материал. Профилированные горшки, широкие миски с прямой цилиндрической верхней частью и усеченно-коническим низом, миски с округлыми плечиками (с черной или светло-коричневой лощеной поверхностью) принадлежат к мощинской культуре (Седов В. В., 1982, с. 41—45). Лощеные сосуды мощинского типа встречаются в Борковском, Кузьминском, Дубровичском и Шатрищенском могильниках, а также на одновременных с ними поселениях рязанского течения Оки — Троице-Пеленицком, Вышгородском, Шатрищенском и Казарском городищах (Городцов В. А., 1925, с. 9; Трубникова Н. В., 1953, с. 82; Монгайт А. Л., 1961, с. 79). По мере продвижения на восток процент лощеной керамики на поселениях заметно уменьшается. Исследователи давно высказы-

ли предположение о проникновении этой керамики в рязанское течение Оки с запада (Третьяков П. Н., 1941б, с. 28; Трубникова Н. В., 1953, с. 82).

Наряду с труположениями, в Борковском могильнике открыто сравнительно небольшое число захоронений, совершенных по обряду кремации умерших. Вещевой инвентарь, встреченный в последних, не оставляет сомнения в отнесении трупосожжений к той этнической группировке населения, которая хоронила умерших по обряду труположения с восточной ориентировкой.

Погребения с северной и восточной ориентировкой Борковского могильника иногда отличаются и по местонахождению сопровождающих предметов. Так, нагрудные подковообразные застёжки в мужских погребениях Жемчужного бугра (могилы 90, 96, 97, 99, 111) найдены там, где они обычно носились. В захоронениях Придорожного бугра эти застёжки не имеют определенного места. Так, в могилах 35 и 63 они найдены на поясах погребенных, в погребении 5 — на лбу, в погребении 73 — на плечах и только в могилах 60 и 71 — на груди. Это позволяет думать, что для населения, хоронившего умерших на Придорожном бугре, эта принадлежность одежды была новинкой.

Две части Борковского могильника следует считать разнородными кладбищами. Основная часть погребений, раскопанных на Жемчужном бугре, оставлена населением, у которого бытовал обряд труположения с восточной ориентировкой. Могильник на Придорожном бугре в основном оставлен иной группой населения, которому были свойственны меридиональные захоронения. Смешанные по инвентарю захоронения Придорожного кладбища, вероятно, принадлежали метисному населению. Длительное соседство двух этнических групп населения в конечном счете и должно было привести к метисации и ассимиляции одной племенной группировки другой. Наиболее поздние захоронения Борковского могильника, судя по инвентарям, должны быть отнесены к населению, которое хоронило умерших в меридиональном положении. В связи с этим можно предполагать, что население, которому была свойственна восточная ориентировка погребенных, постепенно было ассимилировано.

Анализ обрядности и инвентарей других рязанско-окских могильников обнаруживает в составе населения, оставившего их, те же две этнические группы. Так, в Курманском могильнике эти группы занимали обособленное положение — могилы с захоронениями головой на север сосредоточены в северной части кладбища, в то время как погребения с восточной ориентировкой и трупосожжения сконцентрированы в южной (Седов В. В., 1966, с. 94, рис. 2).

На некоторых могильниках, правда, признаки этих групп выявляются не так отчетливо, как на материалах Борковского кладбища. Отчасти это обусловлено или заметно меньшим числом исследованных могил, или недостаточной полевой документацией. Вместе с тем следует учитывать, что какая-то часть рязанско-окских могильников относится уже к тому периоду, когда в результате метисации и ассимиляции этнографические особенности разнородных группировок населения в той или иной мере

стерлись. Большое число труположений, ориентированных на северо-восток, в рязанско-окских могильниках, скорее всего, является следствием смешения выделяемых групп окского населения.

Так, материалы Кузьминского могильника выявляют значительную смешанность населения, оставившего памятник. Об этом говорит и ориентировка покойников. Преобладающими здесь являются направления северо-восток—юго-запад и юго-восток—северо-запад (88% мужских и 85% женских труположений). Все же при наличии богатого погребального инвентаря труположения Кузьминского могильника дают возможность выделить среди них могилы типа меридиональных погребений и захоронения типа Жемчужного бугра Борковского могильника. Правда, почти треть женских труположений оказывается со смешанным инвентарем.

Какие же этнические группы населения занимали среднее течение Оки в эпоху функционирования рязанско-окских могильников? Вопроса об этнической принадлежности населения, оставившего рязанско-окские могильники, касались многие ученые. Исследователь Борковского и Кузьминского могильников А. И. Черепнин, основываясь на разнородности погребальной обрядности в них и исходя из положения, что произвол в выборе ритуала был недопустим в древности, предполагал разнородный состав населения рязанского течения Оки. По мнению А. И. Черепнина, основным этническим элементом окского населения в эпоху рассматриваемых могильников были восточнофинские племена. Вместе с тем коренное население края в это время утратило самостоятельность и смешалось с пришлыми племенами тюркского происхождения. Исследователь отмечал далее, что в рязанско-окских могильниках среди погребений с трупосожжением возможны и славянские захоронения (Черепнин А. И., 1896а, с. 299—333; 1896б, с. 35—37; 1899, с. 55—58). Эту точку зрения разделял А. В. Селиванов (Селиванов А. В., 1909, с. 14, 15).

Однако позднее мнение А. И. Черепнина не было принято. А. А. Спицын, В. А. Городцов, Ю. В. Готье, А. М. Тальгрэн, П. С. Рыков и другие археологи рассматривали рязанско-окские могильники как памятники исключительно восточнофинского (иногда точнее — древнемордовского) населения (Городцов В. А., 1909, с. 138, 139; 1910, с. 440—447; Готье Ю. В., 1930, с. 149, 150; Рыков П. С., 1933, с. 63—65; Tallgren A. M., 1929, S. 37—39). П. П. Ефименко в первой работе, посвященной этой группе археологических памятников, допускал, что племена, оставившие рязанско-окские могильники, по своему происхождению не связаны с восточными финнами, известными по дьяковским и городецким городищам. Это было пришлое население, которое по неизвестным причинам исчезло приблизительно в VII в. (Ефименко П. П., 1926, с. 81). Однако во второй статье П. П. Ефименко отказывается от миграционистской точки зрения и объясняет возникновение культуры рязанских могильников развитием у местных племен пастушеского скотоводства (Ефименко П. П., 1937, с. 45—47).

Позднее были намечены связи между культурой городецких городищ и культурой рязанско-окских могильников. Так, А. П. Смирнов утверждал, что го-

родецкая культура непосредственно трансформируется в культуру рязанских могильников, поэтому население городецкой культуры можно считать предками племен, оставивших рязанско-окские могильники. Таким образом, по мнению исследователя, эти могильники оставлены местным поволжско-финским населением, конкретнее мешерой, исчезнувшей в процессе славянского расселения (Смирнов А. П., 1952, с. 45–53, 143, 144). Аналогичную точку зрения отстаивал А. Л. Монгайт (Монгайт А. Л., 1961, с. 72–76). Оба исследователя высказывали догадку, что в погребениях с обрядом кремации рязанско-окских могильников следует видеть славянские захоронения (Смирнов А. П., 1952, с. 141, 142; Монгайт А. Л., 1961, с. 78–80).

Однако ученые, отстаивавшие полное единство и прямую генетическую линию развития городецкой культуры и культуры населения, оставившего рязанско-окские могильники, не объясняют, чем же вызваны те заметные изменения, которые обнаруживаются в рязанско-окских могильных древностях. Различия между этими культурами не говорят о смене населения, но происхождение рязанско-окских могильников со своеобразной культурой невозможно объяснить только эволюцией городецких древностей.

Выделение двух культурных групп в составе древностей рязанско-окских могильников дает основание утверждать, что при их формировании имела место миграция нового населения. При этом прежние племена, поволжско-финские по языку, не покинули мест своего обитания и составили костяк населения, оставившего рязанско-окские могильники.

Откуда же пришло население, оставившее в рязанско-окских могильниках трупосожжения и трупоположения с восточной ориентировкой? Большинство вещей, характерных для таких захоронений, как уже отмечалось, имеют весьма многочисленные аналогии в древностях балтов. В эпоху возникновения рязанско-окских могильников балтские племена заселяли обширные области Восточной Европы. Восточная часть их ареала включала западные районы Волго-Окского междуречья и бассейн Верхней Оки (Моора Х. А., 1958, с. 23–27; Третьяков П. Н., 1966, с. 145–173; Седов В. В., 1970б, с. 25–47). Однако отчетливого региона, откуда могло прийти на Среднюю Оку население, оставившее часть погребений рязанско-окских могильников и наложившее серьезный отпечаток на развитие культуры местных поволжско-финских племен, не выявляется.

Наиболее вероятной областью, откуда шла миграция на Среднюю Оку, является бассейн Верхней Оки. В трупосожжениях рязанско-окских могильников, вещевой материал которых, что уже подчеркивалось, идентичен инвентарю трупоположений с восточной ориентировкой, нужно видеть балтов — выходцев с Верхней Оки.

Происхождение обряда трупоположения с восточной ориентировкой в рязанско-окских могильниках объяснимо смешением вторгшихся сюда балтов с аборигенами. Действительно, рязанско-окские могильники стали кладбищами, общими для местных финно-угров и пришлых балтов. Изменение погребальной обрядности балтов рязанского течения Оки (смена обряда трупосожжения, характерного для

верхнеокских балтов, на обряд ингумации) произошло, скорее всего, под воздействием ритуала аборигенного населения. Особая ориентировка трупоположений балтского населения, по-видимому, обусловлена типичным для восточных балтов положением умерших на погребальный костер головой к востоку (Седов В. В., 1961, с. 119, 120).

Миграция балтоязычного населения в области расселения поволжско-финских племен не ограничилась рязанским течением Оки. Отдельные группы балтов прошли далее к востоку. Об этом, в частности, говорят материалы Кошибеевского могильника (Спицын А. А., 1901, с. 10–24, 55–71), а также поразительное сходство ряда предметов мордовской женской одежды VII–XII вв. (головные венчики, шейные гривны, некоторые типы браслетов) с типично балтскими украшениями. В Кошибеевском могильнике около 40% погребенных были положены в могилу головой к востоку, а вещевой материал их не оставляет сомнений в приходе происхождения части населения, оставившего этот памятник.

Предложенные археологические наблюдения находят подтверждение в материалах языкознания и ономастики. Еще в конце прошлого столетия В. Томсен выявил в поволжско-финских, и особенно в мордовских языках слова балтского происхождения (Thomsen V., 1890). Перечень балтских заимствований в восточнофинских языках позднее был пополнен (Серебрянников Б. А., 1957, с. 69–73; Кнабе Г. С., 1962, с. 65–76). На основе топонимических данных мысль о распространении балтов в древности далеко на восток от Поднепровья — на среднюю Оку и далее в Тамбовскую и Пензенскую губернии, где жили финно-угры, — высказывал А. Л. Погодин (Погодин А. Л., 1901, с. 92, 93), а позднее и другие исследователи.

Население культуры рязанско-окских могильников жило на городищах городецкой культуры. Обе культуры генетически связаны между собой. О непрерывной линии развития культуры, созданной племенами городецкой культуры и культуры рязанско-окских могильников, можно говорить на основании керамического материала. Горшкообразные сосуды городецких городищ середины и третьей четверти I тысячелетия н. э. по своим формам и технологиям изготовления идентичны керамике рязанско-окских могильников. На многих городищах городецкой культуры в слоях, синхронных рязанско-окским могильникам, встречаются вещевые находки, характерные для этих могильников. На Троице-Пеленицком городище в инвентаре обнаруживается эволюция от слоев городецкой культуры к напластованиям времени рязанско-окских могильников. Здесь найдена и керамика с рогожными отпечатками городецкой культуры, и типичные для рязанско-окских могильников неорнаментированные баночные горшки, и сосуды с лощеной черной или коричневой поверхностью. Обычны здесь и предметы, идентичные вещам из могильников: листовидное втульчатое копье, трапецевидные и конические привески, бронзовые пряжки с концами в виде трубочки, льячки и др. Найдена на Троице-Пеленицком городище и литейная форма для изготовления подвесок с прорезями и веревочным орнаментом, распространенных в рязанско-окских могильниках.

Керамические материалы, типичные для рязанско-окских могильников, найдены также на городищах Вышгородском, Борисоглебском, Луховицком I (Палецком), Чертовом (Елшанском), Казарском, Вуколов Бугор и других, нижние напластования которых принадлежат к городецкой культуре (Монгайт А. Л., 1961, с. 72–74).

Некоторые городища городецкой культуры были покинуты населением в середине I тысячелетия н. э. По-видимому, это обусловлено было сменой типов поселений — население в это время осваивало селища. Последние пока очень слабо изучены. Раскопками одного из них в Борках зафиксированы последовательные наслоения от культуры рогожной керамики до культуры рязанско-окских могильников.

К сожалению, для характеристики домостроительства и других деталей культуры рассматриваемых могильников материалов пока нет.

Таким образом, можно утверждать, что местным финноязычным населением, принявшим участие в формировании культуры рязанско-окских могильников, были потомки племен городецкой культуры. Как уже отмечалось, А. П. Смирнов полагал, что это население было мешерой, другие исследователи относят среднеокские племена середины и второй половины I тысячелетия н. э. к мордве. Вполне определенно утверждать, что это были мордовские или мешерские племена, нельзя. Может быть, племена культуры рязанско-окских могильников принадлежали к какой-то отдельной этнодиалектной группе поволжско-финского населения.

Весьма интересными памятниками культуры рязанско-окских могильников являются святилища, открытые и исследованные раскопками в последние годы. Одно из них изучено на северном мысу Старорязанского городища, где в эпоху городецкой культуры существовало укрепленное поселение с валом и рвом с напольной стороны. В период культуры рязанско-окских могильников слой древнего поселения был спланирован, и здесь было устроено языческое святилище (Розенфельдт И. Г., 1969, с. 172–178; 1974, с. 93–115).

Культовое сооружение состояло из семи жертвенников, расположенных по кругу. Каждый из них представлял собой овальное (реже округлое) углубление, вытянутое в направлении север–юг. Средние размеры жертвенников 2,5×2 м при глубине до 0,5 м. По краям этих ям в древности имелись столбовые оградки. Столбы располагались близко, иногда вплотную друг к другу. В заполнениях жертвенников выявлено много угля и золы, на основании чего можно думать о разведении в них ритуальных костров. Среди угольно-зольных остатков встречено множество керамических фрагментов, обугленные зерна мягкой пшеницы и ячменя, а также кости животных (лошадь, корова, кабан), иногда расколотые. Найдены здесь отдельные бытовые вещи (железные ножи, глиняное и известняковое пряслице, глиняное грузило) и украшения (шумящие привески, бубенчики, обломки браслетов, серьга салтовского типа, стеклянные бусы).

Система жертвенников была обнесена круговой оградкой. В центре этой системы, вероятно, находился столб — идол. Однако срединная часть культового сооружения оказалась разрушенной поздней-

шей полуземлянкой. Святилище функционировало в VI–VIII вв.

Аналогичные культовые ямы, оконтуренные столбиками, исследованы были на Шатрищенском могильнике. Дата их — V–VII вв. (Кравченко Т. А., 1974, с. 126–130).

Начиная с VIII–IX вв. области среднего течения Оки активно заселяются славянами. Племена культуры рязанских могильников в основном не покинули мест своего обитания, постепенно были славянизированы и вошли в состав древнерусского населения Рязанской земли.

Мордва

Мордва — современная народность финно-угорских народов Поволжья, составляющая коренное население Мордовской АССР. Живет также в отдельных районах Горьковской, Пензенской, Саратовской, Куйбышевской и Ульяновской областей. Основные группы мордвы — эрзя и мокша, сохранившие племенные и этнические самоназвания и говорящие на разных, хотя и близких, языках. Несколько различаются эти группы и антропологически (Цветкова Н. Н., 1982, с. 183–200).

Формирование мордвы происходило в междуречьях Оки, Волги, Цны, Суры, Алатыря. Древнейшая область обитания эрзи — бассейн Суры, мокши — бассейн одноименной реки.

Древнейшее упоминание о мордве (*mordens*) содержится в труде историка VI в. Иордана (Иордан, 1960, с. 150). Византийский император Константин Багрянородный (X в.) в сочинении «Об управлении империей» называет страну Мордия — *Mordi* (Константин Багрянородный, с. 298). Русская летопись указывает на местоположение мордвы и ее даннические отношения с Русью: «А по Оце реце, где втечет в Волгу... мордва свой язык... А се суть инии языци, иже дань дають Руси: чудь, меря, весь, мурома, черемись, мордва...» (ПВЛ, I, 1950, с. 13). В дальнейшем летопись упоминает о мордве только под 1103 г.: «Того же лета бияся Ярославъ с мордовою месяца марта в 4 день, и побеженъ бысть Ярославъ» (ПВЛ, I, 1950, с. 185).

В рассказах о событиях XII–XIII вв. русские источники неоднократно упоминают о мордве, ее племенных князьях Пуреше и Пургосе (Пургасе), их междоусобной борьбе. Уже в XIII в. мордва частично входила в состав Рязанского и Нижегородского княжеств. После 1236 г. она находилась под игом Золотой Орды. С падением Казанского ханства (1552 г.) мордва добровольно вошла в состав Русского государства.

Поиски археологических памятников мордвы ведутся более 100 лет. Историография вопроса огромна. В настоящем очерке ограничимся упоминанием наиболее значительных фактов, отсылая читателя к обобщающим разделам работ М. Ф. Жиганова (Жиганов М. Ф., 1959а, с. 5–12; 1976б, с. 5–14) и М. Р. Полесских (Полесских М. Р., 1970а).

В 1869 г. в 12 км от Тамбова при сооружении моста через р. Ляду был открыт могильник X–XI вв., вещи из которого в 1877 г. частично опубли-

кованы И. Р. Аспелиным и атрибутированы как мордовские (Aspelin J. R., 1877, р. 181—187). В 1888 г. Лядинский могильник раскапывался В. Н. Ястребовым (Ястребов В. Н., 1893). В 90-х годах XIX в. раскопки ранних и позднесредневековых могильников и городищ мордвы вел А. А. Спицын (ОАК за 1894 г., с. 45—51).

Эпоху в изучении мордовских древностей составили раскопки В. Н. Поливановым в 90-х годах XIX в. одного из крупнейших могильников (свыше 400 могил) мордвы XIV в. — Муранского (Поливанов В. Н., 1896). Работами А. А. Спицына и В. Н. Поливанова была установлена ретроспективная связь между могильниками мордвы-мокши XIV и XVII вв. и грунтовыми могильниками лядинского типа. Этническим признаком погребений мокши признана южная ориентировка, в отличие от северной у эрзи. В целом же предоктябрьский период в изучении мордвы можно назвать временем накопления фактов.

В 20—30-х годах XX в. ряд научных учреждений Москвы (Центральный музей народов СССР, Государственный Исторический музей, Институт антропологии при МГУ, ИИМК АН СССР) занимались исследованиями археологических памятников средневековой мордвы (Алихова А. Е., 1948а, с. 173—211; 1948б, с. 212—258; Горюнова Е. И., 1948а, с. 112—137; 1948б, с. 56—87; 1948в, с. 88—111; 1948г, с. 6—55). Экспедиции и отряды возглавляли Б. С. Жуков, П. П. Ефименко, Е. И. Горюнова, М. В. Воеводский, А. Е. Алихова.

Для А. Е. Алиховой археология мордвы стала делом всей жизни. Ею предложена первая классификация и хронология мордовских могильников X—XIV вв. (Алихова А. Е., 1949а, 1949б; 1958, с. 66—77), написан ряд работ по этногенезу и этнической истории мордвы (Алихова А. Е., 1959а, с. 13, 14; 1965б, с. 142—143; 1965в, с. 62—63).

Публикация полевых исследований 20—30-х годов осуществлена в Археологическом сборнике, вышедшем под редакцией Ю. В. Готье в 1948 г. в Саранске (Археологический сборник, 1948). Итоги исследования этих лет были обобщены А. П. Смирновым (Смирнов А. П., 1940; 1952, с. 152—156).

В 20—30-х годах XX в. наряду с Москвой научными центрами по изучению археологических памятников мордвы становятся Саратов, Тамбов, Пенза, Саранск. В Саратове полевую работу возглавлял П. С. Рыков. Им исследованы памятники, имевшие выдающееся значение (Армиевский могильник), издавались труды по археологии и истории мордвы (Рыков П. С., 1929; 1933, 1936, с. 62—66, 115—143).

Экспедициями Тамбовского и Моршанского краеведческих музеев много лет руководил П. П. Иванов. В 1927—1936 гг. он открыл и исследовал несколько могильников, в том числе Крюково-Кужновский, Пановский, Елизавет-Михайловский на р. Цне, давших в общей сложности 866 погребений VIII—XI вв. (Иванов П. П., 1952; Среднецининская мордва, 1969).

Плановые и систематические работы по археологии мордвы ведет начиная с 30-х годов XX в. Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР. С 50-х годов к ним подключился Мордовский краеведческий музей.

Под руководством П. Д. Степанова производились поиски и раскопки поселений I тысячелетия н. э., изучались система их укреплений, характер хозяйственной деятельности населения. Особое внимание уделялось сельскохозяйственным орудиям и выяснению роли земледелия. Было высказано мнение о возникновении пахенного земледелия у мордвы в VI—IX вв. (Степанов П. Д., 1956; 1967).

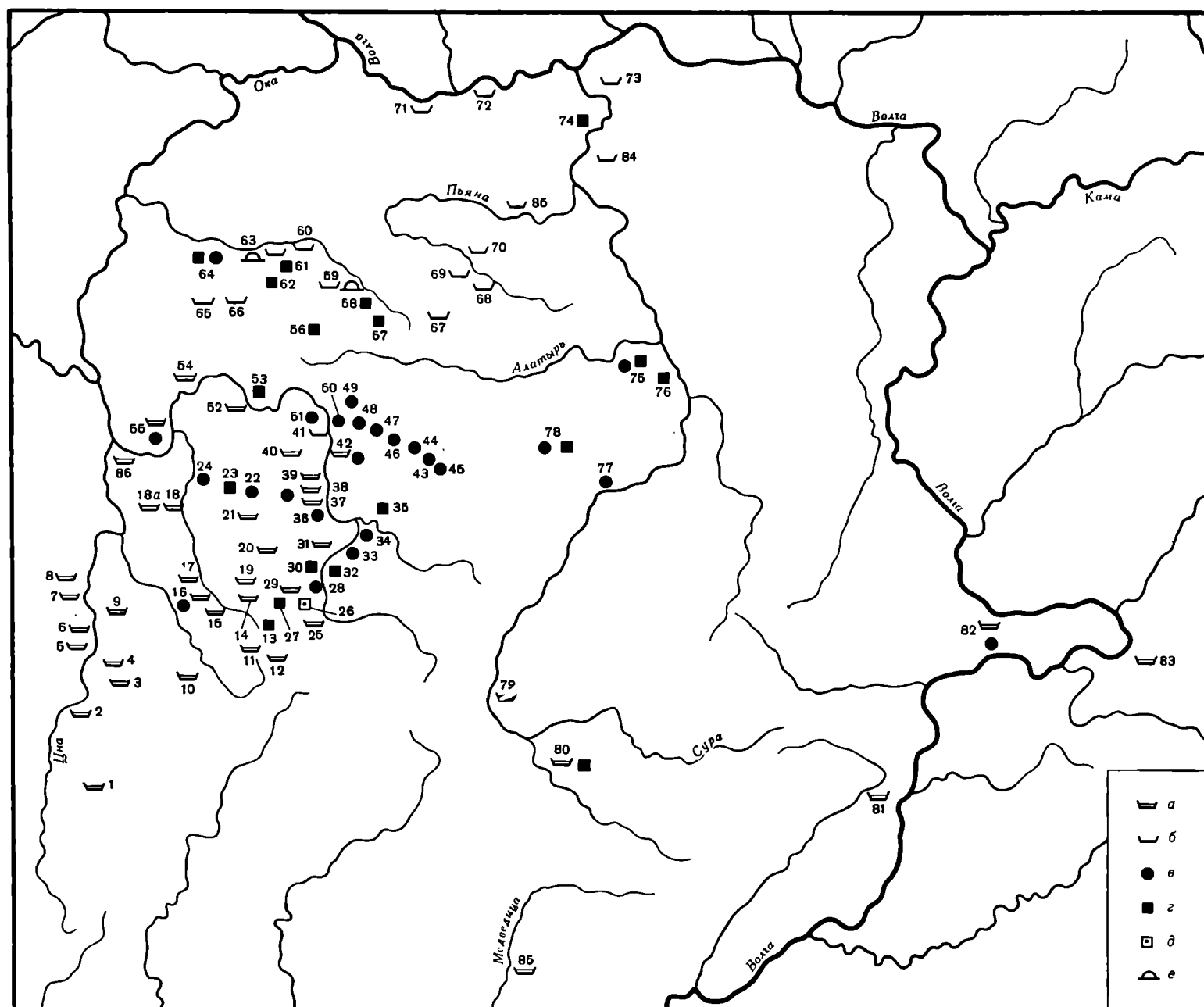
В 1957—1959 гг. М. Ф. Жиганов раскопал могильник VI—X вв. у пос. Заря на р. Вад. В дальнейшем его исследования переносятся в северные, менее изученные районы древней мордовской территории. В 1955—1956 гг. в долине р. Теша он вел раскопки Старшего Кужендеевского могильника VI—VIII вв., а в 50—60-х годах на правобережье Волги исследовал самый северный из мордовских могильников — Волчихинский (VI—IX вв.). Материалы могильников внесли много нового в разрешение вопроса о сложении мордвы-эрзи (Жиганов М. Ф., 1959б, с. 62—97; 1959 г., с. 218—227; 1961, с. 158—178).

С 60-х годов в поиски и исследования средневековых памятников мордвы включились экспедиции Мордовского государственного университета. В среднем течении р. Мокша А. В. Циркиным были открыты городища со слоями VI—VII вв. В 1967—1969 гг. им же исследовался в нижнем течении Мокши Шокшинский могильник VI—X вв., оставленный смешанным муро-мордовским населением (Циркин А. В., 1969, с. 165—169; 1970, с. 163; 1972, с. 155—170). Новые данные о пахенном земледелии у мордвы получены в результате находок двух кладов сельскохозяйственных орудий XII—XIII вв. — Киржемановского (Циркин А. В., 1967, с. 99) и Нижнеборковского (Циркин А. В., 1971, с. 276—281).

В 70—80-х годах археологические экспедиции научных учреждений Мордовской АССР продолжали исследования средневековых могильников бассейна р. Мокша. В 1970—1972 гг. В. Н. Шитов вел работы на Старокадомском могильнике VI—VII вв. (Шитов В. Н., 1971, с. 169—170; 1972, с. 225—226; Ледайкин В. И., Разживин В. Ф., Шитов В. Н., 1972, с. 173—174). На р. Вад И. М. Петербургский в 1972—1982 гг. раскапывал интересные могильники мордвы-мокши: Журавкинский II (IX—X вв.), Старобадиковский II (VIII — начало XI в.) и Старобадиковский I (XI—XIV вв.) (Мартынов В. Н., Петербургский И. М., Шитов В. Н., 1975, с. 164, 165; Петербургский И. М., Разживин В. Ф., 1976, с. 193, 194; Петербургский И. М., Чуистова Л. И., Зеленева Ю. А., 1977, с. 172, 173; Петербургский И. М., Чуистова Л. И., Зеленева Ю. А., Беляев Я. В., 1978, с. 194, 195; Петербургский И. М., Чуистова Л. И., Беляев Я. В., 1979, с. 196, 197; Петербургский И. М., 1979, с. 57—103; 1980, с. 166—169; 1981, с. 150).

В 1970—1975 гг. М. Ф. Жиганов исследовал в долине р. Теша один из ранних могильников мордвы середины I тысячелетия н. э. — Абрамовский (Жиганов М. Ф., 1971, с. 171; 1972, с. 294; 1976, с. 45—46; Жиганов М. Ф., Зеленева Ю. А., Сурков А. В., 1974, с. 150, 151; Авдеев А. М., Богачев А. Ф., Жиганов М. Ф., Зеленева Ю. А., 1975, с. 132).

С 1969 г. Н. В. Трубникова, а в 1970—1972 гг. Р. Ф. Воронина продолжили раскопки, начатые П. П. Ефименко на Ивановском могильнике V—

Карта 21. Археологические памятники мордвы VI—XV вв.

а — могильники с северной ориентировкой; б — могильники с южной ориентировкой; в — селище; г — городище; д — город; е — курганы; 1 — Ляда; 2 — Кулеватово; 3 — Паново; 4 — Елизавет-Михайловка; 5 — Крюково-Кужново; 6 — Моршанск; 7 — Давыдово; 8 — Томниково; 9 — Серпово; 10 — Мало-Ажмирское; 11 — Большое Луговое; 12 — Кармелейка; 13 — Жуков; 14 — Калиновка; 15 — Старое Бадиково I; 16 — Старое Бадиково II; 17 — Журавкино; 18, 18а — «Заря»; 19 — Пичпанда; 20 — Кельгинино; 21 — Куликово; 22 — «Чертово селище»; 23 — Кудеярово; 24 — Ново-Четовское; 25 — Старая Сотня; 26 — Наровчат; 27 — Опкень-Ланце; 28 — Полянки; 29 — Паньжа; 30 — Самозлейское; 31 — Красный Восток; 32 — Ковылайское; 33 — Покровка; 34 — Токмово; 35 — Ново-Пшеново; 36 — Троицк; 37 — Черемис; 38 — Ефаево; 39 — Мордовские Парки; 40 — Мордовская Козловка; 41 — Мешанский лес; 42 — Тенишево; 43 — Староизморгское I; 44 — Староизморгское II; 45 — Староизморгское III; 46 — Хитровское; 47 — Красный городок; 48 — Ключовка 2; 49 — Ключовка 3; 50 — Ключовка 4; 51 — Старо-Девичье; 52 — Нароватово; 53 — Итяково; 54 — Шокша; 55 — Старый Кадом; 56 — Хозино; 57 — Федоровка; 58 — Понетаево; 59 — Корино; 60 — Абрамово; 61 — Хохлово; 62 — Надеждино; 63 — Погиблово; 64 — Сакон; 65 — Младшее Кужендеево; 66 — Старшее Кужендеево; 67 — Перемчалок; 68 — Гагино; 69 — Борнуково; 70 — Ичалки; 71 — Сарлей; 72 — Волчихино; 73 — Иваново; 74 — Ножа-Вар; 75 — Ош-Пандо; 76 — Ашва-Пандо; 77 — Мартьяновка; 78 —

Енгалычево; 79 — Малый Селиксенский могильник; 80 — Армиево; 81 — Черемшанский; 82 — Муравский; 83 — Барабошинский; 84 — Таутово; 85 — Сергач; 86 — Кошибеево

VII вв., принадлежавшем нижнесурской группе мордвы (Каховский В. Ф., Краснов Ю. А., Ошибкина С. В., Трубникова Н. В., Халиков А. Х., Черников В. Ф., 1970, с. 133; Архипов Г. А., Воронина Р. Ф., Каховский В. Ф., Краснов Ю. А., Патрушев В. С., Цветкова И. К., Черников В. Ф., 1971, с. 137; Воронина Р. Ф., Колышницына О. М., 1972, с. 181; Вайнер И. С., Воронина Р. Ф., Каховский В. Ф. и др., 1973, с. 162).

В 70–80-х годах мордовские археологии уделяют больше внимания раскопкам средневековых поселений. Был обследован и подвергнут небольшому раскопкам ряд городищ с незначительным культурным слоем IX–X вв. в пределах Горьковской обл. (бассейн р. Теша). Систематические раскопки проводились только на двух городищах X–XIII вв.: В. Н. Мартянов исследовал Федоровское городище («Стенькин городок») на левом притоке р. Теша —

р. Эльтеме, а В. Н. Вихляев копал в 1976–1977 гг. Жуковское II городище на р. Вад. Публикация материалов носит предварительный характер.

Средневековые селища мордвы разведаны в большом количестве, но раскапывались лишь единицы. В 1979–1982 гг. И. М. Петербургский исследовал Старобадиковское II поселение VII–XI вв., где впервые были получены данные о полужемляночных жилищах средневековой мордвы (Петербургский И. М., 1981, с. 150). Ю. А. Зеленева вел раскопки поселения Шаверское IV на р. Мокша, на котором также впервые частично вскрыта крестьянская усадьба XIV–XV вв.

Традиционным типом поселения на территории мордвы являлись городища. Большинство их относится к городищной культуре (VII в. до н. э. — начало I тысячелетия н. э.). На многих городищных городищах жизнь продолжалась и в середине — второй половине I тысячелетия н. э. (карта 24).

В верхнем течении Суры это Армиевские городища, открытые П. С. Рыковым (Рыков П. С., 1936, с. 64–66), и городище Ахун с керамикой VIII–IX вв. (Полесских М. Р., 1977, с. 175). В бассейне рек Мокша и Вад к числу таких городищ относятся: Новошенинское (Вихляев В. И., 1981), Стародевичье, Коньгуши (Циркин А. В., 1970, с. 164), Самозлейское, Шаверское, Ковалейское (Циркин А. В., 1968, с. 128, 129). На левобережье среднего течения Суры слой VI–IX вв. был обнаружен П. Д. Степановым на городищах Ашно-Пандо и Ош-Пандо (Степанов П. Д., 1948, с. 38–42; 1951, с. 136–148; 1956, с. 69–73; 1967). Городища принадлежат к типу мысовых, устроены обычно на второй террасе или на незатопляемых мысах первой речной террасы. Мордовские средневековые слои незначительны (0,2–0,4 м). Верхняя площадка таких городищ, как Сайнинское (Ош-Пандо), имеет размеры 95×40 м. С напольной стороны городища обычно защищены одним или двумя валами и рвом.

На юге Горьковской обл. в бассейне р. Теша М. Ф. Жиганов обследовал ряд многослойных городищ, верхний горизонт которых датируется IX–X вв. Это городища Саковское, Хохловское, Надеждинское (Жиганов М. Ф., 1959б; Жиганов М. Ф., Авдеев А. М., Елисеев А. В., Прокудин В. П., 1977, с. 148, 149). Там же В. Н. Мартыновым изучались городища, возникшие предположительно на рубеже I и II тысячелетий н. э.: Хозинское и Федоровское (табл. XLI, 1, 2). К ним, по-видимому, относится и Понетаевское городище в верховьях р. Сатис, правого притока Мокши (Ледяйкин В. И., Мартынов В. Н., Шитов В. Н., 1974, с. 161, 162; Мартынов В. Н., 1976а, с. 150–157).

Почти все эти городища мысовые, с незначительным (0,2–0,3 м) и бедным культурным слоем. Большинство их укреплено только со стороны поля одним или, как Надеждинское городище, тремя валами и двумя рвами. Хозинское и Федоровское городища имели особо мощные укрепления: вал вокруг площадки и дополнительные валы и рвы со стороны поля. Высота кольцевого вала этих двух городищ с напольной стороны достигала 3 м, а размеры площадки — 10 тыс. кв. м и более. Почти все городища находятся вдали от больших рек, в верховьях оврагов. Исключением является Понетаевское городище,

расположенное на ровном месте. Оно имеет округлую в плане форму, размеры 127×117 м, обнесено кольцевым валом высотой до 1,3 м и двумя рвами — внешним и внутренним.

Значительные раскопки производились на Федоровском городище. Вал его насыпан из песка и обожженной глины. Обнаружены основание наземной постройки столбовой конструкции и очаги, сложенные из камней, в ямах, вырытых в материке. В. Н. Мартынов полагает, что обследованные им городища служили убежищами — «твердыми», в которых население укрывалось в минуты опасности, как сообщает летопись: «...а мордва вбега в лесы своя и тверди...» (ПСРЛ, I, 1962; с. 451). Территориально район этих городищ можно связать с летописной «Пургосовой волостью» (Мартынов В. Н., 1976а, с. 150–157; 1979, с. 148–156; Мартынов В. Н., Шитов В. И., 1976, с. 185–186; 1977, с. 161; 1978, с. 184; 1979, с. 187).

На Вад В. И. Вихляевым раскапывалось Жуковское II городище начала II тысячелетия н. э. Подчетыреугольная площадка его окружена глубокими оврагами; со стороны поля имеются два вала и рвы. Культурный слой достигает толщины 0,35 м. Раскопано сооружение, напоминающее гончарный горн. Сведений о домостроительстве и топографии поселения нет. Найдена лепная и круговая (в том числе болгарская) посуда, изделия из шифера, бусы. В. И. Вихляев рассматривает поселение как укрепленный ремесленно-торговый центр (Вихляев В. И., Халин В. В., 1977, с. 135; 136; 1978, с. 161). Только одно городище представляло собой руины города — единственного в земле мордвы. Это город Мохша (современный город Наровчат Пензенской обл.), получивший название по племени мокша или по р. Мокша, на которой он находился. Площадь городища свыше 400 кв. м. Предполагают, что город основан татарами на месте мордовского поселения в конце XIII в.; рядом, в слободе Старой Сотне, находится мордовский могильник XIII–XIV вв. В XIV в. Мохша был одним из крупных провинциальных городов Золотой Орды. Здесь производилась собственная чеканка монет. Раскопками А. А. Кроткова в 1925–1926 гг. и А. Е. Алиховой в 1959–1960 гг. вскрыты остатки кирпичных зданий с системой подпольного отопления, фундаменты пяти мавзолеев, кирпичные горны для обжига глиняной посуды (Алихова А. Е., 1973, с. 226–237; Жиганов М. Ф., 1976, с. 75–78). В числе ремесленного населения города была и мордва.

Средневековые селища мордвы разведаны в большом количестве, но раскапывались мало. Обычно они располагаются вблизи городищ, на второй речной террасе или на прибрежных мысах, песчаных дюнах (Циркин А. В., 1970, с. 163, 164). Выявлено расположение селищ гнездами. Так, на правобережье р. Сивинь при ее впадении в Мокшу на протяжении 20 км берега обнаружено пять селищ второй половины I — начала II тысячелетия н. э. Размеры селищ совпадали с величиной приречного мыса или дюны и не превышали в длину 60–80 м, а культурный слой составлял около 0,2 м (Петербургский И. М., 1976а, с. 159–167).

Скопление 10 городищ и шести селищ второй половины I тысячелетия н. э. обнаружено П. Д. Сте-

пановым на левобережье среднего течения р. Суры, на малых реках. (Степанов П. Д., 1948, с. 38–42; 1967). Они размещены группами. Селища расположены в 3–4 км от городищ, а иногда — непосредственно за валами последних (Сайнинское или Ош-Пандо).

Гнездо из четырех селищ выявлено при слиянии правого притока р. Вад — р. Виндрей с р. Шуструй. У с. Новочетовское оказались заселенными несколько соседних прибрежных мысов. В. И. Шитов склонен видеть здесь единое поселение X–XIII вв. протяженностью 1,5 км (Шитов В. И., 1970, с. 146, 147). На нем найдены шиферные пряслица, обломки льячки.

На селище у с. Новый Усад на р. Мокше обнаружены остатки железоплавильного горна, тигли (Аксенов С. Н., Артемьева В. Д., Вихляев В. Н., Сударев В. М., Холин В. В., 1979, с. 152, 153). Развалы железоплавильных горнов найдены при небольших раскопках селища II у с. Стародевичье, верхний горизонт которого датируется XIV–XVI вв. (Вихляев В. И., 1980, с. 139).

Раскопками селищ VII–IX вв. в верхнем течении Суры, проведенными в разные годы П. С. Рыковым и М. П. Полесских близ с. Армиёва, и селища Полянки XIII–XIV вв. на р. Мокше выявлен характерный тип жилища мордвы в виде наземного срубного дома с углубленной центральной частью. Стены сооружались из вертикально врытых тесаных досок, обмазанных глиной. Вдоль стен находились земляные нары. Площадь ранних жилищ составляла 40–60 кв. м, поздних (селище Полянки) — 20 кв. м. Очаг или глинобитная печь располагались в центре жилища или в правом от входа углу. П. С. Рыков отмечал насыщенность культурного слоя близ построек бытовыми отходами, обломками зернотерок и жерновов (Рыков П. С., 1936, с. 64–66). В жилищах найдены наконечники стрел, части колчанов, удила, стремяна, боевой топор (Полесских М. Р., 1970, с. 65). П. С. Рыков писал, что на исследованном им селище было не более 12–15 всхолмлений, каждое из которых представляло собой развал жилища.

Селище Полянки близ с. Троицк остается до сих пор единственным полностью раскопанным сельским поселением мордвы (Горюнова Е. И., 1947, с. 106–109). Оно располагалось на песчаной дюне, имело площадь около 1600 кв. м и состояло из шести жилищ, обращенных входом к востоку; планировка построек беспорядочная. Застройка селища отражала, по мнению Е. И. Горюновой, архаичные формы общественных отношений. Вероятно, эти небольшие дома принадлежали малым семьям, связанным кровным родством. Дата поселения — XIV в.

Раскопками И. М. Петербургского в 1980–1982 гг. на Старобадиковском селище VII–XI вв. размерами 125×30 м (р. Вад) выявлен еще один тип жилища — полуземлянки размерами 4,4×1,7 и 5×2,8 м, которые имели вход в виде коридора со ступеньками. Длина коридоров 1,5 и 3,3 м. Очаги располагались в центре или в южном углу жилища. В постройках и рядом с ними найдены слитки олова и меди, льячка, бронзовая заготовка для спирального браслета, глиняные пряслица, желобчатые кресала и др. (Петербургский И. М., 1981, с. 150).

В 1980–1982 гг. на Шаверском IV поселении XIV–XV вв. была частично раскопана крестьянская усадьба: дом, погреб, навес, открытый очаг. В центре дома — печь с подпечной ямой (Зеленеев Ю. А., 1984, с. 147, 148).

Наиболее ранние погребальные памятники мордвы, восходящие к первой половине I тысячелетия н. э., представлены грунтовыми могильниками. Захоронения под курганной насыпью (Андреевский курган, III в. н. э.) чрезвычайно редки (Степанов П. Д., 1964а, с. 216, 217).

Кладбища средневековой мордвы второй половины I тысячелетия н. э. бескурганные, рядовые. Среди них встречаются функционировавшие в течение нескольких веков и содержавшие по 200–300 и более захоронений. Наиболее крупный — Крюково-Кужновский могильник VIII–XI вв., в котором исследовано около 700 погребений. Могильники I тысячелетия н. э. в основном биритуальны (труположение и сожжение). Кенотафы известны лишь в нескольких случаях (Армиевский могильник). С XII в. погребения совершались только по обряду ингумации. Вплоть до массовой христианизации в XVII–XVIII вв. мордва хоронила своих покойных по языческому ритуалу, в грунтовых могильниках. В XIV–XVII вв. на ее кладбищах вновь появляются курганные погребения — очевидно, под влиянием соседей-кочевников.

Захоронения по обряду ингумации являются преобладающими. Обычное положение покойных — на спине с вытянутыми вдоль туловища или сложенными на груди руками. Погребение женщин на боку в скорченном положении, с руками, подложенными под голову, — более позднее явление. Погребения обычно одиночные, парные (мужчина и женщина) очень редки. В могилах встречаются подстилки из луба и досок, иногда — следы гробов. Покойных в некоторых случаях заворачивали в луб или ткань.

По господствующей ориентировке погребенных на север или юг могильники мордвы разделяются на две группы: северную и южную (карта 18). К северной группе относятся 14 могильников. В бассейне Цны северная ориентировка характерна для Серповского могильника VI–VII вв. В среднем течении Мокши известен только один могильник с северной ориентировкой — Тенишевский (VIII–IX вв.); здесь северная ориентировка не имела распространения. Иная картина наблюдается в бассейнах рек Теши, Пьяны и нижнем течении Суры. На правобережье Волги (Волчихинский могильник VI–IX вв.) и в бассейне р. Теши северная ориентировка господствовала в могильниках VI–VII вв. — Абрамовском и Старшем Кужендеевском; в Погибловском могильнике (VII–VIII вв.) она характерна для захоронений в грунтовых могилах, а также для курганов Коринского, Младшего Кужендеевского (XIII–XIV вв.) и Сарлейского (XII–XVII вв.) могильников.

В бассейне Пьяны население хоронило своих покойных головой на север как в первой половине I тысячелетия н. э. (Сергачский могильник), так и в XII–XIV вв. (могильники Борнуховский II, Гагинский, Ичалкинский). Устойчивость северной ориентировки в течение многих веков позволяет видеть в подавляющем большинстве могильников северной группы мордвы памятники эрзи (Алихова А. Е.).

1959а, с. 31; Степанов П. Д., 1970а, с. 56–59; Жиганов М. Ф., 1976, ст. 60). Известно, что и позднее, вплоть до XVII в., эрзя хоронила своих умерших головой на север.

К южной группе мордвы относятся 30 могильников. Южная ориентировка господствует здесь еще в самых ранних могильниках второй половины I тысячелетия — Армиевском (VI–VII вв.) и Младшем Селиксенском (VII — начало VIII в.), расположенных в верхнем течении Суры. В девяти из 10 исследованных могильников бассейна Цны, датированных VIII–XI вв., преобладали юго-восточная и южная ориентировки.

В могильниках нижнего течения Мокши наблюдалось преобладание северо-восточной ориентировки в ранних погребениях Старокадомского (V–VII вв.) и Шокшинского (VI–X вв.) могильников, но в более поздних погребениях господствует уже юго-восточная и юго-западная (Шокшинский могильник). Во всех других 14 могильниках по течению Мокши и в бассейне р. Вад, как в более ранних (Красный Восток, VII–VIII вв.; Заря, VII–X вв.), так и более поздних (VIII — начала XI в.), преобладает ориентировка на юг и юго-восток.

Эти могильники генетически связаны с могильниками XI–XIII (Калиновский, Куликовский, Кельгининский, Ефаевский) и XIII–XIV вв. (Паньжский, Старосотенский, Пичпандский) и с более южными (Муранским и Аткарским). Для поздних могильников южной группы характерно захоронение женщин преимущественно на правом боку, с руками, положенными под голову (в позе спящего). Этот обряд в сочетании с южной ориентировкой является этнически определяющим признаком мордвы-мокши.

Обряд трупосожжения появился у мордвы уже в первой половине I тысячелетия н. э. В могильниках VI–VII вв. он получает наибольшее распространение. Так, в Серповском могильнике VI–VII вв. трупосожжения составляли 22%. Позднее (IX–XI вв.) процент трупосожжений значительно уменьшается. Кремация умерших совершалась всегда на стороне; кальцинированные кости ссыпались в могилу. Вещи обычно раскладывались на дне ямы в порядке ношения при жизни умершего. Инвентарь одновременных трупосожжений и трупоположений одинаков.

В женских и детских погребениях мордвы обычна глиняная посуда, поставленная у головы или в ногах; в мужских захоронениях она встречалась реже.

Из орудий труда вместе с покойным в могилу помещали ножи (XLII, 29), глиняные пряслица, шилья, вязальные крючки, иногда топоры. В погребениях северной группы мордвы вплоть до XVII в. соблюдался обычай ставить у головы покойной берестяной туесок (бурачек) с рукоделием, причем железные иглы в нем были, очевидно, намеренно изломаны. В погребения литейщиц в VI–XII вв. помещали орудия литья.

В некоторых женских погребениях найдено оружие: наконечники стрел и копий, даже меч (Армиевский могильник VI–VII вв., погребение 177). В этом же погребении были удила. Очевидно, оно принадлежало женщине-воительнице, всаднице. Оружие и конское снаряжение были также в погребении (10) литейщицы из Томниковского могильника.

В женских погребениях XIII–XIV вв. оружие уже не встречается.

В мужских погребениях обычными находками являются ножи, желобчатые огнива, фитильные трубочки (табл. XLIII, 7, 8), топоры. Другие орудия труда (пешня, мотыжка, ложкарный резец, долото, рыболовный крючок, шило) встречались редко. В наиболее богатых инвентарем погребениях найдены металлические котлы и деревянные ковши с серебряной оправой по краю.

Нередки женские украшения, положенные мужчине в качестве заупокойного дара. Обычно это украшения головы. Так, известно, что вдова отрезала и клала в могилу мужа свою косу вместе с ее украшениями.

Мужские погребения VI–VIII вв. изобиловали оружием и снаряжением конного воина (табл. XLII). Нередкими находками были мечи, а также сабли (табл. XLII, 27), типичные для конной дружины. Встречались пышно отделанные серебром части уздечек. В мужском погребении 15 Серповского могильника ременный поводок был украшен 12 золотыми византийскими монетами VII в. С X в. в мужских погребениях преобладает оружие, характерное для пешего воина: наконечники стрел, копий, боевые топоры (табл. XLIII, 1, 4–6, 11, 13, 14). Наконечники стрел (табл. XLIII, 17–19) были черешковыми и втульчатыми. Первые (табл. XLIII, 22, 23, 31–34) по форме пера разделяются на треугольные, трехлопастные и граненые (бронзобойные). Копья втульчатые представлены главным образом экземплярами с треугольной или ромбовидной формой пера (табл. XLII, 25, 26). На смену втульчатым топорам-кельтам приходят (табл. XLII, 35) проушные топоры различных типов (табл. XLIV, 1–5, 14, 22–25).

В погребениях XIII–XIV вв. встречаются овалы огнива, наконечники стрел и топоры.

Этнически определяющими предметами женского убора мордвы являлись головной убор, шейные и нагрудные украшения и украшения обуви. Головной убор состоял из тканевой основы (полотенце, шапочка), налобника, венчика, височных привесок, наконечника и пулокера. Наиболее полные реконструкции головного убора мордвы созданы по материалам среднепеченских могильников VIII–IX вв. Р. Ф. Ворониной (Воронина Р. Ф., 1973, с. 47–55) и В. Н. Мартяновым (Мартянов В. Н., 1976б, с. 88–106). Основу головного убора составляло покрывало (полотенце) из льняной или шерстяной ткани, один конец которого накладывался на лоб и удерживался налобником — лентой из ткани и металлическим венчиком, а второй свисал сзади, образуя лопасть. По мнению В. Н. Мартянова, покрывало не облегало голову, а в лобной части приподнималось над ней благодаря подложенной снизу жесткой основе. Возможно, основой головного убора служила сшитая из ткани или войлочная шапочка, на которую одевали покрывало и венчик. Венчик состоял из чередовавшихся серебряных или бронзовых штампованных трубочек (четырёх-пяти) и прямоугольных обойм, иногда крепившихся на твердой основе. Сзади он застегивался пряжкой. По нижнему краю венчика крепились шумящие привески — трапециевидные или иные (табл. XLV, 2, 14, 18). Налобник, лицевая часть полотенца, лопасть расшивались оловянным

бисером. К нижнему концу лопасти иногда прикреплялись трапециевидные привески.

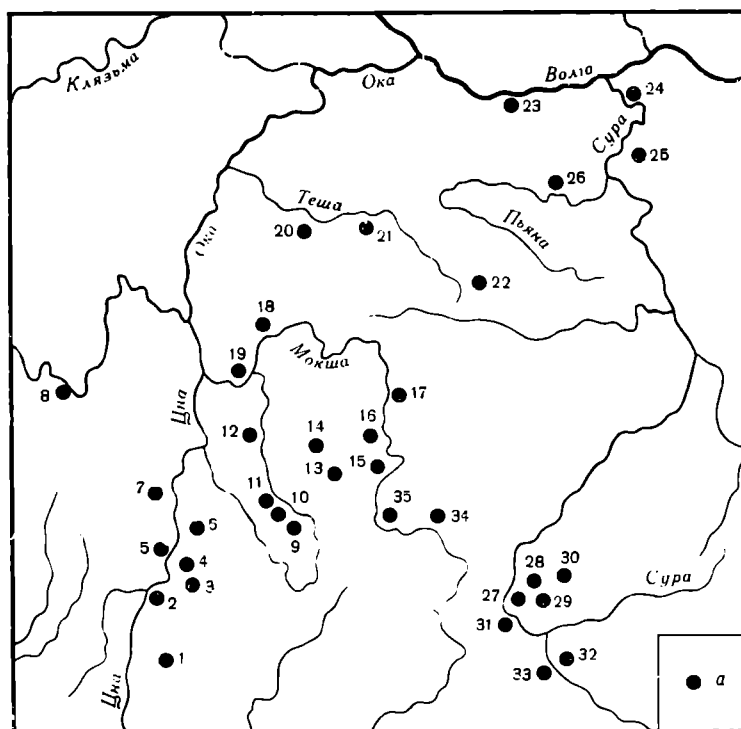
Самое характерное украшение мордвы — височная привеска с грузиком и спиралью (табл. XLVI, 10). Она не всегда прикреплялась к головному убору; иногда посредством ремешка одевалась на ухо или спиралью ввертывалась в мочку уха. Привески изготавливались из бронзы или серебра. Это украшение бытовало на всей территории мордвы с первой половины I тысячелетия н. э. по XII в. включительно (карта 22). Облик его менялся. Наиболее ранние привески имели короткий (до 3 см) стержень, биконусовидный грузик и малое число оборотов спирали. В VII–VIII вв. грузик приобрел бипирамидальную форму, стержень удлинился (до 6 см), а число оборотов спирали увеличилось до четырех-пяти. В X–XI вв. стержень становится тонким и длинным (до 11 см), грузик — каплевидной формы, количество оборотов спирали увеличивается.

Накосник состоял из украшенных бронзовыми пронизками кожаных ремешков (от четырех до восьми), к нижним концам которых крепились бутылчатые, звездообразные или пные привески. Верхние его концы вплетались в косу или скреплялись с венчиком. В Армиевском и Младшем Селиксенском могильниках VII–VIII вв. верхние концы ремешков соединялись с круглой орнаментированной бляхой, крепившейся к головному убору (табл. XLV, 27). В состав головного убора входил также теменной шнур — кожаный ремешок с бронзовыми обоймицами, вплетавшийся в косу.

С X в. в состав головного убора входит пулокер — накосник в виде длинной трубки, свернутой из луба и обмотанной бронзовой спиралью. Внутри помещалась коса, скрепленная с деревянной палочкой кожаным ремешком. В XIV в. пулокер снаружи обматывался узким ремешком, поверх которого плотно навивалась тонкая проволока. Пулокер являлся характерным украшением замужних женщин мордвы-мокши вплоть до XVIII в. (Мартыанов В. Н., 1976, с. 102). Возможно, шапочка и венчик или только венчик служили девичьим убором, а головной убор с покрывалом носили замужние женщины (Воронина Р. Ф., 1973, с. 53, 54).

В составе ожерелья и на груди мордовские женщины носили зооморфные подвески — обереги. Самыми древними являются бронзовые объемные подвески-уточки из Андреевского кургана III в. н. э. Полые подвески-уточки с гладким или украшенным напаянными жгутами, имитирующими крылья, туловищем известны в четырех погребениях трех разных могильников по Суре и Цне и в кладе с городища Ножа-Вар. В погребении 29 Селиксенского могильника «уточки» найдены вместе с височной подвеской с грузиком и спиралью. Их дата — VI–VII вв. (Амброз А. К., 1971б, с. 108, 113; Голубева Л. А., 1979б, с. 10–15). В более позднее время подвески-уточки у мордвы не встречаются. Однако бронзовые шумящие привески в виде утиных лапок неизменно присутствуют в мордовских украшениях IX–XI вв. и, как часть целого (образа водоплавающей птицы), выполняют охранительную, благожелательную функцию оберега.

Такую же роль играли подвески-коньки. У морд-

Карта 22. Распространение височных подвесок с грузиком и спиралью

а — памятники с находками подвесок; 1 — Ляда; 2 — Кулево; 3 — Паново; 4 — Елизавет-Михайловка; 5 — Крюково-Кужново; 6 — Серпово; 7 — Томниково; 8 — Шатрищенский могильник; 9 — Старое Бадиково I; 10 — Старое Бадиково II; 11 — Журавкино; 12 — «Заря»; 13 — Кельгинино; 14 — Куликово; 15 — Красный Восток; 16 — Ефаево; 17 — Тенишево; 18 — Шокша; 19 — Старый Кадом; 20 — Старшее Кужендево; 21 — Абрамово; 22 — Перемчалок; 23 — Волчихино; 24 — Иваново; 25 — Таутово; 26 — Сергач; 27 — Пенза; 28 — Малый Селиксенский могильник; 29 — Селикса-Трофимовский могильник; 30 — Степаново; 31 — Алферьево; 32 — Армиево; 33 — Шемышейка; 34 — Ражкино; 35 — Тевково

вы был создан свой тип таких амулетов, отличный от коньков мери и муромы. Коньки изображались с ногами, стоящими на платформе (табл. XLVI, 22, 24–26). К последней крепились на колечках шумящие привески. Коньки выполнялись филигранной техникой или отливались по восковой модели. Дата их — IX–XI вв. Впрочем, подвески-коньки не получили у мордвы такого широкого распространения, как коньковые ажурные подвески с прямоугольным щитком (табл. XLVI, 15, 19). Последние носились на груди или в составе ожерелья обычно по одному экземпляру. Дата — IX–XI вв.

Типичным украшением мордвы являлись также «пряжки» с круглым ажурным щитком и разносмотрящими конскими головками (табл. XLVII, 7). Возможно, они не имели даже утилитарного назначения (в них нет приемника для иглы). В декоре этих пряжек присутствуют круг и спирали — символы солнца, изображения конских голов и лапок водоплавающей птицы. Эволюция пряжек прослеживается на материалах мордовских могильников с VIII–IX вв. Время наибольшего распространения этого украшения — X–XI века (Голубева Л. А., 1979б, с. 53–56).

Отметим также подвески в виде ажурных треугольников с шумящими привесками, которые также носили в составе ожерелья (табл. XLV, 14). В от-

личие от мери у мордвы эти подвески в IX—X вв. были мало распространены.

Так же, как у марийцев, у мордвы бытовали парные нагрудные украшения, которые прикреплялись к концам ремня, перекинутого через шею. В VI—VII вв.—это пирамидальные подвески, в VIII—XI вв.—прямоугольные обоймицы с цепочками и шумящими привесками (Мартыанов В. Н., 1976б, с. 102, рис. 4, 9). Парными украшениями служили и пластинчатые трапециевидные подвески с боковыми выступами и петлей наверху, отдаленно напоминающие человеческую фигуру (табл. XLVI, 4—6; XLVII, 1). Снизу к ним крепились шумящие привески-трубочки. Охранительное значение этих подвесок вероятно. Их пристегивали к одежде застегками по обе стороны груди или пришивали. Это специфически мордовское украшение датируется VII—XI вв. Более ранние подвески — небольшие, с боковыми клювовидными выступами (табл. XLVI, 4—6), более поздние — крупные (табл. XLVII, 1); иногда выступы соединены нижним концом с телом пластины.

Женщины и мужчины носили онучи и кожаную обувь типа поршней. Украшали ноги только женщины. На подъеме к обуви прикреплялся набор из бронзовых штампованных трубочек и подпрямоугольных бляшек, соединенных с сердцевидными подпрямоугольными шумящими пластинками (табл. XLVI, 11, 12). От щиколоток и до колена онучи плотно обматывались двумя ремешками — оборами, которые застегивались пряжкой. Украшения обор со временем менялись. В VI—VII вв. это были наклепанные на ремень круглые бляхи с выпуклинками в центре и вытянутой и загнутой в крючок передней частью, на которую навешивались колечки. Позднее оборы украшались спиралью и прямоугольными обоймицами.

Верхняя одежда мордовских женщин по археологическим данным восстанавливается как холщовая (шерстяная) рубаха с небольшим разрезом спереди, низким воротом и длинными рукавами. Рубаха подпоясывалась тканым или узким кожаным пояском и носилась с напуском (Воронина Р. Ф., 1974, с. 36). Существовала также шерстяная одежда в виде кафтана и меховая — типа шубы.

Верхняя рубаха застегивалась на груди кольцевидными застегками с «усами» и украшалась вышивкой из оловянного бисера по вороту, рукавам, подолу и даже боковым швам. Самые древние образцы такой вышивки относятся к VI в. (Иваньковский могильник). Иногда одежда ниже пояса расшивалась трапециевидными привесками с колечками (табл. XLVI, 21). К поясу крепились сумочки из бересты (табл. XLVI, 20) или кожи.

По материалам женских погребений XIV в. известно, что рубахи вышивались красными шерстяными нитями. Как в женских, так и в мужских погребениях этого времени найдены остатки кожаных сапог. Их носили с шерстяными чулками.

Мужская верхняя одежда тоже состояла из рубахи и кафтана. Рукава и ворот рубах расшивались оловянными бисером. Поверх вышитой рубахи прослежена одежда (мехом вверх) с разрезом посередине и кожаным поясом, украшенным металлическими бляшками (Воронина Р. Ф., 1974, с. 36—40).

Убор мордовской женщины, помимо упомянутых выше категорий этнических украшений, включал и много других. Так, для VI—VII вв. характерны: красные пастовые и мелкие стеклянные бусы; шейные гривны: бронзовые серповидные (трехгранные, пластинчатые, гладкие) с накладками и привесками — колечками или трубочками и железные дровые с бронзовыми напускными бусинами, обмоткой и замком-коробочкой (табл. XLV, 8—11). Среди нагрудных украшений известны бронзовые круглые пластинчатые бляхи с крестовидной накладкой (табл. XLV, 15, 25), а также с прорезями и шестигранной дверцей (табл. XLV, 29). Такие же украшения бытовали у муромы, встречались и в рязанско-окских могильниках. Среди браслетов преобладали пластинчатые с разомкнутыми расширенными концами (табл. XLV, 16, 21, 24, 26, 28), среди перстней — спиральные (табл. XLI, 4, 5). Характерны пластинчатые застегки — сьюльгамы — с замкнутыми концами и длинными трубочками — «усами», выступающими внутрь (табл. XLVII, 2, 5). Найденное в женском погребении 135 Армииевского могильника зеркальце (табл. XLV, 13) — импорт аланского происхождения.

В VII—XI вв. украшения из южных степей часто встречаются в мордовских могильниках. Это подвески-«самоварчики» (табл. XL, 7), серьги с гроздевидным выступом (табл. XLVI, 2; XLVII, 12). Появляются шейные гривны с замком-лодочкой. Среди браслетов много спиральных и с отогнутыми концами (табл. XLVII, 17). Преобладают перстни со щитками и вставками из стекла или камня и ажурные с привесками (табл. XLVII, 20). Характерны нагрудные бляхи с круглой дверцей (табл. XLVII, 23).

В X—XI вв. особенно много металлических украшений в составе ожерел. Это прямоугольные обоймицы с трубочками (табл. XLVII, 3), спиралевидные пронизки с петлями и шумящими привесками (табл. XLVII, 18), крестовидные привески (табл. XLVII, 10). Значительно изменяется облик застегки-сьюльгам: «усы» у них длинные, отогнуты наружу, иногда чуть раскованы (табл. XLVII, 2, 5). Характерны гривны глазовского типа с петлей и гранчатой головкой (табл. XLVII, 4).

В XII—XV вв. происходит полная смена женских украшений у мордвы. Исчезают головные венчики и височные подвески с грузиком, гривны, нагрудные бляхи; количество металлических украшений сильно сокращается. Появляются витые проволоочные браслеты русских и болгарских типов (табл. XLIV, 6, 7) и усатые пластинчатые перстни. Становятся четкими различия в погребальном инвентаре мокши и эрзи. Для мокши характерны кольцевидные застегки и сьюльгамы с узкими треугольными лопастями, серьги в виде знака вопроса, пулокерь. Для эрзи типичны как миниатюрные, так и очень крупные кольцевые застегки, сьюльгамы с большими треугольными лопастями, браслеты из толстой круглой проволоки с расплюснутыми концами (табл. XLIV, 8—12).

Погребения эрзи и мокши различаются по набору украшений, но главным образом — по ориентировке покойных: северной у эрзи и южной у мокши.

Вопрос о времени и территории формирования этих двух групп мордвы остается предметом острых

дискуссий. Разделяя точку зрения А. Л. Монгайта (Монгайт А. Л., 1953, с. 177) и П. Н. Третьякова (Третьяков П. Н., 1957, с. 65, 66) о принадлежности рязанско-окских могильников мордвы, П. Д. Степанов был убежден, что на основе этих древностей формировалась не вся культура мордвы вообще, а только мордвы-эрзи. Все муромские археологические памятники VI—XI вв. в нижнем течении Оки он считал эрзянскими (Степанов П. Д., 1970а, с. 26—66). Одним из доказательств отождествления эрзи и муромы являлась, по его мнению, северная ориентировка в муромских могильниках. Само существование муромы как отдельного племени П. Д. Степанов отрицал, а упоминание муромы в Начальной русской летописи называл «вымыслом летописца» (Степанов П. Д., 1970б, с. 26).

В. Н. Мартыанов и Д. Т. Надькин также полагают, что рязанско-окское и муромское население являлось протоэрзью. По их мнению, муромское население Поочья полностью перешло на правый берег Оки и расселилось в бассейне рек Тешы и Пьяны в начале II тысячелетия н. э. Одним из доказательств в пользу отождествления муромы с эрзью приводится наличие типичного для эрзи набедренного украшения — пулага — в некоторых погребениях муромы. Однако нет прямых доказательств того, что это украшение уже бытовало у мордвы XIV в., оставившей Коринский и другие могильники бассейна Пьяны (Мартыанов В. Н., Надькин Д. Т., 1979, с. 103—133). М. Р. Полесских (Полесских М. Р., 1965, с. 146—147; 1970, с. 21) и В. И. Ледяйкин (Ледяйкин В. И., 1971) также относили рязанско-окские могильники к мордве-эрзе. М. Р. Полесских считал эрзянским и Кошибеевский могильник.

А. П. Смирнов и А. Е. Алихова отрицали гипотезу о формировании мордвы-эрзи на базе населения, оставившего рязанско-окские могильники (Смирнов А. П., 1965, с. 18—20; Алихова А. Е., 1959а, с. 13, 14; 1965б, с. 221, 222). Мордва, считали они, прямой потомок племен городецкой культуры. По мнению А. Е. Алиховой, отдельные черты, характеризующие мокшу и эрзю, выявлялись постепенно, по мере сложения двух крупных союзов племен. Они прослеживаются уже в VII—VIII вв. Полное разделение на мокшу и эрзю произошло, по-видимому, в начале II тысячелетия н. э. (Алихова А. Е., 1965б, с. 142, 143).

М. Ф. Жиганов справедливо указывает на то, что северная ориентировка в могильниках северной группы мордвы известна уже в первой половине I тысячелетия н. э. (Андреевский курган, Сергачский и Абрамовский могильники). Однако он безосновательно включил в территорию северных (кошибеевских) племен Шатрищенский могильник на Оке. Памятниками мордвы-эрзи он с уверенностью называет могильники второй половины I тысячелетия н. э. в междуречье Пьяны, среднего и нижнего течения Суры, Тешы, правобережья Волги (Жиганов М. Ф., 1976, с. 37—52). Памятники мокши этого времени, по мнению исследователя, сосредоточены в бассейне Цны, Мокши и верхнего течения Суры.

Разные точки зрения существуют и в вопросе о генезисе мордвы-мокши. По мнению М. Р. Полесских, мордва-мокша формировалась со II в. н. э. на

основе местного городецкого и пришлого прикамского населения, причем последнее составило ее ядро. В устойчивых этнографических формах (погребальный обряд с южной ориентировкой, типы украшений) сложение мордвы-мокши происходит с середины I тысячелетия н. э. (Армиевский и Младший Селиксенский могильники). В качестве устойчивого признака мордвы-мокши им названа специфическая височная подвеска (Полесских М. Р., 1970 г., с. 21). Последнее утверждение не соответствует действительности, так как спиральная височная подвеска с грузиком была распространена на всей территории мордвы. В. И. Вихляев успешно полемизировал с М. Р. Полесских, опровергая гипотезу о «прикамских истоках» древнемордовской культуры (Вихляев В. И., 1979, с. 140—147).

Мордва издавна являлась земледельческим народом. Характерные для подсечно-огневого земледелия мотыги для разрыхления земли найдены уже на городищах городецкой культуры. Довольно много их и в погребениях второй половины I тысячелетия н. э. Пашенное земледелие появилось у мордвы во второй половине I тысячелетия н. э. На городище Ош-Пандо VI—X вв. найдены железные сошники от однозубых пахотных орудий. Наиболее ранние находки серпов с «пяткой» вместо черенков обнаружены в женских погребениях Старшего Кужендеевского могильника (VI—VII вв.). На городище Ош-Пандо найдены такие же серпы, а также обугленные зерна ячменя, полбы, ржи и гороха. Многочисленные находки сельскохозяйственных орудий на селищах и вкладах позволяют достаточно полно представить их эволюцию. Так, сошники, найденные при раскопках селища XIII—XIV вв. у с. Паньжа Мордовской АССР, по размерам вдвое больше ошпандинских и имеют выпуклую лицевую сторону, благодаря чему почва «легко разламывалась по линии движения сошника» (Жиганов М. Ф., 1976, с. 80). XII—XIV вв. датируются находки плужных резаков и лемехов (Жиганов М. Ф., 1976, с. 79). Конструкция и величина этих орудий почти совпадают с аналогичными признаками тех, которые бытовали в XIX в. Можно предположить, что распашка плугом земель на безлесных участках территории расселения мордвы велась интенсивно.

Расширение пахотных площадей происходило в непрерывной борьбе с лесом. Стремление к усовершенствованию лесорубных орудий (втульчатые топоры в качестве таковых были малоэффективны), привело к появлению в IX в. проушного топора современного типа, как, например, из погребения 24 могильника у пос. Заря (Жиганов М. В., 1961, с. 178, рис. 14, 4; 1976, с. 67). Это был узколезвийный топор с прямым обухом, без щеков (табл. XLIII, 11). В X в. появились топоры более совершенной формы — широколезвийные с выемкой около обуха и щековцами.

В женских погребениях XIV в. нередко находки серпов. Последние, отличаясь от современных меньшей кривизной, были уже снабжены зазубринами и имели черенки для насадки деревянной рукояти. На селище Полянки обнаружена площадка для молотбы. Размол зерна производился каменными жерновами. Известны и мотыги (табл. XLIII, 17).

Пашенное земледелие невозможно без тягловой силы лошади и крупного рогатого скота. Скотоводство у мордвы значительно превалировало над охотой. При раскопках поселений постоянно находят кости коров, овец, свиней и домашней птицы (гусей). Корм для скота заготавливался на зиму, о чем свидетельствуют находки кос-горбуш в мужском погребении Старшего Кужендеевского могильника VI—VII вв. и в могильниках XIV в. (Ефаевском, Мордовские Парки и др.).

Наряду с земледелием и скотоводством население занималось охотой, рыболовством и в больших масштабах бортничеством. Развитие земледелия как основного занятия требовало всевозрастающего производства сельскохозяйственных орудий и стимулировало рост черной металлургии. В качестве сырья использовались местные болотные руды. Выплавка железа иногда производилась в непосредственной близости от залежей железных руд, в стороне от поселений. Так, в 1936 г. близ с. Рыбкино Рыбкинско-го р-на Мордовской АССР была обнаружена древняя шахта и остатки железоплавильной печи (Жиганов М. Ф., 1959в, с. 140, 141). На поселении у оз. Машкино (Мордовская АССР) открыты ямы для выжигания угля, который, по-видимому, предназначался для железоплавильных мастерских рубежа I—II тысячелетий н. э., находившихся по соседству (Вихляев В. И., 1981, с. 128, 129).

Выплавка железа происходила как в примитивных ямах, так и в более совершенных сооружениях — наземных сыродутных горнах-домницах. Плавильная печь в виде ямы исследована в 1978 г. при раскопках селища третьей четверти I тысячелетия н. э. у с. Новый Усад Краснослободского р-на Мордовской АССР. Яма была вырыта в материке, стенки ее обмазаны глиной, диаметр дна равен 0,5 м. У печи найдены куски руды, шлака, крицы, обломки глиняных сопел (Аксенов С. И., Артемьева В. Д., Вихляев В. И., Сударев В. М., Халин В. В., (1979, с. 153). Известны железные молоты для дробления руды и кузнечные клещи (табл. XLIV, 18, 19).

На селище Полянки XIII—XIV вв. в 1940 г. были обнаружены П. Д. Степановым остатки разрушенной наземной глинобитной железоплавильной печи. Следы домниц и кузнечных горнов наблюдал В. Н. Поливанов в овраге у городища XIII—XIV вв. близ с. Шелахметь Сосново-Солонецкого р-на Куйбышевской обл. (Жиганов М. Ф., 1959в, с. 141). Развалы горнов для выплавки железа отмечены на поселении Стародевичье II в Мордовской АССР (Вихляев В. И., 1980, с. 139). Шлаки и крицы — постоянная находка на мордовских селищах и городищах, но производственные сооружения, относящиеся к добыче и обработке железа, почти не изучены.

Уже в I тысячелетии н. э. у мордвы имела место специализация железодобывающего и кузнечного производств. В Лядинском могильнике известно девять мужских погребений X в. с кузнечными молотами. В погребении 16 того же могильника вместе с кузнечным молотом были и железные клещи. В погребении 115 Елизавет-Михайловского могильника погребальный инвентарь кузнеца составляли кузнечный молоток, ножницы, маленькие клещи, наковальня, два долотца, зубило (табл. XLI, 3—6), обломки

бронзовых пластинок и проволок (Среднецнинская мордва, 1969, с. 70, табл. 42). Ассортимент железных кузнечных изделий был обширен и разнообразен. Вероятно, кузнецы выполняли также работы и по цветному металлу, связанные с ковкой и клепкой (изготовление котлов), волочением проволоки и др. Примечательно, что орудия литейщика в мужских погребениях I тысячелетия н. э., в том числе в захоронениях кузнецов, неизвестны. Мужские погребения с льячками, относящиеся к XI—XII вв., найдены А. Е. Алиховой и А. В. Циркиным в Кельгининском могильнике. Как справедливо заметила А. Е. Алихова, эти находки знаменуют переход бронзолитейного дела в мужские руки (Алихова А. Е., 1965в, с. 67).

Большинство работ, связанных с литьем бронзовых украшений, у мордвы, как и у других финно-угорских народов, в I тысячелетии н. э. выполняли женщины. Раскопками обнаружено более 70 погребений литейщиц VI—XIII вв. В табл. 7 обобщены сведения об этих погребениях по 14 могильникам. Наибольшее количество погребений (57) датируется X—XI вв.

Помимо льячек, в погребениях литейщиц находят литейные формочки, слитки олова, бронзы, серебра. Как правило, эти погребения особенно богаты украшениями; в некоторых имелось оружие. Льячки из памятников мордвы однотипны: их ковшечки имеют эллипсоидную форму, позволяющую сливать металл на две стороны; ручки круглые (табл. XLI, 7, 9). Очень немногие льячки отмечены косыми нарезками по венчику, на ручке одной изображена схематически птичья лапа. Тигли цилиндрические, с круглым сечением верхнего края и округлым или конусовидным дном (табл. XLI, 14). После XII в. орудия литья из погребального инвентаря исчезают.

На протяжении XII—XIII вв. происходит рост ремесленного производства и его дифференциация. По мнению А. Е. Алиховой, погребения Муранского могильника XIV в. позволяют говорить о металлургах, кузнецах, замочниках, ювелирах, плотниках (Алихова А. Е., 1965в, с. 67). Муранское поселение, рядом с которым располагался могильник, представляло собой большой ремесленно-торговый центр. А. Е. Алихова и М. Ф. Жиганов называют его вторым после Наровчатой городом в земле мордвы.

В XIII—XIV вв. гончарство также становится ремесленным производством. Керамика изготовлялась на ручном гончарном круте. Глиняное тесто хорошо промышано, примесей (песок) мало, обжиг горновой. Преобладающей формой круговой посуды являлись горшки с сильно изогнутым венчиком и хорошо выраженной шейкой. Горшки отмечены орнаментом: линейным, линейно-волнистым, ямочным. М. Ф. Жиганов сообщает, что на некоторых поселениях XIV в. круговая посуда составляла значительный процент (Жиганов М. Ф., 1976, с. 86). В основном же население продолжало пользоваться посудой, изготовлявшейся домашним способом, от руки. Лепная посуда, известная по могильникам VIII—XI вв., характеризуется глиняным тестом с примесями шамота или крупнозернистого песка, неравномерным обжигом. Основные формы посуды: баночная, горшковидная, мискообразная. Горшки обычно приземистые (высота меньше диаметра тулова), венчик слабо отогнут, орнамент отсутствует (табл. XLVIII, 1—7).

Таблица 7. Погребения литейщиц в могильниках мордвы VI—XIII вв.

Исследователь, дата раскопок	Могильник	Количество погребений						Число погреб.
		VI—VIII вв.	IX в.	IX—X вв.	X в.	X—XI вв.	XII—XIII вв.	
Рыков П. С., 1926	Армиевский	1						1
Полесских М. Р., 1955—1956	Кужендеевский Старший	1						1
Воронцов-Дашков И. И., 1890	Томниковский					1		1
Шереметьев Д. С., 1908	»	1						1
Ястребов В. Н., 1888	Лядинский				6	2		8
Воронина Р. Ф., 1983—1984	»			1				1
Алихова А. Е., Горюнова Е. И., 1926	Перемчалкинский			1				1
Петербургский И. М., 1974—1975	Журавкинский				2			2
Иванов П. П., 1927—1928	Елизавет-Михайловский		1		7	2		10
Иванов П. П., 1929	Крюково-Кужновский		3	2	10	13		28
Иванов П. П., 1927—1928	Пановский		1	1	2	5		9
Петербургский И. М., 1975—1982	Старобадиковский II				1			1
Циркин А. В., 1969	Шокшинский				2			2
Воскресенский А. С., 1964	Кельгининский					1		1
Циркин А. В., 1966	»					1		1
Полесских М. Р., 1963—1964	Красный Восток				2			2
Горюнова Е. И., 1929	Ефаевский						1	1
Итого		3	5	5	32	25	1	71

В XIV в. плотницкое дело также становилось самостоятельным ремеслом. Прядение, ткачество, обработка кожи, кости продолжали оставаться домашними производствами.

Натуральный характер хозяйства мордовской деревни не исключал широкого обмена. В VII—IX вв. у мордвы существовали экономические связи с ала-но-хазарским миром. В IX—X вв. преобладающими являлись торговые отношения с Волжской Болгарией. Предметами вывоза служили меха, мед, воск. О южном и восточном импорте убедительно свидетельствуют оружие (сабли, мечи), пояса, украшения, шелковые ткани, находимые в мордовских могильниках VIII—XI вв.

Однако в монетных находках восточная торговля почти не получила отражения. Известно всего три погребения с дирхемами IX—X вв. (могильники Красный Восток, Лядинский, Крюково-Кужновский); еще несколько монет IX—X вв. происходят из случайных находок на территории Мордовской АССР. Известен только один клад X в.

Устойчивые экономические связи со славянами по археологическим данным ощутимы с начала II тысячелетия н. э. О них свидетельствует появление в мордовских могильниках шиферных пряслиц, широкосрединных завязанных перстней, трехбусинных височных колец, проволочных витых и стеклянных браслетов (Петербургский И. М. 1976, с. 132—137). К тому же времени относятся достоверные славянские погребения с западной ориентировкой на территории мордвы (погребение 507 Крюково-Кужновского могильника и некоторые другие).

Монголо-татарское нашествие временно ослабило русско-мордовские экономические связи, но они продолжались, так же как в XIV в. приток славянских

переселенцев в мордовские земли не останавливался, особенно по Волге, Суре и Цне.

По сводке М. Ф. Жиганова, на территории мордвы найдено четыре клада русских монет XIII—XV вв. (Жиганов М. Ф., 1959в, с. 163—167). Большой клад русских монет начала XV в. (с частью золотоордынских монет), найденный в 1961 г. у с. Паркино, содержал главным образом деньги суздальской и нижегородской чеканки (Федоров-Давыдов Г. А., 1974, с. 180, 181). Состав кладов указывает направление экономических связей мордвы с русскими областями.

Политические обстоятельства вынуждали мордву включиться в золотоордынскую торговлю. Кладов золотоордынских монет XIII—XV вв. на мордовской земле известно более 30.

Общественный строй мордвы XI—XV вв. характеризуется процессом становления феодальных отношений. Вхождение мордовских земель в состав русских княжеств в XIII—XIV вв., а затем и Московского централизованного государства в XVI—XVII вв. завершило этот процесс.

Марийцы

Марийцы (марп, марий) — народность, ныне составляющая основу населения Марийской АССР. В древнерусских и других письменных источниках средневековые марийцы известны как черемисы (черемись).

Русская летопись сообщает: «А по Оце реце, где втечь в Волгу ... и черемиси свой языкъ...» (ПВЛ, I, 1950, с. 13). Очевидно, это племя — Ц-р-мис названо в письме хазарского царя Иосифа (X в.).

В позднейших источниках этот этноним встречается неоднократно.

В литературе высказано мнение, что марийцы были известны еще готскому историку Иордану (VI в.), который в перечне северных народов, якобы подвластных Германариху, называет вслед за чудью, весью, мерей и мордвой имнискаров (Иордан, 1960, с. 89). Последние обычно и отождествляются с черемисами (Смирнов А. П., 1952, с. 173).

Уже в исторических сочинениях XVI в. известно разделение черемисов на две основные этнографические группы: горных и луговых (Казанская история, 1954, с. 86). Горные марийцы, обитавшие преимущественно на правобережье Волги, в 1546 г. добровольно присоединились к Русскому государству. В 1552 г. в его состав вошли и луговые марийцы, заселявшие Волжское левобережье.

Первые сведения о средневековых могильниках мари связаны с находками женских украшений у с. Лепьял бывшего Уржумского уезда в 1874 г. (ОАК, 1877, с. XXIV). С. К. Кузнецов по поручению Археологической комиссии обследовал место находок дважды: в 1874 и 1904 гг., но погребений не обнаружил (ОАК за 1907 г., с. 136, 137). В 1890 г. у оз. Борисковского близ Казани были обнаружены два скелета с женскими украшениями (ОАК, 1893, с. 66—68). В 1891 г. стал известен Юмский (Загребинский) могильник. А. А. Спицын тогда же произвел здесь небольшие раскопки и открыл три захоронения вещей, увязанных в меховые одежды. Их можно рассматривать как своеобразные кенотафы — обряд, совершенный в память лиц, погибших на чужбине (ОАК, 1893, с. 103—106). Вещи всех трех названных могильников датируются X—XI вв.

Первые значительные раскопки средневековых могильников были проведены В. И. Каменским в верховьях Ветлуги. В 1908 г. им были вскрыты 16 захоронений на могильнике «Черемисское кладбище»; три из них представляли собой кенотафы, а остальные — трупосожжения и трупоположения IX—XI вв. Тогда же погребения были обнаружены этим исследователем на поселении Чертово городище (Каменский В. И., 1909, с. 7). Датировка последних V—VII вв. была уточнена после небольших раскопок А. Х. Халикова в 1957 г. Материалы раскопок В. И. Каменского остались неопубликованными.

Первые исследования поселений мари, в частности городищ, проведены в конце XIX в. А. А. Спицыным (Спицын А. А., 1893б). Он обнаружил в бассейне Вятки ряд городищ (Бурыгинское, Еманаевское, Кубашевское, Ижевское); некоторые из них были обжиты еще в VI—VIII вв. В 20-х годах XX в. О. Н. Бадер изучал городища Поветлужья, а Е. И. Горюнова — ранние и позднесредневековые могильники (Горюнова Е. И., 1934). В 1928—1929 гг. были проведены небольшие раскопки на двух средневековых могильниках — Веселовском на Ветлуге (Званцев М. П.) и Кочергинском на Вятке (Талицкий М. В., 1940б). В 1929 г. был открыт Вятский могильник, оставшийся неисследованным. В обобщающих работах 1949—1952 гг. по древней и средневековой истории Среднего Поволжья (Смирнов А. П., 1949; 1952; Бадер О. Н., 1951а, 1951б) нашла отражение и археология марийцев, располагавшая тогда ограниченным кругом памятников.

Планомерное изучение марийских древностей началось только с организацией в 1956 г. Марийской археологической экспедиции Марийского научно-исследовательского института при Совете Министров Марийской АССР, предпринявшей поиски древнемарийских памятников. За пять лет работ этой экспедиции разведкой было обнаружено более 20 городищ и пять селищ второй половины I тысячелетия н. э. (Патрушев В. С., 1964). На некоторых открытых еще в XIX в. поселениях, в частности на Ижевском и Кубашевском городищах, были проведены небольшие раскопки (Архипов Г. А., 1962а; 1962б).

В конце 50-х годов было продолжено изучение средневековых могильников IX—XI вв. «Черемисское кладбище» и Веселовский (Халиков А. Х., Безухова Е. А., 1960). В 1963—1965 гг. Г. А. Архиповым был открыт и исследован Дубовский могильник, датирующийся тем же временем (Архипов Г. А., 1964). Раскопки могильника были продолжены и завершены им в 1980—1981 гг. (Архипов Г. А., 1983, с. 135). В 60-х годах велись систематические раскопки Младшего Ахмыловского могильника V—VII вв., материалы которого осветили начальный период формирования марийской народности (Патрушев В. С., Халиков А. Х., 1967, с. 94; 1968, с. 124; Архипов Г. А., Патрушев В. С., Халиков А. Х., Членова Н. Л., 1969, с. 159; Архипов Г. А., 1976б, с. 110—112). В конце 60—70-х годов были обнаружены и исследованы могильники XII—XIII вв.: Руткинский, Выжумские II и III (Каховский В. Ф., Краснов Ю. А., Ошибкина С. В., Трубникова Н. В., Халиков А. Х., Черников В. Ф., 1970, с. 131; Архипов Г. А., Воронина Р. Ф., Каховский В. Ф., Краснов Ю. А., Патрушев В. С., Цветкова И. К., Черников В. Ф., 1971, с. 137, 138; Архипов Г. А., Вайнер И. С., Каховский В. Ф., Краснов Ю. А., Никитина Г. Ф., Патрушев В. С., Цветкова И. К., 1972, с. 174—180) и Починковский (Архипов Г. А., 1977, с. 110—118).

Новые археологические материалы обобщены в статьях, вошедших в сборник «Происхождение марийского народа» (1967). В 1973 г. вышла книга Г. А. Архипова «Марийцы IX—XI вв.», где на основе многолетних археологических исследований рассмотрены хозяйство, общественный строй, погребальный обряд, национальный костюм древних марийцев. Особое внимание в книге уделено этногенезу и этнической истории марийцев. Основным источником для автора послужили материалы могильников.

В 70—80-х годах марийские археологи стали уделять больше внимания изучению средневековых поселений. Разведкой выявлены новые селища в нижнем течении Ветлуги и на правобережье Волги, относящиеся, судя по подъемному материалу, к началу II тысячелетия н. э., ведутся небольшие раскопки на городищах (Сомовское II) середины I тысячелетия н. э. (Архипов Г. А., 1979а, с. 154, 155; 1982а, с. 11, 12).

Древнейшим типом поселений мари являются городища. Как показали обследования А. Х. Халикова и Г. А. Архипова, в Поветлужье и на правобережье Вятки довольно много городищ, возникших в первой половине I тысячелетия н. э. и использовавшихся также в середине и последней трети I тыся-

челетия н. э. (Архипов Г. А., 1962а, с. 206—230; Халиков А. Х., 1962, с. 131—153). Как правило, это мысовые городища, укрепленные валом с напольной стороны. Некоторые из них, почти не имевшие культурного слоя, служили убежищами.

Формирование марийского народа происходило на территории Среднего Поволжья, нижнего и среднего течения Ветлуги, Вятки и нижнего течения Суры. По вопросам этногенеза мари высказывались различные, подчас противоречивые, точки зрения. Одним из компонентов в сложении народа явились племена дьяковско-городецкой культуры, которые перешли на левобережье Волги и заняли Поволжье, вступив в контакт с местным ананьинским населением. О. Н. Бадер и А. П. Смирнов признавали городецкий компонент в сложении марийского народа решающим. Они полагали также, что разделение марийцев на горных и луговых произошло уже после формирования первоначальной общности.

Открытие новых памятников азелинской культуры в 60—70-х годах XX в. показало, что ее носители к V—VI вв. распространились на левобережье Волги от Вятки до устья Ветлуги. На юге азелинские племена заселяли район впадения Камы в Волгу. В этой связи А. Х. Халиков считает, что решающим в сложении марийского народа явился не городецкий, а послепланетинский субстрат, т. е. азелинские и близкие им послепланетинские племена, которые составили основу луговых марийцев. Горные марийцы сформировались одновременно с луговыми уже в V—VII вв. на основе городецко-дьяковских племен (Халиков А. Х., 1976, с. 12—21). Типичным памятником горномарийцев А. Х. Халиков считает Младший Ахмыловский могильник в низовьях Ветлуги. Однако археологических признаков, подтверждающих этнические различия между горными и луговыми марийцами для времени до IX в., очень мало. С IX в., как полагает А. Х. Халиков, материальная культура марийцев выступает как единая этническая общность (с сохранением двух основных подразделений, о которых говорилось выше).

Г. А. Архипов, неоднократно выступавший в печати в связи с вопросом об участии городецкого и азелинского компонентов в сложении марийцев (Архипов Г. А., 1968; 1973, с. 91—100; 1976б, с. 27—37; 1982б), полагает, что с момента появления азелинских племен в Марийском Поволжье (не позже III—IV вв. н. э.) начались их тесные контакты с городецко-дьяковскими племенами, которые привели к взаимной ассимиляции. Одним из памятников последней, по его мнению, является Младший Ахмыловский могильник V—VII вв., материальная культура которого представляется уже «достоверно марийской» (Архипов Г. А., 1976б, с. 37).

Памятников VIII—IX вв. известно очень мало, и проследить процесс формирования марийской этнической общности трудно. Памятники IX в. известны в основном по отдельным погребениям в составе могильников IX—XI вв. Могильники X—XI вв. дают представление о вполне сложившейся культуре средневековых мари. В X—XI вв. в составе инвентарей этих могильников встречается довольно много болгарских изделий и подражающих им (наборные пояса, кошельки, браслеты со вставками),

восточных монет. В могильниках XII—XIII вв. много вещей славяно-русского происхождения (Архипов Г. А., Патрушев В. С., 1976б, с. 57—58).

Археология мари включает кладбища XIV—XV и XVI—XIII вв. (Шикаева Т. Б., 1981), поскольку, принимая магометанство от болгар и казанских татар и христианство от русских, марийцы по существу оставались язычниками.

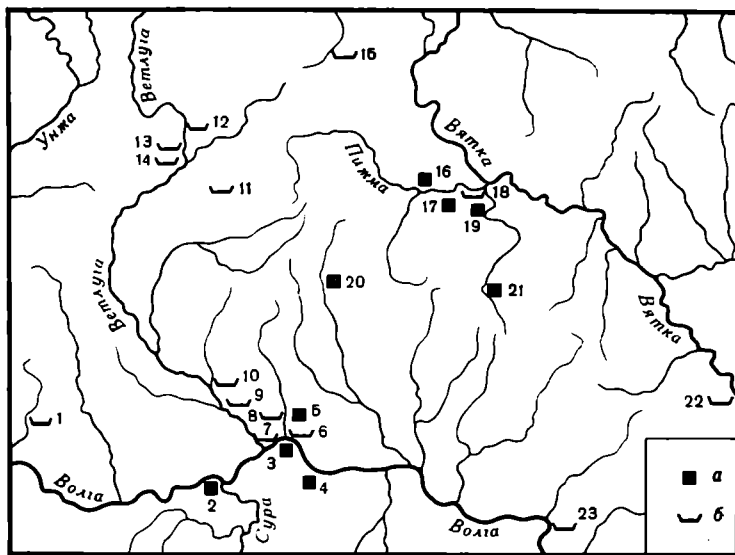
Соседями марийцев в древности являлись на востоке удмурты, на юге — мордва, на западе — меря. Помимо известных ранее (Ернурское городище), Марийской экспедицией в 1957 г. открыты новые городища: Юшкское, Верхне-Регежское, Мари-Биямарское, Кузнецовское и др. (Архипов Г. А., 1962, с. 145). На некоторых древних многослойных городищах выявлены слои VI в.: Чертово городище на Ветлуге, Васильсурское II на правобережье Волги, Сомовское II в Воротынском р-не Горьковской обл. (Архипов Г. А., 1979а, с. 50).

Раскопками Марийской экспедиции 1957 и 1958 гг. на Кубашевском городище на р. Большая Кокшага уточнена система укреплений вала, а в верхнем горизонте культурного слоя найдены керамика и металлические украшения азелинского и более позднего времени. Особенно интересна стилизованная полая подвеска-уточка, представляющая собой поздний вариант азелинских уточек (Архипов Г. А., 1962а, табл. XLV, 7). Аналогичная найдена на Юмском могильнике. Дата таких подвесок — VII — начало VIII в. (Голубева Л. А., 1979б, табл. I, рис. 16—23, с. 15).

На многих городищах середины I тысячелетия н. э. обнаружены следы обработки железа и медно-литейного производства (Васильсурское II, Кубашевское, Бурыгинское, Еманаевское, Сомовское II и др.). Особенно интересны находки орудий труда кузнеца и литейщика на Ижевском городище, верхняя дата культурного слоя которого IX—XI вв. (Архипов Г. А., 1973, с. 76).

Сравнительно немного известно о постройках и укреплениях средневекового времени на марийских городищах. Есть свидетельства о том, что на Ардинском городище (левобережье Волги) оборонительная стена относится к древнемарийскому времени (Архипов Г. А., Патрушев В. С., 1976а, с. 157). Остатки укреплений в виде вала и рва и конструкция вала изучены на городищах Ижевском, Иванова гора, Русенихинском, Шилихинском, Богородском (Архипов Г. А., 1962а, 1962б; 1982а, с. 11—20). В 1982 г. В. С. Патрушев открыл на городище Махлай (правобережье Волги) остатки наземного жилища размерами 7,20×4,55×4,30 м (Патрушев В. С., 1983, с. 170). Разведками выявлено несколько древнемарийских селищ, но они не раскапывались.

Могильники мари грунтовые (карта 23). Их известно 15; Кантауровский, Лопьяльский, Вятский (Прокошев Н. А., 1931, с. 57), Борисковский, Младший Ахмыловский, могильник на Чертовом городище, Юмский, Черемисское кладбище, Веселовский, Кочергинский, Дубовский, Выжумские III и II, Руткинский, Починковский. На первых трех найдены только захоронения вещей, а погребений не обнаружено. Все могильники разрушены при земляных работах или кладочискателями. Количество исследованных погребений в них — от пяти до 40—80

Карта 23. Археологические памятники марийцев VI—XIII вв.

а — городища; б — могильники; 1 — Кантаурово; 2 — Сомовское II; 3 — Иванова гора; 4 — Малахай; 5 — Ардинское; 6 — Дубовский; 7 — Ахмыловский Малый могильник; 8 — Рутка; 9 — Починковский; 10 — Выжумские II и III могильники; 11 — Веселовский; 12 — «Черемисское кладбище»; 13 — «Чертово городище»; 14 — Ефанахинский; 15 — Юмский (Загребинский); 16 — Еманаевское; 17 — Ижевское; 18 — Кочергинский могильник; 19 — Бурятинское; 20 — Кубашевское; 21 — Большая Гора; 22 — Лонъял; 23 — Борисковский могильник

(табл. 8). Могильники представляют собой кладбища небольших общин.

В могильниках V—XI вв. имеют место три типа захоронений: трупосожжения, ингумация и кенотафы, в могильниках XII—XIII вв. — только ингумация.

Трупосожжения совершались на стороне в специальных кремационных ямах. Такие ямы открыты в Младшем Ахмыловском и Юмском могильниках. В последнем кремационная яма имела размеры $3,0 \times 2,5$ м и глубину 1,1 м. Полагают, что покойный сжигался без вещей и одежды. Могильные ямы для захоронений остатков трупосожжения, как правило, имели размеры и глубину обычных могил. Дно их иногда устилалось досками или лубом. В размещении вещей и кальцинированных костей в могилах наблюдается несколько вариантов. Кальцинированные кости сыпались кучкой или рассыпались по дну могилы. Вещи располагались или вместе с костями в одной груде, или раскладывались как бы в порядке их ношения при жизни покойного. Иногда в могилу клалась меховая одежда, и вещи располагались на ней.

Кенотафы представляли собой захоронения вещей, завернутых в одежду, стянутую поясом. Сверху узел прикрывался деревянной или металлической чашей, иногда котлом.

При трупоположениях покойные укладывались в могилу без гробов, на подстилку из досок, коры или войлока. Остатки меховой одежды или луба почти всегда прослеживаются и над погребенным. Иногда лицо покойного закрывали холстом или шёлком. Погребения одиночные. Умершие лежали на спине с вытянутыми вдоль туловища или согнутыми руками. Господствующая ориентировка — северная и северо-западная. Нередко в мужских погребениях

встречаются заупокойные дары, состоящие главным образом из женских украшений; иногда их помещали в берестяные туески. Вещевой инвентарь трупоположений идентичен инвентарю захоронений по обряду кремации.

Глиняная посуда в погребениях встречалась очень редко, а железные или медные котлы — часто, причем больше в мужских погребениях, чем в женских. В женских погребениях, помимо украшений, встречались копоушки, ножи, шилья, кошельки, в захоронениях литейщиц — льячки, формочки. Нередки топоры, а наконечники стрел единичны.

В мужских захоронениях обязательно присутствуют кресала, кремни, ножи, топоры. Нередки шилья, кошельки. Почти в каждом погребении найдены наконечники стрел с остатками деревянных колчанов. Копий немного. Топоры и копыя иногда находят воткнутыми в землю. Известно одно погребение кузнеца (Младший Ахмыловский могильник) с полным набором кузнечного инвентаря.

В поздних погребениях (XII—XIII вв.) языческий погребальный обряд сохраняется. Господствует северная ориентировка погребений; погребальный инвентарь обилен.

Этнически определяющими предметами являются головной убор, нагрудные украшения, пояс и обувь. В состав головного убора входили венчики, цепочки, височные кольца и серьги. Венчик состоял из спиралей и обоймиц, часто укрепленных на узком кожаном ремешке. Последний одевался вокруг головы и застегивался пряжкой (табл. XLIX, 12).

Более распространенный тип венчика или головной повязки состоял из жесткой основы (луб, береста) шириной до 3 см, обтянутой кожей и завязанной на затылке шнурками. Повязка украшалась спереди пластинчатыми накладками или проволокой, имитирующей плетенку.

Головная цепочка состояла из проволочных звеньев различной формы, ее длина иногда превышала 3 м. Она обертывалась вокруг головы несколько раз, располагаясь выше налобной повязки. Возле ушей и на затылке к цепочке крепились свисавшие вертикально короткие цепочки или кожаные ремешки, заканчивающиеся бубенчиками, пуговками, изображениями уточек, выполненных из рога, когтями рыси и пр. Иногда цепочки носились и без венчика.

Височные кольца из круглой гладкой серебряной или медной проволоки по оформлению концов делятся на три основных типа: с отогнутым концом (табл. XLIX, 16, 17); с одним, образующим завиток, а вторым заостренным концом; с одним утолщенным и отогнутым наружу концом, образующим многогранную или округлую головку (табл. L, 9, 10). Последние кольца наиболее характерны для марийцев; прототипом их явились гривны глазовского типа. Кольца с завязанными концами из гладкой или перевитой проволоки более поздние.

Наиболее распространенными типами серег являлись круглопроволочные подтреугольной формы (табл. LI, 9, 10); некоторые из них имеют внизу петельные изгибы (табл. L, 7). Такие серьги встречались не только в женских, но и в мужских погребениях.

Довольно многочисленны также лунничные височные кольца, обычно изготовлявшиеся из сере-

Таблица 8. Грунтовые могильники мари

Название могильника	Исследователь, дата раскопок	Погребальный обряд					Число погреб.	Дата
		сожжение	ингумация	ориентировка	кенотаф	неопред.		
Ахмыловский Младший	Архипов Г. А., Патрушев В. С., 1966—1969, 1974	19	56	С; СВ; СЗ			75	V—VII вв.
«Чертово городище»	Халиков А. Х., 1957	1	2	ЮЗ			3	VI—VII вв.
Загребинский (Юмский)	Спицын А. А., 1891				3		3	IX—XI вв.
	Генинг В. Ф., 1957	3	3		2	1	9	
«Черемисское кладбище»	Каменский В. И., 1908	9	4	С; СЗ		3	16	IX—XI вв.
	Халиков А. Х., Архипов Г. А., 1957	2	8	З	2	1	13	
Веселовский	Званцев М. П., 1929	?	?	СЗ			13	IX—XI вв.
	Халиков А. Х., 1957	2	13	ЮЗ			15	
	Архипов Г. А., 1958	8	19	СВ	3		30	
Кочергинский	Талицкий М. В., 1929—1930	2	2	СВ	1		5	IX—XI вв.
Дубовский	Архипов Г. А., 1962, 1963—1965, 1980—1981	13	67	С; СЗ; ЮЗ; З	2		82	X—XI вв.
Борисковский	Случ. находки, 1890		2	С			2	X—XI вв.
Выжумский III	Архипов Г. А., 1971		22	С; СЗ	2		24	XII—XIII вв.
Выжумский II	Архипов Г. А., 1981		6	С			6	XIII—XII вв.
Руткинский	Халиков А. Х., 1958		27	С; З			27	XII—XIII вв.
	Халиков А. Х., 1969		3				3	
	Архипов Г. А., 1970		19				19	
Починковский	Архипов Г. А., 1971		15	С; ЮВ			15	XII—XIII вв.

ра, и серьги салтовского типа с гроздевидными привесками (табл. LI, 3).

Серьги круглопроволочные с напускными металлическими бусинами и проволочные перстнеобразные встречены в более поздних (XII—XIII вв.) погребениях. Они возникли как результат контактов со славяно-русским населением.

Весьма своеобразны нагрудные украшения и способ их ношения. У марийских женщин бытовал нагрудник, унаследованный, несомненно, от племен азелинской культуры. Он представлял собой полосу кожи, пришивавшуюся к одежде поперек груди. Иногда эта горизонтальная полоса по сторонам дополнялась двумя вертикальными; известны и нагрудники в виде треугольника. Украшения крепились к нагруднику по сторонам или подвешивались на шнурке (ремешке) через шею, также попарно.

Нагрудные украшения, несомненно, играли роль оберегов — «сторожей груди». В них всегда присутствует образ коня или птицы. Сугубо марийскими являлись коньковые подвески с ажурным трапецевидным щитком (табл. LI, 23). Их изготавливали наборной техникой или путем соединения деталей: волнообразно изогнутых и прямых проволочек, скани, зерни с трапецевидной основой, отливавшейся в форме. Марийские мастера снабжали эти подвески длинными проволочными цепочками с бутыльчатыми или конусовидными привесками. Иногда щитки таких подвесок попадали к муроме, и муромские ювелиры дополняли их шумящими привесками, распространенными в их среде: цепочками из литых звеньев с лапчатыми привесками (Голубева Л. А., 1979б, с. 51). Дата коньковых подвесок с трапецевидным щитком — X — первая половина XI в.

Для парных нагрудных украшений марийские

мастера использовали также подвески с арочными ажурным литым щитком (табл. L, 2, 7) и литые коньковые подвески с прорезной основой разных типов (табл. LI, 1). Щитки этих подвесок вывозили из Верхнего Прикамья, где их производили и носили с VII в. н. э. (Голубева Л. А., 1979б, с. 44, табл. 17). В марийских могильниках эти украшения датируются VIII — началом XI в. Шумящие привески к ним изготавливались уже на марийской территории с учетом местных вкусов. Это длинные проволочные цепочки, заканчивающиеся конусовидными привесками, бубенчиками, изображениями птичек или коньков из рога. В качестве парных нагрудных украшений (Веселовский могильник, погребение 29) использовались и мерянские коньки (Архипов Г. А., 1973, рис. 23, 18). У мери же коньки служили главным образом плечевыми украшениями.

Марийские женщины (как и мужчины) носили кожаные пояса с подвесными ремешками, число которых доходило до шести. Как пояс, так и ремешки украшались металлическими бляшками, наконечниками, пряжками. Бляшки разнообразны по типам, часто изготовлены из серебра с позолотой и являются серийной продукцией искусных мастеров. Аналогии марийским поясам Г. А. Архипов указывает в древностях кочевников от Алтая до Среднего Подунавья и обращает внимание на прямое сходство некоторых с поясами из венгерских могильников X в. (Архипов Г. А., 1973, с. 36, 37).

К поясам прикреплялись кошельки или сумочки из тисненой кожи с металлическими запорами. В них помещали монеты, огниво с кремнем, амулеты; кошельки украшались медными и серебряными бляшками, распивались серебряными нитями (табл. L, 18, 19). Иногда на лицевой стороне ко-

шелька помещалась серебряная позолоченная пластина с сюжетным изображением.

Как пояса, так и кошельки в Марийское Поволжье попадали через болгар и степных кочевников. Г. А. Архипов, ссылаясь на ряд венгерских изданий, указывает точные аналогии марийским кошелькам в материалах венгерских погребений X в. (Архипов Г. А., 1973, с. 40; 1976а, с. 125, 127).

Нередко к поясу прикреплялось также шило с футляром для острия и рукоятью из рога, украшенной резьбой (табл. L, 12). Подобные шилья изготовлялись и носились главным образом в Верхнем Прикамье в IX—X вв.

Характерной особенностью женского убора являлось ношение копоушек. Обычно они вырезались из рога; известны и две медные. Верхняя часть копоушек иногда оформлена в виде двух разносмотрящих конских головок, а сама пластина покрыта резным геометрическим орнаментом (табл. XLI, 2; LII, 9).

Как копоушки, так и гребни подвешивались к поясу или являлись частью нагрудных украшений. Гребни — односторонние, орнаментированные. Расчесок с футлярами известно очень мало; вероятно, это славянский импорт.

Женская одежда состояла из холщовой (шерстяной?) или меховой рубахи, доходящей до голеней и подпоясанной тесьмой. Верхняя одежда представляла собой кафтан из телячьей (или молодого лося) шкуры, мехом внутрь. Кафтан расшивался по швам и подолу серебряной проволокой и подпоясывался ремнем. Ворот рубахи или кафтана иногда застегивался круглой пряжкой.

На голове носили шапку (кожаную, войлочную, меховую) с куньей или лисьей опушкой.

На ногах были шерстяные чулки. Обувь — кожаная, типа поршней. Спереди ее украшали цепочками и очковидными подвесками с двумя спиралевидными щитками (табл. L, 12). На задниках обычно размещались умбоновидные бляхи с привесками-лапками или без них.

Головной убор мари в V—VII вв. был близок муромскому. В погребениях Младшего Ахмыловского могильника неоднократно находили головные жгуты; там же, а также в погребениях на Чертовом городище встречены головные венчики из спиралей и обоймиц, иногда положенных на кожаную основу.

Головные уборы дополнялись крестовидными фибулами и пирамидальными колокольчиками (табл. XLIX, 4). В Младшем Ахмыловском могильнике найдены типично муромские височные кольца со щитком.

Нагрудные украшения этого времени также близки среднеокским. В Младшем Ахмыловском могильнике найдены бронзовые гривны с петлями, украшенные напускными бусинами и обмотанные проволокой (табл. XLIX, 1), бляха с дверцей (табл. XLIX, 3). В погребениях на Чертовом городище обнаружены связки пронизок и конусовидных привесок с ободками, также служившие, очевидно, нагрудными украшениями.

Полая подвеска-уточка из погребения 122 Младшего Ахмыловского могильника (табл. XLIX, 3), яв-

лявшаяся нагрудным украшением, очень близка подвеске из погребения 184 Подболотьевского могильника муромы (Голубева Л. А., 1979б, с. 17, табл. 3, 1—2).

Уже упоминавшиеся стилизованные полые подвески-уточки, найденные на Юмском могильнике и Кубашевском городище, представляют собой элементы азелинского культурного влияния.

Представление о женском уборе IX в. весьма неполно ввиду малочисленности исследованных погребений. Можно отметить, что распространенным головным убором был венчик, снабженный проволочными височными кольцами с одним отогнутым концом (табл. L, 9, 10). Отмечен кожаный нагрудник; среди шумящих украшений есть большая круглая бляха с большими бронзовыми конусовидными привесками. Тогда же в составе нагрудных украшений появляются коньки из рога (табл. L, 11).

Датирующими находками являются перстни со вставкой из стекла или камня и щитком из крестообразно расположенных полусферных бусин (табл. L, 6). Носили также пластинчатые браслеты с отогнутыми концами (табл. L, 13, 14).

Женский убор X — начала XI в. характеризуется особой полнотой и завершенностью. В дополнение к сказанному о головном уборе, нагрудных украшениях и поясе отметим обилие шейных украшений. Излюбленным типом являлись гривны глазовского типа (табл. LI, 4); их было иногда по две-три в погребении. Гривны из круглого перебитого дорота или пластинчатые найдены в нескольких экземплярах.

Ожерелья содержат сравнительно немного стеклянных бус; преобладают бронзовые бусы, спиральки, встречаются амулеты из костей и когтей животных. Металлические подвески в ожерельях также имеют значение оберегов, и в их числе подвески-всадницы из Прикамья (табл. LI, 5). Реже встречались треугольные шумящие подвески, привезенные с Чепцы, с родины удмуртов, где эти подвески служили височным украшением (Голубева Л. А., 1982, с. 119—121).

К числу нагрудных украшений X в. следует отнести немногочисленные находки полых бронзовых уточек с поперечными петлями и напаянными жгутами на тулове, имитирующими крылья. Эти подвески из Веселовского могильника интересны тем, что продолжают эволюцию полых подвесок-уточек окских могильников VII в. (Голубева Л. А., 1979б, с. 17—21, табл. 4, 1, 2).

Распространенным украшением были браслеты (до 19 экземпляров в погребении), главным образом многогранные (табл. LI, 20, 22), пластинчатые (табл. LI, 24) — редки. Изредка встречались витые серебряные браслеты болгарского производства со вставками на концах. Среди перстней наибольшим количеством представлены щитковые усатые с валиком (табл. LI, 21). Спиральные перстни (табл. LI, 16) очень редки, а перстень с подвесками найден только один.

По погребениям XII—XIII вв. прослеживаются значительные изменения в женском уборе и составе украшений. Постепенно исчезают головная цепочка и повязка вместе с типично марийскими височ-

ными кольцами. Вместо них входят в употребление перстнеобразные или 2—3-бусинные (табл. LIII, 13).

По-прежнему часты гривны, но других, чем раньше, типов; проволочные одинарные или витые из трех прутьев, с завязанными или загнутыми крючком концами (табл. LIII, 3—6). В составе ожерелий, как и раньше, стеклянных бус меньше, чем металлических украшений; среди последних много славянских типов: лунниц и круглых ажурных кресто-включенных подвесок, а также чепецких треугольных шумящих подвесок поздних типов (табл. LIII, 1, 10).

Среди нагрудных украшений появляются зооморфные подвески из Костромского Поволжья: стилизованные коньковые подвески (табл. LIII, 8), плоские литые подвески-птички с шумящими привесками, литые четырехногие коньки. Есть несколько плетеных коньков, мерянских.

Встречено много браслетов, среди которых преобладают орнаментированные пластинчатые округло-конечные; перстни главным образом рубчатые.

Мужская одежда состояла из льняной, шерстяной или меховой рубахи и кафтана, спитого из телачьей или лосиной шкуры, который обязательно подпоясывался. В погребении 13 Веселовского могильника найдены кожаные пятипалые перчатки. Кожаная обувь украшалась бронзовыми шумящими привесками.

Наиболее распространенным бытовым предметом в погребениях мужчин являлись железные огнива. Древнейшим типом здесь, как и у других финских племен бассейна Волги, были пластинчатые. Известно огниво из погребения кузнеца Младшего Ахмыловского могильника (табл. XLIX, 14). В IX—XI вв. на рассматриваемой территории бытовали огнива разных типов, широко известные как в Западной, так и в Восточной Европе: калачевидные с язычком, овальные, шестиугольные. В XII—XIII вв. они сменяются овально-удлиненными огнивами с закругленными расширениями прорезей и с зубчатой прорезью (табл. LIII, 26—28) — типами, хорошо известными у славян.

В X — первой половине XI в. марийцы пользовались стальными огнивами с бронзовой рукоятью. Такие огнива, будучи предметом международной торговли, известны по всему северу Европы. Одним из крупнейших центров их производства являлось Верхнее Прикамье (Голубева Л. А., 1964б, с. 115—132). Тот факт, что у марийцев больше, чем у кого-либо из других финно-угров бассейна Волги, получили распространение огнива с бронзовыми рукоятями, вероятно, следует объяснить территориальной близостью с Прикамьем. Примечательно также, что эти огнива, являвшиеся повсеместно принадлежностью мужчин-воинов, у марийцев найдены и в женских погребениях.

На табл. LIV воспроизведено 16 огнив из марийских могильников. 12 из них изданы Г. А. Архиповым (Архипов Г. А., 1973, рис. 70, 1—12). Другие найдены в 1980 г. при раскопках Дубовского могильника (Архипов Г. А., 1984, рис. 23, 1—7). Находки 1980 г. не только дополнили марийскую коллекцию огнив, но и обогатили ее новыми вариантами, а также двумя новыми типами. Так, к огнивам I группы, рукоять которых изображает одно живот-

ное или схематизированный его образ, прибавились два новых экземпляра, дополняющих 1 и 2 типы.

Новый тип в этой же группе представляет огниво из погребения 55 Дубовского могильника, на рукояти которого изображен зверь, обернувшийся назад и кусающий собственный хвост (табл. LIV, 2). Облик зверя весьма условен и занимает промежуточное место между зооморфными изображениями (горный козел и барс) на рукоятях 3-го и 4-го типов огнив I группы (Голубева Л. А., 1964б, рис. 2).

Огнива II группы, представляющие стилизованные изображения двух противостоящих звериных голов с длинными шеями и раскрытыми пастьми — второй вариант 4-го типа и тип 5 (табл. XLIV, 1, 4, 7, 11), так же как и огниво типа 7, на рукояти которого представлены две птицы (табл. LIV, 8), даны по публикации Г. А. Архипова.

На рукояти огнива III группы изображен мужчина между двумя птицами (табл. LIV, 12). Огниво происходит из погребения 4 «Черемисского кладбища» (раскопки В. И. Каменского). Сюжет рукояти огнива истолковывался различно. Л. А. Голубевой он объяснен как сцена вознесения на небо Александра Македонского двумя грифами (Голубева Л. А., 1964б, с. 129, 130). Г. Ф. Корзухина увидела в этой композиции иллюстрацию к тексту «Младшей Эдды» о боге Одине и ручных воронах, сидящих у него на плечах (Корзухина Г. Ф., 1977, с. 156—162). Гипотеза эта весьма правдоподобна. К сожалению, ни одного огнива с этим сюжетом в Скандинавии или Финляндии не найдено. В Прикамье известно девять таких огнив, и одно найдено в дружинном кургане X в. в Киеве.

IV группа огнив — два всадника, едущих в разные стороны, — представлена четырьмя экземплярами (два — находки 1980 г.). Многочисленные огнива данной группы из Среднего Поволжья и Прикамья представляют собой, за редким исключением (табл. LIV, 16), искаженные отливки, почти утратившие сходство с оригиналом. Так, Г. А. Архипов принял рисунок рукояти огнива из погребения 16 Веселовского могильника (табл. LIV, 13) за изображение «двух водоплавающих птиц, расположенных головами в разные стороны». Самые четкие изображения всадников имеются на огнивах из Финляндии, Норвегии, Швеции. Находки огнив IV группы из этих стран и количественно преобладают. Огнива из могильника Луистари (Западная Финляндия) оказались и самыми ранними — начало X в. (Лехтосало Хиландер П.-Л., 1979, с. 88). Из всех огнив с фигурными бронзовыми рукоятями только огнива IV группы, вероятно, первоначально производились в Финляндии. Их изготовление в Прикамье по привозным образцам относится к X — первой половине XI в.

Еще один новый тип огнив представлен находкой 1981 г. в Дубовском могильнике. В качестве рукояти огнива использована бронзовая коньковая подвеска из Прикамья (Архипов Г. А., 1984, рис. 23, 7).

Универсальным орудием марийцев были топоры. Древнейшими являются втульчатые (табл. LII, 22—25), которые продолжали бытовать и в X—XI вв. В это время они сосуществуют с проушными топорами (табл. LII, 20, 26). По форме обуха и лезвия различаются клиновидные топоры с двумя

парами щековиц (табл. LII, 11, 19) и лопастные (табл. LII, 12, 13). Последние наиболее распространены и в позднейшее время. Лопастные топоры по форме выемки и наличию молоточковидного выступа на обушке делятся на несколько типов. Г. А. Архипов полагает, что для марийцев наиболее характерны лопастные топоры с округлыми щековиками и небольшим молоточкообразным выступом (Архипов Г. А., 1973, с. 45).

Боевые топоры (чеканы) с узким лезвием и вытянутым обушком известны всего в двух экземплярах (табл. LII, 15) и могут датироваться XI в.

Наконечники копий в мужских погребениях найдено немного. Все они втульчатые (табл. LII, 1—4). Преобладают копы с треугольной формой пера (табл. LII, 1, 2). Копья с пером ланцетовидной формы (табл. LII, 3, 4) очень редки.

Наконечники стрел — наиболее многочисленная находка в мужских погребениях. Как правило, стрелы помещали в могилу в деревянных колчанах, и, видимо, поэтому их находят лежащими в ряд или кучкой (от 4—12 и до 25 экземпляров в погребении). Преобладают железные наконечники стрел разных типов (табл. LII, 5—8, 18), костяные единичны (табл. LII, 17). Большинство железных наконечников стрел составляют плоские черешковые с ромбовидной формой пера (табл. LII, 8); менее распространены листовидные и двушипные (табл. LII, 6). Втульчатые наконечники стрел (табл. LII, 5) составляют всего около 8% находок.

Мечи в погребениях марийцев неизвестны; сабля найдена всего одна — в Юмском могильнике. Г. А. Архипов датировал ее VIII—IX вв.

Характерными для мужских погребений являются ножи (табл. LII, 21) в деревянных, обтянутых кожей ножнах. Иногда последние декорировались медными или серебряными пластинками или обоймицами (табл. LIII, 32). Несколько раз в подобных ножнах обнаружены имитации кинжалов.

Предметы полного снаряжения конного воина с удилами и стременами найдены лишь в двух погребениях (17 и 64) Дубовского могильника. В погребении 12 «Черемисского кладбища» обнаружены удила и колокольчики, а в погребении 6 — часть стремени.

Археологических данных, подтверждающих развитие земледелия у средневековых марийцев, почти нет. В музейных коллекциях имеются сошники и коса-горбуша (случайные находки на территории Марийской республики), датированные по аналогиям XI—XII вв. В одном из мужских погребений Веселовского могильника в 1929 г. обнаружен мешочек с просом и полбой, а в Руткинском могильнике зерна проса лежали в чаше (Архипов Г. А., 1973, с. 70). Вероятно, марийцы занимались подсечным земледелием и обработку расчищенных участков вели мотыгами. Не исключено, что в XI в. они уже были знакомы с пашенным земледелием. О выращивании льна и конопли свидетельствуют находки остатков тканей в погребениях.

Остеологический материал из верхних слоев ветлужских и вятских городищ свидетельствует о составе стада домашних животных. Найдены кости свиньи, лошади, крупного и мелкого рогатого скота (Архипов Г. А., 1973, с. 73; 1978, с. 10—20). Кости

диких животных (бобр, куница, соболь) составляли около 50%. Пушная охота была особенно развита в лесистом Поветлужье. Несомненно, большое значение имели и такие подсобные промыслы, как рыболовство и бортничество.

По Ветлуге, Керженцу и другим левым притокам Волги известны многочисленные выходы болотной железной руды, которая добывалась кустарным способом еще в XVIII и начале XIX в. Несомненно, выплавка и обработка железа здесь производилась и в древности, о чем свидетельствуют многочисленные находки шлаков на городищах. Как полагает Г. А. Архипов, обнаруженные на Кубашевском и Ижевском городищах ямы, обмазанные глиной, с находками шлаков, возможно, являлись рудообжигательными печами (Архипов Г. А., 1973, с. 76).

Добыча и обработка железа выделились в самостоятельные производства уже в азелинское время. В связи с этим можно упомянуть о погребениях кузнецов в могильниках Азелинском (погребение 1), Гремячинском (погребение 3), Тюм-Тюм (погребения 14 и 102). В могилу кузнеца (погребение 115) на Младшем Ахмыловском могильнике были положены как его инструменты (зубила, молоток, наковаленка), так и изделия кузнечного ремесла — пластинчатое кресало, наконечники копий, скобель, топор-кельт, обломок шила (табл. XLIX, 13—15, 20—24). Г. А. Архипов сообщает о находке в том же погребении обломка глиняного тигля и пинцета, применявшегося в ювелирном производстве (Архипов Г. А., 1979б, с. 49). Вероятно, кузнец одновременно был и литейщиком.

На поселениях следы литейного производства еще более многочисленны. К середине I тысячелетия н. э. относятся остатки литейной мастерской на Сомовском II городище. Здесь обнаружены так называемые производственные площадки из обожженной глины (остатки очагов), около которых найдены пять льячек, две каменные литейные формочки, шлаки (Архипов Г. А., 1979б, с. 43—47, рис. 3). На Бурыйгинском и Кубашевском городищах найдены льячки, а на Еманаевском и Ижевском — льячки и тигли (Архипов Г. А., 1973, с. 77). Последние находки относятся уже к X—XI вв.

В могильниках азелинской культуры середины I тысячелетия н. э. неоднократно встречены захоронения женщин-литейщиц. На это обратил внимание П. Н. Старостин, опубликовав женское погребение 33 Рождественского V могильника. В этом же могильнике разведкой 1970 г. обнаружено еще одно погребение литейщицы с льячкой у правого бедра. П. Н. Старостин указал на два аналогичных захоронения могильников Суворовского и Тюм-Тюм (Старостин П. Н., Кузьминых С. В., 1978, с. 168—172, рис. 1—2). К ним можно присоединить захоронения литейщиц из Мари-Луговского (погребение 35) и Нармонского могильников (Халиков А. Х., 1962, с. 168; Старостин П. Н., 1981, с. 82—85, рис. 4). Одновременное азелинским погребение литейщицы известно из раскопок В. И. Каменского на Чертовом городище на Ветлуге (Халиков А. Х., Безухова Е. А., 1960, с. 19, 20, рис. 16). В нем найдены льячка (табл. XLIX, 25) и каменная литейная формочка. Эти погребения подтверждают гипотезу о женском ремесленном литье как социальном

явлении и известном этапе в истории литейного ремесла финно-угров, выдвинутую Б. А. Рыбаковым (Рыбаков Б. А., 1948).

К X—XIII вв. относятся еще восемь погребений женщин-литейщиц. Хронологически они распределяются следующим образом. К X в. относятся захоронения в могильниках Веселовском (погребение 20), Дубовском (погребение 36), «Черемисское кладбище» (погребение VI, VIII). XI—XII вв. датируются три погребения (11, 13, 24) Выжумского III могильника, а XII—XIII вв. — погребение 7 Починковского могильника. Известно только одно погребение литейщика XI в. (Веселовский могильник, погребение 2). В погребениях литейщиц найдены льячки, формочки для отливки мелких украшений, слитки свинца и сплава олова с медью, шилья.

14 льячек из марийских погребений X—XIII вв. однотипны; у них массивные прямоугольные ручки, овальный ковпичек со сливом слева. Такие же льячки найдены на Ижевском, Еманаевском, Сомовском II и других городищах. Тигли у мари сохраняли рюмкообразную форму с VI по X—XI вв.

Для эпохи женского ремесленного литья характерны локальные особенности форм льячек и тиглей. Они могут рассматриваться предположительно в качестве этнических признаков. Особенно долго своеобразная форма орудий литейного производства сохранялась у марийцев, в связи с чем можно полагать, что литейное дело здесь не обособилось окончательно от домашнего производства.

Виды последнего были многообразны. Это плетение и ткачество, обработка кожи и кости, дерева и бересты и, конечно, гончарство. Вплоть до XII в. исключительно марийцы пользовались посудой, изготовленной без помощи гончарного круга (табл. LV, 1, 2, 4—10). В глиняном тесте в качестве примесей встречался шамот, реже — дрсва и песок. Посуда, по мнению Г. А. Архипова, обжигалась на костре. Цвет ее бурый, сероватый. В большинстве своем глиняные сосуды плоскодонные, но в районе Вятки выделялись и круглодонные. Орнамент очень редок (оттиски гребенчатого штампа, веревоч-

ки). Гончарная керамика единична. Это сосуд из Выжумского могильника (табл. LV, 3) и четыре горшка из погребений Починковского могильника, сделанные на ручном круге. В ряде погребений могильников мари встречены металлические котлы (табл. LV, 11—14).

В целом хозяйство марийцев носило натуральный характер, и ремесло оставалось деревенским. Однако торговые связи, как межобластные, так и международные, были достаточно оживленными.

В IX—X вв. были установлены тесные отношения с волжскими болгарами — основными покупателями местной пушнины. Инвентарь марийских могильников этого времени свидетельствует также об оживленных культурных и экономических отношениях с Прикамьем. Участие в восточной торговле документировано находками (хотя и немногочисленными) отдельных восточных монет и кладов на Пижме и Вятке (Марков А. К., 1910, с. 6, 7, № 32, 35, 36).

В Поветлужье восточные монеты и болгарские подражания им известны в семи погребениях. Они датируются X — началом XI в.

На левобережье Волги, в Дубовском могильнике, монеты обнаружены в 18 погребениях. В основном это саманидские дирхемы первой половины — середины X в. или подражавшие им брактеаты. Найдены также три дирхема болгарского чекана середины X в. и одна западноевропейская монета (графства Эвер) конца XI в. Большинство монет пробито, так как они служили подвесками. Западные связи в археологическом материале этого времени отражены слабо. Почти нет скандинавских вещей и мало славянских. Вероятно существование в X—XI вв. торгового пути по Ветлуге и Унже, благодаря чему осуществлялись связи с мерей и весью, но основным оставался Волжский путь.

Общественный строй марийцев можно охарактеризовать как военную демократию. С XII в. под влиянием контактов со славянами наблюдается развитие экономики и социальных отношений, начинается процесс феодализации.

Глава третья

Прикамские финны

Ныне к прикамской или пермской группе финно-угров принадлежат сформировавшиеся еще в эпоху средневековья коми-зыряне, коми-пермяки и удмурты. Пермскую этноязыковую общность большинство исследователей относят к раннему железному веку, когда обширные пространства Прикамья и восточной части Среднего Поволжья занимали племена ананьинской культуры (Смирнов А. П., 1952, с. 61—68; Збруева А. В., 1952, с. 205—215). К концу I тысячелетия н. э. на базе этой культуры оформляются такие культуры, как пьяноборская (чегандинская), гляденовская, осинская и карабызская. В начале средневековой поры складываются новые культуры — харино-ломоватовская, ванвиздинская и полумская, которые и послужили основой формирования в начале II тысячелетия н. э. коми-пермяков, коми-зырян и удмуртов.

Эта проблема широко обсуждалась на VI Международном конгрессе финно-угроведов, состоявшемся в г. Сыктывкаре в 1985 г.

Многие исследователи попытались подтвердить новыми материалами установившуюся точку зрения. По мнению Э. А. Савельевой, распад прапермской этноязыковой общности произошел в III—II вв. до н. э. в результате дифференциации ананьинской культурной общности на несколько археологических культур. Носители чегандинской и осинской культур приняли участие в этногенезе удмуртов, а гляденовская культура стала культурой пракоми. С коми-зырянами, по мнению этой исследовательницы, нужно связывать поселения и могильники вымской культуры (памятники перми вычегодской). Сформировалась же культура средневековых коми-зырян на основе ванвиздинской при участии прибалтийско-финского компонента (Савельева Э. А., 1985а; 1985б, с. 3—19).

Новая гипотеза была изложена в выступлении А. Х. Халикова. Начало финно-пермского языкового единства он относит к выделению из ананьинской культурной общности гляденовской культуры. Пермская этноязыковая общность существовала с III в. до н. э. по IX в. н. э. Сначала это были племена гляденовской культуры, потом носители ванвиздинской культуры. В IX—X вв. произошла дифференциация пермской общности на пракоми (вымская культура) и праудмуртов (лузско-вятские могильники X—XIV вв.). Эта точка зрения, как утверждает А. Х. Халиков, соответствует наблюдениям некоторых лингвистов об относительно позднем членении пермско-финского языка.

Дискуссия по этой проблематике показала, что в археологии имеется множество спорных и нерешенных вопросов, обусловленных прежде всего недостаточностью археологических материалов.

Начало исторического осмысления средневековых археологических древностей Прикамья положено было работами А. А. Спицына. В 1893 г. им было выпущено в свет первое сводное исследование, в котором получили освещение памятники Прикамья (Спицын А. А., 1893б). В 1902 г. средневековые материалы этого региона были систематизированы тем же исследователем (Спицын А. А., 1902). А. А. Спицын еще не располагал достаточным количеством фактических материалов, тем не менее им были выделены ломоватовские древности и различные находки получили хронологическую классификацию.

20—30-е и первые послевоенные годы XX в. характеризуются широкими полевыми исследованиями, в результате которых выявлено и раскопано большое число городищ и могильников, давших новые материалы для более полного представления об истории Прикамья в эпоху средневековья. Наибольший вклад в прикамскую археологию внесли А. В. Шмидт, Н. А. Прокошев, М. В. Талицкий и А. П. Смирнов. Научная систематизация и историческое осмысление всех накопленных к началу 50-х годов XX в. археологических материалов принадлежит А. П. Смирнову (Смирнов А. П., 1952, с. 174—225). В последние десятилетия собраны новые, более значительные материалы, раскопками исследованы десятки городищ и могильных памятников. Написаны интересные работы по отдельным средневековым археологическим культурам Прикамья, обстоятельно разрабатываются вопросы этногенеза камско-финских племен и народностей. Однако целостных исследований, охватывающих все средневековые древности Прикамья, пока нет.

Ванвиздинская культура

Со второй трети I тысячелетия н. э. Вычегодский край и обширные прилегающие к нему районы верхнего течения Мезени, верхнего и среднего течения Печоры входили в область распространения ванвиздинской культуры. Последняя предшествовала культуре перми вычегодской (вымская культура) и была одним из компонентов в сложении культуры коми-зырян.

Первым памятником ванвиздинской культуры стало открытое в 1922 г. геологами В. М. Козловским и Д. Д. Рудневым Ванвиздинское дюнное поселение, расположенное на р. Вычегда близ г. Сыктывкар, где уже тогда был собран керамический материал. В 1925 г. шурфовку здесь провел А. Н. Грен, и в том же году поселение копалось А. П. Смирновым (Смирнов А. П., 1929а, с. 427—429). Из-за архаического облика керамики и наличия в слое

поселения изделий из кремня, преимущественно скребков, оно было отнесено к эпохе бронзы и раннего металла. В 1928 г. на памятнике небольшие раскопки провел А. С. Сидоров, отнесший верхние горизонты этой стоянки уже ко второй половине I тысячелетия н. э. (Сидоров А. С., 1954, с. 69–82).

Другой памятник этой культуры — поселение Красная Гора — открыт на восточной окраине г. Сыктывкар геологом Д. Д. Рудневым в 1919 г. В 1945 г. небольшие раскопки этого поселения провела А. В. Збруева. Материалы ее раскопок были опубликованы Л. П. Лашуком (Лашук Л. П., 1955б, с. 72–77). В 30-х годах XX в. А. С. Сидоровым в Повычегодье было выявлено еще несколько поселений второй половины I тысячелетия н. э., сходных по облику керамики с Ванвиздинскими. Среди них наиболее интересным оказалось поселение Тохта на р. Яренга, притоке Вычегды (Сидоров А. С., 1928; 1954, с. 69–82).

Начиная с 1957 г. систематическое исследование памятников второй половины I тысячелетия н. э. в Повычегодье и в бассейне верхнего течения Печоры проводилось Г. М. Буровым, В. И. Канивцом, Э. А. Савельевой, А. М. Мурыгиным и К. С. Королевым. Г. М. Буровым в 1957–1963 гг. выявлены и обследованы в бассейне верхнего и среднего течения Сысолы поселения ванвиздинской культуры Зеленец, Вис II (суходол), Вис II (торфяник), а на Верхней Вычегде — поселения Озъяг I, Озъяг II, Дон, Помоздино, Ягкодз I и Ягкодз II, Ягкодзы, Кузьвомын, Воркерос, Варламовка, Лопьювад. Основной материал, полученный при раскопках этих памятников, — керамика, сходная по формам сосудов и орнаментации с посудой Ванвиздинского поселения. Особенно важными и интересными оказались результаты раскопок поселения Вис II (торфяник), где, кроме керамического материала, было обнаружено много кремневых изделий, бусы, изделия из дерева (луки, стрелы, обломки полозьев лыж, поплавки, рыболовные крючки), обрывки сетей. Там же сделаны и находки более раннего времени (Буров Г. М., 1959а, с. 161–168; 1959б, с. 38–48; 1960а, с. 47–50; 1960б, с. 115, 116; 1961, с. 100–108; 1962а, с. 3–41; 1962б, с. 107; 1963а; 1966, с. 155–173; 1967; 1968а; 1968б, с. 202–209; 1971; 1983, с. 55–62). На основе материалов полевых работ Г. М. Буровым была дана целостная характеристика ванвиздинской культуры, выделены ее хронологические этапы, высказано предположение об участии угорского элемента в ее сложении.

Большую работу для определения северо-восточной границы ванвиздинской культуры провел Г. А. Чернов, исследовавший памятники раннего железного века в низовьях и в меньшей степени в верховьях Печоры, а также памятники I тысячелетия н. э. в Большеземельской тундре, подавляющее большинство которых сильно отличалось от памятников ванвиздинской культуры (Чернов Г. А., 1948а, с. 55–122; 1948б, с. 50–59; 1951а, с. 96–104; 1951в, с. 81–83; 1951г, с. 96–114; 1954, с. 76–82; 1956, с. 104–115; 1959а, с. 12–37; 1959б, с. 228–231; 1960, с. 224–228).

Интересные материалы для характеристики рассматриваемой культуры получены при полевых ра-

ботах Э. А. Савельевой. В 1965 г. она провела широкие исследования на известном Тохтинском поселении, где, кроме находок, были выявлены следы построек ванвиздинской культуры, а в 1962–1970 гг. ею раскопано 27 погребений на Веслянском I могильнике VI–VIII вв., что дало представление о многообразии погребальной обрядности ванвиздинских племен этого времени (Савельева Э. А., 1963, с. 87–89; 1967б, с. 118–120; 1971; 1979б, с. 91–96; 1982, с. 14–31).

В 1962–1966 гг. большие разведочные работы по выявлению памятников ванвиздинской культуры в бассейне Печоры были выполнены В. И. Канивцом, открывшим и обследовавшим такие поселения, как Ягтыдин, Усть-Ляга I. Пидж Х. Кодач-ди, Судострой II, Усть-Нибель, Бичевник II и Бичевник III, Медвежье, Песчанка, Щельябож I и др. Исследователь указал вместе с тем и на существенные отличия их от памятников ванвиздинской культуры, расположенных в среднем течении Вычегды, в частности на присутствие на многих из них кроме ванвиздинской керамики так называемого бичевнического типа, имеющей, по мнению В. И. Канивца, нижеобское происхождение (Канивец В. И., 1964; 1965, с. 95, 100; 1974).

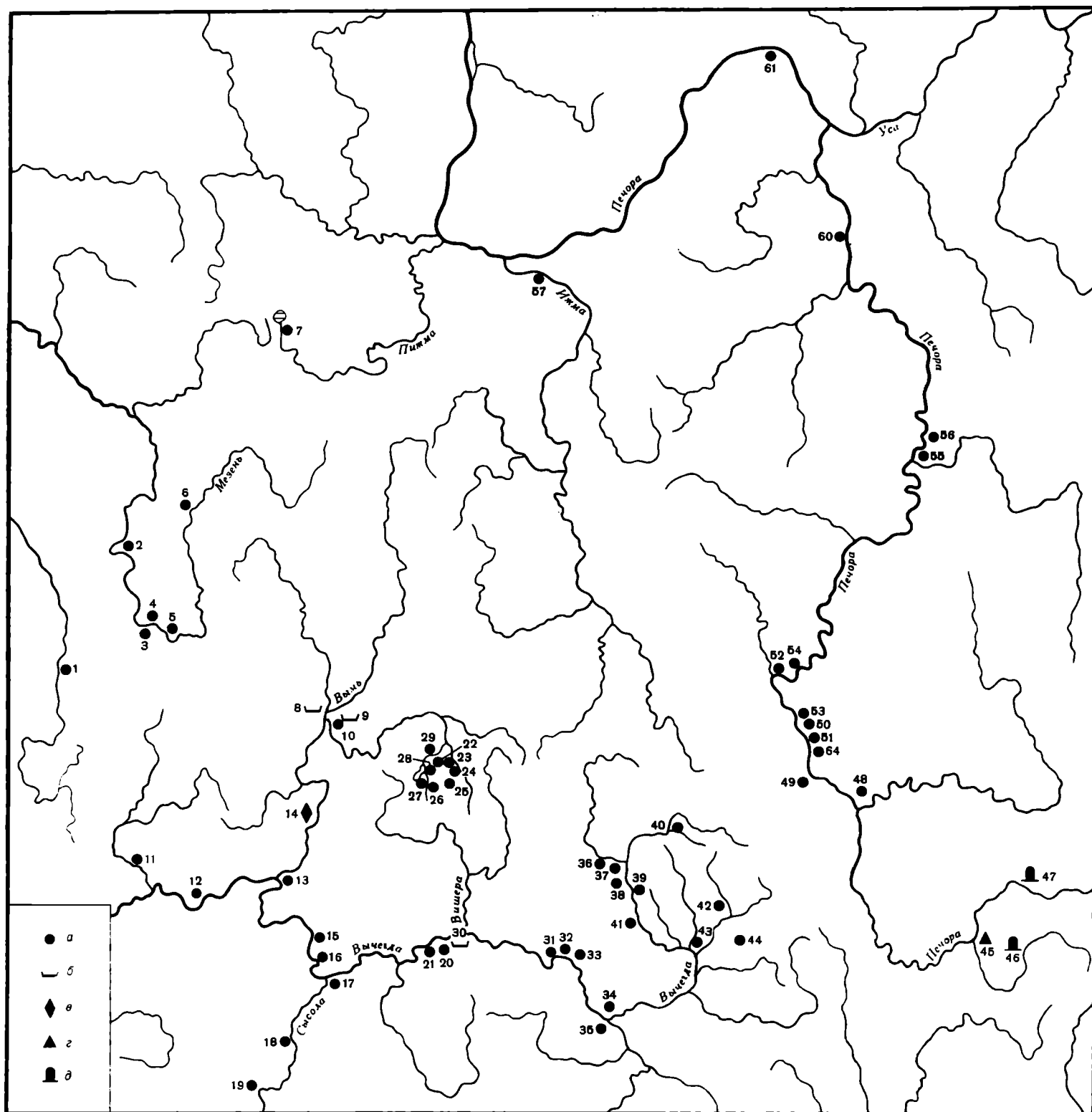
Относительно небольшие работы по исследованию памятников ванвиздинской культуры проведены в 70-х годах В. Е. Лузгиным. Несколько ранее им было обнаружено и частично исследовано в бассейне р. Ижма ванвиздинское поселение Черноборское II, на котором, кроме керамики и кремневых орудий, найдено бронзовое шаманское украшение. Поселение им было отнесено к раннему этапу культуры: IV–V вв. (Лузгин В. Е., 1972, с. 118–121). Результативными оказались и разведки его на центральном Тимане.

Значительный интерес представляют и исследования А. М. Мурыгина, сосредоточившего внимание в основном на изучении памятников бассейна верховьев Мезени. Им раскапывалось, в частности, поселение Усогорск III, которое ныне является одним из хорошо исследованных памятников ванвиздинской культуры (Мурыгин А. М., 1977, с. 55–60; 1978, с. 88–95; 1980, с. 71–91; 1981, с. 86, 87; Мурыгин А. М. Королев К. С., 1979, с. 95–96).

В 1979 г. в Княжпогостском р-не Коми АССР начаты раскопки Евдинского могильника ванвиздинской культуры (Косинская Л. Л., 1980, с. 13; 1981, с. 16; 1982, с. 20).

В 1974–1976 гг. К. С. Королевым велись раскопки поселения Шойнаты II на берегу одноименного озера рядом с пос. Сторожевск. В том же районе открыт и частично исследован могильник Шойнаты I, где раскопаны 10 погребений VII–VIII вв. (Королев К. С., 1977, с. 48–54; 1979а, с. 51; 1979б, с. 17; 1982, с. 20).

Весьма интересные результаты получены Н. Н. Чесноковой при исследованиях поселения Зеленец, расположенного на правобережье Вычегды, проведенных в 1979–1981 гг., и поселения Лозым, где в 1978 г. ею вскрыто около 1300 кв. м площади. Они дали обильные материалы для классификации керамики ванвиздинской культуры (Чеснокова Н. Н., Савельева Э. А., 1979, с. 36, 37; Чеснокова Н. Н., Герасимова Л. В., 1980, с. 38; Чеснокова Н. Н.,

Карта 24. Распространение основных памятников ванвиздинской культуры

а — поселение; б — могильник; в — случайная находка; з — клад; д — пещера; 1 — Смолокурня I; 2 — Ошчой III; 3 — Усогорск III; 4 — Шешты; 5 — Чойновты V; 6 — Кужвим; 7 — Пижма II; 8 — Евдинский; 9 — Веслянский I; 10 — Весляна I; 11 — Тохта; 12 — Жешарт; 13 — Ванвиздино; 14 — Княжпогост; 15 — Зеленец; 16 — Ниусъяг; 17 — Красная Гора; 18 — Лозым; 19 — Пб; 20 — Вис II (суходол); 21 — Вис II (торфяник); 22 — Вис I; 23 — Вис III; 24 — Вис IV; 25 — Симва I; 26 — Симва II; 27 — Синдор VI; 28 — Шойнаты I; 29 — Шойнаты III; 30 — Шойнаты II; 31 — Озъяг I; 32 — Озъяг II; 33 — Озъяг III; 34 — Паса-Шор; 35 — Дон (Донты); 36 — Ягкодз I; 37 — Ягкодз II; 38 — Ягкодз; 39 — Чудинты II; 40 — Кузьвомын II; 41 — Помоздино; 42 — Варламовка; 43 — Воркерос; 44 — Лопьювад; 45 — Усть-Унинский; 46 — Уньвинская; 47 — Канпнская; 48 — Усть-Ляга I; 49 — Ягтыдин; 50 — Пидж IV;

51 — Пидж X; 52 — Кодач-ди; 53 — Судострой II; 54 — Усть-Нибель; 55 — Бичевник II; 56 — Бичевник III; 57 — Черноборское II; 58 — Чуркиняг; 59 — Медвежье; 60 — Песчанка; 61 — Щельябож I; 62 — Угдаш I; 63 — Пинежское озеро III

1981, с. 145, 146; 1982а, с. 106—121; 1982б, с. 43; 1983).

Поселения ванвиздинской культуры неукрепленные. В литературе они обычно называются стоянками (карта 24), среди них есть и многослойные. К ванвиздинской культуре обычно относятся верхние или средние горизонты культурного слоя; ниже фиксируются отложения эпохи бронзы или раннего железного века, а выше иногда напластования вым-

ской культуры. Особенностью этих поселений является обычно небольшая общая мощность культурного слоя. Редко на поселениях культурный слой ванвиздинской культуры имеет толщину более 30 см. Стратиграфически же, как правило, эти многослойные поселения не расчленяются. Небольшая мощность ванвиздинских напластований на этих селищах позволила высказать ряду исследователей предположение, что поселения этой культуры периодически оставались населением. Селища ванвиздинской культуры, как правило, расположены по берегам рек и озер на высоте примерно 5–8 м над уровнем воды, а иногда на высоте 2–3 м. Высота отдельных мысовых поселений достигает 10–15 м над уровнем воды. В Верхнем Припечорье известно несколько поселений, приуроченных к устьевой части пещер (Канинская и Уньинская пещеры), которые, возможно, использовались также и в качестве святилищ.

Площадь ванвиздинских поселений различна. В западной части распространения культуры, на Мезени и в Среднем Повыхогдье, преобладают крупные поселения площадью до 3000–5000 кв. м, в то время как припечорские меньше, площадью 1000–2000 кв. м.

При раскопках поселений открыты остатки жилых домов. Все они наземные или слегка углубленные. Нередко выявляются мощные зольные напластования, обычно оконтуривающие сооружения. В плане жилища были прямоугольными. Конструкция их стен неизвестна. Предполагается, что жилища имели вид большого прямоугольного в плане двускатного шалаша, крытого берестой; видимо, по контуру жилища был невысокий одновенечный деревянный сруб. Наличие на площадке жилищ золистого слоя обусловлено переносами открытого очага — обычного костра. Площадь одного из жилищ, раскопанного на поселении Вис II, около 50 кв. м (11×4,5 м). При исследовании поселения Тохты выявлены остатки прямоугольной наземной постройки, в конструкции которой имелись ямы, видимо от столбов, поддерживавших кровлю (Буров Г. М., 1967, с. 138, 139; Савельева Э. А., 1971, с. 135). Остатки наземного жилища размерами 8×4,6 м, слегка углубленного в землю, открыты на поселении Ошчой III (Мурыгин А. М., 1977, с. 55–60). Остатки двух сравнительно хорошо сохранившихся жилищ изучены на поселении Лозым на левом берегу Сысолы. Слегка заглубленные в землю, они имели размеры 15×9 м. В нижней части жилища, видимо, были срубными — по их периметру прослежены остатки древесного тлена. На площади жилищ отмечены довольно мощные кострища (Чеснокова Н. Н., 1982б, с. 43). На остальных раскапывавшихся поселениях обнаружено множество кострищ; одни из них, несомненно, связаны с жилищами, другие были летними очагами, устраиваемыми за пределами жилищ. Несколько таких кострищ зафиксировано на поселении Шойнаты II. Размеры наиболее крупного из них — 3,5×3 м. На поселении Лозым расчищено не связанное с жилищем кострище, по периметру обложенное камнями (Королев К. С., 1977, с. 48–54). Конструкция жилищ на поселениях ванвиздинской культуры в Припечорье, которые пока не раскапывались, неизвестна.

Погребальный обряд ванвиздинской культуры известен по трем могильникам: Веслянскому I, Шойнаты и Евдинскому, относящимся к позднему её этапу.

На Веслянском I могильнике в 1961–1975 гг. было исследовано 27 погребений (Савельева Э. А., 1963, с. 87–99; 1975, с. 37, 38; 1976а, с. 42; 1979б, с. 91–96). Основной обряд погребения здесь — труположение. Погребенные помещались в могильные ямы, расположенные в ряд. Как правило, погребенные лежат вытянуто на спине, головой на запад, а в одном случае — на восток. Отмечены пласты бересты, перекрывающие скелеты, а на дне ям — остатки тесин и досок. Конструкция могильных ям простая: с вертикальными стенками и плоским дном. Они неглубокие (0,45–0,70 м), у некоторых есть небольшие заплечики вдоль длинных стенок или в западной части. Вещи располагались на дне могилы при погребенном; встречаются находки и в засыпях ям. В некоторых погребениях, кроме обычного погребального инвентаря, содержались и жертвенные комплексы, состоявшие преимущественно из украшений и положенные в берестяные коробочки, а в одном случае в глиняный сосуд.

Инвентарь женских погребений состоит преимущественно из бронзовых украшений женского костюма (табл. LVI, 1–4, 10, 11, 18, 20, 21). Как в женских, так и в мужских погребениях встречены пояса с металлическими накладками, пряжками и наковечниками (табл. LVI, 16). В мужских погребениях найдены меч, кольчуга, ножи (табл. LVI, 32). В нескольких погребениях на лицах умерших были золотые гладкие и серебряные с прорезями пластинки от погребальных масок (табл. LVI, 12). Интересно отметить наличие в этом могильнике большой серии бронзовых привозных вещей и изделий, которые изготовлены по привозным образцам, происходящим с территории ломоватовской культуры (табл. LVI, 13, 17). Высокими художественными достоинствами обладают найденный в одном из погребений сасанидский ритон, нижняя часть которого выполнена в виде протомы быка (табл. LVI, 38), а в другом деревянная чаша с рукоятью, оформленной в виде фигурки медведя (табл. LVI, 30). В засыпи многих погребений зафиксированы уголь и зольные прослойки. Инвентарь могильника находит ближайшие аналогии в позднехаринских захоронениях Верхнего Прикамья, но встречаются вещи и более южного, в ряде случаев причерноморского, происхождения.

Определенные данные для характеристики погребального обряда племен ванвиздинской культуры получены и при исследовании Евдинского могильника в Княжпогостском р-не Коми АССР, где раскопаны пять погребений, два кострища, расположенные рядом с могилами, и отдельные ямы в межмогильном пространстве. Погребения в этом могильнике иного рода. Это трупосожжения на стороне с последующим помещением праха в ямы глубиной 0,6–0,7 м. На дне ям прослежены остатки деревянных ящиков или срубов, сверху они имели перекрытие из жердей. В одной из могил дно было выложено берестой. Могильные ямы здесь таких же размеров, как и в могильниках с труположениями. Рядом с могилами на кострищах обнаружены железное шило, рыболовный крючок (табл. LVI, 22), несколько

поясных накладок и керамика. Отмечается минимальное количество инвентаря в этом могильнике. Найдены поясная накладка, обломки тиглей, сосуды колоколовидной и чашеобразной форм с округлыми днищами, орнаментированные в верхней части гребенчатым и шнуровым узорами. Кроме того, из этого могильника происходит амулет, выполненный в пермском зверином стиле (Косинская Л. Л., 1980, с. 13, 19; 1981, с. 16, 17; 1982, с. 20, 21).

В могильнике Шойнаты в Корткеросском р-не Коми АССР близ пос. Сторожевск открыто 11 погребений с инвентарем и одно безынвентарное. Могильные ямы расположены в два ряда, ориентировка погребений беспорядочная. Одно погребение (8) совершено по обряду труположения, остальные — по способу трупосожжения на стороне. Инвентарь немногочислен: железный нож, обломки керамики, бронзовые пронизки и накладки, бронзовый браслет с утолщенными концами, по которому погребения датируются VII—IX вв., а также железный кинжал в кожаных ножнах.

Ванвиздинская культура выделяется главным образом по керамическому материалу (табл. LVI, 33, 37, 39, 40). Сосуды изготовлены от руки техникой кольцевого налепа. Они обычно круглодонные, но на поздних стадиях культуры встречаются и сосуды с уплощенным дном, но обязательно с плавным переходом от днища к тулову. По форме и орнаментации посуда довольно разнообразна и разделена на три хронологические группы. Кроме того, выделена область Припечорья, где на ранних этапах культуры была распространена своеобразная керамика, появление которой связывается с проникновением в этот район нижеобского населения. Керамика ванвиздинской культуры, особенно на поздних этапах, имеет определенное сходство с посудой ломоватовской культуры Верхнего Прикамья, мало отличаясь от нее как формой, так и орнаментацией.

Сосуды ванвиздинской культуры по форме разделяются на две основные группы. К первой относятся крупные сосуды закрытого типа с полукруглым дном и практически не выделенной шейкой, слегка отогнутой наружу; диаметр их не превышал 25—30 см, высота 20—25 см. Предназначавшиеся для хранения припасов, они, как правило, не имеют следов нагара на внутренней стороне, толстостенные, сделаны из глины с растительными примесями, и потому тесто их легкое, пористое. Часть сосудов орнаментирована узорами, нанесенными на шейку под венчиком. Обычно это несколько витков веревочного узора, иногда одинарные или вдвоенные отпечатки точечного узора. По срезу венчика изредка наносились и пальцевые отпечатки, еще реже — зацепы. Остальная поверхность сосудов тщательно затерта травой, на ней видны неглубокие расчески. Вторую группу составляют сосуды для варки и принятия пищи. Верхние их части пышно орнаментированы, дно округлое, края венчиков обычно слегка утолщены, часто украшены пальцевыми отпечатками, реже — отпечатками гребенки.

Обстоятельное изучение ванвиздинской керамики проведено недавно Н. Н. Чесноковой (Чеснокова Н. Н., 1982а, с. 106—121; 1983). Ею выделены регионы, в которых керамика ванвиздинской культуры отличается определенным своеобразием. Это

Помезенье, средняя Вычегда, верховья Вычегды и районы Средней и Верхней Печоры. Такое различие ванвиздинской керамики объясняется разной этнической подосновой, на которой складывалась сама культура. В результате Н. Н. Чеснокова пришла к выводу, что памятники Припечорья якобы не имеют отношения к ванвиздинской культуре и должны быть исключены из ее списков. При определении области распространения ванвиздинской культуры, кроме керамических комплексов, учитываются также типы поселений. Несомненно, в дальнейшем следует обратить внимание на характер жилищ, которые пока не могут быть описаны с полной определенностью. Остатки многих жилищ пока определяются в основном только по местам открытых очагов. Весьма специфично для этой культуры и отнесенительно позднее употребление кремневых скребков ее носителями (их найдено на поселениях более сотни).

Вопросам хронологии памятников ванвиздинской культуры много внимания уделит А. С. Сидоров, датировав часть из них VI—VIII вв. (Сидоров А. С., 1954, с. 69—82). Раскопки поселения Вис II, давшие датированные находки, позволили Г. М. Бурову отнести культуру к IV—VIII вв. (Буров Г. М., 1961, с. 100—108). В. И. Каневец, изучавший памятники Припечорья, высказал предположение, что часть их, которая теперь иными исследователями исключается из ареала ванвиздинской культуры, продолжала существовать и гораздо позднее. Впрочем, убедительных данных для такой датировки памятников Припечорья ему привести не удалось. После исследования Веслянского I могильника, где оказалось максимальное число датированных материалов, Э. А. Савельева утверждает, что ванвиздинская культура, судя по материалам с поселений, возникла в IV в., а наиболее ранние из известных могильников датируются временем не ранее VI в. н. э. (Савельева Э. А. 1971, с. 133, 1982, с. 21). Г. М. Буров наметил три этапа в становлении и развитии ванвиздинской культуры: ранний, относящийся к IV—V вв., средний — VI — первая половина VII в. и поздний — после этого времени (Буров Г. М., 1963а, с. 14). Отнесение памятников к различным этапам культуры было уточнено Н. Н. Чесноковой (Чеснокова Н. Н., 1983, с. 5). По ее мнению, к наиболее ранним памятникам относятся поселения Весляны I, Вис II (торфяник), Вис II (суходол), Лозым, Ягкодж. Вместе с тем отмечается, что все эти поселения, возникшие в раннее время, продолжали существовать и позднее.

Основными занятиями племен ванвиздинской культуры были охота и рыболовство. На поселениях и в могильниках найдены костяные и железные наконечники стрел от простого лука (табл. LVI, 19, 25—27), костяные наконечники дротиков, кинжалы, камни от пращей, а на поселении Вис II (торфяник) — обломки луков. На поселениях постоянно встречаются кремневые скребки, употреблявшиеся для соскребания мездры со шкуры животных (табл. LVI, 29, 35). По внешнему виду эти скребки заметно отличаются от скребков, которые были распространены на той же территории в позднегладеновское время. На поселениях и в могильниках обнаружено много железных черешковых ножей, в том

числе довольно крупных, имеющих относительно плавный переход от черешка к лезвию при помощи скошенного и плохо выраженного уступа. Отметим и находки кинжалов с фигурными навершиями, носившихся в ножнах (табл. LVI, 17). Несомненно, на территории ванвиздинской культуры были распространены и топоры. Однако пока найден только один обломок лезвия топора, что не дает возможности восстановить вид этого орудия. На поселении Вис II (торфяник) были найдены деревянные рукоятки железных топоров-кельтов.

Охота на диких животных играла существенную роль в жизни ванвиздинских племен. На поселении Шойнаты II собрано около 500 костей диких животных. На поселении Кузьмовын II среди остеологического материала были кости бобра, белки, зайца, северного оленя и выдры. При охоте широко употреблялись лыжи и, видимо, сани с собачьей упряжкой; части их были найдены на поселении Вис II (Буров Г. М., 1966, с. 155—162). Употребление лыж и саней предполагает существование в то время охотничьих и упряжных собак. Кости собак (типа лаек) изредка встречаются на поселениях.

На поселении Вис II (торфяники) обнаружены также многочисленные приспособления для ловли рыбы, в частности остатки загородки типа «закола», которыми перегораживались ручьи и небольшие реки, в основном в весеннее время при проходе рыбы на нерест. В отверстия этих заколов вставлялись верши и сетки. Найдены также обрывки сетей, преимущественно крупноячеистых, связанных из лубяных растений, видимо крапивы, деревянные поплавки от сетей и бредней, деревянные простые и составные рыболовные крючки, а также железные крючки. На одном из поселений найдена костяная игла для вязания и починки сетей (табл. LVI, 24).

Дискуссионен вопрос о роли скотоводства у племен ванвиздинской культуры. Возможно, в качестве домашнего животного использовался северный олень, но пока детали оленьей упряжки, которые могли бы подтвердить это, не найдены. Несомненно, домашним животным была собака — без нее невозможна охота, особенно в зимнее время, на пушных зверей. Кости свиньи встречены на поселении Ванвиздино в верхних горизонтах культурного слоя, однако отнесение их к ванвиздинской культуре пока только предположительно (Смирнов А. П., 1929а, с. 478). Косвенным свидетельством знакомства ванвиздинцев с коневодством является находка металлической подвески с изображением конька в Веслянском I могильнике (табл. LVI, 11). Кость коровы найдена на поселении Зеленец. Мнение о наличии скотоводства у ванвиздинцев в ряде статей отстаивал Л. П. Лашук, однако фактического материала в пользу этого приведено совсем мало (Лашук Л. П., 1959, с. 119—131).

На поселениях ванвиздинской культуры выявлены остатки железоделательного или кузнечного производства. Это многочисленные куски железного шлака, которые практически есть на любом ванвиздинском поселении. На стоянках находят и обломки довольно крупных горшков-тиглей, в которых, по-видимому на кострах, производилось восстановление железа из болотной руды. Обломки тиглей и шлаки найдены на поселениях Кузьмовын, Ягкодз I, Чу-

динты II, Озъяг II, Озъяг III, Ванвиздино, а также на поселениях Вис I и Вис II. Для восстановления железа из руды использовались глиняные горшки со стенками толщиной до полутора сантиметров и диаметром сосуда в 15—20 см. Они имеют пористую наружную поверхность, а изнутри ошлакованы. Видимо, в нижней части сосудов имелись отверстия для дутья, без которых процесс восстановления был бы затруднен. Для извлечения крицы горшки-тигли по окончании процесса восстановления железа разбивались. Значительная часть железа при этом оставалась в шлаках.

Следы бронзолитейного производства зафиксированы на поселениях Вис I, Вис II, Ванвиздино, Озъяг II, где найдены тигельки для плавки металла, а в погребении Веслянского I могильника обнаружен слиток бронзы в виде палочки. Сырье для изготовления бронзовых украшений, видимо, привозилось из области распространения харино-ломоватовской культуры, т. е. из Верхнего и Среднего Прикамья. Впрочем, бронзовые изделия с памятников ванвиздинской культуры не отличаются самобытностью; такие же предметы были распространены в виде готовых изделий (табл. LVI, 1, 10).

Среди домашних ремесел у ванвиздинского населения широкое распространение имела обработка шкур диких животных. Из меха шилась одежда. Как уже отмечалось, на поселениях найдено много кремневых скребков, сделанных на пластинах, которые употреблялись для удаления мездры, а в ванвиздинских погребениях — куски меховой одежды. На поселениях найдены железные шилья, использовавшиеся при пошиве одежды. Видимо, часть одежды у ванвиздинских племен имела покрой современной малицы. С VI в. приобретает широкое распространение и одежда, сшитая из тканей. На поселениях многочисленны находки глиняных пряслиц преимущественно лепешковидной формы, частью орнаментированных (табл. LVI, 31). В качестве нитей для пошива одежды употреблялись волос и сухожилия. Остатки нитей и веревочек из растительных волокон найдены на поселении Вис II (торфяник), многократны отпечатки веревочек из таких нитей на стенках ванвиздинской керамики. Представляется, что производство шерстяных тканей на территории ванвиздинской культуры не практиковалось. Их получали из области распространения харино-ломоватовской культуры, из Верхнего Прикамья.

Предметов вооружения на поселениях ванвиздинской культуры относительно немного. К ним можно, отчасти условно, отнести костяные и железные наконечники стрел. Железные наконечники со сравнительно широким пером, а костяные с пером треугольным или многогранным в сечении; те и другие черешковые (табл. LVI, 19, 25—27). Впрочем, большинство из них, видимо, употреблялось для охоты. В Веслянском I могильнике в относительно богатом погребении найдены железный обоюдоострый меч и кольчуга. Меч южного происхождения. Кольчуга имела вид рубашки шириной около 90 см и длиной 110 см и была сплетена из круглопроволочных в сечении колечек диаметром 0,8—1,0 мм. В том же могильнике обнаружена рукоять крупного боевого ножа.

Характер поселений и облик материальной культуры говорят о том, что племена ванвиздинской культуры жили в условиях родо-племенного строя. На каждом поселении размещалось по несколько семей, связанных родственными отношениями. С середины I тысячелетия н. э., видимо, выделяются группы более зажиточных семей, которые участвовали в пушной торговле с южными районами, взамен получая металлические украшения, качественные изделия из железа и предметы вооружения. На территории рассматриваемой культуры есть изделия, выполненные в пермском зверином стиле (табл. LVI, 5–9, 14, 15). Время распространения их конец VI–VII в., истоки зауральско-угорские.

По мнению Г. М. Букова, ванвиздинская культура сформировалась в результате ассимиляции позднеголяденовского финноязычного населения переселенцами-уграми из Западной Сибири. Это, как полагает исследователь, подтверждается преемственностью в некоторых формах позднеголяденовской и ранневиздинской керамики и наличием на печорских поселениях глиняной посуды, характерной для региона Нижней Оби, принадлежавшего древним уграм. Упомянутая керамика по одному из поселений названа бичевнической. Имея угорский характер, ванвиздинская культура, по Г. М. Букову, генетически была слабо связана с последующей финно-пермской культурой перми вычегодской (Буков Г. М., 1967, с. 176–179; 1975, с. 306, 307).

С этой точкой зрения относительно путей сложения ванвиздинской культуры не согласилась Э. А. Савельева, показавшая, что эта культура наследует местные ананьинско-гляденовские традиции, в основном в керамическом производстве, и имеет уже в раннее время определенные параллели с ломоватовской культурой. Исследовательница высказала предположение, что ванвиздинская и ломоватовская культуры родственны и имеют единого предшественника в лице позднеголяденовской культуры. Бичевнический же компонент в формировании ванвиздинской культуры особой роли не сыграл. Э. А. Савельева утверждает, что ванвиздинский, финно-пермский по структуре, компонент является основным в культуре перми вычегодской. Линия развития финно-пермского этноса, таким образом, не прерывалась в течение всего железного века. Следовательно, ванвиздинская культура на основной территории принадлежит древним коми (Савельева Э. А., 1971, с. 143, 144, 171; 1982, с. 22–27).

Несколько иной точки зрения по вопросу о сложении ванвиздинской культуры придерживается А. М. Мурыгин. Он считает, что эта культура усвоила местные аборигенные гляденовские традиции, на которые оказали воздействие переселившиеся сюда группы харино-ломоватовского (угроидного) населения. При этом имело место влияние и со стороны бичевнических и западносибирских этнокультурных компонентов (Мурыгин А. М., 1981, с. 86, 87). Памятники верхнего течения Печоры он исключает из области распространения ванвиздинской культуры, центром формирования ее считая среднее течение Вычегды и ее притоки.

Н. Н. Чеснокова отстаивает мысль о непосредственной связи ванвиздинской культуры с гляденовским и ананьинским субстратом. По ее мнению, при

сложении этой культуры имело место воздействие нескольких культурных импульсов восточноевропейского происхождения, поступавших через Верхнее Поволжье и Прикамье. По представлению Н. Н. Чесноковой миграции же инокультурного населения при этом в ванвиздинской культуре не было. Вслед за другими исследователями она выделяет два региона ванвиздинской культуры — западный и восточный, различающиеся по керамике, типам поселений и кремневому инвентарю. Эта дифференциация, по ее мнению, объясняется разной этнической подосновой отдельных районов сложения культуры (Чеснокова Н. Н., 1983, с. 11–13).

Коми-зырянские племена IX–XI вв.

Вымская культура

Археологическое изучение памятников IX–XV вв. коми-вычегодских или коми-зырянских племен начато в середине XIX в. С. Е. Мельниковым (Мельников С. Е., 1852; 1856, с. 121–124). Результаты его разведок более полно изложены П. С. Савельевым (Савельев П. С., 1852, с. 164–167). С. Е. Мельниковым преимущественно были осмотрены и частично раскопаны несколько грунтовых могильников в Вотчинском, Помозинском и Троице-Печорском уездах; обследованы были также памятники близ погостов Усть-Сысольского, Княжпогостского и Шокшинского. Наибольший интерес представили небольшие раскопки Усть-Сысольского могильника с разнообразным, но относительно небольшим погребальным инвентарем.

С 1919 по 1928 г. памятники археологии коми-зырян обследовались и частично раскапывались А. С. Сидоровым. К 1928 г. в бассейне Вычегды было известно 16 городищ и 6 могильников IX–XIV вв. (Сидоров А. С., 1928; 1954, с. 69–82).

В 1923 и 1924 гг. небольшие раскопки и крупные разведки по Вычегде проведены А. Гренем (Грен А. Н., 1924). Шурфовалось позднесредневековое городище Карыбъев, частично раскапывались могильники Бор и Джибъег. Результаты этих работ долгое время оставались неопубликованными.

В 1925 г. на территории республики Коми вела работы археологическая экспедиция под руководством А. П. Смирнова. Ею были продолжены раскопки на городище Карыбъев и начаты раскопки на грунтовых могильниках Клянышпласта и Гидсайег (Смирнов А. П., 1938а, с. 129–168; 1952, с. 206–208). Сравнительно небольшие полевые работы в Повыхегодье провел П. Д. Степанов, которым открыты четыре городища вымской культуры — Шокшинское, Ватчинское и два Ибских, расположенные в долине Сысолы. Эти памятники относятся ко времени не ранее XV в.

Большие работы по изучению вымской культуры проведены в послевоенные годы. В 1956 г. Г. М. Буков исследовал несколько погребений могильника Клянышпласта и провел еще раз раскопки на Карыбъевском городище (Буков Г. М., 1965, с. 81–86). Им же в последующие годы были проведены работы по выявлению новых поселений вымской

культуры, в частности селищ, до того времени мало известных.

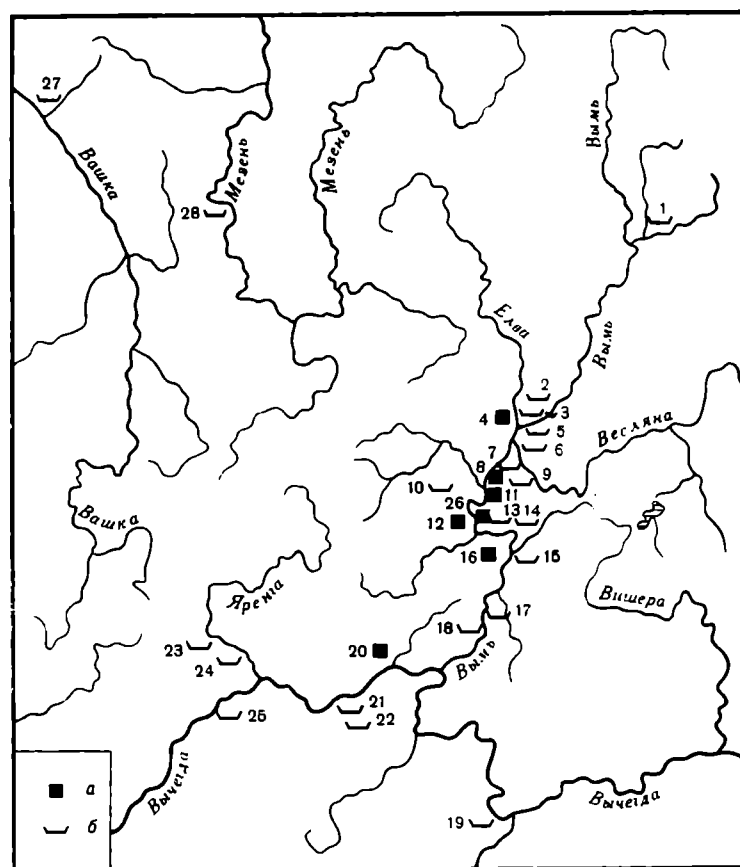
Регулярное изучение археологических памятников перми вычегодской проводится, начиная с 1961 г., Э. А. Савельевой. Ею раскопано 11 могильников IX—XV вв. (Кичилькосьский, Веслянский II, Ветьюский, Ыджыдзельский, Жигановский, Вадъягский, Кокпомъягский, Петкойский, Часадорский, Лялинский) и исследовалось Жигановское поселение. Некоторые из могильников были исследованы полностью, другие — частично. В общей сложности Э. А. Савельевой вскрыто 193 погребения, а на Жигановском поселении раскопана площадь около 250 кв. м (Савельева Э. А., 1962б, с. 155—175; 1964, с. 1; 1967а, с. 150; 1967в, с. 83—87; 1971, с. 28—74; Савельева Э. А., Канивец В. И., 1965, с. 158). В 1965 и 1966 гг. Э. А. Савельева вела значительные исследования в Ленском р-не Архангельской обл. и Удорском р-не Коми АССР, раскапывала также могильник у с. Вильгорт на р. Вашка и Ленский могильник на Нижней Вычегде. К началу 70-х годов разными исследователями были проведены раскопки 366 погребений на 21 могильнике вымской культуры. Относительно небольшие работы велись и на восьми городищах (Савельева Э. А., 1971).

В последующие годы исследовались преимущественно могильники. В 1974 г. Э. А. Савельевой раскопано 15 погребений XII—XIII вв. на Веслянском II могильнике (Савельева Э. А., 1976а, с. 38). В 1967 и 1977 гг. той же исследовательницей вскрыто 139 погребений на Ыджыдзельском могильнике XII—XIV вв., рядом с которым было выявлено и обследовано одновременное ему городище (Савельева Э. А., 1978, с. 34). В те же годы К. С. Королев велись раскопки могильников X—XI вв. Шойнаты I и II (Королев К. С., 1978, с. 16; 1979б, с. 12).

В 1978 г. начаты полевые исследования Лозымского поселения, расположенного на берегу Сысолы (Савельева Э. А., Чеснокова Н. Н., 1979, с. 36, 37) и завершены исследования Ыджыдзельского могильника, на котором в общей сложности раскопано 215 погребений. Получен важный материал для суждения о планировке этого памятника (Савельева Э. А., Истомина Т. В., Семенов В. А., 1979, с. 36). В 1979 г. велись интенсивные исследования могильника Шойнаты III у пос. Сторожевск, могильника Пезмук в Корткеросском р-не, еще 74 погребения открыты в Кичилькосьском I могильнике (Королев К. С., 1980, с. 12; Савельева Э. А., 1980, с. 29, 30).

К настоящему времени область расселения коми-зырянских племен в археологическом отношении изучена довольно подробно. Особенно это касается могильников. В общей сложности раскопано 1170 погребений (Истомина Т. В., 1983). Недостаточно изученными остаются места поселений — городища и селища, особенно в верхнем течении Мезени и на Сыsole, где они исследованы фрагментарно и на небольших площадях.

Культура древних коми-зырян (IX—XI вв.) именуется вымской по реке Вымь, на которой расположена основная масса памятников (карта 25). Кроме того, памятники этой культуры в значительном числе есть в верхнем течении Вычегды и по ее прито-

Карта 25. Распространение основных памятников вымской культуры

а — городище; б — могильники; 1 — Кедвавымский; 2 — Ошмосьский; 3 — Кичилькосьский; 4 — Евдинское; 5 — Веслянский II; 6 — Ветьюский; 7 — Ыджыдзельский; 8 — Жигановское; 9 — Жигановский; 10 — Вадъягский; 11 — Важкарское; 12 — Карувшорское; 13 — Кокпомъягский; 14 — Петкойский; 15 — Гидсайгский; 16 — Княжпогостское; 17 — Часадорский; 18 — Лялинский; 19 — Усть-Сыольский; 20 — Карыбъевское; 21 — Джибъягский; 22 — Кляныш-ласта; 23 — Червинский; 24 — Тохтинский; 25 — Ленский; 26 — Кардорское; 27 — Вильгортский; 28 — Чернутаевский

кам, а отдельные поселения и могильники расположены по рекам Сыsole, Вашке и Мезени.

В результате предварительного изучения памятников вымской культуры они подразделены на две хронологические группы: IX—XI вв. и XII—XIV вв. Разделение основано на своеобразии раннего и позднего периодов, проявляющемся особенно четко в погребальной обрядности, в составе инвентаря и в керамических комплексах.

Остатками поселений вымской культуры являются городища и селища. Последних известно относительно немного, и они практически еще не исследовались. Замечено, что некоторые из них расположены на территории поселений предшествующей по времени ванвиздинской культуры. Вместе с тем не исключено, что после специально поставленных разведок число селищ вымской культуры со временем окажется значительным, однако и сейчас ясно, что они были основным видом поселений этой культуры. Городища вымской культуры известно только девять. Выявленные к настоящему времени городища расположены на мысах по берегам рек, при впадении в них ручьев. Высота площадок над уровнем воды в реке в среднем составляет 10—15 м. Городища за-

метно различаются между собой по площади. Известны небольшие, площадью в 300 кв. м, средних размеров, с площадкой в 900—1700 кв. м, и несколько крупных, площадью в 1700—2500 кв. м. Видимо, население в то время жило относительно небольшими по численности коллективами. Система укреплений городищ была кольцевой и состояла из вала и рва с напольной стороны. Высота валов небольшая — не более 1—2 м. Имеются городища с двумя и тремя рядами валов. Конструкция укреплений городищ изучена раскопками пока слабо, однако на Чабаровском городище (Вилегодский р-н Архангельской обл.) удалось установить, что внутри земляной насыпи вала были остатки деревянных срубов. Автор раскопок Э. А. Савельева предполагает, что они сходны с внутривальными срубами древнерусских городищ домонгольского времени. Однако, судя по полевой документации, они были невысоки и представляли собой, скорее, венцы бревен, положенных в основание вала для того, чтобы он не расползался от времени. Эти срубы не были связаны с частоколом, который шел по гребню вала и периметру площадки городища. При раскопках Чабаровского городища установлено, что система укреплений сооружена при основании поселения. На площадках городищ вымской культуры прослеживается культурный слой, как правило, небольшой мощности — не более 0,5 м. Есть среди городищ и поселения без культурного слоя, которые исследователи считают святилищами или убежищами на случай опасности.

На площадке Чабаровского городища раскопками раскрыта серия наземных, видимо бревенчатых, построек, устраиваемых на специально подготовленной площадке, иногда глинобитной. Жилища имели прямоугольную форму и площадь около 20—30 кв. м. У части домов прослежены остатки полов из деревянных плах, положенных на землю. Посредине жилища находился очаг, устроенный из глины на невысоком опечке, видимо обложенном по периметру деревом. В плане опечки и очаги были подпрямоугольными. Размеры очагов 1,3×1,3 м. В жилищах рядом с очагами постоянно встречаются хозяйственные ямы площадью от 1—2 до 8—9 кв. м и глубиной 0,8—2 м. Видимо, часть из них имела стенки, обложенные вертикально поставленными тесинами, и сверху закрывалась деревянной крышкой. Одна из построек на городище оказалась двухкамерной; одна из камер была жилой, а вторая использовалась как кузница (здесь обнаружено глинобитное основание кузнечного горна и некоторое количество кузнечного шлака). Границы этой постройки хорошо прослеживались по отпечаткам нижнего венца сруба.

На городище выявлено пять жилых построек и несколько хозяйственных сооружений как срубной, так и столбовой конструкции. Около жилищ находились остатки летних очагов, по контуру обложенных камнями или устроенных на каменных основаниях. Некоторые очаги были и на глиняных «подушках». Под основанием очага одного из жилищ открыта яма, в которой оказались кости жертвенного животного — собаки. Если на раннем этапе существования вымской культуры в жилищах были только открытые очаги, то начиная с XII в. появляются глинобитные печи. Впрочем, и в XIII, и в

XIV в. в жилищах довольно часто встречаются и ранее бытовавшие открытые очаги. Чабаровское городище по находкам датируется XII—XIV вв. (Савельева Э. А., Малышев Н. П., 1977, с. 69—71).

Жилые бревенчатые постройки исследованы также на Карыбъевском городище. В них имелись открытые очаги, в основании которых были глиняные «подушки», оконтуренные низкими деревянными срубами. Размеры одного из очагов 2,4×1,3 м, а другого — 4×1,2 м. Видимо, такого же типа жилые постройки были и на селищах. Они пока не раскопаны.

Благодаря интенсивным раскопкам, особенно последних лет, археологи имеют довольно полное представление о погребальном обряде коми-зырянских племен в IX—XV вв. Могильники, как правило, находились рядом с поселениями, в 20—150 м от них, на возвышенных берегах рек, высоких дюнах. Исследователями замечено, что большая часть могильников связана с наиболее крупными поселениями; при небольших поселениях могильники пока неизвестны. Значительная часть могил видна на поверхности (табл. LVII, 1), что облегчает выявление памятников. Это небольшие углубления. Очевидно, никаких насыпей над могилами не сооружалось и они засыпались вровень с поверхностью. Могильники вымской культуры, как правило, крупные, каждый насчитывает по несколько сот погребений, свидетельствуя, что население в то время жило постоянно в одних и тех же местах. К ранневымским относятся могильники: Усть-Сысольский, Кичильковский, Кедзавымский, Джибъгский, Клянышпастский, Ошмосьский. В последнем, кроме ранних, есть и поздние погребения. Датировки установлены преимущественно по погребальному инвентарю, относительно обильному. Самым крупным, видимо, был Кичильковский могильник, в котором с поверхности было насчитано около 230 погребений.

Все погребения в ранневымских могильниках одиночные. Могильные ямы имеют длину 1,8—2,8 м, ширину около 0,8—0,9 м при глубине в 0,5—1,1 м. Очень редко встречаются ямы большей глубины, что обычно не связывается с имущественным положением погребенных. Инвентарь погребений в них такой же, как и в неглубоких могилах. Дно могил плоское, а стенки отвесные. Погребения совершались по двум обрядам — трупоположения и трупосожжения (большая часть из них — на стороне). Трупоположения обычно ориентированы головами на север с разными отклонениями. Таких погребений около половины в могильниках. Умершие клались в могилы на спину, видимо, в парадной или лучшей одежде, обычно с вытянутыми вдоль корпуса руками. Мужские погребения сопровождалась предметами вооружения, орудиями труда и бытовыми вещами. При женских захоронениях обычны украшения и металлические детали костюма, лежащие в тех местах, где они носились при жизни. Изредка в них обнаруживаются так называемые жертвенные комплексы, состоящие из украшений (Истомина Т. В., 1982, с. 83). Думается, что на самом деле это были не жертвенные комплексы, а вторые наборы украшений, принадлежавшие умершей. Такие комплексы найдены, в частности, в могильниках Кичильковском (Савельева Э. А.,

19736, с. 63—98), Ыджыдзельском, Лоемском и некоторых других и, как удалось проследить, свойственны погребениям с обильным инвентарем. Находят их и в межмогильных пространствах; в некоторых случаях они были положены в берестяные коробочки.

Погребенные в могильных ямах нередко перекрывались лубом или завертывались в бересту; иногда под ними прослеживается подстилка из дерева. В погребальном культе, видимо, значительная роль отводилась огню — в заполнении ям встречается много угля, есть зольные прослойки, зафиксирована в ряде случаев прокаленность дна и стенок могилы, отмечены остатки кострищ на межмогильных участках. Крайне редко трупоположения встречаются в могильных ямах несколько усложненной конструкции. В дне их выкапывались одна-три ямки конусовидной формы или одна более глубокая в центре. Особый вариант представляют погребения со столбовыми ямами по углам, а иногда и в центре могильной ямы (Ленский могильник). На относительно полно раскопанных могильниках ямы усложненной конструкции, как правило, сконцентрированы были в одном месте (Кичилькосьский, Жигановский, Кокпомъягский). Примерно в 7% погребений с трупоположениями на дне могил прослежены остатки деревянных, очевидно одновенцовых, срубов. Вероятно, они имели и дно берестяное или дощатое и перекрывались тоже берестой. Все срубы несколько обожжены с внутренней стороны. На Жигановском и Кокпомъягском могильниках захоронения в срубах сосредоточены в одной их части. Особый тип внутримогильных сооружений отмечен в Ленском могильнике. В ряде погребений там выявлены сооружения типа домовин или деревянных помостов, установленных на столбах.

При захоронении по обряду кремации кальцинированные кости как правило беспорядочно сыпались в яму вместе с остатками погребального костра. Сожжение умерших обычно совершалось на стороне. В двух погребениях Ленского могильника зафиксирована кремация в могильных ямах, где кальцинированные кости лежали на дне сплошным слоем. В погребениях по обряду трупосожжения тоже встречается погребальный инвентарь — вещи обычно разбросаны на разной глубине могильной ямы. Очевидно, умерший при сожжении тоже был одет в парадный костюм с множеством бронзовых украшений. Крайне редко в вымских могильниках встречается обряд частичной кремации, когда в могильных ямах простой формы находились как кальцинированные, так и несожженные кости. Представляется, что это получалось при некачественном сожжении. Интересно, что череп при этом обряде либо кремировался отдельно, либо предварительно отчленялся и тогда не был тронут огнем. Известно несколько случаев расчлененного трупоположения, когда кости находились не в анатомическом порядке. В погребениях этого типа часто фиксируется отчленение черепа. Примерно в 10% случаев способ захоронения установить не удалось — костный материал в могильных ямах отсутствует. В большинстве это трупоположения, но кости умерших полностью истлели. Не исключено наличие среди этих погребений кенотафов.

При раскопках только по погребальному инвентарю можно отличить мужские погребения от женских. Для мужских погребений характерны орудия труда, предметы вооружения, отдельные бытовые вещи. В женских же могилах наиболее обычными видами украшений являются бусы, бубенчики, пронизки, редко находились орудия труда (их обычно немного). При мужских погребениях тоже бывают женские украшения, но они положены рядом с умершим, в коробочке или туесе. Гораздо сложнее определить пол погребенных в могилах с сожжениями, где сопровождающий инвентарь нередко попорчен огнем и, как правило, невелик по ассортименту.

Могильные ямы располагались рядами, вдоль течения реки. Наиболее старые могилы находились ближе к речному обрыву, к воде. Так, в Кичилькосьском могильнике прослежено 13 рядов погребений, идущих в направлении с запада на восток.

Т. В. Истомина, занимавшаяся специально исследованием могильников вымской культуры, разделила их на несколько территориальных групп. Наиболее крупной, состоящей из 14 могильников, является, по ее мнению, вымская; к средневычегодской было отнесено четыре могильника, к нижневычегодской — пять; два могильника образуют удорскую группу. Вслед за Э. А. Савельевой, Т. В. Истомина выделяет два могильника по р. Лузе, отличающиеся от остальных своеобразным погребальным обрядом и инвентарем. Они справедливо считаются принадлежащими лузской пермце, известной по письменным источникам XVI в. (Истомина Т. В., 1983). Т. В. Истомина, в отличие от других исследователей, по материалам могильников разделяет вымскую культуру не на два хронологических этапа, а на три: ранний (X—XI вв.), переходный (XI—XII вв.) и поздний (XII—XIV вв.). К числу самых ранних могильников относится Усть-Сысольский, на котором С. Е. Мельниковым были исследованы пока только два погребения. К переходному периоду, по ее мнению, принадлежат Кедвавымский, Лялинский и Клянышластский, а к XII—XIV вв. — основная масса исследованных могильников (Кичилькосьский, Ветью, Часадорский, Ленский, Гидсайяг, Кокпомъягский, Вильгортский и некоторые другие).

На крупных и хорошо исследованных могильниках обычны захоронения разных этапов вымской культуры. Так, X—XII вв. датируются погребения Ошмосьского, Петкойского, Пезмогского могильников и могильников Шойнаты II и Шойнаты III, а XI—XIV вв. — захоронения на Ыджыдзельском, Вадъягском, Веслянском II и Жигановском могильниках. В тех могильниках, в которых представлены обряды трупоположения и трупосожжения, погребения обоих типов располагаются без видимого порядка, вперемежку. Нам представляется, что обряд трупосожжения в этих могильниках практиковался зимой, когда умерший сжигался сразу после смерти, а пепел его только весной захоранивался в землю. На поздних этапах вымской культуры трупоположения становятся основным погребальным обрядом. Для этого времени характерно положение умершего в относительно большой яме (до $2,4 \times 1 \times 0,4$ — $0,7$ м). Больше число поздних могил по сравнению с ранними ориентировано в меридиональном направлении. Исключение пока составляет только один Ыджыдзельский.

ельский могильник, в котором могилы с сожжением ориентированы широтно. В могильниках позднего этапа продолжают сохраняться ряды погребений, но вместе с тем появляются группы могил, обособленные от других, что некоторыми исследователями объясняется захоронением там умерших с соседних поселений.

Найденный на поселениях и в могильниках инвентарь говорит о том, что коми-зырянские племена в IX—XIV вв. в основном занимались охотой и рыболовством. При раскопках найдено много наконечников стрел (табл. LVIII, 19, 20, 23, 26, 27), преимущественно железных, в основном охотничьих. Все они черешковые и имеют уплощенное широкое перо. У ранних образцов стрел плавный переход от пера к черешку, у поздних (XII—XIV вв.) на месте перехода пера в черешок имеется воротничок. Среди железных наконечников стрел и дротиков имеются экземпляры, которые использовались при охоте на крупных копытных животных и медведя. При охоте широко применялись также различные ловушки, западни, давилки. Их детали в виде шипастых стержней были найдены в Ленском могильнике. Костяные наконечники стрел, использовавшиеся племенами ванвиздинской культуры, в вымских памятниках почти отсутствуют. Это свидетельствует о высоком уровне развития железоделательного и кузнечного производств вымских племен. Среди объектов охоты наиболее важными были крупные копытные — лось и северный олень, а также медведь. Заметную роль играла и охота на пушного зверя — соболя, белку, выдру, бобра, песца, куницу. Вывоз пушнины с этой территории через Волжскую Болгарию зафиксирован источниками.

На поселениях и в могильниках постоянно встречаются многозубые железные остроги, крупные рыболовные железные крючки (табл. LVII, 3; LVIII, 30), поплавки и грузила от сетей. Как и в более раннее время, основной лов рыбы проводился весной, когда она шла на нерест. Мелкие реки перегораживались «заколами», в отверстия которых вставлялись верши и сетки. Практиковалась гарпунная ловля рыбы, в том числе и лучение. Топоры и железные тесла (табл. LVIII, 22, 34, 39), часто находимые на поселениях, говорят о распространении деревянных лодок-долбленок. Письменные источники сообщают о лыжах, которыми пользовались при зимней охоте (Конаков Н. Д., 1983, с. 64—69). Пушная охота, и в особенности в зимнюю пору, невозможна была без охотничьей собаки. Кости собак (типа лайки) также встречены на территории вымских поселений.

Несомненно, важную роль в хозяйствовании племен вымской культуры играло и скотоводство. В составе стада были лошадь, корова, овцы. Среди остеологического материала поселений на первом месте стоят кости лошади. Лошадь употреблялась как транспортное животное (для волокуш) и для верховой езды. В погребениях и на поселениях найдены кольчатые двусоставные удила (табл. LVIII, 32) и другие предметы конской упряжи, например, уздечки. Отмечается, что массовое распространение удила в этом районе начинается с XII в. Они, в частности, обнаружены на Карыбъевском и Чабаровском городищах. Лошадь также была и мясным жи-

вотным. Среди находимых костей лошади много дробленых, разбитых для извлечения костного мозга.

Что касается земледелия, то оно у коми-зырянских племен играло, видимо, незначительную роль и получило некоторое распространение не ранее XII в. Из орудий обработки земли можно отметить находки на Карыбъевском городище сошника (табл. LVIII, 33) от сохи, которая, видимо, использовалась при обработке старопахотных земель при подсечном земледелии. Скорее всего, к XIV в. относится наральник от тяжелого плуга, найденный в урочище Кузластасей близ Кичилькосьского могильника. Типологически он близок наральникам родановской культуры. Находки наральников на территории вымской культуры единичны, но они указывают на то, что среди коми-зырян было известно земледелие на старопахотных землях, и на появление переложной системы земледелия. При раскопках поселений найдены серпы, которые употреблялись для жатвы злаковых. Ручные жернова встречаются в Повычегодье редко; наиболее ранние из известных датируются временем не ранее XIV в. Наряду со злаковыми культурами, преимущественно пшеницей и ячменем, вымские племена выращивали и коноплю.

У коми-зырянских племен в IX—XI вв. и, особенно, в XII—XIV вв. были развиты и различные ремесла, связанные с обработкой дерева. Развитой инструментальной этого ремесла — топоры, долота, скобели, молотки, ложки и др. (табл. LVII, 4, 26) — свидетельствует, что дерево употреблялось весьма широко — при сооружении жилищ, систем укреплений на городищах, при изготовлении лодок и лыж, сотен других предметов. Несомненно, важную роль играли вырезанные из дерева посуда, различные вещи бытового, хозяйственного и промыслового назначения.

Коми-зырянские племена хорошо были знакомы с процессом выплавки железа из болотных руд. Представляется, что процесс получения криц шел за пределами территории поселений. Остатки железоделательного производства пока не засвидетельствованы. Высокого уровня достигло и кузнечное дело. В культурном слое постоянны находки кузнечных шлаков, есть и находки небольших криц. Так, несколько криц найдено в одном из погребений Кичилькосьского могильника. Видимо, это погребение древнего металлурга или кузнеца. Ассортимент железных изделий вымских кузнецов насчитывает не менее 80 видов предметов вооружения и труда, конского снаряжения и бытового инвентаря.

На поселениях открыты и остатки медеплавильного производства. Из цветных металлов изготавливались разные изделия, преимущественно украшения. В Повычегодье нет месторождений меди, серебра, олова. Эти металлы получали в обмен на мех из областей Волжской Болгарии, а с XII—XIII вв. — из западных областей. В основном на городищах, но нередко и в могильниках встречаются тигли и льячки (табл. LVIII, 24). Найдены и фрагментированные литейные формы из камня и глины. Среди украшений из бронзы в IX—X вв. преобладают, видимо, изделия, сделанные по местным и прикамским образцам. С XII в. известны большие серии изделий, изготовленных по западным образцам — финно-угорским и древнерусским (табл. LVII, 7, 11, 13,

18, 19, 22, 23). Изготовление украшений из цветных металлов, в отличие от железоделательного и кузнечного производств, было преимущественно женским ремеслом. Вместе с тем представляется, что ковкой меди и изготовлением из кованой меди изделий занимались местные кузнецы. Они делали обкладки ножен мечей и ножей, клепаные котелки (табл. LVII, 8; LVIII, 37), накладные бляшки поясов.

На всех поселениях широкое развитие получили обработка кожи, выделка шкур. При раскопках найдены металлические и костяные скребла и скребели для удаления мездры. Многочисленны находки железных шильев с рукоятями специфической треугольной формы (табл. LVIII, 21), известны игольники, в которых хранились иглы, и сами иглы. Довольно многочисленны и различные кожаные и меховые изделия — пояса, наконечники ножен ножей и мечей, обтянутые кожей, сумки, кошель, обрывки кожаной и меховой одежды.

У племен вымской культуры на относительно высоком уровне стояла и техника изготовления тканей. Они делались из растительных волокон, преимущественно конопля и крапивы, а также из шерсти животных. При раскопках найдены пружинные ножницы для стрижки овец, наиболее ранние образцы которых относятся к XII в. (табл. LVIII, 35). Весьма много каменных, костяных и роговых пряслиц разных форм (табл. LVIII, 36). Начиная с XII в. появляются и пряслица из розового овручского шифера, привозимые с территории Древней Руси. Нет сомнения в том, что в то время в области распространения вымской культуры был известен горизонтальный ткацкий станок обычного восточно-европейского типа.

Железный проушной топор так называемого камского типа (табл. LVIII, 39), широко известный в вымских древностях, имел универсальное назначение. Он употреблялся для обработки дерева при строительных работах, в подсечном земледелии, на охоте. Подобного вида топоры широко распространены и в области родановской культуры. Они имеют сравнительно широкое лезвие и перехват между ним и обухом. С XII в. у топоров этого типа в Прикамье и Повыхегодьи появляются щековицы. Судя по могильным находкам, топоры носились мужчинами на поясе и были прикреплены к нему специальными скобками (табл. LVIII, 25). Скобки неоднократно встречены в мужских погребениях. При выходах на охоту топоры крепились за спиной. Видимо, тогда же, с XII в., у коми-зырян появляется и специфическая промысловая одежда в виде кожаной накидки с капюшоном, которая была распространена на этой территории и гораздо позднее. Преимущественно в могильниках найдены и обломки скребелей с прямыми и дугообразными лезвиями, долотовидные орудия и большое количество ножей, в том числе и крупных. Все ножи в это время черешковые, со стальными наварными или цементированными лезвиями. Орудиями обработки дерева были и найденные при раскопках ложкорезы (табл. LVII, 4), часть из которых обычного типа, а другие изготовлены из поломанных ножей. При раскопках встретились и деревянные ложки (табл. LVII, 14). Из дерева делали многочисленные

образцы посуды, в том числе ковши и чаши. Металлические оковки чаш и другой посуды найдены на поселениях и в могильниках.

Предметы вооружения коми-зырян мало отличаются от предметов охоты. Это те же железные наконечники стрел, копья (табл. LVIII, 19, 20, 26, 27, 31), рогатины. Примерно с X—XI вв. на территории Повыхегодьи известен и сложный лук. Найдены накладки от таких луков. Среди наконечников стрел (все они черешковые) есть бронебойные с пером шиловидной формы и с пером ромбического сечения. Такое вооружение предполагает существование кольчуг и иного оборонительного доспеха, хотя при раскопках они пока не обнаружены. Боевые ножи сходны с охотничьими и отличаются от бытовых сравнительно крупными размерами. Они носились на поясе в кожаных ножнах, окованных бронзовыми пластинками (табл. LVII, 8). Находки мечей на памятниках вымской культуры редки; очевидно, они исключались из погребального инвентаря из-за своей большой ценности.

Керамическое производство у коми-зырян в X—XIV вв. находилось на уровне домашнего ремесла. Ныне оно изучено довольно хорошо. Ассортимент сосудов (табл. LVIII, 38, 42, 43) хорошо развит и выразителен. Все керамические сосуды раннего этапа вымской культуры изготовлены от руки и обожжены на костре. Техника лепки обычная — ленточная и спиральная; сосуды малых размеров вылеплены из одного куска глины. В тесте имеется примесь дресвы, растительных волокон, иногда толченой раковины. В раннее время (IX—XI вв.) были распространены горшки с округлым туловом, короткой шейкой и слегка отогнутым наружу краем. Дно сосудов округлое, но нередко и округло-уплощенное. Среди этих сосудов есть крупные, с диаметром тулова до 30 см. Во вторую группу входят горшки тоже с округлыми туловом и днищем, но прямой шейкой; диаметр их венчика менее диаметра тулова, а высота обычно меньше максимального диаметра (наиболее распространенный диаметр 15—20 см). Третью группу составляют сосуды с округлым дном и прямым венчиком при диаметре равном высоте сосуда. Разновидностью их были горшки со слегка суженным горлом. Сосуды всех этих типов в большинстве случаев орнаментированы отпечатками гребенчатого штампа, которые образуют горизонтальные узоры в виде «елочки», уголков и др. Часто в комбинации с поясками отпечатков гребенчатого штампа выступают штампы и других видов (круглые с крестообразным узором, кольчатые с зазубренным краем), тоже собранные в горизонтальные полосы. Поверхность неорнаментированных сосудов тщательно затерта травой и по возможности заглажена. В керамической коллекции также сравнительно немногочисленны сосуды, в верхней части тулова которых размещается орнамент из собранных в фестоны отпечатков гребенчатого штампа. У некоторых сосудов отпечатки гребенчатого штампа нанесены по срезу венчика. Следует отметить, что обитатели каждого из поселений вымской культуры имели свои излюбленные виды орнаментации для серий сосудов, которые изготавливались на этом поселении. Можно думать, что узоры на сосудах носили не только декоративный характер, но служили для опо-

знания сосудов их владельцами, а ряд комбинаций орнамента был тамгообразным.

На поздних этапах, начиная с XII в., распространены были сосуды тех же форм и размеров, но менее пышно орнаментированные. Орнаментальные полосы становятся более узкими, многие сосуды совсем не украшались.

В погребениях и на поселениях вымской культуры обнаружены и серии миниатюрных сосудов. Среди них есть как круглодонные, так и плоскодонные. Если крупные сосуды служили для хранения запасов, варки пищи и принятия ее, то, как представляется, миниатюрные сосуды имели преимущественно производственное назначение. Они редко орнаментировались.

С XII в. начинается проникновение на территорию расселения коми-зырянских племен и круговой керамики древнерусского облика, и именно тех разновидностей ее, которые были характерны для северных областей Руси (табл. LVII, 2). Она изготовлена техникой спирального налета и подправлена на ручном круге. Горшки украшены обычными линейным и волнистым орнаментами. Основная часть этой керамики изготовлена местными ремесленниками на основе привозных образцов, поступавших несомненно из Новгородской земли вместе со славянским или славянизированным населением. Древнерусские сосуды обнаружены не только при раскопках поселений, но и в составе могильных инвентарей. Однако собственно славянских погребений в вымских могильниках XII—XIII вв. пока не встречено. Видимо, славянское население, проникавшее сюда, растворялось в местной среде.

В могилах XII в. и более поздних столетий известна и металлическая посуда. Это бронзовые котелки с уплощенным дном, коротким отогнутым наружу краем и железной ручкой (табл. LVIII, 37). Есть также же котелки цилиндрической формы с прямым краем. В частности, они найдены в мужских захоронениях Кичилькосьского I могильника. На этом кладбище встречены и остатки берестяных туесков цилиндрической формы или туесков в виде коробок, которые использовались здесь для жертвенных комплексов.

Среди бытового инвентаря вымской культуры с XI в. распространяются кресала овальной и калачевидной форм (табл. LVIII, 40, 41). В XII в. наряду с ними появляются и пластинчатые кресала с щелевидной прорезью. Такие кресала — довольно частая находка в мужских погребениях разных могильников. Нередки находки, обычно на поселениях, и цилиндрических замков древнерусских типов, наиболее ранние образцы которых здесь датируются второй половиной XI в. В XIV в. они заменяются сличными замками тоже, видимо, новгородского производства.

Остатки одежды IX—XIII вв., найденные в могильниках, пока крайне немногочисленны. При исследовании Кичилькосьского II могильника обнаружены фрагменты шерстяной и меховой одежды. В погребении 13 оказались рубаха, платье и шуба. Шуба — традиционный вид одежды народа коми. Она шилась из овчины или собачьего меха и сверху покрывалась тканью. В северных районах Коми АССР была распространена также меховая одежда типа малицы (мехом внутрь), которая ши-

лась из собачьих или оленьих шкур. Это глухая одежда прямого покроя с капюшоном и пришитыми рукавицами. В одной из могил Кичилькосьского могильника найдены остатки оленьего меха от одежды погребенного. Рубаха и верхняя одежда подпоясывались ремнями, нередко украшавшимися металлическими накладками, как литыми, так и пластинчатыми. Остатки кожаных ремней попадались в разных могильниках, как и остатки шерстяных тканей прямого и саржевого переплетения, окрашенных в зеленый и бордовый цвета. Есть остатки тканей растительного происхождения, конопляных и льняных, датированных XIII—XIV вв.

Коми-зыряне носили кожаную обувь типа постол или сапожки с мягкой подошвой, с относительно высокими голенищами, которые стягивались на щиколотках ремешками. В женских погребениях найдены бронзовые шумящие привески, обычно с умбоновидной формы питками, служившие украшениями обуви (табл. LVIII, 12). Они привязывались к ремню на щиколотках. Были распространены и лапти, как кожаные, так и лыковые. На поселениях и в могильниках встречены кочедыки, обычно костяные, использовавшиеся для их плетения.

Исследователи вымской культуры предполагают, что женщины носили головной убор в виде широкого обруча из бересты, обтянутого материей, с закрытым верхом, от которого сзади спускался кусок материи, прикрывавший шею. К околышку убора пришивались различные металлические украшения или нашивались бусы (табл. LVIII, 9, 11). Мужской головной убор — шапка, сшитая из грубого сукна.

Украшения в женских погребениях вымской культуры, особенно на ее ранних этапах (IX—XI вв.), многочисленны. К головным украшениям относятся бронзовые нашивные бляшки нескольких типов, среди которых довольно часты бляшки крестообразной формы (Часадорский, Гидсайягский, Жигановский, Ыджыдзельский могильники) (табл. LVIII, 11). Они нашивались также и на другие части одежды. К женскому головному убору и вискам крепились височные украшения нескольких типов (табл. LVIII, 3, 4, 7). Наиболее распространенными были первоначально перстнеобразные провололочные кольца, нередко и однобусинные височные кольца без замка, со сходящимися концами. На завершающей стадии существования вымской культуры широко бытовали трехбусинные височные кольца с сильно профилированными металлическими бусами, украшенными сканью и зернью. Такого типа украшения были распространены и на Верхней Каме, и в низовьях Оби. К головному убору на кожаных шнурах подвешивались бронзовые пронизки, сами шнуры украшались металлическими пронизками и бусами. Такие же шнуры крепились у пояса и на груди.

Шейные ожерелья состояли из стеклянных и каменных бус в комбинациях с различными подвесками, преимущественно монетовидной формы, а иногда и монетами-подвесками. Особенно богатые ожерелья были найдены в погребениях IX—XI вв. Большая часть бус из погребений привозные, изготовленные в южных и западных областях (Герасимова Л. В., 1982, с. 88—105). В одном из погребений Кичилькосьского могильника на шее погребенной расчищена плетеная серебряная цепь с напук-

ными зернеными бусинами по концам. В середине цепь имела покрытую зернью пластинку с каменной цветной вставкой. Этот предмет привезен в Повычегодье и, видимо, изготовлен в Волжской Болгарии (табл. LVII, 25).

В составе женского костюма как украшения использовались и арочные привески специфической формы, характерные для этого района и украшенные шумящими подвесками (табл. LVIII, 6). Они, видимо, носились на груди. Это украшение — продукция местных мастеров. Женский костюм украшался также бубенчиками со щелевидными и крестовидными прорезями; часть их служила пуговицами, другие собирались в кисти (табл. LVII, 20, 21; LVIII, 18). Массовое распространение этого украшения наблюдается с середины XI в.

Довольно редки в женских погребениях браслеты провололочные, плетеные и пластинчатые с сомкнутыми концами, украшенные на концах каменными и стеклянными вставками (табл. LVII, 7; LVIII, 15). На пальцах рук женщины носили перстни (табл. LVII, 22, 23; LVIII, 17). Среди них наиболее распространенными были рубчатые и шетковые; есть щитки с узором в виде плетенки. Начиная с XII в. значительная часть украшений костюма коми-зырян сходна с древнерусскими. Очевидно, значительная часть их изготавливалась в Новгородской земле и привозилась торговцами (табл. LVII, 9, 13, 18). Об относительно оживленных связях жителей этого района с новгородцами говорят найденные здесь бусы европейских типов, а также пока еще немногочисленные находки западноевропейских монет XI—XII вв. Торговые связи в этом направлении предопределялись транспортной магистралью — реками Вычегдой и Сухой.

Типы поселений и жилищ, погребальные комплексы и бытовой инвентарь свидетельствуют о том, что носители вымской культуры сохраняли патриархально-родовую организацию общества с семейным разделением охотничьих угодий. Наличие укрепленных поселений свидетельствует о начавшемся имущественном расслоении населения, о накоплении определенных запасов и стремлении сохранить их от врагов.

Еще Ф. А. и А. Ф. Теплоуховы высказали предположение, что коми-зыряне не являются исконным населением Повычегодья, а появились здесь в сравнительно более позднее время (Теплоухов Ф. А., 1893, с. 74; Теплоухов А. Ф., 1924, с. 108; 1960, с. 270—275). По их мнению, предки коми-зырян жили первоначально по соседству с чувашами. Оттуда они переселились на Вычегду, с Вычегды — частично на Верхнюю Каму, до того заселенную угорскими племенами. Сторонниками другой точки зрения на происхождение коми-зырян были В. И. Лыткин, Л. П. Лашук, М. В. Талицкий и позднее В. А. Оборин. Эти исследователи полагали, что предки коми-зырян тоже не были автохтонным населением Повычегодья, а ранее жили в бассейне верхнего течения Камы, откуда переселились в Повычегодье (Лыткин В. И., 1973, с. 53, 54; Талицкий М. В., 1941а, с. 52, 53; Бадер О. Н., Оборин В. А., 1958, с. 161, 163). В. А. Оборин относит проникновение ломоватовских племен в Повычегодье к IV в. и связывает его с одновременной миграцией

в Верхнее и Среднее Прикамье угорских племен с востока. Им высказано предположение, что племена ванвиздинской культуры, жившие в Повычегодье до коми-зырян, были предками не коми-зырян, а вепсов. Однако позже исследователь отказался от этой точки зрения (Оборин В. А., 1969, с. 163—166). Этногенез коми в свете антропологических данных исследовался Н. Н. Чебоксаровым (Чебоксаров Н. Н., 1946, с. 56—67), показавшим, что современные коми в антропологическом отношении представляют сложный конгломерат различных рас, среди которых основную роль играет беломорский, вятско-камский и восточно-балтийский типы. Мезодоликоцефальные светлые европеоиды преобладают в северной части зоны расселения коми — на Удоре, Ижме и нижней Печоре. В Вычегодском бассейне они постепенно сменяются светлым, но более короткоголовым балтийским типом, влияние которого чувствуется до самых верховьев Камы. У южных коми (пермяков) широко распространен вятско-камский (лапоноидный) переходный комплекс, проникающий на север до рек Лузы и Сысолы. Большая часть современной Коми АССР занята была представителями беломорского и восточно-балтийского типов, вятско-камский тип распространялся в южных районах республики. По мнению Н. Н. Чебоксарова, предки современных коми-зырян уже в начале II тысячелетия н. э. отличались преобладанием беломорского типа, что связывается с включением в состав вычегодских коми восточного крыла древних племен беломорского расового облика. Западное их крыло принимало участие в формировании корел, а центральная ветвь участвовала в формировании чуди заволочской. Что касается вятско-камского сублапоноидного типа, то он, несомненно, связывается с Прикамьем. По данным Н. Н. Чебоксарова, нет никаких данных о массовой миграции предков коми-зырян с Камы на Вычегду. Исследователь предполагал проникновение населения в Привычегодье с запада и что это переселение, правда в гораздо меньших размерах, происходило и в бассейне Верхней Камы.

Вопросы этногенеза коми (в основном коми-зырян) разрабатывались в основном с позиций языкознания Л. П. Лашуком (Лашук Л. П., 1955а, с. 10—30; 1961, с. 24). Исследователь пришел к выводу, что в I тысячелетии н. э. произошло переселение некоторых прикамских (пермских) племен из бассейна Камы в бассейн Вычегды, где они встретились с носителями ванвиздинской культуры, были ассимилированы ими и заимствовали у последних местные культурные традиции. При этом Л. П. Лашук полагает, что сама ванвиздинская культура была финноязычной, а носители ее по антропологическому типу были близки корелам и вепсам.

Археологические исследования пока не дают данных, свидетельствующих о массовом переселении населения из Верхнего Прикамья в Повычегодье в I тысячелетии н. э. В Верхнем Прикамье в это время была распространена харино-ломоватовская культура, которая послужила основой формирования родановской культуры коми-пермяков. Памятники последней в Повычегодье пока не обнаружены. Массовое переселение не обнаруживается и в раннеродановское время. Вымская и родановская культуры различаются по серии этнически определяющих

признаков, выявляемых в погребальной обрядности, орнаментации глиняных сосудов и технологии их изготовления, металлических украшений. Различия культур становятся еще более заметными в XII—XIV вв. В то время у носителей родановской культуры господствует обряд трупоположения, а у вымских племен значительное число погребений совершалось по обряду трупосожжения. Погребальный обряд вымской культуры имеет некоторое сходство с обрядностью позднего этапа ванвиздинской культуры. Специфической особенностью погребального обряда вымской культуры является трупосожжение части погребенных в домовинах, расположенных частично на дне могильной ямы, а частично в непосредственной близости от могилы. Этот способ трупосожжения неизвестен в ванвиздинской культуре. Появление такой обрядности, по мнению Э. А. Савельевой, говорит о проникновении в Повычегодье населения из западных областей, предположительно предков вепсов, которые, как представляется, имели именно такой погребальный обряд в X в. Вместе с пришлым населением в могильном инвентаре вымской культуры появляются предметы, характерные для восточных вепсов в начале II тысячелетия н. э. Из области расселения вепских племен приходят в Повычегодье и начатки примитивного земледелия. Здесь же в то время появляются и топонимы вепского происхождения.

Реконструкция процесса формирования коми-зырянских племен на территории Повычегодья значительное внимание уделила и Э. А. Савельева. По мнению этой исследовательницы, сложение этноса коми-зырян началось в середине I тысячелетия н. э. Основным его компонентом была западная группа ванвиздинских племен, обитавших тут же, в Повычегодье. Э. А. Савельева не согласна с отнесением племен ванвиздинской культуры к угорязычным и допускает лишь миграцию небольшой части населения из Верхнего Прикамья в Повычегодье в конце I тысячелетия н. э., в то же время утверждая, что одним из основных компонентов в этом процессе были восточные вепсы, в значительном числе проникшие на территорию формирования вымской культуры. Предполагается, что эти вепсы испытали в процессе своего продвижения в бассейн Вычегды определенные влияния со стороны славянских племен и сохранили, во всяком случае, оживленные торговые и культурные связи со славянским населением Новгородчины (Савельева Э. А., 1982, с. 14—31).

Поломская культура

Памятники бассейна р. Чепцы, сходные по облику и относящиеся к V—первой половине IX в., В. Ф. Генингом были выделены в археологическую культуру, которую он назвал поломской по широко исследованному могильнику — Поломскому (Генинг В. Ф., 1958, с. 92—103; 1959, с. 182—184, 208—210, 212; 1961, с. 23—48).

Выявление и исследование памятников этой культуры было начато работами Н. Г. Первухина, который в 1885—1888 гг. нашел несколько поселений раннесредневекового времени в бассейне р. Чепцы

(Первухин Н. Г., 1896, с. 13—121, 128—160, 161—173). Большая серия погребальных комплексов, преимущественно VII—VIII вв. и более позднего времени, изучена в 1906—1908 гг. П. Г. Тарасовым и В. Д. Емельяновым. За три года работ ими было раскопано 178 погребений на Поломском I могильнике и 21 погребение на Поломском II могильнике (Красная Горка). Производился этими исследователями и сбор материала на Поломских I и II городищах (Тарасов П. Г., 1909, с. 115, 116; 1910, с. 108, 132; Емельянов В. Д., 1912, с. 166, 167). Общая характеристика памятников этого времени была сделана А. А. Спицыным в плане разделения древностей Прикамья на хронологические группы (Спицын А. А., 1902). К сожалению, интереснейшие материалы Поломских могильников длительное время оставались неопубликованными. В бассейне р. Чепцы в разное время была обнаружена большая серия кладов, в состав которых входили серебряные блюда византийского и иранского происхождения, изготовленные в IV—VII вв. Они характеризуют торговые связи местного населения с отдаленными областями. Среди этих находок особенно интересным оказался клад, обнаруженный у с. Чур на р. Убыть в 1887 г. и включавший два серебряных блюда. Еще одно серебряное блюдо с изображением на дне охотящегося всадника найдено в д. Утемельская на р. Пызып II. Серебряный кувшин восточного происхождения известен в кладе у д. Седьяр Базезинского р-на.

В 1957—1959 гг. Удмуртской экспедицией под руководством В. Ф. Генинга проведены исследования городищ Гыркес-шур, Карвалес и Восьякар, давшие некоторое представление о поселениях поломской культуры; в бассейне р. Чепцы обследовано еще около 20 памятников, где были напластования VIII—XVIII вв., а также проведены раскопки могильника Мыдланьшай, в котором наряду с погребениями чепецкой культуры оказалось и несколько погребений, относящихся ко времени поломской культуры (Генинг В. Ф., 1962, с. 86—90).

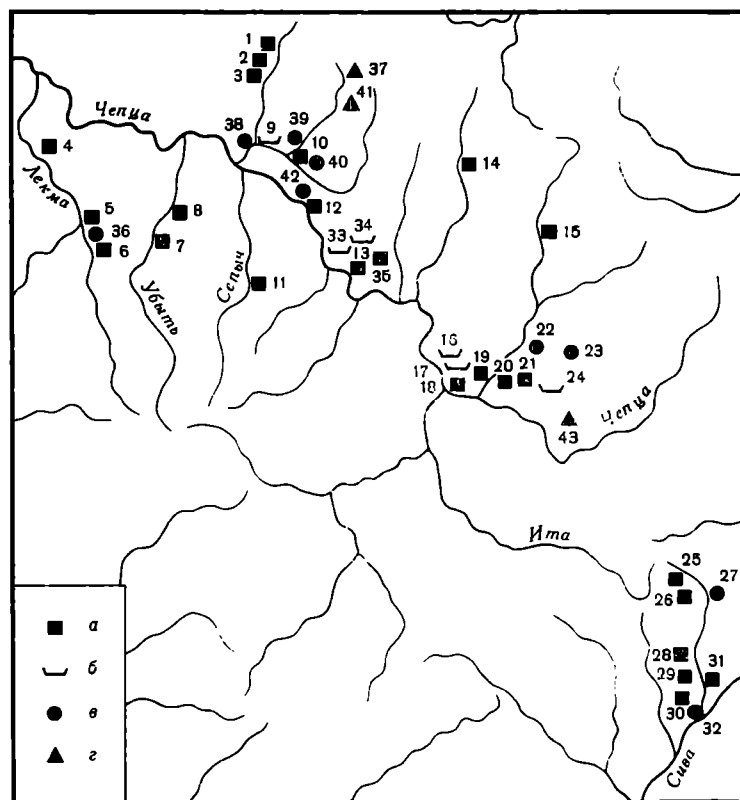
В 1959 г. В. Е. Стоянов вел раскопки на Поломском II городище (Гыркес-шур) и небольшие исследования на Поломском II могильнике (Генинг В. Ф., Стоянов В. Е., 1961, с. 76—84). Были найдены наслоения культурного слоя и погребения позднего этапа поломской культуры. В 1960 г. раскопки того же могильника продолжила Г. Т. Кондратьева. Ею же велись разведки по р. Чепце, в результате чего выявлено еще 10 неизвестных ранее памятников, среди которых оказались и относящиеся к VII—IX вв. (Кондратьева Г. Т., Стоянов В. Е., 1962, с. 100—106; Кондратьева Г. Т., 1970, с. 78—91), раскапывались Варнинские I и II городища (Кондратьева Г. Т., 1967а, с. 147—162).

Значительные материалы были получены и В. А. Семеновым на Варнинском I, Поломских I и II городищах, селище «Аммональный склад» (Семенов В. А., 1971, с. 168; 1979, с. 119—157). В 1965—1967 гг. этим же исследователем велись раскопки на Петропавловском могильнике, близком к чепецким памятникам поломского времени, изучалось Гузебаевское городище и обследовались археологические памятники рек Иж и Вала (Семенов В. А., 1967а, с. 115, 116; 1967б, с. 164—171).

Интересные материалы получены В. А. Семеновым при полевых работах 1970–1973 гг., во время которых было раскопано 312 погребений V–XI вв. на Варнинском I могильнике. Автор раскопок отмечает смешанность материальной культуры этого интереснейшего памятника на ранних этапах его существования. В его инвентаре прослеживаются элементы ломоватовской, позднебахмутинской, позднеазелинской и позднемазунинской культур (Семенов В. А., Корепанов К. И., Старцева Л. Ю., 1973, с. 187; Семенов В. А., 1980, с. 1–55; Генинг В. Ф., 1980, с. 136–151; Фаттахов Р. М., 1980, с. 152–156). В 1972 г. В. А. Семеновым вновь велись работы на городище Гыркес-шур, на городище Карвалес исследованы остатки наземных срубных жилищ, похожих на постройки как ломоской, так и чепецкой культуры.

В результате детальной археологической разведки на Чепце, проведенной за последние годы, удалось представить всю область распространения (карта 26) ломоских памятников (Семенов В. А., 1976, с. 115–140). На основании совокупности собранных материалов были проанализированы как общие вопросы этногенеза удмуртских племен, так и отдельные детали сложения и развития их культуры (Генинг В. Ф., 1967в, с. 175; Семенов В. А., 1967а, с. 287–291).

Основным видом поселений ломоской культуры были городища и в меньшей степени селища. Площади некоторых городищ достигала значительных размеров. Так, площадка Варнинского I городища занимала 10 тыс. кв. м, а площадка Ломоского II городища (Гыркес-шур) — около 20 тыс. кв. м. Есть, правда, и городища меньших размеров с площадками в 5–7 тыс. кв. м, более характерные для этой культуры. Городища обычно расположены на высоких мысах по берегам рек и имеют площадки овальной или подтреугольной формы. Высота городищ над рекой от 15–17 до 30 м. С напольной стороны их видны остатки оборонительных систем в виде валов и рвов, которые ранее кольцом окружали жилые площадки поселений. Для ломоского времени наиболее типичны городища с одним валом с напольной стороны. По гребню этого вала и по окружности площадки поселения в древности устраивался частокол. Небольшие исследования валов городищ ломоской культуры не привели к открытию остатков деревянных конструкций внутри них. Конструкция укреплений ломоских городищ говорит о том, что вход на площадки их осуществлялся не с напольной стороны, где в валах никогда не бывает прорывов, а со стороны поймы реки, по склону мыса, на котором находилось поселение. Наряду с укрепленными поселениями в ломоское время были и неукрепленные — селища, располагавшиеся иногда в значительном удалении от городищ. Наиболее известные среди них Дубровинское, Варнинские I и II, Солдыревское, Турайские I и II. Площадь их составляет 8–15 тыс. кв. м. Как и на городищах, культурный слой имеет толщину в среднем 0,4–0,6 м. Есть городища и с менее мощными напластованиями, но пока не встречено ни одного, которое при отсутствии культурного слоя можно было бы рассматривать как убежище или укрепленное селение. Кроме того, обычно городища, как и сели-

Карта 26. Распространение основных памятников ломоской культуры

а — городище; б — могильник; в — селище; з — местонахождение; 1 — Зуйкарское; 2 — Поркарское I; 3 — Поркарское II; 4 — Уканское; 5 — Ежовское; 6 — Кувяновское; 7 — Хомьяковское; 8 — Извильское; 9 — Адамское II (Мыдланьшай); 10 — Заболотновское; 11 — Сепычское; 12 — Буринское; 13 — Карильское; 14 — Новогинское; 15 — Староутемское; 16 — Ломоский I; 17 — Ломоский II (Красная Горка); 18 — Ломоское I (Карвалес); 19 — Ломоское II (Гыркес-шур); 20 — Варнинское I (Кар-ил); 21 — Варнинское II (Гоп-ул-гурезь); 22 — Варнинское I; 23 — Варнинское II; 24 — Варнинский; 25 — Загибовское II; 26 — Загибовское I; 27 — Дубровинское; 28 — Малокиварское; 29 — Шаловинское; 30 — Среднекиварское (Тарахановское); 31 — Большекиварское (Лазарево поле); 32 — Большекиварское I; 33 — Гординский; 34 — Тольсенский; 35 — Гординское; 36 — Ежовское I; 37 — Портнягинское; 38 — Солдыревское; 39 — Турайское I; 40 — Турайское II; 41 — Макарьевское; 42 — Заболотиевское (Гог-ул-гурезь); 43 — Бейгурезское

ща этой культуры, многослойные; культурный слой ломоского времени залегает в нижних горизонтах, а выше идут напластования чепецкой культуры.

На площадках городищ и селищ при раскопках обнаружены остатки построек. Это прямоугольные рубленые из дерева дома, среди которых есть постройки размерами 12×7 м и менее, с открытыми очагами в узкой торцевой стороне здания. В противоположной стороне постройки устраивался вход. Полы жилищ были земляными; иногда постройки ставились на песчаную подсыпку. Очаги в ломоских домах, как и в более позднее время, размещались на глиняных подушках и иногда по периметру обкладывались камнями. Размеры некоторых очагов достигали в длину 1,5 м. В силу ограниченности объема работ на памятниках пока нет возможности установить высоту срубов этих домов и характер их кровли. Предполагается, что срубы были относительно невысокими, а крыша двухскатной, опиравшейся наверху на перекладину, покоившуюся на врытых в землю столбах; нижние концы слег кры-

ши упирались в землю. Сруб не был здесь несущим сооружением, а выполнял, скорее, роль ограды помещения. Крыша такой постройки покрывалась корой. Отмечается определенное сходство этих домов с жилищами чепецкой культуры как по размерам, так и по планировке. Хорошо сохранившиеся остатки наземных срубных жилищ позднего этапа полумской культуры были раскопаны В. А. Семеновым на городище Карвалес. Размеры одного из них были 11,2×6,5 м, а толщина бревен, срубленных «в обло», 25–30 см. Вдоль длинной стены жилища прослежены столбовые ямки от нар шириной около 2 м, у входа находился очаг на глинобитной подушке, по периметру обложенный камнями. Небольшой объем проведенных на памятниках полумской культуры раскопок не дает возможности судить о принципах размещения жилищ на площадках поселений, о планировке последних. На территории жилищ исследованы и хозяйственные ямы. За пределами жилищ на городищах выявляются многочисленные остатки открытых очагов, не связанных с постройками. Предполагается, что это летние очаги. Встречены как остатки обычных костров, так и очаги на глиняных подушках, тоже обложенные по периметру камнями.

Что касается производственных сооружений и хозяйственных построек, то остатки их прослежены совсем плохо. Исследователями отмечается только, что часть их имела столбовую конструкцию. Из производственных сооружений на городищах имелись кузницы, свидетельства которых являются многочисленные куски железного шлака. В кузницах изготавливались основные кузнечные изделия того времени: топоры, ножи, предметы вооружения и конского снаряжения. О широком развитии кузнечного ремесла говорит и то, что его выделение среди других ремесел произошло гораздо раньше. Среди захоронений Варнинского могильника в двух (258 и 280) были погребены кузнецы. В погребении 280 при умершем найдены кузнечные клещи с оттянутыми губками (табл. LIX, 1).

Могильники полумской культуры находятся поблизости от городищ, обычно на возвышенном берегу реки, на том его участке, с которого хорошо просматриваются окрестные места. Среди них наиболее значимыми являются три: Полумские и Варнинский. Погребальный обряд в этих могильниках в достаточной степени сложен и несколько различается. Наиболее полное представление о погребальном обряде дает Варнинский могильник, самый долговременный и лучше других раскопанный. Все умершие погребались по обряду трупоположения в могильных ямах самых разных размеров. Последние зависели, видимо, от пола, возраста и имущественного положения погребенных, глубина их тоже варьировала от 0,5 до 1,5 м. Конструкция ям простая: дно плоское, а стенки почти отвесные. Лишь часть могил в западной части памятника имела подбой преимущественно в длинных стенках, куда помещались жертвенные комплексы обычно в берестяных коробках. В могильнике выделяются две большие локальные группы захоронений: в восточной его части умершие были ориентированы головой преимущественно в северном направлении, в западной — на восток или на запад. Исследователем

памятника это объясняется захоронением на территории могильника разных по этнической принадлежности групп населения. Умершие хоронились в деревянных гробах, реже — завертывались в луб, бересту; под погребенными обнаруживается подстилка из луба и бересты.

Мужчины погребены обычно с поясами; нередко положены также предметы вооружения и конского снаряжения, топоры; у головы умерших часто встречаются медные котелки с железными ручками и глиняные сосуды. Женщин хоронили в парадных костюмах с многочисленными металлическими украшениями. Довольно часто в женских погребениях, отнесенных к раннему этапу существования могильника, встречаются шейные гривны, а в более поздних погребениях — гривны глазовского типа (табл. LX, 30, 31). На груди много арочных украшений, есть и умбоновидные, тоже с шумящими подвесками (табл. LX, 17, 27). В том же могильнике встречены и ранние разновидности двуконьковых подвесок с короткими цепочками. Женский костюм на груди и головной убор украшались ремennыми шнурами с надетыми на них металлическими фигурными пронизками; шнуры эти внизу заканчивались подвесками в виде колокольчиков, флакончиков, фигурок животных, металлических рожков (табл. LX, 5–8, 11, 12, 14, 19, 21–29, 35). Шнуры, как правило, собирались в пучки. В женских погребениях имелись жертвенные комплексы, которые обычно состояли из женских украшений костюма, положенных в берестяной туес. Были в них и пояса, в том числе украшенные металлическими бляшками (табл. LX, 20, 32, 38–41). К некоторым поясам крепились ножны с ножом, а также кошельки (табл. LX, 33).

В ранней группе женских погребений много вещей харинского облика. Видимо, носившие их люди имели определенные связи с верхнекамским населением времени харино-ломоватовской культуры. Наряду с этим в других погребениях представлены серии вещей, тоже относящихся к раннему времени, но носящих азелинско-мазунинский облик. Эти погребения, очевидно, оставлены выходцами из Камско-Вятского региона. В Варнинском могильнике, одном из немногих, удалось проследить, что погребения на поверхности были отмечены зарытыми в землю столбами и оградой из нескольких кольев, забитых по окружности могилы. Погребения в могильнике размещались относительно короткими рядами.

Признаками, характерными для полумской культуры в целом, являются захоронения по обряду трупоположения с преобладающей восточной или западной ориентировкой, которая сменяется позже северной, дома больших размеров с невысокими бревенчатыми стенками и открытыми очагами, а также керамический комплекс, содержащий множество сосудов с решетчатой орнаментацией. Отмечается, что на ранних этапах в сложении культуры участвуют разные в этническом отношении группы населения: потомки азелинско-мазунинских племен и выходцы с Верхней Камы с культурой, по облику сходной с харино-ломоватовской. Памятники полумской культуры располагаются относительно обособленно от памятников других культур — в бассейне р. Чепцы, в основном в верхнем и среднем ее те-

чении. К востоку от ареала полумской культуры лежит область расселения харино-ломоватовских племен, к северу — область ванвиздинской культуры, а к западу — территория позднеазелинских племен. В настоящее время памятники полумской культуры не разделяются на локальные варианты, что в значительной степени связано пока с недостаточной их изученностью.

Хронологические этапы полумской культуры были выделены В. Ф. Генингом (Генинг В. Ф., 1967в, с. 274). В целом культура была датирована им III—IX вв. и разделена на три этапа (гыркесшурский, карвалесский и мыдланьшайский). Предложенная В. Ф. Генингом общая датировка памятников культуры пока не подкреплена фактическими материалами. Наиболее ранний памятник — Варнинский могильник — дал материалы, древнейшие из которых относятся ко второй половине V в. Поэтому В. А. Семенов и предложил после исследования инвентаря этого памятника разделять полумскую культуру на те же три этапа, но наиболее ранний, гыркесшурский, датировать второй половиной V — первой половиной VII в. К этому периоду относится часть погребений Варнинского могильника, Варнинское I городище и городище Гыркесшур. Второй этап культуры, карвалесский, В. А. Семеновым датирован второй половиной VII — первой половиной VIII в. К нему относится часть погребений Варнинского могильника, несколько захоронений Полумских I и II могильников, городище Карвалес. К третьему этапу (мыдланьшайскому) относится серия погребений на Варнинском могильнике, значительное число погребений Полумских I и II могильников, часть захоронений могильника Мыдланьшай, ранние горизонты городища Вельякар и селище «Аммональный склад». Мыдланьшайский период культуры в последнее время датирован второй половиной VIII — первой половиной IX в. (Генинг В. Ф., 1980, с. 139).

Одним из основных видов хозяйства полумских племен было подсечное земледелие, распространившееся в бассейне р. Чепцы с середины I тысячелетия н. э. На поселениях и особенно в могильниках найдено много железных проушных рабочих топоров — инструментов универсальных, но совершенно необходимых и при подсечном земледелии как основное орудие для расчистки полей от леса (табл. LIX, 4). В Варнинском могильнике есть обломки железных серпов с черепками, плавно переходящими в лезвие, — форма, типичная для второй половины I тысячелетия н. э. Размол зерна велся на зернотерках. Основными культурами, распространенными на этой территории, были рожь, пшеница, полба и просо. Видимо, культур было больше, но пока объем исследований поселений невелик и не все они еще выявлены. Среди инструментов, служивших для обработки почвы, известны были и небольшие железные мотыжки, которые встречаются в могильниках, в частности в Варнинском и Полумских (табл. LIX, 14).

Большое значение в хозяйстве полумских племен имело и пойменное скотоводство. Основными животными в стаде были лошадь и корова, разводили и овцу. Кости лошади — постоянная находка в культурных слоях поселений полумской культуры. Как

жертвенная пища присутствуют они и в полумских погребениях. При этом отмечается, что в погребение клался обычно череп лошади. Лошадь употреблялась не только в пищу, но и использовалась как верховое, вьючное и тяговое животное. Упомянем многочисленные находки удила, деталей сбруи и стремян в мужских погребениях (табл. LIX, 12, 16, 17). Существенную роль играло и разведение крупного рогатого скота — коров. Кости этого животного тоже постоянно находят в культурных слоях поселений, на ряде поселений их даже больше, чем костей лошади. В погребениях Варнинского могильника ребра коров часто встречаются в тех же могилах, где есть и лошадиные черепа. Можно утверждать, что мясо коровы было положено в каждое третье погребение Варнинского могильника. Присутствие в стаде овцы документировано не только находками костей ее на поселениях, но и многократными находками обрывков шерстяных тканей в погребениях. Изредка кости овцы отмечались в Варнинском могильнике в качестве жертвенной пищи. В погребениях финального этапа полумской культуры известны и кости курицы.

Среди различных ремесел, несомненно, важным было железоделательное, о чем свидетельствуют многочисленные железные изделия из могильников и погребений. По числу находок они стоят на втором месте после глиняных изделий. Выплавка железа из руд, месторождения которых в бассейне р. Чепцы многочисленны, велась, видимо, за пределами поселений.

Одним из важных занятий полумского населения, несомненно, была охота на зверей с целью получения мяса и пушнины. Основным объектом мясной охоты был лось. Кости его есть на поселениях и в погребениях Варнинского могильника. Велась охота и на медведя; когти и зубы его нередко использовались как амулеты. Изображение медведя украшает щитки шумящих подвесок. Подобные подвески имеются не только в памятниках полумской культуры, но и чепецкой, и родановской. Найдены и подвески с изображениями водоплавающих птиц, соболя или куницы. Орудия охоты обильны (табл. LIX, 3, 4). Это рога в виде копий с широким и длинным пером, различные виды дротиков (табл. LIX, 8, 9). На пушных зверей и птицу охотились с помощью лука. Луки в полумской культуре были как простые, так и сложные. Детали сложного лука — костяные накладки — найдены в погребениях Варнинского могильника. Охотничьи стрелы мало отличались от боевых и имели железные и костяные наконечники. Стрел с костяными наконечниками много в составе погребальных инвентарей. Это и срезни, и тупики, предназначенные для охоты на белку. Среди пушных зверей промышлялся и бобр. Кости его часто встречаются на поселениях полумской культуры, известны и амулеты из костей бобра.

С охотой тесно было связано косторезное ремесло, стоявшее на значительной высоте у носителей полумской культуры. В Полумских I и II могильниках много вырезанных из рога лося ложек и лопаточек (табл. LIX, 7). Часть из них украшена различными орнаментами. Из кости и рога изготавливались пряслица (табл. LIX, 15), гребни (LX, 32), часто с на-

вершиями в виде двух лошадиных головок, рукояти ножей и шпильев. В культурном слое поселений есть сделанные из кости разбивальники, скобели и скребла, проколки, кочедыки для плетения лаптей и сетей.

На высоком уровне стояли деревообработка и выделка изделий из корней сосны и бересты. При раскопках найдены деревянные ложки и серия ложка-рей (табл. LIX, 11), которые применялись для их изготовления, остатки деревянных сосудов, в том числе многие с бронзовыми оковками по краю. Берестяные коробки и туеса хорошо известны по жертвенным комплексам из погребений.

Могильники полумской культуры насыщены изделиями из бронзы. Подавляющее большинство их сделаны на месте из привозного металла (табл. LX, 16–18, 24). Это преимущественно женские украшения и детали женского костюма. В культурных напластованиях поселений найдены кусочки и капли бронзы, бракованные бронзовые изделия. Тигли для плавки металла более редки, часть из них имела конусовидную форму. Литые изделия производилось в глиняных формах по восковой модели (табл. LIX, 20). Известны серии изделий из бронзы (поясные бляшки и др.), отлитых в каменных односторонних формах (табл. LX, 20, 32, 38, 40–41). Бронзовые изделия делали, как правило, женщины. Вместе с тем известны предметы из листовой меди, что, видимо, было разновидностью кузнечного производства, которым занимались мужчины. Это ножны для мечей и ножей, пояса, бронзовые клепаные котелки с железными дужками (табл. LIX, 19, 21, 23, 25).

Керамическое производство у племен полумской культуры было на уровне домашнего ремесла. Наиболее крупная коллекция сосудов происходит из Варнинского могильника, где сосуды обнаружены в большинстве могил. Все сосуды изготовлены из красножгущейся глины с примесью толченой раковины, растительными примесями, реже — речного песка в тесте. Сделаны они от руки кольцевым напелем. Из-за плохого и главным образом кратковременного обжига на кострах и сильной закопченности цвет большинства сосудов серый, желтовато-коричневый, темно-серый и почти черный. Все сосуды имеют широкие горловины и округло-уплощенное дно, края венчиков обычно округлые. Диаметр тулова сосудов колеблется от 7 до 30 см, но преобладает диаметр 10–20 см.

Опираясь на материалы только из Варнинского могильника, В. А. Семенов выделяет по соотношению диаметра и высоты, по форме перехода стенок к дну и венчику пять типов сосудов (Семенов В. А., 1980, с. 54, 55). К первому он относит сосуды с высотой, равной диаметру, относительно высокой шейкой и прямым, слегка отогнутым наружу или внутрь венчиком. Ко второму типу причислены горшки с высотой, в пять раз меньшей диаметра сосуда по венчику. Их большинство в коллекции, и они относительно небольших размеров: 12–17 см. Третий тип составляют сосуды с наклоненными внутрь стенками, низким переходом от боковой поверхности к дну: четвертый — сосуды баночного типа. Разновидности их выделяются по степени отгиба края венчика. Последний тип образует сосуды без шейки. Примерно половина сосудов этой кол-

лекции орнаментированы. Наиболее распространено было украшение шнуром верхней части сосуда, иногда в сочетании с горизонтально расположенными одинарными рядами оттисков гребенчатого или решетчатого штампов. Такая решетчато-шнуровая орнаментация распространена на ранних этапах полумской культуры, но, видимо, тот же прием был характерен для осинских племен — археологической культуры более раннего времени. Предложенная классификация сосудов полумской культуры не учитывает основной их массы, происходящей с поселений. Классификация последней пока не разработана.

Среди предметов вооружения и конского снаряжения в могильниках полумской культуры наиболее интересны меч и три палаша — оружие конника. У двух палашей отогнут конец клинка, у третьего клинок прямой, перекрестья и деревянные рукоятки их завершаются металлическими оковками (табл. LIX, 22). Все три палаша относятся к VIII в. Меч с обоюдоострым лезвием не имеет перекрестья и относится к финальному периоду полумской культуры, а может быть, и к начальному этапу чепецкой. В Варнинском могильнике обнаружена большая серия кинжалов. Они имеют длинное лезвие ножевидной формы и короткий широкий черешок. Длина лезвия наиболее крупного из них около 40 см (табл. LIX, 24). У отдельных кинжалов на клинке видны долы. Мечи, кинжалы и боевые ножи носились в ножнах. Ножны мечей и палашей были деревянными, с бронзовыми наконечниками и бронзовыми скобами для прикрепления их к портупее. Для ношения ножей и кинжалов употреблялись ножны, изготовленные из бронзового листа (табл. LIX, 21, 23). Одни из них сужаются книзу, другие равноширокие. Последние нередко по поверхности пышно украшались валиками, поперечными полосками металла, сканью и «городками» зерни. Конической формы ножны — более ранние (VI–VII вв.), а равноширокие — более поздние и датируются в основном VIII–IX вв. Ножны первого типа есть в Полумских могильниках и в Варнинском, а второго типа — в Варнинском и Мыдлапшайском могильниках.

Важным предметом вооружения были и копья. Их наконечники железные, в основном двух типов — ланцетовидные и пиковидные (табл. LIX, 8, 13). Последние были бронебойными. Найдены при раскопках и железные втулки копий, имеющие вид невысоких конусов. Наконечники стрел двух типов — ланцетовидные и бронебойные, шиловидной формы. Последние рассчитаны на поражение противника, одетого в кольчугу. Из Полумского I и II и Варнинского могильников происходит и серия двушипных метательных дротиков (табл. LIX, 9). Наконечники их, как и наконечники копий, все втульчатые. В мужских погребениях могильников Полумских I и II и Варнинском обнаружены боевые топоры, по форме близкие салтовским. Они узколезвийные с молотковидными обухами и овальными в сечении отверстиями для прямых рукоятей (табл. LIX, 2, 5, 6). Топоры эти легкие, вес каждого около 300–400 г. Дата топоров этого вида — конец VII–VIII в. Как уже говорилось, в могильниках найдены и остатки сложных клееных луков с костяными накладками, берестяные колчаны для стрел, крюки

для подвешивания колчанов. Предметы конского снаряжения представлены удилами, уздечными наборами и стременами. Для более ранних погребений характерны удила с прямыми и эсвидными псалиями. Более поздние удила, относящиеся к VIII в., двусоставные, кольчатые (табл. LIX, 12, 16, 17). Стремена салтовских типов и все они относятся к VII—VIII вв. У них прямые подножия и высокие петли. Остатки седел в погребениях не найдены, хотя, несомненно, они были в употреблении в то время.

Носители полумской культуры имели, видимо, родо-племенную организацию. Каждое поселение принадлежало нескольким большим семьям, связанным родственными отношениями, но не исключено, что первоначально имевшим различное происхождение. Форма и размеры жилых построек, как и общий характер могильников, говорят о существовании патриархальных больших семей, каждая из которых насчитывала, очевидно, 10—15 человек. Хозяйственные угодья были распределены между поселениями. Отмечаются большие участки земли, слабо заселенные, которые использовались только как охотничьи угодья.

Сложение полумской культуры происходило в IV—V вв. при заселении слабо освоенной долины р. Чепцы выходцами с соседних территорий. По мнению В. Ф. Генинга, определенную роль в сложении полумской культуры сыграли не только племена местного камско-пермского этнического круга, культура которых хорошо фиксируется в материалах ранних погребений Варнинского могильника, но группа племен угро-самодийского этноса. Последний участвовал, согласно В. Ф. Генингу, в генезисе не только в полумской, но и в других культурах Прикамья, в частности в харпно-ломоватовской и, особенно, в сылвенской.

По всем имеющимся материалам усматривается прямая связь между поздними этапами полумской культуры и ранними этапами чепецкой, а также непосредственный переход одной культуры в другую. Это видно особенно явно по материалам могильников полумской культуры, наиболее поздние погребения в которых относятся уже к чепецкой культуре, а также по приемам домостроительства и особенностям хозяйственной деятельности. Так, в могильнике Мыдлань-шай большая часть погребений принадлежит чепецкой культуре. Та же картина наблюдается в Полумских могильниках. В Варнинском могильнике значительное число погребений относится к полумской культуре, а небольшая часть — к чепецкой.

Преимущество культур особенно ярко проявляется в женском костюме. Судя по данным раскопок, основой его и в полумской, и чепецкой культурах было длинное подпоясанное платье, поверх которого надевался кафтан. И платье, и кафтан подпоясывались ремнями. К переду костюма и к поясу пришивались собранные в пучки кожаные шнуры с надетыми на них металлическими пронизками (табл. LX, 35), о которых уже было сказано. Племенные украшения полумской культуры (табл. LX, 1—4, 9, 10) плохо изучены.

Далеко не все исследователи согласны с тем, что в сложении средневековых удмуртов и коми-пермя-

ков принимали активное участие верхнекамские и чепецкие племена. В свое время Е. А. Халикова высказала предположение, что верхнекамские и чепецкие памятники I и начала II тысячелетия н. э. принадлежали каким-то неместным этническим группировкам, вошедшим впоследствии в состав Воляжской Болгарии (Халикова Е. А., 1970, с. 301). Эту точку зрения отстаивал и А. Х. Халиков (Халиков А. Х., 1979, с. 70), предложивший искать предков удмуртов и коми-пермяков «не южнее верховьев Волги, Камы и Вычегды». В свете новых, полученных за последние годы материалов эта точка зрения представляется малоубедительной, как и мнение В. Б. Ковалевской, которая попыталась передатировать ранние комплексы Полумских могильников и отнести их ко времени не ранее VIII в., поставив под сомнение принятые датировки ранних этапов полумской культуры (Ковалевская В. Б., 1969, с. 84—91). Ошибочность таких датировок, правда с большим запозданием, показал В. Ф. Генинг. Дав аргументированную датировку деталей поясных наборов из погребальных памятников Прикамья, он косвенным образом доказал, что ранние полумские погребения принадлежат к V—VII вв. (Генинг В. Ф., 1979б, с. 96—105).

Удмуртские племена в IX—XV вв.

Чепецкая культура

Изучение археологических памятников, оставленных удмуртскими племенами в эпоху средневековья, началось еще в прошлом столетии. В 1887—1889 гг. А. А. Спицын первым произвел раскопки и разведки средневековых городищ и могильников по рекам Вятке, Чепце, Пижме и среднему течению Камы. Особенно результативными были исследования древнеудмуртского могильника Чемшай (Спицын А. А., 1893б, с. VII; с. 1—191). В 1885—1888 гг. по р. Чепце и верхнему течению Камы вел археологические разведки с небольшими раскопками Н. Г. Первухин (Первухин Н. Г., 1896, с. 13—121, 128—160, 161—173). В 1906—1908 гг. древнеудмуртские могильники XI—XIII вв. Чабьяшай, Данчашай, Шайшур раскапывались П. Г. Тарасовым и В. Д. Емельяновым (Тарасов П. Г., 1909, с. 115, 116; 1910, с. 108; Емельянов В. Д., 1912, с. 166, 167).

В 1902 г. А. А. Спицын на основании имевшихся к тому времени материалов сделал попытку систематизировать археологические памятники Вятского края. Помимо комплексов, относящихся к ананьинскому и пьяноборскому времени, он выделил средневековые памятники, разделив их на несколько периодов. Это была первая научно обоснованная классификация археологических памятников названного района. И основным ее источником послужила известная коллекция древностей, собранная Ф. А. и А. Ф. Теплоуховыми (Спицын А. А., 1902).

В 1909—1913 гг. по заданию Сарапульского музея на р. Каме работал Л. А. Беркутов. Он обследовал почти все известные к тому времени городища на территории Прикамской Удмуртии, составил планы

осмотренных памятников и собрал огромную коллекцию разновременных находок, часть которых датировалась IX—XIV вв. (Беркутов Л. А., 1913, с. 57—63; 1914, с. 35—89).

В 1917 г. М. Г. Худяков опубликовал новые, полученные им сведения о памятниках археологии Малмыжского уезда Вятской губ., обобщив их и дав детальный разбор этих древностей, в том числе и относящихся к древнеудмуртским племенам (Худяков М. Г., 1917, с. 3—59). Исследователь попытался отдельные этапы истории удмуртов, марийцев и татар увязать с известными к тому времени археологическими памятниками бассейна р. Вятки и ее притоков. Памятники бассейнов рек Чепцы и Кильмези он отнес к древностям удмуртского народа.

В 1926 г. в Чепецком крае приступила к работе археологическая экспедиция под руководством С. Г. Мартынова и А. П. Смирнова. За пять лет полевых работ были обследованы многие археологические памятники и проведены значительные раскопки городищ, в частности, Иднакар, Дондыкар и Сабанчкар. Исследовались также древнеудмуртские могильники Чемшай, Адамовский Бигершай и Адамовский Вужшай. На поселениях были выявлены остатки жилых, хозяйственных и производственных построек, в могильниках получены большие комплексы погребального инвентаря (Матвеев С. Г., 1929а, с. 5—16; 1929б, с. 18—25; Смирнов А. П., 1929б, с. 26—58; 1931, с. 36—72; 1937, с. 239—248; 1938а, с. 202—247; 1952, с. 189—206, 231—249). В книге «Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья» А. П. Смирнов (Смирнов А. П., 1952, с. 169—174) вслед за А. А. Спицыным утверждал, что часть поселений по р. Вятке и ее притокам была первоначально оставлена древними удмуртами, продвинувшись позже в более восточные районы под натиском марийских племен. Укрепленные поселки — городища с названиями «пор», расположенные в западных районах современной Удмуртии, — по его мнению, свидетельство глубокого проникновения марийцев в область первоначального расселения древнеудмуртских племен.

Интенсивное изучение средневековых памятников возобновилось в 1951 г., когда началось археологическое обследование верховьев Камы не только в пределах Удмуртской АССР, но и в Кировской и Пермской областях. Было обследовано около 50 памятников преимущественно поселений и в их числе немало средневековых (Оборин В. А., Трефилов А. Ф., 1954, с. 195—212).

Новые археологические и антропологические материалы получены экспедицией Московского университета, которая начиная с 1956 г. вела раскопки относительно поздних кладбищ на территории Удмуртии — Можгинского, Аксакшурского и Буринского. Они датируются XV—XVIII вв. (Акимов М. С., 1961, с. 121—125; 1968, с. 55). В 1956 г. небольшие разведки археологических памятников в районе р. Сивы, давшие, правда, в основном более ранние материалы, были проведены В. А. Семеновым. Им же в бассейне р. Чепцы на участке Глазов — Балезино обнаружено свыше 20 новых археологических памятников VIII—XVIII вв., в том

числе и одно неизвестное ранее городище у д. Городино (Семенов В. А., 1967г, с. 115—140).

Большие работы по изучению средневековых памятников Удмуртии были проведены В. Ф. Генингом. Возглавляемой им экспедицией раскапывались городище Вельякар, могильники Вельякар и Бигершай, исследовался (и очень основательно) могильник Мыдланшай (Генинг В. Ф., 1962), велись относительно небольшие работы на Поломском городище Карвалес.

В 1958 г. В. А. Семеновым были продолжены исследования городища Вельякар, в результате которых были раскрыты жилые, хозяйственные и производственные сооружения, собран большой вещевой материал. В 1967—1969 гг. этим же исследователем копался удмуртский Ореховский могильник (Семенов В. А., 1976б, с. 69—89) и велись поиски памятников древнеудмуртских племен в бассейне р. Тоймы.

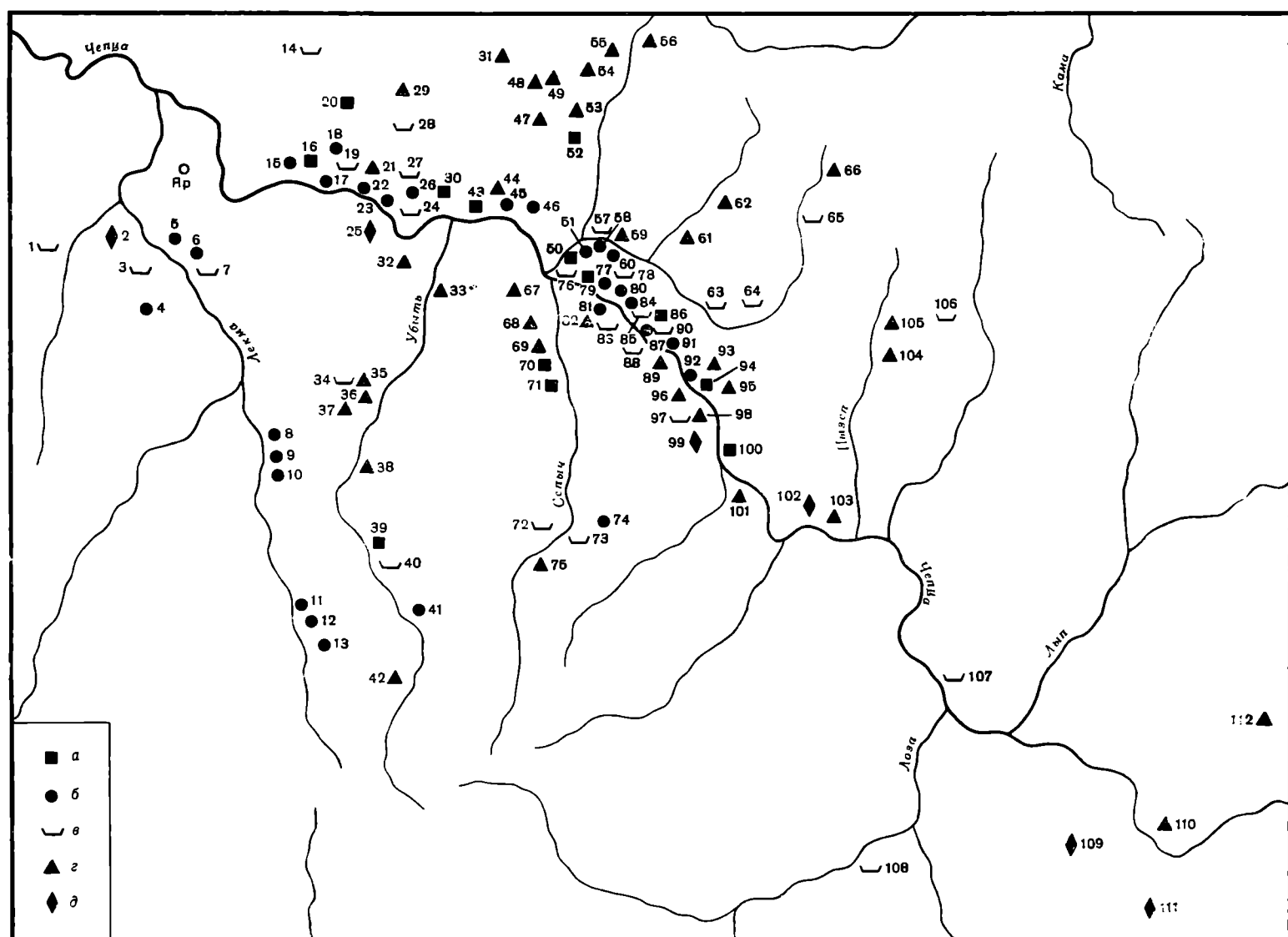
В 1960 г. при разведках Г. Т. Кондратьевой обнаружено несколько новых памятников чепецкой культуры по правым притокам р. Чепцы, ранее никогда не обследовавшимся, среди которых наибольший интерес представляет могильник у д. Толсен Дебесского р-на (Кондратьева Г. Т., Стоянов В. Е., 1962, с. 100—106). В последующие годы Г. Т. Кондратьевой открыто еще несколько поселений и могильников IX—XVIII вв. по р. Чепце и ее притокам, в 1961—1963 гг. проведены раскопки на Чиргинском, Качкашурском, Печешурском, Жабинском и Бодъягшайском могильниках, а также на Варнинском I и II городищах (Кондратьева Г. Т., 1964, с. 232—236; 1967а, с. 103—117; 1967б, с. 147—163; 1967в, с. 89).

В 1965—1973 гг. продолжалось интенсивное изучение средневековых удмуртских памятников и В. А. Семеновым, проводившим разведки в Глазовском р-не и раскопавшим несколько погребений на Кыпкинском могильнике X—XII вв. (Семенов В. А., 1979а, с. 69—86). Позднее им в Балезинском р-не раскапывался Большесазоновский могильник того же времени (Семенов В. А., 1979б, с. 107—114).

С 1974 г. интересные и важные полевые работы по изучению чепецкой культуры ведутся М. Г. Ивановой, исследовавшей раскопками городище Иднакар, Маловенижский могильник и селище Качкашур (Иванова М. Г., 1982а, с. 52—76; 1982б, с. 85—89). Важные материалы для характеристики домостроительства, планировки поселений и облика материальной культуры древнеудмуртских племен получены М. Г. Ивановой при раскопках городища Гурьякар (Иванова М. Г., 1982а, с. 3—26). Этой исследовательницей составлена подробная карта памятников археологии древних удмуртов — чепецкой культуры (Иванова М. Г., 1979а, с. 115—149). Ею же по материалам раскопок разных лет широко освещены основные вопросы хозяйственной деятельности северных удмуртов в конце IX — начале XIII в. (Иванова М. Г., 1979б, с. 6—68).

В результате многолетнего изучения установлено, что основным видом поселений чепецкой культуры были в IX—XIV вв. городища. Часть населения жила на селищах, которых пока выявлено относительно немного и которые исследованы недостаточно.

Ныне открыто около двух десятков городищ чепецкой культуры. Подавляющее их большинство об-

Карта 27. Распространение основных памятников чепецкой культуры

а — городище; б — селище; в — могильник; г — местонахождение; д — клад; 1 — Тымпальский (Бигершай); 2 — Ташьялудский; 3 — Старозынский; 4 — Старорязанский; 5 — Уканское I; 6 — Уканское II; 7 — Меметовский II; 8 — Ежевское I; 9 — Ежевское II; 10 — Ежевское III; 11 — Тыласское I; 12 — Тыласское II; 13 — Тыласское III; 14 — Тумский (Бигершай); 15 — Кушманское I; 16 — Кушманское I; 17 — Кушманское II; 18 — Кушманское III; 19 — Кошовский (Бигершай); 20 — Комаровское (Чибинькар); 21 — Жабинское; 22 — Жабинское I; 23 — Жабинское II; 24 — Лабинский (Бигершай); 25 — Карасевский; 26 — Печешурское; 27 — Печешурский; 28 — Люмский (Бигершай); 29 — Верх-Люмские; 30 — Краснослудское (Эмбакар); 31 — Дураковские; 32 — Чешошурская; 33 — Извильская; 34 — Кыпкинский; 35 — Кыпкинская; 36 — Малоключевская; 37 — Тутбулатовская; 38 — Макшурская; 39 — Маловенижское (Поркар); 40 — Маловенижский; 41 — Удмуртский караул; 42 — Большепалкинская; 43 — Богатырское (Утемкар); 44 — Богатырские; 45 — Нижнебогатырское I; 46 — Нижнебогатырское II; 47 — Вельгортское; 48 — Портяновское; 49 — Сораковские; 50 — Солдырское I (Иднакар); 51 — Солдырское; 52 — Дондыкарское; 53 — Дондинский; 54 — Симпаловская; 55 — Шестнецкая; 56 — Пудвайская; 57 — Кваларский; 58 — Поломское; 59 — Турайское I; 60 — Турайское II; 61 — Кортышевская; 62 — Макаровская; 63 — Чморгинский; 64 — Карашурский; 65 — Большеварыжский (Вужшай); 66 — Аверинская; 67 — Полингинская; 68 — Лудошурские; 69 — Малолудошурские; 70 — Лудошурское I (Сепычкар Малый); 71 — Лудошурское II (Сепычкар Большой); 72 — Татарск Парзинский; 73 — Сепычевский (Эзетнюк); 74 — Гурдошурское; 75 — Саламатовская; 76 — Солдырский (Чемшай); 77 — Солдырское II (Сабанчикар); 78 — Адамовский (Бигершай); 79 — Адамовское I; 80 — Адамовское II; 81 — Качка-

шурское; 82, 83 — Качкашурский; 84 — Заболотневское (Гопулгурезь); 85 — Весьякарский (Бигершай); 86 — Весьякарское I; 87 — Весьякарское II; 88 — Омутницкий; 89 — Омутницкие; 90 — Подборновский (Вужшай); 91 — Подборновское; 92 — Гординское (Изынь); 93 — Гординская; 94 — Гординское (Гурьякар); 95 — Гординский камень; 96 — Почтошурская; 97 — Ягошурский (Бигершай); 98 — Ягошурские; 99 — Ягошурский (Кестымский); 100 — Балезинское (Узякар); 101 — Балезинское; 102 — Буринский; 103 — Седъярские; 104 — Сазоновская; 105 — Коршуновские; 106 — Дырпийский; 107 — Поломский I; 108 — Кушынский II; 109 — Лесогуртский; 110 — Байгурезьское; 111 — Богдановский; 112 — Маломедлинская

наружено по течению р. Чепцы и ее притокам. Более известными и частично раскопанными являются городища Дондыкар, Иднакар, Гурьянкар и Весьякар. Городища расположены равномерно по течению реки и притокам и не образуют скоплений. Что касается селищ, то ныне их известно около 40. Находятся они, как правило, на некотором удалении от городищ. Культурный слой их обычно более тонкий, чем на укрепленных поселениях. Район верхнего течения р. Чепцы и течения р. Лекмы, притока Чепцы, характеризуется отсутствием укрепленных поселений. Здесь зафиксированы исключительно открытые поселения (карта 27).

Площадь городищ, расположенных обычно на береговых мысах, различна. Преобладают неболь-

шие, с площадкой около 2,5–3 тыс. кв. м. Крупные городища, площадью до 20 тыс. кв. м, относительно немногочисленны. Площадки их с напольной стороны укреплены одним, двумя, реже — тремя валами и рвами. Высота валов незначительна; редко они имеют высоту более 1,5 м. По гребню валов и по периметру площадки в древности устраивались частоколы. Остатков срубных сооружений в валах не зафиксировано. В основании некоторых из них найдены бревенчатые конструкции, которые, видимо, препятствовали расползанию вала и не были связаны с частоколом, шедшим по гребню вала (например городище Иднакар). Диаметр бревен в таких конструкциях — 25–30 см. Система входа на городища при раскопках пока не прослежена, однако отмечается, что земляные валы с напольной стороны не прерываются. Вероятно, строители укрепленных поселений чепецкой культуры устраивали входы на площадки с боковой стороны мыса, и дороги вели на площадку городища со стороны поймы реки.

На площадках городищ размещались наземные бревенчатые дома, хозяйственные бревенчатые и столбовые постройки, кладовки, производственные помещения. Так, при исследовании городища Дондыкар зафиксированы остатки 19 наземных бревенчатых домов. Пять такой же конструкции бревенчатых домов расчищены на площадке Кушманского городища и остатки нескольких домов — на городище Иднакар. Одно жилое сооружение исследовано на Маловенижском городище Поркар. Серия хуже сохранившихся построек выявлена при исследовании городища Гурьякар (Иванова М. Г., 1982а, с. 6–11).

Стены жилых построек складывались из бревен диаметром около 20 см. Размеры домов: 4,9×4,9 м (Дондыкар), 8,5×4,5 и 8,0×6,2 м (Маловенижское городище Поркар), 5,5×4; 6,7×5,7 м (Гурьякар). На некоторых поселениях, где остатки дерева достаточно сохранились, удалось проследить, что постройки рубились «в обло». Дома имели полы из деревянных плах или досок, тесанных топором. В ряде случаев полы стелились на деревянных подкладках, но чаще на глиняной подушке, которая служила основанием жилища, а иногда и полом. Непременной принадлежностью каждого жилого дома был открытый очаг. Обычно он устраивался на специальных глиняных подушках, основание которых было заключено в низкий деревянный сруб, реже — обкладывалось камнями. Размеры очагов в среднем 1,2×1,2 м, но есть очаги больше и меньше. Очаги обычно размещались в большом доме в центре, а в домах меньших размеров — в углах.

По внутреннему периметру некоторых домов прослежены остатки нар и оснований скамей. В каждом из домов имелась одна или две хозяйственные ямы, как правило, прямоугольной формы. Размеры и глубина этих ям сильно варьируют (2×3, 3×4 м). Отдельные из них простой конструкции, со стенками, иногда обложенными деревом. Очень редки ямы круглые в плане (городище Гурьякар). Они, видимо, служили для хранения запасов, в частности зерна. Находки зерен злаковых в них постоянны. Ямы эти, очевидно, перекрывались деревянным настилом или крышками. У нескольких лучше сохранившихся

домов изучены примыкавшие к узкой стороне дома тамбуры перед входами (табл. LXI, 1). По сравнению с домами они имеют более легкую конструкцию. Удалось проследить и вымостки из камней перед тамбурами. Система перекрытия домов у удмуртов в XI–XIV вв. неизвестна. Исследователи предполагают, что дома с двухскатными крышами потолочных перекрытий не имели; они покоились на врытых в землю столбах и частично на верхнем венце сруба.

На площадках городищ постоянно обнаруживаются очаги-кострища, не связанные с жилыми помещениями. Видимо, это летние очаги. Они имели такую же конструкцию, что и очаги в жилищах.

При раскопках исследованы также остатки хлебов — бревенчатых или столбовых, в которых содержались домашние животные. Они обычно меньше, чем жилые постройки. Выявлены также остатки погребов и отдельно стоявшие кладовки с хозяйственными ямами в них.

Застройка площадок городищ изучена пока плохо, но там, где ее удалось проследить (городище Дондыкар), установлено расположение домов вдоль улиц, вытянутых по длинной оси площадки.

На городищах, кроме того, зафиксированы производственные сооружения. Так, у вала городища Дондыкар открыты остатки кузницы, где найдены куски кузнечного шлака и некоторое количество древесного угля. Недалеко от первой находилась вторая кузница. Каждая из них площадью в 20–25 кв. м. Одна из кузниц имела навес, укрепленный на столбах. Под ним открыта каменная наковальня, а рядом — остатки горна в виде неглубокой ямы диаметром около 30 см, обложенной камнями. Здесь же был найден инструментарий кузнеца: молоток, клещи, зубила, а также куски железа. Остатки еще одной кузницы XII–XIII вв. открыты и изучены на городище Восьякар. Интересным представляется обнаружение на площадке Кушманского городища полуразрушенных сыродутных горнов для варки железа. По форме один из них четырехугольный, размерами 1,5×1,2 м и высотой 1,1 м. Второй горн овальный в плане, размерами 1×0,6 м и высотой 0,6 м. Стенки горнов были сложены из глины, укрепленной на деревянном каркасе. Около горнов найдены уголь, куски шлака и крицы.

Погребальными памятниками древнеудмуртского населения являются грунтовые могильники, располагавшиеся обычно поблизости от поселений. Ныне известно около 30 таких могильников, погребения в которых датируются IX–XIV вв. Это, несомненно, родовые кладбища. Наиболее известны и полнее других раскопаны могильники Адамовский Бигершай, Восьякарский Бигершай, Чемшай, Чиргинский, Маловенижский, Мыдланьшай и самый крупный — Варнинский, в котором исследовано около 300 погребений. Могильники размещаются на возвышенных местах, обычно на высоких берегах рек или на мысах. Могилы в настоящее время не видны с поверхности, но в древности, видимо, были отмечены невысокими насыпями. Умершие погребались в ямах простой формы, размерами 2,7–2,0×0,6–0,8 м и глубиной в среднем 0,5–1,2 м. Дно их плоское, стенки, как правило, отвесные. Ям сложной конструкции — с подбоями, ступеньками и нишами — нет.

Основной обряд захоронения — труположение. Умерших клали на дно могильной ямы в ящиках, изготовленных из деревянных тесин. Ящики ставились на дно могильной ямы. Размеры одного из таких «гробов» в могильнике Мыдланьшай (погребение 70) 2,65×0,52 м. В некоторых могильниках прослеживается обертывание или перекрытие погребенных в таких гробах берестой. Известны деревянные и берестяные вымостки на дне могил.

Могилы образуют ряды по 4—10 погребений в каждом (табл. LXI, 20). Можно полагать, что каждый ряд предназначался для захоронения членов одной большой семьи. Обычно в ряду женские и мужские погребения располагаются без видимого порядка. Каждый могильник содержит, как правило, пять—шесть рядов захоронений. Ориентировка погребений относительно устойчива в каждом могильнике, но разная в целом. Наиболее распространенными были погребения с северной ориентировкой (с отклонениями к западу и востоку), в частности зафиксированные в могильниках Мыдланьшай и Кыпкинском. В могильнике Чемшай умершие лежали головами преимущественно на восток и северо-восток, как в Вельякарском могильнике Бигершай. В могильнике Адамовский Бигершай преобладала западная ориентировка. Представляется, что при определении ориентировки решающим было положение могильников по отношению к реке. Ряды шли параллельно берегу реки, а умерших ориентировали головами в сторону от реки. При исследовании могильников выясняется, что более старые ряды могил располагались ближе к реке, хотя в одних и тех же рядах были разновременные погребения. Умерших в могилы клали на спину с руками, вытянутыми вдоль корпуса, в праздничной одежде. Женщин хоронили с полным набором украшений костюма, помещая украшения там, где они носились при жизни. В мужских погребениях, кроме редко сохраняющихся остатков костюма, находят орудия труда (топоры, ножи), а также предметы вооружения (наконечники стрел и дротики) и конского снаряжения (удила, стремяна, остатки уздечного набора). В женских могилах орудия труда встречаются гораздо реже, однако в них известны находки глиняных и каменных пряслиц, ножей, изредка топоров. Предметы вооружения в женских погребениях отсутствуют. Как в мужских, так и в женских могилах в ногах довольно часто поставлены глиняные горшки и миски. Только в мужских погребениях находят ритуальную посуду в виде медных круглодонных или плоскодонных котелков с железными ручками и деревянные сосуды, в том числе окованные поверху металлическими скобками и пластинками. Сосуды эти размещались в разных местах могилы, но чаще у головы погребенного.

Обычно при мужских костяках обнаруживают остатки мясной пищи, положенные в гроб или сбоку от него. Известны случаи, когда кости ног, крестца и голов лошадей помещены в засыпку могильной ямы (могильник Мыдланьшай). Сравнительно редко в древнеудмуртских могильниках встречаются наборы украшений, положенные в виде дара погребенному в мешочек или в берестяную коробочку. Очень много таких жертвенных комплексов оказалось в Варнинском могильнике, где они были в составе ин-

вентаря примерно 16% погребений. Их обычный состав: височные кольца, серьги, бусы, подвески, а также орудия труда. Они есть как в мужских, так и в женских погребениях. Жертвенные комплексы помещались в разные места могилы (Семенов В. А., 1980, с. 68—80). Интересно отметить, что примерно такие же жертвенные комплексы есть и в поздних могильниках удмуртов, таких, как Ореховский или Чабыловский, которые датируются XVI—XVIII вв. (Истомина Т. В., 1982, с. 83).

В заполнении ям в ряде удмуртских могильников (Омутненском, Кыпкинском, Маловенгском, Мыдланьшай и др.) отмечено значительное количество угля и золы от костров, горевших рядом с могилами при похоронном ритуале. Они, видимо, раскладывались и при совершении поминок по усопшим и играли определенную роль в погребальной обрядности.

Исследователи указывают на почти полное отсутствие в могильниках удмуртов X—XIII вв. погребений детей раннего возраста. Возможно, их хоронили за пределами могильников.

Чепецкие памятники территориально обособлены от одновременных им памятников других культур. Они сосредоточены по течению р. Чепцы и ее притокам; только несколько поселений и могильников размещаются южнее. Это Чужьяльский могильник и Чужьяльское городище (Кереметь), находящиеся на берегу р. Пироговки, правого притока р. Иж. Связь предков удмуртского народа с памятниками средневековья на р. Чепце в свое время убедительно была доказана А. П. Смирновым. Несомненным является и то, что часть древнеудмуртских поселений и могильников размещалась и по прилегающему к р. Чепце течению р. Вятки. Исследования последней группы памятников проведены пока в незначительной степени.

Для чепецкой культуры характерны приемы домостроительства, связанные с традиционным домостроительством удмуртов. Бревенчатые постройки с открытыми очагами и деревянными полами, с ямами-кладовками на территории жилищ находят ближайшие аналогии с позднейшим удмуртским домом — «корке» (Оборин В. А., 1956а, с. 108). Этой культуре присущи также господство труположений с северной ориентировкой, в особенности на позднем ее этапе, положение умерших в дощатые составные гробы-ящики, наличие в составе инвентаря погребений жертвенных комплексов. А. П. Смирнов типичным для чепецкой культуры считал следующий набор украшений женского костюма: шумящие привески с треугольной основой и с напаянными на нее треугольниками зерни, с цепочкой звеньев, заканчивающихся бомбовидной подвеской (табл. LXII, 1); шумящие привески с основой в виде умбона, внутри которого по краям напаяны треугольники из зерни; литые бляхи эллипсовидной формы с ложновитой перегородкой в центре, разделяющей их на два сложенных основаниями треугольника, и внутренней поверхностью, также украшенной треугольниками зерни; украшения в виде литой пластинки треугольной формы с изображением медвежьей морды, с шумящими цепочками-подвесками (Смирнов А. П., 1952, с. 202, 203). По мнению В. А. Оборина, для культуры характерно и употребление орнамента из треугольников. Он

усматривает его, в частности, на глиняных пряслицах с городища Сабанчикар, на многих костяных изделиях с городища Дондыкар. О преобладании там на изделиях орнамента из треугольников пишет и автор раскопок памятника А. П. Смирнов (Смирнов А. П., 1929б, с. 40—42). В. А. Оборин обращает особое внимание на распространение такого орнамента на керамике чепецкой культуры. После исследований могильника Мыдланьшай, к числу характерных признаков чепецкой культуры, по мнению В. Ф. Генинга, следует относить и серьги в виде овального незамкнутого кольца, обнаруживаемые преимущественно в мужских погребениях. Действительно, таких украшений много не только в могильнике Мыдланьшай, но и в позднее раскапывавшемся Варнинском могильнике, и в изучавшихся ранее удмуртских могильниках. Л. А. Голубева выделила еще один тип украшений женского костюма чепецкой культуры. Это подвески со щитком из витых спаянных проволочек, с закругленным основанием, который со временем приобретает каплевидную форму. (Голубева Л. А., 1982, с. 110—124). Впрочем, такие подвески, по нашему мнению, в неменьшей степени типичны и для древнемарийских памятников.

Памятники чепецкой культуры суммарно датируются IX—XV вв. В развитии культуры выделяются два хронологических этапа. Первый датируется IX—началом XIII в., второй — второй половиной XIII—XV в. Традиционное разделение удмуртов на северных и южных, принятое в литературе и основанное на языковых данных, пока не может быть подтверждено археологическими материалами. Территория юго-восточной Удмуртии плохо изучена.

Основным занятием удмуртских племен в IX—XV вв. было земледелие. В ранние периоды это было преимущественно земледелие подсечное. Вместе с тем начиная с XII в. широко распространяется переложная система земледелия, при которой широко используются пахотные орудия. На территории распространения чепецкой культуры ныне известны находки двух десятков наральников. Они относятся к типу широколопастных с овальными трубицами и широко были известны в то же время в Прикамье и Волжской Болгарии. Такие наральники найдены на городище Гурьякар (Иванова М. Г., 1982а, с. 12), Дондыкар, в могильнике, у д. Вельякар (Генинг В. Ф., 1979а, с. 87—106), на городищах Кушманском и Иднакар (табл. LXII, 36). М. В. Талицкий на основании сходства верхнекамских тяжелых наральников с наральниками, найденными на территории Волжской Болгарии, показал, что пашенное земледелие в Верхнем Прикамье и, надо думать, в смежных областях возникло под прямым влиянием болгар (Талицкий М. В., 1951, с. 68, 75). Однако еще Ф. А. Теплоухов утверждал, что наральники собранной им коллекции, происходящие из Прикамья, имеют древнерусское начало (Теплоухов Ф. А., 1892, с. 57—98). Все эти рассуждения определенно применимы и к наральникам с поселений чепецкой культуры.

Наряду с наральниками для обработки почв, в основном при подсеке, широко употреблялись и железные мотыги, найденные в большом числе на памятниках чепецкой культуры (табл. LXII, 31). Для

уборки зерновых и трав использовались косы-горбуши (обнаружены на городищах Дондыкар, Вельякар, в могильнике Вельякар и др.) и, видимо, гораздо реже — серпы (табл. LXII, 34). Серпы разных типов, среди которых есть и довольно архаичные. Так, например, на городище Гурьякар М. Г. Ивановой найден серп с черешком, который был продолжением лезвия орудия.

Размол зерна первоначально велся на зернотерках, а с X в. — на ручных жерновах, находки которых постоянны на поселениях (Иванова М. Г., 1978, с. 49—67). При раскопках поселений чепецкой культуры в больших количествах обнаружены зерна ржи, пшеницы, полбы, овса, проса, ячменя, льна и конопли. К XII в. получают распространение такие культуры, как репа и горох (Туганев В. В., Ефимова Т. П., 1982а, с. 104—109; 1982б, с. 22—37).

Другой областью хозяйственной деятельности чепецких племен в X—XIV вв. было животноводство. Судя по остеологическим материалам с поселений Сабанчикар, Дондыкар, Учкекар, Иднакар и других памятников, наиболее распространенными среди домашних животных были лошади и корова. Лошадь употреблялась в хозяйстве не только как верховое, тягловое и вьючное животное, но и шла в пищу. В могильниках чепецкой культуры также нередки кости лошади. По-видимому, ее мясо было положено в качестве жертвенной пищи. Конские удила представлены несколькими типами, среди которых более ранними были удила с прямыми и S-образными псалиями (табл. LXI, 28; LXII, 25). К более позднему времени (с XI в. и позднее) относятся двусоставные удила с кольцами. Реже встречаются удила того же типа, но с цельным мундштуком, широкое распространение которых относится к XII в. Именно с этого времени лошадь у удмуртов широко употребляется как тягловое животное в земледелии. Несомненным свидетельством верховой лошади являются находки стремян (табл. LXI, 13, 14). Они в чепецких памятниках есть как с прямым, так и с округлым подножием.

Разведение крупного рогатого скота, судя по остеологическим материалам, также было весьма распространено. Скот преобладал низкорослый, часто комолый. В гораздо меньшем числе разводились овцы и свиньи.

Значительную роль в хозяйстве древнеудмуртских племен играла охота, особенно в IX—XIII вв. Охота велась как с целью получения мяса, так и пушнины. На поселениях постоянно встречаются кости лося, изделия из лосиного рога. Реже отмечаются находки костей медведя, зубы которого употреблялись как амулеты, еще реже — находки костей кабана, северного оленя. Важна была и пушная охота. В составе остеологического материала поселений имеются кости бобра, горностая, лисы, волка, куницы. Кости других пушных зверей не встречаются. Очевидно, тушки их скармливали собакам во время охоты. Способы охоты в то время были традиционными — с применением загонов, ловчих ям, западней, ловушек, давилок и в меньшей степени с применением лука со стрелами. Охотничий лук был, видимо, простой конструкции. Наконечники стрел обычны для того времени. Среди охотничьих много стрел с широким пером. Почти все железные наконечники

нечники этих стрел черешковые (табл. LXII, 13—17, 24). Костяные наконечники стрел имели перо ромбического, треугольного или многогранного сечения. Известны и костяные стрелы-тупики, применявшиеся обычно при отстреле белки, и вильчатые наконечники стрел, служившие при охоте на птицу. На поселениях обнаружены наконечники копий с широким пером, втульчатые, с которыми охотились на крупных копытных и медведя (табл. LXII, 12), а также наконечники метательных дротиков (табл. LXI, 35).

Не последнее место в хозяйстве чепецких племен занимало и рыболовство. Костей рыб в культурных слоях поселений, правда, относительно немного, однако есть и кости карповых, и щитки осетровых рыб, и их чешуя. Основное время добычи рыбы — весеннее, при проходе ее на нерест. Тогда мелкие речки и ручьи перегораживались «заколами». Широко использовались и сети. Найдены грузила от них, как каменные, так и глиняные. При раскопках поселений и могильников собраны железные наконечники острог и крупные рыболовные крючки (табл. LXI, 18), а также крупные блесны.

Среди орудий труда одним из наиболее важных был железный топор. Топоры проушленные, преимущественно широколезвийные, с подтреугольным в сечении проухом (табл. LXII, 32). Топоры этого типа широко распространены в Прикамье также на памятниках родановской культуры, а также среди других синхронных им древностей. Более поздние разновидности таких топоров в XII—XIII вв. имели щековицы и употреблялись для рубки деревьев при домостроительстве, подсеке, для изготовления различных изделий из дерева. Нет никакого сомнения, что эти топоры — изделия местных кузнецов. Гораздо реже встречаются втульчатые железные топоры — инструменты бортников (табл. LXII, 33). Бортничество также практиковалось чепецкими племенами. К орудиям обработки дерева относятся черешковые ножи разных типов с хорошо выраженным уступом при переходе от черешка к лезвию (табл. LXI, 12), скобели с лезвием прямой и дугообразной форм, долота (табл. LXI, 19, 22). На поселениях найдены железные ложки, токарные резцы, шилья, иглы (табл. LXI, 5; LXII, 28).

Предметов вооружения на поселениях и в могильниках чепецкой культуры немного. Больше всего железных и костяных наконечников стрел (табл. LXII, 13—17, 24). Они принадлежат к нескольким типам. Преобладают наконечники листовидной и ланцетовидной формы, гораздо меньше граненых бронебойных, рассчитанных на поражение человека в кольчуге или доспехе. Боевые луки начиная с X в. сложной конструкции. Накладки от такого лука костяные, концевые и срединные, найдены в могильниках, в частности Мыдланьшай и Варнинском. На поселениях и в могильниках обнаружены боевые топоры, сходные по форме и размерам с позднесалтовскими и относящиеся преимущественно к IX—X вв. В области распространения чепецкой культуры известно много находок наконечников железных копий. Среди них есть с пером ланцетовидной формы и бронебойные, с пером ромбического сечения (Варнинский могильник). Среди предметов вооружения чепецких племен были мечи и сабли.

Мечи обоюдоострые, с перекрестьями, имеющими на концах шаровидные утолщения. Сабли тоже с перекрестьями, но простой конструкции, с рукоятью, отогнутой в сторону от клинка. И те и другие носились в ножнах с наконечниками и скобами, при помощи которых они крепились к портупее. Найденные в могильниках мечи и сабли относятся к ранним этапам чепецкой культуры (IX—X вв.) и принадлежат к типам оружия, широко распространенного в южнорусских степях в то время. На территорию чепецкой культуры они, видимо, попали через Волжскую Болгарию в результате торговых связей. Эти образцы вооружения были снаряжением конного воина. Находки стремян разных типов подтверждают это.

Среди ремесел, которыми занимались жители чепецких поселений, отметим изготовление железа из болотных руд, месторождения которых известны на территории их расселения. О домницах для выплавки железа говорилось выше, как и о находках на поселениях остатков кузниц и кузнечных инструментов. Кузнечный инструментарий того времени разнообразен (табл. LXII, 23, 38). Это кричные клещи, кузнечные зубила, молоты и молотки. Их находят не только на поселениях, но и в погребениях кузнецов. Ассортимент изделий, изготовлявшихся местными кузнецами, обширен. Наиболее крупные предметы из их числа — плужные наконечники и топоры, для изготовления которых применяли кузнечную сварку. Массовыми изделиями чепецких кузнецов были наконечники стрел и ножи.

Весьма важной отраслью домашнего производства являлось меднолптейное — преимущественно изготовление украшений из бронзы, гораздо реже — из серебра. Как представляется, основная масса металла поступала в бассейн р. Чепцы из Волжской Болгарии, как правило, в виде слитков. Один из слитков (длина его около 22 см) найден на городище Гурьякар, другой происходит из могильника Мыдланьшай. Оба отлиты в канавках, сделанных в каменных лптейных формах. Инвентарь поселений, и в частности городища Гурьякар, включает тигли преимущественно конусовидной формы (табл. LXII, 35). Тигли вместимостью до 300 г. металла служили для изготовления крупных изделий или серии однотипных предметов. На том же городище Гурьякар обнаружен клад из девяти серебряных гривен глазкового типа, только что отлитых, не бывших в употреблении (табл. LXII, 20). Мастера владели не только техникой литья бронзовых изделий по восковой модели, которая, видимо, широко практиковалась в то время, но и ковкой бронзового листа, украшали изделия из бронзы настоящей и ложной зернью и сканью, хорошо знали волочение медной проволоки. Ассортимент изделий мастеров-медников был значительным (табл. LXI, 2; LXII, 2, 3, 5, 6).

Одним из домашних ремесел чепецкого населения было косторезное. Ассортимент поделок из кости и рога тоже велик. Это наконечники стрел, проколки разных видов, ложила, кочедыки, копоушки, гребни, пряслица, манки, ручки ножей, различные ложки и лопаточки, ручки для шильев особых форм, детали ткацких станков и другие предметы (табл. LXI, 4, 9, 24; LXII, 11, 18, 28). При изготовлении этих изделий употреблялись железные ножи, сверла и

специальные пилы для кости. Рог и кость до обработки распаривались и размягчались. Готовые изделия украшались характерными узорами.

Обработка шкур домашних и диких животных давала чепецкому населению одежду, обувь, пояса, головные уборы. Кожей обтягивались ножны мечей и ножей, из нее шились различные кошельки и сумки. Многочисленны находки, преимущественно на поселениях, скобелей для удаления мездры, разбивальников, шильев, пгл для пошива.

Разведение льна и конопли, наличие среди домашних животных овцы способствовали развитию у древних удмуртов прядения и ткачества. Это подтверждается обнаружением пряслиц из камня и глины, пружинных ножниц для стрижки овец на городище Иднакар. Известны находки блока для подшивания ремизок ткацкого станка на городище Гурьякар и деталей ткацкого станка на Маловенижском городище (табл. LXII, 27). Остатки тканей постоянно встречаются в погребениях и на поселениях. Куски шерстяной ткани есть в коллекциях Дондыкарского городища и Солдырского могильника Чемшай. Замечено, что ткань Чемшай сделана не на ткацком станке, а с помощью особых дощечек для плетения. Куски полотняной ткани холщового переплетения найдены в погребениях Печешурского и Чемшайского могильников.

Глиняная посуда чепецкой культуры (табл. LXI, 37, 40—42) изготовлена от руки, без применения гончарного круга, который здесь получает распространение очень поздно. Наиболее ходовой формой сосудов были невысокие горшки со слегка округлым дном, плавно переходящим в округлое тулово, и короткой шейкой, край которой слегка отогнут наружу. Употреблялись примерно такой же формы миски, но с менее раздутым туловом и прямым краем. Величина сосудов сильно варьирует. Преобладали горшки и миски с максимальным диаметром тулова в 17—25 см, но отдельные сосуды такой же формы имели диаметр до 40 см. Известна серия небольших сосудов, очевидно технического назначения, в то время как вышеперечисленные служили для еды и питья, приготовления пищи и хранения припасов. Среди керамики, особенно в IX—XII вв., много орнаментированной. Узор наносился обычно на верхнюю часть сосуда в виде оттисков гребенчатого штампа, шнура, веревочки, различных фигурных штампов. В XII—XIII вв. очень часто применялся решетчатый штамп. Из оттисков этого штампа выполнялись различные узоры в виде горизонтально расположенных полос. К XIII в. процент орнаментированных сосудов заметно сокращается. Для XIV—XV вв. более характерны неорнаментированные сосуды. Вся чепецкая керамика, как представляется, изготовлена техникой кольцевого налепа из глины с примесью растительных волокон и дробленой раковины. Обжиг сосудов невысокого качества, производился на кострах. Качество же посуды из погребальных комплексов такое, что она легко рассыпается в руках в процессе извлечения ее из могил. Не исключено поэтому, что для погребального ритуала специально делали горшки невысокого качества. Интересно обнаружение на городище Дондыкар остатков керамической мастерской, где рассчитано скопление красножгущейся глины размерами

4,2×2,2 м и толщиной до 0,6 м. Часть глины была перемешана с черепками и долбленой раковиной. По обе стороны скопления глины находились очаги диаметром до 1 м для обжига посуды, а неподалеку — колодец.

Племена чепецкой культуры поддерживали оживленные торговые связи с Волжской Болгарией, куда, по-видимому, направлялся основной поток дорогих мехов и откуда получали в обмен на них слитки цветных металлов, монетное серебро, бусы, различные металлические изделия. На ряде поселений древних удмуртов в горизонтах XII—XIII вв. обнаружена болгарская круговая керамика, в частности на городище Маловенижское, Поркар (Семенов В. А., 1982, с. 49). Почти все бусы, найденные на памятниках чепецкой культуры, привезены с юга (Львова З. А., 1978, с. 140—156). Свидетельством торговых связей с западными областями является находка кубического железного навесного замка (табл. LXII, 6) в могильнике Мыдланьшай и западноевропейских монет на других памятниках.

На чепецкой территории существовало, очевидно, и какое-то болгарское население, связанное с торговлей, а может быть, и получавшее дань с удмуртских племен. Предполагается, что это был харадж. Проникновение волжских болгар не прекратилось, а возможно и усилилось, после потери ими государственности в первой половине XIII в., когда их разгромили татары. Об этом, в частности, говорит находка в д. Гордино (близ Балезино) надгробной плиты с надписью на древнеболгарском языке и датой 1323 г. (Генинг В. Ф., 1958, с. 114, 115). Очевидно, одним из центров проникновения болгар на чепецкую территорию был Кократ (Карино), расположенный в устье р. Чепцы при ее впадении в Вятку, из-за чего вятских татар позже обычно называли кократскими или каринскими. Там найдено несколько более поздних болгаро-татарских надгробий.

Среди бытового инвентаря чепецкого населения следует отметить кресала широко распространенных в Восточной Европе типов (табл. LXI, 3; LXII, 10). В IX—XII вв. это преимущественно кресала калачевидной формы, а в XIII—XV вв. — пластинчатые со щелевидной прорезью. Впрочем, калачевидные кресала на этой территории бытовали и позднее. Среди обычных бытовых предметов домонгольского времени на территории чепецкой культуры были и гребни, односторонние и двусторонние, сходные с употреблявшимися в западных областях (табл. LXI, 4, 9). Из местных гребней интересны те, что украшены наверху щитка двумя конскими головками (табл. LXI, 18, 19). Своеобразны костяные копоушки, часто орнаментированные (табл. LXII, 11).

Материалы могильников позволяют реконструировать мужскую и женскую одежду древних удмуртов. Так, по данным могильника Чемшай представляется, что мужчины в XI—XIII вв. носили холщовые штаны и рубахи, подпоясанные ремнями. Поверх них в зимнее время надевалась шуба или кафтан из шерстяной ткани. Иногда кафтан был меховым, обтянутым сверху шерстяной материей. Верхняя одежда обычно подпоясывалась ремнями, часть которых украшалась литыми бляхами. Подобные бляшки встречаются не только во многих могильниках че-

пецкой культуры, но и на территории родановской культуры и Волжской Болгарии. На ногах носилась обувь типа поршней с мягкой подошвой и короткими голенищами, собиравшимися на щиколотке ремешком. Наличие в чепецкой культуре стремян с плоским подножием свидетельствует об употреблении мужчинами обуви с твердой подошвой, но конструкция ее пока неизвестна. На поясе обычно носили кошельки, нож, а также гребень (Смирнов А. П., 1952, с. 240—243). Г. Т. Кондратьева по материалам погребения 70 могильника Красная Горка восстанавливает покроем меховой шубы того времени, сшитой нитками из растительных волокон (Кондратьева Г. Т., 19676, с. 330).

Основной женской одеждой было платье. В составе костюма, особенно его парадного варианта, много бронзовых украшений. Головной убор женщины, видимо, напоминал этнографически широко известный у южных удмуртов айшон. Остатки такого головного убора найдены в удмуртских могильниках XVII—XVIII вв. (Аксашурское кладбище). Это своеобразная разновидность высокого кокошника из бересты, обтянутой материей, на которую нашивались бусы, бляшки, бисер. К нему прикреплялись шумящие украшения на длинных цепочках или кожаных ремешках с пронизками (табл. LXI, 34). Видимо, к нижней части головного убора у висков крепились разного вида серьги и подвески (табл. LXI, 10; LXII, 2, 3). Шея женщины украшалась гривной. В погребениях второй половины IX—X в. это были гривны так называемого глазовского типа с рубчатым дротом, граненой головкой на одном конце и петлей на другом (табл. LXI, 32; LXII, 20). Многочисленны их находки в районе р. Чепцы, как на поселениях, так и в могильниках, в частности Мыдланьшай и Варнинском. Клад из девяти гривен, как говорилось выше, найден на городище Гурьякар. С XI в. гривны глазовского типа сменяются другими, сделанными из двух переплетенных дров и имеющими пластинчатые концы. Две такие гривны происходят из могильника Весьякар (Генинг В. Ф., 1979а, с. 102, табл. IV). С XIV в. ношение гривен удмуртками прекращается; они позже в могильниках не встречаются. Кроме шейных гривен, носились ожерелья, составленные преимущественно из стеклянных бус с металлической прокладкой — посеребренной и позолоченной. В состав ожерелий входили также каменные бусы, монетовидные и решетчатые подвески; иногда среди нагрудных украшений женского костюма встречаются арочные шумящие подвески и подвески со щитком треугольной формы. Бытовали и подвески других типов, в том числе имевших большее распространение у марийских племен, а также подвески, характерные для носителей родановской культуры. В последнем факте В. А. Оборин видит проявление оживленных удмуртско-пермяцких связей (Оборин В. А., 1956а, с. 103—112). На грудь женского костюма нашивались также кожаные шнуры с пронизками; иногда шнуры делались из шерстяных нитей. Они обычно хорошо сохраняются, будучи пропитанными окислами металла. Такие же шнуры крепились к поясу (табл. LXI, 22). Руки женщин украшались бронзовыми браслетами (табл. LXI, 29; LXII, 7, 8). В IX—X вв. бытовали восьмигранные в сечении

браслеты с сомкнутыми концами, на плоскостях которых был кружковый орнамент. С XI в. получают распространение пластинчатые браслеты разных типов с сомкнутыми концами, а с XII в. — различные виды проволоочных плетеных браслетов.

Как полагают исследователи чепецкой культуры, в IX—X вв. в связи с развитием пахенного земледелия происходит полный распад первобытнообщинных отношений. Выделяются хозяйственно самостоятельные семьи, обычно довольно большие, ведущие комплексное хозяйствование на определенных участках земли. В это время наблюдается имущественное расслоение населения, выделяются семьи и группы семей более зажиточные, семьи, в составе которых были и воины-дружинники, погребавшиеся с оружием. С XI в. на поселениях и могильниках появляются большие серии предметов с изображением знаков собственности владельцев — тамгами и метами. Что касается верований того времени, то они, очевидно, были связаны с сельскохозяйственными циклами. На Маловенижском городище раскопками открыты, видимо, остатки культовой постройки, главным объектом которой было большое жертвенное кострище, заполненное массой пережженных костей. Примерно такой же конструкции жертвенное кострище с кальцинированными костями исследовано на Поломском I городище. Носители чепецкой культуры придавали определенное значение и охотничьей магии. На поселениях встречаются различного рода и амулеты, сделанные из костей, зубов и когтей животных.

Чепецкая культура — культура древних удмуртов — возникла, несомненно, на основе полумской культуры, памятники которой также располагаются в бассейне р. Чепцы и ее притоков (Генинг В. Ф., 1959, 212, 213).

Первые сведения письменных источников об удмуртах относятся к XII в. О них пишет Абу-Хамид ал-Гарнати, проехавший в 1150—1153 гг. из Ирана в Венгрию и обратно через Хазар, Болгар и Киев по Волге и Днепру. Он называет виденных им удмуртов, или наиболее южную часть их, народом арв или народами, жившими в области Арв. Ал-Гарнати сообщает, что этот народ наряду с вису (весью) платит харадж болгарам (Монгайт А. Л., 1959, с. 172; Путешествие Абу-Хамида..., 1971, с. 31—34). Позднее о той же земле сообщают и русские летописи. В 1379 г. жители Вятки предпринимают поход на Арскую землю (ПСРЛ, VIII, 1885, 34). В 1498 г. ариане (удмурты) вместе с вятчанами приносят присягу Ивану III (ПСРЛ, IV, 1848, 135, 156; VI, 1853, 239). Арские князья упоминаются в связи с походами Ивана IV на Казань (ПСРЛ, IV, 1848, 307). На самом деле это, видимо, были не князья, а родовые старейшины удмуртов. Сам город Арск находится в 52 км к северу от города Казани. Арская земля, по-видимому с XV в., входила в состав земель, подвластных Казанскому ханству, а ранее — в область интересов Волжской Болгарии и платила туда дань. В 1562 г. после падения Казани и Казанского ханства арские люди вместе с другими народами, находившимися в зависимости от него, «государю бьют челом и ясаки дают» (Верещагин А. С., 1905, с. 80). Название «Арская земля», было, как представляется, связано не со всей об-

ластью распространения удмуртов, а с ее южной частью, наиболее близкой к Болгарам и Казанскому ханству.

Потому представляется, что харадж в Волжскую Болгарию собирался не со всех удмуртов, а только с тех, которые проживали ближе к ее границам. Другая группа удмуртов, жившая на Чепце и частично на р. Вятке, на участке, примыкавшем к Чепце, с давних времен, видимо, называлась «ваткой», «вядой». Последнее название, как кажется, впервые встречается в XIII в. в «Слове о погибели Русской земли» (Слово о погибели..., 1965, с. 156). Возможно, что название земли «Вяда» скрывается под несколько более ранним термином «Ведин». В XIII в. венгерский миссионер, посетивший Болгарию и Прикамье, писал, что после разгрома Болгарии монголы также напали на Ведин (Вяту), Меро-вин (мерян), Пойдовию (?), царство Морданов (мордву) ... (Аннинский С. А., 1940, с. 86). Названия «Ватка», «Вяда» в XV в. в русском написании и огласовке были трансформированы в «вотяки-отяки». Под этим этнонимом они впервые появляются в летописных текстах, составленных около 1469 г. (ПСРЛ, т. 26, 1946, с. 227). Южную часть земли, заселенной тоже удмуртами, русские документы продолжали именовать Арской землей, хотя ее жители и называли себя вотяками или отяками.

Происхождение терминов «Арская земля», «вотяки», «удмурты» объясняется ныне по-разному. Ара-ми южную группу удмуртов называли болгары, а позже татары, и именно от них этот термин попал в русские источники. Этот этноним в переводе с тюркского означает «человек», «мужчина», «муж». Термин «вотяк», «отяк», как и более ранние Ведин, Вятин, Вята, Вяда произведены от названия р. Вятки, на которой часть удмуртов жила в средневековье и откуда они позже были вытеснены марийцами. Река эта еще болгарами называлась Ватка.

Что касается современного названия удмуртов, то наиболее правомерной представляется гипотеза Ф. М. Гордеева, который производит этноним тоже от р. Вятки — Ваты. Из гидронима было образовано «вотмурт» — человек, живущий на берегу Вятки (Гордеев Ф. И., 1965, с. 100). Пребывание там удмуртов подтверждается и наличием в низовьях р. Чепцы и на прилегающем участке Вятки удмуртских топонимов; меньшее число их есть на Пижме и Мологе. Проникновение на Вятку — в область расселения удмуртов — марийцев прослеживается по археологическим материалам и по топонимии и относится к концу I и началу II тысячелетия н. э. (Спицын А. А., 1888, с. 49).

Попытка исторической реконструкции истории отдельных удмуртских родов по этнографическим материалам принадлежит В. Е. Владыкину (Владыкин В. Е., 1970, с. 37—47).

Харино-ломоватовская культура

В Верхнем Прикамье в результате смешения местного гляденовского населения с пришлым, переселившимся сюда, видимо, еще в IV в. из-за Урала, формируется харино-ломоватовская культура.

Памятники ее известны в бассейне верхнего течения Камы, в основном в области впадения в нее рек Вишеры и Косьвы. Наиболее южные памятники харино-ломоватовской культуры находятся на р. Каме при устье р. Чусовой.

Термин «ломоватовская культура» получил самостоятельное значение после обработки А. А. Спицыным коллекции археологического материала из собрания Ф. А. и А. Ф. Теплоуховых, в составе которой входило около 250 предметов второй половины I тысячелетия н. э. из почти 40 пунктов Верхнего Прикамья, большей частью из разрушающихся могильников (Спицын А. А., 1902, с. 23). Эта группа находок датирована А. А. Спицыным преимущественно VIII—IX вв. (карта 28).

Первые раскопки памятников рассматриваемой культуры проведены Н. Н. Новокрещенных совместно с А. А. Спицыным в 1898—1901 гг. Ими исследованы 55 погребений в Бродовском могильнике — трупоположения, ориентированные на юг (ОАК за 1898 г., с. 46—49; ОАК за 1901 г., с. 115; Новокрещенных Н. Н., 1901, с. 107—141; Древности Камы, 1933, табл. VIII, 2, 3, 5, 7, 9—14). При раскопках могильника получен обильный материал: только в 1899 г. было собрано более 2850 находок. В 1950 г. В. Ф. Генинг продолжил исследования памятника, вскрыв еще три погребения и отметив наличие рядов могил. Он отнес раскопанные погребения к VII—VIII вв. (Генинг В. Ф., 1953, с. 87—98). Ранее А. В. Шмидт тот же могильник по материалам А. А. Спицына и Н. Н. Новокрещенных датировал началом VIII в.

К ранним памятникам относится Харинский могильник, расположенный в Гайнском р-не Коми-Пермяцкого автономного округа, на правом берегу р. Камы, где в 1900—1901 гг. В. Л. Борков раскопал около 20 курганных насыпей. Рядом с курганным могильником находился грунтовый могильник VII—VIII вв., часть находок из которого оказалась в составе коллекции Теплоуховых.

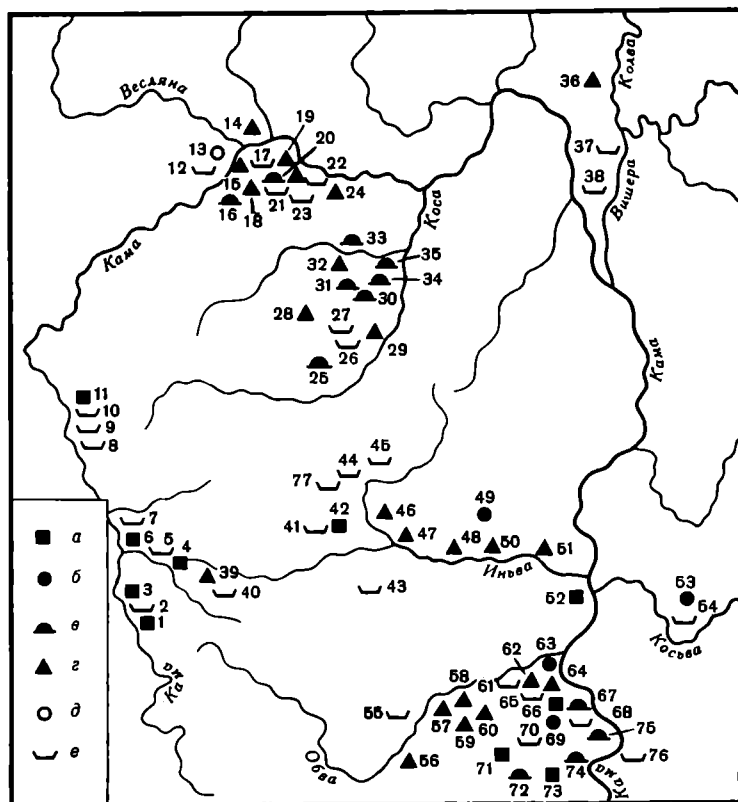
В те же годы В. Л. Борковым исследовался и Пыштайский курганный могильник (Борков В. Л., 1903, с. 88), раскопки которого в 1946 г. были продолжены В. А. Обориным, вскрывшим 14 погребений хариновского этапа рассматриваемой культуры и одно более позднее. Это были трупоположения в ямах под курганными насыпями, ныне не сохранившимися, ориентированные на юго-запад, а в одном случае на юго-восток. При погребенных найдены височные украшения, остатки кожаных поясов с бронзовыми накладками, костяные наконечники стрел. В одном из погребений обнаружена монета Пероза — 457—484 гг. (Оборин В. А., 1958, с. 147—156).

К харино-ломоватовской культуре принадлежит и Деменковский могильник на р. Обве, который датируется VI—IX вв. На нем в 1901 г. А. А. Спицыным исследованы 47 трупоположений, ориентированных на север и датированных IX—X вв. (Спицын А. А., 1903, с. 113, 114). Доследование этого памятника проводилось В. Ф. Генингом в 1953 г., когда было раскопано еще 153 погребения. Часть их была отнесена к VI — началу VIII в., а другие — ко второй половине VIII — первой половине IX в. (Генинг В. Ф., 1964, с. 94—162).

В 30-х годах изучению памятников харино-ломоватовской культуры много внимания уделил А. В. Шмидт. Именно он и ввел термин «харинская культура» для обозначения памятников IV–VI вв. на территории Верхнего Прикамья (Шмидт А. В., 1927, с. 125–164). Им был исследован курганный могильник Качка, а собственно ломоватовские комплексы датированы VI–VIII вв. (Шмидт А. В., 1929, с. 1–17). В 1926–1927 гг. тот же археолог раскапывал могильник у д. Невотино, но материалы этих исследований не были опубликованы автором.

Массовое изучение могильников харино-ломоватовской культуры началось в 50-х годах XX в. В то время важные материалы были получены В. Ф. Генингом в процессе раскопок грунтового могильника у с. Кляпово Березовского р-на Пермской обл. В 1961 г. Г. А. Шокшуевым раскопки этого памятника были продолжены (Шокшуев Г. А., 1962, с. 107–116). Как выяснилось, могильник содержит труположения с восточной и юго-восточной ориентировкой. Особенностью его является перекрытие могильных ям плитняком; из плит была сделана и обкладка некоторых могил. По пряжкам, наконечникам стрел, племенным украшениям и бусам погребения были датированы IV–V вв. Авторы раскопок подчеркивали своеобразие этого памятника и сопоставляли его с Аятским могильником, расположенным в Свердловской обл. и раскопанным Е. М. Берс (Берс Е. М., 1959). Просматривая материалы Кляповского могильника, Р. Д. Голдина высказала предположение, что он как по обряду захоронения, так и по инвентарю ближе всего к памятникам лесостепного Зауралья, таким, как Каламацкий Брод, Аятский и другие, а также что памятники эти в Прикамье оставлены населением, пришедшим туда из-за Урала (Голдина Р. Д., 1968, с. 88, 89). Исследовательница считает, что основную массу погребальных памятников местного населения в бассейне р. Сылвы составляют грунтовые могильники, а памятниками пришлого зауральского населения являются курганные могильники, которые в процессе ассимиляции переселенцев местным населением постепенно заменяются бескурганными.

Интересные результаты для характеристики ранних этапов харино-ломоватовской культуры получены при раскопках Бурковского курганного могильника (Добрянский р-н Пермской обл.), исследованного В. Ф. Генингом в 1951–1952 гг. Под насыпями 15 невысоких курганов было открыто 38 погребений. В каждом кургане содержалось от одной до 12 могил. Подкурганные могильные ямы были ориентированы в направлении с востока на запад. Умершие помещены в одновенцовые срубы, перекрытые плахами. Под некоторыми погребениями в срубах была берестяная подстилка; остатки бересты отмечены и в перекрытиях могил. По погребальному обряду этот памятник оказался близким могильникам IV в. на территории северо-восточной Башкирии. В кургане 1 и в нескольких могилах рядом расположенного грунтового могильника, относящегося к более позднему времени, обнаружены погребения с трупосожжениями. Часть погребенных в Бурковском курганном могильнике имела деформированные при жизни черепа, что является довольно характерным этническим признаком как для алан, так

Карта 28. Размещение основных памятников харино-ломоватовской культуры

а — городище; б — селище; в — курганный могильник; г — случайная паходка; д — клад; е — грунтовой могильник; 1 — Шудьяр; 2 — Аверинский II; 3 — Грибановское; 4 — Большое Носковское; 5 — Носковское; 6 — Русиновское I; 7 — Русиновский; 8 — Васневский; 9 — Турушевский; 10 — Щукинский; 11 — Зуйка; 12 — Плесенский I; 13 — Плесенский II; 14 — Аннинские; 15 — Федоровские; 16 — Бурдаковский; 17 — Даниловский; 18 — Базуевские; 19 — Мордабские; 20 — Пыштайский; 21 — Елевский; 22 — Харинский; 23 — Агафоновский; 24 — Чазевская; 25 — Митинский; 26 — Кочевский; 27 — Урьянский; 28 — Юсеевская; 29 — Пуксибская; 30 — Пеклабский II; 31 — Пеклабский I; 32 — Корчевские; 33 — Бельковский; 34 — Чазевский II (Нюр-Медер); 35 — Чазевский I (Шойнаб); 36 — Чердынские; 37 — Редикарский; 38 — Мелехинский; 39 — Носково; 40 — Горт-кушетский; 41 — Кудымкарский; 42 — Кудымкарское; 43 — Загарский; 44 — Вайгортский; 45 — Каневский; 46 — Архангельские; 47 — Баяндинские; 48 — Козьминские; 49 — Вакинское; 50 — Купросские; 51 — Федоровщинские; 52 — Кыласово; 53 — Баяновское; 54 — Баяновский; 55 — Рождественский; 56 — Идоговские; 57 — Саргинская; 58 — Егвинская; 59 — Назаровская; 60 — Ильинская; 61 — Деменковский; 62 — Кемольская; 63 — Коновлятское; 64 — Сорьинская; 65 — Грудятский; 66 — Опутятское; 67 — Большевицкий; 68 — Висимский; 69 — Зародятское; 70 — Зобачевский; 71 — Гарамиха; 72 — Беклемишевский; 73 — Антоновцы; 74 — Полуденский; 75 — Бурковский; 76 — Телячий Брод; 77 — Мальцевский

и для древних угров (Генинг В. Ф., 1955, с. 115–123). В одном из погребений курганного могильника найдена золотая серьга в виде дутого калачика на дужке, тулово которой было украшено зернью. Автор раскопок полагает, что она имеет причерноморское происхождение, хотя подобные есть и в курганных могильниках Северного Казахстана. Курганный могильник в Бурково надежно датируется IV–V вв.

В. Ф. Генингом в те же годы раскапывалось и Опутятское городище, расположенное рядом с Бурковскими могильниками и синхронное им. С напольной стороны городище имело шесть земляных валов высотой до 2,6 м и столько же рвов. Площадь горо-

дища около 18 000 кв. м. Материал, полученный при исследовании памятника, небольшой, что тем не менее дает возможность датировать его харинским временем. Возле склона городища выявлены домница для выплавки железа и яма цилиндрической формы, использовавшаяся, как полагает исследователь, для изготовления глиняной посуды. На поселении расчищены остатки домов столбовой конструкции с открытыми очагами и хозяйственными ямами, а также места, где совершались жертвоприношения домашних животных. Большая часть городища была свободной от застройки и использовалась, видимо, особенно в зимнее время, как загон для скота. Опутятское городище в харинское время, судя по мощной системе укреплений и большим размерам площадки, являлось крупным племенным центром с оседлым, постоянно жившим на одном месте населением, о чем говорят и относительно большие размеры размещавшегося рядом могильника.

Неподалеку от этого поселения разведками открыто несколько гораздо более мелких городищ и селищ. Раскопки на Коновлятском селище, расположенном на р. Туй, выявили мощный культурный слой, насыщенный находками, с остатками столбовых построек. Памятник датирован IV—V вв. (Спицын А. А., 1902, табл. XVIII, с. 18, 19; Талицкий М. В., 1941б, с. 128, табл. XIX, 14, 23).

Исследованиями памятников железного века в Верхнем Прикамье занимался и А. П. Смирнов, относивший те из них, которые датируются III—V вв., к третьему периоду пьяноборской культуры, выделенной им же, а древности этого же региона VI—IX вв. — к харино-ломоватовской культуре (Смирнов А. П., 1952, с. 80—82, 174—189). Несколько позже исследователями была предложена иная периодизация памятников I тысячелетия н. э. в Верхнем Прикамье, по которой все древности III—IX вв. отнесены к харино-ломоватовской культуре, поскольку они генетически связаны между собой и считаются в основном сложившимися на базе памятников гляденовской культуры (Бадер О. Н., 1953, с. 71; Генинг В. Ф., 1955, с. 118—123; Бадер О. Н., Оборин В. А., 1958, с. 15—17). Харино-ломоватовская культура была разделена на два этапа: ранний (III — середина VI в.), который назван харинским, и поздний (VI—VIII вв.), названный неволинским. В одной из работ В. Ф. Генинг предложил выделить еще один, самый поздний, этап харино-ломоватовской культуры, относящийся ко второй половине VIII — первой половине IX в. (Генинг В. Ф., 1964, с. 123—125). По его мнению, эти памятники являются переходными между памятниками харино-ломоватовской культуры и раннеродановскими древностями.

Среди исследованных памятников раннего времени следует назвать и Полудепский курганный могильник, расположенный неподалеку от Бурковского. В 1936 г. А. В. Збруева раскопала здесь одиночное захоронение IV—V вв. под курганной насыпью. К той же группе памятников относится и Беклемшевский курганный могильник. Он не раскапывался археологами, но находки из него известны (Талицкая И. А., 1952, № 909). Вероятно, курганным был первоначально и Большевисимский могильник, давший материал харинского времени.

Большая группа курганных могильников харинского времени находится в верхнем течении р. Камы. Это Чазевские I и II, Перкалыбские I и II, Митинский, Заринский, Бельковский, Агафоновский, Харинский, Пыштайский и Бурдаковский могильники. Значительные работы археологами проведены на Митинском курганном могильнике, где в 1956 г. было исследовано пять насыпей, под которыми оказалось 10 погребений. На расположенном рядом бескурганном могильнике, тоже Митинском, тогда же было вскрыто 41 погребение. Всё это труположения на спине, ориентированные головами на северо-запад. При погребенных встречены кинжалы, ножи, пояса, удила, пряжки, гривны, много металлических украшений. Для уточнения датировок и облика харино-ломоватовской культуры интересным оказался Редикарский могильник, где в 1952 г. расчищены два труположения в могильных ямах, ориентированных на запад (Лунегов Н. А., 1955, с. 124—128). Среди находок из погребений примечательны серебряная серьга, украшенная зернью, две коньковые подвески и крупная морская раковина со сверлиной. По монетам Хосрова II (590—628 гг.) и Абдул-Малика (684—702 гг.) погребения в основном датируются VII — началом VIII в.

В 1951 и 1953 гг. В. А. Оборин раскопал на Баяновском могильнике 17 погребений с остатками труположений в могильных ямах, расположенных рядами и ориентированных преимущественно на север и северо-восток. В могилах обнаружены остатки колод и бересты, в которую заворачивался умерший. Эти погребения относятся к VIII—IX вв. и являются одними из наиболее поздних в харино-ломоватовской культуре; часть погребений могильника принадлежит родановской культуре (Оборин В. А., 1953а, с. 145—160; 1956в, с. 111—114). В 1960 и 1961 гг. тем же исследователем раскапывался Плесенский могильник, содержащий позднеромоватовские и раннеродановские погребения.

В 1952 г. Верхнекамской экспедицией на р. Ополве (в Коми-Пермяцком автономном округе) в Урьинском могильнике харино-ломоватовской культуры было раскопано пять погребений. В 1953 г. неподалеку, на Каневском могильнике, исследовано 30 погребений и еще шесть — на Важгортском могильнике. Все они содержали труположения с инвентарем VII—IX вв. Это были крупные могильники с рядовым расположением могил, существовавшие в течение длительного времени, что свидетельствует о стабильном проживании населения на одной и той же территории (Генинг В. Ф., Голдина Р. Д., 1969, с. 30—56; Голдина Р. Д., 1969б, с. 57—113).

С конца прошлого века известен значительный по размерам Агафоновский могильник среднего этапа харино-ломоватовской культуры (Гайнский р-п Коми-Пермяцкого автономного округа), на котором Р. Д. Голдиной начиная с 1962 г. исследовано в общей сложности 337 погребений. Ныне это наиболее полно изученный могильник харино-ломоватовской культуры. Он содержит труположения и трупосожжения в ямах, вытянутых рядами преимущественно с севера на юг; ориентировка погребенных — головой на запад и восток. Трупосожжения совершались на стороне. Тщательный анализ погребального инвентаря памятника показал, что он да-

тируется временем от IV по VIII в. Автор раскопок разделила все погребальные комплексы могильника, в том числе и планиграфически, на четыре хронологические группы, из которых наиболее ранняя названа харинской, вторая — агафоновской, третья — деменковской, а четвертая — урьинской по аналогии с погребальными комплексами соответствующих могильников, существовавших более короткое время (Голдина Р. Д., Прокопов А. В., 1970, с. 141, 142; Голдина Р. Д., 1969б, с. 57—113; 1979, с. 79—90).

В 1968 г. проведены большие исследования Неволлинского могильника. Впервые этот памятник был обследован еще в 1921 г., а в 1926—1927 гг. А. В. Шмидт, как уже говорилось, раскопал на нем около 50 погребений. В 1950 г. О. Н. Бадер и В. Ф. Генинг вскрыли здесь 20 погребений, а в 1968 г. Р. Д. Голдина — еще 58. Ряды погребений этого грунтового могильника идут в направлении с востока на запад, ориентировка умерших северная. Часть захоронений совершена в ямах, расположенных без видимого порядка. При погребенных находились височные кольца, копыковые подвески, предметы вооружения и конского снаряжения. На территории могильника между погребениями зафиксированы остатки погребальных тризны в виде черепов лошадей, кусков угля, кучек золы, целых сосудов и обломков битой керамики. Исследованная Р. Д. Голдиной часть могильника ею датируется VII—VIII вв. Сторонником более ранней датировки могильника был В. Ф. Генинг, который пытался отдельные захоронения отнести к VI в., для чего, как кажется, нет особых оснований (Голдина Р. Д., 1969б, с. 161, 162; 1979, с. 69—79; Генинг В. Ф., 1964, с. 122, 123). Более позднюю датировку этого могильника и части погребений Агафоновского могильника отстаивали В. Б. Ковалевская и А. К. Амброз. В. Б. Ковалевская усматривает сходство большей части погребений Неволлинского могильника с погребениями Поломского I могильника, отнесенного ею к VIII—IX вв. (Ковалевская В. Б., 1969, с. 86; Амброз А. К., 1971а, с. 97).

Сравнительно небольшие исследования проведены в 1964 г. на могильнике харино-ломоватовской культуры Телячий Брод. В одном из четырех раскопанных погребений найдены железный меч, стремя, двусоставные кольчатые удила, наконечник копья, набор женских украшений, среди которых есть копыковая подвеска, характерная как для харино-ломоватовской, так в более поздних модификациях для родановской культуры. Обряд погребений — труположение. Три захоронения ориентированы головами на северо-запад, а одно — на юго-запад (Оборин В. А., 1973, с. 122, 123).

Интересные находки получены при исследовании Большевисимского могильника (раскопки 1959 г. В. П. Денисова). В двух погребениях встречено много находок, среди которых имеются 19 монет V—VIII вв. (Денисов В. П., 1959).

К сравнительно поздним памятникам харино-ломоватовской культуры относится Каневский могильник, расположенный на притоке р. Иньвы — правом притоке Камы. Он известен с 1880 г., когда здесь случайно были обнаружены два погребения. В 1953 г. В. Ф. Генинг раскопал там 30 погребений

и несколько жертвенных ям между ними. На могильнике было восемь-девять рядов могил, идущих в направлении с востока на запад. Погребения — труположения, ориентированные на север и северо-северо-запад, в долбленых деревянных гробах, напоминающих по форме лодки. В засыпке четырех погребений обнаружены остатки саней, на которых, видимо, были привезены умершие. В женских погребениях постоянно встречаются украшения и металлические детали костюма. Среди бытового инвентаря и предметов вооружения имеются железные наконечники стрел, ножи, топоры, удила, кресала, кочедыки, шилья, глиняные сосуды и пряслица. Памятник, как и большинство других могильников харино-ломоватовского периода, функционировал в течение длительного времени, начиная с VIII в.; часть его погребений относится к родановской культуре (Генинг В. Ф., Голдина Р. Д., 1969а, с. 57—113).

Интересные материалы были получены при исследовании Сайгатского могильника у г. Чайковска. В 1966 г. при мужском погребении там было найдено несколько стрел с железными и костяными наконечниками (Денисов В. П., Оборин В. А., Поляков Ю. А., 1967, с. 100). В 1960 г. проведены крупные исследования Черневского I городища у г. Краснокамска. Оно мысовое, с папойльной стороны защищено двумя валами и рвами. В культурном слое поселения мощностью до 0,4—0,5 м выявлены остатки сооружений, собрано много находок. В среднем горизонте слоя, датирующемся IV в. и относящемся к харинскому этапу ломоватовской культуры, исследованы остатки трех жилых комплексов (Оборин В. А., 1962, с. 95—97). До раскопок этого памятника у ряда исследователей было распространено представление, что городища харинского этапа использовались преимущественно как убежища, что они имеют незначительный культурный слой и что на них нет следов построек (Бадер О. Н., 1953, с. 71; Генинг В. Ф., 1955, с. 118).

Керамический комплекс Черневского I городища, как это было отмечено исследователями, имеет большое сходство с глиняной посудой позднего этапа гляденовской культуры. Сосуды круглодонные, с примесью в тесте толченой раковины. Наиболее распространенным был орнамент, наносимый гребенчатым штампом. В верхних горизонтах культурного слоя этого поселения керамика типично харинская, среди которой неорнаментированные сосуды преобладают.

В 1966 г. при обследовании р. Березовки — притока Камы выявлены селища харинского этапа рассматриваемой культуры — Лисий Бор и Чирва. Селища — распространенный вид поселения того времени (Денисов В. П., Оборин В. А., Поляков Ю. А., 1967, с. 101, 102).

В предшествующей харино-ломоватовской гляденовской культуре в Верхнем Прикамье наиболее распространенным обрядом погребения были трупосожжения на стороне с помещением останков умерших на специальные костыща. Со становлением харино-ломоватовской культуры этот обряд погребения постепенно исчезает. Сами костыща уменьшаются по площади, постепенно превращаясь из погребальных памятников в жертвенные места. К позд-

нему этапу глядеповской культуры и началу харинского этапа принадлежат такие костяки, как Усть-Туйское, Гаревское, Панкрашинское и др. При раскопках открыты относительно мощные напластования (толщиной до 1 м), в которых содержалось много костей животных: собаки, лося, медведя, бобра. На Усть-Туйском костяке встречены и кости человека. На Гаревском и Усть-Туйском костяках выявлены остатки культовых сооружений в виде глиняных площадок, окруженных полукольцевыми капавками. Установлено, что костяки были жертвенными местами, которые могли служить и местами сожжения умерших. Основная масса находок на костяках сделана около жертвенников.

Костяки довольно характерны для раннего этапа харино-ломоватовской культуры. Для жертвоприношения они использовались и гораздо позднее. Так, на Подбобыковском костяке была найдена монета VI—VII вв. Впрочем, этот вид археологических памятников пока изучен недостаточно, поскольку полевая методика их исследований не разработана.

Интересные результаты получены Р. Д. Голдиной при исследовании Аверинского II могильника, где было раскопано 139 погребений, располагавшихся 10 рядами. Ямы глубиной до 0,7 м были вытянуты с северо-запада на юго-восток. На могильнике есть труположения и трупосожжения на стороне с последующим помещением праха в могильную яму. В женских погребениях встречены бусы, шейные гривны, височные и нагрудные украшения, пронизи, наборные пояса, перстни, в мужских — железные наконечники стрел и копий, топоры, ножи. Рядом с могильником исследовано углубление, в котором производилось сожжение умерших (Голдина Р. Д., Кананин В. А., 1976, с. 171). Неподалеку от могильника находится городище Шудьякар позднеломоватовского и раннеперодановского времени. Раскопками там открыты остатки построек, найдены кузнечные инструменты (Кананин В. А., 1980, с. 92—100).

Поселения харино-ломоватовской культуры исследованы пока слабо. Сведения о большинстве их получены при разведочных работах. Замечено, что к харинскому периоду относится сравнительно небольшое число городищ. По-видимому, основным типом поселения были в то время открытые селища. Вместе с тем наблюдается, в особенности с середины I тысячелетия н. э., постепенное увеличение числа городищ. Особенно много их сосредоточено в бассейне Сылвы.

Городища харино-ломоватовской культуры в основном расположены по берегам Камы и ее притоков. Площадки их обычно находятся на высоте 15—30 м над уровнем воды. Городища (преимущественно мысовые) различаются по площади. Среди них есть крупные, площадью до 120—150 тыс. кв. м, но преобладают небольшие, с площадками в 0,7—3,5 тыс. кв. м. Городища укреплены одной или двумя линиями валов, на вершинах которых в древности стояли частоколы, как и по периметру площадки. Входы на площадку устраивались в боковой части, где делался пандусообразный вырез, ведущий с поймы реки или ручья. При исследовании укреплений на некоторых городищах выявлены остатки деревянных конструкций в их валах, которые пре-

пятствовали расползанию насыпи; в валах других городищ остатков дерева вовсе нет. Все эти городища были жилыми. На площадках их обычно имеется сравнительно тонкий культурный слой, в котором находятся остатки наземных жилых построек и хозяйственных сооружений как срубной, так и столбовой конструкции (табл. LXIII, 1). Постройки столбовой конструкции в основном служили помещениями для скота или использовались как производственные помещения, а срубные строения преимущественно были жилыми. Исследователями замечено, что по мере постепенного возрастания числа городищ на территории харино-ломоватовской культуры некоторые по ряду причин приходят в запустение. Примером тому является крупное Опутятское городище.

Основная же масса харино-ломоватовского населения жила все же, видимо, на селищах, располагавшихся не только по берегам Камы и ее крупных притоков, но и мелких притоков, речек и ручьям. Наличие относительно большого числа городищ в позднеломоватовское время, по мнению В. А. Обориной, является следствием напряженной обстановки в Прикамье, сложившейся в результате проникновения волжских болгар, которые появляются в Нижнем Прикамье в VIII в. н. э. Это послужило, видимо, причиной ухода в северном и западном направлении части коренного населения. Другие исследователи объясняют это проникновением в Среднее и Верхнее Прикамье угорских племен, что отмечается примерно с IV в. н. э. Особенно крупный массив угорского населения к середине I тысячелетия н. э. складывается в бассейне р. Сылвы. Поселения и могильники, сосредоточенные здесь, отличаются от других верхнекамских, что послужило основой для выделения харино-ломоватовских памятников бассейна р. Сылвы в особую сылвенскую культуру.

Примером поселения, основанного переселенцами из Верхнего Прикамья, является Тохтинское селище на р. Яренге (правом притоке Вычегды), где вместе с керамическим материалом ванвиздинской культуры зафиксирован керамический комплекс, типичный для харино-ломоватовских племен.

На Черневском I городище выявлены остатки трех домов, один из которых был полностью исследован. Жилища располагались в ряд, в 3—4 м одно от другого. Это наземные прямоугольные в плане постройки, бревенчатые, с опорными столбами, которые стояли по периметру жилищ и на которые, по всей вероятности, опиралась крыша. Площадь каждого дома составляла около 20 кв. м. В жилищах имелись глинобитные полы и открытые очаги на глиняных «подушках», а также хозяйственные ямы, как правило находившиеся в срединной части постройки. Вскрытые сооружения В. А. Обориной были датированы IV в. н. э.

Среди исследованных поселений среднего этапа харино-ломоватовской культуры можно отметить Зародятское селище, расположенное на р. Туй у д. Гущата Добрянского р-на Пермской обл. Оно относится к VII—VIII вв. На поселении раскрыты два комплекса жилых и хозяйственных построек и производственные сооружения. В каждом комплексе был жилой бревенчатый наземный прямоугольный

дом с тамбуром перед входом у торцевой части дома. Контуры домов прослеживались по ограничивающим их канавкам, куда укладывались венцы низкого сруба. Дома имели, видимо, двухскатные крыши на опорных столбах. Предполагается, что крыши делались из скала. В каждом доме имелся открытый очаг. Рядом с жилым домом находились одна-две хозяйственные постройки, также бревенчатые, срубные, но без очагов и хозяйственных ям. Они были больше, чем жилые дома; некоторые имели площадь до 120 кв. м. В. А. Оборин полагает, что эти постройки были хлевами для скота. Исследованы были также остатки кузницы и яма, предназначенная, видимо, для плавки меди. Рядом с последней найден тигель рюмкообразной формы. На поселении обнаружены и тигли шлемообразной формы, которые иногда находят в могильниках харино-ломоватовской культуры. В одной из хозяйственных ям внутри жилища встречены зерна пшеницы. Керамический комплекс Зародятского селища несколько отличается от глиняной посуды, найденной в могильниках: сосуды с поселения в большинстве случаев не орнаментированы.

Остатки бревенчатой постройки наземной конструкции обнаружены при раскопках Лаврятского городища. Она однотипна с жилищами Зародятского селища и датируется VII–IX вв. Две жилые постройки расчищены на городище Шудьякар. Это бревенчатые наземные сооружения, имеющие в плане форму прямоугольника. В них также были открыты очаги на глиняных «подушках» диаметром до 1,5 м и хозяйственные ямы, в том числе, видимо, с деревянной обкладкой стенок.

В результате раскопок последних лет складывается впечатление, что жилые постройки родановской культуры Верхнего Прикамья ведут свое начало от местного домостроительства харино-ломоватовской культуры.

К настоящему времени археологами раскопано около 1160 погребений в трех десятках могильников харино-ломоватовской культуры. Они дают обстоятельное представление о погребальном обряде культуры и постепенной трансформации его, локальных особенностях. Уже в начальной фазе рассматриваемой культуры наблюдается многообразие. Это погребения на костях по обряду трупосожжения на стороне, захоронения в грунтовых могилах по обряду трупоположения и трупосожжения, наконец, погребения под насыпями курганов по обряду трупоположения и реже по обряду трупосожжения с последующим помещением праха в большие могильные ямы.

Большой интерес представляет курганный обряд захоронения. Курганных могильников ныне известно 14, из которых на 12 проведены раскопки, давшие в общей сложности около 300 погребений. Число курганных насыпей в могильнике устанавливается только приблизительно, потому что они небольшие и значительная часть их оплыла. Наиболее крупный из известных могильников — Чазево II, в котором сохранялось до недавнего времени 76 насыпей. Другие насчитывают гораздо меньшее число насыпей. В Верхнем Прикамье выделяются два района, где сконцентрированы курганные могильники. Один из них занимает верховья р. Камы и те-

чение ее притока Косы, другой — регион по р. Обве с прилегающим к нему течением Камы.

Под насыпью каждого кургана содержится от одного до 12 погребений в могильных ямах глубиной не более 1 м. В отдельных ямах прослежены одновенцовые срубы. Ориентировка погребений различная, но относительно устойчивая в каждом могильнике. Видимо, она связана не со странами света, а с конкретным положением каждого могильника по отношению к реке. Так, в одних могильниках она юго-западная, в других — северо-западная, а в третьих — восточная. В мужских погребениях довольно многочисленны предметы конского снаряжения, оружие и предметы быта, в женских могилах часто находят височные подвески, бусы, зооморфные подвески, кожаные пояса, реже — шейные гривны, браслеты. Своеобразны находимые при погребениях ножны для ножей, украшенные металлическими пластинками. Иногда при погребенных встречаются и глиняные сосуды. Это круглодонные чаши, украшенные по верху отпечатками веревочки, точечным орнаментом или совсем не орнаментированные. Большинство погребений под насыпями курганов — трупоположения, однако есть и трупосожжения, но с последующим помещением праха в крупные могильные ямы. Дата курганных погребений — V–VI вв., что подтверждается находкой двух монет Пероза (454–484 гг.) в могильнике Пыштайн и пяти таких же монет в разрушенных погребениях Большевисимского могильника (Генинг В. Ф., Голдина Р. Д., 1973, с. 58–121).

Около большинства курганных могильников зафиксированы грунтовые, в основном относящиеся также к харинскому этапу ломоватовской культуры. Как видно на примере Бурковского грунтового могильника, погребения в нем размещаются длинными рядами, в ямах, имеющих такую же ориентировку, как и погребения под рядом расположенными курганными насыпями. Обряд погребения в грунтовых могильниках тот же, что и под курганными насыпями. Наряду с могильными одновенцовыми срубами в них встречаются и остатки деревянных гробов. Все свидетельствует в пользу того, что грунтовые захоронения эволюционировали из курганных. Погребения в грунтовых могильниках позднего этапа харино-ломоватовской культуры в общих чертах близки погребениям харинского времени.

Грунтовые могильники занимают участки высоких береговых террас, с которых хорошо просматриваются окрестности. Заполнение могильников начиналось от края террасы и шло в глубь нее. Погребения не видны с поверхности, но в древности были как-то отмечены, поэтому могильные ямы почти никогда не прорезают одна другую, а при раскопках обычно четко прослеживаются их ряды. Так, на Деминковском могильнике выявлено 15 рядов погребений, на Каневском и Урьянском — восемь-девять, на Баяновском — четыре. Захоронения, как правило, одиночные; парные обычно принадлежат женщине с ребенком. Для поздних могильников характерна в основном северная ориентировка погребений; для среднего этапа она, видимо, не очень устойчива и по-прежнему связывается с положением могильника на местности. Глубина могильных ям невелика — до 0,5–0,6 м; редко бывают могилы глубиной

более 1 м. Размер могильных ям: длина до 2,5 м при ширине в 0,7–0,9 м. Меньше бывают только ямы для детских захоронений. При захоронении умерших одевали в лучшие одежды со множеством украшений. Украшения встречаются как в женских, так и в мужских погребениях. В мужских могилах обычны вооружение, предметы конского снаряжения и бытовой инвентарь. В женских погребениях, как и в раннеломоватовское время, особенно много металлических украшений и деталей костюма. Глиняные пряслица (табл. LXIII, 32) находят только в женских погребениях.

В позднеломоватовских могильниках на дне ям нередко остатки деревянных гробов, иногда дно выстлано берестой. В погребениях находят и остатки жертвоприношений в виде сосудов с заупокойной пищей, в том числе с костями животных. Своеобразной чертой могильников являются жертвенные комплексы, помещенные в ямы вне погребений. В них обычно бывают кости животных.

Наиболее характерными женскими украшениями этого времени были височные кольца, принадлежащие к нескольким типам, среди которых ранние имели вид полого шарика на кольце. Со второй половины VIII в. получают распространение серьги, близкие к салтовским (табл. LXIII, 2–5, 7; LXIV, 1–4). В деталях они отличаются от салтовских колец, являясь продуктом местного ремесленного производства. Со второй половины VIII в. бытуют подвески с круглым щитком, к которому на цепочках прикреплены колокольчики (табл. LXIV, 11), подвески с арочным щитком и изображением медведя на нем, наконец, подвески в виде двойного конька (табл. LXIV, 10). Наиболее ранние образцы последних появляются уже в первой половине VIII в., а наиболее поздние бытуют в родановской культуре. Широко были распространены в женском костюме и другие разновидности шумящих привесок (табл. LXIV, 6–9). Многие позднеломоватовские могильники содержат погребения ранних этапов родановской культуры, что говорит о плавном перерастании одной культуры в другую.

Характерными для харино-ломоватовской культуры являются городища с бревенчатыми жилищами, имеющими тамбуры у торцевой стороны дома и непременно открытые очаги. Раннему ее этапу, как отмечалось, свойственны подкурганные захоронения, постепенно перерастающие в грунтовые могильники с рядовым расположением погребений. Весьма типичны для харино-ломоватовской культуры, особенно на ее позднем этапе, нагрудные шумящие украшения женского костюма, в частности умбоповидные и двуконьковые подвески, подвески с изображением на щитке медведя, а также арочные подвески своеобразного типа.

Территория харино-ломоватовской культуры оставалась неизменной в течение всего времени ее существования. Это бассейн верхнего течения р. Камы. Наиболее южные памятники культуры расположены при устье р. Чусовой. К югу от ареала харино-ломоватовской культуры, в среднем и нижнем течении Камы, проживали племена, оставившие древности позднего этапа мазунинской культуры и резко отличные от харино-ломоватовских, как и жившие к северу и северо-западу от них носители ванвиздин-

ской культуры. Из Верхнего Прикамья в западном и северном направлениях наблюдается инфильтрация множества харино-ломоватовских металлических украшений, и потому четкое разграничение между ареалами рассматриваемых и соседних племен в ряде случаев удается сделать с трудом.

В. А. Оборин выделяет три региональных варианта харино-ломоватовской культуры — верхнекамский, сылвенский и среднекамский (Оборин В. А., 1961, с. 64).

Общей датой харино-ломоватовской культуры в настоящее время считается V–IX вв. Следует согласиться с Р. Д. Голдиной, предложившей, как отмечалось выше, членение культуры на четыре последовательных этапа: хариинский — V–VI вв., агафоновский — конец VI–VII в., деменковский — конец VII–VIII в. и урийский — конец VIII–IX в. (Голдина Р. Д., Королев О. П., Макаров Л. Д., 1980, с. 3–71).

Основным занятием харино-ломоватовских племен Верхнего Прикамья было, как это представляется по материалам раскопок, пойменное оседлое скотоводство. В пользу этого говорит и расположение поселений по берегам рек рядом с пойменными лугами. Предположение ряда исследователей о том, что харино-ломоватовские племена вели кочевое или полукочевое скотоводство, кажется более чем невероятным (Бадер О. Н., 1953, с. 76). Против этого свидетельствуют и мощные культурные папластования на поселениях, и огромные могильники. В хозяйстве харино-ломоватовских племен главную роль играло коневодство. Среди костей домашних животных с поселений кости коня всюду преобладают. Меньший процент составляют кости коровы, свиньи, овцы. Конь использовался как верховое животное, о чем свидетельствуют находки удила разных типов, стремян, остатки уздечек (табл. LXIII, 21; LXIV, 26, 27). Этого снаряжения очень много в мужских погребениях. Конь использовался и как мясное животное, на что указывают находки костей лошади в погребениях, раздробленных костей в культурном слое поселений. Изображения коня часты на бытовых предметах и украшениях как харино-ломоватовской, так и родановской культуры (табл. LXIII, 43).

Другой важной отраслью хозяйствования харино-ломоватовских племен было подсечное земледелие с широким использованием тяжелых проушных топоров для расчистки участков леса. Почвообрабатывающие орудия в могильниках почти не встречаются, а на поселениях редки (табл. LXIV, 42). Это преимущественно мотыжки, которыми проводилось дополнительное рыхление почвы. Видимо, среди возделываемых культур основными были пшеница и просо. Зерна пшеницы постоянно встречаются в хозяйственных ямах на поселениях.

Несомненно, одним из важных ремесел было железоделательное, однако следы его на территории поселений пока не выявлены. Видимо, выплавка железа из руд проводилась за пределами поселений, а дальнейшее изготовление орудий труда и предметов вооружения происходило в кузницах, остатки которых на поселениях исследованы. В культурном слое городищ и селищ постоянны находки кузнечного шлака, встречаются и небольшие крицы. Судя по имеющимся железным предметам, кузнецы того вре-

мени, кромековки железа, владели процессом сварки (при изготовлении топоров), знали приемы науглероживания рабочих частей орудий (процесс цементации). Ассортимент кузнечных изделий был достаточно разнообразным. Наиболее крупными были топоры и мечи, наиболее массовыми — железные ножи, наконечники копий и стрел (табл. LXIII, 26; LXIV, 28, 29, 35, 38].

Широко было развито домашнее изготовление тканей. В могильниках постоянно находят куски тканей из нитей животного и растительного происхождения, а в женских погребениях и на поселениях — глиняные пряслица.

Важную роль в жизни харино-ломоватовских племен играли охота и рыболовство. Преимущественно из погребений, и только из мужских, происходят многочисленные железные и костяные наконечники стрел. Все они обычно черешковые (табл. LXIV, 30—34, 40). При раскопках ни разу не были найдены костяные накладки от сложного лука, и потому предполагается, что охотничьи луки на этой территории были простыми. Для охоты на медведя и лося использовали копья с железными втульчатыми наконечниками (табл. LXIV, 38). В культурных напластовках поселений обычны находки костей лося, а также северного оленя, которые были основными дикими мясными животными. Изделия из рогов лося и северного оленя — копоушки, гребни, кочедыки — есть как в погребениях, так и на поселениях (табл. LXIV, 21, 23, 24, 36, 39). Конечно, важна была и охота на пушных зверей. Кости их относительно редки на поселениях, а основные приспособления для добычи пушного зверя (силки, капканы и давилки), которые изготавливались обычно из дерева, тоже пока не обнаружены.

Рыболовство было вспомогательным занятием населения. Им занимались особенно успешно при проходе рыбы на нерест, однако был известен и сетевой лов рыбы, так как при раскопках найдены грузила от сетей.

Преимущественно литые, а реже кованные изделия и украшения из бронзы хорошо представлены среди материалов могильников и поселений. Определенное количество меди племени харино-ломоватовской культуры, скорее всего, получали из местных медистых песчаников. На одном из поселений открыта яма, в которой, думается, производился процесс восстановления меди из руды. Стенки ямы сильно обожжены, а на дне были капли металла. В погребениях иногда встречаются положенные туда слитки бронзы в виде трехгранных в сечении прутьев. Они отливались в канавкообразных литейных формах. Одновременно слитки меди доставлялись в Верхнее Прикамье и из южных областей. Изготовление изделий из бронзы было и мужским, и женским домашним ремеслом. В погребении 3 Урьянского могильника найден конической формы тигель для плавки металла (табл. LXIV, 41). Из меди и бронзы делались многочисленные украшения женского костюма. Также много изделий из листовой меди. Это украшения, обкладки ножен мечей и кинжалов (табл. LXIII, 27, 37). Мастера производили и бронзовую посуду, в частности котелки, образцы которых есть в Агафоновском I могильнике. Применялась в основном техника литья по восковой модели,

но есть и каменные литейные формы, служившие для отливки больших серий однотипных украшений, в частности бляшек для поясов (табл. LXIII, 15, 18, 20, 24). Изготовление бронзовых изделий с применениемковки металла было мужским ремеслом, а путем литья по восковой модели — женским занятием.

Домашним ремеслом была также обработка кости и рога. Из них делали гребни, рукоятки пожей и шильев, кочедыки, псалии, копоушки, различные совошки и ложечки (табл. LXIV, 24, 36). Среди гребней нередки экземпляры с навершиями в виде парных конских головок (табл. LXIV, 21, 23). Этот тип изделий, видимо, возник в области распространения харино-ломоватовской культуры.

В основном по материалам могильников известны предметы вооружения. Наиболее совершенным видом оружия были мечи, которые найдены в могильниках Митинском (погребение 23), Бурковском, Агафоновском I и Телячий Брод. Несомненно, часть из них привозные, из области распространения салтовской культуры или из Волжской Болгарии, другие изготовлены на месте. Обычно мечи обоюдоострые, с брусковидными перекрытиями или без таковых, длиной 80—85 см. Они носились слева в деревянных ножнах, обтянутых кожей. На ножнах нередко были бронзовые накладки и наконечники. С VIII в. относительно широко распространяются однолезвийные мечи с прямым перекрестьем типа палашей. Они более длинные и, кажется, все южных типов — привозные. Широко известны были в харино-ломоватовской культуре и кинжалы. По форме они не отличались от бытовых ножей, но длина их лезвия достигала 17 см (табл. LXIII, 26). При раскопках обнаружены кинжалы в металлических и кожаных ножнах, украшенных накладными бронзовыми листами (табл. LXIII, 27, 37). В харинское время ножны кинжалов, как правило, имели коническую форму, позже они равноширокие. Все наконечники копий втульчатые. Есть среди них и с ромбическим сечением пера — бронебойные. Бытование их предполагает наличие среди оборонительного вооружения кольчуг. Метательные дротики у харино-ломоватовских племен также хорошо известны. Особенно много их в мужских погребениях, в частности, в курганных могильниках харинского типа. Наконечники стрел происходят из мужских погребений и культурных слоев поселений. Форма пера у них разнообразная, почти все они черешковые. Видимо, с VI—VII вв. среди стрел были и бронебойные с шиловидной формы наконечником. Известна находка обрывка кольчуги в одном из погребений Агафоновского I могильника.

Часть топоров с памятников харино-ломоватовской культуры, были, несомненно, боевыми (табл. LXIV, 35). Это узколезвийные топоры с оттянутым обухом, до некоторой степени похожие на топоры из салтовских могильников.

Вся керамика изготовлена от руки из глины с примесью толченой раковины и растительных волокон (табл. LXIV, 43, 44). Сосуды изготовлены ленточной техникой и обожжены на кострах. Подавляющее их большинство имеет округлое или уплощенно-округлое дно. Наиболее распространенными были высокие чаши с туловом, переходящим в короткую

шейку, обычно с отогнутым наружу краем. Отмечается, что среди них преобладали экземпляры диаметром 15–20 см при высоте от 7–8 до 16 см, служившие для приготовления пищи. Большая часть их закопчена или имеет нагар внутри. Орнаментация сосудов этого типа разнообразна. В раннее время они украшались по верхней части горловины многорядными отпечатками шнура, ямками, оттисками гребенчатого штампа, часть из которых имитировала шнуровые отпечатки и составляла горизонтальные полосы. В более позднее время доминируют сосуды неорнаментированные, иногда с насечкой по краю; реже используются сосуды с отпечатками различных штампов, тоже собранных в один-два ряда под венчиком. Поверхность сосудов тщательно заглажена и затерта. На поселениях находят и горшки более крупных размеров, беднее орнаментированные, но изготовленные в той же технике и служившие для хранения припасов. Эта разновидность посуды изучена пока плохо в силу фрагментарности материала и недостаточной полевой изученности поселений.

Пока еще мало данных для характеристики костюма харино-ломоватовского населения Верхнего Прикамья. По найденным в погребениях остаткам можно предполагать, что мужской костюм состоял из рубахи и штанов, подпоясанных ремнем с металлическими пряжками с бляшками (табл. LXIII, 14, 15, 18–20, 24), и верхней одежды в виде кафтана, достаточно длинного и тоже подпоясанного ремнем. Кафтан изготовлялся из шерстяной ткани или меха. Ремень, которым он подпоясывался, был часто украшен накладками, имел фигурный наконечник и бронзовую пряжку. К ремню крепилась сумка для кресала и гребня, на поясе в ножнах висел нож. Обувью служили мягкие кожаные сапоги, которые закреплялись на щиколотке ремешком с пряжкой. Последние неоднократно встречены в мужских погребениях.

Женский костюм включал сшитое из льняной ткани платье, верхнюю одежду в виде длинного подпоясанного кафтана и кожаную обувь типа поршней с относительно высокими, иногда меховыми голенищами, стягивавшимися на щиколотке ремешком. К этому ремешку иногда крепились бронзовые шумящие подвески с умбоновидной основой. Форма головного женского убора пока неизвестна. В Агафоновском I могильнике на голове умершей найден тройной головной ремешок, скрепленный металлическими скобками.

Среди женских украшений имеются такие, которые можно считать племенными. Они довольно разнообразны, что говорит об относительно сложных путях формирования харино-ломоватовской культуры. Прежде всего, это височные подвески. Наиболее ранними и весьма распространенными среди них были кольцеобразные с сомкнутыми концами и с панизанной полый металлической бусиной или с двумя такими же бусинами, помещенными одна над другой. Вторая разновидность этого украшения выглядит как полый шар или усеченный конус, украшенный зернью. Такие височные кольца найдены в Деменковском, Неволинском, Бродовском, Горбунятском и Агафоновском I могильниках и датируются временем не ранее V в. Третий этап развития ви-

сочных украшений — это кольца с литыми подвесками, разновидностью которых являлись серьги с подвеской в виде виноградной грозди. Они характерны для VII–VIII вв. Еще один тип височного украшения — кольцо со свободно висящей подвеской в форме капли или корзиночки. Классификация племенных украшений харино-ломоватовской культуры была произведена Р. Д. Голдиной (Голдина Р. Д., 1969б, с. 68, 69).

Шейные гривны встречаются в составе женского убора в основном в ранних могильниках. Это преимущественно двускатные гривны с концами, завершенными крючками, датируемые V–VI вв. (табл. LXIII, 16, 31). В более позднее время гривны в жепских погребениях единичны. Экземпляр, найденный в Плесенском могильнике, представляет собой толстую проволоку с виткообразными насечками на дроте. Плетеная проволоочная гривна с концами в виде крючка и петли обнаружена в погребении 81 Агафоновского I могильника (Голдина Р. Д., 1979, рис. 4). Интересна серебряная плетеная шейная гривна-цепь с фигурными наконечниками из погребения 13 того же могильника (Голдина Р. Д., Прокопов А. В., 1970, с. 142). Она южного происхождения.

Браслеты, найденные в женских погребениях, разнообразны. Большинство их круглопроволочные (табл. LXIII, 22; LXIV, 18). Они делятся на простые, с расширениями на концах и в середине, и с расплюснутыми концами. Встречаются и граненые браслеты — четырех- и восьмигранные в сечении, с сомкнутыми концами. Плоскости их граней украшены обычно кружковым орнаментом. Подобные в большом числе есть в раннемордовских погребениях. Они характерны и для древнеудмуртского могильника Мыдланьшай (Генинг В. Ф., 1962, табл. II, 9). В женских могилах позднеломоватовского времени встречены пластинчатые браслеты с расширенными и отогнутыми концами. Обязательным предметом как мужского, так и женского костюма были пояса с пряжками и наконечниками, разного рода бляшками и накладками. Их особенно много на памятниках второй половины I тысячелетия н. э. Часть поясов имеет накладки, типичные только для харино-ломоватовской культуры, другие украшены бляшками общеевропейских типов, бытовавшими на широкой территории (Генинг В. Ф., 1979б, с. 96–106). Судя по проведенным наблюдениям, в женских и мужских погребениях одного могильника были пояса с однотипными накладками и бляшками. К женским поясам крепились кожаные шнуры с металлическими пронизками — обычно прорезными металлическими бусами, иногда украшенными изображением головок птиц и подвесками по концам (табл. LXIII, 34; LXIV, 12, 15). Головной убор и грудь женского костюма также украшались шнурами с пронизками и бронзовыми подвесками на концах (табл. LXIII, 8, 9, 33, 35, 43). Среди последних есть колоколовидные, флаконовидные, а также изображающие различных животных (куницу, соболя, лошадь, медведя) и водоплавающих птиц (табл. LXIII, 28–30). О нагрудных подвесках женского костюма, крепившихся без шнуров, — арочных, коньковых, умбоновидных — говорилось ранее. Они были непременной принадлежностью костюма, по вместе с тем выходи-

ли далеко за область распространения харино-ломоватовских племен.

На современном уровне изучения харино-ломоватовской культуры можно полагать, что она сложилась в результате переселения в IV в. на территорию Верхнего Прикамья большого массива племен, проживавших ранее в южных районах Западной Сибири и относящихся, видимо, к угорской языковой общности. Переселенцы принесли неизвестный здесь обряд курганных захоронений, который впоследствии был утрачен их потомками. В Верхнем Прикамье в тот период проживало местное население, принадлежавшее к позднепьяноборской культуре. Оно было значительным и постепенно ассимилировало пришельцев, приняв активное и основное участие в формировании харино-ломоватовской культуры. Отмечается и еще один миграционный поток населения в область течения р. Сылвы и ее притоков: сюда из Западной Сибири пришло определенное количество переселенцев, которые тоже принадлежали к угорской языковой общности. Однако эта группа населения оказалась более активной и, может быть, более значительной, и ей удалось ассимилировать ранее проживавшее здесь пьяноборско-гладеновское население.

В период харино-ломоватовской культуры происходит трансформация родовой организации общества, превращение ее в родо-племенную, когда в отдельные племенные группировки включались представители разных по происхождению родов. Поселения харино-ломоватовской культуры весьма разнообразны, но только некоторые из них могут быть приняты за племенные центры. На других поселениях жило несколько крупных патриархальных семей, возможно имевших первоначально разное происхождение.

В IX в. харино-ломоватовская культура перерастает в родановскую.

Коми-пермяцкие племена в IX—XI вв. Родановская культура

Своеобразие памятников IX—XV вв., расположенных в верховьях р. Камы и по ее притокам — Вишере, Иньве, Обве, давно отмечалось исследователями. Важнейшим источником для характеристики материальной культуры племен Верхнего Прикамья начала II тысячелетия н. э. долгое время была собранная в конце XIX в. А. Ф. и Ф. А. Теплоуховыми большая коллекция находок. Теплоуховы относили ее к культуре предков угорских народов (Теплоухов Ф. А., 1895б; Теплоухов А. Ф., 1924). Эта коллекция обстоятельно изучена была А. А. Спицыным (Спицын А. А., 1902). О своеобразии материальной культуры населения, жившего в бассейне р. Камы, преимущественно по металлическим украшениям из кладов и случайным находкам писал и А. В. Шмидт (Шмидт А. В., 1925, с. 57), высказавший предположение, что памятники начала II тысячелетия н. э. в этом районе оставлены не угорским населением, а предками коми-пермяков. Одновременно А. В. Шмидт считал, что в более восточных

районах — по рекам Сылве и Чусовой — находятся памятники другой археологической культуры, отличной от памятников левобережья Камы. На своеобразии археологических памятников левобережья, верхнего течения Камы начала II тысячелетия н. э. указывал А. П. Смирнов (Смирнов А. П., 1938а, с. 205—248), на основании особенностей погребального обряда и металлических украшений женского костюма выделявший пять групп археологических памятников I и начала II тысячелетия н. э. — чепецкую, вятскую, вычегодскую, среднекамскую и нижнекамскую. Позже А. П. Смирнов дал характеристику еще верхнекамской культуры. К числу ее наиболее типичных особенностей, в частности, были отнесены коньковые и якоревидные шумящие привески (табл. LXV, 8, 14, 15) и северная ориентировка погребенных (Смирнов А. П., 1952, с. 216).

Большие работы по изучению средневековых памятников Верхнего Прикамья, и особенно поселений, провел М. В. Талицкий. Культура начала II тысячелетия н. э. в рассматриваемом регионе Прикамья им была названа родановской, по Родановскому городищу, подвергнутому раскопкам. М. В. Талицким ориентировочно были намечены границы культуры — бассейны рек Чепцы, Чусовой, Сылвы. Термин родановская культура употреблялся этим археологом преимущественно как временной, а не территориальный, синхронизировался с периодом существования Волжской Болгарии (Талицкий М. В., 1940а, с. 52, 53). Среди могильных памятников родановской культуры М. В. Талицким был исследован Кочергинский могильник (Талицкий М. В., 1940б, с. 159—169).

Изучение памятников родановской культуры особенно успешно продвинулось в результате значительных полевых работ, проведенных В. А. Обориным, в том числе раскопок на многослойном городище Анюшкар и могильнике у с. Плес Гайнского р-на Коми-Пермяцкого автономного округа. На городище исследованы многочисленные остатки построек и хозяйственных сооружений, относящихся к различным хронологическим горизонтам. IX—X вв. датируется и обследованный В. А. Обориным совместно с В. Денисовым Плеховский могильник в Соликамском р-не Пермской обл., расположенный рядом с Родановским городищем и составляющий с ним единый комплекс (Дмитриев В. А., 1891, с. 80; Кривошеков И. Я., 1911, с. 136; Оборин В. А., 1951, с. 200—202). В. А. Оборин исследовал также Баяновский могильник, Рождественские городище и могильник, памятники по р. Таборы (Оборин В. А., 1953а, с. 145—160; 1956в, с. 107; 1962, с. 95—99). Полученные материалы были обобщены исследователем в диссертационной работе «Коми-пермяки в IX—XV вв.» (Оборин В. А., 1957). В ней были определены границы культуры и выявлены ее локальные варианты. К 1970 г. характеристика родановской культуры была конкретизирована В. А. Обориным на основании изучения жилищ, форм и орнамента глиняной посуды, орнамента металлических украшений, находок культовых предметов. Исследователю удалось убедительно показать, что на ранних этапах родановская культура являлась продолжением и развитием ранее существовавшей на той же территории харино-ломоватовской (Оборин В. А., 1953б, с. 161—177; 1970, с. 3—29).

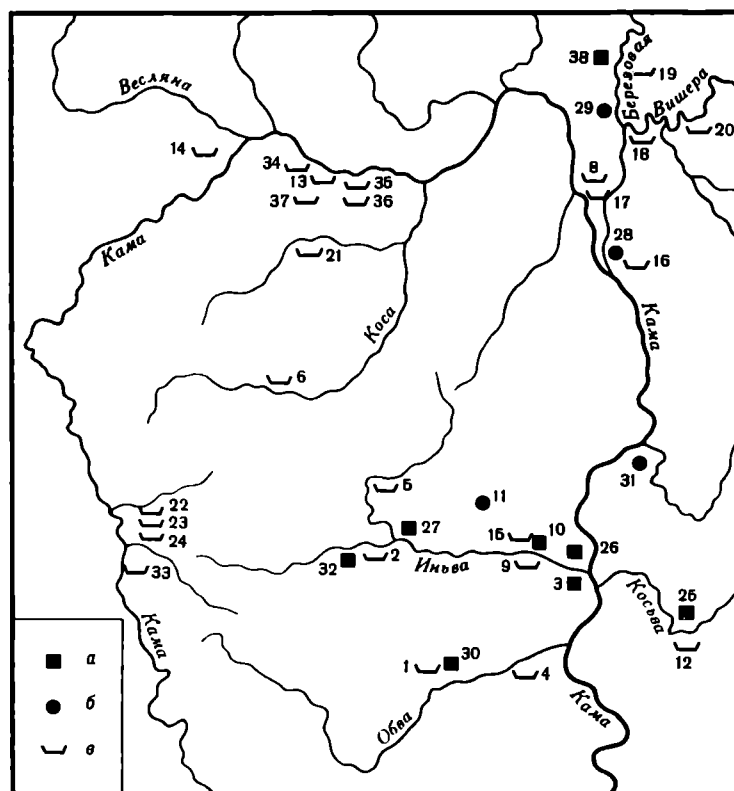
Большая серия могильников, в которых имелись как погребения харино-ломоватовской, так и родановской культуры, исследована В. Ф. Геннигом и Р. Д. Голдиной в 1952 и 1953 гг (Генниг В. Ф., Голдина Р. Д., 1970, с. 30–56). Существенные результаты были получены В. Ф. Геннигом при раскопках Деменковского могильника (Генниг В. Ф., 1964, с. 94–162). Редикарский могильник родановской культуры в районе г. Чердынь был раскопан И. А. Лунеговым (Лунегов И. А., 1955, с. 124–128).

Одним из наиболее важных и вместе с тем крупных памятников родановской культуры является Искорское городище, тоже расположенное в Чердынском р-не Пермской обл. В. А. Обориным оно систематически исследуется с 1975 г. по настоящее время. Памятник особенно интересен тем, что на нем есть напластования поздних периодов родановской культуры, которые изучены пока еще совсем недостаточно. Исследована система укреплений, выявлены жилые и хозяйственные постройки, производственные сооружения, жертвенники, получен огромный вещевой материал (Оборин В. А., 1976, с. 191; 1977, с. 168; 1980, с. 147–148).

Распространение основных памятников родановской культуры показано на карте 29. На раннем этапе родановской культуры основным видом поселений были городища, наряду с которыми известны и селища. Городища характеризуются относительно небольшими размерами (не более 3500 кв. м), укреплены валом и рвом с напольной стороны. По гребню вала устраивались частоколы, которые по периметру ограждали жилые площадки поселений. Деревянные конструкции в валах городищ, как правило, не фиксировались, а если и были, то служили только для предотвращения расползания вала.

Высота площадок городищ над рекой составляет в среднем 7–15 м, но есть и такие, что устроены на большей высоте. Наряду с небольшими городищами известны и более крупные, площадью до 10 тыс. кв. м. Жилищами на городищах и селищах были наземные бревенчатые прямоугольные в плане постройки площадью до 90 кв. м. Они обычно имели глинобитные полы и отапливались открытыми очагами, помещенными на глинобитные основания. В центральной части жилищ, как правило, устраивались ямы-кладовки. Рядом с домом, с торцевой его стороны, имелся тамбур — вход в помещение (табл. LXV, 1; LXVI, 1). Сруб был невысоким, и слегка двускатной крыши опирались не на него, а на землю рядом, с наружной стороны. Конек крыши опирался на врытые в землю столбы. Такого типа жилища исследовались на Лаврятском и Куласовом городищах, в нижнем слое Родаповского городища. М. В. Талицкий полагал, что такие дома были местом обитания большой патриархальной семьи. Жилые постройки городищ и селищ размещались в один или два ряда, образуя короткую улицу. На тех же поселениях открыты остатки хозяйственных, тоже наземных, построек, производственных сооружений, жертвенники, очаги летнего типа на глиняных платформах и расположенные отдельно от построек хозяйственные ямы.

Одним из хорошо раскопанных поселений родановской культуры является городище Анюшкар (нижний слой). Оно устроено на береговом мысу

Карта 29. Распространение основных памятников родановской культуры

а — городище; б — селище; в — могильник; 1 — Рождественский; 2 — Кудымкарский; 3 — Анюшкар; 4 — Деменковский; 5 — Каневский; 6 — Урьянский; 7 — Омелинский; 8 — Редикарский; 9 — Загорский; 10 — Купросское; 11 — Ванкинское; 12 — Баяновский; 13 — Харинский; 14 — Плесевский I; 15 — Гуринский; 16 — Верх-Боровский; 17 — Мало-Анюковский; 18 — Ратеговский; 19 — Искорский; 20 — Суяновский; 21 — Чазевский; 22 — Горткушетский; 23 — Носковский; 24 — Волгиревский; 25 — Лаврятское; 26 — Роданово; 27 — Кудымкарское I; 28 — Пеняховское; 29 — Покчинское; 30 — Рождественское; 31 — Леминское; 32 — Кудымкарское II; 33 — Буджок; 34 — Даниловский; 35 — Михайловский; 36 — Евлевский; 37 — Чежаговский; 38 — Троицкое в Чердыни

р. Иньвы, на высоте 12–18 м над поймой. С напольной стороны прослеживаются остатки вала и сильно запыленного рва. Площадь городища относительно большая — примерно 16 тыс. кв. м. Под культурными напластованиями в центре жилой площадки раскопками выявлены следы вала и рва, относящихся к первоначальным этапам существования памятника. После того как их спланировали, территория городища была расширена. Нижние горизонты культурного слоя памятника датируются X–XII вв. В центре площадки поселения обнаружены остатки прямоугольного в плане наземного бревенчатого жилища размерами 8×6,5 м с глинобитным полом. В центре жилища пахотилась прямоугольная в плане хозяйственная яма размерами 3×3 м и глубиной 1,5 м, видимо перекрывавшаяся деревянной крышкой, а рядом с ней открытый очаг диаметром около 1 м на глиняной подушке, по краям обложенный камнями. В западном углу дома открыт второй такой же очаг. С наружной стороны сруба прослежена земляная завалинка. К жилому помещению примыкал хлев, тоже срубной конструкции, но без очага и хозяйственных ям. За пределами жилища было еще несколько ям-кладовок и очагов разной конст-

рукции, очевидно летних. К нижнему горизонту поселения относилась яма, в которой находились два больших сосуда, лошадиные черепа и кости. В. А. Оборин полагает, что яма была жертвенной. На площадке городища, за пределами древнего рва и вала, исследованы печь для плавки меди и остатки еще двух жилищ подобной конструкции. Видимо, часть населения первоначально жила за пределами укреплений, и только позже постройки были включены в территорию городища. Одно из этих жилищ размерами 7×6 м имело яму-кладовку и открытый очаг на глинобитном основании близ одной из стен. При исследовании этой постройки выявлены ямы от столбов, на которых держалась крыша, и устроенные вдоль длинной стенки дома нары. Нары опирались на столбики, зарытые в пол. К жилому срубам с торцевой стороны примыкали сени (или тамбур), крыша которых держалась на тонких столбиках.

При исследовании Лаврятского городища в его верхнем слое, относящемся к X—началу XII в., обнаружены остатки жилища с канавками от бревен нижнего венца сруба, ямой-кладовкой в центре и открытым очагом на глинобитном основании рядом с ней. Стенки кладовки были облицованы деревом, по углам расчищены ямки от столбов.

Наземные жилища того же времени с земляными полами и канавками от нижнего венца сруба раскопаны на Родановском городище. Размеры одного из них 11×6 м. В этом доме имелись открытый очаг и ямы-кладовки прямоугольной формы со стенками, обложенными деревом. Вдоль длинной стены постройки выявлены ямы от столбов, на которых держалась крыша, и нары. М. В. Талицкий, исследовавший памятник, предложил обоснованную реконструкцию этого жилища. Рядом с ним находились еще два таких же, которые располагались в ряд по длинной стороне площадки поселения.

Судя по этнографическим аналогиям, в домах, открытых в нижнем слое Родановского городища, могло жить от 15 до 20 человек — членов одной большой семьи.

Наиболее известными и частично раскопанными селищами родановской культуры являются Грибавское, Ломинское, Баяновское. Часть селищ размещались рядом с городищами, за их валами, другие находились в удалении от них. Некоторые городища, как, например, Родановское, Лаврятское, Куласово, первоначально были селищами и только в X в. стали укрепленными поселениями, что, видимо, связано с появлением какой-то опасности для их обитателей.

Среди хорошо изученных поселений позднего этапа родановской культуры можно назвать городища Рождественское (Оборин В. А., 1953б, с. 161—177). Кудымкарское, верхний слой Родановского (Талицкий М. В., 1951, с. 33—96), Шудьякар (Кананин В. А., 1980, с. 92—100), Аюшкар, раскопанное В. А. Обориным, и селища Ванкинское, Покчинское, Долговское, Мартыновское.

Позднеродановские городища, как правило, гораздо крупнее ранних. Некоторые поселения в это время перестраиваются, расширяются, на них возводятся новые линии укреплений. Такая перестройка, как уже говорилось, хорошо прослежена на городище Аюшкар. Территория поселения была расширена

более чем на треть. Отмечается постепенное расширение площади селищ, число их возрастает.

Жилища поздних этапов родановской культуры, судя по исследованиям Аюшкарского и Родановского городищ, типологически сходны с существовавшими ранее, но, как правило, они меньше. Глинобитные полы их обычно имеют размеры до 6×6 м (Талицкий М. В., 1951, с. 40—42). Ямы-кладовки в это время выносятся в отдельно поставленные хозяйственные постройки. Так, на городище Аюшкар в слое XII—XIV вв. жилище 1 с глинобитным полом имело размеры 6×4 м. По его контуру прослежены остатки бревенчатого сруба и столбы, на которых держалась двухскатная крыша, а внутри нары. Срубы домов этого времени по сравнению с ранними становятся более высокими, а крыши соответственно менее крутыми. Покрытие их делалось из бересты, положенной пластами на сгнившие. У задней стенки рассматриваемого жилища расчищены остатки открытого очага, а перед входом, с торцевой стороны дома, — небольшой тамбур с плетевыми стенками, примыкающий к срубам и перекрытый, видимо, тоже берестяной крышей, опирающейся на столбы. Кладовка находилась за пределами дома. Площадь подобного ему жилища 2, исследованного в том же слое, такая же — 6×4 м. Пол был дощатым, в центре располагался очаг на глинобитной подушке. Его прямоугольное основание было облицовано деревянными плахами. Ямы-кладовки в этом доме тоже нет. К жилищу 3 площадью около 60 кв. м с глинобитным полом, открытым очагом в центре и столбовыми ямами вдоль бревенчатых стен примыкал крытый тамбур площадью около 8 кв. м, устроенный перед входом.

Жилище 4, также зафиксированное в верхнем слое городища, датируется XII в. От него сохранились глинобитный пол (10×6 м), тамбур перед входом, два ряда ям от опорных столбов двухскатной крыши, нары и два открытых очага, из которых один был основным, а другой вспомогательным. Последний находился у входа в жилище и служил для приготовления пищи в летнее время. Рядом с основным очагом обнаружена прямоугольная яма-кладовка размерами 2×0,75 м и глубиной до 0,8 м, видимо перекрывавшаяся деревянным щитом. Постройка 5 на том же городище имела общие размеры 4,8×3,5 м. В ней прослежены глинобитный пол и остатки глинобитной печи прямоугольных очертаний, занимавшей примерно половину ее площади. Конструкция стен не установлена. Не исключено, что они были сделаны из горизонтально положенных тесин, концы которых закреплялись в продольных пазах вертикально врытых угловых столбов. Автор раскопок допускает, что это остатки не жилого помещения, а бани. Видимо, к XIII в. на поселениях родановской культуры пачался массовый процесс замены в жилых домах открытых очагов глинобитными печами. Рассмотренный тип построек сохранялся и позднее. Начало таких домов восходит к хариноломоватовскому периоду.

Между жилыми постройками на городищах и селищах размещались хлева для скота, кладовки с ямами, кузницы, домницы для плавки железа, другие хозяйственные и производственные сооружения. На позднем этапе родановской культуры несколько

изменяется и конструкция укреплений городищ. В земляных валах теперь появляются деревянные конструкции, однако они пока еще не связаны с частоколом, шедшим по гребню вала и периметру площадки.

На позднем этапе родановской культуры резко возрастает численность населения в Верхнем Прикамье, показателем чего прежде всего является резкое увеличение числа селищ, которые, возможно, становятся основным видом поселений. Селища исследованы пока фрагментарно. Для них характерны такие же наземные бревенчатые постройки, как на поздних городищах. Площадь некоторых селищ значительна. Так, например, Покчинское селище занимало примерно 10 тыс. кв. м. Впрочем, основная масса селищ того времени имела площадь 6—8 тыс. кв. м. В XIII в. ряд городищ родановской культуры превращается в селища, в частности, Родановское и Кудымкарское, где поздние напластования культурного слоя перекрывают систему укреплений. Одновременно часть городищ, которые существовали на раннем этапе родановской культуры, забрасываются совсем. Так, на Лаврятском, Эсперовском и Шудьякарском городищах нет напластований культурного слоя позднее XII в. Рядом с селищами и городищами, обычно в нескольких стах метрах, располагались могильники XII—XIV вв.

На раннем этапе родановской культуры население хоронило умерших в грунтовых могильниках. Погребения, очевидно, имели какие-то отметки на поверхности, так как поздние могилы, как правило, не прорезают предшествующие. На отдельных могильниках вместе с раннеродановскими находятся и погребения позднего этапа харино-ломоватовской культуры, что, как уже отмечалось, косвенно указывает на преемственность этих культур. Основным обрядом погребения родановской культуры было трупоположение в неглубоких ямах. Размеры последних обычно соответствовали росту погребенного. Умершие захоронены вытянуто на спине, головами на север с разными отклонениями, с протянутыми вдоль корпуса руками. Большинство их положено в могилы, видимо, без гробов, некоторые умершие были завернуты в бересту. Погребенных обычно обряжали в лучшую, парадную одежду. В женских могилах много бронзовых украшений, причем они лежат так, как носились при жизни. Наиболее полно раскопанными могильниками раннего этапа родановской культуры являются Урынский, Важгортский, Баяновский, Редикарский и Загарский. Есть раннеродановские погребения и на Агафоновском I могильнике, в целом относящемся к харино-ломоватовской культуре. Большая часть этих могильников находится рядом с поселениями. Могильные ямы обычно простые, без подбоев, уступов и ниш, располагаются рядами, вытянутыми вдоль крутого берега реки. Каждый ряд, возможно, составляли погребения членов одной большой семьи. Могильники родановской культуры, как правило, долговременные.

Для мужских погребений, кроме деталей костюма, из металлических вещей обычны предметы вооружения: наконечники стрел, копий и дротиков — все железные, редко — мечи, топоры, удила (табл. LXV, 12, 13; LXVI, 7, 15). В других могилах найдены орудия труда, в частности в погребениях

кузнецов, в одном из которых были кузнечный молот и щипцы. На ранних этапах культуры нередки захоронения мужчин без оружия и орудий труда. Иногда в ногах умерших помещали керамические сосуды с остатками заупокойной пищи. Остатки гриз в виде разбитых сосудов и костей животных — частая находка на участках между рядами могил. Женские погребения размещались в одних рядах с мужскими. В них много различных украшений и металлических деталей костюма. Наряду с ними встречаются женские могилы и с ограниченным инвентарем, что обычно связывается с возрастом и имущественным положением погребенных.

На позднем этапе родановской культуры захоронения по-прежнему совершались в грунтовых могильниках. Обряд погребения в XII—XIV вв. сохранялся в основном таким же, каким был на раннем этапе. Большинство трупоположений открыто в ямах глубиной 0,5—0,7 м. Умерших заворачивали в бересту или помещали в гроб-колоду. Преобладает северная ориентировка погребений. В этот период судя по материалам могильников, отмечается рост имущественной дифференциации населения. Зафиксировано довольно много погребений как с малочисленным инвентарем, так и с обильным. Последние располагаются теперь, как правило, в стороне от основной массы погребений. В позднеродановское время наряду с господствующей северной ориентировкой умерших все чаще и чаще появляется западная, нарушаются ранее бывшие четкими ряды погребений. Могильники этого времени, как правило, уже связаны не с городищами, число которых относительно невелико, а с крупными селищами, где проживала основная масса населения. Среди наиболее известных могильников позднего этапа следует назвать Искорский, Рождественский, Кудымкарский, Верх-Боровский, Чикманский. Много погребений этой стадии и на ранее возникших могильниках. Для всех погребений этого времени характерно уменьшение количества погребального инвентаря по сравнению с более ранним временем. Так, мало находок было в Чикманском могильнике XIII—XIV вв., раскопанном А. А. Спицыным (Спицын А. А., 1902, с. 42). В женских погребениях Верх-Боровского могильника найдены типичные для позднеродановской культуры якоревидные шумящие привески, серебряные серьги с напускной бусиной, прорезные трубчатые пронизки. Последний вид украшений возник еще в период харино-ломоватовской культуры (Теплоухов Ф. А., 1897, табл. XII, 1—8).

Некоторые материалы для характеристики позднеродановского периода получены на могильнике у с. Гурино на р. Пой. Начал его исследование В. Ф. Генинг в 1952 г. (Генинг В. Ф., 1954б, с. 153, 154) и продолжал в 1955 г. В. А. Оборин. Инвентарь могильника беден: обломки горшка с защипами по срезу венчика, кресало, проволоочные височные кольца, железные наконечники стрел, скобель, сердоликовые бипирамидальные бусы. Могильник датируется XIII—XIV вв.

Из культовых сооружений на поселениях зафиксированы жертвенники. Так, остатки жертвенника с кучками обгорелого зерна возле него найдены на городище Аюшкар. Рядом находились обломки большого жернова, железный наральник и бронзо-

вая фигурка женщины — очевидно, изображение божества плодородия.

Весьма своеобразными предметами, распространенными на территории родановской культуры, являются небольшие идола или привески в виде птиц с распростертыми крыльями, на груди которых изображена человеческая личина или фигура человека (табл. LXV, 20). Они характерны для родановской культуры, появляясь в конце харино-ломоватовской, и за пределами их ареала многочисленны. Известно около 30 пунктов находок идолов-подвесок данного типа. Птицеподобные идола другого типа (обычно в окружении змей) встречены в памятниках харино-ломоватовского типа, есть они и на поздних поселениях гляденовской культуры. Для поздних этапов родановской культуры типичны и антропоморфные идола, обнаруженные в 20 пунктах IX—XII вв. Видимо, эти идола изображали духов леса, воды, предков и были связаны с культами плодородия и предков, свидетельствуя о распространении среди родановского населения шаманизма. На веру в загробную жизнь косвенно указывает преобладание северной ориентировки погребений, то есть головой в ту сторону, где, по поверьям, была страна мертвых. Руководствуясь той же верой, умерших нередко снабжали заупокойной пищей. В Баяновском, Загарском, Малоаниковском и других могильниках на лица умерших клали серебряные маски и такие же накладки на рот и глаза. Подобные маски в качестве шаманских двойников бытовали и позднее у древних племен и народов Сибири, в частности, в низовьях Оби (Окладников А. П., 1948, с. 224). Для охраны от злых духов леса и воды посетители родановской культуры употребляли различные амулеты и обереги, изготовленные из бронзы, или использованные в тех же целях зубы, когти и кости животных (табл. LXVI, 18, 27). Несомненно, часть их была связана с охотничьей магией, широко распространенной среди племен родановской культуры.

Признаки, характерные для родановской культуры, впервые были определены М. В. Талицким. Однако, как уже говорилось, этот исследователь родановскую культуру понимал преимущественно как хронологический этап в истории Верхнего Прикамья, синхронный эпохе Волжской Болгарии, и поэтому ее ареал включал не только верхнее течение Камы, но и памятники в долинах Чепцы, Чусовой и Сылвы, хотя их своеобразие и отличие от верхнекамских были отмечены еще А. В. Шмидтом (Талицкий М. В., 1940б, с. 47—54; 1951, с. 33—96). Обобщив новые и старые материалы, В. А. Оборин выделил присущие родановской культуре формы металлических украшений женского костюма, показал изменение их во времени и отличие от набора украшений женского костюма соседних районов (Оборин В. А., 1956в, с. 117—118; 1957).

Среди украшений раннего этапа особый интерес представляют двуконьковые шумящие привески, являющиеся племенными украшениями. Генетически с ними связаны, несомненно от них происходят, так называемые якоревидные шумящие подвески. Судя по наблюдениям В. А. Оборина, двуконьковые привески возникают на конечной стадии харино-ломоватовской культуры и являются не только предме-

тами, очерчивающими область распространения родановских памятников, но и говорящими о прямой преемственности между харино-ломоватовской и родановской культурами. Наиболее ранние разновидности их происходят из Неволинского могильника и ранних погребений Деменковского. Им близки двуконьковые шумящие подвески из Левашевского могильника, расположенного близ Стерлитамака, хотя по исполнению и форме они несколько отличаются от основной массы таковых (Ахмеров Р. Б., 1955, с. 155, табл. I, 1). В Деменковском и Неволинском могильниках эти подвески встречены с монетами VII—VIII вв., а в Левашевском могильнике — с монетами VIII—IX вв. (Шмидт А. В., 1929, с. 16). На территории родановской культуры известно более 50 мест находок двуконьковых подвесок, среди которых два пункта дали свыше 10 экземпляров каждый, шесть пунктов — по пять. Наиболее поздние разновидности таких подвесок относятся к концу XIII — началу XIV в. (Голубева Л. А., 1966, с. 80—98; Оборин В. А., 1970, с. 3—29). Интересно, что начиная с середины XII в. часть таких подвесок, видимо, производилась в Волжской Болгарии, где была найдена литейная форма для их изготовления. Отсюда они отправлялись в Верхнее Прикамье в обмен на пушнину и другие местные товары. Для родановской культуры характерны также шумящие подвески со щитком, верх которых имеет вид двух якорьков. Они в разных модификациях бытовали здесь с XI по XIV в. В Верхнем Прикамье известно 35 мест находок украшений данного типа, происходящих преимущественно из родановских могильников. Следует, однако, заметить, что эти украшения имели более широкое распространение, чем ареал родановской культуры; их находят не только на Верхней Каме, но и в более западных районах и довольно много в нижнем течении Оби.

Третьим типом украшений, типичных для женского костюма родановского населения, были шумящие подвески с арочным щитком. Ареал некоторых их разновидностей довольно точно соответствует области распространения родановской культуры (табл. LXV, 8), в то время как отдельные разновидности хорошо известны на памятниках Чепцы, Вятки и других смежных районов. Наиболее ранние образцы арочных подвесок датируются IX в., а основная масса относится к X—XIV вв. Характерны для родановской культуры и упоминавшиеся культовые подвески в виде птицы с распростертыми крыльями и изображением человеческой личины или фигурки человека на ее груди.

Областью родановской культуры в основном является верхнее течение р. Камы с ее притоками (карта 26). Южная граница ареала проходит по правым притокам Обвы. Там находятся Рождественское городище и Чикманский могильник. Единичные памятники, например погребение XI в. у д. Малый Башкур на Чусовой (Прокошев Н. А., 1938, с. 127), встречены и южнее Обвы. Западная и северо-западная границы культуры проходят по верхнему течению р. Колва (Искорские городище и могильник) и среднему течению р. Вишера (Суянский могильник у г. Красновишерска). Северо-восточная окраина ареала культуры включает бассейн Язьвы (Верх-Язьвенское селище и Бычинский могильник).

Менее определенна восточная граница. По наблюдениям В. А. Оборица, это русло Камы. На левобережье отмечены лишь единичные памятники (Лаврятское городище, Баяновский могильник, Леминское городище, Пеняхинское селище, Верх-Боровские селище и могильник, Азласские городище и могильник). Все они находятся в непосредственной близости от реки и относятся в основном к раннему этапу родановской культуры. Восточнее располагаются одновременные родановские памятники, оставленные, видимо, предками манси, как, например, Чаньвинская пещера на р. Ййве (Сергеев С. М., 1895, с. 17—50). Близки Чаньвинской пещере поселения и поздняя группа изображений Писаного камня на р. Вишера. Это тоже памятники культуры народа манси (Бадер О. Н., 1954, с. 241—258; Генинг В. Ф., 1954а, с. 259—280).

Весьма характерны для родановской культуры некоторые типы кресал с медными навершиями в виде фигур животных. Наиболее распространенными были кресала с навершиями, изображающими двух копей, которые датируются IX—X вв. На Рождественском городище найдена незавершенная отливка такого кресала, свидетельствующая о местном их изготовлении (Голубева Л. А., 1964б, с. 115—132).

В верхнем течении Камы в позднеродановское время выделяется не менее семи племенных групп, каждая из которых представлена серией городищ, несколькими селищами и могильниками. Это зюдинская, гайнская, косинская, чердыно-язьвенская, верхнекамская (между г. Соликамском и пос. Пожва), иньвенская и обвейская. Между регионами этих групп обнаруживаются участки протяженностью до 50—70 км, плохо заселенные в древности. В каждой из племенных групп удается выделить и более мелкие подразделения, представленные одним-двумя городищами, несколькими селищами и могильниками. Видимо, это области соседских общин, а в более раннее время, может быть, и родовых общин. Такая территориальная дифференциация складывается в средний период развития родановской культуры и сохраняется вплоть до XIV—XV вв. (Оборин В. А., 1970, с. 3—29).

Памятники, позднее названные родановскими, пытался по времени расчленить А. В. Шмидт, отнесший к загарскому этапу ранние поселения и могильники этой культуры (относящиеся к X в.) и полагавший, что они оставлены не коми-пермяками, а угорскими народами. Поздние же памятники на территории Прикамья, по его мнению, были оставлены населением, появившимся в результате смешения пришедших сюда предков коми-пермяков с основным «загарским» населением (Шмидт А. В., 1926а, с. 68). М. В. Талицкий тоже уделил определенное внимание датировке родановской культуры, предложив отнести ее к X—XIV вв. Вслед за А. В. Шмидтом, выделяя загарский этап культуры и также относя его к X в., он иначе объяснял определенные изменения в материальной культуре прикамских племен того времени. По мнению М. В. Талицкого, коми-пермяцкое население появилось в бассейне Камы раньше, чем сложилась родановская культура, а изменения в облике материальной культуры местных племен Прикамья в конце X в. были связаны с широким распространением пашенного

земледелия, пришедшего на смену подсечному, видимо, с определенным использованием перелога (Талицкий М. В., 1941а, с. 48).

Иное хронологическое членение родановской культуры предложено в последнее время В. А. Обориным. Ранний этап ее им назван лаврятским по имени Лаврятского городища, где были напластования IX—XII вв., и к нему отнесены Плеховское, Эсперовское, Городищенское, Шудьякарское и другие поселения. Впрочем, как показали более поздние раскопки, на городище Шудьякар есть и более поздние напластования XII—XIV вв. (Кананин В. А., 1980, с. 92—100). Поздний этап родановской культуры назван В. А. Обориным рождественским по одноименному городищу, на котором Ф. А. и А. Ф. Теплоуховыми был собран комплекс вещей XII—XIV вв. (Спицын А. А., 1902, с. 42; 43; Шмидт А. В., 1926б, с. 143; 1927, с. 51), и датирован XIII—XIV вв. Особенно отчетливо этот этап определился после исследования верхних горизонтов городища Алюшкар.

Основным видом хозяйствования населения на раннем, лаврятском этапе родановской культуры было, видимо, подсечное земледелие. На поселениях и в могильниках найдено много железных проушных топоров так называемого пермского типа (табл. LXV, 12). На городищах и селищах обнаружены обломки серпов (табл. LXV, 33), а в нижнем слое городища Алюшкар — косы-горбуши. Размол зерна производился на плитах-терочниках и примитивных жерновах. Такой жернов, в частности, известен на Лаврятском городище. Первые настоящие жернова в Прикамье датируются XI в. Интересной особенностью их было то, что нижние камни здесь имели не круглую, а прямоугольную форму. В нижнем слое городища Алюшкар и на Лаврятском городище собраны зерна ячменя, пшеницы-двухзернянки, ржи, гороха, льна и конопли.

На рождественском этапе основным видом хозяйствования родановского населения стало пашенное земледелие. На поселениях XII—XIV вв. найдено большое число наральников тяжелого типа (табл. LXV, 11), сходных по внешнему виду с подобными орудиями с древнерусских поселений того же времени и сельских поселений Волжской Болгарии. Ныне известно более 100 местонахождений этих предметов, бывших наиболее существенной частью деревянных плугов тяжелого типа и говорящих о широком использовании в то время старопашотных земель в Верхнем Прикамье. С переходом от подсечного земледелия к пахотному и распространением перелога как системы землепользования связывается перемещение основной массы населения с площадок городищ на селища, поближе к пашенным землям, отмечается резкое увеличение численности населения в данном районе.

Другой важной стороной хозяйственной деятельности племен родановской культуры было животноводство. Среди многочисленных находок костей домашних животных из культурных слоев поселений имеются кости коровы, лошади, свиньи, овцы. Так, на городище Алюшкар в слоях XI—XII вв. кости коровы составляют 50% и около 40% — кости лошади. Лошадь использовалась как верховое и тяговое животное, особенно с XII в. Мясо ее употреблялось

в пищу: при раскопках обнаруживают кости молодых особей, раздробленные при извлечении костного мозга. О важной роли лошади в хозяйстве родановских племен говорят и частые изображения конских головок, коньковые подвески и накладки в жепском костюме. Изображениями лошадиных головок украшались и такие бытовые вещи, как гребни и копоушки. На поселениях выявлены остатки хлебов и загонов для скота, которые обычно примыкали к жилым постройкам. Об использовании верховой лошади свидетельствуют находки удила, обычно двуставных кольчатых, а также стремян.

Важным занятием родановского населения была охота. Судя по костным остаткам на поселениях и памятникам изобразительного искусства (изображения медведей, лосей, различных куных животных), охота велась с целью получения мяса и пушнины. Среди остеологического материала, преимущественно с поселений, много костей бобра, лоса, оленя, медведя. Есть некоторое количество костей куных (соболя, куницы, норки). Можно полагать, что объектом охоты была и белка, но костей ее в культурном слое поселений не встречено.

В нижних горизонтах культурных отложений родановского времени и в могильниках много наконечников стрел IX—XII вв. Они в основном железные, черешковые, с уплощенным пером (табл. LXV, 29—32; LXVI, 5, 14—16). Меньше костяных наконечников стрел, обычно черешковых, крупных, с шестигранным, квадратным или треугольным сечением пера. Найдены и костяные стрелы-тупики, использовавшиеся для охоты на пушных зверей. Эти наконечники втульчатые. Преимущественно на поселениях обнаружены костяные накладки от сложного лука (табл. LXV, 27; LXVI, 10, 17). Для охоты, в особенности на медведя, использовались и копья-рогатины с железными наконечниками листовидной формы (табл. LXVI, 25). Вероятно, как и в более позднее время, широко практиковалась охота с применением различных ловушек, загоронок, западней и давилок. При охоте на птицу употреблялись сети и стрелы с наконечниками вильчатой формы. В нижнем слое городища Анюшкар найдены 13 манков, изготовленных из птичьих костей (табл. LXVI, 26).

При раскопках постоянно отмечаются рыболовные снасти, особенно на поселениях, расположенных по берегам рек. Это грузила от сетей, наконечники острог, крупные железные рыболовные крючки и блесны (табл. LXV, 4, 17; LXVI, 13). На Родановском и Куласовском городищах известны поплавки от сетей, на многих поселениях обильны находки костей рыб. Так, на городище Анюшкар особенно много было щитков крупных осетровых рыб, имелись кости карповых рыб и щуки.

О занятии родановского населения бортничеством говорят находки втульчатых топоров-кельтов, применявшихся для вырубки бортей в деревьях и извлечения сот из дупел.

Железодельное производство и изготовление железных изделий велось, видимо, на территории поселений. В нижнем слое городища Анюшкар выявлены остатки сооружения, которое реконструируется как домница для выплавки железа. Во множестве встречаются на территории поселений неболь-

шие крицы и особенно куски шлака — в основном отходы кузнечного ремесла. В Редикарском могильнике раскопано погребение кузнеца, сопровождавшееся железным кузнечным молотом-ручником и кузнечными клещами (Лунегов И. А., 1955, с. 125, 126). Основной ассортимент изделий местных кузнецов достаточно обширен. Это топоры, пожи, наконечники копий и стрел, дротники, мотыги, кресала, иглы, удила (табл. LXVI, 8), стремяна (табл. LXV, 34), остроги и рыболовные крючки, мечи, клинжалы, серпы, косы. Качество кузнечной обработки железа было относительно высоким. Кузнецы умели сваривать железо, знали процесс цементации изделий.

На поселениях зафиксированы многочисленные свидетельства бронзолитейного производства. Очаг, связанный с литьем бронзовых изделий, исследован на городище Анюшкар. Рядом с ним находились бронзовые шлаки, слитки меди, тигель и льячка (табл. LXV, 2, 3, 5, 6). В нижнем слое того же поселения встречено до десятка тиглей разного вида преимущественно конусовидной формы. Бронзолитейное производство на городище Шурьякар документировано находками тиглей конусовидной формы. Высота наиболее крупного из них около 7 см. В. А. Оборин высказал предположение, что выплавка меди из руд производилась и из местных медистых песчаников, выходы которых известны в Поволжье и на Западном Урале. Здесь в XVIII в. существовали довольно крупные кустарные заводы по изготовлению меди из этого сырья. Куски медистого песчаника найдены в нижних слоях городища Анюшкар. В 1 км от с. Куласова находится старый заброшенный рудник, в котором в древности велась добыча медистого песчаника.

Из местной и частично привозной меди, из олова и серебра, поступавшего в виде монетного металла из Волжской Болгарии или через Западную Сибирь, изготавливались украшения женского костюма. Подавляющее большинство их отливало по восковой модели в глиняных формах, но существовали и каменные литейные формы. На Лаврятском городище найдена глиняная литейная форма для отливки конусовидной бляшки, на Кудымкарском городище — форма для отливки поясной бляшки, на Купросском — форма для отливки пропизок (табл. LXVI, 6, 9). Литейные формочки есть и на Родановском городище. Замечено, что к середине XIII в. происходит постепенная замена тиглей конусовидной формы цилиндрическими с круглым дном. Они большей вместимости, и с их помощью можно было делать более крупные отливки. Местные мастера владели многими приемами ювелирной техники, но пайки меди, золота и серебра они не знали. Все предметы с зернью и сканью, найденные на памятниках родановской культуры, видимо, привезены из Волжской Болгарии. Местным мастерам хорошо была знакома иковка меди. Из меди выковывались различные котелки, образцы которых есть в могильниках, причем только в мужских погребениях. Такой котелок, в частности, обнаружен в погребении 119 Аверинского II могильника.

Широко практиковалась родановскими племенами обработка рога и кости. Предварительно распаренное сырье обрабатывалось при помощи специальных железных плоек, напильников и сверл. Часто для

изготовления костяных изделий употреблялись обычные ножи. Среди предметов из кости наиболее распространенными были наконечники стрел (табл. LXVI, 16), копоушки, гребни (табл. LXV, 25), различные виды проколов, пряслица, иглы, манки для охоты, ложечки и лопаточки. Из просверленных костей, когтей и зубов животных и человеческих челюстей делались обереги и амулеты. Высоко было развито производство изделий из рога. Так, на городище Дондыкар открыта мастерская по изготовлению роговых гребней с полукруглым верхом и щитком, украшенным циркульным орнаментом. Предполагается, что часть изделий этой мастерской продавалась в Волжской Болгарии, где подобные гребни — довольно частая находка. Родановские мастера изготавливали гребни и другого типа: с навершием в виде двух конских головок. На селище близ Ильинского городища найдена железная пила, специально предназначенная для распиловки кости.

Домашним ремеслом родановских племен было изготовление тканей. При раскопках, особенно могильников, обнаруживается относительно большое число обрывков тканей от одежды погребенных. Среди них есть фрагменты ткани как растительного происхождения, так и шерстяной. Там, где это удается проследить, они имели прямое переплетение нитей. При раскопках найдены пряслица от веретен, служившие для ссучивания нитей. Большинство их глиняные, однако есть каменные и роговые. Найдены также грузы от вертикальных ткацких станков (табл. LXVI, 2, 3), а на Родановском городище — костяная ремизка горизонтального ткацкого стана. Для изготовления обуви и одежды интенсивно обрабатывались шкуры диких и домашних животных. На поселениях встречены костяные скребки для снятия мездры, разбивальники из кости для изготовления ремней, ножи, ножницы (табл. LXV, 35), шилья (табл. LXV, 24) и иглы для пошива изделий из шкур и кожи. В отдельных могильниках известны обрывки меховой одежды, а также случаи завертывания погребенных в шкуру животного или покрытие их такой же шкурой (Аверинский II могильник).

Производство глиняной посуды у родановских племен на лаврятском этапе находилось на уровне домашнего ремесла и, видимо, было женским занятием. Вся посуда (табл. LXV, 23) лепилась от руки ленточной и кольцевой техникой и обжигалась на кострах. В качестве примесей в тесто добавлялись шамот, песок, органика и мелкоотделенные раковины. Последняя примесь говорит о том, что употреблялась преимущественно не горная глина, а глина из речных наносов. По форме и размерам можно выделить три основных типа сосудов лаврятского этапа. Прежде всего, это высокие чаши или низкие горшки с округлым или округло-уплощенным дном, относительно тонкостенные, с максимальным диаметром тулова 20–30 см. Шейки их прямые или чуть загнутые внутрь либо слегка отогнутые наружу. По срезу венчика нанесены пальцевые зацепы и вмятины, реже — насечки. Орнамент на тулове сосудов относительно редок. Поверхность их тщательно заглажена снаружи и изнутри. Такого типа сосуды встречены на Лаврятском, Рождественском, Шудьякарском городищах, на Баяновском и других селищах. В горизонтах X–XI вв. их тоже довольно

много, причем часть сосудов имеет более крупные размеры, достигая в диаметре 40 см. Такие сосуды, видимо, служили для хранения запасов, в частности, они обнаружены в ямах-кладовках на территории жилищ. На них нет обычно следов закопченности и нагара, обжиг их низкого качества, цвет черный или серый, иногда с оранжевыми подпалинами.

Сосуды второго типа в общих чертах имеют примерно такую же форму, но отличаются более короткой шейкой; их максимальный диаметр 10–12 см при толщине стенок 0,5–0,7 см. Поверхность сосудов тщательно обработана и заглажена. В верхней части они украшены шнуровым, ямочным и гребенчатым орнаментом, а иногда и кружковыми узорами, собранными в горизонтальные зоны и полосы. На этих сосудах имеется нагар и копоть, многие из них найдены в развалах очагов. Очевидно, они служили для приготовления и принятия пищи.

Сосуды третьего типа представляют собой сравнительно неглубокие круглодонные или со слегка уплощенным дном чаши диаметром до 15 см с небольшой примесью толченой раковины в тесте. На их поверхности нет следов копоти и нагара. Верхняя часть их тулова обычно пышно орнаментирована отпечатками веревочки или гребенчатого штампа. Таких сосудов много не только на поселениях, но и в могилах. Они служили, очевидно, для питья.

В поздне-родановское время сохранялась та же техника изготовления керамических изделий. Подавляющее большинство сосудов круглодонные или уплощенно-круглодонные, но дно многих из них в XIII–XIV вв. сильно уплощается. Появляются значительные серии небольших сосудов с плоскими днищами. Более крупные сосуды (диаметром до 40 см) имеют вид высоких чаш с округлым, как и прежде, дном и обычно с прямыми, вертикально поставленными венчиками. Постепенно уменьшается число сосудов с растительными и раковинными примесями в глине, и появляется посуда с примесью в тесте преимущественно песка и мелкой дресвы. Исследователи связывают это с проникновением на Верхнюю Каму технологии изготовления керамики с территории древней Руси и Волжской Болгарии. Наряду с костровым обжигом применяется уже и обжиг в печах. В верхних горизонтах культурного слоя городища Анюшкар исследованы остатки глинобитной печи, стоявшей на глинобитной подушке, заключенной в деревянную раму. Рядом с ней находились скопление сырой глины, раковины и два целых горшка. Можно полагать, что печь служила для обжига посуды.

Форма сосудов на рождественском этапе культуры сохранялась прежняя. Это преимущественно большие сосуды с округло-уплощенным дном, выпуклым туловом, плавно переходящим в слабо отогнутую шейку, а далее в короткий венчик. Они, как правило, не орнаментировались и служили для хранения припасов. Максимальный диаметр тулова таких сосудов 40 см при их высоте в 25–30 см, обладали же экземпляры средних размеров с диаметром горловины в 13–20 см. Мелкие сосуды иногда украшались. В орнаментации доминируют отпечатки гребенчатого штампа, из которых строятся горизонтальные пояски в комбинациях с поясками, образованными отпечатками различных фигурных

штампов в виде розеток, кружков, прямоугольников. Узор наносился на верхнюю треть сосуда.

Влияние славянского и болгарского керамического производства на местную керамику отмечается с XII в. Это сказывается, прежде всего, в появлении на некоторых сосудах волнистого орнамента. Встречаются горшки с налепами на тулове в виде валика и сосков. Наиболее разнообразны по форме и орнаментации сосуды малых размеров (с диаметром горловины 8–15 см). Среди них много чаш с округлым дном и высокой прямой или слегка отогнутой наружу шейкой. Некоторые из них имеют сильно уплощенное дно, а также есть открытые чаши со слегка округлым дном и короткой, резко отогнутой наружу шейкой. В это время в большом числе появляются небольшие плоскодонные сосуды, которые, видимо, частично служили для производственных целей — для хранения мазей, красок и др. Наконец, в XII в. получают распространение глиняные светильники, сходные по форме с подобными предметами из Волжской Болгарии. На родановских поселениях постепенно увеличивается количество красноглиняной круговой посуды болгарского происхождения.

Раскопки раннеродановских поселений и могильников дали пока относительно немного данных для реконструкции мужского и женского костюма. В одном из мужских погребений Редикарского могильника на черепе найдена кожаная лента с прикрепленными к ней медными круглыми бляшками — вероятно, нижняя часть парадного головного убора. Остатки мехового головного убора (мехом внутрь) обнаружены в погребении Баяновского могильника. По материалам того же памятника устанавливается, что нижняя одежда мужчин состояла из рубахи и холщовых штанов, подпоясанных ремнем, а женская — из длинного льняного платья. Поверх него надевались меховые, суконные или обтянутые сукном меховые кафтаны (Оборин В. А., 1953а, с. 156).

В других могильниках попадались остатки верхней одежды в виде кафтанов, застегивавшихся на костяные пуговицы.

Форма женского головного убора известна совсем плохо. Одна из разновидностей его прослежена в погребениях 50, 51 и 135 Аверинского II могильника. Через лоб на затылок проходила тканая лента средней ширины, к которой у висков крепились небольшие связки пронизок с миниатюрными шумящими привесками на концах. Иногда лента дополнительно украшалась мелкими бляшками. Такого типа головной убор относится к раннему этапу родановской культуры или к концу харино-ломоватовской.

Мужская и женская одежда подпоясывалась двумя кожаными поясами — верхним и нижним. Они имели бронзовые пряжки и были нередко украшены медными пластинками и бляхами (табл. LXVI, 23, 39). Как к мужскому, так и к женскому поясу нередко крепился нож в ножнах, обычно с левой стороны. К женским поясам, кроме того, приделывались тонкие сыромятные ремешки, украшенные бронзовыми пронизками, на концах которых имелись подвески флаконовидной или колоколовидной формы либо подвески в виде рожка, реже — в виде фигурок животных.

На ногах мужчин и женщин была кожаная обувь

в виде поршней с голенищами средней высоты, скрепленными на щиколотках ремешком с бронзовой пряжкой или кожаной завязкой. Известна находка такой же обуви, но с меховыми голенищами. На женские поршни нередко выше стопы прикрепляли металлические шумящие украшения (табл. LXV, 26). Судя по многочисленным находкам кочедыков, была распространена и обувь типа лаптей, плетенная из лыка, бересты или полосок кожи.

В мужских и женских погребениях часто находят украшения и детали одежды с прикрепленными к ним бронзовыми подвесками и бляшками. Мужчины, кроме серег, носили и браслеты, обычно граненые или пластинчатые, надевавшиеся поверх одежды. Пальцы рук украшали перстни, чаще всего с четырехлопастным щитком и овальной, обычно стеклянной, вставкой синего цвета. Основная же часть металлических украшений одежды обнаружена в женских погребениях. Значительное их число относится к головному убору — это разного рода накладки и бляшки, нижний край убора оформлялся височными подвесками разных типов (табл. LXV, 16, 18; LXVI, 4, 11), иногда составленными из деталей и крепившимися на шнурах. На шее носили ожерелья, составленные из металлических бус, шумящих привесок и пронизок, монет и бус из стекла, сердолика и горного хрусталя. Что касается гривен, то их немного; встречены только единичные образцы. Среди них есть ложновитые с двумя крючками на концах и пластинчатые ромбического сечения. Грудь украшали двуконьковые, арочные и якоревидные подвески на коротких шнурах с пронизками из металла. Металлические украшения вместе с копушками, амулетами из медвежьих когтей и зубов вплетались на шнурах и в косы. Множество подвесок и пронизок прикреплялось к поясу тоже на шнурах из ремешков. Наиболее распространенными были серьги типа салтовских, претерпевшие на месте некоторые видоизменения, причем такие серьги или подвески носились не парами, а по одной. Хочется отметить и еще одну особенность украшений женского костюма: не все его виды распространялись по территории родановской культуры равномерно. Так, при насыщенности почти всей ее территории двуконьковыми шумящими привесками в области верхнего течения Камы, где обитала зюдинская группа родановцев, этот вид украшений почти не известен. С другой стороны, здесь относительно часто встречаются гривны, редкие в других районах родановской территории.

Социально-экономические отношения носителей родановской культуры исследователями определяются однозначно. На лаврятском этапе они характеризуются появлением патриархальных общин, имеющих определенные связи с родовыми общинами, с родом в целом. Основным видом хозяйствования в то время было подсечное земледелие, что вынуждало вести хозяйство в рамках большой патриархальной семьи. Каждое поселение лаврятского времени — совокупность нескольких больших семей, сообщества ведущих хозяйство в составе патронимии. О наличии больших патриархальных семей, живущих в одном помещении, говорят большие размеры жилищ, найденный при раскопках поселений и могильников инвентарь.

В основном с XII в. в связи с широким распространением пашенного земледелия и применением в качестве тяглового животного лошади, из больших патриархальных семей начинают выделяться отдельные семьи, способные самостоятельно вести хозяйство. Это подтверждается находками многочисленных пашенных орудий и остатков домов относительно небольших размеров, рассчитанных на проживание малой семьи, а также перемещением части населения на селища, расположенные ближе к пахотным полям. С этого времени повсеместно употребляются разные категории изделий, помеченных тамгами их владельцев, на поселениях появляются предметы, характеризующие закрепление права собственности на постройки и хозяйственные помещения. Это замки и ключи русско-болгарского типа, в значительном числе обнаруженные на поселениях XII–XIV вв. На поселениях появляются монеты, весовые гирьки и масса предметов, являющихся ремесленной продукцией Волжской Болгарии и древней Русь, а следовательно, получает большой размах торговля между племенами Прикамья и Волжской Болгарией, а также с древнерусскими княжествами. Видимо, в области расселения коми-пермяков проживали и отдельные выходцы из

Волжской Болгарии, выполнявшие здесь не только торговые функции, но и собиравшие в XII–XIII вв. с местного населения определенные подати, одной из которых был харадж. Если торговые связи с Волжской Болгарией поддерживались в основном по Каме, то торговля с русскими землями осуществлялась через Вычегду, и, естественно, что Повычегдье и Верхнее Прикамье снабжались в основном изделиями новгородских ремесленников. Кроме замков, они поставляли различные виды украшений — трехбусинные височные кольца, пряжки, лунницы, косорешетчатые подвески. С XII в. в русских летописях появляются сведения о торговых походах новгородцев в Приуралье. Этнографические материалы и коми-пермяцкий народный эпос свидетельствуют о рано возникших и тесных торговых и культурных связях коми-пермяков с новгородскими землями.

Исследователи родановской культуры — культуры древних коми-пермяков единодушны в том, что она свое начало ведет от харино-ломоватовской культуры, являясь ее дальнейшим развитием. Она и занимала ту же территорию. Многочисленные связи между названными культурами прослеживаются по всем категориям находок, обряду погребения, традициям домостроительства.

Глава четвертая

Угры и самодийцы

Урала и Западной Сибири

В настоящее время обские угры и самодийцы представлены в Западной Сибири рядом малых народностей, проживающих в северной таежной зоне Приобья, лесотундре и тундре от Урала до Енисея. К обским уграм относятся манси и ханты (в основном в Ханты-Мансийском автономном округе). При этом манси живут главным образом в районах, прилежащих к Уралу, по р. Северной Сосьве, отчасти по Конде и в верховьях Тавды. Ханты расселены в низовьях Иртыша, в бассейне нижней и частично Средней Оби. По данным на 1978 г., численность хантов составляет 21 000, манси — 7600 человек (Брук С. И., 1981, с. 874).

К самодийцам Западной Сибири относятся селькупы, заселяющие Нарымское Приобье, в основном районы между устьями рек Вах и Чулым, в северной части Томской обл., энцы или лесные ненцы, обитающие преимущественно по р. Таз, ненцы, живущие в районах тундры от Енисея до Печоры, в Ямало-Ненецком автономном округе, а также нганасаны — в тундре Таймыра. Численность селькупов на тот же период составляла 3600, ненцев — 30 000, нганасан — 900 человек (Брук С. И., 1981, с. 875–877).

К уграм относятся также венгры, предки которых проживали в древности в лесостепных районах Западной Сибири и Урала по соседству с предками обских угров. Предки венгров отделились от единого угорского массива, по-видимому, в начале I тысячелетия н. э., в эпоху великого переселения народов, и большей частью, вероятно, в это время мигрировали на запад, в потоке движения хуннского союза племен, а небольшая часть в южнотаежных районах Зауралья и Прииртышья смешалась с предками обских угров.

В прошлом ареал обских угров и самодийцев был значительно шире, а истоки их этногенеза на территории Западной Сибири уходят в глубокую древность, к эпохам неолита и бронзы. По всей видимости, с генезисом самодийцев в неолите и в период ранней бронзы связаны историко-этнографические области, характеризующиеся культурами с гребенчато-ямочной керамикой Среднего и Нижнего Приобья, и сформировавшаяся на их основе при участии андроновского компонента еловская культура периода развитой и поздней бронзы (Косарев М. Ф., 1974, с. 154, 155; 1981, с. 145–162). С этногенезом предков угров, видимо, связано население Среднего и Южного Зауралья и Прииртышья эпохи неолита и ранней бронзы, для которого характерна керамика с гребенчатой и накольчатой орнаментацией. В эпоху развитой и поздней бронзы, по мнению некоторых исследователей, к генезису угров имеет отношение население андроновской,

федоровской и сузгунской культур (Сальников К. В., 1967, с. 347; Косарев М. Ф., 1974, с. 158).

В эпоху раннего железного века, в I тысячелетии до н. э., угро-самодийские племена занимали почти все лесное и лесостепное Приобье и Прииртышье. При этом с этногенезом угров связано в основном население лесного и лесостепного Зауралья и Прииртышья, а также отчасти Нижнего Приобья — культуры саргатская и, по-видимому, иткульская и усть-полуйская (последняя частично). В конце II–III в. прекращает существование саргатская культура, занимавшая обширное пространство западно-сибирской лесостепи от междуречья Иртыша и Оби до Урала (Могильников В. А., 1972, рис. 1). Ее финал, вероятно, обусловлен миграцией правенгров на запад, в степи Восточной Европы, что и ознаменовало распад угорской общности. В таежных районах Зауралья и Прииртышья, а также в Нижнем Приобье продолжалось поступательное развитие культуры предков обских угров. Во второй четверти I тысячелетия н. э., после миграции правенгров на запад, часть таежного населения продвигается на юг в опустевшую лесостепь. К V–VI вв. в южных лесных районах Прииртышья и Припшмья и на севере лесостепи в результате взаимодействия лесного и остатков прежнего лесостепного населения формируется потчевашская культура (предки южной группы хантов), а в Нижнем Приобье оформляется культурная общность, которой принадлежат памятники оронтурского типа (предки северных хантов). Процессы этнической дифференциации, протекавшие при участии горноуральского и приуральского населения со шнуровой керамикой, приводят к выделению из обско-угорского массива предков манси (Могильников В. А., 1974а, с. 68–72), культуру которых отражают памятники молчановского типа.

В Среднем Приобье на основе еловской культуры эпохи бронзы при участии северных этнических элементов, характеризующихся керамикой с крестовой орнаментацией, формируется кулайская культура VI–V вв. до н. э. — IV–V вв. н. э. В III–II вв. до н. э. ее носители из районов Среднего Приобья распространяются на юг вдоль полосы ленточных боров на Верхнее Приобье, проникая отдельными группами до Алтая (Троицкая Т. Н., 1979, с. 62, 63), а также на юго-запад, в лесостепное Прииртышье, где они составили один из компонентов упомянутой потчевашской культуры (Васильев В. И., Могильников В. А., 1981, с. 60). В Среднем и частично в Верхнем Приобье на основе кулайской формируется релкинская культура (предки селькупов), а в Верхнем Приобье в III–IV вв. складывается одинцовская культура (Троицкая Т. Н., 1981, с. 101–120), которая в VI–VII вв. прекращает

существование в результате тюркской экспансии. Часть населения одинцовской культуры была оттеснена тюрками в горнолесные районы Северного Алтая, Кузнецкого Алатау и Западных Саян, где, развиваясь в изоляции от основного самодийского массива Среднего Приобья, переселенцы сохранили отчасти язык и культуру, восприняв в то же время большое число тюркских черт. Исследователями XVII—XVIII вв. в этих районах зафиксированы особые этнические группы — камасинцев, маторов, койбалов, которые вскоре были окончательно тюркизированы.

Слабая дифференциация этнокультурных групп второй половины I тысячелетия н. э. отразилась в наличии общих черт у потчевашской культуры лесного Прииртышья и релкинской культуры Нарымско-Томского Приобья, у памятников оронтурского и молчановского типов в Нижнем Приобье и лесном Зауралье.

Происходившие во второй половине I тысячелетия н. э. процессы этнической дифференциации и консолидации внутри отдельных этнокультурных общностей привели к оформлению в начале II тысячелетия н. э. предков современных манси в районах горного Урала, в лесном Зауралье, в бассейнах рек Туры и Тавды (юдинская культура); южной группы хантов — в лесном Прииртышье (усть-ишимская культура); северной группы хантов — в Нижнем и Сургутском Приобье (памятники кинтусовского типа); предков селькупов — в Среднем, Нарымском и Томском Приобье. В конце I — начале II тысячелетия н. э. самодийские группы населения, предки ненцев, проживали, видимо, также в районах Нижнего Приобья наряду с хантами, но памятники их пока не вычленены из-за слабой изученности археологии Нижнего Приобья. Юдинская, кинтусовская и усть-ишимская культуры, принадлежащие предкам манси и хантов, обнаруживают между собой большую близость, особенно в предметах изобразительного искусства, мелкой металлической и глиняной пластике, зоо- и антропоморфных изображениях, и заметно отличаются от культур Томско-Нарымского Приобья, принадлежащих самодийцам, а в восточной части ареала, возможно, и кетам.

Изучением древностей угро-самодийского населения Приобья занималось большое число исследователей на протяжении более 100 лет. Их заслуги будут освещены ниже при характеристике отдельных культур и этнокультурных регионов. Здесь отметим лишь, что до 50-х годов XX в. происходило в основном накопление фактического материала, который частично публиковался. Научная систематизация и интерпретация собранного материала были осуществлены преимущественно в 50—60-х годах. Наибольший вклад при этом сделан В. Н. Чернецовым, создавшим первую классификацию древностей Нижнего Приобья, лесного Зауралья и Прииртышья I — начала II тысячелетия н. э. и наметившим ареалы утров и самодийцев (Чернецов В. Н., 1941, с. 18—28; 1957, с. 136—245). Основные положения работ В. Н. Чернецова сохранили свое значение до настоящего времени. В 60—80-х годах этнокультурная характеристика населения лесного Приобья второй половины I — начала II тысячелетия н. э. с привлечением новых источников получила освеще-

ние в работах В. Д. Викторовой (Викторова В. Д., 1968; 1969; 1973), Б. А. Коникова (Коников Б. А., 1982; 1983, с. 96—111; 1984, с. 137—141), В. А. Могильникова (Могильников В. А., 1964б; 1968б, с. 269—291; 1969б, с. 179—181; 1974а, с. 68—72; 1980, с. 242—248; 1981, с. 82—86), Л. М. Плетневой и О. Б. Беликовой (Плетнева Л. М., 1981а, с. 90—93; Беликова О. Б., Плетнева Л. М., 1983), Т. Н. Троицкой (Троицкая Т. Н., 1973а, с. 183—185; 1979, с. 74—77), Н. В. Федоровой (Федорова Н. В., 1978; 1981а, 1984) и Л. А. Чиндиной (Чиндина Л. А., 1970б; 1970в; с. 191—202; 1977; 1982, с. 14—22).

Культуры лесного Зауралья VII—XIII вв.

Изучение древностей лесного Зауралья второй половины I — начала II тысячелетия н. э. было начато в конце XIX в. И. Я. Словцовым, который собрал сведения о некоторых памятниках бассейнов рек Туры и Тавды, а также произвел шурфовку и разрез траншеей вала и рва на городище Андрюшин Городок на Андреевском озере близ Тюмени, проследив при этом многократную подсыпку вала (Словцов И. Я., 1885, с. 20, 53; 1892, с. 13—41). Данные И. Я. Словцова вошли затем в археологическую карту Нижнего Приобья, составленную И. А. Талицкой (Талицкая И. А., 1953, с. 294—297).

В 20—30-х годах XX в. проведены небольшие сборы материалов на ряде городищ в окрестностях Тюмени археологом П. А. Дмитриевым и директором Тюменского музея Д. Россомагиным.

Активные полевые исследования и научная интерпретация археологических материалов приходятся на 50—60-е годы. Прежде всего, они связаны с именем В. Н. Чернецова. Им и В. И. Мошинской были проведены раскопки городищ Андрюшин Городок, Жилье, Андреевского 3, а также Перейминского могильника (Мошинская В. И., Чернецов В. Н., 1953, с. 93—98; Чернецов В. Н., 1957, с. 166—180). Выделив памятники с гребенчато-шнуровой орнаментацией керамики, В. Н. Чернецов впервые отметил своеобразие комплексов бассейна Туры на общем фоне культур Нижнего Приобья конца I — начала II тысячелетия н. э. и поставил вопрос о связи памятников со шнуровой керамикой Урала и Зауралья с протомансийскими племенами (Чернецов В. Н., 1957, с. 180, 220—224).

Затем В. А. Могильников уточнил границы, хронологию и особенности памятников с гребенчато-шнуровой орнаментацией керамики лесного Зауралья, связав появление и распространение шнуровой орнаментации с процессом выделения из общности обских утров предков зауральских манси (Могильников В. А., 1964б, с. 12; 1974а, с. 68—72).

Значительные полевые исследования проведены в 60-х годах экспедициями Уральского университета, Свердловского и Нижнетагильского музеев. Раскопки на городищах Юдинском, Ликинском, Андроновском, а также на Ликинском и Пылаевском могильниках с привлечением материалов других памятников позволили В. Д. Викторовой дать подробную характеристику культуры населения лесного Зауралья,

бассейнов рек Туры и Тавды, выделить памятники юдинского типа X—XIII вв. и хронологически предшествующие им памятники молчановского типа. В. Д. Викторова дополнительно обосновывает мнение В. Н. Чернецова о протомансийской принадлежности памятников лесного Зауралья X—XIII вв. (Викторова В. Д., 1968, с. 240—256; 1969, с. 14—18). На Туре она выделила также небольшую группу памятников макушинского типа XIII—XIV вв. и сменившую ее группу памятников туралинского типа XIV—XVI вв., принадлежавшую тюменским татарам, ассимилировавшим на Средней Туре манси (Викторова В. Д., 1969, с. 17, 18).

Памятники молчановского типа

Эти памятники (названы по Молчановскому городищу на р. Туре) локализуются в бассейнах среднего и нижнего течения Туры, а также в нижнем течении Тавды (карта 30). К ним относятся 13 городищ, Перейминский могильник и Юдинское костище (Викторова В. Д., 1969, с. 14, 15).

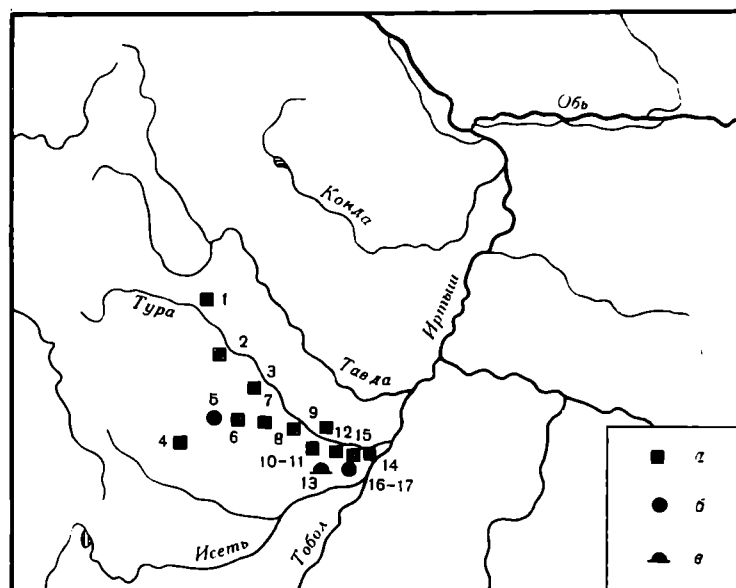
Городища устроены на мысах, дюнах или у края надпойменных террас и имеют укрепленные площадки овальной или округлой формы размерами 440—2500 кв. м. Мысовые городища — Петровское, Ирбитское — с напольной стороны защищены рвом и валом. Поселения, находившиеся на краю террасы или на дюнах, окружались валами и рвами со всех сторон (LXVII, 1). На месте въезда валы имели выемку, где, вероятно, были устроены ворота.

Валы городищ периодически подсыпались. На городище Андрюшин Городок углубление рва и подсыпка вала производились не менее четырех раз. В 5 м от основного был устроен еще дополнительный ров (Мошинская В. И., Чернецов В. Н., 1953, с. 94). Сохранившаяся высота вала от дна рва местами достигает 4 м. На других городищах валы сильно оплыли, и высота их, как правило, не превышает 1 м.

Для усиления системы фортификации на валах, вероятно, ставили сторожевые башни, подобные башням Логиновского городища потчевашской культуры (Генинг В. Ф., Евдокимов В. В., 1969, с. 105).

На площадках некоторых городищ прослеживаются расположенные довольно плотно друг к другу жилищные впадины. Количество их на памятниках неодинаково. Наибольшее число впадин, не менее 36, выявлено на городище Андрюшин Городок (табл. LXVII, 1). В расположении их прослеживалась определенная закономерность. Один ряд впадин примыкал к валу, образуя овал, повторяющий форму городища. В пределах овала впадины фиксировались четырьмя параллельными рядами, по три-пять впадин в каждом ряду. Кроме того, три впадины были в пристройке, устроенной у вала с юго-западной стороны (Мошинская В. И., Чернецов В. Н., 1953, с. 93, 94).

Остатки жилищ исследованы на городищах Жилье (три), Андрюшин Городок (три), Юдинском (одно), Дуванском I (три), поселении Придуванском (одно). Это были полуземлянки с прямоугольным котлованом площадью 25—45 кв. м, врезавшимся в грунт на глубину 0,4—1 м. Из котлована вел коридорообразный выход, постепенно повышающийся до уровня

Карта 30. Распространение памятников молчановского типа

а — городище; б — селище; в — курганный могильник; 1 — Санкино; 2 — Куртумово; 3 — Петрово; 4 — Ирбит; 5 — Юдино; 6 — Боровиково; 7 — Липчинка; 8 — Молчаново; 9 — Андрюшин Городок; 10 — Жилье; 11 — Антипино; 12 — Перейминский; 13 — Мулаши; 14 — Дуванское I; 15 — Дуванское II; 16 — Придуванское

дневной поверхности. Вдоль стен жилищ располагались широкие земляные нары, для устройства которых грунт из котлована выбирали на меньшую глубину, нежели в центре. В жилищах имелись один центральный или два очага, из которых один размещался в центре, а второй в углу (табл. LXVII, 2—4). В это время наряду с открытыми очагами распространяются очаги типа чучалов, от которых сохранились прямоугольные или овальные основания, обмазанные глиной. Около очагов обычно находятся скопления керамики, костей животных и чешуи рыб (Мошинская В. И., Чернецов В. Н., 1953, с. 94).

Выделяется своими размерами и отчасти устройством квадратное жилище площадью около 100 кв. м, исследованное на городище Андрюшин Городок, у вала (табл. LXVII, 4). С двух сторон к нему примыкали две другие постройки. В средней части стен большого жилища были устроены переходы в соседние полуземлянки. Третий, основной выход представлял собой коридор, по обе стороны которого имелись ямы-кладовые диаметром 1,5 м и глубиной 1 м. В одной найдены обломки сосуда, в другой — кости животных. У стен жилища также были возвышения для нары, а в центральной углубленной части сохранилось основание очага-чучала с каркасом из обмазанных глиной деревянных палочек толщиной 6—8 см (Чернецов В. Н., А-1952, с. 26—28).

Конструкции стен и перекрытия жилищ не установлены. Возможно, перекрытие было шатровым, на что указывают следы столбов около центральных очагов в полуземлянках городища Жилье (Соколова З. П., 1957, с. 94). Однако не исключено наличие сруба, косвенным подтверждением знакомства с которым являются срубные конструкции в погребениях Козловского могильника IV—V вв. (Черне-

цов В. Н., 1957, с. 164). На Юдинском городище прослежено, что каркас крыши покрывался берестой, поверх которой для утепления насыпали слой земли (Викторова В. Д., 1968а, с. 213).

Погребальный обряд известен по материалам Перейминского могильника, где вскрыто три кургана с расположенными под ними шестью погребениями, и, кроме того, три погребения обнаружены на прилегающей территории. Погребальные насыпи — слабовыраженные округлые всхолмления из супесчаного грунта диаметром до 10 м, высотой до 0,3 м — располагались по краю террасы берега Андреевского озера. Под каждым курганом находилось от одного до трех погребений. Захоронения производились вытянуто на спине головой на север в овальных ямах глубиной до 1,3 м, ориентированных в направлении север—юг. В коллективных могилах находились два—четыре скелета мужчин, женщин и детей. В одном случае констатировано частичное вторичное захоронение части костей скелета человека. Отмечено также положение костяков в два яруса.

Рядом с курганами и под насыпями на уровне древнего горизонта располагались кострища, в которых находились глиняные сосуды, преимущественно в обломках, а также — кости животных (табл. LXVII, 7). Последние имелись также в изголовье отдельных погребений, являясь остатками мясной пищи.

Инвентарь погребений представлен украшениями — браслетами, перстнями, бусами, колесовидными фибулами, бляхами из сдвоенных дисков, пряжками, подвесками. Из орудий труда встречены ножи и оселки (табл. LXVIII, 15, 18). Расположение инвентаря в погребениях в основном соответствует его месту на костюме при жизни. Бусы лежат в области шеи, у черепа, бляхи — на груди, перстни — на фалангах пальцев, пряжки — у пояса, ножи — в области пояса, сбоку. Браслеты были в одном случае на правой, в другом — на левой руке. Часть бус, возможно, нашивалась на одежду, поскольку они находились в области таза и коленей.

В отдельные погребения, в изголовье помещали глиняные сосуды (Чернецов В. Н., 1957, с. 166—173). Керамика из могильника аналогична посуде с поселений, в частности с расположенного поблизости городища Жилье (Чернецов В. Н., 1957, с. 176).

К памятникам молчановского типа относится также Юдинское костыще, представлявшее собой золистый пласт с включением кусочков кальцинированных костей, фрагментов костяных наконечников стрел, бронзовой пластинки. Рядом с костыщем находились раздавленные сосуды с гребенчато-шнуровым орнаментом и обломки обгоревших деревянных изделий (Викторова В. Д., 1969, с. 14). В Зауралье, кроме того, исследованы Тынское и Туманское костыща на Тавде, в ареале памятников тынского типа (Викторова В. Д., 1969, с. 15), представляющих собой локальный вариант памятников оронтурского этапа Нижнего Приобья. Присутствие костыщ на Туре и Тавде свидетельствует об общем генетическом компоненте населения обоих районов.

Керамика памятников молчановского типа — приземистые круглодонные сосуды, вылепленные из глины с примесью небольшого количества песка. Внешняя поверхность их тщательно заглажена, иногда на

ней имеются тонкие врезанные штрихи-царапины. Внутренняя поверхность заглажена щепкой или пучком травы. Венчики сосудов чаще приострены, реже плоские.

По форме сосуды делятся на два типа: горшки и чаши. Количественно преобладают первые, характеризующиеся прямой, слегка наклоненной внутрь или наружу шейкой и слабопрофилированными плечиками (табл. LXVIII, 19—23). В меньшем числе представлены чашевидные сосуды без выделенной шейки.

Шейка и плечики сосудов орнаментированы оттисками шнура, гребенчатого и фигурных штампов, круглоямочными наколами. Наиболее распространены узоры в виде многорядных поясков шнура и наклонных оттисков гребенчатого штампа. Представлены также узоры в виде елочки, зигзага и решетки, выполненные зубчатым штампом. Оттиски фигурного штампа, уголкового, ромбического, располагаются в шахматном порядке, образуя композиции из горизонтальных поясков и треугольных фигур на плечиках сосудов (табл. LXVIII, 21, 23). Пояски из круглых ямок находятся в верхней, средней и нижней частях шейки.

В орнаментации керамики прослеживаются локальные отличия. На памятниках бассейна среднего течения Туры господствуют узоры из отпечатков шнура и гребенчатого штампа, а оттиски фигурных штампов редки. На Нижней Туре и Тавде выше доля фигурных штампов, чем на среднетуринских памятниках, что объясняется соседством с древностями оронтурского этапа, где орнаментация фигурными штампами была широко распространена (Чернецов В. Н., 1957, табл. XXIII; XXIV).

Исключением являются глиняные сосуды из погребений 7 и 8 Перейминского могильника, пять из которых (табл. LXVIII, 24, 25) имели шаровидное тулово и высокую цилиндрическую или воронковидную шейку (Чернецов В. Н., 1957, табл. XIV). Орнамент, покрывавший двумя зонами шейку вдоль венчика и плечики, состоял из гребенчатой или гладкой насечки, образующих ряды елочки, решетки, ленты наклонных оттисков. Представлены также ряды валиков, имитирующих шнур, и треугольники из наколов концом палочки. Такая керамика не свойственна для лесного Зауралья, и аналогии ей находятся в лесостепи Западной Сибири и Башкирии. Наиболее близка она круглодонным сосудам Бобровского могильника в Павлодарском Прииртышье (Арсланова Ф. Х., 1980, рис. 2—4), а также напоминает посуду памятников кушнаренковского типа Южного Приуралья (Степи Евразии, 1981, рис. 14). Таким образом, сосуды из погребений 7 и 8 Перейминского могильника отражают контакты населения лесного Зауралья с лесостепью.

На поселениях единично встречаются слепленные из глины фигурки людей, изображенных в украшенной орнаментом меховой одежде типа парки (табл. LXVIII, 17). Эти фигурки чаще обнаруживаются на поселениях конца I — начала II тысячелетия н. э. При этом ранние изображения отличаются от поздних большим реализмом.

Вещевой инвентарь с памятников молчановского типа представлен орудиями труда, оружием и украшениями.

Из орудий труда обнаружены железные ножи с прямой спинкой и уступами при переходе от шейки к черешку (табл. LXVIII, 18), а также предметы из кости, имевшие в то время широкое распространение — проколки, кочедыки, ножи для чистки рыбы. Для заточки ножей пользовались оселками из сланца (табл. LXVIII, 15). Многочисленны костяные наконечники стрел. Для них характерно листовидное перо, треугольное или ромбическое в сечении, и плоский черешок. Подобные наконечники бытовали на широкой территории, в том числе известны на северных лесных памятниках оронтурского типа.

Украшения и детали костюма из Перейминского могильника представлены пряжками, браслетами, перстнями, бусами, застежками, бляхами, подвесками.

Пряжки — железные с подпрямоугольной рамкой и бронзовые щитковые (табл. LXVIII, 1, 2, 4). Они аналогичны пряжкам VII—VIII вв., распространены очень широко (Гаврилова А. А., 1965, табл. VIII, 5; XV, 3; Распопова В. И., 1980, рис. 61, 9, 12, 13).

Браслеты двух типов — литые округлые в сечении с утолщениями в середине и на концах (табл. LXVIII, 7) и скрученные из двух витков медной проволоки (табл. LXVIII, 9). Браслеты первого типа известны в комплексах конца VII—IX вв. на обширном пространстве от Енисея до Приуралья и на Кавказе (Распопова В. И., 1980, с. 114; Голдина Р. Д., 1979, рис. 1, 169). Витые провололочные браслеты также представлены в памятниках этого времени других регионов (Голдина Р. Д., 1979, рис. 1, 151). Перстни, колесовидные застежки и двудисковые бляхи (табл. LXVIII, 5, 6, 8, 16) находят аналогии в основном в памятниках Южного Приуралья VII—IX вв. и более западных районов и в древностях молчановского типа являются, очевидно, импортными.

Перстни трех типов — ромбоштитковые, с гнездом для вставки и с имитацией вставки (табл. LXVIII, 6, 8). Такие перстни широко известны в памятниках конца VII—IX в. (Голдина Р. Д., 1979, рис. 1, 149, 164, 209, 266, 267; Мажитов Н. А., 1981, рис. 6, 26; 10, 5).

В. Н. Чернецов указал на импортный характер двудисковых блях (табл. LXVIII, 5) и высказал мнение о возможности их среднеазиатского происхождения (Чернецов В. Н., 1957, с. 175—176). Аналогичные бляхи найдены также в Башкирии в комплексах VIII—IX вв. (Мажитов Н. А., 1981, рис. 40, 15) и в Потчевашских курганах на Иртыше (Heikel A., 1894, pl. X. 7).

Бронзовые колесовидные застежки из Перейминского могильника имеют аналогии в памятниках бахмутинской культуры VI—VII вв. (Степи Евразии, 1981, с. 25, 26, рис. 13. 52).

Коньковая подвеска (табл. LXVIII, 3) из Перейминского могильника, возможно, также имеет приуральское происхождение. Аналогии ей есть в комплексах VII — первой половины VIII в. в Башкирии (Мажитов Н. А., 1981, рис. 7, 4).

Все бусы из памятников молчановского типа импортные. В основном они происходят из Переймин-

ского могильника. Среди них есть круглые и бико-нические из сердолика и хрусталя, а также круглые стеклянные, синие и позолоченные (табл. LXVIII, 12—14). Набор их характерен для комплексов VI—IX вв. На Молчановском городище найдена круглая желтая бусина с сине-коричневыми глазками и коричневыми ресничками. Аналогичные бусы в других регионах датируются VIII—IX вв. (Деопик В. Б., 1961, с. 223).

К предметам среднеазиатского импорта относится сасанидское серебряное блюдо III—VII вв., найденное близ г. Ирбита (Смирнов Я. И., 1909, табл. LIX, рис. 93).

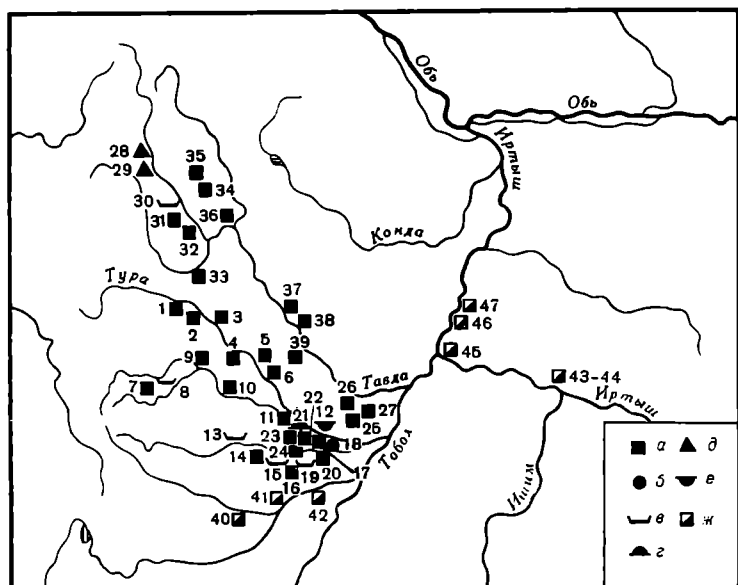
Вещевые материалы позволяют датировать Перейминский могильник VII—VIII вв., а памятники молчановского типа в целом относить к VII—IX вв.

Хозяйство населения было, видимо, многоотраслевым, что обусловлено положением региона Туры у южной кромки тайги, в пограничье с лесостепью. Прямых свидетельств земледелия нет. О занятии скотоводством говорят находки костей лошади на поселениях. Однако представить соотношение охоты и скотоводства трудно, поскольку количество изученного остеологического материала очень невелико. На Дуванском I городище обнаружены кости четырех особей лошади и одной особи лося. На поселениях Дуванском IIa и Придуванском I встречены останки двух особей лошади в каждом (Морозов В. М., 1982, с. 138).

Существовали различные обрабатывающие производства, в том числе металлургия. На возвышенности возле городища Андрюшин Городок обнаружено скопление шлаков и железной руды, бурого железнняка, месторождение которого находится рядом, в Андреевском озере (Чернецов В. Н., 1957, с. 28—29). Очевидно, здесь производилась выплавка железа.

Судя по разнообразию вещевого комплекса и облику керамики, население находилось в сфере активных внешних контактов. Вещи западного происхождения указывают на связи с Приуральем. Находки высокогорных кувшинов в погребениях 7 и 8 Перейминского могильника свидетельствуют о взаимоотношениях с населением лесостепи, а штамповая орнаментация керамики определенно говорит о присутствии в этносе северного, лесного компонента, родственного населению, оставившему памятники оронтурского типа в Нижнем Приобье.

В формировании древностей молчановского типа В. Д. Викторова усматривает три компонента (Викторова В. Д., 1969, с. 15): местный (лесной) с фигурно-штамповой керамикой туманского типа, лесостепной с гребенчато-жемчужной орнаментацией глиняной посуды, истоки которой прослеживаются в Козловском могильнике (Чернецов В. Н., 1957, с. 162—166), и пришлый, со шнуровой орнаментацией сосудов, который в конечном итоге сыграл определяющую роль. Памятники молчановского типа отражают процесс распада этнической общности обских угров и выделение из ее состава в последней четверти I тысячелетия н. э. в Туринско-Тавдинском районе предков манси (Могильников В. А., 1974а, с. 71).

Карта 31. Распространение памятников юдинской культуры

а — городище; б — селище; в — грунтовый могильник; г — курганный могильник; д — жертвенное место; е — клад; ж — присутствие керамики юдинской культуры в инокультурных комплексах; 1 — Санкино; 2 — Куртумово; 3 — Мишино; 4 — Петрово; 5 — Андроновово; 6 — Городище; 7 — Ирбит; 8 — Ирбитское озеро; 9 — Юдино; 10 — Боровиково; 11 — Липчинка; 12 — Молчаново; 13 — Пылаево; 14 — Мохирево; 15 — Демино; 16 — Малахово; 17 — Дуванское I; 18 — Придуванское I; 19 — Урачкино; 20 — Богандинское; 21 — «Загородный сад» г. Тюмени; 22 — Андреевское III; 23 — Андреевское IV; 24 — Андрюшин Городок; 25 — Ипкуль XIII; 26 — Барсучье; 27 — Ключи; 28 — Лаксейская пещера; 29 — Шайтанская пещера; 30 — Ликино, могильник; 31 — Ликино городище; 32 — Синдейское II; 33 — Оськино; 34 — Заозерное I; 35 — Заозерное II; 36 — Золотая Горка; 37 — Городокское I; 38 — Городокское II; 39 — Галкина; 40 — Большое Бакальское; 41 — Мураинское; 42 — Колово; 43 — Новоникольское I; 44 — Новоникольское IV; 45 — Потчевашское; 46 — Уки II; 47 — Уки I

Юдинская культура

Памятники юдинского типа получили название по Юдинскому городищу на р. Нице (бассейн Туры), где вскрыт ряд жилищ и получен выразительный комплекс вещего материала этой культуры (Викторова В. Д., 1968, с. 240–256; 1969, с. 16–18). Территория юдинской культуры занимает среднюю часть лесного Зауралья в бассейнах рек Туры и Тавды (карта 31). На севере и северо-востоке от этого региона располагаются памятники кинтусовского этапа нижнеобской культуры, на востоке — усть-ишимская культура, на юге — бакальская культура, занимавшая лесостепное Зауралье в бассейне Исети, а на западе — памятники петрогромского типа восточных склонов горного Урала.

В целом памятники юдинской культуры изучены неравномерно. Наиболее хорошо исследован район среднего течения Туры, где представлены поселения, могильники, а также жертвенные места.

Большинство поселений — городища площадью от 440 до 800 кв. м. Реже встречаются более крупные, размерами 1200–3000 кв. м. В среднем течении Туры городища размещаются в 20–30 км друг от друга. Они расположены по берегам рек, старичных и больших проточных озер, на высоких мысах, повышениях террас, останках коренного берега и на относительно низких боровых террасах. Мысовые

городища защищены валом и рвом с напольной стороны, а городища на возвышениях террас окружены кольцевым валом и рвом. Высота вала от дна рва на Богандинском городище достигает 4 м (Чернецов В. Н., А-1952, с. 3). В отдельных случаях (Оськино, Барсучье, Ипкуль XIII и др.) прослежена дополнительная подсыпка площадки городища в высоту до 2 м (Могильников В. А., Овчинников Б. Б., 1976, с. 89).

При устройстве укреплений применяли деревянные конструкции. На Юдинском городище вал имел обрамление в виде срубов шириной до 3 м. Перед валом был ров шириной 2–3 м, а на дне его — частокол в два ряда бревен (Викторова В. Д., 1968, с. 242). Укрепления периодически подновлялись.

На площадках городищ прослеживаются впадины от жилищ. На малых городищах (площадью до 800 кв. м) находилось четыре — пять жилищ, а на крупных — до семи — десяти и более. Остатки жилищ исследованы на городищах Юдинском, Андреевском III, Ликинском, Андроновском, Дуванском I, поселении Дуванском IIa. На городищах с кольцевым валом (Юдинском, Дуванском I и др.) жилища располагались параллельно валу и выходами были обращены к центру площадки (табл. LXIX, 2). Конструкция и планировка жилищ в основном унаследована от домостроительства предшествующего периода в данном районе.

Существовали летние жилища, устраивавшиеся преимущественно на местах сезонных промыслов, и зимние — на постоянных поселениях. Площади большинства исследованных жилищ колеблются в пределах 25–45 кв. м. Они делятся на три типа — шатровые полуземлянки, срубные дома с незначительно врезанным в грунт основанием и сезонные наземные жилища столбовой конструкции. Зимними жилищами служили шатровые полуземлянки и срубные дома, которые, вероятно, в это время начинают распространяться в Приобье.

Первый, наиболее древний тип жилищ в виде шатровой полуземлянки изучен на Андреевском III городище (Соколова З. П., 1957, с. 95, 96). Такие постройки имели неглубокий прямоугольный котлован с шатровым перекрытием, поддерживаемым центральными опорными столбами. Вдоль стен жилищ устраивались земляные нары, а в центре открытые костровые очаги. В последней четверти I тысячелетия наряду с ними стали сооружать чужалы. Из жилищ вел коридорообразный выход, находившийся посредине торцевой стенки или возле угла.

Второй тип жилища в виде почти квадратного наземного сруба исследован на Юдинском городище (табл. LXIX, 6), где от постройки сохранились остатки обгоревших бревен (Викторова В. Д., 1968, с. 242). Пазы сруба промазывались глиной. Куски обмазки найдены по обе стороны от обгоревших бревен сруба. Перекрытие делалось из досок и сверху засыпалось землей. Жилище имело коридорообразный выход, который также перекрывался досками. Вдоль стен дома находились деревянные нары, промазанные глиной, а в углах — два глинобитных очага подпрямоугольной формы и хозяйственная яма. Очаги, были, видимо, типа чужалов.

Наземное жилище столбовой конструкции открыто на поселении Дуванское IIa. Размеры постройки

5,2×6 м, центральная часть ее размерами 4×4,7 м была углублена на 0,15–0,2 м. В ней ближе к восточному углу, находился округлый глинобитный очаг диаметром 1,7 м, а у юго-западной стенки — глиняная обмазка. Около углов и очага располагались ямы от столбов, крепивших конструкцию стен и кровли. Возвышения по периметру могли служить нарами. Снаружи стены были присыпаны землей, взятой рядом, отчего сохранились ямы вокруг остатков постройки (Морозов В. М., 1982, с. 128, рис. 1, Г5).

На поселениях выявлены также легкие летние наземные жилища каркасной конструкции вроде чума. Такую постройку представляло, вероятно, жилище 3 городища Дуван I (табл. LXIX, 3), у которой следы опорных столбов отсутствуют (Морозов В. М., 1982, с. 127, рис. 1, Г3).

В целом развитие домостроительства в конце I — начале II тысячелетия н. э. шло по пути уменьшения глубины котлована и совершенствования конструкции срубных построек. Все названные типы жилищ (в виде шатровой полуземлянки, срубного дома, каркасной постройки с досчатыми стенами и легкой — в виде чума) сохранились у обских угров до XVIII–XIX вв. (Соколова З. П., 1957, с. 105; 1959, с. 24).

Находки в жилищах концентрируются в основном возле очагов. Там же обнаруживаются скопления керамики, костей животных и чешуи рыб.

К погребальным памятникам X–XIII вв. относятся могильники Ликинский, Пылаевский, Деминский, Урачкинский и на Ирбитском озере. Все они грунтовые и располагались на высоких открытых мысах. Обряд погребения выявлен преимущественно на Ликинском могильнике (табл. LXIX, 4, 5, 7–11), где вскрыто около 40 погребений (Викторова В. Д., 1968, с. 242–245; 1973, с. 133–168). Остальные могильники (Викторова В. Д., 1969, с. 68; 1973, с. 152) или разрушены (Деминский, на Ирбитском озере) или слабо исследованы (Пылаевский — шесть погребений; Урачкино — остатки кремаций, аналогичных погребениям Ликинского могильника, и две ямы с прокаленным песком и угольками, в которых, возможно, производилась кремация).

В южной части ареала юдинской культуры, возможно, были также и курганные могильники. Об этом свидетельствуют находки в разрушенных курганах на Ирбитском озере и в «Загородном саду» в Тюмени типичных для этой культуры вещей — пряжек с зооморфными изображениями (Берс Е. М., 1959, рис. К, № 186), медных котлов и блях с гравировкой (Чернецов В. Н., 1957, с. 243, 244, табл. XLIX, 1, 2; Л, 1).

Ликинский могильник находится в бассейне верхнего течения Тавды, на северо-западной периферии ареала юдинской культуры, поэтому прослеженные здесь особенности ритуала распространять на всю территорию культуры можно лишь с осторожностью.

По типам погребений площадь могильника делится на три части, показывающие развитие погребального ритуала от захоронений с кремацией к ингумации.

К X–XI вв. относятся трупосожжения, раскопанные в южной части могильника. Сожжение умерших производилось на стороне. С местами кремации, возможно, связаны выявленные на могильнике пятна

прокала, а также ямы, заполненные прокаленным песком. Погребения в виде липовидных пятен, от совсем небольших, меньше 1 кв. м, до 6 кв. м при толщине до 3–5 см, с кусочками кальцинированных костей обнаруживались сразу под дерном, на глубине 5–10 см от поверхности почвы. Под некоторыми (большими) скоплениями расчищены лунки глубиной до 18 см от поверхности, также заполненные кусочками кальцинированных костей с включениями угольков и золы (табл. LXIX, 5). Среди костей попадались целые или сломанные вещи, а также обожженные зубы лошади. Из вещей представлены калачевидное кресало (табл. LXX, 19), серьги с гроздевидными концами (табл. LXXI, 18), витые браслеты (табл. LXXI, 2, 3), двусоставные бубенчики (табл. LXXI, 17). Таких погребений обнаружено 10. В двух могилах найдены целый сосуд и обломки другого. Второй тип погребений (13 могил XI–XII вв.) представлены захоронениями остатков кремации в овальных ямах глубиной 15–25 см и размерами от 0,9×0,3 до 4,9×0,7 м, размещенных без определенного порядка. Кусочки кальцинированных костей и вещи помещались в центре или у торцов могил в небольших лунках (табл. LXIX, 9, 11). В заполнении ям всегда имеются угли, встречаются также зубы лошади. Рядом с ямами располагаются сильно прокаленные пятна песка с глиной. Ориентировка неустойчива: шесть погребений ориентированы с востока на запад, четыре — с юга на север с небольшими отклонениями. Вещи часто преднамеренно сломаны.

Среди инвентаря имеются ножи с бронзовыми рукоятками с зооморфным навершием (табл. LXX, 13–15), серьги с напускными бусинами (табл. LXXI, 8), грушевидные бубенчики с крестовидной прорезью (табл. LXXI, 16), простые и шумящие пронизки (табл. LXXI, 26), которые по аналогии датируются XI–XII вв. (Викторова В. Д., 1968, с. 244). Глиняные сосуды обнаружены в четырех погребениях.

Третий тип погребений — трупоположения (16 погребений Ликинского, 6 — Пылаевского могильников), которые в XI–XII вв. сменяют кремационные захоронения (табл. LXIX, 8–10). В Ликинском могильнике погребения с трупоположениями группировались в два ряда в северной части памятника, в отличие от захоронений с кремациями, занимавших его южную часть. При этом в южном ряду, прилежащем к погребениям с кремацией второго типа, ориентировка трупоположений разнообразна. В северном ряду (девять погребений) она стабилизируется: умершие лежат головой на юг с небольшим отклонением к востоку. В противоположность этому погребенные в Пылаевском могильнике обращены головой на запад — юго-запад.

Захоронения совершены в овальных ямах размерами, несколько превышающими величину тел погребенных, глубиной 0,20–0,45 м. Умершие были помещены в деревянные гробовища или завернуты в бересту. Большинство их уложено вытянуто на спине; руки лежали вдоль туловища или были согнуты в локтях и обращены кистями к лицу. Отдельные погребенные были сильно скорчены, возможно, даже связаны, и лежали на боку или находились в полусидячем положении. Большая роль

отводилась культу огня — скелеты частично обожжены, на краях большинства ям имелись прокаленные пятна, а могильные ямы были засыпаны землей вперемешку с обгоревшим хворостом. На некоторых скелетах сохранились остатки меховой одежды. В погребениях находят целые вещи, в засыпке могильных ям и рядом с ними — поломанные.

В могилах с труположениями представлен ряд вещей, отсутствовавших в захоронениях с кремациями: топоры секировидной формы, наконечники копий, плоские ромбические наконечники стрел с узелком, ножи с широким клинком и коротким черенком, трехбусинные серьги, крестовидные бляшки (табл. LXX, 3, 16, 22, 23; LXXI, 9, 34). Около половины погребений содержали глиняные сосуды или их обломки, находившиеся в могиле или рядом с ней.

С труположениями связаны углистые скопления, в которых найдены обломки конских обожженных черепов и отдельные вещи. Вне погребений встречаются также преимущественно сломанные вещи: глиняные сосуды, бронзовые котелки, браслеты, перстни, бляшки шумящие подвески.

Размещение вещей при костях в основном соответствует месту ношения их при жизни. Серьги и височные кольца находились возле черепа, а несколько ниже располагались бронзовые пронизки и металлические бусы, которые, возможно, вплетались в волосы и украшали шею. Стекланные бусы (по одной-две) обнаружены только в засыпке могильных ям. Металлические пуговицы лежали по оси скелетов, от шеи до колен. В области груди помещались шумящие и простые пронизки, бубенчики, шумящие и зооморфные подвески, а пряжки в области пояса, где также находились положенные с правой или левой стороны ножи и наконечники стрел. По наблюдению В. Д. Викторовой (Викторова В. Д. А-1969, с. 274, 275; 1973, с. 148), к поясу прикреплялись кисти пронизок с бронзовыми бусами и зооморфные подвески, а нижние полы одежды украшались бубенчиками, крестовидными бляшками, бронзовыми бусами. При наличии браслетов на обеих руках они были изготовлены в одной литейной форме. Пуговицы в погребении обычно тоже имели одинаковый рисунок, а подвески — чаще один сюжет. Состав украшений в мужских и женских погребениях почти одинаков.

У погребений трех названных типов существуют общие черты, объединяющие их. Это прежде всего большая роль культа огня — погребения первых двух типов совершены по ритуалу кремации, а в захоронениях третьего констатируется обжигание умерших. Погребения второго и третьего типов объединяют также устройство костров на краях могильных ям и обычай ссыпания углей их костра в заполнение могилы. Общим для погребений всех трех типов является и обычай ломать часть вещей перед помещением их в могилы или рядом с ними. В погребениях всех типов прослеживается также культ коня: обожженные зубы лошади находят среди кальцинированных костей человека в трупосожжениях первого типа и в заполнении могильных ям с кремацией второго, а также среди углистых скоплений, относящихся к погребениям с труположениями.

Прослеженный в могильниках лесного Зауралья

X—XIII вв. погребальный ритуал в целом своеобразен и отличен от обрядов соседних культур. Параллели прослеживаются только по отдельным чертам ритуала. Сочетание трупосожжения и труположения в то время представлено в вымской культуре (Савельева Э. А., 1971, с. 45, 163). Скорченное положение отдельных погребенных наблюдается в могильнике Барсов Городок в Нижнем Приобье (Агне Т. J., 1935, Fig. 3). Культ коня, использование огня в ритуале, помещение некоторых вещей вне могилы и порча части их, пробивание дна у сосудов известны также у племен потчевашской и усть-ишимской культур.

Жертвенные места населения юдинской культуры почти не исследованы. Предположительно с ними могут быть связаны находки краеведами в Шайтанской и Лаксейской пещерах близ г. Ивдель бронзовых пуговиц, шумящих подвесок и зооморфных изображений (Берс Е. М., 1948, с. 52—55, рис. 1; Чернецов В. Н., 1957, с. 209—212). В. Н. Чернецов отмечает, что весь пол Шайтанской пещеры был покрыт костями, преимущественно медвежьими, оленьими и конскими, а в передней ее части, у стены, находилось обширное кострище. Эти находки В. Н. Чернецов сопоставляет с обрядами манси при символическом погребении убитого медведя и связанными с этим жертвоприношениями коня или оленя и приношениями медных пуговиц, монет, кусочков тканей (Чернецов В. Н., 1957, с. 211).

Керамика лесного Зауралья X—XIII вв. изготовлена из хорошо промытой глины с примесью песка. Внешняя поверхность ее заглажена со следами тонких штрихов. На внутренней поверхности имеются штрихи от заглаживания пучком травы. Сосуды круглодонны, слабопрофилированы, приземисты. По форме они делятся на два типа. Количественно преобладают горшковидные сосуды, характеризующиеся прямой вертикальной, слегка вогнутой внутрь или отогнутой наружу шейкой, слабо выраженными плечиками, плавно переходящими в округлое тулово, по конфигурации близкое полушаровидному (табл. LXX, 27, 29—31, 35). В небольшом числе представлены острореберные сосуды (табл. LXX, 33). Второй тип образуют сосуды чашевидной формы без выделенных плечей с вертикальной шейкой, переходящей в полушаровидное тулово (табл. LXX, 32).

Орнамент покрывает венчик, шейку и плечики, редко спускается на тулово. Он выполнен оттисками шнура, гребенчатого штампа, изредка — гладким штампом и защипами (табл. LXX, 27, 29—35). Абсолютное большинство сосудов имеет пояс из круглых ямок вдоль венчика. Горизонтальные пояски из отпечатков шнура по шейке являются распространенным и специфическим видом орнамента, отличающим керамику лесного Зауралья от посуды других синхронных культур Западной Сибири. Пояски из отпечатков шнура обычно сочетаются с рядами из наклонно поставленных оттисков мелкозубчатого штампа (табл. LXX, 29, 33). Реже ряды из оттисков штампа образуют фигуры в виде решетки, зигзага, взаимопроникающих треугольников (табл. LXX, 30, 31, 34). В последнем случае можно говорить о влиянии керамики оронтурского этапа Нижнего Приобья, в которой узоры типа взаимо-

проникающих треугольников были широко распространены (Чернецов В. Н., 1957, табл. XIX, 1, 2; XXVII). Узоры из зазипов редки и располагаются на тулове сосуда (табл. LXX, 31).

Следует отметить, что орнамент в виде рядов оттисков зубчатого штампа и пояски ямок вдоль венчика сближает керамику юдинской культуры с другими культурами лесной полосы Западной Сибири того времени, а узоры в виде оттисков шнура являются специфичными для зауральского этнокультурного ареала, в свою очередь объединяющими его с культурой населения горного Урала второй половины I — начала II тысячелетия н. э., комплексами типа Петрогром и Голый Камень, которым также свойственна шнуровая орнаментация керамики (Берс Е. М., 1963, рис. 25, 1).

В составе керамики юдинской культуры В. Д. Викторова (Викторова В. Д., 1968, с. 246, 248) выделяет заозерный тип (группу), локализуемый на памятниках верхнего и среднего течения Тавды, некоторые черты своеобразия которого обусловлены соседством и участием в генезисе юдинской культуры населения Нижнего Приобья.

В X—XIII вв. глиняные сосуды начинают заменяться клепаными медными котлами с железными ушками для крепления дужки (табл. LXX, 36). Два таких котла найдены в кургане в «Загородном саду» г. Тюмени, а обломки еще четырех — в Ликинском могильнике (Викторова В. Д., 1968, с. 252).

Кроме того, на памятниках лесного Зауралья зафиксировано семь фигурок сидящих людей, вылепленных из глины (табл. LXX, 28). Лицевая часть фигурок покрыта орнаментом из оттисков мелкого гребенчатого штампа, кружочков и вмятин, имитирующих украшение и покррой одежды с треугольным вырезом (Мошинская В. И., 1959, с. 180, 181, рис. 64; Викторова В. Д., 1968, с. 248—249, табл. III, 2). По мнению В. И. Мошинской (Мошинская В. И., 1959, с. 183), эти фигурки служили игрушками. В. Д. Викторова (Викторова В. Д., 1968, с. 249) считает, что они имели какое-то религиозное значение, были связаны с очагом или хранительницей очага.

Помимо лесного Зауралья, аналогичные фигурки обнаружены на ряде памятников Нижнего Приобья конца I — начала II тысячелетия н. э. (карта 32) (Федорова Н. В., 1979а, с. 145—151). Это обстоятельство, наряду с отмеченными особенностями керамики, является еще одним фактом близости культур населения лесного Зауралья и Нижнего Приобья. Находка двух подобных фигурок на Родановском городище (Мошинская В. И., 1959, рис. 65, 1, 3), вероятно, отражает контакты предков коми-пермяков Прикамья с уграми Зауралья.

Вещевой комплекс с памятников юдинской культуры включает орудия труда, оружие и украшения. Часть из них местного производства, часть — импортные, в том числе значительное количество вещей славянского и приуральского происхождения. Ряд вещей специфичен для культур лесного Зауралья и Среднего Приобья.

Орудия труда представлены топорами, ножами, предметами ловли рыбы и охотничьего промысла.

Топоры железные, проушные, секировидной формы, с опущенным лезвием и выемкой у шейки

(табл. LXX, 16). Четыре экземпляра таких топоров найдены в Ликинском могильнике (Викторова В. Д., 1973, с. 155), один происходит с городища Тан-Варуп-Эква на смежной территории Нижнего Приобья (Чернецов В. Н., 1957, табл. XXXIV, 3). Это рабочие топоры. Похожие топоры были распространены в X—XIII вв. в лесной полосе у славянского и финно-угорского населения Восточной Европы от Новгородской земли до Прикамья (Колчин Б. А., 1958, с. 98; Алешковский М. Х., 1960, с. 74, тип. Л; Матвеев С. Г., 1929б, с. 23; Седов В. В., 1982, табл. LVII, 8, 13) и являлись изделиями древнерусских кузнецов. В Западной Сибири они обнаружены только на территории, прилегающей к Уралу, и попали сюда, в Зауралье, очевидно, опосредованно — через Прикамье.

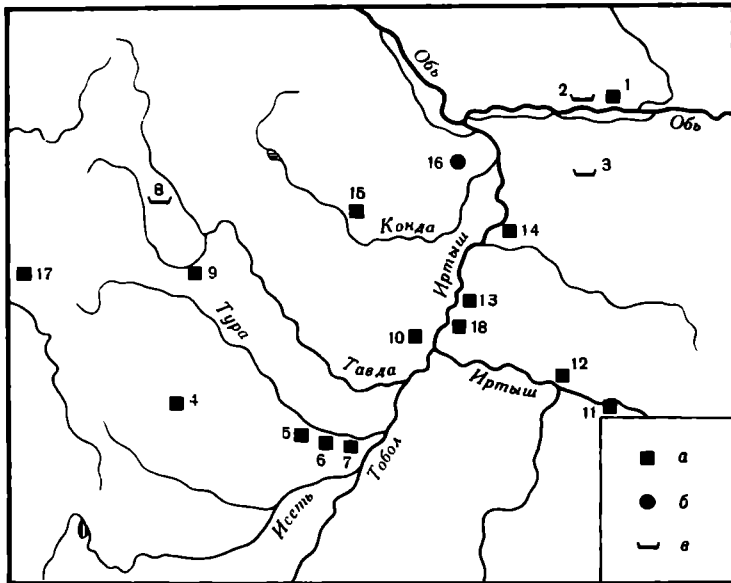
Для обработки дерева, и, возможно, для разрыхления земли употреблялись втульчатые тесла-мотыжки (табл. LXX, 17), подобные бытовавшим в других районах лесного Приобья. Такое тесло-мотыжка найдено в Пылаевском могильнике (Кутаков Ю. М., А-1963, рис. 8, 5).

Железные ножи принадлежат к двум типам (Викторова В. Д., 1973, с. 155). К первому относятся ножи с плавным или отлогим коленчатым переходом от спинки клинка к черенку и сравнительно длинным черенком (табл. LXX, 24). Второй тип объединяет ножи с более широким клинком, коротким черенком и резким коленчатым или прямоугольным уступом при переходе от спинки к черешку (табл. LXX, 23). Лезвия ножей обычно сильно сточены. Такие ножи в X—XIII вв. широко употреблялись на территории от Приобья до Новгорода (Чернецов В. Н., 1957, с. 147, рис. 4, 2; табл. XLVIII, 3), и при этом первый тип датируется в основном XI—XII вв., а второй — с XIII в. (Колчин Б. А., 1959, с. 48—51). Вероятно, эти ножи в Зауралье также импортные, возможно, славянского производства.

Часть ножей или кинжалов имели бронзовые литые рукоятки, украшенные зооморфным навершием и орнаментом в виде жемчужин, имитации шнура, валиков (табл. LXX, 13—15). В лесном Зауралье такие рукоятки обнаружены в Ликинском и Пылаевском могильниках (Викторова В. Д., 1973, с. 156). Известны они и на памятниках лесного Прииртышья (Могильников В. А., 1970а, рис. 27), Нижнего и Сургутского Приобья конца I — начала II тысячелетия н. э. (Чернецов В. Н., 1957, табл. VII, 4), а также в Прикамье (Спицын А. А., 1902, табл. III, 18, 22; XXIII, 3). Область распространения (карта 33), характер орнамента и стиль зооморфных фигур на навершиях, идентичных бронзовым зооморфным фигурам лесного Зауралья, позволяют считать эти рукоятки продукцией местных, зауральских мастеров-литейщиков.

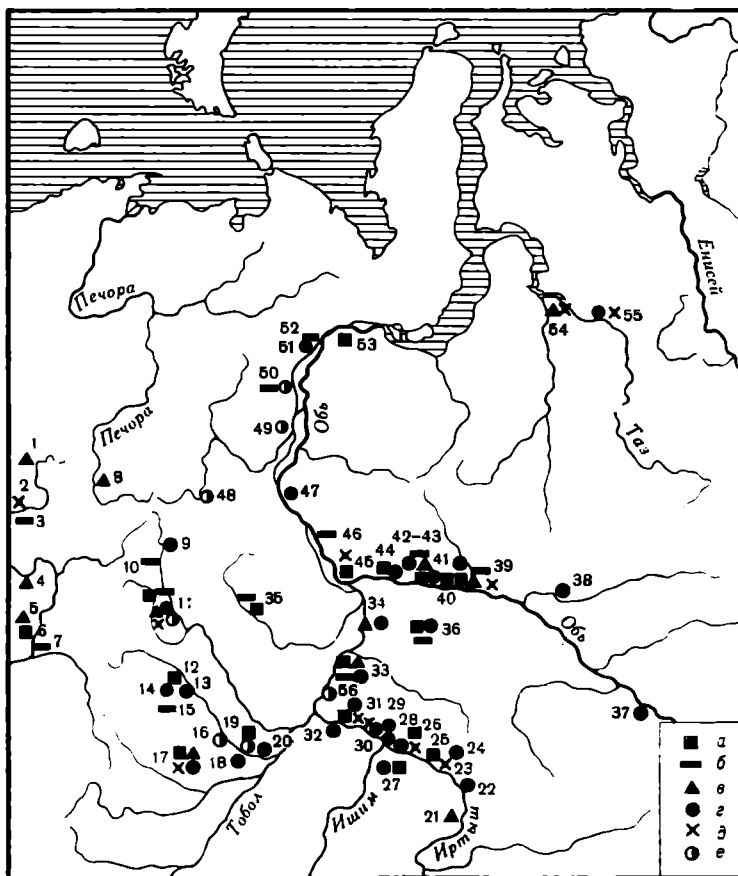
Наряду с железными в быту пользовались костяными ножами, подобными орудиям, применявшимся обскими уграми для чистки рыбы (табл. LXX, 26). Их делали из заточенного или заполированного ребра или обломка трубчатой кости. Кроме того, из кости изготавливали кочедыки и шилья (табл. LXX, 12), вязальные иглы.

Для лова крупной рыбы служили костяные гарпунные наконечники и железные крючки (табл. LXX,

Карта 32. Распространение глиняных антропоморфных фигурок

а — городище; б — селище; в — могильник; 1 — Барсов Городок I/31; 2 — Барсов Городок II; 3 — Кинтусово; 4 — Юдино; 5 — Жилье; 6 — Андреевское IV; 7 — Дуванское I; 8 — Лирино; 9 — Махтыли; 10 — Базабырь; 11 — Кипо-Кулары; 12 — Новоникольское I; 13 — Кошелево; 14 — Рачево II; 15 — Карым; 16 — Согом; 17 — Родавово; 18 — Уки II

Карта 33. Распространение бронзовых вещей обско-угорских типов

а — браслеты с зооморфными изображениями; б — пряжки с зооморфными изображениями; в — рукояти ножей с зооморфными наверхшими; г — бронзовые пуговицы; д — крестовидные бляшки; е — круглые листовидные бляхи-подвески с гравировкой и рельефным узором; 1 — Веслянский I могильник; 2 — могильник Гидсайнт; 3 — Сольвычегодский уезд; 4 — Ха-

10, 11), идентичные использовавшимся в других районах Западной Сибири того времени.

Основным оружием и орудием охоты являлся лук со стрелами. Деталей лука не сохранилось. Наконечники стрел железные и костяные, черешковые, разнообразные по форме (табл. LXX, 1–9). Среди костяных наконечников представлены экземпляры с плавным переходом от пера к черешку и с уступом, шипастые, трехгранные, трапециевидные и ромбические в сечении. Железные наконечники — плоские, с ромбической и подтреугольной головкой, с шипами и без шипов, в основном аналогичные происходящим с памятников культур лесного Приобья X–XIII вв. (Чернецов В. Н., 1957, табл. XLIII, 4, 7, 8; Arne T. J., 1935, Fig. 70). Употреблялись также плоские трапециевидные срезы (табл. LXX, 5), широко распространившиеся в XIII–XIV вв. у кочевников степей Евразии (Степи Евразии, 1981, рис. 73, 26).

К предметам обихода относятся железные кресала двух типов: калачевидные (табл. LXX, 19) и пластинчатые с овальной прорезью (табл. LXX, 20). Кресала первого типа находят аналогии в новгородских древностях X–XII вв. (Колчин Б. А., 1958, рис. 4), пластинчатые кресала датируются XII–XIII вв. на обширной территории от Новгорода до Прикамья (Колчин Б. А., 1958, с. 98, 99; Голубева Л. А., 19646, с. 132). Часть кресал имела наверхшия в виде коньков (табл. LXX, 25).

Предметы вооружения включают также наконечники копий. Два наконечника с пером листовидной формы (табл. LXX, 22) и ромбические в сечении обнаружены в Ликинском могильнике (Викторова В. Д., 1973, с. 155). Подобные копья встречены в комплексах Прикамья IX–X и XII–XV вв. (Оборин В. А., 1953а, табл. I, 11; 1956).

Детали одежды и украшения представлены бронзовыми и железными пряжками, бляшками-накладками от поясных наборов, бронзовыми круглыми бляшками-пуговицами с петлей на обороте, браслетами и перстнями, серьгами, лунницами, бубенчиками, бусами, шумящими подвесками (табл. LXXI).

Железные рамчатые пряжки прямоугольной формы и бронзовые округлые и овальные (табл. LXXI, 28)

рино; 5 — Кырымское городище; 6 — Зародята; 7 — Гляденовское городище; 8 — Подчеремский клад; 9 — Шайтанская пещера; 10 — окрестности Ивделя; 11 — Ликинский могильник; 12 — Левская; 13 — Петровское городище; 14 — Юдинское городище; 15 — курган на Ирбитском озере; 16 — курган в «Загородном саду» г. Тюмени; 17 — Пылаевский могильник; 18 — Деминский могильник; 19 — Молчановский клад; 20 — Урачкинский могильник; 21 — Ирчинский могильник; 22 — р. Тара у д. Малые Мурлы; 23 — могильник Арганз; 24 — могильник Имшегал; 25 — бывш. Тарский округ; 26 — Аксеновский могильник; 27 — Эбаргульский могильник; 28 — Усть-Ишимский могильник; 29 — Новоникольский могильник; 30 — Новоникольское I городище; 31 — Мало-Бичинский могильник; 32 — Карагайские юрты; 33 — Рачевское II городище; 34 — Горноправдинск (бывш. Филинское); 35 — Кондировские; 36 — Кинтусовский могильник; 37 — Тискинский могильник; 38 — р. Вах; 39 — могильник Барсов Городок; 40 — городище Барсов Городок I/14; 41 — клад с Барсовой Горы; 42 — Сайгатинский могильник; 43 — Кучуминское V городище; 44 — могильник Ленк-Понк; 45 — могильник Уна-Пай; 46 — р. Обь; 47 — городище Шеркалы I; 48 — р. Сосьва; 49 — Березово; 50 — жертвенное место Яллинг-Нед; 51 — жертвенное место и городище Лор-Вож; 52 — Хара-Пасд; 53 — Ишварские; 54 — зимовье Мамеева; 55 — Тавовская мастерская; 56 — Уки I

принадлежат к типам, бытовавшим на широкой территории. Наряду с ними есть пряжки с зооморфными изображениями, цельнолитые и с подвижным приемником (табл. LXXI, 37, 41). Три такие пряжки происходят из Ликинского могильника и две из разрушенного кургана на берегу Ирбитского озера. (Викторова В. Д., 1973, с. 166; Берс Е. М., 1959, с. 52, рис. К, № 186). Подобные им известны в памятниках Нижнего Приобья (Чернецов В. Н., 1957, табл. XXXII, 2, 3; рис. 15, 2, 3; Arne T. J., 1935, Fig. 57, 145, 150, 156) и в двух экземплярах — в Прикамье (Анучин Д. Н., 1899, рис. 67; Asprelin I. R., 1877, Fig. 528). Стиль изображения зооморфных фигур на пряжках, наличие мотива в виде головы медведя, лежащей между лап, а также локализация находок указывают на зауральское, приобское происхождение этих изделий (карта 33).

Для украшения, вероятно поясных ремней, служили бронзовые накладки прямоугольной, сердцевидной, круглой и ромбовидной форм, украшенные растительным орнаментом и насечками (табл. LXXI, 29—31). Прямоугольные, сердцевидные и округлые накладки по формам и орнаменту генетически связаны с гарнитурой поясных наборов сrostкинской культуры IX—X вв. (Степи Евразии, 1981, рис. 27, 15, 16, 21) и в начале II тысячелетия н. э. очень широко употреблялись. Украшениями служили также бронзовые накладки крестовидной формы (табл. LXXI, 34; карта 33), специфичные для памятников начала II тысячелетия таежного Прииртышья и Нижнего Приобья (Чернецов В. Н., 1957, табл. XXXIII, 7—9; XLV, 19, 20).

К характерным для лесного Зауралья и Нижнего Приобья вещам относятся и бронзовые литые уплощенно-конические пуговицы с перемычкой для пришивания на обороте (табл. LXXI, 38, 39, 42). Наружная поверхность их часто орнаментировалась. В узорах представлены изображения голов медведя, лежащих между лапами, пояска шнура, кружков, полукруглые выемки и др. Помимо формы, об использовании этих предметов как пуговиц говорит расположение их по продольной оси погребений (Викторова В. Д., 1973, с. 148). Специфические для лесных культур Нижнего Приобья бронзовые пряжки с зооморфными изображениями, крестовидные бляшки и пуговицы известны в юдинской культуре в комплексах XI—XIII вв.

Довольно распространенными украшениями были браслеты, изготовлявшиеся из серебра, бронзы и белых сплавов. По форме браслеты делятся на круглопроволочные, витые и пластинчатые. Круглопроволочные браслеты из дрота равномерной толщины и с утончающимися концами (табл. LXXI, 1) известны на широкой территории в большом хронологическом диапазоне. В новгородских древностях браслеты с приостренными концами датируются X—XII вв. (Седова М. В., 1959, с. 249). В юдинской культуре круглопроволочные браслеты представлены в комплексах X—XIII вв. Витые браслеты из сложенной и перевитой проволоки с обрубленными и петлевидными концами встречены в трех экземплярах в Ликинском могильнике (табл. LXXI, 3). Такие же бытовали у славянских племен в XI—XIII вв. (Седова М. В., 1959, с. 247—248; Седов В. В., 1982, с. 178, табл. LIV, 1, 8). В юдин-

ской культуре они, вероятно, являлись импортом с запада.

Пластинчатые браслеты представлены тремя типами. Браслет с чеканным узором в виде мелких треугольников по краю, поперечных полос и крестовидных фигур подобен украшениям новгородских словен XI—XIII вв. (Седов В. В., 1982, табл. LIV, 18) и также, видимо, имеет славянское происхождение. Иного типа серебряный браслет с закрученным концом и с каймой из скани и крупной зерни, найденный в Ликинском могильнике. Пластина его украшена тремя рядами эсвидного чеканного орнамента (табл. LXXI, 4). Подобные браслеты были распространены в XII—XIII вв. от Венгрии до Прикамья (Седова М. В. 1959, с. 253). От западных образцов его отличает большая ширина и эсвидный орнамент, который несвойствен культурам Европейской части СССР, но зато хорошо известен на изделиях из глины, кости и бронзы в лесной полосе Западной Сибири I тысячелетия н. э. (Викторова В. Д., 1970, табл. II; III). Возможно, такие браслеты делали в Зауралье по импортным образцам.

Наиболее распространенными были пластинчатые браслеты, отлитые из белых сплавов местными мастерами. Наружная поверхность их покрывалась рельефным орнаментом из зигзагов, «жемчужин», шнура, каннелюр и зооморфных фигур. Чаще других на концах браслетов изображалась голова медведя, распластанная между лапами (табл. LXXI, 20, 24). В ареале юдинской культуры (карта 31) эти браслеты обнаружены в Молчановском кладе, Ликинском и Пылаевском могильниках — в комплексах XII—XIII вв. (Чернецов В. Н., 1957, с. 221; Викторова В. Д., 1973, табл. XV, 1, 5, 7, 10). Представлены они и в памятниках конца I — начала II тысячелетия н. э. лесного Прииртышья и Нижнего Приобья (Чернецов В. Н., 1957, табл. XXX, 12; XXXI; XXXII, 1, 4; XLIV, 11; рис. 15, 1; Могильников В. А., 19686, рис. 6, 3; Arne T. J., 1935, Fig. 9, 27, 33, 39, 129, 130).

Перстни бронзовые и серебряные найдены в небольшом числе в Ликинском могильнике. Обнаружено пять обломков квадратносердечных с узкими концами серебряных перстней, орнаментированных переплетенным узором, а также бронзовые рубчатый и витой перстни (Викторова В. Д., 1973, с. 163, табл. XV, 2, 3). Все они, видимо, импортированы с запада, из славянских земель. Такие перстни характерны для славянских племен X—XIII вв. (Седов В. В., 1982, табл. XXXVII, 10, 12, 13; Седова М. В., 1959, с. 255—256).

Серьги и височные подвески сделаны из бронзы и серебра с позолотой. По форме они делятся на три основные группы. К первой относятся цельнолитые серьги с гроздевидной подвеской (табл. LXXI, 18). Аналогии им имеются в прикамских древностях конца VIII—IX в. (Голдина Р. Д., 1979, рис. 1, 288). В юдинской культуре они встречены в двух комплексах X—XI вв. Ликинского могильника. Вторую группу образуют серьги из фигурно изогнутой и расплющенной проволоки (табл. LXXI, 19). Такие украшения бытовали у финно-угорского населения Поволжья, Приуралья и Западной Сибири в конце I — начале II тысячелетия н. э. (Архипов Г. А., 1973, рис. 17, 5; Arne T. J., 1935, Fig. 159). В Ли-

кинском могильнике серьги этого типа происходят из комплексов XII—XIII вв.

К третьей группе принадлежат серьги с напускными бусами славянского и болгарского производства XI—XII вв. (табл. LXXI, 8, 9). По происхождению к ним примыкают лунницевидные подвески, украшенные ложной зернью (табл. LXXI, 7, 10), отлитые, вероятно, местными мастерами по привозным образцам. Подобные подвески найдены в могильниках Ленк-Понк и Уна-Пай на Нижней Оби (Чернецов В. Н., 1957, табл. XXX, 3; XLV, 18). Серьги с напускными бусами и подвески с зернью содержат юдинские комплексы XI—XIII вв.

Украшениями служили также бронзовые бубенчики. Первый тип — двусоставные бубенчики желудевидной формы с крестовидной прорезью (табл. LXXI, 17), широко распространенные с конца VIII до XI в. в памятниках степей и лесной полосы Евразии (Евтюхова Л. А., 1948, с. 54; Ляпушкин И. И., 1958, рис. 21; Талицкий М. В., 1940, табл. V, 66). Ко второму типу принадлежат бубенчики грушевидной формы с крестовидной прорезью, представленные в памятниках X—XI вв. (табл. LXXI, 16), к третьему — шаровидные бубенчики со щелевидной прорезью, характерные для XI—XIII вв. (табл. LXXI, 15).

Среди украшений значительное место занимали пронизки со вздутиями и шумящие подвески с основами пластинчатой, арочной, якорьковой и зооморфной формы прикамских типов (табл. LXXI, 22, 26, 27, 36), представленных в комплексах XI—XIII вв.

В погребениях встречено также небольшое число металлических и стеклянных бус. Металлические бусы крупные, украшены рубчатыми валиками и рельефными кружками (табл. LXXI, 13, 14). Все они, видимо, импортные, имеющие славянское происхождение (Викторова В. Д., 1973, с. 163).

Весьма специфичными украшениями являются круглые серебряные и медные пластины, украшенные гравировкой и чеканкой с изображением схематизированных фигур животных, птиц, антропоморфных существ, линейных фигур, с пояском из выдавленных с оборотной стороны валиков или точечных выпуклостей по периметру (табл. LXXI, 43, 44). Они обнаружены в Ликинском могильнике, Молчановском кладе и кургане в «Загородном саду» г. Тюмени (Викторова В. Д., 1973, табл. XIV, 15—18; Чернецов В. Н., 1957, с. 211, табл. XLIX, 1, 2; Л, 1). Большинство их брошено в погребение в поломанном виде. Судя по ушкам, сохранившимся на некоторых экземплярах, бляхи служили подвесками. Одна бляха, но без орнамента, найдена на Новоникольском I городище в лесном Прииртышье, в ареале усть-ишимской культуры. Часть рассматриваемых блях местного производства (табл. LXXI, 44), часть — (табл. LXXI, 43) — импортные болгарского происхождения (Федорова Н. В., 1984, с. 16).

В особую категорию вещей, характерных для лесного Зауралья и имеющих аналогии в памятниках Нижнего и Среднего Приобья и Прииртышья, выделяются зооморфные подвески, отлитые обычно из белых сплавов. По манере исполнения они делятся на объемные, полые и плоские. Для подвешивания объемные фигуры имеют в спинке отверстие, а плоские — ушко. Объемные изображают коня, медведя,

зайца, гуся, лебедя, фантастического зверька с головой утки. Ноги фигурок внизу соединены полоской, орнаментированной насечками (табл. LXX, 25; LXXI, 25, 35, 40). Плоские фигурки представлены изображениями глухаря, отлитыми в двусторонних формах (табл. LXXI, 33) и изображениями рыб и гусиных лапок, выполненными в односторонних формах (табл. LXXI, 11, 12). Для стиля подобных изображений характерны сочетание реализма со схематизмом и большая роль орнаментальных мотивов. Отдельные детали животных и птиц моделированы «жемчужинами», каннелюрами, насечкой. Подвески в виде гусиных лапок отличаются от приуральских большей величиной и вытянутыми пропорциями, а также жемчужным орнаментом т. н. э. выполнен крупными «жемчужинами», что (табл. LXXI, 12). Последний в начале II тысячелетия отличается от мелкожемчужного узора на зооморфных изображениях второй половины I тысячелетия н. э.

Бронзовые литые антропоморфные изображения в юдинской культуре единичны (находка в окрестностях Тюмени), в отличие от культур лесного Прииртышья, Нижнего и Сургутского Приобья, где они обнаружены в большом числе (Конилов Б. А., 1980а, с. 42—58; Чернецов В. Н., 1957, табл. XXXVII, 2; XLII, 10). В Зауралье изображения людей гравировались также на бляхах и зеркалах (Чернецов В. Н., 1957, табл. L, 1, 2).

В целом инвентарь юдинской культуры сочетает вещи различного происхождения, демонстрирующие разнообразные связи ее носителей. По происхождению их можно разделить на четыре группы (Викторова В. Д., 1973, с. 167). К первой относятся вещи, широко распространенные в Сибири и Восточной Европе, — железные ножи, наконечники стрел, кресала, бубенчики, бляшки поясных наборов. Вторую группу образуют вещи славянского происхождения: проушные топоры, витые и, частью, пластинчатые браслеты, перстни, серьги с шаровидными напускными бусами, металлические и стеклянные бусы (табл. LXX, 16; LXXI, 3, 8, 14). Небольшая группа вещей имеет болгарское происхождение. Это серьги с бочонковидными напускными бусами, часть бус подобной формы, бляхи с чеканным орнаментом (табл. LXXI, 9, 13, 43). Значительное количество вещей имеет финно-угорское, преимущественно прикамское, происхождение — шумящие подвески и пронизки, пронизки со вздутиями (табл. LXXI, 22, 26, 27, 36).

Ряд вещей специфичен для лесного Зауралья, Среднего и Нижнего Приобья X—XIII вв. В их числе литые браслеты, пряжки, рукоятки ножей (все с зооморфными изображениями), зооморфные подвески, бронзовые пуговицы, крестовидные бляшки, бляхи с гравированными изображениями (карта 33). При этом следует подчеркнуть, что различия между культурами обских углов лесного Зауралья, Нижнего Приобья и Прииртышья фиксируются по керамике и погребальному обряду, в то время как в предметах бронзолитейного производства сохраняется общность форм и стиля изобразительного искусства. Принимая во внимание относительно большое число находок этих вещей в лесном Зауралье (Викторова В. Д., 1968, с. 253) и наличие

по соседству меднорудной базы Урала, можно полагать, что большинство их, отлитых в лесном Зауралье, распространялось в родственной среде угров Приобья. В этой связи примечательно, что рассматриваемые предметы отсутствуют в культуре самодийского населения Среднего, Нарымского Приобья, что, в свою очередь, позволяет считать их индикаторами культур обских угров.

Шумящие подвески представляют импорт из Приуралья или изготовлены по импортным образцам. Таким образом, вещи из памятников юдинской культуры датируют ее X—XIII вв.

Хозяйство носителей этой культуры было многоотраслевым и, по-видимому, неодинаковым в разных ее районах. В южной части, на Туре, в пограничье с лесостепью, вероятно, заметную роль играло производящее хозяйство. На Тавде, в таежной зоне, ведущее место принадлежало охоте и рыболовству. Прямых свидетельств занятия земледелием не имеется. Только в Пылаевском могильнике найдено железное мотыгообразное орудие, которое могло использоваться для разрыхления земли (табл. LXX, 17). Трудно сделать заключение о соотношении охоты и скотоводства, поскольку остеологические остатки с поселений известны в малом количестве. Население было знакомо с коневодством, и лошадь была наиболее важным животным в стаде, на что указывают находки ее костей на поселениях (Морозов В. М., 1982, с. 138), большая роль культа коня в ритуале погребения, а также изображения лошади в бронзовом литье. В какой-то мере, видимо, разводили крупный и мелкий рогатый скот. На одной пряжке из Ликинского могильника изображена голова быка (табл. LXXI, 37), а на браслете — головы козлов (табл. LXXI, 20). Важное место в хозяйстве занимали охота и рыболовство. Кости и чешуя рыб найдены на ряде поселений. Благоприятные условия для занятия сетевым и запорным рыболовством создавались благодаря расположению поселков близ устьев малых рек. Крупную рыбу ловили при помощи крючковой снасти и стрел с гарпунными наконечниками (табл. LXX, 10, 11), подобными применявшимся хантами и манси для лова рыбы в период нереста (Народы Сибири, 1956, с. 576). На большую роль охоты указывает преобладание представителей дикой промысловой фауны (медведя, косули, зайца, глухаря, гуся, лебедя) среди бронзовых зооморфных изображений. Охотились с помощью лука и стрел с разнообразными костяными и железными наконечниками, а также различных пассивных орудий лова. При охоте на медведя, вероятно, применяли наконечники копий (табл. LXX, 22), которые использовали с этой целью хантам и манси еще в XVIII—XIX вв. (Народы Сибири, 1956, с. 580).

О существовании металлургии свидетельствуют находки на поселениях железных и медных шлаков. На Юдинском городище обнаружена глиняная литейная формочка (Викторова В. Д., 1969, с. 277). Бронзолитейное производство документируют специфичные для лесной полосы Зауралья и Западной Сибири вещи, а также зооморфные изображения, отлитые из белых сплавов.

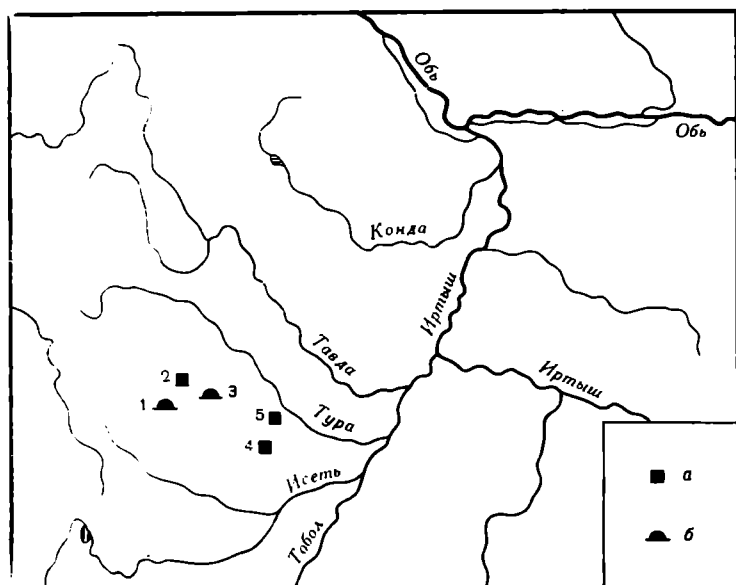
Существовали также различные домашние производства: изготовление глиняной посуды, изделий из

кости, выделка кожи, меха, ткачество и шитье одежды. В Ликинском могильнике найден клад вещей в мешке, шитом из ткани типа грубого холста (Викторова В. Д., 1973, с. 150). Ткани выделывали, по-видимому, из крапивного волокна, использование которого засвидетельствовано у обских угров. Среди вещей с Дуванского I городища известно пряслице (табл. LXX, 18).

Одежду шили из меха и, видимо, тканей. Остатки одежды и шапочки, шитой мехом вовнутрь, обнаружены в Ликинском могильнике (Викторова В. Д., 1973, с. 148). На основании глиняных антропоморфных изображений В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская реконструировали одежду населения лесного Зауралья и Нижнего Приобья второй половины I — начала II тысячелетия н. э., как глухую одежду типа парки, пышно украшенную орнаментом и напоминающую современные парки обских угров (Чернецов В. Н., 1957, с. 179; Мошинская В. И., 1959, с. 184).

Материал для характеристики общественного строя ограничен. Большинство населения жило в небольших укрепленных поселках, насчитывавших четыре-пять жилищ, но имелись и поселения крупнее — из семи-десяти жилищ и более. Такие небольшие поселки являлись местами проживания нескольких родственных семей или большой патриархальной семьи. Подобные им поселки — «юрты» существовали в лесном Зауралье у аборигенного мансийского населения Верхотурского и Пелымского уездов до XVII в. (Бахрушин С. В., 1935, с. 20, 21; Долгих Б. О., 1960, с. 32, 33). Резкой имущественной дифференциации не прослеживается, что объясняется большой ролью охоты и рыболовства и слабым развитием производящих отраслей хозяйства. Такой баланс не создавал благоприятных условий для значительного и постоянного накопления излишков продуктов, развития социальной и имущественной дифференциации и формирования классового общества. В то же время наличие большого числа городищ указывает на постоянные военные стычки, получившие отражение в фольклоре обских угров (Патканов С. К., 18916). Они могли происходить не только с целью захвата богатств, но и завладения промысловыми угодьями и других причин. Согласно былинам хантов, главной причиной военных стычек был захват невест (Патканов С. К., 18916, с. 62—63).

Этническая принадлежность юдинской культуры считается древнемансийской. В. Н. Чернецов первым высказал мнение о связи памятников со шнуровой орнаментацией керамики на Туре с протоманси (Чернецов В. Н., 1957, с. 180). В. А. Могильников поддержал эту точку зрения, придя к заключению о выделении предков манси из общности обских угров во второй половине I тысячелетия н. э. (Могильников В. А., 1964б, с. 12; 1974а, с. 68—72). Наиболее полное обоснование связи памятников юдинской культуры с предками манси изложено В. Д. Викторовой (Викторова В. Д., 1968, с. 252—256). О проживании манси в лесном Зауралье говорят данные топонимии (Матвеев А. К., 1961, с. 140; Майданова Л. М., 1962, с. 26, 27). Границей распространения древнемансийской топонимии на юге служит р. Пышма, кото-

Карта 34. Памятники макушинского типа

a — городище; *b* — могильник; 1 — Макушинский; 2 — Юдинское городище; 3 — Мысовской; 4 — Мохиревское городище; 5 — Липчинское городище

рая является в то же время южной границей юдинской культуры.

Проникновение тюрков на Туру в XIII–XV вв. привело к тюркизации мансийского населения на Средней и частью Нижней Туре к XVI в. На Верхней Туре и Тавде мансийское население застали русские, переселявшиеся за Урал.

Памятники макушинского типа

Памятники макушинского типа представлены на средней Туре и Нице (карта 34) тремя городищами — Юдинским, Мохиревским, Липчинским и двумя курганными могильниками — Мысовским, Макушинским (Викторова В. Д., 1962б, с. 135–143; 1964, с. 247–250; 1969, с. 18–19, А-1969, с. 284). При этом все эти городища имеют основной слой юдинской культуры, а керамика макушинского типа В. Д. Викторовой выделена на них типологически (Викторова В. Д., 1969, с. 18, 19). Жилые и производственные сооружения, связанные непосредственно с керамикой макушинского типа, на поселениях не выявлены.

Погребальный обряд известен по раскопкам 10 курганов Макушинского и пяти погребений Мысовского могильников. Курганных насыпей в последнем могильнике не прослежено, но, вероятно, они были разрушены. Большое расстояние между отдельными погребениями позволяет предполагать наличие насыпей.

Курганы расположены небольшими группами, насчитывающими 10–16 насыпей диаметром 3–8 м, высотой 0,3–0,5 м. Насыпи, вероятно, складывали из дерна. Под каждой из них находилось одиночное погребение (Викторова В. Д., 1964, с. 247), устроенное в срубе размерами 3×3–4 м на уровне погребенного чернозема или в неглубокой яме. Умершего клали вдоль северной стенки сруба головой на запад или северо-запад на спине, вытянуто, руки ук-

ладывали вдоль туловища. В погребениях вещи располагались подобно тому, как их носили при жизни: железные пряжки в области пояса, ножи, кресала и точильные камни также у пояса с правой или левой стороны. Ножи, вероятно, подвешивались в ножнах к поясу, кресало и точилце помещались рядом в мешочке, а топоры — ближе к ногам. Наконечники стрел обнаружены у правого бока и черепа. В срубе помещали также отдельные сосуды. За пределами сруба, на уровне древнего горизонта, находят фрагменты керамики, а у юго-восточной или северо-восточной стенки сруба — череп и кости передних ног лошади.

В погребениях Мысовского и в кургане 15 Макушинского могильников встречены обожженные части черепа, угли и кусочки бересты (Викторова В. Д., 1962б, с. 142). Обжигание произведено вне места погребения, поскольку следов прокала не обнаружено.

Видимо, были также расчлененные погребения. Под курганом 4 Макушинского могильника захоронены кости таза, а в кургане 15 на одном уровне с обожженными фрагментами черепа лежали прочие кости скелета без следов огня (Викторова В. Д., 1964, с. 247, 248), что предполагает возможность воздействия огня на отчлененный череп.

Керамика вылеплена из глины с примесью песка и гравия. Поверхность ее неровная, бугристая, гладко заглажена. Сосуды небольшого размера. Дно круглое, уплощенное, а в единичных случаях плоское (табл. LXXII, 12, 17, 19, 21). Венчики плоские, изредка — приостренные.

По форме сосуды делятся на три типа (Викторова В. Д., А-1969, с. 286, 287). Наиболее многочисленны горшковидные сосуды с вогнутой шейкой и ребром при переходе от шейки к округлому тулову (табл. LXXII, 19). Ко второму типу относятся сосуды с наклонной внутрь, реже вертикальной шейкой и округлым плечиком (табл. LXXII, 17, 21), к третьему — слабопрофилированные чашевидные сосуды (табл. LXXII, 12).

По сравнению с юдинской керамикой посуде макушинского типа свойственна бедная орнаментация. Больше половины сосудов с поселений не орнаментированы, зато в погребениях обнаружены только сосуды с орнаментом. Орнамент располагается в верхней части тулова, вдоль венчика и состоит из горизонтальных рядов шнуровых вдавлений, подковообразных оттисков; реже встречаются зигзаг, выполненный оттисками шнура или гребенчатого штампа, насечки, «жемчужины» и круглоямочные вдавления вдоль венчика (табл. LXXII, 12, 17, 19). Представлены также узоры в виде окружностей, выполненные чеканом (табл. LXXII, 21).

Керамика макушинского типа сближается с юдинской по шнуровой орнаментации и приземистым пропорциям чашевидных сосудов. В то же время она характеризуется широким распространением плоского венчика, в отличие от приостренного венчика, преобладающего в юдинской посуде, а также профилировкой и орнаментацией части сосудов. Для керамики юдинской культуры не типичны мотивы орнамента в форме подковок и окружностей. Черты сходства с юдинской керамикой, вероятно, указывают на общие генетические корни, а различия, видимо, обусловлены локальным (расположением на

юге ареала юдинской культуры) и хронологическим (более поздней датировкой) факторами.

Вещевой комплекс памятников макушинского типа немногочислен. Из орудий упомянем железные топоры с массивным проухом, узкими щековицами и лезвием; тесла или мотыги из железных пластин, верхняя часть которых согнута в трубицу (табл. LXXII, 10), аналогичные широко распространенным в памятниках лесной полосы и лесостепи Западной Сибири конца I — начала II тысячелетия н. э. (Грязнов М. П., 1956, табл. LIV, 7; LVI, 10; Степи Евразии, 1981, рис. 71, 5) и известным в Приуралье (Оборин В. А., 1953б, табл. I, 11). Ножи имеют коленчатые уступы при переходе от клинка к относительно короткому черешку (табл. LXXII, 20) и относятся к типам, характерным для XII—XIV вв. Кресала калачевидной формы без четко выделенного язычка (табл. LXXII, 16) принадлежат к типам XI—XII вв. (Колчин Б. А., 1958, рис. 4; Степи Евразии, 1981, рис. 72, 50, 70).

Предметы конского снаряжения представлены железным кольцом от удила (табл. LXXII, 9). Украшения сбруи, возможно, служили двусоставные бубенчики с крестовидной прорезью (табл. LXXII, 7). Из предметов вооружения найдены плоские железные ромбические и костяные черешковые и втульчатые наконечники стрел (табл. LXXII, 1—6, 11). Втульчатые наконечники стрел, имеющие довольно массивную головку с притупленным концом, предназначались, очевидно, для охоты на пушного зверя.

К предметам импорта относятся стеклянные голубые шаровидные бусы и бусы из черного стекла с рельефной волнистой орнаментацией (табл. LXXII, 13—15, 18), датирующиеся в славянских памятниках соответственно XI—XIII и XIII—XIV вв. (Щапова Ю. Л., 1956, с. 165, 177).

Хозяйство населения, видимо, было многоотраслевым. Присутствие костей лошади в погребениях свидетельствует о занятии коневодством. Возможно, существовало мотыжное земледелие, но, кроме находок тесел-мотыжек (табл. LXXII, 10), данных о его распространении не имеется. Косвенным подтверждением наличия земледелия может служить сообщение летописей о земледелии вогул (манси) на Туре и Тавде в XVI в., до прихода русских. Во время своего похода Ермак собирал на Тавде хлеб в ясак. Туземцы «пашнишки пахали... на себя до основания Пелымского города лет за 40 и за 50» (Бахрушин С. В., 1935, с. 18). Были развиты также охота и рыболовство. Наконечники стрел с притупленным концом свидетельствуют о важной роли пушного промысла, продукция которого обменивалась на импортные изделия.

В. Д. Викторова сопоставляет памятники макушинского типа с харинскими и Перейминским могильниками и рассматривает оставившее их население как угорское (Викторова В. Д., 1964, с. 250), считая его пришлым. С последним заключением вряд ли можно согласиться. Ряд общих черт ритуала Перейминского могильника и макушинских курганов (расположение части вещей рядом с могилой, культ огня), а также наличие курганов с материалами макушинского типа на юге ареала юдинской культуры вкупе с общими элементами в юдинской и макушинской керамике позволяют предполагать

формирование комплекса памятников макушинского типа и их этноса в южной части зоны распространения юдинской культуры. Памятники макушинского типа, скорее всего, нужно рассматривать как локальный вариант юдинской культуры, оформившийся в поздний период ее развития на границе с лесостепью. Относительно южной локализацией и контактами с югом можно объяснить отсутствие в памятниках макушинского типа предметов звериного стиля и наличие в ритуале сопроводительных захоронений головы и конечностей лошади, что присуще соседним памятникам того времени, оставленным тюркским или находящимся под воздействием тюрк населениям.

Можно думать, что макушинские памятники оставлены одной из южных групп предков манси. Проживая по соседству с тюрками, они были тюркизированы или оттеснены в отдаленные северные лесные и горные районы.

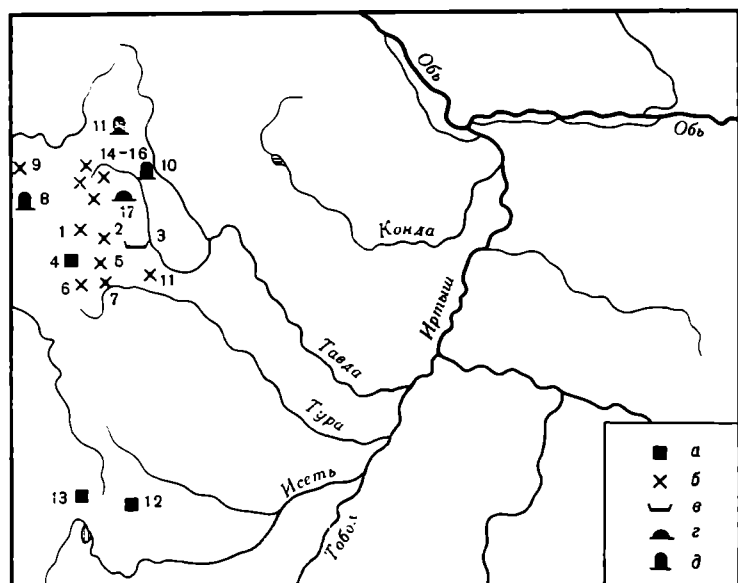
Выведенные на Туре памятники туралинского типа XIV—XVI вв. связываются уже с татарами, о проживании которых в этих местах в конце XVI — начале XVII в. повествуют летописи (Краткая сибирская летопись 1880, с. 4).

Культуры горного Урала (памятники петрогромского типа)

К концу I — началу II тысячелетия н. э. в горном Урале относятся памятники, близкие по облику культуры юдинским памятникам лесного Зауралья. Свое название они получили по имени медеплавильного и жертвенного места на горе Петрогром близ Свердловска, изучавшегося Е. М. Берс (Берс Е. М., 1963, с. 102—106) и другими исследователями.

Памятники петрогромского типа представлены поселениями и жертвенными местами (карта 35). Они локализируются в горной лесной части Среднего, частично Южного и Северного Урала и прилежащих предгорных районах. На западе они распространяются почти до Камы — Чанвенская пещера, Писанный Камень (Бадер О. Н., Оборин В. А., 1958, с. 213—217), а на юго-западе, в Кунгурской лесостепи, граничат с сылвенской культурой (Бадер О. Н., Оборин В. А., 1958, с. 218). На юге граница рассматриваемых памятников четко не определена и проходит, по-видимому, по северной части теперешней Челябинской обл. На юго-востоке, в бассейне Исети, они соседствуют с памятниками бакальской культуры, на востоке, в пределах восточных отрогов Урала, контактируют с памятниками юдинской культуры бассейнов Туры и Тавды. На севере ареал их включает район Нижнего Тагила.

Памятники горного Урала конца I — начала II тысячелетия н. э. изучены слабо. Коллекции, происходящие с них, хранятся главным образом в Свердловском и Нижнетагильском музеях и являются преимущественно сборами краеведов, произведенными в значительной мере еще в дореволюционный период. В 1890 г. С. И. Сергеевым, Н. А. Рыжиковым, А. С. Комес проводились раскопки на Шарташских каменных палатках. Добытый материал в основном относится к сарматскому времени, но частич-

Карта 35. Памятники Горного Урала

а — городище; б — местонахождение керамики; в — грунтовой могильник; з — курганный могильник; д — жертвенное место; 1 — Голый Камень; 2 — Синяя Гора; 3 — Аятский; 4 — Шигирское городище; 5 — Петрогром; 6 — Шарташские каменные палатки; 7 — Исеть; 8 — Чаньвенская пещера; 9 — Писаный камень; 10 — Усть-Вагранский грот; 11 — Коптяки IX; 12 — Иткуль; 13 — Иртыш I; 14 — Уралочка; 15 — Ольховка; 16 — Лебяжье; 17 — Нижний Тагил

но принадлежит изучаемому периоду (Берс Е. М., 1951, с. 220, № 177). В 1910 г. ряд памятников был обследован Б. Н. Топорковым. Следует отметить также небольшие работы В. Н. Зуйкова в 1940 г. на жертвенном месте у станции Исеть, который на скалах под мхом собрал коллекцию из керамики, медных, железных и костяных вещей (Берс Е. М., 1959, с. 45, № 150).

Методически правильные исследования памятников горного Урала рассматриваемого периода проведены лишь в 40–50-х годах. Это раскопки О. Н. Бадера и Н. П. Кипарисовой на жертвенном месте Голый Камень близ г. Нижний Тагил (Кипарисова Н. П., 1948, с. 49–51; Бадер О. Н., 1953, с. 338, 339), работы А. И. Рассадович на жертвенном месте на Синей горе, остающиеся пока неопубликованными, а также исследования Е. М. Берс на Аятском могильнике (Берс Е. М., 1963, с. 107–110).

Памятники горного Урала находятся обычно на отдельно стоящих горах и скалах. Культурный слой их тонок, как и почвенный покров на скалистом материке. В таких условиях разновременный материал стратиграфически не расчленяется, что является причиной ряда ошибочных датировок памятников, отнесения к эпохе раннего железа разновременных, в том числе раннесредневековых, комплексов (Кипарисова Н. П., 1948, с. 51; Бадер О. Н., 1953, с. 338, 339). Отнесение керамики конца I — начала II тысячелетия н. э. к более раннему времени обусловлено также внешним ее сходством с посудой ананьинской культуры, выражающимся в шнуровой орнаментации и типологической близости форм сосудов.

В кратком виде характеристика материалов конца I — начала II тысячелетия н. э. горного Урала изложена В. А. Могильниковым.

Поселения почти не изучены. Расположены они, как уже отмечалось, на отдельно стоящих горах и скалах, на берегах рек и озер, где занимают преимущественно мысовидные выступы. Преобладают открытые поселения, в небольшом числе представлены городища. Площадь поселений небольшая, что в значительной мере объясняется малыми размерами занимаемых ими площадок. Жилые сооружения на поселениях не выявлены.

Жертвенные места располагались на открытых скалах и в пещерах. Первые, по-видимому, являлись также центрами металлургического производства. Этого мнения придерживались А. А. Берс (Берс А. А., 1930, с. 49), Е. М. Берс (Берс Е. М., 1963, с. 106), К. В. Сальников (Сальников К. В., 1952, с. 130), а также другие исследователи. Действительно, на открытых возвышениях скал создавались хорошие условия для естественного дутья, что облегчало процесс выплавки металла. Поскольку процесс получения металла традиционно представлялся загадочным для древних металлургов, он обставлялся различными религиозными обрядами. На это указывают встречающиеся вблизи мест плавки и связанные с религиозным культом зооморфные изображения, относящиеся преимущественно к более раннему времени (Бортвин Н. Н., 1949, рис. 44, 45), но представленные также на памятниках с материалами конца I — начала II тысячелетия н. э. (Шарташские каменные палатки). Поскольку материал на скалах стратиграфически не расчленен, определить хронологию обнаруживаемых там предметов, в том числе и остатков металлургического производства, очень трудно.

В жертвенных и плавильных местах на скалах найдено большое количество мелких раздробленных пережженных костей животных, кусочки руды и шлаки. Кальцинированные кости использовались в плавильном производстве в качестве флюсов (Берс Е. М., 1963, с. 102–104). На горе Петрогром открыты основания 18 плавильных печей диаметром 0,8–1,2 м, стенки которых были сложены из камня. Они предназначались для сыродутной плавки с применением сопел и ручной подачи воздуха в печь. Относятся печи преимущественно к IV–V вв. (Берс Е. М., 1963, с. 103).

К памятникам горноуральского населения принадлежит жертвенное место в Чаньвенской пещере, где найдены остатки жертвоприношений: кости оленя, лося и лошади, а также керамика, железные и костяные наконечники стрел, ножи, украшения и культовые фигурки конца I тысячелетия н. э. (Сергеев С. И., 1895; Теплоухов Ф. А., 1895а, табл. I). Находки датируются пятью куфическими и англосаксонскими монетами X в. (Теплоухов Ф. А., 1895, с. 54). Эта пещера служила жертвенным местом манси до XVIII в.

Наряду с керамикой со шнуровой и гребенчатой орнаментацией в Чаньвенской пещере встречена глиняная посуда с валиковым налепом по шейке, имеющая аналогии в памятниках оронтурского этапа Нижнего Приобья и свидетельствующая о связях с нижнеобским населением конца I тысячелетия н. э. (Чернецов В. Н., 1957, табл. XIX; XXIII). По характеру жертвоприношений эта пещера сближается с пещерными жертвенными местами восточного

склона Урала типа Шайтанского, Лаксейского близ г. Ивдель (Чернецов В. Н., 1957, с. 211). Примесь толченой раковины в глиняном тесте сосудов из Чанвенской пещеры объясняется соседством с населением родановской культуры.

Керамика памятников горного Урала представлена горшками или чашами с прямым либо слегка наклонным горлом, довольно хорошо профилированными плечиками и круглым дном. Венчики сосудов сверху плоские или слегка скругленные, но чаще несколько скошенные внутрь, где имеют налуп, образующий навесик или треугольный выступ (табл. LXXIII, 21, 22, 24). При этом срез венчика относительно широк и часто орнаментирован нарезкой, оттисками зубчатого штампа или шнура. Такая форма венчика является отличительным признаком керамики населения горного Урала.

Орнамент покрывал также шейку и плечики сосудов. Характерны узоры в виде горизонтальных рядов шнура, сочетающиеся, как и на Туре, с рядами отпечатков наклонно поставленного зубчатого штампа, елочкой, а также в виде оттисков гладкой лопаточки, уголкового и полулунного штампов (табл. LXXIII, 22—25). Нарезка из рядов наклонных линий или сетки проходила по верхнему краю вдоль венчика или обрамляла снизу зону оттисков шнура (табл. LXXIII, 21, 22, 27). Стиль орнаментации посуды оттисками шнура, гребенчатого и уголкового штампов и образуемые ими композиции сближают керамику лесного Зауралья и горного Урала.

Вторая, менее распространенная группа керамики представлена горшковидными и чашевидными сосудами с вертикальным горлом. Орнамент в виде елочек и рядов наклонных оттисков гребенчатого штампа покрывает шейку и отчасти плечики сосудов (табл. LXXIII, 26). Керамика этой группы обнаружена почти на всех памятниках вместе с сосудами со шнуровой орнаментацией. Типологически она имеет сходство с керамикой Нижнего Приобья конца I — начала II тысячелетия н. э. на кинтусовском этапе (Чернецов В. Н., 1957, табл. XXXIV, 1, 2).

Вещевые находки на поселениях малочисленны. На жертвенном месте близ станции Исеть обнаружены плоский железный наконечник стрелы с узелком у основания черешка (табл. LXXIII, 1), датирующийся X—XI вв. по новгородским аналогиям (Медведев А. Ф., 1959, рис. 13, 24), звено цепочки шумящей подвески (табл. LXXIII, 11), подобной мерянским XI—XII вв. (Горюнова Е. И., 1961, рис. 96, 1, 8), а также типичные для XII—XIII вв. железные мездряки (табл. LXXIII, 8, 9).

Таким образом, описываемый комплекс горноуральских памятников датируется X—XIII вв.

Данные для характеристики хозяйства ограничены. Ведущее значение, видимо, имела охота. В Чанвенской пещере найдены кости лося и оленя, а также кости лошади, свидетельствующие о знакомстве с коневодством. Определенную роль играли металлургия и различные обрабатывающие ремесла: изготовление глиняной посуды, выделка шкур, мехов, обработка дерева, кости. Меха, видимо, шли на юг, откуда в обмен на Урал попадали серебряные сосуды, частично, возможно, ткани, некоторые предметы вооружения и другие вещи. Найденные в Чанвенской пещере куфические монеты чеканены в городах

Балх и Бердаа (Теплоухов Ф. А., 1895а, с. 54).

Этническая принадлежность памятников горного Урала конца I — начала II тысячелетия н. э. может быть интерпретирована как древнемансийская. Такое заключение следует из близости культуры населения горного Урала и лесного Зауралья (Чернецов В. Н., 1957, с. 180; Викторова В. Д., 1968, с. 256), а также находит подтверждение в известиях письменных источников, локализирующих манси XVI—XVII вв. на обоих склонах Среднего Урала (Бахрушин С. В., 1935, с. 5). Этот вывод согласуется также с распространением угорских топонимов в части районов Приуралья и горного Урала, установленной А. Ф. Теплоуховым (Теплоухов А. Ф., 1924) и другими исследователями (Матвеев А. К., 1959, с. 112; Майданова Л. М., 1962, с. 26, 27; Олсова Г. И., 1962, с. 33).

В культуре манси находит параллели ряд особенностей культуры, констатированных у населения горного Урала конца I — начала II тысячелетия н. э. В частности, это касается расположения жертвенных мест и охотничьего промысла. Устройство культовых мест на отдельных скалах согласуется с сообщением П. Палласа о том, что вогулы «ставили идолов своих обыкновенно в каменных ущельях, на высоких и крутых каменных горах, а притом и на высоких соснах, чтоб тем самым при поклонении возбудить к ним священный страх». Он же сообщает о важности в хозяйстве охоты на лося: «Обогатило их естество в сих постынях множеством диких зверей, между коими лоси главнейшее составляют их богатство» (Паллас П. С., 1770, с. 327).

Археологические памятники второй четверти II тысячелетия н. э. в горном Урале не выявлены, но общая этнокультурная ситуация в сопредельных районах не дает основания для заключения о существенных изменениях этнического состава в рассматриваемом ареале.

Лесостепное Зауралье (бакальская культура)

Бакальская культура выделена К. В. Сальниковым по материалам рекогносцировочного обследования ряда городищ в бассейне среднего течения р. Исеть. К этой культуре исследователь отнес небольшую группу памятников — Большое и Малое Бакальские, Большое и Малое Мыльниковские и Полевское городища, предварительно датировав их сначала IV—VIII вв., а затем IV—V вв. (Сальников К. В., 1956, с. 211—214; 1961а, с. 47).

Бакальская культура локализуется в лесостепи Западной Сибири от восточных склонов Урала до Ишима. Точные пределы ее ареала пока не определены. Наиболее компактная группа памятников расположена в бассейне среднего течения Исети. Кроме того, бакальская керамика встречена на многослойных поселениях на Тоболе, Пышме, Туре и Ишиме (карта 36). На Ишиме находится Пахомовский могильник (Генинг В. Ф., Овчинникова Б. Б., 1969, с. 128—137), который предположительно может быть связан с населением рассматриваемой культуры, испытавшим сильное тюркское влияние.

Бакальская культура слабо изучена. Первые сведения о городищах на р. Исеть, отнесенных позднее к этой культуре, — Бакальских, Мыльниковских, Полевском и Кашинском — опубликованы А. А. Спицыным (Спицын А. А., 1906а, с. 218, 219, №№ 23, 27, 30) по данным, представленным в Археологическую комиссию В. Я. Толмачевым. Культурная и хронологическая принадлежность этих памятников тогда еще не могла быть определена.

В 1940 г. рекогносцировочное обследование памятников по Исети проведено К. В. Сальниковым. Результатом этих работ явились выделение бакальской культуры и ее краткая характеристика (Сальников К. В., 1956, с. 189–195, 211–214).

В 1961 г. археологической экспедицией Уральского университета под руководством В. Ф. Генинга проведены раскопки Большого и Малого Бакальских городищ, а в 1962 г. открыт Пахомовский могильник.

Результаты исследований Большого Бакальского городища освещены в статье Т. М. Потемкиной (Потемкина Т. М., 1964, с. 257–259), а материал Пахомовского могильника опубликован В. Ф. Генингом и Б. Б. Овчинниковой (Генинг В. Ф., Овчинникова Б. Б., 1969, с. 128–137). Они датировали Большое Бакальское городище IX–XI вв., а Пахомовский могильник XII–XIII вв., но отнесли их к памятникам сылвенской культуры, что представляется необоснованным. Памятники сылвенской и бакальской культур разделены массивом Уральского хребта и памятниками петрогромского типа. Эти культуры обнаруживают различия в керамике.

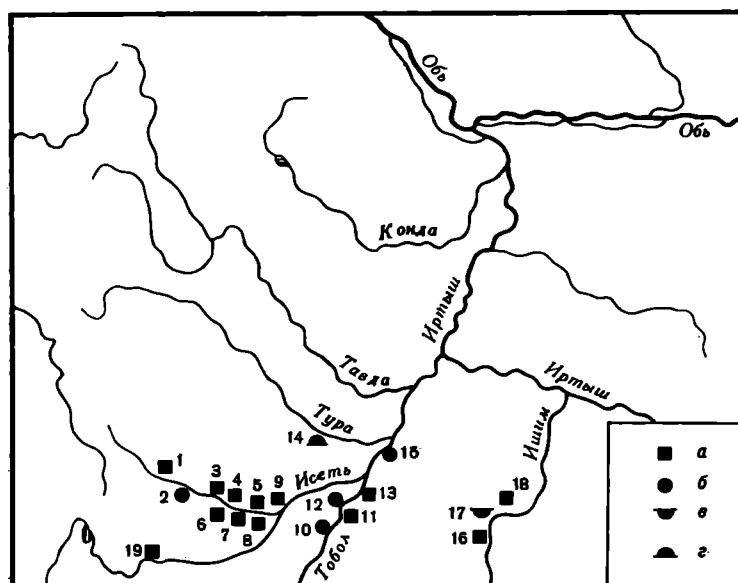
Городища бакальской культуры устраивались обычно на мысах с крутыми склонами. С напольной стороны они были защищены одной или двумя линиями укреплений, состоявшими из глубокого и широкого рва и высокого вала. Площадь городищ колеблется от 400 до 3000 кв. м.

Укрепления исследованы на Большом и Малом Бакальских городищах. На первом фортификационные сооружения состояли из внутреннего и внешнего рвов и валов (табл. LXXIV, 1, 2). Наиболее прочной была внутренняя линия укреплений в виде рва шириной до 15 м, глубиной до 3 м и вала высотой около 5 м, сложенного из глины. От оползания вал защищала крепь из жердей и бревен. Внешний ров имел ширину 4 м и глубину 1 м; высота вала около 1 м. Он был укреплен вертикально поставленными бревнами, поддерживающимися у основания подсыпанной землей (Потемкина Т. М., 1964, с. 258).

Укрепления Малого Бакальского городища представляли собой вал с глинобитной башней и ров. Через ров для проезда на городище были устроены перекидные мостки (Генинг В. Ф., Бушуева Т. Г., А-1962, с. 179–180).

Остатки жилищ на поселениях не выявлены. Вероятно, они были наземными. На Малом Бакальском городище обнаружены остатки очагов в виде линз прокаленной глины и основания печей типа чуvalов с обмазкой из глины, которые располагались в пять рядов, видимо соответственно с застройкой поселения (Генинг В. Ф., Бушуева Т. Г., 1962, с. 169).

Погребальный обряд известен пока только по Пахомовскому грунтовому могильнику на р. Ишим. Он занимал склон невысокой надлуговой террасы. Вскрыто 23 могильные ямы на площади 894 кв. м.

Карта 36. Распространение памятников бакальской культуры

а — городище; б — неукрепленное поселение; в — грунтовый могильник; г — курганный могильник; 1 — Кашинское; 2 — Боборыкино II; 3 — Воробьево; 4 — Большое Мыльниковское городище; 5 — Малое Мыльниковское городище; 6 — Полевское; 7 — Большое Бакальское; 8 — Малое Бакальское; 9 — Мураинское; 10 — Речкино I; 11 — Скородум; 12 — Суерское I; 13 — Старое Лыбаево; 14 — Перейминский; 15 — Кулики; 16 — Кучум Гора; 17 — Пахомово; 18 — Логиново; 19 — Красный Камень

Из них 18 содержали труположения, в большинстве случаев сильно потревоженные, в четырех находились захоронения коней, одна была пустой. Могильные ямы, как правило, прямоугольные (с закругленными углами), изредка один из торцов ям был прямоугольным, а другой сужен и закруглен. Средние размеры ям $2 \times 0,65$, глубина 0,45 м. Погребенные уложены вытянуто на спине, руки протянуты вдоль тела, а в некоторых случаях согнуты в локтях так, что кисти находятся на тазе. Только у одного погребенного ноги были согнуты в коленях (Генинг В. Ф., Овчинникова Б. Б., 1969, с. 131, 132). Ориентировка установлена лишь для части погребенных. Преобладает положение головой на юго-запад и запад; в трех случаях скелеты лежали черепом на северо-восток.

Инвентарь встречен не во всех погребениях, что в значительной степени объясняется их разграбленностью. В расположении вещей имеется определенный порядок. Железные и костяные наконечники стрел лежали кучкой слева возле руки и у колена, остриями к голове. Видимо, они были положены в колчане. Ножны находились на левой бедренной кости. Возле наконечников стрел в погребении 18 обнаружен железный нож. Возможно, он вместе с колчаном был подвешен к поясу. Бусы и серьги найдены у черепа.

Захоронения коней совершены в узких ямах глубиной около 0,6 м с уступом высотой 0,3–0,4 м от дна в западной части, куда укладывали голову животного. Лошадей хоронили внаезданными и оседланными, с подогнутыми к животу ногами, головой на запад. В погребении 13 в таком же положении захоронены голова и конечности коня вместе с лопатками (табл. LXXIV, 17).

Обычай отдельного захоронения коня, как и конские погребения вообще, несвойственен угро-самодийскому населению Западной Сибири. Ближайшие аналогии этот обряд находит у кимаков, проживавших в конце I — начале II тысячелетия н. э. в степях Казахстана (Степи Евразии, 1981, с. 44). Обычай захоронения коня в отдельной яме с приподнятой головой присущ половцам европейских степей (Плетнева С. А., 1958, с. 173, рис. 13а). В степях Казахстана известны аналогичные захоронения головы и конечностей коня.

Основную часть находок с поселения представляют фрагменты керамики. Наиболее полно изучен керамический комплекс Большого Бакальского городища, где выделены фрагменты шеек 325 сосудов (Потемкина Т. М., 1964, с. 258).

Керамика бакальской культуры круглодонная, вылеплена из глины с примесью песка, шамота и дресвы. На Большом Бакальском городище с примесью песка изготовлено около половины сосудов, несколько меньшее число сосудов содержит примесь шамота и лишь единичные — дресву. Внешняя поверхность у 80% сосудов гладкая, внутренняя — более чем у половины заглажена щепкой.

По форме Т. М. Потемкина выделила три типа сосудов (Потемкина Т. М., 1964, с. 258): I — круглодонные сосуды с четко профилированной невысокой шейкой и слабо раздутым туловом (табл. LXXV, 5, 6, 11); II — слабопрофилированные сосуды с короткой, едва намеченной шейкой (табл. LXXV, 7, 9, 12); III — чаши (табл. LXXV, 1—4, 8, 10, 13). Последний тип сосудов численно преобладает.

Большинство сосудов орнаментировано. Орнамент довольно беден — узкие горизонтальные ленты вдоль венчика, по шейке и на плечиках. Наиболее распространены резные и ямочные узоры. Поясок из круглых ямок обычно проходит по шейке сосудов. Среди резных узоров часты ряды наклонных насечек вдоль края венчика, а также горизонтальная елочка и перекрещивающиеся нарезки по шейке. Иногда эти узоры выполнены зубчатым штампом. Представлены также сочетания оттисков гребенчатого штампа с резным узором и ямочными вдавлениями. Изредка зона резных линий сочетается с горизонтальными оттисками шнура, что характерно для посуды юдинской культуры бассейна Туры. В отличие от памятников лесных районов керамике бакальской культуры свойственны узкие орнаментальные зоны, часто расчлененные свободной полосой. На сосудах III типа встречается только резной, ямочный и ямочно-резной орнамент.

В XII—XIV вв. возрастает доля сосудов III типа, в орнаментации сохраняются ямочные наколы и в небольшом числе — грубые нарезки.

Вещевой инвентарь с памятников бакальской культуры известен в небольшом количестве — преимущественно это вещи широко распространенных типов.

Орудия труда представлены железными ножами, ножницами, шильями, кресалами (табл. LXXIV, 9, 22, 31, 40), тигельком. Железные ножи характеризуются небольшими уступами при переходе от клинка к черешку (Генинг В. Ф., Бушуева Т. Г., 1962, табл. I, 4—6). Ножницы шарнирные (табл. LXXIV, 40) происходят из Пахомовского могильника. По

форме они подобны таковым с памятников начала II тысячелетия н. э. степей Евразии, в частности, известны среди древностей кыпчаков Казахстана (Степи Евразии, 1981, рис. 72, 28, 29). Кресало калачевидной формы, найденное в Пахомовском могильнике (табл. LXXIV, 22), имеет аналогии на широкой территории в памятниках XII—XIII вв. (Колчин Б. А., 1959, с. 100; Плетнева С. А., 1958, рис. 8, 4, 5). На Малом Бакальском городище обнаружен обломок двулезвийного кресала, типичного для XIV в. (Генинг В. Ф., Бушуева Т. Г., 1962, с. 181, табл. I, 8). На том же городище встречены обломки кусков песчаника и зернотерка из гранита (Генинг В. Ф., Бушуева Т. Г., 1962, с. 182). Пряслица (табл. LXXIV, 23) изготавливались из стенок глиняных сосудов.

Детали конского снаряжения сохранились в конских погребениях Пахомовского могильника. Это железные удила с кольцевидными псалиями (табл. LXXIV, 42), характерные для памятников X—XIV вв. Ремни сбруи соединялись железными кольцами и пряжками (табл. LXXIV, 26, 29, 30, 34—36). Для украшения наносного или налобного ремня уздечки служили железные султанчики (табл. LXXIV, 38, 39). Такое украшение сбруи было широко распространено у степного населения Сибири от Енисея до Припиртышья в самом конце I — начале II тысячелетия н. э. (Кызласов Л. Р., 1969, табл. III, 109). Представлены также полусферические бляшки со шпеньком и вращающимся колечком (табл. LXXIV, 27), умбовидные и сердцевидные бляхи с выпуклостью в центре и ажурным краем (табл. LXXIV, 37).

От седел сохранились железные арочные стремена с широкой подножкой и петлей для путлища в расплющенной верхней части дужки (табл. LXXIV, 45), подпружные пряжки овальной, полуовальной и подпрямоугольной форм (табл. LXXIV, 35, 36), железные кольца с пробоями для приторачивания поклажи (табл. LXXIV, 16, 43), гвозди с плоским стержнем и округлой головкой (табл. LXXIV, 44), служившие, видимо, для оковки седла. Седла с аналогичными принадлежностями экипировки широко употреблялись кочевниками степей Евразии в XII—XIII вв. (Гаврилова А. А., 1965, табл. XXVII, 5, 14; Плетнева С. А., 1958, рис. 3; 4; 6; 14, 3; 15, 2). В целом конское снаряжение следовало в основном образцам сбруи кочевников Казахстана и было, очевидно, заимствовано у них.

Предметы вооружения представлены железными и костяными черешковыми наконечниками стрел (табл. LXXIV, 7—14). Железные наконечники стрел двух типов. Плоские с пером асимметрично-ромбической формы и узелком у основания черешка наконечники встречены на Большом Бакальском городище и в Пахомовском могильнике (Потемкина Т. М., 1964, с. 259; Генинг В. Ф., Овчинникова Б. Б., 1969, табл. 66, 4). Подобные им известны в Тютятском кладе X в. (Евтюхова Л. А., 1948, рис. 118), а также в кочевнических памятниках конца I — начала II тысячелетия н. э. (Плетнева С. А., 1958, рис. 3, 10; 4, 9). В Пахомовском могильнике найден также наконечник стрелы с плоским листовидным пером, плавно переходящим в черешок (табл. LXXIV, 8). Такие стрелы в основном

характерны для памятников кочевников XIII—XIV вв. (Гаврилова А. А., 1965, табл. XXV, 8). Много стрел с костяными наконечниками, треугольными и ромбическими в сечении (табл. LXXIV, 10—14). В наборах из колчанов Пахомовского могильника их было до 11 экземпляров, в то время как железные наконечники обнаружены по одному (Генинг В. Ф., Овчинникова Б. Б., 1969, с. 130, 131, погребения 15, 18). Возможно, украшением колчана служила костяная накладка (табл. LXXIV, 41) со спиралевидным узором из разрушенного погребения 23 (Генинг В. Ф., Овчинникова Б. Б., 1969, с. 131).

Украшения с памятников бакальской культуры мало известны. Возможно, в какой-то мере сюда попадали шумящие подвески. Частью таковой является бронзовая подвеска бутылочной формы с прямым стержнем, завершающимся ушком, с Большого Бакальского городища, имеющая аналогии в окских могильниках VIII—X вв. (Спицын А. А., 1901, табл. XXIV, 11; XXVI, 12; XXVIII, 8; XXIX, 12; Смирнов А. П., 1952, табл. XXIII, 4). На Малом Бакальском городище собраны грубые глиняные бусы (Генинг В. Ф., Бушуева Т. Г., А-1962, с. 182, табл. III, 3—5). Единичные находки бус происходят из погребений 12 и 22 Пахомовского могильника (Генинг В. Ф., Овчинникова Б. Б., 1969, с. 130, 131). Здесь же обнаружена бронзовая проволоочная серьга в виде знака вопроса с обвитым тонкой проволокой стержнем и загнутым концом для напускной бусины (табл. LXXIV, 19) типа распространенных преимущественно у кочевников XII—XIV вв. (Степи Евразии, 1981, рис. 72, 96—98; 82, 115—116).

Культурная индифферентность вещевого инвентаря обусловила то, что основной категорией вещей, определяющих принадлежность памятников бакальской культуре, является керамика. Вследствие этого хронологию бакальской культуры необходимо определять главным образом исходя из времени существования памятников с керамикой бакальского типа. К ним относятся Большое и Малое Бакальские городища и частично Перейминский могильник VII—VIII вв., в котором встречена керамика, напоминающая бакальскую (Чернецов В. Н., 1957, табл. XV, 2). Большое Бакальское городище датируется IX—XI вв. (Потемкина Т. М., 1964, с. 259) по находкам железного ромбического плоского наконечника стрелы и бронзовой подвески бутылочной формы с прямым стержнем (табл. LXXIV, 18). Малое Бакальское городище датируется обломком двулезвийного кресала временем около XIV в. (Генинг В. Ф., Бушуева Т. Г., А-1962, с. 181, табл. I, 8). Т. М. Потемкина отнесла этот памятник к XIII—XIV вв. (Потемкина Т. М., 1964, с. 257), В. Ф. Генинг — к XIV—XV вв. (Викторова В. Д., Генинг В. Ф., Стоянов В. Е., 1964, с. 196). Исходя из хронологии указанных памятников, генетически следующих друг за другом, дата бакальской культуры в целом определяется в пределах от IX до XIV—XV вв.

Основу хозяйства населения бакальской культуры, вероятно, составляло скотоводство с большим удельным весом лошади в стаде. В какой-то мере, возможно, существовали земледелие, на что указывает находка зернотерки на Малом Бакальском го-

родище (Генинг В. Ф., Бушуева Т. Г., А-1962, с. 182), а также охота и рыболовство. Были также различные обрабатывающие ремесла: прядение, ткачество, изготовление глиняной посуды, изделий из кости и дерева. На Малом Бакальском городище выявлены остатки литейного производства: ошлакованный тигелек в виде конусовидной чашечки, железная капля, кусок спекшегося железа, чугунная пластинка, шлаки (Генинг В. Ф., Бушуева Т. Г., А-1962, с. 180).

Материал с памятников бакальской культуры позволяет говорить о контактах ее носителей с населением соседних районов. Связи с племенами лесного Приоболья и Прииртышья документируются находками на Большом Бакальском городище керамики, орнаментированной оттисками шнура, гребенчатого, полулунного и глазчатого штампов и характерной для юдинской и усть-ишимской культур (Потемкина Т. М., 1964, с. 258). Связи с югом проявляются в наличии предметов конского снаряжения и плоских железных наконечников стрел кочевнических форм. Отмеченные захоронения коней на Пахомовском могильнике, совершенные по канонам погребального ритуала кыпчаков, свидетельствуют о проникновении сюда в XII—XIII вв. тюркоязычных кочевников из степей Казахстана и смешении их с носителями бакальской культуры.

На существование связей с тюркизированным населением более восточных районов лесостепного Прииртышья в XII—XIII вв. указывают форма и орнаментация сплошными ямочными наколами сосуда из Пахомовского могильника (Генинг В. Ф., Овчинникова Б. Б., 1969, табл. 65, 1), напоминающего керамику городищ Сибирского юрта (Генинг В. Ф., Корякова Л. Н., Овчинникова Б. Б., Федорова Н. В., 1970, рис. 1, 94; Левашова В. П., 1950, табл. II, 23), к числу западных памятников которого относится и городище Кучум-Гора на Ишиме (Голдина Р. Д., 1969а, табл. 76, 6).

О связях с западом говорят находки на Большом Бакальском городище бронзовой подвески бутылочной формы окского типа и керамики кушнареновского типа (Потемкина Т. М.; 1964, с. 259), а также общие черты, прослеживаемые в бакальской культуре и памятниках, относимых к сылвенской культуре. Это дало основание некоторым исследователям (Викторова В. Д., Генинг В. Ф., Стоянов В. Е., 1964, с. 196; Потемкина Т. М., 1964, с. 259; Овчинникова Б. Б., 1967, с. 47), как уже отмечалось, рассматривать памятники этих культур в рамках единой сылвенской культуры. К числу таких общих черт В. Ф. Генинг относит керамику, систему укреплений из больших и малых валов и рвов, а в погребальном обряде — разбросанность могил в некрополях, небольшую глубину ям, широтную ориентировку погребенных, малое количество вещей при почти полном отсутствии глиняной посуды, захоронения коней (Генинг В. Ф., Овчинникова Б. Б., 1969, с. 135).

Не отрицая несомненные черты общности, необходимо указать на различия, которые прослеживаются прежде всего в керамике, являющейся в данном случае основным элементом этнокультурной атрибуции. Керамика сылвенских памятников Приуралья сделана в основном из глины с примесью раковины, ба-

кальской культуры — с примесью песка и шамота. В сылвенских древностях представлены высокие сосуды бомбовидной формы с цилиндрическим или слегка расширяющимся горлом (Оборин В. А., 1968, с. 40, табл. 2, 1) отсутствующие на бакальских памятниках. Для орнамента бакальской керамики характерен ряд из ямочных вдавлений вдоль венчика, что сближает ее с посудой культур лесного Прииртышья и Нижнего Приобья, на которой такой ряд ямок опоясывает венчик абсолютного большинства сосудов независимо от присутствия других элементов орнамента. Для сылвенской керамики более типичен ряд насечек или оттисков зубчатого штампа вдоль венчика (Оборин В. А., 1968, табл. 2).

Все это не позволяет объединять названные древности в одну культуру.

Данные для этнической атрибуции бакальской культуры скудны. Исследователи склонны связывать ее, как и сылвенские древности, с уграми, предками одной из южных групп остяков (Викторова В. Д., Генинг В. Ф., Стоянов В. Е., 1964, с. 196; Генинг В. Ф., Овчинникова Б. Б., 1969, с. 135, 136; Потемкина Т. М., 1964, с. 259; Овчинникова Б. Б., 1967, с. 49; Оборин В. А., 1968, с. 43). Сходные черты сылвенских и бакальских древностей могут объясняться расселением в Приуралье и лесостепном Зауралье в конце I — первой половине II тысячелетия н. э. двух родственных угорских групп.

Решение вопроса о происхождении бакальской культуры осложнено неизученностью в лесостепном Зауралье памятников второй половины I тысячелетия н. э. Существует мнение о генетической преемственности носителей саргатской культуры раннего железного века Приобья с бакальскими племенами. Оно базируется на некоторых элементах сходства формы и орнамента части саргатской и бакальской керамики (Сальников К. В., 1956, с. 214; Овчинникова Б. Б., 1967, с. 48, 49). Элементы сходства действительно есть, но между названными культурами существует хронологический разрыв в пять—шесть веков. В Приуралье, в бассейне Сылвы, прослеживается постепенная трансформация памятников неволинского этапа ломоватовской культуры к ранним памятникам сылвенской культуры (Оборин В. А., 1968, с. 43).

В лесостепном Зауралье памятники неволинского типа как подоснова бакальских не обнаружены. В то же время нет оснований для заключения о миграции сылвенского населения из Приуралья в Зауралье. В формировании бакальской культуры участвовали, помимо, возможно, каких-то общих, и иные этнические компоненты, нежели в сложении сылвенских древностей.

Прослеживаемый на материале Пахомовского могильника процесс инфильтрации тюркских элементов приводит к постепенной тюркизации угорского населения по Исети и Ишиму к середине II тысячелетия н. э.

Усилению процесса тюркизации способствовали монгольские завоевания и образование Золотой Орды, вызвавшие отток больших масс тюркоязычного населения из степей Казахстана на север, в лесостепь и южные районы тайги, что привело в конечном итоге к образованию различных групп сибирских татар.

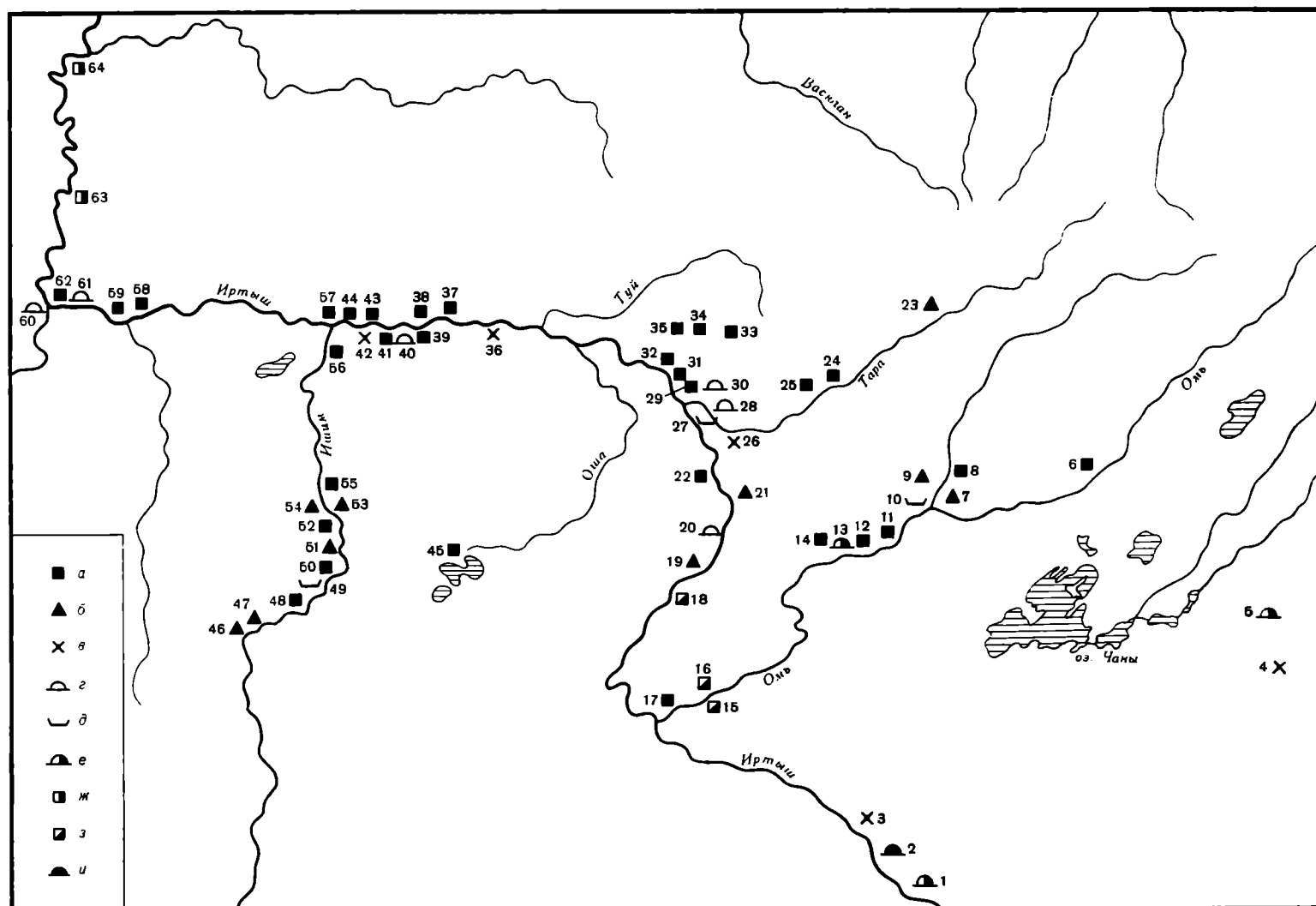
Культуры лесного Прииртышья

Потчевашская культура

Начало изучения памятников этой культуры относится к 70—90-м годам XIX в., когда в окрестностях Тобольска художник М. С. Знаменский произвел раскопки на Потчевашском городище, а А. И. Дмитриев-Мамонов раскопал расположенные рядом 15 курганов. Эти работы плохо документированы. Вещи из раскопок М. С. Знаменского в конечном итоге поступили частью в музей Томского университета, а частью в Национальный музей Финляндии в Хельсинки. Коллекции из раскопок А. И. Дмитриева-Мамонова попали в Томский университет (Мошинская В. И., 1953а, с. 189, 190; Чернецов В. Н., 1953б, с. 7, 8) и были опубликованы в каталоге В. М. Флоринского (Флоринский В. М., 1888). Значительная часть вещей из курганов и с городища, а также план расположения памятников были изданы А. Гейкелем, посетившим ряд сибирских музеев (Heikel A., 1894). Небольшой материал получен при сборах на городище Искер (Пигнатти В. Н., 1915, табл. I; II).

В советский период, в основном в послевоенное время, продолжался сбор материалов и им была дана научная интерпретация. В 1951 г. В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская произвели небольшие раскопки на городище Потчеваш с целью изучения стратиграфии. Затем раскопки на этом памятнике продолжала Н. В. Федорова (Федорова Н. В., 1974). В 60—70-х годах велись раскопки потчевашских памятников Прииртышья и Приишимья — Логиновского городища, Лихачевского могильника на Ишиме (Генинг В. Ф., Евдокимов В. В., 1969, с. 102—128; Зданович С. Я., 1967, с. 138, 139), городищ Большой Лог, Безымянное II, Петровское, Айткуловское, Евгачино и др., Горносталевского поселения, Окуневского и Ирчинского могильников на Иртыше (Генинг В. Ф., Голдина Р. Д. 1967, с. 145—148); Могильников В. А., 1973а, с. 92—99; 1974б, с. 76—86; Чагаева А. С., 1966, с. 118—130; 1968, с. 166, 167; 1973, с. 103—118; Генинг В. Ф., Корякова Л. Н., Овчинникова Б. Б., Федорова Н. В., 1970, с. 215—224; Могильников В. А., Конилов Б. А., 1983, с. 162—182). Эти исследования создали довольно надежную источниковедческую базу для характеристики различных аспектов изучаемой культуры.

Впервые потчевашская культура выделена В. И. Мошинской, отнесшей ее к раннему железному веку и датировавшей второй половиной I тысячелетия до н. э. (Мошинская В. И., 1953а, с. 216). В основу характеристики этой культуры были положены полученные в ходе любительских раскопок материалы Потчевашских курганов и городища, давших наименование культуре. Включены были и материалы ряда других памятников бассейна Среднего и Нижнего Иртыша, исследованных рекогносцировочно. Позднее выяснилось, что потчевашские памятники разновременны и содержат отложения различных культур — материалы из курганов принадлежат в основном саргатской культуре раннего железного века (Могильников В. А., 1972, с. 66—87), а материалы городища и небольшой комплекс вещей

Карта 37. Памятники потчевашской культуры

а — городище; б — поселение; в — местонахождение керамики; г — курганный могильник; д — грунтовый могильник; е — курганы, демонстрирующие смешение потчевашского и тюркского населения; ж — городище со смешанными потчевашско-оронтурскими чертами в керамике; з — памятники со слабо насыщенным слоем и единичными находками керамики; и — курганы ассимилированного тюрками потчевашского населения; 1 — Качиры; 2 — Боброво; 3 — Башмачное; 4 — Баклуши; 5 — Чулым II; 6 — Абрамово; 7 — Ложка IV; 8 — Туруновка I; 9 — Венгерово II; 10 — Сопка II; 11 — Игнатьевка; 12 — Преображенка I; 13 — Преображенка III; 14 — Преображенка VII; 15 — Ростовка (Ермаково); 16 — Сперановка; 17 — Большой Лог; 18 — Богданово; 19 — Горносталево; 20 — Ирча; 21 — Артын; 22 — Евгачино; 23 — Кыштовка; 24 — Курганка; 25 — Тамочная; 26 — Окунево VII; 27 — Окунево III; 28 — Малые Мурлы; 29 — Мурлинское (Айткулово); 30 — Мурлинские (Айткуловские) курганы; 31 — Атак; 32 — Безымянное II; 33 — Большая Пристань; 34 — Новогородное I (Линевская Сопка); 35 — Новогородное II (у Детского дома); 36 — Ильчебага; 37 — Белый Яр; 38 — Ямсыса; 39 — Петрово; 40 — Утузы; 41 — Кип I, городище; 42 — Кип II; 43 — Красноярка; 44 — Эбаргуль; 45 — Ачикуль; 46 — Пахомово; 47 — Пахомовская Пристань; 48 — Логиново; 49 — Лихачево; 50 — Узлово; 51 — Кокуй; 52 — Чушино; 53 — Горки I; 54 — Отнога; 55 — Бурмистрово; 56 — Лиственный Увал; 57 — Новоникольское I; 58 — Искер; 59 — Ивановское; 60 — Савина; 61 — Потчеваш, могильник; 62 — Потчеваш, городище; 63 — Кошелево; 64 — Рачево II

из курганов — потчевашской (Генинг В. Ф., Корякова Л. Н., Овчинникова Б. Б., Федорова Н. В., 1970, с. 222; Чагаева А. С., 1970, с. 237).

Надежным основанием для пересмотра хронологии

Потчевашского городища явилось открытие Лихачевского могильника, где сосуды, аналогичные потчевашским, встречены вместе с металлическими вещами, деталями поясных наборов, восточными монетами, датирующими этот памятник VII в. (Зданович С. Я., 1967, с. 139). Это позволило В. Ф. Генингу и другим исследователям (Генинг В. Ф., Корякова Л. Н., Овчинникова Б. Б., Федорова Н. В., 1970, с. 222) основной комплекс Потчевашского городища отнести к потчевашской культуре.

Слабая изученность памятников потчевашской культуры приводит к отсутствию единодушия при определении ее ареала. Основываясь на сходстве ряда черт керамики, Н. В. Федорова выступила против выделения отдельных — потчевашской в Прииртышье и релкинской в Приобье — культур, предлагая рассматривать их как варианты карымского этапа культуры Обь-Иртышья (Федорова Н. В., 1978, с. 81). Действительно, четкие границы между потчевашской и релкинской культурами пока не определены.

Разногласия существуют и в этнической атрибуции потчевашских памятников. В. Н. Чернецов (Чернецов В. Н., 1953в, с. 241), а вслед за ним ряд других исследователей считают потчевашскую культуру угорской. В. Ф. Генинг (Генинг В. Ф., 1972, с. 274) высказал мнение о самодийской принадлежности потчевашского этноса. В. И. Васильев и В. А. Могильников (Васильев В. И., Могильни-

ков В. А., 1981, с. 60) придерживаются мнения о сложном этническом составе потчевашского населения, включившего в свой состав древние угорские и самодийские элементы.

Потчевашская культура локализуется в южной подзоне тайги, в лесостепи Среднего и Нижнего Прииртышья и Приишимья. Границы ее определяются пока ориентировочно (карта 37). В Прииртышье, на юго-востоке, в ее ареал входил бассейн р. Омь, включая Барабинскую лесостепь. На юге, на правобережье Иртыша, памятники этой культуры фиксируются у с. Качиры Павлодарской обл. В Приишимье потчевашские памятники известны в Ишимской лесостепи и в таежной части по Нижнему Ишиму. В Иртыш-Ишимском междуречье выявлены только отдельные поселения на озерах Ик и Ачикуль (Могильников В. А., 1972а, с. 279). В таежной зоне Прииртышья памятники потчевашской культуры распространены до Тобольска и, возможно, далее к северу.

Памятники потчевашской культуры представлены поселениями, грунтовыми и курганными могильниками. Кроме того, известны местонахождения вещей и керамики. Наиболее полно изучены поселения, представленные двумя типами — городищами и селищами. Численно преобладают первые. Раскопки проведены на 13 городищах и одном селище (Горностаево), на которых вскрыты небольшие площади. Только на Логиновском городище исследована вся жилая площадка и почти полностью система укреплений (Генинг В. Ф., Евдокимов В. В., 1969, с. 102—105).

Поселения располагались преимущественно на мысовидных выступах террас, останцов и с напольной стороны защищались валом и рвом или системой из двух-трех валов и рвов. Небольшое число поселений занимает ровные участки террас и укреплены выходящими к обрыву берега реки или озера полукольцевыми валами и рвами — городища Узловское, Логиновское, Ачикуль и др. (табл. LXXVI, 8, 9). Валы и рвы сильно оплыли. Высота валов с напольной стороны обычно не превышает 1—1,2 м, глубина рвов 0,6—0,7 м. Иногда у валов прослеживаются выступы — возможно, остатки основания башен (Логиновское городище). Часто ров в средней части имеет перемычку, а вал соответственно выемку для проезда на поселение (табл. LXXVI, 7, 8). Пологая стрелка мыса в некоторых случаях дополнительно укреплена эскарпом (Петровское городище).

Площадь поселений колеблется от 600 до 6000 кв. м. Жилая площадка Логиновского городища занимала около 550 кв. м.

Устройство укреплений исследовано почти полностью на Логиновском городище (Генинг В. Ф., Евдокимов В. В., 1969, с. 103—106) и частично (траншеей шириной в 1 м) на Узловском городище (Стоянов В. Е., 1969, с. 77). Система фортификации последнего состояла из трех валов и двух рвов (заполненных пестроцветом и темно-серой супесью). Конфигурация укреплений Логиновского городища в плане близка трапеции. С южной и северной сторон линий укреплений находились полукруглые выступы длиной 6 м и шириной 3,5 м, представлявшие собой, очевидно, основания башен (табл. LXXVI, 9). Ров шириной 2—3 м и глубиной

1—1,5 м имел почти вертикальные стенки и плоское дно. Вдоль внутреннего края рва была сооружена стена в виде срубов, уложенных на поверхности земли и засыпанных землей, взятой из рва. Предположительно ширина вала составляла не более 1,5—2 м при высоте не менее 2—3 м. К внутренней стене вала примыкали ряды жилищ.

Конфигурация оснований башен свидетельствует о том, что они были выдвинуты перед линией укреплений. Помимо северной и южной башен, возможно, башни стояли у северо-западного и юго-восточного углов поселения, где в ров вдаются небольшие выступы.

На площадках городищ в ряде случаев прослеживаются впадины от углубленных в землю жилищ. Однако о планировке поселений и о числе одновременно существовавших домов судить трудно. На Логиновском поселении, которое обживалось короткое время, вскрыто 10 жилищ. Из них восемь стояли близко друг к другу в два ряда, а два жилища, возможно позднее, были построены между рядами домов (табл. LXXVI, 9). При этом жилыми сооружениями было занято около половины площади городища, а четыре жилища восточного ряда стояли настолько плотно друг к другу, что между ними почти не оставалось прохода и они образовывали как бы единую постройку (Генинг В. Ф., Евдокимов В. В., 1969, с. 114). Жилища обращены входами к улице между рядами домов. Возле них располагались хозяйственные ямы, число которых невелико.

Всего на поселениях потчевашской культуры изучено более 20 жилищ — на городище Логиново — 10, Узлово — одно, Чупино — два, поселение Горностаево — два и фрагментарно на городищах Петрово, Преображенка I и Труновка I. Несколько жилищ исследовано на Мурлинском городище.

Жилища прямоугольной формы, наземные, с несколькими врезанным в грунт котлованом размерами около 5×4, 5×5 и 5×3,2 м при глубине 0,35—0,70 м. Остатки входов в жилища фиксируются в виде небольших приподнятых площадок, вдающихся в котлован (табл. LXXVI, 9—11). Несколько отличалась форма котлована жилища на Узловском городище. Здесь прямоугольный котлован размерами 5×3,2 м и глубиной 0,5—0,7 м у юго-восточного угла имел прямоугольный выступ размерами 2,2×1,4 м, рядом с которым находились остатки очага. Назначение выступа не совсем понятно. Общая площадь жилищ варьирует от 16,8 до 33 кв. м.

Для реконструкции верхней части жилищ данных мало. Предположительно это бревенчатый сруб, поставленный на краю котлована. От перекрытий сохранились остатки обгорелых жердей толщиной 10—15 см. Крыша из жердей, перекрытых хворостом и землей с дерном, была, по-видимому, плоской, покатым к одной из стен. Поверх земляной засыпки крыши обмазывалась речным илом, тщательно затертая и высохшая поверхность которой не промокала в дождь (Генинг В. Ф., Евдокимов В. В., 1969, с. 110).

Внутри жилищ, преимущественно в центральной части, располагались очаги. По конструкции они разделяются на три типа. Тип 1 — находящийся несколько ниже уровня пола очаг с канавкой П-образной формы, окружавшей его площадку, ровную или немного приподнятую и обрамленную валиком. Канавки шириной 0,3—0,4 м, глубиной 0,10—0,15 м

устраивались, очевидно, для ограждения очага и удобства обращения с ним. Размеры таких отопительных сооружений 1,8–2,3×1–3,3 м. Тип 2 — открытые очаги, помещавшиеся в небольших углублениях пола, чаще в центре, а иногда ближе к выходу, против входа и у стен. В жилище их бывает от одного до четырех. Тип 3 — очаг в большом углублении в центре жилища, как, например, в жилище 1 Логиновского городища.

Кроме того, на поселениях расчищены ямы преимущественно овальной формы, размерами 0,7–1,5×0,3–1,35 м и глубиной в материке до 0,5 м. Часть их, возможно, использовалась как погребки для хранения продуктов. На поселениях обнаружены также открытые кострища, которые могли служить для приготовления пищи в летнее время. На Логиновском городище выявлено три таких кострища и исследовано два крупных зольника возле вала. Размеры последних 6×1,5 и 1,6×0,9 м при толщине до 0,2 м.

У северной башни Логиновского городища открыты остатки сооружения, предположительно культового, в виде приподнятой площадки размерами около 2,2×2,1 м, в центре которой был установлен столб, оформленный, возможно, в виде идола (Генинг В. Ф., Евдокимов В. В., 1969, с. 113, 114).

Погребальный обряд потчевашской культуры характеризуется захоронениями в грунтовых — Лихачево, Окунево, Сопка (Зданович С. Я., 1967, с. 138, 139; Могильников В. А., Конилов Б. А., 1983, с. 162–182) — и курганных — Ирча, Качиры, Потчеваш, Айткулово, Чулым II, Преображенка III (Могильников В. А., 1970б, с. 206, 207; Агеева Е. И., Максимова А. Г., 1959, с. 54, 55; Мошинская В. И., 1953а, табл. VII, 1; Heikel A., 1894, pl. IV, 9, 10, 15, 20; IX, 7, 17; X, 3–14; XI, 10, 12; Чагаева А. С., 1973, с. 103–118; Молодин В. И. Савинов Д. Г., Елагин В. С., 1981) могильниках.

Всего исследовано девять могильников, на которых вскрыто свыше 80 погребений. Полностью раскопаны могильники Лихачевский (29 погребений) и Окуневский III (28 погребений). На могильнике Сопка вскрыто одно погребение, на могильнике Ирча раскопан один курган с двумя захоронениями, в Качирском могильнике — один курган с трупосожжением, в Айткуловском I — шесть курганов с восемью погребениями, в Айткуловском II — курган 1 с шестью и курган 2 с одним погребением. Следует отметить, что могильники Айткулово I и II, Чулым II относятся ко второй половине VIII — первой половине IX в., т. е. уже к переходному периоду от потчевашской к усть-ишимской культуре.

Потчевашскому обряду погребения свойственен биритуализм — сочетание трупоположения с трупосожжением. Погребения с кремациями представлены на могильниках Окуневском III — 24 захоронения, Айткуловском — одно (Шемякина А. С., 1977, с. 212) и еще одно в Качирском, в кургане 12 (Агеева Е. И., Максимова А. Г., 1959, с. 54, 55). На других памятниках захоронения совершены по способу ингумации, причем отмечается большая роль огня в обрядности (Лихачевский могильник). Прослеживается и определенная тенденция: вытеснение погребений с кремацией, которые со временем сме-

няются ингумациями. На Окуневском III могильнике конца VI — первой половины VIII в. представлено 24 захоронения с кремациями и четыре с ингумациями, а на расположенных поблизости Айткуловских могильниках второй половины VIII — первой половины IX в. на 12 погребений с трупоположениями приходится два трупосожжения.

Наиболее ранние погребения рассматриваемой культуры (VI — начало VII в.) представлены грунтовыми захоронениями остатков кремаций в Окуневском III могильнике (погребение XX). Самая ранняя ингумация (Окунево III, погребение 2 относится к концу VI–VII в. К VII в. принадлежат погребения могильников Лихачево и Ирча. Захоронения с ингумациями в грунтовых могильниках (Лихачево) и курганных (Ирча) одновременны. Погребения по обряду трупосожжения также встречаются в грунтовых (Окунево III) и курганных (Айткулово I и II) могильниках.

Кремация совершалась на стороне. Остатки сожжения — мелкие кусочки пережженных костей — захоранивались в ямах на глубине 0,2–0,5 м, в гумусированном слое, выше уровня материка, близ его горизонта. Контуры могил выявляются по концентрации пережженных костей и предметов инвентаря обычно на площади около 0,4×0,4 м, а в отдельных случаях на более обширном и вытянутом участке (длиной до 1,2–1,3 м). Иногда кусочки костей лежали компактно. Возможно, они были завернуты в ткань или какой-либо другой несохранившийся органический материал. Судя по небольшому количеству останков, в погребения помещали только часть костей, среди которых попадаются зубы, мелкие кусочки древесного угля и в единичных случаях (Окунево III, погребение XX) зола.

Собранные с погребального костра кальцинированные кости ссыпали на уложенный на дне могильной ямы инвентарь. Это орудия труда (тесла, ножи), предметы вооружения (наконечники стрел, перекрестье сабли, панцирные пластины), конское снаряжение (стремена), детали одежды, поясные наборы, украшения (застежки, пряжки, бляхи, бусы, пронизки, накладки, зоо- и антропоморфные изображения), которые, возможно, имели также культовое назначение. Иногда вещи лежали и среди костей. Большинство предметов не сжигали вместе с покойником, но отдельные железные вещи имеют огневую патину, а бронзовые оплавлены. Не исключено, что патина железных и оплавленность бронзовых вещей — результат соприкосновения их с горячими остатками кремации в могильной яме. В погребении помещали также часто один-два глиняных сосуда. Они ставились несколько в стороне, в 0,8–1 м от скопления костей (Окунево III, погребение VII), а в отдельных случаях (Окунево III, погребение IX) устанавливались прямо на костях.

По количеству инвентаря погребения делятся на три группы: обильно снабженные инвентарем, обычно с оружием, поясными наборами — захоронения воинов (Окунево III, погребения I, III, IV, XX); с единичными вещами или сосудом; без вещей (Окунево III, погребения XII–XIV), что отражает социальную дифференциацию общества.

Два погребения по обряду ингумации, вскрытые на Ирчинском курганном могильнике (Могильни-

ков В. А., 1970б, с. 206), относятся к VII в. Остальные захоронения под курганами более поздние, датируются второй половиной VIII — первой половиной IX в. Грунтовых погребений с ингумациями раскопано 33 (Лихачевский могильник — 29 погребений, Окунево III — четыре).

Труположения совершались в прямоугольных или овальных ямах, по размерам несколько превышающих рост погребенных. Ямы простые, мелкие, с вертикальными стенками, глубиной до 1,15 м, ориентированы преимущественно с северо-запада на юго-восток. Как правило, захоронения одиночные; только в Лихачевском могильнике зафиксировано одно парное погребение (Генинг В. Ф., А-1964, с. 152). Преобладающее большинство погребенных лежит на спине, вытянуто, головой на северо-запад. В Лихачевском могильнике отмечены три захоронения скорченных на правом боку (Генинг В. Ф., А-1964, с. 152). Руки умерших вытянуты вдоль туловища или несколько согнуты в локтях; ноги вытянуты, а в погребении III Окунево III — перекрещены.

В Лихачевском могильнике сохранились остатки внутримогильных деревянных конструкций, позволяющие реконструировать детали погребального ритуала. Погребенного укладывали на берестяную подстилку. Вдоль стенок могилы устраивали деревянную раму, на которую опиралось перекрытие из продольных жердей, иногда с подкладкой из поперечных коротких жердочек. Сверху жерди накрывались берестой, которая перед засыпкой ямы поджигалась или на нее сбрасывали угли погребального костра. При этом перекрытие обгорало, а в отдельных случаях происходило и обжигание трупа (Генинг В. Ф., 1972, с. 274, А-1964, л. 161). Погребение 20 Лихачевского могильника совершено в части долбленной лодки (Генинг В. Ф., А-1964, с. 160).

Многие погребенные сопровождалась вещами. Состав их в основном аналогичен инвентарю из трупосожжений. Он также включает орудия (ножи, тесла), оружие (наконечники стрел с остатками колчанов), конское снаряжение (стремена, удила), детали одежды и поясных наборов, украшения. Глиняные сосуды найдены в большинстве погребений. Они стоят в изголовье, в ногах, реже — в средней части ямы, сбоку от погребенного; отдельные сосуды перевернуты вверх дном. Остатки жертвенной пищи представлены костями лошади и птицы. Их, возможно, помещали в могилы с культовой целью, так как, согласно представлениям угорских народов, птица должна была сопровождать душу умершего в загробный мир (Чернецов В. Н., 1959, с. 156). Детали костюма и украшения находятся обычно в тех местах, где их носили при жизни. Предметы вооружения и конского снаряжения сопровождают мужские захоронения и обычно помещены в ногах, но наконечники стрел найдены и у головы (Окунево III, погребение I).

Помимо того, на Окуневском III могильнике обнаружены отдельно стоящие сосуды, сопровождающиеся челюстью лошади и представляющие собой, вероятно, остатки тризны. Некоторые из них перевернуты вверх дном. На Лихачевском могильнике выявлены остатки кострища с лошадиными зубами вокруг него.

Ритуал захоронения под курганами в основном идентичен обряду труположения в грунтовых могильниках. Насыпи круглые или овальные, диаметром 7–16 м и высотой 0,3–1 м. Под одной насыпью содержатся от одного до шести погребений, произведенных на уровне древнего горизонта, в насыпи или в материковых ямах на глубине до 0,3 м. В погребении 3 кургана Айткулово II обнаружена деревянная рама, ограничивавшая захоронение. Следует отметить, что при общем преобладании северо-западной ориентировки погребенные в Айткуловских могильниках были уложены головой на юг и юго-восток (Чагаева А. С., 1973, с. 103–115), что, возможно, отражает своеобразие этнического состава. Здесь же имеется погребение человека с конем (Чагаева А. С., 1973, с. 116), несвойственное потчевашской культуре и отражающее контакты с более южным, степным тюркским населением, у которого ритуал захоронения человека с конем был довольно распространен (Гаврилова А. А., 1965; Грач А. Д., 1968).

Вещевой инвентарь потчевашской культуры довольно разнообразен. Основные орудия труда, предметы вооружения и конского снаряжения изготовлены из железа, но наряду с ним в качестве поделочного материала широко использовалась кость. Детали костюма, украшения, пряжки, бляхи, культовые зоо- и антропоморфные изображения отлиты, как правило, из бронзы, а также белых сплавов, сплава меди с большим количеством олова, слабо подверженного коррозии.

Для обработки дерева и, возможно, для разрыхления земли служили железные тесла-мотыжки с несомкнутой втулкой для крепления рукоятки, с прямоугольной или слегка расширяющейся рабочей частью (табл. LXXVII, 46). Эти орудия в памятниках лесостепи и таежной зоны Западной Сибири в конце I тысячелетия до н. э. пришли на смену бронзовым кельтам и с некоторыми модификациями использовались обскими уграми и селькупам до XVII в. (Дульзон А. П., 1952, табл. IX, 34; 1955а, табл. VII, 8).

Железные ножи по форме делятся на три типа. Численно преобладают небольшие ножи с прямой или слегка горбатой спинкой, плавно переходящей в черенок, и уступом при переходе от лезвия к черенку (табл. LXXVII, 40). Это хозяйственные ножи, встречающиеся в мужских и женских захоронениях. В небольшом числе представлены крупные ножи с прямой спинкой и двумя уступами, со стороны спинки и лезвия, при переходе от клинка к черешку (табл. LXXVII, 37). У основания черешка они снабжены обоймами для предохранения рукоятки от раскалывания. Такие ножи обнаружены в мужских погребениях и являются, очевидно, принадлежностью охотников и воинов. Аналогии им известны в тюркских памятниках Алтая и Тувы (Вайнштейн С. И., 1966, табл. I, 8). Ножи с вогнутой спинкой и выпуклым дуговидным лезвием типа «сапожных» ножей единичны (табл. LXXVII, 41). Они, возможно, имели специальное назначение, например для резания кожи.

Железные ножи имели деревянные и костяные рукоятки (табл. LXXVII, 38). Для ношения ножей служили ножны, делавшиеся из дерева, бересты и

кожи, с бронзовыми и железными оковками (табл. LXXVII, 50). Ножны подвешивались к поясу на цепочках с восьмерковидными витыми звеньями (табл. LXXVII, 49). Такие ножны известны в реликвинской культуре (Чиндина Л. А., 1977, рис. 3, 31; 4, 12; 19, 10; 21, 10; 21, 14), а также в памятниках харинского типа Приуралья (Голдина Р. Д., 1979, рис. 1, 52).

Кроме железных, на поселениях найдены ножи, сделанные из кусков трубчатой кости или ребер (табл. LXXVII, 44). Подобными им обские угры пользовались для чистки рыбы вплоть до XIX в. (Мошинская В. И., 1953б, с. 90).

Для раскалывания дерева применяли также роговые и костяные клинья (табл. LXXVII, 34), во множестве обнаруженные на ряде потчевашских поселений (Мурлинское, Потчевашское, Логиновское городища). Подобные изделия из рога оленя обские угры использовали для раскалывания прямых стволов на брусья и «жалье» (дранку), применявшиеся при устройстве «заколов» для ловли рыбы (Sirelius U. T., 1903, S. 114, Abb. 15). Заполированность некоторых клиньев позволяет предполагать употребление их в качестве мотыг для разрыхления почвы (Мошинская В. И., 1953а, с. 206).

Костяные молоты (табл. LXXVII, 35), возможно, применялись для разбивания стеблей дикой конопли или крапивы при отделении волокна от костра, а также в керамическом производстве для придания однородности смеси глины и шамота, как и деревянный молот у якутов (Подгорбунский В. И., 1928, с. 129, 130, табл. I, 1).

Изделия из кожи выделывались с помощью железных и костяных шильев (табл. LXXVII, 29–31). Иглы не известны, но обнаружены полированные и орнаментированные игольники, сделанные из трубчатых костей птиц (табл. LXXVII, 32).

Пряслища, найденные в значительном числе на поселениях, глиняные, костяные плоские или из головок трубчатых костей (табл. LXXVII, 56–58, 61–64). Численно преобладают плоские круглые глиняные пряслища, но наряду с ними представлены пряслища подшаровидной и полусферовидной форм (табл. LXXVII, 56, 64). Большинство пряслищ орнаментировано оттисками гребенчатого штампа или насечками, образующими радиальные фигуры. Кроме того, имеются звездчатые резные узоры и ямочные вдавления.

Орудиями бронзолитейщиков являлись глиняные тигли и льячки. Тигли двух типов: небольшие плоскодонные сосудики чашевидной формы и рюмковидные (табл. LXXVII, 51). Льячки (табл. LXXVII, 53) имели вид небольших чашечек с ручкой или без нее (Чагаева А. С., 1970, табл. I, 118, 119). Захватывали их, очевидно, щипцами, которые на памятниках потчевашской культуры хотя и не найдены, но зато известны в одновременных древностях Томского и Нижнего Приобья (ЗРАО, 1899, табл. IV, 1).

На городищах Мурлинском и Большой Лог обнаружены железные серпы (Шемакина А. С., 1976, с. 190; Чернецов В. Н., Мошинская В. И., 1951, рис. 27, 7). Они сильно изогнуты, небольшие, длиной около 14 см по дуге изгиба вместе с черенком рукоятки (табл. LXXVII, 39).

Предметы вооружения потчевашской культуры

во многом аналогичны оружию соседних лесных и лесостепных культур.

Железные наконечники стрел черешковые, трех типов: трехлопастные, четырехгранные и плоские. Трехлопастные наконечники двух видов — с трапециевидными лопастями, имеющими круглые отверстия, и с треугольными лопастями (табл. LXXVII, 21, 22). Такие наконечники употреблялись в то время на широкой территории — и в Среднем Приобье (Чиндина Л. А., 1977, рис. 3, 14; 19, 15; 24, 9), и на Алтае (Гаврилова А. А., 1965, табл. VIII, 2; XI, 9–12; XVII, 7–10; XIX, 11–17; XXII, 3, 4). Плоские наконечники стрел листовидной формы (табл. LXXVII, 1) употреблялись во второй половине I тысячелетия н. э. наряду с трехлопастными также на обширной территории (Арсланова Ф. Х., 1968, вклейка, рис. 14–16; Деревянко Е. И., 1977, табл. 37, 1). Бронебойные наконечники стрел квадратного и ромбического сечения с шиловидным и долотовидным острием и шипами (табл. LXXVII, 43) ближайшие аналогии находят в могильниках Релка и Архиерейская Заимка (Чиндина Л. А., 1977, рис. 6, 8; 25, 15; ЗРАО, 1899, табл. II, 23).

Костяные черешковые наконечники стрел многочисленны и разнообразны по величине и форме головки (табл. LXXVII, 4–20). Изготавливались они обычно из трубчатых костей животных. По форме сечения головки они могут быть разделены на трехгранные и ромбические. Изредка встречаются наконечники с вильчатым пером и игловидной формы (Мошинская В. И., 1953а, табл. X, 11). Переход от головки к черешку плавный или имеет шипы.

Из кости делали также гарпуны и гарпунные наконечники стрел (табл. LXXVII, 23–25), применявшиеся, очевидно, для стрельбы по крупной рыбе на мелководье во время нереста. Разнообразие костяных наконечников стрел, вероятно, связано с развитым охотничьим хозяйством и специализацией форм наконечников в зависимости от объектов промысла.

Копья железные втульчатые с узким ромбическим в сечении пером представлены двумя экземплярами из Айткуловских курганов (табл. LXXVII, 42, 48). Они предназначены для пробивания металлических доспехов типа панцирей и кольчуг и ближайшие аналогии имеют в Среднем Приобье (Чиндина Л. А., 1977, рис. 17, 6).

Стрелы укладывали в колчаны. Исходя из положения наконечников стрел в погребениях остриями преимущественно к ногам, логично предположить, что в колчанах они лежали наконечниками вниз, в отличие от тех, которые клали тюрки Алтая, помещавшие стрелы вниз оперением (Евтюхова Л. А., Киселев С. В., 1941, рис. 19, 50). Вероятно, для подвешивания колчанов, а возможно, и для застегивания поясов, служили железные и костяные крючки (табл. LXXVII, 27, 28, 45). Для того же, по-видимому, предназначались костяные пластины с отверстиями на концах (табл. LXXVII, 67), найденные в комплексах с наконечниками стрел. Подобные пластины обнаружены в памятниках Среднего Приобья (Чиндина Л. А., 1977, рис. 10, 11).

В одном из захоронений Окуневского III могильника обнаружено железное перекрестье сабли (Могильников В. А., Конилов Б. А., 1983, рис. 6, 11).

Защитным доспехом был пластинчатый панцирь, от которого сохраняются железные пластины, скреплявшиеся друг с другом заклепками (табл. LXXVII, 60). Пластины имели различную величину и прямые, округлые или волнистые края в зависимости от их места в доспехе. Пластинчатые доспехи были широко известны населению лесного Приобья (Чиндина Л. А., 1977, рис. 24, 17), тюркоязычному населению Саяно-Алтая (Гаврилова А. А., 1965, табл. V, 1) и Средней Азии (Распопова В. И., 1980, табл. 53, 4). Конь у потчевашского населения служил транспортным животным. Глиняные фигурки коня с всадником (табл. LXXVII, 47) найдены на Потчевашском городище (Мошинская В. И., 1953а, табл. XII). Судя по изображению, седла имели высокие переднюю и заднюю луки, которые изготовлялись, очевидно, из дерева, вследствие чего их остатки не сохранились. Седла с высокими луками в то время были распространены у ряда групп тюркоязычного населения Саяно-Алтая и Средней Азии, где известны находки металлических и костяных гравированных накладок от подобных луков (Гаврилова А. А., 1965, табл. XVI, 1; Кызласов Л. Р., 1969, рис. 93, 1). В Киргизии также найдены остатки деревянной основы седла с высокой лукой (Кибилов А. К., 1957, рис. 3). Высокие луки имеет и седло одного из коней, изображенных на Кудэргинском валуне (Гаврилова А. А., 1965, табл. VI).

Железные стремяна двух типов: восьмерковидные с округлой дужкой и узкой подножкой с ребром (табл. LXXVIII, 37), характерные для VI—VII вв., а также стремяна с дужкой, по форме близкой к арочной, с широкой подножкой и пластиной на шейке, с прямоугольным отверстием для путлища (табл. LXXVIII, 1) типа, свойственного для второй половины VIII — первой половины IX в.

Очевидно, из-за нехватки железа делали также стремяна из кости. Такие стремяна обнаружены на Потчевашском городище (Федорова Н. В., 1974, с. 34). Они изготовлены из подрезанных лопаток животных и снабжены прорезями для ноги и ремня путлища. Подпружные пряжки были бронзовыми и костяными (табл. LXXVIII, 14, 38). Удила железные, однокольчатые, со стержневыми псалиями. Во второй половине VIII—IX в. появляются удила с восьмерковидными концами (табл. LXXVIII, 2), характерные для тюркских памятников Саяно-Алтая того же периода (Гаврилова А. А., 1965, рис. 16, 6).

В значительном количестве в мужских погребениях встречены детали поясных наборов — пряжки, бляшки, наконечники ремней. Большинство пряжек медные, отдельные экземпляры кованы из железа. Бляшки и наконечники ремней медные или из сплава на медной основе. Предметы поясной гарнитуры повторяют в основном евразийские степные образцы поясов с геральдическими бляхами и псевдопряжками конца VI—VII в. (табл. LXXVIII, 39, 45, 47, 48) и поясов с бляхами-оправами конца VII — первой половины IX в. (табл. LXXVIII, 3).

Наиболее ранние экземпляры пряжек — круглорамчатые с длинным выступающим хоботовидным язычком (табл. LXXVIII, 54), аналогичные известным в комплексах конца IV—VI в. (Генинг В. Ф., 1979, табл. II, 4; Голдина Р. Д., 1979, рис. 1, 45, 51). Основной комплекс конца VI—VII в. представ-

лен цельнолитыми геральдическими пряжками с В-образной прямоугольной или овальной рамкой приемника (табл. LXXVIII, 43, 46, 55). С VIII в. появляются пряжки с овальным приостренным кольцом приемника и рамчатым щитком (табл. LXXVIII, 23, 26), аналогию которым имеются в Пенджикенте в слоях первой — третьей четверти VIII в. (Распопова В. И., 1980, с. 87, рис. 61).

Наиболее поздний поясной набор происходит из погребения 1 могильника Окунево III, где ремень декорирован бронзовыми бляхами-оправами с фасетированным краем (табл. LXXVIII, 3). Такие бляшки встречаются на широкой территории в памятниках VIII — первой половины IX в. (Голдина Р. Д., 1979, рис. 1, 136; Плетнева Л. М., 1973, с. 101, табл. II, 13—15; Распопова В. И., 1979, рис. 3, 8, 10).

В некоторых погребениях найдено по две (Окунево III, погребения I, XX) и даже три (Окунево III, погребение IV) пряжки, что может свидетельствовать о наличии пряжек на подвесных ремешках или о ношении отдельными лицами двух поясов. Такой обычай существовал у населения Среднего Приобья и у тюрков, что нашло отражение в предметах мелкой пластики (Чиндина Л. А., 1977, рис. 44) и каменных изваяниях Семиречья (Шер Я. А., 1966, табл. IV, 19). Согласно реконструкции Д. Ласло, у знати авар Подунавья один пояс служил для подвешивания колчана, второй — меча (László G., 1955, fig. 47, 60, 80).

Детали одежды представлены также бронзовыми и костяными профилированными застёжками (табл. LXXVIII, 50), подобными находкам с памятников VI—VII вв. Верхней Оби и горного Алтая (Грязнов М. П., 1956, табл. IV, 13; Гаврилова А. А., 1965, табл. XXI, 15).

Наиболее распространенными украшениями были серьги и бусы. Серьги бронзовые, литые, трех типов. Тип серег с несомкнутой дужкой, отлитой вместе с фигурной или гладкой подвеской (табл. LXXVIII, 25), характерен для VII—VIII вв. Во второй половине VIII — первой половине IX в. появляются серьги салтовского типа с овальным кольцом и шариком с профилированной литой подвеской (табл. LXXVIII, 5, 10), а также характерные для приалтайских кимаков серьги (табл. LXXVIII, 6) в виде несомкнутого кольца (Степи Евразии, 1981, рис. 26, 91).

Комплекс VI—VIII вв. содержит преимущественно бронзовые литые боченковидные бусы местного производства (табл. LXXVIII, 34). В погребении XX Окунево III ожерелье состояло из 40 таких бусин (Могильников В. А., Конилов Б. А., 1983, с. 170). Бронзовые бусы в это время были широко представлены также в памятниках лесного населения Среднего и Верхнего Приобья (Чиндина Л. А., 1977, рис. 3, 23; 5, 4; 6, 16; 8, 10; 11, 17; 13, 2; Троицкая Т. Н., 1978, рис. 4, 10). На Потчевашском и Кошелевском городищах обнаружены глиняные бусы цилиндрической и полуцилиндрической форм, украшенные оттисками зубчатого штампа, наколами и нарезками (табл. LXXVII, 54, 55, 59, 65). Импортные многогранные сердоликовые и хрустальные бусы (табл. LXXVIII, 35, 41) единичны (Могильников В. А., Конилов Б. А., 1983, рис. 9, 1; 10, 3, 4).

По функциональному назначению к бусам примыкали провизки, свернутые из медного листка или скрученной спиралью проволоки (табл. LXXVIII, 30, 32).

Браслеты встречаются редко и представлены тремя типами. Наиболее ранний тип (V—VI вв.) характеризуется двумя браслетами (табл. LXXVIII, 58) из спирально свернутой медной пластины с обмотанными медной проволокой концами (Могильников В. А., Конигов Б. А., 1983, рис. 9, 21). Браслеты с несомкнутыми концами из круглого медного дрота, с утолщениями в середине и на концах или без них (табл. LXXVIII, 19, 20) подобны часто встречающимся в памятниках VI—IX вв. Браслет с изображениями лосиных головок на концах (табл. LXXVIII, 42), судя по стилю, отлит местными мастерами, а типологически принадлежит к браслетам «со звериными головками» VI—VII вв. (Голдина Р. Д., 1979, рис. 1, 22, 198; Деопик В. Б., 1963, с. 130).

Перстни тоже довольно редки. Относятся они к типу щитковых. В Окуневском III могильнике VI—VIII вв. обнаружен бронзовый цельнолитой перстень с прямоугольным щитком (табл. LXXVIII, 24), а в комплексах второй половины VIII — первой половины IX в. — перстни салтовского типа со стеклянными вставками на щитках или с литой имитацией вставки (табл. LXXVIII, 7, 11, 12).

В погребениях находят также костяные и бронзовые подвески. В погребении XX Окуевского III могильника обнаружена подвеска в виде скифского котелка (табл. LXXVIII, 51), подобная известным в таптыгской, верхнеобской и релкинской культурах (Кызласов Л. Р., 1960, рис. 28, 10, 11; Грязнов М. П., 1956, табл. XLV, 7; Чиндина Л. А., 1977, рис. 5, 5). Украшения одежды и головного убора служили бронзовые круглые нашивные бляшки, похожие на бляшки релкинской культуры.

Бронзовое зеркало дисковидной формы с позолоченной поверхностью обнаружено в погребении I Окуевского III могильника (Могильников В. А., Конигов Б. А., 1983, с. 172).

К предметам утвари относятся найденные на Потчевашском и Мурлинском городищах костяные ложки (табл. LXXVII, 66). Рукоятки некоторых ложек украшены схематическими зооморфными скульптурами (Мошинская В. И., 1953а, табл. XVI, 6).

Характерной особенностью потчевашской культуры является своеобразный звериный стиль, близкий по сюжетам и манере изображения предметам звериного стиля релкинской культуры и гораздо в меньшей мере пермскому звериному стилю. Среди сюжетов имеется медведь, лось, хищная птица типа филина или орла, бобр, соболь, антропоморфные личины, змеи. Композиции сочетают несколько сюжетов, обычно два — птица с личиной; попирающий схематично переданную змею медведь (табл. LXXVIII, 52); личины в круге, увенчанные изображением совы или головы медведя (табл. LXXVIII, 28, 31); двойные или строенные фигуры бобров (табл. LXXVIII, 21, 36), а также соболь на тулове птицы с головой медведя или филина (табл. LXXVIII, 59). Композиции из трех сюжетов единичны, например птицевидное изображение с головой медведя и личиной на груди (табл. LXXVIII,

33). В комплексе VIII—IX вв. из Мало-Мурлинского кургана встречены фантастические птицевидные изображения с головами животных (табл. LXXVIII, 9). Найдены также бляха с изображением хищной птицы типа коршуна (табл. LXXVIII, 40), бляхи с изображением трех медвежьих голов, лежащих между лап рядом или друг за другом (табл. LXXVIII, 53, 61). Последний сюжет распространен от Приуралья до Среднего Приобья, в то время как многие из названных выше изображений оригинальны и изготовлены местными, приуртышскими мастерами. Большинство изображений односторонние, плоскостные. Объемно переданы фигурки медведя, попирающего змею (табл. LXXVIII, 52). Изображения в основном реалистические, дополнены орнаментом, имитирующим шнур и мелкий «жемчужник» (табл. LXXVIII, 33, 40, 52, 59, 61). Судя по имеющимся на предметах звериного стиля ушкам, они служили бляхами, нашивками или подвесками. Им, вероятно, придавалось и культовое значение, отражавшее тотемические и анималистические представления общества.

Согласно представлениям обских угров, как уже отмечалось, птица сопровождала душу умершего в загробный мир. Возможно, личина на груди птицевидного существа символизировала душу умершего. Не исключено также утилитарное назначение некоторых предметов звериного стиля. Так, бляхи с личинами в круге (табл. LXXVIII, 28, 31), помимо солярной символики, вероятно заключенной в них, могли служить перекрестьями ремней, а бляхи с изображениями медвежьих голов (табл. LXXVIII, 53, 61) использоваться для украшения пояса.

Самым массовым материалом является керамика. Сосуды вылеплены из глины с примесью песка и мелкого шамота. Наружная их поверхность обычно заглажена, внутренняя заглажена или имеет штрихи, следы пучка травы, конца щепки или зубчатого штампа. Для окончательной отделки поверхности использовались фрагменты разбитых сосудов с гладко отполированным краем (Генинг В. Ф., Евдокимов В. В., 1969, с. 118). Цвет поверхности, как правило, темно-коричневый. Обжиг костровой, слабый, в изломе черепка видна черная полоса от невыгоревшего углерода. Абсолютная масса керамики круглодонна. По форме она делится на четыре типа.

Первый, наиболее распространенный тип представлен сосудами с прямой высокой шейкой и шаровидным туловом (табл. LXXIX, 1—4, 12, 14, 15). Шейка чаще вертикальная, реже несколько наклонена наружу. Венчики обычно плоские, иногда округлые или приостренные. Переход от шейки к тулову резкий. На Логиновском городище сосуды этого типа составляют более 56% всей керамики.

Второй тип — сосуды с высокой шейкой, наклоненной внутрь и плавно переходящей в вытянутое овальное тулово (табл. LXXIX, 9, 10, 13). Эти сосуды крупные и довольно грубые. Они немногочисленны. На Логиновском городище на их долю приходится около 8% (Генинг В. Ф., Евдокимов В. В., 1969, с. 118).

Третий тип — сосуды чашевидной формы без профилированной шейки (табл. LXXIX, 7, 11), с прямой или слегка суженной, редко расширенной горловиной, с уплощенным, иногда скошенным внутрь

и утолщенным венчиком. Они варьируют по величине от миниатюрных до больших, диаметром свыше 35 см. На Логиновском городище сосуды такого типа составляют около 26,5%.

Четвертый тип — невысокие толстостенные овальные жаровни с несколько наклоненными наружу стенками и почти плоским дном (табл. LXXIX, 8). Размеры их около 35×25 см при высоте 6–11 см. Венчики плоские, заострены или приострены. На Логиновском городище жаровни насчитывают около 8,5% всех сосудов. В могильниках представлены небольшие сосуды горшковидной (тип I) и чашевидной (тип III) формы. Обычный диаметр их 10–19 см, высота 8–16 см, толщина стенок 3–6 мм. Сосуды с поселений более крупные: диаметром по венчику около 20–35 см, высотой до 30–35 см при толщине стенок до 12 мм.

Абсолютное большинство посуды орнаментировано. Как правило, узор покрывает шейку и плечики сосуда, иногда распространяется на венчик (около 25% сосудов) и редко на тулово и дно. Для орнамента характерна строгая зональность и тщательность исполнения. Вдоль венчика почти всех сосудов проходит поясик из ряда круглых ямок, изредка «жемчужин». Он наносился поверх орнамента, подчас нарушая его, и, очевидно, имел какое-то культовое значение.

Элементы орнамента: вертикальные и слегка наклонные оттиски гребенчатого штампа расположены горизонтальными зонами; наклонные колонки из оттисков гребенчатого штампа; горизонтальные каннелюры, прочерченные штампом; горизонтальные зоны и треугольники из оттисков полулунного и рамчатого штампов (табл. LXXIX, 4, 5). Иногда встречается характерный для предшествующего периода орнамент из оттисков фигурных штампов — глазчатого, «уточки», усложненной «уточки», трехчленного, змейки (табл. LXXIX, 2, 4, 15). Очевидно, это дань древним орнаментальным традициям.

Ряды из вертикальных и наклонных оттисков штампов, гребенчатого, а также уголкового, обычно разделены горизонтальными каннелюрами. Наиболее пышно орнаментированы горшковидные сосуды типов I и II, несколько меньше — чаши, еще беднее — ладьевидные жаровни, узор которых, помимо пояска из «жемчужин» вдоль венчика, обычно ограничивается рядом или «елочкой» из наклонных оттисков гребенчатого или гладкого штампа (табл. LXXIX, 8).

На городище Кип обнаружен фрагмент глиняного изображения медведя, украшавший, вероятно, край сосуда, подобно зооморфным изображениям на венчиках сосудов релкинской культуры (Чиндина Л. А., 1977, рис. 39).

Хозяйство племен потчевашской культуры было многоотраслевым, сочетавшим скотоводство, земледелие, охоту и рыболовство. При этом в обширном ареале культуры соотношение присваивающих и производящих его отраслей было различным. В лесостепи и южной части лесной полосы преобладающее значение имели скотоводство и земледелие, в более северных лесных районах господствовали, очевидно, охота и рыболовство, а также собирательство.

Занятие земледелием документировано находками серпов на городищах Большой Лог (табл. LXXVII,

Таблица 9. Определение остеологических остатков с поселений потчевашской культуры *

Вид животных	Городище						Всего
	Мурлинское	Большая Пристань	Новоягодное I	Новоягодное II	Логиново	Петровское	
Лошадь	221/4	113/4	85/3	32/2	49/5	35/3	535/21
Крупный рогатый скот	73/3	2/1	2/1	1/1	6/1		84/7
Мелкий рогатый скот	9/1	3/1	1/1	1/1			14/4
Свинья	1/1						1/1
Верблюд			1/1				1/1
Собака	28/3	8/1	1/1		10/3	1/1	48/9
Итого домашних	332/12	126/7	90/7	34/4	65/9	36/4	683/43
Лось	14/2		6/2		6/2	52/2	78/8
Северный олень	4/1					4/1	8/2
Косуля	11/3				22/3		33/6
Медведь	1/1						1/1
Лисица	2/1				16/7		18/8
Барсук	1/1						1/1
Соболь, куница	4/3					1/1	5/4
Заяц	1/1				3/1	2/1	6/3
Бобр	1/1					1/1	2/2
Итого диких	39/14		6/2		47/13	60/6	152/35
В том числе							
копытных	29/6		6/2		28/5	56/3	119/16
пушных	10/8				19/8	4/3	33/19

* Слева — количество костей, справа — число особей; на городищах Новоягодное I и II материал обработан в целом из слоев потчевашской и усть-ишимской культур.

39) и Мурлинском (Чернецов В. Н., Мошинская В. И., 1951, рис. 27, 7; Шемякина А. С., 1976, с. 190). Орудиями обработки земли могли служить железные тесла и мотыгообразные орудия из рога оленя (табл. LXXVII, 34, 36, 46), рабочие части которых заполированы (Мошинская В. И., 1953а, с. 206, табл. XI).

Земледелие, по-видимому, играло ограниченную роль. Большое значение имело скотоводство. В остеологическом материале городищ (Генинг В. Ф., Евдокимов В. В., 1969, с. 125; Шемякина А. С., 1976, с. 188; Смирнов Н. Г., 1975, с. 37, 38) по количеству особей кости домашних животных в два раза превосходят число особей диких (лось, косуля, северного оленя). По количеству костей разница еще более значительна (табл. 9). Разводили преимущественно лошадей, а также крупный и мелкий рогатый скот. На Новоягодном городище «Линевская сопка» встречена кость верблюда, что отражает связи с югом (Шемякина А. С., 1976, с. 188). В остеологическом материале всех памятников присутствуют кости собаки, что свидетельствует о большой роли этого животного в охотничьем промысле. Основным объектом мясной охоты был лось, на втором месте стояла косуля. На Мурлинском городище обнаружены также кости северного оленя.

На поселениях имеются, кроме того, кости медведя, лисицы, барсука, соболя, зайца, бобра — почти всех пушных видов. В основном это единичные экземпляры.

Только на Логиновском городище обнаружены кости семи особей лисицы (Смирнов Н. Г., 1975, с. 38), а на Мурлинском — трех особей соболя (Шемякина А. С., 1976, с. 188).

Орудием охоты служил лук со стрелами с наконечниками различной формы. На Мурлинском городище встречен костяной наконечник стрелы с тупым концом, предназначенный для охоты на пушного зверя (Шемякина А. С., 1976, с. 188). Применялись также различного рода ловушки и загороди, известные из этнографии обских угров.

Большое значение в хозяйстве имело рыболовство. В культурных слоях поселений находки рыбьих костей и чешуи весьма многочисленны, а иногда образуют целые пласты (Мошинская В. И., 1953а, с. 204; Генинг В. Ф., Евдокимов В. В., 1969, с. 125; Генинг В. Ф., Корякова Л. Н., Овчинникова Б. Б., Федорова Н. В., 1970, с. 218; Шемякина А. С., 1976, с. 188—190). Видовое определение остеологических остатков проведено только для Мурлинского городища, где представлены кости щуки, окуня, карася, язя, стерляди, линя. Количественно преобладали кости щуки размером преимущественно от 50 до 78 см при весе от 1,3 до 7 кг (Шемякина А. С., 1976, с. 189). Меньше всего остатков осетровых — двух стерлядей длиной 50—60 см. Судя по видовому составу, население городища ловило рыбу преимущественно в пойменных озерах, расположенных вблизи поселения.

Рыбу ловили, очевидно, при помощи заколов, плетеными ловушками, сетями. Для добычи крупной рыбы служили гарпунные наконечники стрел (табл. LXXVII, 23, 24), сделанные из рога оленя. На Мурлинском городище найдены два железных рыболовных крючка (Шемякина А. С., 1976, с. 188, 189).

О занятии медеплавильным производством свидетельствуют находки тиглей, льячек, шлаков, а также самобытных бронзовых изделий, выполненных в зверином стиле (табл. LXXVIII, 28, 31, 33, 51, 53). Производились, видимо, также выплавка и обработка железа, хотя прямых доказательств этого, кроме находок шлаков и болотной руды на Мурлинском городище, не имеется. Кузнечные клещи найдены на соседних территориях Нижнего и Томского Приобья.

На занятие прядением и ткачеством указывают довольно многочисленные находки глиняных и костяных пряслиц (табл. LXXVII, 56—58, 61—64). Обработывали, очевидно, шерсть и волокна дикорастущей конопли и крапивы. Использование волокон этих растений у обских угров засвидетельствовано этнографически (Сирелиус У. Д., 1907, с. 40). Для прядения сетей употребляли иглы из метакарпальных костей лошади (табл. LXXVII, 30).

Существовало также кожевенное производство, выделка мехов, а в связи с использованием верхового жоня — и шорное дело. Глиняные фигурки всадников (табл. LXXVII, 47) найдены на Потчевашском и Кошелевском городищах (Мошинская В. И., 1953а, табл. XII).

Племена потчевашской культуры поддерживали обменные связи с соседями. Преобладали, очевидно, контакты с югом, с тюркоязычным населением лесостепи и степи Западной Сибири и Казахстана. Украшения, серьги, бляхи, детали поясных наборов, имеющие аналогии в тюркских памятниках, поступали с юга, от тюркоязычных племен. От них же, возможно, попадали железные наконечники стрел, удила, стремена, конская сбруя типов, идентичных тюркским. Те же предметы могли делаться местными мастерами по тюркским образцам. Южное происхождение имеют немногочисленные на потчевашских памятниках сердоликовые и хрустальные бусы. Медь и олово для бронзолитейного производства могли поступать с Алтая и Урала. Предметом обмена с южными соседями были, скорее всего, меха.

Дата потчевашской культуры определяется VI—IX вв.

Нижний ее предел в рамках VI—VII вв. констатируют детали поясной гарнитуры: круглые бронзовые пряжки с хоботовидным язычком (табл. LXXVIII, 54); пряжки с подпрямоугольным приемником и трапециевидным щитком (табл. LXXVIII, 55); В-образные пряжки (табл. LXXVIII, 43); пряжки, псевдопряжки и наконечники ремней геральдической формы (табл. LXXVIII, 45, 47—49, 56); стремена округлых пропорций с узкой подножкой (табл. LXXVIII, 37).

Комплексы конца VII—VIII в. датируют: бронзовые литые пряжки с прямоугольными или трапециевидными щитками и овальными рамками приемника с гнездом, ограниченным валиками для фиксации язычка; литые серьги с подвесным дуговым шариком (табл. LXXVIII, 25); прямоугольные поясные бляхи-оправы. В Лихачевском могильнике в комплексе с подобными вещами обнаружены китайские монеты 589 г., конца VI в. (Зданович С. Я., 1967, с. 138).

Верхнюю границу даты потчевашской культуры (вторая половина VIII — первая половина IX в.) фиксируют: характерные для поясных наборов этого времени бляхи-оправы и наконечники ремней с фасетированным краем (табл. LXXVIII, 3, 4); округлые стремена с широкой подножкой и выделенной петлей на ножке; удила с восьмерковидными концами (табл. LXXVIII, 1, 2); цельнолитые серьги и перстни салтовских типов (табл. LXXVIII, 5, 7, 10), имитирующие в металле перстни со вставками (табл. LXXVIII, 11).

Вопросы происхождения потчевашской культуры еще нуждаются в разработке. Анализ материалов показывает ее двухкомпонентность. Об этом говорит сочетание в погребальном ритуале захоронений в грунтовых и курганных могильниках, а также биритуализм. Далее погребения с кремациями представлены в Прииртышье и отсутствуют в Приишимье, захоронения под курганами — преимущественно ингумации, а трупосожжения в курганах являются впускными. При этом компонент, связанный с трупосожжениями, восходит к периоду среднеиртышской культуры III—V вв. н. э., а второй компонент, по-видимому, связан с этносом саргатской культуры (V в. до н. э. — III—IV вв. н. э.). С саргатской культурой потчевашскую сближает также преобладание северо-западной ориентировки погребенных, высокие пропорции части сосудов. От сар-

гатского населения носители потчевашской культуры восприняли, надо полагать, довольно развитое скотоводство. Основу же культуры составили носители среднеиртышской культуры и лесные племена Прииртышья, с которыми смешались остатки населения саргатской культуры (Могильников В. А., 1972б, с. 86). В свете этого этнический состав потчевашского населения представляется сложным, сочетающим в себе угорские и самодийские черты (Могильников В. А., 1981, с. 86).

На основе потчевашской формируется усть-ишимская культура населения лесного Прииртышья IX—XIII вв. (Могильников В. А., 1964б, с. 10—12; Конилов Б. А., 1981, с. 8).

Усть-ишимская культура

В. Н. Чернецов, анализируя археологические материалы I — начала II тысячелетия н. э. из Нижнего Приобья и районов южной подзоны тайги Прииртышья, дал общую характеристику культурного облика этого региона, рассматривая древности в рамках кинтусовского этапа нижнеобской культуры (Чернецов В. Н., 1957, с. 213—245). В качестве критерия для определения границ культуры была взята общность черт в формах и особенно в орнаментации керамики, а также сходство в ряде предметов мелкой пластики. Широкие полевые исследования, проведенные в 60—70-х годах в таежной части Омского Прииртышья (Могильников В. А., 1964а, с. 227—231; 1964б; 1965, с. 275—282; 1968в, с. 269—291; 1969а, с. 179—181, 1973а, с. 92—99; Конилов Б. А., 1977а, с. 187—189; 1977б, с. 205; 1978а, с. 231; 1978б, с. 51—69; 1979а, с. 231, 232; 1980а, с. 42—58; 1983, с. 96—111; 1984, с. 88—98), позволили более отчетливо выявить своеобразие этой культуры. Оно проявляется в основном в курганном обряде погребения и большой роли производящего хозяйства (прежде всего, скотоводства), в отличие от ритуала захоронения в грунтовых могильниках и господства присваивающих отраслей хозяйства, свойственных северным областям Нижнего Приобья и району Сургута. Установление этих различий послужило основанием для выделения аксеновского (назван по курганам IX—XIII вв., раскопанным у д. Аксеново Усть-Ишимского р-на Омской обл.) варианта нижнеобской культуры (Могильников В. А., 1964б, с. 10—12; 1968в). Б. А. Конилов, проводя широкие раскопки курганов данного типа около с. Усть-Ишим, переименовал памятники аксеновского типа таежного Прииртышья в усть-ишимскую культуру, дополнив их характеристику рядом деталей (Конилов Б. А., 1983, с. 96, 108—110). С этим можно согласиться, принимая во внимание большой объем и информативность полученного в усть-ишимских курганах материала.

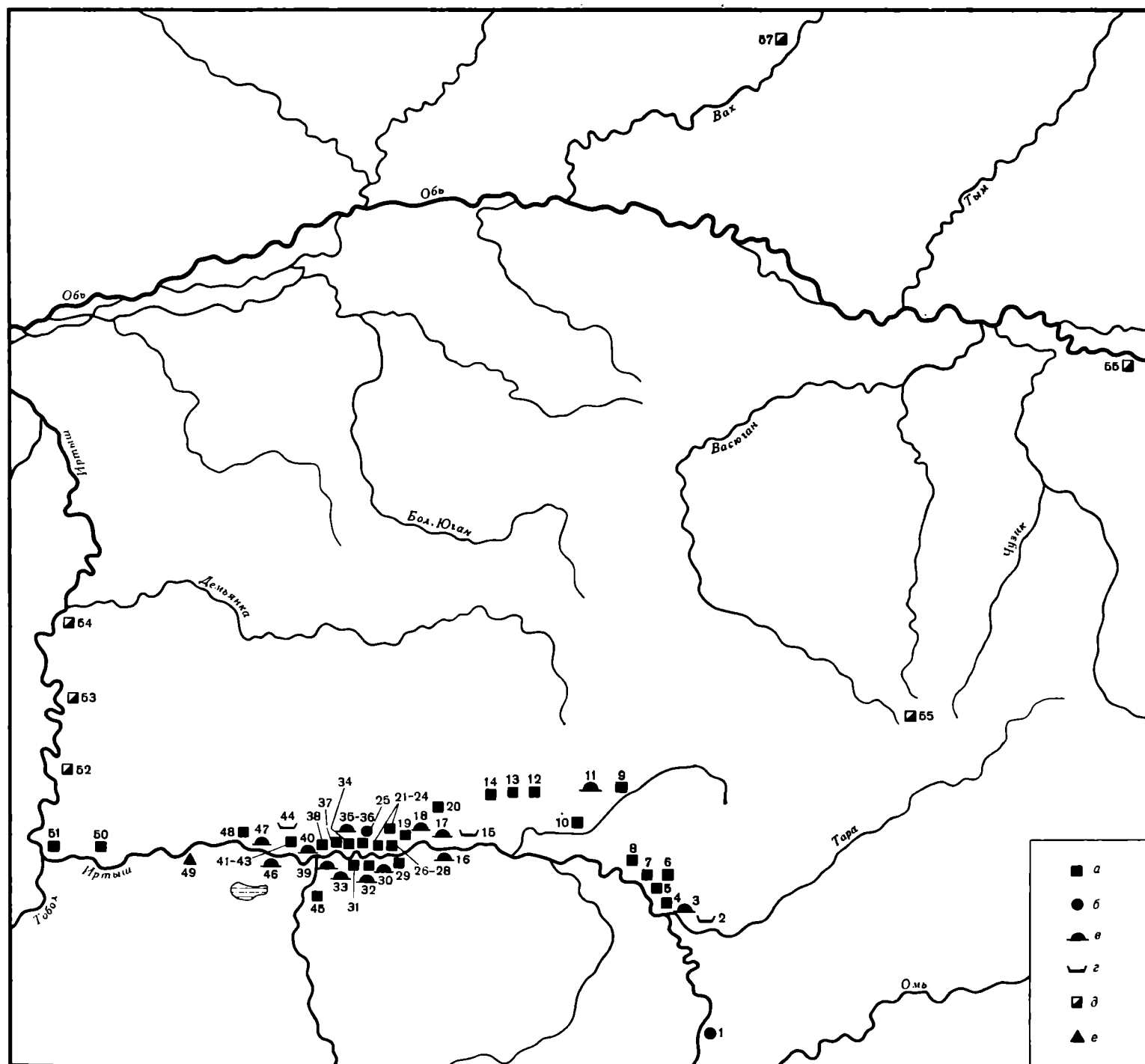
Памятники усть-ишимской культуры представлены городищами, неукрепленными поселениями и курганными могильниками. Известны находки отдельных вещей и керамики, представляющие, очевидно, разрушенные поселения и погребения.

Усть-ишимская культура локализуется в основном в лесном Прииртышье (карта 38). На юге ее граница по Иртышу проходит несколько выше устья р. Тары (Сеткуловское поселение). На востоке она

охватывает правые притоки Иртыша — Тару, Уй, Шиш, Туй и даже переходит Обь—Иртышский водораздел, распространяясь до верховий Васюгана (поселение Тух-Эмтор IV). На северо-западе регион этой культуры доходит, по-видимому, до устья Тоболы, занимая его низовья и, вероятно, нижнее течение его притока Тавды. На юго-западе в ее ареал включаются лесные районы по нижнему течению р. Ишим приблизительно до с. Викулово. На севере четкой границы между памятниками усть-ишимской культуры и кинтусовского этапа нижнеобской культуры нет. Исчезает постепенно курганный обряд погребения, уменьшается и сходит почти на нет доля производящего хозяйства и в то же время сохраняется большое единообразие в облике керамики и предметах зооморфного культового литья, что говорит об общих этнических компонентах в таежных районах Нижнего и Сургутского Приобья, с одной стороны, и лесного Прииртышья — с другой. В сравнении с территорией, предшествовавшей потчевашской культуре, южная граница усть-ишимской культуры сильно сдвинулась к северу. Это объясняется постепенным продвижением на север и северо-запад тюрков, которые к IX—X вв. занимают лесостепь междуречья Иртыша и Оби, оттесняя или ассимилируя проживавшее здесь ранее многочисленное население потчевашской культуры, что хорошо демонстрирует материал могильников Преображенка 3, Чулым 2, Боброво (Арсланова Ф. Х., 1980; Молодин В. И., Савинов Д. Г., Елагин В. С., 1981; Сидоров Е. А., Соболев В. И., 1977, с. 243). По широкой пойме Иртыша, удобной для скотоводства, в IX в. тюрки проникают в Тарское Прииртышье, на что указывает погребение с конем в могильнике Айткулово II (Чагаева А. С., 1973, с. 113).

Территория рассматриваемой культуры изучена неравномерно. Раскопками исследованы главным образом памятники, расположенные по Иртышу и в низовьях его притоков — Тары, Шиша, преимущественно в пределах современной Омской области. Всего раскопкам подверглось 12 поселений и 10 курганных могильников, на которых вскрыто около 70 курганов, содержащих свыше 140 погребений. Наиболее крупные раскопки были произведены на поселениях Новоягодное I, Кип, Кипо-Кулары и Белый Яр, где изучено соответственно 400, 262, 700 и 200 кв. м (Конилов Б. А., 1982, с. 2). На периферии ареала культуры раскопки были произведены на городищах Тух-Эмтор IV (Кирюшин Ю. Ф., 1976, с. 25—27, табл. IX; X) и Искер (Пигнати В. Н., 1915, с. 1—36).

Среди поселений усть-ишимской культуры преобладают городища. Они расположены преимущественно на мысах. Существовали также поселения на краю коренного берега реки (Сеткуловское поселение), на сопках и останцах (городища Белый Яр, Новоникольское I, IV). Площадь поселений колеблется от 600 до 7000 кв. м. Оборонительные сооружения на городищах детально не исследовались, но на ряде городищ (Безымянном I, Новоягодном I, Большая Пристань, Кипо-Куларском) валы и рвы прорезаны разведочными траншеями. Обычно площадка городища защищена валом и рвом, отрезающими стрелку мыса. Ко рву с валом примыкала незащищенная часть поселения. На некоторых городи-

Карта 38. Распространение памятников усть-ишимской культуры

а — городище; б — поселение; в — курганный могильник; г — грунтовый могильник; д — памятники с северными, кинтосовско-вожпайскими чертами; е — случайные находки; 1 — Сеткулово; 2 — Окунево V; 3 — Алексеевка; 4 — Усть-Тара; 5 — Айткулово (Мурлинское); 6 — Уразай; 7 — Екатериновское; 8 — Безымянное I; 9 — Кошкуль; 10 — Ишейка; 11 — Имшегал; 12 — Большая Пристань; 13 — Новоягодное I (Линевская Сопка); 14 — Новоягодное II (у Детского дома); 15 — Аргаиз; 16 — Ильчебага; 17 — Доронино; 18 — Журавлевка; 19 — Ямсыса I; 20 — Екатериновка II; 21 — Александровка II; 22 — Александровка IV; 23 — Александровка V; 24 — Белый Яр; 25 — Тентис I; 26 — Хутор-Бор III; 27 — Хутор-Бор IV; 28 — Хутор-Бор V; 29 — Крутоярка; 30 — Кипо-Кулары; 31 — Кип, городище; 32 — Кип, курганы; 33 — Утьма; 34 — Кайсы; 35 — Аксеново, городище; 36 — Аксеново, курганы; 37 — Красноярка; 38 — Эбаргуль, городище; 39 — Эбаргуль, курганы; 40 — Усть-Ишим; 41 — Новоникольское II; 42 — Новоникольское IV; 43 — Новоникольское I; 44 — Новоникольский; 45 — Листвяной Увал; 46 — Малая Тебендя; 47 — Малая Бича; 48 —

Малая Бича, городище; 49 — Карагай; 50 — Искер; 51 — Потчеваш; 52 — Уки; 53 — Кошелево; 54 — Рачево II; 55 — Тух-Эмтор IV; 56 — Остяцкий Бор; 57 — Большой Ларьяк II

пах со временем были устроены дополнительные валы (Безымянное I, Новоягодное I, Большая Пристань, Ишейка, Кошкуль), защищавшие дополнительные участки поселений. На ряде поселений валы имеют выступы (табл. LXXX, 1) — основания башен для флангового обстрела. По сравнению с периодом VI—VIII вв. количество городищ с усложненной системой фортификации в IX—XIII вв. увеличилось. Большинство валов и рвов в это время не имели выемок и перемычек для проезда. Для связи с внешним миром, очевидно, сооружались перекидные деревянные мостки, убиравшиеся в период военной опасности (Конигов Б. А., 1982, с 12). Остатки де-

рева от таких мостков обнаружены на городище Большая Пристань. Рекогносцировочными раскопками установлено, что валы периодически подсыпались (табл. LXXX, 3), а откосы их были укреплены плахами и бревнами. На вершинах валов, очевидно, ставили деревянные частоколы. Валы сильно оплыли. Наиболее хорошо сохранившиеся из них достигают высоты 3–4 м от дна рва. Ширина рвов до 10 м, глубина с напольной стороны 1–1,2 м. На Кипо-Куларском городище ров был врезан в материк ступеньками. Крутизна стрелок мысов (городища Новоникольское I и др.) увеличивалась эскарпами (Чернецов В. Н., 1957, с. 214, 219).

Полного представления о планировке поселений не имеется, поскольку ни одно из них не раскопано полностью. Некоторое представление о застройке можно получить по особенностям микрорельефа, фиксирующего иногда на поверхности следы жилищ в виде овальных впадин размерами от 4×4 до 6×6 м и глубиной до 0,5 м. Обычно количество жилищ на поселениях было невелико. Только на городище Хутор Бор III выявлено 11 жилищных впадин, а на Новоягодном I городище — 26 впадин. В размещении жилищ не прослежено строгой упорядоченности (табл. LXXX, 1, 5). Они могли располагаться в ряд, вдоль линий укреплений, примыкая друг к другу, в два ряда или размещаться без определенного порядка (Чернецов В. Н., 1957, рис. 19).

Часть территории поселка, имеющая ровную поверхность, возможно, отводилась для загона скота. Такие участки без жилищных западин внутри линии укреплений прослежены на Кошкульском, Новоягодном I, Безымянном I и других городищах.

Всего на разных поселениях раскопками вскрыты остатки 25 жилищ. По конструкции они делятся на два типа: 1 — полуземлянки, вероятно, шатровой конструкции, котлован которых врезался в материковый грунт на 0,5–0,8 м; 2 — наземные одно- и двухкамерные жилища со слегка углубленным в материк или погребенную почву полом и со стенами, крепившимися на опорных столбах (диаметр 8–25 см). Котлованы жилищ имели площадь от 8–10 до 70 кв. м. Стены, вероятно, были бревенчатыми. Полы земляные и фиксируются прослойкой темного утоптанного слоя с включениями мелких углей, золы, фрагментов керамики и отдельных вещей. Вдоль стен жилищ иногда прослеживаются возвышения от земляных нар шириной до 1,2 м, высотой 0,2–0,6 м (Могильников В. А., 1968в, с. 272). Конструкцию перекрытия достоверно реконструировать трудно. По-видимому, перекрытие имело каркас из жердей, накрытых берестой и засыпанных сверху землей. Остатки бересты от обрушившейся кровли часто встречаются в заполнении жилищных впадин.

Вход в жилище имел коридорообразную форму (ширина 0,7–0,9 м) и обычно находился с юго-восточной стороны. В жилище перед входом иногда прослеживается порог, возвышающийся над полом на 0,15–0,20 м. Эта конструктивная деталь напоминает жилища потчевашской культуры.

Очаги открытого типа в постройках устраивались преимущественно около центра или были несколько смещены к одной из стенок. Толщина прокаленного

грунта под очагом достигает 0,20–0,25 м. Выделяется несколько очагов: очаги на глиобитном возвышении или материковом останце, забранном, вероятно, в деревянную раму; очаги на уровне пола; очаги в ямах. В одном из жилищ городища Новоягодное I очажное возвышение было окружено канавкой. В жилище 2 городища Большая Пристань имелась глиобитная двухкамерная печь со сводчатым перекрытием высотой 0,30–0,35 м. Камеры были разделены глиняной перегородкой и сообщались при помощи небольшого круглого отверстия. Полы камер плоские, причем один располагался ниже другого на 0,1 м. Заполнение печи состояло из золы и углей (Матющенко В. И., А-1963а, с. 114–116, рис. 926). Такая конструкция печи позволяет предполагать использование ее (помимо прочего) для обжига керамики. Печи подобного устройства обнаружены в Новосибирском Приобье на городище X–XIII вв. Седова Заимка (Романцова В. Д., 1978, с. 82, 83) и поселении XIV–XVI вв. Ордынское VI (Молодин В. И., 1972, с. 89–96). Открытые очаги находились также на площади поселения вне жилищ.

За пределами жилищ и иногда в жилищах располагались хозяйственные ямы, в заполнении которых встречаются фрагменты керамики, кости животных и рыб. По-видимому, эти ямы служили для хранения продовольственных запасов. В отдельных случаях над хозяйственными ямами соорудили навесы, поддерживаемые столбами (Конилов Б. А., 1982, с. 8). На Новоникольском I городище овальная хозяйственная яма (размеры ее 1,3×1 м, глубина 1,1 м) находилась в углу жилища. Она имела вертикальные стенки, обложенные берестой (Могильников В. А., 1968в, с. 272).

На Кипо-Куларовском городище за пределами вала открыто жертвенное место: на площади 35–40 кв. м обнаружено скопление из десятков черепов, челюстей и костей лошади, медведя, лося и др., захоронение собаки и множество обожженных костей, углей и вещей, представляющие собой, очевидно, остатки жертвоприношений (Конилов Б. А., 1982, с. 8). Оно напоминает костяк гляденовской культуры.

Для погребального обряда населения лесного Прииртышья IX–XIII вв. характерны подкурганные труположения. Могильники расположены преимущественно на высоких незатопаемых террасах, останцах, гривах вблизи берегов рек или пойменных озер. В могильниках насчитывается от 5 до 65 насыпей. Курганы вытянуты компактной цепочкой вдоль края террасы или стоят плотной группой. Расстояние между насыпями от 2 до 25 м, иногда полы курганов соприкасаются (Ильчебага, Малая Тебендя). Насыпи округлой или овальной формы (диаметр 6–18 м, высота до 1,5 м) сложены из темно-серой гумусированной супеси. В единичных случаях для впускных погребений использовались насыпи более древних курганов (Кип, курган 4). Под курганом находится чаще от одного до трех погребений. Одно из них является основным, остальные — впускными, но хронологически близкими основному. После каждого нового захоронения насыпь кургана подсыпалась.

В насыпях находятся остатки тризны и жертвоприношений. Наиболее часто это челюсти лошади. Кроме них, встречаются глиняные сосуды, нередко

стоящие вверх дном (иногда умышленно разбитые), отдельные вещи, украшения. Иногда вещи положены в глиняный сосуд (Усть-Ишим). Вместе с сосудами помещалась также конская упряжь (Кони́ков Б. А., 1983, с. 105, 106). С жертвоприношениями связаны захоронения двух жеребят в возрасте 2–3 лет на уровне древнего горизонта в кургане 7 Малой Тебенди (Кони́ков Б. А., 1982, с. 8).

Наиболее интересный жертвенный комплекс сопровождал богатое погребение усть-ишимского кургана 13. Под насыпью обнаружены пояс с бронзовыми бляхами и подвешенными к нему ножами, седло с уздечкой, от которых сохранились железные удила и два стремени. В северо-западной части вверх дном стоял глиняный сосуд и лежали две серебряные серьги, две бронзовые коньковые подвески, бронзовые бубенчики и бляшки, вероятно украшавшие сбрую. Здесь же найдено 395 стеклянных бусин и пронизок, по-видимому нашитых в прошлом на какое-то изделие, возможно типа покрывала или попоны (Кони́ков Б. А., 1984, с. 93–96). Присутствие подобных поминальных комплексов в курганах с богатыми погребениями свидетельствует о социальной дифференциации.

В насыпях курганов и в погребениях находятся также камни, лежащие одиночно или скоплениями, кучкой. Поверх камней иногда клали зубы лошади (Кони́ков Б. А., 1982, с. 8).

Абсолютное большинство погребений совершено по обряду трупоположения. Трупосожжения отмечены всего в двух случаях (Имшегал, курган 2; Кип, курган 13). В кургане 13 могильника Кип захоронения с кремацией и ингумацией находились под одной насыпью и сопровождались идентичным инвентарем (Кони́ков Б. А., Шваан Ф. Д., 1983, с. 48–52), что свидетельствует об их одновременности.

Захоронения производились под курганами в простых прямоугольных ямах, устраиваемых в материковом грунте, на уровне материка, в погребенной почве, на уровне древнего горизонта и в насыпи. Основные захоронения находились под центром кургана в яме, углубленной в материк. Большинство разграблено. Впускные захоронения располагаются иногда в материковом грунте, но чаще выше уровня поверхности материка, под полами насыпи.

Размеры могильных ям — $1,8 \times 0,9$ — $2,7 \times 1,5$ м. Глубина ям небольшая. Наиболее глубокие ямы центральных захоронений были опущены в материк до 0,45 м (около 0,7–0,8 м от уровня древнего горизонта). Чаше глубина основных захоронений колебалась в пределах 0,1–0,3 м, т. е. около 0,4–0,6 м от уровня древней поверхности. Наиболее крупная могильная яма (размеры $5,6 \times 2,5$ м, глубина 0,35 м) открыта под курганом 13 Усть-Ишимского могильника (диаметр насыпи 18–19 м, высота 1,5 м). В ней обнаружено погребение с богатым инвентарем, подвергшееся ограблению.

Сверху могила перекрывалась берестой или продольно уложенными досками. Иногда погребенные были завернуты в бересту. В отдельных случаях под скелетами прослежена подстилка из бересты или продольно лежащих плах.

Преобладают индивидуальные захоронения, но среди основных представлены также погребения двух

и трех человек. В числе впускных в насыпи — только одиночные захоронения. Погребенных клали на спине, вытянуто; руки уложены вдоль туловища, а в отдельных случаях руки и ноги согнуты. В погребении 4 кургана 1 могильника Кип, содержащем захоронения трех человек, двое взрослых (мужчина и женщина) лежали рядом на спине, вытянуто, с диаметрально противоположной ориентировкой, а в ногах женщины покоились останки ребенка (Кони́ков Б. А., 1982, с. 9). Большинство погребенных уложены головой на северо-запад, но наряду с этим представлена и иная ориентировка. На различных некрополях в ориентировке погребенных нет постоянства. Суммарно по всем исследованным могильникам она характеризуется следующими показателями: северо-запад — 42%, юго-восток — 20%, юг — 14%, юго-запад — 12%, северо-восток — 6%, восток — 4%, запад — 2% (Кони́ков Б. А., 1982, с. 9).

Один раз встречено захоронение человека с конем и один раз — с чучелом (головой и конечностями) коня. В кипском кургане 6 конь был погребен на боку с подогнутыми ногами, черепом на юго-восток. На 0,1 м ниже находилось захоронение человека, в ногах которого были положены седло и уздечка. От них сохранились стремени, удила и бронзовые бляхи (Кони́ков Б. А., Шваан Ф. Д., 1983, с. 47, рис. 2, 1–6). В кургане 1 могильника Алексеевка череп и кости конечностей коня располагались параллельно скелету человека. Аналогии этому имеются в погребениях тюрок и подвергшегося их воздействию населения.

Под курганами обнаружены только два детских захоронения. Об одном из них уже говорилось. Впускное детское погребение 1 кургана 14 могильника Усть-Ишим сопровождалось богатым инвентарем: глиняным сосудом, железным ножом, бронзовыми лапчатыми подвесками, пронизкой со вздутиями, бляхами или пуговицами с изображением головы и лап медведя (такого типа, как на табл. LXXXI, 16), серебряной болгарской серьгой. По-видимому, захоронения детей производились по особому ритуалу, а под курганами на общем кладбище их хоронили только в особых случаях (Кони́ков Б. А., 1982, с. 9; 1983, с. 106).

Обнаружено два погребения-кепотафа. В погребении 1 кургана 6 могильника Малая Тебенди на дне прямоугольной могильной ямы размещались вещи: глиняный сосуд, бусы, браслет, железные наконечники стрел. В кургане 8 могильника Кип вещи были уложены в могиле на уровне древнего горизонта, перекрыты берестой, а затем над ними был разведен огонь, подобно ритуалу обычных захоронений.

В погребальном ритуале встречаются разнообразные проявления культа огня, широко распространенного ранее в период потчевашской культуры. Рядом с курганами, в насыпях курганов, под ними, на уровне древней поверхности фиксируются остатки кострищ. Отдельные угольки находятся в заполнении могил, а также в специальных ямках, выкопанных близ погребений (Кони́ков Б. А., 1982, с. 8). Перед засыпкой ям их перекрытия иногда поджигались, при этом покойник обгорал до такой степени, что кости его частично кальцинировались. Перекрытие, тлевшее с незначительным доступом воздуха,

как правило, сохраняло свою форму (Могильников В. А., 1973а, с. 93–95). Над погребениями в отдельных случаях прослеживаются остатки деревянных сооружений, а также основания кольев или шестов, вставленных в дно могилы.

Большинство погребений снабжено инвентарем, состав и набор которого в разных захоронениях различен. Вещи отсутствуют лишь в единичных случаях. Наиболее богатый инвентарь представлен в центральных захоронениях крупных курганов (Коников Б. А., 1982, с. 11; 1984, с. 88–93). Погребенные снабжались пищей в глиняных сосудах, предметами вооружения и конского снаряжения, орудиями труда, украшениями и предметами культа, к которым отпосились зоо- и антропоморфные изображения.

Глиняные сосуды (от одного до трех) представлены почти на всех погребениях. Помещались, как правило, они в ногах, реже — у головы или руки. В одном случае (Малая Тебендя, курган 7) один сосуд стоял под коленями, а другой — в изголовье. В погребении 2 кургана 14 Ильчебаги сосуд стоял вверх дном на берестяной крышке, лежавшей на берцовых костях. В погребениях сосуды часто стоят вверх дном (до 50%). Аналогичное положение сосудов известно и в потчевашской культуре. В более раннее время этот обычай единично представлен в культурах кулайской и саргатской (Могильников В. А., 1968б, рис. 45). Помимо керамики, в богатых погребениях находятся клепанные из листов меди котлы, а в одном из погребений Усть-Ишимских курганов обнаружен довольно хорошо сохранившийся берестяной туес. Под медными сосудами сохранились остатки кожаных или шерстяных подстилок (Коников Б. А., 1983, с. 104; 1984, с. 92). В ряде погребений в ноги покойника справа были положены седла, от которых сохранилось по паре железных стремян, а в одном случае стремяна найдены в бронзовом сосуде. Предметы одежды и украшения располагались в тех местах, где их носили при жизни.

Наконечники стрел в погребениях лежат поодиночке или группой в ногах или у головы (Коников Б. А., 1982, с. 13). Вероятно, они были положены в колчан.

Зоо- и антропоморфные изображения, игравшие культовую роль (обереги), возможно, нашивались на одежду и в погребениях обнаруживаются в различных местах: возле черепа, между ног (Коников Б. А., 1980а, с. 52–55). В кургане 1 могильника Имшегал две полые бронзовые подвески со стилизованным изображением медведя (такого типа, как на табл. LXXXII, 24) располагались рядом (Коников Б. А., 1978б, с. 65, 66; 1980а, с. 51, рис. 1, 26, 27).

Основная масса вещевого инвентаря, характеризующего уровень развития и облик культуры, представлена в погребениях. Среди орудий труда имеются железные тесла или мотыжки двух типов (табл. LXXXIII, 42, 43), вероятно различающиеся по функциональному назначению. В могильнике Александровка II (курган 6, погребение 1) встречено мотыгообразное орудие типа «куштана» с втулкой для насады (табл. LXXXIII, 29). Для раскалывания дерева применяли костяные клинья, подобные использо-

вавшимся в потчевашской культуре (табл. LXXXIII, 44) и применявшимся обскими уграми до XIX в. (Сирелиус У. Д., 1907, с. 41–69). Для обработки дерева служили также железные долотовидные орудия (Коников Б. А., 1982, с. 7).

Железные пожи представлены в основном двумя типами: 1 — с прямой или чуть горбатой спинкой, непосредственно переходящей в черешок, и с уступом при переходе от лезвия к черешку (табл. LXXXIII, 16); 2 — пожи с двумя уступами со стороны лезвия и спинки при переходе от лезвия к черешку (табл. LXXXIII, 18). Ножи обоих типов использовались еще в период потчевашской культуры, но в X–XIII вв. ножи с двумя уступами получают более широкое распространение. Наряду с железными использовались ножи, изготовленные из ребер животных, с острыми заполированными краями (табл. LXXXIII, 17). Подобные ножи предназначались у обских угров для чистки рыбы и расщепления волокон крапивы и дикой конопли (Попов А. А., 1955, табл. IIIa).

В бронзолитейном производстве пользовались глиняными тиглями и льячками. Плоскодонные цилиндрические тигли (высота 4–6 см, диаметр 2–5 см, емкость 15–20 куб. см) иногда снабжены вертикальными ручками. Часть льячек имеет носик для разлива металла и орнаментирована нарезкой и оттисками мелкого гребенчатого штампа (табл. LXXXIII, 36). Льячки и обломки тиглей встречены на большом числе поселений, что указывает на широкое распространение литья из бронзы.

Пряслица дисковидной и уплощенно-цилиндрической формы (табл. LXXXIII, 31, 33, 34, 37–39) делались из глины, кости и камня. Большинство глиняных пряслиц украшено зубчатым орнаментом, иногда радиальными и кольцевидными вдавлениями. Костяные пряслица обычно декорированы резными радиальными узорами. Для пряжения, вероятно, использовали шерсть и волокно дикой конопли и крапивы. В Усть-Ишимском кургане 13 под медным котлом сохранился кусок шерстяной материи полотняного переплетения, раскрашенной растительными красками в зеленый, коричневый и светло-коричневый цвета (Коников Б. А., 1984, с. 92). В этом же кургане обнаружена сумка, спитая из шкуры лошади (Коников Б. А., 1984, с. 93, рис. 3, 2). Ряд бытовых вещей — шилья, иглы, рукоятки ножей и шильев — сделаны из кости (табл. LXXXIII, 19, 20, 28).

Для точки ножей и других железных изделий служили каменные оселки (табл. LXXXIII, 15). Все они сильно сработаны, маленькие и, очевидно, являлись предметами импорта, поскольку в лесном Прииртышье нет выходов абразивного камня. Импортными является также часть кресал. Овальные кресала XII–XIII вв. (табл. LXXXI, 5), вероятно, русского производства или изготовлены по их подобию. Некоторые типы кресал X–XI вв. с зооморфными рукоятками, с изображением коня, зайца, конских головок сделаны, по-видимому, местными мастерами по привозным прототипам (табл. LXXXI, 1–4).

Основным оружием был лук со стрелами. Лук сложносоставной, с костяными накладками. Наконечники стрел железные и костяные. Их формы пов-

торияют образцы, известные у соседей, и в первую очередь у тюркоязычного населения степи и лесостепи. В IX—X вв. были распространены железные трехлопастные и трехграннолопастные черешковые наконечники стрел (табл. LXXXIII, 1—3). Для XI—XIII вв. характерны плоские железные наконечники стрел разнообразной формы — ланцетовидные, ромбические, срезни, вильчатые, шипастые, узкие бронебойные и т. д. (табл. LXXXIII, 4—13). Широко использовались костяные наконечники стрел ромбического и подтреугольного сечения (табл. LXXXIII, 23—25).

Другие предметы вооружения известны в единичных находках. В курганах Малой Тебенди и Эбаргуля обнаружены боевые топоры с узким лезвием (табл. LXXXIII, 40), имеющие аналогии в памятниках салтовской культуры (Плетнева С. А., 1967, рис. 36; Сорокин С. С., 1959, с. 142, рис. 4). В Усть-Ишимских и Кипских курганах (15, 13) найдены железные наконечники копий (Конилов Б. А., 1983, с. 107; Конилов Б. А., Шваан Ф. Д., 1983, с. 49, рис. 4, 1). В качестве защитных доспехов (табл. LXXXIII, 14) использовали железные чешуйчатые панцири (Конилов Б. А., 1978а, с. 231; 1980б, рис. 2, 23, 24; 1983, с. 107).

Предметы конского снаряжения — удила, стремяна — в памятниках усть-ишимской культуры в основном следуют образцам, широко распространенным у населения степей Евразии. Часть из них была получена с юга в результате обмена, часть, несомненно, местного производства. Последнее заключение аргументируется находкой в кургане 13 Усть-Ишимского могильника биметаллического стремени, у которого основание петли для путлища украшено бронзовым изображением головы филина (Конилов Б. А., 1984, рис. 2), отлитым в типично местном зверином стиле (табл. LXXXI, 34). В IX—X вв. были распространены железные однокольчатые удила со стержневыми псалиями из железа или кости (табл. LXXXI, 31). Подобно псалиям сrostкинской культуры (Степи Евразии, 1981, рис. 27, 64, 65), концы их иногда раздвоены наподобие рыбьего хвоста или увенчаны головками животных. Стремяна — арочной формы, с петлей для путлища, пробитой в выделенной пластине (табл. LXXXI, 33). Подпружные пряжки — железные подпрямоугольные, овальные и костяные (табл. LXXXI, 32). В X в. появляются удила со свободно вращающимися кольчатыми псалиями, которые широко бытуют в последующее время. В XI—XII вв. входят в обиход стремяна округлых очертаний с петлей, пробитой в расплющенной и приостренной верхней части дужки (табл. LXXXI, 29). Для украшения сбруи в IX—XI вв. использовали бляшки округлой, сердцевидной и крестовидной форм (табл. LXXXI, 8, 9, 12), а также удлиненные орнаментированные бронзовые наконечники ремней сrostкинских типов, прототипы которых попали в лесное Прииртышье с юга и юго-востока (табл. LXXXI, 13—15). Сбруя украшалась также бронзовыми бубенчиками двух типов (табл. LXXXI, 20, 21): грушевидными крестопрорезными (X—XI вв.) и шаровидными щелепрорезными конца XI — начала XIII в. (Колчин Б. А., 1958, с. 110; Седова М. В., 1959, с. 237). В Западной Сибири грушевидные бубенчики, по-видимому, дожива-

ют до XII—XIII вв. Являясь, очевидно, предметом импорта, они проникают в Приобье не ранее XI в., когда Новгород входит в тесные взаимоотношения с «югрой».

Помимо бубенчиков, украшениями служили полые полубубенчики — подвески-накладки двух типов: полукруглые и граненные в сечении (табл. LXXXI, 22, 23). Подобные полубубенчики известны в памятниках IX—X вв.: в хазарском слое Саркела (Артамонов М. И., 1958, рис. 30), в пещере Нукат в Башкирии (Садыкова М. Х., 1962, табл. IV, 1, 2). Оба типа полубубенчиков найдены совместно в одних комплексах и являются одновременными. В погребении 2 Эбаргульского кургана 1 они встречены вместе с шаровидными бубенчиками с одной прорезью (такого типа, как на табл. LXXXI, 21). Следовательно, население Прииртышья использовало их до XI—XIII вв. Встречаются также мелкие полубубенчики с рубчатой насечкой (табл. LXXXI, 19, 26), подобные которым найдены в погребении XI в. на р. Чусовой (Прокошев Н. А., 1937, с. 132).

К IX—X вв. относятся флаконовидные подвески (табл. LXXXII, 37), аналогии которым представлены в синхронных памятниках Прикамья (Голдина Р. Д., 1969б, табл. VI, 113).

Украшениями как сбруи, так и одежды являлись круглые выпуклые медные бляшки (табл. LXXXI, 24, 27) двух типов: кольцевидные и сплошные умбоновидные со слегка приподнятым и украшенным насечками ободком, с двумя отверстиями для пришивания. Аналогичные бляшки были распространены в IX—X вв. у населения степей Юго-Восточной Европы (Ляпушкин И. И., 1958, рис. 17, 3; ОАК за 1903 г., рис. 112; Филипченко В. А., 1959, с. 240, рис. 1, 14). В Прииртышье они, возможно, были привозными и бытовали до XI—XIII вв. Наряду с одинарными встречены парные бляшки. Кольцевидные бляшки в виде тонкого бронзового кольца с приподнятым внутренним краем подобны бляшкам Лядинского могильника (Ястребов В. Н., 1893, табл. VI, 1).

Украшениями служили также сердцевидные чеканные бляшки, орнаментированные ложной зернью и завитками растительного узора, встреченные в Усть-Ишимских и Эбаргульских курганах (Конилов Б. А., 1982; Могильников В. А., 1968в, с. 283, 284). Подобные бляшки из Тюхтятскогоклада датируются X в. (Евтюхова Л. А., 1948, рис. 126, с. 67—70). Такие бляшки использовали главным образом для украшения поясов в X—XI вв. Наряду с ними пояса декорировались гладкими сердцевидными бляхами, круглыми полушаровидными и крестовидными (табл. LXXXI, 8, 9, 12). Наконечники поясных ремней удлиненные, сrostкинских типов (Степи Евразии, 1981, рис. 26, 22, 60, 69; 27, 36, 43—47) и также украшенные растительным или зооморфным орнаментом (табл. LXXXI, 13—15). Для застегивания поясов пользовались бронзовыми литыми рамчатыми пряжками с приостренным кольцом и железным язычком (табл. LXXXI, 7). Реже для этого служили, вероятно, железные пряжки (табл. LXXXI, 6, 10) и бронзовые парные застегки, имевшие на одной части крючок с утолщением, а на другой прорезь для его закрепления (табл. LXXXI, 11). Часть воинов, очевидно наиболее выдающихся,

как и в предшествующее время, носили по два пояса (Усть-Ишимские курганы). В погребениях рассматриваемой культуры пояса найдены без пряжек, которые, по-видимому, обрывались или отрезались перед совершением погребения. В отдельных случаях прослежено, что концы поясов складывали вдвое и перевязывали (Коников Б. А., 1984, с. 89; рис. 1).

Для застегивания одежды, очевидно, использовались бронзовые пуговицы выпуклой формы с поперечной петлей на обороте, украшенные геометрическим или зооморфным орнаментом, обычно изображением головы медведя (табл. LXXXI, 16–18).

Украшения представлены браслетами, серьгами, височными кольцами, наконечниками, бусами, а также большим числом шумящих подвесок. Среди украшений наряду с вещами местного производства много импортных вещей западного, славянского, приуральского, пермского и болгарского происхождения. Наконечники по форме напоминают круглопроволочные браслеты (табл. LXXXII, 30, 31). Они вплетались в косы и были характерны для лесного Прииртышья и Сургутского Приобья XI–XIII вв. Браслеты пластинчатые литые двух типов. Специфичными для рассматриваемого региона были широкие браслеты с изображением головы и лап медведя на концах (табл. LXXXII, 35). Представлены также узкие пластинчатые браслеты с расширенными концами с гравированным линейным и зооморфным орнаментом (табл. LXXXII, 25).

Серьги довольно разнообразны и представлены частью местными, но преимущественно импортными изделиями. Усложненной модификацией серег салтовского типа с подвеской является серьга из Ново-никольского могильника (табл. LXXXII, 20). Бронзовые литые серьги в виде несомкнутого кольца (табл. LXXXII, 15) имеют многочисленные параллели у кочевников степей Прииртышья и в сарматской культуре (Степи Евразии, 1981, рис. 26, 91, 92; 27, 86). Использовались также большие по диаметру круглопроволочные серьги или височные кольца (табл. LXXXII, 9). Довольно широко вошли в обиход серебряные трехбусинные с зернью серьги славянского и болгарского производства (табл. LXXXII, 10), найденные в нескольких погребениях Прииртышья (Кип, курган 1; Ирча и др.).

Бусы были в основном женским украшением и нашивались на одежду, пояс, головные уборы, носились в качестве ожерелий. В погребениях находится от пяти до 395 бусин стеклянных, сердоликовых, янтарных и бронзовых. В основном бусы были древнерусского производства (Коников Б. А., 1984, с. 95). По-видимому, они представляли значительную ценность.

Большую группу украшений составляют различные виды шумящих подвесок, которые не были характерны для потчевашской культуры и распространялись в X–XIII вв., вероятно, в значительной мере под воздействием западных контактов. Часть подвесок была импортного, вычегодского и прикамского, происхождения, например, рубчатые пронизки со вздутиями и подвесными бубенчиками (табл. LXXXII, 36), почти тождественные приуральским (Талицкий М. В., 1951, рис. 26, 6, 13, 16). Очевидно, под влиянием привозных образцов появляется местное производство шумящих подвесок. Отли-

вались подвески с умбоновидной основой, к которой на цепочках подвешивались подобные прикамским колокольчикообразные подвески и «утиные лапки» (табл. LXXXII, 28, 32–34, 38). В качестве основы подвесок использовались также некоторые «птицеобразные» изображения (табл. LXXXII, 26, 27).

Отдельными украшениями служили медалевидные подвески, изготовленные из медного листка с приклепанным или подвязанным ушком (табл. LXXXII, 11), а также колесовидные подвески (табл. LXXXII, 17), отлитые из бронзы. Подобные им известны в ранних погребениях Басандайки около Томска (Басандайка, 1947, табл. 69–72), датирующихся X–XII вв.

Зоо- и антропоморфные изображения лесного Прииртышья IX–XIII вв., в отличие от реалистичных предшествующих периодов, в основном отлиты довольно грубо и схематичны. Они представлены украшениями, изготовленными в технике полого литья (табл. LXXXII, 7, 24, 26), и плоскостными фигурами, отлитыми в одно- или двусторонних формах (табл. LXXXII, 8, 12, 14). Изображались преимущественно медведь, глухарь, водоплавающие (утка, гусь), реже — заяц, филин, орел, бобр (Коников Б. А., 1980а, рис. 1, 2). Характерна декорировка фигур крупными «жемчужинами», а также окантовка их имитацией шнура (табл. LXXXII, 12, 13, 24). Преобладают одиночные изображения животных. Только в отдельных случаях представлены композиции из нескольких животных одного вида. На бляхе из Усть-Ишимского р-она изображены фигурки бобров (табл. LXXXII, 12). На бронзовой накладке из Эбартульского кургана III в верхней части отлиты изображения медвежьих голов и головы филина между ними, а в нижней — фигуры двух зайцев, обращенных в разные стороны (табл. LXXXII, 19).

Для антропоморфных поделок характерно плоскостное изображение в фас. Головы фигурок обычно несоразмерно велики по отношению к туловищу, что имеет древнюю традицию, восходящую к усть-полуйскому времени — второй половине I тысячелетия до н. э. (Чернецов В. Н., 1953а, табл. VI, 8). Руки фигур обычно сложены на животе, иногда как бы держат сосуд. Возможно, это связано с иконографическими канонами каменной скульптуры древних тюрок (Евтюхова Л. А., 1952, рис. 1; 2; 7; 21; 24; Шер Я. А., 1966, рис. 1, 5, 6). На некоторых фигурах выделены элементы одежды (табл. LXXXII, 2). Чаще, как и у зооморфных поделок, изображались одиночные фигуры, реже — парные (табл. LXXXII, 4). Пол фигурок подчеркнут не всегда. Композиции, сочетающие зоо- и антропоморфные изображения (табл. LXXXII, 5, 12, 27), свойственные предшествующему периоду, в IX–XIII вв. постепенно исчезают.

Керамика усть-ишимской культуры лепная. Сосуды изготавливались из глины с примесью мелкого песка и иногда шамота. Наружная поверхность гладко заглажена, внутренняя — чаще гладкая, реже на ней сохраняются штрихи от заглаживания пучком травы или штампом. Сосуды круглодонные, венчик обычно приострен и скошен внутрь (табл. LXXXIV).

Количеством преобладают горшковидные сосуды, характеризующиеся относительно высокой пря-

мой шейкой, выраженными плечиками и подшаровидным туловом (табл. LXXXIV, 1, 4, 5, 7, 10, 11). В значительно меньшем количестве представлены чашевидные сосуды без четко выраженной шейки (табл. LXXXIV, 2, 3, 9, 12). Еще реже встречаются латки-жаровни, обычно толстостенные, крупных размеров, округлой или овальной формы (табл. LXXXIV, 16), предназначенные, очевидно, для жарения пищи. На это указывает часто имеющийся на них обильный нагар.

Абсолютное большинство сосудов орнаментировано. Преобладают узоры, выполненные зубчатым штампом, реже нарезкой. Оттиски фигурных штампов в это время почти отсутствуют. Встречаются лишь узоры, выполненные уголкового и, как исключение, ромбическим штампом. Наиболее распространены орнаментальные композиции из рядов наклонно поставленного зубчатого штампа, образующих одно- или многорядовую елочку. Кроме елочки, представлены ряды из наклонных насечек, арочные композиции, а также сочетание наклонных полос оттисков гребенки и уголкового штампа (табл. LXXXIV, 1, 11), что подобно орнаментации керамики вожпайской группы Нижнего и Среднего Приобья IX—X вв. (Чернецов В. Н., 1957, табл. XXVII). Вдоль венчика у сосудов всегда идет ряд круглых ямок, иногда вместо него нанесен ряд жемчужин. По краю венчика почти всегда имеется ряд оттисков зубчатого штампа или насечки.

Наиболее богато орнаментированы горшки, у которых узор покрывает шейку, плечико и часто фестоном спускается на тулово (табл. LXXXIV, 5, 10, 11, 15). При этом богаче украшена посуда раннего периода — X—XI вв. Чаши имеют обычно узкую зону орнамента вдоль венчика, чаще из одного ряда елочки, оттиснутой зубчатым штампом и реже насечкой (табл. LXXXIV, 2, 3, 12). На жаровнях обычно нанесены лишь насечки по венчику и ряд ямок или жемчужин идет вдоль венчика (табл. LXXXIV, 16).

Сосуды из погребений в основном аналогичны посуде с поселений, но имеют, как правило, небольшие размеры. В погребениях не встречены жаровни. В керамике усть-ишимской культуры проявляется большая близость с посудой позднеоронтурской, вожпайского и кинтусовского типов — широкое распространение орнаментации из оттисков мелкозубчатого штампа, а также орнаментальных композиций в виде взаимопроникающих треугольников и наклонных полос из оттисков гребенки, чередующихся с наколами концом палочки, уголковыми и полулунными вдавлениями (табл. LXXXIV, 1, 4, 11).

Датировка усть-ишимской культуры концом IX—XIII в. устанавливается главным образом по импортным вещам или местным подражаниям им. Ранняя дата (IX—X вв.) определяется железными черешковыми трехлопастными наконечниками стрел, железными боевыми проушными топорами, пряжками и бляхами от поясных наборов сrostкинских типов, биметаллическими кресалами (табл. LXXXI, 1—4, 7—9, 13—15; LXXXIII, 1—3, 40, 41). В ранних памятниках представлены также подобные прикамским флаконовидные и коньковые подвески (табл. LXXXII, 21, 37). Поздняя дата (XI—XIII вв.)

фиксируется находками серебряных трехбусинных височных колец болгарского или славянского происхождения (табл. LXXXII, 10), шаровидными бубенчиками со щелевидной прорезью, железными двулезвийными кресалами (табл. LXXXI, 5), калачевидными кресалами. В поздних памятниках имеются также удила с большими кольцами-псалиями и стремяна арочной формы с отверстием для путлища, пробитым в дужке (табл. LXXXI, 29, 30), аналогии которым находятся в кочевнических древностях XII—XIII и XIII—XIV вв. (Степи Евразии, 1981, рис. 72, 43). Вместе с ними встречены относящиеся к тому же периоду плоские асимметрично-ромбические наконечники стрел и наконечники стрел типа срезней (табл. LXXXIII, 12, 13). Кроме того, в поздних памятниках найдены шумящие подвески вычегодских типов (табл. LXXXII, 38), попадавшие в Западную Сибирь вместе с предметами русского импорта, большинство которого относится к XI—XIII вв. или даже к XII—XIII вв.

В хозяйстве носителей усть-ишимской культуры сочетались занятия скотоводством, охотой, рыболовством, а в южных районах и земледелием. Удельный вес различных отраслей хозяйства в северных и южных районах культуры и даже в отдельных ее микрорайонах был различен. Предпочтение той или другой отрасли хозяйства во многом определялось экологией: в южной части ареала усть-ишимской культуры (по Иртышу вверх от Малой Бичи и устья Ишима) скотоводство играло ведущую роль в обеспечении населения мясом. Остеологический материал с поселений демонстрирует некоторое преобладание костей домашних животных. Широкая пойма Иртыша с богатыми травами заливными лугами создавала благоприятные условия для разведения скота. Примечательно в связи с этим, что целый ряд поселений расположен здесь в местах по соседству с обширной поймой. В то же время в более северных районах Прииртышья и на таежных притоках Иртыша, где площади лугов ограничены, доля скотоводства была меньшей и соответственно возрастало значение охоты и рыболовства.

В остеологическом материале представлены кости лошади, крупного и мелкого рогатого скота, собаки. Кроме того, на городище Кипо-Кулары найдены кости свиньи. Среди остатков домашних животных преобладали кости лошади. На городище Кипо-Кулары встречено свыше 50 конских черепов. Большинство костей принадлежало молодым животным (Конилов Б. А., 1982, с. 11). Преобладание лошади в стаде и забой молодняка, производившийся главным образом осенью, перед холодами, указывают на экстенсивный характер хозяйства и малое количество заготавливаемого корма, когда скот длительное время содержался на подножном корму вследствие способности лошади к тебеневке. По этой причине поголовье лошадей в стаде традиционно преобладало у лесного и лесостепного населения Прииртышья на протяжении всего железного века.

Богатство тайги Прииртышья зверем и птицей обусловило большую роль охоты в хозяйстве населения. На поселениях обнаружены кости лоса, косули, оленя, медведя, лисицы, соболя, куницы, зайца, бобра, барсука. Разнообразие видов пушных зверей свидетельствует о важности добычи пушни-

ны. Охота производилась с помощью различного рода ловушек, а также лука со стрелами разных типов: двурогих (табл. LXXXIII, 11), томар, предназначенных для охоты на пушного зверя, и др. На охоте была велика роль собаки, к которой, вероятно, относились с почтением, и, возможно, существовал даже ее культ. Об этом могут говорить погребения собак, обнаруженные в курганах и на поселениях (Конилов Б. А., 1982, с. 11). Почитание собаки и даже существование особых собачьих кладбищ засвидетельствовано этнографами у обских угров (Мошинская В. И., Лукина Н. В., 1982, с. 56, 57). На большую роль охоты указывают также сюжеты бронзовых зооморфных изображений, среди которых преобладают представители местной промысловой фауны — медведь, заяц, глухарь, гусь, а также виды, связанные с культом (филин, змея и др.).

Остатки ихтиофауны обнаружены на большинстве раскапывавшихся памятников, а на некоторых из них (Новоникольское I городище) кости и чешуя рыб лежали целыми пластами толщиной до 0,20 м (Могиляников В. А., Цепкин Е. А., 1968, с. 59). Занятию рыболовством благоприятствовало обилие водоемов и богатство их рыбой. В ископаемой ихтиофауне представлены остатки язя, щуки, плотвы, карася, стерляди, окуня, налима. Наиболее представительная коллекция получена с Новоникольского I городища, в уловах жителей которого преобладал язь размером от 30 до 44 см, в среднем 40,4 см, что весьма близко размерам язя (32—33 см) в современных уловах Иртышского бассейна (Могиляников В. А., Цепкин Е. А., 1968, с. 57). Видовой состав показывает, что рыбу ловили в Иртыше, его притоках и озерах, ловили с помощью запоров, сетей, а в местах нереста крупную рыбу, вероятно, с помощью стрел с гарпунными наконечниками. На городищах Новоникольском I, Искер, Кипо-Кулары, в кургане 11 Усть-Ишима найдены грузила от колыданных сетей (Конилов Б. А., 1983, рис. 1, 15; Могиляников В. А., Цепкин Е. А., 1968, рис. 2), служивших для ловли крупной рыбы в реках. По свидетельству И. С. Полякова, относящемуся к 70-м годам XIX в., один остяк за лето добывал колыданом до 200—300 муксунов. Кроме того, попадались осетры, нельма и другие рыбы (Поляков И. С., 1877, с. 44). Для лова крупной рыбы, вероятно, применяли также крючковую снасть. Железный крючок найден на Потчевашском городище (Шемякина А. С., 1976, с. 189). При недостатке металла крючки могли делать из дерева. Деревянные крючки для ловли рыбы использовались обскими уграми вплоть до недавнего времени.

В южных районах в ограниченных размерах, возможно, существовало земледелие. Бесспорных свидетельств этого не имеется. Косвенно о его бытовании говорит находка серпа на Мурлинском городище, где представлен комплекс материала, переходный от потчевашской к усть-ишимской культуре (Шемякина А. С., 1976, с. 190), а также отпечатки соломы в жилище Новоникольского I городища. На том же городище найдены жернова (Могиляников В. А., 1968в, с. 290), но они, возможно, относятся к более позднему, татарскому слою.

Важную роль играла металлургия. Следы выплав-

ки иковки железа в виде шлаков, остатков металлургических горнов встречены на ряде поселений. На Новоникольском I городище выявлены остатки основания глинобитного горна диаметром 0,9 м (Могиляников В. А., 1968б, с. 290). Глинобитные горны для выплавки железа открыты также на городище Кипо-Кулары (Конилов Б. А., 1982, с. 11). Сырьем для получения железа служили местные болотные руды.

Бронзолитейное производство документировано находками на многих поселениях глиняных льячек (табл. LXXXIII, 36) и обломков тиглей, а в могильниках — вещами местного производства, отлитыми из белой и простой бронзы. Подобно керамике, льячки иногда украшены зубчатым орнаментом. Существовало литье в одно- и двусторонних формах, а также литье по модели с утратой формы. Об этом можно судить по облику готовых изделий, поскольку сами литейные формы на поселениях Прииртышья не встречены. Отливали главным образом украшения — бронзовые подвески, серьги, зоо- и антропоморфные изображения и, возможно, пряжки.

Широко было развито косторезное производство, о чем можно судить по находкам заготовок, а также многочисленных костяных изделий: наконечников стрел, проколов, клиньев, пряслиц, ножей. Костяные изделия частично заменяли металлические.

Ряд вещей попадал в результате обменных связей с соседями. В наибольшем числе представлены вещи южного и западного происхождения. О торговых взаимоотношениях с югом свидетельствуют находки костей верблюда на Новоникольском IV и Новоягодном I городищах (Могиляников В. А., 1964в, с. 246), что, вероятно, говорит о зачатках караванной торговли, а также находки вещей в погребениях: это предметы вооружения (пластинчатые железные панцири, возможно, часть наконечников стрел), поясные наборы, металлическая гарнитура которых (бляшки, наконечники) украшена орнаментом, характерным для памятников IX—X вв. сrostкинской и тютятской культур (Степи Евразии, 1981, рис. 26; 27; 33). Эквивалентом обмена с югом, очевидно, служили меха.

Целый ряд вещей имеет западное происхождение — прикамское, вычегодское, болгарское и славянское. Коньковые и другие шумящие привески прикамских типов встречены на городище Искер, в курганах Усть-Ишима, Аргайза и других памятниках (Пигнатти В. Н., 1915, табл. V, 1; ОАК за 1909—1910 гг., с. 230; ОАК за 1911 г., рис. 127). Вероятно, по прикамским образцам изготовляли в Обь-Иртышье кресала с бронзовыми зооморфными рукоятями (табл. LXXXI, 1—4). В Кипских курганах и других местах обнаружены арочные шумящие подвески вымских типов (Могиляников В. А., 1973а, рис. 33, 2, 6). От болгар попадали, очевидно, преимущественно серебряные ювелирные изделия (украшенные сканью и зернью серебряные височные кольца и бусы), а также некоторые другие вещи (Могиляников В. А., 1973а, рис. 33, 4, 5; Пигнатти В. Н., 1915, табл. IV, 10).

Западное происхождение имеют также, вероятно, боевые проушпные топоры, встреченные в курганах Эбаргуля и Малой Тебенди (табл. LXXXIII, 40, 41), бусы и некоторые другие вещи (Могиляников В. А.,

1965, рис. 2, 9; 1969а, рис. 38, 8, 9). Подобные топоры известны в Прикамье (Оборин В. А., 1970, табл. 30, 5) и далее на юго-запад, в хазарском слое Саркела второй половины IX—X в. (Сорокин С. С., 1959, с. 142, рис. 4, 1).

К предметам славянского производства могут быть отнесены некоторые виды орудий труда и предметов быта, но преимущественно украшения. Славянскими являются частью железные ножи с уступом со стороны спинки, калачевидные и двулезвийные кресала, грушевидные и шаровидные бубенчики с прорезью, бусы и, видимо, некоторые другие вещи.

Вероятно, существовало два пути проникновения западных вещей в Прииртышье. Один из них шел из Прикамья через Средний Урал и далее по системам рек бассейнов Туры и Тавды выходил на Тобол и Иртыш. Этим путем, надо полагать, попадали прикамские, болгарские и, может быть, отчасти русские вещи. Позднее тем же путем воспользовался Ермак при своем походе в Сибирь. Второй путь шел по Вычегде на Печору, потом через Северный Урал на Нижнюю Обь, а затем уже вверх по Оби на Иртыш. Учитывая направления походов новгородцев в «Югру», надо полагать, что это был основной путь попадания за Урал древнерусских вещей, а также предметов вымской культуры. Активизация контактов падает на XI—XIII вв. К тому времени относятся большинство обнаруженных за Уралом древнерусских вещей. Тот же период отмечен усилением политической активности Новгорода в северных владениях и неоднократными походами новгородцев в «Югру», засвидетельствованными в летописях (Новгородская летопись, 1950, с. 40, 41, 229).

Восточные контакты в материалах усть-ишимской культуры менее выражены. К концу I тысячелетия н. э. относится продвижение хантов из Прииртышья в Васюганье, что констатируется керамикой городища Тух-Эмтор IV в верховьях Васюгана (Киришин Ю. Ф., 1976, табл. IX; X), подобной посуде усть-ишимской культуры. Оно привело к оттеснению самодийского населения с Васюгана на восток и юго-восток. Этот процесс отражен в топонимии Нарымского Приобья перекрыванием более ранних самодийских гидронимов хантыйскими (Калинина Л. И., 1959; 1961). В древнеселькупском Тискинском могильнике (Нарымское Приобье) встречены бронзовые лапчатые и колоколовидные подвески, а также пуговицы, известные с памятников усть-ишимской культуры и кинтусовского этапа нижнеобской культуры начала II тысячелетия н. э. (Боброва А. И., 1982, рис. 5, 1, 6, 8—13), которые попали туда, очевидно, от хантыйского населения Сургутского Приобья.

Усть-ишимская культура по облику керамики, местных типов украшений, зоо- и антропоморфным изображениям, мелкой глиняной пластике близка нижнеобской культуре памятников кинтусовского этапа. Это говорит о родстве населения, оставившего памятники обеих культур. Отличительные особенности усть-ишимской культуры, выражающиеся в курганном обряде погребения, большей роли скотоводства в хозяйстве, возможном наличии земледелия и некоторых других факторах, определялись в основном экологическими условиями, которые создавали

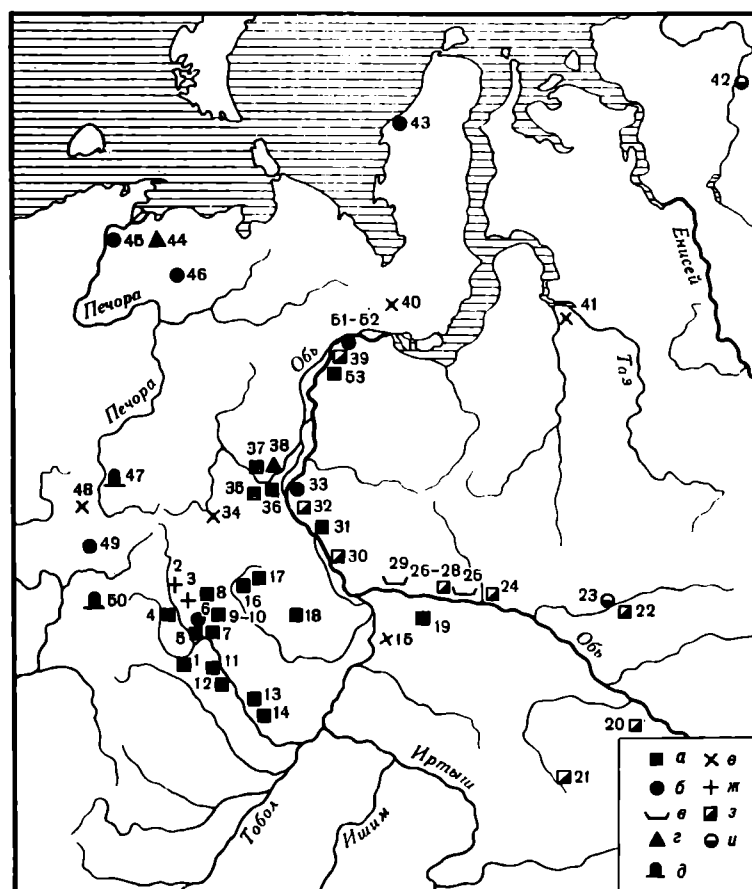
базу для формирования на юге более развитого хозяйственно-культурного типа, сочетавшего производящие и присваивающие отрасли хозяйства. Усть-ишимская культура оставлена, очевидно, южной группой иртышских хантов, в то время как памятники кинтусовской группы принадлежали предкам северных, обских хантов (Могильников В. А., 1968в, с. 291).

На юге ханты Прииртышья контактировали в IX—XII вв. с тюркоязычным населением и подвергшимся в лесостепи тюркизации группами угров. В это время отдельные группы тюрков проникают в Тарское Прииртышье, о чем свидетельствуют погребение 6 Мурлинского II могильника, содержавшее захоронение человека с конем (Щемякина А. С., 1973, с. 113), и курган 1 Алексеевского могильника, где вместе с человеком были положены голова и конечности (чучело?) лошади (Могильников В. А., 1972а, с. 280). В это погребение был поставлен сосуд с гребенчатым орнаментом, характерный для усть-ишимской культуры. В кургане 6 могильника Кип конь был уложен поверх захоронения человека. Все это свидетельствует о начавшемся в Тарском Прииртышье и распространявшемся к северу процессе смешения угорского, южнохантыйского и продвигавшегося с юга тюркского населения. Однако на большей части своего ареала носители усть-ишимской культуры сохраняли свою самобытность. С XIII в. начинается активная тюркизация хантыйского населения лесного Прииртышья. Формируются различные группы иртышских татар (тарских, тевризских, тобольских) в результате продвижения к северу тюркских этнических групп, частично ассимилировавших, а частично оттеснивших в более глухие таежные районы проживавшее ранее по Иртышу хантыйское население. Потомки последнего до недавнего времени проживали в верховьях правобережных таежных притоков Иртыша и в низовьях Иртыша к северу от Тобольска (Балкашин М. И., 1914, с. 6, 7; Народы Сибири, 1956, с. 570; Историко-этнографический атлас Сибири, 1961, с. 7).

Культуры Нижнего Приобья

Памятники оронтурского типа

Памятники оронтурского типа выделены В. Н. Чернецовым как характеризующие один из этапов развития культуры Нижнего Приобья, датированный им VI—IX вв. н. э. (Чернецов В. Н., 1957, с. 185—213). В рамках этих древностей он указал на своеобразие памятников приполярной зоны, оставленных арктическими охотниками и рыбаками (Чернецов В. Н., 1957, с. 191—196). Характеризуя культуру лесного Зауралья, В. Д. Викторова в верхнем и среднем течении Тавды выделила памятники тынского типа, которые рассматривает как юго-западную окраину таежной общности западносибирского населения оронтурского этапа (Викторова В. Д., 1969, с. 15, 16). Свое название памятники оронтурского типа получили от оз. Оронтур в верховьях р. Конда, на берегах которого расположены два городища описываемой культуры (Чернецов В. Н., 1957, с. 185).

Карта 39. Распространение памятников оронтурского типа

а — городище; б — селище; в — грунтовый могильник; г — открытое жертвенное место; д — жертвенное место в пещере; е — находки вещей и керамики (тип памятника точно не установлен); ж — костница; з — городища с керамикой вожпайского типа; и — селища с такой же керамикой; 1 — Оськинское; 2 — Туманское; 3 — Тынское; 4 — Ликинское; 5 — Мишпийское II; 6 — Вагильское; 7 — Усть-Вагильское; 8 — Заозерное I; 9 — Истокское II; 10 — Истокское III; 11 — Карагаевское; 12 — Дворниковское; 13 — Северо-Урайское; 14 — Западно-Урайское; 15 — Филинское; 16 — Оронтурское I; 17 — Оронтурское II; 18 — Ус-Толтское; 19 — Кинтусовское; 20 — Остяцкий Бор; 21 — Тух-Эмтор IV; 22 — Большой Ларьяк II; 23 — Чехломей III; 24 — Каменные Пески; 25 — Барсов Городок; 26 — Барсов Городок I/31; 27 — Барсов Городок I/32; 28 — Барсов Городок II/16; 29 — Ленк-Понк; 30 — Большой Атлым; 31 — Шеркалы X; 32 — Перегребное; 33 — Перегребное X; 34 — Хангла-Сам; 35 — Ус-Нел; 36 — Люликар; 37 — Сортынья III; 38 — Ялпинг-Нел; 39 — Вож-Пай; 40 — р. Щучья; 41 — зимовье Мамеева; 42 — Дюна 3; 43 — Тиутей-Сале; 44 — Хэйбидэ-Падара; 45 — стоянка 13 у г. Нарьян-Мара; 46 — Колвавис; 47 — Кавинская пещера; 48 — Варламовка; 49 — Чирва II; 50 — Чаньвенская пещера; 51 — Зеленая Горка; 52 — Салехард II; 53 — Кувеват

Памятники оронтурского типа локализуются на обширной территории бассейна нижней и отчасти средней Оби до района Сургута (карта 39). На западе, в лесном Зауралье и прилежащих районах Западной Сибири, оронтурские памятники находятся на левых притоках Оби и Иртыша — Северной Сосьве, Конде, а также на притоке Тобола — Тавде. Керамика оронтурского типа представлена на некоторых памятниках Приуралья, расположенных на левобережных притоках Верхней Камы, в Печорском крае и даже на Вычегде (Оборин В. А., 1968, с. 22; Канивец В. И., 1964, рис. 45; Чернов Г. А., 1951, с. 98, рис. 26, 10, 15; Буров Г. М., 1965, рис. 27, 7). На севере памятники оронтурского типа в приполяр-

ном варианте известны на полуострове Ямал, а на юге эти древности, очевидно, распространялись на Нижнее Прииртышье почти до устья Тобола, до границы с потчевашской культурой. На юго-востоке их ареал четко не определен. Вероятно, в Сургутском Приобье население, оставившее памятники оронтурского типа, доходило до р. Вах, где контактировало с населением релкинской культуры (Посредников В. А., 1969, с. 84, табл. 33, 10, 11).

Памятниками оронтурского типа являются поселения и жертвенные места. Кроме того, на Тавде известны два костыща — Тынское и Туманское, которые предположительно можно рассматривать как места жертвоприношений и погребений по обряду кремации (Викторова В. Д., 1969, с. 15).

Поселения — в основном городища. На отдельных поселениях, не имеющих сейчас укреплений, валы и рвы могли не сохраниться. В приполярной зоне, на Ямале, выявлены только неукрепленные поселения. Городища расположены на берегах рек, старичных и проточных, мало подверженных заморам, озер и занимают мысы или возвышенные участки террас. Размеры их невелики — от 400 до 1600 кв. м. Городища, расположенные на мысах, защищены с напольной стороны одним или несколькими валами и рвами (Чернецов В. Н., 1957, рис. 14). Городища, устроенные на возвышениях террас и отдельно стоящих останцах, имеют округлую или овальную площадку, защищенную кольцевой линией обороны в виде рва и вала. Для проезда в валах имеются выемки, а во врах перемишки (табл. LXXXV, 1, 2).

На площадках городищ прослеживаются впадины от жилищ, однако сами жилища почти не исследованы. Для таежных районов, очевидно, были характерны небольшие прямоугольные полуземлянки площадью около 25–40 кв. м с врезанным в грунт котлованом и шатровым перекрытием. Основу последнего составляли жерди и тонкие бревна, одним концом упиравшиеся в край котлована, а вторым на четырехугольную раму, поддерживаемую четырьмя опорными столбами, вкопанными вокруг очага. Каркас перекрытия сверху накрывался берестой, лапником и засыпался землей. Очаги устраивались в центре жилища на земляном возвышении, забранном в сруб. Вдоль стен имелись возвышения от земляных нар. Из жилища шел коридорообразный выход.

Жилища такой конструкции исследованы на городищах Сортынья III и Барсов Городок I/31 (Соколова З. П., 1957, с. 95; Федорова Н. В., 1981а). По устройству они почти идентичны шатровым полуземлянкам, исследованным на синхронных памятниках лесного Зауралья в бассейне Туры — на городищах Жилье, Андрюшин Городок и др. (Соколова З. П., 1957, с. 94, 95). На городище Сортынья III восемь землянок, расположенных плотно друг к другу в два ряда, были связаны коридором в одно, как бы многокомнатное, коллективное жилище. Подобные жилища известны на памятниках последующего кинтусовского этапа культуры населения Нижнего Приобья, в частности на городище Мань-Няслан-Тур (Чернецов В. Н., 1957, с. 190, рис. 14, 21).

Ипогея типа жилища были в приполярных районах. Исследования были проведены на поселении Тиутей-Сале, насчитывавшем три полуземлянки,

располагавшиеся на узких мысочках, что, по мнению В. Н. Чернецова (Чернецов В. Н., 1957, с. 191, 193), обеспечивало лучший дренаж в условиях заболоченности прилегающей тундры. Жилища были круглыми, диаметром до 7 м. Очаг помещался в центре. По окружности жилищ сохранились остатки вертикальных столбов, поддерживавших стены. Конструкция кровли не установлена, но крепилась она, очевидно, на достаточно прочных опорах, удерживавших толстую земляную засыпку мощностью до 0,4 м.

Жертвенные места почти не изучены. Находки оронтурской посуды в Канинской и Чаньвенской пещерах (Канивец В. И., 1964, рис. 45; Теплоухов Ф. А., 1895а, табл. I, 17), а также костей лося, оленя, лошади, наконечников стрел и других вещей, выявление в них остатков кострищ, скорее всего, указывают на совершение жертвоприношений. Жертвоприношения оленя или лошади засвидетельствованы у обских угров. При этом в северных районах для приношения жертвы лошади иногда приводились издалека (Гондатти Н. Л., 1888б, с. 11; Носилов К. Д., 1904, с. 53; Шатилов М. Б., 1931, с. 103, 104). Жертвенные места устраивали также на отдельных мысах у берегов рек или озер. По мнению В. Н. Чернецова (Чернецов В. Н., 1957, с. 188), жертвенное место было на мысу Ялпинг-Нёл («Священный мыс») на берегу Северной Сосьвы, где при раскопке найдены керамика, многочисленные височные кольца, обломки бронзовых гривен и браслетов и круглая бронзовая бляха с изображением грифона (табл. LXXXV, 11), датирующаяся последней третью I тысячелетия н. э. (не позднее IX—X вв.).

Туманское и Тынское костыща исследованы частично. На них зафиксированы участки прокаленной глины с песком, зольные пласты и скопления кальцинированных косточек, среди которых найдены фрагменты обожженных черепов человека. Косточки расположены скоплениями. Среди них встречены костяные наконечники стрел и копий, железные ножи, бронзовая умбоновидная бляшка и полые металлические подвески со стилизованными зооморфными фигурами, каменное изображение птицы, а также разнообразные бусы VI—IX вв. (Викторова В. Д., 1969, с. 15). Большая часть вещей поломана.

По составу инвентаря и расположению кусочков костей кучками вместе с вещами костыща Зауралья напоминают аналогичные объекты Прикамья, которые рассматриваются некоторыми авторами как могильники.

Могильники оронтурского этапа не выявлены. К IX—X вв., переходному времени от оронтурского этапа к кинтусовскому, могут быть отнесены некоторые погребения могильников Барсов Городок, Кинтусово, Ленк-Понк (Чернецов В. Н., 1957, с. 198—204). По комплексам опубликован только могильник Барсов Городок (Агге Т. Л., 1935), основной материал которого датируется X—XI вв.

Керамика оронтурского типа леплена из глины с примесью песка. Поверхность гладко заглажена мягким предметом. Сосуды круглодонные, венчик чаще приострен, реже закруглен или уплощен. Вдоль венчика часто проходит утолщение — валик,

украшенный гладкой насечкой или зубчатым штампом (табл. LXXXVI, 6, 9, 10, 12—14).

По форме сосуды делятся на два типа: горшки и чаши. Количественно преобладают горшки с относительно высокой вертикальной или наклоненной наружу или внутрь шейкой и слабовыпуклыми плечиками (табл. LXXXVI, 6, 8—14, 16, 17). В меньшем числе представлены чашевидные сосуды с наклоненной внутрь или почти вертикальной шейкой без выраженных плечиков, с утолщенным венчиком (табл. LXXXVI, 4, 15).

Абсолютное большинство сосудов орнаментировано. Орнамент покрывает край венчика, шейку и плечики сосудов, и часто отдельные элементы его отделены полосами, спускающимися на тулово (табл. LXXXVI, 1, 10, 17). Орнаментация состоит из оттисков зубчатого, а также гладкого и фигурных штампов — ромбического, глазчатого, крестового, треугольного, уголкового, круглоямочного, еще реже — «жемчужин». При этом разнообразие штампов, особенно большое число ромбических, характерно для более ранних памятников, выделяемых В. Н. Чернецовым (Чернецов В. Н., 1957, с. 191) в люликарскую группу, названных по городищу Люликар на Северной Сосьве. В более позднее время из фигурных штампов сохраняется только уголкового. Широкое распространение фигурных штампов в ранних оронтурских памятниках было унаследовано от предшествовавших им памятников карымского этапа (III—V вв.), когда фигурно-штамповая орнаментация керамики в лесной полосе Западной Сибири достигала максимального развития (Чернецов В. Н., 1957, табл. X; XI).

Орнаментации свойственно зональное расположение узоров, составленных из разных элементов. Оттиски зубчатого штампа образуют композиции в виде рядов наклонной насечки, «елочки», а также характерных косоугольных полос, «лесенок», треугольников, заштрихованных в разных направлениях (табл. LXXXVI, 4, 6, 11). Полосы из оттисков конца «отступающей» палочки и уголкового штампа спускаются с плечиков на тулово и ко дну сосуда. Оттиски фигурных штампов, расположенных, как правило, в шахматном порядке, образуют горизонтальные полосы, ограниченные обычно сверху и снизу рядами наклонных отпечатков зубчатого штампа (табл. LXXXVI, 12, 13, 17). Зональность узора иногда подчеркнута прочерченными концом палочки горизонтальными каннелюрами. Вдоль венчика проходит пояс из круглых ямок, нередко чередующихся с «жемчужинами». В фигурах, выполненных зубчатым штампом, представлены оттиски «отступающей» лопаточки с прямым и реже округлым краем. Оттисками зубчатой лопаточки иной раз выполнены фигуры в виде ромбов.

При общем богатстве орнаментации особо следует выделить узоры типа взаимопроникающих заштрихованных треугольников и наклонных «лесенок» (табл. LXXXVI, 4, 6, 11), отличающих керамику оронтурского типа от посуды других синхронных культур лесной полосы Западной Сибири.

Композиции из взаимопроникающих треугольников и ромбов сохраняются в наиболее поздней вожпайской группе памятников, датированных В. Н. Чернецовым (Чернецов В. Н., 1957, с. 200)

концом VIII—IX в., когда преобладали гребенчатые узоры.

Своеобразна керамика памятников Заполярья. В. Н. Чернецов отмечает наличие у части сосудов поселения Тиутей-Сале кольцообразных поддонов, усматривая в этом пережитки традиций усть-полуйской культуры (Чернецов В. Н., 1957, с. 194). Здесь же есть сосуды с утолщенным венчиком в отличие от валика под венчиком. Наряду с характерными для южных областей угловыми и полулуновыми штампами в орнаментации встречаются нетипичные для юга штампы — «копытный», «стреловидный» и редкие формы овального и овально-ромбического штампов. Подобная керамика представлена и на других поселениях субарктических районов — в устье р. Таз у зимовья Мамеева, а также на стоянках Мой-Ярей и по р. Колва-Вис в Большеземельской тундре (Чернецов В. Н., 1957, с. 194).

Некоторые отличия прослеживаются и в керамике поселений бассейна Тавды. Здесь наряду с распространенной посудой оронтурского облика встречаются сосуды с гребенчато-шнуровой орнаментацией, что является следствием соседских контактов с населением бассейна Туры, где такая керамика распространена на памятниках молчановского типа (Викторова В. Д., 1969, с. 16).

На памятниках оронтурского типа встречаются также антропоморфные глиняные фигурки, подобные находкам на синхронных памятниках лесного Зауралья. Наибольшее количество их — десять — обнаружено на городище Барсов Городок I/31. По одной фигурке встречено на городищах Карым, Базабырь, поселении Согом, в могильниках Кинтусово и Барсов Городок (Федорова Н. В., 1979а, с. 145—151, рис. 1; Чернецов В. Н., 1957, табл. XLII, 9; Agne T. J., 1935, Fig. 162).

Большинство фигурок схематично изображает сидящего человека в расшитой орнаментом меховой одежде, и только в двух случаях люди изображены стоя. У всех поделок намечена голова, руки отсутствуют, у одной схематически показаны ноги. Размеры их довольно одинаковы: длина 3,5—4,5 см, ширина 3,5—5 см, толщина на сгибе 0,7—1,5 см, по краям — 0,5—0,8 см, размеры головки от 0,5×0,9 до 0,8×0,8 см. Орнамент, выполненный аккуратно зубчатым штампом, обычно покрывает только лицевую поверхность. Обратная сторона чаще гладкая, иногда на ней сделаны зацепы или проведены глубокие борозды сверху вниз. По мнению Н. В. Федоровой, развитие стиля этих изображений шло от реалистического к схематичному (Федорова Н. В., 1979, с. 148).

О назначении подобных фигурок говорилось выше. Видимо, они имели культовый характер. В погребениях клали только их обломки, целые фигурки найдены исключительно в жилищах.

Вещевая коллекция с памятников оронтурского типа немногочисленна. На городище Ус-Нёл обнаружены кузнечные клещи (табл. LXXXV, 18), а на городище Люликар — железные местного производства (табл. LXXXV, 14) ножи с довольно массивной спинкой и почти прямым клинком (Чернецов В. Н., 1957, табл. XXIII, 9, 10). На костяшках найдены железные и костяные наконечники копий, костяные наконечники стрел, железные ножи, умбоновидные

бляшки, полые металлические подвески, а также импортные стеклянные бусы. Среди последних имеются крупные мозаичные с шапечным узором VIII—IX вв. бусы, украшенные волнистыми полосами, шаровидные позолоченные VI—IX вв., мелкие белого и голубого цвета, в форме пуговиц из прозрачного стекла (Викторова В. Д., 1969, с. 15).

На поселении Тиутей-Сале встречены железные скребки для обработки кожи, обломок ножа, наконечник стрелы вильчатой формы, костяные наконечники стрел, а также небольшие листочки меди и бронзы. Скорее всего, вещевой инвентарь этого памятника был более обильным, но землянки здесь неоднократно перекапывались немцами в поисках медных предметов и годной для обработки кости (Чернецов В. Н., 1957, с. 194, 196). Изделиями из кости и дерева пользовались очень широко. В частности, из кости делали наконечники стрел, ложки, орудия для разминания кожи и разглаживания швов. Из дерева и кости вырезали рукояти ножей и шильев, проколки. На поселении Тиутей-Сале найден деревянный ножичек, который, по мнению В. Н. Чернецова (Чернецов В. Н., 1957, с. 196, табл. XXVI, 1), копировал железные ножи и служил игрушкой или использовался в культовых целях, во время медвежьего праздника. Из дерева изготовлены также некоторые предметы неясного назначения (табл. LXXXV, 16), в которых В. Н. Чернецов (1957, с. 196) склонен усматривать колодки для стружков, являвшихся своего рода рубанками, где роль железки исполнял обыкновенный нож.

По мнению В. Н. Чернецова, каменные орудия в быту не употреблялись. Возможно, для обработки кожи служил кварцитовый скребок а, судя по конической форме сверлины на оленьем роге, камелные сверла могли использоваться для сверления кости. Камень применялся также для оселков.

С памятниками оронтурского типа связан ряд случайных находок вещей из разных районов Нижнего Приобья, хранящихся преимущественно в Тобольском музее и опубликованных большей частью В. Н. Чернецовым (Чернецов В. Н., 1957, табл. XVIII; XXI; XXII) и в какой-то мере А. А. Спицыным (Спицын А. А., 1906б, рис. 4; 9; 276). Среди них имеются бронзовые круглопроволочные браслеты, гладкие и из перекрученной проволоки, импортная бронзовая бляха с изображением крылатого собачьего грифона (табл. LXXXV, 11), найденная на мысу Ялпинг-Нёл на Северной Сосьве и датированная серединой I тысячелетия н. э. или немного позднее (Чернецов В. Н., 1957, с. 188). Бляха с подобным изображением, отлитая местными мастерами по привозному образцу, происходит из Кинтусовских юрт в Сургутском Приобье. Прототипы этих блях имеют восточное, вероятно иранское, происхождение.

Большой интерес представляет найденная около г. Березов бронзовая бляха с изображением на ней, по мнению В. Н. Чернецова (Чернецов В. Н., 1957, с. 189, 190), трех менквов — духов фратрии Пор — в позе священной пляски с саблями (табл. LXXXV, 12). Характерные для образов менквов сочетание человеческих и медвежьих черт, трехпалость, одно-, двух- и трехголовость, выражающаяся в скульптуре хантов в виде зубцов на темени, ярко отражены в изображениях на бляхе. Помимо трактовки мифоло-

гических сюжетов, изображения сабли позволяют рассматривать ее как один из предметов вооружения воинов Нижнего Приобья. На фигурах подчеркнуто выделены пояса с наборными бляхами, очевидно являвшиеся аксессуарами костюма наиболее знатных воинов. Подобные фигуры воинов или духов с саблями выгравированы на сасанидских серебряных блюдах (Спицын А. А., 19066, рис. 9), которые в Приобье имели сакральную символику и помещались в святилища.

К оронтурскому этапу относится также часть бронзовых литых зооморфных изображений. Датировать их довольно трудно, поскольку обнаружены они вне комплексов, как случайные находки. Для определения их хронологии важны аналогичные изображения, происходящие из датированных объектов, таких, как могильники Релка (Чиндина Л. А., 1977), Барсов Городок (Агне Т. J., 1935), Ликинский (Викторова В. Д., 1973) и др.

В VI—VIII вв. были распространены полые объемные зооморфные изображения, выполненные в реалистическом стиле. Отдельные детали их выделены продольными полосами-углублениями, иногда с мелкоточечным орнаментом, который в X—XIII вв. в основном заменяется узором в виде насечки и крупных «жемчужин». Наряду с объемными полыми фигурками представлены односторонние выпукло-вогнутые изображения, исполненные также в реалистическом стиле (табл. LXXXV, 3—5, 7—9). Среди изображаемых сюжетов представлены образы хищной птицы (орла, филина), а также водоплавающие и, видимо, глухарь. Из животных имеются изображения медведя, оленя, коня (табл. LXXXV, 4), изредка и других.

Примечательно, что в Нижнем Приобье пока не известны находки бронзовых литых антропоморфных изображений второй половины I тысячелетия н. э., кроме личин на груди птиц, в то время как они представлены в синхронных памятниках лесного Прииртышья и Нарымского Приобья (Heikel A., 1894, pl. III, 2; IV, 9; X, 4; ОАИ за 1911 г., с. 128; Чиндина Л. А., 1977, рис. 34). Антропоморфные изображения Нижнего Приобья даны в гравировке на блюдах и бляхах (Heikel A., 1894, pl. XX, 1; Спицын А. А., 19066, рис. 9). Исключением является упомянутая литая бляха из Березова, но здесь пляшущие фигуры с тремя треугольными выступами на темени и саблями, поднятыми вверх, аналогичны по стилю гравированным. В то же время присутствие трех выступов на темени не свойственно стилю антропоморфных фигур Нарымского Приобья и лесного Прииртышья. Параллели подобной манере изображения представлены в гравировке на некоторых блюдах из Прикамья, например на двух находках из Слудки (Спицын А. А., 19066, рис. 7, 10). Отмеченные особенности объясняются, очевидно, этническим своеобразием населения Нижнего и Сургутского Приобья VI—IX вв.

Определение хронологии памятников оронтурского типа представляет значительную трудность ввиду малого объема имеющегося материала. В. Н. Чернецов (Чернецов В. Н., 1957, с. 185, 200) датировал оронтурский этап VI—IX вв., отмечая наличие в нем двух переходных групп памятников — люликарской, сохраняющей в керамике черты предшествую-

щего карымского этапа IV—V вв., и вожпайской конца VIII—IX в. Такая датировка базировалась в значительной мере на размещении памятников оронтурского типа в хронологическом отрезке между относительно лучше датируемыми памятниками предшествующего карымского и последующего кинтусовского этапов.

Н. В. Федорова (Федорова Н. В., 1981а, с. 140—142), анализируя материалы памятников I тысячелетия н. э. с Барсовой Горы, приняла хронологию этапов развития культуры населения Нижнего Приобья, установленную В. Н. Чернецовым, но оронтурский этап отнесла к VIII—X вв. с оговоркой, а предшествующий карымский этап — к V—VIII вв. Хронология Н. В. Федоровой дана в тезисном изложении и предполагает, очевидно, отнесение памятников люликарской группы с фигурно-штамповой орнаментацией керамики к предшествующему карымскому этапу. С оронтурским этапом у Н. В. Федоровой ассоциируется керамика с гребенчатым штампом и узором в виде ленты косых треугольников, заштрихованных в разные стороны. Такой критерий предусматривает отнесение к числу оронтурских памятников переходной вожпайской группы, сохраняющих оронтурские тенденции в орнаментации посуды IX—XII вв.

Таким образом, различие между датировками В. Н. Чернецова и Н. В. Федоровой обусловлено разным содержанием, вкладываемым в понятие памятников оронтурского типа.

Датировка оронтурских памятников последними веками I тысячелетия н. э. подтверждается радиоуглеродным анализом. Остатки угля из очага поселения Дюны III, относящегося к поздней вожпайской группе памятников (табл. LXXXVII), показали возраст 1050 ± 50 л. н., т. е. около 900 г. н. э. (Хлобыстин Л. П., 1982, с. 26).

Хозяйство в обширном ареале памятников оронтурского типа было неодинаковым. На большей части таежного Приобья основными занятиями были, вероятно, охота и заборное рыболовство. Особенно важное значение имело последнее, поскольку лов рыбы велся здесь почти круглый год. В какой-то мере, возможно, существовало скотоводство. Судя по наличию бронзовых изображений коня, в более южных районах в ограниченных размерах могли разводиться лошадей.

В северных арктических районах, на побережье, существовал зверобойный промысел. На поселении Тиутей-Сале обнаружено большое количество костей моржа, китовый ус и кости других животных. Судя по остеологическим остаткам, морж был главным объектом промысла жителей этого поселка (Чернецов В. Н., 1947, с. 196).

Локальные различия оронтурских памятников, возможно, обусловлены неоднородностью оставившего их населения. Основная часть территории Нижнего и Сургутского Приобья была, вероятно, занята северной группой обских угров, оформившихся позднее в северные группы хантов и манси. Ими же оставлены памятники с оронтурской керамикой в районах Северного Приуралья. Мнение о древнехантыйской принадлежности культуры Нижнего Приобья I тысячелетия н. э. было сформулировано В. Н. Чернецовым (Чернецов В. Н., 1957, с. 238),

считавшим, что развитие этой культуры протекало без существенных внешних воздействий.

Своеобразие культуры охотников на морского зверя в Заполярье, прослеживаемое на материале поселения Тиутей-Сале на Ямале, дает основание предполагать, что здесь она оставлена предками сииртя — народа, которого застают ненцы на побережье Ледовитого океана при своем появлении в тундре в первой половине и середине II тысячелетия н. э. С сииртя ненцы вступали в военные столкновения, но в то же время известны случаи заключения между ними браков (Чернецов В. Н., 1935, с. 124). С течением времени сииртя были ассимилированы ненцами. По мнению В. И. Васильева (Васильев В. И., 1979, с. 49–55), происхождение ненецкого рода Лодоседа и ненецкой фратрии Вануйта связано с досамодийским субстратом. Скорее всего, сииртя были потомками самодийцев, проникших на Обский север в конце I тысячелетия до н. э. и в начале I тысячелетия н. э. в период кулайской культуры. Общие черты в орнаментации керамики у населения лесной зоны Нижнего Приобья и арктического побережья объясняются их длительными соседскими контактами и культурным влиянием с юга на более северные этнические группы.

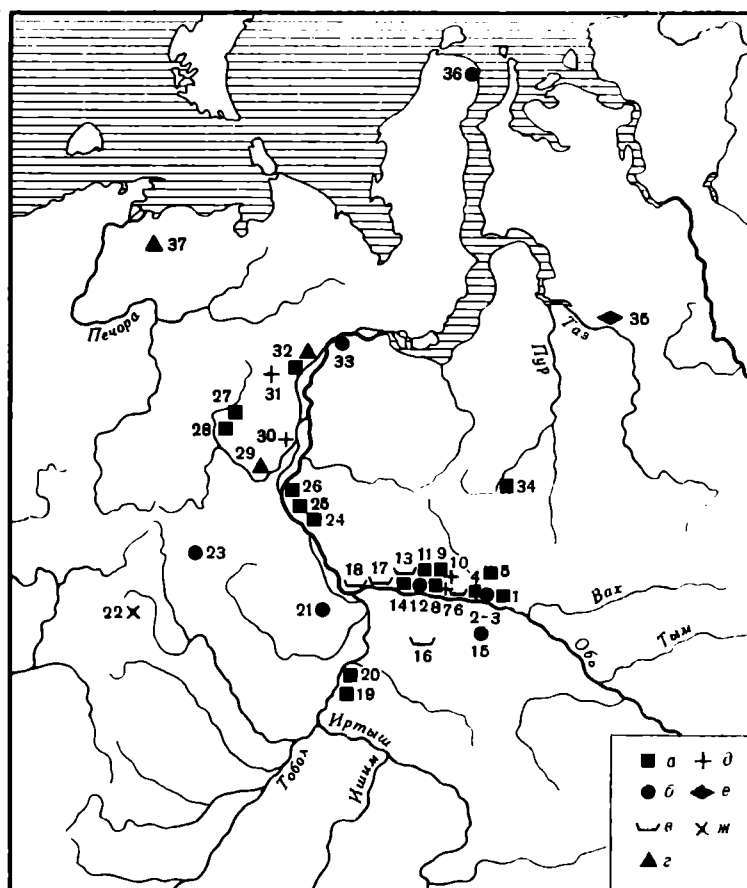
Памятники кинтусовского типа

Памятники кинтусовского этапа выделены В. Н. Чернецовым (Чернецов В. Н., 1957, с. 213) как заключительный этап развития культуры населения Нижнего Приобья I тысячелетия н. э. При этом к числу таковых были отнесены, помимо нижнеобских, памятники лесного Прииртышья и Среднего Зауралья, своеобразные черты которых позволили говорить позднее о существовании на этой территории особых усть-ишимской и юдинской культур, отражавших распад общности обских угров и оформление к концу I тысячелетия н. э. трех основных этнических групп — зауральских манси (Среднее Зауралье), южной (лесное Прииртышье) и северной (Нижнее и Сургутское Приобье) групп хантов.

Кинтусовскими памятники названы по юртам Кинтусовым в верховьях р. Салым (левый приток Оби), где находятся могильник и городище (Чернецов В. Н., 1957, с. 224). Ареал памятников кинтусовского типа охватывает районы Сургутского и Нижнего Приобья до восточных склонов Урала (карта 40).

Памятники кинтусовского типа исследованы слабо, хотя изучение их началось еще в конце XIX в. В 1887 г. С. И. Патканов собрал обширную коллекцию вещей из могильника Ленк-Понк у д. Скрипиново на Оби, которая в значительной мере была издана сначала А. А. Спицыным (Спицын А. А., 19066, рис. 336, 343, 357, 358, 366, 371, 373, 400, 415, 419–421, 490), а затем В. Н. Чернецовым (Чернецов В. Н., 1957, с. 200–202, табл. XXVIII–XXX), датировавшим вещи ошибочно VI–IX вв.

В 1890 г. Ф. Мартин произвел раскопки могильника Барсов Городок близ Сургута. Материалы раскопок были опубликованы Т. Ю. Арне (Arne T. J., 1935), который утверждал, что могильник принадлежал предкам остяков (хантов). В 1911 г. участни-

Карта 40. Распространение памятников кинтусовского типа

а — городище; б — селище; в — грунтовый могильник; г — жертвенное место; д — клад; е — литейная мастерская; ж — находки кинтусовской керамики; 1 — Урьевское III; 2 — Каюковское I; 3 — Каюковское II; 4 — Каменные Пески; 5 — Ермаковское; 6 — Барсов Городок; 7 — Барсов Городок I/6; 8 — Барсов Городок I/14; 9 — Барсов Городок I/31; 10 — Барсова Гора; 11 — Барсов Городок IV/1; 12 — Барсова Гора IV/1; 13 — Сайгатинский; 14 — Кучуминское V; 15 — Айдуновское; 16 — Кинтусовский; 17 — Ленк-Понк; 18 — Уна-Пай; 19 — Копелевское; 20 — Рачевское II; 21 — Согом; 22 — Усть-Ваграпский грот; 23 — Атымья I; 24 — Шеркалы I; 25 — Низямское II; 26 — Перегребное I; 27 — Мань-Няслан-тур; 28 — Тан-Варуп-Эква; 29 — Ялпинг-Нел; 30 — Березово; 31 — Ямгортский; 32 — Лов-Вож; 33 — Зеленая Горка; 34 — Лонг-Юган; 35 — Тазовская; 36 — Хаэн-Сале; 37 — Хэйбидэ-Падара

ки Салымской экспедиции Тобольского музея Б. Н. Городков и Л. Р. Шульц, попутно с проведением естественных и этнографических исследований произвели сборы вещей на могильниках Кинтусовском и Уна-Пай. Коллекции поступили в Тобольский музей и позднее были опубликованы В. Н. Чернецовым (Чернецов В. Н., 1957, табл. XXXII; XLI–XLV.). В 20–40-х годах этот исследователь провел также рекогносцировочные работы и небольшие раскопки ряда поселений, расположенных преимущественно в бассейне Северной Сосьвы и вблизи г. Салехард. При этом были вскрыты жилища на городище Мань-Няслан-Тур и поселении Зеленая Горка, проведены сборы материалов на городище Тан-Варуп-Эква (Чернецов В. Н., 1949, с. 67–74; 1957, с. 213, 214, 230–234). На севере Ямала, на поселении близ мыса Хаэн-Сале, В. Н. Чернецов раскопал четыре жилища, которые были датированы им XVI в. Полученные данные вместе с материалом поселения Тиутей-Сале позволили охарактери-

зовать специфику культуры морских охотников Арктического побережья, связав их с легендарной сиир-
 та (Чернецов В. Н., 19356, с. 109—133).

В 50-х годах весь накопленный материал по памятникам I — начала II тысячелетия н. э. был систематизирован В. Н. Чернецовым, считавшим, что в Нижнем Приобье в то время развивалась одна культура, являвшаяся в основном древнехантыйской (Чернецов В. Н., 1957, с. 238). Кинтусовский этап был датирован X—XIII вв. и рассматривался как период, к концу которого уже сложились основные черты, свойственные этнографии обского населения в ее современных или весьма недавних формах (Чернецов В. Н., 1949, с. 74; 1957, с. 213). Основные положения, высказанные В. Н. Чернецовым, остаются верными и в настоящее время.

В конце 60-х — 70-х годах комплекс городищ и связанных с ними жертвенных мест I — начала II тысячелетия н. э. был исследован экспедицией Уральского университета в районе г. Сургут. При этом вскрыт ряд жилищ, выявлены особенности планировки и фортификации поселений конца I — начала II тысячелетия н. э. Результаты этих работ изложены пока в предварительных публикациях (Федорова Н. В., 1981а, с. 140—142; 1981б, с. 148—152; 1982; Морозов В. М., 1981б, с. 145—147; Семенова В. И., 1981, с. 208, 209; Чемякин Ю. П., 1981б, с. 220, 221).

Памятники кинтусовского этапа представлены поселениями, могильниками, жертвенными местами и кладами. В целом культура продолжает развитие культуры оронтурского этапа. Черты преемственности прослеживаются в основных категориях — планировке поселений, домостроительстве, керамике, эволюции звериного стиля и др.

Среди поселений имеются укрепленные и неукрепленные. Городища невелики по размерам, расположены на мысах и возвышенных участках террас. Площадь их колеблется от 400 до 1600 кв. м. Валы и рвы защищали площадки городищ или с напольной стороны, или по всему периметру (табл. LXXXVIII, 2).

Некоторые представления об устройстве фортификационных сооружений дает фольклор хантов, где указывается, что «городки» князей или богатырей были обнесены палисадами-частоколами, а наиболее прочно укрепленные «покрыты сверху медными листами». При описании штурма осажденных «городков» сообщается, что богатыри сначала рубят полисад, а затем уже проникают в них через продельанные бреши. При этом осажденные сверху, из-за частокола, бросают на штурмующих бревна и осыпают их градом стрел. Осада «городков» часто была затяжной, и осажденные нередко прогоняли нападающих (Патканов С. К., 1891а, с. 99, 100). Об этом же повествуют русские летописи. В 1194 г. осада одного из югорских городков новгородской ратью под предводительством воеводы Ядрея кончилась поражением осаждавших (Новгородская летопись, 1950, с. 40, 41). В более позднее время, в 1581 г., атаман Брязга три дня не мог взять остяцкий городок у с. Демьянского и овладел им только благодаря случайности (Миллер Г. Ф., 1937, с. 242, 243; Патканов С. К., 1891б, с. 17).

Под городками, «покрытыми медными листами»,

подразумевались наиболее прочно укрепленные поселки. Перекрытия из медных листов они, очевидно, не имели; такая характеристика их является продуктом образности языка сказителей былин.

С напольной стороны к городищам иногда примыкают неукрепленные части поселений (Барсов Городок IV/1). Существование подобных поселков засвидетельствовано хантыйским фольклором и историческими источниками. При походе вниз по Иртышу атаман Брязга часто встречал селения остяков около городков (Патканов С. К., 1891б, с. 17, 18).

Существовали также отдельно расположенные неукрепленные поселения, занимавшие возвышенные участки берегов рек и озер и состоявшие из одного или нескольких жилищ (Зеленая Горка, Согом). Остатки отдельных неукрепленных поселков (Хаэн-Сале) выявлены в Заполярье, на Арктическом побережье.

Залесенность местности благоприятствовала сохранности микрорельефа поселений. На них постоянно прослеживаются располагавшиеся в ряд жилищные впадины. В. М. Морозов (Морозов В. М., 1981б, с. 143, 145) для городищ Сургутского Приобья конца I — начала II тысячелетия н. э. выделяет три типа жилищных углублений: 1) впадины с валообразным окружением и визуально фиксирующимся выходом; 2) впадины без фиксируемого выхода; 3) простые впадины. Различия между ними, видимо, в значительной мере обусловлены степенью сохранности остатков обвалившихся построек, а также, вероятно, особенностями конструкции жилищ.

Раскопки жилищ были проведены на поселениях Зеленая Горка (Чернецов В. Н., 1949, с. 70—74), Хаэн-Сале (Чернецов В. Н., 1957, с. 234, 235), городищах Мань-Няслан-Тур (Чернецов В. Н., 1957, с. 230—232), Урьевском (Семенова В. И., 1981, с. 208, 209), Барсов Городок IV/1, селище Барсова Гора IV/1 (Чемякин Ю. П., 1981б, с. 220, 221). Всего исследовано более 20 жилищ, в том числе девять построек вскрыты на городище Барсов Городок IV/1, восемь — на селище Барсова Гора IV/1, а на остальных — единичные.

Основным видом жилой постройки была подпрямоугольная, близкая к квадрату в плане полуземлянка с неглубоко врезанным в грунт основанием. Площадь жилищ колеблется в пределах 18—49 кв. м. В устройстве сохраняются традиции предшествующего времени: центральное расположение очага, нары на земляном возвышении вдоль стен, шатровое перекрытие, засыпанное сверху землей. В отдельных случаях прослежено расположение центрального очага на земляном возвышении, забранном в сруб (Чернецов В. Н., 1949, с. 71). Жилища имели коридорообразный выход.

Хорошей сохранности полуземлянка размерами около 6×5 м вскрыта на поселении Зеленая Горка (табл. LXXXVIII, 3). Центр ее занимал очаг, находившийся на возвышении — четырехугольном срубе, заполненном песком. Перед очагом располагалась впадина глубиной около 0,5 м, являвшаяся окончанием входного коридора. По обе стороны очага шли проходы шириной около 1 м, далее находились нары. Перекрытие землянки было шатровым. Основу его образовывал каркас из жердей или тонких бревен, нижние концы которых стояли на краю котлована,

а верхние опирались на четырехугольную раму, укрепленную на столбах. Поверх каркаса была обрешетка из горизонтально закрепленных жердей или плах, перекрытых берестой. На бересту была уложена подстилка из еловых лап, а сверху насыпан слой угля толщиной 2–4 см, на который уложена земляная засыпка толщиной до 20–30 см. Такое многослойное перекрытие обеспечивало хорошую изоляцию от холода и влаги. Против углов очага были вертикально вкопаны четыре бруска, видимо также связанные рамой, служившей для подвешивания над огнем котлов и, возможно, как это делалось в недавнее время у обских угров, для сушки рыбы (Чернецов В. Н., 1949, с. 71, 72).

На городище Мань-Няслан-Тур и селище Барсова Гора IV/1 исследованы многокамерные, соединенные между собой постройки. Жилища на городище Мань-Няслан-Тур площадью около 600 кв. м имели прямоугольную форму и состояло из соединенных между собой не менее чем 11–12 полуземлянок. Исследование одной из них размерами 5×5 м выявило ее традиционную конструкцию. Она имела слабо углубленный в землю котлован размерами 5×5 м, в центре которого находился очаг, а вдоль стен — широкие приподнятые земляные нары (Чернецов В. Н., 1957, с. 230, 232). Пробразом больших жилищ — комплекса полуземлянок — являются постройки городища Сортынья III оронтурского этапа, где стоявшие тесно друг к другу два ряда полуземлянок были соединены коридором, связывавшим все помещения (Чернецов В. Н., 1957, с. 190, рис. 14).

Помимо полуземляночных жилищ, существовали и наземные. Два таких жилища вскрыты на городище Барсов Городок IV/1. В одном углу находился каменный очаг (Чемякин Ю. П., 1981, с. 220, 221). Использование камня для устройства очага констатируется также в жилище поселения Зеленая Горка (Чернецов В. Н., 1949, с. 72). Устройство очага из камней, видимо, обусловлено появлением в Нижнем Приобье в начале II тысячелетия н. э. очагов типа каминных — чувалов. Устройство чувалов в углу жилищ отмечается в конце I — начале II тысячелетия н. э. в Туринском р-не (Соколова З. П., 1957, с. 96). Отсюда этот тип очага, очевидно, распространяется на север, в Нижнее Приобье.

Проникновение за Урал в XII–XIII вв. населения вымской культуры привело к появлению в Нижнем Приобье наземных срубных домов с печами-каменками. Три таких жилища исследованы на городище Шеркалы I (Морозов В. М., 1985, с. 232). Пять наземных построек срубного типа размерами предположительно 4–7×7 м с печами-каменками или открытыми очагами из массивных валунов и плит открыты на городище XII–XIII вв. Перегребное I, которое было заселено выходцами с территории вымской культуры и местным угорским населением. У восточных стен жилищ 1–3 находился настил деревянной мостовой в виде нескольких рядов полуистлевших досок. Ширина настила 2,1 м, длина сохранившейся части 7,5 м (Морозов В. М., Пархимович С. Г., 1985, с. 89–91).

Кроме жилищ, на поселениях находятся различные ямы, в том числе хозяйственные (Чемякин Ю. П., 1981, с. 220, 221). Стенки и дно хозяй-

ственных ям в жилищах городища Перегребное I были укреплены досками, что характерно для ям-кладовок вымской и родановской культур (Морозов В. М., Пархимович С. Г., 1985, с. 96).

К несколько более позднему времени (XV–XVI вв.) относятся жилища поселения близ мыса Хаэн-Сале на севере Ямала. Поселок состоял из шести-семи землянок круглой формы диаметром 7–8 м, котлованы которых опущены в грунт на 0,7–1 м. Жилища имели крытый коридорообразный вход длиной около 2 м, постепенно повышающийся до уровня дневной поверхности. В большинстве случаев вход делали с южной стороны. В центре землянки находилось кострище, топливом служил плавник. Перекрытие жилищ было шатровым. Оно образовано из составленных конусом бревен, засыпанных сверху землей. В центре перекрытия, вероятно, опиралось на четырехугольную раму, покоившуюся на столбах, следы от которых сохранились по углам очага (табл. LXXXVIII, 4). Участки по обе стороны кострища, как правило, лишены нахлестов. На этом основании В. Н. Чернецов (Чернецов В. Н., 1957, с. 235) считал, что правая и левая стороны жилищ были заняты постелями.

Круглая форма землянок, центральное расположение очага, шатровое перекрытие сближают жилища поселения у мыса Хаэн-Сале с оронтурскими постройками селища у мыса Тиутей-Сале (Чернецов В. Н., 1957, с. 193). Это позволяет рассматривать круглые полуземлянки как традиционную форму жилищ населения Арктического побережья Ямала второй половины I — первой половины и середины II тысячелетия н. э. Капитальный характер сооружений указывает на оседлый образ жизни населения, занимавшегося главным образом морским промыслом и в меньшей мере охотой на сухопутных животных и птиц.

Могильники кинтусовского этапа грунтовые, располагаются на высоких террасах, по берегам рек и озер, а также на отдельно стоящих возвышенностях-сопках (Скрипуново). Белогорский (Уна-Пай) могильник находился на острове Уна-Пай на р. Оби. На некоторых некрополях (Барсов Городок, Сайгатино, Кинтусово) могильные ямы фиксируются на поверхности в виде слабо заметных западинок, сгруппированных в нечеткие ряды или в беспорядке.

Исследованы могильники слабо. Наиболее полно изучен могильник Барсов Городок, где в 1891 г. Ф. Мартином вскрыто 111 погребений, из которых 108 были снабжены инвентарем (Arne T. J., 1935). В 1976 г. здесь же свердловскими археологами раскопано 6 погребений. Некрополи Уна-Пай, Скрипуново, Лепк-Понк и Кинтусово известны по музейным коллекциям, составленным в результате сбора вещей из разрушенных погребений. В 1982–1985 гг. Л. М. Терехова произвела раскопки на могильниках Сайгатино I и II и начала исследование Кинтусовского некрополя, существовавшего с X–XI до XVI–XVII вв., а В. И. Семенова раскопала могильник Усть-Балык, но результаты этих работ не опубликованы и известны по кратким предварительным информации.

Захоронения производились в простых мелких подпрямоугольно-овальных ямах глубиной преиму-

щественно 0,5–0,9 м. Большинство погребенных уложено на спине вытянуто. В единичных случаях представлены захоронения на спине с сильно скорченными в коленях ногами и согнутыми в локтях руками (табл. LXXXVIII, 7), создающие впечатление, что покойник был перед захоронением туго связан (Агне Т. Ј., 1935, р. 14). На могильнике Усть-Балык погребения были совершены в лодках-обласках и накрыты сверху берестой (Семенова В. И., 1985, с. 241). На некрополе Сайгатино погребения были накрыты деревянным продольным перекрытием, опиравшимся на две поперечины. Ориентировка погребенных неустойчива. Преобладает положение головой на север и северо-запад, но есть и противоположная (табл. LXXXVII, 6, 8–10).

В погребальном инвентаре представлены глиняные сосуды, орудия труда (железные ножи, тесла, кресала), пара железных удил с эсовидными псалиями, оружие (железные наконечники стрел), детали одежды и украшения (пряжки, бляшки, браслеты, серьги, бусы, бубенчики, гривны, зооморфные изображения, шумящие подвески, лунницы), в одном случае — импортная металлическая чаша (Агне Т. Ј., 1935, Fig. 49a).

Глиняные сосуды находились преимущественно у изголовья. Железные ножи встречены в изголовье, у левого и правого бедра. Положение наконечников стрел также неустойчиво. Они обнаружены в изголовье, у правого бедра и лежали небольшими группами, вероятно, в колчане. Детали одежды и украшения находятся в основном в соответствии с их местоположением на костюме. К поясу, по-видимому, крепились на ремешках подвески с изображением медведя, которые обнаружены лежащими в ряд параллельно поясу. В области груди к поясу и полам одежды, очевидно, также прикрепляли шумящие подвески. Последние иногда использовали и в качестве височных подвесок. Птицевидное изображение с шумящими подвесками обнаружено с левой стороны черепа (Агне Т. Ј., Fig. 2–8).

Жертвенные места кинтусовского этапа не исследованы. Видимо, часть из них находилась там же, где таковые располагались в предшествующем оронтурском этапе, т. е. население продолжало почитать те же культовые места. Об этом свидетельствуют находки ранних и поздних вещей, в частности гривн глазовского типа, на мысу Ялпинг-Нёл на Северной Сосьве (Чернецов В. Н., 1957, табл. XXI, 1). Это относится и к жертвенному месту на р. Хэйбиде-Пэдара в Большеземельской тундре, где представлены вещи второй половины I тысячелетия н. э. — серебряный медальон, браслет с зооморфными головками (Чернов Г. А., 19156, рис. 22, 3, 6), а также предметы конца I — начала II тысячелетия н. э. — пряжка с изображением головы медведя между распластанных лап и плоское птицевидное изображение (Чернов Г. А., 19156, рис. 22, 1, 2). Такое постоянство в почитании культовых объектов объясняется проживанием здесь одного и того же населения в течение второй половины I — первой трети II тысячелетия н. э. и сохранением у него сложившихся идеологических представлений.

Жертвенные места устраивали также на местах старых и заброшенных поселений, подобно тому как это было у населения Прикамья в период поздне-

ананьинской и гляденовской культур. Святилища первой половины II тысячелетия н. э. существовали на покинутых многослойных поселениях Барсов Городок I/6 и Барсов Городок I/31. На них найдены серебряные сосуды — чаша, два блюда, поднос, а также большое количество железных наконечников стрел, ножей, обломков медных котелков и других вещей (Федорова Н. В., 1982, с. 183). Примечательно, что культовое место на поселении Барсов Городок I/6 находилось в 300 м от могильника. Серебряные сосуды являлись атрибутами священнодействий во время жертвоприношений, и, как показал В. Н. Чернецов (Чернецов В. Н., 1947, с. 125), серебро вообще высоко ценилось уграми, что способствовало спросу на этот материал и постепенному накоплению его в родовых сокровищницах.

К кинтусовскому периоду относятся клады. В их состав входят медные и железные котлы, импортные серебряные и бронзовые блюда и чаши, изготовленные в сасанидском Иране, странах мусульманского Востока, Западной Европе и Волжской Болгарии (Мизинова В., 1958, с. 57; Федорова Н. В., 19816, с. 148–150, рис. 11; 1982, рис. 1–6), украшения — браслеты, гривны, височные и шумящие подвески, пуговицы, детали поясных наборов и др. В пользу культового характера кладов говорит наличие в их составе серебряных сосудов. Часть кладов принадлежала, может быть, шаманам.

Керамика с памятников кинтусовского типа вылеплена из глины с примесью мелкого песка. Поверхность сосудов заглажена мягким предметом. Сосуды круглодонные, количественно преобладают горшковидные сосуды с прямой или слегка отогнутой наружу шейкой, переходящей в раздутое тулово (табл. LXXXIX, 26, 28–33). В меньшем числе представлены чашевидные сосуды с вертикальной или слегка наклоненной внутрь шейкой, без четко выраженных плечиков (табл. LXXXIX, 27). Венчики сосудов чаще приострены и скошены изнутри, реже уплощены.

Большинство сосудов орнаментировано. Орнамент покрывает обычно венчик, шейку и плечики сосудов, иногда опускается полосами и ниже, на тулово (табл. LXXXIX, 26, 32). Преобладающим узором являются зонально расположенные ленты типа наклонных насечек, «елочки», зигзага, оттиснутые «отступающей» зубчатой или гладкой лопаточкой. Имеются также наклонные и горизонтальные полосы, выполненными концом палочки или штампом (табл. LXXXIX, 31). Типичен поясок из ряда круглых ямок вдоль венчика. В качестве пережиточного явления на ранней посуде, видимо до X–XI вв., встречаются узоры типа взаимопроникающих треугольников (табл. LXXXIX, 29), характерные для керамики вожпайской группы.

Сосуды с поселений отличаются большей величиной и более тщательной формовкой. На могильнике Барсов Городок и в Кинтусово встречены небольшие сосуды (диаметром в среднем 10–12 см и высотой 8–10 см), но наряду с ними имеются миниатюрные (диаметром и высотой около 4 см).

На поздних поселениях типа Зеленая Горка, городища Мань-Нясла-Тур, датированных XIII в., глиняная посуда вообще не обнаружена (Чернецов В. Н., 1949, с. 72; 1957, с. 232). Правда, на го-

родище Мань-Няслан-Тур в жилище встречены обломки тонкостенного сосуда без орнамента и фрагменты, видимо русского, гончарного горшка (Чернецов В. Н., 1957, с. 230, 232). Практически отсутствует керамика также на городище Барсов Городок IV/1, датированном Ю. П. Чемякиным первой третью II тысячелетия н. э. (Чемякин Ю. П., 1981б, с. 220, 221). К XIII–XIV вв. керамическое производство в Нижнем Приобье исчезает (Чернецов В. Н., 1957, с. 232, 233). Сохраняется только изготовление тиглей для плавки металла.

Постепенное исчезновение керамики вызвано вытеснением ее из обихода медными и железными котлами, имевшими при приготовлении пищи неоспоримое преимущество перед непрочными глиняными сосудами. Металлические котлы проникают в Нижнее Приобье в конце I тысячелетия н. э., видимо, с запада. Обломки медных котлов обнаружены на городище Барсов Городок I/31, датируемом последней четвертью I тысячелетия н. э. (Федорова Н. В., 1981б, с. 148). В начале II тысячелетия н. э. металлические котлы в Нижнем Приобье распространяются более широко. Находки их известны вкладах Ямгортском, на Барсовой Горе (Мизинова В., 1958, с. 57; Федорова Н. В., 1981б, с. 148), а обломки найдены на нескольких поселениях (Чемякин Ю. П., 1981б, с. 220).

Для вещевого комплекса Нижнего Приобья X–XIII вв. характерно наличие большого количества импортных вещей наряду с предметами местного производства.

Основными орудиями труда были топоры и ножи, с помощью которых изготавливали из дерева и кости различные предметы для охоты и рыболовства. В начале II тысячелетия н. э. в Нижнее Приобье, как и в лесное Зауралье, попадают проушные лесорубные топоры древнерусского производства. Такой топор (табл. ХС, 27) обнаружен на городище Тан-Варуп-Эква (Чернецов В. Н., 1957, табл. XXXIV, 3), и, как уже говорилось, подобные топоры встречены в Ликинском могильнике. Кроме того, употреблялись втульчатые топоры-тесла местного производства, широко распространенные в культурах лесной полосы Западной Сибири.

Железные ножи местного производства с прямой спинкой без уступа или с небольшим уступом при переходе к черешку и почти прямым лезвием (табл. ХС, 23). Кроме них, в быту употреблялись импортные или сделанные по их образцу ножи с более крутыми уступами при переходе от клинка к черешку и дугообразно заостряющимся к концу лезвием (табл. ХС, 24). Такой нож с поселения Зеленая Горка В. Н. Чернецов (Чернецов В. Н., 1949, с. 73, 74, рис. 22, 1) считал южным по происхождению. Однако не исключено, что он попал в Нижнее Приобье с запада, от славян.

К бытовым предметам относятся кресала, представленные экземплярами калачевидной формы без язычка и с зооморфными навершиями (табл. ХС, 16, 20, 21).

К конскому снаряжению относятся найденные в могильнике Барсов Городок удила с эсвидными псалиями, характерные для IX–X вв. (табл. ХС, 17). На городище Мань-Няслан-Тур встречен костяной предмет, в котором В. Н. Чернецов (Чернецов В. Н.,

1957, с. 232) склонен усматривать деталь оленьей уздечки (табл. ХС, 28). На поселении Зеленая Горка обнаружены костяная державка для вязания сетей (табл. ХС, 29) и оселок (табл. ХС, 32) со следами заточки игл.

Наиболее распространенным видом оружия был лук со стрелами. Лук был сложным, составным. На селище Зеленая Горка найден обломок костяного рожка от лука (табл. ХС, 22), который, по заключению В. Н. Чернецова (Чернецов В. Н., 1957, с. 233), не отличался от рожков на луках хантов и манси. Все железные наконечники стрел плоские. Среди них есть усеченно-ромбические, треугольные с шипами, срезни вильчатые и с прямым лезвием (табл. ХС, 2–14). Костяные наконечники менее распространены. Они черешковые, трехгранного и ромбического сечения (табл. ХС, 1). Из кости делали также наконечники копий, заготовка для которого обнаружена на городище Мань-Няслан-Тур (табл. ХС, 31). На городище Тан-Варуп-Эква найдено кольцо от кольчуги (табл. ХС, 15). Согласно преданиям хантов, кольчуга, как и меч, составляла неотъемлемую принадлежность каждого остяцкого князя (Патканов С. К., 1891б, с. 26) и была на вооружении только наиболее знатных воинов-богатырей.

Среди деталей одежды наиболее распространены пряжки двух основных типов. К первому относятся бронзовые рамчатые с приостренной дужкой приемника (табл. ХС, 35), характерные для населения более южных районов IX–X вв. и являвшиеся в рассматриваемых древностях, видимо, импортными. Единичные экземпляры их происходят из Барсова Городка (Agne T. J., 1935, Fig. 61, 83). Чаше употреблялись местные литые бронзовые пряжки (табл. ХС, 43, 45), украшенные изображениями головы и лап медведя, зайца, лося, головок лошади и некоторых других не совсем понятных зооморфных фигур. В. Н. Чернецов (Чернецов В. Н., 1957, с. 208) интерпретировал эти изображения, исходя из угорской мифологии, согласно которой медведь, лось, заяц выступают в качестве тотемных образов фратриальных предков тех или иных угорских народов или племенных общностей. Наиболее распространены были представления о медведе как тотемном предке фратрии Пор, а в одном из тотемных обликов прародительницы фратрии Мощь выступала зайчиха, и образ ее локализовался главным образом среди хантов и северной части манси. Лось был фратриальным предком северопритуральской группы угров, частью мигрировавших затем за Урал, частью смешавшихся с коми и русскими. Изображенные сюжеты, как и ареал этих пряжек (Нижнее, Среднее и Сургутское Приобье, а также лесное Зауралье), подчеркивают местный обско-угорский характер.

Для украшения поясов и одежды служили различные бронзовые бляхи и пуговицы импортного и местного производства. К импортным относятся сердцевидные наременные бляхи и удлиненные наконечники ремней, украшенные растительным орнаментом (табл. ХС, 36–38), встреченные в могильнике Барсов Городок (Agne T. J., 1935, Fig. 64–67, 131). В начале II тысячелетия н. э. такие бляхи и наконечники были распространены широко. Тер-

риториально наиболее близкую аналогию одной из блях дает могильник Басандайка под Томском (Басандайка, 1948, табл. 30, 87, 88).

Весьма широко бытовали бляхи, отлитые из белой бронзы местными мастерами. К ним относятся характерные для Сургутского и Нижнего Приобья, а также лесного Зауралья крестовидные бляшки, круглые бляхи-пуговицы, украшенные изображением головы медведя, лежащей между лап, пнуrowым капотом и другими узорами (табл. ХСІ, 24–29), бляхи-подвески, отлитые иногда по привозным, южнoм образцам, например с изображением крылатого пса — сенмуwра (табл. ХСІ, 7). Для этих же райoнов Западной Сибири начала II тысячелетия н. э. типичны крупные лапчатые подвески (табл. ХСІ, 30–32), плоские и полые, приближающиеся по форме к колоколовидным зооморфные подвески (табл. LXXXIX, 1–3, 9–11, 15–17, 21, 22). Среди сюжетов представлены медведь, заяц, гусь, куропатка, рыба. В их изображении видны схематизм и стилизация. Пустотелые фигурки зверей и птиц изображены как бы в пригнуwвшейся, припавшей позе и украшены орнаментом из крупных «жемчужин» или точек. Плоские фигуры покрыты линейным узором или зигзагом (табл. LXXXIX, 14, 17).

Стилистически к зооморфным изображениям на подвесках и пряжках примыкают зооморфные изображения на широких литых браслетах обско-угорского типа (табл. ХСІ, 11, 21). Наиболее типичный сюжет их — изображения головы медведя, лежащей между лап, соединенные орнаментальными полосами. На одном браслете из могильника Барсов Городок есть изображение человеческой лпчины (Arne T. J., 1935, Fig. 27). Помимо браслетов с зооморфными изображениями, носили пластинчатые круглопроволочные и ложновитые, а также славянские плетеные проволочные (Мизинова В., 1958, с. 58). В Кинтусовском могильнике встречена также гривна глазовского типа (табл. ХСІ, 42).

Серьги, височные подвески и бусы представлены в основном импортными, западными образцами. Встречены болгарские и славянские серебряные височные кольца с напускными бусинами, лунницы, украшенные зернью, по оттискам которых в глиняных формах местные мастера отливали копии (табл. ХСІ, 1, 2). С погребениями IX–X вв. связаны, видимо, цельнолитые серьги с подвесками, имитирующие салтовские типы (табл. LXXXIX, 18, 24, 25).

В небольшом числе на памятниках обнаружены хрустальные, сердоликовые и стеклянные бусы, а также серебряные подшаровидные и боченковидные, украшенные зернью и сканью (табл. LXXXIX, 5, 6) славянского и болгарского производства XI–XIII вв.

В памятниках Сургутского Приобья представлены также бронзовые схематичные изображения человеческих личин (табл. LXXXIX, 7, 8). Личина из Кинтусовского могильника изображена в коническом шлеме с наглазниками (табл. LXXXIX, 20). В том же могильнике встречено бронзовое антропоморфное изображение с рогом в руке (табл. LXXXIX, 19), имеющее западное происхождение. Фигурки подобного стиля найдены в Новгороде (Седов В. В., 1982, табл. LXXIII, 6) и в Прикамье (Оборин В. А.,

1970, табл. II). Прототипами шумящих подвесок послужили, видимо, прикамские образцы.

Памятники кинтусовского этапа датируются главным образом по импортным вещам преимущественно славянского и болгарского производства. К ним относятся проушной топор XI–XII вв. с городища Тан-Варуп-Эква (табл. ХС, 27), ключ с крестовидной прорезью от замка XI–XIII вв. (табл. ХС, 26) с городища Мань-Нясан-Тур (Чернецов В. Н., 1957, с. 213, 232, табл. XXXIV, 3; XLVI, 1), калачевидные кресала без язычка XI–XII вв. и с зооморфными навершиями (табл. ХС, 16, 20, 21) конца IX–XI вв. (Голубева Л. А., 1964б, с. 116, 117; Колчин Б. А., 1959, с. 103, рис. 85). Украшения славянского и болгарского производства или их копии, изготовленные по привозным образцам местными литейщиками, обнаружены во всех могильниках кинтусовского типа. Это болгарские серебряные височные кольца с напускными бусами с зернью (табл. ХСІ, 40, 41), серебряные пустотелые боченковидные бусы, украшенные зернью (табл. LXXXIX, 5), серебряные и бронзовые подвески арочной формы, украшенные сканью, зернью, с шатонами для вставок (табл. ХСІ, 3), являющиеся произведениями болгарского городского ремесла предмонгольского времени (Хлебникова Т. А., 1963, с. 309). Из славянских представлены украшения XI–XIII вв., преимущественно даже XII–XIII вв. К ним относятся круглые серебряные бусы с напаянными колечками скани (табл. LXXXIX, 6), ложновитые и плетеные браслеты (табл. ХСІ, 16, 18), круторогие и замкнутые лунницы (табл. ХСІ, 1, 2), грушевидные и шаровидные бубенчики (табл. ХСІ, 22, 23). В могильнике Барсов Городок найден также пластинчатый браслет с овальными концами (Arne T. J., 1935, Fig. 30), аналогии которому имеются в памятниках XI–XIII вв. от Венгрии до Приуралья (Седова М. В., 1981, с. 112). В Нарымское Приобье эти вещи почти не проникали.

В качестве датирующих выступают также шумящие подвески прикамских типов: коньковые IX–XI вв., блякорьковые и с основой в виде пронизки со вздутиями XII–XIV вв. (табл. ХСІ, 4). Довольно показательны также серьги с пластинчатой подвеской (табл. LXXXIX, 23), датирующиеся по аналогиям из марийских могильников IX–XI вв. (Архипов Г. А., 1973, рис. 17, 15, 16).

Хозяйство населения Нижнего Приобья конца I — начала II тысячелетия н. э. было в основном охотничье-рыболовческим. При этом соотношение отдельных отраслей в разных районах было неодинаковым и зависело от экологии региона и культурно-хозяйственных традиций проживавшего здесь населения. Представляющие большую важность для реконструкции хозяйства фаунистические остатки (табл. 10) опубликованы только по городищу Перегребное I (определения сотрудника УНЦ АН СССР П. А. Косинцева; Морозов В. М., Пархимович С. Г., 1985, с. 98).

Эти определения указывают на преобладающую роль охотничьего промысла, в котором большое значение по сравнению с предшествующим периодом приобрела пушная охота, носившая товарный характер. Примечательно, что фаунистические остатки наиболее ценных пушных видов (бобр, соболь, выд-

Таблица 10. Результаты остеологического изучения материалов из раскопок городища Перегребное I

Вид животных	Количество костей	%	Количество особей	%
Лошадь	250	—	14	—
Крупный рогатый скот	2	—	2	—
Мелкий рогатый скот	9	—	4	—
Собака	144	—	15	—
Всего домашних	405	37,7	35	25,5
Canis sp. *	18	—	3	—
Северный олень	144	—	15	—
Лось	90	—	10	—
Медведь	3	—	2	—
Заяц	47	—	9	—
Лисица	62	—	9	—
Куница	1	—	1	—
Martes sp. *	20	—	7	—
Бобр	257	—	33	—
Выдра	4	—	2	—
Соболь	4	—	4	—
Белка	10	—	—	—
Росомаха	2	—	1	—
Горностай	4	—	2	—
Волк	1	—	1	—
Всего диких	667	62,3	102	74,5
В том числе пушных	430	40,2	75	54,8
Всего	1072	100	137	100

* До вида неопределимы.

ра, куница, *Martes sp.*) составляли около 66,5% по количеству костей и около 63% по числу особей от общего числа остатков пушных видов. На охоте использовали различные ловушки, а также лук со стрелами. Разнообразие форм наконечников стрел указывает на дифференциацию их по объектам промысла.

Большую роль играло также рыболовство, которое, видимо, было в основном запорным. Пользовались также сетями. На Урьевском городище найдено цилиндрическое глиняное грузило с отверстием от сети (Семенова В. И., 1981, с. 208, 209), а на поселении Зеленая Горка — державка для плетения сетей (табл. ХС, 29). В конце I тысячелетия н. э., очевидно, распространяются усложненные сетевые ловушки типа колыдана, служившие для лова крупной рыбы. Грузила от колыданных сетей встречены на городище Уки II и поселениях Барсовой Горы. Примечательно, что в это же время уменьшается количество гарпунов, широко использовавшихся ранее для добычи крупной рыбы.

В южных районах распространения памятников кинтусовского типа, на Нижнем Иртыше и в Сургутском Приобье, вероятно, в небольшой мере существовало скотоводство, преимущественно коневодство. На городище Уки II обнаружены кости лошади, а на могильнике Барсов Городок найдены удила, изображения фигурок коня и голов баранов на пряжках (Agne T. J., 1935, Fig. 51, 86, 134). К северу от устья Иртыша скотоводство у обских угров, видимо, не распространялось. Находки костей до-

машних животных на городище Перегребное I на Нижней Оби связаны с проникшими сюда в XI—XIII вв. коми, у которых скотоводство было более широко распространено, чем у обских угров. Следует отметить, что единичные находки костей лошади на памятниках Нижнего Приобья не обязательно говорят о наличии коневодства. Это может быть результат жертвоприношений. Известно, что лошадь была предпочтительным жертвенным животным у обских угров, которые для совершения культовых церемоний иногда специально отправлялись за лошадьми в дальние экспедиции в более южные районы. По этнографическим наблюдениям, скотоводство у аборигенов Западной Сибири распространялось вдоль широких речных долин и доходило до места слияния Оби и Иртыша.

В северных районах Нижнего Приобья, видимо, в конце I — начале II тысячелетия н. э. появляется оленеводство, на что указывает находка на городище Мань-Няслан-Тур костяного предмета (табл. ХС, 28), напоминающего деталь оленьей уздечки (Чернецов В. Н., 1957, с. 232).

Основным занятием населения Арктического побережья была охота на морского зверя, главным образом нерпу. Важную роль играла также охота на северного оленя, песца, белого медведя, моржа, кита и птицу. Кости этих животных встречены на поселении у мыса Хаэн-Сале (Чернецов В. Н., 1957, с. 237).

На ряде поселений выявлены следы занятий металлургией и металлообработкой. На городище Рачево II открыты остатки горнов для выплавки железа из болотной руды, а также ямы для выжигания угля. Остатки металлургических горнов и большое количество шлаков обнаружены также на городищах Кошелево и Уки II. Большое количество шлаков и фрагментов сильно пережженной глины, вероятно от обмазки горнов, найдено на поселении Зеленая Горка. Большинство их связаны с плавкой меди, а некоторые, возможно, с выработкой железа (Чернецов В. Н., 1949, с. 72). Обработка железа могла производиться в Тазовской литейной мастерской, на что указывают встреченные там куски железной руды, железистой породы и железные шлаки (Хлобыстин Л. П., Овсянников О. В., 1973, с. 248). Из железа местные мастера ковали втульчатые топоры-тесла, ножи, наконечники стрел и другие предметы. На городищах Ус-Нёл и Барсов Городок 1/31 обнаружены железные клещи. На последнем памятнике найден, кроме того, кузнечный молоток-ручник. Анализ железных изделий с памятников кинтусовского этапа, произведенный в Уральском университете А. П. Зыковым, показал, что кузнецы Нижнего Обь-Иртышья знали термическую обработку металла, цементацию, пакетную сварку, но в целом уровень металлообработки был ниже, чем в Восточной Европе.

На большом числе поселений обнаружены следы плавки и литья бронзы в виде шлаков, тиглей, лячек, капель металла и бракованных изделий. Целые тигли, их обломки и шлаки встречены на городищах Мань-Няслан-Тур, Барсов Городок I/31, IV/1, Рачево II, Уки II, поселении Зеленая Горка и др. (Чернецов В. Н., 1949, с. 72; 1957, табл. XLVI, 1; Чемякин Ю. П., 1981б, с. 220, 221). Тигли были цилинд-

рической и рюмковидной формы. Последние более характерны для предшествовавшего времени. Льячки обычно имели пристроенный носик для слива металла и часто, как и керамика, украшены зубчатым штампом. В низовьях р. Таз открыты остатки бронзолитейной мастерской. Здесь вместе с готовыми изделиями встречены брак и отходы литейного производства (Хлобыстин Л. П., Овсянников О. В., 1973, с. 248—257). Отливали украшения местных типов: шумящие и колоколовидные подвески, подвески «утиные лапки», крестовидные и другие бляшки, бляхи-пуговицы, пластинчатые браслеты, пряжки, рукояти ножей, зоо- и антропоморфные изображения и другие вещи, а также копии импортных вещей по оттиснутым в глине образцам — преимущественно лунницы. Литье производилось по оттиснутому в глине контуру готового изделия и в сложных, вытапливаемых, утрачиваемых литейных формах. Мастера владели техникой скани, что установлено на материалах Тазовской мастерской (Хлобыстин Л. П., Овсянников О. В., 1973, с. 252). Техника зерни осталась неосвоенной и воспроизводилась только ее имитация. Полосами и треугольниками ложной зерни, подражающей зерни на импортных изделиях, украшались некоторые подвески «утиные лапки» местных типов (табл. ХСІ, 30, 32).

Большинство вещей отлиты из белой бронзы, то есть сплава меди с большим содержанием олова, почти не поддающегося коррозии и специфичного для лесного Обь-Иртышья. Источники сырья для бронзолитейного производства пока не выявлены. Отсутствие собственной меднорудной базы и широкий приток в обмен на меха импортных украшений из славянских земель, Волжской Болгарии, Прикамья и Вычегодского края, позднее с юга, со стороны татар привели в XV—XVI вв. к упадку обско-угорского бронзолитейного производства, от которого сохраняется впоследствии только литье оловянных бляшек в односторонних формах, вырезанных из дерева и коры (Sirelius U. T., 1903).

К домашним производствам принадлежала обработка кости. Из кости делали накопечники стрел, детали луков, части оленьей упряжки, проколки, державки для вязания сетей и другие вещи. У населения Арктического побережья в обработку шли главным образом оленьи рога и китовая кость. Из последней сделаны клинья для раскалывания дерева, грузило для сети, просверленное с одного края, предметы, напоминающие подполозок нарты, лопату или копалку. Часть челюсти кита, возможно, использовалась как кройильная доска. Из рога оленя делали рукоятки ножей, детали луков, накопечники стрел, гарпунов и другие вещи (Чернецов В. Н., 1957, с. 235).

В отличие от предшествующего времени на памятниках XI—XIII вв. Нижнего Обь-Иртышья и Сургутского Приобья широко представлены импортные вещи, свидетельствующие о разнообразных контактах населения. Весьма отчетливо выступают связи с районами Приуралья, Волжской Болгарией и русскими землями. Экономические предпосылки этих контактов базировались на развитом ремесле Древней Руси и Волжской Болгарии. В обмен на изделия ремесла население Западной Сибири поставляло меха.

Западноуральские вещи представлены главным образом шумящими подвесками, находки которых известны в лесном Зауралье, Прииртышье, Нижнем и Сургутском Приобье. Среди них выделяются вещи прикамского происхождения (табл. ХСІ, 4, 9) — шумящие подвески коньковые, биякорьковые и арочные пронизки со вздутиями (Федорова Н. В., 1981б, с. 150, рис. 2, 5). Через Прикамье в Зауралье, возможно, попадали биметаллические кресала (табл. ХС, 20, 21), найденные в лесном Прииртышье и Сургутском Приобье. Производство таких кресал было также освоено мастерами таежного Обь-Иртышья, на что указывают находки кресал со своеобразными изображениями на наверхиях, несвойственными прикамским (табл. LXXXI, 3). Вычегодское происхождение имеют, вероятно, некоторые виды арочных шумящих подвесок и пронизок со вздутиями, а также конусовидные подвески, по образцам которых местные бронзолитейщики стали изготавливать подобные украшения (табл. ХСІ, 10, 14). Единичные подвески (табл. ХСІ, 8) имеют верхневолжское, мерянское происхождение (Чернецов В. Н., 1957, с. 245, табл. ХЛІ, 1—4). Через Прикамье в Зауралье и Западную Сибирь попадали также болгарские вещи — серебряные височные подвески с полыми напускными бусинами с зернью (табл. ХСІ, 39—41), серебряные бусы и подвески со сканью и зернью (Мизина В., 1958, с. 58), бляшки, блюда и некоторые другие вещи (Федорова Н. В., 1984, с. 16, 17). В Нижнем Прииртышье известна, кроме того, находка болгарского замка в виде лошадки на городище Искер (Пигнатти В. Н., 1915, табл. IV, 10), славянского замка XII в. на городище Рачево, а в Нижнем Приобье на городище Мань-Няслан-Тур — ключа с крестовидной прорезью от замка восточноевропейского типа болгарского или славянского производства (табл. ХСІІ, 22). Прикамское или вычегодское происхождение имеют также клепаные медные котлы, фрагменты стенок и петли от которых часто находятся на памятниках Нижнего Обь-Иртышья начала II тысячелетия (табл. ХС, 18).

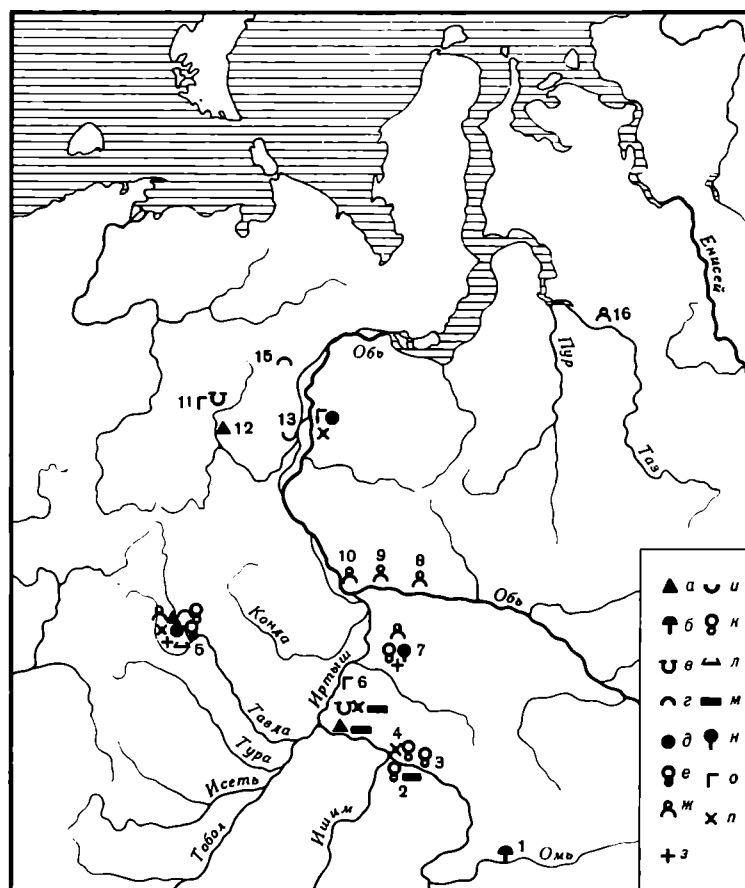
Распространение вещей верхнекамских и вычегодских типов отражает не только торгово-обменные контакты, но и проникновение некоторых групп приуральского, преимущественно вычегодского, населения в Нижнее Приобье, что документируется и находками керамики вымской культуры на городищах Перегребное I, Шеркалы I, Уки II, а также наличием срубных жилищ с печами-каменками на городищах Перегребное I и Шеркалы I. Обратное воздействие культуры угорского населения Западной Сибири на культуру населения Приуралья прослеживается в меньшей степени. Следы его являются находки браслета с головами медведя на концах из Зародят (Спицын А. А., 1906б, рис. 370), глиняных антропоморфных фигурок, подобных западносибирским, на Родановском городище (Мошинская В. И., 1969, рис. 65, 1, 3), а также крестовидных бляшек (карта 33).

Большое количество вещей из Приобья имеет русское происхождение или изготовлены местными мастерами по привозным русским образцам. К ним относятся проушные топоры (табл. ХСІІ, 16), пожи с уступами при переходе от спинки к черешку, калачевидные и двулезвийные кресала (табл. ХСІІ.

8, 10), замки, ключи (табл. ХСII, 22; карта 41), а также украшения — круторогие лунницы с зернью, служившие прототипами для отливки подобных местных изделий (табл. ХСII, 9, 11), шаровидные бусы, украшенные сканью (табл. ХСII, 4), височные кольца с напускными бусами (табл. ХСII, 15), серебряные плетеные провололочные и пластинчатые с орнаментом из насечки и черни браслеты (табл. ХСII, 19–21, 24), мелкие кольчатые фибулы, по образцам которых отливали кольцевидные подвески западносибирские мастера, перстни витые и щитковые, украшенные плетенкой и растительным узором (табл. ХСII, 17, 18; Морозов В. М., Пархимович С. Г., 1985, с. 94, рис. 3, 13), медные грушевидные и шаровидные бубенчики (табл. ХСII, 5–7, 13), стеклянные бусы разных типов (табл. ХСII, 1, 2). Вероятно, через русских посредников попали в Западную Сибирь западноевропейского производства меч XII–XIII вв. (табл. ХСII, 25), найденный на р. Оми (Молодин В. М., 1976, с. 125–127; Дробляев Д. А., Кирпичников А. Н., 1981, с. 529), и часть «восточных» серебряных сосудов.

На чаше византийского чекана из Березова (табл. ХСII, 23, 26) процарапана русская надпись: «ВЪ ПОЛѢ ЧЕТВѢРТА ДЕСАТЕ ГРИВЪНЪ», т. е. стоимость ее на Руси достигала 35 гривен серебра. По палеографии эта надпись близка новгородским берестяным грамотам XII в. (Даркевич В. П., 1975, с. 81). Новгородские летописи эпизодически повествуют о походах новгородцев в Югру, куда влекло их богатство мехами. При этом не всегда взаимоотношения с местным населением были мирными, а походы заканчивались успехом. В 1187 г. печорскими и югорскими данниками было убито 100 именитых новгородцев. Неудачей закончился поход 1194 г. (Новгородская летопись, 1950, с. 40, 41, 229). В то же время новгородцы в Югре в XII–XIII вв. уже имели определенные позиции и, видимо, занимались торговым обменом. Возможно, даже существовали отдельные группировки новгородцев, придерживавшихся в отношении югры различных позиций.

С. В. Бахрушин, анализируя летописные известия, пришел к заключению, что частные предприниматели имели в Югре прочные связи и объяснял неудачу похода воеводы Ядрея в 1194 г. происками некоторых новгородцев, «совет державших с югрою на братью свою» (Бахрушин С. В., 1927, с. 65). Возможно, что новгородцы с конца XII–XIII в. стали селиться в Югре, организуя подобия торговых факторий. Это предположение базируется на находках фрагментов русской керамики XII–XIII вв. на отдельных памятниках Нижнего Обь–Иртышья. Фрагменты русского сосуда и ключ с крестовидной прорезью от замка восточноевропейского типа XII–XIII вв. (как уже говорилось) встречены на городище Мань-Няслан-Тур (Чернецов В. Н., 1957, с. 230, табл. XLVI, 1). На городище Уки II на Нижнем Иртыше найдены фрагменты трех русских сосудов XIII–XIV вв. На городище Перегребное I обнаружена недосверленная костяная трубочка с характерным для Древней Руси плетеным орнаментом, что позволило предположить, что среди жителей этого поселка был русский (Морозов В. М., Пархимович С. Г., 1985, с. 97, рис. 3, 16). На этом же памят-

Карта 41. Распространение предметов русского импорта XI–XIV вв. и местных подражаний

а — проушной топор; б — меч; в — сосуды; г — браслет; д — перстень; е — серьга с напускными бусами; ж — лунница; з — бусы серебряные со сканью; и — браслет с русской надписью; к — бубенчик; л — кресало калачевидное; м — кресало двухлезвийное; н — антропоморфное изображение типа фигурки Перуна; о — замок и ключ; п — бусы стеклянные; 1 — Преображенка III; 2 — Эбаргуль; 3 — Аксеново; 4 — Усть-Ишим; 5 — Ликино; 6 — Рачево II; 7 — Кинтусово; 8 — Сайгатино; 9 — Ленг-Понк; 10 — Уна-Пай; 11 — Мань-Няслан-тур; 12 — Тан-Варуп-Эква; 13 — Березово; 14 — Перегребное I; 15 — Ямгорт; 16 — р. Таз; 17 — Уки II; 18 — Искер; 1, 13 — случайные находки; 2–4 — курганные могильники; 5, 7–10 — грунтовые могильники; 6, 11, 12, 14, 16, 18 — городища; 15 — клад, жертвенное место; 17 — литейная, ювелирная мастерская

нике обнаружен упомянутый участок деревянной мостовой, характерной для русских поселений.

Большой интерес представляют находки ключей и замков на городищах Мань-Няслан-Тур и Перегребное I (Морозов В. М., Пархимович С. Г., 1985, с. 91). Местное угорское население замками не пользовалось, и присутствие их, по-видимому, указывает на пришлый этнический компонент. Судя по всему комплексу вещей, наиболее активные связи с Русью были в XII — первой половине XIII в. Однако контакты Новгорода, а затем и Великого Устюга с Югрой продолжались и позднее. Описывая поход 1364 г., Новгородская IV летопись содержит определенное указание на локализацию югры в низовьях Оби «Той зимы с югры новгородцы приехаша дети боярские и молодые люди и воеводы, Александр Абакумович, Степан Ляпа, воевавшие по Обе реки до моря, а другая половина рати на верх Оби воевавшая» (ПСРЛ, IV, 1848, с. 64, 65). Это сообщение очень важно, поскольку часть авторов локализовала

летописную югру в северном Приуралье. В действительности же в Приуралье, на левобережных притоках Камы, на Печоре и частью на Верхней Вычегде проживала лишь небольшая часть угорского населения.

Связи с югом были менее интенсивными. В районе Тобольска на Нижнем Иртыше население кинтусовского этапа граничило с родственными ему племенами усть-ишимской культуры. Большая часть южных вещей оставалась у населения усть-ишимской культуры. К населению кинтусовского этапа все же проникали сабли, возможно, кольчуги и плоские ромбические наконечники стрел с упором (табл. ХС, 12), по форме напоминающие тюркские. Кроме того, южное происхождение имеют некоторые украшения, детали поясных наборов — бронзовые рамчатые пряжки (табл. ХСІ, 35), сердцевидные накладки и наконечники ремней с растительным орнаментом (табл. ХСІ, 38, 44), а также ажурные подвески строкчинского типа. С юга, возможно, попадали отдельные предметы — серебряные и медные сосуды из стран мусульманского Востока (Федорова Н. В., 1981б, с. 148, 151, рис. 11; 1982, с. 192).

Юго-восточные связи также выражены слабо. По Оби в Сургутское Приобье проникали сердцевидные поясные бляхи (табл. ХСІ, 36), аналогии которым имеются в Томском Приобье (Басандайка, 1947, табл. 30, 87, 99). В то же время в Нарымском и Томском Приобье встречены характерные для памятников кинтусовского этапа колоколовидные подвески со стилизованным изображением медведя или птицы (Басандайка, 1947, табл. 86; 87) Боброва А. И., 1982, рис. 5, 3, 11–13). В Нарымском Приобье в небольшом количестве встречены также характерные для Нижнего Обь-Иртышья и Сургутского Приобья подвески «утиные лапки», бляхи-пуговицы (Боброва А. И., 1982, рис. 5, 6, 8–10). Типичные для кинтусовских памятников крестовидные подвески обнаружены также у пос. Табат в Минусинской котловине (Хлобыстин Л. П., Овсянников О. В., 1973, с. 254). Вещи с юго-востока попадали в Нижнее и Сургутское Приобье опосредованно, через древнеселькупское население Нарымского Приобья, которое само пуждалось в привозных металлических вещах и, обладая также пушнинаю как эквивалентом обмена, задерживало южные вещи у себя.

Население, оставившее памятники кинтусовского типа, было в основном угорским (северная и отчасти восточная группы хантов). Нижнеобская часть его может сопоставляться с летописной югрой. Сургутское Приобье находилось в зоне контакта угорского и самодийского этноса. Неустойчивая ориентировка погребенных, прослеживаемая в могильнике Барсов Городок, наличие в нем погребений с юго-восточной ориентировкой, характерной для древнеселькупской релкинской культуры, свидетельствуют о смешении угорских и самодийских этнических групп в этом регионе, о возможном чересполосном проживании представителей того и другого этноса. Ареал хантов в конце I — начале II тысячелетия достигал р. Вах, где представлены памятники с керамикой вожпайского типа (Посредников В. А., 1969, табл. 33, 10, 11; 1973, табл. 4, 7–11), а также

обнаружены характерные для Нижнего Обь-Иртышья бронзовые бляхи-пуговицы (карта 30; Чернецов В. Н., 1957, рис. 17, 5, 6). С хантами связываются также памятники бассейна р. Тром-Аган на правобережье Сургутского Приобья (Морозов В. М., Пархимович С. Г., 1984, с. 154–157).

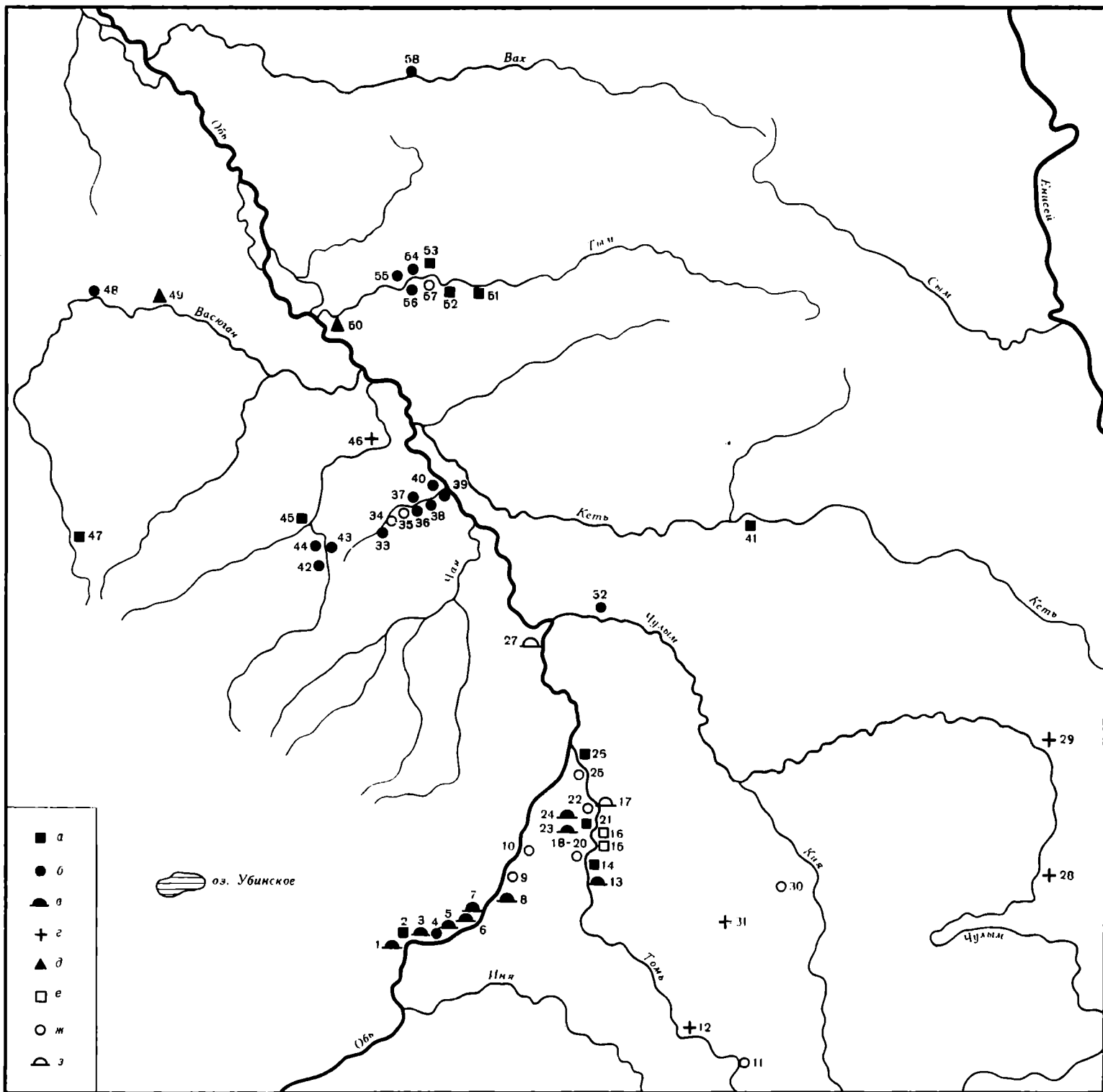
Культура охотников Арктического побережья соотносится с легендарной сиртя (Чернецов В. Н., 1935б, с. 127; 1957, с. 241). В конце I — начале II тысячелетия н. э. в приполярные районы Западной Сибири с юга, вероятно из районов Среднего Приобья и Обь-Енисейского междуречья, проникают самодийцы, предки ненцев, которые смешиваются с сиртя и ассимилируют их. Вероятно, с этим процессом связано оформление дуально-фратриальной организации у ненцев (Васильев В. И., 1979, с. 71). Специфические особенности культуры самодийцев в Нижнем Приобье пока не выявлены. Очевидно, она мало отличалась от угорской. Наиболее перспективно исследование самодийских памятников в бассейнах рек Таз и Пур, где этногенез самодийцев происходил, очевидно, непрерывно на протяжении I тысячелетия н. э. со времени кулайской культуры. Но памятники этого региона пока не изучены. Слабая дифференциация угорской и самодийской культур на нижней Оби, в районе совместного и чересполосного проживания ненцев и хантов, сохранялась до XIX в., что хорошо прослеживается на материалах могильника Халас-Погор, где хантыйские и ненецкие погребения трудно различимы (Могильников В. А., 1964в, с. 270).

Культуры Среднего Приобья

Релкинская культура

Культура названа по могильнику Релка, расположенному около с. Молчаново Томской обл. на левобережье Средней Оби, где впервые был получен большой материал для ее характеристики, дающий возможность достаточно определенно датировать культуру VI–VIII вв. (Чиндина Л. А., 1974б, с. 147; 1977, с. 79).

Ареал культуры охватывает Нарымское и Томское Приобье, а также частично затрагивает самую северную часть Новосибирского Приобья (карта 42). Детальные границы его на отдельных участках точно не определены. Большинство памятников приурочено к левобережью Средней Оби. На севере они распространялись до р. Вах (Посредников В. А., 1969, с. 82, табл. 31, 13, 14); на западе их ареал включал бассейн левых притоков Оби, Васюганье, по-видимому, достигал водораздела Оби и Иртыша, а на юге притока Оби — р. Уени (могильник Красный Яр I, Каменный Мыс I, Юрт-Акбалык 8, Умна 3). На востоке граница культуры определяется плохо из-за слабой обследованности территории. Вероятно, в ее пределы входили низовья и среднее течение Чулыма, Кети и Тыма. При этом материалы памятников, расположенных на окраинах ареала, отражают сильное воздействие соседних культур: на севере — нижнеобской карымского и оронтурского этапов, на юге — одиновской культуры Верхней Оби, родственной по происхождению релкинской культуре. Памятники севера Новосибирского При-

Карта 42. Распространение памятников релкинской культуры

а — городище; б — поселение; в — курганный могильник; г — жертвенное место; д — местонахождение вещей или керамики; е — городище с находками валиковой керамики; ж — поселение с валиковой керамикой; з — курганы с находками валиковой керамики; 1 — Красный Яр I; 2 — Черный Мыс 7; 3 — Каменный Мыс; 4 — Умна 1; 5 — Умна 2; 6 — Умна 3; 7 — Юрт-Акбалык 8; 8 — Могильницкий; 9 — Иринский Борик; 10 — Оськино; 11 — Смирновский ручей I; 12 — Елыкаевский клад; 13 — Коларово; 14 — Шеломок; 15 — Басандайка IV; 16 — Басандайка I; 17 — Архиерейская Заимка; 18 — Кисловка I; 19 — Кисловка II; 20 — Кисловка VII; 21 — Тимирязевское IV; 22 — Тимирязевское I; 23 — Тимирязевский II могильник; 24 — Тимирязевский I могильник; 25 — им. Дзержинского; 26 — Кипжировское; 27 — Релка; 28 — Айдашинская пещера; 29 — Ишимский клад; 30 — Колеулское; 31 — Лысая Гора; 32 — Карасево озеро; 33 — Круглое озеро I; 34 — Круглое озеро II; 35 — Малгет 7, 8; 36 — Гриш-

кинское; 37 — Подверетье; 38 — Чистый Яр; 39 — Ключевое; 40 — Инкишское; 41 — Максимо-Ярское; 42 — Чузик; 43 — Высокоярское; 44 — Карасий Бор I; 45 — Новиковское; 46 — Шутовское; 47 — Тух-Эмтор IV; 48 — Лисий Мыс; 49 — Васюганский клад; 50 — Усть-Тымское; 51 — Могильный Мыс; 52 — Пекулякское; 53 — Богатырские Бугры; 54 — Неготское IV; 55 — Паргальякское II; 56 — Кондрашкинское I; 57 — Кондрашкинское IV; 58 — Чехломейское 3

обья, р. Уени, принадлежат контактной зоне релкинской и одинцовской культур. Среди исследователей нет единого мнения в определении границ рассматриваемой культуры. Одни авторы локализуют ее приблизительно в указанных пределах (Чиндина Л. А., 1977, с. 116), другие исключают из ее ареала Томское и Новосибирское Приобье (Плет-

пева Л. М., 1981а, с. 92; Троицкая Т. Н., 1979, с. 75).

Впервые древности раннего средневековья Томского Приобья стали известны в конце XIX в. В 1887 и 1889 гг. С. К. Кузнецовым и А. В. Адриановым был раскопан Томский могильник (ОАК за 1889 г., с. 106, 108), в котором позднее М. Н. Комарова выделила шесть погребений середины I тысячелетия н. э. (Комарова М. Н., 1952, с. 47, 49). В 1892 г. А. В. Адрианов предпринимает раскопки жертвенного места на Лысой Горе на р. Яя (ОАК за 1892 г., с. 71, 73), где среди более ранних материалов пмелись вещи, преимущественно наконечники стрел, середины — второй половины I тысячелетия н. э. Хронология и культурная принадлежность полученных материалов авторами раскопок не были определены.

В 1896 г. С. К. Кузнецов раскопал 36 курганов у Архиерейской Заимки близ Томска, материал которых был датирован по находкам китайских монет VIII в. н. э. (ОАК за 1896 г. с. 94—98). Вещи из этих раскопок изданы А. А. Спицыным (Спицын А. А., 1899, с. 316—323, табл. I—IV).

В 1914 г. А. Ермолаев публикует коллекцию разновременных вещей, найденных у д. Ишимка на р. Чулым и происходящих, скорее всего, из жертвенного места. Автор справедливо сопоставляет некоторые предметы с находками из могильников Томского и у Архиерейской Заимки (Ермолаев А., 1914, с. 16).

Научная интерпретация древностей рассматриваемого периода начата лишь в 50-х годах XX в., когда был выявлен облик культуры сопредельных территорий. М. Н. Комарова (Комарова М. Н., 1952, с. 47, 49) констатировала отличие томских памятников от верхнеобских, которое проявляется в своеобразии керамики и наличии в них «чудских образков».

Затем специфика притомских памятников отмечена М. П. Грязновым в его сводной работе по истории древних племен Верхней Оби (Грязнов М. П., 1956, с. 134).

В. Н. Чернецов (Чернецов В. Н., 1957, с. 238), характеризуя культуры Нижнего Приобья I тысячелетия н. э., указал на район Нарымского Приобья как на территорию древнеселькупской культуры. Однако, не располагая достаточными материалами, он не остановился на ее характеристике.

Изучение раннего средневековья Среднего Приобья активизировалось в 60—70-х годах. Культурная характеристика Томского Приобья с привлечением новых материалов Басандайского и Тимирязевского могильников была дана В. А. Могильниковым, который отметил культурно-этническую близость Томского и Нарымского Приобья, отнеся древности к самодийскому этносу (Могильников В. А., 1964б, с. 13; 1969б, с. 179, 180).

Проведенные в 60-х годах В. И. Матющенко и Л. А. Чиндиной раскопки могильника Релка и Л. А. Чиндиной поселений Малгет и Круглое озеро I и II, а также рекогносцировочные исследования ряда других памятников основательно расширили источниковедческую базу изучения культуры населения Среднего Приобья VI—VIII вв. Публикуя материалы могильника Релка, Л. А. Чиндина дала

его интерпретацию и выделила релкинскую культуру, связав ее с генезисом древних селькупов (Чиндина Л. А., 1977, с. 5, с. 138—140).

Значительные исследования памятников второй половины I тысячелетия н. э. в Томском Приобье проведены Л. М. Плетневой. Она вела раскопки комплекса поселений Кисловка, Тимирязевских I, II могильников, городища и поселения, Басандайских городищ, Могильницкого могильника. Результаты этих работ отражены в ряде публикаций (Плетнева Л. М., 1973, с. 94—102; 1976а, с. 123—126; 1976б, с. 273, 274; Беликова О. Б., Плетнева Л. М., 1983). Согласно мнению Л. М. Плетневой, Среднее и Верхнее Приобье в V—VIII вв. входило в одну этнокультурную область, принадлежавшую угро-самодийскому населению с небольшими включениями тюрков. Она объединяла культуры релкинскую (Нарымское Приобье) и одинцовскую (Томское, Новосибирское и Верхнее Приобье) в единую (Плетнева Л. М., 1981а, с. 92, 93). Такое заключение не может быть полностью принято, поскольку одинцовская (верхнеобская) культура в Верхнем Приобье в VI—VII вв. прекращает существование (Могильников В. А., 1964б, с. 14), а Томское и Новосибирское Приобье по ряду признаков, в том числе по присутствию предметов звериного стиля, стоят ближе к Нарымскому Приобью, нежели к Верхнему Приобью.

В Новосибирском Приобье на р. Уени Т. Н. Троицкая раскопала ряд могильников — Красный Яр I, Юрт-Акбалык 8, Умна 3, отдельные погребения которых могут быть отнесены к релкинской культуре, но в то же время имеют особенности, присущие одинцовской культуре Верхнего Приобья (Троицкая Т. Н., 1963, с. 60—65; 1973б, с. 100—103; 1978, с. 112, 113; 1981, с. 108—115).

Несмотря на значительный прогресс в изучении культуры Среднего Приобья в последние десятилетия, релкинская культура исследована пока недостаточно. Детально анализирован материал лишь отдельных памятников: могильника Релка (Чиндина Л. А., 1977), поселений Круглое озеро I, II (Чиндина Л. А., Балакин Ю. В., 1976, с. 45—64), Тимирязевских I, II могильников (Беликова О. Б., Плетнева Л. М., 1983).

Поселения релкинской культуры — городища и неукрепленные селища. Сейчас выявлено около 50 поселений, из которых 26 раскапывались (Чиндина Л. А., 1985, с. 18), но ни одно поселение не исследовано полностью. Наиболее широкие раскопки велись на поселении Малгет на р. Шуделька в Нарымском Приобье, где вскрыта площадь 2732 кв. м, что составляет несколько более четверти общей площади этого многослойного памятника (Чиндина Л. А., 1982, с. 14—22). При этом здесь прослежены остатки 31 сооружения различного функционального назначения.

Для поселений релкинской культуры характерно расположение в устьях малых рек и по берегам проточных, не подвергающихся заморам озер, в местах, удобных для рыболовства, что связано с большой ролью этой отрасли в хозяйстве населения.

Наиболее полно исследованы неукрепленные поселения, площадь которых колеблется от 1 до 4 га (Чиндина Л. А., 1976, с. 167). На поверхности их

прослеживаются остатки жилищ в виде овальных впадин. Число последних на разных поселениях неодинаково. Так на поселении Малгет было около 46 западин, на поселениях у Круглого озера — 30, у Гришкина озера — около 30. При этом западины от построек группируются по четыре—шесть и разбросаны по площади поселений гнездами. На отдельных поселениях количество таких групп различно: на Малгете — семь, на Круглом озере — не менее трех, на Гришкином озере — семь-восемь. Эти группы жилищ, скорее всего, не совсем одновременны, что следует из этнографических наблюдений. Населению с охотничье-рыболовческим типом хозяйства в Западной Сибири были свойственны поселки из двух-четырех хозяйств, редко из шести-тринадцати (Патканов С., 1912, с. 144). На неодновременность может также указывать некоторое различие керамики разных гнезд (Чиндина Л. А., Балакин Ю. В., 1976, с. 45).

Внутри гнезд западины различаются по форме. Они округлые, овальные или сильно вытянутые, что отражает формы стоявших тут построек. В целом гнезда представляют остатки единых хозяйственных комплексов, состоявших из жилищ — летнего и зимнего, а также хозяйственных строений.

Городища изучены хуже. Расположены они на мысах или у краев высоких террас и с напольной стороны защищены валом и рвом. Размеры городищ колеблются от 500 до 1200 кв. м. Устройство фортификации почти не исследовано. Разрез вала на Тимирязевском городище показал, что насыпан он из песчаного грунта без каких-либо крепежных конструкций (Плетнева Л. М., 1972, с. 301).

В отличие от селищ с их свободным, гнездовым размещением построек городища плотно заняты жилищными впадинами, окруженными иногда валообразными возвышениями, которые образовались при разрушении присыпанных снаружи земель стен и шатровых перекрытий (Дульзон А. П., 1956, с. 226, рис. 51). На некоторых памятниках (например, Тимирязевское IV городище) жилища распространяются и за пределы укрепленной части.

Жилища и связанные с ними сооружения исследовались в Нарымском Приобье на поселениях Малгет, Круглое озеро I, II, Гришкино озеро — в бассейне р. Шуделька (Чиндина Л. А., 1972, с. 268, 269; 1974а, с. 232—233; Чиндина Л. А., Балакин Ю. В., 1976, с. 45—64; Чиндина Л. А., Кирюшин Ю. Ф., 1975, с. 242), на городище Пекулякский Мыс на р. Тым (Дульзон А. П., 1956, с. 223—224), в Томском Приобье на поселениях Кисловка I, II, VII, городищах Тимирязевском IV и Басандийском IV (Плетнева Л. М., 1972, с. 301; 1975, с. 227; 1976, с. 273; Беликова О. Б., Плетнева Л. М., 1983, с. 42—50).

Жилищами служили подквадратные и прямоугольные в плане полуземлянки площадью от 5—6 до 45—50 кв. м. в Нарымском Приобье и до 64 кв. м. в Томском Приобье, врезанные в материк обычно на глубину 0,3—0,5 м. Выход из жилища прослеживается в виде узкого короткого выступа в торцевой стенке (табл. ХСIII, 2, 4).

Конструкции стен и перекрытий выявляются недостаточно четко. В котлованах некоторых полуземлянок прослеживаются очертания стен или ниж-

него бревна каркаса в виде узких, шириной около 12 см, углистых полос, а также видны следы от угловых, иногда боковых и центральных столбов (Чиндина Л. А., 1972, с. 268; Чиндина Л. А., Балакин Ю. В., 1976, с. 56). Угловые столбы могли поддерживать бревенчатые стены, забранные в паз, а также служить каркасом шатровой конструкции жилища, подобно распротрапечным на Оби шатровым полуземлянкам типа селькупской тий-мат (Пелих Г. И., 1966, с. 97) или хантыйской меч-хот (санха-хот) (Соколова З. П., 1959, с. 25). Около выхода из жилища также иногда прослеживаются ямки от столбов, служивших, очевидно, для обрамления дверного проема и навешивания дверей.

Квадратные жилища однокамерные, с очагом, располагавшимся преимущественно в центральной части. Прямоугольные постройки иногда были разделены поперечной перегородкой на две камеры. В отдельных жилищах сохранились ямки от столбов, шедших в ряд поперек их и поддерживавших перегородку (Чиндина Л. А., 1972, с. 268). Остатки подобного продолговатого жилища площадью около 45 кв. м. с очагом перед входом (табл. ХСIII, 2) исследованы на поселении Круглое озеро I (Чиндина Л. А., Балакин Ю. В., 1976, с. 47, 48). На полу этого жилища было семь небольших ямок, заполненных золистым горелым песком. Возможно, это остатки дымокуров, устраивавшихся в жилище для выкуривания из него гнуса, количество которого в сильно заболоченном Нарымском Приобье очень велико и который является бичом всего живого.

Очаги в жилищах открытые, расположены на уровне пола. Некоторые жилища, вероятно летние, очагов не имели. В таких случаях кострища для приготовления пипци, видимо, устраивали перед жилищами, подобно тому как это было у нарымских селькупов (Пелих Г. И., 1963, с. 169).

Отдельные жилища служили мастерскими кузнецов и литейщиков. На поселении Круглое озеро I вскрыто полуземляночное жилище размерами 4×4 м, углубленное основанием в материк на 0,3 м. В его центре находился очаг, насыщенный железными шлаками и керамикой, что свидетельствует о занятии здесь кузнечным производством (Чиндина Л. А., 1972, с. 269; 1976, с. 167). На поселении Малгет обнаружены четыре жилища с остатками бронзолитейного производства. Это были довольно крупные постройки (размерами около 8×6 м) с очагами, в которых и около которых найдены отходы и предметы литья — шлаки, тигли, льячки, капли металла, а также готовые изделия, отлитые из бронзы: бусина, пластина с пунсонным орнаментом, личина, подвеска с изображением лягушки (Чиндина Л. А., 1974а, с. 232, 233). Находки керамики указывают, что это были не только производственные, но и одновременно жилые сооружения.

Постройки без очагов могли использоваться как подсобные хозяйственные, складские, помещения. В ареале релкинской культуры изучено 12 могильников — 11 курганных и один грунтовой.

Погребальный обряд известен главным образом по исследованиям могильника Релка, где вскрыто 14 курганов, содержащих 59 погребений (Чиндина Л. А., 1977). Кроме того, в могильнике Архиерей-

ская Заимка вскрыто 36 курганов, описание погребального ритуала в которых почти отсутствует (ЗРАО. 1899, т. XI, вып. 1—2, с. 316, 323, табл. I—IV). В Тимирязевских могильниках I и II раскопано соответственно 69 и 70 курганов (Плетнева Л. М., 1976а, с. 123—126; Беликова О. Б., Плетнева Л. М., 1983, с. 112, 113) и в Могильницком могильнике исследовано шесть погребений (Плетнева Л. М., 1973, с. 94—102). В Новосибирском Приобье раскапывались могильники Красный Яр I (Троицкая Т. Н., 1978), Юрт-Акбалык IV, Умна 3 (Троицкая Т. Н., 1963, с. 60—65; 1977, с. 121—130; 1978, с. 99—117; Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И., 1980, с. 61, 66, 67). Могильники насчитывают до нескольких десятков курганов (Релка — 38, Умна 3 — около 100, Юрт-Акбалык IV — восемь, Тимирязевский I — 272 насыпи). Насыпи округлые или овальные в плане, высотой 0,5—2 м, диаметром от 5 до 24 м. Следует отметить, что точное количество курганов в могильниках указать трудно до их вскрытия, поскольку часть насыпей может относиться к иному времени. В северных районах Нарымского Приобья захоронения, по-видимому, производились в грунтовых могильниках, поскольку курганы там неизвестны. Предположительно, с погребением тут может быть связан комплекс вещей «васюганского клада» (Могильников В. А., 1964а, с. 227—231), состав которого во многом идентичен комплексам вещей из погребений с сожжениями могильников Релка и Архиерейская Заимка.

Насыпи курганов сложены из супесчаного или суглинистого оподзоленного грунта. Иногда для устройства курганов выбирали естественные повышения грунта. В Нарымском Приобье под курганами обычно находится несколько захоронений, расположенных без определенного порядка. При устройстве новых захоронений насыпи подсыпали. При этом поздние захоронения перекрывали более ранние, так что погребения залегали на разных уровнях, как бы ярусами. В Томском и Новосибирском Приобье под курганом совершенно обычно одно погребение, и только отдельные насыпи содержат от двух до четырех могил.

В насыпях, кроме погребений, в разных местах находят отдельные предметы и группы вещей — керамику, орудия труда, оружие, удила, украшения, зоо- и антропоморфные изображения, а также кости животных как остатки тризны и, вероятно, заупокойной пищи. На уровне древнего горизонта и в насыпи преимущественно по периферии курганов располагаются, помимо того, остатки кострищ в виде темного углистого или золистого слоя толщиной 5—8 см. В большей части кострищ находились вещи, главным образом керамика; кроме нее, встречаются орудия труда, оружие, украшения и культовые вещи — ножи, железные тесла, паконечники стрел, бляшки, пронизки, серьги, антропоморфные и зооморфные изображения, а также кости животных и рыб. В насыпях курганов обнаруживаются черепа, челюсти и зубы лошадей, лежащие поодиночке и изредка скоплениями. Вместе с конскими черепами помещаются иногда глиняные сосуды и фрагменты керамики, отдельные предметы. В Релке захоронения черепов коней обнаружены в 14 случаях в пяти курганах.

Какую-то роль в погребальном ритуале, связанную с большим значением в охотничьем промысле, играла собака. В двух курганах Релки (4 и 6) найдены скелеты собак (Чиндина Л. А., 1977, с. 15, 19). Следует отметить, что жертвоприношения собак в погребальном обряде известны у обских угров (Чернецов В. Н., 1959, с. 146), селькупов (Пелих Г. И., 1972, с. 87) и других народов Сибири, а корни этого ритуала в Среднем Приобье уходят в эпоху бронзы и раннего железа (Чиндина Л. А., 1977, с. 102). Грунтовые захоронения открыты в Вахтовском могильнике на р. Кеть (Чиндина Л. А., 1976б, с. 287). В погребальном ритуале релкинцев сочетались трупоположение и кремация, причем преобладало первое. В Релкинском могильнике из 59 погребений 54 совершены по обряду ингумации и пять — кремации. При этом различия в ритуале обусловлены, по-видимому, социальным положением умерших.

В могильнике Релка погребения с трупосожжениями обычно сопровождались богатым инвентарем и оружием. Почти все предметы боевого вооружения из этого могильника происходят из могил с кремациями, что позволяет усматривать в них захоронения наиболее выдающихся воинов-богатырей (Чиндина Л. А., 1976а, с. 169). Менее четко различия в инвентаре погребений по обряду ингумации и кремации выражены в могильнике Архиерейская Заимка, но находки фрагмента меча и кинжала здесь также происходят из богатых захоронений с трупосожжениями (ЗРАО, 1899, с. 319, 320).

Захоронения в курганах разделяются на грунтовые, в которых ямы врезаны в погребенную почву или верхние слои материка, и наземные, совершенные в насыпи или под насыпью, на уровне древнего горизонта. Могильные ямы прямоугольные или овальные, глубиной до 0,5—0,6 м. Покойника обычно укладывали на берестяную подстилку, иногда прослеживается покрытие берестой и сверху. Возможно, были также деревянные обкладки стенок могил типа рам-гробовищ, о применении которых говорит прямоугольная форма ям и следы темного тлена около захоронений. В отдельных могилах по углам и в середине продольных стенок в виде пятен диаметром около 10 см сохранились также следы от установленных попарно колышков, которые возможно, крепили плахи деревянных обкладок (Чиндина Л. А., 1977, с. 86). Могильные ямы с овальными контурами, вероятно, таких жестких деревянных креплений не имели, и погребенные в них могли быть завернуты только в бересту, шкуры или ткань. В погребениях, совершенных на уровне древнего горизонта или в насыпи, контуры могильных ям часто не прослеживаются. Следов деревянных конструкций здесь нет.

В целом количественно несколько преобладают грунтовые захоронения, хотя по отдельным курганам есть вариации в ту и другую стороны. Размеры могильных ям несколько превышают рост уложенных в них погребенных (табл. XCIII, 5—9).

Большинство погребений индивидуальные. Парные и групповые погребения единичны. В могильнике Релка из 54 захоронений и с ингумацией отмечены четыре парных (Чиндина Л. А., 1977, табл. I). Погребенные уложены на спине вытянуто; иногда

ноги согнуты. В Релке отмечены четыре погребения с согнутыми ногами, в Могильницком — одно. В парных погребениях умерших клали параллельно друг другу. Часто это захоронения женщины с ребенком.

Ориентировка погребенных не была стабильной и варьировала на различных могильниках. В могильнике Релка преобладала ориентировка погребенных головой на юго-восток, но наряду с этим встречено и положение головой на юг, юго-запад, восток, северо-восток (Чиндина Л. А., 1977, табл. I). В памятниках Новосибирского Приобья, на южной периферии релкинской культуры преобладали северо-восточная и восточная ориентировки погребенных, сближающие их с погребениями одицовского этапа верхнеобской культуры (Грязнов М. П., 1956, с. 110; Троицкая Т. Н., 1981, с. 115). В могильниках Томского Приобья наблюдается то преобладание северо-восточной ориентировки (Тимирязевский I могильник), то южной (Тимирязевский II могильник), то юго-восточной (Могильницкий), что, видимо, объясняется крайним положением этого региона (Плетнева Л. М., 1973, с. 99; 1981а, с. 90).

Расположение костей в некоторых погребениях, по не в анатомическом порядке дает основание предполагать существование ритуала повторных захоронений умерших, когда после пребывания покойника на поверхности в берестяной обертке или в каком-либо лабазе его останки предавали земле (Чиндина Л. А., 1977, с. 87; Плетнева Л. М., 1981а, с. 91). Подобный ритуал существовал у некоторых народов Сибири и описан у обских угров (Чернецов В. Н., 1959, с. 154) и селькупов (Костров Н., 1872, с. 48; Прокофьева Е. Д., 1949, с. 159; Пелих Г. И., 1972, с. 72, 73).

Еще одной особенностью погребального обряда носителей релкинской культуры является наличие захоронений без черепов. В могильнике Релка таких было не менее трех, и при этом в отдельных случаях прослежено, что длина могильной ямы была рассчитана на помещение в нее туловища умершего без головы (Чиндина Л. А., 1977, с. 87, 88). В этом могильнике известно также 10 случаев захоронения отдельных черепов в шести курганах. Находятся они чаще в верхних слоях насыпи и не сопровождаются вещами. В кургане 27 было три черепа человека. В некоторых случаях черепа сопровождалась костями конечностей лошади, керамикой и вещами (Чиндина Л. А., 1977, с. 12, 81, 89).

Ритуал захоронения человека с отчлененной головой находит объяснение в этнографическом материале. Он связан с обычаем почитания головы и верой в возрождение души, обитающей в голове и волосах и переходящей после смерти в новорожденного ребенка того же народа. Отсечение головы лишало душу возможности к возрождению. Согласно преданиям хантов и селькупов, головы отсекали тем, кто, по поверьям, был связан с нечистой силой, чтобы не дать ей поселиться в новорожденном ребенке (Пелих Г. И., 1972, с. 117; Кулемзин В. М., Лукина Н. В., 1973, с. 37, 79).

Особую роль играл культ огня, прослеженный в части погребений по обряду ингумации. В некоторых случаях могила предварительно обжигалась. В таких могилах встречены захоронения без черепов, захо-

ронения черепа и повторные захоронения, что позволяет предполагать связь огненного культа с определенными социальными группами. В единичных случаях прослежено частичное обжигание завернутого в бересту покойника до такой степени, что береста обугливалась, а кости частично кальцинировались (Чиндина Л. А., 1977, с. 93).

В ряде погребений справа от скелета человека находились кости ног лошади. Можно предполагать, что хоронили шкуру коня. Причем кости лошади обнаружены в мужских, женских и детских погребениях, как у грунтовых, так и в наземных. В могильнике Релка с костями коня открыто 19 погребений. Несколько таких погребений встречено в Тимирязевских могильниках (Чиндина Л. А., 1977, с. 92; Плетнева Л. М. 1981а, с. 91). Рядом с костями лошади располагался обычно сосуд или фрагменты сосуда. Сюда же иногда бросали сбрую. В могильнике Релка около костей лошади обнаружены костяная подпружная пряжка и блоки от аркана (табл. ХСVI, 25, 26, 29). Черепа лошадей хоронили в насыпи в стороне от могил, поодиночке, а иногда по несколько штук. Только в одном погребении Релки череп и конечности лошади лежали вместе, грудой, и среди них находились бронзовое антропоморфное изображение и наконечник ремня (Чиндина Л. А., 1977, с. 92) — возможно, от ремней упряжи. Обычно черепа лошадей также сопровождалась керамикой. Такое расположение останков коня в могильниках релкинской культуры отличает их от захоронений коня или чучела коня в погребениях тюрок.

Снабжение покойников инвентарем в разных погребениях было неодинаковым. Отдельные захоронения вещей вообще не имеют. Наиболее распространенным инвентарем была керамика (табл. ХСIV; ХСV). В могильнике Релка сосудами сопровождалось 39 погребений (Чиндина Л. А., 1977, с. 91). Сосуды ставили в разных местах: в ногах, в изголовье сбоку, а также рядом с костями коня. Сосуды были, вероятно, наполнены жидкой пищей. Один раз в сосуде обнаружены костяные наконечники стрел (Чиндина Л. А., 1977, с. 92).

Обычай снабжать покойного мясной пищей, видимо, не было. В трех погребениях Релки найдены кости водоплавающих птиц, однако наличие их следует интерпретировать, вероятно, в связи с представлениями о душе, широко распространенными среди угорского и самодийского населения Приобья. По поверьям манси, душа умершего на спине утки отправлялась к холодному морю. Среднеобские угры изображали птицу (тетерева, трясогузку) на крышке гроба, которая должна была привязать душу покойника к месту погребения (Чернецов В. Н., 1959, с. 144, 151).

Из орудий труда в захоронениях представлены железные ножи, топоры-тесла, сошники, мотыги-корнекопалки, клещи, оселки (табл. ХСVI, 36, 39—45). По набору инвентаря мужские погребения несколько отличаются от женских, а некоторые категории предметов присутствуют в тех и других захоронениях. Крупные ножи в окованных ножнах лежат слева или справа от пояса в мужских погребениях. Женским погребениям свойственны маленькие ножи. Топоры-тесла найдены в мужских и женских

погребениях. Оружие сопровождает, как правило, мужские захоронения, но наконечники стрел, преимущественно костяные, встречены также в отдельных женских могилах (могильники Релка, Могильницкий). Наконечниками стрел снабжены около 20–25% погребенных. Они помещались справа у бедра, возможно, в колчане, или у левого плеча. В могильнике Релка стрелы обнаружены в 12 погребениях. При этом в захоронении чаще было один–три наконечника и только в одном случае — 13 штук (Чиндина Л. А., 1977, с. 92).

Детали одежды и украшения находятся на погребенных в тех местах, где их носили при жизни. Так мелкие бронзовые бляшки-нашивки, гладкие и с выпуклостями (табл. ХСVII, 61–65) обнаруживаются в области головы, рук, туловища, поскольку были нашиты на головные уборы и одежду. Бляхи от наборных поясов найдены только в мужских погребениях, а остатки наиболее богато украшенных поясов происходят из захоронений с кремациями (Архиерейская Заимка, Релка). В женских погребениях от поясов сохранились только маленькие бронзовые пряжки. В детских захоронениях остатков поясов не обнаружено.

В погребениях находятся также бронзовые зоо- и антропоморфные изображения (табл. ХСVII, 1–21; ХСVIII). Наибольшее число их известно в могильнике Релка, где они обнаружены в 13 погребениях с ингумацией и в пяти трупосожжениях (Чиндина Л. А., 1977, с. 92, 93). В могильнике Архиерейская Заимка они встречены в пяти погребениях (ЗРАО, 1899, табл. I), в Красном Яре — при двух трупоположениях (Троицкая Т. Н., 1978, с. 104, 106, рис. 4, 14; 16, 6). Это, видимо, объясняется более широким распространением звериного стиля в северной, таежной, части релкинского ареала. Присутствие зоо- и антропоморфных изображений в погребениях связано с культом и, по-видимому, может быть ассоциировано с представлениями обских угров и селькупов о душе, в которых большая роль отводилась птице и куклам как временным местителям душ (Чернецов В. Н., 1959, с. 144, 151; Прокофьева Е. Д., 1961, с. 54–74).

Погребения с трупосожжениями, как отмечалось, связаны, вероятно, с особой социальной группой наиболее выдающихся воинов-богатырей. Кремация производилась на стороне. Раскаленные остатки погребального костра ссыпались в могильную яму, которая по форме и размерам была близка ямам с ингумациями, и в ней же сжигали одежду и инвентарь покойника. Вещи в могилах лежат в беспорядке в слое золы и обожженного песка толщиной обычно в 8–12 см., а иногда до 30 см.

Инвентарь трупосожжений представлен оружием, конским снаряжением (удилами, пряжками, бляшками), инструментами труда (ножами, топорами-теслами), частями поясных наборов, украшениями, зоо- и антропоморфными изображениями, керамикой. В этих погребениях богаче представлено оружие: палаши, слабоизогнутые сабли, железные наконечники стрел. Оружие подвергалось порче — палаши и сабли согнуты пополам (табл. ХСVI, 37, 38).

Известны поминальные курганы-кенотафы (Тимирязевский I, Коларовский могильники), содержавшие отдельные предметы (керамику или бронзо-

вые вещи) в насыпи, там, где должно быть захоронение (Плетнева Л. М., 1976а, с. 123; 1979б, с. 265).

По мнению Л. А. Чиндиной (Чиндина Л. А., 1977, с. 97, 98), с фиктивными захоронениями в могильнике Релка, возможно, связаны расположенные в насыпях курганов скопления вещей, состоящие из керамики, орудий труда и оружия (топоров-тесел, ножей, удил, наконечников стрел) или их миниатюрных моделей, антропо- и зооморфных изображений. Это предположение не лишено оснований, поскольку состав вещей в таких скоплениях идентичен набору инвентаря в погребениях.

Подобные скопления вещей отмечены также в памятниках Притомья, например в Тимирязевском I могильнике (Плетнева Л. М., 1976а, с. 124, 125). При этом предметы или их миниатюрные модели часто укладывали в сосуды. Часть предметов лежала рядом с сосудами. В Притомье сосуды с предметами обнаружены как в курганах с погребениями, так и в поминальных курганах-кенотафах. В насыпях некоторых курганов они были поставлены кверху дном (Тимирязевский I могильник, курганы 4, 5, 32). Часть сосудов изготовлена специально для захоронения. Они небольшие, рыхлые по структуре и не имеют следов употребления.

Жертвенные места представлены Айдашинской пещерой (ОАК за 1897 г., с. 53, рис. 146, 147, 149; ОАК за 1898 г., с. 138, рис. 280; Молодин В. И., Бобров В. В., Равнушкин В. Н., 1980), Ишимским (Ермолаев А., 1914) и Елыкаевским (Могильников В. А., 1968а, с. 263–268) «кладами», комплексом вещей с Лысой Горы (ОАК за 1892 г., с. 71–73). Все они расположены в южной части ареала релкинской культуры, в пограничье лесостепи. Специфика этого рода культовых памятников плохо исследована. Раскопки проведены только в Айдашинской пещере, но и они фактически свелись к выемке вещей из культурного слоя, неоднократно перерытого кладовщиками. Стратиграфия и взаимное расположение вещей остаются неясными.

Жертвенные места почитались, видимо, длительное время. Происходящие с них значительные коллекции предметов, состоящие из оружия, украшений и атрибутов культа, относятся к различным эпохам, преимущественно к раннему железному веку и второй половине I тысячелетия н. э. Состав этих комплексов напоминает наборы предметов в культовых местах обских угров (Могильников В. А., 1968, с. 268). Наиболее продолжительный период почиталась Айдашинская пещера. В. Н. Чернецов (Чернецов В. Н., 1953а, с. 171–173), рассматривая ее как жертвенное место, считал, что пещера посещалась длительное время во второй половине I тысячелетия до н. э. и, возможно, до первых веков нашей эры. После перерыва пещера вновь использовалась как культовое место в конце I тысячелетия н. э. Привлекая новый материал, В. И. Молодин и другие (Молодин В. И., Соболев В. И., Елагин В. С., 1980, с. 85–94) полагают, что эта пещера служила жертвенным местом с эпохи неолита до начала II тысячелетия н. э. с некоторым перерывом в эпоху бронзы. При этом следует подчеркнуть, что наиболее активно она посещалась в раннем железном веке носителями кулайской культуры, генетически предшествующей релкинской.

Комплекс вещей Елыкаевского клада относится в основном к VII—VIII вв., определяя время функционирования святилища. Имеющиеся здесь предметы раннего железного века могут расцениваться как антиквариат, обычный для обско-угорских святилищ (Могильников В. А., 1968а, с. 268).

Орудия релкинской культуры представлены ножами, топорами-теслами, мотыжками, кузнечными клещами, пряслицами. Ножи трех типов. Первый тип — довольно крупные ножи (длиной 10—15 см) с горбатой спинкой, прямым лезвием с односторонней заточкой и желобком типа дола с одной стороны (табл. ХСVI, 45). Иногда такие ножи снабжены прямым металлическим перекрестьем (ЗРАО, 1899, табл. IV, 7). Эти ножи, удобные для работы по дереву (Чернецов В. Н., 1953в, с. 230), находят в мужских погребениях. Подобные орудия были широко распространены в памятниках Южной Сибири IV—VIII вв. н. э. (Грязнов М. П., 1956, табл. XXXII, 1, 22; Кызласов Л. Р., 1960, табл. 4; Гаврилова А. А., 1965, рис. 3, 7). Второй тип характеризуется небольшими ножами (длиной 7—10 см) с прямой или слабо выгнутой спинкой (табл. ХСVI, 42, 44), бытовавшими в Западной Сибири в I — начале II тысячелетия н. э. Они встречаются как в мужских, так и в женских могилах, а также в культурном слое поселений. Третий тип — ножи с вогнутой спинкой и выгнутым лезвием (табл. ХСVI, 43). Они имели распространение в основном в памятниках второй и третьей четвертей I тысячелетия н. э. и к концу I тысячелетия н. э. в Западной Сибири вышли из употребления.

Для пошепия ножей служили деревянные ножны с бронзовой или железной оковкой на заклепках (табл. ХСVI, 31). К поясу ножны подвешивали на железных цепочках с восьмерковидными звеньями (табл. ХСVI, 32, 33). Ножи затачивали на продолговатых сланцевых оселках (табл. ХСVI, 36), которые носили, вероятно, в специальных сумочках или мешочках, подобных тюркским каптаргакам, что изображались на каменных изваяниях (Евтюхова Л. А., 1952, рис. 3, 3; 5, 1, 3; 12; 17, 2; 19; 31; 45; 46, 1; 47, 2; 49), поскольку сами оселки не имеют приспособлений для подвешивания.

Универсальными орудиями для рубки и обработки дерева, а возможно, и для разрыхления земли были втульчатые топоры-тесла (табл. ХСVI, 40), широко известные в памятниках Западной Сибири I — первой половины II тысячелетия н. э. (Грязнов М. П., 1956, табл. LIV, 17; LIV, 7; LVI, 10). Они встречаются в погребениях мужчин, женщин и детей, а также в культурном слое поселений; следовательно, этими орудиями пользовались все дееспособные члены общества. В могильнике Релка наряду с теслами обычной величины найдены миниатюрные экземпляры, сделанные из листа железа, которые имели культовое значение.

Для разрыхления земли применяли мотыжки или наральники с заостренным концом и несомкнутой втулкой для насады на деревянную рукоять (табл. ХСVI, 39). Скорее всего, они служили орудиями собирательства: для выкапывания съедобных корней. По форме они напоминают обит, использовавшийся шорцами для данных целей вплоть до начала XX в. (Потапов Л. П., 1936, с. 69, 70).

Орудием труда кузнецов были железные клещи, найденные в могильниках Архиерейская Заимка, Могильником и Тимирязевском II (ЗРАО, 1899, табл. IV, 1; Плетнева Л. М., 1973, с. 96). Территориально наиболее близкой аналогией являются клещи из погребения IX—X вв. Редикарского могильника в Верхнем Прикамье (Луногов И. А., 1955, рис. 47, 6). Правда, они несколько отличаются формой захвата.

Находки пряслиц в памятниках релкинской культуры малочисленны. Два пряслица найдены в могильнике Релка. Одно из них каменное, орнаментированное прорезными крестовидными и зигзагообразными фигурами (табл. ХСVI, 35), другое костяное, трапециевидное в сечении (табл. ХСVI, 27). Пряслица из песчаника обнаружены на поселении Кисловка II в Притомье (Плетнева Л. М., 1980, с. 225).

Оружие представлено палашами, саблями, железными и костяными наконечниками стрел, копьями, деталями колчанов, а также шлемом, железными панцирными пластинами и фрагментами кольчуг. Типы их характерны для оружия, распространенного в то время на широкой территории.

Палаши и сабли известны по находкам в могильнике Релка и Елыкаевском кладе (Чиндина Л. А., 1977, рис. 6, 1; 24, 20; Могильников В. А., 1968а, рис. 2). Палаши однолезвийные, с кольчатым навершием или без него (табл. ХСVI, 37, 38). Часть из них снабжена железным прямым перекрестием (Могильников В. А., 1968а, рис. 2, 2). Изображения палашей даны на рисунке воина на камне с поселения Малгет, на бронзовых фигурках стоящего воина и всадников из могильника Релка (Чиндина Л. А., 1977, с. 29, рис. 34, 3; 35, 11) и с местонахождения Шустово (табл. ХСVII, 4, 5; ХСVIII, 27). В последнем случае кольчатое навершие палаша особенно четко детализировано. Сабли принадлежат к ранним типам. Они слабо изогнуты вроде хазарских и частью, как палаши, имеют кольчатое навершие рукояти и обоюдоострый конец клинка. Рукоятка прямая или с едва намеченным скосом (Могильников В. А., 1968а, рис. 2, 4).

К поясу палаши и сабли подвешивали в поясах с металлическими оковками. На оковке ножен из погребения кургана 1 могильника Релка изображены приоткрытые к прыжку звери (табл. ХСVI, 30). Сюжет этот неместный, указывающий на импортное, южное происхождение ножен и, вероятно, вложенного в них палаша. Палаши носили у пояса с левой стороны, подвешенными под большим углом, почти вертикально. Так они изображены на бронзовых фигурках воина и всадника из могильника Релка, а также на рисунке воина на камне с поселения Малгет (Чиндина Л. А., 1977, с. 29). Всадник из Шустово держит палаш в правой руке.

Наиболее распространенным видом вооружения был лук со стрелами. Конструкция лука пока остается неизвестной, поскольку детали его не сохранились. Только в погребении VIII—IX вв. могильника Красный Яр I, относящегося к конечному этапу культуры, встречены две костяные срединные накладные дуги (Троицкая Т. Н., 1978, рис. 3, 23), позволяющие считать, что лук у населения южной части лесной полосы Приобья в то время был ана-

логичен тюркским (Гаврилова А. А., 1965, с. 87, 88).

Наконечники стрел черешковые, железные и костяные. Железные наконечники стрел боевые, разнообразны по форме. Л. А. Чиндина (Чиндина Л. А., 1977, с. 29, 30) выделяет три группы их. К первой относятся наиболее многочисленные граненые бронебойные наконечники, среди которых преобладают экземпляры с долотовидным концом (табл. ХСVI, 7–9). Ко второй группе принадлежат трехлопастные наконечники стрел с ромбической, трапециевидной или килевидной головкой (табл. ХСVI, 1–6). Третью группу образуют немногочисленные плоские наконечники типа срезней вильчатых и с расширяющейся к острию лопаточкой (табл. ХСVI, 10, 13). Более широкое распространение стрелы типа срезней получают в конце I — первой половине II тысячелетия н. э. (Грязнов М. П., 1956, табл. LXI, 7; LXII, 2, 3; Чернецов В. Н., 1957, табл. XLIII, 6).

Многочисленны костяные наконечники стрел, разнообразные по форме и величине. В могильнике Релка их обнаружено 45 (Чиндина Л. А., 1977, с. 31). Большинство таких наконечников имеет плоский черешок и головку трех-, четырех- и шестигранного сечения (табл. ХСVI, 11–15). Представлены также шипастые наконечники (табл. ХСVI, 16). Отдельные их экземпляры по форме подражают боевым наконечникам стрел с граненой головкой (табл. ХСVI, 17). Костяные наконечники стрел подобных форм широко бытовали в культурах лесной полосы Западной Сибири.

В могильнике Релка известна одна костяная накладка от колчана с отверстиями на концах (табл. ХСVI, 46), предназначенными, видимо, для пришивания и продевания ремешка, за который колчан мог подвешиваться к поясу. Подобные костяные накладки известны в период потчевашской культуры (Могильников В. А., Конилов Б. А., 1983, рис. 7, 14). Несколько иное устройство имел колчан из погребения могильника Красный Яр I. Он был окантован по бокам двумя костяными заостренными пластинками с отверстиями и полукруглой пластиной снизу (Троицкая Т. Н., 1978, с. 113, рис. 5, 2). Стрелы в колчаны укладывали наконечниками вниз, в отличие от колчанов алтайских тюрков, в которых наконечники стрел были обращены вверх (Киселев С. В., 1951, табл. L, 24). Для подвешивания колчанов, вероятно, использовали крючки и пряжки.

В небольшом количестве в памятниках релкинской культуры представлены железные копья. Они втульчатые, двухлопастные, с ромбическим и уплощенно-линзовидным в сечении пером (табл. ХСVI, 19). Формы их аналогичны копьям этого времени на широкой территории, преимущественно в лесной зоне (Грязнов М. П., 1956, табл. LIV, 4). Ромбическое сечение пера обусловлено стремлением увеличить пробивную силу копья в связи с появлением металлических доспехов.

В качестве защитного вооружения служили железные панцири, кольчуги и шлемы. Судя по количеству находок, наиболее распространенной формой доспеха был пластинчатый панцирь. Пластины от панцирей были разной величины; наиболее круп-

ные из них прикрывали грудь. По форме выделяются два типа пластин (Чиндина Л. А., 1977, с. 33): подпрямоугольные с закругленными углами и подпрямоугольные с зубчато-волнистым краем (табл. ХСVI, 20). Подобные панцири были у тюрков (Гаврилова А. А., 1965, табл. V, 1), а также у соседних с релкинскими племен потчевашской культуры (Могильников В. А., Конилов Б. А., 1983, рис. 6, 8). Следует отметить, что панцири, видимо, представляли большую ценность и потому, вероятно, их редко клали в погребения. В могильнике Релка панцирные пластины обнаружены только в трех погребениях, в Архиерейской Заимке — в одном.

Согласно сказаниям хантов и самодейцев, кольчуга была неотъемлемой частью вооружения богатырей (Патканов С. К., 18916, с. 26). Но находки кольчуг представляют редкость. Небольшой обрывок кольчуги найден в кургане 5 могильника Релка. По технике изготовления эта кольчуга относится к кочевническим, которые были известны еще в сарматское время и затем появились вновь в VII–VIII вв. Обрывок подобной кольчуги обнаружен в могильнике Кудыргэ на Алтае (Гаврилова А. А., 1965, с. 31). Вероятно, кольчуги у населения релкинской культуры были импортными, и обладали ими только наиболее выдающиеся воины.

Импортным был, очевидно, также шлем, встреченный в насыпи кургана 2 могильника Релка (табл. ХСVI, 22). Тулья его вытянута кверху, склепана из восьми отдельных пластин и снизу, по краю, украшена бронзовой накладкой с выпуклинами. Сзади, по краю тульи, имелись отверстия для бармицы. Наносник, видимо, обломан. Подобные шлемы были распространены у кочевников степей Евразии VIII–X вв. (Ленц Э. Ю., 1902, рис. 11; Самоквасов Д. Я., 1908, рис. 62, 64; Саханов В. В., 1914, рис. 50, 13; Рыбаков Б. А., 1948, рис. 47, 2). В Среднее Приобье этот шлем, видимо, попал с юга, от тюрков. Следует отметить, что находки шлемов в древностях Сибири очень редки, хотя изображения воинов в конических шлемах хорошо известны (Чернецов В. Н., 1957, рис. 5; табл. XLII, 10; Евтюхова Л. А., 1948, рис. 189, 192, 193, 196; Кызласов Л. Р., 1969, рис. 41).

В целом следует отметить, что состав предметов вооружения населения релкинской культуры отражает сильное влияние тюрков периодов Первого и Второго Тюркских каганатов, у которых военное искусство достигло высокого развития. Можно полагать, что часть оружия (сабли, панцири, кольчуги, шлемы) могли попадать в лесную полосу Среднего Приобья от тюрков.

Предметы конского снаряжения немногочисленны. Это однокольчатые удила (табл. ХСVI, 23, 24, 34) с костяными и железными стержневыми псалиями со скобой (Чиндина Л. А., 1977, рис. 5, 18; 6, 14; 19, 11, 12; Троицкая Т. Н., 1978, рис. 3, 17). Кольца удили замкнутые или незамкнутые. В могильнике Релка обнаружены удила со звеньями различной длины (Чиндина Л. А., 1977, с. 34, рис. 6, 14), а в Архиерейской Заимке — удила без перегиба (ЗРАО, 1899, табл. II, 33). Удила однокольчатые, с костяными и железными псалиями со скобой были довольно распространены у кочевников евразийских степей с конца VII по IX в. (Гаврилова А. А., 1965,

с. 82). Удила с асимметричными звеньями и без перегиба в I тысячелетии н. э. встречаются как исключение и более широко бытуют у кочевников в самом конце I — начале II тысячелетия н. э. (Гаврилова А. А., 1965, с. 84; Плетнева С. А., 1958, рис. 4).

Наряду с удилами обычных размеров в могильнике Релка найдены миниатюрные удила, лежавшие в сосуде вместе с антропоморфной фигуркой, миниатюрным теслом и стрелой и составляющие комплекс вещей, положенных в насыпь кургана, вероятно, с ритуальной целью или как инвентарь захоронения-кенотафа (Чиндина Л. А., 1977, с. 34).

От уздечки происходит также костяной блок от чумбура (табл. XCVI, 26), подобный известным на широкой территории, а наиболее близкие параллели имеющий у тюрков Алтая (Гаврилова А. А., 1965, табл. VIII, 7; XXII, 11; XXIII, 3). В могильнике Релка найден также костяной блок для аркана (табл. XCVI, 25), по форме напоминающий тюркские (Гаврилова А. А., 1965, табл. XVII, 3).

Для застегивания подпруг использовали костяные пряжки (табл. XCVI, 29), подобные распространенным у степных кочевников (Чиндина Л. А., 1977, рис. 5, 6; Троицкая Т. Н., 1978, рис. 3, 21; Гаврилова А. А., 1965, табл. XXI, 8, 9). Для стягивания ремней сбруи могли служить также железные пряжки с рамками подпрямоугольно-овальной и трапециевидной форм (Чиндина Л. А., 1977, рис. 33, 28, 29), бытовавшие в то время на широкой территории.

Некоторые дополнительные детали облика и экипировки коня и всадника запечатлены на бронзовых фигурках из Релки и Шутово. На первой (табл. XCVIII, 24) у узды выделены нахрапник, налобник и предположительно круглая нагрудная бляха. Под седлом, возможно, изображен чепрак с кистями, прослеживаемый по слабозаметным четырехугольным контурам каймы. У фигуры всадника, держащего повод, нога обута в мягкий сапог. Носок его не свисает, что заставляет предполагать наличие стремени. Всадник из Шутово (табл. XCVIII, 27) управляет конем левой рукой, а в правой держит палаш, что хорошо согласуется с использованием удила с асимметричными звеньями, при которых поводья пропускаются на одну сторону, чтобы освободить от управления лошадью вторую руку.

В целом конское снаряжение носителей релкинской культуры почти идентично экипировке коня граничащих с ними с юга степняков, от которых они, очевидно, быстро заимствовали все нововведения.

Одежду релкинское население изготовляло из меха, кожи и тканей, в том числе импортных, шелковых, фрагменты которых найдены в погребениях (ЗРАО, 1899, с. 322; Чиндина Л. А., 1977, с. 90; Плетнева Л. М., 1973, с. 97). Представление о покрое одежды дают бронзовые антропоморфные изображения. У части фигур одежды напоминает халаты с разрезом от пояса до подола (табл. XCVII, 2, 3), у других она показана в виде штанов и куртки (табл. XCVII, 4–7). На изображении всадника из Релки штаны заправлены в сапоги (табл. XCVIII, 24). На отдельных фигурках изображены манжеты или какие-то нашивки по концам рукавов (табл. XCVII, 2).

Одежда подпоясывалась одним или двумя поясами, которые имели символическое значение и, вероятно, украшались бляхами в соответствии с заслугами владельца. На бронзовых антропоморфных изображениях бляхи поясов декоративно подчеркнуты (табл. XCVII, 3–5). К поясу подвешивали оружие и некоторые предметы утвари — ножи, мешочки с огнивом и оселком.

Пряжки и бляшки от поясов аналогичны предметам поясной гарнитуры культур широкой полосы степи и лесной зоны Евразии. К наиболее ранним экземплярам относятся бронзовые В-образные пряжки с хоботовидным язычком (табл. XCVII, 67, 78), характерные для VI в. (Амброз А. К., 1971а, с. 114), и вседопряжки с В-образным и сердцевидным щитком, распространившиеся в VII в. В это время употреблялись также бронзовые геральдические пряжки с неподвижным щитком и железным язычком (табл. XCVII, 50, 66, 70, 77, 81). В VIII в. появляются рамчатые пряжки. Кроме бронзовых, в небольшом количестве представлены и железные пряжки с рамками округлой, подпрямоугольной и трапециевидной форм (табл. XCVII, 47–49). Своеобразны ажурные пряжки-застежки подпрямоугольных очертаний (табл. XCVII, 69), обнаруженные в могильниках Релка и Архиерейская Заимка.

Крючки для застегивания поясов в это время выходят из широкого употребления, находки их единичны. Оригинален бронзовый крючок, декорированный жемчужным орнаментом, из могильника Релка (табл. XCVII, 46).

Украшавшие пояса бронзовые накладные бляхи и наконечники (табл. XCVII, 71–73, 82–85; XCIX, 51, 52; 56–58, 59, 61, 71) в конце VI–VII в. имеют преимущественно геральдические формы и хорошо представлены в могильниках Релка (Чиндина Л. А., 1977, рис. 33), Тимирязевских I, II и Архиерейской Заимке (ЗРАО, 1899, табл. III, 16, 18, 27, 29–31; Беликова О. Б., Плетнева Л. М., 1983, рис. 70, 2, 4). В конце VII–VIII в. распространяются прямоугольные и овальные бляхи-оправы, а также бляхи с фестончатым краем, отсутствующие в могильнике Релка, как в более раннем памятнике, но имеющиеся в комплексах могильников Тимирязевского I, Могильницкого, Красного Яра I и Архиерейской Заимки (ЗРАО, 1899, табл. III, 6–13; Плетнева Л. М., 1973, табл. 1, 3, 11, 12–15; Троицкая Т. Н., 1978, рис. 1, 14; 7, 7–9, 19, 20).

Для украшения ремней использовали также бронзовые бляшки V-образной формы с тремя выпуклостями (ЗРАО, 1899, табл. I; II; Плетнева Л. М., 1973, табл. 2, 10), аналогичные хорошо известным в памятниках Прикамья конца VII–VIII в. (Голдина Р. Д., 1979, рис. 6, 18).

Украшения в памятниках релкинской культуры довольно разнообразны и в значительной мере являются, видимо, произведениями местных мастеров. Для украшения одежды, головных уборов и, возможно, поясов использовали бронзовые круглые, полусферические, одиночные, двух- или трехчастные штампованные нашивные бляшки (табл. XCVII, 61–65, 87, 88; С, 10, 29, 39), распространенные в памятниках Верхнего и Среднего Приобья VI–VIII вв. (Грязнов М. П., 1956, табл. XLII, 12–14;

LI, 15, 16; Троицкая Т. П., 1973, с. 102, 103). Этими же бляшками, видимо, расшивали рукава, о чем свидетельствуют находки таких бляшек под локтевыми костями в двух непогребенных погребениях Релки (Чиндина Л. А., 1977, с. 90).

Весьма характерным украшением в период релкинской культуры были колоколовидные подвески с тремя или более выступами (табл. ХСVII, 41, 42; С, 7), орнаментированными, как и края колокольчика, «жемчужинами», желобками, сеткой. Можно предполагать, что они подвешивались к поясу, поскольку в ряде комплексов они лежали вместе с деталями поясов (Чиндина Л. А., 1977, с. 39).

Другим своеобразным украшением в памятниках VII–VIII вв. были плоские литые подвески с лопатковидным расширением (табл. ХСVII, 27), встречающиеся в могильниках Релка (Чиндина Л. А., 1977, с. 40, рис. 10, 17; 13, 4), Тимирязевском I, Красный Яр I, где они украшали ожерелья (Троицкая Т. Н., 1978, рис. 4, 11, 13).

Подвесками служили также бронзовые бубенчики со щелевидной прорезью (табл. CI, 16), появившиеся в VIII в., но широко распространившиеся позднее (Амброз А. К., 1971а, с. 121).

Разнообразные серьги или височные привески. Для VI–VII вв. свойственны бронзовые серьги (рис. ХСVII, 23, 24) в виде несомкнутого кольца с приостренными концами, иногда с нанизанной посередине каплевидной подвеской (Чиндина Л. А., 1977, с. 40). К тому же времени относятся серьги (табл. ХСVII, 35) в виде витой проволоочной спирали (Чиндина Л. А., 1977, рис. 3, 5). Ближайшие аналогии этим украшениям представлены в памятниках Алтая, Верхней Оби (Грязнов М. П., 1956, табл. XLV, 5; Гаврилова А. А., 1965, рис. 4, 1; табл. IX, 2; XII, 4; XVIII, 1; XX, 1; XXI, 1), Тувы (История Тувы, 1964, с. 53, рис. 2, 3). В VIII в. на смену серьгам с напускной подвеской приходят подобные украшения с подвеской, отлитой вместе с кольцом (табл. С, 15, 24–26, 33–36; CI, 21–23), известные в то время на широкой территории.

В единичных экземплярах на памятниках релкинской культуры представлены гривны: серповидные, витые и ложновитые. Серповидные гривны имеют вид плоской бронзовой пластины, сужающейся к концам (табл. ХСVII, 33). Наружная поверхность их иногда разделена на три грани, оформление плоских поверхностей которыми подобно западно-сибирским литым поделкам VII–VIII вв. Подобные серповидные гривны были распространены в V–VI вв. в Поволжье и Прикамье (Смирнов А. П., 1952, с. 115; Мажитов Н. А., 1968, с. 39). В составе Васюганского клада есть своеобразная ложновитая гривна с изображениями голов медведя на концах (табл. ХСVIII, 35). Техника изготовления и стилистические особенности шейных гривен указывают на их отливку, скорее всего, местными мастерами на релкинских поселениях.

Довольно редкими украшениями были также браслеты и перстни. Браслеты двух типов: витые проволоочные и цельнолитые с зооморфными головками (табл. ХСVII, 30, 45). Эти типы украшений характерны для раннего средневековья (Деопик В. Б., 1963, с. 130; Голдина Р. Д., 1979, рис. 1, 22, 198). Наиболее близкие аналогии дает Окуневский мо-

гильник потчевашской культуры (Могильников В. А., Конилов Б. А., 1983, рис. 9, 10).

Перстни бронзовые, цельнолитые, щитковые. Щитки овальные, с типичным местным орнаментом в виде «уточек», волнистых линий и «жемчужин», а также трехчастные (табл. ХСVII, 22, 31). Перстни обнаружены в погребениях могильников Релка (Чиндина Л. А., 1977, рис. 16, 3; 30, 2), Красный Яр I (Троицкая Т. Н., 1978, рис. 4, 6, 7), Тимирязевском I (Беликова О. Б., Плетнева Л. М., 1983, рис. 42, 6). Довольно многочисленной категорией украшений являются пронизки из скрученной в спираль медной проволоки, часто сплюснутые с боков (табл. ХСVII, 39, 40), а также бронзовые литые боченковидные бусы (табл. ХСVII, 36, 37; С, 30, 40, 42), известные также в соседней потчевашской культуре. Эти виды украшений отсутствуют в памятниках степных племен и, несомненно, являются продукцией местных мастеров.

В отличие от них бусы из стекла и камня в релкинских памятниках редки. Это связано, вероятно, с тем, что они являлись предметом импорта. К ним относятся 14-гранные глазчатые бусы из синего и зеленого стекла, боченкообразные ребристые и гладкие бусы из непрозрачного стекла, биконические сердоликовые (табл. С, 21, 23, 32, 41) типов, характерных для VIII–IX вв. (Щапова Ю. Л., 1956, с. 175, 176; Деопик В. Б., 1961, с. 218).

В памятниках релкинской культуры VI–VIII вв. богато представлена металлическая пластика — бронзовые зоо- и антропоморфные изображения. Наибольшее количество их (50 экз.) обнаружено в могильнике Релка. Многие изображения происходят из погребений с сожжениями, вследствие чего они оплавлены. Фигурки литые, плоские, полые внутри, двусторонние и объемные, выпуклые снаружи и вогнутые с оборотной стороны. Кроме литых, при их изготовлении изредка применялась гравировка для подправки или подчеркивания деталей.

По сюжетам изображения могут быть разделены на три группы: антропоморфные, зооморфные и сложные, комбинирующие зоо- и антропоморфные фигуры в различных сочетаниях и ракурсах (Чиндина Л. А., 1977, с. 42). Среди антропоморфных есть изображения человека в полный рост и личные. Преобладают фигуры в фас, изготовленные в технике плоского литья. Объемные фигурки малочисленны. Для изображений человека характерна статичность поз: руки как бы упираются в бока, ноги развернуты носками наружу, голова непропорционально большая, волосы, когда они показаны, длинные, распущенные, спускаются до плеч (табл. ХСVII, 2–12). Подчеркнут пояс с наборными бляхами (табл. ХСVII, 3–5). Иногда от носа отходят по две параллельные наклонные полосы, видимо имитирующие морщины (табл. ХСVII, 15, 16). Как для антропоморфных, так и для зооморфных изображений типична трехпалость конечностей. Преобладают изображения одиночной фигуры человека. В единичных случаях представлены три антропоморфные фигуры, стоящие рядом (табл. ХСVII, 18, 20). При этом на подвеске из могильника Релка фигуры стилизованы и по манере передачи головы в профиль и тонким пропорциям туловища напоминают изображения сулде из Прикамья — антропо-

морфного существа со стилизованной лосиной головой (табл. ХСVII, 18).

Все фигурки индивидуализированы. Своеобразна по стилю фигурка человека в танцующей позе (табл. ХСVII, 1), напоминающая серебряные фигурки из Мартыновского клада на Киевщине (Рыбаков Б. А., 1948, с. 82; Седов В. В., 1982, табл. VI) и Кушнаренковского могильника в Башкирии (Генинг В. Ф., 1972, рис. 8, 1). Необычны размещение изображения человека на медалевидной бляхе (табл. ХСVII, 10) и компановка антропоморфной фигуры между двумя стоящими в геральдической позе фигурами соболей по бокам (табл. ХСVII, 19). Последняя композиция близка бляхам из Прикамья со стоящими по бокам сулде.

Личины отлиты довольно тщательно, в реалистическом стиле (табл. ХСVII, 13–15). Часть из них имеет на лбу вертикальные рубчатые линии (табл. ХСVII, 17). Эта специфическая деталь имеет в Среднем Приобье глубокие корни, уходящие в эпоху бронзы (Мягков И. М., 1929, табл. III, 1, 2; Старцева Л. М., 1966, табл. V; Матющенко В. И., 1961, рис. I, 4–8).

По сюжету и стилистически к антропоморфным изображениям примыкают фигурки всадников из Релки и Шутово (табл. ХСVIII, 24, 27). В обоих случаях это войны с палашами. Подчеркнуто выделены пояс с бляхами на фигурке из Релки и кольцевое навершие палаша на изображении из Шутово. Изображения палашей, подвешенных к поясу, есть и на стоящих антропоморфных фигурах Релки (табл. ХСVII, 4, 5).

Весьма условно к изображениям всадников может быть отнесена бляха из Архиерейской Займки в виде животного, напоминающего самку лося, на спине которого возвышается какая-то фигура (ЗРАО, 1899, табл. I, 13). Принимая во внимание реализм, проработку отдельных деталей, можно предполагать, что некоторые антропоморфные фигуры могли изображать конкретных людей или служить вместилищами их душ, подобно куклам обских угров и самодийцев (Чернецов В. Н., 1959, с. 117; Соколова З. П., 1971, с. 213; Пелих Г. И., 1972, с. 86; Хомич Л. В., 1966, с. 208).

Для зооморфных изображений характерен реализм. Среди сюжетов преобладают представители местной фауны, прежде всего медведь, а также лось, олень, соболев, заяц, белка, орел, сова, гусь, утка, змея, ящерица, а из домашних животных — лошадь (табл. ХСVIII, 28). Есть также фантастические изображения, по облику напоминающие рыб (табл. ХСVIII, 23). Фигурки медведя преимущественно плоские, односторонние (табл. ХСVIII, 31, 34, 36), но имеются и объемные двусторонние (табл. ХСVIII, 26, 29). Особое значение, согласно ритуалам, придавалось голове медведя, что в определенной мере перекликается с изображением голов личин человека. Изображения медвежьих голов выполнены на гривне и эполетообразных застегках (табл. С, 49), а также на бронзовых бляхах, где три головы медведя лежат между лап (табл. ХСVIII 32, 33; С, 51).

Среди птицевидных изображений наиболее распространены фигурки гуся, орла, совы (табл. ХСVIII, 1–3, 6–9, 13–21). При этом образ гуся

или утки представлен преимущественно одиночными реалистическими изображениями (табл. ХСVIII, 7–9, 13), в то время как образ орла или совы фигурирует главным образом в сложных композициях борьбы зверей или в изделиях, сочетающих разные фигуры. К ним относятся изображения ушастых сов с личинами на груди (табл. ХСVIII, 19–21), медведя с крыльями (табл. ХСVIII, 18), спелые терзания орлом головы лося или медведя (табл. ХСVIII, 1–3), пожирающего змею медведя (табл. ХСVIII, 31). В единичных экземплярах известны изображения соболя, стоящего на голове лося (табл. ХСVIII, 4), а также декорировка туловища медведя головами животных, предположительно лося. К элементам стилизации относятся наличие на изображениях орнамента в виде мелких «жемчужин», показ оперения в виде рубчиков (табл. ХСVIII, 1–3), членение граней и плоских поверхностей (табл. ХСVIII, 28, 36), что характерно для орнаментального стиля того времени.

Преобладали односторонние изображения с плоским туловищем и объемной, выступающей вперед головой. Но наряду с ними встречаются полые внутри, объемные, а также зооморфные пронизки (табл. ХСVIII, 1; С, 46), напоминающее стилистически подобные украшения из Прикамья (Голдина Р. Д., 1979, рис. 4, 1–6). Своеобразно солярное изображение с головами орлов по периметру (табл. ХСVIII, 17).

В целом металлическая пластика релкинской культуры входит в обширный ареал искусства звериного стиля Урала и Западной Сибири, но в то же время имеет свою специфику. Звериному стилю Среднего Приобья был свойствен, более чем другим районам, реализм, сочетавшийся с некоторой стилизацией. В отличие от пермского звериного стиля здесь отсутствовал образ сулде. Образ лося в релкинской культуре имел реалистическое выражение. В зооморфных изображениях наиболее ярко отражен образ медведя, а в антропоморфных фигурах отчетливо выступает культ мужчины-воина. Корни развития звериного стиля в Среднем Приобье, видимо, связаны с тотемизмом, а частью — с анимистическими представлениями.

Керамика релкинской культуры изучена недостаточно. Наиболее полно описана посуда Релкинского могильника, где обнаружены остатки 286 сосудов, в том числе 84 целых, а для 104 сосудов форма восстанавливалась почти полностью (Чиндина Л. А., 1970а, с. 248–254; 1977, с. 52). Керамика известна и по раскопкам на поселениях Круглое озеро I, II, Малгет (Чиндина Л. А., Балакин Ю. В., 1976, с. 45–64; Чиндина Л. А., 1982, с. 14–22).

Керамика лепная, изготовлена из глины с примесью крупно- и мелкозернистого, а также слюдяного песка и дресвы. Чаще всего примесью служил мелкозернистый песок. На могильнике Релка он представлен в 64,7% сосудов (Чиндина Л. А., 1977, с. 54). Иногда вместе с песком добавляли шамот и дресву. В могильнике Релка сосуды с примесью песка и шамота составляли 8,8% всей керамики, с примесью песка и дресвы — 14,4%. Глиняное тесто только с дресвой или шамотом использовалось редко. На поселении Круглое озеро I прослежено, что маленькие сосуды вылеплены

из более пластичных смесей (Чиндина Л. А., Балакин Ю. В., 1976, с. 49).

Способы формовки посуды детально не выяснены. По мнению Л. А. Чиндиной (Чиндина Л. А., 1977, с. 54), маленькие сосуды, вероятно, формовали из одного куска глины. Более крупные лепили ленточным способом или из отдельных пластин. У части сосудов шейку и венчик формовали отдельно и затем прилепляли к тулову. Поверхность сосудов серого, темного и желтоватого цвета. Обжиг костровый. Толщина стенок большинства сосудов около 5–7 мм. Приблизительно четвертая часть посуды ангобирована. Для ангоба использовали более пластичную, тонкозернистую глинистую массу.

Все сосуды круглодонны. По форме они делятся на горшковидные, чашевидные и ладьевидные. Наиболее многочисленны горшковидные сосуды. В могильнике Релка они составляют 81,4%. Их характеризует шаровидная или яйцевидная форма тулова, почти вертикальная или несколько отогнутая наружу, изредка — наклоненная внутрь шейки, закругленный, приостренный или уплощенный край венчика (табл. ХСIV, 4, 6, 9, 10, 12–15; ХСV, 1, 6–8).

Чашевидных сосудов более низких, приземистых пропорций в релкинской культуре меньше. В могильнике Релка чаши составляют 12,1% всей посуды (Чиндина Л. А., 1977, с. 58). Они слабопрофилированы, шейка почти вертикальная или слегка наклонена внутрь, венчик округлый, срезан внутрь или уплощен (табл. ХСIV, 1, 2, 5, 7; ХСV, 2–5).

Небольшую часть составляют ладьевидные сосуды или ковши (табл. ХСIV, 8, 11). В могильнике Релка их 11 экз., т. е. 3,3%. Л. А. Чиндина (Чиндина Л. А., 1977, с. 58) усматривает в этих сосудах модели лодок и считает, что они имели культовое назначение, в то же время не исключая возможности использования их как ковшей. О бытовом назначении ладьевидных сосудов может свидетельствовать их широкое распространение и использование как жаровен в период потчевашской культуры (Генинг В. Ф., Евдокимов Г. В., 1969, с. 118).

Единичными экземплярами представлены сосуд на поддоне, а также митровидный и кувшиновидный сосуды (Чиндина Л. А., 1977, с. 58, рис. 11, 4; 13, 19; 37, 3).

Абсолютное большинство сосудов орнаментировано. Преобладает штамповая орнаментация. Элементы орнамента представлены простой и пильчатой гребенкой, фигурными штампами, резным, ямочным, жемчужным узорами, желобками, насечкой, наколами, валиками. Узоры располагались горизонтальными зонами на шейке, вдоль венчика и на плечиках, часто опускаясь на тулово, а в отдельных случаях доходя до низа. В орнаментальных композициях представлены ряды из оттисков различных штампов, преимущественно зубчатого, а также зигзаг, изредка — наклонные полосы и треугольники.

Наиболее распространенным узором были ряды наклонно поставленной гребенки, он представлен более чем на половине сосудов в Нарымском Приобье и господствовал в Томском и Новосибирском Приобье. Прочие элементы узора встречаются обычно в сочетании с гребенчатым штампом. В целом в

Нарымском Приобье орнаментация сосудов богатая и сложная, сочетающая в композиции несколько элементов. Ямки и «жемчужины» наносили только по шейке, как и желобки, прочерченные гребенкой. Оттиски гребенчатого и фигурного штампов на шейке и тулове образуют зоны, иногда чередующиеся друг с другом. Арочные узоры замыкали композицию снизу, на тулове. Насечки покрывали край венчика.

Л. А. Чиндина (Чиндина Л. А., 1977, с. 62–66), исходя в основном из анализа орнамента, выделяет три типа керамики. Для первого типа характерна в основном гребенчатая орнаментация (табл. ХСIV, 1, 2, 8, 9, 12), для второго — гребенчатая и фигурно-штамповая (табл. ХСIV, 4, 5–7, 10, 13–15), для третьего — орнаментация налепными валиками или зацепками в сочетании с аккуратными оттисками зубчатого штампа (табл. ХСIV, 14; ХСV, 6, 8). Типы I и II одновременны, тип III более поздний, относится к VIII в. В могильнике Архиерейская Заимка сосуд с валиковой орнаментацией встречен в погребении вместе с бляхами поясного набора, датирующимися второй половиной VIII — первой половиной IX в. В Томском и Новосибирском Приобье керамика типа II почти отсутствует.

Различия в орнаментации сосудов отражают наличие нескольких этнических компонентов в релкинской культуре. Наиболее многочисленный тип I связан с основным местным самодийским этническим элементом. Второй тип отражает контакты с северными и северо-западными районами, населенными обскими уграми, предками хантов, для которых фигурно-штамповая орнаментация наиболее типична. Тип III имеет юго-восточное и восточное происхождение. Аналогии керамике с валиковой орнаментацией представлены в широком ареале культур от Прибайкалья, Забайкалья до Якутии, связываемых с тунгусами (Константинов И. В., 1978, табл. IV; XVII, 5; XVIII, 3, 7; XXI, 5; Федосеева С. А., 1968, с. 90). Появление этой керамики в Среднем Приобье обусловлено продвижением сюда в VIII в. отдельных групп тунгусоязычного населения. Причем по мере проникновения в глубинные районы Среднего Приобья происходило смешение пришельцев с местным населением, отражением чего является распространение гребенчато-штамповой орнаментации на сосудах с валиковыми налпами (табл. ХСIV, 14).

К бытовым или культовым предметам относились импортные бронзовые круглодонные эллипсоидные чаши, найденные в могильниках Релка (Чиндина Л. А., 1977, рис. 3, 31), Архиерейская Заимка (ЗРАО, 1899, табл. IV, 5), в Васюганском кладе (Могильников В. А., 1964а, с. 227). Чаша из Архиерейской Заимки (табл. С, 11) сделана среднеазиатскими торевтами и датируется первой половиной VIII в. — «школа С», по Б. И. Маршаку (Маршак Б. И., 1976, с. 228, 235). Чаши из могильника Релка и Васюганского клада отличаются от нее отсутствием каннелюр, но имеют, вероятно, то же происхождение.

Среди бытовых предметов интересна костяная ложка (табл. С, 12) из могильника Красный Яр I (Трошская Т. Н., 1978, рис. 1, 18).

Хронология памятников релкинской культуры в пределах VI—первой половины IX в. устанавливается по вещевым находкам, главным образом предметам вооружения и поясным наборам, описанным выше, и частично по находкам монет. Последние обнаружены в погребениях могильников Архиерейская Заимка, Могильницком и Тимирязевском I. В Архиерейской Заимке шесть монет происходят из трех погребений. Четыре монеты из погребения 26 и одна монета из погребения 24 первоначально были отнесены к годам правления Кай-юаня Танской династии — 713—744 гг. (ЗРАО, 1899, с. 318). Затем А. А. Гаврилова и Б. И. Панкратов определили эти монеты временем правления основателя Танской династии Гао-цзу — 618—626 гг. (Грязнов М. П., 1956, с. 135). Последняя датировка представляется более предпочтительной. В двух погребениях Могильницкого могильника обнаружено семь монет времени правления Кай-юаня — 713—755 гг. (Плетнева Л. М., 1973, с. 101), имевших длительный период обращения и определяющих нижнюю дату погребений серединой — второй половиной VIII в.

В ранних памятниках (VI—VII вв.) представлены В-образные пряжки, бляхи и наконечники геральдической формы от поясных наборов, псевдо-пряжки, браслеты с зооморфными головками, серьги в виде спирали из проволоки и в виде кольца с несомкнутыми приостренными концами с нанизанной подвеской или без нее (табл. ХСVII, 23, 24, 50, 67, 70—73), гривны пластинчатые серповидные и ложновитые с зооморфными головками (табл. ХСVII, 33).

Для поздних памятников (конца VII—VIII в.) характерны прямоугольные и округлые бляхи-оправы с прорезями (табл. ХСIX, 1—3, 6, 15, 16, 21, 25, 33, 34), поясные наконечники удлиненных пропорций с закругленным и приостренным концом (табл. ХСIX, 7, 28, 30, 36, 37), V-образные накладки (табл. ХСIX, 31), серьги цельнолитые с подвеской (табл. С, 15, 24—27, 34—36). В комплексах VII—начала VIII в. представлены Т-образные наконечники ремней (табл. ХСIX, 70). Со второй половины VIII в. распространяются бляхи-оправы с фестончатыми краями (табл. ХСIX, 14, 23).

В широких пределах, VI—VIII вв., датируется большинство украшений местного производства: бронзовые боченовидные бусы, спиральновитые пронизки, умбоновидные, одно-, двух- и трехчастные бляшки, колоколовидные, грушевидные и лопаткоридные подвески, а также большинство зоо- и антропоморфных изображений (табл. ХСI, 20, 27, 33, 41—45, 50). Во второй половине VIII—IX в. литые реалистичные антропо- и зооморфные изображения постепенно выходят из употребления. Вместо них появляются схематичные колоколовидные зооморфные подвески, известные в памятниках Среднего Приобья X—XII вв. в единичных экземплярах (Басандайка, 1948, табл. 86; 87).

В погребальном ритуале можно отметить тенденцию возрастания со временем числа погребений с трупоположением.

Эволюция вещевых комплексов и хронология могильников Релка, Тимирязевского I и Архиерейской Заимки исследованы Л. А. Чиндиной (Чиндина Л. А., 1977, с. 68—79). В результате к наиболее ранним

памятникам релкинской культуры, к VI—началу VIII в., отнесены могильники Релка, Томский, Юрт-Акбалык 8, часть погребений могильников Тимирязевских I, II, Красный Яр I. К VII—VIII вв. может быть причислено большинство погребений могильников Тимирязевских I, II. Концом VII—VIII в. датируется могильник Архиерейская Заимка. Ко второй половине VIII—первой половине IX в. относятся могильник Могильницкий и часть захоронений Красного Яра I и Умны 4.

Детальная хронология поселений затруднена. В наиболее ранних (Малгет 7, Круглое озеро I) богаче представлена керамика с фигурно-штамповой орнаментацией. В более поздних памятниках (Круглое озеро II) количество посуды с фигурно-штамповым узором уменьшается, становится доминирующей гребенчатая орнаментация, появляются сосуды с налепными валиками.

Датировка релкинской культуры в пределах VI—VIII вв. подтверждается радиоуглеродными датами, полученными для трех курганов Тимирязевского I могильника и поселений Кисловка II, VII. Согласно анализам, курганы 23 и 46 Тимирязевского I могильника сооружены в VI в., курган 10 — в VII в., а поселения Кисловка II, VII одновременны в пределах VI в. (Беликова О. Б., Плетнева Л. М., 1983, с. 96; Плетнева Л. М., 1980, с. 225). Даты курганов Тимирязевского I могильника следующие: курган 10 — 630 ± 30 лет (КИ-978); курган 23 — 550 ± 30 лет (КИ-994); курган 46 — 560 ± 45 лет (КИ-980) (Беликова О. Б., Плетнева Л. М., 1983, с. 96).

В соответствии с экологическими условиями хозяйство в различных частях ареала релкинской культуры было неодинаковым. На юге, в Томском Приобье и на севере Новосибирского Приобья, оно было многоотраслевым, сочетавшим скотоводство, земледелие, рыболовство и охоту. На севере, в Нарымском Приобье, преобладающее значение имели рыболовство и охота.

Прямых свидетельств занятия земледелием в виде остатков зерен злаков не имеется. Однако на ряде памятников (могильники Тимирязевские I, II, Юрт-Акбалык 8, Черное озеро) найдены семь железных наконечников почвообрабатывающих орудий (табл. ХСVI, 39, 40) типа сошников или мотыг (Беликова О. Б., Плетнева Л. М., 1983, рис. 20, 1; 42, 11; 49, 8; 69, 1; 71, 1; Троицкая Т. Н., 1981, рис. 5, 23). Исследователи по-разному истолковывают назначение этих орудий. Т. Н. Троицкая (Троицкая Т. Н., 1981, с. 117) и Л. А. Чиндина (Чиндина Л. А., 1985, с. 27) рассматривают их как орудия мотыжного земледелия. О. Б. Беликова, Л. М. Плетнева и Е. А. Сидоров считают их сошниками и предполагают существование в Приобье и Новосибирском Приобье в VI—VIII вв. пашенного земледелия (Беликова О. Б., Плетнева Л. М., 1983, с. 101). Более вероятным является первое предположение, хотя полностью нельзя исключить и второе, поскольку элементарное представление о пашенном земледелии населения Томского Приобья могло получить от древних хакасов Минусинской котловины, где в это время пашенное земледелие было распространено. Орудия с такими наконечниками могли служить также для выкапывания съе-

добных кореньев в собирательстве, подобно тому как это делали в недавнем прошлом шорцы мотыгами с железными наконечниками (Потапов Л. П., 1936, с. 69, 70).

Плохая сохранность остеологических остатков в супесчаном культурном слое поселений затрудняет определение удельного веса скотоводства, рыболовства и охоты. Находки костей лошади в погребениях, а также изображения лошади на бронзовых бляхах свидетельствуют, что лошадь была важнейшим сельскохозяйственным животным. Представление об облике лошадей дают бронзовые фигурки из Релки и Шутово (табл. ХСVIII, 24, 27, 28). Лошади были небольшие, с массивной головой и плотным туловищем, напоминающие породы типа вогулок, нарымчанок, монголоков, хорошо приспособленные к суровым местным условиям.

Богатство рек и озер рыбой благоприятствовало рыболовству. Расположение поселений по берегам проточных, не подверженных заморам, озер и близ устья малых рек обеспечивало стабильные уловы рыбы. Кости рыб найдены на поселениях Малгет, Круглое озеро I, в двух кострищах кургана 1 могильника Релка (Чиндина Л. А., 1976, с. 166; 1977, с. 118). Основными средствами лова служили различного рода заколы и плетеные снасти. Для изготовления лодок использовали топоры-тесла (табл. ХСVI, 40; CI, 18), лезвие которых иногда специально закруглено. Реки являлись и главным путем сообщения.

О занятии охотой свидетельствует большое число костяных наконечников стрел, различающихся по форме и величине и специализированных на различные объекты охоты, представление о составе которых дает металлическая пластика, воспроизводящая промысловые виды животных и птиц — лося, оленя, медведя, соболя, гуся, утку, глухаря. Остатки меховых и кожаных изделий найдены в погребениях, а на поселениях встречены орудия из рога лося и оленя (Чиндина Л. А., 1977, с. 119).

Значительное развитие получила металлургия. Выплавка железа производилась из местных болотных руд сыродутным способом в горнах, остатки которых выявлены на поселениях. На поселении Малгет открыты остатки кузнечных и бронзолитейных мастерских, на поселении Круглое озеро I — остатки кузнечной мастерской (Чиндина Л. А., 1972, с. 269; 1974а, с. 232, 233). Наличие комплексных бронзолитейных и кузнечных мастерских указывает на то, что специализация в металлообработке еще не получила развития и кузнец был одновременно литейщиком. Металлографический анализ показал совершенную технологию и однородную структуру металла железных изделий из могильника Релка, поселения Сохта II и Елыкаевского культового места, в то же время железные предметы из Тимирязевского I и Вахтового могильников отличались низким качеством, сварку и цементацию при их изготовлении применяли редко (Зиняков Н. М., 1976, с. 106—114; 1982, с. 26—29; Чиндина Л. А., 1985, с. 28). В целом же цементацию и пакетную сварку применяли при изготовлении топоров-тесел и ножей.

Бронзу использовали для отливки украшений, деталей поясных наборов зоо- и антропоморфных изображений. Исходным сырьем служил преимущест-

венно лом цветного металла, шедший на переплавку. При легировании применяли приплав олова, свинца с добавлением цинка, мышьяка, редко сурьмы. Плавка металла производилась в маленьких глиняных тиглях с подтреугольным устьем, удобным для непосредственной заливки металла в формы. В литейной технике применяли одно- и двусторонние формы, а также отливку по модели. После отливки изделия подвергали дополнительной обработке и полировке поверхности. Многие зоо- и антропоморфные изображения отлиты из белой бронзы, твердой, с высоким содержанием олова и почти не поддающейся коррозии.

Активный обмен существовал между племенами релкинской культуры и южными соседями. В обмен на пушнину поступали изделия из металла, оружие, часть украшений и тканей. В могильнике Релка обнаружена шелковая ткань тафтяного плетения, из которой был сделан головной убор женщины (Чиндина Л. А., 1977, с. 132). Остатки шелковых тканей встречены также в могильниках Могильником и Архиерейская Заимка (Плетнева Л. М., 1973, с. 97; Спицын А. А., 1899а, с. 322). Облик предметов вооружения, во многом идентичного оружию степного населения, в частности тюрок, орнамент на ножнах с изображением львов (табл. ХСVI, 30), изделия среднеазиатской торевики (бронзовые чаши из Архиерейской Заимки, Релки и Васюгановского клада) позволяют предполагать широкие торговые связи с юго-западом.

Вероятно, можно говорить о некоторой инфильтрации в Среднее Приобье населения с юга. Как следствие смешения пришельцев с местным населением следует рассматривать обычай захоронения с покойником шкуры коня, выявленный в погребениях могильника Релка и имеющий южное происхождение.

Тесные контакты, видимо, поддерживались с населением потчевашской культуры. У той и другой культуры имеется ряд общих моментов в формах и орнаментации части керамики, а также некоторые специфические для лесной полосы украшения типа бронзовых боченковидных бус, спиральновитых пронизок и близость предметов звериного стиля.

Традиционный характер носили связи с севером и северо-западом. Корни их восходят к кулайской культуре, когда население из Среднего Приобья продвигалось на Нижнюю Обь. В VII—VIII вв. вероятно, началось обратное проникновение пижнеобского древнехантыйского населения на Среднюю Обь, о чем говорит появление памятников оронтурского типа на р. Вах и в верховьях Васюгана (Посредников В. А., 1969, с. 84, табл. 33, 10, 11; Кирюшин Ю. Ф., 1976, с. 25—27; Чиндина Л. А., 1977, с. 134). В результате в Среднее Приобье проникали вещи из Прикамья — подвески с изображением сулде (табл. ХСVII, 18), пояса с V-образными бляхами (табл. ХСIX, 31) (ЗРАО, 1899, табл. I, 12; Плетнева Л. М., 1973, табл. 2, 10), а несколько ранее — эплетообразные застёжки, оформление которых головами медведей получило местную интерпретацию (ЗРАО, 1899, табл. 1, 5).

Контакты с востоком и юго-востоком документированы появлением валиковой керамики, как уже отмечалось, связанной с инфильтрацией в Приобье

тунгусоязычного населения, присутствие которого здесь позднее отмечено историческими источниками.

Общество релкинской культуры находилось на стадии разложения первобытнообщинного строя. Прослеживаемые на поселениях гнезда построек принадлежали отдельным семьям, а группа гнезд на поселении — семейной общине. По мере разрастания последней происходила сегментация, и дочерние семьи основывали новые поселки, расположенные на расстоянии 3—5 км друг от друга (Чиндина Л. А., 1977, с. 172). Примером такого гнезда поселков может служить группа поселений на р. Шуделька — Малгет, Круглое озеро I, II, Гришкино озеро. Каждая семья на родовом кладбище имела определенное место погребения в виде кургана или группы насыпей, где могилы располагаются довольно плотно друг к другу. Различия в составе инвентаря указывают на существование социальной и, возможно, имущественной дифференциации. По составу инвентаря и особенностям ритуала выделяются четыре группы погребений. К первой относятся единичные погребения, лишенные вещей, принадлежащие, вероятно, самой низшей группе общества. Вторая, наиболее многочисленная группа погребений с небольшим набором инвентаря, керамикой, костяными и частью железными наконечниками стрел представляла, видимо, большую часть общества. Третья группа выделяется более богатым инвентарем и наличием останков (костей ног) коня. Причем последние находят в мужских, женских и детских погребениях, что выделяет эту прослойку общества как более состоятельную. И очевидно, складывается культ война-богатыря. С наиболее выдающимися воинами, вероятно, связаны погребения с трупосожжениями могильников Релка, Архиерейская Заимка, обильно снабженные металлическим инвентарем и содержащие большое количество оружия.

Идеологические представления населения релкинской культуры раскрываются преимущественно при анализе погребального обряда и изобразительного искусства. Снабжение инвентарем свидетельствует о вере в потусторонний мир. Привлечение этнографического материала обских угров и самодийцев позволяет предполагать существование тотемизма и анимизма, веру в воскрешение и перевоплощение души. Широкое распространение в изобразительном искусстве образов медведя, лося, а также наличие образов соболя, зайца, белки, гуся, глухаря отражает большую роль охоты в хозяйстве и тотемистические представления.

Можно предполагать и существование солярного культа. На это указывает ряд факторов, в частности передкое изображение в искусстве образа орла. Селькупские шаманы именовали орла «эсыныль-сурек» — птица-солнце (Прокофьева Е. Д., 1952, с. 98). Очевидно, солярный культ отражает изображения орлиных голов по кругу на крестовидной бляхе могильника Релка (табл. ХCVIII, 17). Сама крестовидная форма бляхи, дисковидные фигуры на концах креста также ассоциируются с солярным культом. С тем же культом может быть сопоставлено изображение крестовидной фигуры с расходящимися лучами на пряслице из могильника Релка.

Определенное значение имел культ огня. С ним связан ритуал кремации части членов общества, об-

жигание в некоторых погребениях перекрытий и стенок могил.

Почитание жертвенных мест и находки там большого количества наконечников стрел связаны, очевидно, с охотничьей магией.

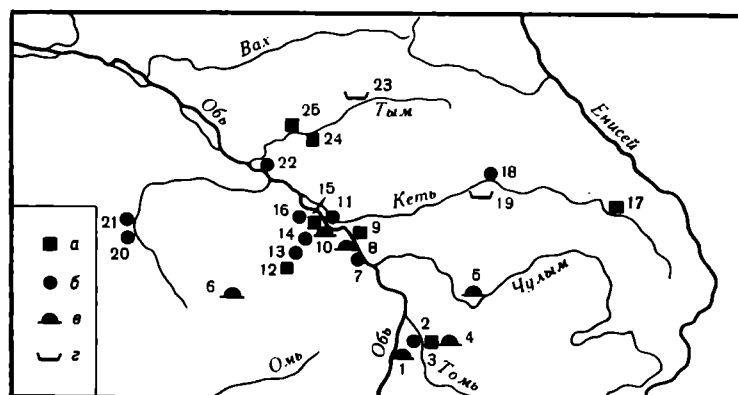
Релкинская культура оставлена двумя группами самодийцев. В. Н. Чернецов (Чернецов В. Н., 1957, с. 238) впервые высказал мнение о древпеселькупской принадлежности памятников Среднего Приобья середины I тысячелетия н. э. Эта точка зрения была поддержана В. А. Могильниковым (Могильников В. А., 1964б, с. 13; 1969б, с. 179), М. Ф. Косаревым (Косарев М. Ф., 1969б, с. 154; 1974, с. 154, 155) и Л. А. Чиндиной (Чиндина Л. А., 1970б, с. 6, 22; 1973а, с. 172). Действительно, представляется наиболее вероятным считать Нарымское Приобье VII—VIII вв. от Чулыма до Тыма областью формирования древних селькупов. Процесс сложения их в это время еще полностью не завершился, о чем свидетельствует наличие генетически различных типов I и II керамики. Оформление древпеселькупского этноса в основном, видимо, завершается в начале II тысячелетия н. э., с чем, очевидно, связано возобладание в керамике типа I при сохранении ведущих черт релкинского погребального ритуала.

Томское и Новосибирское Приобье являлись территорией обитания другой, родственной древним селькупам самодийской этнической группы, которая в дальнейшем, в X—XVI вв., оказавшись в тесном контакте с продвигнувшимися сюда с юга тюрками, была тюркизирована (Могильников В. А., 1964б, с. 14; 1969б, с. 180).

Антропологический материал также указывает на общность физического типа населения релкинской культуры и селькупов. Черепа из могильников релкинской культуры принадлежат к уральскому расовому типу и наиболее близки селькупским, выделяющемуся у них наиболее древнему типу А. Всего у селькупов выделяются три антропологических типа, отражающих сложность их этногенеза (Розов Н. С., Дремов В. А., 1966, с. 131).

Проживание предков селькупов в прошлом в Нарымском Приобье подтверждается топонимикой. В западной и северной частях релкинского ареала селькупские топонимы перекрыты хантыйскими (Калинина Л. И., 1959, с. 122, 123; 1961, с. 214), распространившимися здесь, вероятно, с IX—X вв. в связи с продвижением на восток хантов из Прииртышья (Могильников В. А., 1964б, с. 12).

В основе формирования релкинской культуры лежит кулайская культура Среднего Приобья эпохи раннего железа. Этому мнению придерживаются все исследователи культур I тысячелетия н. э. (Чиндина Л. А., 1973а, с. 171). Черты преемственности между релкинской и кулайской культурами прослеживаются в домостроительстве, керамике, зверином стиле. Для той и другой культуры характерны подквадратные полуземляночные жилища с центральным расположением очага. В релкинской керамике частично сохраняются слабопрофилированные сосуды, свойственные кулайской культуре. Типичный для саровского этапа кулайской культуры узор в виде «уточки» частично присутствует в релкинской керамике (табл. ХСIV, 5), а также на некоторых изделиях из металла — перстнях и др. (табл. ХСVII,

Карта 43. Памятники Томско-Нарымского Приобья X—XIII вв.

а — городище; б — поселение; в — курганный могильник; г — грунтовый могильник; 1 — Еловка I; 2 — Кисловка I; 3 — Басандайское I; 4 — Басандайские; 5 — Змеинский; 6 — Кустовский; 7 — Тискинское; 8 — Тискинский; 9 — Саровское; 10 — Тяголовский; 11 — Иванкинское; 12 — Юторское; 13 — Малгет 9; 14 — Малгет 10; 15 — Остятский Бор; 16 — Инкино; 17 — Плехановское 2; 18 — Усть-Озерное; 19 — Верхнекетское; 20 — Юнгинское 1; 21 — Юнгинское 2; 22 — Тымское; 23 — Бедеревский; 24 — Пекулякское; 25 — Богатырские Бутры

22). Стилистически кулайские зоо- и антропоморфные изображения постепенно трансформируются в формы близкие релкинским. Промежуточные формы между кулайскими и релкинскими фигурами представлены в позднекулайском Парабельском культовом месте.

На окончательное оформление релкинской культуры оказали влияние контакты с соседними районами. Наиболее активное воздействие население Среднего Приобья испытывало с южной стороны, связанное с продвижением к северу населения из Верхнего Приобья, обусловленное отчасти перемещениями племен в период политической активности Первого Тюркского каганата. Определенные воздействия фиксируются с северо-запада, из районов лесного Прииртышья и Нижнего Приобья, только так можно объяснить появление керамики с орнаментом из ромбических штампов в Нарымском Приобье (табл. XCIV, 4, 7).

В конце IX—X вв. релкинская культура прекратила существование под давлением тюрков. Часть самодийского местного населения отступила к северу, часть была истреблена или ассимилирована тюрками. В конце I—начале II тысячелетия н. э. население здесь стало редким, происходит некоторое запустение. Немногочисленные памятники XI—XIII вв. (Еловский I, Басандайский могильники) содержат погребения с конем или с чучелом коня и характеризуют процесс смешения местного самодийского и пришлого тюркского компонентов (Басандайка, 1947, табл. 29—31; Степи Евразии, 1981, с. 191, рис. 71). В Нарымском Приобье на основе релкинской формируется культура конца I — начала II тысячелетия н. э., генетически связанная с нарымскими селькупам.

Томско-Нарымское Приобье в X—XIII вв.

Памятники этого времени в Томско-Нарымском Приобье исследованы слабо. Они представлены небольшим числом городищ и неукрепленных поселе-

ний, курганными могильниками и отдельными грунтовыми захоронениями (карта 43).

В 1938 г. П. И. Кутафьев раскопал четыре кургана Кустовского могильника X—XII вв., материалы которых были опубликованы А. П. Дульзоном (Дульзон А. П., 1956, с. 201—203). Более широкие исследования были предприняты в 60—70-х годах. В 1965 г. М. Ф. Косаревым и В. А. Могильниковым был рекогносцировочно обследован комплекс городищ в верховьях р. Кеть у устья р. Шайтанка и на Плехановской курье. В 1970 г. Л. А. Чиндина на Плехановском 2-м городище раскопала два жилища и сделала разрез вала (Чиндина Л. А., 1974в, с. 140—146). Она же выявила комплексы X—XIII вв. на поселении Малгет (Чиндина Л. А., 1981, с. 222) и Саровском городище (Чиндина Л. А., 1978, рис. 13), а также провела рекогносцировочные раскопки Юторского городища, где было вскрыто два жилища (Чиндина Л. А., 1973б, с. 249, 250), и Тискинского селища, культурный слой которого перекрыт могильником XII—XIV вв. (Боброва А. И., 1982, с. 44). В Томском Приобье Л. М. Плетнева произвела раскопки поселений Кисловка I, городища Басандайка, где вскрыты остатки жилищ и сделан разрез вала (Плетнева Л. М., 1971, с. 211, 212; 1977, с. 269). В ходе этих исследований добыт небольшой разрозненный материал, пока не получивший обобщающей научной интерпретации.

Поселения расположены на мысах и возвышениях террас.

Городища с напольной стороны защищены рвом и валом. При расширении территории поселения (например Плехановского 2-го городища) к уже существующему валу пристраивался иногда дополнительный (табл. CII, 1). При сооружении валов использовали деревянные крепежные конструкции. На Басандайском городище на уровне дневной поверхности сначала были положены крупные камни, на них настланы бревна, затем насыпана земля. Через некоторое время вал был подсыпан вторично (Плетнева Л. М., 1971, с. 211). На Плехановском 2-м городище было два яруса деревянных креплений. В основание вала были положены клетью плахи шириной 15—20 см, закрепленные кольями диаметром 10—15 см (табл. CII, 4). Выше, внутри насыпи вала, лежали обгорелые бревна. На уровне нижнего крепления находился череп медведя, возможно, помещенный сюда с культовой целью (Чиндина Л. А., 1974, с. 144). Для сообщения во рву и валу устраивали проход, который, вероятно, закрывался воротами.

Размеры укрепленных площадок невелики. В Нарымском Приобье они колеблются обычно в пределах 600—1000 кв. м. Культурный слой поселений довольно тонок — до 0,3—0,4 м, толще он лишь в заполнении жилищных впадин, которые на площадках городищ располагаются чаще вдоль вала. Количество западин на разных памятниках неодинаково и достигает 14 (Плехановское городище).

Жилища — подквадратные полуземлянки каркасной конструкции площадью 5—25 кв. м со следами опорных столбов по углам. В центре, на уровне пола или в углублении, располагался открытый очаг. Выход коридорообразный, короткий, иногда приподнят над уровнем пола (табл. CII, 2). Конструктивно эти

жилища подобны каркасным постройкам релкинской культуры и унаследовали их особенности.

Инвентарь из жилищ представлен керамикой и единичными находками орудий труда и предметов вооружения.

Некоторое представление о погребальном обряде дает Кустовский могильник, насчитывавший не менее 15 курганов диаметром 6–8 м, высотой 1,20–1,75 м. В четырех курганах П. И. Кутафьевым вскрыто пять погребений, в том числе одно по обряду трупосожжения, три трупоположения и один кенотаф — вместо скелета человека лежала чурка в сопровождении инвентаря. Курган 7 содержал погребение с трупоположением и над ним второе (сожжение), остальные имели по одному трупоположению. Наличие под курганом 7 двух погребений, возможно, является пережитком традиций релкинской культуры.

Умерших погребали на берестяной подстилке, на спине, вытянуто, головой на юг и юг-юго-запад. Руки сложены на лобке. Погребальный инвентарь представлен глиняными сосудами, железными ножами, железными и костяными наконечниками стрел, топором, теслом-корлекопалкой, огнивом, пряжкой, кожаной сумкой, украшенной бронзовыми лапчатыми подвесками, бусами. В сумке были кости зайца, мясо которого, видимо, положено в качестве заупокойной пищи. Глиняные сосуды по одному стояли в ногах погребенных, что аналогично расположению сосудов в могилах селькупов (Пелих Г. И., 1972, с. 76). Ножи в погребениях Кустовского могильника лежали у левого бедра, наконечники стрел — у правого колена остриями к ногам. В погребении находилось от 4 до 19 наконечников стрел. Вероятно, стрелы были помещены в колчане оперением вверх.

Поза погребенных, наличие берестяной подстилки, состав и расположение вещевого инвентаря в основном сохраняют особенности, присущие памятникам релкинской культуры.

Керамика исследуемого региона X–XIII вв. вылеплена из хорошо промешанной глины с примесью песка, круглодонная. Преобладают сосуды шаровидной формы с короткой отогнутой шейкой (табл. СII, 30, 33, 34, 36), орнаментированные отпечатками зубчатого штампа, образующими узоры в виде горизонтальных рядов, реже зигзага (табл. СII, 21, 33). Горизонтальные ряды отпечатков зубчатого штампа чередуются также с ямочными, угловыми вдавлениями и иногда с выходящими из употребления валиками.

Предметы вооружения представлены наконечниками стрел, кинжалом.

Наиболее распространенным предметом вооружения был лук со стрелами с железными и костяными наконечниками. Деталей лука не сохранилось, поэтому трудно судить о его конструкции. Железные наконечники стрел плоские, черешковые, с пером листовидной или вытянутой подтреугольной формы, с шипами. Часть шипастых наконечников стрел имеет упор при переходе к черешку (табл. СII, 10, 13). Типологически эти наконечники стрел продолжают развитие форм, появившихся в Томско-Нарымском Приобье в VII–VIII вв. Аналогичные им представлены в памятниках Нижнего Приобья X–XIII вв. (Чернецов В. Н., 1957, табл. XLIII,

1–10; Arne T. J., 1935, Fig. 70, 73, 99, 118, 128, 138).

Оружие характеризует также железный обоюдоострый кинжал с Плехановского 2-го городища (табл. СII, 28), подобный кинжалу из Тюхтатского кладя IX–X вв. (Евтюхова Л. А., 1948, рис. 121).

Орудия труда представлены топорами-теслами с несомкнутой втулкой для насада, ножами, рыболовными крючками (табл. СII, 22, 23). Топоры-тесла и ножи напоминают находки из памятников релкинской культуры.

Вследствие слабой изученности памятников X–XII вв. невозможно дать обстоятельную характеристику предметов украшения и культа. В качестве украшений использовали, в частности, разноцветные импортные стеклянные бусы, найденные в Кустовском могильнике (Дульзон А. П., 1956, с. 201).

Бронзовые литые зоо- и антропоморфные изображения в это время, по-видимому, выходят из употребления. В небольшом числе, вероятно, бытовали зооморфные, колоколовидные подвески, бронзовые бляшки-пуговицы (табл. СII, 27) и подвески типа утиных лапок (табл. СII, 29), встреченные в единичных экземплярах в Басандайском (Басандайка, 1948, табл. 86; 87) и Тискинском могильниках (Боброва А. И., 1982, рис. 5, 3; 6, 8–13). Эти предметы известны в синхронных памятниках кинтусовского этапа Нижнего и Сургутского Приобья (Чернецов В. Н., 1957, табл. XXIX, 25–34; XXXIII, 4; XLV, 27–31; Arne T. J., 1935, Fig. 10, 25, 58a-b и попали в Томское Приобье, по-видимому, в результате обмена.

Датировка памятников X–XIII вв. устанавливается по предметам вооружения и прежде всего наконечникам стрел, типичным для памятников таежной полосы Западной Сибири этого времени. Кроме того, на Тискинском поселении слой с керамикой с гребенчатым штампом, характерной для X–XIII вв., был перекрыт курганами с погребениями XII–XV вв., что определяет верхнюю хронологическую границу поселения (Боброва А. И., 1982, с. 36, 44, рис. 6).

Данные о характере хозяйства населения ограничены. По-видимому, в Нарымском Приобье традиционно преобладающее значение имели охота и рыболовство. Находки крупных рыболовных крючков на Плехановском 2-м городище (табл. СII, 22, 23) указывают, что для лова крупной рыбы применяли крючковую снасть наряду с различного рода заколами и сетями, в которые попадала преимущественно средняя и мелкая рыба.

В Томском Приобье, по-видимому, хозяйство традиционно было многоотраслевым, сочетавшим занятия скотоводством, рыболовством, охотой и в какой-то мере, вероятно, земледелием. Проникновение тюрок и начало тюркизации населения Притомья в X–XII вв. (Могильников В. А., 1980, с. 245–247) давали дополнительный импульс развитию скотоводства, поскольку эта отрасль хозяйства была ведущей у тюрок, и они продолжали придерживаться ее, свидетельством чего могут служить погребения с конем Еловского могильника XI–XII вв. (Матющенко В. И., Старцева Л. М., 1970, с. 153–174). Характеристика культуры оставившего их населения и ее места среди культур Южной Сибири уже получили

освещение в литературе (Степи Евразии, с. 191, рис. 71).

Этнический состав населения Томско-Нарымского Приобья в X—XIII вв. был неоднородным. В Нарымском Приобье продолжалось в основном поступательное развитие этноса релкинской культуры. Памятники X—XIII вв. этого региона демонстрируют черты, связывающие релкинскую культуру с могильниками селькупов XVI—XVII вв. (Дульзон А. П., 1955а, 1955б, 1957). При этом преемственность прослеживается в погребальном обряде и керамике — основных категориях, определяющих этнос. Ставшие преобладающими шаровидные сосуды с гребенчатым орнаментом (табл. СII, 30, 33, 34, 36) являются господствующей керамической формой в селькупских могильниках XVI—XVII вв., что указывает на консолидацию и нивелировку этнических компонентов, прослеживаемых по разным типам керамики в релкинской культуре.

Несколько особняком стоит Плехановское 2-е городище. Керамика с этого городища (табл. СII, 24, 25, 38) отличается от посуды других нарымских памятников, расположенных к западу от него, более широким распространением накольчатой орнаментации (Чиндина Л. А., 1974в, табл. III) и в какой-то мере профилировкой верхней части сосудов.

Учитывая локализацию этого памятника на территории, заселенной в прошлом кетами, Л. А. Чиндина (Чиндина Л. А., 1974в, с. 146) ставит вопрос о возможности увязки его с этногенезом кетов. Такое мнение не лишено основания, особенно при учете локального своеобразия комплекса городища и сложности проблемы этнического расчленения памятников селькупов и кетов в междуречье Оби и Енисея.

На керамике Нарымского Приобья преобладает гребенчатая орнаментация (табл. СII, 20, 21, 26, 30, 32—36), автохтонное развитие которой прослеживается здесь с эпохи бронзы через кулайскую и релкинскую культуры до XVI—XVII вв., где она представлена на сосудах из селькупских могильников (Дульзон А. П., 1955а, рис. 2—10).

Проникновение тюрков в Томское Приобье в X—XIII вв. обусловило начало процесса активной тюркизации местного самодийского населения, еще более усилившегося в XIII—XIV вв. Ход этого явления отражает материал Басандайского могильника, расположенного в окрестностях Томска (Басандайка, 1947), в культуре населения которого сочетаются самодийские и тюркские элементы (Могильников В. А., 1964б, с. 13, 14; 1980, с. 245—247).

В конце I — начале II тысячелетия н. э. угро-самодийское население Западной Сибири находилось на грани становления классовых отношений. Анализ материала могильников Релка, Окунево, Усть-Ишим и других памятников демонстрирует наличие имущественной дифференциации. С одной стороны, представлены погребения с богатым вооружением, палашами и саблями, с предметами конского снаряжения, поясами, украшенными наборными бронзовыми и серебряными бляхами, с импортными украшениями из серебра и с бусами, а с другой — почти безынвентарные могилы. Примечательно, что в могильнике Релка погребения с наиболее дорогим

оружием — палашами, саблей, железными наконечниками стрел — совершены по особому ритуалу кремации, в отличие от захоронений по обряду ингумации большинства членов общества.

На развитие имущественной дифференциации указывает и появление в XI—XIII вв. индивидуальных кладов вещей, в состав которых наряду с предметами местного производства входили импортные серебряные сосуды (Федорова Н. В., 1981б, с. 150; 1982, с. 183—194; 1984, с. 20).

Наличие оружия в богатых могилах свидетельствует, что верхушка общества представляла собой воинов, имевших, очевидно, особые боевые заслуги. Присутствие в захоронениях воинов предметов конского снаряжения (могильники Релка, Окунево, Кип, Усть-Ишим, Малая Бича) свидетельствует, что такие воины были всадниками. Заслуживают внимания в этой связи бронзовые фигурки с изображениями всадников с палашами из Релки и Шустово (табл. ХCVIII, 24, 27).

Выделению особой категории воинов-всадников способствовала неспокойная политическая обстановка в конце I — начале II тысячелетия н. э. Это был период политической активности тюрков, проникновения их на север западно-сибирской лесостепи и в южные районы таежной зоны, время перемещений различных групп угров и самодийцев, продвижения хантов на восток, в район Среднего Приобья, на Вах и Васюган, самодийцев — на север и северо-запад, на Таз и в Нижнее Приобье. С постоянной военной опасностью связано совершенствование систем фортификации на городищах начала II тысячелетия н. э. Примечательно, что поселения усть-ишимской культуры Кипо-Кулары и Верхнее Аксеново погибли от пожаров, возможно, при военном набеge (Конников Б. А., 1984, с. 140).

Наибольшую опасность, видимо, представляла тюркская экспансия с юга, конечным результатом которой к середине II тысячелетия н. э. явились тюркизация угорского и самодийского населения южной части лесного Зауралья, Прииртышья, Новосибирского и Томского Приобья и формирование в этих районах различных групп сибирских татар. Возможно, военная тактика тюрков — конных воинов — оказала влияние на появление всадничества у южных групп обских угров и самодийцев, хотя знакомство с верховым конем здесь уходит в глубокую древность, к эпохам бронзы и раннего железа. В такой обстановке воинская доблесть ставилась особенно высоко и наиболее выдающиеся воины представляли знать.

Анализируя бронзовые фигурки с изображениями воинов из могильника Релка, Л. А. Чиндина (Чиндина Л. А., 1980, с. 105) приходит к выводу о появлении культа воинов.

По-видимому, эпоху конца I — начала II тысячелетия н. э., периода существования релкинской, потчевашской и усть-ишимской культур, следует рассматривать как время формирования угорского героического эпоса, повествующего о подвигах богатырей (Патканов С. К., 1891), а политическую структуру общества расценивать как военную демократию. Видимо, прав М. Ф. Косарев (Косарев М. Ф., 1984, с. 36), усматривающий главную причину возникновения раннеклассовых образований типа воен-

ной демократии в лесной зоне Западной Сибири в необходимости милитаризации общества перед лицом длительно существующей военной опасности.

Картографируя паходки импортных сосудов в Приобье XI–XIII вв., Н. В. Федорова (Федорова Н. В., 1984, с. 20) пришла к заключению, что распределение драгоценной утвари совпадает с центрами остяцких и вогульских княжеств XVI в. На этом основании Н. В. Федорова справедливо отпосит начало процесса образования этих княжеств к X в. В то же время надо признать, что влияние возникавших политических центров распространялось на относительно небольшой район, к ним прилежащий, а большая часть населения продолжала находиться на первобытнообщинном уровне (Косарев М. Ф., 1984, с. 34, 35).

Важным событием для районов Нижнего Приобья XI–XIII вв. было установление контактов с Русью, о чем свидетельствуют упомянутые летописные ис-

точники и находки предметов русского импорта (карта 41) — орудий труда (топоров, ножей, кресал) и украшений (браслетов, перстней, бус, лупниц). Не исключена возможность появления в то время в Нижнем Приобье первых русских поселенцев, о чем может говорить находка русской керамики на городище Мань-Няслап-Тур.

Проникновение русских в Сибирь происходило, очевидно, параллельно с продвижением в Нижнее Приобье коми-зырян, о чем свидетельствует открытие на городище Перегребное I остатков жилища с печами-каменками и керамики, характерной для вымской культуры (Морозов В. М., 1985, с. 231), а также находки подвесок вымских типов на ряде памятников Нижнего Приобья и Прииртышья.

Установившиеся в XI–XIII вв. контакты русских с югрой подготавливали почву для присоединения Сибири к России, совершившемуся после похода Ермака в 1581 г.

Глава пятая

Венгры в Восточной Европе

В конце IX в. в Паннонской низменности, в землях, принадлежавших преимущественно Великоморавской державе, расселяется большая группа новых племен — венгры. Язык венгров принадлежит к угорской группе. Следовательно, по своему происхождению венгерские племена связаны с уграми, заселявшими в эпоху средневековья земли Северного Зауралья, древности которых были описаны в предыдущей главе.

О жизни венгерских племен до вторжения в Среднее Подунавье нет вполне твердых данных. По сообщению Константина Багрянородного, венгры до прихода в Карпатский бассейн жили где-то в северочерноморских степях, сначала в местности, называемой Леведия, а затем переселились в Ателкузу (Константин Багрянородный, 1982, с. 298, 299). В русских летописях под 898 г. записано «Идоша угри мимо Киевъ горою, еже ся зоветь ныне Угорское, и пришедше къ Днепру стаща вежами; беша бо ходяще аки се половци» (ПВЛ, I, 1950, с. 21). Далее летописец сообщает, что угры (венгры) пришли с востока и устремились далее через Угорские горы (Карпаты), заняв землю, которая стала называться Угорской.

Еще раньше, до переселения в Леведию и Ателкузу, венгры жили где-то на востоке, в стране, именуемой в XIII в. Magna Hungaria (Великая Венгрия). В эпоху средневековья среди венгров бытовало представление, что находящаяся далеко на востоке Великая Венгрия является их родиной и там живет население, говорящее на диалектах, близких к венгерским.

Незадолго до монгольского нашествия в Восточную Европу, в 1235—1236 гг., венгерский монах-доминиканец Юлиан предпринял путешествие с целью найти своих соплеменников, оставшихся в Великой Венгрии, и крестить их (Fodor J., 1977, р. 9—20). Юлиан отыскал их, они жили близ р. Итиль (Волга), в двух днях пути от какого-то большого болгарского города, и сохранили предание о переселении отсюда основной массы венгров (Аннинский С. А., 1940, с. 81). Плано Карпини и Рубрук, совершившие путешествие в Восточную Европу соответственно в 1246 и 1253 гг., с Великой Венгрией отождествляли Башкирию (Путешествие Плано Карпини и Рубрука, 1957, с. 48, 57, 72).

Страна Ателкузу локализуется в степных районах Северо-Западного Причерноморья. Константин Багрянородный называет реки этой страны — Варух, Куву, Трулл, Брут и Серет, и сообщает, что в его время здесь живут пачинакиты (печенеги). Варух обычно отождествляют с Днестром, Куву — с Бугом, Трулл — с Днестром, Брут — с Прутом и Серет — с Серетом (Вестберг Ф., 1908, с. 52). Поэтому страна

Ателкузу помещается исследователями между нижним Днестром и Серетом.

Исследователи полагают, что в Леведии венгры появились в 20—30-х годах IX в. Из сочинения Константина Багрянородного видно, что эта страна названа по имени одного из вождей венгров или воеводы Леведия и что основной рекой ее является Хидмас, именуемый также Хингилус. Венгры здесь жили вместе с хазарами, участвуя в качестве их союзников во всех войнах (Константин Багрянородный, 1957, с. 298).

Многие исследователи помещают Леведию в причерноморских степях между Доном и Днестром (Данилевский Н. Я., Грот К. Я., 1883, с. 241; Перени Й., 1956, с. 88; Zakkarov A., Arendt W., 1934, S. 94—100). Высказано мнение, что Леведия находилась севернее, в лесостепной полосе между Киевским Поднепровьем и Воронежем на Дону (Мольнар Э., 1955, с. 116—118). Некоторые ученые ищут Леведию в лесостепной зоне бассейна Дона, севернее основной территории салтовской культуры (Москаленко А. Н., 1972, с. 192—194). Маловероятное предположение о локализации этой страны не к западу от Волги, а в Приуралье принадлежит П. Д. Степанову (Степанов П. Д., 1964б, с. 146).

М. И. Артамонов отождествлял Леведию с Ателкузу. Он полагал, что Константин Багрянородный не сумел «разобраться в информации, идущей из разных источников», — местом действия была одна и та же область, названная в одном случае Леведией, в другом — Ателкузу. По мнению этого исследователя, венгры, прорвавшись в причерноморские степи, под давлением хазар вынуждены были отойти в западные окраинные области хазарских владений, в междуречье Днестра и Дуная, в Ателкузу — Леведию (Артамонов М. И., 1962, с. 340—342). М. И. Артамонов присоединился к тем исследователям, которые отождествляют леведийскую реку Хингилус с правым притоком Нижнего Днестра — Ингулом (Браун Ф., 1879, с. 106; Ильинский Г. И., 1930).

И. Эрдели, который посвятил венграм Леведии кандидатскую диссертацию, считает, что это была часть страны Ателкузу, располагавшаяся на ее западной окраине, между Днестром и Доном (Эрдели И., 1959).

Археологические памятники венгров времени их пребывания в Леведии и Ателкузу пока не выявлены. По-видимому, с венгерскими древностями связаны находки в бассейне р. Ингул близ Кировограда, попавшие в коллекцию Б. И. и В. Н. Ханенко. Это около 100 бляшек от нескольких поясных наборов с орнаментом из трилистников и ягелок, литые пуговицы и другие вещи (Ханенко Б. И. и В. Н., 1902, табл. XIX). Все они весьма близки изделиям, най-

денным в Больше-Тиганском могильнике, который характеризуется ниже как древневенгерский.

На одном из путей миграции венгров из Леведии — Ателкузу в Паннонию обнаружены их захоронения в с. Крылос в Прикарпатье (Pasternak J., 1937, S. 297—303).

Венгерские ученые утверждают, что расселению древних венгров в Ателкузу — Леведии предшествовал период, связанный с их жизнью в бассейне Дона и Меотиде (Эрдели И., 1984, с. 20—25). В древнейшей венгерской хронике называется страна Дентукер, за которой находится р. Дон, и сообщается, что здесь некогда обитали предки венгров (Anonimus, р. 5, 6; Эрдели И., 1967, с. 173). Шимон де Кеза упоминает «меотийские болота», где также некогда проживали древние венгры.

Как уже отмечалось, венгры были в течение ряда лет союзниками хазар. Об этом сообщает не только Константин Багрянородный, но и Шимон де Кеза. В период проживания венгров на Дону, на территории Хазарского каганата, ими было заимствовано большое число тюркских слов, в том числе связанных со строительным делом, торговлей и земледелием (Gombocz Z., 1912). По-видимому, к тому же времени относится проникновение в венгерский язык аланских лексем. Имеются основания предполагать, что последние были заимствованы венграми от допских алан (Munkácsi B., 1904, S. 304—329). Как полагает В. И. Абаев, в то же время аланами были заимствованы венгерские слова.

Венгерские племена во время обитания в бассейне Дона, очевидно, впервые вступили в контакты со славянами. Венгерские вещи были найдены при раскопках поселений донских славян. В землянке 5 Большого Боршевского городища обнаружена большая выпуклая бронзовая бляшка округло-шестиугольной формы с рельефными украшениями в виде розетки с отходящими от нее тремя сердцевидными лепестками и выпуклой каймой по краю (Ефименко П. П., Третьяков П. Н., 1948, с. 55, рис. 22). Две круглые позолоченные бронзовые бляхи со стилизованным изображением древа жизни происходят с Архангельского городища, расположенного в Верхнем Подонье (Москаленко А. Н., 1956, с. 93, рис. 37). Эти находки имеют аналогии в венгерских материалах Паннонии и, очевидно, попали к славянам в результате контактов с венграми, обитавшими на Дону. Результатом последних являются некоторые восточнославянские заимствования в венгерском языке, в частности от славян венгры восприняли некоторые термины рыболовства (Рот А. М., 1973, с. 209—231).

Отношения венгров и славян были то мирными, то враждебными. О нападении венгров на славян сообщают арабские авторы ал-Марвази Гардизи и Ибн Русте. А. Н. Москаленко допускает, что первые укрепления на городище Титчиха — одном из самых южных славянских поселений Среднего Дона — были воздвигнуты в связи с венгерской опасностью (Москаленко А. Н., 1972, с. 195, 196).

В настоящее время археология располагает лишь отдельными разрозненными фактами о пребывании венгров в этом регионе.

Венгерские погребальные памятники IX в. не имеют каких-либо наружных признаков, что затрудняет

их поиски. Пока выявлено одно погребение воина, предположительно древневенгерское. Оно открыто еще в конце прошлого столетия в карьере при строительных работах близ с. Воробьево в Воронежской обл. (ОАК, 1897, с. 54, 55; Fettich N., 1937, Taf. XVIII, 1—14). Вместе с останками умершего были найдены кости коня, и этот факт сближает захоронение с древневенгерскими. При погребенном найдены сабля, относящаяся к кругу аланских, два железных наконечника копья, железные наконечники стрел, удила, часть стремени, железное кольцо, серебряные бляшки от поясного набора, перстень (табл. СIII, 1—4, 6—8, 11).

И. Эрдели обратил внимание на коллекцию вещей, собранную близ с. Буйловка в Павловском р-не Воронежской обл. еще в 1900 г., которую предположительно можно относить к древним венграм. В состав коллекции входят шесть орнаментированных роговых пластин. Из них четыре пластины щитообразной формы имеют аналогии на территории Венгрии. Одна круглая пластина из Буйловки имеет многочисленные параллели среди круглых пластин из серебра, характерных для погребений венгров IX—X вв. Паннонии (Эрдели И., 1984, с. 22, 23).

А. Н. Москаленко обратила внимание на наличие в составе керамического материала кочевнического населения VII—IX вв. Приазовья и Нижнего Дона, котлов с внутренними ушками (Москаленко А. Н., 1972, с. 193, 194). Сосуды с внутренними ушками являются характерной чертой культуры древних венгров. На территории Венгрии такая керамика бытовала значительное время. Не исключено, что среди памятников Северного Приазовья, описанных С. А. Плетневой, есть и поселения венгров.

Наряду с венграми, которые кочевали в северо-причерноморских степях, какая-то часть этого этноса расселилась в Предкавказье (Эрдели И., 1970, с. 50). Археологических следов пребывания венгров здесь пока не найдено. Они были ассимилированы печенегами или хазарами. Расселение венгров запечатлелось в названии города Маджар (ал-Маджар), расположенном на р. Кума, который упоминается арабскими авторами XIV в. (Левицкий Т., 1978, с. 59, 60).

Археологические поиски Великой Венгрии, где побывал доминиканец Юлиан, исследователи ведут сравнительно недавно. Как уже говорилось, Юлиан отыскал эту страну близ р. Итиль. Однако у тюркских племен этот гидроним применялся и к Волге, и к ее притокам — Каме и Белой, а иногда также к Дону и Днепру, поэтому свидетельства средневековых путешественников не помогают локализации Великой Венгрии.

В литературе существует мнение, что древней родиной венгров было Южное Приуралье, которое и носило название Великой Венгрии. Отсюда примерно в VI—VII вв. и началось движение венгерских племен на запад. А. В. Шмидт первым попытался связать с древними венграми определенные памятники Приуралья. Подчеркивая то, что многие поселения и могильники бахмутинской культуры прекращают функционировать в седьмом столетии, исследователь высказал предположение о принадлежности этих древностей предкам венгров (Шмидт А. В., 1929, с. 26). Ряд археологов согла-

сились с этим, в том числе Н. А. Мажитов, рассматривающий Бахмутинский могильник как эталон для культуры приуральских венгров (Мажитов Н. А., 1968, с. 76).

Древности бахмутинской культуры получили характеристику в одном из томов «Археологии СССР» (Степи Евразии, 1981, с. 25–27). Культура в настоящее время датируется от IV–V до VIII–IX вв. Сформировалась она на основе культуры местных пьяноборских племен, поэтому финно-угорская атрибуция ее представляется бесспорной. Вместе с тем керамические материалы бахмутинской культуры дают основание для предположения об участии пришлого южносибирского населения в ее генезисе. Каких-либо археологических свидетельств в пользу принадлежности бахмутинской культуры венграм не обнаруживается.

М. И. Артамонов обратил внимание на Стерлитамакский могильник VIII–IX вв. в Башкирии, имеющий, по его мнению, значение для понимания среды, из которой вышли венгры. В могильнике обнаружены захоронения воинов с предметами вооружения и конским снаряжением (сабли, боевые топоры, наконечники стрел, стремяна и др.), принадлежащими к типам, характерным для кочевых и полукочевых племен. Круглодонные сосуды из могильника позволили М. И. Артамонову утверждать, что памятник следует отнести к финно-угорским племенам, к которым принадлежали и венгры (Артамонов М. И., 1962, с. 339).

В 1974 г. около с. Большие Тиганы в Алексеевском р-не Татарской АССР был открыт древний могильник (Халикова Е. А., 1976а, с. 158–178), представляющий несомненный интерес для рассматриваемой здесь темы. Он находился на возвышении на берегу речки Шанталы, левого притока нижней Камы. В результате раскопок установлено, что могилы располагались неровными рядами вокруг ядра, состоящего из богатых мужских захоронений. Могильные ямы имели чаще отвесные стенки, а в некоторых случаях уступы-ступеньки с правой или с левой стороны от погребенного. Все умершие уложены в могилы вытянуто на спине, головой на запад, реже на запад–северо-запад или запад–юго-запад. Рядом с погребенным находились украшения, многочисленные орудия труда, детали конской сбруи, а в мужских захоронениях и предметы вооружения. Половина погребений (семь мужских и четыре женских) сопровождалась частичными захоронениями коней. В одних случаях обнаружены черепа лошадей, в других — черепа и кости ног. Кроме того, найдены хвостовые позвонки. По-видимому, совершалось захоронение шкуры коня вместе с головой, ногами и хвостом.

Особенностью погребального ритуала этого могильника является применение погребальных лицевых покрытий — наглазников, представляющих собой округлые или прямоугольные пластины из листового серебра с небольшими отверстиями по краям для пришивания.

Орудия труда и быта в могилах представлены ножами, шильями, иглами и кресалами, конское снаряжение — удилами, стремянами, уздечками, оружие — наконечниками стрел, частями луков и саблями. В составе украшений имеются детали

головных уборов, височные подвески, серьги, бусы, металлические подвески в составе ожерелий, пуговицы, наконечники, браслеты, поясные наборы с бляшками (табл. СIII, 9, 12–14). Датируется этот памятник концом VIII — первой половиной IX в.

В целом, как показала Е. А. Халикова, погребальный ритуал Больше-Тиганского могильника имеет много общего (захоронение частей коня вместе с умершим, покрытие лиц тканью с нашитыми на месте глаз пластинами-наглазниками, оружейные наборы, некоторые формы орнаментации поясных блях) с ранневенгерскими кладбищами Среднего Подунавья (Халикова Е. А., 1976б, с. 143–149).

Погребальный обряд, особенности женского костюма, стиль прикладного искусства со всей определенностью свидетельствует, что могильник Большие Тиганы принадлежит одной из групп ранних венгров, живших на левобережье Нижней Камы.

Параллели в погребальной обрядности и вещах с древневенгерскими захоронениями Паннонии обнаруживаются также в Танкеевском (табл. СIII, 5, 10) и Тетюшском могильниках, расположенных в Татарской АССР (Халикова Е. А., 1972, с. 145–160; Казаков Е. П., 1972, с. 161–167; Khalikova E. A., Kazakov E. P., 1977, p. 21–221). Однако эти могильники нельзя считать ранневенгерскими. Они оставлены смешанным в этническом отношении населением, в составе которого были и венгры.

Керамика Больше-Тиганского могильника — лепные круглодонные сосуды, украшенные тонким изящным узором, выполненным резными линиями или гребенчатым штампом, сопоставляется Е. А. Халиковой с керамикой кушнаренковской культуры.

На основе этой керамики и погребальной обрядности, имеющей ряд параллелей Больше-Тиганскому могильнику, Е. А. Халикова выделила группу памятников VIII–IX вв., которую можно считать ранневенгерской (Халикова Е. А., 1976б, с. 149–152). Область распространения ее — левобережье Волги и Нижней Камы, преимущественно бассейн р. Белой. По всей вероятности, на этой территории и находились во второй половине VIII — первой половине IX в. кочевья венгров и эта земля является легендарной Magna Hungaria, известной по свидетельствам Юлиана и других путешественников XIII в. (Халикова Е. А., 1975, с. 40; 1976б, с. 152).

Кушнаренковская керамика, которая, судя по данным могильника Большие Тиганы, является одним из важнейших элементов ранневенгерского археологического комплекса, дает основание искать более древние памятники венгров среди древностей кушнаренковской культуры.

Эта культура получила свое название от поселения, раскапывавшегося В. Ф. Генингом в середине 50-х годов у с. Кушнаренково на р. Белой. В начале 70-х годов этот исследователь предложил керамику, характерную для памятников у с. Кушнаренково, подразделить на два типа — куштерьякский и кара-якуповский (Генинг В. Ф., 1972, с. 266–270). Для кушнаренковского (куштерьякского) типа характерны сосуды с высокой цилиндрической горловиной и шаровидным, грушевидным или яйцевидным туловом. Изредка встречаются и уплощенные днища. Орнамент, нанесенный по шейке, плечикам, а изредка и по днищу, характеризуется насыщен-

ностью элементов из прочерченных линий, зигзагов, треугольников, решеток, а также из поясков, vyplненных гребенкой, фигурным штампом и нарезками. Именно эта керамика и называется кушнареноквской.

Жили кушнареноквские племена на открытых поселениях, которые слабо изучены. Само Кушнареноквское селище не является эталоном этой культуры, а скорее всего принадлежит турбаслинской культуре (Степи Евразии..., 1982, с. 23, 24), но содержит и элементы кушнареноквские.

Кушнареноквский погребальный обряд не имеет ярких отличительных признаков. Захоронения совершались в простых могильных ямах. Ямы с заплечиками единичны (Лагерево). Умершие ориентированы головами на север или северо-запад. В изголовье обычно помещены сосуд и кости ног лошади.

При погребенных встречены украшения (серьги, перстни, поясные принадлежности, рожковидные подвески), предметы вооружения и снаряжения коня и всадника (наконечники стрел, накладки луков, меч, удила, стремяна), которые принадлежат к типам, широко распространенным в то время.

Датируются кушнареноквские древности от V до пачала VIII в. Основной территорией их распространения является бассейн р. Белой. Таким образом, представляется весьма вероятным, что памятники кушнареноквского и большетиганского типов оставлены теми племенами, которые составили венгерский племенной союз, двинувшийся немного позднее на запад. Этот союз, надо полагать, находился в VI—VIII вв. в стадии формирования. Складывался же он из местного угорского населения и пришлых

тюркоязычных племен, как переселившихся из западносибирских областей, так и ранних болгар.

Несколько слов о происхождении кушнареноквских племен. Согласно изысканиям В. Ф. Генинга, керамический материал куштерьякского и каракуповского типов как в общих чертах, так и в отдельных деталях обнаруживает близкое сходство с памятниками I тысячелетия н. э. в Прииртышье и Приобье (Генинг В. Ф., 1972, с. 270—272). На этом основании исследователь утверждает, что верховья Обь-Иртышского междуречья были той территорией, откуда вышло население, осевшее в V в. н. э. в Южном Приуралье и оставившее памятники кушнареноквского облика. Правда, В. Ф. Генинг склонен думать, что эти древности, как сибирские, так и южноуральские, принадлежат не угорским племенам, а каким-то группам самодийцев. В предшествующей главе настоящего издания вопрос об этнической атрибуции западносибирских племен рассмотрен заново.

Больше-Тиганский могильник и ему подобные, судя по имеющимся материалам, прекратили функционировать в первой половине IX в. Нужно полагать, что основная масса древневенгерских племен в это время оставляет области Нижнего Прикамья и Южного Приуралья и уходит на запад. Интересно, что предметы из упомянутого погребения около с. Воробьево под Воронежем, которое давно связывается с венграми, во всех деталях аналогичны большетиганским.

Изложенное пока является научной гипотезой, которая по мере накопления новых археологических материалов будет детализироваться, а может быть, и несколько изменяться.

Подписи к иллюстрациям части первой

Таблица I. Погребальные памятники эстов и води.

1, 2 — каменные могильники эстов (1 — Бевери Сандимарди, 2 — Рандвере); 3—6 — эволюция курганного обряда води; а — камни; б — валуны могильной обкладки; в — уголь; г — зола; д — скопления кальцинированных костей; е — вещевые находки; ж — фрагменты глиняной посуды; з — зольно-угольные пятна; и — предполагаемые границы отдельных захоронений

Таблица II. Украшения эстов.

1—3, 5, 7, 8, 15, 16, 20 — булавки; 4, 17, 18 — перстни; 6, 12—14, 19, 21, 22, 24—26, 28 — привески; 9, 10 — бусы; 11 — клык-амулет; 23 — застежка; 27 — деталь ножен меча; 29 — навершие меча; 1, 22 — Тоосте; 2 — Вальяла; 3, 4, 7, 9, 10 — Варбола; 5, 27, 29 — Прооза; 6, 11—13, 15, 16, 19, 27 — Каберла; 8 — Рандвере; 14 — Кымси; 17 — Кививаре; 18 — Лихула; 20 — Лахепера; 21, 26, 29 — Костивере; 23 — Олуствере; 24 — Пайнвере; 1—8, 19—29 — цветной металл (23 — с позолотой); 9, 10 — паста; 11 — кость

Таблица III. Украшения эстов.

1—7, 9, 10, 15 — подковообразные застежки; 8, 16 — перстни; 11 — скорлупообразная фибула; 12, 13 — шейные гривны; 14 — кольцевидная пряжка; 17—24 — браслеты; 1 — Раквере; 2, 5, 8, 13 — Костивере; 3 — Сюржавере; 4 — Кививаре; 6, 16 — Рандвере; 7, 15, 20, 21 — Каберла; 9 — Лахепера; 10 — Лиманду; 11 — Раху; 12 — Таллин; 14 — Вальяла; 17 — Таммику; 18 — Лихула; 19, 22 — Прооза; 23 — Инью; 24 — Куусалу Кийу; 1—24 — цветной металл

Таблица IV. Нагрудное украшение эстов из Саваствере (цветной металл)

Таблица V. Оружие, орудия труда эстов и ливов.

1—5 — наконечники копий; 6—11, 14 — наконечники дротиков и стрел; 12, 21—26 — серпы; 13, 15 — гарпуны; 16, 17, 20, 23 — топоры; 18 — ножницы; 19 — литейная форма; 27 — рыболовный крючок; 28—30 — сошники; 31—35 — ножи; 36 — кресало; 1 — Кримулда; 2 — Путели; 3 — Хальяла Варангу; 4 — Юри Васкяла; 5, 15, 32 — Мади; 6 — Лыхавере; 7 — Лиепенес; 8, 9, 13, 24, 36 — Лахепера; 10 — Ийла; 11 — Лоотвина; 12 — Ивейник; 14 — Раазику; 16 — Талени; 17 — Каратов калнс; 18, 27, 35 — Кививаре; 19 — Олуствере; 20 — Кивилоо Куристесе; 21, 22 — Прооза; 23 — Кобрату; 25 — Энивере; 26 — Кырендузе; 28—30 — Мартинсала; 31 — Тамме; 33, 34 — Рандвере; 1—18, 20—36 — железо; 19 — камень

Таблица VI. Городища прибалтийских финнов.

1 — Лыхавере; 2 — Наану; 3 — Воронино; 4 — Рыуге; 5 — Паасо; а — сгоревшие остатки деревянных жилищ; б — глиняные печи; в — деревянные остатки оборонительной стены; г — печи-каменки; д — колодец; е — границы раскопанной площади

Таблица VII. Древности рыугеского типа.

1 — проколка; 2, 3 — подковообразные застежки; 4—6, 11, 12 — гребни; 7 — острога; 8, 9 — подвески; 10 — браслет; 13 — наконечник стрелы; 14 — булавка; 15, 16, 21 — литейные формы; 17 — пряслице; 18, 19 — бусы; 20 — рукоятка; 22 — пряжка; 23 — рыболовный крючок; 24—29 — сосуды; 1—4, 6—26, 28 — Рыуге; 5, 29 — Кививаре; 27 — Отепя; 1, 4—6, 9, 11, 12, 18, 20 — кость; 2, 8, 10 — бронза; 3, 7, 13, 22, 23 — железо; 14 — серебро; 15—17, 19, 21 — камень; 24—29 — глина

Таблица VIII. Древности ливов. Эволюция.

1—3, 5 — подковообразные застежки; 4, 6, 7, 10, 12 — подвески; 8 — огниво; 9 — комплекс украшений из двух булавок, цепочки и привески; 11 — ножны; 13 — амулет-клык; 14 — реконструкция женского наряда X—XII вв; 15 — бусина; 16 — фибула; 17 — головное украшение; 18 — наконечник копья; 19—21 — булавки; 22 — топор-кельт; 1, 9 — Мартинсала, замок; 2, 5 — Вампениеши I; 3, 8 — Луакскола; 4, 7 — Вампениеши II; 6 — Рауши; 10, 13 — Зуннас; 11 — Лиепенес; 12 — Мартинсала; 15—18, 20 — Попе; 19, 22 — Ошбирзес (Дундага); 21 — Рейнас (Кандава); 1—12, 16, 19—21 — бронза; 13 — кость; 15 — янтарь; 17 — серебро; 18, 22 — железо

ла, замок; 2, 5 — Вампениеши I; 3, 8 — Луакскола; 4, 7 — Вампениеши II; 6 — Рауши; 10, 13 — Зуннас; 11 — Лиепенес; 12 — Мартинсала; 15—18, 20 — Попе; 19, 22 — Ошбирзес (Дундага); 21 — Рейнас (Кандава); 1—12, 16, 19—21 — бронза; 13 — кость; 15 — янтарь; 17 — серебро; 18, 22 — железо

Таблица IX. Украшения ливов.

1, 7, 8, 11, 14, 15, 20—25 — привески; 2 — цепедержатель; 3, 18, 19 — бляшки; 4, 5 — подковообразные застежки; 6 — украшение из двух булавок и цепочки; 9 — фибула арбалетовидная; 10, 20, 27, 28 — наконечники ножен мечей; 12 — шейная гривна; 13 — скорлупообразная фибула; 16 — цепочка; 17 — булавка; 26 — перстень; 29—31 — пряжки; 32, 33, 36 — браслеты; 34 — ременный наконечник; 35 — поясное кольцо; 1, 5, 7, 15, 22, 32, 33 — Приедес; 2, 13, 14, — Лаукскола; 3, 4, 8, 18, 19, 34, 35 — Кабелес; 6, 12 — Скривери; 9 — Саулиеши; 10, 20, 23, 30 — Кримулда; 11, 25, 27, 31 — Путели; 16, 21, 24, 26, 36 — Сакнитес; 17 — Скетвери; 28 — Лиепенес; 29 — Талени; 1—23, 25, 27—36 — бронза; 24, 26 — серебро

Таблица X. Украшения води.

1, 3, 6 — многобусинные височные кольца; 2, 9, 10, 12 — привески с цепочками; 4 — височное кольцо с бусами и раковинами каури; 5 — булавка; 7, 8, 11, 13—21 — привески; 22, 26, 27 — ножны для ножей; 23—25, 28—31 — браслеты; 1 — Смедово; 2, 15 — Беседа; 3 — Зажупанье; 4 — Пумолицы; 5, 26 — Мануйлово; 6 — Волгово; 7 — Котино; 8 — Пезовицы; 9 — Павлов Погост; 10 — Ново-Сиверская; 11 — Богунич; 12 — Криуши; 13 — Таровицы; 14 — Воща; 16 — Ущевцы; 17, 23 — Савиновщина; 18 — Старо-Сиверская; 19, 28 — Ольгин Крест; 20 — Верхоляны; 21 — Терпилицы; 22 — Рабетицы; 24 — Ижорское плато, место неизвестно; 25 — Арбонье; 27 — Волковицы; 29 — Калитино; 30, 31 — Большие поля; 1 — цветной металл; 2, 3, 5—31 — бронза; 4 — бронза и раковины каури

Таблица XI. Предметы вооружения и конского снаряжения из памятников корелы.

1—11, 13, 17, 20—22 — наконечники копий; 12, 15 — ботала; 16 — наконечник дротика; 14, 18, 19 — удила; 1, 13, 22 — Кокуннеми Лайемяки; 2, 5, 12, 14 — Куркиёки Какмистомьяки; 3, 16, 21 — Лапинлахти; 4, 18 — Рийсяля Ховинсаари; 6 — Рийсяля; 7 — Наскалинмяки; 8 — Кякисалми Суотниеме; 9 — Лапинлахти Хеннонмяки; 10, 11, 15 — Кекомьяки; 17 — Лапинлахти Наскалинмяки; 19 — Хеннонмяки; 20 — Патья; 1—11, 13, 14, 16—22 — железо; 12 — бронза; 15 — билон

Таблица XII. Бытовые изделия из памятников корелы.

1, 12 — ножны; 2, 4—6, 9, 12 — ножи; 3, 8, 11, 17 — рукоятки ножей; 7, 10 — кресало; 13 — тесло; 14, 18 — топоры; 15 — предмет неизвестного назначения; 16 — ножницы; 19 — серп; 1, 15 — Лапинлахти Патья; 2, 13 — Ховинсаари; 3, 18 — Куркиёки Куппала; 4, 7 — Суотниеме; 5 — Патья; 6, 12 — Лапинлахти; 8 — Ханнукайнен; 9 — Лапинлахти Леппясенмяки; 10 — Рийсяля; 11 — Ивасканмяки; 14 — Хелюля; 16 — Куркиёки Терву; 17 — Лапинлахти Виролайнен; 19 — Хеннонмяки; 1, 9 — бронза, железо; 2, 4, 6, 7, 10, 13, 14, 16, 18, 19 — железо; 3, 5, 8, 11, 12, 15, 17 — бронза

Таблица XIII. Украшения корелы.

1, 6, 13, 18, 20, 22, 29, 30, 33 — скорлупообразные овальные и круглые фибулы; 2, 4, 5 — копоушки; 3, 7 — равноплечные фибулы; 8—12, 15—17, 19 — бусы; 14 — кольцо-разделитель ремня; 21 — шейная гривна; 23, 25—27 — спиральки; 24, 28, 32 — пряжки; 31 — сюкерё; 1 — Куркиёки Терву; 2, 4 — Рийсяля Ховинсаари; 3 — Сортавала Хелюля; 5, 23, 31 — Патья; 6, 18 — Каукола; 7, 24, 28 — Лапинлахти; 8 — Лапинлахти Виролайнен; 9, 15—17 — Тиверск; 10, 11, 20, 21 — Куркиёки Лоотти; 12 — Лапинлахти Патья; 13 — Кавосалми; 14, 32, 33 — Хеннонмяки; 19 — Куппала; 22 — Лапинлахти Ку-

парисенмяки; 29 — Яккима Миклиниля; 30 — Останлахти; 1—8, 12—14, 18, 21—23, 25—27, 29, 30, 32, 33 — бронза; 9, 16, 17, 19, 20 — паста; 10, 11 — камень; 15 — стекло; 24, 28 — железо; 31 — серебро

Таблица XIV. Украшения из могильников корелы.

1—4, 6—14, 16 — подковообразные застёжки; 5, 15, 17 — браслеты; 18 — перстень; 1 — Кекомьяки; 2, 13 — Лапинлахти; 3 — Рийсяля; 4 — Раутъярви Уймола Хирнула; 5 — Нукупалахти; 6, 11 — Лапинлахти Виролайнен; 7 — Сортавала Хелюля; 8 — Лапинлахти Наскалинмяки; 9 — Лапинлахти Лепписенмяки; 10, 14 — Рийсяля Ховинсаари; 12 — Лепписенмяки; 15 — Тиури Кийсахлахти; 16 — Сортавала Пантуе; 17 — Пюхярви; 18 — Куркиёки Линнавуори; 1 — серебро; 2 — железо; 3—13, 17, 18 — бронза; 14, 15 — билон

Таблица XV. Украшения корелы.

1—17, 19, 20, 21, 24, 26—29 — разнотипные привески; 18, 22, 23; 25 — бляшки; 1 — Сортавала Хелюля; 2, 8, 12, 16, 24 — Лапинлахти Виролайнен; 3 — Рийсяля; 4 — Каукола Коверила Кулхамьяки; 5 — Конусалми Суотниemi; 6 — Лепписенмяки; 7 — Каукола Кекомьяки; 9, 21, 27 — Кекомьяки; 10, 13, 20 — Рийсяля Ховинсаари; 11 — Лапинлахти Купарисенмяки; 14, 28 — Пятя; 15, 17, 19 — Куркиёки Лопоти; 18, 23 — Випури Эссари; 22 — Куркиёки Калмистомьяки; 25 — Куркиёки Купала; 26, 29 — Сортавала Пантуе; 1—4, 6—8, 10—17, 19—22, 24, 25 — бронза; 5, 9, 26, 27, 29 — серебро; 18, 23 — медь; 28 — билон

Таблица XVI. Поселения и погребения веси.

1 — курганный комплекс на р. Сязниге в юго-восточном Приладожье. Раскопки С. И. Кочкуркиной в 1969 г.; 2—5 — планы погребений и реконструкция обряда погребения в кургане с очагом на р. Сязниге. Раскопки В. А. Назаренко в 1970—1971 гг.; 6 — женское погребение начала XI в. из грунтового могильника у д. Погостище Вологодской обл. Раскопки Н. А. Макарова в 1978 г.; 7 — костюм женщины с р. Ояти, XI в. Реконструкция Л. А. Голубевой по материалам раскопок А. М. Линевского; 8 — план поселения Крутик при д. Городище в Вологодской обл. По раскопкам Л. А. Голубевой в 1974—1978, 1980—1981 гг.; 9 — план поселения у д. Васютино Вологодской обл. По материалам обследования Н. А. Макарова в 1983 г.

Таблица XVII. Женские украшения веси.

1, 2, 5, 10, 11, 19, 24—27 — игольники; 3, 6—8, 13, 14, 21 — копоушки; 4, 12, 29—33 — шумящие украшения; 9, 23 — цеперазделители; 15, 17 — подвески-ключи; 16 — цепочка; 18 — подвеска с антропоморфным навершием; 20 — подвеска-ложечка; 22 — пронизка; 28 — флаконовидная пронизка; 1, 7 — Ильино; 2 — Кургино; 3, 4 — Шахново; 5 — Тихвинский уезд; 6 — Никольщина; 8 — Озерный; 9 — Погостище; 10, 14 — Гайгово; 11, 12, 15, 16, 19, 21, 24, 25 — Шангиничи; 13 — Алехновщина; 17, 22, 26, 28—33 — Мергино; 18 — Пирозеро; 20 — Заозерье; 23 — Щуковщина; 27 — Подъелье; 1—27, 29, 30 — цветной металл; 28 — бронза и стекловидная паста

Таблица XVIII. Женские украшения и характерные вещи мужских погребений из памятников веси.

1 — ножны; 2, 6 — пластинчатые браслеты; 3 — копоушка; 4 — бубенчик; 5, 7, 9 — височные кольца; 8 — игольник; 10 — перстень; 11, 13, 14 — нагрудные пряжки; 12, 19 — огнива пластинчатые; 15, 20 — огнива с бронзовыми рукоятками; 16 — поясное украшение; 17 — наконечник стрелы типа срезень; 18 — железная игла с кольцом; 21 — горшок, окованный железным обручем; 22 — подковообразная застёжка; 1 — Алехновщина; 2, 9 — Белоозеро; 3—5, 7, 8, 10, 11 — Нижний Конец; 6 — Леоново; 12 — Новосельск; 13, 14, 16, 22 — Гайгово; 15 — Вахрушево; 17, 21 — Сязнига; 18 — Подъяндебенское; 19 — Мергино; 20 — Валданица; 1 — бронза и кожа; 2—4, 6, 9—11, 13, 14, 16, 22 — бронза; 5 — серебро; 8, 17 — железо; 12, 18, 19 — сталь; 15, 20 — бронза и сталь; 21 — глина и железо

Таблица XIX. Орудия металлургов и бытовые вещи из раскопок поселения X в. Крутик у д. Городище.

1 — часть ножниц; 2—4, 10 — шумящие привески; 5, 12 — гребни; 6 — флаконовидная пронизка; 7 — браслет; 8, 9 — гиры; 11 — чашечка весов (изломана); 13 — клещи; 14, 15 — ножи; 16 — пешня; 17—19 — наконечники стрел; 20 — пластинчатое огниво; 21 — льячка; 22 — замок; 23 — тигель; 24 — массивная льячка-тигель; 25 — ложка-лопаточка; 1, 13—

20, 22, 25 — железо и сталь; 2—4, 6, 7, 10, 11 — бронза; 8, 9 — железо и бронза; 5, 12 — рог; 21, 23, 24 — глина

Таблица XX. Зооморфные украшения веси X—XIII вв.

1, 6, 7, 10, 15, 22 — подвески-уточка плоские; 2, 8 — птички-баранчики; 3 — плоская подвеска-конек; 4, 5 — коньковые стилизованные подвески; 9 — полая подвеска-конек; 11, 12, 16, 17, 23, 24 — подвески-уточка полые; 13, 18 — подвески «конь на змее»; 14, 19 — подвески-собачки; 20 — подвеска-всадница; 21 — коньковая подвеска; 25 — подвеска-олень (лось); 26 — подвеска-бобр; 1 — Саньково; 2, 12 — Кургино; 3, 18 — Круглицы; 4 — Стан; 5 — Тихвинский уезд; 6, 10, 17, 23 — Шангиничи; 7 — Новинка; 8 — Погостище; 9 — Гарняки; 11 — Шахново; 13 — Зубарево; 14 — Кобожа; 15 — Ильино; 16 — Рочевщина; 19 — Приладожье; 20 — Сязнега; 21 — Заозерье; 22, 24 — Карлуха; 25 — Яровщина; 26 — Крутик; 1, 13—20, 22 — железо; 2—4, 6, 7, 10, 11 — бронза; 5, 12 — рог; 8, 9 — железо и бронза; 21, 23—25 — глина

Таблица XXI. Лепная керамика веси.

1, 4, 7, 9—12 — Крутик; 2 — Юбиничи; 3 — Гайгово; 5, 8 — Белоозеро; 6 — Вичугино

Таблица XXII. Инвентарь погребений Корбальского могильника.

1 — крестик; 2, 8, 9 — бубенчики и шумящая привеска; 3 — подвеска-собачка; 4 — подвеска-уточка; 5 — перстень; 6 — подвеска-ключ; 7 — подвеска «конь на змее»; 10, 14 — височные кольца; 11, 17, 19, 20, 22 — пряжки; 12 — подвеска антропоморфная (?); 13 — браслет; 15 — подвеска треугольная; 16, 18, 21 — умбовидные бляхи; 23 — часть пояса; 1—4, 6—9, 11—22 — бронза; 5, 10 — серебро; 23 — бронза, кожа

Таблица XXIII. Инвентарь погребений Усть-Пуйского (1—12) и Корбальского (13—19) могильников.

1, 5 — полые коньки; 2 — бубенчик; 3 — подвеска-уточка; 4 — конусовидная привеска; 6, 8 — височные кольца; 7 — бусы; 9, 10 — перстни; 11 — гривва; 12 — пряжка; 13, 14 — огнива; 15—17 — наконечники стрел; 18, 19 — топоры; 1—6, 8—12 — бронза; 7 — стекло; 13—19 — железо

Таблица XXIV. Керамика Корбальского могильника.

1—5 — лепная; 6 — круговая

Таблица XXV. Поселения мери.

1 — план Сарского городища и его окрестностей (по А. Е. Леонтьеву): I — древнейшее городище; II — посад; III — могильник; IV — временная стоянка Сарское II (начало X в.); 2 — план Дурасовского «городища» (по Е. И. Горюновой); 3 — Березняки (реконструкция П. Н. Третьякова); 4 — план расположения построек городища Березняки по П. Н. Третьякову: А — жилища; Б — кузница; В — женский дом; Г — дом для хранения и помола зерна; Д — домик мертвых; 5 — план жилищ Дурасовского «городища» (по Е. И. Горюновой); а — постройки; б — контур реконструированных построек; в — остатки дерева; г — очаги; д — угли; е — хозяйственные ямы; ж — находки

Таблица XXVI. Вещи с Попадьинского селища и городища Березняки.

1 — серп; 2, 38 — огнива пластинчатые; 3 — наконечник копья; 4, 6, 17, 18 — льячки; 5 — подвеска шумящая; 7, 8 — пожи; 9 — острие; 10 — лошкар; 11 — пряжка; 12—15 — наконечники стрел; 16, 19, 20 — грузики дьякова типа; 21, 22 — крючки рыболовные; 23, 25 — горшки; 24 — тигелек; 26 — гривва; 27 — подвеска; 28 — кольцо височное; 29, 33, 35, 37 — пряжки; 30 — бляха; 31 — фибула; 32 — пронизка; 34 — привеска-лапка; 36 — спираль; 39 — кельт; 40 — ложка-лопаточка; 1—4, 6—12, 15, 23—25 — Попадьинское селище; 5, 13, 14, 16—22, 26—40 — Березняки; 1—3, 7—10, 12—15, 21, 22, 29, 33, 35, 38, 40 — железо; 4, 6, 16—20, 23—25 — глина; 5, 11, 26, 28, 30—32, 34, 36 — бронза; 27 — бронза с эмалью

Таблица XXVII. Культовые предметы из памятников мери.

1 — амулет «куриный бог»; 2 — изображение передней лапы бобра; 3, 7, 8 — изображение змеи; 4 — позвонок бобра; 5 — клык; 6 — кольцо; 1 — Попадьинское селище; 2, 6 — Тимеревские курганы; 3 — Васильки; 4, 5, 7, 8 — Сарское городище; 1 — камень; 2, 6 — глина; 3, 7, 8 — железо; 4, 5 — кость, зуб

Таблица XXVIII. Вещи из Сарского и Хотимльского могильников.

1—3 — фибулы; 4 — височное кольцо; 5 — подвеска в виде пирамидального колокольчика; 6 — пряжка; 7, 13, 21, 24 — браслеты; 8, 9 — привески шумящие; 10 — пинцет; 11, 23 — гривны шейные; 12 — бляха нагрудная; 14, 22 — подвески; 15 — пронизка; 16, 20, 25 — бляхи поясные; 17 — подвеска трапецевидная; 18 — топор-кельт; 19 — наконечник копья; 1—15 — Сарский могильник; 16—25 — Хотимльский могильник; 1 — серебро; 2—17, 20—25 — бронза; 18, 19 — железо

Таблица XXIX. Характерные женские украшения мери.

1, 18 — подвески подтреугольные; 2—5 — подвески-птички; 6 — стилизованная треугольная привеска; 7, 17 — височные кольца втульчатые; 8, 12 — подвески-коньки; 9, 13, 15 — перстни с привесками; 10, 16, 19—21, 25 — треугольные подвески; 11, 22 — подвески трехспиральные; 14 — шумящая привеска; 23 — височное кольцо со щитком; 24 — височное кольцо втульчатое; 25 — подвеска арочная; 1, 11 — владимирские курганы; 2, 5, 6 — костромские курганы; 3 — Елохово; 4 — Кривец; 7, 8 — Плешково, курганы 1—2 (раскопки К. И. Комарова 1981 г.); 9, 14 — Юрьев Польский; 10 — Коряково; курган 19 (раскопки А. Е. Леонтьева 1978 г.); 12, 17, 18, 21—25 — Сарские городище и могильник; 13, 15, 16, 19 — Княчур, курганы 22, 23, 34 (раскопки Е. И. Горюновой 1960 г.); 20 — Сунгирь; 1—25 — бронза

Таблица XXX. Находки с мерянских селищ и городищ IX—X вв.

1 — нож; 2, 6, 8, 10, 19 — подвески шумящие; 3, 4, 18 — подвески; 5, 10 — подвески-птички полые; 7 — бляшка-накладка; 9 — огниво пластинчатое; 11 — гребень; 12, 13, 15, 16 — льячки; 14 — фибула; 17 — шейная гривна; 20 — топор-кельт; 21, 23, 24 — наконечники стрел; 22 — тигель; 25 — рыболовный крючок; 26 — тесло; 27 — наковальня; 28 — зубило; 1—5, 7—9, 15—28 — городище Попово (Ухтубужское), раскопки А. Е. Леонтьева и Е. И. Рябининой 1980—1981 гг.; 6 — городище Попово (раскопки Г. А. Архипова 1979 г.); 10, 11 — селище Кустерь (раскопки А. Е. Леонтьева 1982 г.); 12—14 — Дурасовское городище; 1, 9, 20, 21, 23—28 — железо; 2—8, 10, 17—19 — бронза; 11 — рог; 12, 13, 15, 16, 22 — глина; 14 — серебро

Таблица XXXI. Орудия труда, полуфабрикаты и изделия ремесленников Сарского городища.

1 — наконечник копья; 2 — топор-кельт; 3, 5 — копоушки; 4 — гребень; 6, 8, 9 — наконечники стрелы; 7 — тесло; 10, 11 — ножи; 12, 14 — привески; 13 — топор; 15 — литейная форма; 16 — тигель; 17 — долото; 18, 19 — огнива пластинчатые; 20 — льячка; 21, 22 — клещи; 23 — слиток; 1, 2, 6—11, 13, 17—19, 21, 22 — железо; 3—5 — рог; 12, 14, 23 — бронза и медь; 15 — камень; 16, 20 — глина

Таблица XXXII. Лепная керамика мери.

1—3, 7 — Тимерево, курганы 398, 391, 408, 429; 4, 10, 11, 12 — Тимерево, курганы 395, 177, 356, 359; 5 — Михайловский могильник; 6, 8, 9 — Попово

Таблица XXXIII. Украшения, бытовые предметы и оружие муромы VI—VIII вв.

1, 2 — части головного венчика; 3 — фибула; 4 — гривна шейная; 5 — трапецевидная привеска; 6 — пряжка с шумящими привесками; 7, 8 — привески полые; 9, 10 — височные кольца; 11 — застежка с крылатой иглой; 12, 14—16 — пряжки; 13 — ложка-лопаточка; 17, 21 — огнива; 18 — трубочка для груза; 19 — топор-кельт; 20 — наконечник копья; 22 — удила; все — Кочинский могильник; 1, 3, 5, 8, 10, 16 — могила 4 (раскопки 1959 г.); 2, 9, 15, 17, 18, 22 — могила 1 (раскопки 1959 г.); 4, 6 — могила 1 (раскопки 1961 г.); 7, 11, 14 — могила 2 (раскопки 1959 г.); 12 — трупосожжение (раскопки 1962 г.); 13 — вне могил (раскопки 1962 г.); 19—21 — могила 1 (раскопки 1962 г.); 1—9, 11, 12, 16 — бронза; 10 — серебро; 13—15, 17—22 — железо

Таблица XXXIV. Украшения муромы VIII—IX в.

1, 2, 5—8, 13, 15—19 — шумящие привески; 3 — привеска; 4 — височное кольцо; 9, 11 — браслеты; 10 — перстень; 12 — нагрудная бляха; 14 — пряжка-сюльгама; Подболотьевский могильник: 1 — погребение 63; Кочинский могильник: 2, 5, 6, 8 — могила 8 (раскопки 1962 г.); Максимовский могильник: 3, 15, 16, 18, 19 — погребение 30 (раскопки А. А. Спицына); 4 — погребение 11 (раскопки А. А. Спицына); 9, 12 — из рас-

копок А. С. Уварова; 11, 13 — из раскопок А. А. Спицына; Малышевский могильник: 7 — погребение 176; 14 — погребение 167; Муромский (Окский) могильник: 10; 1—9, 11—13, 15—19 — бронза; 10 — бронза и стекло; 14 — серебро

Таблица XXXV. Украшения муромы X — начала XI в.

1, 7 — коньковая подвеска; 2 — подвеска; 3 — нагрудное украшение; 4 — височное кольцо; 5 — перстень с привесками; 6, 11, 12, 14 — пронизки; 8, 15 — украшения обуви; 9 — поясная бляха; 10 — браслет; 13 — наконечник; 1, 7 — Подболотьевский могильник; 2, 6, 9, 13 — Муромский (Окский) могильник; Максимовский могильник, раскопки А. А. Спицына; 3, 10, 11 — погребение 3; 4 — погребение 41; 8 — погребение 40; 12 — погребение 4; 14 — погребение 43; 15 — погребение 12; 1—15 бронза

Таблица XXXVI. Погребения муромы. Подболотьевский могильник.

1 — погребение 88; 2 — погребение 253; 3 — реконструкция женской одежды муромы по раскопкам В. А. Городцова и А. Ф. Дубынина; 4, 5 — реконструкция головного убора муромы по В. А. Городцову; 6 — погребение 220; 7 — погребение 184; 8 — погребение 250; 9 — погребение 234; 10 — погребение 89

Таблица XXXVII. Бытовые предметы и оружие муромы.

1 — ложка-лопаточка; 2—4 — огнива; 5 — наконечник стрелы; 6—9 — лепная посуда; 10 — украшения конской сбруи; 11—13 — топоры; 14, 15 — наконечники копий; 1 — Тумовское селище; 2 — Подболотьевский могильник, погребение 241; 3 — Малышевский могильник, погребение 29; 4 — Максимовский могильник, погребение 25 (раскопки А. А. Спицына); 5 — Максимовский могильник, погребение 16 (раскопки А. А. Спицына); 6, 10 — Максимовский могильник (раскопки А. С. Уварова); 11, 12 — Пятницкий могильник, погребения 10 и 17 (раскопки А. В. Виноградова); 13—15 — Подболотьевский могильник, погребения 244; 1—5, 11—14 — железо; 6—9 — глина; 10 — бронза; 15 — железо и бронза

Таблица XXXVIII. Характерные украшения мечеры из Жабкинского могильника.

1, 3, 7, 8, 10 — подвеска; 2 — пряжка; 4, 5 — браслеты; 6 — подвеска с бубенчиками; 9, 11 — пронизки; 1—12 — бронза

Таблица XXXIX. Рязанско-окские могильники. Вещи, характерные для меридианальных погребений.

1, 2, 4, 5, 9—12 — привески; 3, 13 — бусы; 6—8 — гривны шейные; 14 — колечко; 15 — наконечник стрелы; 16—20 — бляшки; 21 — браслет; 1, 3, 8, 10 — Кузьминки; 2, 4, 7, 9, 11, 12, 14—21 — Борки; 5 — Курманский; 6, 13 — Кошибеево; 1, 2, 4—12, 14, 16—21 — цветной металл; 3, 13 — стекло; 15 — железо

Таблица XL. Рязанско-окские могильники. Предметы, характерные для погребений с восточной ориентировкой.

1, 3 — фибулы; 2, 4, 6, 7 — подковообразные застежки; 5, 11, 14 — привески; 8 — бляха; 9, 10 — гривны шейные; 12, 13, 15 — браслеты; 1, 3, 7, 8, 10—12, 14, 15 — Борки; 2, 4—6, 9, 13 — Кузьминки; 1—15 — цветной металл

Таблица XLI. Поселения мордвы. Орудия ремесленников.

1, 2 — планы памятников; 3 — наковальня; 4, 5 — клещи; 6 — молоток; 7, 9 — льячки; 8 — литейная форма; 10 — нож; 11 — долото; 12 — шило; 13 — пинцет; 14 — тигель; 15 — пешня; 16 — зубило; 17 — ножницы; 1 — Хозинское городище; 2 — Федоровское городище; 3—6, 11, 12 — Елизавет-Михайловский могильник (3—6 — погребение 115; 11—12 — погребение 85); 7—10 — второй Журавкинский могильник (7, 10 — погребение 32; 8, 9 — погребение 16); 13 — Пановский могильник (погребение 99); 14 — Крюково-Кужновский могильник, подъемный материал; 15 — могильник у пос. Заря, погребение 75; 16, 17 — Старо-Бадиковский могильник; 3—6, 10—13, 15—17 — железо; 7, 9, 14 — глина; 8 — камень

Таблица XLII. Орудия, оружие, поясной набор, украшения мордвы VI—VIII вв.

1—13 — бляшка поясного набора; 14—17 — пряжки; 18 — удила; 19 — кольцо; 20 — перстень; 21 — браслет; 22—24; 30—34 — наконечники стрел; 25, 26 — наконечники копий; 27 — сабля; 28 — наконечник ножен; 29 — нож; 35 — топор-кельт; 36 — боевой топор; 1—35 — Армянский могильник (1—3 — погребение 226; 4 — погребение 213; 5, 6 — погребение 206; 7 — погребение 170; 8—14, 16, 22, 32 — погребение 236; 17,

30 — погребение 177; 18, 19, 21, 26—29, 31, 35 — погребение 178; 24 — погребение 239; 15, 25, 23 — вне погребений); 36 — могильник у пос. Заря, погребение 45; 1—8, 14, 16, 17, 19—21 — бронза; 9—13 — белый сплав; 15, 18, 22—36 — железо

Таблица XLIII. Орудия труда мордвы, оружие, снаряжение всадника, украшения IX—XI вв.

1 — топор-кельт; 2 — нож; 3 — пешня; 4, 6 — наконечники копий; 5, 11, 13, 14 — топоры; 7, 8 — огнива; 9 — пряжка; 10, 12 — браслеты; 15 — удила; 16 — стремя; 17—29 — наконечники стрел; Журавкинский могильник: 1, 2, 8—10 — погребения 6; 4, 12, 17—23, 25—29 — погребение 10; могильник у пос. «Заря»: 3, 11 — погребение 24; Пановский: 5, 13, 14, 16 — погребения 11, 51, 57, 26; Крюково-Кужновский: 6, 15, 24 — погребения 18, 205, 187; Старо-Бадиковский II: 7 — погребение 191; 1—9, 11, 13—29 — железо; 10, 12 — бронза

Таблица XLIV. Орудия труда, оружие, украшения мордвы XII—XV вв.

1 — долото; 2—5 — наконечники стрел; 6, 7, 10 — браслеты; 8, 15, 16 — пряжки со спиральноизогнутыми бляшками; 9 — перстень; 11, 12 — пряжки-сюльгамы; 13, 14, 21 — огнива; 17 — мотыга; 18 — молот; 19 — клещи; 20, 22—25 — топоры; Гагинский могильник: 1—5, 10, 11, 13—16, 20, 21, 24, 25 — погребения 12, 15, 20, 25, 9, 31, 38, 39, 21, 54, 40, 19; Ефаевский могильник: 6 — погребение 8; 7 — Сарлейский могильник: 8, 9, 12 — могильник у пос. «Заря»; 17—19 — Муранский могильник; 22, 23 — могильник Старая Сотня, погребения 1, 10; 1—5, 13, 14, 17—25 — железо; 6—12, 15, 16 — бронза

Таблица XLV. Украшения мордвы V—VIII вв.

1 — бляха; 2, 14 — привески; 3 — лунница; 4, 5 — перстни; 6, 17, 19, 20, 22 — пряжки; 7 — височная привеска; 8—12 — шейные гривны; 13 — зеркало; 15, 25 — бляхи с накладками; 16, 21, 24, 26, 28 — браслеты; 18 — подвеска в виде пирамидального колокольчика; 23 — часть ожерелья; 27 — наконечник; 29 — нагрудная бляха с крышкой; Абрамовский могильник: 1, 7—11, 20, 25; Армяевский могильник: 2—4, 5, 12, 14 — погребения 195; 3, 13, 29 — погребение 135; 17, 18, 22 — погребение 147; 15, 16, 21, 23, 24 — погребение 230; 26 — погребение 198; 27 — погребение 138 (реконструкция М. Р. Полесских); 28 — погребение 215; Младший Селиксенский могильник: 6, 19; 1—22, 24—26, 28 — бронза; 23 — бронза и глухое стекло; 27 — бронза и кожа; 29 — серебро

Таблица XLVI. Украшения VIII—IX вв. из могильников мордвы.

1, 7, 8, 15 — привески; 2 — серьга; 3 — перстень с привесками; 4—6 — пластинчатые трапецевидные подвески с выступами; 9 — пронизка; 10 — височное кольцо; 11, 12 — украшения обуви; 13 — крючок; 14 — пряжка сюльгама; 16 — кольцевидная пряжка; 17 — «бляха» с крышкой; 18 — налобный венчик; 19 — пряжка с «крылатой иглой»; 20 — часть берестяной сумочки; 21 — реконструкция женского костюма среднечининской мордвы по Р. Ф. Ворониной (Крюково-Кужновский могильник, погребение 546); Журавкинский: 1, 15 — погребения 2; 9, 10, 12, 13, 17, 18, 20 — погребения 31; 14, 16, 21 — погребения 3; Елизавет-Михайловский: 2, 4 — погребения 120, 90; Томниковский: 3, 6, 7, 19; Кочинский: 8 — погребения; Крюково-Кужновский: 5 — погребение 213; Перемчалкинский: 11 — погребения 3; 1, 3—12, 14—16, 18, 19 — бронза; 2, 17 — серебро; 13 — железо; 20 — береста

Таблица XLVII. Украшения X—XI вв. из могильников мордвы.

1 — пластинчатая трапецевидная подвеска; 2, 5 — пряжки-сюльгамы; 3 — головной венчик; 4 — гривна шейная; 6 — височная привеска; 7 — кольцевидная «пряжка»; 8, 9, 20 — перстни; 10 — привеска крестовидная; 11 — бубенчики; 12 — серьга; 13 — перстень с привесками; 14 — пронизка с шумящими привесками; 15, 19 — коньковые подвески; 16 — подвеска; 17, 27 — браслеты; 18 — пронизка; 21 — пряслице; 22, 24—26 — подвески-коньки; 23 — бляха с «крышкой»; 28 — часть пса; Журавкинский: 1 — погребения 34; 3, 6, 7, 9, 11, 13, 17 — погребения 16; 4, 10, 23 — погребения 14; 24, 25 — погребения 47; 27 — погребения 38; 28 — погребения 32; Пановский: 2, 5, 14, 15 — погребения 46, 736, 96, 14; Елизавет-Михайловский: 12, 18, 20 — погребения 85, 74; Томниковский: 16 — погребения 20; Крюково-Кужновский: 19, 21, 26 — погребения 220, 252, 550; Шокшинский: 22 — погребения 227; 1—11, 13—20 — бронза; 12, 22—28 — серебро

Таблица XLVIII. Лепная посуда мордвы.

Елизавет-Михайловский могильник: 1, 7 — погребения 71; 5 — погребения 84; Пановский могильник: 2 — погребения 69; Крюково-Кужновский могильник: 3, 4, 6 — погребения 554, 125, 186; 1—7 — глина

Таблица XLIX. Орудия труда и украшения марийцев VI—VII вв.

1 — гривна шейная; 2 — бляха «с дверцей»; 3, 6 — подвески-уточки полые; 4, 14 — фибулы; 5, 7 — пирамидальные подвески; 8 — наконечник копья; 9 — молот; 10 — скобели; 11 — топор-кельт; 12 — огниво; 13 — нож; 14 — долото; 15 — наковаленка; 16 — височное кольцо с шумящими привесками; 17 — подвеска; 18 — браслет; 19 — головной венчик; 20, 21 — височные кольца; 22 — привеска; 23 — часть наконечника; 24 — льячки; 1—5, 7—14, 16 — Младший Ахмыловский могильник (3 — погребения 122; 8—14 — погребения 115); 6 — Юмский могильник; 15, 17—24 — «Чертово городище» (17—23 — погребения 1, сожжение; 15, 24 — погребения 3, труположение, потревоженное); 1—7, 16—19 — бронза; 8—14 — железо; 15 — бронза с эмалью; 20, 21 — серебро; 22, 23 — латунь; 24 — глина

Таблица L. Орудия труда и украшения марийцев IX—X вв.

1, 8, 20 — привески; 2, 7, 21 — нагрудные украшения; 3, 4, 6 — перстни; 5 — подвеска-уточка полая; 9, 10 — височные кольца; 11 — шумящее украшение; 12 — женская одежда мари (реконструкция Г. А. Архипова); 13, 14 — браслеты; 15 — треугольная шумящая подвеска; 16, 17 — гребни; 18, 19 — сумочки; 22 — пряжка; 23, 24 — льячки; Веселовский могильник: 1, 3, 6, 9, 10, 21, 22 — погребения 10; 2, 7, 13, 14 — погребения 4; 5 — погребения 17; 18, 19 — погребения 5; 17 — погребения 6; Черемисское кладбище: 8 — погребения 5; 16 — случайная находка; 20 — погребения 1 (1957 г.); 23 — погребения VI; 24 — погребения XV—XVI; 1, 3—6, 8—10, 13—15, 20, 22 — бронза; 2, 7, 11, 21 — бронза и рог; 16, 17 — рога; 18, 19 — кожа, бронза, серебро; 23, 24 — глина

Таблица LI. Украшения марийцев IX — первой половины XI в.

1, 8, 23 — коньковые подвески; 2 — копоушка; 3, 6 — височные кольца; 4 — гривна шейная; 5 — подвеска-всадница; 7, 9, 10 — серьги; 11 — височное кольцо; 12—14 — шумящие украшения; 15, 17—19 — украшения обуви; 16, 21 — перстни; 20, 22, 24, 25 — браслеты; Веселовский могильник: 1, 3, 11—14, 20—22 — погребения 2; 2 — погребения 26; 4 — погребения 5; 5, 6 — погребения 8; 15, 17, 24, 25 — погребения 12, 27, 2, 9; Черемисское кладбище: 8 — погребения XI; Дубовский могильник: 7 — погребения 52; 9 — погребения 3; 16, 18 — погребения 11, 4; Юмский могильник: 10 — погребения 2; 19 — погребения 5; Подболотье: 23 — случайная находка; 1, 3, 7—10, 12—25 — бронза; 2 — рога; 4, 6, 11 — серебро; 5 — бронза с позолотой

Таблица LII. Оружие и орудия труда марийцев XI—XII вв.

1—4 — наконечники копий; 5—8, 17, 18 — наконечники стрел; 9, 10 — шилья; 11—15, 19, 20, 26 — топоры; 16 — тесло; 21 — нож; 22—25 — топоры-кельты; Веселовский могильник: 1, 15 — погребения 5; 7, 8 — погребения 2; 9 — погребения 11; 10 — погребения 13; 12 — погребения 16; 13 — погребения 15; 16 — погребения 6; 21, 26 — погребения 12; 22 — погребения 4; 23 — погребения 30; Дубовский могильник: 11 — случайная находка; 14 — погребения 3; 18 — погребения 17; 20 — погребения 15; 24 — погребения 4; Выжумский могильник: 19, 25 — погребения 1; Черемисское кладбище: 2 — погребения 1; 3, 4, 17 — погребения IX—X; 1—8, 11—16, 19, 20, 22—26 — железо; 9, 17 — рога; 18 — рога и железо

Таблица LIII. Инвентарь Починковского могильника марийцев XII—XIII вв.

1 — стилизованная треугольная подвеска; 2 — ажурная подвеска; 3—6 — гривны шейные; 7, 12, 14, 17 — пряжки; 8, 16 — подвески-коньки; 9 — шумящие подвески; 10 — треугольная подвеска; 11 — лунница; 13 — височное кольцо; 15 — стилизованная коньковая подвеска; 18 — цепедержатель; 19—21 — топоры; 22—25 — наконечники стрел; 26—28 — огнива; 29 — льячки; 30 — бляха; 31 — нож; 32 — ножны; 1—18 — бронза; 19—28, 30, 31 — железо; 29 — глина; 32 — кожа и бронза

Таблица LIV. Огнива с бронзовыми рукоятками из марийских могильников X в.

I группа: 3, 5, 6, 8, 9, 11, 12, 15; II группа: 1, 2, 4, 7; III группа: 14; IV группа: 10, 13, 16; Веселовский могильник: 1 — погребение 4; 3 — погребение 12; 13, 16 — погребения 16, 3; Кочергинский могильник: 2 — погребение 5; Юмский могильник: 4 — погребение 6; 5 — погребение 4; 11 — погребение 20; 12 — погребение 14; Дубовский могильник: 6 — погребение 51; 8, 15 — погребения 24, 64; 9 — погребение 55; 10 — погребение 38; Черемисское кладбище: 7 — погребение XII; 14 — погребение 6

Таблица LV. Керамика и котлы из марийских могильников X—XII вв.

1, 5 — Дубовский могильник, погребение 7 и вне погребений; 2, 4, 14 — Веселовский могильник, погребения 15, 7; 3 — Выжумский могильник; 6 — Кочергинский могильник, погребение 2; 7, 8, 10, 13 — Черемисское кладбище, погребение VII и вне погребений; 9, 12 — Юмский могильник, погребение 2; 11 — Руткинский могильник, погребение 1

Таблица LVI. Древности вавиздинской культуры. Орудия труда, оружие, бытовые предметы, украшения.

1 — височное кольцо; 2—4, 11 — подвески; 5—9, 14—16 — шаманские украшения; 10 — пронизка; 12 — наглазник; 13, 18, 21 — браслеты; 17 — рукоять ножа; 19, 25—27 — накопечники стрел; 20 — гривна; 22 — рыболовный крючок; 23 — пояс; 24 — сетевязальная игла; 28 — погремушка; 29, 35 — скребки; 30 — ковш; 31 — пряслице; 32 — нож; 33, 36, 37, 39, 40 — сосуды; 34 — поясная накладка; 38 — ритон; 1, 2, 4, 22—24, 27, 33, 37 — поселение Вис II; 3, 28, 35 — поселение Вавиздино; 5, 14, 34 — поселение Тохта; 6, 7, 13, 16 — поселение Вис I; 8 — поселение Ухтинский волок; 9 — поселение Чинья Ворык; 10 — случайная находка у с. Онежье; 11 — поселение Угдым II; 12, 15, 17—21, 23, 30, 38 — Веслянский I могильник (погребения 1, 6, 7, 14, 16, 23); 25 — Уньинская пещера; 29 — поселение Озья III; 36, 39, 40 — поселение Кузьмомын; 1—11, 13—18, 20—22, 34 — бронза; 12, 38 — серебро; 19, 24, 25 — кость; 23 — бронза, кожа; 27, 32 — железо; 28, 31, 33, 36, 37, 39, 40 — глина; 29, 35 — кремень; 30 — бронза, дерево

Таблица LVII. Древности вымской культуры. Оружие, орудия труда, предметы быта, украшения.

1 — расположение могил на Кичилькосском могильнике; 2, 27 — горшки; 3 — наконечники остроги; 4 — ложка; 5 — напильник; 6 — нож; 7 — браслет; 8 — наконечник ножен; 9 — бубенчик; 10 — амулет; 11 — пряжка; 12, 13, 18 — шумящие украшения; 14 — ложка; 15 — коромысло весов; 16 — пробойник; 17 — наконечник дротики; 19 — крестовидная подвеска; 20, 21 — украшения; 22, 23 — перстни; 24 — височное кольцо; 25 — конец шейной цепи; 26 — молоток; 1, 3, 7, 8, 11, 14, 15, 17, 23, 25, 27 — Кичилькосский могильник; 2, 5 — Вадъягский могильник; 4, 12 — Ленский могильник; 6, 10, 16 — Карыбывское городище; 9 — могильник Гидсайяг; 13 — сборы А. А. Сидорова; 18 — Ыджыдзельский могильник; 19 — Часодорский могильник; 20 — Кокпомъягский могильник; 21 — Веслянский могильник; 24 — могильник Ветью; 26 — Чабаровское городище; 2, 27 — глина; 3—6, 16, 17, 26 — железо; 7—9, 11—13, 15, 18, 19, 23 — бронза; 10 — кость; 14 — дерево; 20—22, 24, 25 — серебро

Таблица LVIII. Древности вымской культуры. Украшения, орудия труда, предметы вооружения, бытовой инвентарь.

1, 2, 5, 6, 8, 9, 12—14 — шумящие украшения; 3, 4, 7 — височные кольца, серьги; 10 — решетчатая подвеска; 11 — накладка; 15 — браслет; 16 — разделитель; 17 — перстень; 18 — бубенчик; 19, 20, 23, 26, 27 — наконечники стрел; 21 — шило; 22 — тесло; 24 — льячка; 25 — держатель для топора; 28 — пряжка; 29 — молоток; 30 — рыболовный крючок; 31 — наконечник копья; 32 — удила; 33 — паральник; 34, 39 — топоры; 35 — ножницы; 36 — пряслице; 37 — котелок; 38, 42, 43 — горшки; 40, 41 — кресала; 1, 17, 27, 40 — Ленский могильник; 2 — Петкойский могильник; 3 — могильник Ветью; 4, 8, 11, 16, 19, 20, 22, 23, 25, 26, 29 — Вадъягский могильник (погребения 9, 11, 27, 38, 41); 5 — случайная находка; 6, 9, 14 — могильник Гидсайяг; 7, 10, 12, 13, 15, 24, 28, 31, 34, 36—39, 41—43 — Кичилькосский могильник; 18, 21, 32, 33, 35 — Карыбывское городище; 30 — Турьинское городище; 1, 2, 5, 6, 8—18, 28 — бронза; 3, 4, 7 — серебро; 19, 20, 22, 25—27, 29, 30, 35, 39—41 — железо; 21 — железо, рог; 23, 36 — кость; 24, 38, 42, 43 — глина; 37 — бронза, железо

Таблица LIX. Древности полоумской культуры. Оружие, орудия труда, предметы быта.

1 — клещи кузнечные; 2, 5, 6 — боевые топоры; 3 — топор-кельт; 4 — рабочий топор; 7 — лопаточка; 8, 13 — наконечники копий; 9 — наконечник дротики; 10 — кузнечный молоток; 11 — ложка; 12, 16 — удила с псалиями; 14 — мыжжа; 15 — пряслице; 17 — кольчатые удила; 18 — сюльгама; 19 — котелок; 20 — нагрудная бляха; 21, 23 — ножны кинжалов; 22 — сабля; 24 — кинжал; 25 — пояс; 1—22, 24, 25 — Варнинский могильник (погребения 31, 51, 58, 60, 75, 88, 106, 158, 170, 171, 176, 218, 220, 229, 236, 243, 280, 289, 292); 23 — Полоумский могильник; 1—6, 8—14, 16, 17, 22, 24 — железо; 7, 15 — рог; 18, 20, 21, 23 — бронза; 19 — бронза, железо; 25 — бронза, кожа

Таблица LX. Древности полоумской культуры. Украшения, предметы быта.

1—4, 9, 10 — височные подвески, серьги; 5—8, 11—15 — подвески в виде фигурок животных и птиц; 16 — пластинчатая подвеска; 17, 18, 22, 27, 28 — шумящие подвески; 19 — флаконovidная подвеска; 20, 24, 32, 38 — поясные накладки; 21 — подвеска; 23, 29, 35 — пронизки; 25, 26, 36, 37, 42 — браслеты; 30, 31 — гривны; 33 — кошелек; 34 — гребень; 39, 41 — наконечники поясов; 43 — налобное украшение; 1—4, 6, 8—10, 12, 16—41, 43 — Варнинский могильник (погребения 6, 19, 24, 63, 73, 81, 89, 100, 114, 127, 130, 144, 157, 170, 173, 197, 206, 222, 230, 234, 236, 249, 254, 259, 264, 267, 279); 5, 7—11, 13—15, 42 — Полоумский могильник; 1—4, 10 — серебро; 5—9, 11—32, 35—42 — бронза; 33 — кожа; 34 — рог; 43 — кожа, серебро, кампи

Таблица LXI. Древности чепецкой культуры. Оружие, орудия труда, предметы быта, украшения.

1 — план жилища; 2 — двуконьковая шумящая привеска; 3, 4, 9 — гребни; 5 — ложка; 6 — дужка трубчатого замка; 7 — амулет; 8, 21 — пряжки; 10 — височное кольцо; 11 — кочедык; 12 — нож; 13, 14 — стремяна; 15 — рукоять шила; 16, 30, 33 — поясные накладки; 17, 25 — шумящие подвески; 18 — рыболовный крючок; 19 — пробойник; 20 — план расположения могил; 22 — скобель; 23 — держатель для топора; 24 — топор-кельт; 26 — пронизка; 27 — подвеска; 28 — удила; 29 — браслет; 31 — колокольчик-подвеска; 32 — гривна; 34 — цепочка на цепедержателе; 35 — наконечник дротики; 1 — городище Вельякар; 2—4 — городище Гурьякар; 5, 22, 29 — Маловенижский могильник; 6, 8, 9, 11, 14, 15, 18, 19, 23, 27 — городище Иднакар; 7, 12, 20 — Кыпкинский могильник; 10, 16, 21, 24—26, 28, 30, 31, 33—35 — могильник Вельякар; 13 — коллекция Первухина; 17 — могильник Бигершай; 32 — могильник Чемшай; 2, 8, 16, 17, 25, 26, 29—34 — бронза; 3, 5, 6, 12—14, 18, 19, 21—24, 28, 35 — железо; 4, 7, 9, 11, 15, 27 — кость, рог; 10 — серебро

Таблица LXII. Древности чепецкой культуры. Оружие, орудия труда, предметы быта, украшения.

1, 4 — шумящие украшения; 2, 3 — серьги; 5, 22 — пронизки; 6 — монетовидная подвеска; 7, 8 — браслеты; 9 — накладка; 10 — кресало; 11 — копоушка; 12 — наконечник копья; 13—17, 24 — наконечники стрел; 18, 19 — гребни; 20 — гривна; 21 — пряслице; 23 — кузнечный молоток; 25 — удила; 26 — конская пряжка; 27 — ремизка ткацкого стана; 28 — шило; 29 — лопаточка; 30 — манок; 31 — тесло; 32 — рабочий топор; 33 — топор-кельт; 34 — серп; 35 — тигель; 36 — наральный; 37, 40, 42 — горшки; 38 — кузнечные клещи; 39 — ботало; 1, 4, 7, 8, 22 — Кыпкинский могильник; 2, 3, 19, 20 — городище Вельякар; 5 — Большесазоновский могильник; 6, 10, 12, 25, 26, 31, 32, 37, 40, 42 — Маловенижский могильник; 9, 11, 29, 38 — городище Иднакар; 13—17, 24, 28, 30, 33—36, 41 — городище Гурьякар; 18 — городище Шудьякар; 21, 23, 27 — городище Дондыкар; 39 — Качкатурское селище; 1, 4—8, 20, 22 — бронза; 2, 3 — серебро; 9, 11, 18, 19, 21, 24, 27, 29, 30 — рог, кость; 10, 12, 13—17, 23, 25, 26, 31—34, 36, 38, 39 — железо; 28 — железо, рог; 35, 37, 40—42 — глина

Таблица LXIII. Древности ломоватовской культуры. Оружие, орудия труда, предметы быта, украшения.

1 — план жилища; 2—5, 7 — височные кольца, серьги; 6, 8, 9, 35, 43 — подвески в виде фигурок животных и птиц; 10, 14, 23 — наконечники поясов; 11, 17, 33 — шумящие подвески; 12 — монетовидная подвеска; 13, 33, 36 — подвески; 15 — поясная накладка; 18—20, 24 — пряжки; 21 — удила; 22 — браслет; 25 — бубенчик; 26 — кинжал; 27, 37 — ножны

ножа и кинжала; 28—30 — шумящие подвески; 16, 31 — гривна; 32 — прислище; 34 — пронизка; 38 — перстень; 39, 40 — подвески-колокольчики; 41 — роговидная подвеска; 42 — пинцет; 1 — Зародытское селище; 2, 3, 12, 13, 22, 25, 30, 36, 38, 39 — Каневский могильник; 4, 7, 14 — Харинский могильник; 5, 16, 19, 28, 34 — Агафоновский могильник; 6, 18, 29, 40, 41 — Плесенский могильник; 8—11 — Поломский могильник; 15, 17, 37 — Урьинский могильник; 20 — Деменковский могильник; 21, 33, 42 — Бурковский могильник; 23 — Бельково; 24 — Невольинский могильник; 26, 27, 31—35 — Митинский могильник; 32 — Важгорский могильник; 43 — Пыштайинский могильник; 2, 5—20, 22—25, 27, 31, 33—43 — бронза; 3, 4 — серебро; 21, 26 — железо; 32 — глина

Таблица LXIV. Древности ломоватовской культуры. Оружие, орудия труда, предметы быта, украшения.

1—5 — височные кольца, серьги; 6—11, 20 — шумящие украшения; 12 — флаконовидная подвеска; 13, 14 — шаманские подвески; 15 — пронизка; 16 — лунница; 17 — накладка; 18 — браслет; 19 — подвеска; 21, 23 — гребни; 22 — колесовидная подвеска; 24 — ложка; 25 — наглазник; 26 — удила; 27 — стремя; 28, 29 — рабочие топоры; 30—34, 40 — наконечники стрел; 35 — боевой топор; 36, 39 — копоушки; 37 — нож; 38 — наконечник копья; 41 — тигель; 42 — мотыжка; 43, 44 — горшки; 1, 2, 7, 18, 20, 23, 24, 27, 30—35, 38, 40, 41—43 — Урьинский могильник; 3, 6, 8, 9, 15, 21, 22, 26, 28, 29, 36, 37, 44 — Каневский могильник; 4 — Горт-Кушетский могильник; 5 — Баяновский могильник; 10, 11, 13, 14 — Плесенский могильник; 12, 16, 17, 19, 25, 39 — Деменковский могильник; 1—5, 25 — серебро; 6—20, 22 — бронза; 21, 23, 24, 36, 39, 40 — рог, кость; 26—35, 37, 38, 42 — железо; 41, 43, 44 — глина

Таблица LXV. Древности родановской культуры. Оружие, орудия труда, предметы быта, украшения.

1 — план постройки; 2 — льячка; 3 — слиток металла; 4 — рыболовный крючок; 5, 6 — тигли; 7—9, 14, 15, 26 — шумящие украшения; 10 — ложка; 11 — наральник; 12, 13 — рабочие топоры; 16, 18 — серьги; 17 — острога; 19 — флаконовидная подвеска; 20 — шаманское украшение; 21 — прислище; 22 — украшение; 23 — горшок; 24 — рукоятка шила; 25 — гребень; 27 — накладка от лука; 28 — лопаточка; 29 — 32 — наконечники стрел; 33 — серп; 34 — стремя; 35 — ножницы; 36, 37 — ножи; 1, 4, 11, 17, 21, 22, 24, 25, 27—33, 35—37 — городище Аюшкар; 2, 3, 5, 6, 10, 12, 13 — Родановское городище; 7—9, 15 — Каневский могильник; 14 — Даниловский могильник; 16, 20 — Кудымкарское городище; 18, 34 — Баяновский могильник; 19 — Загарский могильник; 23 — Лаврятское городище; 26 — Рождественское городище; 2, 5, 6, 21, 23 — глина; 3, 7—9, 14, 15, 19, 20, 26 — бронза; 4, 11—13, 17, 28—37 — железо; 10, 22, 24, 25, 27 — кость, рог; 16, 18 — серебро

Таблица LXVI. Древности родановской культуры. Оружие, орудия труда, предметы быта, украшения.

1 — реконструкция жилища на Родановском городище; 2, 3 — ремизки от ткацкого горизонтального стана; 4, 11, 12 — височные кольца, серьги; 5, 14, 16 — наконечники стрел; 6, 9 — каменные литейные формы; 7, 15 — боевые топоры; 8 — удила; 10 — предохранительный щиток для стрельбы из лука; 13 — грузило от сети; 17 — петли для подвешивания налуща; 18, 27 — шаманские изображения; 19 — конец рукоятки плети; 20 — гребень; 21, 22 — подвески; 23 — поясная накладка; 24, 25 — наконечники копий; 26 — манок; 28, 29 — гири; 30—38, 40 — предметы с тамгообразными знаками; 39 — пряжка; 41 — флаконовидная подвеска; 1, 5—7, 9, 13, 14, 16, 19, 26, 28, 29, 36—38, 40 — Родановское городище; 2, 3, 10, 17, 20 — городище Аюшкар; 4, 21, 23, 39, 41 — Рождественский могильник; 8, 11, 12, 24, 25 — Баяновский могильник; 15, 27 — Городищенское городище; 18 — Омелинский могильник; 30—35 — Кудымкарское городище; 2, 3, 5, 10, 14, 16, 17, 19, 20, 26, 30—38, 40 — кость, рог; 4, 11, 12 — серебро; 6, 9, 13 — камень; 7, 8, 15, 24, 25, 28, 29 — железо; 18, 21—23, 27, 39, 41 — бронза

Таблица LXVII. Поселения, жилища и погребальный обряд памятников молчановского типа.

1 — план и разрез вала и рва городища Андрюшин Городок; 2—4 — планы жилищ; 5, 6, 8 — планы погребений; 7 — план раскопа Перейминского могильника; 1, 4 — городище Андрюшин Городок; 2, 3 — Дуванское I городище; 5—8 — Перейминский могильник; а — кострище; б — развал чувала; в — антропоморфная фигурка; г — столбовая яма; д — раскопанные

жилища; е — жилищная впадина; ж — траншея; з — фрагменты керамики; и — уголь; к — зола; л — обломки черепной крышки

Таблица LXVIII. Инвентарь памятников молчановского типа. 19—23 — керамика местного происхождения; 24, 25 — керамика с южными чертами; 1, 2, 4 — пряжки; 3, 10 — подвески; 5, 11 — бляхи; 6, 8 — перстни; 7, 9 — браслеты; 12—14 — бусы; 15 — оселок; 16 — фибула; 17 — антропоморфная фигурка; 18 — нож; 19—25 — керамика; 1—16, 18, 24, 25 — Перейминский могильник; 17, 22 — городище Жилье; 19—21, 23 — городище Андрюшин Городок; 1—3, 5—11, 16 — бронза, серебро; 4, 18 — железо; 12, 14 — стекло, камень; 15 — камень; 17, 19—25 — глина

Таблица LXIX. Юдинская культура. Поселения, жилища и погребальный обряд.

1, 2 — планы городищ; 3, 6 — планы и разрезы жилищ; 4 — план могильника; 5, 7—11 — планы погребений; 1 — Малахово городище; 2, 3 — Дуванское I городище; 4, 5, 7—12 — Ликинский могильник; 6 — Юдинское городище; а — скопления глиняной обмазки; б — глинобитные очаги; в — обгоревшие бревна и доски; г — контуры ям; д — скопление кальцинированных костей; е — скопление фрагментов обожженного черепа; ж — углистые прослойки; з — прокол; и — земляной очаг; к — зола; л — фрагменты керамики; м — дерн; н — светлосерая супесь; о — темносерая супесь; п — серая супесь; р — материк; с — жилищная впадина; т — глинистый грунт

Таблица LXX. Юдинская культура. Вещевой инвентарь и керамика.

1—9 — наконечники стрел; 10 — гарпунный наконечник; 11 — рыболовный крючок; 12 — проколка, кочедык; 13—15 — рукоятки ножей; 16 — проушной топор; 17 — втульчатый топор-тесло; 18 — прислище; 19, 20 — кресала; 21 — ложка; 22 — копье; 23, 24, 26 — ножи; 25 — навершие, рукоять кресала; 27, 29—35 — глиняные сосуды и их фрагменты; 28 — антропоморфная фигурка; 36 — часть медного котла; 1, 3, 13—16, 19, 21—25, 27, 31—33, 36 — Ликинский могильник; 2, 11 — Мохиново городище; 4, 7—9 — Ирбитское городище; 5, 6, 10, 12, 20 — Юдинское городище; 17 — Пылаевский могильник; 18 — Дуванское I городище; 26 — Молчановское городище; 28 — Андреевское IV городище; 29 — Мишинское городище. 30, 34, 35 — Заозерное II городище; 1—5, 11, 16, 17, 19, 20, 22—24 — железо; 6—10, 12, 26 — кость; 13—15, 21, 25, 36 — бронза, медь; 18, 27—35 — глина

Таблица LXXI. Юдинская культура. Предметы украшения, детали одежды, культовые подвески. Ликинский могильник.

1—4, 20, 24 — браслеты (20, 24 — развертка изображений на браслетах обского типа); 5, 11, 12, 17, 25, 33, 35, 40 — подвески; 6, 13, 14, 21 — пронизка, бусы; 7 — лунница; 8, 10, 18, 19 — височные подвески, серьги; 15, 16 — бубенчики; 22, 23, 26, 27, 36 — шумящие подвески; 28, 37, 41 — пряжки; 29—31 — поясные накладки; 32 — навершие рукоятки ножа; 34, 43, 44 — бляхи; 38, 39, 42 — бляхи-пуговицы с петлей на обороте; 1—44 — бронза, серебро

Таблица LXXII. Памятники макушинского типа.

1—6, 11 — наконечники стрел; 7 — бубенчик; 8 — план погребения; 9 — кольцо от удил; 10 — топор-тесло; 12—17, 19, 21 — сосуды и фрагмент сосуда; 13—15, 18 — бусы; 16 — кресало; 20 — нож; 1—3, 6, 7, 9—12, 17 — Макушинские курганы; 4, 5, 8, 13—16, 18, 20, 21 — Мысовские курганы; 19 — Юдинское городище; 1—6 — кость; 7 — бронза; 9—11, 16, 20 — железо; 12, 17, 19, 21 — глина; 13—15, 18 — цветное стекло

Таблица LXXIII. Древности петрогромского типа.

1—7, 13—19 — наконечники стрел; 8, 9 — мездряки; 10 — нож; 11 — звено цепочки от шумящей подвески; 12 — пластина от оковки сосуда; 20 — острив, проколка; 21—27 — керамика; 1, 8—12, 21—27 — жертвенное место у станции Исеть; 2—7, 13—20 — Чаньвенская пещера; 1—10, 16 — железо; 11, 12 — бронза; 13—15, 17—20 — кость; 21—27 — глина

Таблица LXXIV. Бакальская культура. Поселения, фортификация, погребальный обряд.

1 — план Большого Бакальского городища; 2 — реконструкция укреплений внутреннего вала (по Т. М. Потемкиной); 3—5 — погребения 10, 12, 18 Пахомовского могильника; 6 — накладка; 7, 8, 10—14 — наконечники стрел; 9 — шило; 15 —

булава; 16, 43 — седельные кольца; 17, 20 — погребения копей; 18 — часть шумящей подвески; 19 — серьга; 21, 25, 32 — оковки; 22 — кресало; 23 — пряслице; 24, 27, 28, 33, 37 — бляшки-накладки от сбруи; 26 — кольцо от сбруи; 29 — скоба от сбруи; 30, 34—36 — пряжки (35, 36 — подпружные); 31 — нож; 38, 39 — султаны от узды; 40 — ножницы; 41 — накладка; 42 — удила; 44 — гвоздь от оковки седла; 45 — стремя; 46 — подножка; 1, 2, 18 — Большое Бакальское городище; 3 — 17, 19—46 — Пахомовский могильник; 6, 18, 19 — бронза; 7 — 9, 15, 16, 21, 22, 24—40, 42—46 — железо; 10—14, 41 — кость; 23 — глина

Таблица LXXV. Керамика бакальской культуры.

1—4 — Малое Бакальское городище; 5—10, 12, 13 — Большое Бакальское городище; 11 — Красногорское городище

Таблица LXXVI. Потчевашская культура. Поселения, жилища, погребальный ритуал.

1—4 — погребения Окуневского III могильника (1 — трупосожжение III; 1 — стремя, II — железный нож, III — псевдо-пряжки, IV — пряжка; 2 — трупосожжение V: 1 — железный нож, II — панцирная пластина; III — железные кольца; IV — железное кольцо с бронзовой обоймой, V — обломок бронзовой пластины; 3 — труположение I; 4 — трупосожжение IV: 1 — бронзовая пряжка, II — бронзовые пронизки, III — оковка ножен, IV — бронзовая серьга); 5 — погребение I Ирчинского кургана 1; 6—8 — планы городищ (6 — Потчевашское; 7 — Мурлинское; 8 — Узловское); 9 — Логиновское городище. Сводный план раскопок, профиль северной стенки разреза по линии I—I; 10, 11 — планы жилищ VI (10) и I (11) Логиновского городища; а — кусочки кальцинированных костей; б — очаг; в — развал вала (светлокоричневый слой с вкраплениями глины); г — заполнение жилища (черный плотный слой с вкраплениями угля); д — дерново-почвенный слой; е — зольник; ж — дерево; з — столбовые ямы; и — глиняный сосуд; к — материковая глина; л — погребенная почва

Таблица LXXVII. Потчевашская культура. Орудия труда, предметы вооружения и быта.

1—22, 43 — наконечники стрел; 23—25 — наконечники гарпунов; 26 — блок; 27, 28, 45 — крючки; 29, 30 — проколки; 31 — рукоятка шила; 32 — игольник; 33 — подвеска; 34 — клинья; 35 — молот; 36 — мотыгообразное орудие; 37, 40, 41, 44 — ножи; 38 — фрагмент наборной рукоятки; 39 — серп; 42, 48 — наконечники копий; 46 — топор-тесло; 47 — фигурка всадника на коне; 50 — оковка ножен; 51 — тигель; 52 — накладка; 53 — льячка; 54, 55, 59, 65 — бусы, пронизки; 56—58, 61—64 — пряслицы; 60 — панцирная пластина; 66 — ложка; 67 — накладка от колчана; 1, 3, 21, 22, 37, 40, 41, 43, 45, 46, 49, 50, 60, 67 — могильник Окунево III (1, 21, 45, 46 — трупосожжение I; 3, 67 — труположение I; 22 — трупосожжение XV; 37 — трупосожжение III; 40 — трупосожжение XIII; 41 — вне погребения; 43, 50 — трупосожжение IV; 49 — трупосожжение XX; 60 — трупосожжение V); 2, 42, 48 — могильник Мурлинский I (2 — курган 21, погребение 1; 42 — курган 2: 48 — курган 3); 4—20, 23—31, 33, 34, 38, 44, 47, 52, 54—59, 61—63, 65, 66 — городище Потчеваш; 32, 35, 36 — городище Логиново; 39 — городище Большое Лог; 51, 64 — Петровское городище; 53 — Мурлинское городище; 1—3, 21, 22, 37, 39—43, 45, 46, 48—50, 60 — железо; 4—20, 23—36, 38, 44, 52, 56, 61, 66, 67 — кость; 47, 51, 53, 55, 57—59, 62—65 — глина

Таблица LXXVIII. Потчевашская культура. Детали конского снаряжения, поясных наборов и украшения.

1, 37 — стремяна; 2 — удила; 3, 18, 39, 45, 53, 61 — бляхи от поясных наборов и украшения сбруи; 4, 16, 49, 56 — наконечники ремней; 5, 6, 10, 25 — серьги; 7, 11, 12, 24 — перстни; 8, 9, 21, 28, 31, 33, 36, 40, 52, 59, 60 — зоо- и антропоморфные изображения — подвески и накладки; 13, 34, 35, 41 — бусы; 14, 22, 23, 26, 38, 43, 44, 46, 54, 55 — пряжки; 15 — накладка; 17 — бубенчик; 19, 20, 42, 58 — браслеты; 27 — кольцо с обоймой для крепления; 29 — модель седла; 30, 32 — пронизки; 47, 48 — псевдопряжки; 50 — застежка; 51 — подвеска; 57 — блок от чумбура; 1 — Мурлинское городище; 2, 6, 8, 13, 14, 17 — могильник Мурлинский II (2, 6 — курган 2; 8, 14 — курган 1, погребение 2; 13 — курган 1, погребение 6; 17 — курган 1, погребение 3); 12, 20 — могильник Мурлинский I (12 — курган 21, погребение 2; 20 — курган 21, погребение 1); 3, 4, 15, 22—28, 30—35, 37—51, 53—59, 61 — могильник Окунево III (3, 4, 15, 24 — труположение 1; 22, 23, 26, 30, 32 — трупосожжение IV; 25 — трупосожжение VIII; 27 — трупосожжение V; 28 — трупосожжение XXI; 31 — трупосожжение XIX;

33 — трупосожжение VI; 34, 51, 53, 54, 57, 58, 61 — трупосожжение XX; 35, 46 — трупосожжение IX; 37—39, 45, 48 — трупосожжение III; 40, 43 — трупосожжение II; 41, 50, 55, 56, 59 — труположение 2; 42 — трупосожжение XVIII; 44, 47, 49 — трупосожжение I); 5, 36 — курганы Потчеваш; 7, 9—11, 16, 18 — Маломурлинский курган; 19 — городище Логиново; 21 — Мурлинское городище; 29 — городище Потчеваш; 52, 60 — Савинский курган; 1, 2, 22, 37 — железо; 3—10, 12, 16—19, 21, 23—26, 28, 30—34, 36, 38—40, 42—49, 51—61 — бронза; 11 — бронза; стекло; 13—15, 50 — кость; 20 — бронза, кожа; 27 — железо, бронза; 29 — глина; 35 — хрусталь; 41 — сердолик

Таблица LXXIX. Керамика потчевашской культуры.

1—3, 5 — могильник Окунево III (1 — трупосожжение I; 2 — трупосожжение VIII; 3 — трупосожжение IV; 5 — труположение I); 4 — Петровское городище; 6, 8—15 — Логиновское городище; 7 — могильник Мурлинский I

Таблица LXXX. Усть-ишимская культура. Поселения, жилища, погребальный ритуал.

1, 2, 5 — планы городищ (1 — Безымянное I; 2 — Новоникольское I и IV; 5 — Новаягольное I); 3 — разрез насыпи вала Безымянного I городища; 4, 6 — планы жилищ (4 — Безымянного I городища (№ 1); 6 — поселения Кипо-Кулары (№ 10); 7 — план Кипского могильника; 8 — план и разрезы кургана 1 Малотепенлянского могильника; 9 — план погребения 2, кургана 2 Кипского могильника (1 — бронзовые зооморфные изображения; 2 — наконечники стрел; 3, 4 — бронзовые антропоморфные изображения; 5 — бронзовая пластина; 6 — 8 — бронзовые бусы; 9 — глиняный сосуд; а — дерн; б — насыпь; в — песок с черноземом; г — погребенная почва; д — материк; е — глиняный сосуд; ж — столбовая яма; з — дополнительная полсыпка вала; и — очажный углито-золистый слой; к — серый слой; л — раскоп; м — зола; н — уголь; о — обожженная глина; п — древесный тлен; р — край террасы; с — жилищная впадина

Таблица LXXXI. Усть-ишимская культура. Предметы конского снаряжения, домашнего обихода, детали поясных наборов и одежды.

1—5 — кресала; 6, 7, 10, 32 — пряжки; 8, 9, 12, 38 — бляшки-накладки от поясных наборов и конской сбруи; 11 — застежка; 13—15 — наконечники ремней; 16—18 — бляхи-пуговицы с перемычкой на обороте; 18а — привеска; 19, 22, 23, 26 — подвески-полубубенчики; 20, 21 — бубенчики; 24, 27 — нашивные бляшки; 25 — пронизка; 28 — ложка; 29, 33, 34 — стремяна; 30, 31 — удила; 35 — туес; 36 — котел; 37 — навершие рукоятки плети; 1, 2, 16 — Новоникольский могильник; 3, 38 — Малая Бича (курган 3, погребение 4); 4, 14, 37 — Кип (4, 14 — курган 8, погребение 1; 37 — курган 2, погребение 2); 5, 17, 18, 18а, 21, 22 — Аксеновские курганы; 6 — Новоникольское I городище; 7, 11, 12 — могильник Аргаиз (7, 12 — погребение 2; 11 — погребение 1); 8, 9, 13, 15 — Имшегал, курган 1; 10, 19, 25, 26, 30—32 — Малая Тебеля (10, 25, 30 — курган 6, жертвенный комплекс; 19 — курган 1, погребение 3; 26, 32 — курган 6; 31 — курган 1, погр. 2); 20, 23, 24, 27 — Эбаргильские курганы; 28 — поселение Кипо-Кулары; 29, 33—36 — Усть-Ишим (29 — курган 13, жертвенный комплекс; 33 — курган 6, погребение 1; 34, 35 — курган 13, погребение 1; 36 — курган 14, погребение 1); 1—4 — бронза, железо; 5, 6, 10, 29—31, 33 — железо; 7—9, 11—27, 37 — бронза; 28, 32 — кость; 34 — железо, бронза; 35 — береста; 36 — медь; железо; 38 — бронза, кожа

Таблица LXXXII. Усть-ишимская культура. Зоо- и антропоморфные изображения, украшения, серьги, браслеты, шумящие подвески.

1—5 — антропоморфные фигуры; 6—8, 12—14, 18, 24 — зооморфные подвески; 9, 10, 15, 16, 20 — серьги, височные подвески; 11, 17 — бляхи, подвески; 19 — накладка; 21—23, 26—28, 32—34, 36, 38 — шумящие подвески и их детали; 25, 29, 35 — браслеты (25, 35 — развертка); 30, 31 — наконечники; 37 — флаконовидная подвеска; 1, 20, 23 — Новоникольский могильник; 2 — Аргаизский могильник; 3, 4, 8 — бывш. Тарский округ, коллекция Усовых; 5 — городище Кип; 6, 12 — Усть-Ишим, случайные находки; 7, 19 — Эбаргильские курганы; 9, 10, 15, 17, 25, 34, 35 — курганы Аксеново; 11 — Новоникольское I городище; 13, 26, 33 — Аргаиз, погребение 1; 14, 27, 28, 32, 38 — Кип (14, 32, 38 — курган 14, погребение 3; 27 — курган 7; 28 — курган 14, погребение 1); 16 — Усть-Ишим, курган 13, жертвенный комплекс; 18, 22, 30 — Малая Тебеля

дя, курган 1, погребение 1; 21 — городище Искер; 24, 36, 37 — находки из бывш. юрт Карагайских; 29, 31 — Малая Бича (29 — курган 3, погребение 3; 31 — курган 1); 1—9, 11—15, 17—38 — бронза; 10, 16 — серебро

Таблица LXXXIII. Усть-ишимская культура. Орудия труда и предметы вооружения.

1—13, 22—26 — наконечники стрел; 14 — часть напцрия; 15 — оселок; 16—18 — ножи; 19 — часть наборной рукоятки; 20, 28 — шилья, проколки; 21 — наконечник гарпуна; 27 — накладка от сложного лука; 29 — куштан, пазник; 30, 32 — тигли; 31, 33, 34, 37—39 — пряслица; 35, 40, 41 — боевые топоры; 36 — льячка; 42 — тесло, мотыжка; 43 — тесло, топор; 44 — клин; 1, 5, 6, 9, 14 — Аргаиз (1, 14 — погребение 5; 5, 6, 9 — культурный слой); 2, 29 — Александровка II (2 — курган 3, погребение 1; 29 — курган 6, погребение 1); 3 — Имшегал, курган 1; 4 — поселение Белый Яр; 7, 8, 19, 20, 23, 25, 26, 28, 31, 34 — Новоникольское I городище; 10—13 — Кип (10, 11 — курган 8; 12, 13 — курган 9); 15, 17, 24 — Безымянное I городище; 16, 33, 36 — Новоникольское IV городище; 18, 21, 22, 27, 30, 32, 38, 39, 43, 44 — городище Кипо-Кулары; 35, 40, 42 — Малая Тебендя, курган 1 (35, 40 — погребение 1; 42 — погребение 2); 37, 41 — Эбаргульские курганы; 1—14, 16, 18, 29, 35, 40—43 — железо; 15, 31 — камень; 17, 19—28, 37, 39, 44 — кость, рог; 30, 32—34, 36, 38 — глина

Таблица LXXXIV. Керамика усть-ишимской культуры.

1—6, 14, 16 — Новоникольское I городище; 7, 10—13 — Эбаргульские курганы; 8 — Малая Тебендя, курган 1, погребение 2; 9 — Аксеновский курган; 15 — Безымянное I городище

Таблица LXXXV. Памятники оронтурского типа.

1 — план городища Оронтур; 2 — план городища Сортынья III; 3—5, 7—9, 11 — зооморфные изображения; 6, 17 — наконечники стрел; 10 — ложка; 12 — бляха; 13 — браслет; 14, 15 — ножи; 16 — стружок; 18 — клещи. 1 — Оронтур; 2 — Сортынья III; 3 — юрты Ишварские (Кушеват); 4, 7 — Филинское (Горноправдинск); 5 — Тюково; 6, 10, 15—17 — Тюттей-Сале; 8 — р. Северная Сосьва; 9, 11, 13 — Ялпинг-Нел (мыс Шайтанский); 12 — район Березова; 14 — Люликар; 18 — Ус-Нел; 3—5, 7—9, 11—13 — бронза; 6, 10, 17 — кость; 14, 18 — железо; 15, 16 — дерево

Таблица LXXXVI. Керамика оронтурского типа.

А — керамика районов Заполярья; Б — керамика люликарской группы; В — керамика оронтурского облика; 1, 3 — жертвенное место Хэйбидя-Падара; 2, 4, 5 — поселение Тюттей-Сале; 6, 8—10 — городище Ус-Толт; 7 — поселение Согом; 11 — поселение Карым; 12—15, 17 — городище Люликар; 16 — городище Кинтусово

Таблица LXXXVII. Керамика и вещи с памятников вожпайского типа.

1—4 — наконечники стрел; 5 — игла; 6 — обломок шила; 7 — фрагмент крючка; 8, 9 — ножи; 10 — фрагмент оковки ножен (?); 11—22 — керамика; 1—11, 16 — городище Тух-Эмтор IV; 12, 14 — Новоникольский могильник; 13, 15, 18 — Барсов Городок I/32; 17 — городище Вож-Пай; 19—22 — городище Большой Ларьяк II; 1—9 — железо; 10 — бронза; 11—22 — глина

Таблица LXXXVIII. Памятники кинтусовского этапа. Поселения, жилища, погребальный обряд.

1, 2 — планы поселений; 3, 4 — планы жилищ; 5 — план могильника; 6—10 — планы погребений; 1, 3 — поселение Зеленая Горка; 2 — городище Мань-Няслан-тур; 4 — поселение Хаэн-Сале; 5—10 — могильник Барсов Городок.

Таблица LXXXIX. Древности кинтусовского типа.

1—3, 9—11, 14—17, 21, 22 — зооморфные подвески; 4—6, 12, 13 — бусы; 7, 8, 20 — личины; 18, 23—25 — серьги, височные подвески; 19 — импортная антропоморфная подвеска; 26—33 — глиняные сосуды и их фрагменты; 1—3, 7—12, 16, 17, 21 — могильник Ленк-Понк; 4, 22, 24, 26—29, 31 — могильник Барсов Городок; 5, 6, 13, 19, 20, 23, 32 — могильник Кинтусовский; 14, 15, 18, 25 — могильник Уна-Пай; 30—33 — городище Тан-Варуп-Эква; 1—4, 7—11, 13—25 — бронза; 5, 6, 23 — серебро; 12 — стекло; 26—33 — глина

Таблица XC. Орудия труда, предметы вооружения и быта с памятников кинтусовского этапа.

1—14 — наконечники стрел; 15 — кольцо от кольчуги; 16, 20, 21 — кресала; 17 — удила; 18 — ушко от котла; 19 — шило;

22 — рожок от лука; 23—25 — ножи; 26 — ключ от замка; 27 — топор; 28 — деталь оленьей уздечки (?); 29 — костяная подделка; 30 — фрагмент тигля; 31 — заготовка копы (?); 32 — оселок; 1, 22, 24, 29, 32 — поселение Зеленая Горка; 2—6, 8—10 — Киптусовский могильник; 7, 11 — могильник Ленк-Понк (Скрипупова); 12—14, 16, 17, 19—21, 23, 25 — могильник Барсов Городок; 15, 27 — городище Тан-Варуп-Эква; 18 — поселение на мысу Хаэн-Сале; 26, 28, 30, 31 — городище Мань-Няслан-тур; 1, 22, 28, 29, 31 — кость, рог; 2—17, 19, 23, 24, 26, 27 — железо; 18 — медь; 20, 21, 25 — железо, бронза; 30 — глина; 32 — камень

Таблица ХСІ. Детали одежды и украшения с памятников кинтусовского типа.

1, 2 — лунница; 3 — щиток от шумящей подвески; 4, 8—10 — шумящие подвески; 5, 6, 12, 13 — провизки; 7 — бляха-подвеска; 11, 16, 21 — браслеты (11 — развертка изображения на браслете); 12 — рукоятка ножа; 13 — игольник; 14 — колоколовидная подвеска-провизка; 15, 24, 25, 33, 36—38 — бляшки; 17 — серьга; 18, 20 — наконечники; 19, 30—32 — подвески; 22, 23 — бубенчики; 26—28 — бляхи-пуговицы с перемычкой на обороте; 29—34 — детали поясных наборов; 35, 43, 45 — пряжки; 39—41 — серьги; 42 — шейная гривна; 1, 25 — Тазовская мастерская ювелиров; 2—4, 6—8, 10—14, 23, 40—43, 45 — Киптусовский могильник; 5, 9, 15, 30, 31, 33, 39 — могильник Ленк-Понк; 16 — Ямгортский клад (р. Сыня); 17, 18, 24, 32 — могильник Уна-Пай; 19—22, 35—38, 44 — могильник Барсов Городок; 26—29, 34 — клад с Барсовой горы; 1, 2, 4—15, 17—28, 30—33, 35—38, 40, 43—45 — бронза; 3, 16, 39, 41, 42 — серебро; 29, 34 — бронза, кожа

Таблица ХСІІ. Предметы русского импорта XI—XIII вв. в Прибые и местные подражания привозным русским вещам.

1—4 — бусы; 5—7, 13 — бубенчики; 8, 10 — кресала; 9, 11 — лунницы; 12 — подвеска; 14 — кольцо от фибулы; 15 — серьга, височное кольцо; 16 — топор; 17, 18 — перстни; 19—21, 24 — браслеты; 22 — ключ от замка; 23 — наппись на дне чаши; 25 — меч; 26 — чаша; 1, 2 — городище Барсов Городок IV/1; 3, 12 — Киптусовский могильник; 4, 5, 7, 9, 10, 15, 21 — Ликинский могильник; 6, 13 — городище Кипо-Кулары; 8 — Искер; 11, 14 — Тазовская мастерская; 22 — городище Мань-Няслан-тур; 24 — Ямгортский клад; 25 — случайная находка на могильнике Преображенка III; 26, (23) — Березово, случайная находка; 1, 2 — стекло; 3, 4, 19—21, 24 — серебро; 5—7, 9, 11—15, 18 — бронза; 8, 10, 16, 22, 25 — железо; 26 — серебро с позолотой

Таблица ХСІІІ. Поселения, жилища и погребальный обряд релкинской культуры.

1 — план могильника Релка; 2 — поселение Круглое озеро I; 3 — поселение Малгет I, общий план; 4 — поселение Круглое озеро II, жилище 2; 5 — Релка, курган 1, план и разрез; 6—9 — планы погребений (6 — Релка, курган 5, погребение 1; 7 — Красный Яр, курган 1; 8 — Релка, курган 27, погребение 4; 9 — Релка, курган 1, погребение 11); а — дерн; б — серая супесь; в — темная супесь; г — зола; д — уголь; е — бестеста; ж — заполнение ям; з — пятна от кострищ (кострище В — со скоплением вещей и фрагментов сосуда; Г, К — с находками керамики; Е, Ж — с костями рыб); и — череп лошади; к — керамика; л — курганная насыпь; м — жилищная впадина; н — череп человека; о — контуры могильной ямы; п — контуры погребений в насыпи

Таблица ХСІV. Керамика релкинской культуры. Нарымское Прибые.

1, 2, 4, 14, 15 — поселение Малгет II; 3, 5—9, 11—13 — могильник Релка; 10 — поселение Круглое озеро I

Таблица ХСV. Керамика релкинской культуры. Томское Прибые.

1 — Тимпразевский II могильник, курган 1, насыпь; 2, 3, 7, 9 — Тимпразевский I могильник, из погребений (2 — курган 13, 3 — курган 12, 7 — курган 27; 9 — курган 26); 4, 5 — поселение Кисловка II (4 — жилище 15; 5 — жилище 3); 6, 8 — Басандайское IV городище, жилище 1

Таблица ХСVІ. Орудия труда, предметы вооружения и конского снаряжения релкинской культуры.

1—17 — наконечники стрел; 18 — крючок от колчана; 19 — копы; 20 — напцирная пластина; 21 — обрывок кольчуги; 22 — плем; 23 — удила; 24 — псалий; 25 — блок для аркана; 26 — блок от чумбура; 27, 35 — пряслица; 28 — накладка, наконечник ремня; 29 — подпругная пряжка; 30, 31 — ножны;

32, 33 — фрагменты цепочек для подвешивания ножен; 34 — скоба; 36 — оселок; 37 — сабля; 38 — палаши; 39 — наральник или наконечник мотыги; 40 — топор, тесло; 41 — тесло, долото; 42—45 — ножи; 46 — накладка от колчана; 1—5, 7—46 — могильник Релка; 6 — Тимирязевский II могильник; 1—10, 13, 18—23, 31—34, 37—45 — железо; 11, 12, 14—17, 24—29, 46 — кость; 30 — бронза, железо; 35, 36 — камень

Таблица ХСVII. Антропоморфные изображения, детали поясных наборов и украшения релкинской культуры.

1—21 — антропоморфные изображения и личины; 22, 31 — перстни; 23, 24, 35 — серьги; 25—27, 29, 41—44 — подвески; 28 — фрагмент гривны; 30, 45 — браслеты; 32, 34, 36—38 — бусы; 33 — гривна; 39, 40 — пронизки из свернутой в спираль проволоки; 46 — поясной крючок; 47—49, 55—57, 66—69, 78—80 — пряжки; 50, 70, 71, 77, 81 — псевдопряжки; 51, 59 — Т-образные застёжки; 52—54, 61—65, 75, 76, 82, 87, 88 — бляшки-накладки; 58 — обойма; 60, 72—74, 83—86 — наконечники ремней; 1—18, 21, 23—26, 29, 30, 32—50, 53—58, 61—70, 72—88 — могильник Релка; 19, 20, 28, 59, 60 — Васюганский клад; 22, 27, 31 — могильник Красный Яр I; 51, 52, 71 — Тимирязевский II могильник; 1—31, 33, 35—46, 50, 51, 53—63, 65—71, 73—88 — бронза; 32 — полупрозрачное синее кобальтовое стекло; 34 — непрозрачное желтое стекло; 47—49 — железо; 52, 64, 72 — бронза, кожа

Таблица ХСVIII. Зооморфные изображения релкинской культуры.

1—10, 12, 13, 15—17, 19—25, 28, 31, 32 — могильник Релка; 11, 18, 26, 30, 34, 35 — Васюганский клад; 14, 29, 36 — Тимирязевский II могильник; 27 — Шутово, клад; 33 — Новосибирская обл., случайная находка; 1—36 — бронза

Таблица ХСIX. Хронология поясной гарнитуры VII—IX вв. с памятников релкинской культуры.

1—19, 62 — могильник Красный Яр (1—7, 17, 18 — курган 29; 8—9 — курган 26; 10—12, 19 — курган 10, погребение 1; 13, 14 — курган 1, погребение 1; 15 — грунтовое погребение 19; 16 — грунтовое погребение 3; 62 — курган 20); 20—23, 28 — Могильницкий могильник, курган 3, погребение 3; 24—27, 29—31, 33—58, 60, 63—65 — могильник Архерейская Заимка (24 — погребение 6; 25, 27, 36 — погребение 22; 29, 30 — вне комплекса; 31 — погребение 25; 33—35, 37—39 — погребение 16; 40—44 — погребение 26; 45—47 — погребение 5; 48—57, 60 — погребение 28; 58, 63, 64 — погребение 4; 65 — погребение 14); 32 — могильник Умна 3, курган 11; 59, 61, 66—71 — Тимирязевский II могильник (59, 61, 67 — курган 91, погребение 1; 66 — курган 47, погребение 2; 68 — курган 98; 69—71 — курган 48)

Таблица С. Предметы украшения, детали одежды, предметы быта конца VII—VIII в. с памятников релкинской культуры.

1, 6—9, 14, 16 — подвески; 2 — бубенчик; 3—5 — подпружные пряжки; 10, 13, 18, 29, 31, 39, 43, 45, 47, 48, 51 — бляшки, накладки; 11 — чаша; 12 — ложка; 15, 17, 24—27, 33—37 — серьги, височные подвески; 19 — наконечник ремня; 20—23, 30, 32, 40—42 — бусы; 28, 50 — зооморфные изображения (полное и плоскостное); 38 — зеркало; 44 — пронизка из спирально свернутой проволоки; 46 — зооморфная литая полая пронизка; 49 — эполетообразная застёжка; 1—5, 7, 12, 15, 19, 21, 45, 46 — могильник Красный Яр I; 6, 8, 9 — Могильницкий курганы; 10, 36 — Тимирязевский II могильник; 11, 13, 14, 16—18, 20, 22—35, 37—44, 47—51 — могильник у Архерейской

Заимки; 1, 2, 6—11, 13—19, 24—31, 33—40, 42—46, 48—51 — бронза; 3—5, 12 — кость; 20—23, 32, 41 — стекло, камень; 47 — бронза, кожа

Таблица CI. Сводная хронологическая таблица инвентаря релкинской культуры.

1 — кузнечные клещи; 2 — копье; 3, 4 — пакладки сложного лука; 5—12, 35, 36, 48, 49 — наконечники стрел; 13 — расположение остатков колчана — костяных накладок и положенных в него костяных наконечников стрел; 14, 19 — удила; 15, 17, 52, 53 — сосуды; 16 — бубенчик; 18 — топор-тесло; 20, 43 — бусы; 21—23, 37—39 — серьги; 24 — план и разрез жилища; 25, 32, 45, 51 — антропо- и зооморфные изображения (25, 32 — подвески; 45 — накладка; 51 — пронизка); 26 — пряжка подпружная; 27—31 — подвески; 33, 50 — пронизка из скрученной в спираль проволоки; 34, 46 — планы погребений; 40 — гривна; 41, 42, 44 — накладки; 47 — палаши; 1, 6—10, 14, 17, 18, 21, 23, 32 — могильник Архерейская Заимка (1, 6, 7, 32 — погребение 5; 8 — погребение 9; 9, 14 — погребение 33; 10 — погребение 16; 17 — погребение 22; 18 — погребение 23; 21 — погребение 26; 23 — погребение 25); 2—5, 11—13, 16, 19, 20, 26, 44, 45 — могильник Красный Яр I (2, 16 — курган 29; 3, 19 — курган 10, погребение 1; 4, 12, 13 — курган 15, погребение 1; 5, 44 — курган 20; 11 — курган 1, погребение 1; 20 — курган 17—18, погребение 1; 26 — курган 2, погребение 1; 45 — курган 7); 15 — Могильницкий курган 3, погребение 3; 22, 31 — Тимирязевский II могильник (22 — курган 42; 31 — курган 91, погребение 1); 24 — Тимирязевское IV городище, жилище 5; 25, 27—30, 33—43, 46—51, 53 — могильник Релка (25 — курган 10, кострище; 27 — курган 2, погребение 8; 28, 46 — курган 1, погребение 5; 29, 38, 51 — курган 1, погребение 1; 30 — курган 2, погребение 4; 33 — курган 4, насыпь; 34 — курган 1, погребение 2; 35 — курган 6, погребение 11; 36 — курган 6, насыпь; 37 — курган 1, насыпь; 39 — курган 2, насыпь; 40 — курган 1, скопление вещей; 41 — курган 7, кострище; 42 — курган 27, насыпь; 43 — курган 1, погребение 13; 47, 48 — курган 7, погребение 1; 49 — курган 5, погребение 4; 50 — курган 5, погребение 1); 52 — поселение Круглое озеро II; 1, 2, 5—8, 14, 18, 19, 35, 36, 47, 48 — железо; 3, 4, 9—13, 26, 49 — кость; 15, 17, 53 — глина; 16, 20—23, 25, 27—33, 37—45, 50, 51 — бронза

Таблица CII. Древности Нарымского Приобья X—XIII вв.

1 — план городища; 2 — план и разрезы жилища; 3 — разрез вала; 4 — план остатков деревянного крепления вала; 5 — нож; 6—19 — наконечники стрел; 20, 21, 24—26, 30—38 — керамика; 22, 23 — рыболовные крючки; 27 — бляха-пуговица с перемычкой на обороте; 28 — кинжал; 29 — подвеска; 1—5, 16—19, 22—25, 28, 35, 37, 38 — Плехановское 2 городище; 6—15, 30, 33, 34, 36 — Кустовский могильник; 20 — Саровское городище; 21, 26, 32 — Тискинское поселение; 20, 21, 26, 30, 32, 33 — керамика Среднего (Нарымского) Приобья (предков селькупов); 24, 25, 31, 35, 37, 38 — керамика с верховий р. Кеть (предков кетов); 5—19, 22, 23, 28 — железо; 20, 21, 24—26, 30—38 — глина; 27, 29 — бронза

Таблица CIII. Некоторые венгерские находки Восточной Европы.

1—9, 12, 13 — поясные принадлежности (бляшки, пряжка, накладки и др.); 10 — погребальная личина-маска; 11 — бубенчик; 14 — сосуд; 1—4, 6—8, 11 — Воробьево; 5, 10 — Танкеевка; 9, 12—14 — Большие Тиганы; 1—9, 11—13 — бронза; 10 — серебро; 14 — глина

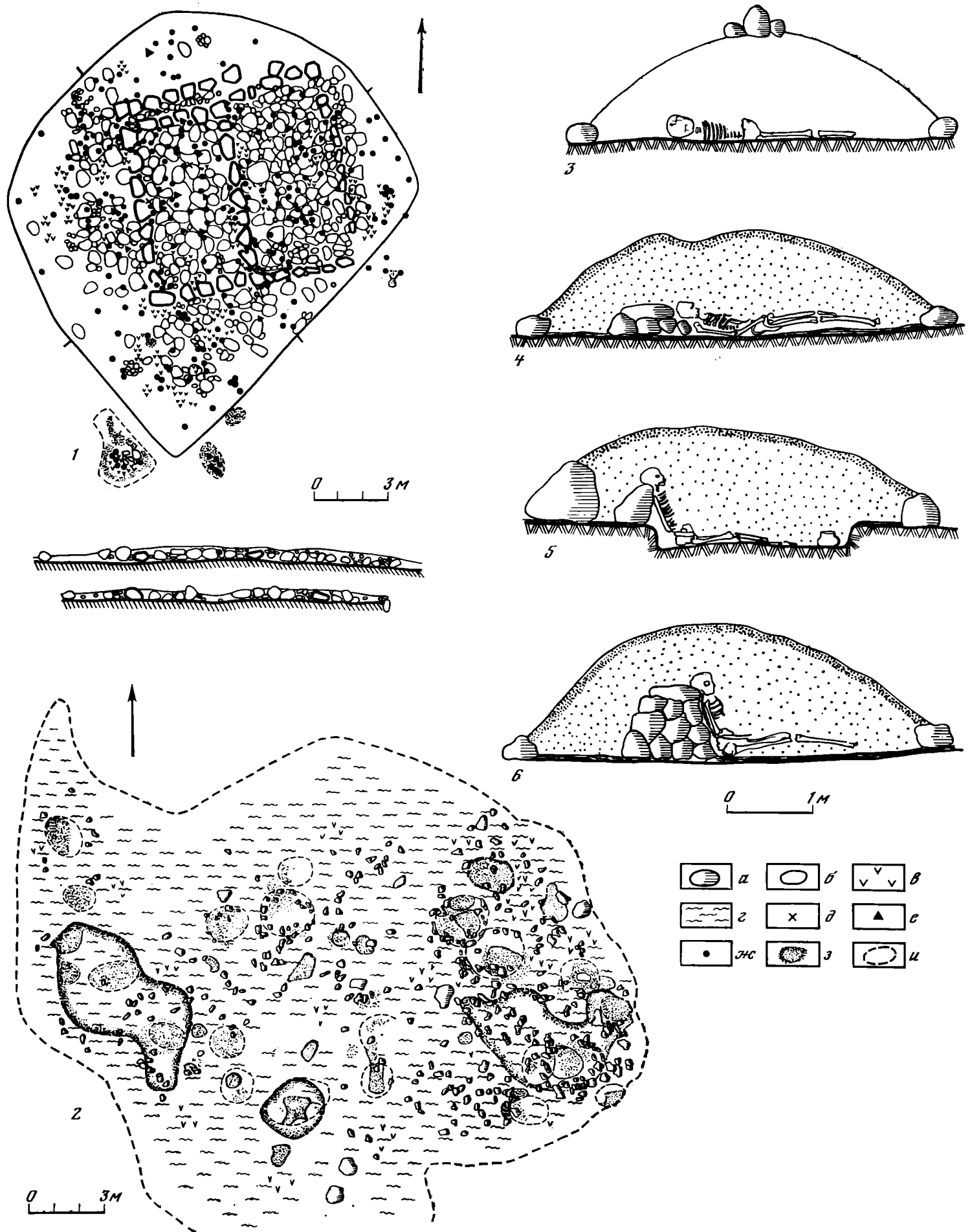

Таблица 1. Погребальные памятники эстов и води.

Таблица II. Украшения эстов.

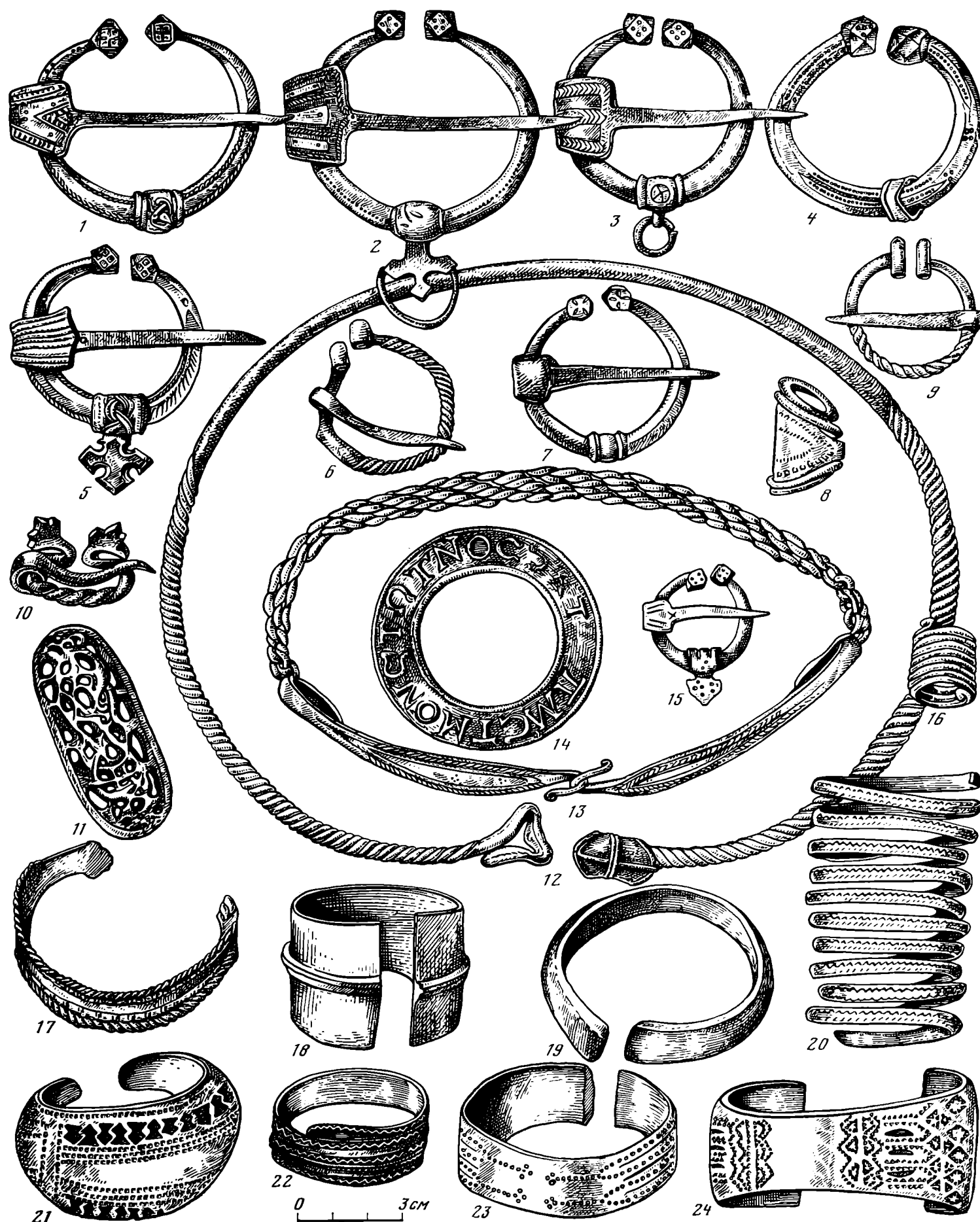

Таблица III. Украшения эстов.

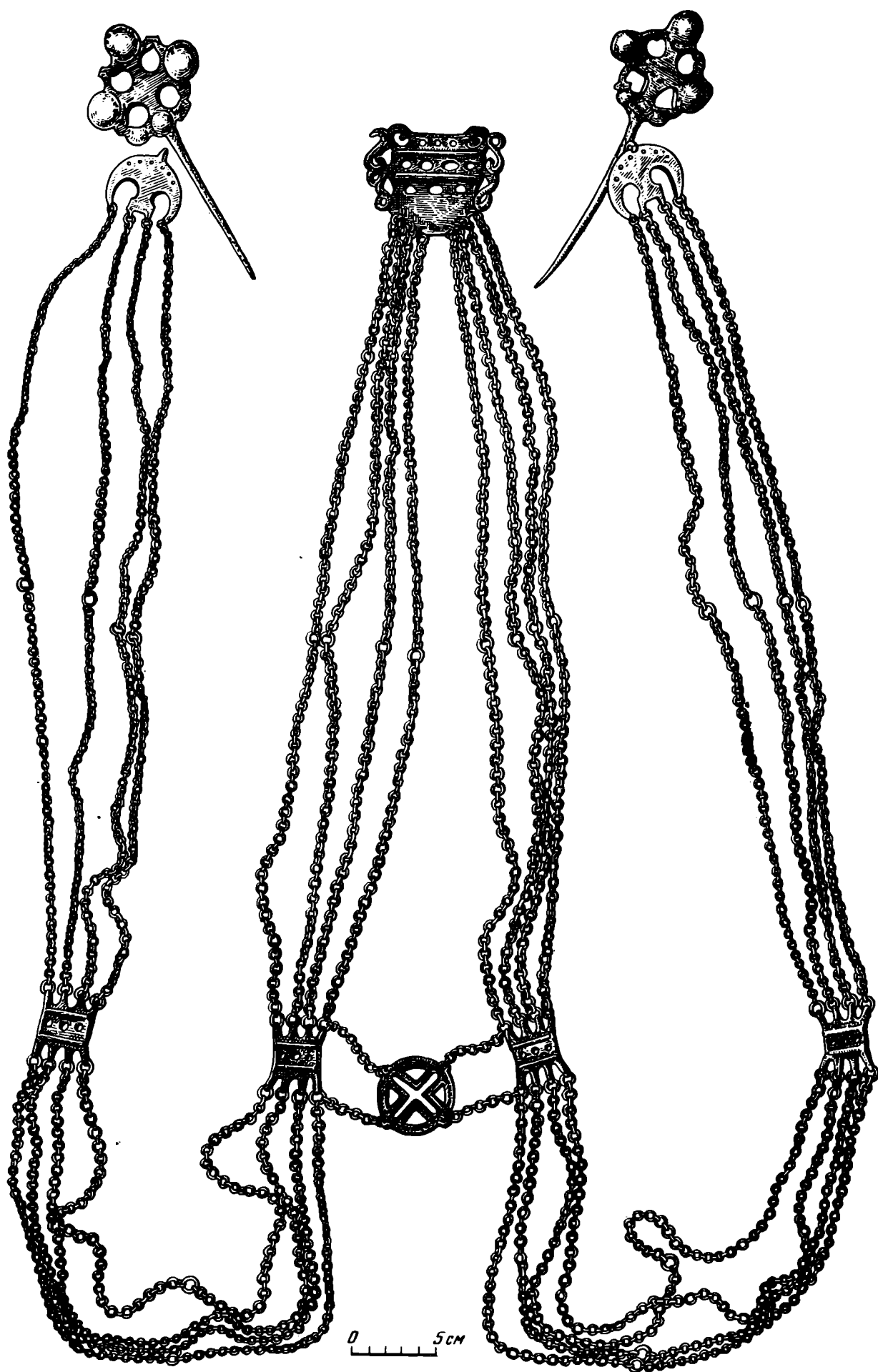

Таблица IV. Нагрудное украшение эстов из Саваствере (цветной металл)

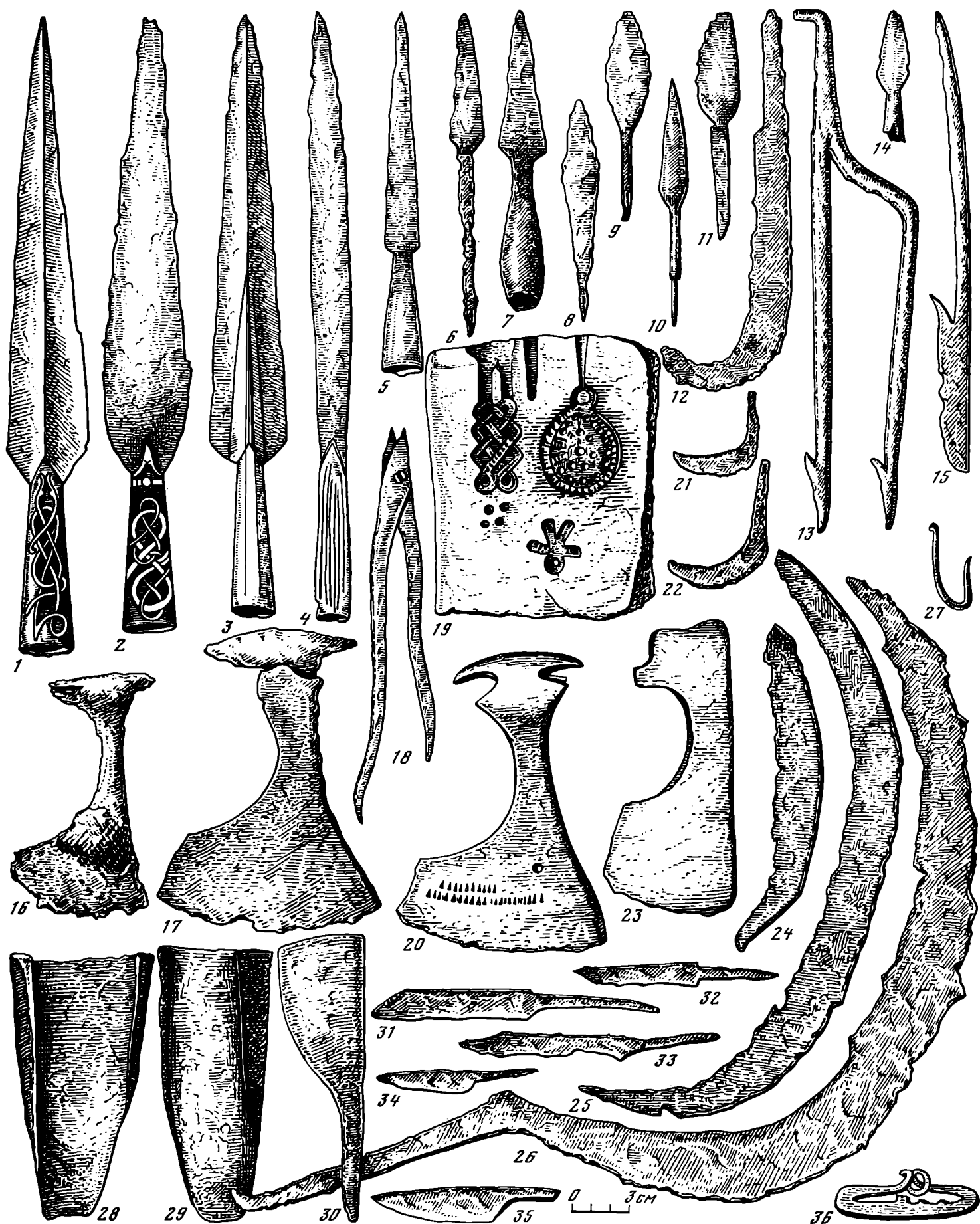

Таблица V. Оружие, орудия труда эстов и ливов.

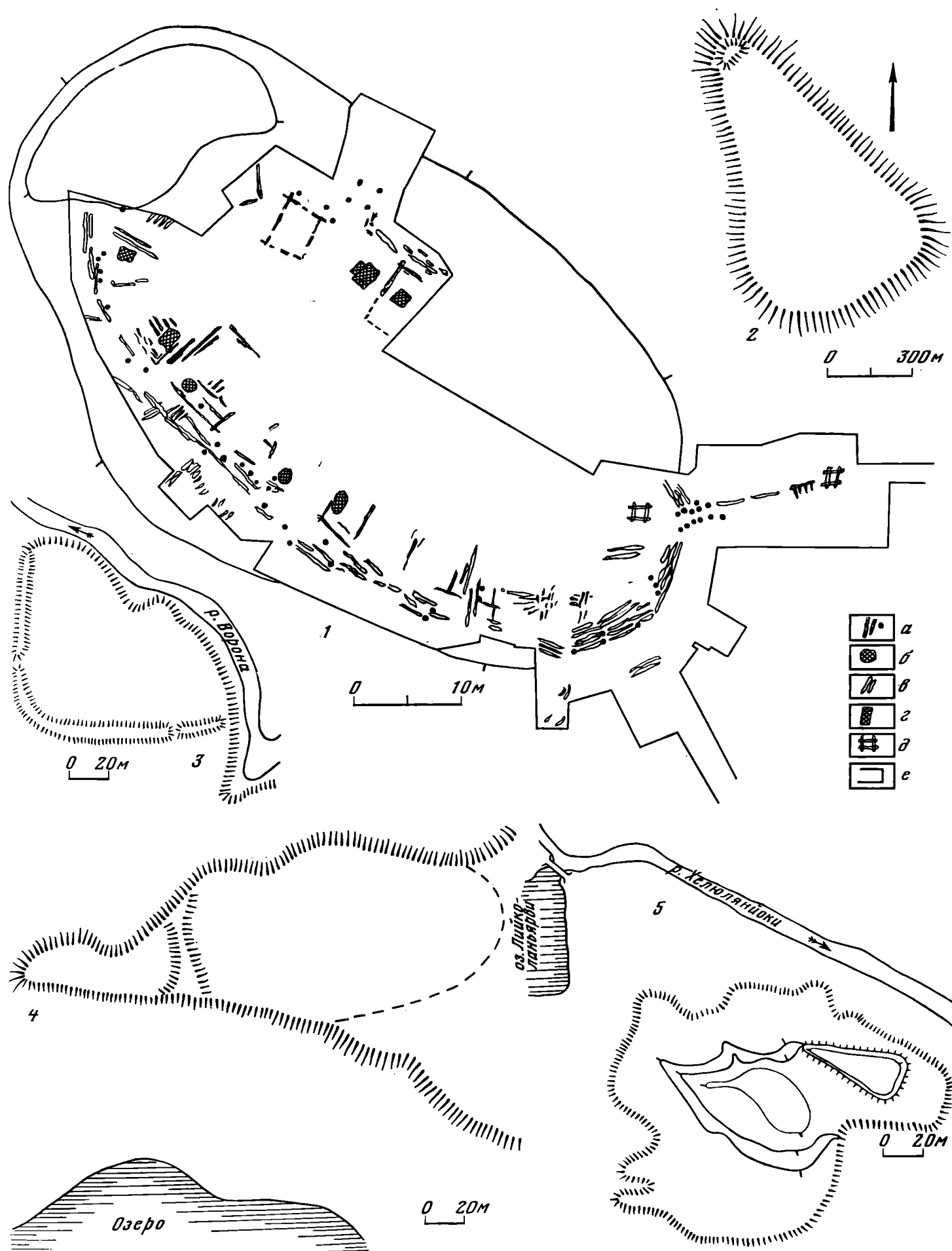

Таблица VI. Городища прибалтийских финнов.

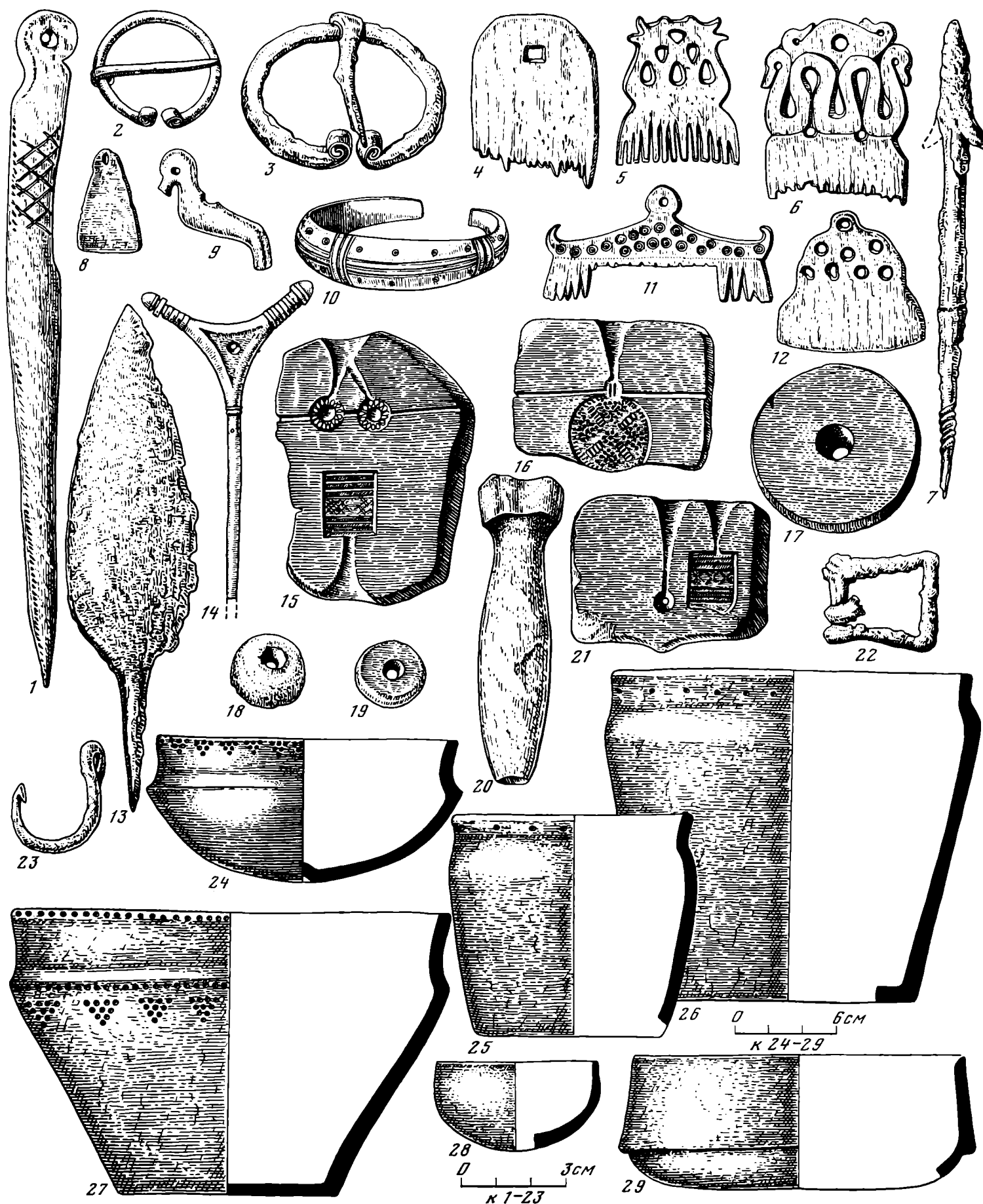

Таблица VII. Древности рыугеского типа.

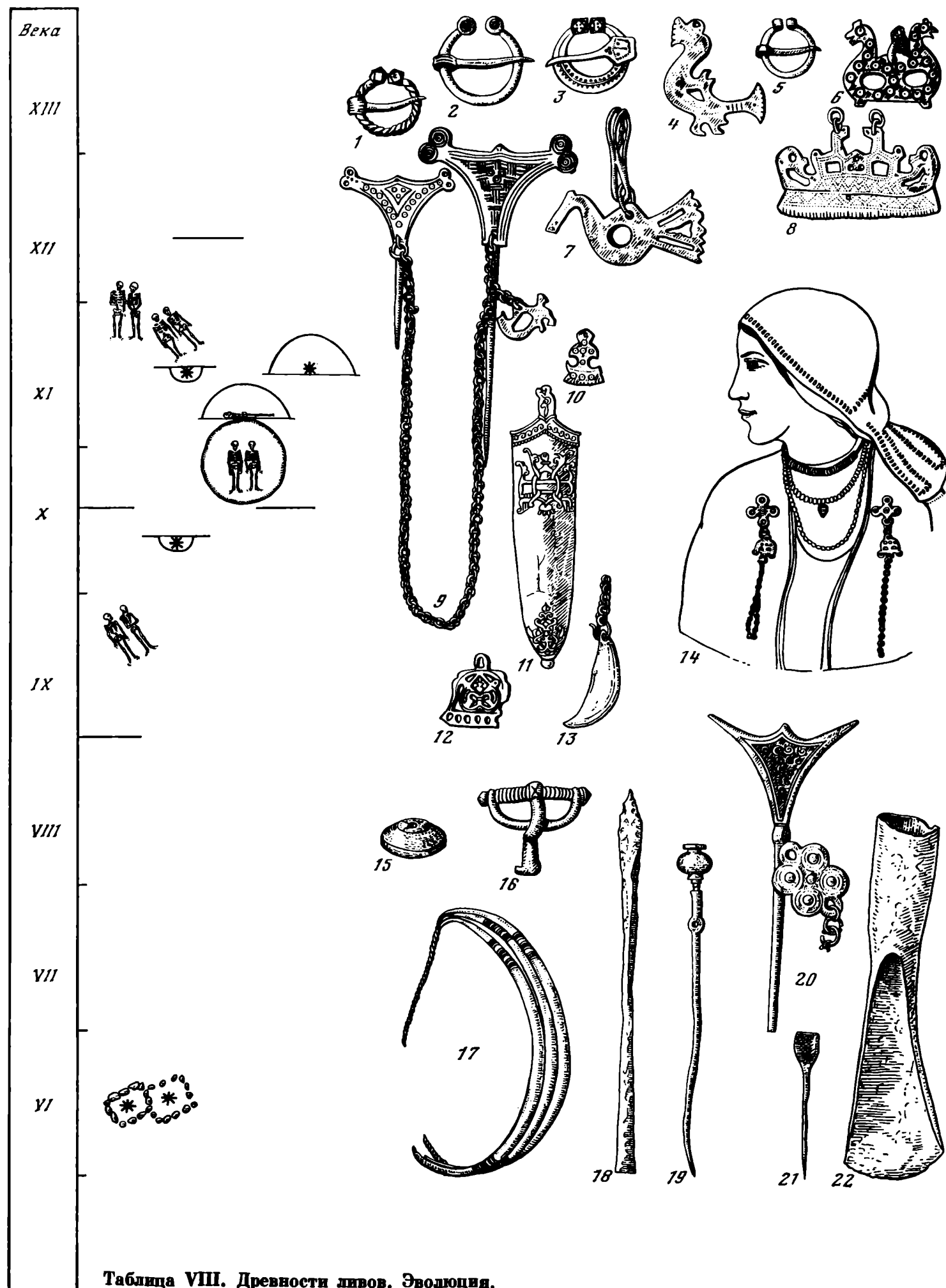

Таблица VIII. Древности ливов. Эволюция.

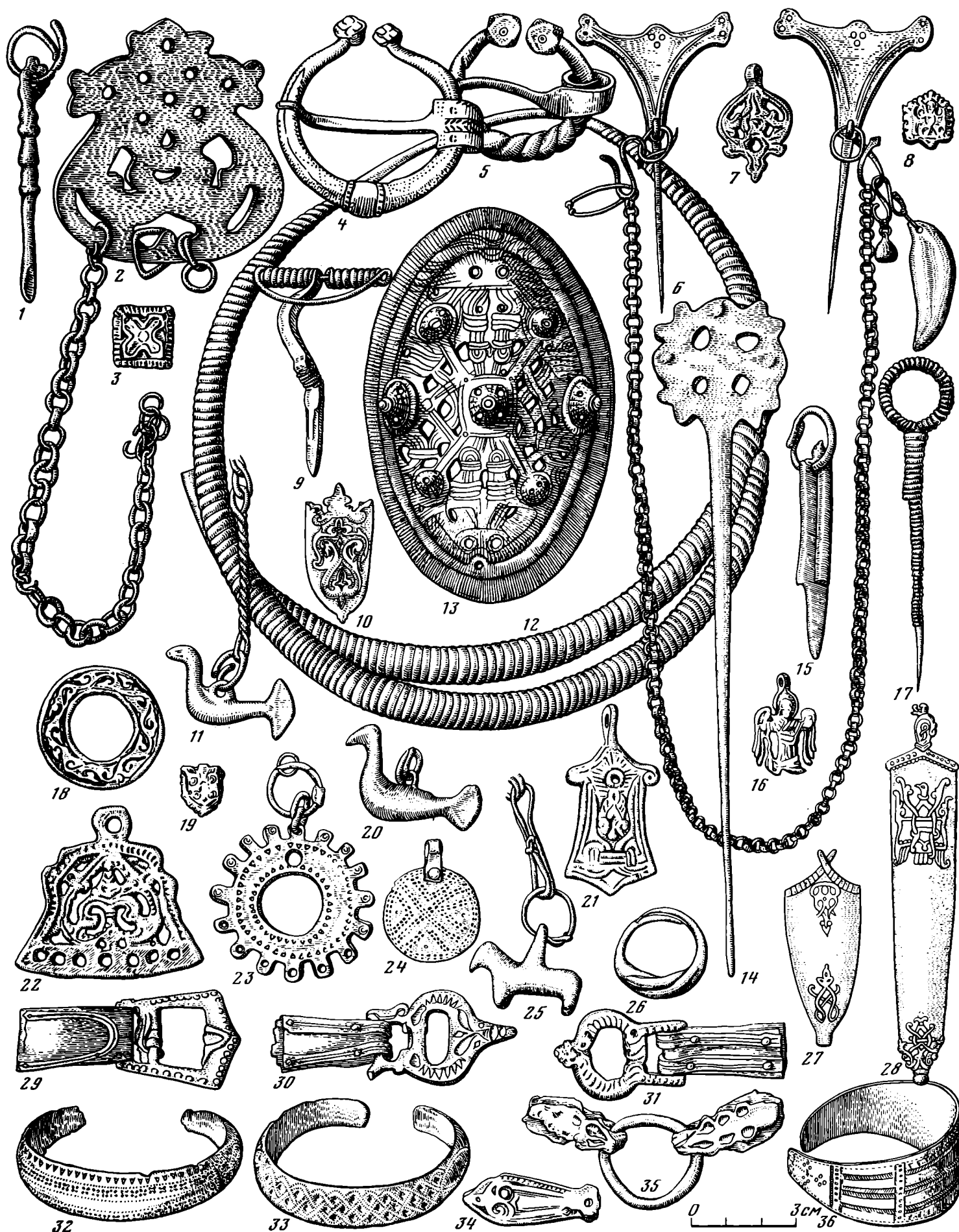

Таблица IX. Украшения ливов.

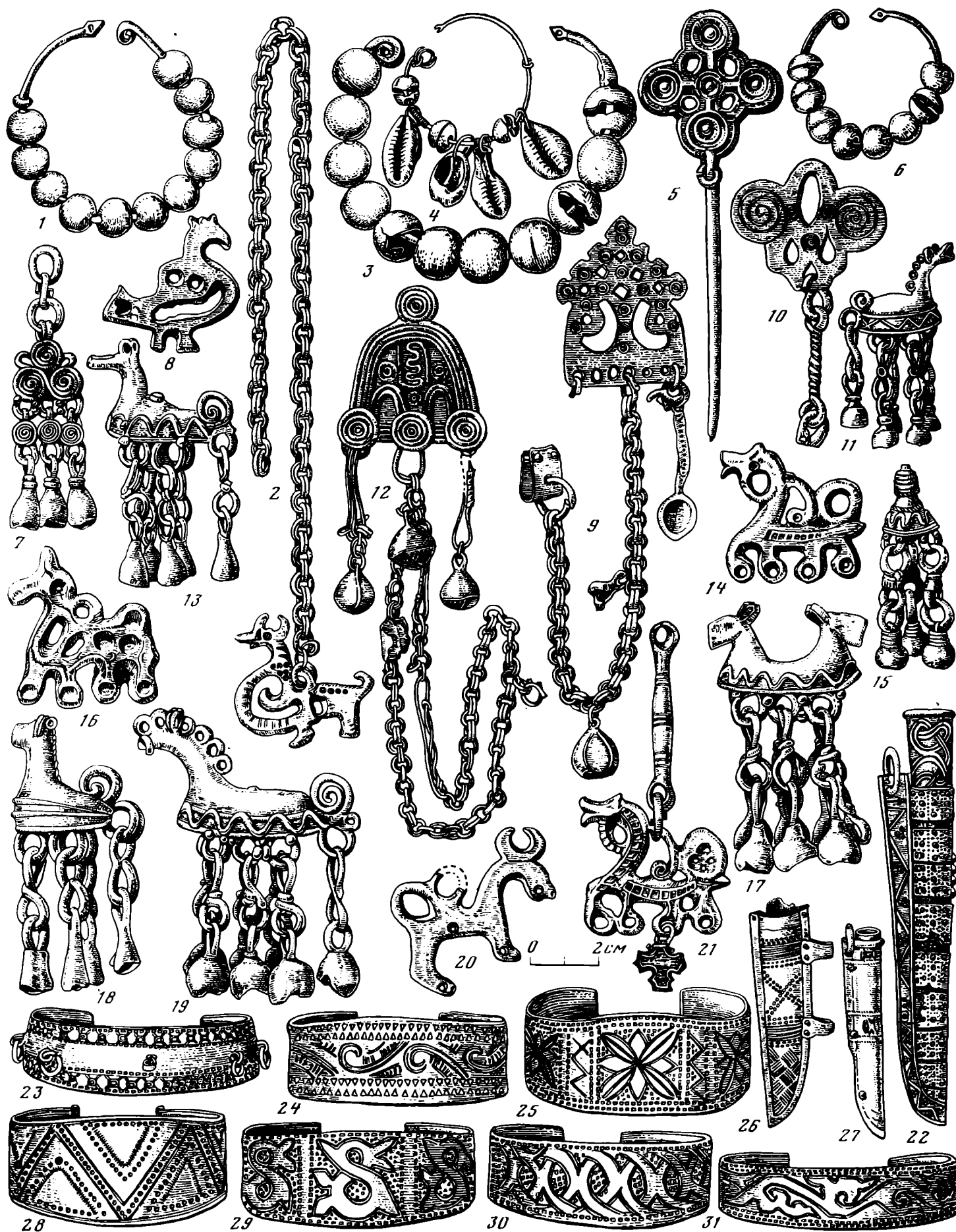
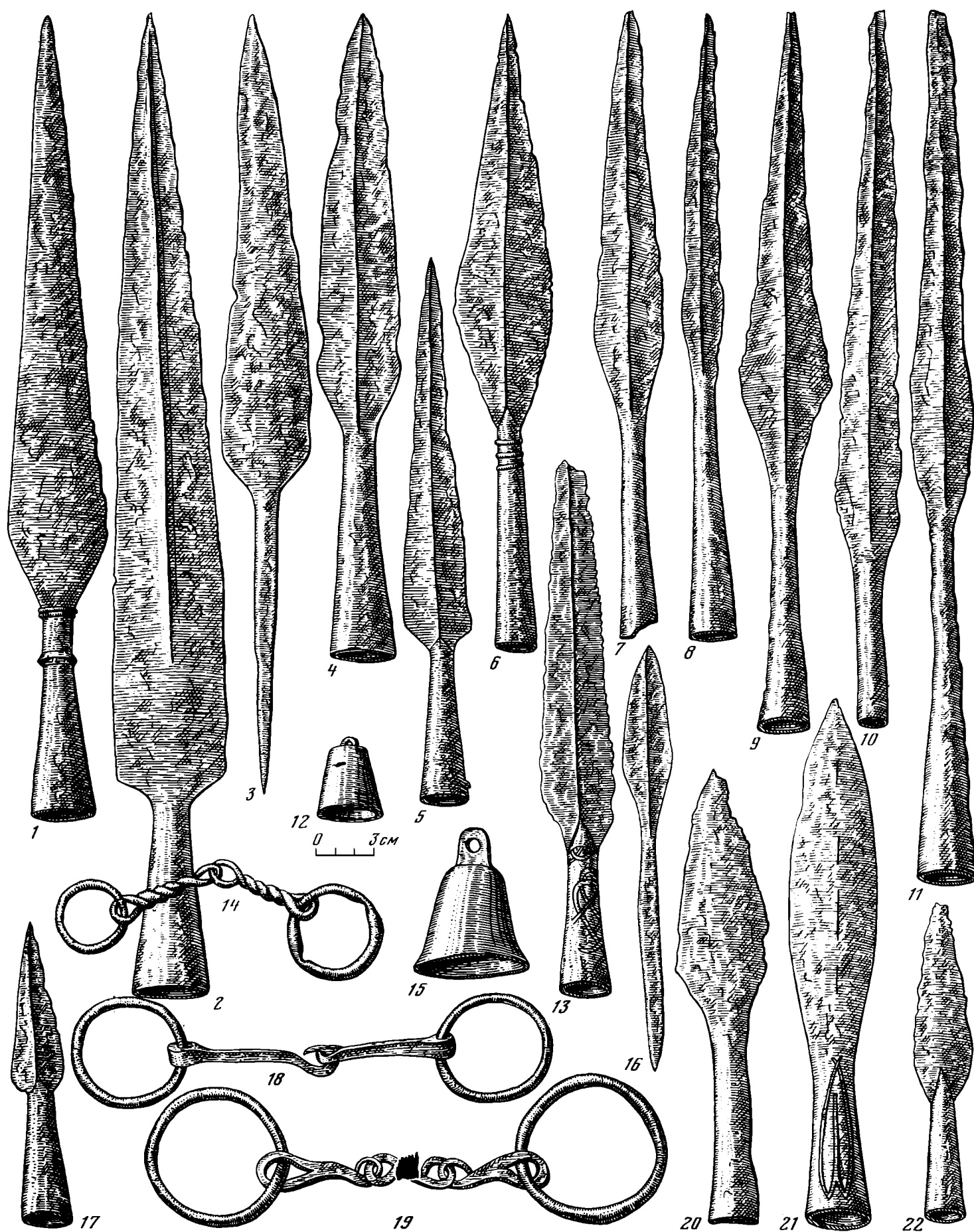

Таблица X. Украшения воды.

блица XI. Предметы вооружения и конского снаряжения из памятников корелы.

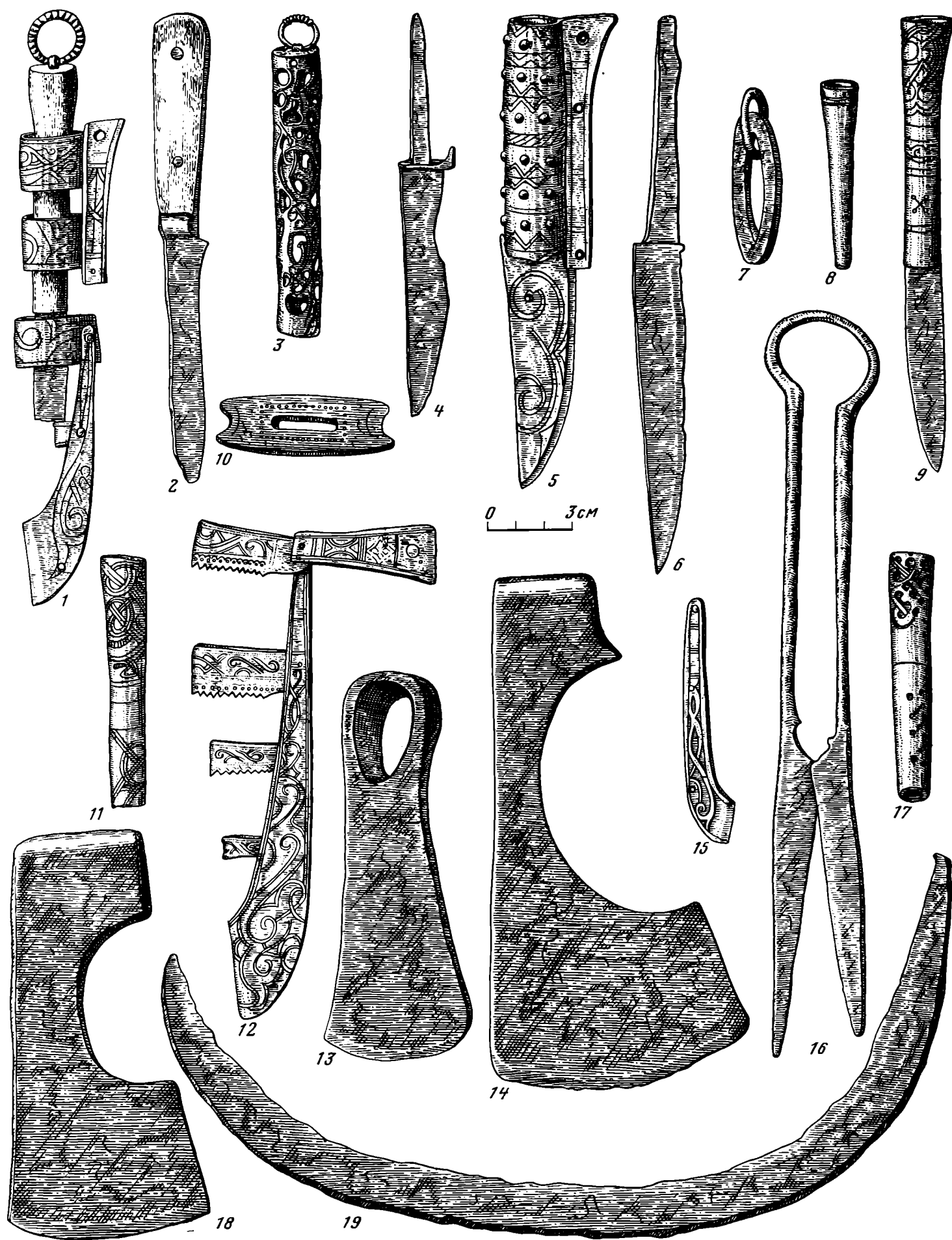

Таблица XII. Бытовые изделия из памятников корелы.

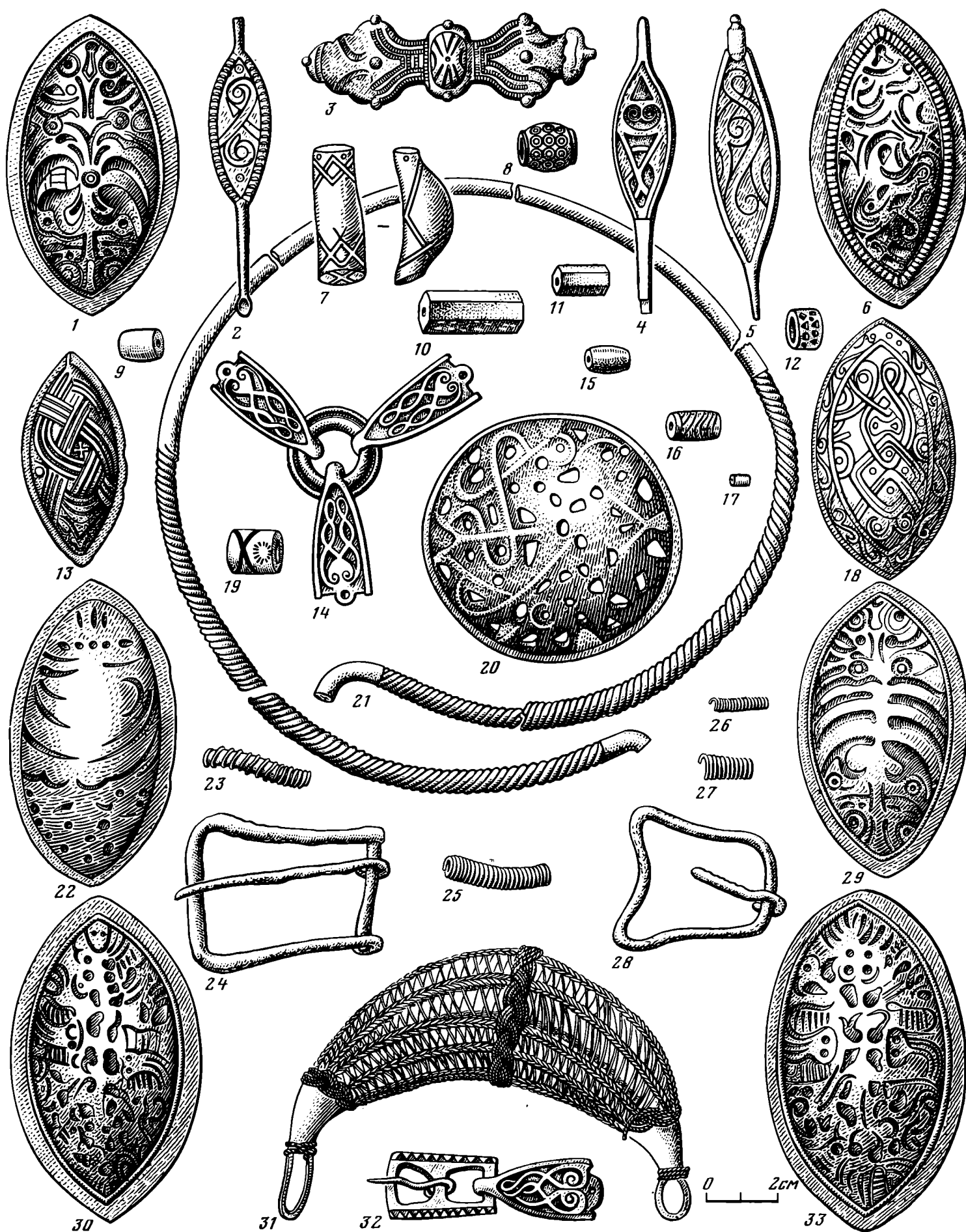

Таблица XIII. Украшения карелы.

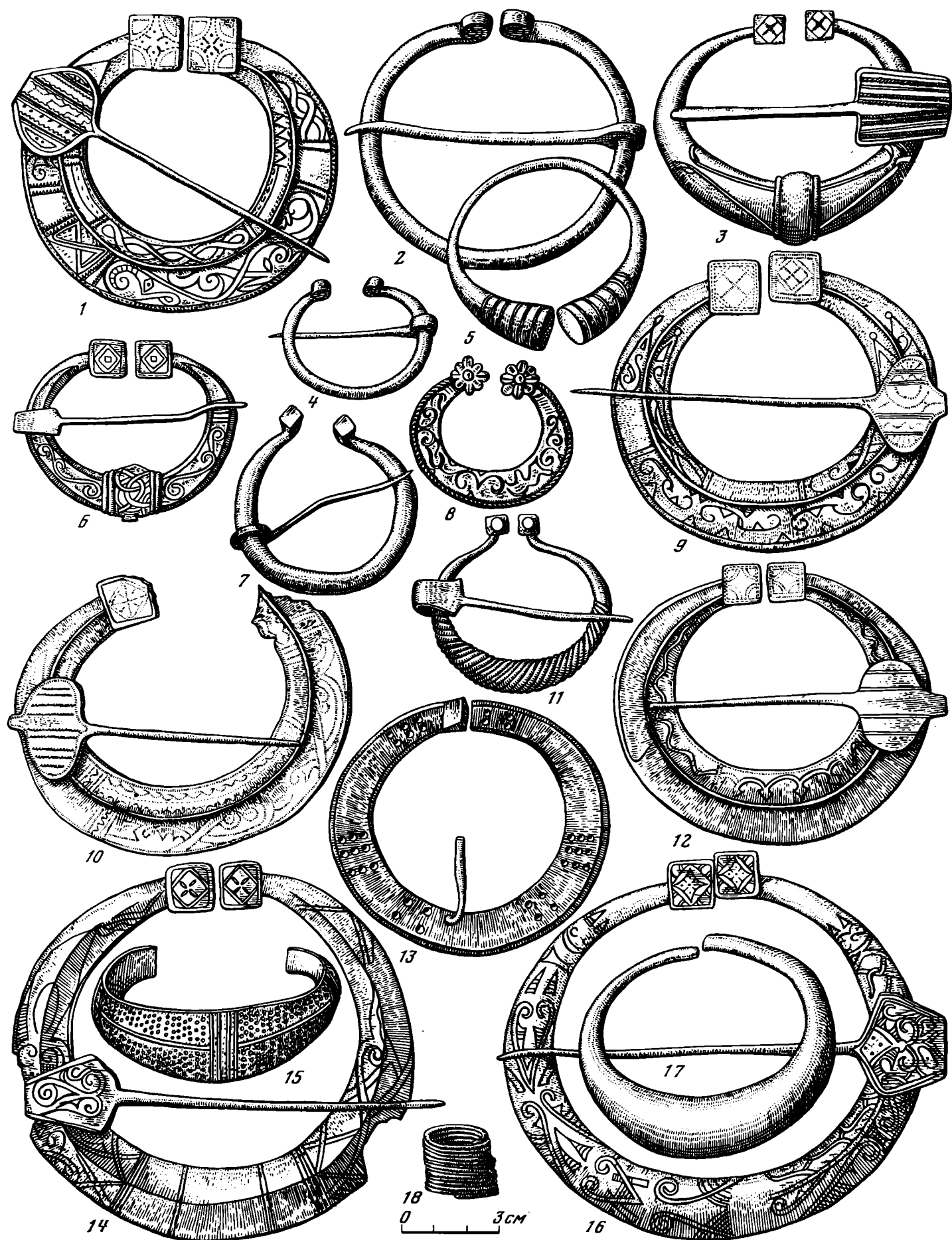

Таблица XIV. Украшения из могильников корелы.

Таблица XV. Украшения карелы.

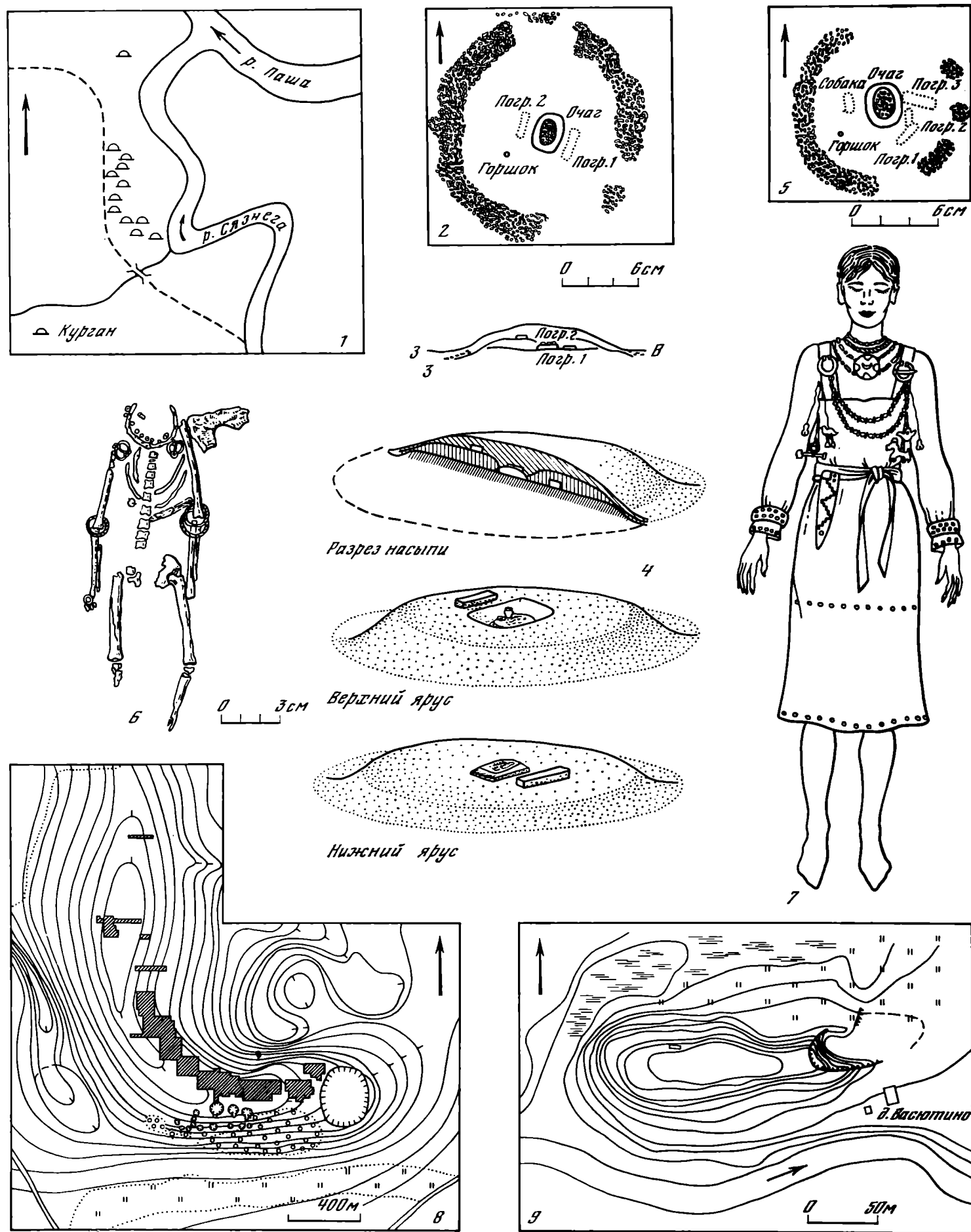

Таблица XVI. Поселения и погребения веси.

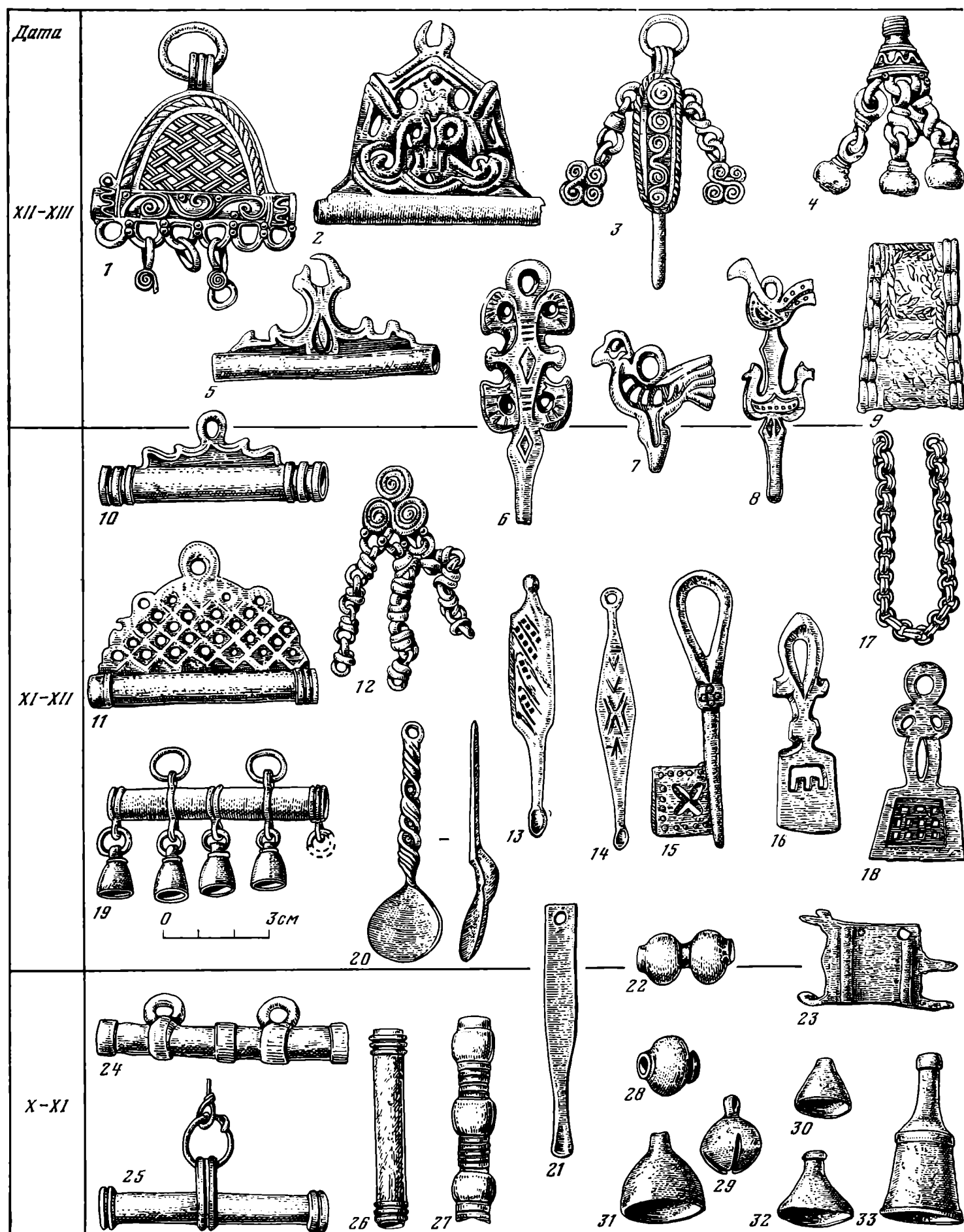

Таблица XVII. Женские украшения веси.

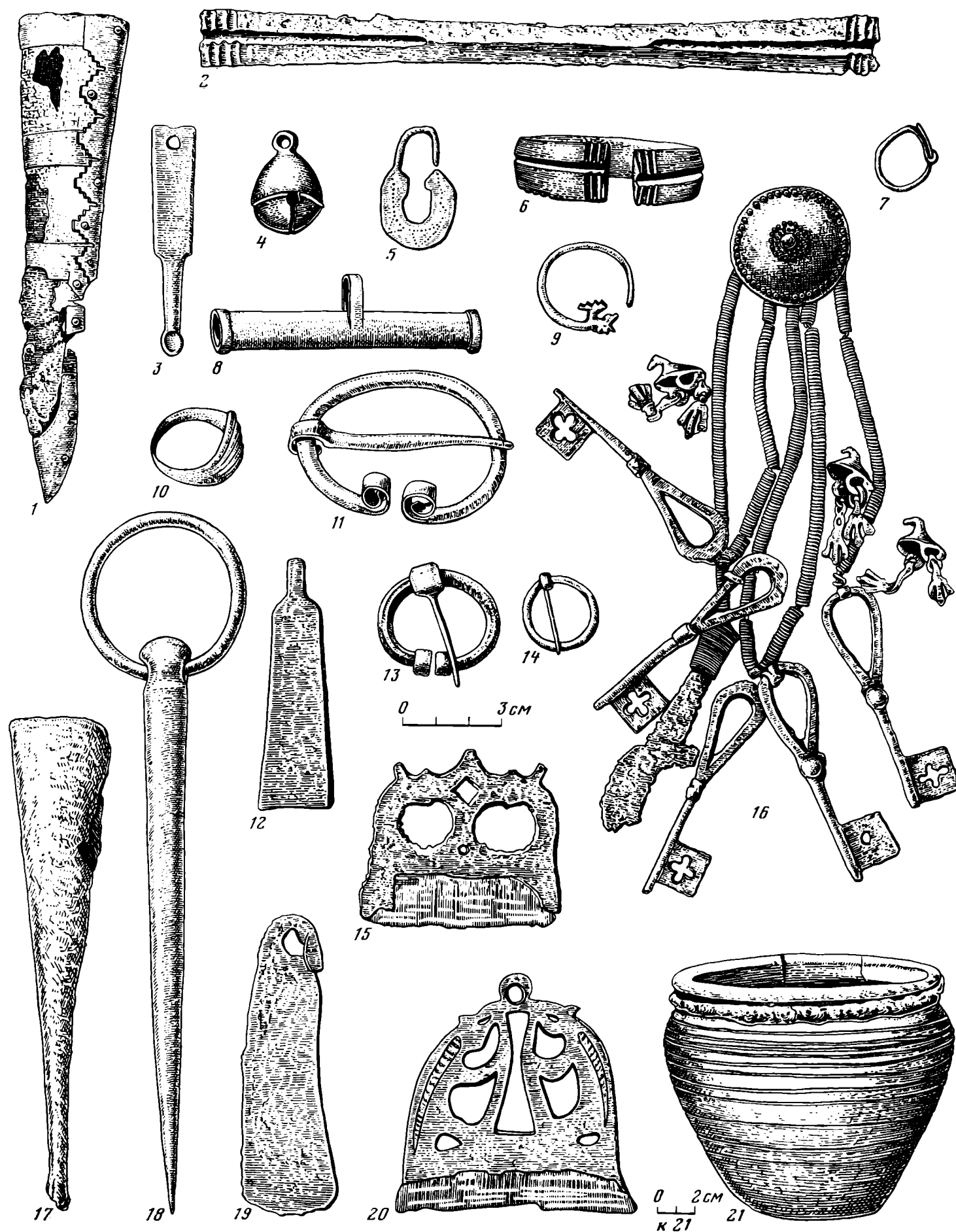

Таблица XVIII. Женские украшения и характерные вещи мужских погребений из памятников веси.

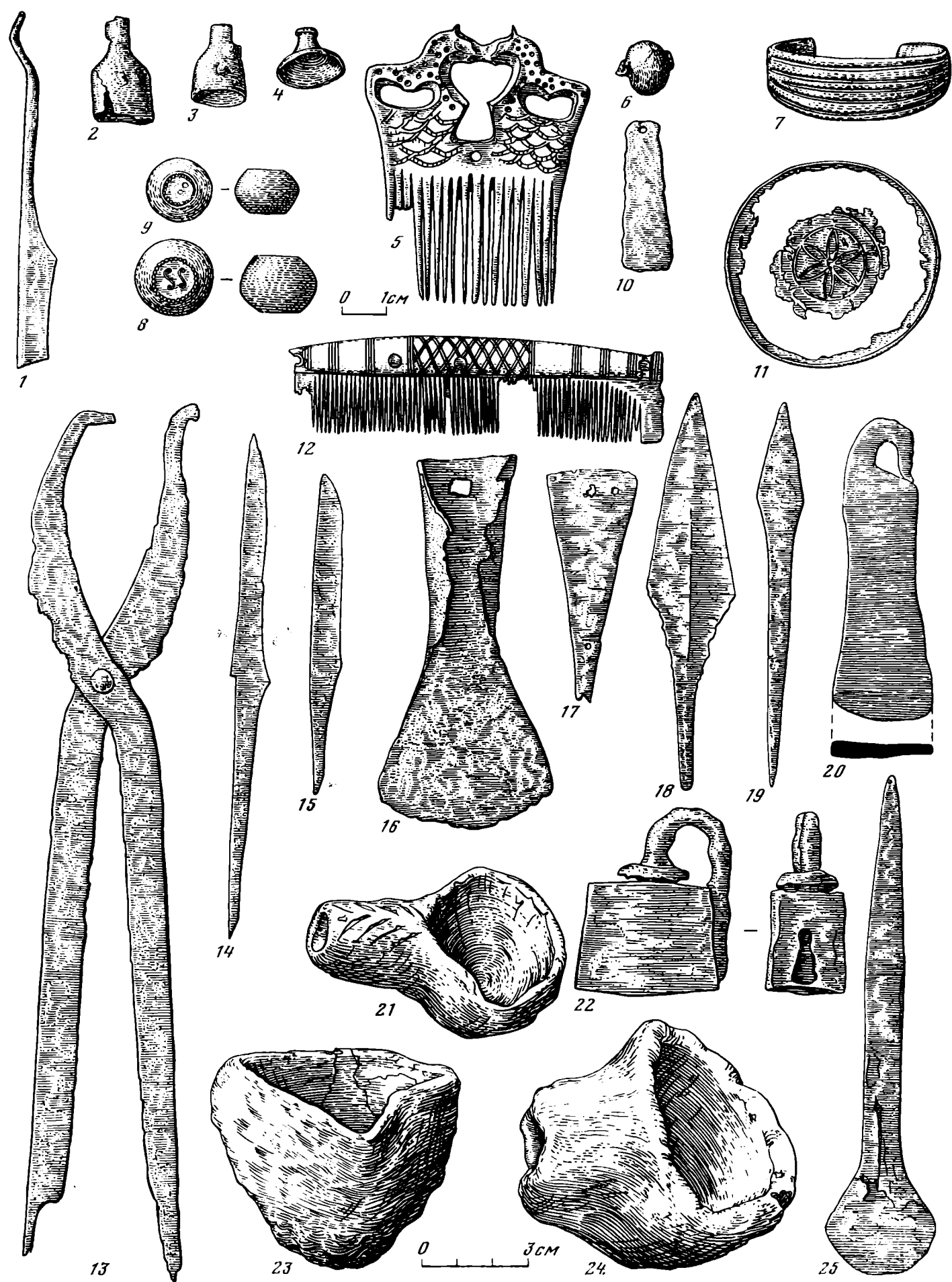

Таблица XIX. Орудия металлургов и бытовые вещи из раскопок поселения X в. Крутик у д. Городище.

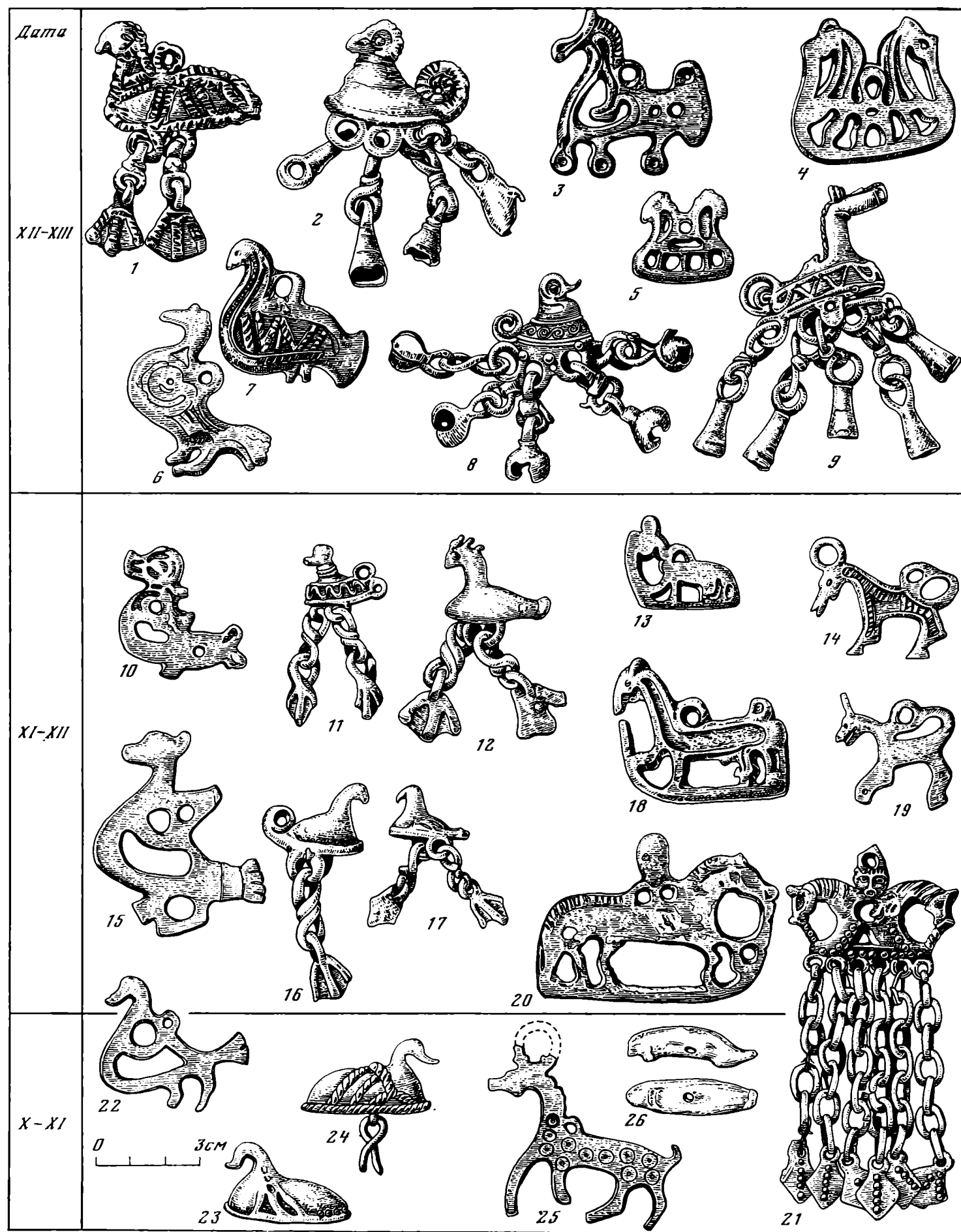

Таблица XX. Зооморфные украшения веси X—XIII вв.

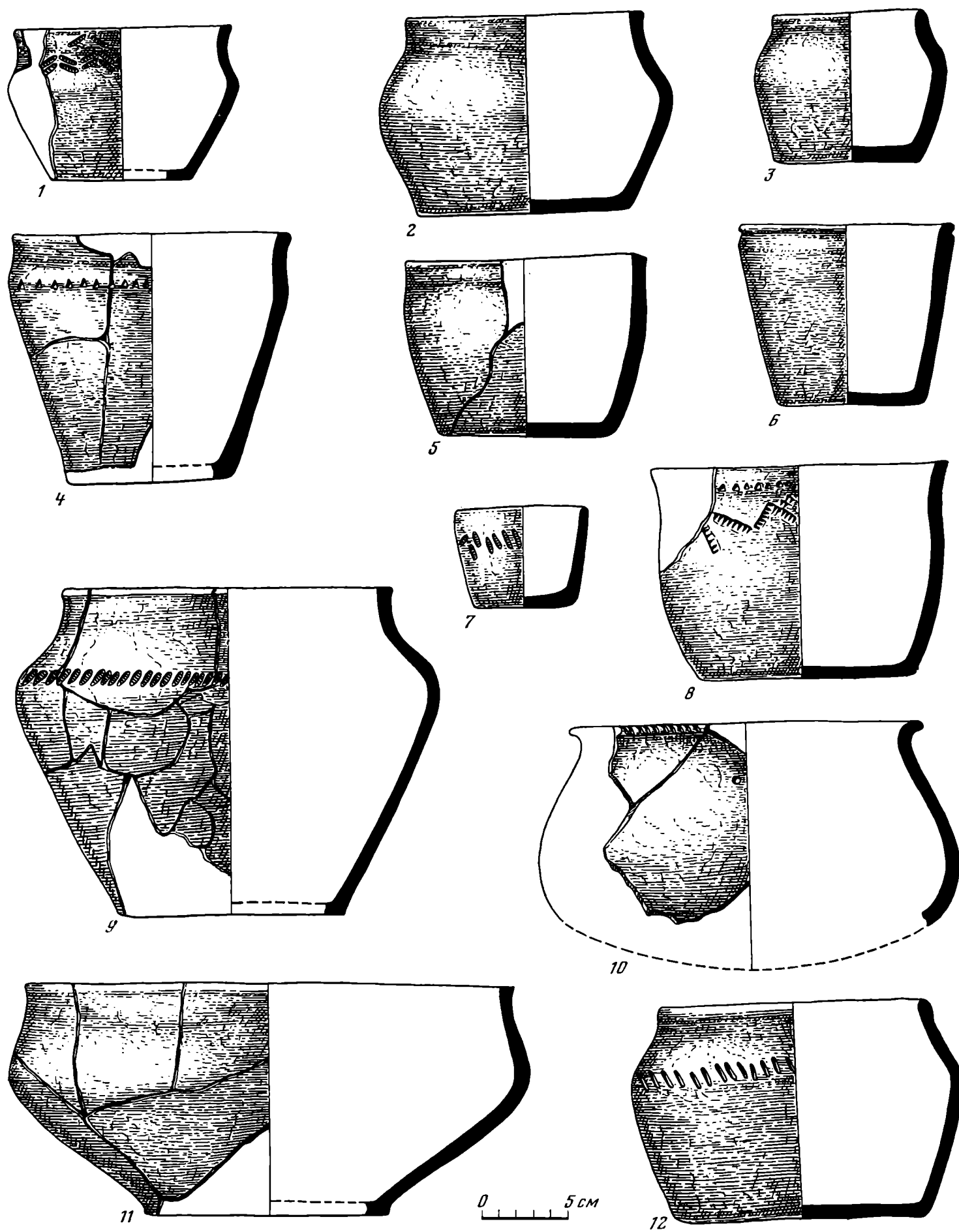

Таблица XXI. Лепная керамика веси.

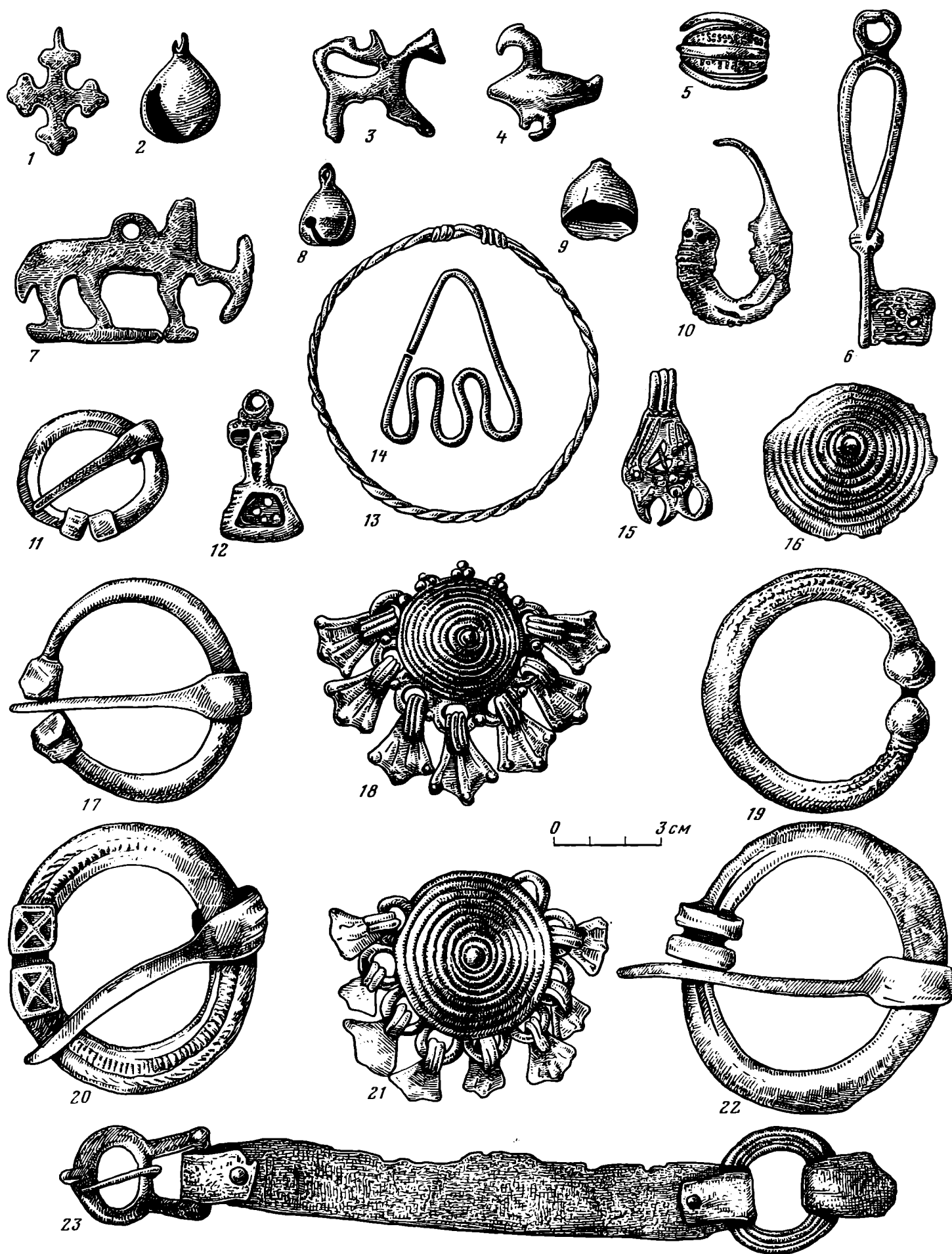

Таблица XXII. Инвентарь погребений Корбальского могильника.

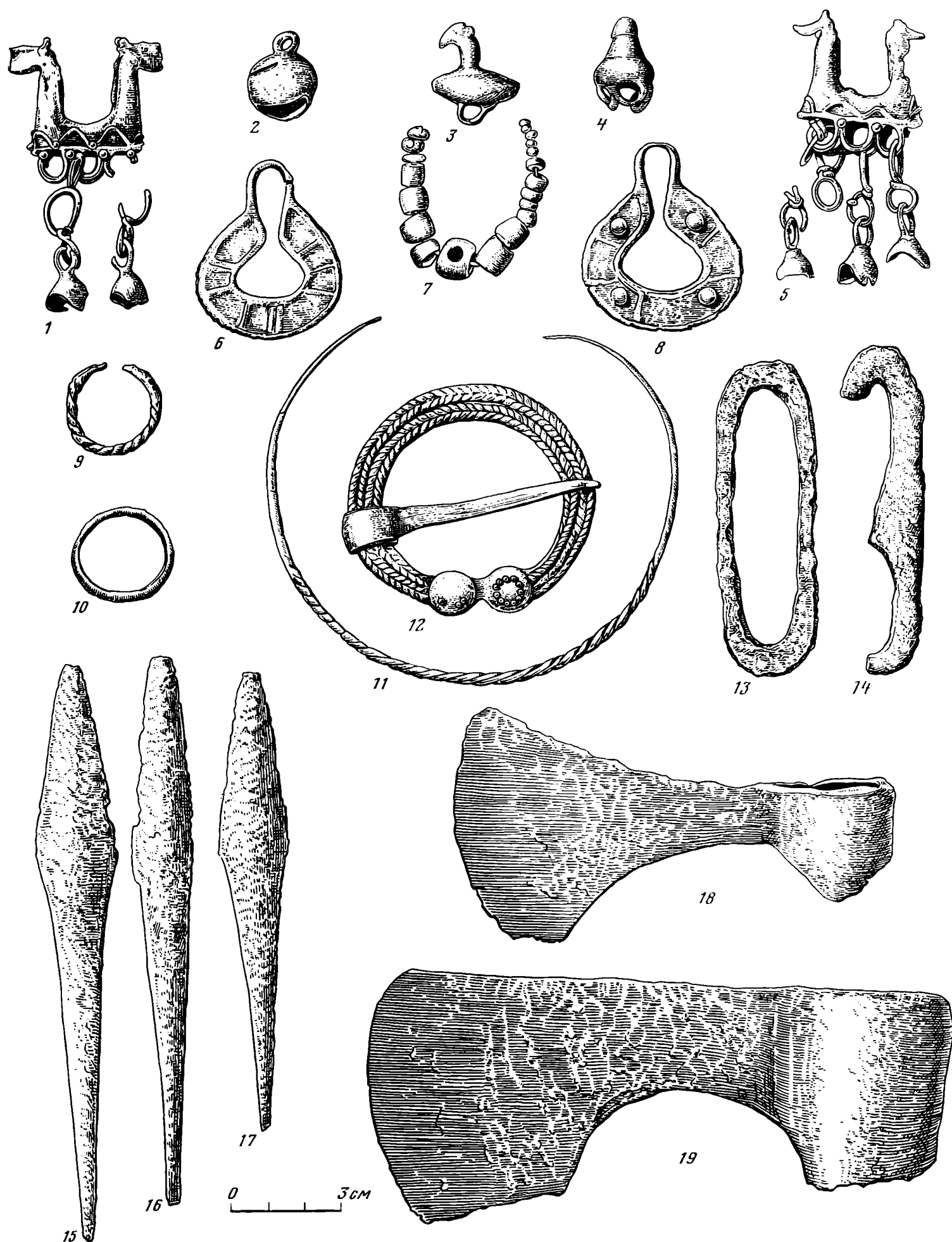

Таблица XXIII. Инвентарь погребений Усть-Пуйского (1—12) и Корбальского (13—19) могильников.

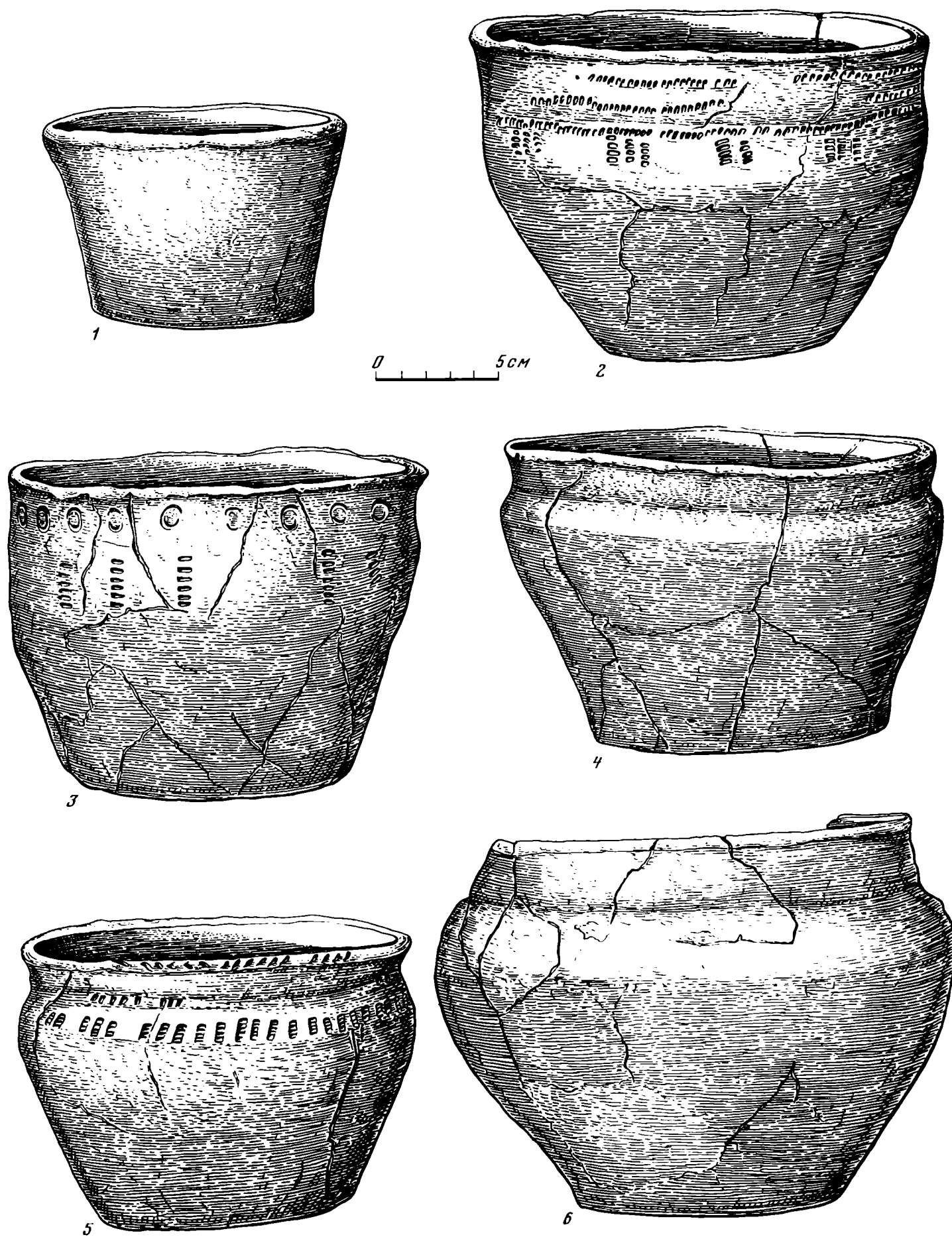

Таблица XXIV. Керамика Корбальского могильника.

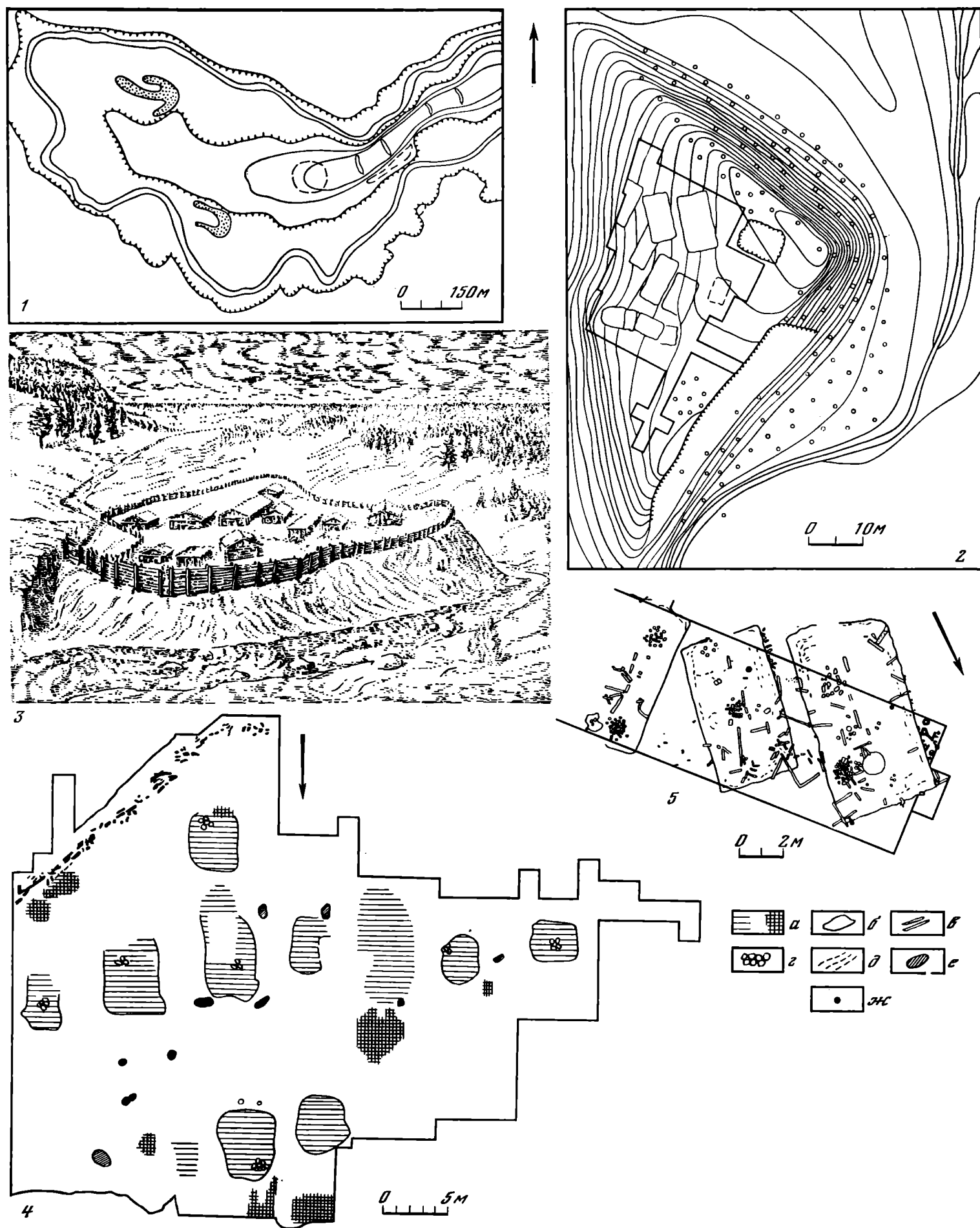

Таблица XXV. Поселения мери.

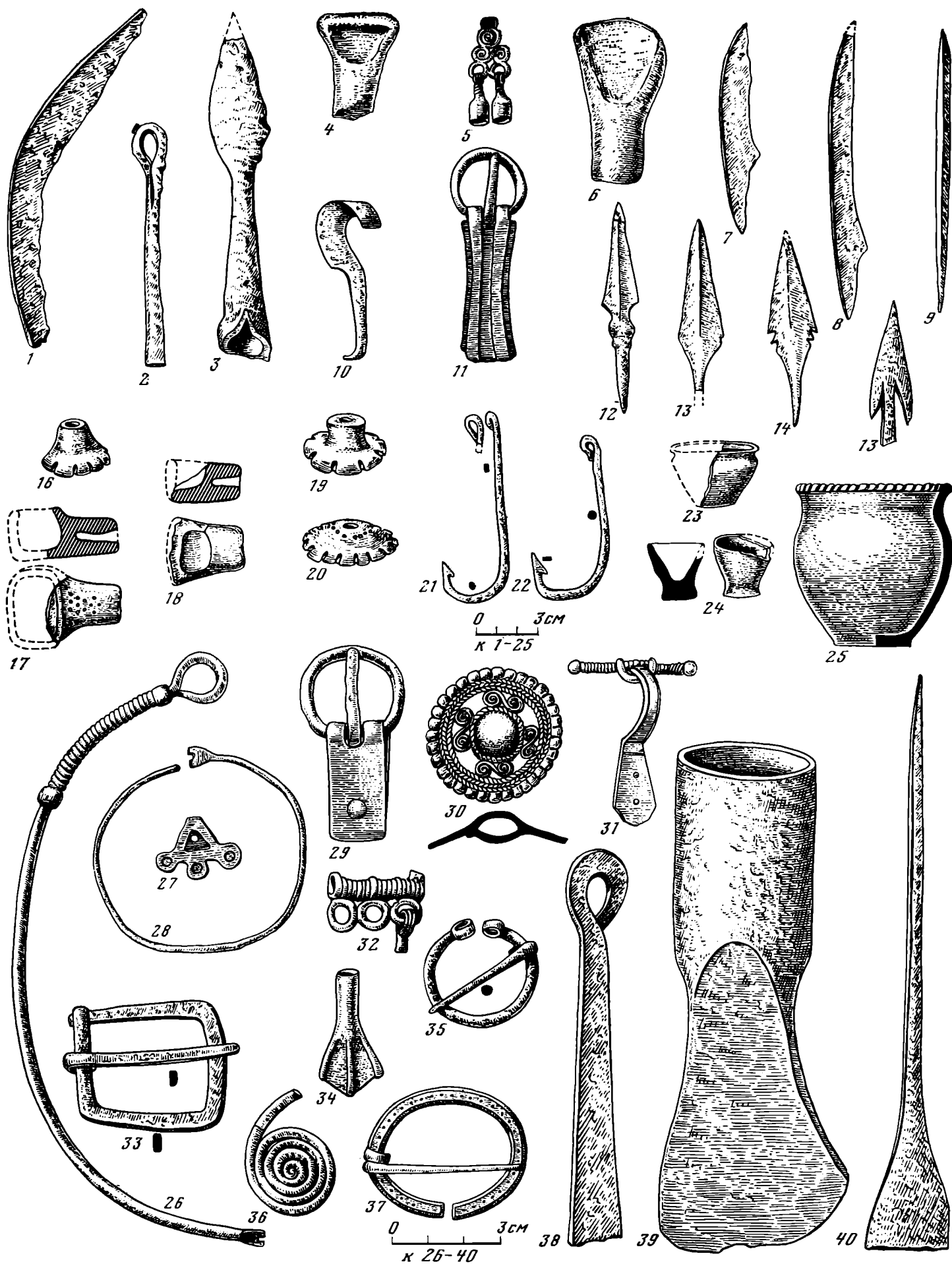

Таблица XXVI. Вещи с Попадьинского селища и городища Березняки.

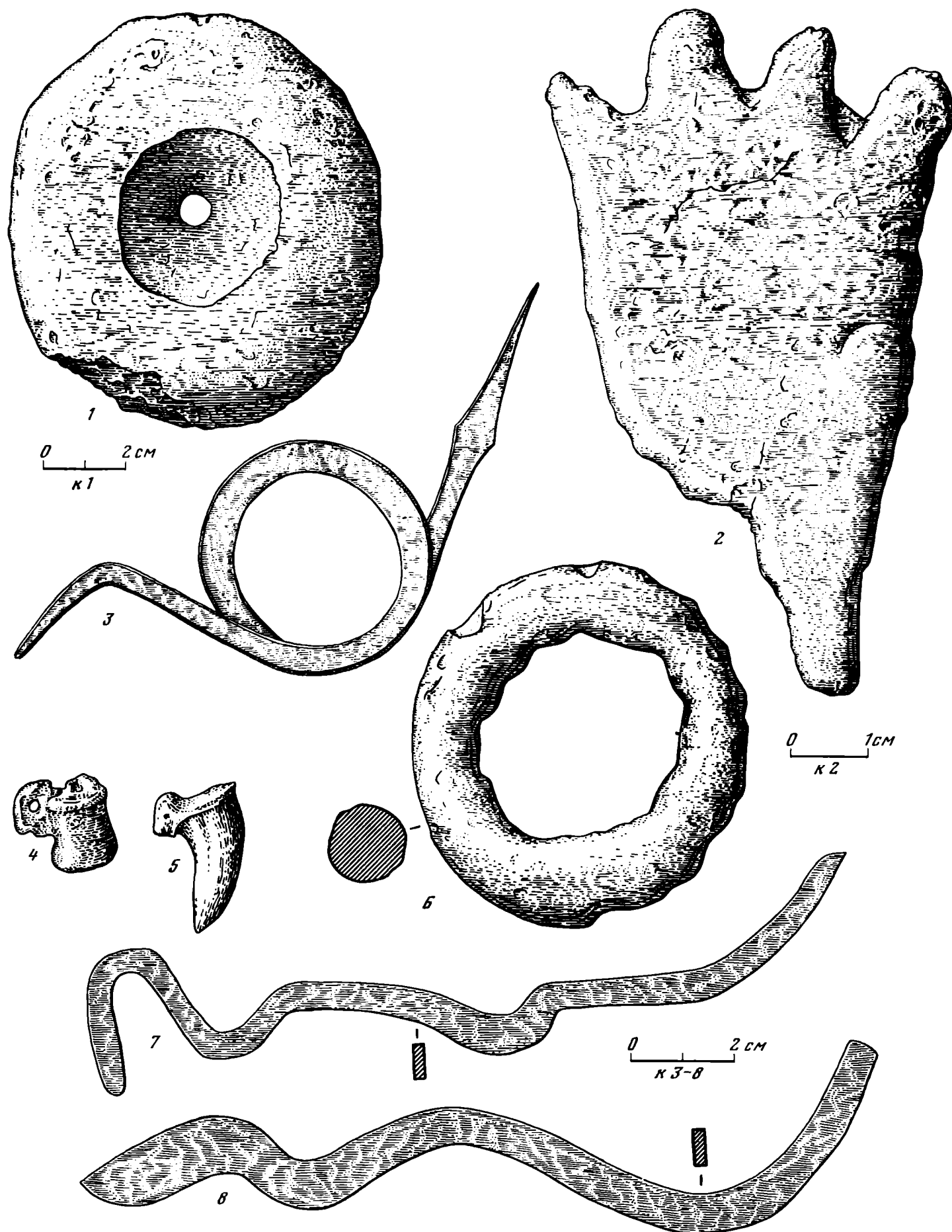

Таблица XXVII. Культовые предметы из памятников мери.

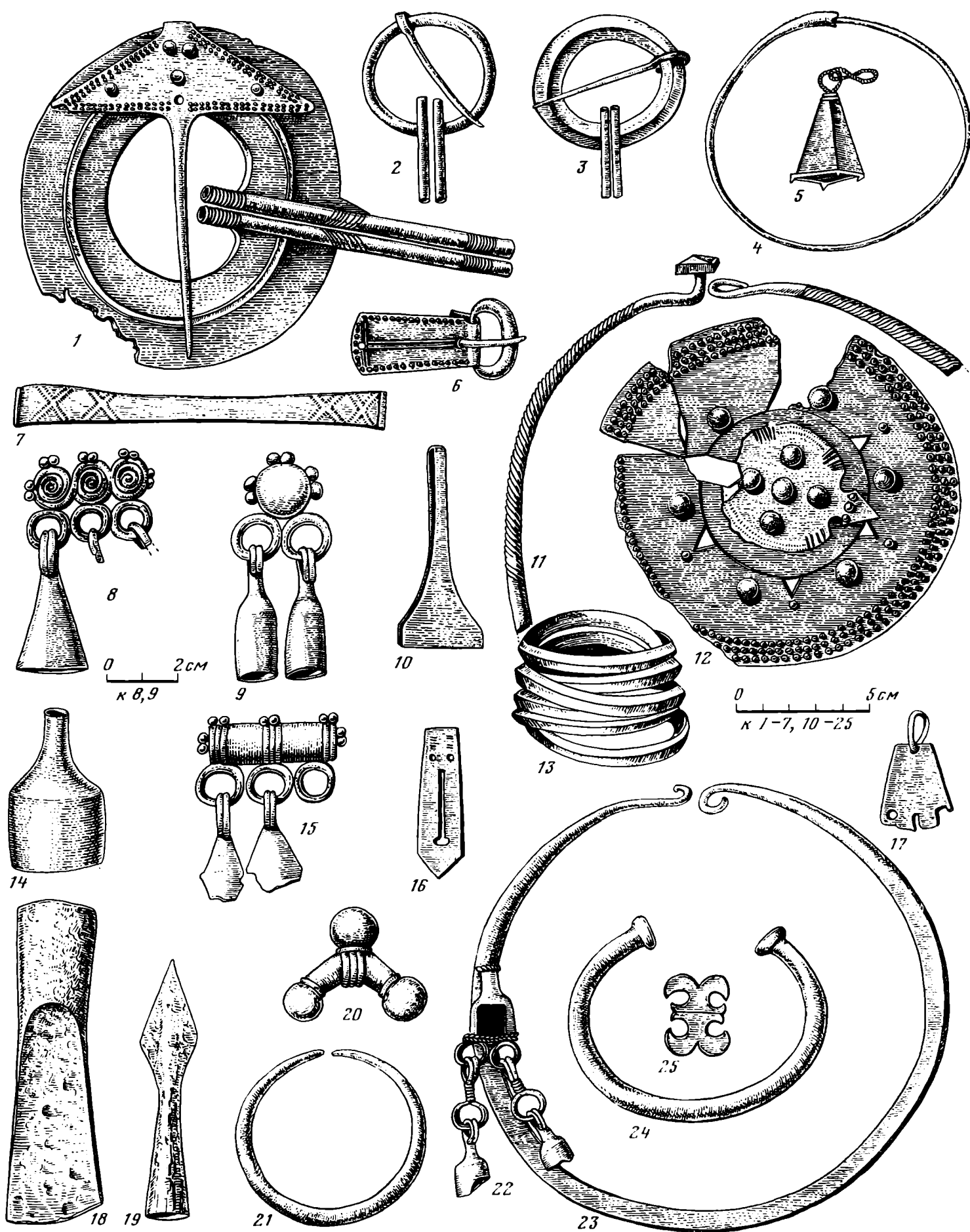

Таблица XXVIII. Вещи из Сарского и Хотимльского могильников.

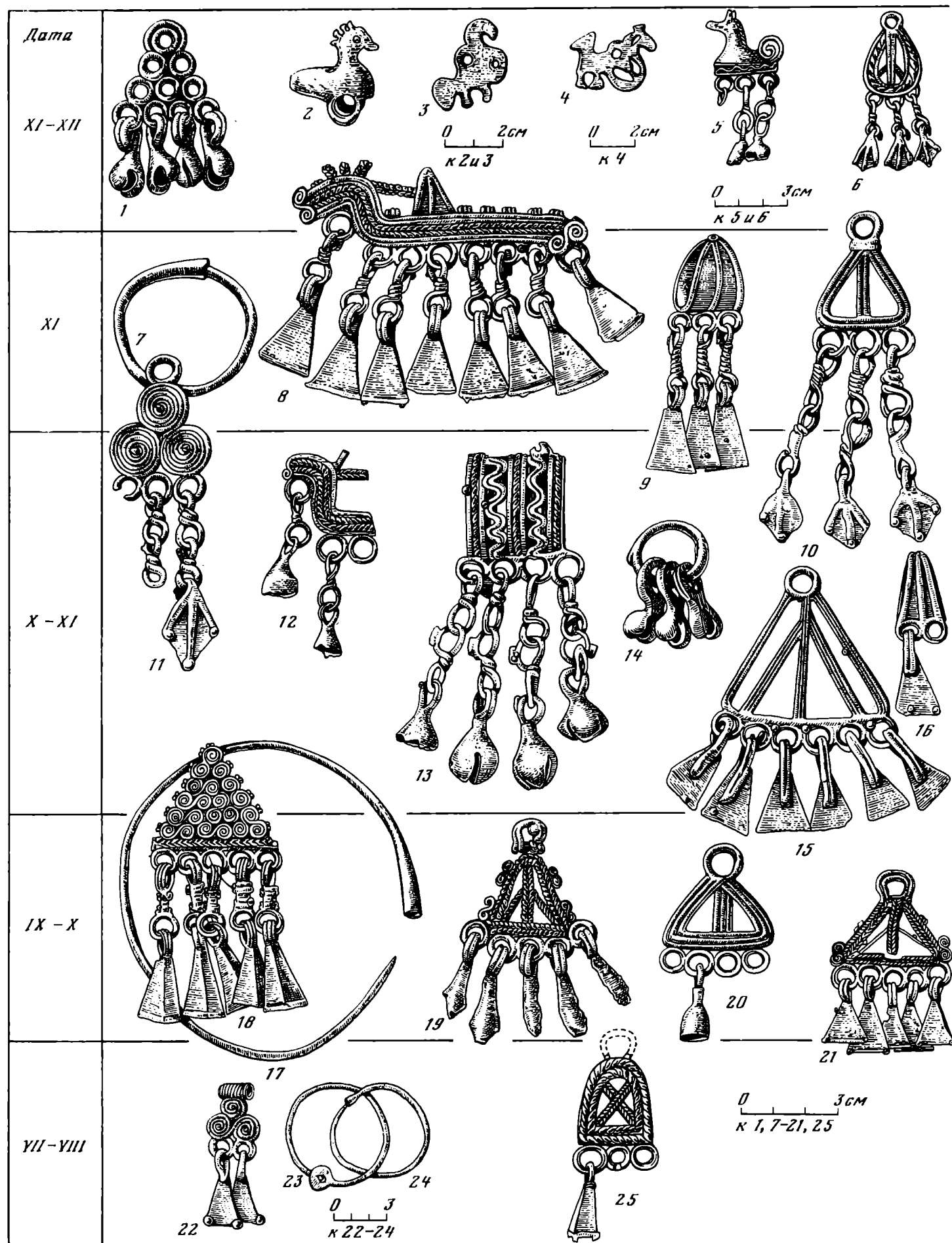

Таблица XXIX. Характерные женские украшения мери.

Таблица XXX. Находки с мерянских селищ и городищ IX—X вв.

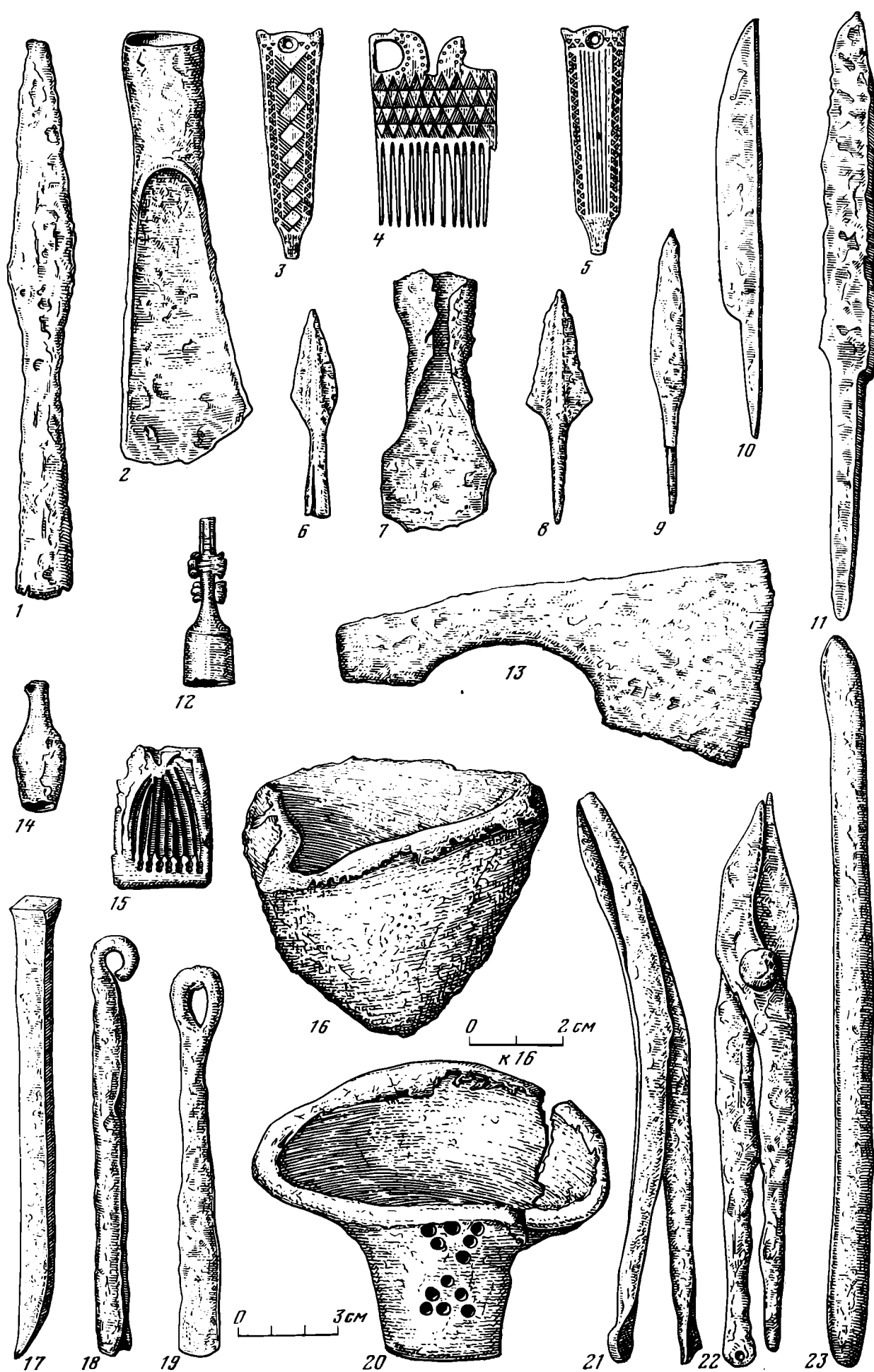

Таблица XXXI. Орудия труда, полуфабрикаты и изделия ремесленников Сарского городища.

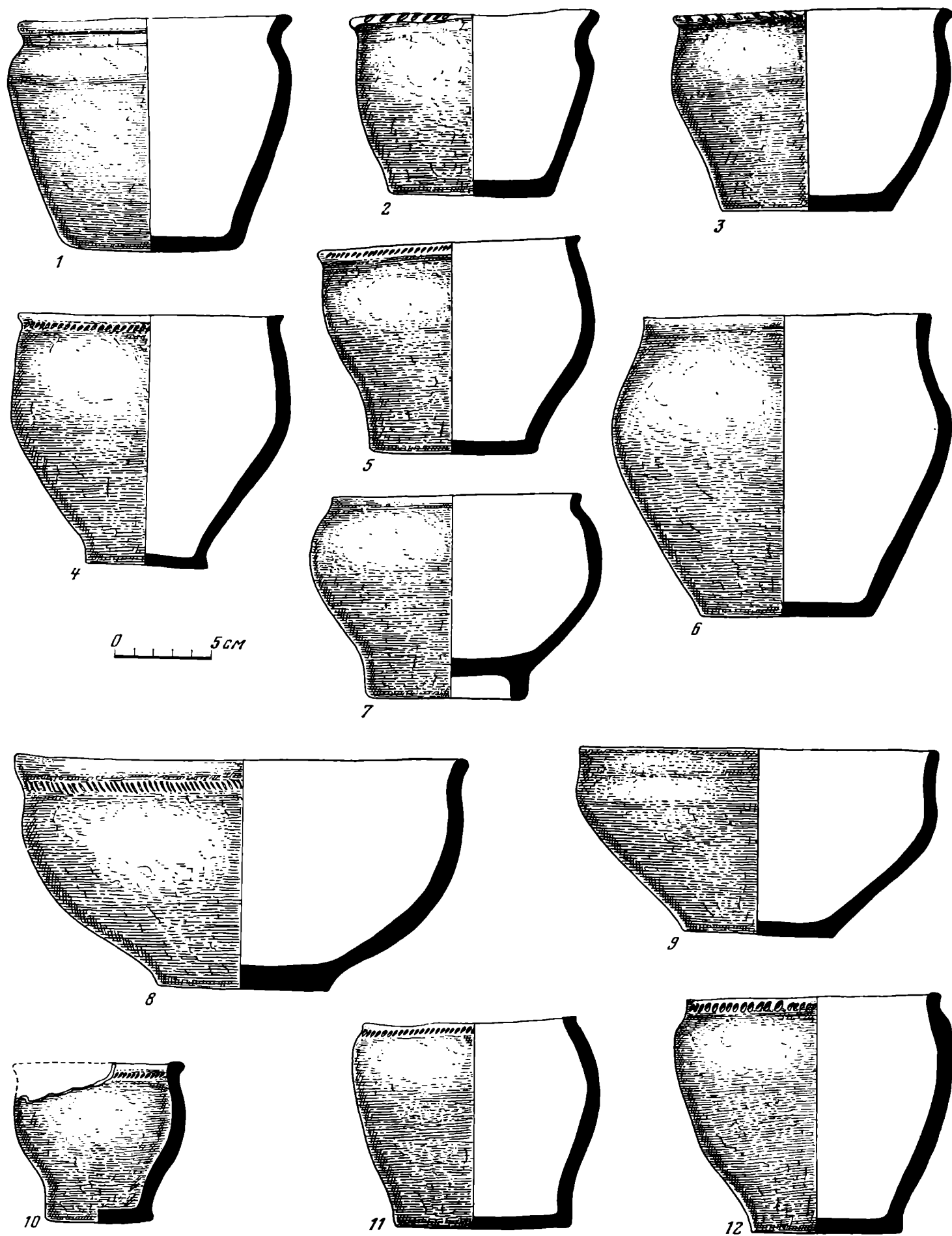

Таблица XXXII. Лепная керамика мери.

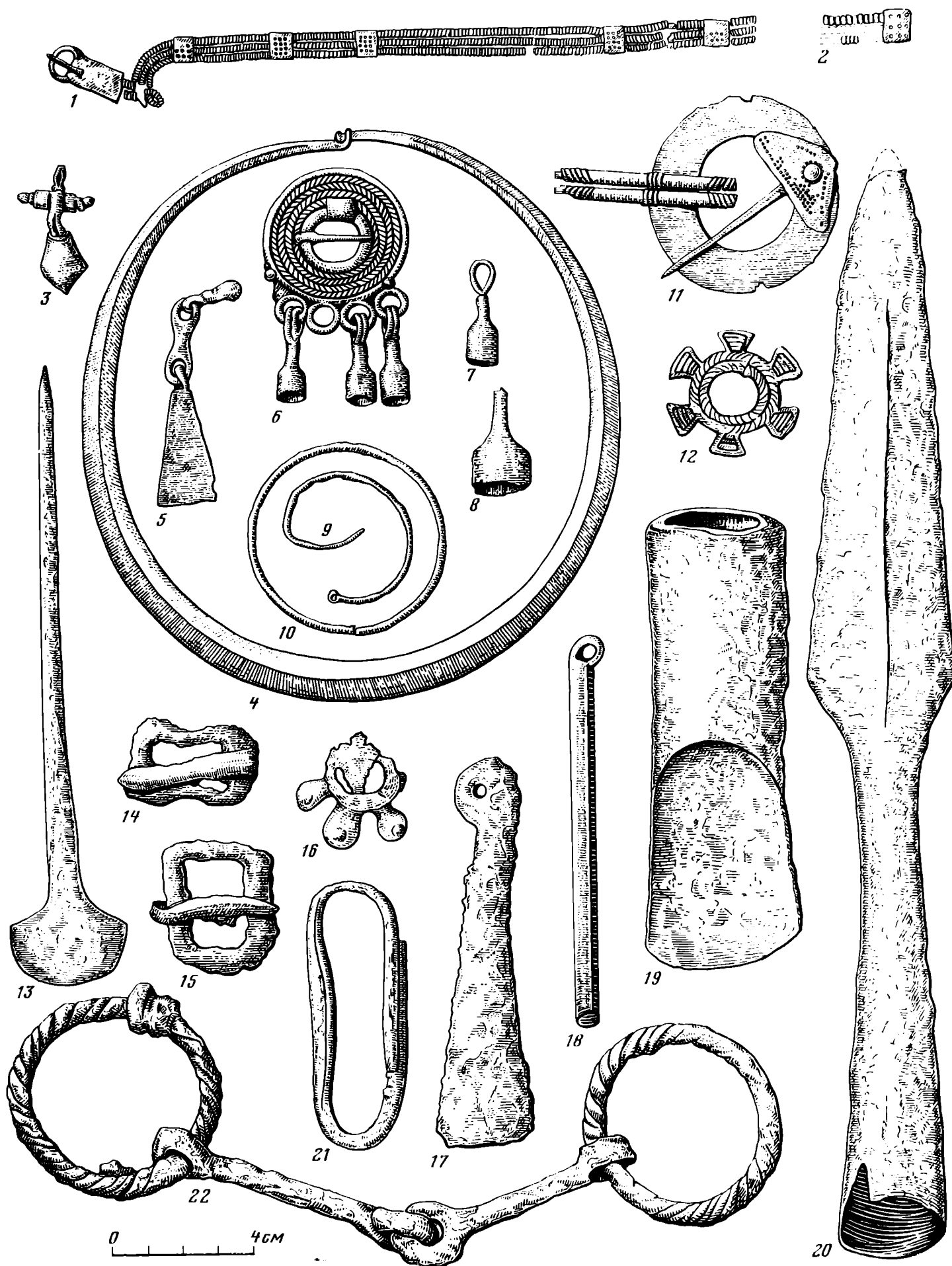

Таблица XXXIII. Украшения, бытовые предметы и оружие муромы VI—VIII вв.

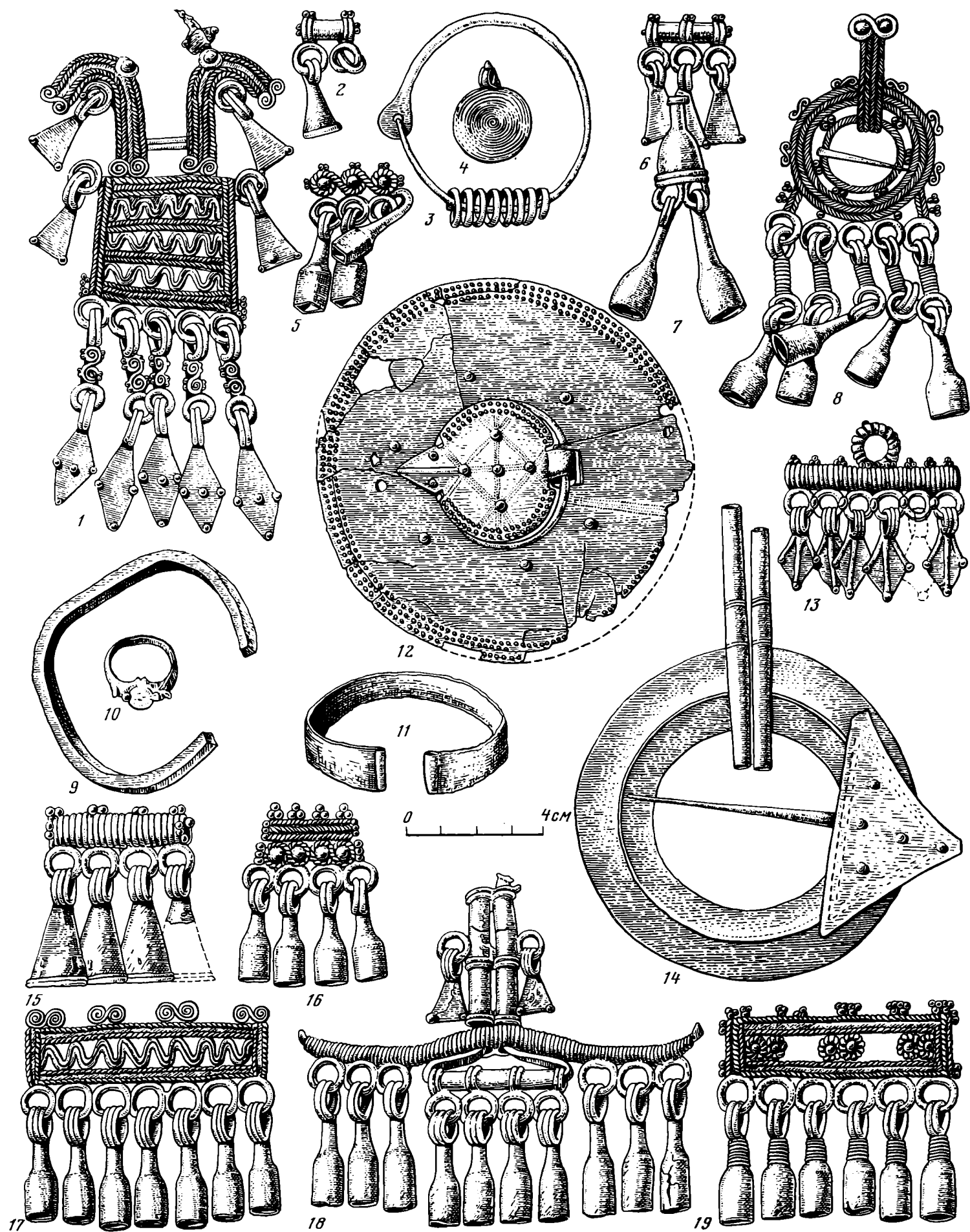

Таблица XXXIV. Украшения муромы VIII—IX вв.

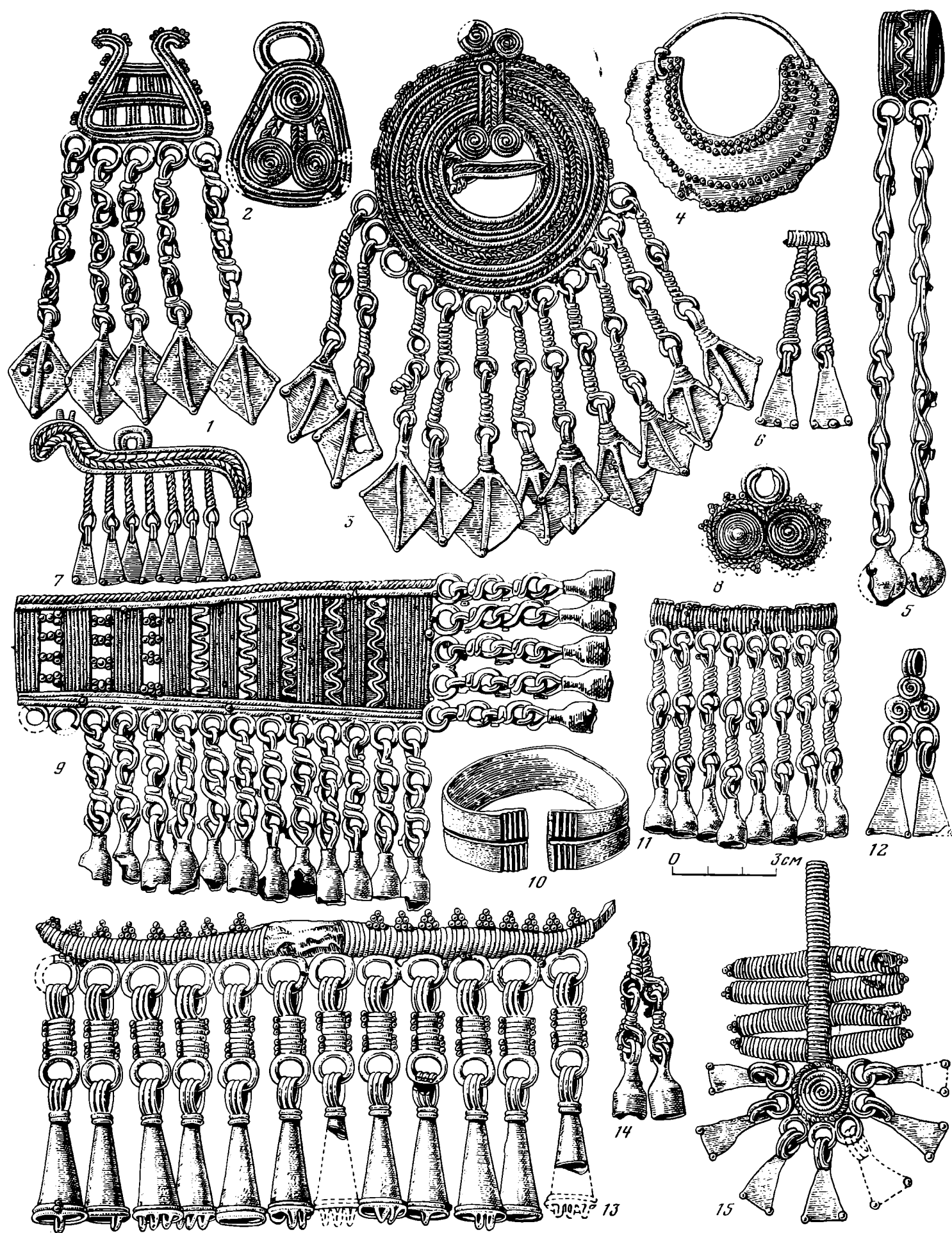

Таблица XXXV. Украшения муромы X — начала XI в.

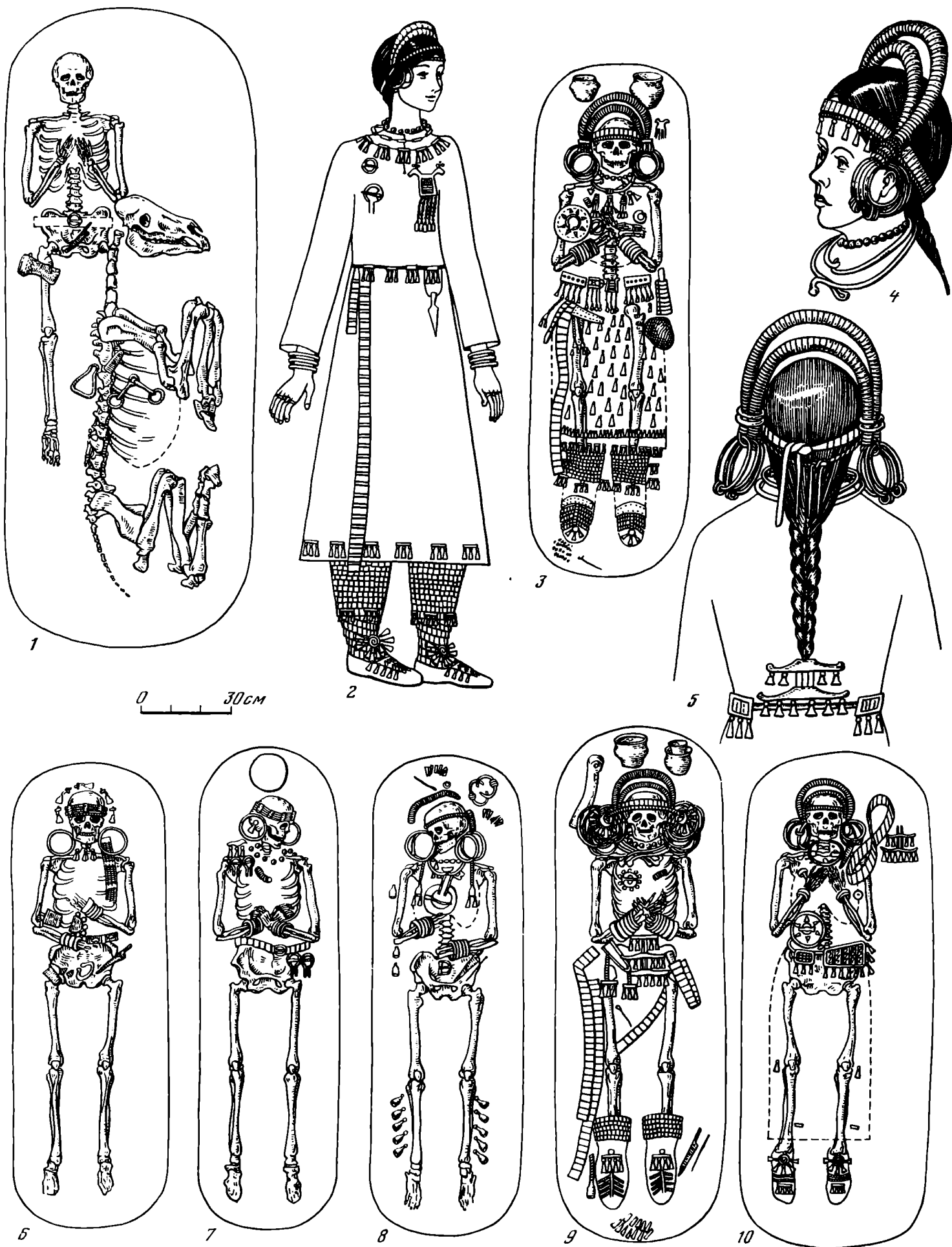

Таблица XXXVI. Погребения муромы. Подболотьевский могильник.

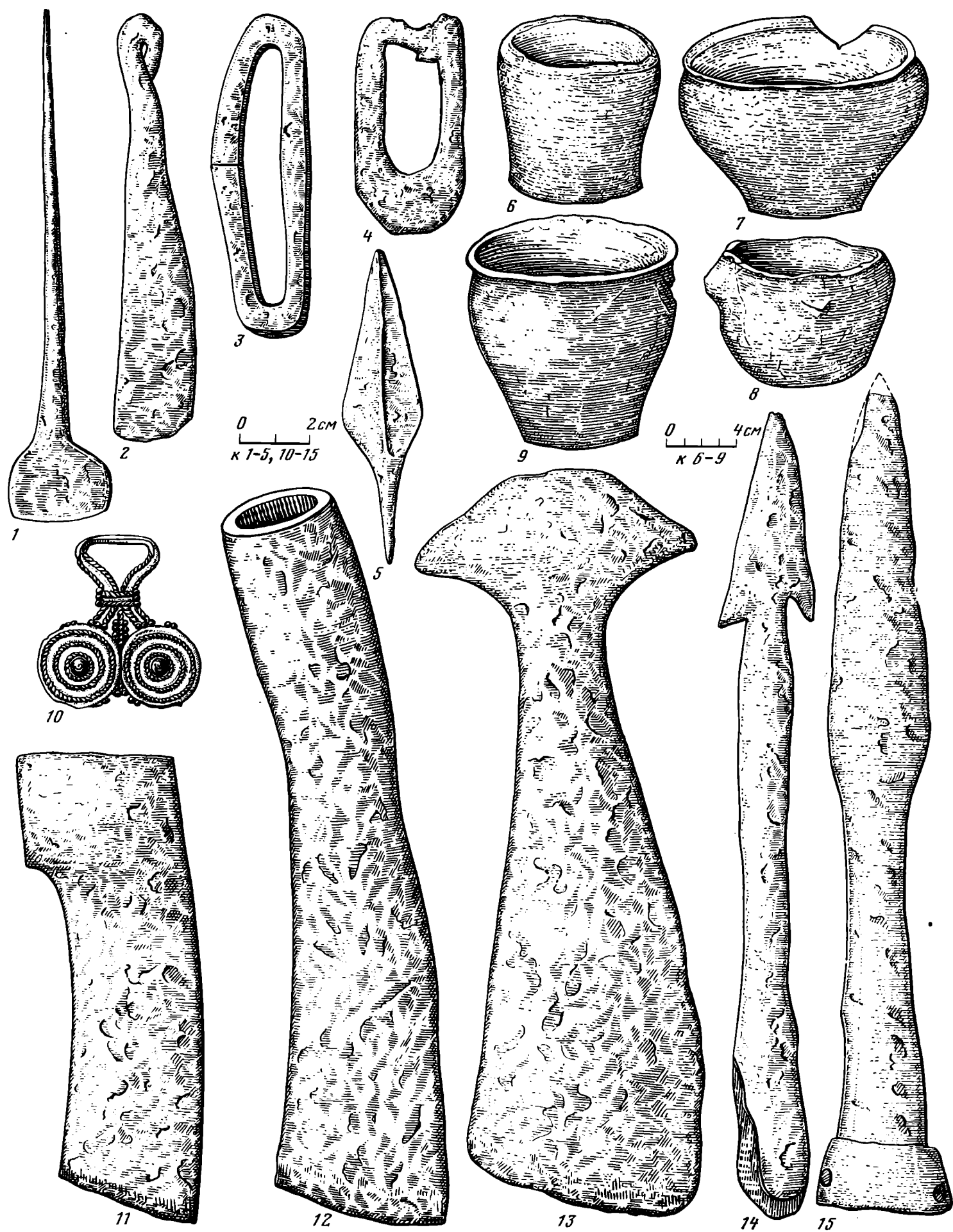

Таблица XXXVII. Бытовые предметы и оружие муромы.

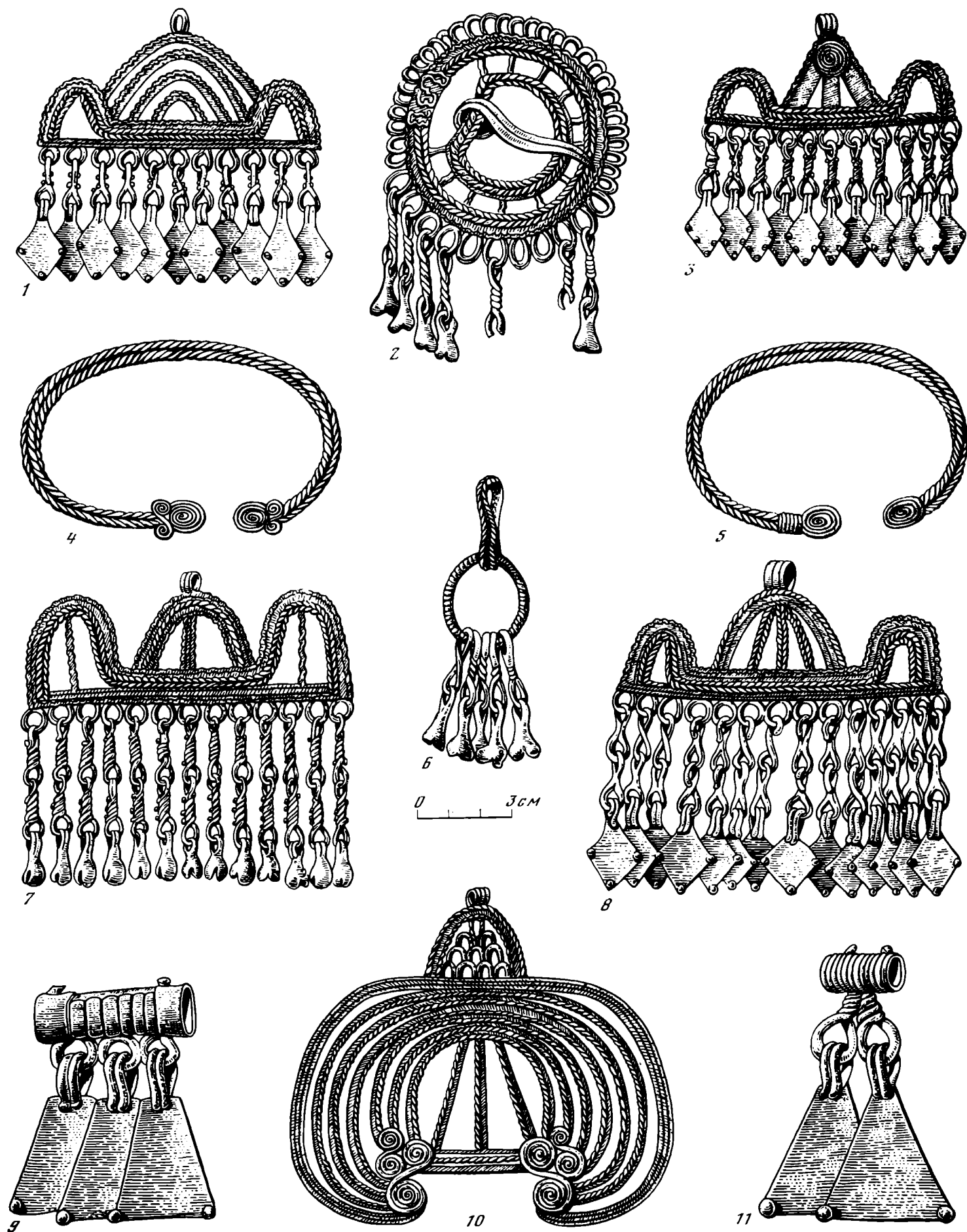

Таблица XXXVIII. Характерные украшения мещеры из Жабкинского могильника.

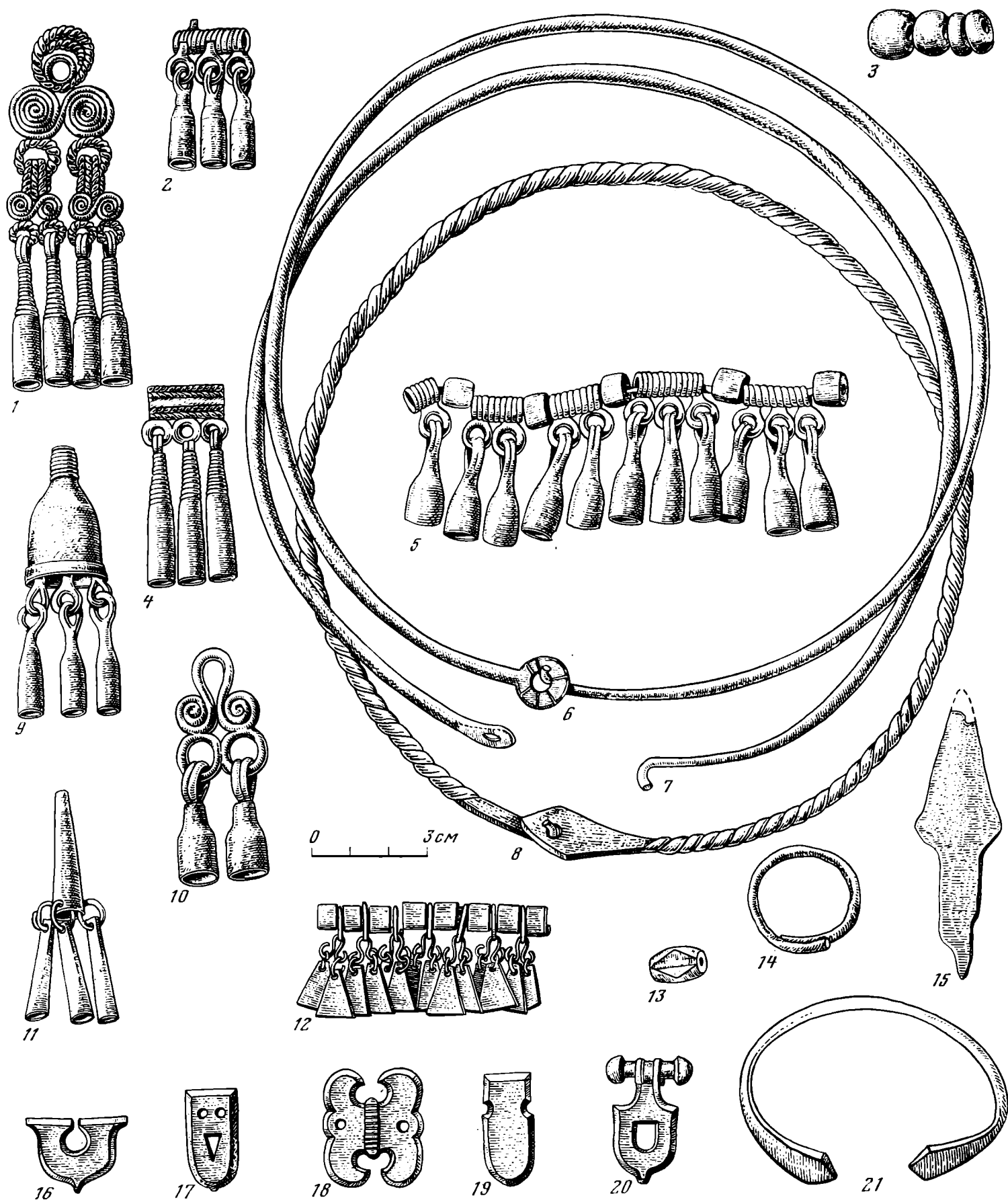

Таблица XXXIX. Рязанско-окские могильники. Вещи, характерные для меридианальных погребений.

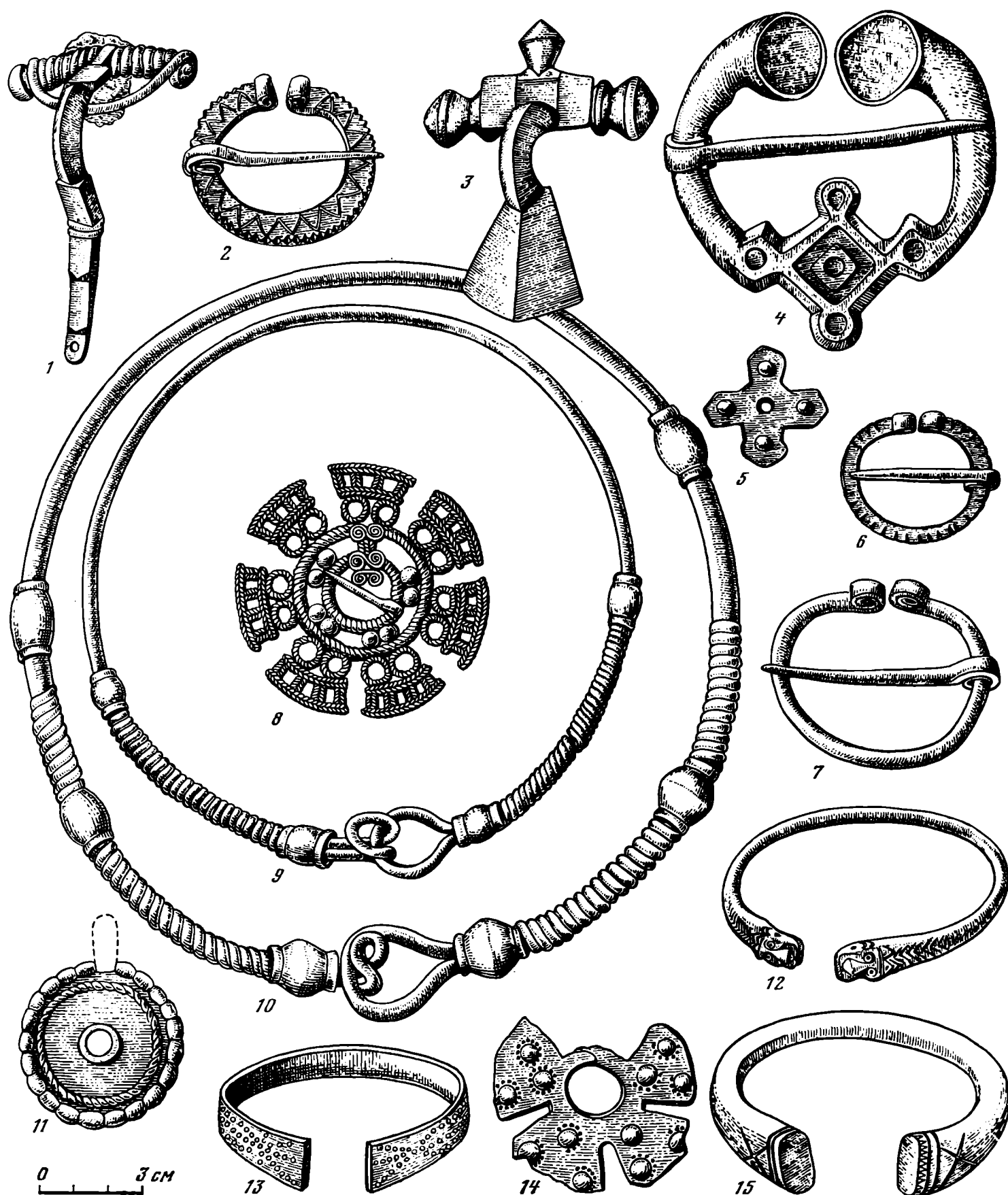

Таблица XL. Рязанско-окские могильники. Предметы, характерные для погребений с восточной ориентировкой.

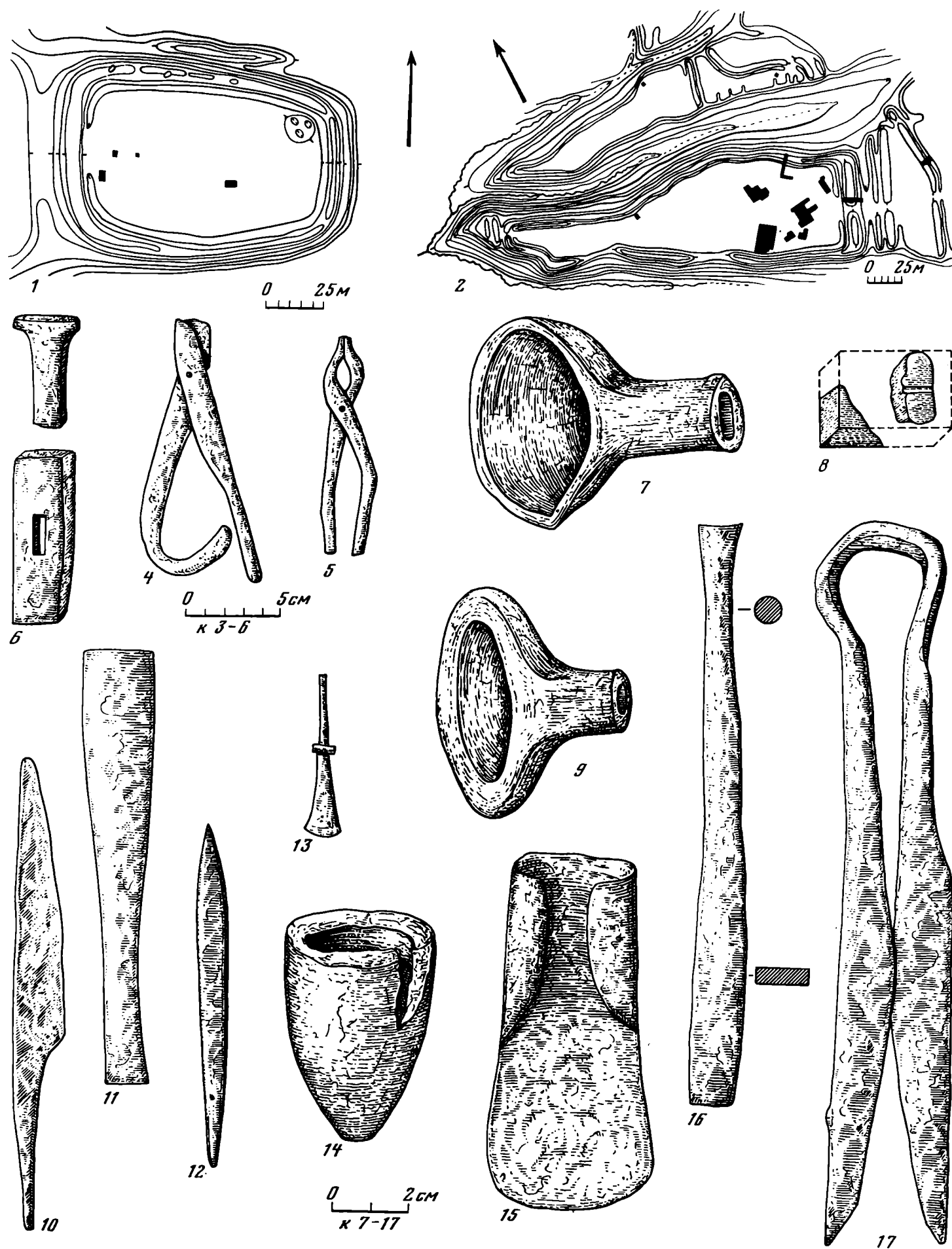

Таблица XLI. Поселения мордвы. Орудия ремесленников.

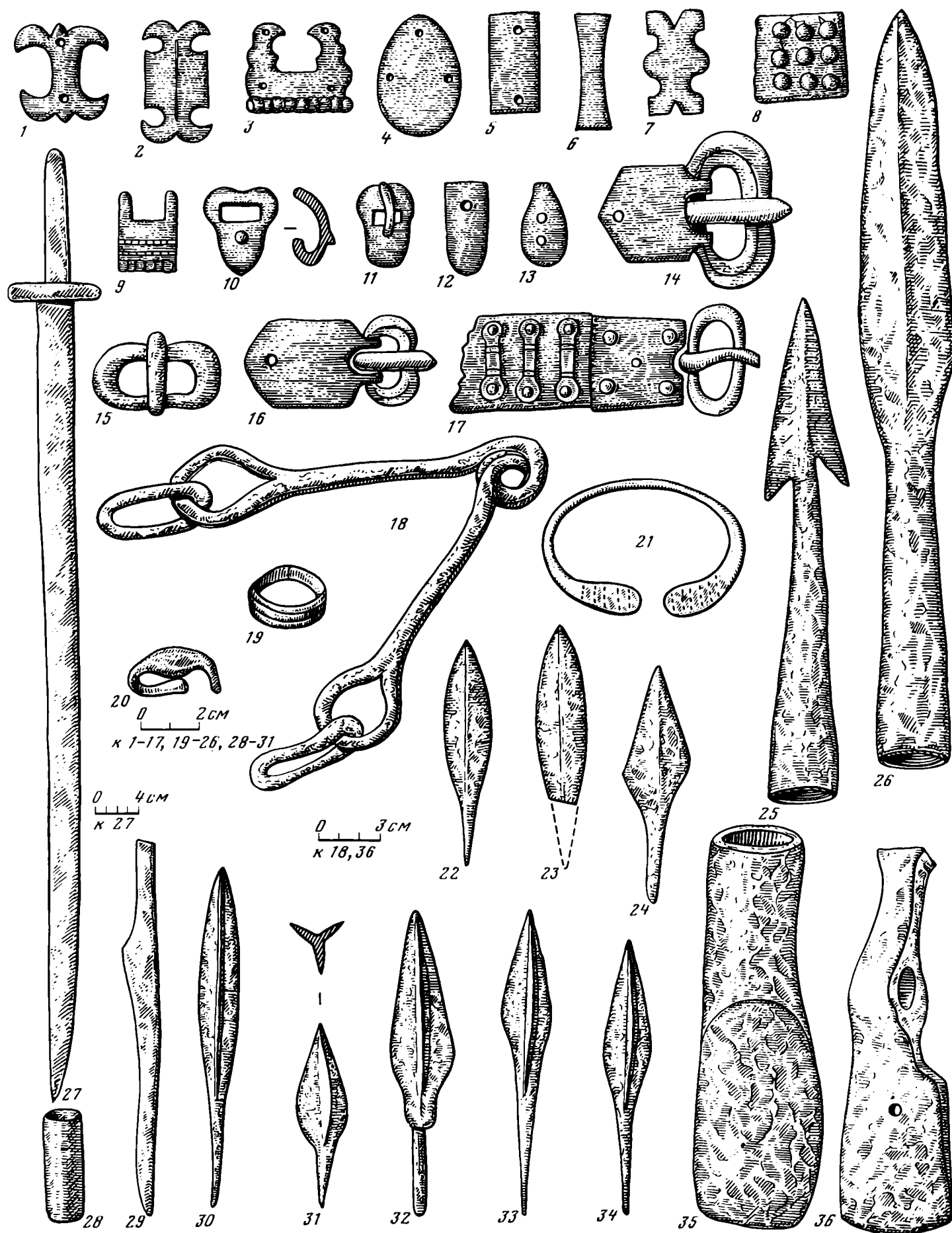

Таблица XLII. Орудия, оружие, поясной набор, украшения мордвы VI—VIII вв.

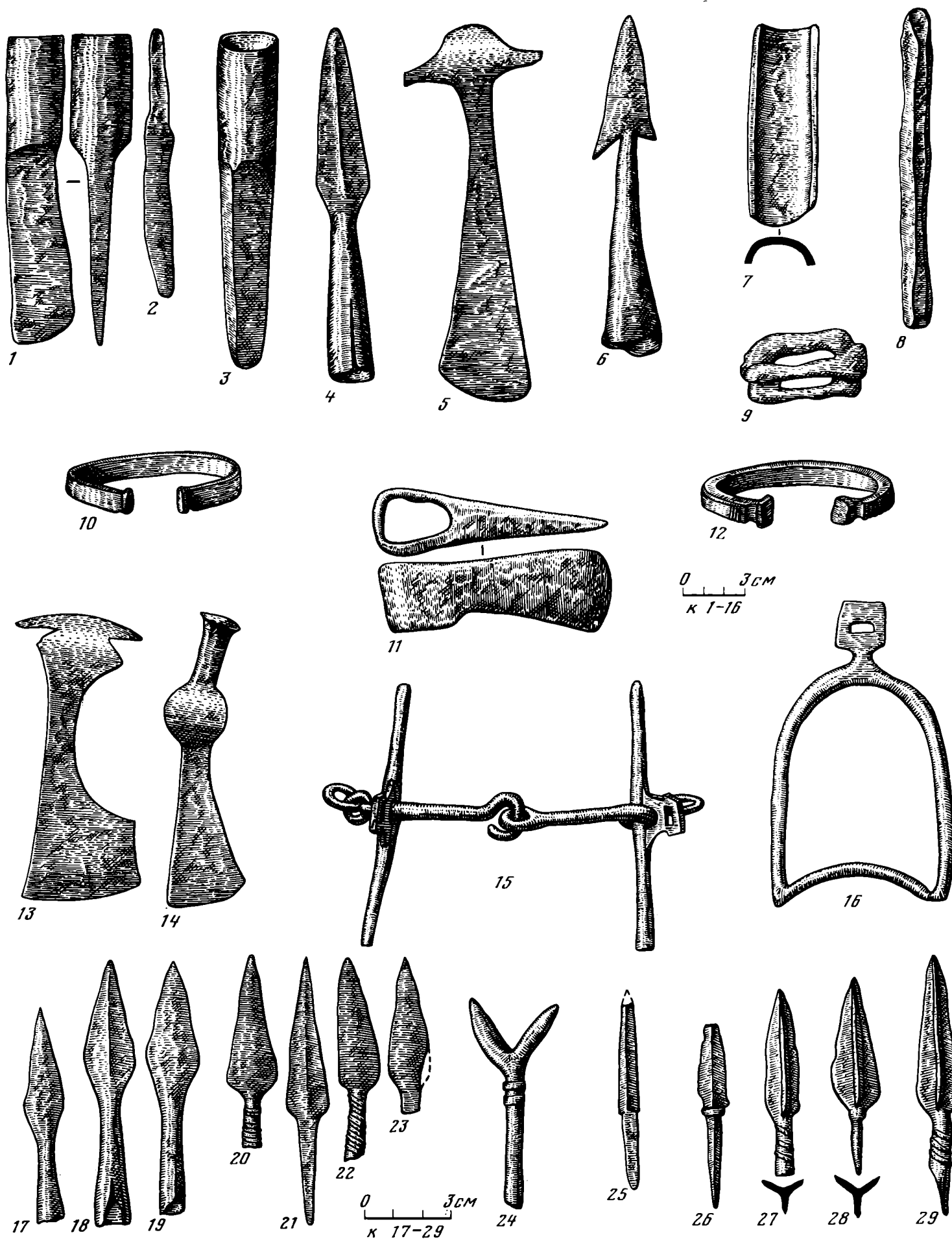

Таблица XLIII. Орудия труда мордвы, оружие, снаряжение всадника, украшения IX–XI вв.

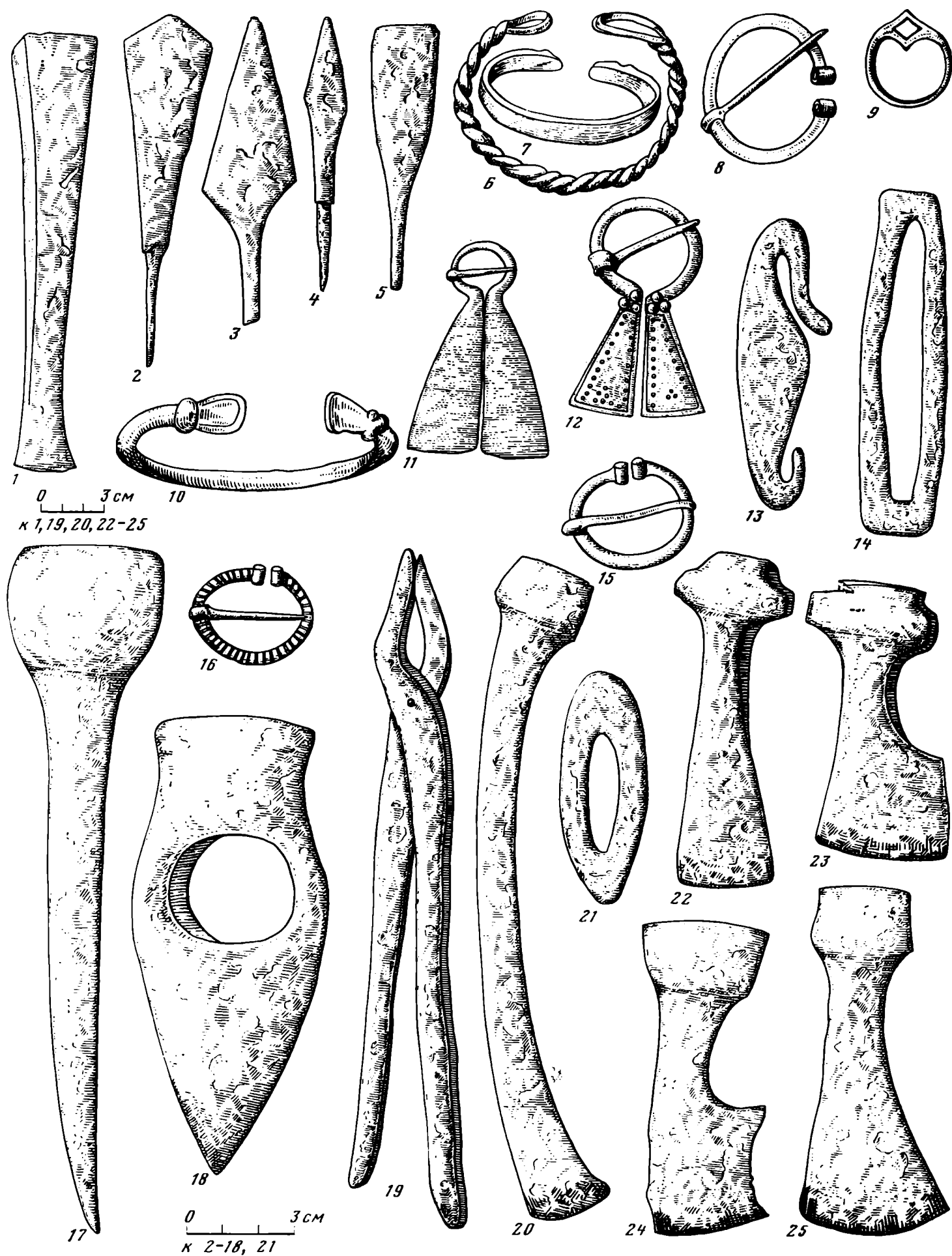

Таблица XLIV. Орудия труда, оружие, украшения мордвы XII—XV вв.

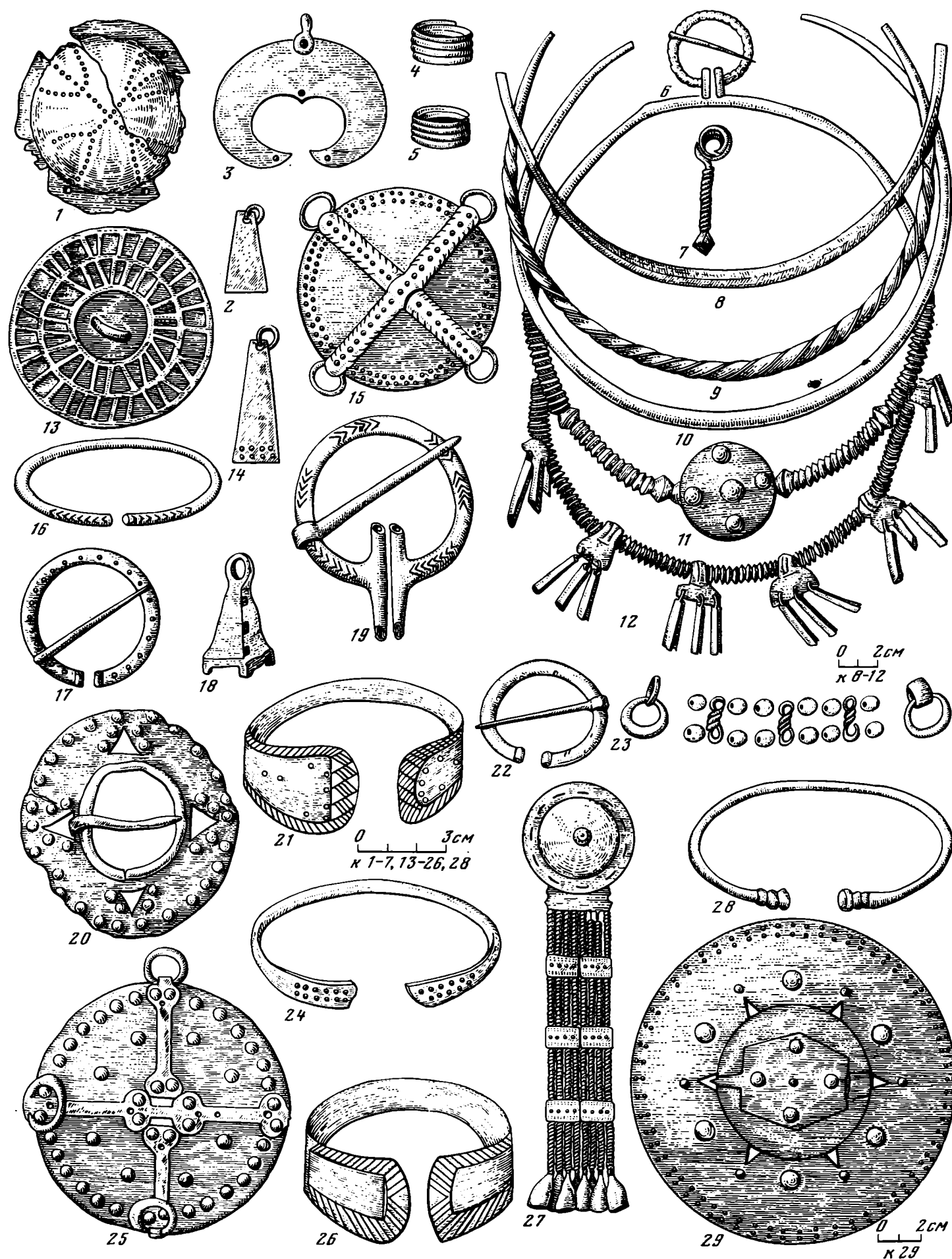

Таблица XLV. Украшения мордвы V—VIII вв.

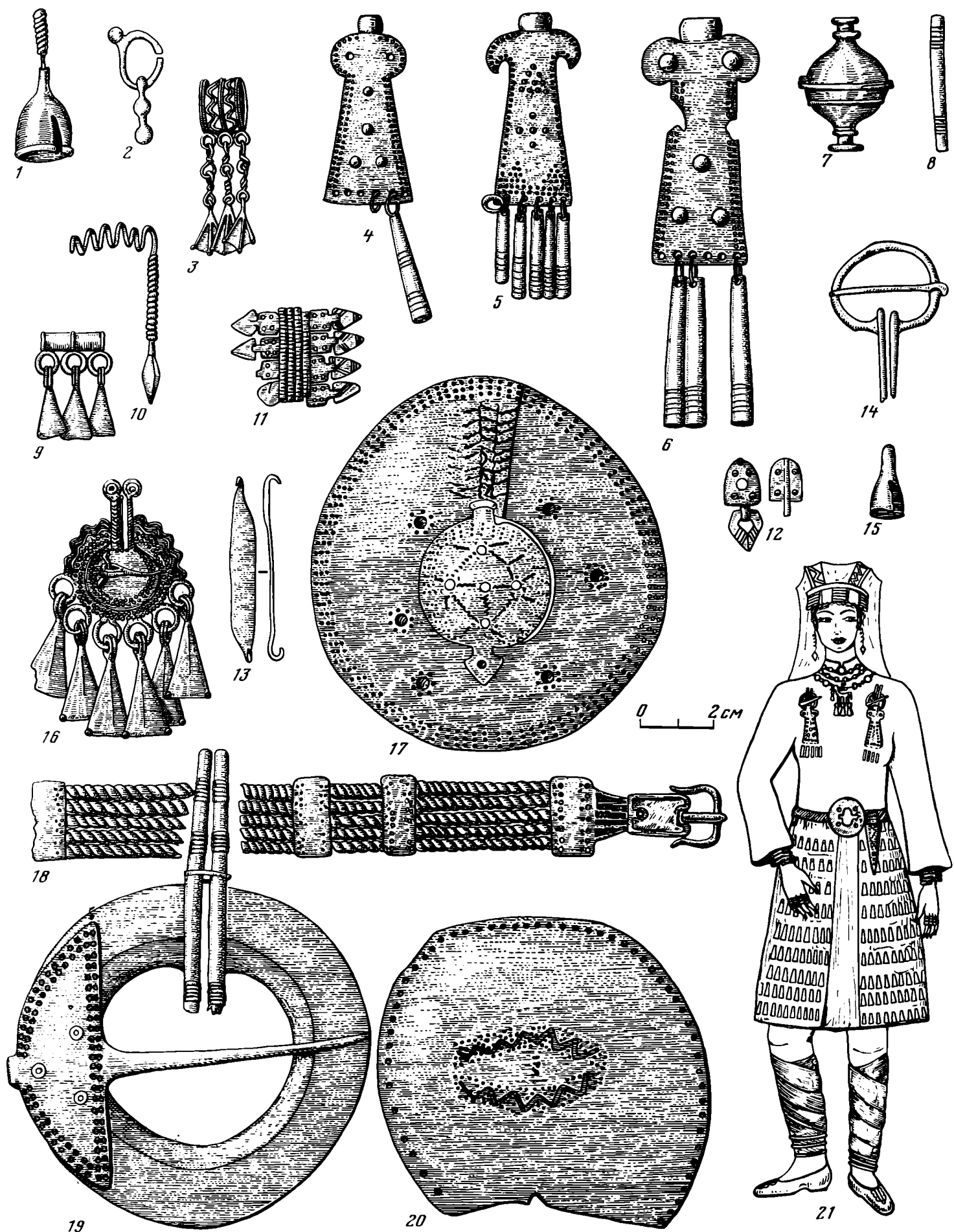

Таблица XLVI. Украшения VIII—IX вв. из могильников мордвы.

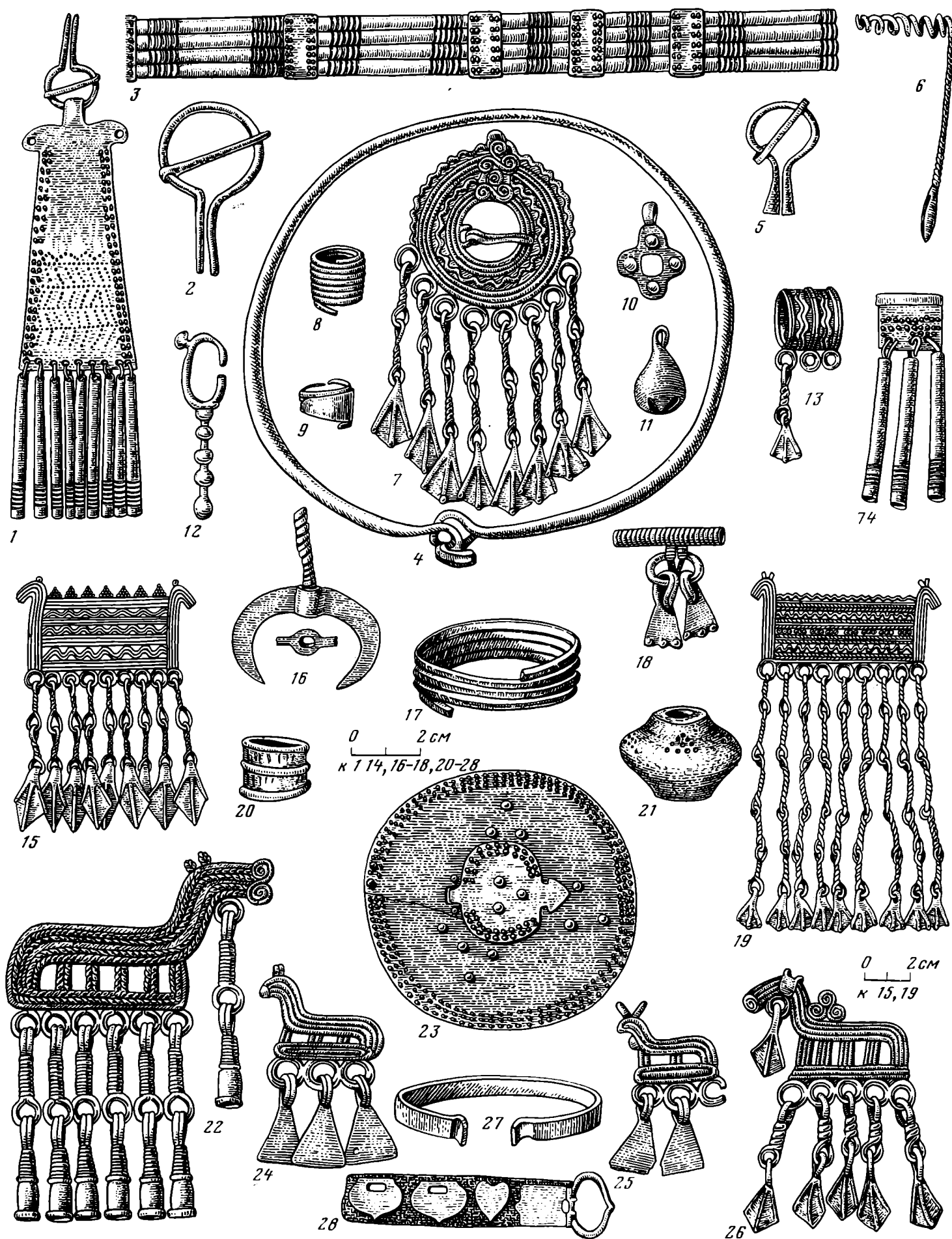

Таблица XLVII. Украшения X—XI вв. из могильников мордвы.

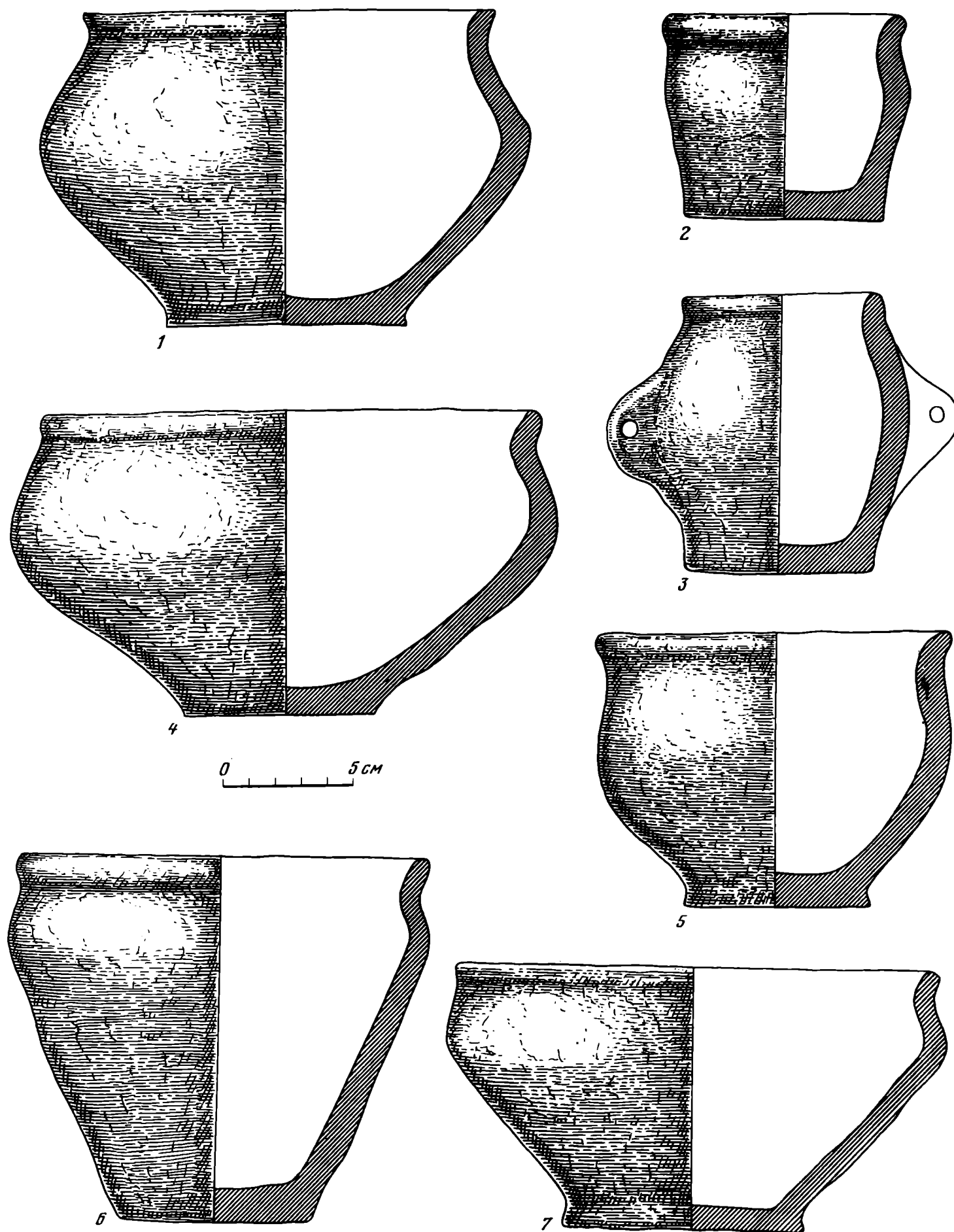

Таблица XLVIII. Лепная посуда мордвы.

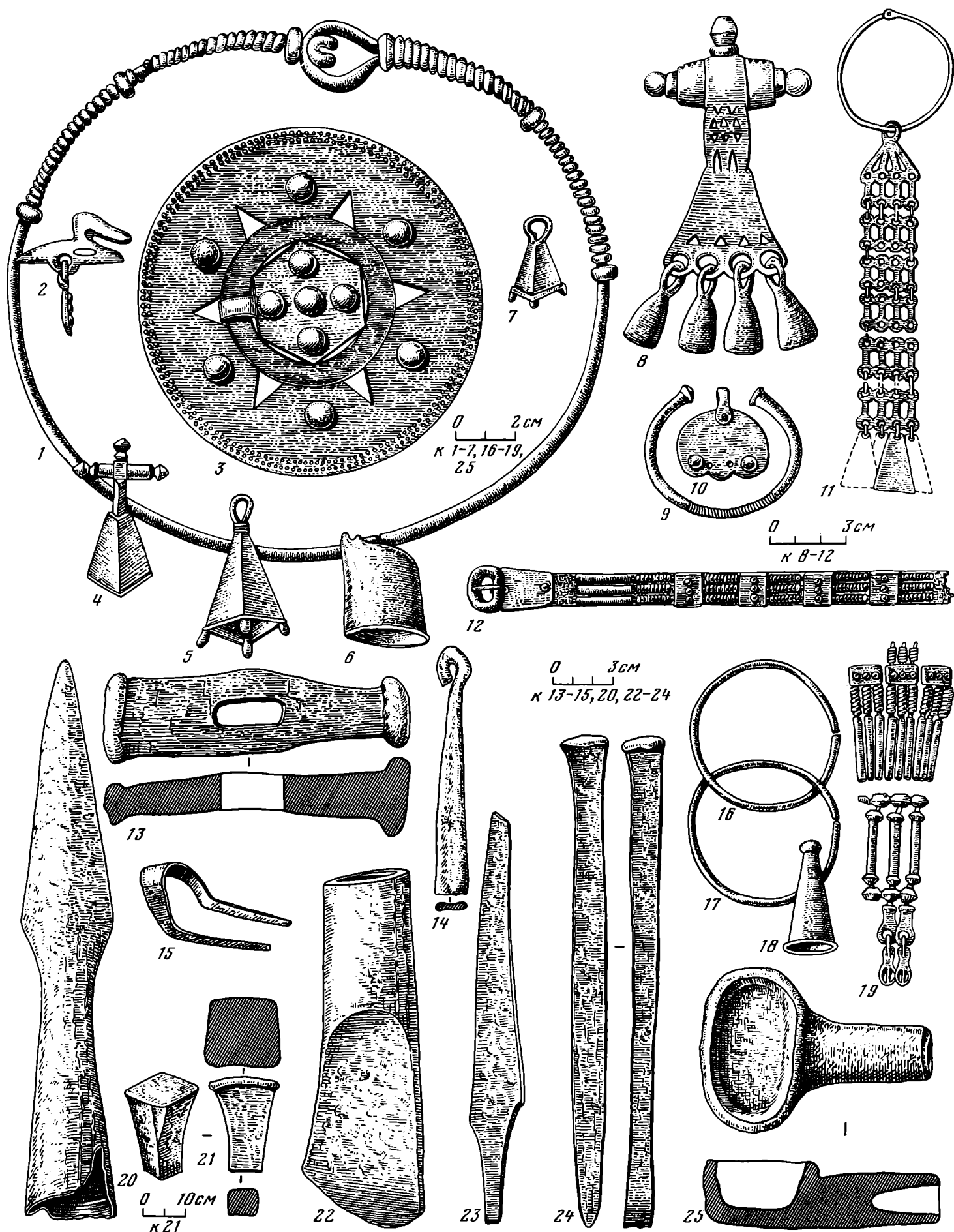

Таблица XLIX. Орудия труда и украшения марийцев VI—VII вв.

Таблица L. Орудия труда и украшения марийцев IX—X вв.

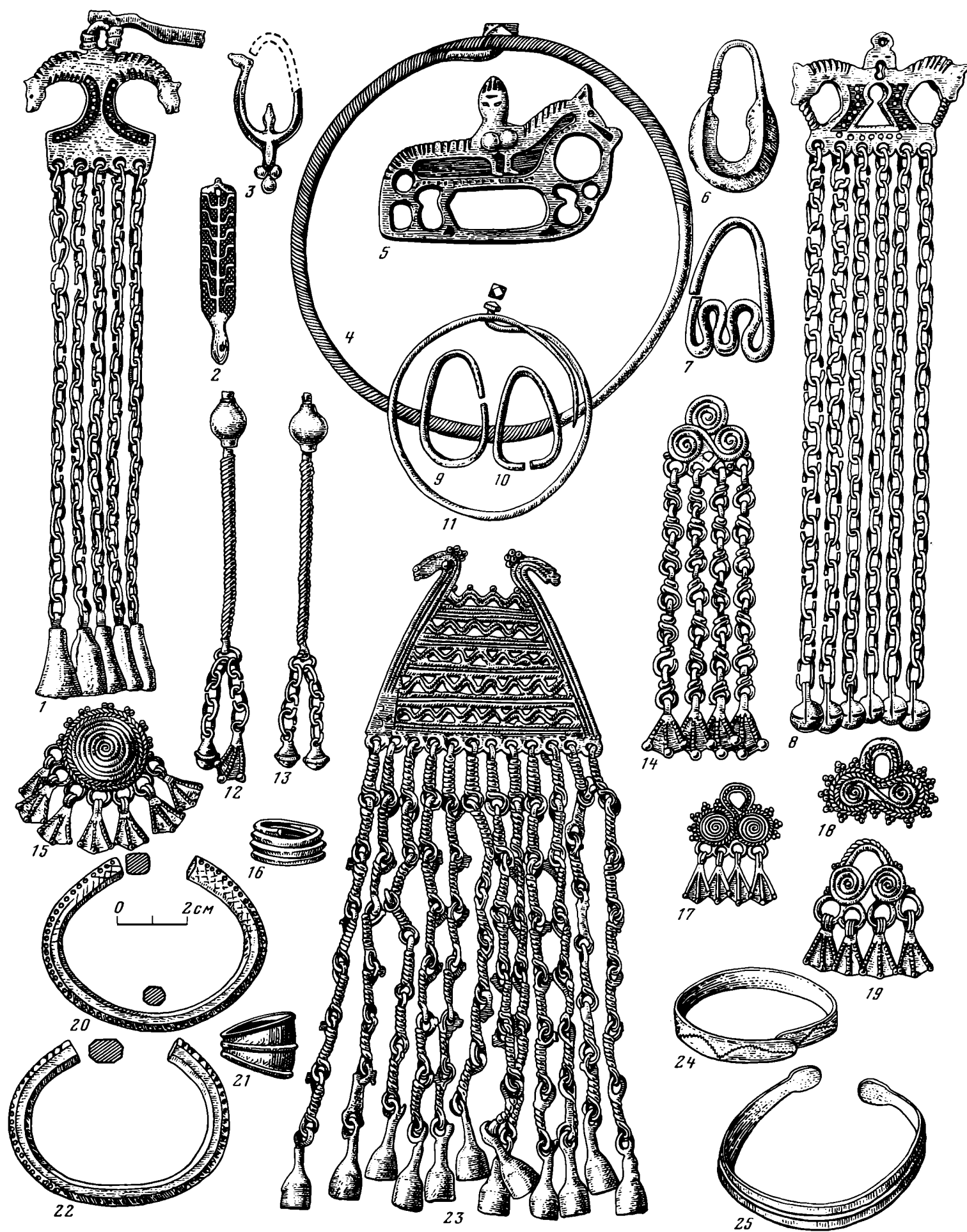

Таблица LI. Украшения марицев IX — первой половины XI в.

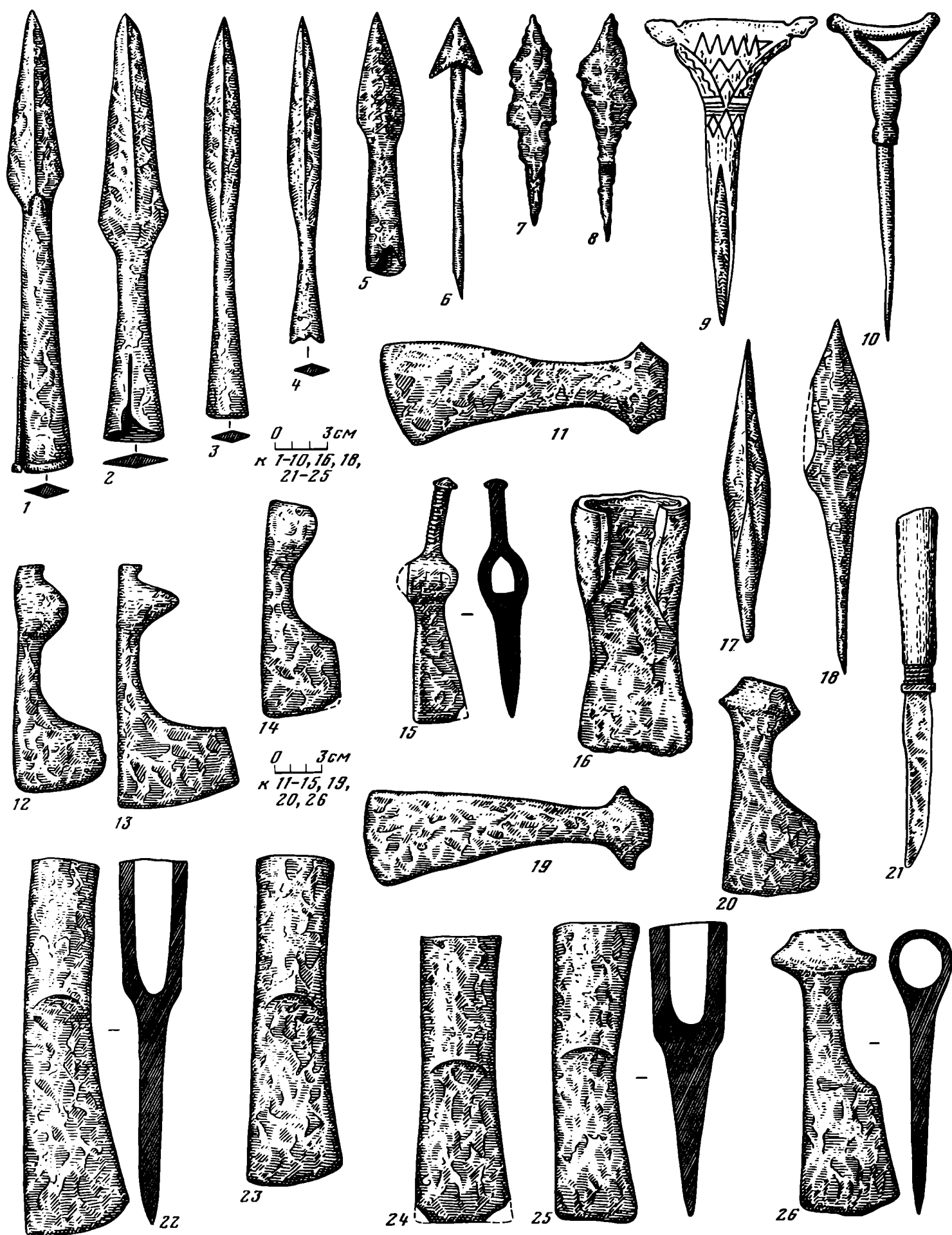

Таблица LII. Оружие и орудия труда марийцев XI—XII вв.

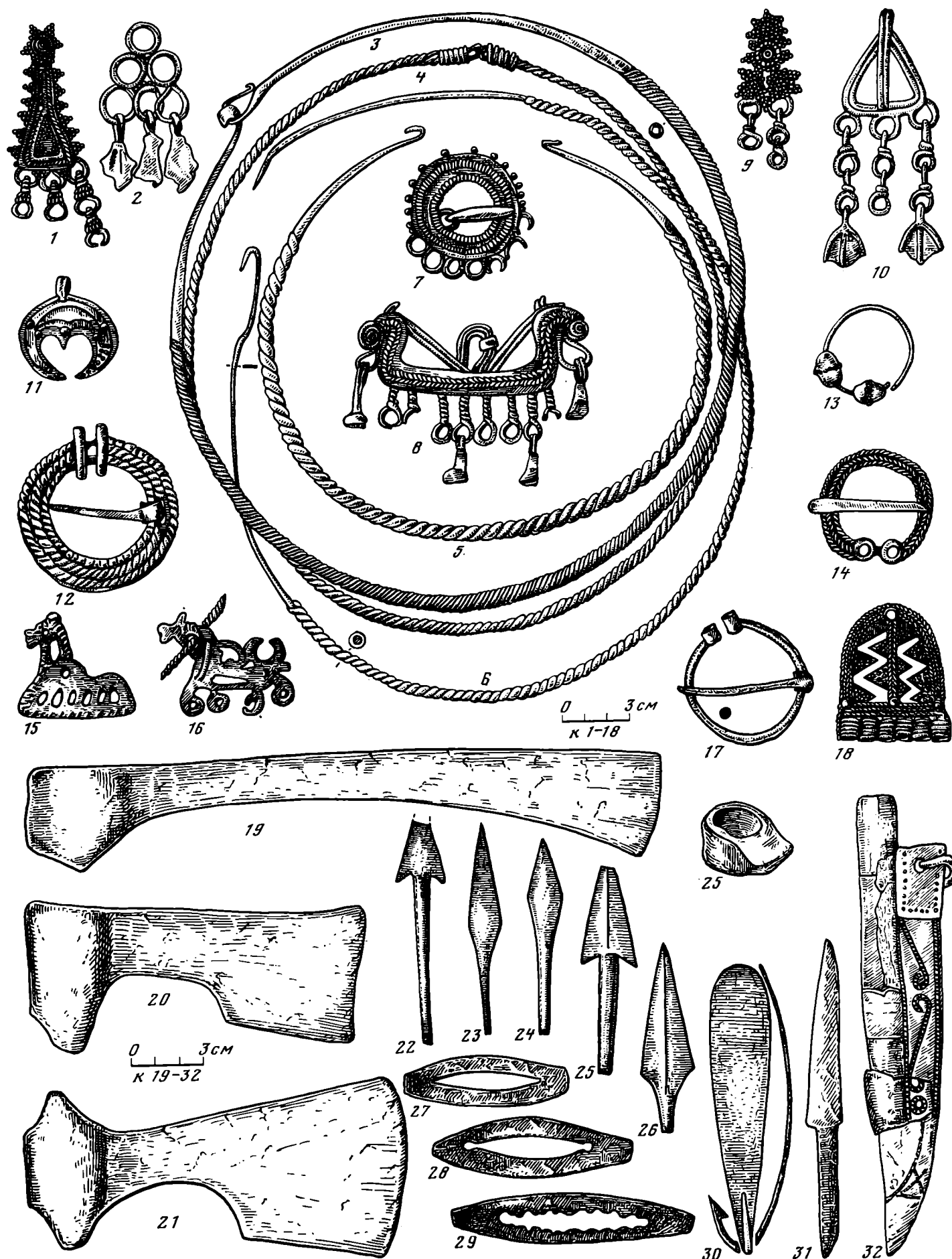

Таблица LIII. Инвентарь Починковского могильника марийцев XII—XIII вв.

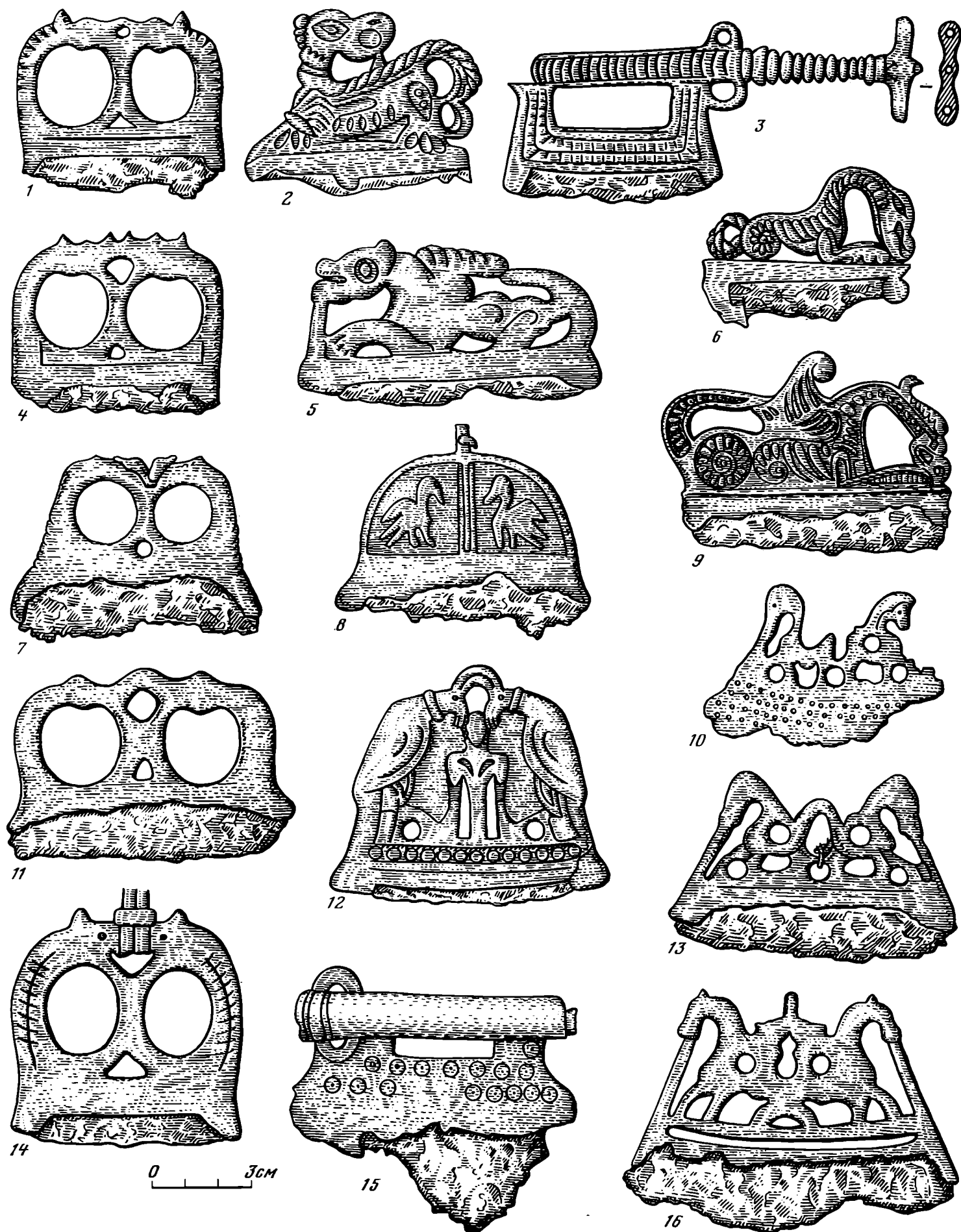

Таблица LIV. Огнива с бронзовыми рукоятями из марийских могильников X в.

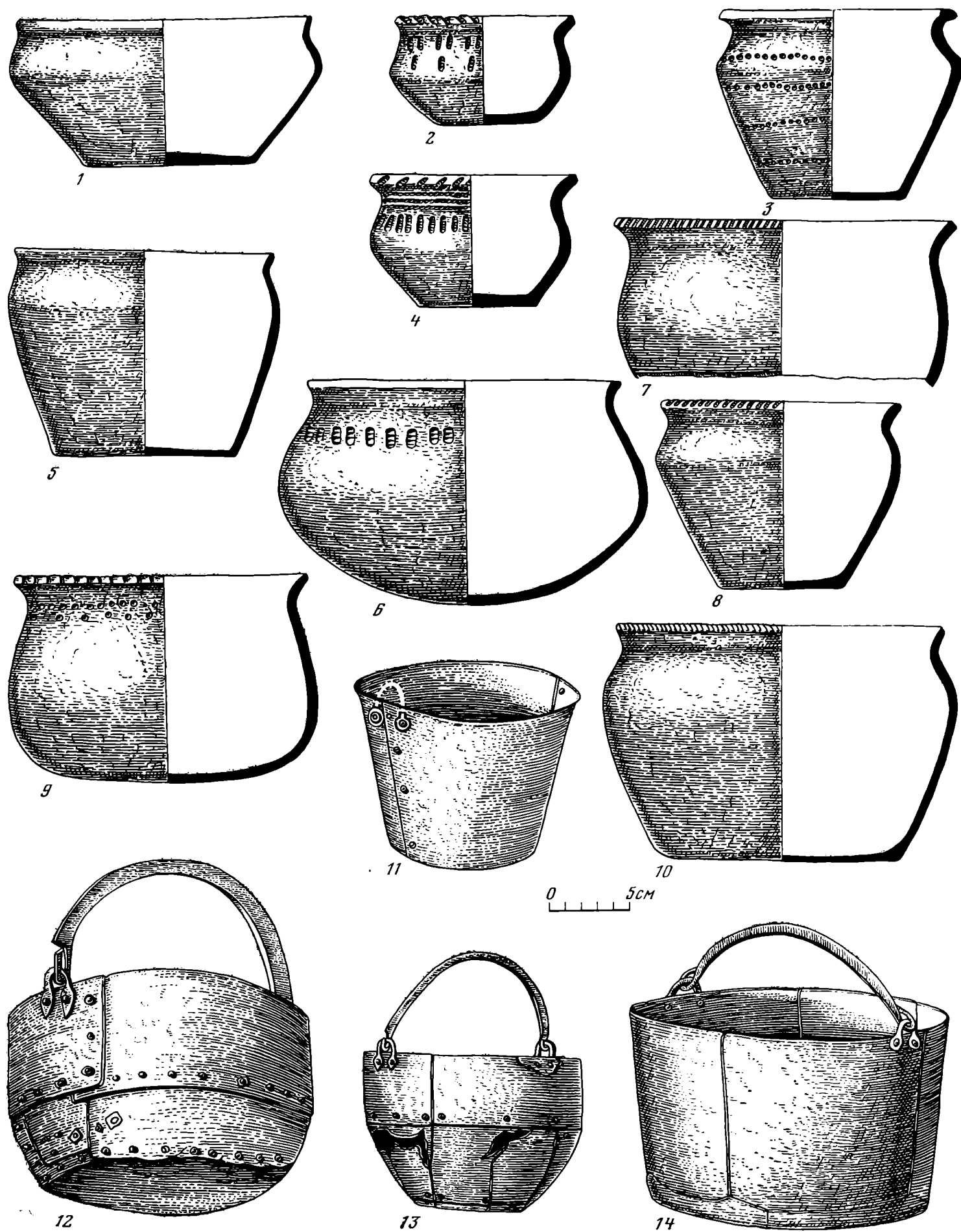

Таблица LV. Керамика и котлы из мари́йских могильников X—XII вв.

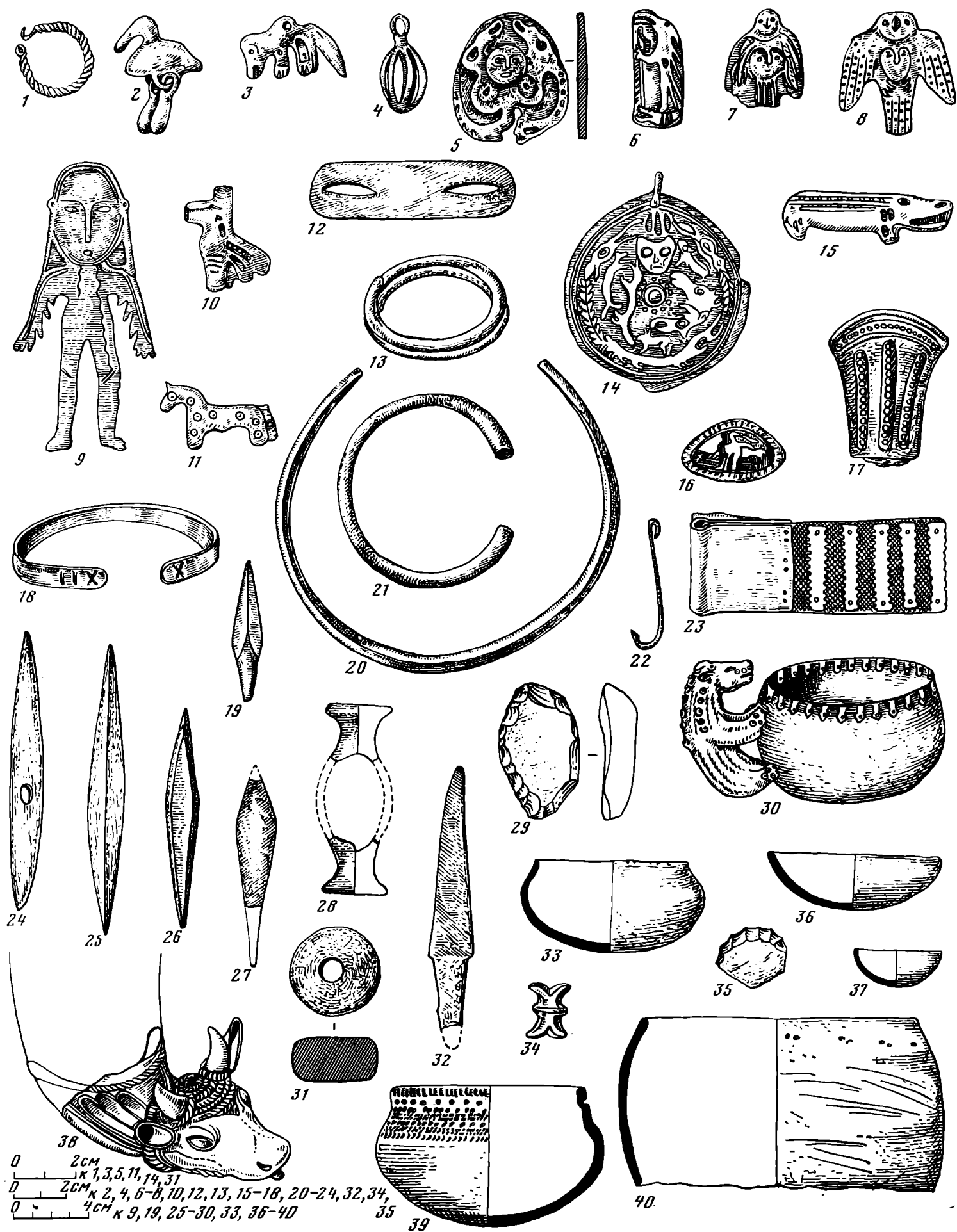

Таблица LVI. Древности ванвиздинской культуры. Орудия труда, оружие, бытовые предметы, украшения.

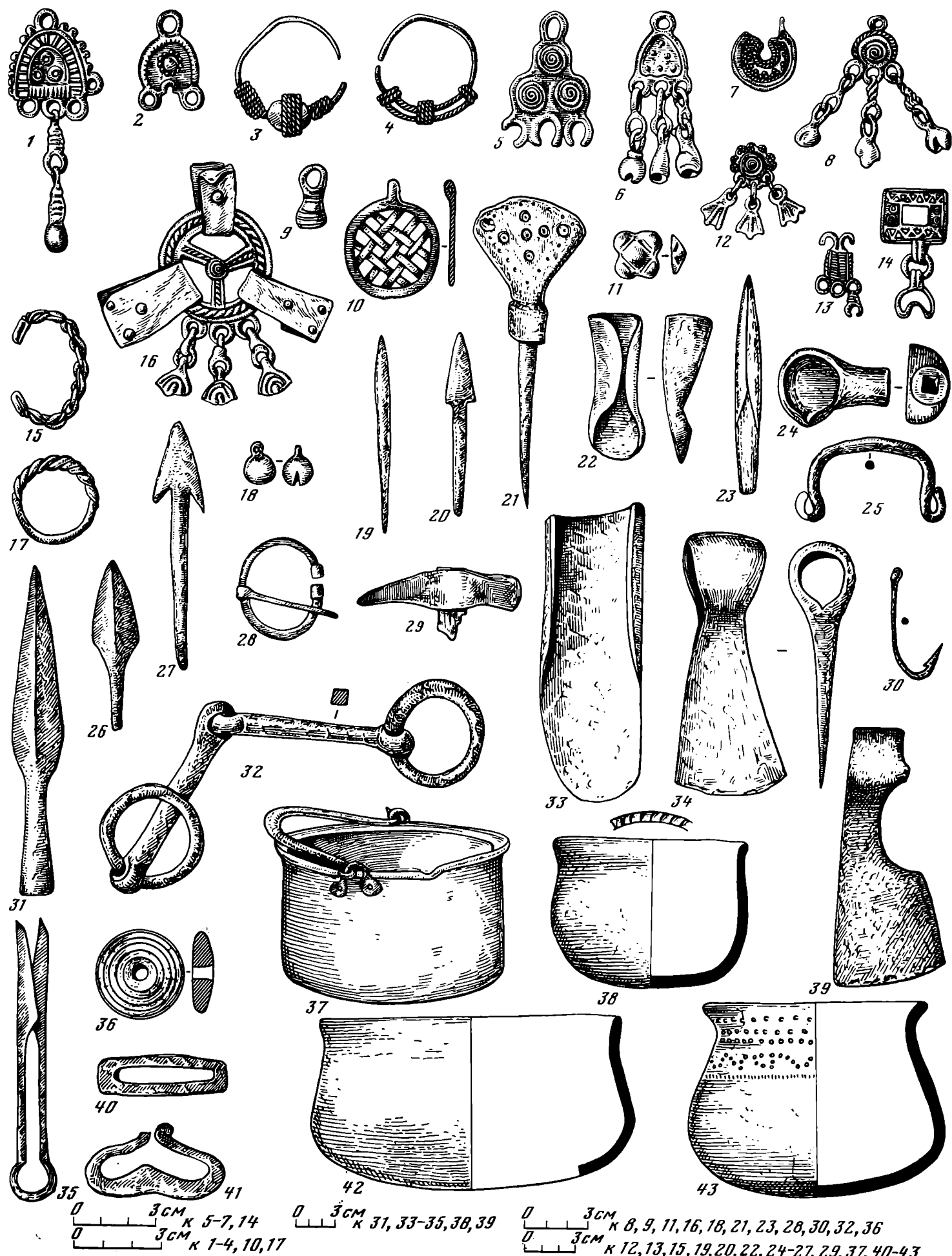

Таблица LVII. Древности вымской культуры. Оружие, орудия труда, предметы быта, украшения.

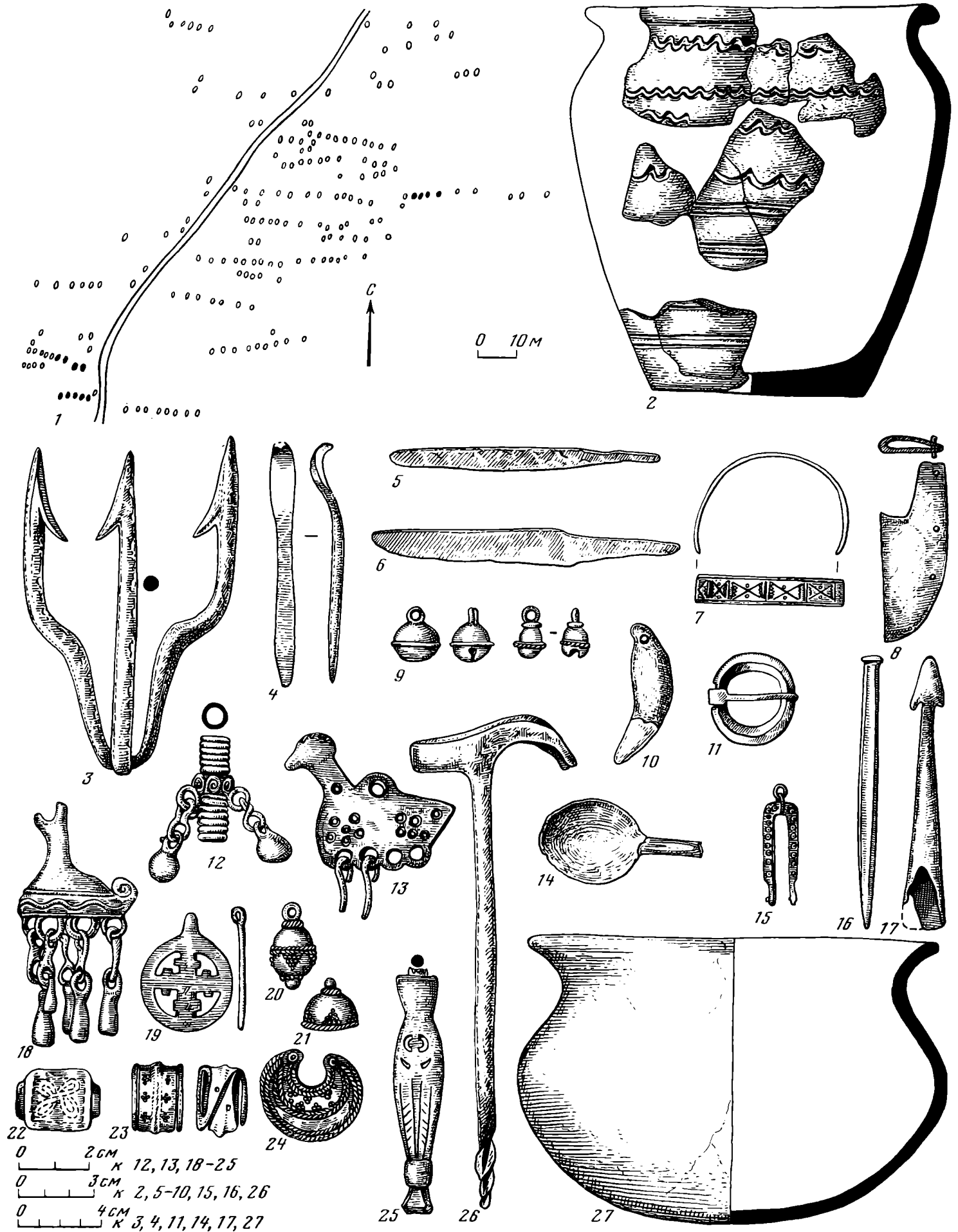

Таблица LVIII. Древности вымской культуры. Украшения, орудия труда, предметы вооружения, бытовой инвентарь.

Таблица LIX. Древности полоумской культуры. Оружие, орудия труда, предметы быта.

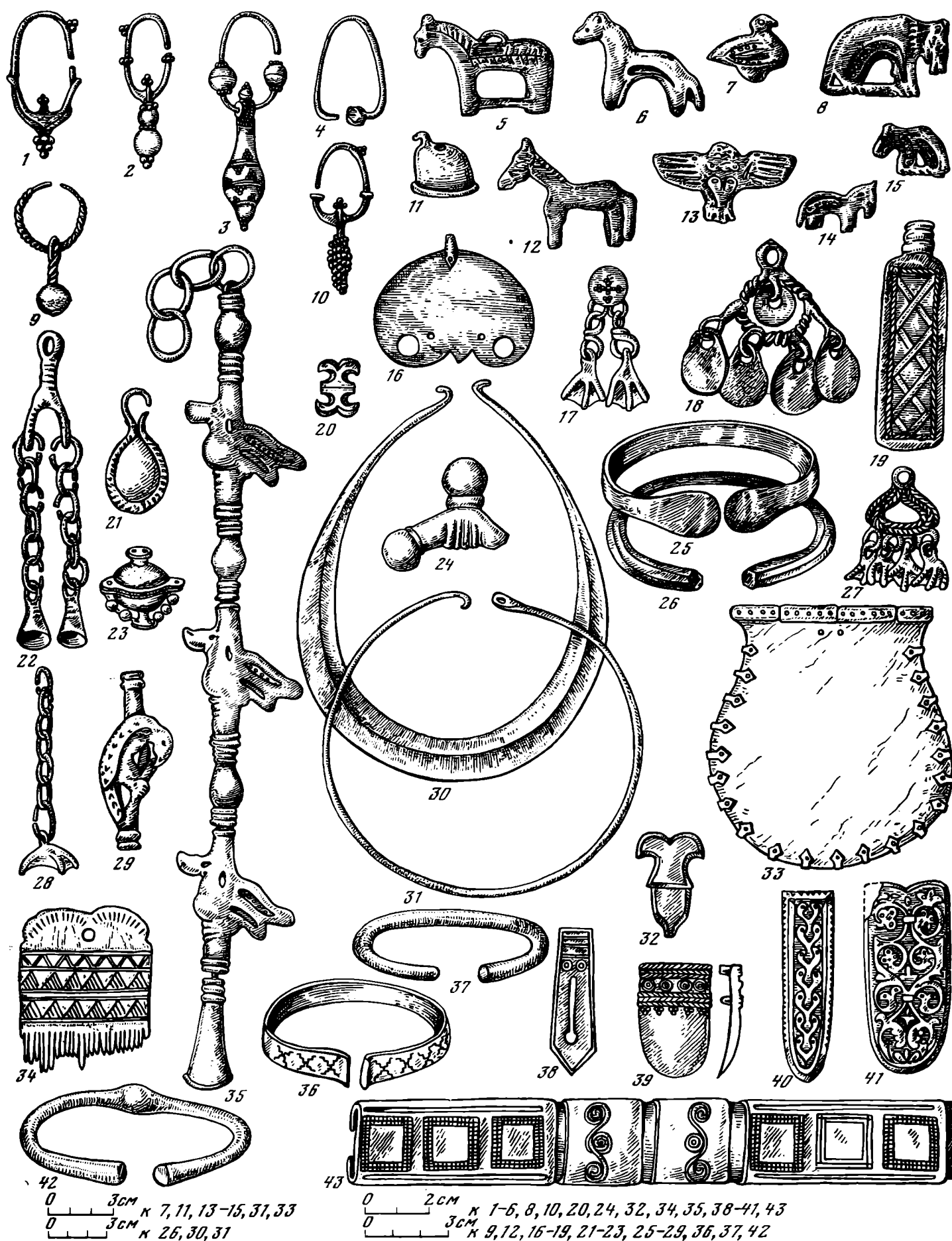

Таблица LX. Древности полумской культуры. Украшения, предметы быта.

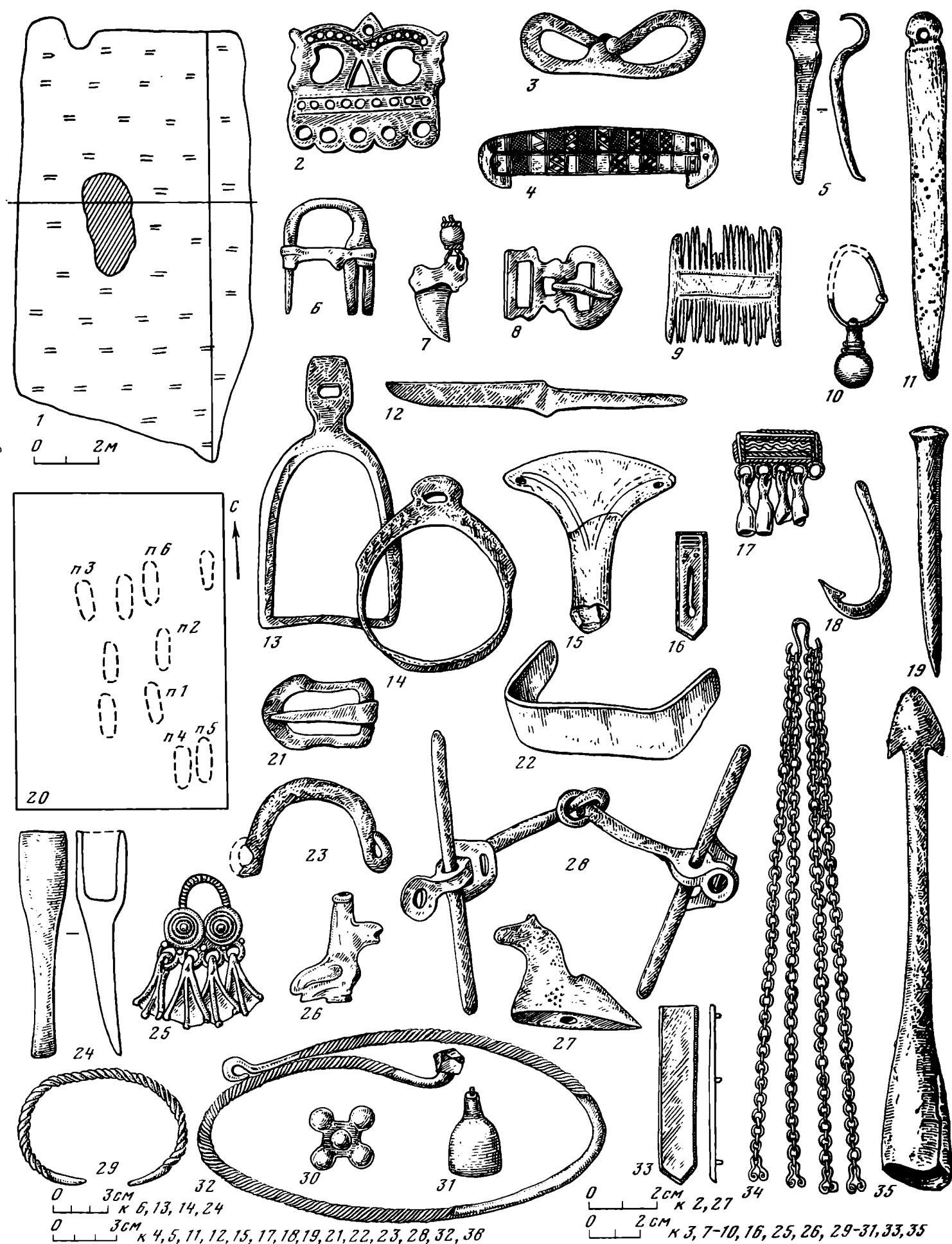

Таблица LXI. Древности чепецкой культуры. Оружие, орудия труда, предметы быта, украшения.

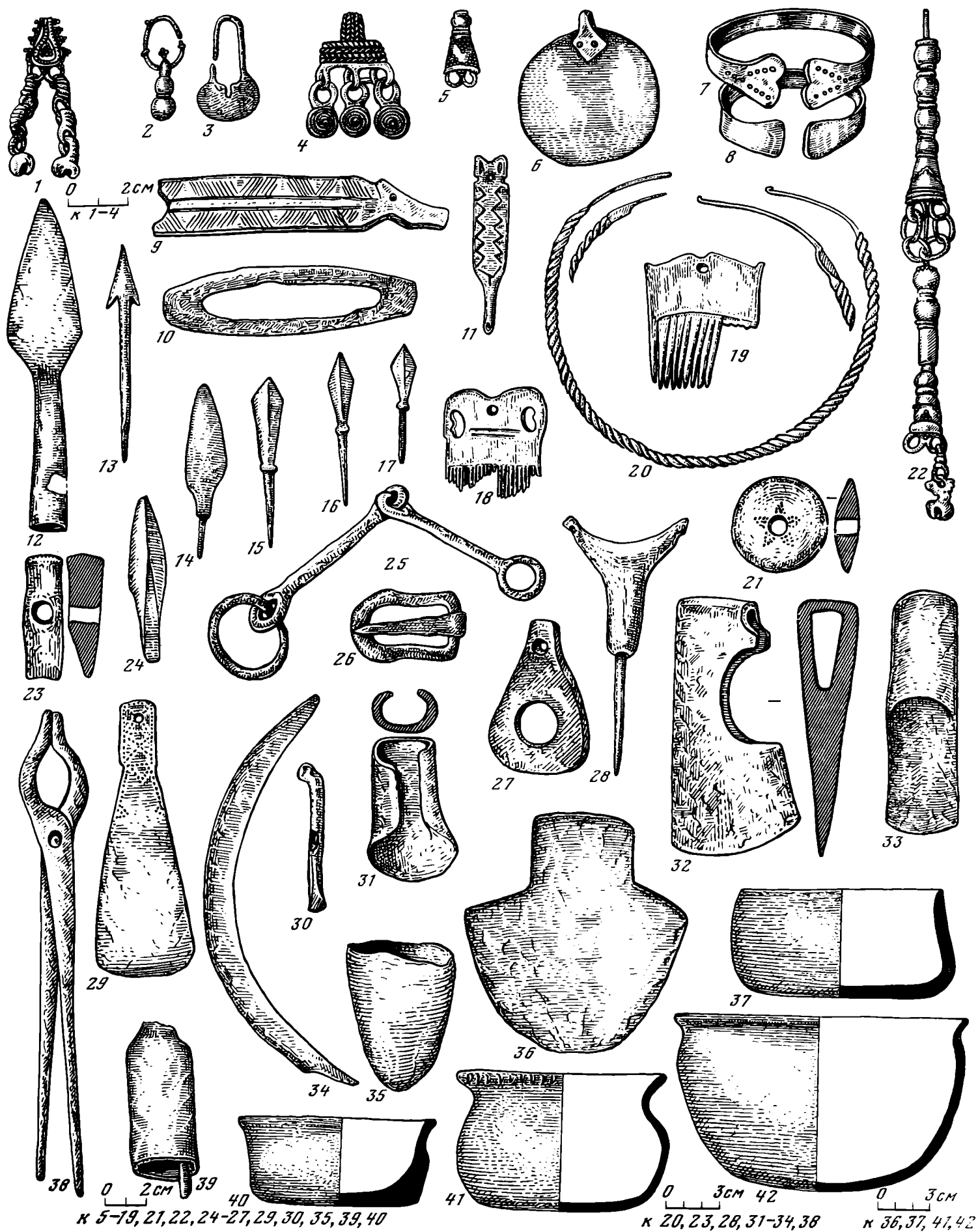

Таблица LXII. Древности чепецкой культуры. Оружие, орудия труда, предметы быта, украшения.

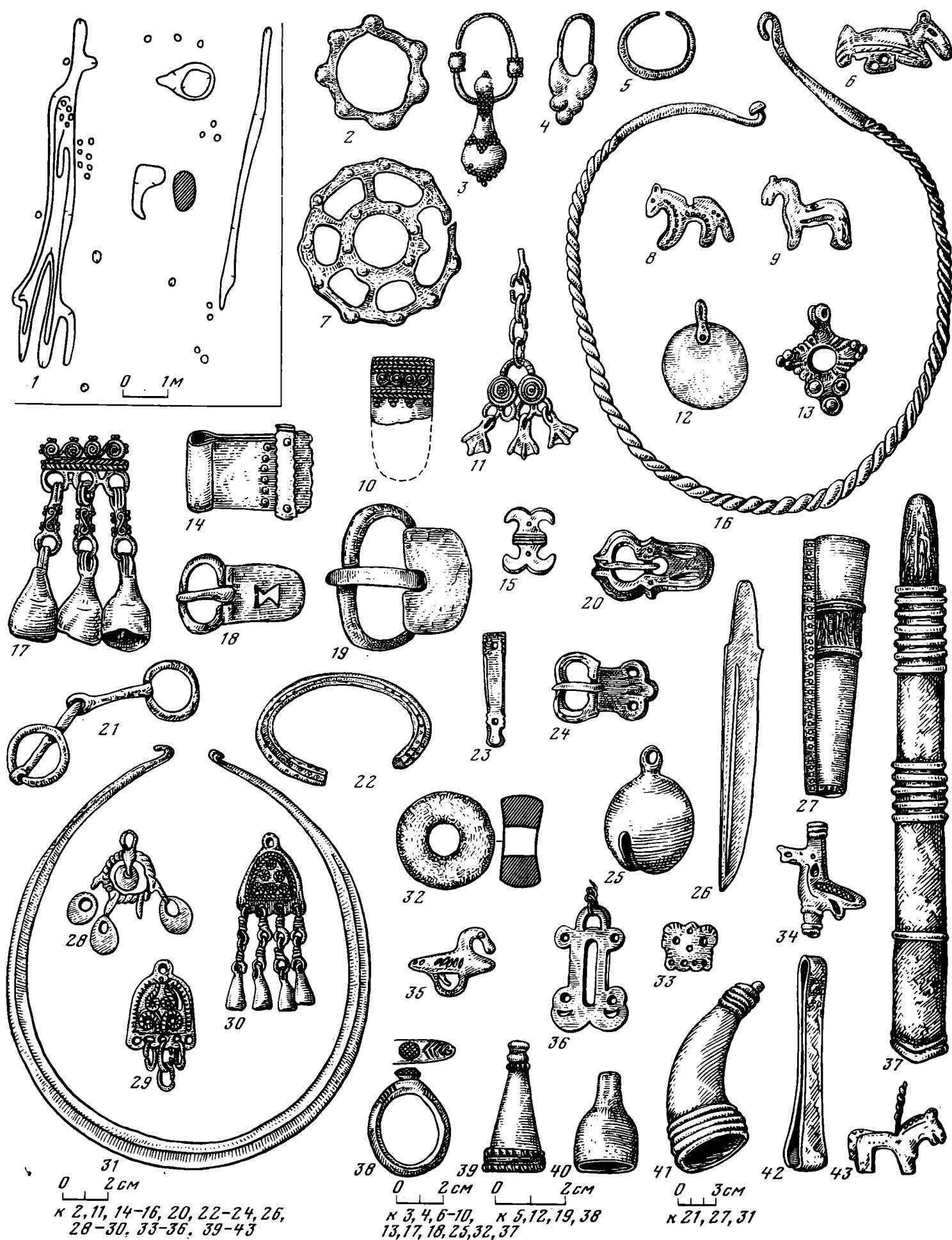

Таблица LXIII. Древности ломоватовской культуры. Оружие, орудия труда, предметы быта, украшения.

Таблица LXIV. Древности ломоватовской культуры. Оружие, орудия труда, предметы быта, украшения.

Таблица LXV Древности родановской культуры. Оружие, орудия труда, предметы быта, украшения.

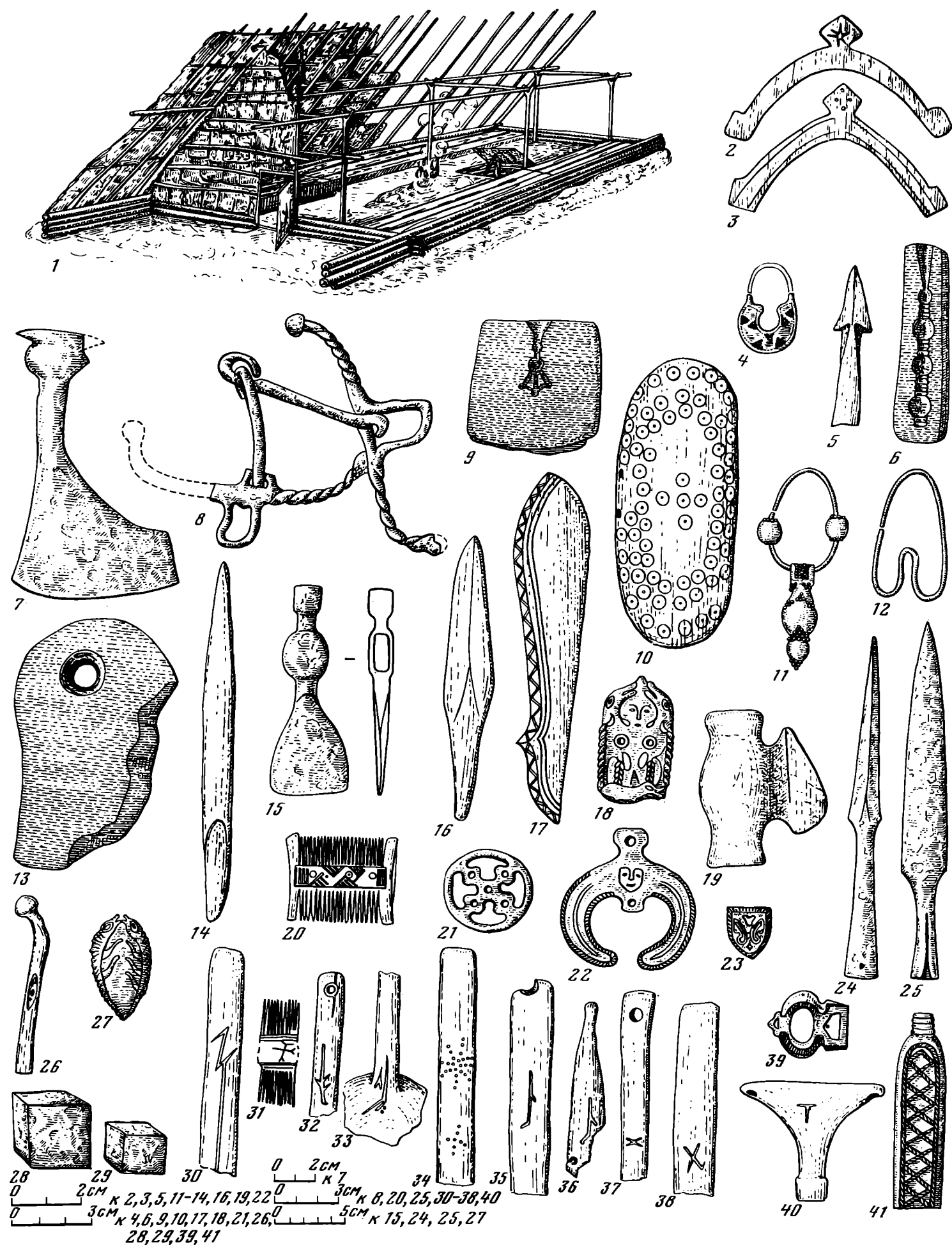

Таблица LXVI. Древности родановской культуры. Оружие, орудия труда, предметы быта, украшения.

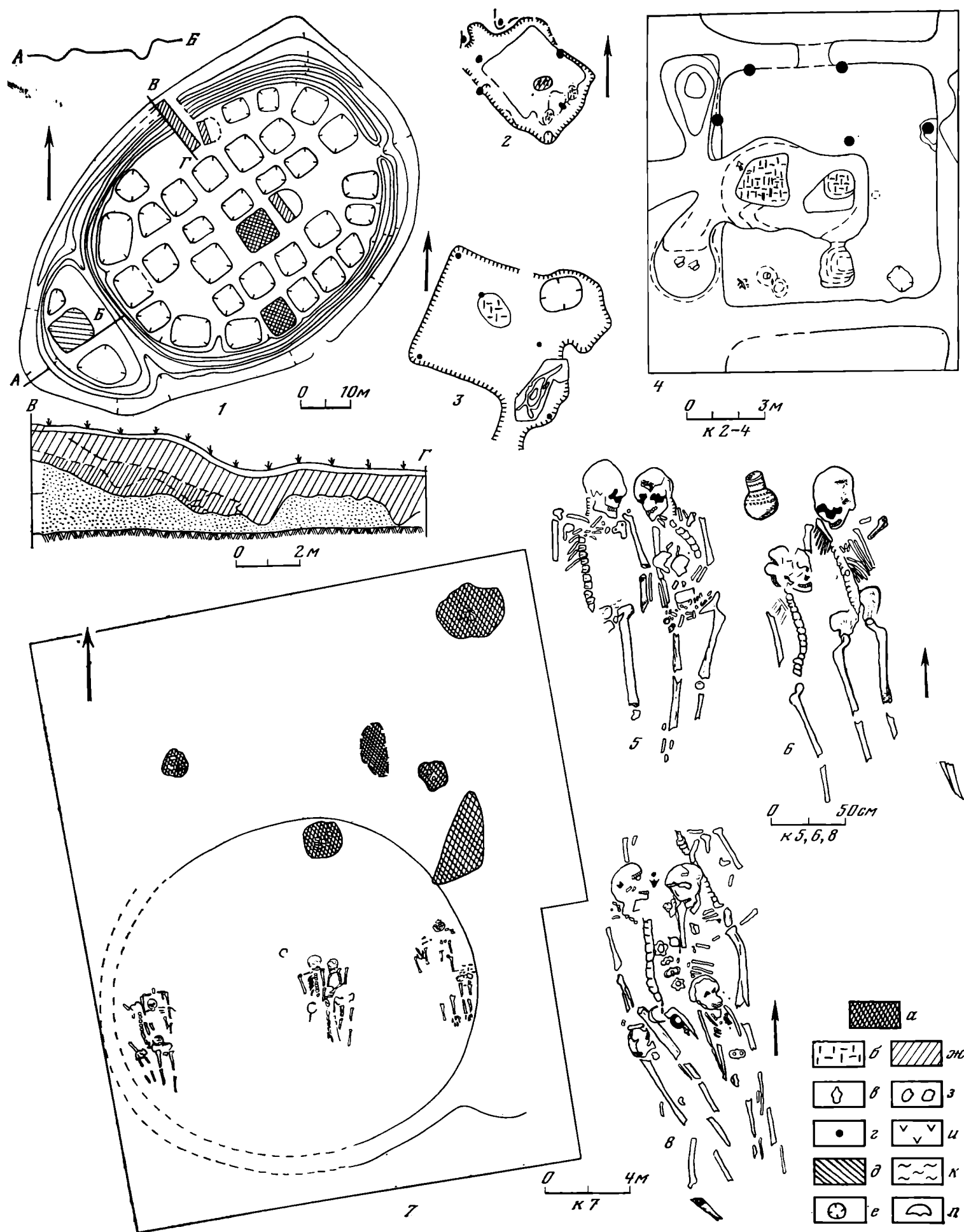

Таблица LXVII. Поселения, жилища и погребальный обряд памятников молчановского типа.

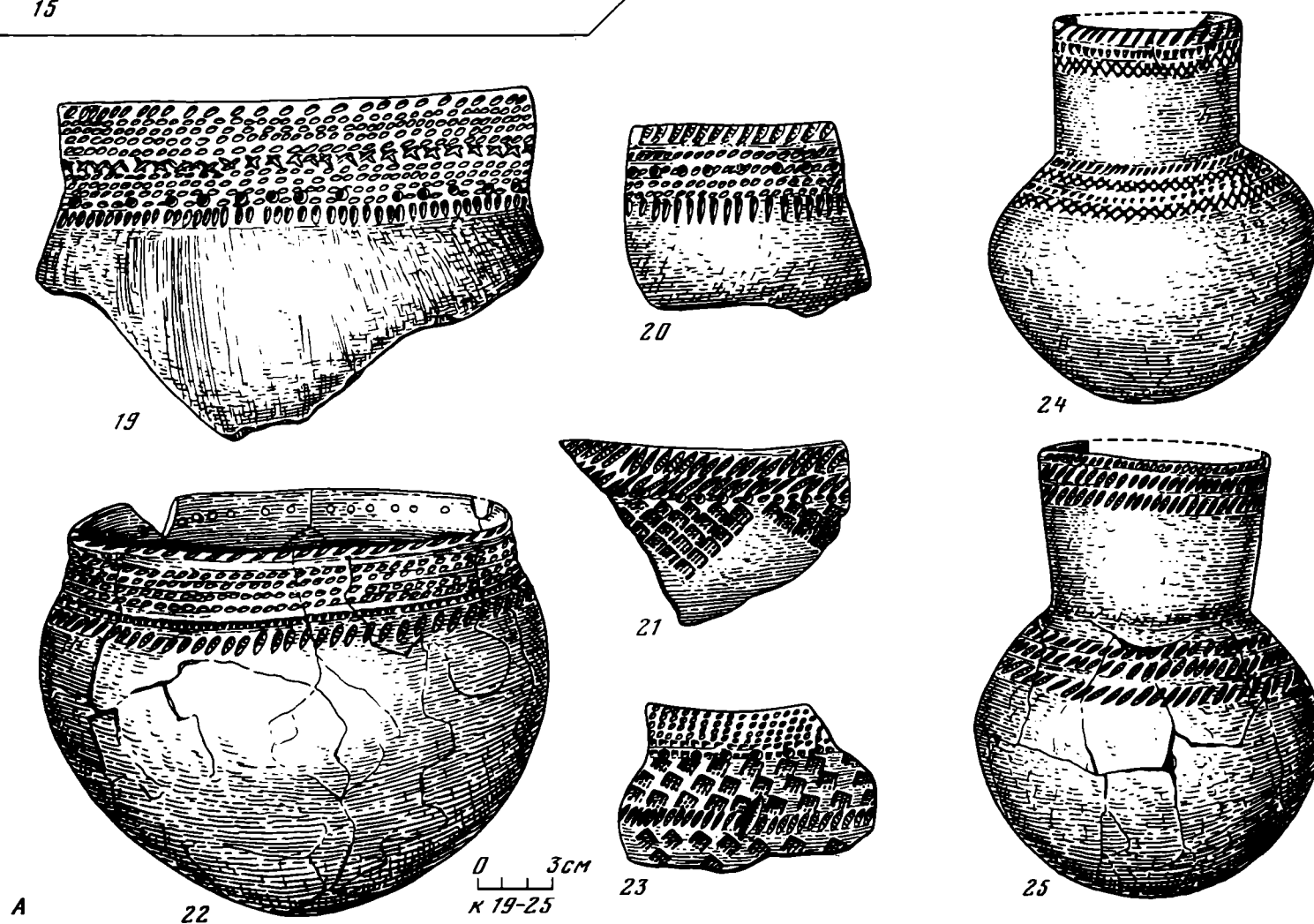
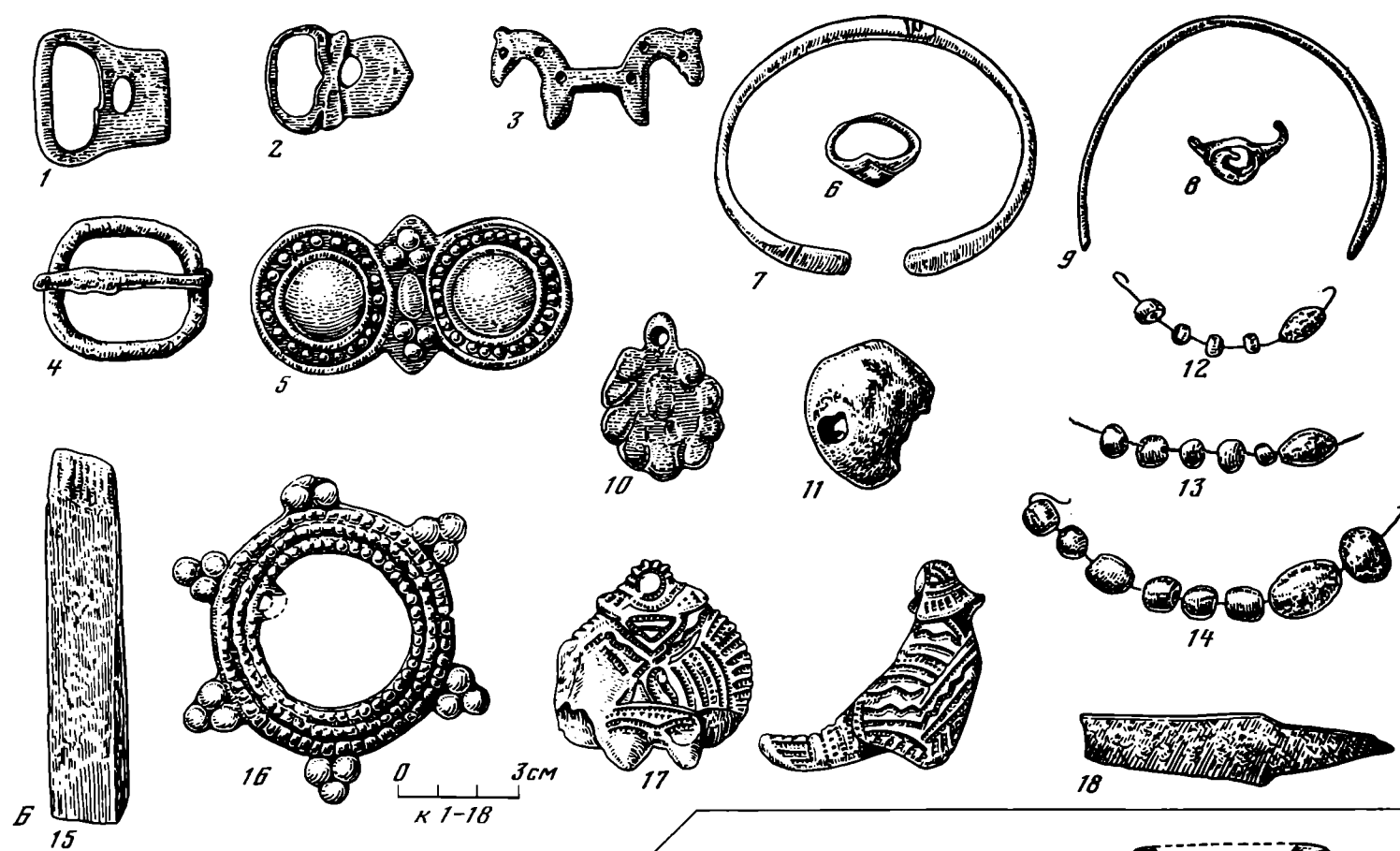

Таблица LXVIII. Инвентарь памятников молчановского типа.

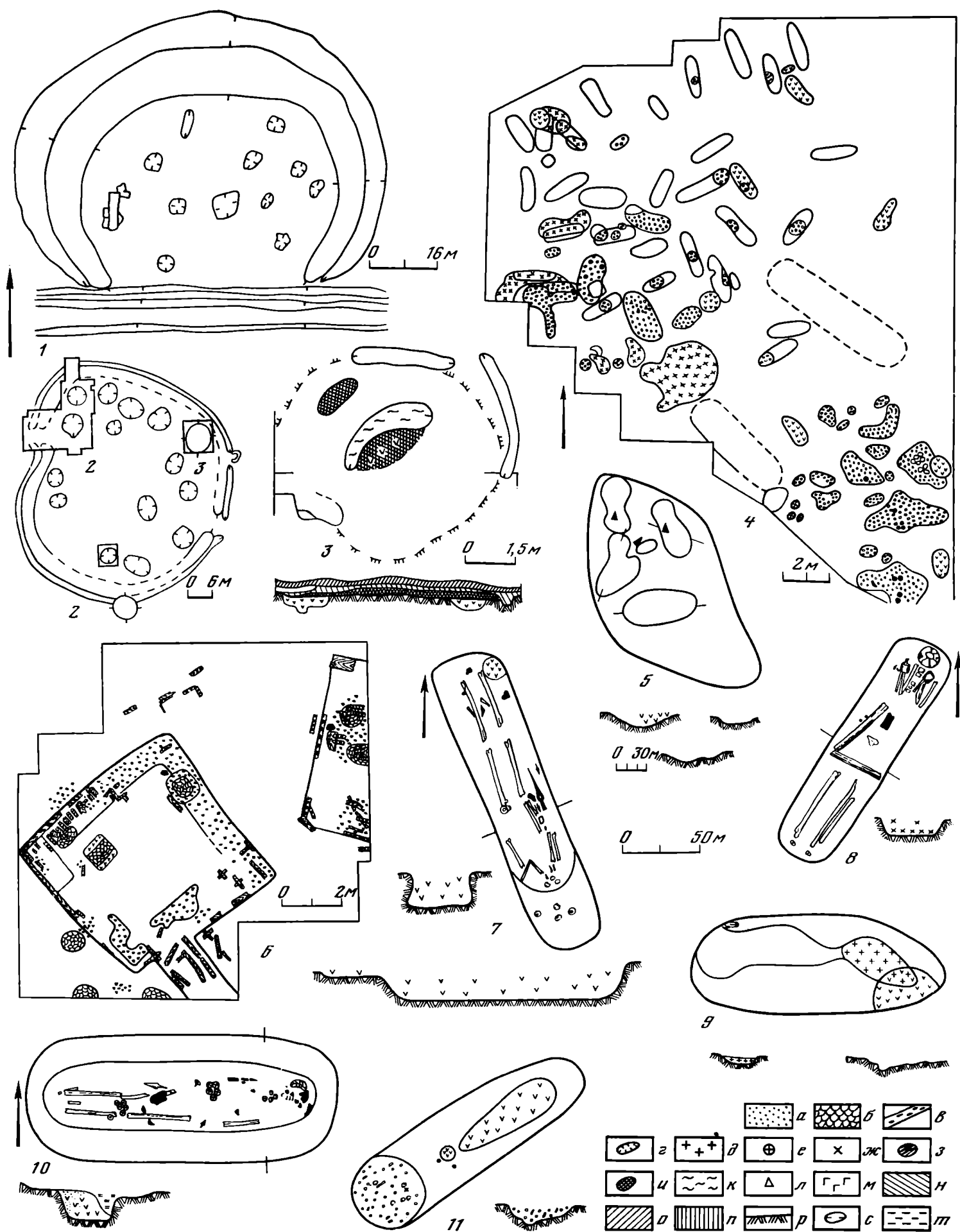

Таблица LXIX. Юдинская культура. Поселения, жилища и погребальный обряд.

Таблица LXX. Юдинская культура. Вещевой инвентарь и керамика.

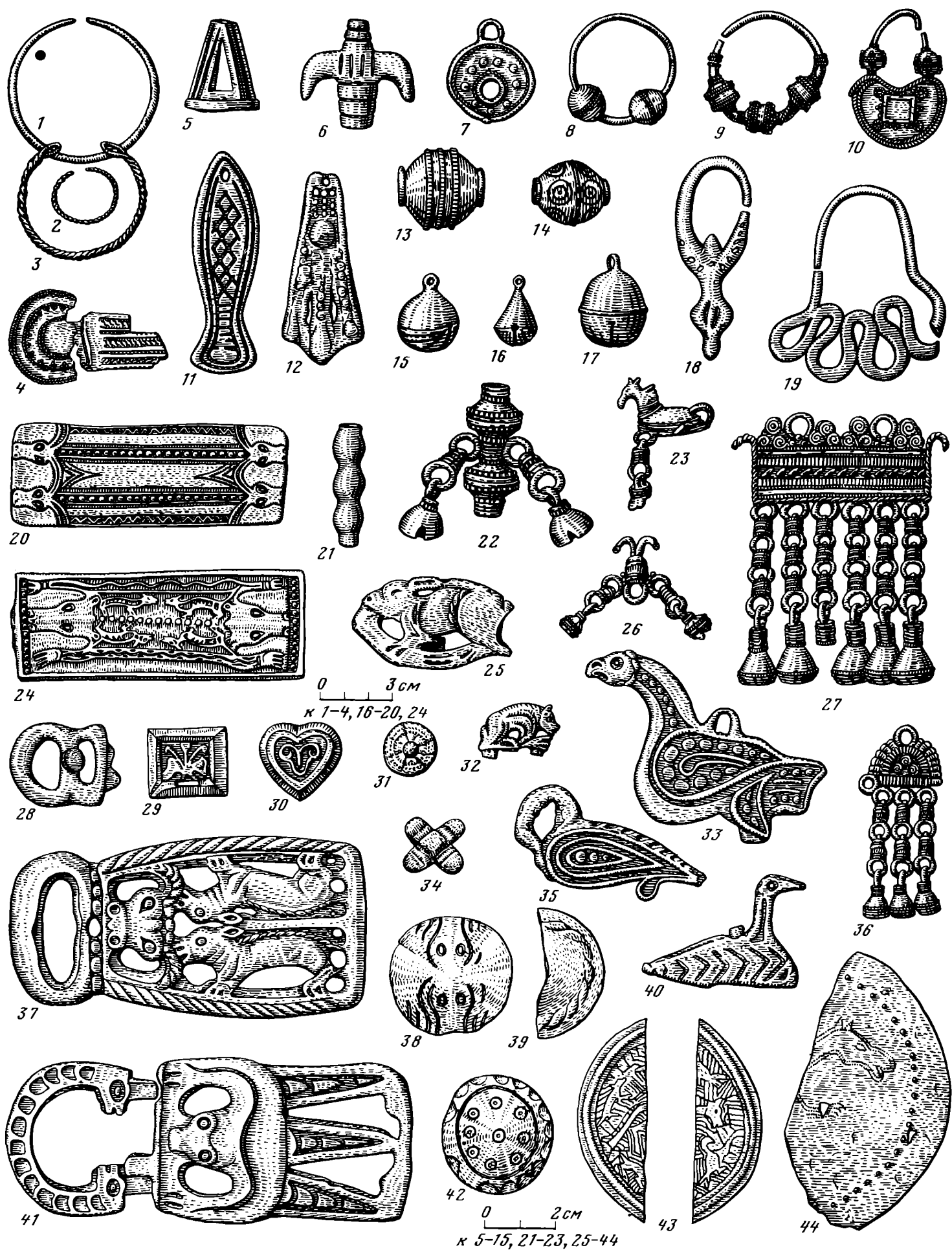

Таблица LXXI. Юдинская культура. Предметы украшения, детали одежды, культовые подвески. Ликийский могильник.

Таблица LXXII. Памятники макушинского типа.

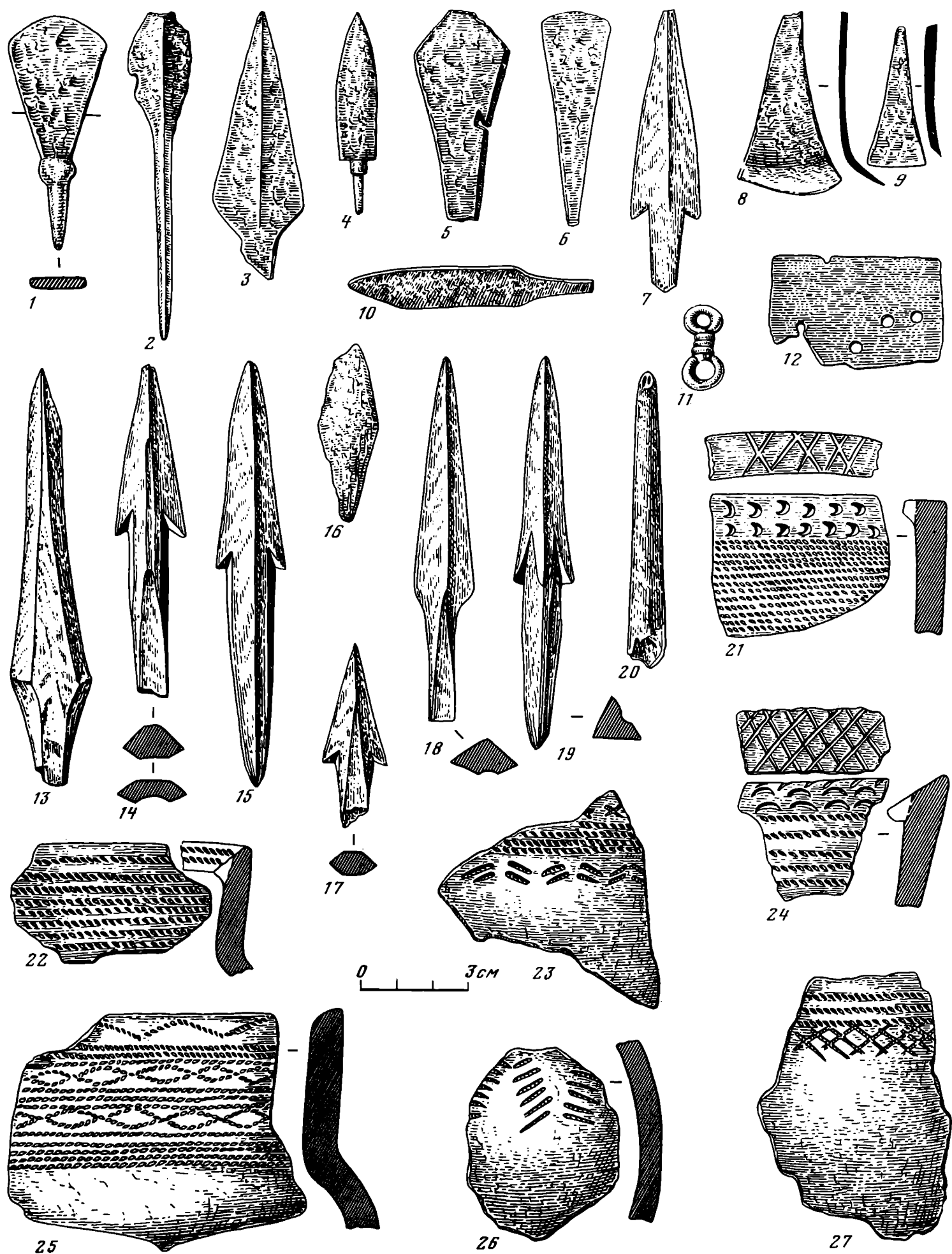

Таблица LXXIII. Древности петрогромского типа.

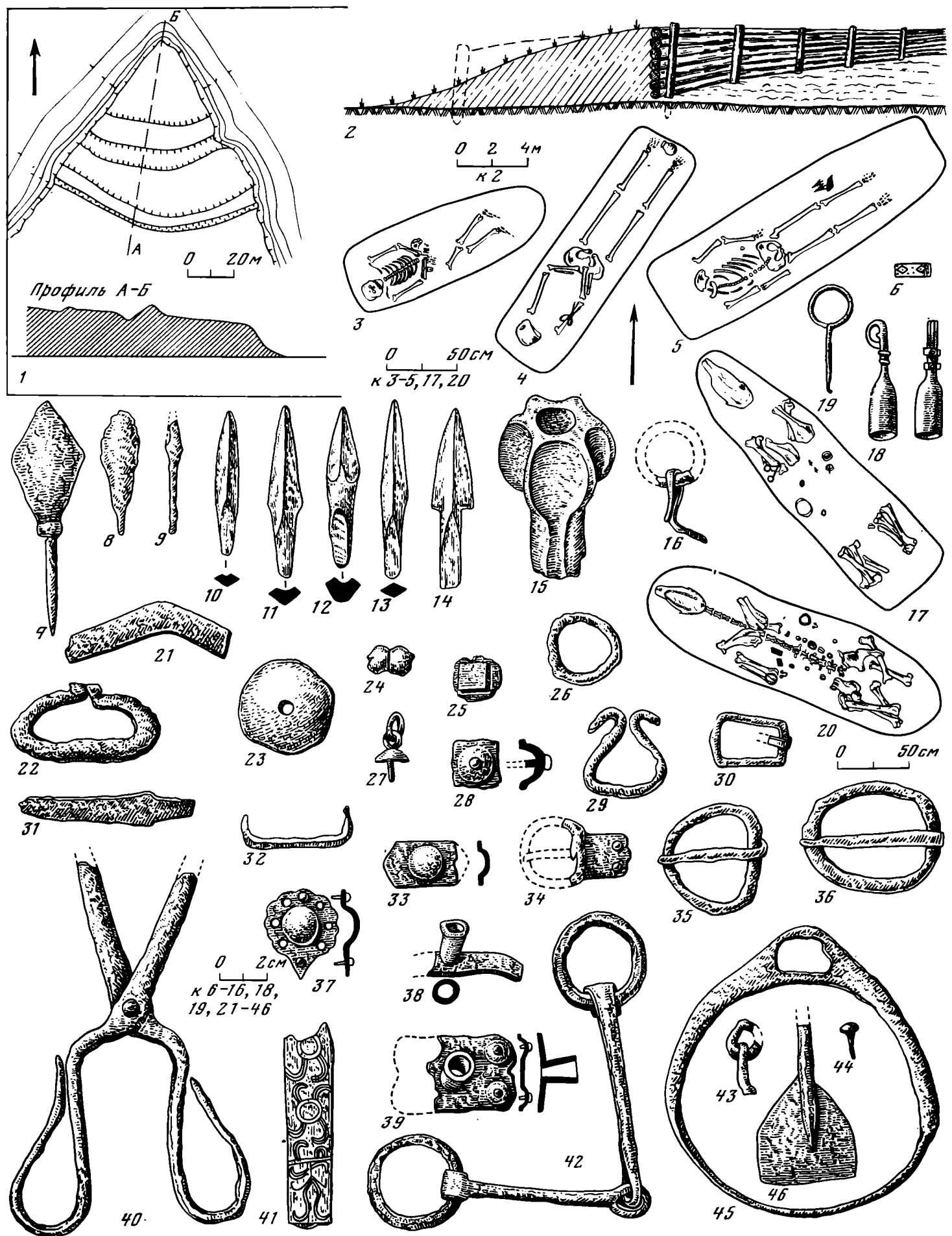

Таблица LXXIV. Бакальская культура. Поселения, фортификация, погребальный обряд.

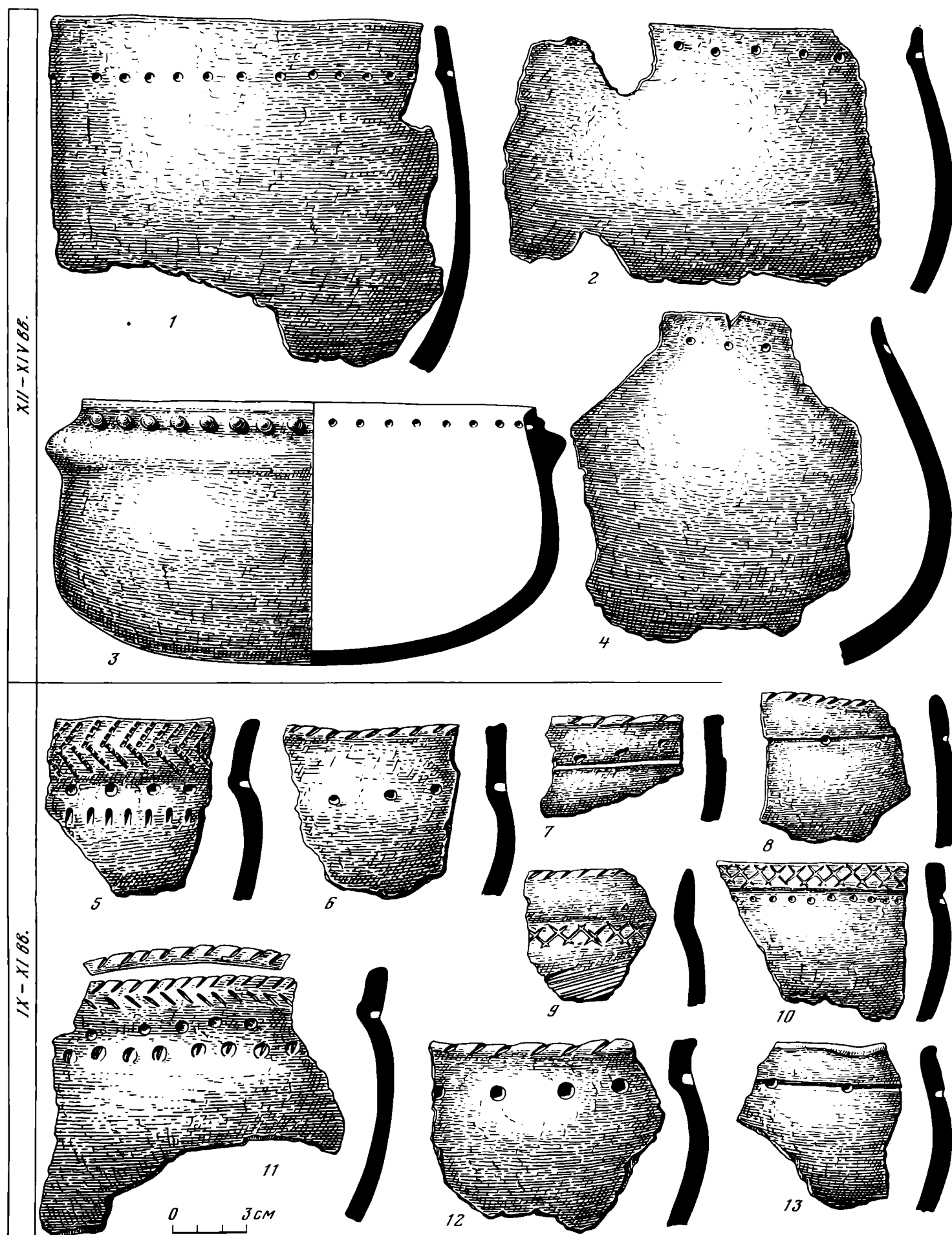

Таблица LXXV. Керамика бакальской культуры.

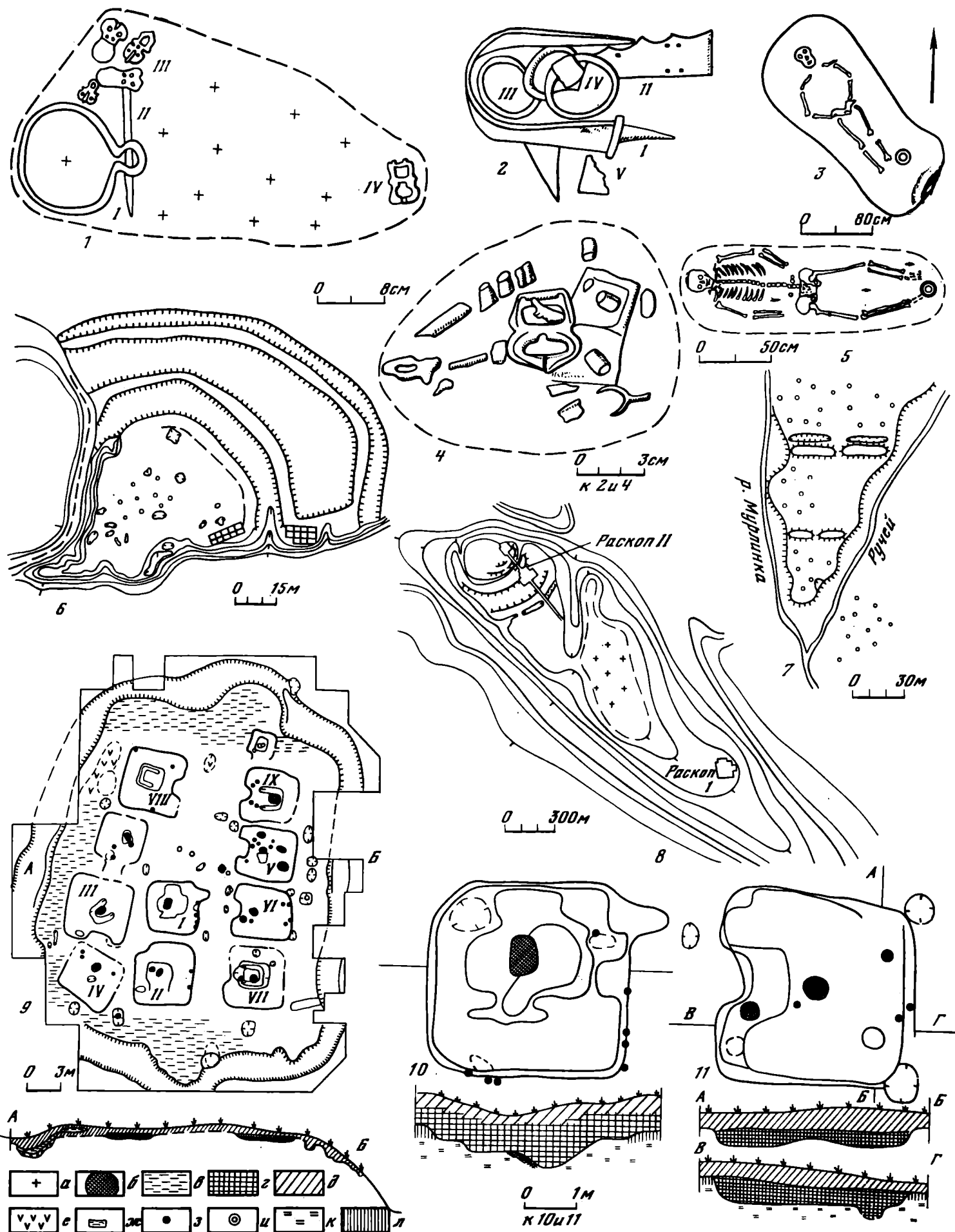

Таблица LXXVI. Потчевашская культура. Поселения, жилища, погребальный ритуал.

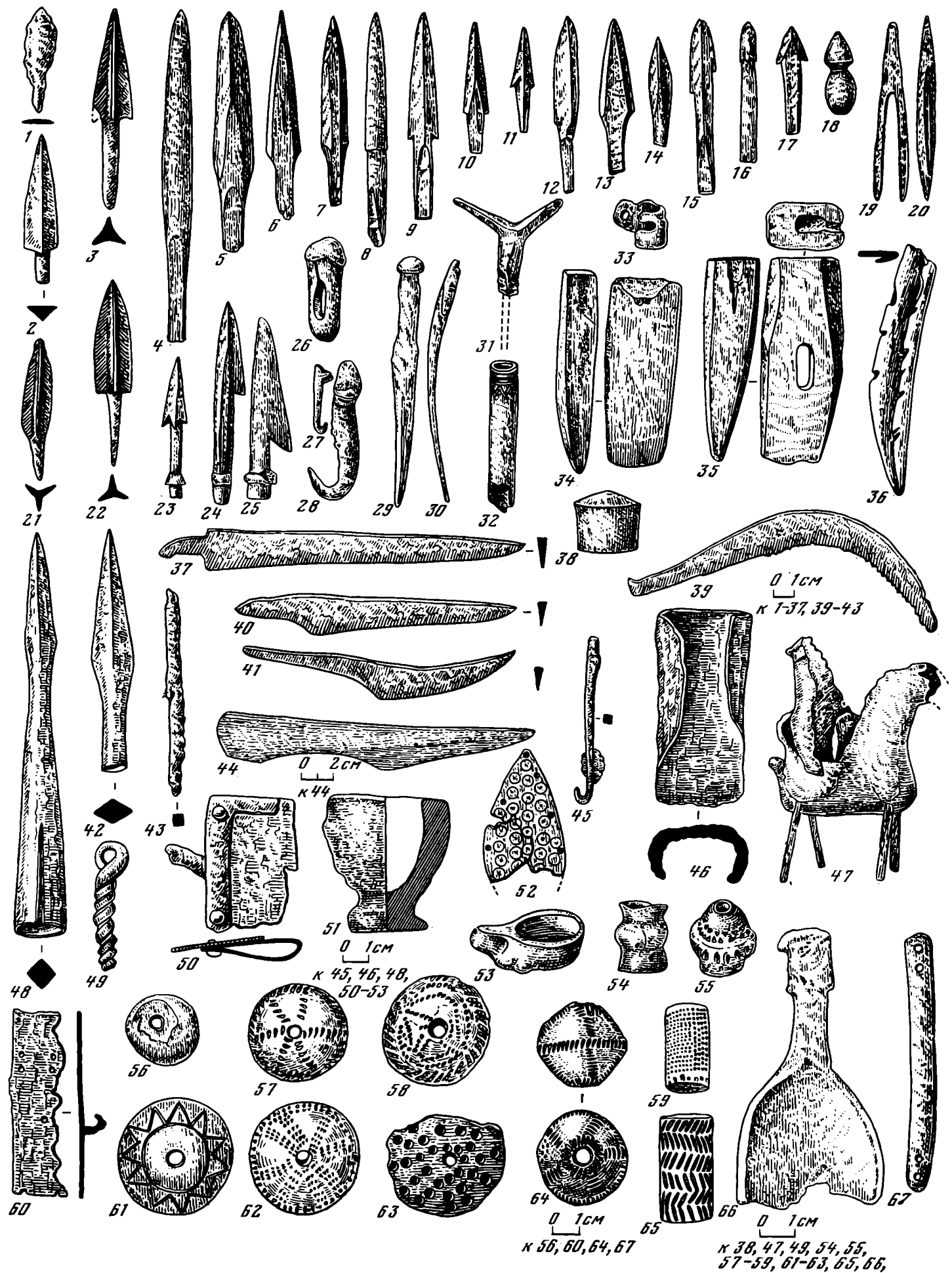

Таблица LXXVII. Потчевашская культура. Орудия труда, предметы вооружения и быта.

Вторая половина VIII – первая половина IX вв.

Конец VII – VIII вв.

Конец VI – VII вв.

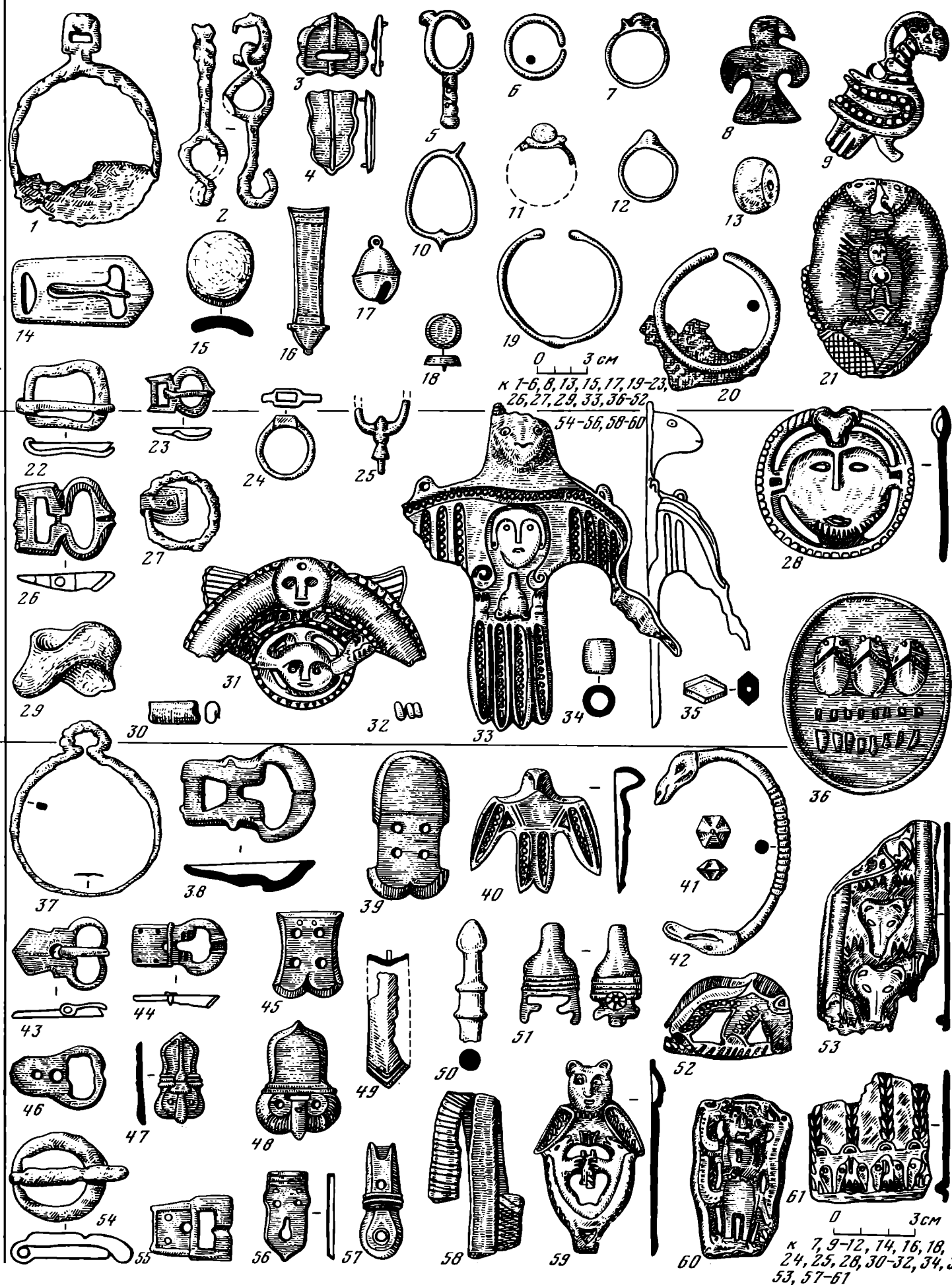

Таблица LXXVIII. Потчевашская культура. Детали конского снаряжения, поясных наборов и украшения.

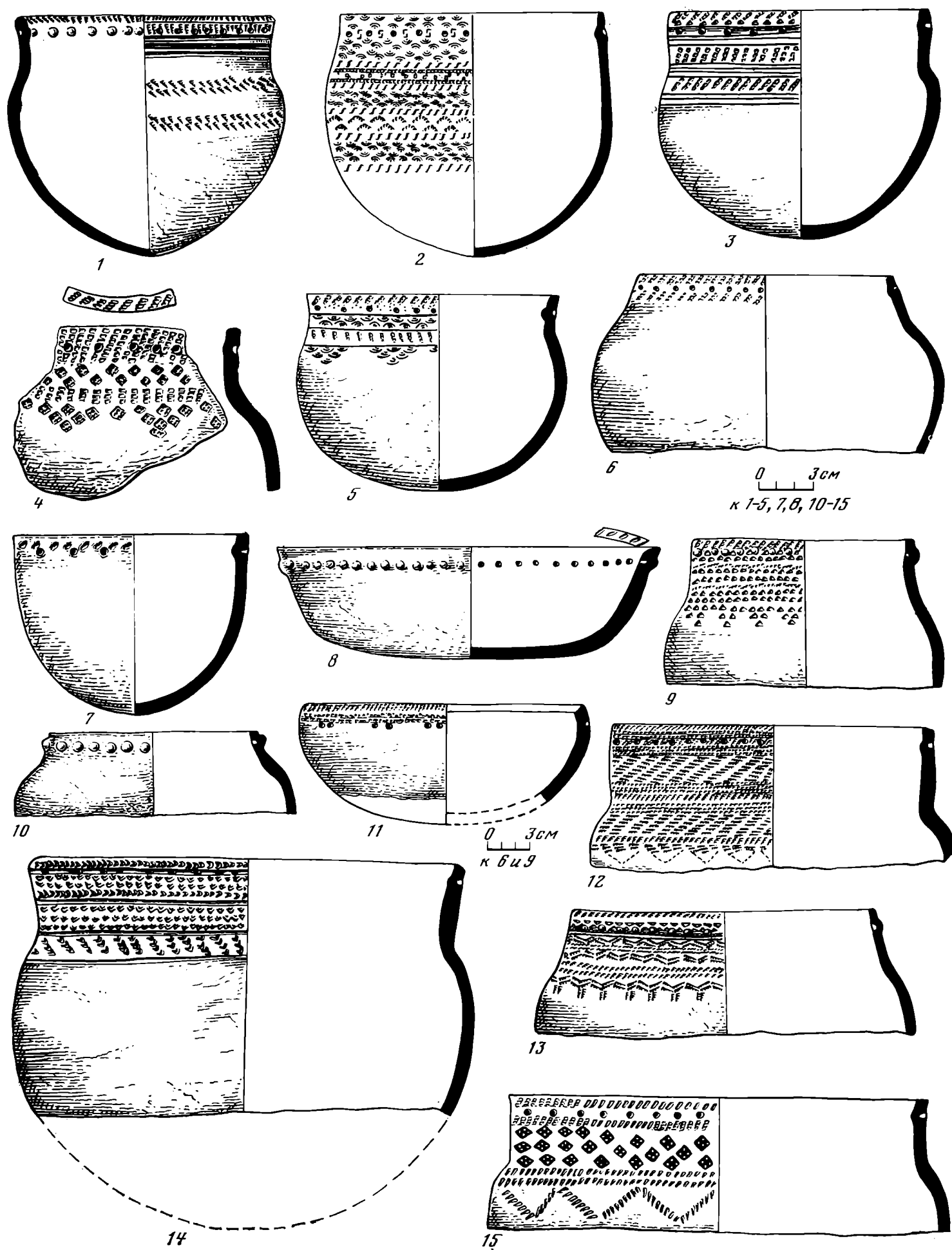

Таблица LXXIX. Керамика потчевашской культуры.

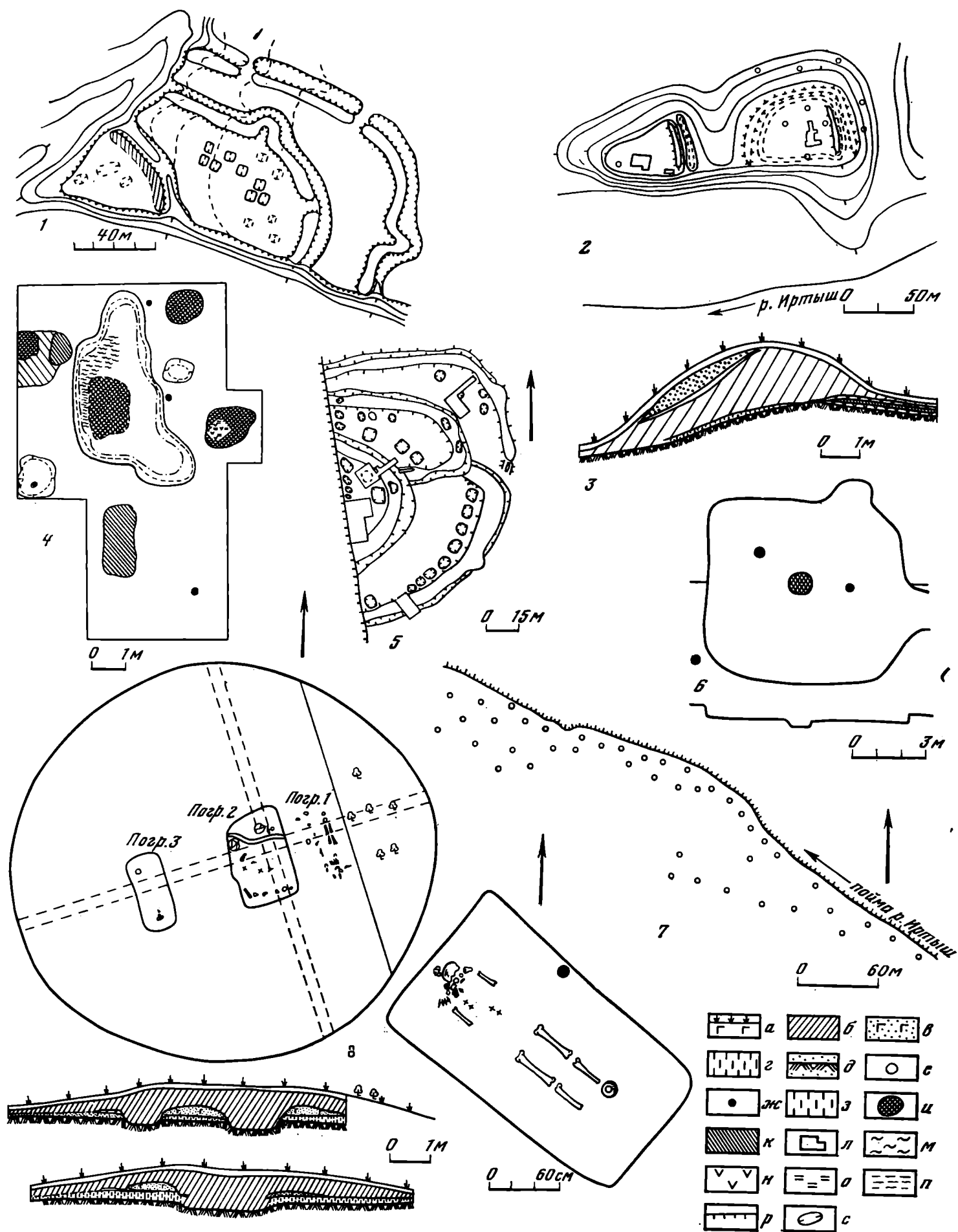

Таблица LXXX. Усть-ишимская культура. Поселения, жилища, погребальный ритуал.

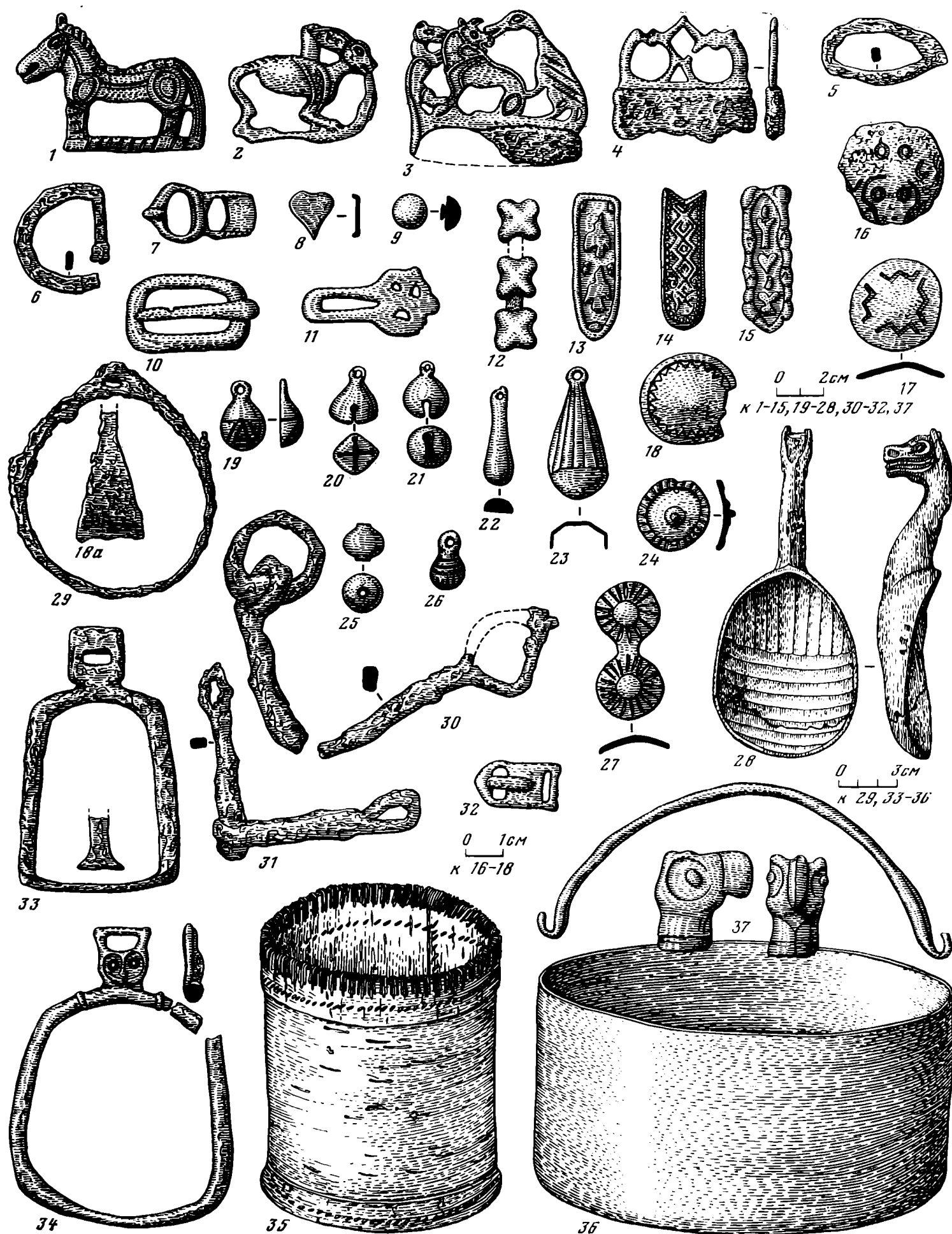

Таблица LXXXI. Усть-ишимская культура. Предметы конского снаряжения, домашнего обихода, детали поясных наборов и одежды.

Таблица LXXXII. Усть-ишимская культура. Зоо- и антропоморфные изображения, украшения, серьги, браслеты, шумящие подвески.

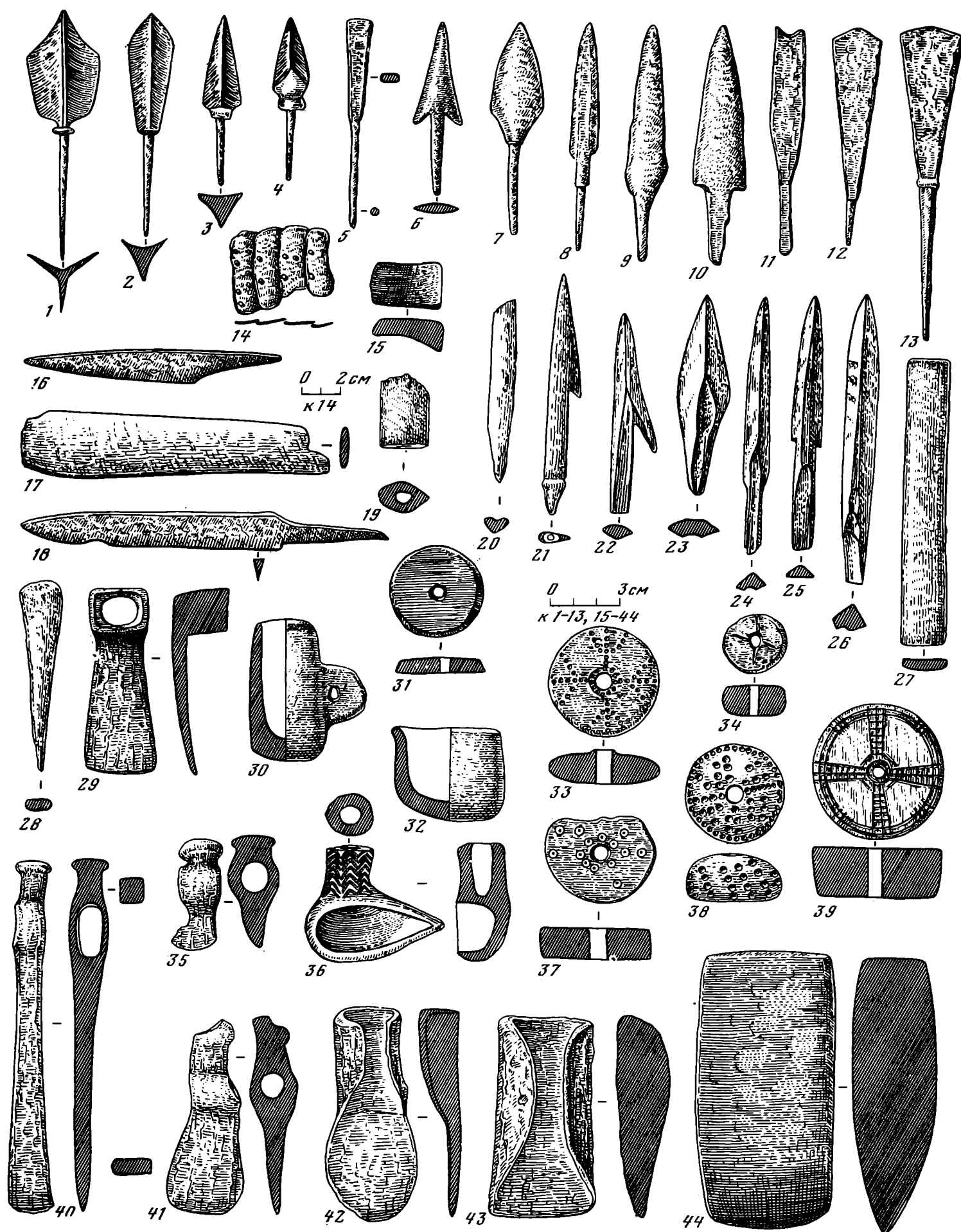

Таблица LXXXIII. Усть-ишимская культура. Орудия труда и предметы вооружения.

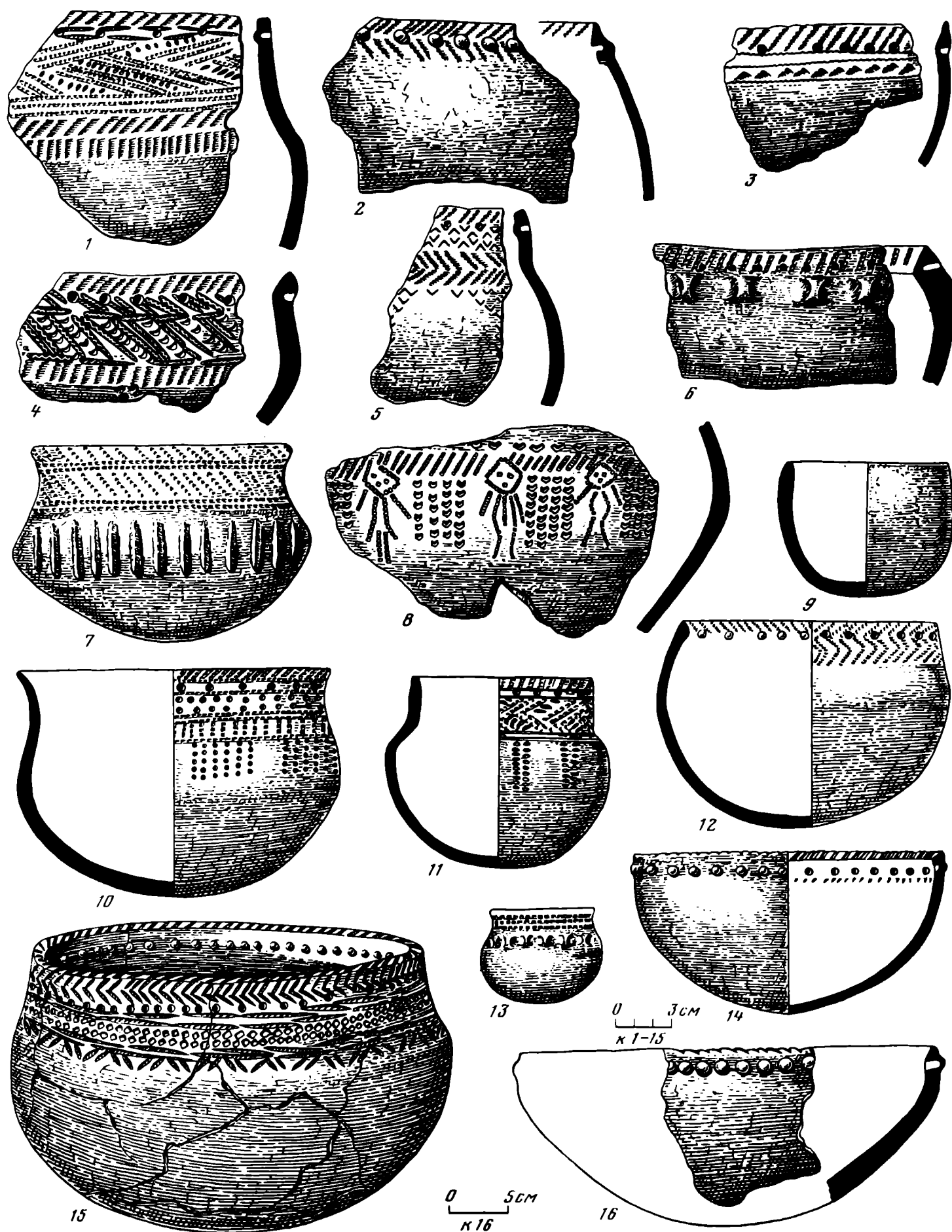

Таблица LXXXIV. Керамика усть-ишимской культуры.

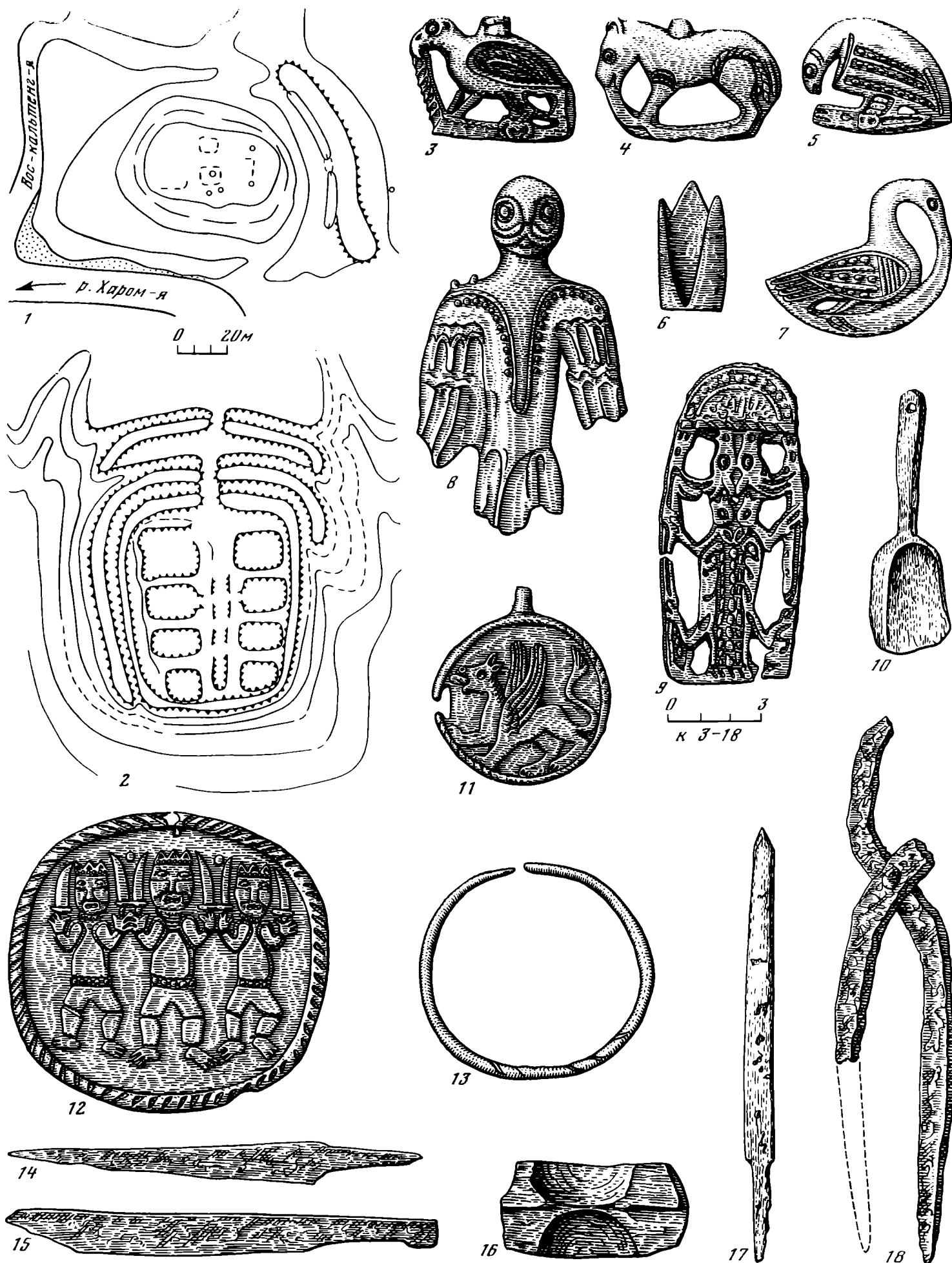

Таблица LXXXV. Памятники оронтурского типа.

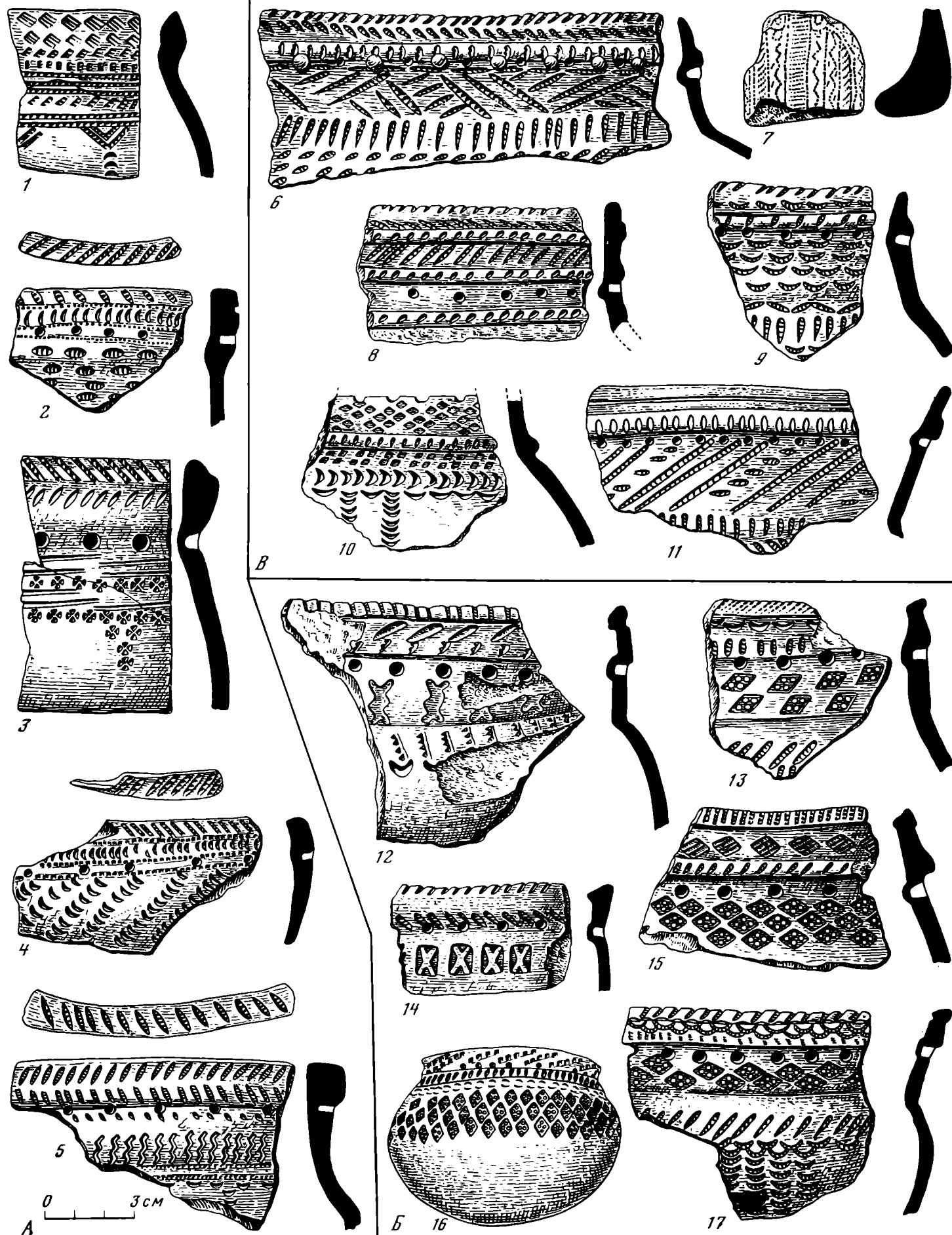

Таблица LXXXVI. Керамика оронтурского типа.

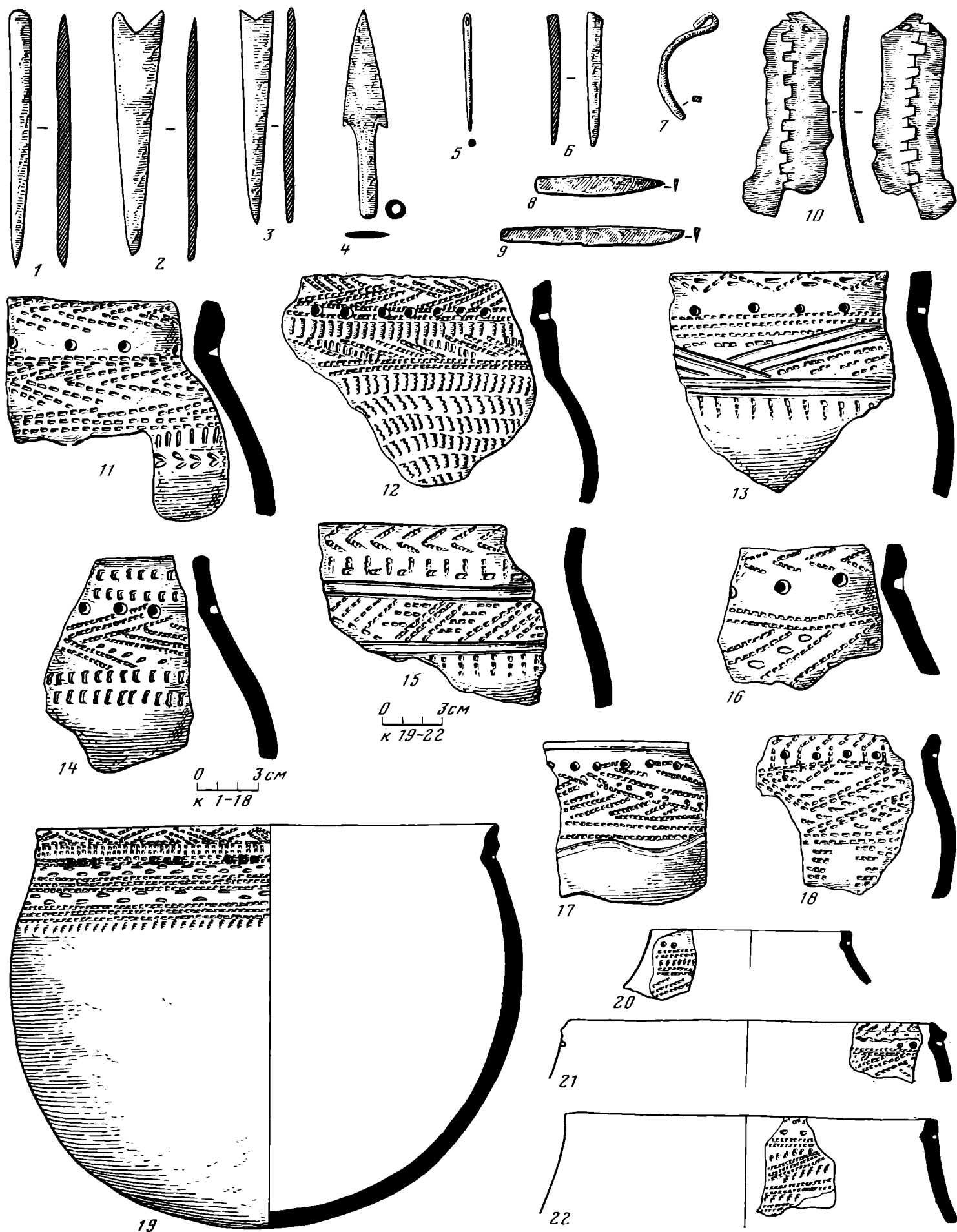

Таблица LXXXVII. Керамика и вещи с памятников вожпайского типа.

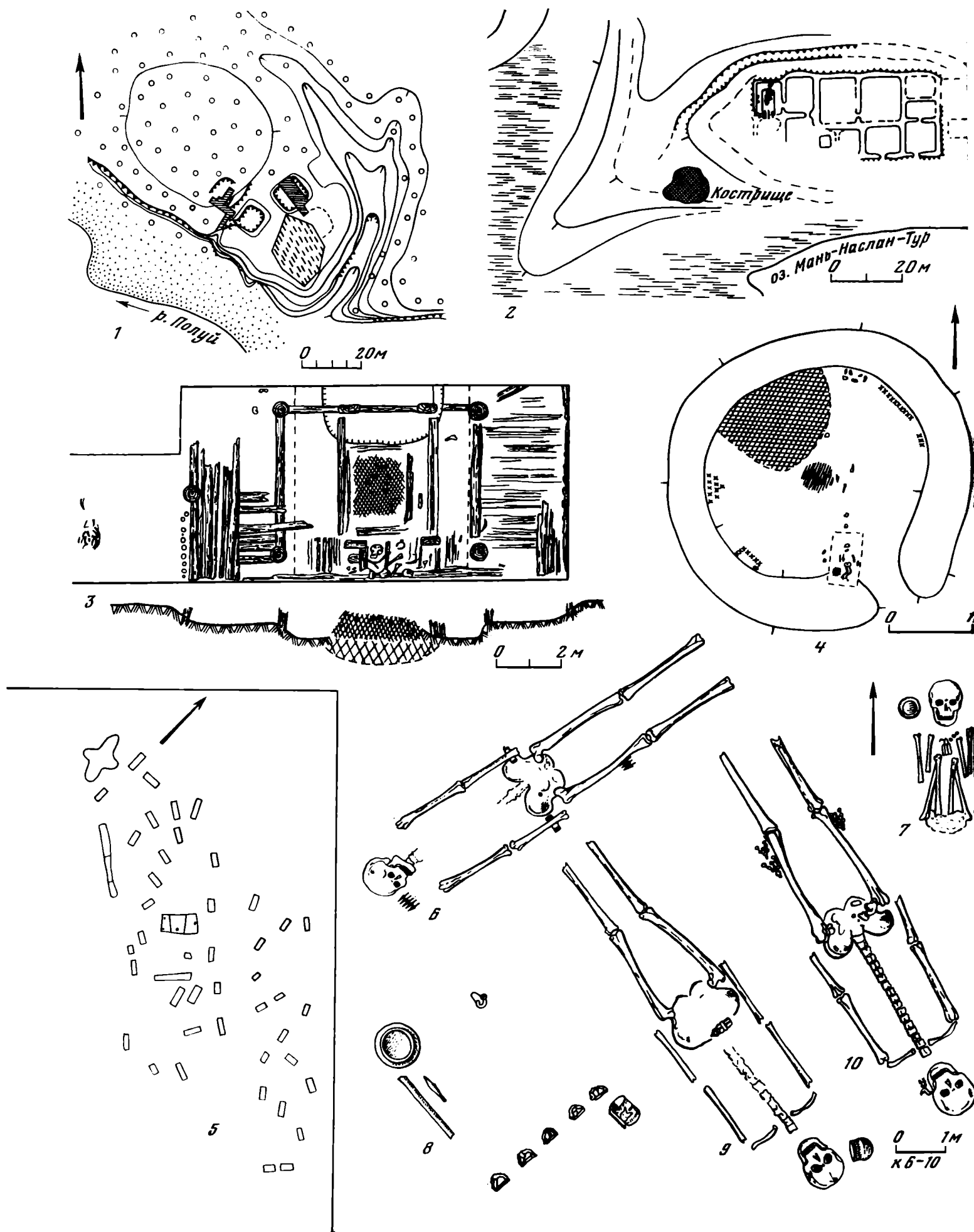

Таблица LXXXVIII. Памятники кинтусовского типа. Поселения, жилища, погребальный обряд.

Таблица LXXXIX. Древности кинтусовского типа.

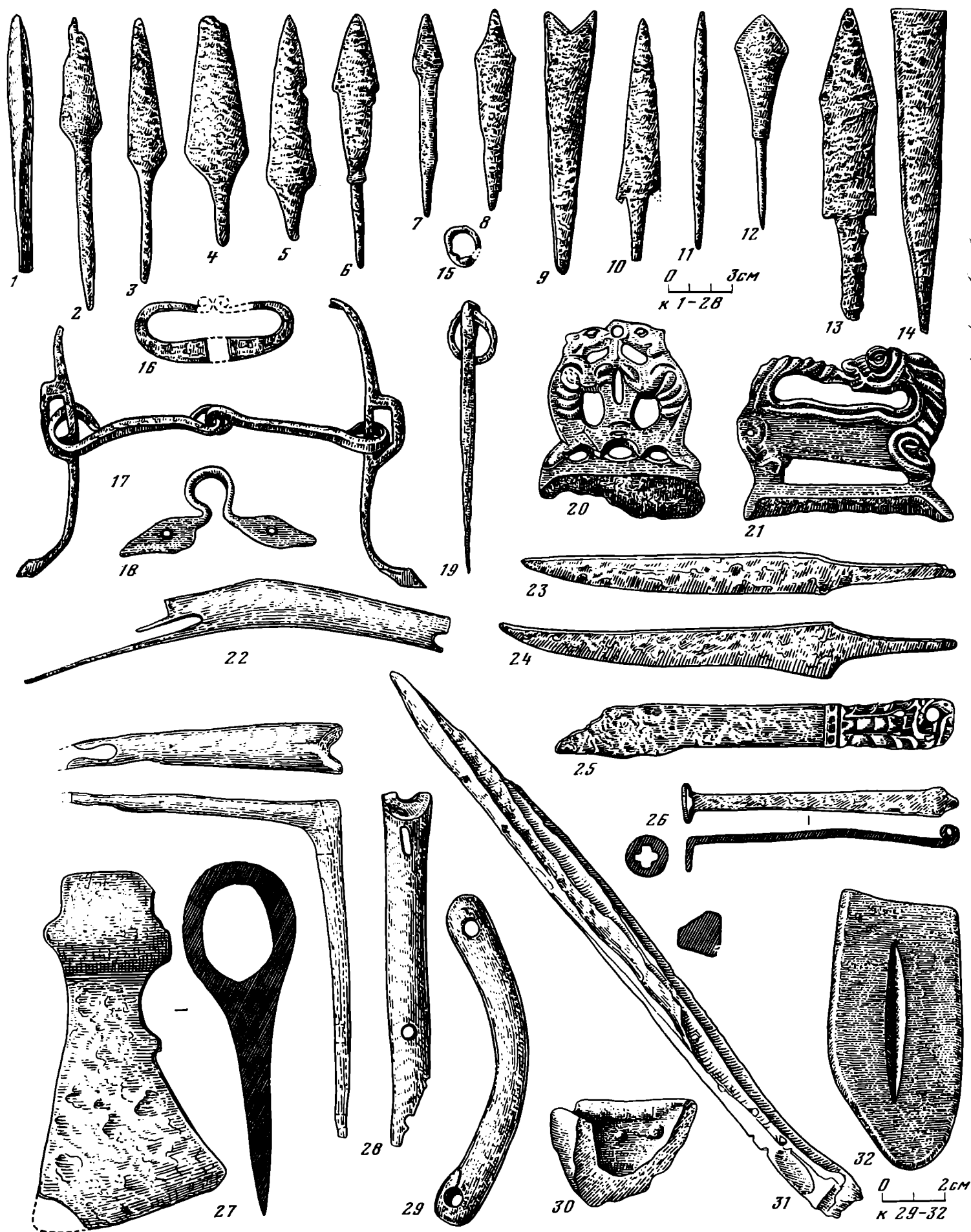

Таблица ХС. Орудия труда, предметы вооружения и быта с памятников кинтусовского типа.

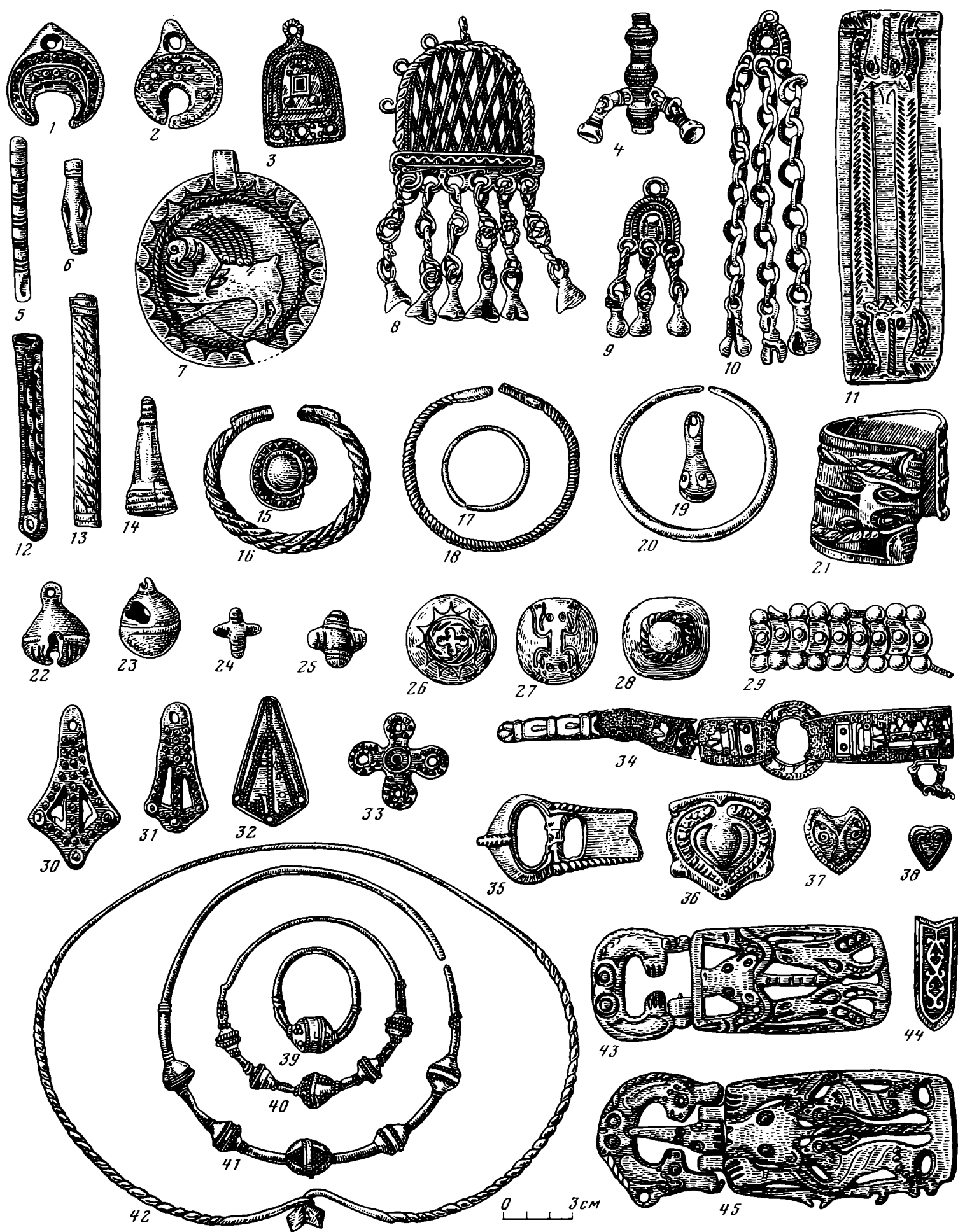

Таблица ХСІ. Детали одежды и украшения с памятников кинтусовского типа.

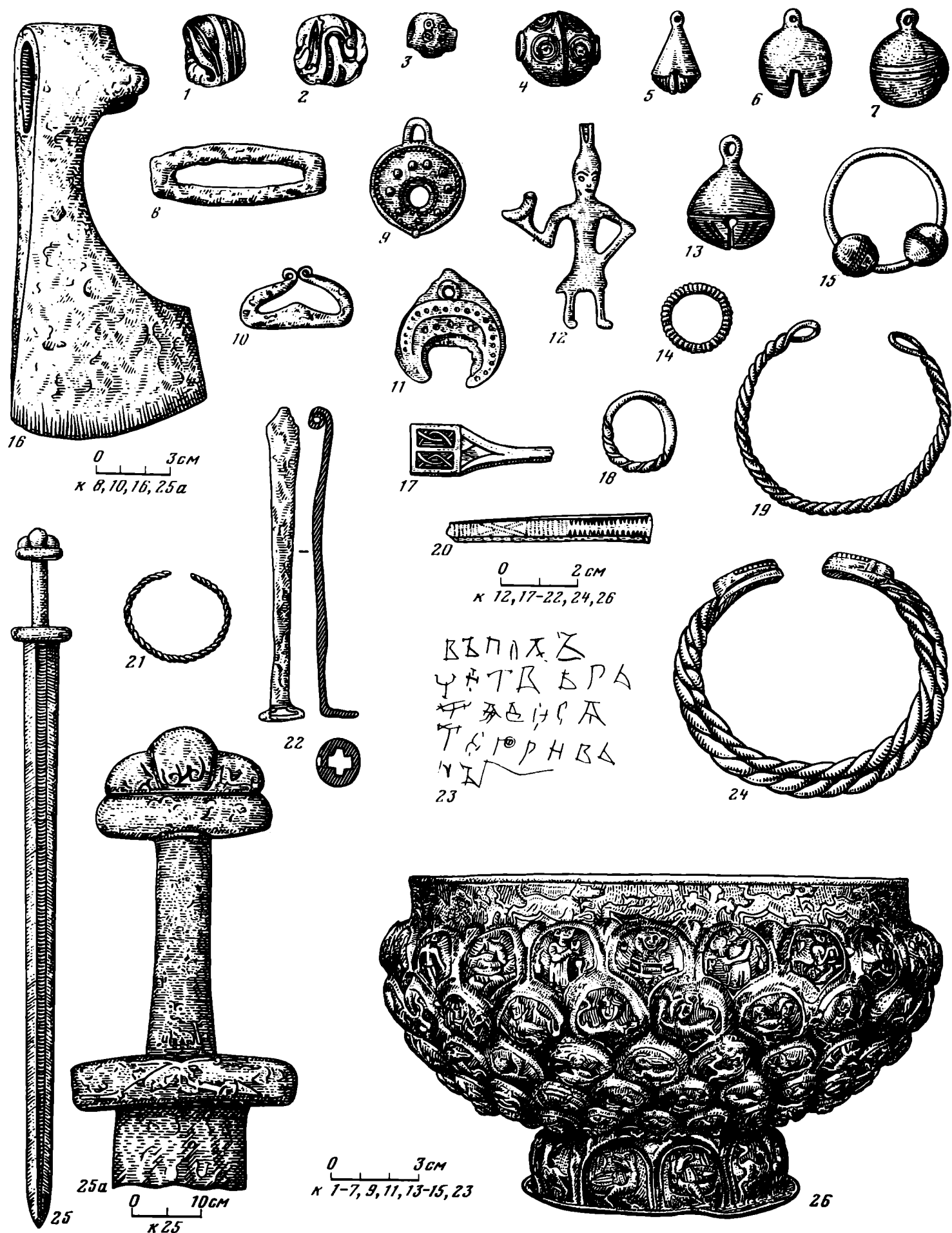

Таблица ХСII. Предметы русского импорта XI—XIII вв. в Приобье и местные подражания привозным русским вещам.

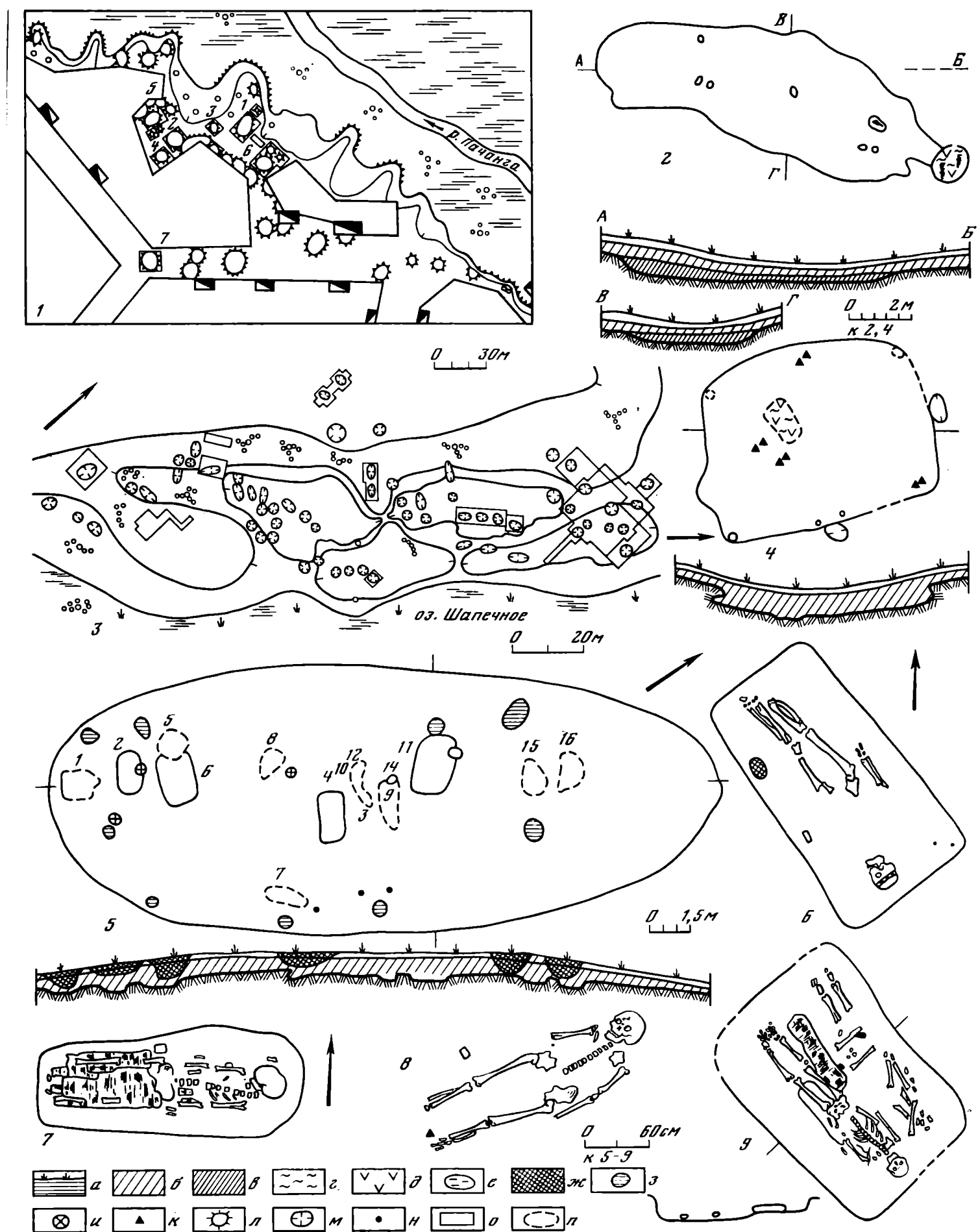

Таблица ХСШ. Поселения, жилища и погребальный обряд релкинской культуры.

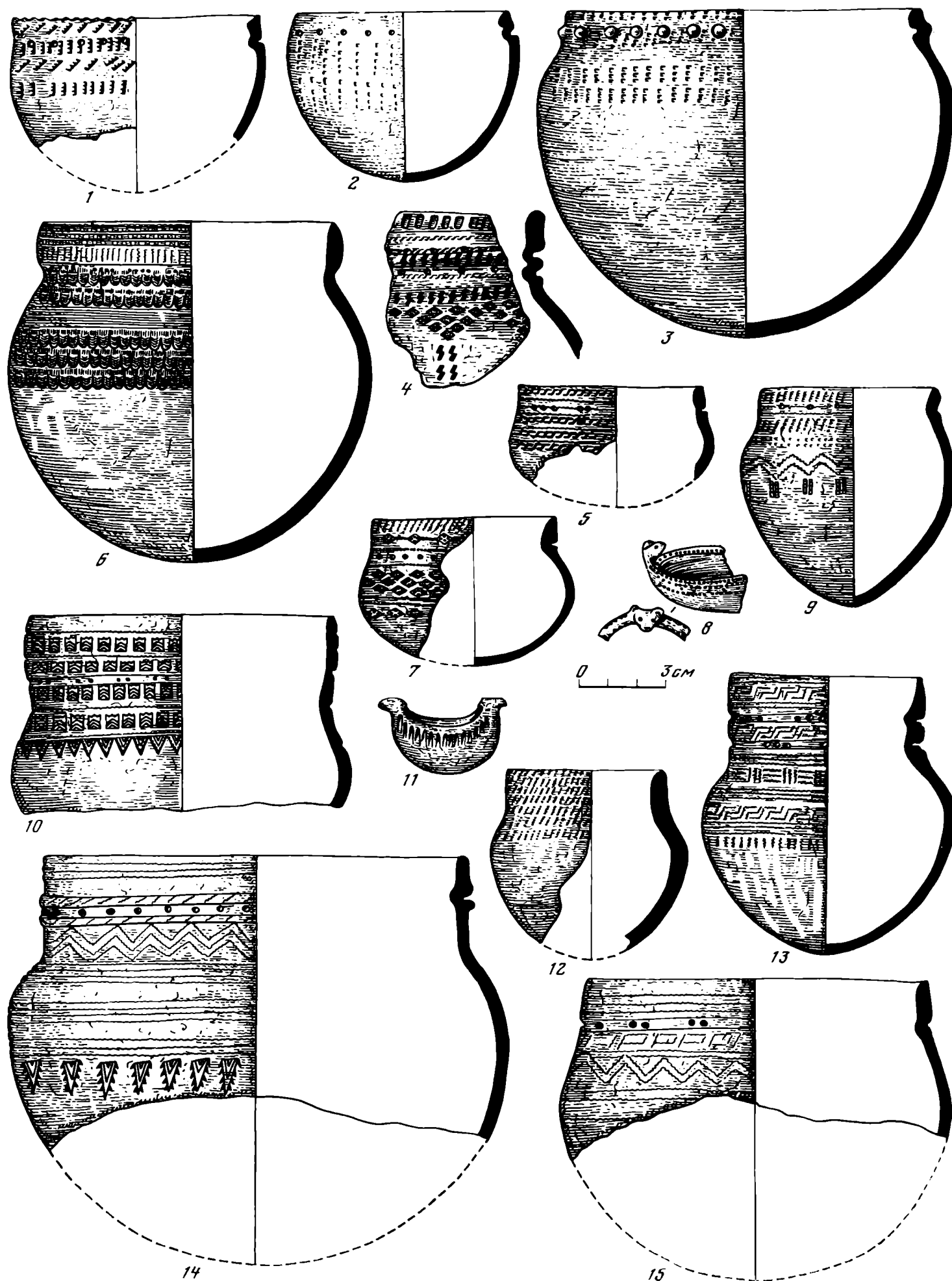

Таблица ХСIV. Керамика релкинской культуры. Нарымское Приобье.

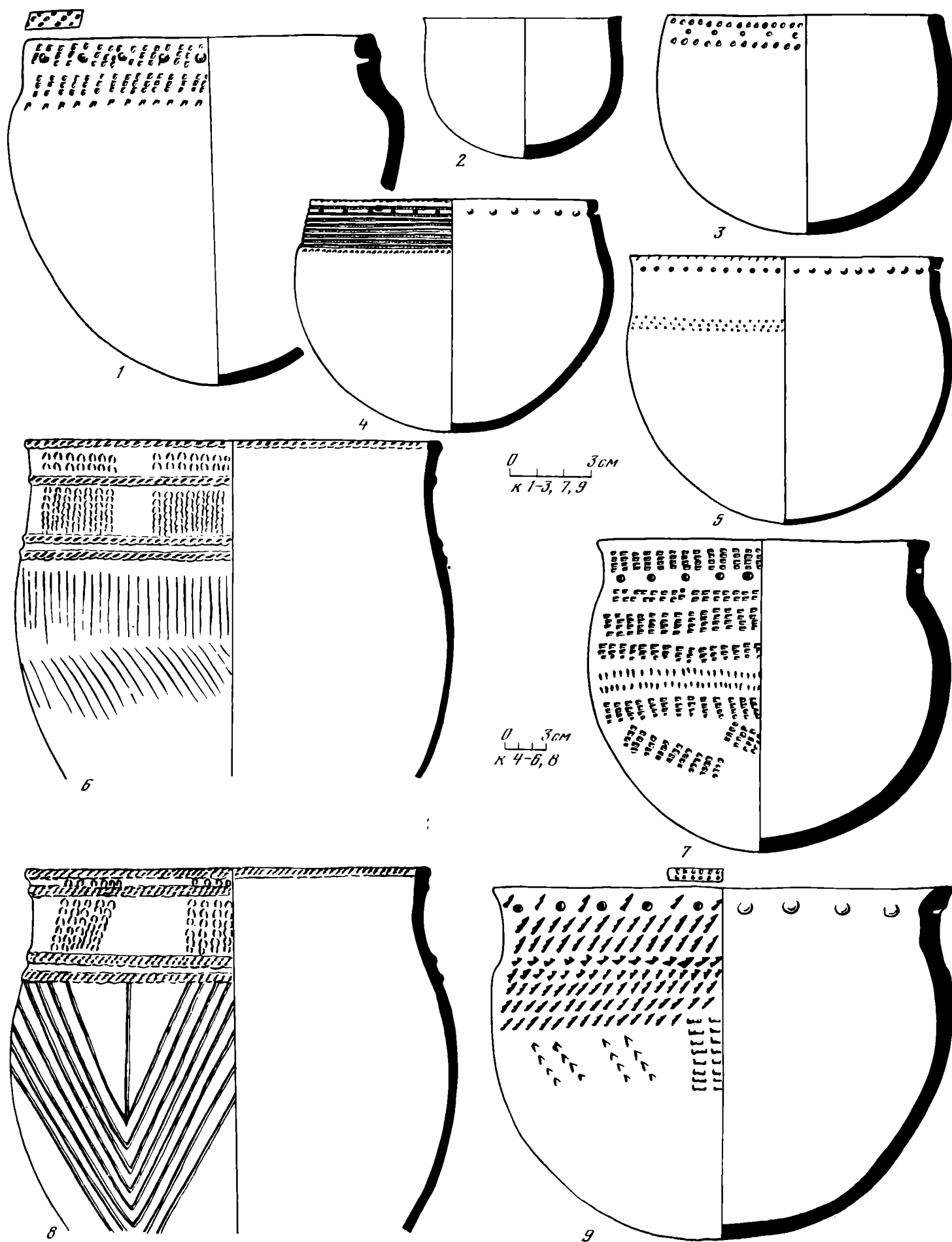

Таблица ХСV. Керамика релкинской культуры. Томское Приобье.

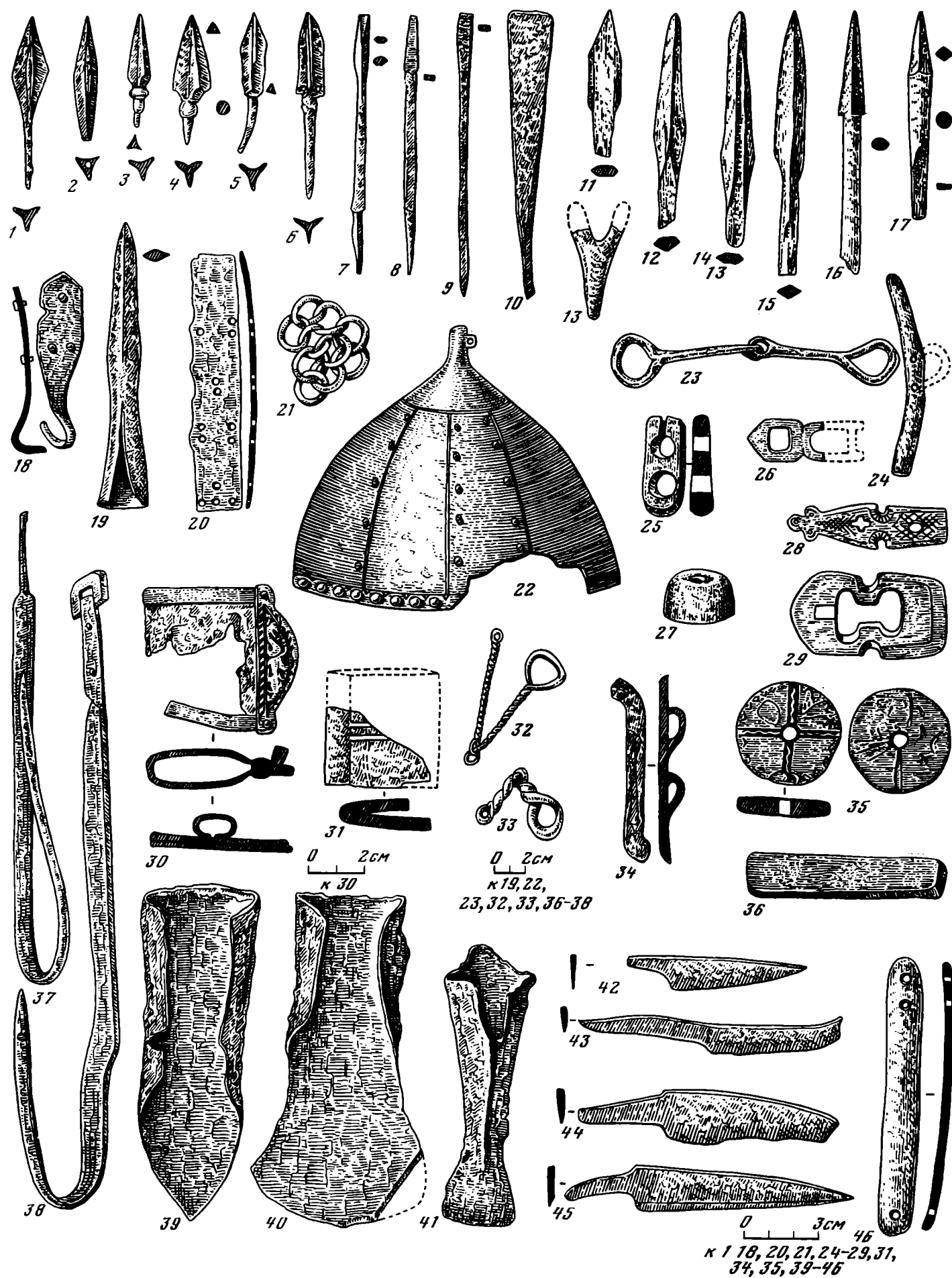

Таблица ХСVI. Орудия труда, предметы вооружения и конского снаряжения релкинской культуры.

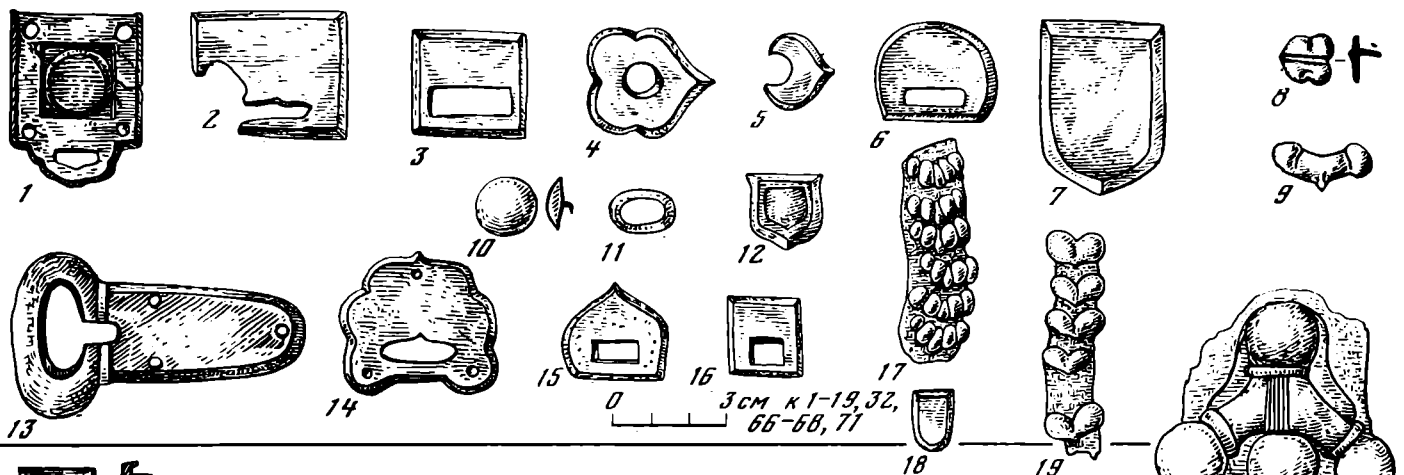

Таблица XCVII. Антропоморфные изображения, детали поясных наборов и украшения релкинской культуры.

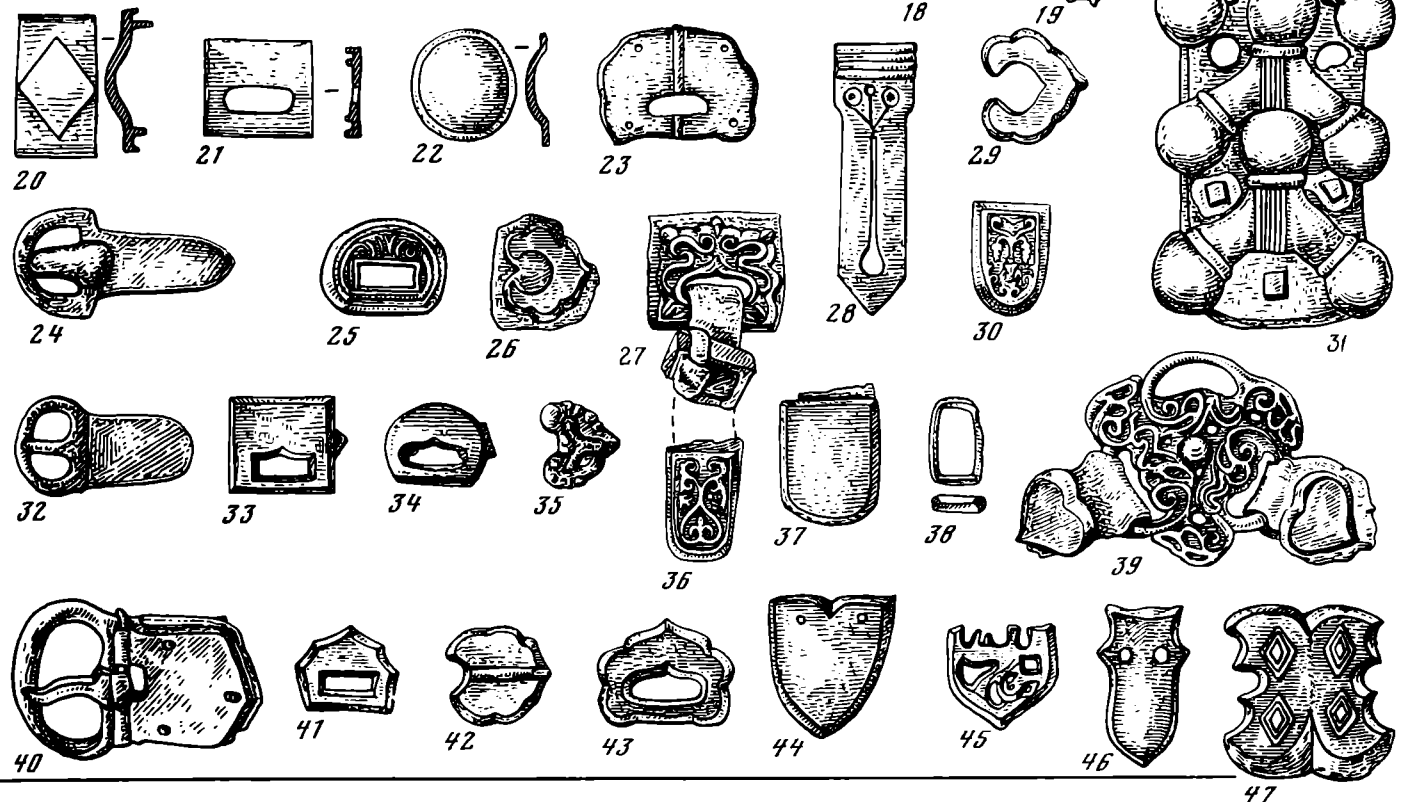

Таблица ХСVIII. Зооморфные изображения релкинской культуры.

Конец VIII—IX вв.

VIII — начало IX в.

VII — начало VIII в.

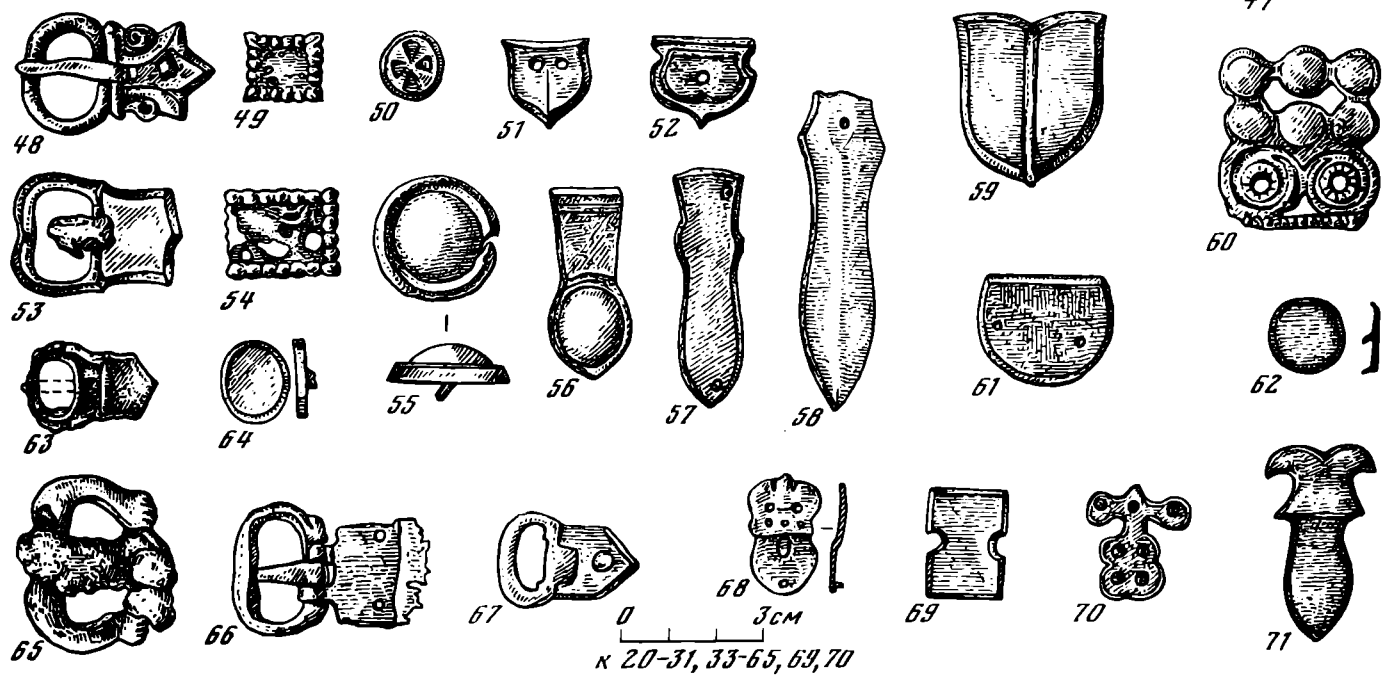

Таблица XCIX. Хронология поясной гарнитуры VII—IX вв. с памятников релкинской культуры.

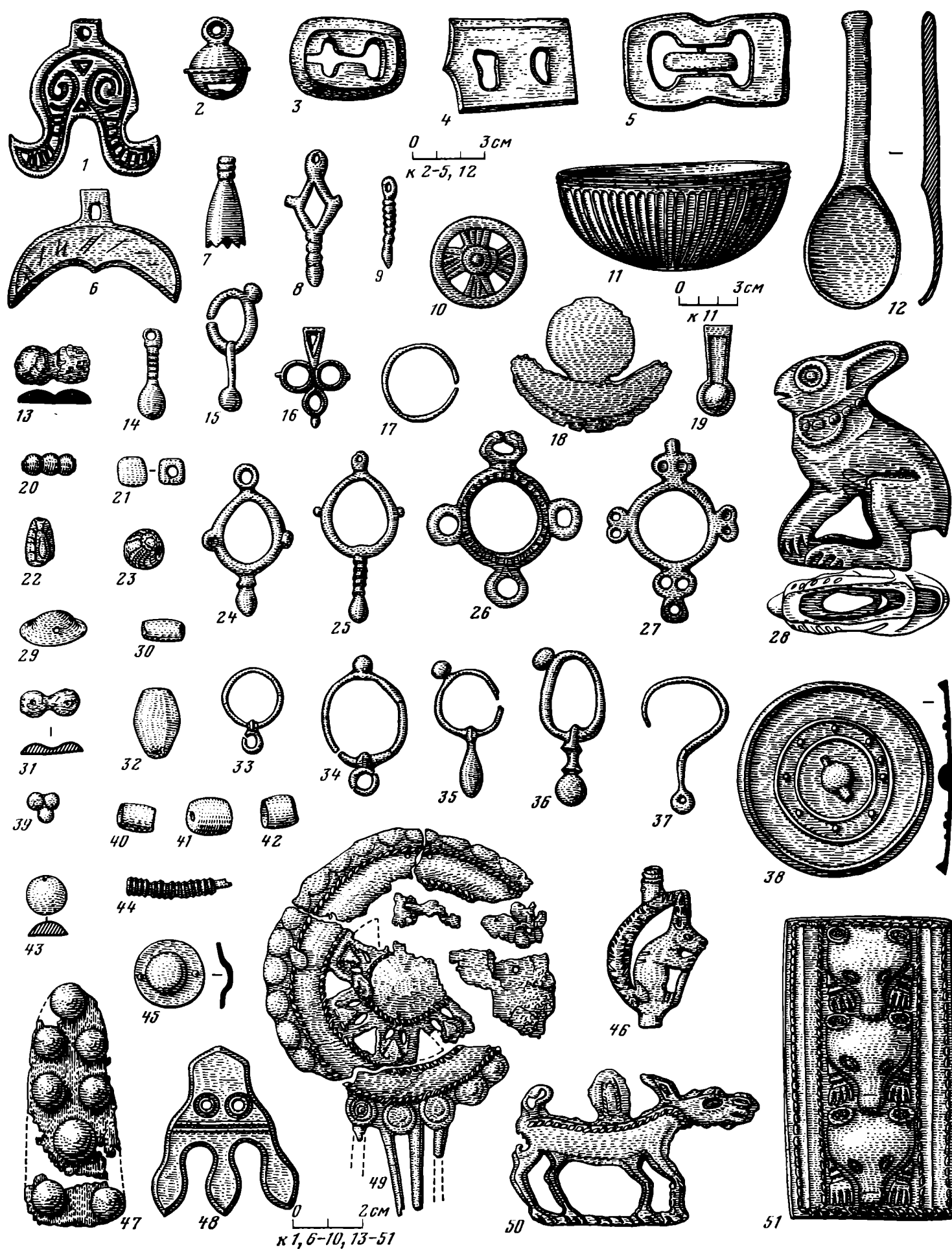

Таблица С. Предметы украшения, детали одежды, предметы быта конца VII—VIII в. с памятников редвинской культуры.

Таблица CI. Сводная хронологическая-типологическая таблица инвентаря релкинской культуры.

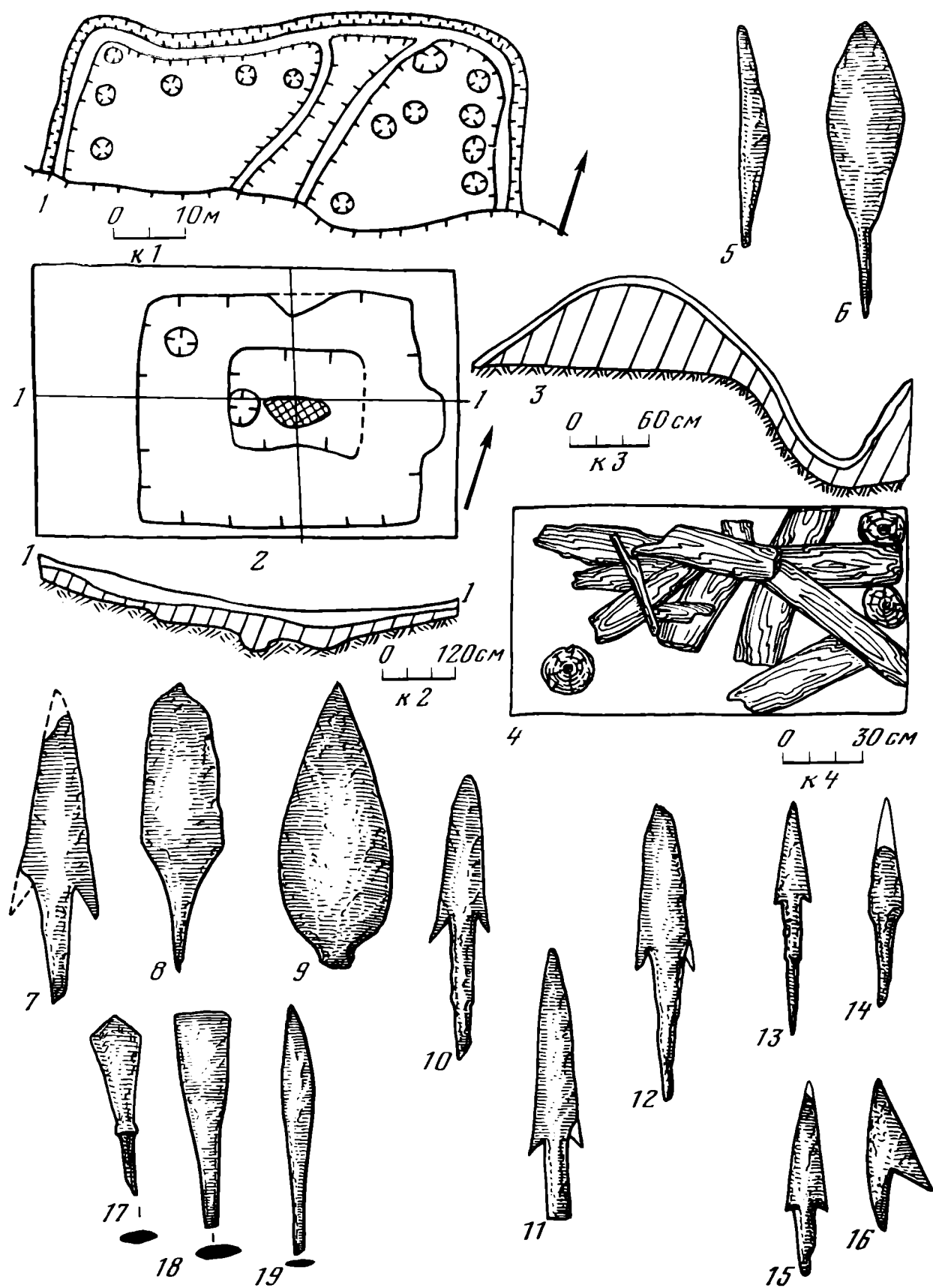

Таблица СII. Древности Нарымского Приобья X—XIII вв.

Таблица СII. (Окончание)

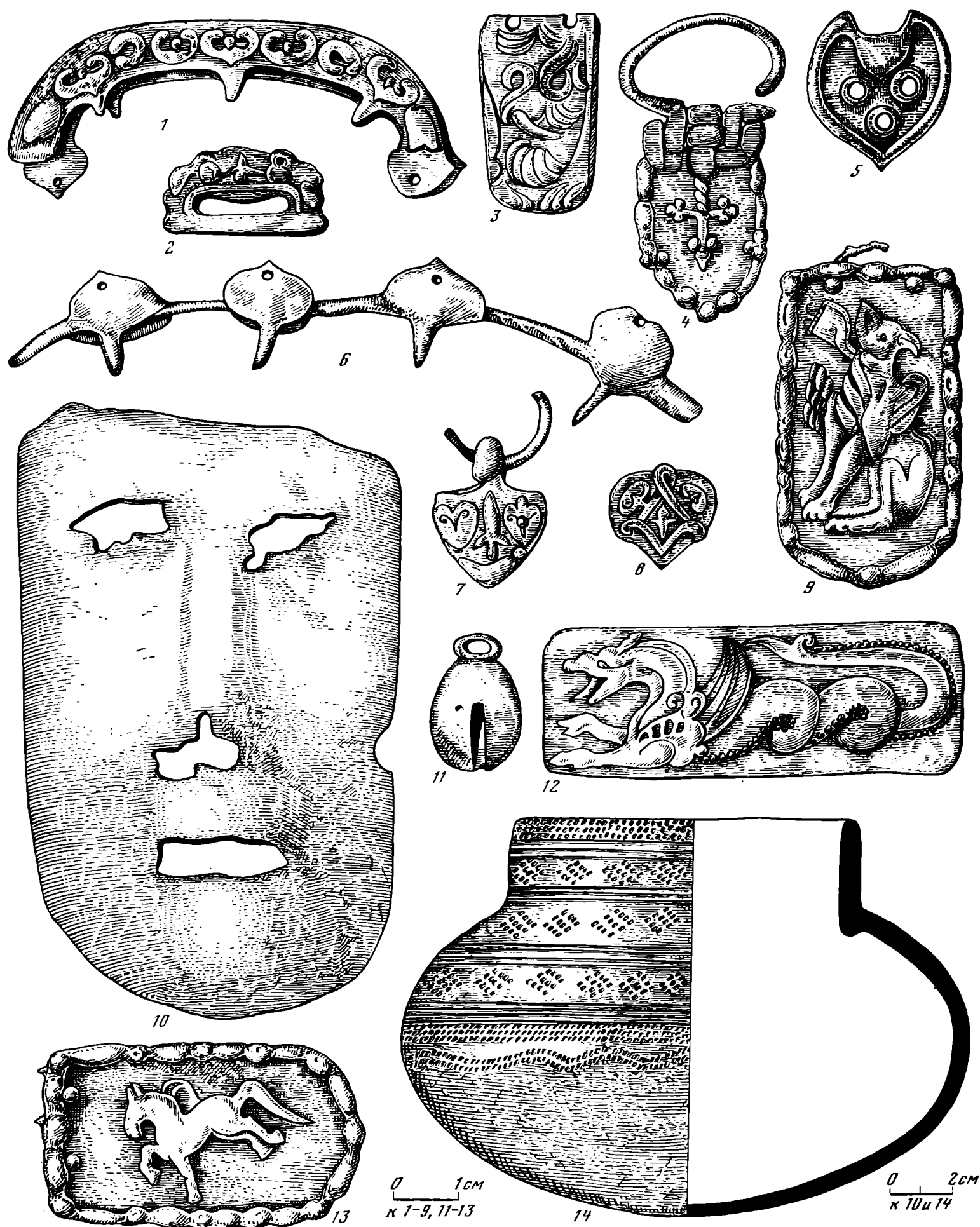

Таблица СIII. Некоторые венгерские находки Восточной Европы.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Балты

Глава шестая
Латышские племена

Глава седьмая
Литовские племена

Глава восьмая
Западнобалтские племена

Глава шестая

Латышские племена

Латгалы

Небольшие, малозначительные раскопки памятников в области расселения латгалов велись различными лицами в середине и второй половине XIX в. Опубликованная краткая информация об этих работах представляет лишь историографический интерес. Первые научные исследования латгальских древностей относятся к 90-м годам XIX в. В 1890 и 1891 гг. Е. Р. Романов и В. И. Сизов произвели крупные раскопки грунтового могильника в Лудзе (Люцине). В публикации результатов этих работ, подготовленной А. А. Спицыным, помещены не только обзорно-исследовательская часть и большое количество таблиц с рисунками вещевого материала, но и дневниковые данные по каждому погребению (Спицын А. А., 1893а). Поэтому она до сих пор является важным источником по средневековой истории латгалов.

Существенные сдвиги в археологическом изучении латгалов и других латышских племен связаны с X Всероссийским археологическим съездом, который состоялся в Риге в 1896 г. Н. Н. Харузиным был написан и опубликован обзор археологии Прибалтики (Харузин Н. Н., 1894), Я. Зитцка издал первую археологическую карту этого региона (Sitzka J., 1896), А. Биленштейн предпринял попытку систематизировать городища, расположенные на территории Латвии, основываясь на их внешнем облике (Bielenstein A., 1896, S. 20—34), а Р. Гаусман ввел в научный оборот каталог вещевых находок прибалтийского региона (Hausmann R., 1896), сыгравший большую роль в развитии археологии этой территории. Специфические племенные признаки латгалов в то время еще не были отчетливо выделены, поэтому в названных работах латгальские древности рассматриваются в среде прибалтийских часто недифференцированно.

К самому концу XIX в. относятся первые научные раскопки городищ латгалов — А. Бухгольц в 1899 г. начал изучать городище Мукукалнс (Buchholtz A., 1900, S. 180—189). В 1909 г. Ф. В. Балодисом произведены были раскопки на городище Пекаскалнс (Баллод Ф. В., 1911, с. 1—24), а в 1913 г. исследование на Мукукалнском поселении были продолжены М. Эбертом (Ebert M., 1913, S. 521, 522). Существенным вкладом в изучение археологии Латвии первых десятилетий XX в. являются обзорные исследования прибалтийских древностей, выполненные Р. Гаусманном (Hausmann R., 1909, S. 100) и М. Эбертом (Ebert M., 1913).

20—30-е годы XX в. характеризуются значительным вниманием к древностям Латвии. Латышскими исследователями много сделано было в система-

тизации памятников археологии. Описание всех известных городищ с их планами, выполненными инструментальной съемкой, опубликовано было в четырехтомном издании «Городища Латвии». Латгальским поселениям посвящен был третий том (Brastinš E., 1928). Раскопки в более широком масштабе производились на городищах Танискалнс Ф. Балодисом в 1927 г. (Balodis Fr., 1928) и А. Карнупсом в 1930 г. (Karnups A., 1931, S. 461—472), Дигнае Э. Д. Шноре в 1939 г. (Šnore Ē., 1939, 46—64 lpp.) и Ерсике Ф. Балодисом в 1939 г. (Balodis Fr., 1940).

Раскапывались также латгальские могильники. Обычно закладывались сравнительно небольшие раскопы. Так, в 1924 г. на могильнике Карлю Айнава Ф. Озолиньшем вскрыто было 10 погребений, еще четыре могилы на том же памятнике раскопано Э. Штурмсом в 1930 г. В 1925 г. 19 захоронений исследовали в могильнике Кампи Я. Кривиньш и К. Озолс. К 1929 г. относятся раскопки Г. Рикстиньш могильника Маскевицши, где расчищено 14 погребений. В 1928 г. в могильнике Кристапени Р. Шноре раскопал три захоронения, и тогда же еще 39 могил было исследовано Ф. Якобсоном. В 1938 г. раскопки этого памятника продолжил О. Калейс (вскрыто два погребения). Могильник Мердзенес Дзервас раскапывался в 1933 и 1935 гг. Э. Д. Шноре и в 1937 г. П. Степиньшем, в результате в общей сложности здесь было исследовано 16 захоронений (Šnore E., 1936, 100 lpp.). Небольшие исследования были произведены на ряде других латгальских могильников.

Наиболее полно исследованным в 30-е годы является могильник Вишкю Маскавас, в котором Э. Д. Шноре в 1932 и 1938 гг. раскопано 85 могил. В 1940 г. той же исследовательницей 22 погребения было открыто в могильнике Айзкалне (Ясмуйжас). В 1933 г. и 1935 г. Г. Риекстиньш производил раскопки могильника Смитайне (35 погребений). В 1939 и 1940 гг. О. Калейс и П. Степиньш исследовали могильник в Ерсике, где было изучено 30 могил (Kalējs O., 1940, 50 lpp.).

Материалы раскопок погребальных древностей остались в основном не опубликованными. Информация об исследованиях до 1936 г. имеется в археологической карте могильников и случайных находок на территории Латвии, составленной и изданной Р. Шноре (Šnore R., 1936).

Этническая история латгалов на материалах того времени получила освещение в трудах Ф. Балодиса (Баллод Ф., 1910, с. 100; Balodis Fr., 1935, S. 50; 1938, 188—198 lpp.).

Вторая мировая война прервала археологические изыскания на территории Латвии. После оконча-

ния войны в советской Латвии постепенно формируется весьма работоспособный коллектив исследователей, много внимания уделивший изучению древностей латгалов. Уже в 1947–1948 гг. под руководством Э. Д. Шноре и Я. Я. Граудониса были произведены раскопки Нукшинского могильника в Лудзенском р-не. Впервые был полностью исследован один из латгальских погребальных памятников (Нукшинский могильник, 1957).

Под руководством Э. Д. Шноре в 1949–1954 гг. велись широкомасштабные раскопки городища Асо-те, расположенного в 2 км от г. Крустпилс. Тогда же раскапывался и могильник Даугавас Огленеке, расположенный в 1 км от городища. Результаты раскопочных исследований были опубликованы в виде монографии (Шноре Э. Д., 1961). Этой же исследовательницей написана небольшая итоговая статья по изучению латгальских городищ (Шноре Э. Д., 1959; с. 222–232).

Исследование поселений латгалов стало первоочередной задачей экспедиционных работ латышских археологов. В 1959–1962 гг. большие раскопки на городище Олинькалнс производит Э. С. Мугуревич. Исследовано было свыше 4,5 тыс. кв. м его площади (Mugurēvičs E., 1977b, 13–50 lpp.). Этим же исследователем произведены были в 1963 г. сравнительно небольшие, но результативные раскопки на городище Межмали (Mugurēvičs E., 1977b, 50–53 lpp.). Э. Д. Шноре в 1959 г. раскапывала городище Кишукалнс в д. Шелупинки на берегу Лудзенского озера (Шноре Э., 1960, с. 23–25).

А. Я. Стубавсом в 1961–1966 гг. велись раскопки на городище Кокнесе (Стубавс А. Я., 1966, с. 166–174; Stubavs A., 1962, 19–21 lpp.; 1963, 12–14 lpp.; 1964, 18–20 lpp.; 1965, 16–19 lpp.; 1966, 24–27 lpp.; 1967, 35–38 lpp.; АО 1966 г., с. 287, 288).

Сравнительно небольшие исследования производились и на некоторых других поселениях латгалов. Так, можно назвать раскопки В. А. Уртаном Цесвайнского (Urtāns V., 1966, 29, 30 lpp.) и Мадаланского городищ (Urtāns V., 1979, 82–84 lpp.; 1980, 101–103 lpp., 1982, 126–130 lpp.), исследования А. Васком укрепленного поселения Брикули (Vasks A., 1979, 89–92 lpp.; 1980, 110–112 lpp.). Велись разведочные исследования и на некоторых селищах (АО 1976 г., с. 437).

Ко второй половине I тысячелетия н. э. относятся озерные поселения, устраиваемые при помощи деревянных настилов на низких островах среди озер. Одно из таких поселений, расположенных на острове Арайшу, начиная с 1965 г. много лет исследовалось Я. Апалсом (Apals J., 1965b, 45–62 lpp.; 1971, 81–95 lpp.; 1974, 141–153 lpp.).

Менее значительные исследования произведены Я. Апалсом также на поселении, расположенном на оз. Ушуру (Apals J., 1965a, 4 lpp.; 1965b, 45–62 lpp.; 1966, 15, 16 lpp.).

В 50–80-х годах много внимания уделялось и раскопкам латгальских могильников. Наиболее крупные исследования принадлежат В. А. Уртану, раскопавшему в 1948–1950 и 1958 гг. Второй Калнишский могильник с 33 захоронениями и Лейясбитенский могильник, в котором в 1961–1964 гг. была вскрыта 451 могила (Urtāns V., 1962a, 37–82 lpp.;

1962b, 15–17 lpp.; 1963, 16 lpp.; 1964a, 28–30 lpp.; 1965, 21–24 lpp.). Я. Я. Граудонис в 1971 и 1972 гг. вел раскопки на могильнике Яунакены в Мадонском р-не, где было изучено свыше 100 погребений (Graudonis J., 1972, 72–76 lpp.; 1973a, 34–39 lpp.). В трех могильниках раскопки производил А. Васкс. В 1972 г. восемь могил им было раскопано в Дзервес Лудзенского р-на (Vasks A., 1973, 71, 72 lpp.), в 1973 г. в могильнике Саркани близ Резекне открыто 82 погребения (АО 1973 г., с. 397), а в следующем году – 19 захоронений в могильнике Капуканс Мадонского р-на (АО 1974 г., с. 414, 415).

В 1971–1973 гг. Я. Апалс исследовал раскопками могильник Лиепинас (Драбешы) на берегу оз. Арайшу, в результате которых было вскрыто 158 могил (АО 1971 г., с. 429, 430; АО 1972 г., с. 382, 383; АО 1973 г., с. 396; Apals J., 1972, 34–39 lpp.; Apals J., Apala Z., 1973, 3–11 lpp.). Интересные результаты получены при раскопках Э. С. Мугуревичем 1964 г. могильника Редзес на территории г. Плявинас (Mugurēvičs E., 1977b, 105–118 lpp.). В основном памятник является латгальским, но наиболее древние погребения в нем, по-видимому, оставлены селами; определенное влияние культуры селов ощущается и позднее. Наиболее значительные раскопки последних лет принадлежат И. Бриеде. В течение трех полевых сезонов (1978–1980 гг.) в могильнике Кристапени на берегу оз. Рушону было изучено свыше 200 захоронений (Briede I., 1979, 17–19 lpp.; 1980, 29–31 lpp.; 1982, 52–54 lpp.). Небольшие раскопки велись различными исследователями и на других могильниках.

Монографического исследования средневековых латгалов пока нет. В коллективной работе по археологии Латвии период второй половины I тысячелетия н. э. рассматривается целостно, без дифференцирования древностей по отдельным племенам (Latvijas arheologja, 1974, 133–174 lpp.). Попытка этнической дифференциации древностей этого времени принадлежит В. А. Уртану. Однако памятники латгалов и селов им рассматриваются все же вместе, хотя и намечаются отдельные различия частного характера (Urtāns V., 1970b, 67–76 lpp.). Также объединенно анализируются латгальско-сельские древности X–XII вв. в упомянутой выше книге по археологии Латвии (Latvijas arheologja, 1974, 217–233 lpp.).

Трудно сказать, какая часть латгальского населения жила на селищах и какая на городищах. Раскопками исследовались главным образом селища, расположенные при городищах. Отдельно стоящие неукрепленные поселения латгалов известны лишь по разведочным исследованиям и остаются пока слабо изученными памятниками.

Какой-либо закономерности в топографическом положении средневековых городищ латгалов не наблюдается. Они устраивались и на изолированных холмах, и на мысах, и в других местах, пригодных для устройства в силу естественной изрезанности местности. Различны и размеры поселений.

Общая характеристика и классификация городищ территории Латвийской ССР сделана А. Я. Стубавсом (Stubavs A., 1974, 74–88 lpp.). Каких-либо специфических отличий латгальские городища не имели.

Археологами замечено, что в середине I тысячелетия н. э. возрастает число поселений, особенно укрепленных. Это наблюдение целиком относится и к региону латгалов. Городища второй половины I тысячелетия н. э. были поселениями, население которых занималось главным образом ремеслами и обменом. Вместе с тем они становятся местами жительства зарождающейся племенной знати с соответствующими административными функциями.

Заметные изменения в развитии поселений латгалов наблюдаются в X—XI вв. Небольшие, слабо укрепленные городища в это время прекращают свое существование. Более крупные городища становятся значительными экономическими центрами, строятся новые мощные укрепления, поселения превращаются в феодальные замки. В них жили феодалы и знать, которые управляли или владели окрестными землями. В результате агрессии крестоносцев в XIII в. большая часть латгальских городищ прекратила свое существование.

Одним из латгальских городищ второй половины I тысячелетия н. э. является Межмали в Стучкинском р-не. Устроено оно на второй надпойменной террасе Даугавы. С южной и восточной сторон городище имеет крутые естественные склоны к реке и оврагу. С северо-западной стороны оно защищено дугообразным валом шириной 1,5 м, высотой 0,5 м, насыпанным из камней, и рвом шириной 2 м. Площадь городища 5000 кв. м.

Небольшие раскопки, произведенные Э. С. Мугуревичем (Mugurēvičs E., 1977b, 50—53 lpp.), показали, что культурный слой на городище не превышает 0,3 м и характеризуется однородностью. При раскопках найдены были 21 фрагмент глиняных тиглей, 155 кусков железного шлака, которые свидетельствуют о том, что жители этого поселения прежде всего были заняты ремеслами. Кроме того, обнаружены железные ножи, небольшая посоховидная булава, глиняные пряслица, железные пряжки, бронзовые спиральки от одежды, спиральный перстень и мелкие стеклянные бусы. На основе вещевых находок поселение датируется VII—X вв.

Среди фрагментов лепной керамики, собранной на городище, 70% принадлежат шероховатой посуде, 27% — гладкостенной и 3% — лощеной.

Исследованное Асотское городище содержит напластования второй половины I тысячелетия н. э. Однако они были в значительной степени потревожены при больших строительных работах, проводившихся здесь начиная с X в.

Такая же картина наблюдалась и на городищах Дигнае и Танискалнс. Раскопками первого из них установлено, что невысокий земляной вал был сооружен в VI в. При исследованиях южного склона городища Танискалнс вскрыты остатки параллельно лежащих бревен, свидетельствующие о наличии на поселении в I—VI вв. бревенчатой оборонительной стены.

Вещевые материалы, собранные на этих городищах, говорят о том, что они были постоянно обитаемыми поселениями с развивающимися ремеслами, а не городищами-убежищами на случай военной опасности. К VII—VIII вв. относится возникновение открытого поселения у подножия городища Дигнае. Здесь при небольших раскопках обнаруже-

ны остатки железодельных печей и скопления кусков железного шлака.

Значительно лучше изучены укрепленные поселения латгалов X—XIII вв. Асотское городище расположено на правом берегу р. Даугавы, на одном из моренных холмов при устье речки Лаздуите, называвшейся ранее Асоте. Три стороны холма довольно крутые, высотой 10—15 м. С западной, напольной стороны городище защищено валом высотой 2 м и рвом. Размеры его площадки 67,5×55 м. С северо-востока и юга к городищу примыкает неукрепленная часть поселения площадью около 1,5 га (Шноре Э. Д., 1961).

На городище было заложено три раскопа общей площадью 876 кв. м. Памятник многослойный. Самые нижние отложения культурного слоя датируются I тысячелетием до н. э. — первой половиной I тысячелетия н. э. и принадлежат к культуре штрихованной керамики. Наиболее интенсивная жизнь городища датируется IX—XIII вв.

В IX—X вв. по всему периметру городищенской площадки строится оборонительное сооружение, состоящее из двух параллельных стен, идущих на расстоянии 2 м одна от другой. Они были выстроены из горизонтально положенных бревен, соединенных переборками. Раскопками открыты и остатки башни, выдвинутой на 3 м за пределы стен. Длина одной из стен башни 4,5 м. Погибло это оборонительное сооружение в результате сильного пожара.

В X в. было отстроено новое сооружение. Оно было срублено из бревен, образующих две параллельные стены на расстоянии 3,2—3,5 м, которые пересекались через каждые 4 м двумя бревенчатыми переборками (с промежутком в 1 м). Таким образом, это было срубное бревенчатое сооружение, состоящее из прямоугольных камер размерами 4×3,2—3,5 м, чередовавшихся с камерами размерами 4×1 м. Для сооружения продольных стен использовались бревна длиной более 7 м, заходящие концами в малые, промежуточные клетки, обычно расположенные в местах поворотов. В северной части городища находилась четырехугольная в плане башня, выступавшая на 3 м за линию степ в сторону склона. В основании ее лежал пласт сырой глины. Сама башня была рублена из бревен. Раскопками она исследована частично, поэтому размеры не определены.

Оборонительные сооружения из двух параллельных стен характерны для городищ Латвии этого времени. Подобная конструкция защищала площадку поселения Танискалнс. Здесь пространство между стенами было заполнено камнями (Balodis Fr., 1928, 47 lpp.). Двойная оборонительная стена зафиксирована также на Ерсикеском городище (Balodis Fr., 1940, 62 lpp., 30 att.). Такие же защитные сооружения свойственны и городищам Земгале.

В начале XI в. оборонительные сооружения Асотского городища существенно реконструируются. Поселение превращается в раннесредневековый замок — центр округа, судя по косвенным свидетельствам письменных документов, охватывавший значительную территорию (по подсчетам Э. Д. Шноре — свыше 300 кв. км). Городище опоясывается земляным валом с деревянным каркасом. Последний составляли две параллельные бревенчатые стены,

отстоявшие одна от другой на 2 м и связанные поперечными стенками-переборками через каждые 2 м. Таким образом, образовывались четырехугольные камеры размерами 2×2 м, а при изгибах стены — размерами 2×1 м. Рубились бревна в «обло» с запуском до 0,5 м. Для строительства использовались бревна лиственного дерева, очевидно дуба.

На западном краю городища описанные конструкции шли в три ряда, на остальных — в два. Наружный ряд в западной части, очевидно, служил для укрепления внешнего склона вала, а внутренние использовались как жилые помещения.

На верху вала существовало дополнительное деревянное сооружение, может быть срубное, однако раскопками изучить его не удалось. В юго-восточной части городища находилась башня, нижняя часть которой представляла собой бревенчатое строение размерами 4×4 м. Это была угловая башня, и здесь, по-видимому, находился вход на поселение.

«Замок Асоте» впервые упомянут в акте 1211 г. о разделе латгальских земель между рижским епископом и Орденом меченосцев. Прежде он входил в состав Ерсикского княжества, теперь перешел во владение епископа. Однако к концу XIII в. Асотское городище-замок в результате подавления латгальской знати орденскими завоевателями пришло в упадок и прекратило свое существование.

Другое, достаточно хорошо исследованное раскопками городище латгалов — Олинькалнс (Mugurēvičs Ē., 1977b, 13–50 lpp.). Оно расположено на правом берегу Даугавы на высоте 20 м от уровня воды. Треугольная площадка городища с востока ограничена береговым обрывом, с севера — древней протокой, а с напольной, юго-западной, стороны устроен вал высотой 7 м. Это одно из самых крупных укрепленных поселений Латгалии; его площадь 2,3 га. Толщина культурного слоя около 0,4 м.

За время существования поселения (X–XII вв.) его укрепления несколько раз обновлялись. Э. С. Мугуревич выделяет четыре стадии их развития. На первой стадии поселение по периметру было укреплено двумя рядами параллельных стен, рубленными из бревен и связанными поперечными переборками. На втором этапе (первая половина XI в.) в Олинькалнсе сооружается вал из камней высотой до 2 м и шириной до 5 м, который с обеих сторон ограждается деревянными конструкциями.

В середине XI в. после разрушения оборонительных сооружений в два приема насыпается земляной вал высотой 6–7 м и шириной 20 м. В насыпи вала были устроены четырехугольные деревянные камеры весьма различных размеров, расположенные в два — четыре ряда и в два яруса. Высота центральных камер достигала 4 м. За валом был вырыт сухой ров.

Олинькалнс — укрепленное поселение, обитатели которого в большей степени занимались ремеслом и торговлей, чем земледелием. Выгодное географическое положение его на крупнейшем водном пути при скрещивании с сухопутной дорогой благоприятствовало развитию торговых и культурных связей. Ситуационное положение и крупные размеры Олинькалнса дали возможность исследователю поселения Э. С. Мугуревичу отождествить его с упоминаемым в документах XIII–XIV вв. замком латгалов Алене,

которому принадлежали обширные земельные владения.

Серьезным исследованиям подверглось также городище Кокнесе, расположенное на правом берегу Даугавы у устья ее притока — Персе. Это многослойный памятник с культурными наслоениями мощностью 4–7 м. Нижний слой его относится к культуре штрихованной керамики раннего железного века. Имеются здесь и напластования второй половины I тысячелетия н. э. В них расчищены остатки срубных жилищ небольших размеров с очажным отоплением. Прослежены следы деревянных укреплений. Найдены железные ножи, коса, пиля, посоховидная булава, глиняные пряслица и многочисленные фрагменты лепной глиняной посуды с шероховатой поверхностью и гладкостенной.

Вышележащие культурные отложения относятся к X — началу XIII в. Городище-замок занимало площадь 2000 кв. м. Оно было обнесено валом с мощными деревянными стенами. Раскопками зафиксированы следы ворот. Площадка городища была плотно застроена жилыми и хозяйственными постройками. В результате раскопок открыта небольшая сохранившаяся часть нежилой постройки — по-видимому, православной церкви XII в. Она стояла на тщательно сложенном на известковом растворе каменном фундаменте. Открыты также настил пола из доломитового камня и каменные ступени, устроенные при входе в здание.

К этому периоду относится возникновение предградья. Здесь раскопками открыты также многочисленные постройки жилого и хозяйственного назначения. Жилища срубные. В слоях XI в. они имеют в основном квадратную форму и размеры около 3,8×3,8 м, в слоях XII в. их размеры увеличиваются (5×4,2; 5,1×4,8 м), застройка становится все более тесной.

При раскопках Кокнесе обнаружен многочисленный вещевой материал. Городище-замок характеризуется более богатым набором украшений и оружия по сравнению с находками в предградье, что свидетельствует о заметном различии уровня жизни этих частей поселения.

В вещевом инвентаре и отчасти в домостроительстве Кокнесе в большей степени, чем в другом каком-либо поселении Латгалии, проявляется влияние древнерусской культуры. К импортным изделиям из Руси относятся стеклянные бусы, браслеты и перстни, шиферные пряслица и др. Найдена в Кокнесе свинцовая печать св. Георгия и Софии с греческой надписью. В культурных отложениях рассматриваемого периода преобладает гончарная керамика древнерусского облика (98%). Анализ археологических материалов позволил А. Я. Стубавсу заключить, что тесные связи Кокнесе с Полоцком развились уже в XI в.

По-видимому, постепенно Кокнесе становится раннесредневековым городом. Его выгодное положение способствовало развитию ремесленной деятельности и оживлению экономических связей. Судя по находке массивного деревянного предмета с выемкой и ручкой, имеющего аналогии среди приспособлений для натягивания паромного каната, в Кокнесе XII в. действовала паромная переправа через Даугаву.

Материалы раскопок показывают, что в Кокнесе бок о бок жили латгалы и селы; было здесь и славянское население.

Кокнесе впервые упоминается Генрихом Латвийским под 1205 г. (Генрих Латвийский, 1938, с. 92, 93). Здесь находился административный центр Кокнесского княжества. Во главе княжества и города стоял Ветсеке — Вячко, сын полоцкого Владимира. После конфликта с крестоносцами и нескольких столкновений с ними в 1208 г. Вячко сжег свой деревянный замок Кокнесе и вместе с русской дружиной ушел на Русь. Он погиб под Юрьевом (Тарту) в 1224 г.

В 1209 г. начинается строительство Орденом каменного замка в Кокнесе. Верхние напластования этого памятника относятся к последнему периоду его истории — 1209—1701 гг.

Так же как и Кокнесе, другой город Латгалии — Ерсике был населен латгальско-селским и в какой-то степени восточнославянским населением. Он находился на правом берегу Даугавы. С трех сторон городище имело крутые склоны, а с напольной стороны было защищено дугообразным валом и далее ложбиной. Площадь укрепленного поселения 7500 кв. м (табл. CIV, 3). За валами находилась обширная неукрепленная часть.

Раскопки городища велись Ф. Балодисом траншеями. Выявлены мощные деревянные укрепления. Поселение было тесно застроено бревенчатыми срубам с печами-каменками. Известно, что в начале XIII в. здесь стояли две православные церкви, пока не исследованные археологами. Недалеко от городища на берегу Даугавы частично исследован типичный латгальский могильник.

Ерсике впервые упомянут Генрихом Латвийским под 1203 г. (Генрих Латвийский, 1938, с. 125, 126). Ерсикский князь Всеволод, сын полоцкого князя, женатый на дочери литовского князя Даугеруте, боролся в союзе с литовцами против крестоносцев. В 1209 г. Ерсике был захвачен и разграблен Орденом.

Особое место занимают поселения латгалов на настилах среди озер. В настоящее время известно 10 поселений этого типа (Apals J., 1965b, 55—57 lpp.), относящихся ко второй половине I тысячелетия н. э. Все они находятся в западной части региона расселения латгалов. Устраивались они на островах, отмелях и подводных возвышениях среди озер.

Как уже отмечалось, одно из таких поселений на оз. Арайшу в Цесисском р-не было исследовано раскопками. Располагалось оно в 50 м от берега и находилось почти полностью под водой. Поэтому для раскопок уровень воды в озере был понижен на 1 м. В подводных условиях в культурном слое исключительно хорошо сохранились остатки деревянных построек, а также многочисленные изделия из дерева и других органических веществ.

Общая площадь поселения 2200 кв. м. Установлено, что оно выстроено на отроге мели. Первоначально была устроена основа — фундамент. Для этого на грунте сложено было пять продольных и шесть поперечных связанных между собой стен высотой в два—четыре бревна каждая. Образовавшаяся срубная решетка была покрыта сплошным бревенчатым накатом. Размеры прямоугольного фундамента-осно-

вы 31×25 м, он на 0,5—1,56 м поднимается над грунтом.

На этой бревенчатой площадке строго в плановом порядке в пять рядов были возведены срубные постройки, подавляющее большинство которых были жилыми с глинобитными печами. В первоначальную застройку поселения входило, вероятно, 23 строения, из которых раскопками исследовано 21. От некоторых построек сохранились стены высотой до семи венцов.

Вдоль внешних краев площадки поселения были обнаружены остатки оборонительного ограждения в виде частоколов. На поселении существовала система дренажа. С берегом оно соединялось деревянным мостом.

Оседание конструкции фундамента поселения вызвало его перестройки. Раскопками выявлено несколько перестроек. Поселение постепенно расширялось и на последнем этапе занимало площадь 1400 кв. м. Погибло оно в результате вражеского нашествия. Хозяйство поселения характеризуется развитым ремеслом. Керамика поселения лепная, шероховатая и гладкостенная.

Радиоуглеродный анализ дерева из фундамента поселения ранней стадии показал дату 1120±50 лет, а последней застройки — 1060±60 лет. Таким образом, поселение существовало от первой половины или середины IX в. до середины X в., что согласуется с археологическими датами.

Латгальскому региону свойственно срубное строительство. Наибольшие результаты для изучения жилищ латгалов дали раскопки Асотского поселения. Они дали возможность проследить развитие домостроительства с IX до конца XIII в. (Шноре Э. Д., 1961, с. 55—88). В целом для этого поселения характерны наземные бревенчатые постройки с рубленными в «обло» углами. Размеры жилищ невелики — от 4×3,5 до 6×5 м. Для строительства домов использовались преимущественно сосновые неотесанные бревна, а одна из жилых построек была срублена из дубовых бревен. Нижние венцы срубов ставились непосредственно на грунт. В поздний период функционирования поселения для единичных построек складывались фундаменты из отдельных камней или в виде сухих каменных кладок.

Стены некоторых асотских жилищ в пазах промазывались глиной. В промежутках между бревнами других построек помещался хворост. Полы жилищ, как правило, были глинобитными. Можно предполагать, что только в единичных поздних постройках полы были деревянными.

Данных для реконструкции перекрытий асотских жилищ почти нет. В одной из построек найден загнутый кверху коленчатый конец стропила, свидетельствующий о наличии двухскатной крыши. Не исключено, что постройки, расположенные по краю городищенской площадки и вплотную примыкавшие к оборонительным сооружениям, имели односкатную крышу. Судя по обнаруженным остаткам, можно утверждать, что кровля построек была соломенной. Вместе с тем нельзя исключать и предположение о том, что для изготовления кровель использовались также камыш и дранка.

Все исследованные жилища оказались однокамерными с печами в центре. Характерная для Латгалии

вплоть до XIX в. включительно курная изба ведет свое начало от построек типа асотских. Исключением является постройка «Р». Это был, по-видимому, пятистенный сруб, состоявший из жилого помещения размерами $4,50 \times 4,50$ м с печью в середине и сеней размерами $4,50 \times 1,25$ м.

В IX—XI вв. жилища на Асотском городище располагались по его краям, примыкая к срубному оборонительному сооружению или к валу. Срединная площадка оставалась незастроенной. В XII—XIII вв. застраивается уже вся площадь городища.

Подобные срубные жилища небольших размеров с рубленными в «обло» углами обнаружены и на других латгальских поселениях, в том числе в Танискалсе, Ерсике, Пекаскалсе и др. Степень сохранности построек в культурном слое Олинккалса очень плохая. Тем не менее фрагментарные материалы дают основание утверждать, что они принадлежали к аналогичным жилищам (размерами 24—28 кв. м), возведенным в срубной технике. Земляные полы их иногда были опущены в грунт на 0,2—0,3 м. Только одна постройка имела столбовую конструкцию (Mugurēvičs E., 1977b, 15—25 lpp.).

На озерных поселениях Арайшу и Ушура постройки имели иную конструкцию (Apals J., 1974, 141—152 lpp.). Это были такие же прямоугольные в плане однокамерные срубы размерами от $3,7 \times 3$ до $5,9 \times 4,5$ м. Они ставились на фундаменты из коротких круглых бревен или плах. В каждом углу строения ставились вертикально вбитые жерди-колышки, которые фиксировались сопрягающей балкой с отверстиями — «ярмом». Бревна более длинных стен построек укладывались между этими жердями, бревна коротких стен крепились на внутренних жердях при помощи «клешней». Каждая постройка в торцовой (короткой) стенке имела слева вход, а справа — небольшую хозяйственную пристройку. Полы жилищ были или земляными, или покрывались жердями. В углах возле пристройки устраивались отверстия для отвода сточных вод. Отапливались дома глинобитными печами, поставленными в середине постройки.

Потолки устраивались при помощи слег, на которые настилались жерди. При раскопках найдены «курицы», стропила, «самцы», дранка, свидетельствующие о том, что крыши жилых построек были двухскатными и драночными.

Рассматриваемые жилые постройки, как считает их исследователь Я. Апалс, существовали в раннем средневековье у латгалов параллельно со срубами, рубленными в «обло». Это, очевидно, архаический вид жилищ, в начале II тысячелетия н. э. исчезнувший. В латышской этнографии известны амбары той же конструкции сруба с ярмовым сопряжением.

Исследованные раскопками остатки деревянного строительства XI — начала XIII в. Кокнесе свидетельствуют, что жилищами здесь были наземные дома, преимущественно срубные, размерами от $3,5 \times 3$ до $5 \times 4,9$ м (Стубавс А. Я., 1967, с. 116, рис. 8). Некоторые из них имели земляные или глинобитные полы, в других постройках полы устраивались из плах или отесанных бревен. Открыты в Кокнесе и несколько жилых построек столбовой конструкции. Отдельные дома здесь имели печи, расположенные в середине, что характерно для лат-

гальского региона. В других постройках отопительные устройства занимали один из углов. Не исключено, что постройки с таким интерьером, как и жилища с приподнятыми деревянными полами, отражают восточнославянское культурное влияние.

На Асотском поселении исследованы остатки 63 печей, использовавшихся для отопления и приготовления пищи (Šnore E., 1957, 5—19 lpp.; 1961, 64—75 lpp.). Наиболее распространенными были овальные или круглые в плане печи размерами в основании от $1 \times 1,3$ до 2×2 м. Основание их складывалось из мелких камней. Под печей был глинобитным, намазанным на каменное основание, которое снаружи обычно опоясывал венец из крупных валунов, а сверху сооружался бескаркасный глиняный свод.

Печи подобного типа характерны и для других латгальских поселений. Они встречаются при раскопках уже упомянутых городищ: Дигнае (Šnore E., 1939, 51 lpp.), Ерсике (Balodis Fr., 1940, 67, 71 lpp.), Кокнесе. Аналогичные круглые глинобитные печи были распространены на поселении Арайшу. В археологической литературе их иногда называют печами латгальского типа. Однако они известны и за пределами расселения латгалов. Такие печи зафиксированы при раскопках поселений земгалов и куршей (Шноре Э. Д., 1961, с. 70, 71), а также на Изборском и Псковском городищах в напластовках последней четверти I тысячелетия н. э. (Седов В. В., 1982, с. 56).

Две глинобитные печи, открытые раскопками в Асоте, были устроены не на земле, а на четырехугольном деревянном основании.

На латгальских поселениях, расположенных по берегам Даугавы, в первые века II тысячелетия н. э. господствовали печи-каменки. При раскопках Олинккалса открыто 19 таких печей размерами от $0,85 \times 0,70$ м до $1,60 \times 1,50$ м в основании. Только одна из них имела глинобитный пол, у остальных он был устроен из плитнякового камня. Печи-каменки открыты также в Кокнесе. В слоях XIII в. Асотского поселения исследованы две печи, сложенные из крупных камней, которые были навалены в несколько ярусов, а в плане образовывали подкову. Поды их были глинобитными.

Наряду с печами в латгальских жилищах изредка встречаются простые открытые очаги с утрамбованным и обожженным глинобитным подом.

Господствующие до этого времени в Латгалии коллективные курганные захоронения в VI в. сменяются грунтовыми могильниками (табл. CV). Смена обрядности была постепенной. Если в V—VI вв. умерших хоронили в ямах, вырытых в курганах, которые имели кольцевую обкладку из камней, то начиная с VI в. вместе с этим захоронения стали помещать в могильных ямах, расположенных вокруг курганов. Погребения с внешней стороны каменного кольца, окружавшего курган, совершались и в VII, и в VIII в. Однако в VIII—IX вв. уже господствуют грунтовые могильники с расположением захоронений рядами. Устанавливается закономерность в ориентировке погребенных — мужчин погребали головой на восток, а женщин на запад. Такой обряд погребения бытовал у латгалов до распространения в их среде христианской религии.

Одним из наиболее исследованных грунтовых могильников латгалов, как уже говорилось, является Нукшинский. Характеристику деталей латгальской похоронной обрядности лучше всего сделать на основе материалов этого памятника (Нукшинский могильник, 1957, с. 18–25).

Могильные ямы имели в плане правильную овальную или подпрямоугольную (с закругленными углами) форму, длину 1,7–2 м, ширину 0,40–0,55 м. Заполнение ям отличалось от материков земли более темной окраской и присутствием мелких угольков. Глубина могильных ям небольшая, в большинстве она не превышала 0,5 м, и только шестая часть ям имела глубину 0,51–0,90 м.

Умерших в могилы клали на доски, которые часто выстилались шерстяной или льняной тканью, а нередко лубом или берестой. В ряде случаев зафиксированы подголовники — дощечки, иногда орнаментированные, которые специально клались под голову умершим. Бытовал у латгалов и обычай класть под голову покойнице букет папоротника.

Как редкое исключение отмечено применение камней — ограждение камнями захоронения или только верхней части умершего.

Наиболее распространенный обряд погребения — трупоположения на спине с несогнутыми ногами. Положение рук различное, но чаще обе руки были согнуты в локтях и подняты кистями вверх.

Чрезвычайно редкими являются парные захоронения. Известны могилы, не содержащие следов погребенных, но сопровождаемые вещевым инвентарем. Это, вероятно, символические захоронения павших на чужбине воинов.

На территории могильника зафиксированы ритуальные кострища. Это округлой или удлиненной формы массивы золы с угольками поперечником 0,60–1,50 м и толщиной 0,15–0,40 м.

В немногих латгальских грунтовых могильниках sporadически встречены захоронения по обряду трупосожжения. Они не образуют компактных групп, а разбросаны по всей территории могильников вперемежку с трупоположениями. В Нукшинском могильнике открыто пять погребений по обряду кремации. Единичные трупосожжения выявлены в могильниках Лудзенском, Кивты, Лукстениеки, Лачагалс, Виесиенас и других.

Кремация умерших совершалась на стороне. Собранные с погребального костра кальцинированные кости помещались в могильных ямах кучкой на деревянной подстилке. Сопровождающий инвентарь находился обычно вместе с сожженными костями, а в некоторых случаях предметы украшения размещались в могильной яме так, как лежали бы они при трупоположениях.

Вещевой инвентарь погребений по обряду трупосожжения ничем не отличается от типично латгальского. Исследователи Нукшинского могильника объясняют появление трупосожжений в латгальских могильниках брачными связями латгалов со славянами-кривичами или литовцами (Нукшинский могильник, 1957, с. 22).

Латгальские погребения VI–IX вв. характеризуются следующим инвентарем. В захоронениях мужчин обычны наконечники копий, скрамасаксы, пряжки, воинские манжетовидные браслеты, арбале-

товидные фибулы, а для женских могил — железные серпы, пряслица, шейные гривны и ожерелья, вайнаги и др. Топоры, браслеты и булавки встречаются как в мужских, так и в женских погребениях.

Характерными украшениями латгальских женщин X — начала XIII в. являются головные венчики (вайнаги), шейные гривны, дугообразные цепедержатели, браслеты и перстни, а также подковообразные застежки различных типов.

Головное украшение в виде венка, называемое «вайнаги» (табл. CVI, 1), было одной из составных частей латгальского женского костюма в VII–XIII вв. (Zariņa A., 1960, 79–94 lpp.; 1970, 112–117 lpp.). Среди них наиболее распространенными были ленточные венки, состоящие из трех–шести рядов бронзовых спиралей и перемежающих их бронзовых пластин, которые нанизывались на тонкие лыковые жгуты. Такие венки с V в. встречаются у земгалов, а с VII в. бытовали и в регионе латгалов. Впрочем, они известны и в землях других балтских племен.

Начиная с IX в. наряду с ленточными появляются жгутовые головные венки (табл. CVI, 7). Ранние из них составлялись из рифленых бронзовых цилиндров, нанизанных на лыковый жгут, который обматывался шерстяными нитками. С X в. распространены жгутовые венки из крупных бронзовых спиралей, нанизанных на прядь ссученных шерстяных ниток. Жгутовые венки очень характерны для латгалов и встречены на всей территории их расселения. В XI–XII вв. они нередко дополнялись трапецевидными подвесками и бубенчиками.

С XII в. постепенно входят в употребление венки из ткани, которые украшались мелкими тонкоприволочными спиральками и желтым бисером. В начале XIII в. бронзовые ленточные и жгутовые венки исчезают из обихода.

Характерными шейными украшениями латгалов были гривны из толстого дрота круглого сечения с уплощенной передней частью, орнаментированной насечкой или рубчатой нарезкой, и с далеко заходящими один за другой концами (табл. CVI, 12, 14). Отдельным вариантом являются подобные гривны с трапецевидными подвесками (числом 30–40), которые привешивались при помощи проволочных колечек в дырочки, пробитые на одном из концов гривны.

Широко представлены также в латгальских древностях тордированные шейные гривны (табл. CVI, 15) с различными концами — четырехгранными, коническими, петлеобразными, седловидными.

Кроме шейных гривен, излюбленным украшением латгалов были ожерелья, составленные из раковин каури. Ожерелья из бус чрезвычайно редки. Они составлялись преимущественно из мелких бусин синего, белого, реже желтого стекла или пасты.

В богатых погребениях встречаются нагрудные украшения из нескольких рядов цепочек, подвешенных к дугообразному узкопластинчатому нашейнику.

Браслеты принадлежат к основной категории женских украшений латгалов (табл. CVII, 1, 4, 5, 11, 20, 21, 25, 26, 28, 31, 33, 34). Наиболее распространенными были спиральные браслеты, имеющие до 15–16 оборотов. Изготавливались они из бронзовой узкой ленты сегментного или треугольного сече-

ния. Кроме спиральных, обычны также плоско-выпуклые браслеты (табл. CVII, 21, 33) и браслеты со стилизованными змеиноголовыми (или звериноголовыми) концами. В мужских захоронениях встречаются массивные воинские браслеты (табл. CVII, 11, 28, 33, 34).

Среди перстней преобладают спиральные (табл. CVII, 22, 24), нередко также витые или плетеные спереди и гладкие сзади, усатые (табл. CVII, 6, 7, 29, 30) и др.

Украшениями и принадлежностью одежды были булавки (табл. CVII, 8–10, 12–19, 23). В раннее время они были единственными застежками рубахи и наплечного покрывала. В VIII в. появляются подковообразные застежки, используемые для тех же целей.

Латгалы не имели специфических типов булавок, а пользовались распространенными и среди других балтских племен. Это в основном посоховидные (табл. CVII, 9, 12, 23) или простые с утолщением ушком.

Набор подковообразных застежек в латгальских древностях весьма разнообразен (табл. CVIII, 4, 6, 10, 13, 16, 17, 19). Наиболее ходовыми являются застежки со спирально загнутыми концами (табл. CVIII, 6, 19). Сами дуги-основания их различны — они круглого, овального или треугольного сечения, тордированные. Встречаются и подковообразные застежки иных типов: с многогранными концами (табл. CVIII, 13), с концами в виде маковых головок, со звериноголовыми окончаниями. В XIII в. подковообразные застежки вытесняются кольцевыми пластинчатыми.

В могильниках латгалов VI–XIII вв. сохранилось большое количество остатков одежды, позволивших создать детальные реконструкции (Zariņa A., 1970b). Женская одежда состояла из рубахи, поясной одежды и наплечного покрывала. Обязательной принадлежностью костюма латгалов был головной веночек, уже получивший характеристику. Обувью служили мягкие кожаные туфли, выше ноги обматывались обмотками.

Рубаха шилась из отбеленной льняной ткани полотняного переплетения с длинными рукавами, но без воротника. Юбка изготавливалась из темной шерстяной или полушерстяной ткани полотняного или саржевого переплетения. Иногда снизу она орнаментировалась бронзовыми спиральками или бисером. Пояса делались из тканей, иногда плелись из них; в виде исключения употреблялись и кожаные пояса.

Наплечное покрывало (виллайне) изготавливалось из шерстяной, реже полушерстяной ткани саржевого переплетения, окрашенной в темно-синий цвет. Средние размеры виллайне 60–80×110–130 см. Они часто украшались бахромой, а также бронзовыми спиральками, колечками и трапециевидными подвесками, образующими как простые, так и геометрические фигурные орнаменты.

Украшение тканей бронзой встречается у латгалов, земгалов и селов уже в VII–VIII вв., а в последующие столетия преимущественно среди латгалов. Под влиянием культуры латгалов такие украшения появляются у ливов, эстов, суми и еми. С начала XIII в. орнаментация из бронзы на вил-

лайне латгалов заметно упрощается, а к концу столетия исчезает вовсе.

Уже в XII в. наряду с виллайне, украшенными бронзой, бытовали простые виллайне, сделанные из клетчатых или узорчатых тканей. Ткали их из белых льняных и темно-синих шерстяных нитей в технике саржевого переплетения в три ремизки. Иногда эти виллайне украшались бисером. Такие латгальские виллайне дожили до XVIII–XIX вв.

Одежда мужчин латгалов включала рубаху из беленой холщовой ткани с длинными рукавами, штаны, кафтан из шерстяной ткани с рукавами и шапку. На ногах носили мягкую кожаную обувь типа туфель, ноги до колен обматывались обмотками. Остатки меха, обнаруженные в отдельных захоронениях, свидетельствуют о том, что носились также тулупы и шапки.

Кафтан и штаны стягивались поясом из кожи или ткани с металлическими пряжками и оковками. К последним с помощью колечек прикреплялись оружие, различные бытовые предметы.

Своеобразной деталью одежды латгалов (известной еще только у селов) были нарукавники. Это лентообразная шерстяная ткань (длиной до 140 см, шириной 4–7 см), украшенная бронзовыми колечками. Наруканники наматывались поверх рубахи от запястья до локтя.

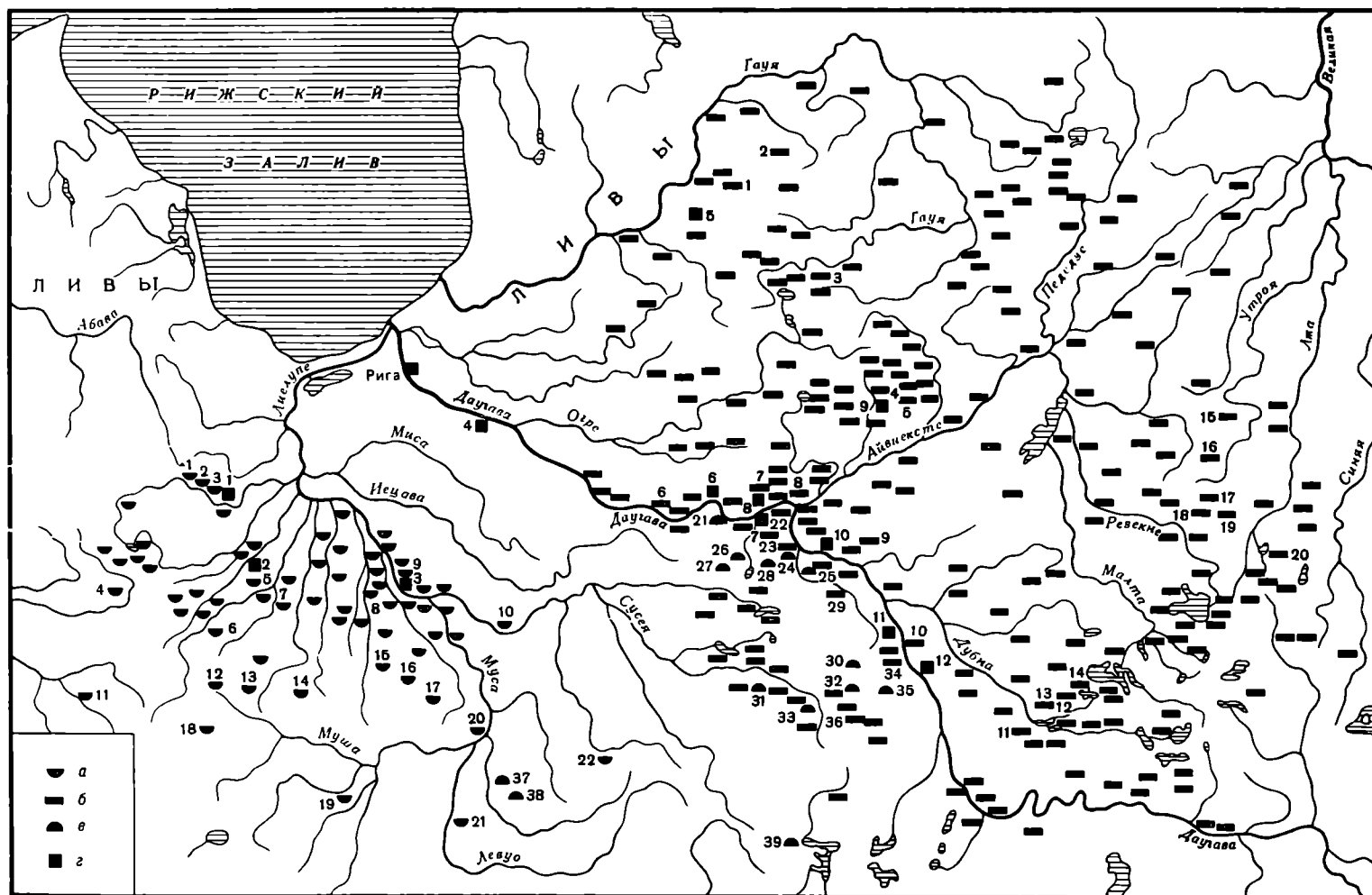
В качестве верхней одежды мужчины носили плащи из грубой шерстяной ткани, а на голове — плотно прилегающие шапки из шерстяной ткани или кожи.

Для застегивания одежды в VII–IX вв. пользовались арбалетовидными фибулами, а в IX–XIII вв. подковообразными застежками. В XIII в. получили распространение кольцевые застежки, а для застегивания кафтанов стали применять пуговицы. В мужских погребениях, очевидно феодальной знати, обнаружены нарядные цепочки, прикрепленные к застежкам. На руках мужчины носили браслеты, отличающиеся от женских массивностью, и перстни. Как к женской, так и к мужской одежде нередко привешивались языческие амулеты — зубы зверей, изображения звериных голов, звенящие подвески (табл. CVIII, 1–3, 7–12).

Одежда и украшения латгалов были своеобразны и отличались от одежды и украшений родственных латышских племен, тем более от соседних ливов, эстов и восточных славян. Самобытность одеяния латгальских женщин была отмечена еще автором «Старшей рифмованной хроники», написанной в конце XIII в. (Livländische Reimchronik, 1876, 346, 347).

На основе женских украшений и особенностей погребального ритуала территория латгалов очерчивается следующим образом (карта 44). На севере латгалы соседствовали с эстами. В целом рубеж между ними соответствовал современной границе Латвии с Эстонией. Однако этот рубеж не был стабильным. В конце I и начале II тысячелетия н. э. наблюдается продвижение латгалов в северном направлении. До этого северо-восточные районы современной Латвии принадлежали эстам.

На северо-западе латгальско-ливская граница проходила по р. Гауя в ее среднем течении. Нижнее течение Даугавы принадлежало ливам. Южными соседями латгалов были селы. Эти племенные группи-

Карта 44. Памятники латышских племен

а — могильник земгалов; *б* — грунтовой могильник латгалов и селов; *в* — курганный могильник селов; *г* — важнейшие поселения. Могильники земгалов: 1 — Балас; 2 — Балас-Шкерстайни; 3 — Оши; 4 — Русиши-Дебеси; 5 — Кури; 6 — Рукуй-жай; 7 — Стури; 8 — Цемальде; 9 — Межотне; 10 — Вецаулес Чапани; 11 — Папиле; 12 — Рудишкяй; 13 — Яунейкяй; 14 — Линксменай; 15 — Жеймелис; 16 — Диржай; 17 — Дегесий; 18 — Валдомай; 19 — Линксмучай; 20 — Памишкяй; 21 — Смигеляй; 22 — Вабалвинкас. Могильники латгалов и селов: 1 — Леясбитени; 2 — Радзес; 3 — Кристапени; 4 — Айзкальне; 5 — Нукши; 6 — Калниеси; 7 — Дзервес; 8 — Лиелпинас; 9 — Лудза; 10 — Кампи; 11 — Каркли; 12 — Маскевицишки; 13 — Вишкю Маскава; 14 — Ерсика; 15 — Яунакени; 16 — Капуркалс; 17 — Кивты; 18 — Мердзенес; 19 — Сакайни; 20 — Даугавас Огленеке; 21 — Леясдопелес; 22 — Кувчы; 23 — Платери; 24 — Приедниекс; 25 — Боки; 26 — Приекшани; 27 — Руки; 28 — Спиеитини; 29 — Гравани; 30 — Антужи; 31 — Кебени; 32 — Слате; 33 — Мелдеришки; 34 — Страутмали; 35 — Рубики; 36 — Зесерцелми; 37 — Дауёнай; 38 — Берклайняй; 39 — Норкунай. Важнейшие поселения: 1 — Добеле; 2 — Тервете; 3 — Межотне; 4 — Даугмале; 5 — Арайши; 6 — Кокнесе; 7 — Селспилс; 8 — Локстене; 9 — Цесвайне; 10 — Асоте; 11 — Дигная; 12 — Ерсика

ровки были очень близки в культурном и этнографическом отношении, поэтому отчетливой границы между их территориями часто провести не удастся. В целом можно говорить, что эти племена разграничивала Даугава. Севернее нее жили латгалы, южнее — селы. Поречье Даугавы в ряде мест было смешанным латгальско-селским.

На востоке латгалы вплотную соприкасались с восточными славянами — кривичами. Здесь сформировалась переходная пограничная зона. В восточных

районах Латвии в VI—VIII вв. расселяются племена, соорудившие длинные курганы (Седов В. В., 1974, с. 11—15, табл. I). Однако можно полагать, что кривичское население, проникшее в Латгалию, оказалось ассимилированным латгалами (Седов В. В., 1974, с. 40).

К X—XIII вв. в восточной Латгалии принадлежат полусферические курганы, по внешнему виду не отличающиеся от древнерусских (Рыков П. С., 1917; Urtāns V., 1968b, 65—74 lpp.). Однако погребальный инвентарь их сопоставим с вещевым материалом латгальских грунтовых могильников. В подкурганных захоронениях женщин, ориентированных на запад, найдены спиральные и жгутовые головные венчики, шейные гривны и булавки латгальских типов, цепочки. В погребениях мужчин, обращенных головами на восток, обычной находкой являются топоры, копы, браслеты, перстни, что не характерно для восточнославянских курганных труположений. Различная ориентировка мужских и женских захоронений также свойственна латгалам. Можно полагать, что в этих курганах хоронили умерших как латгалы, оказавшиеся под славянским влиянием (обычай насыпать курганы здесь является, безусловно, кривичской особенностью), так и кривичи, испытавшие воздействие со стороны латгальской культуры, а также метисное кривичско-латгальское население (Седов В. В., 1970b, с. 111).

Важнейшими отраслями хозяйства латгалов были земледелие и скотоводство. Во второй половине I тысячелетия н. э. существовала подсечно-залеж-

ная система земледелия. Орудиями земледелия были железные ножи с кривым черенком (табл. СІХ, 7, 32—37) и втульчатые топоры (табл. СХ, 1, 8).

Верхние горизонты культурных отложений средневековых поселений предоставили множество данных, свидетельствующих о первостепенном значении земледелия в хозяйстве латгалов.

Железные лемехи от двузубых сох найдены на Асотском городище, в Перлюкалсе, Вецкажоки, Трепе, Ерсике и Резекне. Многочисленны находки кос с длинным и узким лезвием, слабоизогнутых серпов и серповидных ножей (табл. СІХ, 40).

Изучение зернового материала из раскопок Асотского городища (Расиньш А. П., 1961, с. 169—174) показало, что в IX в. преобладал ячмень, но встречаются также зерна ржи, пшеницы, овса, гороха и семена льна. В X—XI вв. постепенно ведущей культурой становится рожь, ячмень отходит на второй план. Реже встречаются пшеница, овес, горох и бобы. Судя по остаткам растений из напластований XII—XIII вв., в это время господствующей культурой была рожь. В меньшем количестве встречаются ячмень, пшеница, овес, горох, просо, чечевица и лен.

К началу II тысячелетия н. э. значительно возрос удельный вес пашенного земледелия, а рост удельного веса ржи свидетельствует о знакомстве с трехпольной системой земледелия, существовавшей наряду с двухпольной.

Латгальские поселения дали богатый остеологический материал. Ко второй половине I тысячелетия н. э. относится поселение Межмали, в слоях которого встречаются кости крупного и мелкого рогатого скота, свиньи, лошади и медведя (Mugurēvičs Ē., 1977b, 52 lpp.). Анализ костного материала из культурных отложений начала II тысячелетия н. э. на латгальских поселениях показывает, что примерно 60—70% его приходится на домашних животных. Среди костей последних значительный процент составляют кости свиньи. Так, на Асотском городище на долю свиньи приходится 77,5% всех костей домашних животных. В целом кости свиньи на латгальских городищах составляют 59,7%, мелкому рогатому скоту принадлежит 18,6%, крупному рогатому скоту — 13,1% и лошади — 8,6% (Цалкин В. И., 1961, с. 219). Впрочем, на некоторых поселениях соотношение было иным. Так, на городище Олинькалнс кости крупного рогатого скота составили 29,4%, свиньи — 29,0%, мелкого рогатого скота — 26,2%, лошади — 13,8% (Mugurēvičs Ē., 1977b, 43 lpp.). Скот был низкорослым. Содержался он в хлевах. В Кокнесском форбурге раскопками исследован хлев столбовой конструкции.

Одним из источников питания была охота. Костные остатки свидетельствуют о большом значении охоты в хозяйстве латгалов. По числу костных остатков на первом месте стоят дикие копытные животные, которые добывались преимущественно для удовлетворения потребности в мясе. Это лось, кабан, косуля, олень, зубр. Важнейшими объектами пушной охоты были куница, бобр, в меньшей степени барсук и медведь. Охотились также на птиц (Паавер К. Л., 1961, с. 223—225).

Некоторая роль в обеспечении населения продуктами питания принадлежала рыболовству. Для этого использовались железные рыболовные крючки

различных размеров, гарпуны (табл. СІХ, 17, 22—24, 28—30) и сети с каменными грузилами. При раскопках поселений найдены и костные остатки рыб. Так, в средневековых слоях Асотского городища встречаются кости щуки, окуня, судака, леща, плотвы, карася, синца, линя, язя, густеры, сазана, лосося, сома, осетра и угря (Лебедев В. Д., Марков К. П., Бахметьева Т. Л., Паскуль М., 1961, с. 226—233).

Роль бортничества в хозяйстве латгалов на основе данных археологии определить трудно. Но можно вполне определенно говорить о том, что они занимались лесным бортничеством. При раскопках Арайшу найдены детали специальных приспособлений бортника (Apals J., 1968b, lk. 58, joon 18).

Черный металл добывался из местных болотных руд, которые в большом количестве имелись в Латгалии. Остатки шахтообразной железоплавильной печи были исследованы в слоях V—VI вв. в Кокнесе (Stubavs A., 1965, 17, 18 lpp.; 1966, 25 lpp.; 1967, 35 lpp.; Latvijas arheologija, 1974, 140 lpp., 67 att.). Следы сыродутных печей конца VII — начала VIII в. зафиксированы на Дигнайском городище (Šnore E., 1939, 56 lpp.). Хорошо сохранившийся сыродутный горн был исследован раскопками на Асотском городище в слоях X в. (Шноре Э. Д., 1961, с. 97—99). Основанием железоплавильной печи служил массивный гранитный камень, стены сложены были из глины и сохранились на высоту 18 см. Диаметр печи 1 м. В центре печи имелась цилиндрическая шахта диаметром 0,3 м, к стенкам которой прикипели фрагменты железного шлака. Устье печи было сооружено из поставленных стоймя двух известняковых плит, третья плита накрывала устье сверху. Остатков сопел не обнаружено, почему исследователь памятника полагает, что печь функционировала на естественной тяге.

С железоделанием, вероятно, были связаны и некоторые другие объекты, изученные при раскопках Асотского городища. Железоплавильные горны с соплами исследовались также в Олинькалсе (Mugurēvičs Ē., 1977b, 44 lpp.).

Ассортимент кузнечной продукции латгальских ремесленников весьма широк. Это и орудия сельскохозяйственной деятельности, и деревообрабочный инструментарий (табл. СІХ, 8; СХ, 39, 41, 43—46), и орудия железообработки, и различные бытовые изделия (табл. СІХ, 13, 15, 16, 18, 25—27; СХ, 23), и предметы вооружения (табл. СХІ). Исследование структуры и технологии изготовления железных изделий показало, что они производились на высоком технологическом уровне. В начале II тысячелетия н. э. были знакомы латгальские кузнецы с такими приемами металлообработки, как сварка железа со сталью, цементация, закаливание (Антеп А. К., 1961, с. 175—183).

На территории Латгалии распространена была обработка цветных металлов. Они плавилась в тиглях (табл. СІХ, 11, 21, 22, 38), а изделия отливались в различного вида глиняных или каменных формах. В изготовлении изделий из цветных металлов постепенно возрастала рольковки. Она позволяла делать предметы лучшего качества. В X—XII вв. обычно все крупные предметы кованые, мелкие — как кованые, так и литые.

Исследования тиглей из археологических памятников Латвии, в том числе из Латгалии, произведено И. В. Дайгой и И. Гросвальд (Daiga J. un Grosvalds J., 1964, 7—22 lpp.). На Асотском городище, помимо находок тиглей и литейных формочек, открыты мастерские бронзолитейщиков (Шноре Э. Д., 1961, с. 103—109). Мастерские по обработке бронзы зафиксированы и раскопками Олинккалса (Mugurēvičs Ē., 1977b, 44—46 lpp.).

Как уже отмечалось, для второй половины I тысячелетия н. э. характерна лепная керамика. Преобладают гладкостенные сосуды (они встречаются вплоть до слоев XII в.). Это горшки баночной формы или слабопрофилированные сосуды (табл. CXII, 13, 15, 18, 20). Гладкостенная лепная керамика не является латгальским этнографическим признаком. Такая посуда встречена и на синхронных городищах Латвии, принадлежащих иным балтским племенам, а также за ее пределами.

Вторую группу глиняной посуды составляют сосуды с шероховатой поверхностью. Это преимущественно крупные прямостенные, расширяющиеся кверху сосуды. При изготовлении снаружи они покрывались жидким слоем глины, который и образовывал очень неровную (шероховатую) поверхность. Судя по материалам Асотского городища, шероховатая керамика особенно характерна для IX—X вв. (Шноре Э. Д., 1961, с. 112). На городище Межмали на ее долю приходится около 70% керамического материала. Бытует шероховатая керамика до начала XII в. Эта керамика опять-таки не является латгальской. Она обнаружена также на поселениях земгалов и литовских племен.

В небольшом количестве на поселениях латгалов встречена лощеная керамика. Изредка фрагменты такой посуды обнаруживаются в могильниках среди остатков погребальной тризны или как пожертвования на краях могил. Это небольшие миски или горшки. Лощеная поверхность темно-серая, черная, красноватая или желтовато-серая. Распространена эта керамика в этнически разнородных областях, как в Латвии, так и далеко за ее пределами. Специально лощеной керамике из памятников Латвии посвящено исследование И. Цимермане (Cimermane I., 1974, 99—108 lpp.).

Появление гончарной керамики в области расселения латгалов датируется концом X в. В XI—XII вв. гончарная посуда сосуществует с лепной, но явно преобладает. Первые сосуды, изготовленные на гончарном круге, появляются у латгалов почти одновременно с распространением гончарной керамики в кривическо-словенском регионе. По своим формам и орнаментации они папоминают ладожско-новгородскую керамику. В дальнейшем гончарная керамика латгалов развивается параллельно с древнерусской и имеет с ней много общего.

Многочисленный вещевой материал, полученный при раскопках поселений и могильников латгалов, всесторонне характеризует быт и культуру средневековых латгалов. Об орудиях ремесла и сельского хозяйства уже была речь. Несколько слов о предметах повседневного быта. Многочисленны железные ножи, шилья, ножницы, кресала, замки и ключи, встречены шипы для хождения по льду. Оружие представлено наконечниками копий, дротиков и

стрел, булавами, мечами. Снаряжение копья и всадника составляют шпоры, стремяна, удила, пряжки. Все эти предметы не составляют этнографической особенности латгалов, а имеют широкое распространение.

Во второй половине I тысячелетия н. э. латгалы поддерживали торговые связи с соседними и отдаленными территориями. Важнейшим путем сообщения была Даугава. Из Византии и стран Ближнего Востока, а также из Рейпской области в Латгалию поступали некоторые типы стеклянных бус: зонные, цилиндрические, бисер, глазчатые, инкрустированные, рубчатые и лимонки (Urtāns V., 1968b, 76 lpp.). В конце тысячелетия в западных районах латгальской территории появляются клады византийских и арабских монет.

В X—XII вв. экономические связи Латгалии в основном были направлены на восток. Связи с Древней Русью были весьма тесными и проявлялись в распространении ряда железных предметов и глиняной посуды, однотипных с восточнославянскими. Проблема культурных и торговых связей Латгалии с Древней Русью монографически была изучена Э. С. Мугуревичем (Мугуревич Э. С., 1965).

Период V—IX вв. в истории латгалов характеризуется последней стадией первобытнообщинных отношений. На смену патриархальной общине появляется территориальная. Отражением этого, по мнению некоторых археологов, было изменение в погребальной обрядности — на смену старой форме курганных коллективных захоронений распространяются погребения в грунтовых могильниках с индивидуальными захоронениями.

На основе могильного инвентаря можно говорить об имущественной дифференциации населения, о выделении прослойки богатых и знати. О том же свидетельствуют и клады драгоценных вещей. На латгальской территории известны клады в Балтинаве, Кишукалсе, Леяслепях, Мишкиневе, содержащие драгоценные серебряные шейные гривны V—VIII вв. (Urtāns V., 1964b, 39—70 lpp.; 1977b, 148—150, 153, 160 lpp.). Известны клады оружия того же времени. Начиная с IX в. зарываются клады с арабскими дирхемами, которых, правда, в земле латгалов немного.

Археологические материалы X—XIII вв. позволяют выделять в обществе латгалов раннефеодальную знать и свободных членов общины. По-видимому, существовало патриархальное рабство. В письменных источниках представители разных социальных прослоек обозначаются различными терминами. Существовала военная дружина. Вопросы войны, мира и внутренней жизни округа решались на совете старейшин.

Политическая структура Латгалии в XII — начале XIII в. исследована М. О. Аунс (Auns M., 1982, 47—55 lpp.). Исследователь показал, что Латгалия дифференцировалась на несколько территориальных образований с государственным или полугосударственным управлением. Наиболее значительное из них — княжество Ерсика, поддерживавшее связь с Полоцком. Ерсика состояла из нескольких округов (Аутине, Ерсике и др.). Небольшим княжеством был Кокнесе. В других территориальных объединениях (Атзеле и Талава) централизованной власти

не было. Они находились в податной зависимости от Новгорода — Пскова.

В заключение характеристики латгальских древностей несколько слов следует сказать о памятниках языческого культа. Языческое святилище латгалов исследовано раскопками в Саркапи близ Резекне (Vasks A., 1974, 78, 79 lpp.; АО 1973г., с. 397, 398). Устроено оно было на холме, в срединной части которого сохранились три крупных валуна. Один из них имел полусферическую выемку диаметром 50 см и глубиной 12 см. В 0,2—1 м от каждого валуна выявлено по кострищу округлых очертаний. Места костров выложены красной глиной и камнями. Исследователь памятника полагает, что здесь, судя по следам кольев у валунов и большому количеству камней, существовало какое-то строение.

В земле латгалов известно довольно большое количество культовых камней (Caune A., 1974b, 89—97 lpp.). Далеко не все они являются памятниками средневековой поры, но несомненно, что многие из них в рассматриваемое здесь время использовались как места жертвоприношений. Культовые камни имеют на поверхности углубления, сделанные человеком.

Селы

Селы, по-видимому, одно из древних племенных образований балтов. На Певтингеровой карте — римской путевой карте, составленной в конце III — начале IV в., — обозначено «Fluoius Sellianus» (Müller K., 1888), что значит «река селов». Эта река предположительно отождествляется с Даугавой. Этот источник использовали еще А. Рихтер (Richter A., 1857, S. 28) и первый исследователь селов М. Скрузитис (Skruzitis M., 1889, 19, 20 lpp.). Можно полагать, что селы, давшие реке свое название, в первой половине I тысячелетия н. э. были крупной этнической единицей и жили по обоим берегам Даугавы.

«Повесть временных лет», которая называет племена, населявшие древнюю Латвию (зимегола, корсь, летгола, либь), селов не упоминает. А. Биленштейн полагал, что автор этой русской летописи включал селов в состав латгалов (Bielenstein A., 1892, S. 171).

Некоторые сведения о селах имеются в хрониках Ливонии. Так, в Хронике Генриха Латвийского говорится о падении замка селов в 1208 г., о проживании их вместе с латгалами в Кокнесе, о том, что селы были союзниками литвы (Генрих Латвийский, 1938, с. 116, 162, 246). На основе «Рифмованной хроники» XIII в. можно судить о соседях селов (Livländische Reimchronik, 1876, строки 139—146, 337—340), но территория, заселенная селами, остается неясной.

Согласно грамотам великого князя литовского Миндовга (Bunge Fr., 1853, S. 371, 372, 462), территория селов (Селония) отдана была в подарок Ливонскому ордену. В одном из этих документов, датированном 1261 г. (Bunge Fr., 1853, S. 462), указываются граицы Селонии. Однако грамоты эти сомнительны. А. Биленштейн считал их подлож-

ными, поэтому не считал возможным учитывать при определении ареалов средневековых латышских племен (Bielenstein A., 1892, S. 171). Наоборот, К. Буга полагал, что в грамоте 1261 г. граицы Селонии отражают действительную территорию селов. Подлог документа, считал он, был сделан, чтобы доказать права немцев на земли селов, а для этой цели не могли быть употреблены вымышленные названия местностей и несуществующие границы. На основании грамот Миндовга и топо-лингвистических материалов К. Буга локализовывал селов в XIII в. на левобережье Даугавы, между земгалами, жемайтами и латгалами (Būga K., 1961a, p. 728—742; 1961b, p. 267—282).

Археологические материалы, относящиеся к раннему средневековью, не дают надежных оснований для выделения древностей территории селов. Поэтому Ф. Балодис рассматривал селов как латгалов с левого берега Даугавы (Balodis Fr., 1938, 136—210 lpp.). Х. А. Моора, отмечая, что в погребальных традициях и вещевом инвентаре селов много родственного с культурой латгалов, рассматривал материальную культуру латгальско-селского региона целостно (Moora H., 1952, 75—81, 105—110, 148—162 lpp.).

Попытки выделить ареал селов и их древности предпринимались неоднократно и безуспешно. Лингвисты говоры коренного населения юго-восточной части Видземе и левобережья Даугавы — Аугшземе, относящиеся к верхнелатышскому диалекту и характеризующиеся восходящей интонацией, связывают с древним селским языком (Rūķe V., 1950, 5 lpp.; Rudzite M., 1964, 264, 408, 409 lpp.). На основе распространения этих говоров селы локализируются в Аугшземе и на правобережье Даугавы в бассейне р. Айвиексте. Этот регион отводят селам К. Я. Анцитис и А. Я. Янсон, которые наряду с данными языкознания использовали письменные источники (Анцицитис К. Я., Янсон А. Я., 1962, с. 92—104; Ancītis K. un Jansons A., 1963, 52—54 lpp.).

Э. Штурмс обратил внимание на совпадение региона селской восходящей интонации с областью распространения курганных могильников II—VI вв. и на этом основании отнес восточную группу этих памятников к селам (Šturms E., 1939, 38062—38065 sleja). По мнению исследователя, между вещевым инвентарем этих курганных погребений и материалом грунтовых могильников латгалов VII и последующих столетий преемственности нет. Поэтому нельзя считать восточную группу курганов II—VI вв. селско-латгальской, ее целиком следует связывать с селами.

Имеется еще ряд факторов в пользу определения территории расселения селов внутри ареала говором с восходящей интонацией. В женской народной одежде Аугшземе и прилегающих к ней районов правобережья Даугавы выявляются общие элементы, характерные только для данной территории (Слава М. К., 1959, с. 487—509; 1977, с. 85—88; Slava M., 1961, 83—95 lpp.). Антропологический тип средневекового населения Аугшземе, судя по материалам могильника Леясдопелес, характеризуется грацильностью, долихо-мезокранией, сравнительно узким средневисоким лицом с выступающим

носом (Денисова Р. Я., 1964а, с. 19–30; 1965, с. 84–93) и, таким образом, занимает явно обособленное место, будучи отличным от латгальского.

Намечается и некоторое своеобразие археологических материалов. Так, М. К. Аггазису при изучении железных двушипных черешковых наконечников дротиков VII–VIII вв. (типы А, В) удалось установить, что распространение их совпадает с ареалом селских говоров. Это послужило основанием для соотнесения области бытования рассматриваемых дротиков с расселением селов во второй половине I тысячелетия н. э. (Atgāzis M., 1974, 162, 163 lpp., 5 att.).

Однако вопрос о территории расселения селов все же нельзя считать решенным (карта 44). Так, в обобщающей работе по археологии Латвии Я. Я. Граудонис считает возможным восточную область культуры курганных могильников определить как территорию, заселенную латгалами и селами, причем отнесение к региону селов бассейна р. Айвиексте ставится под сомнение (Latvijas PSR arheologija, 1974, 128–130 lpp.).

Э. Д. Шноре специально проанализировала археологические памятники бассейна р. Айвиексте и утверждает, что в VI–XII вв. здесь жили латгалы. Материалы средневековых могильников и поселений этого региона по всем своим особенностям являются частью латгальской культуры, распространенной на обширном пространстве от среднего течения Гауи на западе до Лудзенского и Даугавпилсского районов включительно на востоке (Шноре Э. Д., 1977, с. 48–50).

С Я. Я. Граудонисом и Э. Д. Шноре дискусирует А. Я. Стубавс (Стубавс А. Я., 1981, с. 48–50). Компактное расположение курганов с коллективными захоронениями II–VI вв. в ареале говоров верхнелатышского наречия с восходящей интонацией (здесь известно 70 пунктов с курганами, в то время как на латгальской территории их только шесть) свидетельствует, по мнению А. Я. Стубавса, в пользу определения их в качестве памятников селов. Во всяком случае, продолжает этот исследователь, доминирующим элементом в курганной культуре были селы. Сходство древностей бассейна р. Айвиексте с латгальской культурой объясняется миграцией латгалов в ареал селов.

Решить проблему, очевидно, можно будет только после новых археологических изысканий и пополнения материалов новыми раскопочными исследованиями.

В этой связи представляется целесообразным рассматривать здесь только те археологические памятники, отнесение которых к селам не вызывает возражений. Это памятники Аугшземе и прилегающего к нему поречья Даугавы. Древности же юго-восточной части Видземе по своему облику, как уже отмечалось, являются латгальскими. Объясняется ли это широким расселением здесь латгалов и латгализацией местного сельского населения или какими-либо иными причинами, покажут дальнейшие исследования.

Начало археологических исследований в Аугшземе относится ко второй половине XIX в. В 1862 г. четыре погребения в курганном могильнике Руки было раскопано Я. Штейном (RK, 343). В 1896–1897 гг.

С. К. Богоявленский исследовал раскопками могильники Антужи, Пунгас и Слате (Богоявленский С. К., 1900), а А. Бухгольд начал раскопки (1896 г.) Леясдопельского могильника (Sb. Riga, 1896; 1899).

В 20-х годах XX в. раскопками археологических памятников в этом регионе занимались Ф. Балодис, Х. А. Моора и А. Штокманис. В 1921 г. А. Штокманис вел раскопки могильников Гравани, Приекшани и Плалери, а в следующем году исследовал курганы в Боки (Štokmanis A., 1927). Х. А. Моора в 1924 г. производил раскопки двух могильных памятников — Боки и Слате (Moora H., 1928). Раскопки в Слате в 1927 г. продолжил Ф. Балодис (Šnore E., 1933).

К 30-м годам принадлежат раскопки Э. Д. Шноре и П. Степиньша. В 1933 г. Э. Д. Шноре исследовала могильник Мелдершкис, в 1934 г. — Зесерцелми, в 1935 г. — Гринерти, в 1939 г. — Страутмани, в 1940 г. — Кебени. В 1939 г. этой исследовательницей раскапывалось также Дигнайское городище (Šnore E., 1939, 46–64 lpp.). Небольшие раскопки могильников Саласанчи и Рубики в 1935 и 1937 гг. произвел П. Степиньш. В 1942 г. А. Штокманис вел исследования Приедникского могильника.

Наиболее значительные экспедиционные исследования в Аугшземе произведены были в 60–70-х годах. Раскапывались прежде всего погребальные памятники. В 1961 и 1962 гг. под руководством Э. Д. Шноре изучается могильник Леясдопелес (Šnore E., 1961, 8–10 lpp.; 1962, 3–4 lpp.). Материалы этого памятника дали возможность выделить характерные черты погребальной обрядности селов. В 1961 г. Л. В. Ванкина исследовала Бокский могильник (Vankina L., 1962, 13–15 lpp.). М. Бресава в 1960 и 1961 гг. раскапывала могильники Пунгас и Паки (Bresava M., 1962, 4–5 lpp.; 1966, 41–54 lpp.). В 1961–1963 гг. И. В. Дайга и М. Аггазис исследовали раскопками два могильника и два поселения в районе Плалери и Спиетини (Daiga J., Atgāzis M., 1962, 5–7 lpp.; 1963, 6–7 lpp.; 1964, 6–8 lpp.; Daiga J., 1964, 23–25 lpp.) Могильник и поселение Пигени исследовались в 1962 г. Э. Д. Шноре (Šnore E., 1963, 14, 15 lpp.).

Этой же исследовательнице принадлежат раскопки (1977–1980 гг.) грунтового могильника XI–XII вв. в Бетели Екабпилсского р-на (Šnore E., 1978, 68–71 lpp.; 1979, 77, 78 lpp.), кургана в Ратулань на берегу оз. Саука (Šnore E., 1979, 78–81 lpp.; 1980, 97–100 lpp.) и кладбища XII–XVIII вв. в Кунцу того же района (Šnore E., 1982, 120–125 lpp.).

Погребальные памятники селов исследовались и в северных районах Литвы. В 1970 г. М. Михельбертас производил раскопки двух курганных групп середины I тысячелетия н. э. в Дауенай и Берклайняй в Пасвальском р-не (Michelbertas M., 1972a, p. 32, 33; 1972b, p. 28–32). В 1948, 1964, 1968 и 1970 гг. курганы V–VII вв. в Норкунай изучались Рокишским музеем (Juodelis S., 1972, p. 34, 35).

В 1960–1970 гг. археологические работы производились и на поселениях селов в Аугшземе. Наиболее значительные раскопки произведены были в 1963–1965 гг. в связи со строительством Плявинь-

ской ГЭС на городище Селпилс и на неукрепленном поселении, расположенном рядом (Snore E., Zaglā A., 1980). В 60-х годах небольшие разведочные исследования поселений производили М. Бресавы, Я. Я. Граудонис и Я. Апалс (Bresava M., 1964, 5, 6 lpp.; Graudonis J., 1969a, 35—39 lpp.; Graudonis J., Apals J., 1965, 8, 9 lpp.). Интересные результаты получены раскопками А. Я. Стубавса на городище и селище X—XIII вв. в Ступели Екабпилсского р-на (1976—1979 гг.) и на поселении V—XII вв. на острове оз. Кригану в том же районе (Stubavs A., 1977, 55—62 lpp.; 1978, 62—68 lpp.; 1979a, 72—77 lpp.; 1979b, 67—71 lpp.; 1980a, 91—96 lpp.; 1980b, 86—91 lpp.).

Культура курганов с кольцевой каменной обкладкой, датируемая II—VI вв., была выделена и получила характеристику еще в 30-х годах XX в. (Latviešu kultūra senatnē, 1937, 9—13 lpp.). Она занимала территорию Земгале, Аугшземе и восточную часть Видземе. Курганные могильники, как правило, состоят из небольшого числа насыпей высотой 0,4—1,5 м и диаметром в основании 8—20 м. Каждый курган был коллективной усыпальницей. Первое захоронение совершалось на материке внутри каменного кольца, последующие погребения помещались в различных частях курганной насыпи. В некоторых случаях к каменному венцу с курганом делались пристройки в виде полукруга, выложенного из камней. В насыпях внутри пристроек совершались погребения.

Одним из характерных курганов с каменным венцом в основании на земле селов является названный выше Ратуланский, исследованный Э. Д. Шноре в 1978 и 1979 гг. Его высота 1,4 м, диаметр основания 20 м. Использовался курган для захоронений длительное время. Всего вскрыто 76 погребений. Наиболее ранним (IV в. н. э.) является захоронение 25 по обряду трупоположения с бронзовой шейной гривной с коническими концами. По обе стороны головы умершего находились камни. Другие погребения IV и V вв. оказались разрушенными более поздними захоронениями. Они сопровождались узколезвийными топорами, втульчатыми наконечниками копий, железными ножами, браслетами, булавами, цепочками.

Погребения VI в. и последующих столетий (табл. CXIII) находились вблизи кольцеобразной обкладки из камней, некоторые — за ее пределами. Среди них интересно мужское захоронение 27, где при истлевшем костяке обнаружены около черепа бронзовые проволоочные спиральки и колечки, вероятно от головного убора, а также короткая цепочка с треугольными подвесками. Кроме того, в этом погребении найдены бронзовая арбалетная фибула, толстопроволочные браслеты, однолезвийный меч, два втульчатых наконечника копий, узколезвийный топор, две шпоры и остатки пояса. Датируется погребение VI в. При одном из женских трупоположений VI в. найдены железная посоховидная булава и серп.

Погребения не имели строгой ориентации по сторонам света. Часто они ориентировались параллельно каменному венцу основания кургана. В одном из таких захоронений (59), принадлежавшем молодому мужчине, обнаружены две бронзовые шейные

гривны (одна с седловидным концом, вторая — с узкопластинчатым, слегка расширяющимся), посоховидная булава, наконечник втульчатого копья, узколезвийный топор и нож.

Одновременно с обрядом трупоположения в это время существовал и обряд кремации умерших. Правда, трупосожжения в курганах единичны. В погребении 18 вместе с кальцинированными костями найдена костылевидная булава. У подножия Ратуланского кургана с XII в. существовал грунтовый могильник. Поэтому в курганной насыпи имеется много впускных погребений XIII—XVII вв., которые потревожили захоронения раннего периода.

Могильник из пяти курганов около Дауенай располагался на всхолмлении. Высота насыпей 0,5—1,2 м. Все они имели круглую или овальную обкладку из камней диаметром 8—9 м. Обычно под насыпью находилось от одного до четырех трупоположений, в кургане 3 их было 16. Погребения находились в основании курганов или в насыпях на различной глубине. Умерших клали на спине в вытянутом положении, с руками на груди или на животе. Ориентировка погребенных разнообразна.

В мужских погребениях найдены втульчатые и проушнные узколезвийные топоры, втульчатые наконечники копий и ножи. Женские захоронения обычно содержат украшения — бронзовые шейные гривны с конусовидными концами, браслеты пластинчатые и треугольного сечения, бусы из бронзы, стекла и пасты, а иногда и железные серпы и шилья.

В одном из женских погребений кургана 4 найден головной венок, состоящий из трех параллельных рядов бронзовых спиралей, разделенных четырехугольными пластинками. Спирали были нанизаны на три льняные веревочки. На затылке к венку была привязана большая бронзовая спираль длиной около 13 см, диаметром 1,5 см. На основе сопровождающего инвентаря погребение датируется V в. Это самая ранняя находка головного венка из бронзовых спиралей и пластинок на племенной территории селов (Michelbertas M., 1972c, p. 121—130).

Начиная с VI в. в земле селов появляются грунтовые могильники. Они устраивались около ранее сооруженных курганов, свидетельствуя о преемственности обрядности, а часто впускные захоронения совершались в могильных ямах, вырытых в самих курганных насыпях.

Одним из могильников, состоящим из курганов и грунтовых захоронений, является Бокский, исследованный, как уже говорилось, Л. В. Ванкиной. Курганы в Боки были сооружены в III—V вв. В VI—X вв. погребения совершались в грунтовых могилах, устраиваемых в курганных насыпях или около них. Часто над могилами клались камни, иногда группы могил, очевидно близких родственников, огораживались каменными оградами. Обряд погребения — трупоположение; в виде исключения встречено трупосожжение.

Для мужского погребального инвентаря характерно оружие — узколезвийные топоры, один-два наконечника копья и однолезвийный меч — скрамсакс. Головные уборы украшались бронзовыми спиральками и колокольчиками или палочными цилиндрическими бляшками. Обнаружены также кожаные

шапки с бронзовыми бляшками. Мужчины носили еще браслет и булавки (табл. СХІV, 10, 29).

В женских погребениях обычны предметы украшений — застёжки, браслеты, булавки, ожерелья. В некоторых захоронениях обнаружены небольшие топоры и орудия труда — серпы, ножи и шилья.

Выделяются единичные погребения, содержащие богатый инвентарь, что, вероятно, указывает на экономическое и социальное расслоение населения. Так, в мужском погребении 12 (рубеж VII и VIII вв.) кургана 4 найдены массивная серебряная шейная гривна с седловидным и крючкообразным концами, арбалетная фибула и пинцет. В погребении 23 (VI в.) кургана 3 найдены бронзовый орнаментированный кинжал и пальчатая фибула, очевидно привезенная с юга, из славяно-антских земель.

Среди женских захоронений выделяется девятое (VIII в.) в кургане 8. На плечах умершей находилась накидка — вилайне раннего типа, украшенная бронзовыми колечками, на шее — ожерелье из бронзовых спиралек, оловянных и бронзовых привесок и раковин каури. У правой руки лежал небольшой узколезвийный топор с топорщиком, обвитым бронзовой лентой.

В XI—XIII вв. в земле селов продолжалась традиция захоронений в грунтовых могильниках. Археологическими работами установлено, что Бокский могильник территориально соединяется с Приедниекским, датируемым XI—XII вв. Оба могильника принадлежат одной этнической группе, демонстрируя непрерывность погребальной обрядности.

Грунтовые могильники в Аугшземе в X—XIII вв. господствовали.

Вместе с тем в отдельных местах ареала селов в это время возродилась традиция захоронений в курганах. Весьма характерным погребальным памятником селов X—XIII вв. является могильник Леясдопелес на левобережье Даугавы. Он состоял из 63 курганных насыпей высотой от 0,5 до 2 м и диаметром основания 6—10 м.

В 1961 и 1962 гг. в могильнике было раскопано 10 курганов, из которых в четырех находились одиночные захоронения, в двух — парные, четыре были коллективными усыпальницами. В кургане 2 имелось 18 погребений. Всего в 10 курганах исследовано 42 захоронения, в том числе 36 труположений и шесть трупосожжений.

Наиболее ранним было погребение по обряду кремации на стороне, открытое в кургане 10. Оно датируется X в. Труположения относятся к XI—XIII вв. Умерших клали в могилы в вытянутом положении на спине. Характерна противоположная ориентировка мужских и женских погребений, соответственно головой на восток и на запад.

Многие женские погребения в Леясдопелесском могильнике сопровождалось орудиями труда (ножами, серпами, шильями, ножницами, пряслицами), что, по мнению Э. Д. Шноре, является характерной погребальной особенностью селов (Latvijas PSR arheologija, 1974, 229 lpp.).

Многие женские украшения из Леясдопелес и других памятников селов совпадают с латгальскими. Селы носили такие же головные венки и наплечные покрывала. Подковообразные застёжки селов принадлежали в основном к тем же типам, что

и латгальские. С другой стороны, целый ряд украшений селов имеет прямые аналогии в синхронных древностях ливов. Это ожерелья, составленные из раковин каури, стеклянных бус, крестообразных подвесок и колокольчиков, а также зооморфные подвески и привески из медвежьих зубов. Ливское культурное влияние выявляется в некоторых деталях орнамента вилайне и в тканых бранном узором целайне (Зариня А. Э., 1980, с. 125—131).

Мужские захоронения селов содержат часто оружие. В погребениях, принадлежащих представителям верхних слоев общества, обнаруживается и большое количество иных вещей. Так, при одном из погребенных в кургане 5 Леясдопелесского могильника найдены кожаный пояс с наплечными ремнями, украшенными бронзовыми накладками, нарукavianик, орнаментированный бронзой, воинский браслет, два наконечника копья, топор и подковообразная застёжка с дугообразной основой, сплетенной из тонкой проволоки. Среди находок этого погребения имелся еще кожаный кошелек с четырьмя серебряными монетами XI в., весами и гирьками. В ногах умершего лежал комплект женских украшений, помещенный как пожертвование.

Второе захоронение этого кургана сопровождалось двулезвийным мечом, топором, наконечником копья и ножом, говорящими о том, что и здесь погребен был воин. При его останках найдены также денежные весы с гирьками.

В погребениях могильника Леясдопелес обнаружена черно-бело-красная или черно-белая роспись на фрагментах предметов из дерева. Они принадлежат щиту или гробу. Аналогичная роспись на деревянных предметах обнаружена в погребениях ливского могильника Лаукскола.

В числе средневековых поселений селов, исследованных археологическими раскопками, прежде всего нужно назвать городище Селпилс (Šnore E., Zariņa A., 1980, 11—45 lpp.). Устроено оно на высоком левом берегу Даугавы и занимает площадку в 4000 кв. м. Раскопками 1963—1965 гг. охвачена пятая часть площади. Культурный слой толщиной 2—3,5 м разделялся на два горизонта. Нижний, более темный горизонт отложился в V—XII вв., верхний принадлежит к периоду постройки и существования на месте укрепленного поселения селов каменного замка Ливонского ордена.

Раскопками нижнего горизонта слоя выявлены остатки вала высотой 0,6 м и шириной 3,6 м. Он был сооружен из песчаного грунта. Жилые и хозяйственные строения сохранились плохо. От жилищ остались лишь печи и очаги. Последние весьма характерны для начального этапа заселения городища. Это каменные кладки в один ярус, до 1 м в поперечнике, овальных или округлых очертаний. Иногда для очагов делались воронкообразные углубления. Очаги встречаются и в вышележащих культурных отложениях нижнего горизонта, однако здесь преобладают печи. Среди последних есть и каменные, и глинобитные. В напластованиях рубежа X и XI вв. зафиксированы остатки срубных построек — жилой размерами 5×5 м и хозяйственной размерами 3×3 м.

Наиболее ранними находками, свидетельствующими о заселенности городища в V—VII вв., являются

ся бронзовый браслет с утолщающимися концами, костылевидная булава, датируемая концом VI в., и железный слабоизогнутый серп.

Заметное место в хозяйственной деятельности обитателей городища принадлежало земледелию, на что указывают найденные при раскопках серпы, мотыги и зернотерка. Обнаружены в нижнем горизонте культурного слоя и орудия ремесла: зубила, сверло, долота, пила, скобели. Найденны также железные пожи, шилья и иглы, костяные проколки, глиняные и каменные пряслица. Предметы вооружения сравнительно немногочисленны — втульчатый наконечник копья, широколезвийный топор и наконечники стрел.

Украшения представлены многочисленными бронзовыми и железными булавами (табл. CXIV, 1, 3, 5), среди которых численно преобладают посоховидные, подковообразными застезками разнообразных типов (табл. CXIV, 20—23), браслетами (табл. CXIV, 28), в том числе со звериноголовыми концами, перстнями, бубенчиками и трапециевидными подвесками (табл. CXIV, 8, 9, 13). Найденны также детали женского головного венчика, состоявшего из бронзовых спиралек и орнаментированных пластинок.

60% керамического материала, собранного при изучении нижнего горизонта Селпилсского городища, составляют фрагменты лепной посуды. Преобладает керамика с шероховатой поверхностью, свыше трети лепной посуды является гладкостенной, около 1% — лощеной. Небольшая часть лепных сосудов орнаментировалась погтевыми вдавлениями или веревочным узором. Керамический материал весьма фрагментарен и не позволяет судить о формах глиняных сосудов. Гончарная керамика принадлежит к типам, распространенным в XI—XII вв. в Латвии и сопоставимым с древнерусской глиняной посудой.

С юга и юго-востока к городищу примыкало укрепленное поселение. Культурные отложения второй половины I и начала II тысячелетия н. э. оказались потревоженными в ходе строительной деятельности в последующее время. Прослежены лишь остатки очагов того же типа, что и на городище.

Другим объектом раскопок были городище и селище в Ступели (АО 1976 г., с. 440, 441; АО 1977 г., с. 450, 451; АО 1978 г., с. 474, 475; АО 1979 г., с. 393). Этот комплекс поселений являлся экономическим и административным центром одной из округ на территории расселения селов.

Здесь интересные результаты были получены при раскопках неукрепленной части поселения, которое дугообразно охватывало подножие городища. Общая площадь селища свыше 3 га. Культурный слой памятника имел толщину от 0,8 до 1,4 м. Он был насыщен углями, фрагментами глиняной обкладки стен и многочисленными пережженными камнями. Консистенция слоя свидетельствует о плотной застройке поселения и многократных пожарах, уничтожавших деревянные сооружения.

Установлено, что жилые и хозяйственные постройки были срубными, но размеры и планировку их выяснить не удалось. Отапливались жилища глинобитными печами или очагами. От некоторых печей

сохранились остатки обвалившихся куполообразных сводов, сделанных из глины, глинобитные поды (иногда в два-три слоя, что связано с ремонтом отопительных устройств) и кольцевые обкладки оснований из камней небольших размеров. Печи эти имели округлую форму. Будучи сопоставимыми с латгальскими, они отличаются от последних несколько меньшими размерами.

При устройстве очагов делалось незначительное углубление в грунте, которое выкладывалось мелкими камнями. Небольшое число очагов имело углубления (до 0,3—0,4 м), выложенные средними и крупными камнями. Единичные очаги делались из глины.

Ступельское городище является типичным укрепленным поселением селов. Согласно исследованиям А. Я. Стубавса, для Аугшземе характерны городища типа А, устроенные на отдельно стоящих холмах округлой формы, с кольцевой системой укреплений (Stubavs A., 1974a, 76, 77 lpp.).

Городище в Ступели двухслойное: оно было заселено в эпоху раннего железа (I тысячелетие до н. э. — начало нашей эры) и в X—XII вв. В средневековье площадка городища была плотно застроена срубными постройками. Отапливались жилища очагами и глинобитными печами тех же типов, что на селище. На городище открыто еще несколько печей-каменок.

Оборонительные сооружения городища исследованы слабо. На южном краю городищенской площадки раскопками вскрыты остатки однорядной деревянной стены, укрепленной короткими поперечными стенками. В северо-восточной части городища зафиксировано какое-то каменное основание укреплений.

При исследованиях городища и селища обнаружено большое количество вещевых находок. Среди них имеются предметы, свидетельствующие о ремесленной деятельности обитателей Ступельского поселения. Это тигли, зубило, гравировальный инструмент, железные шлаки. Найденны также железные пожи, шилья, иглы, серпы, глиняные, каменные и костяные пряслица. В числе предметов вооружения имеются наконечники копий и стрел, встречены также шпоры и удила. Но наиболее многочисленную группу находок составляют украшения — большое количество железных посоховидных булавок, подковообразные застезки, перстни, браслеты, в том числе со звериноголовыми концами, бронзовая крестовидная фибула с плакировкой из олова, трапециевидные подвески. Обнаружены также костяные двухсторонние и односторонние гребни, в том числе с орнаментированными футлярами, подвески из медвежьих клыков, пряслица из волынского шифера, стеклянные и янтарные бусы, раковины каури.

Керамический материал поселений состоит из фрагментов гончарной и лепной посуды. Последняя имеет гладкие или шероховатые стенки и нередко орнаментирована различными комбинациями погтевых зашпиров.

Близ северо-западного края Ступельского селища исследовано культовое место. Центральную часть его составлял огромный камень со следами огня, занимавший площадь 28 кв. м. Его ограждал узкий

ровик. Восточнее камня обнаружена значительных размеров овальная глиняная площадка с обожженным пятном в центре диаметром 1,45 м. Исследователь памятника А. Я. Стубавс полагает, что это место жертвоприношений, совершаемых при коллективных языческих обрядах. «Жертвовали» различные вещи: посоховидные булавы, браслеты и др. Первоначально это были целые предметы, в более позднее время их стали преднамеренно ломать. Датируется культовое место X—XII вв.

Средневековые селища селов известны в основном по разведывательным обследованиям. Для характеристики топографии, размерности и застройки их данных пока нет. Одно из поселений, расположенных на первой надпойменной террасе Даугавы в 0,5 км от Леясдупелесского могильника, занимало площадь в 4 га. При его раскопках выявлены несколько очагов того облика, что и на Ступельских поселениях, и столбовые ямы. Обнаружены остатки сыродутного горна с железными шлаками. Вещевые находки и керамика свидетельствуют, что поселение существовало во второй половине I и начале II тысячелетия н. э.

Селище на острове оз. Кригану занимало площадь около 2700 кв. м. Толщина культурного слоя 0,4—0,6 м. Раскопками 1978 и 1979 гг. вскрыто свыше 800 кв. м площади поселения. Средневековые напластования делятся на два горизонта. Нижний горизонт, относящийся к V—IX вв., характеризуется лепной керамикой, среди которой преобладает гладкостенная, но встречается также шероховатая и лощеная. Жилые постройки — наземные, срубные, ставились на подкладках из камней. Одна из построек имела глинобитный пол. Отапливались жилища очагами того же типа, что описаны при характеристике Ступельских городища и селища. В нижнем горизонте слоя найдены железные ножи, серпы, косы-горбуши, каменные зернотерки, глиняные пряслица. Среди украшений имеются посоховидные булавы и спиральный браслет. Найдено также блоковидное каменное огниво.

Горизонт культурных отложений X—XII вв. характеризуется такими же постройками. Керамика лепная того же облика и гончарная, составляющая около 10%. Вещевые находки представлены железными черешковым наконечником копья и посоховидной булавкой, бронзовыми подковообразными застегивками с маковидными головками, спиральным перстнем, браслетом со стилизованными звериными концами и др.

В хозяйстве обитателей Криганского поселения важное место занимало рыболовство, о чем говорят находки глиняных грузил для сетей. Занимались также земледелием и скотоводством. О домашнем производстве в ювелирном деле свидетельствует находка полуфабриката бронзовой подвески в виде двухголовой птички, отлитой в глиняной форме по восковой модели.

Селы вместе с латгалами и земгалами сыграли значительную роль в этногенезе латышской народности. Южные районы расселения селов оказались в орбите влияния культур литовских племен. Не исключена миграция литовских племен в области расселения селов в Дигнае. Однако археологически этот процесс еще не изучался.

Земгалы

Земгалы (Зимегола) без указания географических координат называются в перечне племен этнографического введения «Повести временных лет» (ПВЛ, I, 1950, с. 10, 13). Под 1106 г. русские летописи рассказывают о неудачном военном походе на земгалов полоцких князей Всеславичей (ПСРЛ, I, 1962, стлб. 281).

К XI в. относятся сведения о земгалах (*simkala*) в скандинавских рунических надписях на камнях, на медной коробочке, а также в сагах. Судя по надписи, высеченной на Мерваллском камне (1020—1060 гг.), скандинавские купцы часто плавали на кораблях с дорожными товарами в Земгалию (Мельникова Е. А., 1977, с. 77, 78, 207, 208, рис. 29). В захоронении на берегу оз. Меларен близ Сигтупы была найдена медная коробочка, предназначенная для хранения весов и гирек. Надпись, выполненная на крышке этой коробки, гласит, что Дьярв (очевидно, купец) получил эти весы у земгала (Мельникова Е. А., 1977, с. 104, 105). *Semgala* упомянута также в «Саге об Ингваре-путешественнике», относящейся к 1035—1041 гг. Сообщается, что Ингвар совершил поездку к этому народу для сбора дани.

Начиная с XIII в. земгалы нередко описываются в немецких хрониках (Генрих Латвийский, 1938) и других источниках, в которых имеются сведения для локализации этого племени. Вся информация о земгалах, имеющаяся в документах XIII—XVII вв., была собрана и проанализирована А. Биленштейном (*Bielenstein A.*, 1892). Исследователь показал, что основным регионом расселения земгалов был бассейн Лиелупе. На карте, составленной А. Биленштейном, были локализованы все главные земли этого племени и их центры.

Научные археологические раскопки памятников Земгале начаты в 80—90-х годах XIX в. В 1886 г. К. Бой, Т. Кайзерлинг и Э. Шмидт начали раскопки грунтового могильника IX—XII вв. в Вецсаулес Чапаны (Альт-Раден), давшие многочисленные вещевые материалы. В 1892 г. исследование этого памятника было продолжено Ф. Брауном (*RK, Abb. 450—468*). В 90-х годах изучался также могильник Яунамулжа (*RK, Abb. 536*). В 1895 г. К. Бой раскопал 27 погребений в могильнике Циемаalde (*Boy K.*, 1896). В 1892 г. А. Биленштейн и Р. Гаусманн произвели раскопки на городище Тервете (*Hausmann R.*, 1893, S. 25, 26). Первые шурфы и траншеи на этом памятнике А. Биленштейном были заложены еще в 1866 г. (*Bielenstein A.*, 1884a, S. 121, 122).

К началу XX в. относятся раскопки А. Бухгольцем могильника Плявниекалн (*Buchholtz A.*, 1902, S. 41—47), исследования К. Шилингом и Б. Холандером на могильнике Калнасавелас (*Sb. Rig.*, 1900; 1903) и менее значительные работы.

Собранные материалы позволили Р. Гаусманну сделать первый обзор земгальских древностей (*Hausmann R.*, 1909, S. 41—43; 1910, S. 18—20). Археологические памятники земгалов получили характеристику и в сводной работе М. Эберта (*Ebert M.*, 1913).

Значительные полевые работы по изучению земгальских древностей произведены латышскими ар-

археологами в 20-х и особенно в 30-х годах XX в. Были продолжены раскопки могильников. Наиболее значимые исследования велись Э. Штурмсом и Ф. Озолиньшем в 1926 г. в Балясе, где вскрыто 67 захоронений, и в Оши, где изучено 73 могилы (Šnore R., 1929, 169–179 lpp.), Ф. Якобсоном в 1927 г. — в могильнике Усини, а в 1928 г. в Пляв-никкалне (Jākobsons F., 1929, 10 lpp.). Из многочисленных раскопок 30-х годов можно назвать работы 1931 и 1932 гг. Исторического музея Латвии на могильнике Стури, исследования 1938 и 1939 гг. под руководством К. Ошса в Подини, изыскания тех же лет на могильнике около городища Межотне (Ginters V., 1939a, 94–96 lpp.) и работы П. Степиньша 1938 и 1940 гг. по изучению могильника Русиши-Дебеши (Stepiņš P., 1939, 14–16 lpp.). Впрочем, и эти работы незначительны.

Исследовались и поселения земгалов. Каталог городищ Земгалии был опубликован еще в 1926 г. (Brastinš E., 1926). В 1933–1937 гг. экспедиция Исторического музея Латвии производит значительные археологические раскопки на Даугмальском городище. В 1938–1940 гг. под руководством В. Гинтерса велись изыскания на городище Межотне (Ginters V., 1939a, 69–94 lpp.; 1939b, 15–45 lpp.).

Историческое осмысление собранных к тому времени археологических материалов по земгалам принадлежит Ф. Балодису (Balodis Fr., 1938, 112–210 lpp.).

Новый этап в изучении памятников археологии земгалов начался после окончания второй мировой войны. Археологи Советской Латвии регулярно ведут полевые изыскания в земгальском регионе, в результате чего фонд источников увеличился в несколько раз. Самое серьезное внимание было уделено раскопкам поселений. Уже в 1951–1953 гг. под руководством Э. П. Бривкалне производятся раскопочные работы на селище при городище Тервете и на его предградьи. В 1954–1960 гг. в широком масштабе исследуется само городище (Бривкалне Э. П., 1959, с. 254–272; Brīvkalne E., 1959, 35–39 lpp.; 1964, 85–104 lpp.). В 1953 г. параллельно изучался могильник, расположенный по соседству, в котором было раскопано 27 захоронений.

Значительные результаты были получены в результате раскопочных работ на Даугмальском городище, произведенных в 1966–1970 гг. под руководством В. А. Уртана. До X в. поселение принадлежало земгалам. Расположенное на берегу Даугавы, главной водной артерии древней Латвии, оно привлекало к себе переселенцев из других земель и стало разноплеменным поселением. Рядом с городищем расположено неукрепленное поселение, которое также исследовалось раскопками. Пока опубликована лишь предварительная информация о результатах раскопок даугмальских памятников (АО 1967 г., с. 274, 275; АО 1968 г., с. 370, 371; АО 1969 г., с. 328, 329; АО 1970 г., с. 342, 343; Urtāns V., 1967, 41, 42 lpp.; 1968a, 77–80 lpp.; 1969a, 89–96 lpp.; 1969b, 55–57 lpp.; 1970a, 67–69 lpp.; 1971, 56–58 lpp.).

В 1969 и 1970 гг. М. К. Атгазисом проведены раскопки посада Межотне и грунтового могильника, расположенных напротив городища на древнем русле Лиелупе; тогда было исследовано 90 погребений

(АО 1969 г., с. 332, 333; АО 1970 г., с. 336, 337; Atgāzis M., 1970b, 41–46 lpp.; 1971b, 27–30 lpp.).

М. К. Атгазис производил полевые изыскания и в других местах земли земгалов (Atgāzis M., 1966, 17–19 lpp.; 1967, 25–27 lpp.; 1968a, 53–55 lpp.; 1969a, 37–41 lpp.; 1970a, 37–41 lpp.; 1971a, 30, 31 lpp.; 1973, 17–19 lpp.). Заслуживают внимания разведывательные работы по выявлению открытых поселений (АО 1977 г., с. 441; АО 1980 г., с. 366). Уделил внимание исследователь и раскопкам могильников. В 1976 г. изучался могильник Кюры в 5 км юго-западнее Тервете (АО 1976 г., с. 432, 433), а в 1979 и 1980 гг. раскапывался могильник Баляс-Шкерстайни, в котором вскрыто 46 погребений (АО 1979 г., с. 384; АО 1980 г., с. 365, 366).

Могильники земгалов раскапывались в последнее время также Я. Я. Граудонисом, А. В. Цауне и И. В. Дайгой. Первый исследователь в 1977–1979 гг. вскрыл 78 погребений в грунтовом могильнике Миклас калн, расположенном при впадении р. Ислице в Лиелупе к северу от хут. Какужсны в Елгавском р-не (АО 1977 г., с. 444; АО 1978 г., с. 467; АО 1979 г., с. 386).

Ряд могильников земгалов находится на территории Литвы. Среди них можно упомянуть могильник Линксмучай, исследованный в 1948 и 1949 гг. Р. Куликаускене и датированный VII–XI вв. (Volkaitė-Kulikauskėnė R., 1951, psl. 279–314).

В коллективном труде «Археология Латвийской ССР» древностям земгалов X–XII вв. посвящен небольшой раздел, написанный М. К. Атгазисом (Latvijas PSR arheologija, 1974, 204–217 lpp.). Этому же автору принадлежит интересное исследование по этнической истории земгалов, в котором большое внимание уделено курганам с каменными венцами I–IV вв. н. э., преимущественно связанными со средневековыми могильными древностями этого племени (Атгазис М. К., 1980, с. 89–101).

Курганы высотой 1–2 м и диаметром 5–15 м образуют обычно сравнительно небольшие группы. Каждая насыпь содержит по нескольку захоронений по обряду трупоположения (до 28). Располагаются они на различных уровнях насыпи, в основании, в неглубоких подкурганых ямах. Для этих курганов весьма характерен венец из крупных валунов, сложенный на материке. Он опоясывает срединную часть насыпи, в которой находятся погребения. Курганы с каменными венцами относятся в основном к I–IV вв., а в отдельных местах доживают до VI в. Ареал их обширен — он захватывает среднюю Латвию и значительные части центральной Литвы.

Еще в 30-х годах XX в. на основе анализа погребальной обрядности и вещевых материалов этот массив памятников был дифференцирован исследователями на несколько локальных групп. В частности, на территории Латвии выделяются западная и восточная группы курганов с каменными венцами (Balodis Fr., 1938, 104–111 lpp.). Исследователи не сомневались, что западная группа этих курганов, занимавшая бассейн Лиелупе, за исключением правых притоков Мемеле, оставлена предками земгалов (Моора Х. А., 1952, с. 17; Ванкина Л. В., Граудонис Я. Я., Шноре Э. Д., 1964, с. 6, 7; Моора Н., 1952, 71, 75 lpp.). Область курганов с каменными венцами севернее нижнего течения Даугавы,

т. е. юго-западные части Видземе, на основе языковых материалов исследователи также относят к предкам земгалов (Моора Х. А., 1958, с. 31, 32; Атгазис М. К., 1980, с. 92, 93).

С V в. в бассейне Лиелупе и в юго-западной Видземе курганный обряд погребения исчезает. Он постепенно сменяется грунтовыми захоронениями. Наблюдается генетическая преемственность между этими древностями, исключая предположение о миграции сюда в то время нового населения. Обряд погребения — труположение — остается прежним. В некоторых грунтовых могилах сохраняется венец из камней. Прослеживается постепенное развитие украшений, орудий труда и прочих элементов культуры.

Эволюция обрядности и материальной культуры земгалов на протяжении от V до XIII в., когда принадлежность древностей этому племени определяется письменными источниками, не имеет каких-либо перерывов или скачков (табл. CXV).

В V—VII вв. вырисовываются племенные особенности земгалов, очевидно свидетельствующие об их сложении как отдельной этнической группировки балтов.

Для земгалов, впрочем, как для латгалов и селов, характерна противоположная ориентировка погребенных. Мужчин хоронили в основном головами на восток, женщин — на запад. В X—XII вв. женские погребения ориентируются преимущественно на север — северо-запад или на север, мужские — в противоположном направлении. Мужским захоронениям земгалов свойственно присутствие оружия и орудий труда, в женских обычно встречаются украшения.

Характерным женским головным убором земгалов был жгутовый (или спиральный) венок. Он состоял из массивных трубкообразных спиралей, нанизанных на лыковый жгут, который предварительно обматывался шерстяной пряжей. На затылке он имел своеобразную «косу», сделанную из спиралек в несколько разветвлений. Подобные головные венки характерны также для латгалов и селов. От последних земгальский головной убор отличается массивными скреплениями.

Распространенным украшением земгальских женщин были бронзовые шейные гривны. Пользовались типами, встречаемыми и среди других балтских племен. В V—VII вв. чаще иных бытовали гривны с утолщенными и фасетированными концами (табл. CXVI, 3) а в VII—XI вв. — с петлей на одном конце и пуговицеобразным утолщением или крючком на другом (табл. CXVI, 14) и с неравномерно тордированным стержнем (табл. CXVI, 11). Нередки в земгальских древностях также гривны с седловидными концами и дровые в три-четыре оборота.

Распространенной принадлежностью женской одежды земгалов были бронзовые булавки. Для V—VI вв. свойственны булавки с конусообразной головкой (табл. CXVI, 6, 11), к V—VIII вв. относятся булавки с профилированной головкой (табл. CXVI, 12), к VI—VII вв. — с колесообразной, дополненной треугольником. В памятниках VI—XI вв. встречаются булавки с треугольной головкой, а VI—XIII вв. — с крестовидной головкой. На основе последних эволюционировали крестовидные

булавки, получившие широкое распространение среди эстов. Земгальские булавки нередко являлись составной частью нагрудного украшения из бронзовых цепочек.

Все названные типы булавок не были собственно земгальскими. Этнически определяющими для этого племени являлись булавки с кольцевидной головкой (табл. CXVI, 7), ставшие характерной деталью украшений земгальской женщины.

Распространены были среди земгалов также пластинчатые браслеты и различные подковообразные застежки (табл. CXVI, 25).

Собственно земгальскими можно считать массивные бронзовые браслеты с треугольным ребром посередине (табл. CXVI, 23), относящиеся к V—VIII вв. Они стали прототипом манжетобразных браслетов (табл. CXVI, 21), которые получили весьма широкое бытование среди земгалов и жемайтов и в меньшем количестве проникали к латгалам.

Для мужских погребений земгалов характерны железные втульчатые топоры, втульчатые наконечники копий, пещни и косы. Изредка в этих захоронениях встречаются кресала и точильные бруски. При женских труположениях обнаружены железные мотыги (табл. CIX, 4), серпы, шилья и пряслица из песчаника.

На основании рассмотренных данных территория земгалов определяется как бассейн р. Лиелупе с прилегающими к нему районами (карта 44). Западная граница ее простирается до р. Вента, охватывая бассейны рек Муша и Левуо. Здесь соседями земгалов были курши. Древности последних в целом заметно отличаются от земгальских, но имеются и общие элементы. Так, например, названные выше втульчатые топоры, мотыги, косы и пряслица встречаются также в погребальных памятниках куршей.

На юге земгалы вплотную соприкасались с жемайтами. Граница между ними проходила приблизительно по линии Шауляй — Папиле — Мажейкяй (Таутавичюс А., 1968в, с. 63). Бассейн р. Нявежис принадлежал уже жемайтам. В течение всей второй половины I тысячелетия н. э. наблюдается близость культуры земгалов и жемайтов. Последние также ведут свое начало от племен, оставивших курганы с каменными венцами. Среди древностей жемайтов имеются жгутовые головные венки, очень распространены манжетовидные браслеты, встречаются общие типы предметов вооружения, в частности короткие широкие боевые ножи (Атгазис М. К., 1980, с. 97, рис. 4). Погребальный обряд и инвентарь позволяют утверждать, что земгалы и жемайты были во второй половине I тысячелетия н. э. близкими по культуре родственными племенами. В дальнейшем различия в обрядности увеличиваются — в среде жемайтов получили распространение трупосожжения и погребения с конями.

Восточными соседями земгалов были селы. Это также были родственные племена. Между ними обнаруживается целый ряд общих элементов, но в заметной меньшей степени, чем между земгалами и жемайтами. Как и у земгалов, в среде селов доминирует противоположная ориентация умерших и близкие типы украшений, но погребениям селов свойствен своеобразный набор предметов вооружения и орудий труда (проушные топоры, черешковые наконеч-

ники копий и др.). Граница между жемайтскими и селами проходила несколько восточнее линии Паневежис — Пасвалис.

Как уже отмечалось, на севере ареал жемайтов захватывал юго-западную часть Видземе, берега р. Гауи. Здесь известны грунтовые могильники VI—VIII вв. с материальной культурой земгалского облика. Однако как мужские, так и женские погребения здесь ориентированы на северо-запад, что исследователи объясняют влиянием прибалтийско-финской традиции. В самом начале II тысячелетия н. э. наблюдается сужение территории земгалов. В Видземе и в нижнем течении Даугавы в X—XII вв. имело место взаимодействие культур земгалов и ливов. Господствующим этническим элементом в этом регионе стало ливское население.

Материалов для подробной характеристики рядовых неукрепленных поселений ареала земгалов пока не имеется. Систематических разведок и раскопок селищ здесь не производилось. Имеющиеся сведения, собранные в процессе полевых работ, прежде всего М. К. Атгазиса, невелики и малоинформативны для обобщений.

Можно только утверждать, что неукрепленные поселения были наиболее распространенной формой расселения основной массы земгалов. На одном из таковых, Ведмерском селище, расположенном недалеко от Даугмале, раскопками исследована крестьянская усадьба середины I тысячелетия н. э., ограниченная изгородью. В наземном жилище площадью около 20 кв. м имелся очаг. Около последнего собраны фрагменты лепной керамики с облитой, зашпильной, а также гладкой и лощеной поверхностью (АО 1968 г., с. 371).

Ко второй половине I тысячелетия н. э. относятся единичные городища, которые также пока не стали объектами систематического исследования.

Хорошо изучены городища земгалов в Межотне, Тервете и Даугмале. Раскапывались также примыкающие к ним неукрепленные части поселений — посады.

Городище Тервете устроено на мысовой части возвышенности правого берега р. Тервете (табл. CIV, 1). Площадка его невелика — 1000 кв. м. Склоны холма, на котором сооружено городище, искусственно круто подправлены, имеют высоту 12—19 м. С напольной стороны площадка городища защищена валом высотой 7—8 м и рвом. За рвом располагалось предградье (форбург) площадью 2000 кв. м. С напольной стороны его ограждал ров. Раскопками установлено, что перед рвом была устроена оборонительная стена из бревенчатых срубов, обмазанных глиной. За рвом форбурга и у подножия городища располагались неукрепленные части поселения.

Тервете был политическим, военным и торгово-ремесленным центром западной части Земгале. Он неоднократно упоминается в Хронике Генриха Латвийского (Генрих Латвийский, 1938, с. 275—277, 389, 390) и в «Рифмованной хронике» (Livländische Reimchronik, 1876, S. 39, 40, 123, 124, 184, 197—200, 207, 214, 219—221, 227—231). По этим источникам известно, что в начале XIII в. Тервете правил князь земгалов Вьестарт. В 30-х годах XIII в. в окрестностях Тервете происходили сражения с вторгшимися в землю земгалов войсками Ливонского ордена.

В 1339 г. на месте сожженного земгалского поселения Ливонским орденом был сооружен каменный замок, позднее неоднократно подвергавшийся разрушению.

Археологическими раскопками вскрыта значительная часть площадки городища, небольшие работы были проведены в форбурге и в неукрепленной части поселения (Бривкалне Э. П., 1952, с. 254—272; Brīvkalne E., 1959, 35—39 lpp.; 1964, 85—104 lpp.).

Наиболее ранние находки на городище Тервете — золотая пластинка от арбалетной фибулы с кольцами, железный серп и точильный камень — датированы Э. П. Бривкалне V—VI вв. Вероятно, в это время поселение было обнесено бревенчатой стеной, следы от столбов которой раскопками исследованы.

Остатки сгоревшей деревянной стены выявлены и в слое XIII в. Они зафиксированы по периметру городищенской площадки на расстоянии 4 м от края. Э. П. Бривкалне полагает, что ближе к краю находилась еще одна стена, и, таким образом, оборонительная система была двухрядной. В том же слое расчищен каменный фундамент четырехугольных очертаний размерами от 2,6×3,5 до 3×4 м и высотой до 0,9 м. Стены его шириной 0,45 м сложены из крупных доломитовых и валунных камней на глиняном растворе, а пространство посередине заполнено рваными камнями меньших размеров. Исследователь памятника полагает, что на этом фундаменте была сооружена деревянная башня, от которой сохранились обгоревшие остатки с железными гвоздями.

На городище в слоях XII—XIII вв. изучены остатки жилых и хозяйственных построек. Подобные строения открыты и раскопками форбурга. Размеры их 6×4 или 6×5 м. Все они срубные, с деревянными полами. Стены срубов промазывались глиной. Некоторые постройки имели фундаменты, сложенные из камней на глиняном растворе. Одна постройка опиралась на невысокие (0,4 м) столбы, сооруженные из камня. Внутри стены жилищ иногда обмазывались глиной, которая наносилась непосредственно на отесанные бревна или же на тонкие прутья, прикрепленные к бревнам. При раскопках на городище найдены орнаментированные куски штукатурки, датируемые XIII в. На одном из них изображена голова мужчины, играющего на свирели. Отмечены индивидуальные черты лица, волосы и одежда. Выполнен рисунок простыми штрихами.

Исследованные в Тервете печи принадлежат к трем различным типам. Наиболее многочисленными были глинобитные печи. Своды их не сохранились. Основания таких печей представляли собой массивы обожженной глины поперечником около 1—1,5 м. Только основание печи, изученной в мастерской бронзолитейщика, выделялось более крупными размерами (3×1,4 м). Некоторые глиняные печи имели каменное основание, которое промазывалось глиной, образуя под, но большинство таких печей устраивалось без применения камня. Глинобитные печи датируются в Тервете XI—XIII вв.

К XII—XIII вв. относятся также печи-каменки. Одна из таких печей имела глиняный под на каменном основании, лежащем на деревянном настиле. В одной из построек, исследованной на городище, открыта печь, сложенная из кирпича внутри и свер-

ху. Под ее был глиняным. Снаружи печь была облицована камнем. Связующим раствором служила глина. Размеры печи в основании $2,6 \times 2$ м.

В ряде построек печи занимали срединное положение. Однако из-за небольшого числа исследованных жилищ утверждать, что такое положение печей закономерно для Тервете, было бы преждевременно.

Вторым крупным экономическим и культурным центром земгалов был Межотне. Это центр одного из округов восточной части Земгале, именуемой Упмале. В Хронике Генриха Латвийского он упоминается неоднократно (Генрих Латвийский, 1938, с. 1—67). Овладев Межотне, немецкий орден приобрел важный опорный пункт в Земгале. Исследователи отождествляют Межотне с городом Медсуна, описание которого имеется в сочинении арабского географа XII в. Идриси (Relewel J., 1853, S. 223; Ekblom R., 1931, S. 67; Endzelīns J., 1932, 283 lpp.). Медсуна, судя по этому описанию, был крупным многонаселенным городом.

Комплекс межотненских археологических памятников включает городище, неукрепленную часть поселения (посад), древию гавань и два грунтовых могильника. Межотненское городище расположено на левом берегу р. Лиелупе в 10 км ниже г. Бауска (табл. CIV, 4). Оно укреплено двумя рядами валов высотой 2,7 и 8 м и рвом. Площадка городища занимает 3500 кв. м. С трех сторон к нему примыкали неукрепленные части поселения, занимавшие общую площадь до 13 га.

Археологические раскопки на городище и посаде производились в 1938—1940 и 1942 гг. (Gintars V., 1939a, 64—94 lpp.; 1939b, 15—45 lpp.; Brīvkalne E., 1960, 61—78 lpp.) и в 1969—1970 гг. (Atgāzis M., 1970b, 41—46 lpp.; 1971b, 27—30 lpp.). На площадке городища исследован очень небольшой участок, прорезаны траншеи укрепления в западной части поселения. Установлено, что впервые земляной вал высотой 3 м был насыпан на городище в VIII—IX вв. При его сооружении использовались для плотности деревянные настилы. Прослежено пять ярусов настилов, которые разделяли шесть слоев земли. На валу была устроена оборонительная стена из бревенчатых срубов. Внешняя сторона вала была укреплена вертикально поставленными бревнами, обмазанными слоем глины; с внутренней стороны подножие вала также было защищено частоколом.

На следующих этапах оборонительные сооружения неоднократно реконструировались. Вал наращивался в высоту из глины и земли с использованием павалов из бревен. В XI в. внешний склон вала был подрезан и стал очень крутым. Одновременно была обновлена стена из вертикально стоящих бревен, покрытых слоем глины. На вершине вала имелись сооружения, построенные из двух рядов бревенчатых стен, связанных поперечными, также бревенчатыми перегородками, которые рубились «в обло».

В северной части городища раскопками исследованы въездные ворота, относящиеся к XI в. Это был проем в валу, стены которого были сделаны из толстых бревен, поставленных вертикально, а сверху устроен накат из таких же бревен. Рядом с проходом на вершине вала стояла башня, основу которой составлял бревенчатый сруб больших размеров.

Все исследованные раскопками постройки были

срубными. На городище одно из жилищ имело размеры 8×6 м, два — 5×4 м. В неукрепленной части поселения постройки имели несколько меньшие размеры — около 4×4 м. Стены жилищ обмазывались глиной, полы были деревянными. Исследователи памятника полагают, что жилые постройки имели двухскатные соломенные крыши. Глинобитные печи обычно примыкали к одной из стен жилищ. В слоях неукрепленной части поселения, относящихся к XI в., открыты остатки разрушенных очагов в виде черного слоя с обожженными камнями.

Городище Даугмале расположено на левом берегу р. Даугава напротив Саласпилса. Оно занимает площадь 3800 кв. м. Устроено на высоком всхолмлении при впадении р. Варжупите. Защищено дугообразным валом, протянувшимся на 70—80 м и имеющим высоту до 7 м. К городищу примыкает неукрепленная часть поселения площадью около 2 га и древняя гавань на Даугаве. Археологические раскопки на городище велись в 1933 и 1935—1937 гг. (SM, 1936, 1, 33—35 lpp.; 4,87—104 lpp.), а в 1966—1970 гг. они были продолжены В. А. Уртаном, исследовавшим и неукрепленную часть памятника.

На площадке городища раскопками изучены следы нескольких жилищ. Постройки X—XII вв. преимущественно наземные, срубные. Но имеются и жилища с опущенным в грунт полом — они углублены на 0,2—0,4 м. Один дом XI—XII вв. был двухкамерным, с погребом-подпольем. Строились срубы из сосновых бревен. Отапливались они при помощи глинобитных и каменных печей. Встречаются и очаги. Отмечено, что в двух постройках очаги занимали срединное положение. О деталях других жилищ из-за плохой сохранности остатков их говорить не приходится.

Много внимания уделялось раскопчным исследованиям укреплений Даугмальского городища. Прорезкой семиметрового вала установлено, что деревянные части его строились и горели 14 раз. Сначала поселение было защищено бревенчатой стеной. Позднее насыпан невысокий песчаный вал, на вершине которого проходила изгородь из кольев и горизонтально вплетенных между ними жердей. Радиокарбонный анализ показал, что 12-й слой датируется III в. н. э. В последующее время вал постоянно достраивался. В X—XII вв., когда городище становится важным торговым и ремесленным центром, на вершине вала сооружаются бревенчатые каркасообразные стены. Склоны вала были укреплены камнями или бревнами, присыпанными землей. За валом был сооружен глубокий ров.

Исследования были въездные ворота — проезд шириной 3 м. В XII в. по обеим сторонам въезда с внешней стороны городища были сооружены две башнеобразные бревенчатые постройки. Их основаниями были каменные вымостки размерами 4×4 и 3×3 м. В вымостки были заложены культовые припошения (серебряный перстень и бронзовый браслет). Исследована также дорога, проходящая через въездные ворота и посад к гавани на р. Даугава. Она четыре раза мостилась камнем, а по сторонам дороги стояли крупные гранитные камни.

Даугмале выдержало многократные нападения вражеских сил. В самом конце XII в. оно прекратило свое существование. В XI—XII вв. это поселение,

осуществлявшее торговые связи по Двинско-Днепровскому и, вероятно, по Двинско-Волжскому путям, имело смешанный этнический состав. Здесь жили земгалы и ливы. Посещали его и останавливались здесь, и вероятно не на короткое время, представители других племен, в том числе не исключено, что норманны и славяне.

Богатые материалы, полученные в результате раскопок поселений, предоставляют возможность обстоятельно охарактеризовать хозяйственную деятельность, быт и культуру земгалов.

Основу их хозяйства составляли земледелие и скотоводство. Железный серп, найденный на упомянутом Ведмерском селище середины I тысячелетия н. э., принадлежит к изогнутым ножевидным орудиям, распространенным в это время на территории Латвии. Железный серп VI в. найден также при раскопках в Тервете. В числе погребального инвентаря земгальских могильников второй половины I тысячелетия н. э. и первых веков II тысячелетия н. э. встречаются железные косы. Большое количество кос, которые могли применяться и для кошения травы, и при жатве хлебных растений, обнаружено при раскопках поселений. На поселениях также неоднократно найдены железные косари и мотыги, свидетельствующие о заметной доле подсечного и залежного земледелия. Мотыги встречены в погребениях женщин-земгалок. С XI в. получает развитие пашенное земледелие. Судя по увеличению удельного веса ржи, наряду с двупольной известна была и трехпольная система земледелия, что свидетельствует о все большем значении земледелия.

На поселениях земгалов второй половины I тысячелетия н. э. преобладают зерна ячменя с редкой примесью яровой ржи, пшеницы, овсяга и проса. На городище Тервете в слоях XI—XIII вв. обнаружены зерна ячменя, ржи, пшеницы, овса, гороха, бобов, проса, а также семена репы и мака. На земгальских пашнях того времени преобладающей культурой был ячмень (он составляет от 6 до 43% среди находок зернового материала), далее идут рожь и пшеница, просо, горох, бобы. На ряде поселений обнаружены также семена льна (Расиньш А. П., 1959, с. 319).

Постепенно возрастала роль скотоводства. Преобладали крупный рогатый скот и свиньи, меньшее значение имел мелкий скот. Лошадь использовалась как тягловая сила в пашенном земледелии. Находки удила и шпор свидетельствуют о том, что лошадь использовалась и для верховой езды, и в военных целях.

Одним из источников питания была охота. Osteологический материал говорит об охоте на лося, кося, бобра и кабана. Охотились и на пушных зверей. Заметная роль принадлежала рыболовству. Среди находок на поселениях имеются железные рыболовные крючки различных размеров, остроги, гарпуны и грузила для сетей.

Основные центры земгалов, охарактеризованные выше, были в значительной степени ремесленно-торговыми поселениями. Железо получали из местной болотной руды. На Даугмальском городище около вала были открыты остатки сыродутного горна. На поселениях нередко находят находками являются крицы, шлаки и полуготовые кузнечные изделия. Неод-

нократно найдены были и орудия для обработки металла — молотки, зубила, напильники.

Железные изделия являются одними из самых распространенных. Среди них имеются и бытовые предметы (ключи, замки, ножи, шилья, ножницы, кресала и т. п.), и орудия труда (топоры, долота, скобели и др.), и предметы вооружения (наконечники стрел, дротиков и копий).

На городищах Тервете и Даугмале зафиксированы остатки бронзолитейных мастерских — бронзолитейная печь XIII в., тигли, льячки, многочисленные литейные формочки, бронзовые и серебряные обрезки, полуфабрикаты бронзовых изделий. Литейные формочки из Тервета исследованы Э. П. Бривкалне (Brīvkalne E., 1964, 87—93 lpp.). В Тервете вскрыты также остатки мастерской по изготовлению каменных литейных форм. При раскопках этого памятника обнаружен кожаный пояс, украшенный металлическими орнаментированными оковками. Эта находка дает некоторое представление о земгальском прикладном искусстве. На поселениях земгалов найдены также орудия труда ювелиров — молоточки, пинцеты, зубильца и др.

Имеются основания предполагать наличие в Земгале косторезного ремесла; изготавливались здесь и некоторые типы стеклянных бус.

Глиняная посуда земгалов во второй половине I тысячелетия н. э. — лепная, слабопрофилированная, с шероховатой поверхностью. Изредка на поселениях встречается и штрихованная посуда. Такая керамика бытовала здесь и в XI—XIII вв. Вместе с тем в слоях этого времени присутствует и гончарная керамика древнерусского облика. Однако изготавливалась она, нужно полагать, на месте. На Даугмальском городище обнаружены гончарная печь начала XII в. и гончарная керамика с клеймами на днищах.

Земгалы поддерживали культурные и торговые связи с соседними балтскими племенами, а также с эстами и ливами, поэтому в памятниках земгалов встречаются украшения и другие предметы из соседних земель. В XI—XIII вв. устанавливаются торговые и культурные контакты с Древней Русью, в результате чего к земгалам попадают многие изделия восточнославянского ремесла (Мугуревич Э. С., 1965). Из древнерусских земель поступали шиферные пряслица, бронзовые крестики, некоторые типы бус и др. Торговля осуществлялась в основном по Двинскому пути. На Даугмальском городище, стоящем на Даугаве, найдено 53 гирьки, 18 весов и большое количество монет как западноевропейского, так и восточного происхождения.

Формирование латышской народности

В начале XIII в. латышские и эсто-ливские земли были захвачены немецкими феодалами. Еще около 1184 г. архиепископ Бремена Гартвик II направил в землю ливов монахов-миссионеров. Было учреждено Ливонское епископство, во главе которого стал Мейнард. Однако дело христианизации местного населения продвигалось очень туго. Поэтому при под-

держке римского папы были организованы крестовые походы для насильственного обращения в христианство, для ограбления и захвата земель.

В 1200 г. епископ Альберт вторгся с крестоносцами из немецких феодалов на 23 кораблях в устье Даугавы. Разбив отряды ливов и земгалов, крестоносцы в 1201 г. строят крепость Ригу, а в следующем году учреждается Орден рыцарей-меченосцев. Теперь епископ имел постоянную военную силу.

В 1207 г. под натиском немецких завоевателей пал Кокнесе, в следующем году им удалось занять Селпилс, в 1209 г. ливонские рыцари неожиданным ударом овладели Ерсике, опустошив его.

На завоеванных территориях крестоносцы строили замки, а земли раздавали вассалам и духовенству, подчиняя их власти местное население, которое вынуждено было содержать своих поработителей, работать на них и участвовать в организуемых ими военных мероприятиях.

Начиная с XIII в. историки располагают значительным количеством письменных источников, на основе которых восстанавливаются важнейшие и второстепенные события, разрешаются многие вопросы социальной, экономической и культурной жизни населения территории Латвии.

Вместе с тем в результате значительных археологических работ, проводившихся в течение двух последних десятилетий, были получены важные материалы, заметно расширившие круг источников по средневековой Латвии. Более того, оказалось, что письменные свидетельства, принадлежащие в основном немецким авторам, освещали историю Латвии односторонне. Поэтому археологические материалы в ряде случаев имеют первостепенное значение.

Наиболее существенные результаты получены при систематических раскопках городов и замков. Здесь, прежде всего, нужно назвать раскопки в Риге, проведенные в 50–60-х годах под руководством М. Р. Вилсоне и Т. И. Павеле (Вилсоне М. Р., 1952, с. 124–133; 1960, с. 33, 34; 1963, с. 25–27; 1964, с. 35, 36; Вилсоне М., Павеле Т., 1961, с. 28–30; Павеле Т., 1963, с. 35), а в последние десятилетия А. В. Цауне (Caune A., 1971, 33–35 lpp.; 1972, 47–53 lpp.; 1973a, 19–23 lpp.; 1973b, 7–12 lpp.; 1974a, 58–64 lpp.; 1975a, 12–27 lpp.; 1976a, 29–33 lpp.; 1977a, 20–24 lpp.; 1978a, 25–31 lpp.; 1979a, 23–27 lpp.; 1980a, 36–40 lpp.; 1982, 55–60 lpp.; 1985; АО 1971 г., с. 433; АО 1972 г., с. 394; АО 1973 г., с. 408, 409; АО 1974 г., с. 425; АО 1975 г., с. 456; АО 1976 г., с. 444; АО 1977 г., с. 454; АО 1978 г., с. 476; АО 1979 г., с. 395; АО 1980 г., с. 374–376).

Значительные многолетние раскопочные работы производились в Кокнесе (1961–1966 гг.) А. Я. Стубавсом, где с 1209 г. существовало мощное укрепленное поселение с каменным замком (Stubavs A., 1962, 19–21 lpp.; 1963, 12–14 lpp.; 1964, 18–20 lpp.; 1965, 16–19 lpp.; 1966, 24–27 lpp.; 1967, 35–38 lpp.), в Мартиньсала (1966–1974 гг.) Э. С. Мугуревичем (Mugurēvičs E., 1967, 32–35 lpp.; 1968a, 63–68 lpp.; 1969, 41–45 lpp.; 1970, 54–56 lpp.; 1971a, 47–49 lpp.; 1972, 87–91 lpp.; 1973a, 47–50 lpp.; 1974a, 50–53 lpp.; 1974b, 54–58 lpp.; 1975, 68–70 lpp.), в Саласпилсе (1967–1975 гг.) А. Я. Стубавсом (Stubavs A., 1968, 72–75 lpp.; 1969,

47–51 lpp.; 1970, 59–63 lpp.; 1971, 52–54 lpp.; 1972, 91–96 lpp.; 1973, 54–59 lpp.; 1974a, 59–64 lpp.; 1974b, 64–68 lpp.; 1975, 70–78 lpp.; 1976a, 79–85 lpp.; Стубавс А., 1970, с. 181–188).

Результаты раскопок в замках Локстене, производимых в 1962–1964 гг. Э. С. Мугуревичем, и в Селпилсе, ведущихся в 1963–1965 гг. под руководством Э. Д. Шноре и А. Э. Зарины, опубликованы в монографиях (Mugurēvičs E., 1977b, 53–98 lpp.; Snore E., Zariņa A., 1980).

Крупные раскопки произведены латышскими археологами и на других поселениях. В 1978–1981 гг. М. Атгазис исследовал замок в Алуksне (Atgāzis M., 1979, 10–17 lpp.; 1980, 17–22 lpp.; 1982, 28–33 lpp.). А. В. Цауне начиная с 1976 г. ведет раскопки в Бауском замке (Caune A., 1977b, 24–29 lpp.; 1982b, 60–65 lpp.; Caune A., Verigo V., 1978, 31–35 lpp.; 1979, 27–31 lpp.; Bebre V., Caune A., 1980, 32–36 lpp.) Я. Я. Граудонис с 1976 г. успешно изучает раскопками епископский замок Турайда (Graudonis J., 1977, 40–44 lpp.; 1978, 46–49 lpp.; 1979, 36–41 lpp.; 1980, 57–62 lpp.; 1982, 76–84 lpp.). В 1977–1981 гг. под руководством Э. Апала исследовался замок в Цесисе (Apala Z., 1978, 8–12 lpp.; 1979, 6–10 lpp.; 1980, 3–7 lpp.; 1982, 5–12 lpp.).

Производились также раскопки замков Ливонского ордена Алтене (Graudonis J., 1964, 8–10 lpp.; 1965, 5–7 lpp.), в Валмиере (Berga T., 1980, 28, 29 lpp.; 1982, 46–47 lpp.), церкви и замка Икшкиле (Graudonis J., 1969b, 32–34 lpp.; 1970, 45–50 lpp.; 1971, 36–38 lpp.; 1973b, 39–42 lpp.; 1974, 28–36 lpp.), замков в Дундаге (Mugurēvičs E., 1982a, 95–100 lpp.), Лудзе (Daiga J., 1977, 29–34 lpp.), Пилтене (Mugurēvičs E., 1977b, 51–55 lpp.; 1978b, 57–60 lpp.), Резекне (Mugurēvičs E., 1982b, 101–107 lpp.) и других пунктах.

Много внимания уделено раскопкам могильников. Исследовано в различной степени 137 могильников XIII–XVII вв., на которых расчищено более 4000 погребений. Исследовались как могильники, продолжавшие древние погребальные традиции, так и христианские кладбища.

Как уже отмечалось, в начале XIII в. происходят серьезные перемены в характере поселений на территории Латвии. Это относится в основном к укрепленным местам жительства. В результате агрессии немецких крестоносцев большая часть городищ была уничтожена, другие, хотя и продолжали оставаться населенными до начала XIV в., вынуждены были сильно изменить свой хозяйственный и социальный облик. Жизнь не прекращалась в течение всего XIII в., например, на таких поселениях, как Асоте, Танискалнс, Тервете, Цесвайне и других. Здесь продолжали существовать деревянные укрепления прежних типов.

Вместе с тем крестоносцами на земле латышских племен строятся каменные замки. Как показали археологические раскопки, первые каменные замки в Икшкиле и на о-ве Мартиньсала возводились при участии местного населения. Внутри замков сооружались деревянные постройки, которые отапливались глинобитными печами или очагами.

Раскопками в Локстене обстоятельно изучена застройка одного из каменных замков. Из камня были

выстроены только стены замка. Внутренняя застройка — жилые и хозяйственные строения — целиком была деревянной. Постройки имели срубную конструкцию. Площадь жилищ варьировала от 12 до 31 кв. м. Полы их делались из горбыля, который клался на лаги. Пространство между грунтом и полом заполнялось засыпкой из листьев и бересты. Таковы были жилища XIV—XV вв. Глиняные печи с использованием камня продолжали местные традиции XI—XII вв.

В экономике населения Локстене очень важная роль принадлежала сельскохозяйственной деятельности. Анализ остатков культурных (при раскопках найдены зерна ячменя, пшеницы и гороха) и сорных растений позволяет утверждать, что господствующей была система трехполья. Сельскохозяйственные орудия труда представлены косами двух типов: косы с широким клинком использовались для уборки злаковых растений, а узкие косы типа горбуши — для скашивания трав.

Судя по остеологическим материалам, на долю домашних животных в XIV—XV вв. приходилось 93%. Состав стада и соотношение между видами домашних животных (свинья, мелкий скот, крупный рогатый скот, лошадь, птица) этого периода были теми же, что и в предшествующее время. Среди диких животных на первом месте стоял лось, затем бобр, кабан, куница, медведь и т. п.

Подсобным промыслом было рыболовство. Найдены железные рыболовные крючки и острога. Судя по костным остаткам, ловилась преимущественно крупная рыба — лосось и сом.

Следами ремесленной деятельности в Локстене являются остатки сыродутного горна для выплавки кричного железа из болотной руды и разнообразный инструментарий — железная пила с мелкими зубьями, топоры и скобели, долота и корытообразное сверло, драчка с длинным черенком, применявшаяся в строительном деле.

Локстене был военно-опорным пунктом, выстроенным рижским архиепископом на пересечении важных дорог. Не исключено, что вассалы, жившие в этом замке, происходили из местной среды. Замок мог принадлежать одному или нескольким мелким вассалам, получившим его в лен за службу по охране границ Рижского архиепископства. В Локстене находился небольшой гарнизон, охранявший замок и его округу. Найденные при раскопках оружие и предметы снаряжения всадника и коня — наконечники копий и дротиков, большое количество наконечников стрел, в том числе и арбалетных, ледоходные шипы, шпоры, удила и подковы — подчеркивают военно-оборонительный характер поселения.

Основным населением замка, очевидно, были люди местного происхождения. В пользу этого, помимо уже отмеченных особенностей домостроительства, говорят украшения из слоев XIV—XV вв. Это подковообразные застёжки различных типов, браслеты, в том числе со стилизованными звериноголовыми концами, перстни, булавки, принадлежащие к типичным латгальско-селским украшениям. Они имеют прототипы в местных древностях предшествующей поры, с одной стороны, и весьма характерны для погребений деревенских кладбищ XIV—XV вв. — с другой.

Вместе с тем материалы раскопок свидетельствуют о нововведениях в материальной культуре Латвии, имевших место в рассматриваемый период. Это, прежде всего, каменное оборонительное строительство. В замке Локстене — это крепостные стены, сложенные из крупного булыжного камня на известковом растворе. Заметные изменения произошли и в военном деле. В то время получают распространение наконечники копий и стрел, шпоры, подковы и стремена западноевропейских типов. Западноевропейский характер носят также некоторые железные изделия. Импортируется рейпская керамика. Монетные находки принадлежат к брактеатам северогерманских городов (Гамбурга, Штральзунда) или к деньгам, чеканенным в самой Ливонии (с середины XIII в.). Можно думать, что предметы западноевропейского происхождения связаны с обитавшими здесь немцами.

Иной характер имел замок Ливонского ордена Алтене. Здесь каменные крепостные стены защищали площадку в 4200 кв. м. Вдоль стен находилось несколько жилых и хозяйственных построек. Раскопками исследован комплекс построек в северо-западном углу замкового двора. В подвальных этажах работали ремесленники. Обнаружены мукомольня с жерновами, фрагментами дубовой бочки и обуглившимся зерном. Одна из жилых построек состояла из двух помещений. Одно из них размерами 4,8×4,5 м, имело плитняковый пол и изразцовую печь, а другое, размерами 9,6×4,5 м, — систему отопления теплым воздухом, широко применявшуюся в западноевропейских феодальных замках. Обычно устраивалась сводчатая печь (в Алтене ее размеры 3×1,5 м), которую перекрывали каменные плиты пола, имевшие отверстия для теплого воздуха. При раскопках изучена также центральная постройка размерами 20×9 м, расположенная в средней части замкового двора. Она состояла из кирпичного подвального помещения, наземной жилой части, выстроенной из дерева и отапливаемой теплым воздухом, и большой хозяйственной пристройки.

Алтене — типичный орденский замок XIV—XV вв. Это исключительно военный опорный пункт Ливонского ордена. В нем находился небольшой военный гарнизон, о чем свидетельствуют находки — наконечники арбалетных стрел, шлем, фрагменты лат, шпоры. Его обитателями были немцы.

Археологическое изучение средневековых замков на территории Латвии, таким образом, показало, что часть их целиком принадлежала немцам, в составе населения других были и местные жители, оказавшиеся под игом завоевателей. Последних замков было немало. Нужно полагать, что все замки, при которых имеются более или менее обширные посады, принадлежат к укреплениям второго типа. В таких средневековых поселениях (Локстене, Кокнесе, Мартиньсала и др.) в быту, строительстве и ремесленной деятельности находят выражение традиционные элементы материальной культуры латышского населения.

Обширные раскопки, произведенные во многих средневековых замках Латвии, дали конкретное представление об их детальном устройстве. Изучены конструктивные особенности строительства крепостных стен и башен, расположение и устройство по-

строек внутри оборонительных стен. Интересные данные получены о быте и хозяйственной деятельности обитателей замков.

Важные результаты по истории домостроительства и застройке средневекового города получены при раскопках в Риге. Установлено, что здесь вплоть до XIV в. большинство жилых и хозяйственных построек были деревянными.

После утверждения крестоносцев в Прибалтике, в Риге продолжалось строительство срубных домов из бревен преимущественно хвойных пород того типа, что характерен для этого поселения в XI—XII вв. Полы по-прежнему были глинобитными или деревянными. Основным отопительным устройством была печь. Обычно печи располагались в углу помещения (в одном случае посередине). Строились они из камня или глины. В некоторых постройках зафиксированы очаги. В XIII в. распространенные прежде очаги в виде каменных кладок в углублениях исчезают. Вместо них появляются наземные глинобитные очаги, огражденные кольцеобразно камнями. Отапливались помещения по-черному.

Такие срубные жилища бытовали в Риге в XIII—XIV вв. С XIII в. на смену однокамерным постройкам, распространенным в XII в., приходят двухкамерные дома. Они состоят из основного сруба с печью, к которому примыкает прируб с тремя стенами, служивший сенями или кухней. В XIII—XIV вв. преобладают двухкамерные дома, но встречаются и трехкамерные, состоящие из основного сруба с печью, открытых сеней и кухни. Все исследованные раскопками срубные жилища принадлежали ремесленникам и рыбакам. В XIV в. такие дома строились в основном на окраинах города и в его пригородах.

С XIII в. в Риге появляются постройки фахверковой конструкции. Стены таких зданий сооружались из деревянного каркаса, промежутки которого заполнялись кирпичом или глиной. Полы были глинобитными, кирпичными или дощатыми. Отопительное устройство было единым для всего здания и находилось посреди центрального помещения. Это были или открытые очаги, или очаги вместе с глинобитными печами.

Фахверковые дома Риги были одноэтажными. Они имели стропильные двухскатные крыши с наклоном около 45°. Кровля состояла из соломы, обмазанной глиной. С XIV в. некоторые фахверковые строения ставились на каменных фундаментах. В XIII в. такие дома отапливались еще по-черному. Под жилищами устраивались погреба с каркасными стенами. Судя по письменным источникам, застекленные окна в домах рижан стали широко входить в обиход с XV в. Размеры фахверковых построек — от 10×6 до 12×8 м. Постройки фахверковой конструкции появились в Риге в результате переселения немецкого населения из Северной Германии. Рижские дома близки нижнесаксонским.

В слоях, датированных второй половиной XIII—XIV вв., раскопками в Риге вскрыты фрагменты 17 каменных зданий (Сауне А., 1978b, 100—116 лрр.). Это однокамерные строения, четырехугольные в плане, размерами от 9,5×8,6 до 5,9×4,8 м. Стены их сооружались из необработанных блоков доломита и облицовывались кирпичом. Толщина стен 30—100 см.

Нижние этажи — полуподвальные помещения для хозяйственных целей, верхние — жилые, отапливаемые при помощи каминов, вделанных в стены. Со стороны входа к постройкам примыкало небольшое крыльцо, по которому поднимались на верхний этаж прямо со двора. Каменные дома в Риге принадлежали духовенству и богатым торговцам.

Раскопками зафиксирована уличная застройка древнего города. Прослеживается на протяжении столетий четко выраженная стабильность планировки кварталов и ориентации улиц. Срубные дома без дворов размещались вплотную вдоль улиц. В отдельных случаях открыты небольшие усадьбы, состоявшие из жилого дома и хозяйственных построек. Фахверковые дома ставились торцом вплотную к улицам, на расстоянии 1—2 м друг от друга. Дворы их находились внутри кварталов. Большинство изученных каменных домов в Риге — свободно стоящие строения в середине дворов.

Раскопками на бывшей Ратушной площади выявлены мостовые старого рынка. В других местах прослежены уличные деревянные мостовые. Изучено также свайное укрепление набережной речки Риги. Исследовались участки оборонительной каменной стены XIII в. с четырехугольной башней, ворота Рижской гавани XIV в., судоверфь XIII в.

Основная масса латышского населения в XIII—XV вв. жила не в городах и замках, а в сельских неукрепленных поселениях. К сожалению, эта группа археологических памятников остается пока неизученной. Некоторое представление о культуре сельского населения того времени можно составить по могильникам.

Христианская религия распространялась в массах латышского населения медленно. Там, где власть немецких феодалов еще не укрепилась, население в XIII—XIV вв. и отчасти в XV в. продолжало придерживаться старых языческих погребальных традиций. Погребения XIII—XIV вв. обычно находятся на древних кладбищах.

Так многие латгальские и селские могильники использовались до XIV—XV вв. Сохраняется тот же похоронный ритуал. Некоторые изменения претерпевает ориентировка умерших. Как отмечалось, до XIII в. у латгалов и селов господствует широтная ориентация, причем мужские и женские погребения ориентированы в противоположные стороны. С XIII в. ориентация умерших становится произвольной, не следующей каким-либо закономерностям.

Вблизи крупных населенных пунктов (Валмиера, Селпилс, Цесвайне и др.) раньше, чем в других местностях, устанавливается свойственная христианским погребениям ориентировка головой на запад. Так, на Селпилсском могильнике, расположенном вблизи замка, раскопками были исследованы 234 захоронения XIII—XVI вв. (Šnoge E., Zariņa A., 1980, 177—216 лрр.), совершенных по христианскому обряду. Погребения совершены близко одно от другого, рядами, преобладает юго-западная ориентировка. Зафиксированы реликты языческой погребальной традиции — десятая часть захоронений содержала уголь, свыше половины — погребальный инвентарь, в некоторых имелись камни. В одной трети погребений обнаружены шейные ожерелья, в состав которых, помимо бус, входили амулеты — бубенчики

и раковины каури. В нескольких мужских захоронениях найдены топоры и копья. Очень распространены подкововидные застёжки, которые и по формам продолжают старые традиции. Начиная со второй половины XIV в., их сменяют кольцевидные застёжки. Захоронения в Селпилском могильнике оставлены местными крестьянами. В пользу этого свидетельствует и антропологический материал.

В глубинных районах Латгалии и земли селов христианское воздействие на погребальную обрядность было еще меньше. Умерших в XIII—XIV вв. хоронили по старому ритуалу, довольно часто с различным вещевым материалом. Однако противоположной ориентации мужских и женских захоронений не наблюдается. В одних случаях и мужчин, и женщин хоронили головой на восток, в других случаях — головой на запад.

В земгалском регионе старые, языческие, погребальные традиции сохранились в ряде мест вплоть до XVII в. В XIII в. погребения в грунтовых могильниках имеют прежнюю ориентацию с северо-запада на юго-восток, причем мужские и женские захоронения ориентированы в противоположные стороны. Но постепенно мужские и женские трупоположения стали иметь одинаковую ориентировку. В XIII—XIV вв. уменьшается количество могильного инвентаря, в том числе постепенно исчезает обычай класть в мужскую могилу оружие.

Только вблизи крупных центров погребения в земгалских могильниках имеют широтную ориентацию. Таков, в частности, могильник, исследованный в 1953 г. Е. Бривкалне близ Тервете.

У куршей в XIII—XIV вв. продолжали бытовать грунтовые могильники с трупосожжениями. Местами трупосожжения в Курземе встречаются вплоть до начала XVII в. Как правило, сохраняется древний ритуал. Остатки кремации, собранные с погребального костра, с инвентарем, характерным для мужских захоронений, ссыпали в могильные ямы, ориентированные с юго-запада на северо-восток или с запада на восток. Остатки женских сожжений укладывались в могилы с ориентацией северо-запад—юго-восток.

В XIV—XV вв. обряд трупосожжения в Курземе постепенно сменяется трупоположениями. В XV—XVI вв. господствуют еще трупоположения, ориентированные с юго-запада на северо-восток, а с XVII в. погребения с ориентировкой запад — восток становятся преобладающими.

Для ливов, как уже отмечалось, были характерны меридиональные трупоположения — умерших, как мужчин, так и женщин, хоронили в могильных ямах головой на север. В XIII—XV вв. видземские ливы под влиянием христианской религии меняют ориентацию умерших на широтную, головой к западу. В исследованных раскопками могильниках Икшкиле, Мартиньсала и др. все могилы имели западную ориентировку.

В это время начался процесс слияния ливов с земгалско-латгалско-селским населением, результатом которого стала ассимиляция прибалтийско-финского населения балтским.

В северной части Курземе в XIII—XV вв. имело место территориальное и этническое смешение ливов с куршами. В XIII—XV вв. в этом регионе со-

седствуют погребения по обряду трупосожжения с захоронениями по обряду ингумации, причем умерших хоронили головой на запад.

С XIII в. на территории Латвии устраиваются и христианские кладбища. Они возникали в стороне от древних, обычно рядом с костелом, и обносились оградой. В XIII—XV вв. такие кладбища имели небольшие размеры. Захоронения располагались рядами. Умерших хоронили в деревянных гробах, головой к западу, обычно без вещевого инвентаря, редко — с единичными предметами.

Таким образом, в XIII—XV вв. на территории Латвии одновременно существовали две культуры — местная латышская и немецкая. Археологическими исследованиями показано, что латышская культура сформировалась на базе культурного наследия местных племен. Влияние немецкой культуры на ее развитие было незначительным. Немецкая культура на территорию Латвии привнесена в результате переселения населения из Северной Германии. В процессе своего развития прибалтийско-немецкая культура впитала в себя и отдельные элементы местной культуры.

Латышская народность формировалась в XIII—XVII вв. В изучении вопроса ее сложения археологические материалы уже не являются ведущими. На первый план выступают данные языкознания и диалектологии и сведения письменных источников. Поэтому эта тема здесь рассмотрена кратко.

Латышская народность получила свое название от племени латгалов, но в ее формировании приняли участие также селы, часть земгалов и часть куршей. Ведущая же роль в этом процессе принадлежала латгалам, поскольку они по численности населения и в территориальном отношении превосходили остальные этноплеменные общности. Селское население Латгалии в период немецкой агрессии XIII в., как свидетельствуют археология и косвенно данные письменных памятников, понесло заметно меньшие потери, нежели курши и земгалы. Как известно, последние пытались отстаивать самостоятельность, оказывая ожесточенное сопротивление немецким феодалам до 1290 г., а затем ушли в Литву. По всей вероятности, ведущей роли латгалов в образовании латышской народности способствовали и некоторые политические моменты. К началу XIII в. в Латгалии существовали три княжества — Ерсике, Кокнесе и Талава, но, видимо, латгалы были лучше политически организованы по сравнению с другими племенными образованиями.

В XIII в. и последующих столетиях этнические процессы на территории Латвии получили дальнейшее развитие. Прежняя этноплеменная дифференциация здесь была полностью нарушена. Начался длительный процесс сближения и консолидации родственных в языковом отношении племенных группировок и ассимиляции иноязычного населения, жившего на территории Латвии. Культурной консолидации способствовало классовое членение общества того времени. Как известно, немецкие крестьяне до XVIII в. в Латвии не селились. Немецкие захватчики и переселенцы в Латвии образовали класс феодалов со своей культурой, а все зависимое население состояло из «ненемцев», т. е. будущих латышей.

Археологически процесс формирования латышской народности отражен, прежде всего, в унификации погребальной обрядности. Как отмечалось выше, в могильниках латгалов и селов до XIII в. господствовала ориентация умерших в направлении запад—восток, причем мужские и женские труположения ориентировались в противоположные стороны. С XIII в. эта закономерность нарушается. В XIII—XVI вв. в бывших латгальских и селских землях умерших по-прежнему хоронили головой на запад или на восток, но выбор ориентировки абсолютно не зависел от пола погребенного. Вблизи крупных центров, таких, как Селпилс, Цесвайне, Валмиера и других, постепенно под влиянием христианства распространяется обычай хоронить умерших головой на запад.

Аналогичная картина наблюдается у земгалов. Если до начала XIII в. они хоронили умерших в направлении с северо-запада на юго-восток, а мужские и женские погребения были ориентированы головами в противоположные стороны, то позднее этот обычай нарушается. В XIII—XVI вв. погребальные традиции земгалов сохраняются, но теперь и мужские, и женские захоронения имеют одинаковую ориентацию. Вблизи крупных поселенческих центров (Тервете) господствующей постепенно делается широтная ориентация.

В Курземе начиная с XIV в. захоронения по обряду трупосожжения постепенно заменяются труположениями. Прежде различная для мужских и женских захоронений ориентировка заменяется на единую — в XV—XVI вв. здесь преобладает ориентация в направлении с юго-запада на северо-восток, а в XVII в. уже господствуют погребения по христианскому обычаю.

Унификация погребальной обрядности затронула и часть ливского населения — в северной части Курземе, где в результате территориального смешения ливов с куршами начался процесс ассимиляции первых. Характерная для ливов северная ориентация погребенных постепенно исчезает. В XIII—XV вв. здесь встречаются еще свойственные куршам трупосожжения, но широко представлены и грунтовые могильники с труположениями, где и мужчины,

и женщины погребены головами на запад. Видземские ливы испытали влияние христианства прежде всего, поэтому на их территории с XIV в. господствуют могильники с ориентацией могил в направлении запад—восток. Единое развитие погребальной обрядности на всей территории формирования латышской народности, выразившееся в переходе от противоположной ориентации мужских и женских могил к одинаковой для обоих полов, отражает, как считает Э. С. Мугуревич, начало процесса консолидации (Мугуревич Э. С., 1981, с. 33—35). Следующим этапом было укоренение на еще нехристианских могильниках единой ориентации погребенных в направлении запад—восток (XVI в.). Этот этап унификации, очевидно, является отражением наибольшей интенсивности процесса формирования латышской народности.

Параллельно на всей территории сложения народности постепенно формируется единая латышская культура. Складывалась она, согласно новейшим изысканиям, на основе культурного наследия местных племен. Существовавшая параллельно с ней немецкая культура не оказала заметного влияния на латышскую. Это были разные по своей сущности культуры, которые противостояли друг другу.

В современной диалектологии выделяются три основных диалекта латышского языка. Большую, восточную часть Латвии занимают верхнелатышские говоры, в основе которых находятся племенные диалекты латгалов и селов. В этом большом диалектном массиве изолексы и изофоны позволяют выделить занимающие более восточное положение латгальские говоры и селонские говоры.

Среднелатышский диалект занимает часть Земгале, южную часть Курземе и западную Видземе. В основе этой диалектной зоны можно видеть диалект земгалов.

К нижнелатышскому диалекту относятся говоры северо-западной Видземе и северной части Курземе. Он сформировался, надо полагать, на ливском субстрате.

В Курземе диалектологи выделяют особую группу тамских говоров, возможно являющуюся наследницей диалекта или языка куршей.

Глава седьмая

Литовские племена

Литовская ветвь балтов в раннем средневековье занимала основную территорию современной Литвы — правобережную часть Понеманья, исключая небольшой регион нижнего течения Немана, где жили скалвы.

Погребальные древности второй половины I — начала II тысячелетия н. э. отчетливо свидетельствуют, что эта ветвь балтов дифференцировалась на племенные группы, отождествляемые с известными по письменным источникам жемайтами, аукштайтами и собственно литвой (карта 45).

Жемайты

Жемайтия — древнелитовская историческая область на северо-западе современной Литвы. Расположена она на Жемайтской возвышенности с холмисто-моренным рельефом и множеством озер, простирающейся на правобережье Немана от верховьев Миньи до р. Шупве. Жемайты (в русских и польских исторических источниках — жмудь) — литовское племя, основное население Жемайтии. Некоторые особенности в этнографии и языке (жемайтский диалект литовского языка) сохранились до XX в. Впрочем, нужно заметить, что далеко не все исследователи связывают жемайтский диалект со средневековыми жемайтами. В литературе имеется мнение о формировании этого диалекта в XV—XVI вв. в условиях взаимодействия литовского языка с куршским (Zinkevičius Z., 1981, 12—17 psl.).

Первые раскопки археологических памятников жемайтов относятся к 80-м годам прошлого столетия. В это время Т. Даугирдас произвел небольшие раскопные работы на грунтовых могильниках Палукнис, Титвидишке, Гилвичай и Паклибакай (Dowgird T., 1886, s. 18—26; 1887, s. 3—28; 1888, s. 12), а в 1888 г. исследовал и городище Дербутай. В 1898 и 1900 гг. могильник Юодсоде раскапывал М. Е. Бренштейн (Brensztejn M. E., 1901, s. 31—35).

В 1899 г. вышла в свет составленная Ф. В. Покровским археологическая карта Ковенской губ. (Покровский Ф. В., 1899а). Было описано и картировано значительное число памятников археологии на территории Жемайтии, однако датировка их оставалась неопределенной.

К первым десятилетиям XX в. относятся работы Л. Крживицкого по изучению городищ — пилкалнисов Жемайтии (Крживицкий Л., 1909, с. 82—129). Раскопные исследования им были произведены на двух городищах — Бубай и Дербутай (Krzywicki L., 1906, s. 15, 39, 58, 82—84; 1928, 84—86 psl.). В начале XX в. А. Заборски начал исследование интересного жемайтского могильника Пашушвис (Zabor-ski A., 1905, s. 145—148).

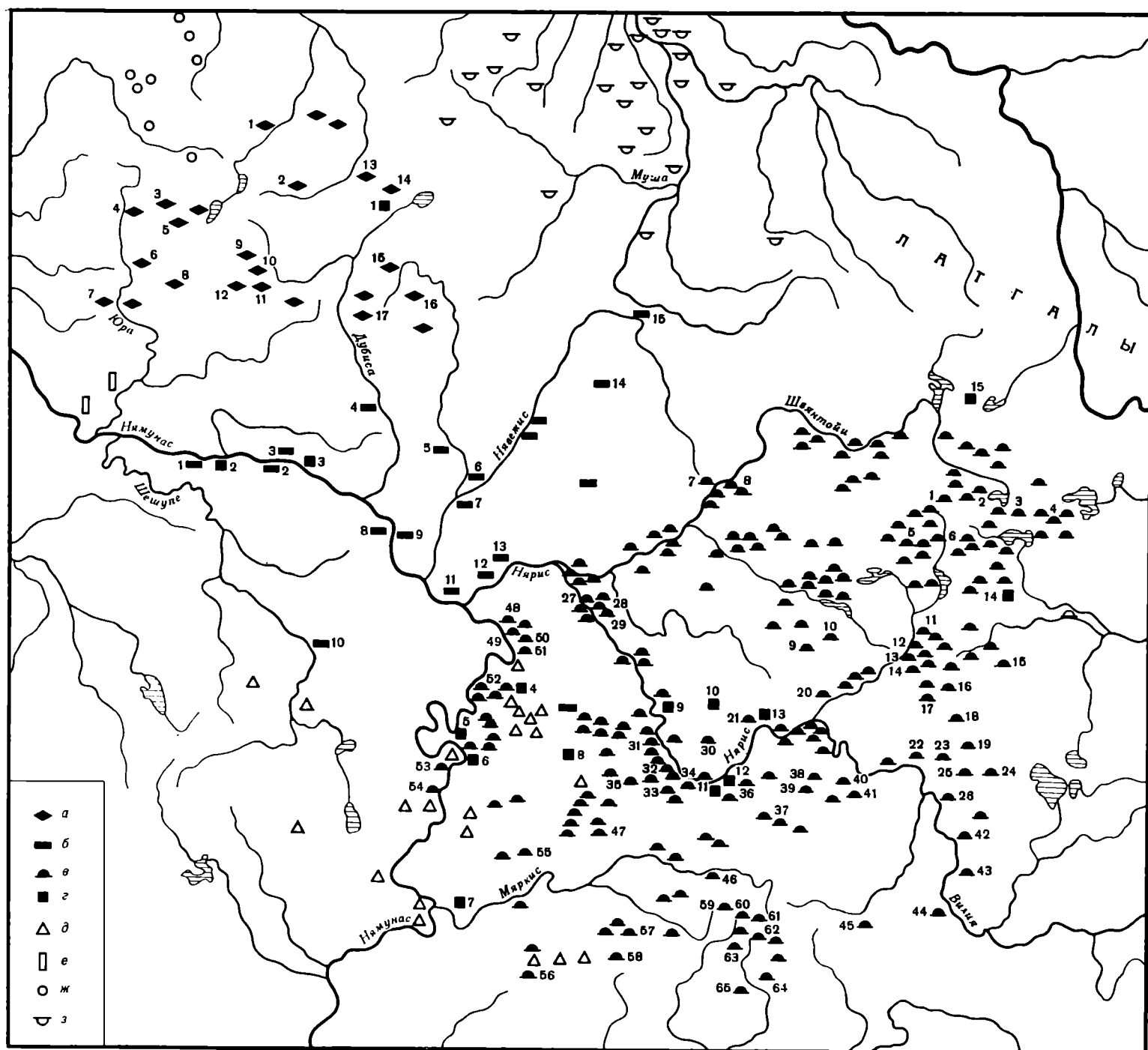
В 20—30-х годах XX в. литовские археологи раскапывали в основном грунтовые могильники. Наиболее заметными среди этих исследований являются раскопки могильника Пашушвис, производимые в 1924 г. И. Кончюсом, в 1926 г. — им же совместно с Э. Вольтером, а в 1931 и 1933 гг. П. Тарасенка (Puzinas J., 1938, 262—270 psl.). В 30-х годах исследовались также могильники Паезерис (Puzinas J., 1938, 255, 260, 262, 266, 269 psl.), Пашешу-вис, Шаукотас и др. Шауляйский музей организует раскопки могильников Лепшай и Куршенай.

Для общего представления о распространении памятников в Жемайтии интересна археологическая карта Литвы П. Тарасенка, изданная в 1928 г. (Tarasenska P., 1928).

Итоги изучения погребальных памятников Литвы, и в том числе Жемайтии, были подведены в 1946 г. М. Гимбутас (Alseikaitė-Gimbutienė M., 1946). После Л. Крживицкого раскопок на поселениях Жемайтии не производилось.

Наиболее результативным в изучении жемайтских древностей стал период после окончания второй мировой войны. Уже в 50-х годах производятся раскопки на могильниках Вайтиекпнай Папилке, Юодсоде и др. (Navickaitė O., 1961, 84—85; 96, 97 psl.; Valatka V., 1969, 68—76 psl.), но еще активнее ведутся исследования в 60-х годах. В этот период под руководством А. З. Таунавичюса раскапывались могильники в Паэжярис, Бикавенай и Упина, в которых было вскрыто несколько сотен погребений (Таунавичюс А. З., 1967, с. 274, 280; 1968а, с. 68, 69; 1970а, с. 237—239). Несомненный интерес представляют также раскопки 1963—1966 гг. под руководством В. Валатки могильника Мауджипорай, в котором изучено 134 захоронения (Валатка В., 1966; с. 10, 11; Таунавичюс А., 1970, с. 233, 234). Этот же исследователь раскапывал в 1963 г. могильник Пайомантис.

Активно и плодотворно продолжались раскопные исследования жемайтских грунтовых могильников в 70-х годах. В. Статкевичюс и В. Валатка раскапывали могильник Парагаудис (Valatka V., 1974, 74—77 psl.). В. Статкевичюс изучал еще могильники Каптауналай и Пакалнишкяй. Первый памятник исследовался потом Л. М. Вайткунскене. Объектом раскопок Б. Таунавичене был могильник Шаркай (Tautavičienė B., 1974, 67—74 psl.). Нельзя не назвать также исследования могильников Саугиняй под руководством А. Меркевичюса (Merkevičius A., 1974, 58—63 psl.) и Якштайчяй под руководством В. Урбанавичюса (Urbanavičius V., 1974, 63—67; psl.; 1979, 122—151 psl.). Исследовались и другие могильники, в частности были начаты раскопные работы в Жасинас, Принкайгалис

Карта 45. Памятники литовских племен

a — грунтовые могильники жемайтов: 1 — Юодсое; 2 — Мауджорай; 3 — Пайомантис; 4 — Парагаудис; 5 — Каштаунамай; 6 — Шаркай; 7 — Бикавенай; 8 — Жвилай; 9 — Пакалнишкый; 10 — Пагрибис; 11 — Паежерис; 12 — Упина; 13 — Саугиний; 14 — Якштайчый; 15 — Шаукотас; 16 — Вайтпекунай; 17 — Пакиршиний; **b** — грунтовые могильники аукштайтов: 1 — Рамоннишкый; 2 — Пакалвишкый; 3 — Раудоненай; 4 — Кейенай; 5 — Русейний; 6 — Граужай; 7 — Пакапай; 8 — Микитай; 9 — Криемала; 10 — Нендриний; 11 — Вершвай; 12 — Радикий; 13 — Лайкишкый; 14 — Римайсай; 15 — Венславишкый; **v** — курганные могильники восточнолитовского типа: 1 — Мартенишкес; 2 — Салакас; 3 — Дукштас; 4 — Лапушишкес; 5 — Таурапилис; 6 — Минча; 7 — Риклянай; 8 — Юдинис; 9 — Дегсне; 10 — Дубингай; 11 — Цегелне; 12 — Рокенай; 13 — Жейменис; 14 — Судота; 15 — Линтупис; 16 — Межионис; 17 — Антасаре; 18 — Будрионис; 19 — Понижье; 20 — Парайсчай; 21 — Пучкалаукис; 22 — Черная Лужа; 23 — Желядь; 24 — Засвирь; 25 — Зезюлка; 26 — Пильвины; 27 — Русю Рагас I; 28 — Русю Рагас II; 29 — Чиобишкис; 30 — Аукштией; 31 — Попай; 32 — Саусай; 33 — Варлишкес; 34 — Кунигишкес; 35 — Курганай; 36 — Рокантишкес; 37 — Швейцарай; 38 — Поляны; 39 — Анцуляй; 40 — Сержанты; 41 — Лоша; 42 — Римшанцы; 43 — Ан-

дреевцы; 44 — Сморовь; 45 — Маркинята; 46 — Яшюнай; 47 — Стрева; 48 — Гиронис; 49 — Каптонишкес; 50 — Довайнонис II; 51 — Довайнонис I; 52 — Дарсунишкис; 53 — Пуниос Шилас; 54 — Алитус; 55 — Памусай; 56 — Друцминий; 57 — Пабаре; 58 — Вилконис; 59 — Стакай; 60 — Каткушкес; 61 — Пагегий; 62 — Пошковис; 63 — Диджюлай; 64 — Забелишкес; 65 — Дивинишкес; **g** — исследованные городища: 1 — Бубай; 2 — Сударгас; 3 — Велюона; 4 — Мигонис; 5 — Пуня; 6 — Норкунай; 7 — Меркине; 8 — Аукштадварис; 9 — Браделишкес; 10 — Майшягала; 11 — Вильнюс (гора Гедмина); 12 — Вильнюс (Гора Крева); 13 — Неменчине; 14 — Мажулонис; 15 — Великушкес; **d** — каменные курганы; **e** — могильники скалов; **ж** — могильники куршей; **z** — могильники земгалов

на р. Шушве и др., продолжено изучение могильника Мауджиорай.

Средневековые поселения жемайтов остаются весьма слабо изученными. Раскопочные изыскания велись на единичных селениях. Можно упомянуть здесь раскопки В. Даугудиса на городище и рядом расположенном селище, относящихся ко второй по-

ловине I и началу II тысячелетия н. э. около Имбаре (АО 1970 г., с. 320; АО 1980 г., с. 377; АО 1981 г., с. 356). Небольшие исследования произведены также А. Меркевичюсом на городище и селище у д. Вайткунай на правом берегу р. Шупне (АО 1978 г., с. 436; АО 1979 г., с. 459).

Параллельно с накоплением новых материалов велась работа по изучению истории жемайтов, этнической истории, уточнению границ их расселения. В 1961 г. увидели свет «Очерки литовской археологии», написанные П. З. Куликаускасом, Р. К. Куликаускене и А. З. Таутавичюсом (Kulikauskas P., Kulikauskienė R., Tautavičius A., 1961). В книге научно обобщены были все собранные к тому времени археологические материалы. Археология средневековой Литвы в ней рассматривается целостно, без подразделения на племенные или какие-либо еще регионы. Авторы очерков не могли охарактеризовать отдельно археологию и историю жемайтов и их ареал.

Специфические жемайтские особенности в грунтовых могильниках средней Литвы впервые были определены и описаны А. З. Таутавичюсом в 1968 г. (Таутавичюс А. З., 1968в, с. 56–63). Работу в этом направлении исследователь продолжал. На основе распространения различных типов погребальных памятников второй половины I и начала II тысячелетия н. э. А. З. Таутавичюсом восстановлена картина размещения племен на территории Литвы (Lietuvos archeologijos atlasas, 1977, žemėlapis 9; Таутавичюс А. З., 1980, с. 85; Tautavičius A., 1981, 27–36 psl.). К жемайтам А. З. Таутавичюс относит специфические грунтовые могильники от р. Вардува на западе до р. Шупне на востоке. К жемайтам причисляют эти памятники и другие исследователи (Volkaitė-Kulikauskienė R., 1970, 33–36 psl.).

Поскольку грунтовые могильники являются важнейшими и наиболее изученными памятниками жемайтов (карта 45), то целесообразно начать с них характеристику древностей этого племени (табл. CXVII).

Могильники жемайтов второй половины I и начала II тысячелетия н. э. являются грунтовыми, не имеющими ныне каких-либо наземных признаков. Они довольно крупные (многие из них состоят из нескольких сот погребений), пользовались ими в течение нескольких столетий. Захоронения совершались в продолговатых могильных ямах длиной около 1,8–2,1 м и глубиной 0,3–1 м. Обычно ямы содержат одиночные погребения, в виде редких исключений встречаются парные. Погребальные ямы разбросаны бессистемно, не составляя правильных рядов.

В V–IX вв. безраздельно господствовал обряд трупоположения. Умерших клали в могилы на спине с вытянутыми ногами. Положение рук различно: сложены на груди или животу; прижаты к бокам; одна рука согнута, другая вытянута вдоль тела и др. Погребения мужчин и женщин обычно имеют противоположную ориентацию. Женщин, как правило, хоронили головами на юго-запад с отклонениями к югу, мужские захоронения ориентировались головами на северо-восток с отклонениями к северу.

Погребальный инвентарь жемайтских захоронений довольно многочислен. В мужских погребениях V–VI вв. часто встречаются втульчатые топоры,

которые почти отсутствуют в более поздних могилах. Для погребений V–VI вв. характерны ножи и втульчатые, иногда черешковые, наконечники копий, а для захоронений IX–XII вв. — мечи.

В мужских погребениях найдены немногочисленные украшения. Это железные посоховидные булавы, арбалетовидные фибулы (табл. CXVIII, 9, 10, 15), редко встречаются шейные гривны (табл. CXIX, 4, 5) и спиральные перстни. Кроме того, в погребениях V–VIII вв. встречаются иногда удила, шпоры и пряжки.

В погребениях мужчин IX–XIII вв. обычно пахотятся одна-две подковообразные застёжки. Для северной части Жемайтии типичны короткие широкие мечи, а южнее были распространены однолезвийные и двулезвийные удлинённые мечи или длинные боевые ножи.

В погребениях VII–X вв. немного выше скелетов мужчин, у края могильной ямы, изредка обнаруживаются черепа коней, возле которых иногда находят бронзовые подвески в виде кленовых семян и удила. В X–XIII вв. в редких случаях вместе с умершим хоронили и коня, или со скромным снаряжением, или же у ног коня клали предметы конского снаряжения.

В женских погребениях жемайтских могильников, относящихся к V–VIII вв., обычны головные венки из бронзовых спиралей или в виде узких сотканых лент с прикрепленными по краям маленькими бронзовыми колечками и крупной спиралью на затылке (табл. CXVIII, 1, 2). В состав женского убранства входили две-четыре бронзовые булавы. Они встречаются обыкновенно парами и соединены цепочками. Иногда на нитке к ним привешивалась маленькая янтарная бусина. Булавы принадлежат к различным типам: посоховидные, с кольцеобразными, раструбовидными (табл. CXIX, 2) и треугольными головками. Изредка в погребениях V–VII вв. встречаются шейные гривны: с дисковидной застёжкой, ложковидные или с застёжкой — овальной пластиной с дырочкой в виде ключа (табл. CXIX, 7). В V–VI вв. были распространены браслеты с утолщающимися концами и спиральные, в VII–VIII вв. более частыми были манжетовидные браслеты с выуклой поперечной гранью посередине. Кроме украшений, в женских погребениях встречаются железные ножи, шилья и пряслица.

В погребениях IX–XII вв. количество бронзовых украшений увеличивается. В богатых женских погребениях иногда обнаруживаются шапочки, сделанные из толстых ниток, которые полностью покрывались наанизанными бронзовыми колечками; края их украшались подвесками в виде кленовых семян. Такие головные уборы IX–XII вв. можно считать этнографическим признаком жемайтов (Tautavičius A., 1970, 112–114 psl.).

В женских захоронениях этого времени часто встречаются шейные гривны — витые с петлей и крючком на концах (табл. CXIX, 14), витые с конусовидными концами, гривны с седловидными концами, с круглыми, многогранными и тордированными утолщенными концами.

Среди одежных булавок рассматриваемого периода преобладают экземпляры с крестовидными головками (табл. CXIX, 12), но встречаются также бу-

лавок с кольцеобразными или раструбовидными головками. Единичными экземплярами представлены булавки с треугольными головками и посоховидные. На руках женщины носили браслеты и перстни.

В IX—XI вв. в виде редкого исключения на жемайтских могильниках появляются трупосожжения. С XII в. они практикуются чаще, но преимущественно на окраинах ареала жемайтов. Погребения по обряду кремации совершались в продолговатых ямах размерами 2—2,50×0,65—0,80 м и глубиной 0,35—0,70 м. Сожжение умерших совершалось на стороне. Небольшое количество кальцинированных костей, очищенных от погребального костра, вместе с погребальным инвентарем (предметы, не побывавшие в огне) помещались в средней части могильной ямы на площади 0,6×0,3 м. В могильнике Жасинас зафиксированы случаи, когда сожженные кости собирались в мешочек или ссыпались кучкой. Погребальный инвентарь здесь располагался так же, как в трупоположениях.

Наиболее хорошо изученным жемайтским могильником второй половины I тысячелетия н. э. является Мауджиорайский. Находится он на берегу р. Ушна в 20 км юго-восточнее г. Тельшай. Как уже говорилось, раскопками В. Валатки в 60-х годах здесь было вскрыто 134 погребения. С 1979 г. исследования могильника продолжила В. Валаткене.

Погребения находились в небольших ямах глубиной от 0,25 до 0,90 м. Могильные ямы разбросаны, не составляют правильных рядов и не имеют постоянной ориентации. Мужские погребения ориентированы на северо-запад, север и северо-восток, женские — на юго-восток, юг и юго-запад. Левая рука погребенных чаще вытянута или слегка согнута, а правая, как правило, согнута и положена на грудь. Во многих погребениях над тазовыми костями и костями ног умерших зафиксированы угли. В 1980 г. среди 90 исследованных захоронений одно оказалось трупосожжением.

Трупоположения в срединной части могильника, исследованной в 60-х годах, относятся в основном к IV—VII вв.

В мужских захоронениях этого периода найдены железные втульчатые топоры, втульчатые наконечники копий с пером ромбических или профилированных очертаний, ножи, в том числе иволистной формы, шилья, точильные бруски. В погребении 1 у ног умершего расчищены остатки богато украшенной узды, оковки двух питьевых рогов с украшенными эмалью поясками и железные шпоры. Наконечники копий и топоры, как правило, клалась у ног покойников. Только в немногих случаях ножи находились около черепа.

В коллекции украшений из мауджиорайских погребений IV—VII вв. имеются: шейные гривны с конусовидными концами и с утолщенными концами; ожерелья из бронзовых спиралек и единичных стеклянных или янтарных бусин, среди последних имеются и бусы-привески в виде топорика; арбалетные фибулы с подогнутой или звездчатой ножкой; булавы, среди которых господствуют железные посоховидные; браслеты спиральные, с утолщенными концами или пластинчатые; спиральные перстни. Все эти украшения связаны с одеждой и находятся там, где они носились при жизни погребенных. До-

полнительных приношений в могилах не зафиксировано.

Восточная окраина могильника Мауджиорай, исследуемая В. Валаткене, содержит захоронения VIII—IX вв. Обряд погребения не претерпевает каких-либо изменений, однако теперь на ряде участков прослеживается рядность в расположении могил.

Для мужских погребений характерны втульчатые и черепшковые наконечники копий, широкие боевые ножи. В некоторых могилах найдены шпоры, втульчатые топоры, ножи, пешня, ремень с бронзовыми оковками. Украшения сравнительно немногочисленны. Это арбалетовидные фибулы с головками-маковками, подковообразные застёжки с цилиндрическими концами, тордированные шейные гривны с крючком и петлей на концах, браслеты с утолщенными концами или спиральные, булавы с кольцевой или треугольной головками, бронзовые спиральки. Наконечники копий находятся обычно в изголовье, ножи — около бедренных костей.

В женских погребениях обнаружены преимущественно украшения. Это головные венчики, состоящие из бронзовых спиралек и пластин, шейные гривны с тордированной дужкой и крючком и петлей на концах, ожерелья из спиралек и янтарных или стеклянных бус, булавы с крестообразными или треугольными головками, реже — булавы с костылевидной головкой, спиральные и пластинчатые браслеты. Булавы носились парами; они соединялись цепью, к которой иногда привешивались подвески. В детских погребениях встречены железные посоховидные булавы. Кроме украшений, в отдельных женских захоронениях обнаружены железные шилья и ножи, среди последних есть серповидные.

Для периода X—XII вв. одним из характерных погребальных памятников жемайтов является могильник Упина в Шилальском р-не. Погребальный обряд остается прежним. Из 106 раскопанных захоронений одно было трупосожжением без какого-либо инвентаря, остальные — трупоположения в таких же ямах, как и в предшествующее время. В семи мужских трупоположениях зафиксированы символические захоронения коней: выше черепов погребенных находился череп коня.

В мужских погребениях, а их вполне определенно было 46, найдено около 70 втульчатых наконечников копий, часть которых украшена нарезным орнаментом и, по-видимому, принадлежит к скандинавскому импорту. В погребениях обнаружены также двулезвийные мечи; железные ножи с деревянными рукоятками, украшенными бронзой; кожаные ремни, окованные бронзовыми пластинами; удила, шпоры. В погребениях мужчин много и украшений. Это витые шейные гривны с ходящими концами, завершающимися петлями, многоугольными или конусовидными головками. Попадаются также подковообразные застёжки с цилиндрическими или многоугольными головками, реже с зооморфными головками, спиральные перстни и изредка спиральные браслеты.

Для женских погребений характерны металлческие украшения. В богатых захоронениях найдены остатки шапочек из толстых нитей, целиком покрытых бронзовыми колечками, а по краю украшенных подвесками в виде кленовых семян. Одежда застёги-

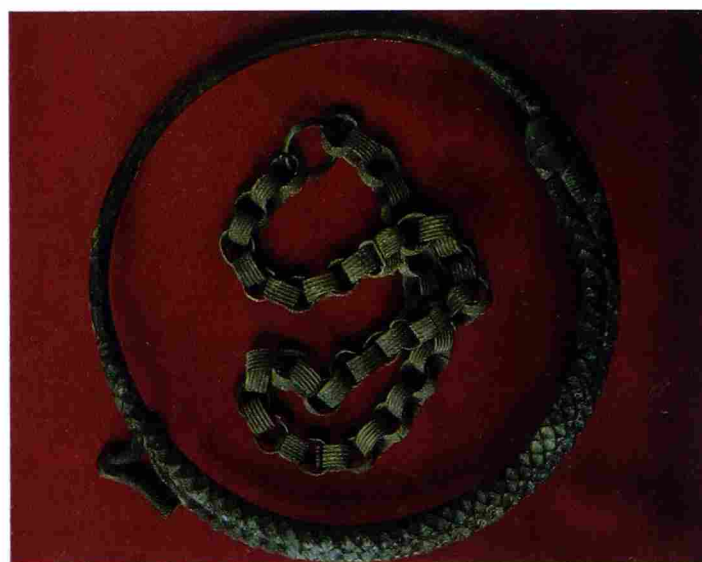

22. Украшения латгалов XI—XII вв.
Шейная гривна. Могильник Драпмани; нагрудные украшения из цепочек и привесок. Могильники

Пунцулева и Айнава; подковообразная застежка. Могильник Арона; два браслета. Могильники Кестеры и Айзезеры.

23. Бронзовые украшения латгалов VII—VIII вв.
Совообразная фибула. Могильник Калниеша II; две булавки. Могильники Кримулда и Ушури.

24. Бронзовые украшения латгалов VIII в.
Шейная гривна. Могильник Смилтаине; цепочка. Могильник Салиняс.

25

26

25. Бронзовые украшения земгалов VI—VII вв. Булавка с цепочками. Могильник Кюри; арбалетовидная фибула. Могильник Плявиеккалнс.

26. Бронзовые спиральные браслеты земгалов VIII—X вв. Слева — из могильника Вецауле, справа — из могильника Чунканы-Дренгеры.

27. Бронзовые изделия земгалов XI в. Крестовидная фибула. Могильник Чунканы-Дренгеры; перекладчатая арбалетовидная фибула. Тот же могильник; наконечник ножен меча. Тот же могильник.

28. Изделия куршей XI—XIV вв. Две бронзовые шейные гривны. Могильник Лаукумуйжа; две бронзовые подковообразные застёжки. Оз. Вилкумуйжа, Тукумс; бронзовая перекладчатая арбалетовидная фибула. Могильник Лаукумуйжа; железный топор. Могильник Лаукумуйжа.

29

32

30

33

31

34

29. Бронзовые булавки куршей. Могильник Паланга. VIII—IX вв.

30. Арбалетовидная фибула с маковидными головками. Могильник куршей Паланга. X—XI вв.

31. Арбалетовидная фибула. Могильник аукштайтов Плинкайгалис.

32. Серебряная арбалетовидная фибула. Могильник аукштайтов Плинкайгалис. V—VI вв.

33. Позолоченная фибула со зверообразной головкой. Могильник аукштайтов Плинкайгалис. VI в.

34. Бронзовые бусы-«флакончики». Из курганов восточнее р. Оять (Нюбиничи).

35

37

36

38

35. Украшения аукштайтов VI в. Шейная гривна, браслет и фибулы из могильника Плинкайгалпе.

36. Женская шапочка, Могильник жемайтов Жвиляй. X—XI вв.

37. Фибулы земгалов VI—VIII вв. Могильник Яунейкяй.

38. Украшения земгалов VI—VII вв. Браслеты, перстни и фибула из могильников Кюри и Оши.

балась двумя—четырьмя булавками. Преобладают булавки с крестовидными головками, украшенные пятью конусиками, булавки гвоздевидные с круглой широкой шляпкой. Реже встречаются посоховидные булавки и булавки с треугольной головкой. Около булавок обычно находят мелкие янтарные бусы, которые, очевидно, привешивались к ним. В состав женских украшений входили еще бронзовые шейные гривны тех же типов, что и в мужских погребениях, ожерелья из бронзовых спиралек и колечкообразных подвесок, спиральные перстни и браслеты. Изредка в женских захоронениях обнаруживают шилья, ножи и каменные пряслица.

Грунтовый могильник Якштайчяй, находящийся в 15 км южнее г. Шауляй, дает представление о позднем этапе развития погребальной обрядности Жемайтии. В нем вскрыто 215 погребений XIV—XVII вв. по обряду трупоположения. Захоронения находились в ямах размерами в среднем 2×0,65 м при глубине 0,6—1,7 м. В XIV—XV вв. в нем господствовала восточная ориентировка, в XVI—XVII вв. преобладали погребения головой на запад. Рядности в расположении могил не наблюдается.

В мужских погребениях XIV—XV вв. найдены топоры, наконечники копий, мечи, кресала, точильные бруски. Для женских погребений этого времени характерны железные ножи, пряслица, иглы в костяных или бронзовых игольниках, но доминируют бронзовые украшения — шейные гривны с витой дугой в несколько оборотов, с пластинчатыми концами; ожерелья из бубенчиков и раковин каури; серьги, состоящие из проволочного колечка и проволочно-спиральных подвесок с бусиной; подковообразные застежки, кольцевидные и пластинчатые; разнотипные перстни; привески-амулеты из когтей крупных зверей. Ножи, монеты и глиняные сосуды есть как в мужских, так и в женских и детских захоронениях.

В погребениях XVI—XVII вв. обнаружены лишь ножи, перстни и монеты. Середина XVI в. — хронологическая граница между языческими и христианскими захоронениями. Для последних вещевой инвентарь уже нехарактерен.

На основе грунтовых могильников V—XIII вв. и обрисовывается территория расселения жемайтов (карта 45). Граница ареала этого племени проходила на западе по р. Юра до окрестностей г. Таураге и далее резко поворачивала на восток (примерно по р. Шешувис) в направлении нижнего течения Дубисы. Поречье Немана не входило в ареал жемайтов. На юго-западе они соседнили со скалвами, а на востоке соприкасались с аукштайтами. Бассейн р. Дубиса целиком входил в территорию жемайтов. На севере эта территория охватывала часть бассейна верхнего течения р. Вента, где жемайты вплотную соприкасались с земгалами. На стыке этих племен известны могильники с трупоположениями, содержащими и земгальские, и жемайтские элементы. Северо-западными соседями жемайтов были курши. Рубеж между этими племенами проходил в верховьях р. Миния.

История средневековых поселений жемайтов не может быть пока написана. Эта категория памятников в ареале исследуемого племени еще слабо изучена. На жемайтской территории известно свыше

100 городищ, но большинство из них не подвергалось археологическим раскопкам (Lietuvos archeologijos atlasas, 1975). Значительная часть городищ, очевидно, являются памятниками раннего железного века.

Раскопками изучены единичные средневековые поселения. Среди них наиболее исследованными являются городище и селище Имбаре, расположенные близ местечка Салантай на берегу р. Саланта при ее слиянии с р. Пилсунис. Имбарское городище было описано еще Т. Даугирдасом (Daugirdas T., 1889, s. 380—389). Его характеристика имеется в работах Й. Жогаса (Жогас Й., 1900, с. 41—47), Ф. Покровского (Покровский Ф., 1899, с. 91, 92), Б. Пшибыльского (Przybylski B., 1932, s. 5—8) и др. Начиная с 1969 г. раскопки на городище и селище, расположенном у его подножия, ведутся В. Даугудисом (Daugudis V., 1970a, 29—36 psl.; Jablonskis J., 1969, 346, 347 psl.; АО 1970 г., с. 320—322; АО 1980 г., с. 377, 378; АО 1981 г., с. 356, 357).

Для устройства городища был выбран невысокий мыс, с трех сторон ограниченный глубокими оврагами, а с напольной стороны, где площадка городища возвышается на 4,3 м, — искусственным рвом. Городище в плане имеет овальную форму, размеры его площадки 90×40 м. По периметру она защищена валом высотой 1,5—2 м. Кроме того, вал высотой 2,3 м разграничивает площадку на две части.

Мощность культурного слоя городища колеблется от 0,5—0,8 м в центре площадки до 1,5 м по краям. Раскопками установлено, что городище было обитаемо длительное время — с I тысячелетия до н. э. вплоть до XIII в. н. э. Выявлено четыре основных горизонта культурных напластований, два из которых относятся к периоду раннего железа.

Третий горизонт датируется серединой и второй половиной I тысячелетия н. э. В нем в срединной части городищенской площадки открыты следы наземных четырехугольных в плане жилых построек со столбовой конструкцией стен. В центре жилищ находились очаги в виде круглодонных ям диаметром 0,5—0,8 м и глубиной 0,5—0,7 м. В этот период несколько раз подновлялся вал. Внутри он был укреплен бревнами, а на вершине его зафиксированы ямы от вертикально вкопанных столбов, которые, по-видимому, составляли наземную деревянную конструкцию.

В отложениях третьего горизонта найдены фрагменты лепной керамики с гладкой и шероховатой поверхностью и часть женского головного бронзового венка того же типа, что встречаются в могильниках.

Верхний, четвертый горизонт культурного слоя Имбарского городища датируется X—XIII вв. Вал в это время был подсыпан в высоту. С внутренней его стороны была сложена насухо из камней стена, предохранявшая вал от оползания. В восточной части городища в валу обнаружены и исследованы остатки въездных ворот. Это были два ряда вертикальных столбов диаметром 20—30 см, поставленных на расстоянии около 2 м. Ворота имели деревянное перекрытие.

На площадке городища раскопками исследованы остатки хозяйственных построек, в которых обнару-

жены обугленные зерна пшеницы и ячменя. В верхнем горизонте слоя встречены лепная керамика того же облика, что в третьем горизонте, и большое число фрагментов глиняной посуды, изготовленной на гончарном круге. Найдены также железные ножи, подковообразные застёжки с завернутыми концами и пластинчатые браслеты.

При раскопках селища, примыкающего к городищу, в напластованиях V–VIII вв. обнаружены остатки наземных домов того же типа, что и в укрепленной части поселения. Очаги устраивались в виде округлодонных ям диаметром до 1 м и глубиной 0,5–0,7 м. В слоях этого времени найдена лепная керамика с гладкими и шероховатыми стенками.

Верхние горизонты культурного слоя селища относятся к X–XIII вв. В нем зафиксированы остатки наземных срубных жилищ размерами от 4 × 3,5 до 4,2 × 4 м. Отапливались они печами-каменками, расположенными в углу. При исследовании верхнего горизонта найдены фрагменты гончарной керамики, в меньшей степени — обломки лепных сосудов, а также железные ножи, шилья, косы, глиняные рыболовные грузила, бронзовые подковообразные застёжки, витая шейная гривна и другие предметы.

В 1977 и 1978 гг. А. Мерквявичюс и Й. Станкус раскапывали городище и селище в д. Вайтекунай в Радвилишкисском р-не (АО 1978 г., с. 436, 437; АО 1979 г., с. 459). Это мысовое городище, устроенное на берегу р. Шушве при впадении в нее ручья Вингрис. С трех сторон площадка городища размерами 38 × 18 м имеет крутые естественные склоны, а с напольной, юго-восточной стороны защищена валом высотой до 5 м и рвом. У подножия городища с юго-восточной и северо-западной сторон расположено селище.

Городище первоначально было заселено в первых веках нашей эры. Культурные отложения второй половины I — первых веков II тысячелетия н. э. имеют толщину 0,6–2 м. При их исследованиях обнаружены остатки бревенчатых построек размерами от 2 × 2 до 3 × 2 м. Разрез рва показал, что он имел ширину 5 м и глубину 2,35 м; на дне рва обнаружено множество костей животных, фрагменты гончарной керамики.

Селище синхронно описываемым напластованиям городища. О существовании построек столбовой конструкции свидетельствуют столбовые ямы и куски глиняной обмазки стен. Исследовано несколько хозяйственных ям. Как и на городище, здесь встречены лепная керамика с гладкой и шероховатой поверхностью и гончарная посуда XI–XIII вв. Среди вещевых находок, обнаруженных при раскопках городища и селища, имеются железные ножи, фрагмент косы, шило, точильные бруски, бронзовая подковообразная застёжка с маковидными головками.

Материалов для обстоятельной характеристики хозяйственной деятельности жемайтов пока недостаточно. Социальное расслоение жемайтского общества IX–XII вв. изучалось Л. Вайткунскене на материалах могильника Жасинас, расположенного в 5 км западнее г. Шилале (Vaitkunsienė L., 1978,

23–25 рsl.). На основе изучения остатков одежды, украшений и вооружения погребенных исследовательница выделила три социальных слоя в общине, которой принадлежал этот могильник.

К верхушке общества отнесены три мужских захоронения, в которых найдены мечи (привешивались к поясам, богато отделанным бронзой), наконечники копий, снаряжение коня и всадника, а также металлические украшения. Л. Вайткунскене считает, что это погребения верхушки, которая управляла общиной.

Вторую категорию составляют захоронения знатных воинов, входивших в состав дружины властелина общины. В таких погребениях присутствуют наконечники копий, топоры, боевые ножи, пояса, менее пышно украшенные бронзой, а также иногда и предметы снаряжения коня и всадника. Все эти предметы менее дорогостоящие, чем в погребениях верхнего сословия.

Погребения жепщин из знатной среды выделяются наличием большого количества украшений, нередко изготовленных из серебра. В таких погребениях обычны шапочки, сплошь отделанные металлическими колечками.

Погребения третьей категории, как мужские, так и женские, содержат небольшое количество предметов, а среди украшений в них отсутствуют изделия из серебра. Они принадлежат всей остальной массе общинников, включающей земледельцев, как свободных, так и попавших в зависимость, патриархальных рабов и др.

В завершение характеристики древностей жемайтов следует упомянуть языческое святилище, исследованное раскопками близ с. Моседис Скуодаского р-на (АО 1971 г., с. 330). Устроено оно было в болотистой, труднодоступной местности. Основными элементами святилища были большой жертвенный камень с цилиндрической выемкой паверху (ее диаметр 32 см, глубина 11 см) и яма. Нижняя часть камня — грубоотесанный четырехгранник, верхняя — цилиндр диаметром 1,15 м. Высота камня 0,8–1,1 м. Культовая яма имела воронковидные очертания, ее диаметр 1,5 м, глубина 0,7 м. Края ямы выложены камнями. Камень-жертвенник находился у северного ее края и был закреплен камнями. В яме во время языческих мольбищ, очевидно, горел огонь и, возможно, совершались жертвоприношения. При раскопках, помимо пепла и обожженных камней, обнаружены фрагменты трех глиняных сосудов, относящиеся к XVI–XIX вв. Христианство в Жемайтии было введено в 1413 г. Значит, Моседиское святилище функционировало уже в христианский период.

В Жемайтии, как и в других районах Литвы, известно большое количество культовых камней с выемками круглой формы или в виде отпечатков ног и различных других очертаний (Tarasenko P., 1958). Безусловно, все они связаны с древними языческими представлениями местного населения. Однако определить время их функционирования до производства раскопок не представляется возможным. Раскопки в Моседис свидетельствуют, что какая-то часть культовых камней является памятниками средневековой поры.

Аукштайты

Восточнее и юго-восточнее ареала жемайтов, в бассейне р. Няжевис, в низовьях правобережья р. Няриса и в поречье Немана от устья последнего до г. Смалининкай выделяется своеобразная группа могильников (карта 45). Они содержат погребения по обряду трупосожжения, часто сопровождаемые трупоположениями коней.

Археологические материалы свидетельствуют, что эта группа могильников дает основание для выделения этнографической, а следовательно, и племенной группировки древних литовцев. В научной литературе нет единого мнения относительно того, кто оставил эту группу могильников. Некоторые исследователи определяли их как жемайтские (Куликаускене Р., 1952, с. 118—120; Куликаускас П., 1954, с. 45).

Позднее Р. Куликаускене причислила рассматриваемую группу могильников не ко всем аукштайтам, а только к их западной группировке (Volkaitė—Kulikauskienė R., 1970, р. 32; Волкайте-Куликаускене Р., 1981, с. 10, 11), А. З. Таутавичюс полагает, что эти могильники целиком принадлежат аукштайтам — восточным соседям жемайтов (Таутавичюс А., 1968в, с. 63; 1980, с. 84, 85). С этим мнением, очевидно, нужно согласиться.

Историческая область Аукштайтис в XIII—XIV вв. охватывала не только регион описываемых могильных памятников, но более широкую территорию восточной Литвы от бассейна р. Няжевис на северо-западе до литовско-белорусской границы на юго-востоке (Папуто В. Т., 1959). Однако здесь, кажется, имело место распространение названия, производного от этнонима, на историческую область, охватывавшую более широкие пространства, чем племенной ареал аукштайтов.

Первые раскопочные исследования грунтовых могильников на территории расселения аукштайтов произведены Т. Даугирдасом в 1909 г. Объектом изучения был могильник Радикяй (Puzinas J., 1938, 263 psl.). В первые десятилетия XX в. в литовские музеи стали поступать вещи из случайно потревоженных захоронений аукштайтских могильников. В 20-х годах в Каунасский исторический музей доставляется коллекция из могильника XI—XIII вв. Тульпякиемис (Майшимай), раскапывавшегося неспециалистами. Основные же исследования погребальных памятников аукштайтов относятся к 30-м годам и к послевоенному периоду.

В 30-х годах раскопки этих могильников вели И. Пузинас, П. Баленюнас и др. И. Пузинас в 1938 г. производил работы на трех памятниках — Вершвай, Граужай и Римайсай, давших интересные захоронения с конскими трупоположениями (Puzinas J., 1938, 218, 219, 287—291 psl.; рав. 36, 77—86; 1941, 28—42 psl., lent. II—IX). П. Баленюнас в 1939—1941 гг. продолжил раскопки Вершвайского могильника, а в 1939 г. раскапывал также могильники Русейняй и Пакапай. Материалы последнего были позднее изучены и изданы Ю. Антанавичюсом (Antanavičius J., 1971, 147—163 psl.). В 1930 г. небольшие раскопки были произведены на могильнике Венславишкяй (Puzinas J., 1941, 37 psl.).

В 1930—1935 гг. исследовался могильник Раудоненай, в 1936 г. — Кейенай, в 1938 г. — Лайкишкяйский могильник.

Материалы большинства могильников, исследованных к началу 40-х годов, были использованы в сводной работе по литовским средневековым древностям М. Алсейкайте-Гимбутене (Alseikaitė-Gimbutienė M., 1946, s. 178, 187, 188, 197, 198, 202). Наряду с другими литовскими материалами результаты раскопок могильников Вершвай, Пакапай, Римайсай и др. позволили Р. К. Куликаускене написать интересную работу о погребениях с конями у древних литовцев (Куликаускене Р., 1953, с. 211, 222).

В 1954 г. О. Навицкайте продолжила раскопочные работы на могильнике Вершвай, в результате количество исследованных там погребений достигло 363. Материалы, полученные при раскопках могильника, были проанализированы и обобщены этой исследовательницей в двух статьях (Navickaitė O., 1957, 153—174 psl., 1958, 83—92 psl.).

Раскопочные изыскания в 50—70-х годах были продолжены и на ряде других могильников, уже известных науке. В 1959 г. К. Габрюнайте раскапывала могильник Радикяй, а в 1967 г. здесь вел полевые исследования Ю. Антанавичюс. В 1968 и 1969 гг. В. Урбанавичюс продолжил начатые в 30-х годах раскопки могильников Граужай и Русейняй (Urbanavičius V., 1970a, 82—86 psl.; 1970c, 86—89 psl.). При раскопках на площади Граужайского могильника был найден клад, состоящий из серебряных витой шейной гривны с орнаментированными пластинчатыми концами и наконечника ножен меча, украшенного ажурными колпачками, верхний из которых завершается двумя головками птиц (Urbanavičius V., 1970b, 77—82 psl.). В 1974 г. Ю. Маркелявичус и в 1975 г. Е. Йовайша продолжали исследования могильника Раудоненай. На могильнике Тульпякиемис возобновлены были небольшие раскопки в 1979 г. А. Варнасом.

Кроме того, в 60—70-х годах велись значительные раскопочные работы на вновь выявленных могильниках аукштайтов. В 1961 г. на могильнике Кремала, расположенном на правом берегу Немана в Каунасском р-не, под руководством Б. Таутавичене и В. Урбанавичюса вскрыто 1355 кв. м, в результате чего открыто несколько десятков погребений V—XV вв. В 1969 г. Ю. Антанавичюс вел раскопки могильника Романишкяй, а в 1970 г. — могильника Кейенай (Antanavičius J., 1972a, 51—56 psl.; АО 1971 г., с. 326—328).

Под руководством К. Габрюнайте и Ю. Антанавичюса в 1963—1974 гг. производились большие раскопочные работы на могильнике Пакальнишкяй, расположенном на левом берегу Немана. Было исследовано 3869 кв. м его площади, вскрыто несколько десятков трупосожжений людей и около 200 конских трупоположений. Найдено большое количество вещевого материала, датирующего памятник V—XIV вв. (Antanavičius J., 1969, 103—109 psl.; 1972b, 56—58; 1974, 86—91 psl.; 1978, 125—128; Габрюнайте К., 1965, с. 115—125; LLM, 1966, рав. 194—209; АО 1972 г., с. 413—416; АО 1973 г., с. 381; АО 1974 г., с. 386, 387).

В 1966 и 1967 гг. А. Меркявичюс исследовал 1378 кв. м площади могильника Нендриняй, нахо-

дящегося на правом берегу р. Шешупа. Открыты трупосожжения людей и трупоположения коней со сравнительно немногочисленным инвентарем, датированным XI—XIII вв. (Мерквявичюс А., 1968, с. 72—76; Таутавичюс А., 1970а, с. 234, 235; АО 1967 г., с. 273, 274). Это наиболее южный грунтовый могильник, относимый к аукштайтам.

Небольшие раскопки производились О. Кунецене в 1967 г. на могильнике Микитай, относящемся к XI—XII вв. (Кунецене О., 1968, с. 71, 72). В. Урбанавичюс в 1979 и 1980 гг. вскрыл 1100 кв. м на могильнике Обялай в районе Укмерге (АО 1980 г., с. 382, 383; АО 1981 г., с. 361, 362).

В аукштайтском регионе известно большое количество городищ. Однако большинство их не подвергалось раскопным исследованиям, и поэтому они хронологически неопределимы. К средневековым относятся городище Велюна, которое исследовал Л. Крживицкий в 1912 г. (Tarasenko P., 1956, 73—75 psl.; Kulikauskas P., Kulikauskienė R., Tautavičius A., 1961, 369, 370 psl.), и два городища около г. Сударгас на левом берегу Немана, обследованные Р. Волкайте-Куликаускасене и П. Куликаускасом в 1970 г. (Kulikauskienė R., Kulikauskas P., 1972, 11—16 psl. Kulikauskas P., 1975, 105—124; АО 1971 г., с. 324, 325).

Грунтовые могильники, относимые к аукштайтам, не имеют каких-либо наземных признаков. Наиболее ранние из них (V—VI вв.) биритуальные (табл. СХХ). Одни могилы содержат погребения по обряду ингумации, другие — трупосожжения. Трупоположения являются наследием предшествующего периода (I—IV вв. н. э.), когда, судя по хорошо исследованным могильникам Вершвай и Саргенай (Navickaitė O., 1957, 155 psl.; Kulikauskas P., Kulikauskienė R., Tautavičius A., 1961, 166—177 psl.), господствовал обряд ингумации. Мужчин и женщин хоронили в противоположных направлениях: женщин — головами на восток, мужчин — на запад или северо-запад. По обеим сторонам от головы и ног умерших нередко клали по камню. Погребальный инвентарь немногочислен. В мужских погребениях встречаются железные ножи, втульчатые топоры и посоховидные булавки, изредка бронзовые браслеты. В женских захоронениях обнаружены железные ножи и шилья, бронзовые булавки и браслеты.

Начиная с VII в. в могильниках аукштайтского региона господствуют трупосожжения. Кремация умерших совершалась на стороне. Для захоронений вырывались круглые или овальные ямы диаметром от 0,3—0,4 до 0,8—1 м. Изредка встречаются более крупные овальные ямы (размерами до 1,9 × 1 м). Кальцинированные кости складывались на дне ямы небольшой кучкой. Все погребения безурновые. Иногда сверху захоронение обкладывалось небольшими камнями. Ямы обычно заполнялись землей с углями. Погребальный инвентарь немногочислен. В основном это фрагменты различных украшений из цветных металлов. Крайне редко встречаются орудия труда и оружие. По краям могильников при раскопках обнаруживают ритуальные кострища, в которых попадают обожженные кости, фрагменты глиняных сосудов и других предметов.

В X—XIII вв. на могильниках аукштайтов, в отдельных частях или рядом с погребениями человека,

стали хоронить коней. Обряд погребения умерших оставался прежним (трупосожжение). Коней же погребали несожженными, часто с богатым снаряжением. Так, в могильниках Граужай и Русейнай остатки трупосожжений людей были помещены поверх захоронений несожженных коней. В могильниках Пакапай, Вершвай, Римайсай людей по обряду кремации хоронили в одной части, коней — в противоположной. В этих случаях коней закапывали в могильные ямы глубиной 0,4—0,6 м.

Обычно в конских могилах обнаруживают погребение одного коня. Вместе с тем известны случаи, когда в одной могиле встречаются два, три, четыре и даже восемь конских скелетов. Такие могильные ямы имеют неправильные очертания. Поэтому исследователи полагают, что это — не одновременные погребения. В одной яме хоронили коней повторно, трижды, четырежды и т. д. Первоначальные захоронения коней в результате оказываются потревоженными, а самое последнее погребение хорошо сохранившимся. Вместе с тем в единичных могильных ямах с богатым и знатным покойником хоронилось несколько коней. Естественно, что богатый воин «брал» с собой в «загробную жизнь» несколько коней. Герман Вартбергский сообщает, что князь Альгирдас был сожжен и погребен с 18 боевыми конями (SRP, II, p. 113).

Судя по расположению костей конских скелетов, кони нередко находились в могильных ямах в неестественном положении. Поэтому высказано предположение, что в некоторых случаях кони вталкивались в ямы еще живыми и закапывались. На основе полевых наблюдений при раскопках могильника Вершвай можно утверждать, что коней хоронили с завязанными глазами или с надетыми на голову мешками. По-видимому, коней перед захоронением сильно утомляли. Об этом сообщает немецкий хронист начала XIV в. Петр Дюсбург «...литовцы и другие неверующие этого племени упомянутую жертву по своему обряду сжигают в каком-нибудь святом месте, но коней так утомляют ездой, что они едва могут стоять на ногах» (SRP, I, p. 76).

Коней хоронили со снаряжением, часто дорогим и богато орнаментированным. Головы коней украшали бронзовыми спиральными пластинами, число которых колеблется от одной до трех. Пластины были посеребрены или орнаментированы штриховыми узорами. Они прикреплялись к узде или к гриве. У верхней части черепа коня часто обнаруживаются еще янтарные бусы в виде двойного конуса со срезанными вершинами.

В погребениях коней встречаются удила, нередко с железными, бронзовыми или костяными псалиями. В могильнике Граужай найдены костяные псалии со скульптурными изображениями конских головок. Аналогичные бронзовые псалии происходят из Вершвайского могильника. Далее, в конских погребениях часты разнообразные металлические оковки ремней, уздечки, железные пряжки и стремяна. Иногда захоронения коней сопровождаются и украшениями — бронзовыми бубенчиками, подвешивавшимися к узде, цепочками с подвесками, витыми шейными гривнами, стеклянными и янтарными бусами.

К настоящему времени в аукштайтском регионе раскопками исследовано свыше 1000 конских погреб-

бений, которые дали обильный вещевой материал. Один из выпусков «Литовского народного искусства» был посвящен предметам вооружения и снаряжения коня и всадника (LLM, 1966), значительная доля которых происходит из характеризуемого региона Литвы.

Погребения V–VII вв. открыты в могильниках Граужай, Обялай, Рамонишкяй, Венславишкяй и др. В Граужайском могильнике, расположенном на правом берегу р. Нявежис в 35 км севернее г. Каунас, исследованные труположения VI–VII вв. не имели строгой ориентировки. Они находились в могильных ямах глубиной 0,30–1,15 м. В мужских погребениях обнаружены узколезвийные проушны и втульчатые топоры, втульчатые наконечники копий, ножи, серп, арбалетовидные фибулы, трехгранные бронзовые браслеты и спиральные перстни.

Одним из исследованных в последние десятилетия является могильник Пакальнишкяй, находящийся на левом берегу Немана в 2,5 км северо-восточнее пос. Гелгаудишкис. Расположен он на всхолмлении площадью 227 × 140 м, примыкающем к болотистым лугам левого берега Немана.

В юго-восточной части всхолмления обнаружено место, где сжигали умерших. При раскопках (исследовано 150 кв. м) выявлен слой черно-углистого грунта толщиной 0,40–0,75 м, насыщенного угольками, золой и мелкими фрагментами кальцинированных костей. В этом слое на разной глубине собраны побывавшие в огне бронзовые подковообразные застегки с маковидными, грибовидными и звериноголовыми концами, кольцевые плоские пряжки, расплавленные арбалетовидные фибулы с длинной ножкой, обожженные наконечники копий, ножи, пряслица и др. Эти предметы относятся к VII–XIV вв. Общая площадь места кремации умерших достигает 500 кв. м.

Многолетними раскопками могильника вскрыто несколько десятков захоронений. Людей хоронили исключительно по способу сожжения. Часть погребений находилась в отдельных ямах поперечником 0,60–1,30 м и глубиной 0,15–0,30 м. Остатки трупосожжения в них вместе с угольками, золой и вещами сложены кучкой или разбросаны на дне могильной ямы. В других случаях остатки трупосожжения хоронились рядом с несожженными конями. Одно из захоронений человека находилось под двойным конским погребением, при этом одно из конских было частично разрушено. Очевидно, здесь погребение с трупосожжением было совершено позже, чем конское труположение. В могильнике зафиксировано несколько случаев, когда погребения с трупосожжением людей нарушали конские захоронения. В этих трупосожжениях найдены только подковообразные застегки.

В погребениях людей встречены немногочисленные вещи. Это бронзовая дугообразная фибула со звездчатой дужкой, подковообразные застегки со спиральными, грибовидными, утолщающимися и звериноголовыми концами, литые круглые пряжки, спиральные перстни, а также железные ножи, шилья, втульчатые наконечники копий, топоры, глиняные пряслица.

Коней в могильнике хоронили в ямах неправильной конфигурации размерами от 1,2 × 1,1 до 1,8 ×

1,1 м. Глубина их — от 0,4 до 1,6 м. Почти все ямы сужаются ко дну, иногда один край ямы на 0,10–0,30 м выше другого.

В большинстве случаев в ямах обнаружено по одному захоронению коня, в единичных — расчищено по два конских скелета. Как правило, кони ориентированы головой на юго-запад, но встречены также захоронения с северной и северо-восточной ориентировкой. Положение коней весьма различное. Одни лежат хребтом вверх с разнообразным положением головы: вытянутыми шеей и головой; прижатой к одному или другому боку головой; со склоненной к груди или положенной между передними ногами головой. Другие погребены на правом или левом боку с различным положением головы, третьи захоронены в скрюченном состоянии. Зафиксированы скелеты с согнутыми, прижатыми к бокам или вытянутыми ногами, на основе чего можно предполагать, что они пытались встать на ноги в момент погребения. В погребении 10 (раскопки 1971 г.) на голове коня расчищены остатки кожаного мешка, который, как полагал Ю. Антанавичюс, был средством удушения коня. Возраст большинства погребенных коней 6–11 лет.

Кони были похоронены с богатым и разнообразным снаряжением. Безынвентарные конские погребения единичны. Как правило, в каждом захоронении обнаружено множество разнообразных изделий. При каждом скелете коня найдены железные удила. Чаще они двухчленные, с железными или бронзовыми псалиями разнообразных форм. Имеются бронзовые псалии, на одном конце которых реалистически изображена головка лошади. Встречаются также трехчленные удила, некоторые из которых имели костяные псалии со скульптурным изображением головы коня на одном из концов. Железные псалии и изредка кольца удил украшались серебром.

В целом ряде конских погребений обнаружены фрагменты кожаных уздечек, оковавших железными или бронзовыми грибовидными гвоздиками. К боковым ремням узды иногда привешивались бронзовые бубенчики.

Головы коней украшались бронзовыми пластинами и спиральными. Пластины орнаментировались штриховыми узорами. Очень часто в верхней части черепа находилось по одной явтарной бусине. Бронзовыми спиральными украшались и гривы коней, а в отдельных случаях и хвосты.

От седел сохранились только железные пряжки и стремена различных типов. Преобладают стремена с плоской дужкой и прямым основанием, но немало и стремян с овальной дужкой, нередко стремена с изогнутым основанием. Некоторые стремена орнаментированы треугольниками, иногда украшены серебром.

Находки из погребений Пакальнишкяйского могильника датируют его V–XIV вв. Основная масса конских погребений относится к IX–XIII вв.

Вещевая коллекция, происходящая из конских погребений аукштайтского региона, весьма обширна и является основой монографического изучения отдельных категорий снаряжения литовского всадника и коня. Так, интересное исследование, посвященное стременам Литвы X–XV вв., написано Ю. Антанавичюсом (Antanavičius J., 1976, 69–80 psl). Этот

же исследователь описал и отдельные железные вещи из копских доспехов (Antanavičius J., 1975, 188—194 psl.). Шлемы из погребений могильников Пакальнишкяй и Дусяй обстоятельно исследованы К. Габрюнайте (Габрюнайте К., 1965, с. 125—132).

Каких-либо характерных этнографических женских украшений аукштайты не имели (табл. СХХI). Их ареал может быть ограничен лишь на основе распространения охарактеризованных выше погребальных памятников. Ядром территории аукштайтов был бассейн р. Нявежис. На востоке и юго-востоке они соседнили с племенем, которое называлось литва, на севере — с земгалами, на западе — с жемайтами. Кроме того, по-видимому, сравнительно узкой полосой территория аукштайтов простиралась вдоль течения Немана от низовьев Няриса до г. Смалининкай. Здесь аукштайты на севере соседнили с жемайтами, а на юге — с ятвягами.

Для аукштайтов были характерны неукрепленные поселения, которые пока не изучались археологами. Небольшие раскопки, произведенные на городищах в окрестностях Сударгаса, показали, что они имели незначительные культурные напластования. Использовались и городища раннего железного века. Так, на городище Жидкапай близ д. Гринайтчяй, основанном в первые века нашей эры, значительная перестройка укреплений относится к началу II тысячелетия н. э. В это время вал, защищавший поселение с южной и юго-западной сторон, был увеличен в высоту и ширину. Древнейший вал был сооружен из глины и имел высоту до 1 м; его поверхность была вымощена крупными валунами. На втором этапе вал был досыпан до высоты 3 м, для чего был использован слой черной земли, сверху укрепленный слоем битой глины толщиной 1 м. Средневековые напластования на площадке городища отсутствуют.

Второе средневековое городище в окрестностях Сударгаса находится в местности Бургайтчяй. Оно было устроено на мысу берега Нямупаса и теперь сильно разрушено его водами. С напольной стороны городище защищено валом высотой 3 м и шириной 4—6 м. Раскопками 1970 г. выявлен незначительный культурный слой, в котором собрана лепная керамика с гладкой и шероховатой поверхностью. На основе керамики городище датируется второй половиной I и началом II тысячелетия н. э.

Литва

Юго-восточная часть современной территории Литовской ССР с прилегающими к ней районами Белоруссии в эпоху средневековья заселяла племенная группировка, называемая литвой и давшая имя всей литовской народности.

В «Повести временных лет» литвой в разных местах называется и племя (ПВЛ, I, 1950, с. 10, 13), и народность (ПВЛ, I, 1950, с. 103). В других русских летописях этим названием именуются и народность, и страна — территория Литовского государства, и жители последнего.

В западноевропейских письменных источниках название «литва» впервые появляется в 1009 г. в Кведлинбургских анналах (Lietuvos TSR istorijos,

1955, 24 psl.). Начиная с XII в. этот термин довольно часто встречается в польских и немецких источниках.

Если этнонимы «жемайты» (лит. žemutinis — нижний) и «аукштайты» (лит. aukštutinis — верхний) прозрачны, то происхождение названия «литва» окончательно не выяснено исследователями. Высказано положение о связи этого этнонима с речным названием Лиетава (Lietava), приток р. Нярис (Кузавинис К., 1965, с. 74—75; Kuzavinis K., 1964, 5—16 psl.). Однако А. И. Попов считал это мнение неприемлемым, правда не приводя каких-либо возражений (Попов А. И., 1973, с. 91).

Погребальными памятниками племенной группировки литва были курганы, именуемые в научной литературе восточнолитовскими. Территория литвы в связи с этим выделяется среди соседних балтских племен отчетливо (карта 45). Погребальные памятники ее к тому же значительно лучше исследованы, чем грунтовые могильники жемайтов и аукштайтов.

Раскопки восточнолитовских курганов были начаты еще в первой половине XIX в. Этими памятниками в прошлом столетии интересовались и изучали их многие исследователи. Однако подробные описания результатов раскопок курганов отсутствуют, имеется лишь информация о полевых раскопках, а в музеях хранятся вещевые материалы, полученные при этих работах.

В 40-х годах XIX в. раскопками курганов занимались Е. Тышкевич и Л. Кондратович-Сирокомля, исследовавшие большое число насыпей в Чиобишкис Вильнюсского р-на (Tyžskiewicz E., 1842, s. 446—448), и П. С. Вильчинский, ведший исследования в трех могильниках — Клевицы Ошмянского р-на, Ужпалай и Сурдегяй Дусетского р-на (Вильчинский П. С., 1850, с. 41—48; Записки АНО, 1849, с. 261, 441; Balinski M., 1846, s. 280).

К 50-м годам относится большое число курганных раскопок. А. Киркор исследовал курганные насыпи в Бражола, Лентварис, Монтатай и Швента (Киркор А., 1859, с. 15—19; Kirkor A., 1855, s. 20—26). К. Тышкевич раскопал по нескольку курганов в могильниках Грабиолай, Кармазинай и Рисгоры (Tyžskiewicz K., 1871, s. 142, 212, 213, 223). П. С. Вильчинский производил раскопочные работы в курганной группе Семенишкес (ИАО, 1859, с. 174). А. Плятер исследовал свыше 70 курганов в Ракантишкес (ИАО, 1859, с. 28). Несколько насыпей в Судателе раскопал Ван Глазенберг. Л. Кондратович-Сирокомля вел раскопки курганов в Анцуляй (Покровский Ф. В., 1893а, с. 113).

В 1888 и 1889 гг. раскопки курганов производились Э. А. Вольтером в шести могильниках — Вевис, Науейи Мацеляй, Немунайтис, Орлишкес, Памусис, Пунионспилас (ОАК 1882—1888, с. 329—331; 1889, с. 51—55).

В том же году и в начале 90-х годов исследованием восточнолитовских курганов занимался В. А. Шукевич. Его работы охватили могильники Монтатай, Пабаряй и Памусис (Szukiewicz W., 1900, s. 3—18). В 1890 г. несколько курганов во Втором Грабиолайском могильнике раскопал А. А. Иохер (Покровский Ф. В., 1891), а Б. Кампинская вскрыла несколько насыпей в Вороннишкес.

В 1893 г. была издана «Археологическая карта Виленской губернии», составленная Ф. В. Покровским (Покровский Ф. В., 1893а), в которой были систематизированы все накопленные к тому времени данные о курганах и городищах восточнолитовского региона. Городища в то время оставались неизученными памятниками. На некоторых из них, правда, были произведены небольшие любительские раскопки, но они не имеют теперь научного значения.

Наиболее крупные и значительные исследования восточнолитовских курганов принадлежат Ф. В. Покровскому. В 1892–1895 гг. он раскопал около 150 курганных насыпей в 20 могильниках (Бейжонис, Борово, Гуски, Желядь, Засвирь, Зезюлка-Сидаришкес, Линтупис, Ловки-Антасаре, Лоша, Межонис, Палоша, Першукштас, Пильвинь, Поляны, Понизье, Римшаны, Сержанты, Тверечюс, Черная Лука и Швейцарай), расположенных в восточных районах Литвы и соседних районах Белоруссии. Материалы этих раскопок были обстоятельно опубликованы автором (Покровский Ф. В., 1893б, с. 136–139; 1893в, с. 122–132; 1895, с. 160–220; 1897, с. 138–196; 1899б, с. 71–171) и до сих пор являются важнейшим источником в изучении восточнолитовских курганов.

В 1895 г. небольшие раскопки курганов в Салакас вел К. Гуковский. В 1900 г. И. Жюгас раскопал около 40 насыпей в Лапушишке, а в 1908 г. исследовал курганы в Пасамане (Žiogas J., 1909, 314–324, 327, 329 psl.). В 1906 и 1907 гг. восточнолитовские курганы привлекли внимание В. А. Каширского, который в четырех могильниках (Велноню, Жеймена, Рекучай, Цигельня) раскопал восемь насыпей (Спицын А. А., 1907, с. 248–251). Т. Даугирдас и Л. Крживицкий произвели в 1909 г. небольшие раскопки в могильнике Дукштас. В двух могильниках — Маркинята и Сморгонь — 19 курганов в 1913 г. раскопал П. С. Рыков (Рыков П. С., 1914а, с. 13–17; 1914б, с. 18–22; 1914в, с. 7–13).

К первым десятилетиям XX в. относится начало научных исследований городищ. Раскопки Л. Крживицкого затронули в основном городища раннего железного века, но среди них некоторые имели и напластования средневековой поры (Крживицкий Л., 1913, с. 305, 306, 310, 311; Krzywicki L., 1914, s. 13–18). В 1907 и 1908 гг. городище Мажулонис, относящееся к XI–XIII вв., исследовал В. А. Каширский (ОАК, 1910, с. 106, 107; 1912, с. 161–163; Спицын А. А., 1925, с. 165, 166).

Значительное внимание было уделено восточнолитовским курганам в 1920–1940 гг.: литовскими и польскими археологами было раскопано около 300 погребальных насыпей в 20 могильниках. К сожалению, основная часть материалов этих раскопок осталась неопубликованной.

В 1927 и 1932 гг. Э. А. Вольтер раскопал около двух десятков курганов в трех могильниках близ Гуронай и Довайнионис. В 1928 г. Р. Якимович исследовал группу из 64 курганных насыпей в Жвирбляй (Jakimowicz R., 1929, s. 145, 146; 1948, s. 425, 426). Археологический музей Вильнюсского университета в 1934–1938 гг. проводил исследования в 10 курганных могильниках — Андреевцы, Бевандентишкес (Безводна), Жингяй, Кар-

мазнай, Лоша, Пликишкес, Парайсчяй, Почкалува, Сенейи Мацеляй, Яшунай (Sėhak-Holubowiczowa H., 1936, s. 25, 26, 1955, s. 312–330; Holubowicz W., 1937, s. 84–87; Holubowiczowie H. i W., 1940, s. 352). Около 30 насыпей в могильниках Засвирь и Межонис исследовано было в 1934 г. Варшавским университетом (Holubowicz W., 1934; Z otchłani wieków 1936, s. 67, 68). В том же году 15 курганов в Судата раскопала экспедиция Краковского университета (Z otchłani wieków, 1936, s. 67, 68). В 1938–1940 гг. археологи Музея культуры в Каунасе вели раскопки курганов в Бейжонис, Дубингяй и Скинейкай.

Результаты исследований восточнолитовских курганов были обобщены в работе М. Алсейкайте-Гимбутене, включавшей обширный список этих погребальных памятников (Alseikaitė-Gimbutienė M., 1946, s. 176–220).

В 20-х годах XX в. городищами Литвы занимался П. Тарасенка, составивший подробную карту их (Tarasenska P., 1928). Им же в 1933 г. исследовалось раскопками средневековое городище Великушкес (Tarasenska P., 1934, 411–414 psl.; 1956, 23–27 psl.).

В период после окончания второй мировой войны литовские археологи активно продолжали изучение восточнолитовских курганов и обратили внимание на исследование поселений внутри их ареала. В 1951–1954 гг. в могильниках Девенишкес, Диджюляй, Довайнонис, Капитонишкес, Каткушкес, Кургнай, Падваришкес, Пагинай (Боровка), Пошконис и Стакай вел раскопки курганов А. З. Тауавичюс (Tautavičius A., 1957, 95–109 psl.; 1958, 67–81 psl.). В 50-х годах исследованиями курганов занимались также В. Даугудис (Моша), Л. Гайлюшас (Бильдос), Н. Ковригинайте (Кунигишкес, Попай, Саусяй), Р. Куликаускаене (Пучкалаукис-Неменчине), О. Кунцене (Дарсуншкис) и О. Навицкайте (Лаваришкес). Эти материалы остались неопубликованными.

Важное исследование, специально посвященное восточнолитовским курганам, в котором были систематизированы и обобщены все собранные к тому времени археологические данные, было выполнено А. З. Тауавичюсом (Tautavičius A., 1955, 87–98 psl.; Тауавичюс А. З., 1959, с. 128–153). Эти погребальные памятники были рассмотрены тем же автором в книге «Очерки литовской археологии» (Kulikauskas P., Kulikauskienė R., Tautavičius A., 1961).

В 60–70-х годах исследования восточнолитовских курганов вели многие археологи. Интерес к этим памятникам не ослабевает. Р. Куликаускаене произвела раскопки в четырех могильниках — в двух около Русю Рагас, в Чиобишкис и Аукштайи Русокай (Куликаускаене Р. 1966, с. 11, 12; АО 1975 г., с. 402, 403). Наиболее крупные исследования принадлежат О. Кунцене. В могильниках Антсаре, Каткушкес, Пабаре, Памусяй, Саусяй и Скубетай ею раскопано около 70 курганных насыпей (Кунцене О., 1966; с. 50, 51; Kuncienė O., 1969, 57–68 psl.; 1970, 61–64 psl.; 1971, 73–85 psl.; 1972a, 50, 51 psl.; 1972b, 91–100 psl.; 1973a, 91–106 psl.; 1973b, 103–123 psl.). Но наиболее существенными являются работы О. Кунцене в курганном могильнике Григишкес (Наравай) в Тракайском р-не. В 1972–1977 гг. мо-

гильник, состоящий из 53 курганов, был раскопан полностью современной методикой (Kuncienė O., 1974, 55, 56 psl.; 1978, 59–63 psl.; 1980, 41–53 psl.; 1981, 93–102 psl.; 1982, 43–53 psl.).

Значительные работы по изучению восточнолитовских курганов проведены Э. Бутенеце. Раскопками затронуты могильники Забелишкес, Майсеюнай и Немайтонис (Butėnienė E., 1972a, 37, 38 psl.; 1972b, 39, 40 psl.; 1974, 53, 54 psl.), а во второй половине 70-х годов было раскопано 54 кургана в большом могильнике в местности Кретуонай, насчитывающем 413 насыпей (АО 1977 г., с. 421, 422; АО 1979 г., с. 450; АО 1980 г., с. 373; АО 1981 г., с. 351).

Менее крупные раскопки велись Д. Андрашюнайте в могильнике Мустеняй (Andrašūnaitė D., 1972, 36, 37 psl.), А. Гирининкасом — в том же могильнике и в Стрева (Girininkas A., 1974, 52, 53 psl.), Ю. Маркелевичюсом — в Паалдикис и Пуниос Шилас, А. Блююсом — в Ейтулионис (АО 1980 г., с. 350).

В 50–70-х годах XX в. много внимания уделяли литовские археологи исследованиям поселений. В 1952–1954 гг. П. Куликаускас проводит интересные раскопки на городище Неменчине (Kulikauskas P., 1958, 20–43 psl.; 1960, 43–45 psl.; Volkaitė-Kulikauskienė R., 1958a, 47–51 psl.). Р. Волкайте-Куликаускас в 1954 и 1955 гг. исследовала городище Мигонис (Volkaitė-Kulikauskienė R., 1958a, 33–37 psl.; 1958b, 44–57 psl.; 1959, 125–128 psl.). А. З. Таутавичюс в 1955 г. вел раскопки на городище Лаваришкес (Volkaitė-Kulikauskienė R., 1959, 130, 131 psl.), а О. Кунцене в 1957 г. исследовала городище Довайнонис (Volkaitė-Kulikauskienė R., 1959, 131–134 psl.).

Наиболее крупные раскопки производились в 1957–1960 гг. В. Даугудисом на городище Аукштадварис (Daugudis V., 1962, 43–69 psl.). Этим же исследователем изучались в 1970 г. городище Браделишкес (Daugudis V., 1972, 19–21 psl.), в 1972 г. — городище Бражуоле (Daugudis V., 1974, 19–22 psl.), в 1965 г. — поселение Лаваришкес (Даугудис В., 1966б, с. 7, 8). В. Даугудисом были обработаны и изданы материалы раскопок В. А. Каширского в 1907 и 1908 гг. городища Мажулонис (Daugudis V., 1961, 16–40 psl.).

В 1971 г. Д. Балчюнайте исследовала раскопками городище Меркине. Весьма интересные результаты получены при раскопках двух городищ и неукрепленного поселения в местности Наркунай (Утенский р-н), произведенных в 1975–1978 гг. Р. Волкайте-Куликаускас, П. Куликаускасом и А. Лухтаном (АО 1976 г., с. 432; АО 1977 г., с. 423, 424; АО 1978 г., с. 432; АО 1979 г., с. 452, 453).

Некоторые итоги изучения средневековых поселений подведены В. Даугудисом, правда суммарно, для всей территории Литовской ССР (Daugudis V., 1978, 14–47 psl.; 1982).

Обстоятельная информация о восточнолитовских курганах и поселениях их региона собрана в «Археологическом атласе Литовской ССР» (Atlasas, 1975; 1977).

Восточнолитовские курганы всегда расположены группами. Количество насыпей в них колеблется от нескольких до 100–150. Изредка встречаются и бо-

лее крупные могильники. По расположению курганов внутри могильников выделяются два типа их. Одни могильники состоят из курганов, расположенных бессистемно и компактно, другие характеризуются разбросанностью насыпей на большой площади. Литовские археологи полагают, что последние могильники в целом являются более поздними по сравнению с первыми. Всего в ареале рассматриваемой племенной группировки литвы в настоящее время известно не менее 250 могильников, в которых было около 7000 курганов восточнолитовского типа.

Это круглые в плане насыпи диаметром от 5 до 20–25 м и высотой от 0,3–0,4 до 2–3 м. Преобладают курганы высотой до 1,5 м и диаметром 6–10 м. Форма насыпей сегментовидная (табл. СХХII).

Ранние курганы (IV–VII вв.) в основании обложены венцом из камней. Для древнейших насыпей характерен венец, сложенный из валунных камней крупных размеров. В VI–VII вв. венцы иногда выкладывались из камней в несколько ярусов, а в южных районах ареала восточнолитовских курганов встречаются насыпи с венцами, достигающими половины их высоты. В VII в. обычай обкладывать курганы венцами из камней постепенно исчезает, но в виде исключения насыпи с каменными венцами встречаются еще в VIII–X вв.

Курганы VI–VIII вв. иногда окружены тремя-четырьмя удлиненными ямами, а начиная с VIII в. насыпи окольцовываются рвом шириной 3–3,5 м и глубиной до 0,8–1,2 м. В основании курганов прослеживается тонкая прослойка черно-серого цвета с многочисленными мелкими углями. Сами насыпи сооружались из чистого песка.

Курганы IV–V вв. содержат одно-два захоронения по обряду труположения. Умерших хоронили в отдельных грунтовых (подкурганых) ямах размерами 1,7–2×0,5–0,7 м и глубиной от 0,5 до 1,2–1,5 м. В виде исключения отмечены случаи, когда второе погребение располагается в основании кургана над первой могильной ямой.

Умерших хоронили в вытянутом положении. Погребения мужчин ориентированы головой на запад, а женщин — на восток. Положение рук различное. Детские захоронения, как правило, находятся в основании курганов. Около труположений встречаются мелкие угли.

В состав погребального инвентаря мужчин обычно входят железные предметы: нож, узколезвийный проушной топор, один-два наконечника копий, иногда и умбон щита (табл. СХХIII; СХХIV). Кроме того, встречены железные овальные пряжки, подковообразная застежка с выемчатой эмалью, фибула на звездчатой ножке, манжетовидные браслеты. В единичных захоронениях обнаружены шпоры и рога для питья (табл. СХХIV, 9). Погребальный инвентарь находится в основном у ног погребенных. Иногда рядом с мужчиной в одной яме больших размеров захоронен конь.

В женских труположениях восточнолитовских курганов встречаются украшения. Среди них имеются немногочисленные провололочные височные кольца со спиральным завитком на одном из концов (табл. СХХV, 4). Характерным украшением были шейные гривны с ложковидными концами или ви-

тые. Встречаются также ажурные подвески и браслеты, а иногда также железные ножи, шилья и глиняные пряслица.

Синхронными курганам IV—V вв. являются отдельные грунтовые погребения с труположениями, встреченные при неархеологических работах на той же территории. Грунтовые труположения идентичны подкурганым и сопровождаются инвентарем, тождественным материалу восточнолитовских курганов.

В V в. в восточнолитовских курганах появляются трупосожжения. В VI в. они уже преобладают. Наиболее поздние труположения в этих курганах относятся к первой половине VI в.

Курганы с трупосожжениями по внешнему виду не отличаются от насыпей с труположением. Кремация умерших совершалась на стороне. Собранные с погребального костра сожженные кости и остатки инвентаря, а иногда еще и небольшое количество углей помещали компактным скоплением в насыпи на различной глубине или на материке под насыпью. В одном кургане содержится от одного до трех — пяти захоронений; есть немногочисленные насыпи с шестью-семью трупосожжениями. Все захоронения безурновые. В X—XII вв. остатки кремации погребали часто в верхней части кургана на глубине не более 10—15 см. Подобные погребения могли быть со временем размыты дождевыми или талыми водами или развеяны ветрами. Видимо, этим объясняется наличие среди восточнолитовских курганов насыпей без захоронений. В виде редкого исключения встречаются курганы, насыпанные прямо на погребальных кострищах. Все они относятся к XI—XII вв.

Погребальный инвентарь в погребениях по обряду трупосожжения немногочислен. Он состоит из обгоревших, сломанных или деформированных изделий, кусков расплавившейся бронзы и стекла. Иногда встречаются и предметы, не побывавшие в огне. Погребальный инвентарь обычно складывался кучкой на остатках трупосожжения или рядом с ними.

В мужских погребениях по обряду трупосожжения раннего периода (VI—VIII вв.) обычны предметы вооружения. Почти в каждом таком захоронении обнаруживаются одно-два, а иногда и три наконечника копий, среди которых преобладают втульчатые с различной формой пера (табл. СХХIII, 13, 18—27). Иногда находят также умбоны щитов с конусовидной вершиной и узколезвийные топоры с профилированным обухом. Характерными предметами мужских захоронений являются железные ножи и узколезвийные проушные топоры. Встречаются также железные пряжки и железные или бронзовые арбалетовидные фибулы.

В погребениях конца I и начала II тысячелетия н. э. оружие встречается очень редко, в основном только в единичных богатых захоронениях. Для более ранних из них характерны короткие однолезвийные мечи, а в более поздних изредка находят двулезвийные мечи общеевропейских типов иногда с украшенными серебром рукоятками (табл. СХХIII, 1, 3, 8, 10). Рабочие топоры в это время также становятся редкими. Они постепенно совершенствуются — лезвия их становятся широкими, а отверстие для топорика овальным.

В женских погребениях с сожженными встречаются обычно железные шилья, несколько глиняных пряслиц и фрагменты бронзовых украшений.

Височные кольца из проволоки характерны только для самых ранних погребений с трупосожжениями. Довольно часты шейные гривны нескольких типов — с седловидными концами, с пластинчатыми заходящими друг за друга концами (табл. СХХV, 9), витые с конусовидными концами. Встречаются в женских погребениях также железные и бронзовые арбалетовидные фибулы, подковообразные застёжки с завернутыми в спираль или трубочку концами или со звериноголовыми концами (табл. СХХV, 19), браслеты с утолщенными концами, железные и бронзовые овальные пряжки, спиральные перстни, бронзовые ложноспиральные бусы биконической формы.

Иногда в восточнолитовских курганах недалеко от захоронений по обряду трупосожжения обнаруживаются глиняные сосуды (табл. СХХVI, 6, 7, 9, 10). Число их не соответствует количеству погребений. Так, в кургане 10 могильника Засвирь в основании насыпи найдено четыре горшка, а в насыпи имелось только два захоронения (Покровский Ф. В., 1899б, с. 87). В кургане 1 в Памусис выявлено три погребения, в стороне от них найдено два горшка (Szukiewicz W., 1900, s. 4). Высказано мнение, что в этих горшках приносились остатки трупосожжения с места кремации. Другие исследователи считают их просто обрядовыми.

В курганах с трупосожжениями второй половины I тысячелетия н. э. обнаружены небольшие горшкообразные сосуды и миски, изготовленные без гончарного круга. Они не орнаментированы и слабо обожжены. В курганах начала II тысячелетия н. э., кроме лепных горшков, найдены и гончарные, иногда украшенные волнистыми или горизонтальными линиями.

В течение всего периода бытования трупосожжений в восточнолитовских курганах сохраняется обычай хоронить коня. Наибольшего распространения он достигает в конце I и начале II тысячелетия н. э. Несожженного или сожженного коня обычно погребали отдельно от человека, насыпая ему специальный курган. Курганные насыпи с конскими захоронениями по внешнему виду не отличимы от курганов с трупосожжениями людей. В одном кургане находилось только по одному захоронению коня. Погребение коня по обряду трупосожжения помещалось в насыпи на различной высоте или в ее основании. Несожженного коня хоронили в неглубокой яме под курганной насыпью. Обычай погребать сожженного или несожженного коня в отдельном кургане сохраняется до XII в. Замечено, что для южной части ареала восточнолитовских курганов характерными были захоронения сожженных коней.

В виде редкого исключения встречаются захоронения людей в одном кургане с конем. В таких случаях погребения людей всегда безынвентарные. Только в одном из курганов Пабарай найдены вместе с конским снаряжением наконечник копья и топор, обычные для мужских трупосожжений.

Инвентарь конских погребений скромн. Это двучленные (табл. СХХIII, 30, 31) или трехчленные удила, иногда с псалиями, и железные пряжки. Сравнительно редко попадают стремена

(табл. СХХIII, 29, 33) и бронзовые бубенчики и колокольчики от узды. Часто рядом или поблизости от конского погребения находится железный серп.

Большинство находок из восточнолитовских курганов с трупосожжениями повреждено огнем и обнаруживаются в основном их фрагменты. Однако все же удается в ряде случаев восстанавливать форму и размеры украшений. Р. К. Волкайте-Куликаускаене на основе изучения вещевых остатков из восточнолитовских курганов восстановила женский головной убор VIII—XI вв. (Volkaitė-Kulikauskienė R., 1975, 85—94 psl.). Это был венок-оголовье, состоящее из бронзовых пластинок размерами от 3,5×3,5 до 5,2×3,5 см и нескольких рядов бронзовых спиралей. Основой этого убора в ряде случаев была тканая лента. Пластины богато орнаментировались. В затылочной части оголовья часто привешивались на бронзовых цепочках колоколовидные подвески.

Эти головные уборы вместе с ожерельями, состоящими из бронзовых спиральных бус биконических форм, составляли этнографическое своеобразие женщин литвы — племени, оставившего восточнолитовские курганы.

Для исследуемого региона во второй половине I тысячелетия н. э. и начале II тысячелетия н. э. были характерны и укрепленные, и неукрепленные поселения.

В VI—VIII вв. основная масса населения жила на селищах. Городища этого времени есть, но они имели чисто оборонительный характер. На их площадках нет культурных отложений того периода, но они были укреплены значительными земляными валами. Очевидно, городища были убежищами, а селения располагались у их подножий или в стороне.

Наиболее характерными городищами этого времени являются Лаваришкес, Довайнопис, Бродялишкес, Неменчице (табл. CIV, 2). Все они основаны были еще в эпоху раннего железа. Около середины I тысячелетия н. э. как поселения такие городища прекращают существование и используются в качестве временных убежищ.

Городище Бродялишкес устроено на мысу, образованном р. Дукшта в 2 км западнее местечка Дукштас. Площадка его овальной формы, размерами 80×30 м, с напольной стороны защищена валом высотой 1,5 м и рвом глубиной 2 м. Культурные напластования середины и второй половины I тысячелетия н. э. имели толщину 5—10 см. Построек не выявлено. Найдены бронзовая арбалетная ступенчатая фибула, глиняные пряслица цилиндрической формы и немногочисленные фрагменты лепной керамики с шероховатой поверхностью. Селище у подножия городища Бродялишкес размыто почти полностью рекой.

Городище Бражуоле в 6 км западнее г. Тракай устроено на высоком холме, на левом берегу одноименной речки. Со всех сторон его окружает болотистая местность. Площадка городища (около 2 га) окольцована земляными валами высотой около 2,5 м. Склоны городища с юга и запада вымощены камнями.

Раскопками памятника установлено, что первоначально поселение было защищено земляным валом до 0,5—0,6 м высотой. В середине и второй по-

ловине I тысячелетия н. э. городище сильно укрепляется. Воздвигается два вала высотой до 1,5 м, разделенные рвом глубиной около 1 м. Валы были насыпаны из земли. Бревна и камни создавали прочность его. К этому времени на городище относятся фрагменты лепной керамики с шероховатой поверхностью.

Городище Лаваришкес в 30 км северо-восточнее Вильнюса устроено было на вершине холма и имело миниатюрные размеры: площадь его около 60 кв. м. Поселения располагались у его подножия, на обоих берегах р. Вильняле. При их раскопках обнаружены остатки железоплавильной печи, сложенной из глины. Форма ее коническая, размеры основания 1,3×1,2 м. Сохранившаяся часть шахты имела диаметр 0,20—0,27 м. В культурном слое найдена глиняная посуда с шероховатой поверхностью и немногочисленные фрагменты штрихованной керамики, позволяющие определять время поселения IV—III вв. до н. э.

Обобщая немногочисленные пока материалы по поселениям у подножья городищ, Р. Волкайте-Куликаускаене полагает, что они занимали значительные площади и состояли в среднем из 10 усадеб. Росли они стихийно, застройка была бессистемной (Volkaitė-Kulikauskienė R., 1959, 135—137 psl.).

Сведений для характеристики домостроительства при исследовании поселений рассматриваемого времени собрано очень мало. Они указывают только на то, что в этот период сооружались наземные четырехугольные постройки с открытыми очагами. Часть их была срубными, другие имели стены столбовой конструкции. Об их размерах и планировке данных нет. Полы были глинобитными. Очаги имели диаметр в среднем около 1 м и сооружались из кампей и глины или только из камней. В. Даугудис посвятил специальную большую статью деревянным оборонительным конструкциям и постройкам V—VIII вв. на поселениях Литовской ССР (Daugudis V., 1981, 61—72 psl.).

Значительная часть городищ-убежищ в IX—XIII вв. была плотно застроена и заселена. Вновь возникшие городища этого времени единичны, они также использовались как места поселений.

В рассматриваемый период городища заново укреплялись. Так, площадка городища Мажулонис окружается мощным валом высотой до 5—6 м. Земляные валы литовских городищ обычно скреплялись бревнами толщиной 15—20 см, которые клались вдоль и поперек попеременно с грунтом. На вершинах валов некоторых городищ прослежены остатки деревянных стен.

При раскопках городищ Мажулонис и Аукштаварис на их площадках вдоль подножия вала изучены остатки бревенчатых строений, разделенных на ряд небольших помещений хозяйственного назначения. В одном из них, исследованном на Мажулонисском городище и имевшем размеры 3,5×1,5 м, сохранилось семь венцов. В помещении найдены широколезвийный топор, фрагменты косы и ножей, несколько точильных камней, две пары железных удиц, двое посеребренных стремян, четыре железных наконечника стрел, семь шиферных пряслиц, несколько бронзовых бубенчиков и шарообразные стеклянные бусы.

Вблизи таких строений на площадках городищ размещались жилые срубные постройки размерами от 4×3 до 4×4 м. На городище Аукштадварис они имели полы из толстых досок и печи в углу, сложенные из камней и глины. В хозяйственных постройках полы были земляными. На Неменчинском городище в слоях IX—XIII вв. открыты каменные вымостки (встречено также большое число кусков глиняной обмазки), которые могли быть остатками полов. Камнями вымачивались также дворы. Отопительными устройствами здесь были очаги из камней.

Литовские исследователи считают городища IX—XIII вв. феодальными замками.

У подножия ряда городищ имелись селища, отличающиеся крупными размерами (площадью 2—5 га). Кроме того, судя по письменным источникам, большое число селищ — небольших деревень IX—XIII вв. — располагалось вдали от замков. Однако исследования последних еще не начаты, и поэтому они не могут быть пока охарактеризованы даже в самых общих чертах.

Хозяйственная деятельность населения, оставившего восточнолитовские курганы, развивалась так же, как в землях других литовских племен. Поэтому ее, как и торговые связи, целесообразно рассмотреть в следующем разделе.

Основной территорией племени литва был бассейн р. Нярис с его правыми притоками Швянтойей, Жеймянной. В нижнем течении Няриса и на правобережье Швянтойи литва соседствовала с аукштайтами. Ее северными соседями были латгалы; их рубеж примерно соответствовал современной границе между Литовской и Латвийской республиками. На востоке ареал литвы достигал верховьев Дисны, левого притока Западной Двины, оз. Нарочь, верхнего течения р. Вилии. Здесь литва соприкасалась с кривичами (Седов В. В., 1982, с. 158—160). Далее на юге граница расселения литвы, охватывая бассейн р. Миркис, достигала Немана и поднималась по его течению до низовьев Няриса. Южными и юго-западными соседями были ятвяжские племена, а после их славянизации в Белорусском Полесье — древнерусское население Черной Руси.

В I тысячелетии до н. э. и в первой половине I тысячелетия н. э. будущий ареал литвы был частью обширной территории культуры штрихованной керамики, оставленной одним из древних племенных образований балтов (Третьяков П. Н., 1966, с. 174—177; Седов В. В., 1967, с. 177—194; 1970б, с. 18—25; Митрофанов А. Г., 1969, с. 69—75; 1978, с. 8—83; Данилайте Е., 1970, с. 44—48; Граудонис Я. Я., 1980, с. 59—69; Atlasas, 1975, žem 5).

В литературе было высказано мнение, что памятники культуры штрихованной керамики оставлены восточнолитовскими племенами (Таутавичюс А. З., 1959, с. 142—144; Моора Х. А., 1958, с. 24). Отрицая это, Ф. Д. Гуревич полагала, что литовские племена только около середины I тысячелетия н. э. расселились в той местности, которая отводится им в эпоху средневековья. Исследовательница допускала, что пришельцы вытеснили прежнее население этого региона — носителей культуры штрихованной керамики (Гуревич Ф. Д., 1962, с. 33—36). Ошибочность этих утверждений представляется бесспор-

ной (Седов В. В., 1970б, с. 22). Но вместе с тем нельзя относить и всю культуру штрихованной керамики к восточным литовцам.

Обычай сооружения курганных насыпей в рассматриваемом регионе культуры штрихованной керамики безусловно был привнесен извне. Вполне очевидно, что курганный обряд в восточные районы современной Литовской ССР пришел из срединных и северных районов Литвы, а также смежных с ними районов Латвии, где курганные погребения известны с первых веков нашей эры (Kulikauskas P., Kulikauskienė R., Tautavičius A., 1961, 158—166 psl.; Моора Х. А., 1954а, с. 9—17; Михельбертас М., 1968, с. 37—46; Таутавичюс А. З., 1980, с. 82). Общие элементы в деталях обрядности и в погребальном инвентаре, присутствующие в курганах средней и северной Литвы, с одной стороны, и в ранних восточнолитовских курганах — с другой, делают этот вывод вполне обоснованным.

Очевидно, курганный обряд захоронения в части ареала культуры штрихованной керамики распространился не сам по себе, а стал результатом миграции населения с северо-запада. В дальнейшем эволюция восточнолитовских курганов была обусловлена взаимодействием пришлого населения с местными племенами — потомками племен культуры штрихованной керамики.

Как уже отмечалось, ранние курганы восточной Литвы содержат захоронения по обряду ингумации. Этот обряд был типичен для курганных захоронений северной Литвы и южной Латвии. Поэтому восточнолитовские курганы с труположениями можно считать памятниками пришлого населения.

Распространение же обряда кремации в восточнолитовских курганах, скорее всего, является результатом воздействия погребального ритуала аборигенов, потомков носителей культуры штрихованной керамики. На территории современной Литвы обряд кремации умерших в третьей четверти I тысячелетия н. э. ограничен исключительно ареалом культуры штрихованной керамики.

Таким образом, раннесредневековая литва как особое балтское племя сформировалась в результате взаимодействия местного населения — потомков носителей культуры штрихованной керамики — с пришлым с северо-запада, принесшим сюда обычай погребения под курганными насыпями. Очень скоро (судя по замене обряда ингумации на трупосожжения) последние растворились в среде местного населения (Седов В. В., 1970б, с. 22—25). В восточных районах ареала культуры штрихованной керамики, которых миграционная струя с северо-запада не достигала, курганный обряд погребения не был известен.

Литовская народность

На археологических материалах можно исследовать только самый начальный процесс формирования литовской народности.

Основными занятиями литовских племен были земледелие и скотоводство. К сожалению, находок пахотных орудий труда в памятниках второй половины I тысячелетия н. э. пока не обнаружено. Од-

нако известен железный лопатовидный наральник с селища Юдоонис, датируемый первыми веками нашей эры (Nakaitė L., 1959, 146 psl., pav. 2, 2). При раскопках Майшиягальского городища найдены языковидный наральник и пара сошников, принадлежавших двузубой сохе (Volkaitė-Kulikauskienė R., 1974, 51–53 psl., pav. 3, 4). Наральник датируется XII–XIII вв., сошники — XIV — началом XV в. Эти данные дают возможность утверждать, что в начале II тысячелетия н. э. в Литве для обработки почвы под пашню употреблялись однозубое рало и более совершенное орудие — двузубая соха.

Для уборки урожая применялись железные серпы. Последние нередко встречаются в погребениях восточнолитовских курганов; найдены они и на поселениях, в частности на городище Майшиягала их обнаружено шесть.

Остатки обуглившихся зерен культурных растений обнаружены при раскопках нескольких поселений. На городище Мажулонис еще при раскопках В. А. Каширского в слоях IX–XIII вв. найдены зерна проса, ячменя, пшеницы и ржи. Особенно много зерна обнаружено на Майшиягальском городище. Среди зерновых на этом памятнике, как и на других литовских поселениях, преобладает рожь, особенно озимая. Широко были известны, кроме того, несколько сортов пшеницы и ячменя, а также овес. Сеяли еще гречиху, коноплю, мак, зернобобовые культуры (горох и конский боб). На Майшиягальском городище зафиксированы семена сорняков со старопахотных окультуренных земель.

Собранные материалы позволяют утверждать, что в Литве в первых веках II тысячелетия н. э. пользовались паровой системой земледелия, а в крупных феодальных центрах практиковалось трехполье, о чем упоминают документы XIII–XIV вв. (Lowmianski H., 1931, s. 215–217).

Наряду с пашенным земледелием, очевидно, существовало подсечно-огневое. Роль последней системы постепенно уменьшалась. Отдельные сведения о подсечном хозяйстве имеются еще в XVII в. (Дундулене П. В., 1950, с. 77). О запятни огородничестве свидетельствуют находки семян овощей, а также мотыг и оковок лопат.

Основным источником изучения скотоводства в Литве являются остеологические материалы, обнаруживаемые в культурных отложениях поселений. Анализ костных остатков позволяет утверждать, что на первом месте находилось разведение крупного рогатого скота. Конские погребения, широко представленные в литовских могильных памятниках, дают основание говорить о том, что кони составляли значительную часть стада (после крупного рогатого скота). В остеологических же материалах с поселений на втором месте стоят кости свиньи, на третьем — мелкого рогатого скота (Volkaitė-Kulikauskienė R., 1978, 64–68 psl.).

В средневековых памятниках Литвы неоднократно найдены косы — орудия, связанные с сенокосом. Для сенокоса могли применяться и серпы.

По-видимому, в первые века II тысячелетия н. э. скотоводство доставляло основной продукт мясной пищи. Охота в хозяйстве литовцев играла второстепенную роль. Так, на городище Майшиягала 99,9% остеологического материала составляли кости

домашних животных. Здесь найдены были единичные кости зубра, олепа, кабана. На городище Аукштадварис в слоях XI–XIV вв. на долю костей диких животных приходится 16,7%, на Неменчинском — свыше 30% (Volkaitė-Kulikauskienė R., 1978, 68 psl.). Среди этих костей немалую часть составляют костные остатки бобра. Все же следует иметь в виду, что остеологические материалы с поселений несколько приуменьшают роль охоты. Они не учитывают, что в рассматриваемый период охота в значительной степени имела характер пушного промысла.

Можно предполагать, что до VIII в. кузнецы литовских племен были одновременно и земледельцами. Анализ железных изделий V–VII вв. свидетельствует о застойных явлениях в технологии кузнечного дела (Stankus J., 1970a, 57–74 psl.). Позднее, в период зарождения и формирования классового общества, кузнечное дело постепенно отделяется от сельского хозяйства. В X–XIV вв. наблюдаются интенсивное развитие кузнечного ремесла и дифференциация его на отдельные отрасли. Металлографический анализ железных изделий из памятников X–XIII вв. показывает, что литовские кузнецы применяли различные технологические способы, включавшие ковку, сварку и наварку стальных полос, науглероживание поверхности, изготовление узорчато-дамасских изделий. По сравнению с предыдущим периодом в IX–XIII вв. количество цельножелезных изделий уменьшается в два раза (Stankus J., 1970b, 113–133 psl.; 1978, 73–88 psl.). Очевидно, развитию кузнечного дела способствовал спрос на высококачественные изделия.

Изготовление изделий из цветных металлов было известно на территории Литвы еще до нашей эры. В эпоху средневековья литовские племена вступали с развитыми бронзолитейным и ювелирным ремеслами (Vaitkunskienė L., Merkevičius A., 1978, 89–116 psl.). Сырьем для производства бронзовых изделий служили бронзовые палочки, поступавшие в Литву из других стран, старые и поломанные предметы, поступавшие на переплавку. Местные ремесленники при изготовлении изделий из цветных металлов использовали литье, ковку и волочение проволоки. Орудия труда бронзолитейщиков — тигли, льячки и литейные формы — неоднократно были найдены на многих поселениях. Для отделки предметов применялись гравировка, шлифовка, кручение, плакировка, штамповка, плетение, скань. Ювелиры искусно серебрили изделия из бронзы, железа и олова. Наиболее распространенными орнаментами были геометрические и растительные. При изготовлении некоторых изделий использовались элементы зооморфных мотивов.

Остатки ювелирных мастерских исследованы на городищах Аукштадварис, Мажулонис, Экете и др. В могильниках Граужай (Vaitkunskienė L., 1981, 33–43 psl.; 1982, 58–70 psl.) и Саргенай открыты погребения ювелиров-ремесленников.

В IX–XIII вв. в связи с ростом производства заметно активизировались торговые и культурные связи литовских племен как внутри их территорий, так и с соседними землями и отдаленными краями.

Развитию обмена способствовал подъем бронзолитейного и ювелирного ремесел, требующих сырья

для изготовления украшений из цветных металлов, которых в Литве не было. Сырье в виде бронзовых палочкообразных слитков привозилось со Среднего Подунавья, а серебро в виде монет и слитков — с Ближнего Востока и из Западной Европы. Оживлению торговли во многом способствовала историческая ситуация того времени: образование Древнерусского государства с его городами — важными центрами ремесла и торговли, возрастающая роль западноевропейских городов.

Непосредственным отражением развития торговли на территории Литвы являются погребения купцов X—XIII вв., обнаруженные при раскопках в более чем 50 могильниках. Важнейшими атрибутами купцов являются небольшие складные весы (найденно свыше 60 экземпляров) и железные гири, покрытые бронзой, усеченно-конической, боченкообразной, реже многогранной формы. Весы и гири в Литве появляются во второй половине X в., но большинство их относится к XI—XII вв. Кроме того, погребения купцов выделяются богатым инвентарем, а иногда оружием (мечи, наконечники копий) и предметами снаряжения коня.

В Литве применялись две системы взвешивания. Одной весовой системе соответствуют гири весом от 3,9 до 5 г. Это восточная система, покоящаяся на куфических монетах (вес арабского дирхема около 4 г). Единицами веса второй системы были гири весом 8—10 г, что соответствует весу скандинавского артуга (8,5 г).

Самыми прочными и постоянными были торговые отношения с Древней Русью. Отсюда в литовские земли привозились шиферные пряслица, различные бронзовые и серебряные изделия — витые плетеные браслеты, браслеты-наручи, подвески крестовидной формы, шейные гривны, сканные бусы, лунницы, зооморфные подвески и др. Из Руси доставлялись также стеклянные бусы, предметы христианского культа, киевские денежные гривны.

Через земли Руси и при ее посредничестве шла торговля со странами Ближнего Востока. Оттуда в Литву попали арабские монеты, позолоченные, посеребрённые и полихромные стеклянные бусы и раковины каури.

Важная роль в развитии торговых связей Литвы принадлежала Скандинавии. К VIII — началу IX в. относятся бронзовые позолоченные круглые фибулы, круглая ажурная фибула и свыше 20 наконечников копий с втулками, украшенными готическим орнаментом, импортированные с Готланда. К концу IX — первой половине X в. принадлежат найденные на территории Литвы изделия шведского происхождения: круглые стилизованные фибулы, наконечники ножен мечей с зооморфным орнаментом, стремена, шпоры и др. Импорт из Скандинавских стран возрастает во второй половине X — начале XI в., когда доставляются мечи, разделители поясов и др.

Торговля осуществлялась также внутри страны, с прусскими и латышскими племенами, с землями западных славян. В частности, из Польского Поморья ввозилась в литовские земли соль, через посредство западных славян доставлялось бронзовое сырье. Попадали в Литву и изделия из прирейнских областей (мечи).

Литовские племена в обмен вывозили в разные страны свои товары. Они экспортировали воск, меха, мед, янтарь, иногда зерно, а также изделия ремесленников — витые шейные гривны с конусовидными и седловидными концами, подковообразные застёжки с утолщенными и расширяющимися концами и с концами в виде маковой головки, булавки с треугольными и крестовидными головками, браслеты и т. д.

Основными путями сообщения были реки Неман, Нярис, Швентойя, Дубиса, Нявежис и более мелкие и, конечно, Балтийское море. Средства передвижения по воде в эпоху средневековья исследовались О. В. Кунцене (Kuncienė O., 1975, 51—58 psl.). Анализу торговых и культурных отношений литовских племен с соседними и отдаленными землями были посвящены работы О. В. Кунцене и А. З. Таутовичюса (Kuncienė O., 1972c, 149—254 psl.; 1978b, 49—82 psl.; Tautavičius A., 1972, 126—148 psl.).

Р. К. Куликаускаене полагает, что ядро литовской народности начало складываться в регионе восточнолитовских курганов. Здесь оформляются особенности литовского этнографического женского костюма, что археологически проявляется прежде всего в головном уборе и шейных украшениях. На этой территории находятся центры раннефеодального Литовского государства, здесь возникают такие крупные городские центры, как Тракай, Кернаве, Вильнюс и Майшиягала, сконцентрированы самые крупные клады литовских серебряных слитков.

Процесс консолидации племен, вошедших в состав литовской народности, по археологическим данным, по мнению Р. К. Куликаускаене, прослеживается по распространению обряда трупосожжения. В VII—VIII вв. обряд кремации умерших становится господствующим на значительной части литовской территории, объединяя эти земли. В конце I и начале II тысячелетия н. э. из Восточной и Средней Литвы этот погребальный ритуал распространяется в западные районы (за исключением региона жемайтов). Объединяющим элементом культуры всех литовских племен являются также погребения с конями.

Это был период самой начальной стадии формирования литовской народности. Дальнейший генезис ее теснейшим образом переплетается с историей Литовского государства. Все племена балтской языковой группировки, оказавшиеся в пределах территории этого государства, слились в одну литовскую народность (Куликаускаене Р. К., 1977, с. 61—65).

Глава восьмая

Западнобалтские племена

Прусы

Прусы неоднократно упоминаются в древнерусских летописях. В «Повести временных лет» сообщается, что жили они на побережье Варяжского моря. Этноним *прусы* (прецун) впервые, как полагают исследователи, появляется в письменных источниках в IX в., в Мюнхенском кодексе «*Nomina divergarum provinciarum et urbium*». К X в. относится опись земель римско-католической церкви, в которой названа «*Pruzze*» — область, пограничная с Польшей и Русью (Кушнер П. II., 1951, с. 154). В 965 г. о пруссах под именем «брус» писал Ибрагим ибн-Якуб, посетивший западнославянские земли. Он сообщает, что с польским государством князя Мешка на востоке соседит Русь, а на севере — брус. Смещение *n* и *b* в арабской фонетике — обычное явление. Арабский географ Ибн-эль-Варди называет пруссов *бераци*, а Идриси отмечает землю Боросия в Прибалтике. Это имя встречается и позднее на европейских средневековых картах. Этноним *прусы* известен скандинавам и полякам уже в XI в. В документах Тевтонского ордена пруссами называется местное население завоеванных земель в Южной Прибалтике (Pierson W., 1869, s. 100—102).

На основании всех этих данных можно заключить, что пруссы — многочисленные племена, населявшие побережье Балтийского моря от Вислы до Немана. В составе этнической группировки пруссов известны более мелкие племена. Так, жители Земландского полуострова в документах Ордена именуется сембиями, в низовьях Немана жили шалавы (скалвы). Согласно орденским актам XIII—XIV вв., в Пруссии имелись следующие области: Самбия, Натангия, Надровия, Шалавия, Вармия, Барта, Помезания, Помезания, Карссовия, Галиндия и Судавия. Трудно сказать, соответствует ли это областное деление племенному членению пруссов. Определенно от этнонимов производны названия Самбии, Галиндии и Судавии, при этом галинды и судавы-явтяги были не прусскими племенами, а самостоятельными племенными образованиями западных балтов. Археологически выделяются и скалвы, древности которых получили характеристику в специальном разделе.

О происхождении этнонима *прусы* написано очень много, но большинство объяснений являются лишь более или менее удачными догадками. Заслуживают внимания два толкования. Одно из них восходит к Т. Нарбуту (Нарбут Т., 1822, с. 221—226). Как известно, правый рукав Немана в его устье называется Русс, а залив, в который он впа-

дает, именовался прежде Руссна. Оба гидронима производны от литовского апеллятива *gus-* (впадина, русло реки, промоина). Согласно Г. Нарбуту, предки пруссов жили когда-то в нижнем течении Немана, по Руссу и вдоль Руссны, и отсюда стали называться «поруссы — пруссы».

О. Н. Трубачев полагает, что этноним *прусы* невозможно этимологизировать на основе балтских языков и что здесь, возможно, имело место усвоение западными балтами германского племенного имени фризы (Трубачев О. Н., 1965, с. 17—19).

Накопление данных об археологических памятниках пруссов началось еще в XVII—XVIII вв., когда появились их первые описания. В 1790 г. в Кенигсберге было создано Естественно-экономическое общество, интересовавшееся и археологией. В 20-х годах XIX в. вышла в свет «История Пруссии», написанная немецким историком И. Фойгтом. Историю пруссов он попытался восстановить на основе информации орденских летописцев. Он утверждал, что в земле пруссов было много укрепленных поселений, которые были использованы при строительстве замков крестоносцами (Voigt Y., 1827, s. 536, 537; 1829, S. 232—235).

Первым значительным шагом в изучении памятников археологии пруссов является деятельность Ф. Гизе, который зафиксировал и описал около 300 городищ. Его работа осталась в рукописи, но была широко использована впоследствии.

Во второй половине XIX в. начинаются широкие раскопки могильных памятников, которыми весьма богата территория нынешней Калининградской области. Развитию археологии пруссов в немалой степени способствовало создание Общества по изучению древностей «Пруссия» (основано в 1844 г.). Результаты раскопок публиковались в «Известиях» этого общества (Sb. Prussia; Prussia, 1873 и след.) и «Записках Естественно-экономического общества» (Altpreussische-Monatsschrift).

Собранные при раскопках могильников значительные вещевые материалы были в 80-х годах научно обработаны О. Тышлером. В его работе общую характеристику получил обряд погребения пруссов и на основе эволюции вещей была предложена хронологическая периодизация их древностей. Основное внимание при этом, правда, было уделено первой половине I тысячелетия н. э. (периоды А—Е). После VI в., по представлениям О. Тышлера, развитие культуры в Самбии прерывалось и лишь в конце I — начале II тысячелетия н. э. здесь вновь появилось большое число могильников, которые названы были позднейязыческими.

Раскопки могильников пруссов активно продолжались и в последующие годы. Среди исследован-

ных памятников можно упомянуть могильники Коврово (Айссельбиттен), в котором вскрыто 250 погребений (Tischler O., 1902, S. 26, 27), Грейбау, где раскопано свыше 300 погребений (Tischler O., 1902, S. 15–25), Варникам (Tischler O., 1877, S. 269–278).

Материалы VI–VIII вв. дали могильники Тумяны (Heydeck J., 1895, S. 41–80) и Келары (Hollak E., Bezzenberger A. 1898, S. 160–198), расположенные несколько южнее, в Ольштинском воеводстве Польши.

Интерес к поселениям пруссов был меньшим, и они изучались в основном по сведениям средневековых авторов. Можно назвать интересные изыскания Ф. Бёнигга о внешнем облике городищ, их оборонительных сооружений (Boenigk F., 1879–1880a, S. 59–80; 1879–1880b, S. 129–139). Учетом поселений занимались также К. Кассвюрм (Kasswürm K., 1873, S. 72–80) и К. Бекгерн (Beckhern C., 1887–1888, S. 11–22; 1895, S. 353–410).

В начале XX в. появились работы обобщающего историко-культурного характера. Так, А. Беценбергер в книге о бронзовых изделиях Восточной Пруссии (Bezzenberger A., 1904) исследовал их происхождение и датировку. При этом он дополнил периодизацию О. Тышлера периодами F (VI–VIII вв.), G (IX–XI вв.) и H (XI–XIII вв.). В 1908 г. появились работы Э. Холлака, в которых дается обзор всей археологии пруссов по отдельным периодам (Hollak E., 1908a) и поэтапный анализ погребальной обрядности пруссов (Hollak E., 1908b). Тем самым прусские древности были дифференцированы в массе материалов культур балтов.

В то же время были продолжены раскопки прусских могильников. Среди них можно отметить работы А. Беценбергера на могильниках Лаптау (ныне Муромское), Шудиттен (Орехово) и Блюдау (Кострово), Р. Дорра в Бенкенштейне (Эльблонг) и Э. Холлака близ Экриттена (Ветрово). На смену траншейным раскопкам приходят исследования более или менее крупными площадями. Результаты этих раскопок опубликованы лишь частично (Bezzenberger A., 1909, S. 209–220; 1914, S. 213–245).

Раскопки прусских могильников продолжались в 20–40-х годах XX в. Так, Б. Эрлих исследовал погребения в Холланде (Пасленк), В. Нойгебауэр — близ Конрадсвальде (Хойново), В. Грунерт — в Хюненберге (Летное). Большие раскопки были произведены в могильниках Зофен (Суворово) и Тумяны. К сожалению, материалы этих работ не были научно опубликованы и известны нам по кратким информации и исследованиям обобщающего характера.

Первый сводный труд по археологии Восточной Пруссии был написан В. Герте (Gaerte W., 1929). В середине 30-х годов увидели свет две книги К. Ангеля (Engel C., 1935a; 1935b). Тогда же была произведена регистрация поселений в земле пруссов и составлена подробная карта городищ (Crome H., 1937, 1938–1940). Однако раскопки на них не производились. Все обширные материалы, накопленные археологией к началу второй мировой войны, были обобщены в монографии К. Ангеля и В. Ла-Бома (Engel C., La Baume W., 1937).

После окончания второй мировой войны археоло-

гические работы в северной части бывш. Восточной Пруссии продолжены советскими исследователями, в южной — польскими. В 1949–1952 гг. полевые работы по изучению средневековых древностей в Калининградской обл. велись Ф. Д. Гуревич. Было обследовано 24 памятника археологии, при этом на городищах Грачевка I и Логвиново I были произведены небольшие раскопки. Раскапывались также курганы в Вишнево (Моховое). Результаты этих работ были опубликованы автором в обзорной работе по археологии земли пруссов, не имеющей самостоятельного значения (Гуревич Ф. Д., 1960, с. 328–447).

Более результативные работы произведены археологами Польши. Раскапывались городища, открытые поселения и могильники. Итоги этих и предшествующих исследований были подведены в монографии Е. Окулича (Okulicz J., 1973).

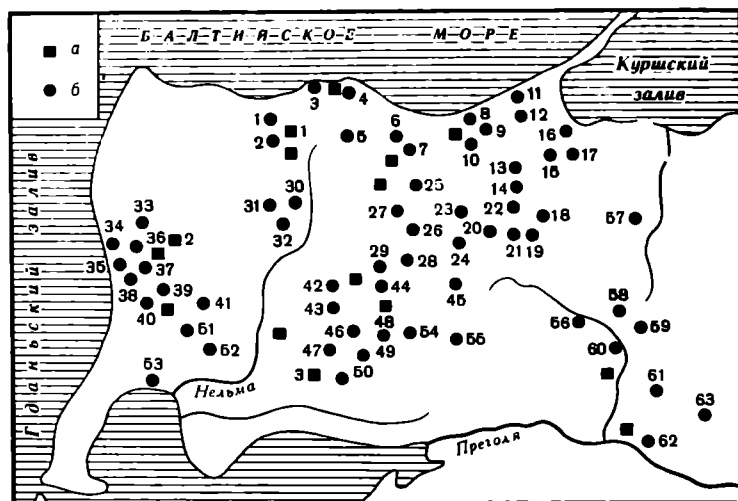
С середины 70-х годов на территории Калининградской обл. разведки и раскопки по изучению древностей пруссов ведет В. И. Кулаков. Наиболее существенные результаты получены при раскопках могильника Ирзекапинис близ д. Клинецовка (Кулаков В. И., 1980a, с. 213–244; 1980b, с. 87–92).

Область расселения пруссов характеризуется большим количеством городищ (карта 46). По поверхностным обследованиям известны и немногочисленные селища, которые открыты, главным образом, при городищах.

Среди средневековых городищ имеются мысовые и поселения, расположенные на холмах. В зависимости от характера оборонительных сооружений мысовые городища подразделяются на простые, защищенные с напольной стороны одним валом (Дружное, Куликово, Лазовское, Пионерск и многие другие), и сложные, огражденные с напольной стороны двумя-тремя валами высотой до 5 м и рвами между ними (Заозерье, Колодцы, Логвиново I, Окунево, Романово, Таммовишкен и др.) или же с мощными кольцевыми валами (Дунаевка). Известны и двухчастные городища, состоящие из двух площадок, каждая из которых имеет валы и рвы (Грачевка, табл. СХХVII, 1; Великолукское). Площадки мысовых городищ, как правило, невелики: около 1000–1500 кв. м. Исключение составляет городище Романово II, имеющее площадь 3000 кв. м.

Среди поселений, устроенных на высоких изолированных холмах и которые исследователи относят к городищам, имеются поселки без оборонительных сооружений (Марьино, Романово I). Но большинство городищ укреплено одним-двумя высокими валами, защищающими поселения по всему периметру, а иногда дополнительными валами с одной из сторон. Городищами со сложной системой оборонительных сооружений являются Ветрово, Клайн-Дрозден, Кумачево, Русское II (табл. СХХVII, 3), Цигенберг, Эллерхаус. Площадь их равна 3000–8000 кв. м.

Многие мысовые городища, относящиеся к средневековью, имеют отложения и более ранней поры. Городища на холмах, как правило, выстроены были в эпоху средневековья заново. К периоду VI–VIII вв. относятся единичные поселения. Это городище Дружное, на котором наряду с керамикой первой половины I тысячелетия н. э. найдены фрагменты сосудов VI–VII вв., и городище Янтарный

Карта 46. Памятники пруссов

a — исследованные поселения: 1 — Грачевка; 2 — Русское; 3 — Логвиново; *б* — могильники: 1 — Светлогорск; 2 — Киртеген; 3 — Пионерск; 4 — Заостровье; 5 — Шлакалькен; 6 — Зортене; 7 — Эйслитен; 8 — Сокольные; 9 — Коврово I; 10 — Коврово II; 11 — Вишнево; 12 — Клиновка; 13 — Вольное; 14 — Мюльзен; 15 — Муромское; 16 — Вербное; 17 — Надеждино; 18 — Зайцево; 19 — Штрейлакен; 20 — Эйсельбитен; 21 — Мальдайтен; 22 — Озерово; 23 — Рингельс; 24 — Зергитен; 25 — Родники; 26 — Гардвинген; 27 — Кезникен; 28 — Дребнау; 29 — Дельгнен; 30 — Зиндау; 31 — Вейденен; 32 — Киршапен; 33 — Охотное; 34 — Близнцево; 35 — Гребитен; 36 — Морозовка; 37 — Поваровка; 38 — Русское; 39 — Гатен; 40 — Корейтен; 41 — Лянкау; 42 — Зигесдикен; 43 — Камышенка; 44 — Просторное; 45 — Ветрово; 46 — Котельниково; 47 — Логвиново; 48 — Польвитен; 49 — Шудитен; 50 — Кремнево; 51 — Элленскруг; 52 — Кострово; 53 — Приморск; 54 — Корниетен; 55 — Гальховен; 56 — Штангау; 57 — Лазовское; 58 — Гурьевск; 59 — Бертасвальде; 60 — Тропитен; 61 — Дапсау; 62 — Марьино; 63 — Мантау

с отложениями III–VIII вв. Поселения, относящиеся к VI–VIII вв., изучались также в окрестностях Эльблонга на территории Польши. В конце I тысячелетия н. э. число укрепленных поселений значительно возрастает. В начале II тысячелетия н. э. в земле пруссов их было не менее шести десятков.

Основным защитным сооружением укрепленных поселений были валы. Обычно они сооружались из насыпной земли, чаще всего песка, в котором на разпой глубине лежали отдельные камни или их скопления. В валах на городищах Дружное, Заозерье и Куликово зафиксированы внутренние деревянные конструкции, интерпретировать которые возможно будет лишь при дополнительных раскопках. Обожженная глина и остатки вертикально поставленных дубовых бревен исследованы были в валу городища Баллетен. Обожженная глина имелась также в валу городища Юдтшен.

О жилищах пруссов эпохи средневековья можно судить на основании материалов, полученных при раскопках на городищах Грачевка (Гуревич Ф. Д., 1960, с. 424–429), Логвиново (Гуревич Ф. Д., 1960, с. 437–440), Русское (Boenigk W., 1879–1880a, S. 59–80) и Растемборк (Bujack G., 1886–1887, S. 120, 121). Это были прямоугольные в плане постройки столбовой или срубной конструкции с очагом в центре. Основания стен выкладывались из камней различной величины, преимущественно 0,2–0,5 м в диаметре. От домов столбовой конструкции,

кроме ям от угловых стояков, остались куски глиняной обмазки с отпечатками жердей и соломы. По-видимому, стены домов были легкими срубными и промазывались глиной.

Размеры жилищ довольно разнообразны. В Грачевке постройки имели размеры от 3,5×3 до 5,6×4,4 м. Все девять исследованных жилищ, очевидно, были срубными. На городище Русское открыты следы прямоугольного в плане жилища столбовой конструкции размерами 7×2,2 м. На городище Растемборк каменная кладка основания постройки имела размеры 7,3×4 м. Она состояла из двух ярусов камней, более крупных внизу и мелких сверху. Большинство жилищ были однокамерными. Только внутри некоторых имелась стенка из камней, делившая жилую постройку на две части. На поселениях VI–VIII вв., обследованных около Эльблонга, выявлены прямоугольные в плане жилища со стенами столбовой конструкции.

Отапливались жилища пруссов открытыми очагами, занимавшими, как правило, срединное положение. Это кольцо или овал, выложенный из камней 0,2–0,3 м в поперечнике. Диаметр очагов от 0,4 до 0,6 м. Внутри них обычно находились слой золы и небольшие угольки. Жилища на городищах, судя по материалам раскопок в Грачевке, располагались довольно плотно по всей их площади.

Значительно лучше изученными памятниками пруссов являются могильники. Они — основной источник информации о культуре этого племени. По подсчетам В. И. Кулакова, раскопки производились на 108 могильниках средневековых пруссов, на которых исследованы свыше 1500 погребений.

Все могильники грунтовые, располагаются они на моренных возвышениях по берегам рек или на морском берегу. Обычно погребения в могильниках образуют ряды, выстроенные перпендикулярно продольной оси всхолмления, на котором находится памятник.

В эпоху средневековья среди пруссов господствовал обряд сожжения умерших. Кремация совершалась на стороне, остатки сожжения помещались вместе с золой и углем в грунтовые овальные ямы. Нередко погребения человека сопровождалось захоронением коня в нижнем ярусе той же овальной ямы.

Период VI–VIII вв. характеризуется некоторым сокращением населения по сравнению с предшествующей эпохой. Погребения этого времени открыты лишь на 25 могильниках, содержащих и захоронения более ранней поры.

Кальцинированные кости в погребениях VI–VIII вв. обычно помещались в ямах. Как и в раннее время, при захоронениях устраивались каменные кладки — круглые, полукруглые, четырехугольные и неправильной формы. При раскопках они открываются непосредственно под дерном (табл. СХХVIII). Захоронения безурновые. Лишь изредка, как полагают исследователи, в наиболее ранних погребениях рассматриваемого периода, встречаются глиняные урны.

Погребения VI–VIII вв. сопровождаются единичными находками — глиняными пряслицами, железным ножом, янтарем и изредка предметами вооружения (табл. СХХVIII). Среди бедных инвента-

рем захоронений выделяются единичные богатые. Так, в могильнике Варникам в погребении 1 имелись меч с серебряной рукояткой, наконечник копья, нож, серебряные шейная гривна, арбалетная фибула, шесть пряжек и шесть наконечников ремня.

В одной могильной яме находилось и захоронение коня с позолоченными бронзовыми удилами и роскошным убранством: 223 серебряными заклепками, серебряной тисненой пластинкой и двумя золотыми бляшками с инкрустацией из гранатов (Tischler O., 1902, S. 41, 42). В погребении 4 того же могильника найдены 80 серебряных заклепок и пластинка из серебра с растительным и геометрическим орнаментом.

Характерными вещами VI—VIII вв. являются фибулы, витые гривны и браслеты. Для VI—VII вв. типичны арбалетные фибулы с крестовидной ножкой (табл. СХХIX, 2, 3). Продолжают бытовать и арбалетные фибулы с перекладинами в верхней и нижней частях (табл. СХХIX, 4). Появляются пластинчатые фибулы с полукруглой головкой и ромбовидной ножкой. Широкое распространение имеют дисковидные фибулы. Стекланные и янтарные бусы единичны.

Керамика представлена лепными сосудами с биконическим туловом и удлиненной цилиндрической шейкой. Поверхность их желтовато-коричневая. Изредка встречаются и миски. Сосуды орнаментированы прочерченными линиями или валиками с насечками.

В IX—XIII вв. захоронения совершались также в грунтовых могильниках (табл. СХХVIII). Количество погребений в этот период значительно возрастает по сравнению с предшествующим временем. Многие погребения IX—XI вв. расположены в ранее существовавших могильниках, где они лежат над ранними, а в некоторых случаях разрушают более древние могилы. В отдельных могильниках сохраняются каменные кладки, но в целом идет постепенная замена их одиночными камнями. Заметно увеличивается количество погребений с конем; в некоторых могильниках процент таких захоронений приближается к 100.

В целом погребальный обряд остается прежним. Для захоронений вырывали овальные или округлые ямы. В их нижней части хоронили несожженного коня, в верхней — остатки кремации одного или нескольких умерших людей.

По материалам раскопок могильника Ирзекапис его исследователь В. И. Кулаков выделил три варианта погребений:

1. Захоронения в овальных ямах глубиной 0,6—0,9 м. В нижнем ярусе помещалось конское погребение. Его сопровождающий инвентарь — орнаментированные накладки и подвески оголовья. В верхнем ярусе находились одно-два скопления кальцинированных костей, рядом — небольшой глиняный сосуд и бронзовое блюдо. Инвентарь представлен парой наконечников копий, фибулами, весами, гириками, пряслицами, в редких случаях мечом. Все вещи без следов пребывания в огне.

2. Захоронения в округлых, овальных или прямоугольных ямах глубиной 0,3—0,7 м. В нижнем ярусе погребен конь, снабженный стремянами, удилами и шпорой, в верхнем — очень незначительное

количество кальцинированных костей. Инвентарь — нож, наконечник копья и фрагменты глиняных сосудов.

3. Захоронения в прямоугольных или овальных ямах глубиной 0,8—1,5 м. В нижнем ярусе — погребения одного—трех коней с богато украшенными оголовьями, в верхнем — от одного до шести захоронений кальцинированных костей. Сопровождающий инвентарь: меч, булава, топор, два наконечника копья, богато декорированных, один-два сосуда. Предметы вооружения нарочито повреждены.

Характеристику вещевого инвентаря прусских погребений целесообразней дать по хронологическим периодам (табл. СХХVIII).

Погребениям IX—X вв. свойственны короткие мечи без перекрестия, ланцетовидные копья, стремяна с массивной дужкой и широкой рамой для ремня, кольчатые удила с витыми штангами грызла, уплощенные типы арбалетных фибул и крестовидные пряжки.

Второй период (конец X — начало XII в.) характеризуется длинными франкскими мечами (табл. СХХХ, 22, 24, 27, 29), стремянами с тонкими дужками и уплощенными сторонами (табл. СХХХI, 22), удилами с уплощенными псалиями (табл. СХХХI, 2), шпорами с прямым или слегка наклонным гвоздевидным шипом (табл. СХХХI, 38, 40), пережиточно существовавшими арбалетными фибулами, подковообразными застёжками и двухчастными пряжками.

Следующий этап (начало XII — начало XIII в.) выделяется биритуальностью. Наряду с захоронениями по обряду трупосожжения с начала XII в. получают распространение труположения в грунтовых ямах с северной ориентировкой. Конские захоронения в это время встречаются очень редко (до начала XIII в.). Вещи принадлежат в основном к тем же типам, что и в предшествующий период.

С начала XIII в. повсеместно господствует ингумация. На смену северной ориентировке умерших приходит западная. Вещи немногочисленны. Это пластинчатые браслеты, витые шейные гривны, прямоугольные кресала.

К числу находок, которые встречаются во все периоды, принадлежат железные ножи (табл. СХХХII, 11, 26, 30, 31, 36), овальные, позднее прямоугольные кресала (табл. СХХХII, 34, 35), пружинные ножницы (табл. СХХХII, 8), серпы (табл. СХХХII, 27), топоры, глиняные и сланцевые уплощенно-цилиндрические и биконические пряслица (табл. СХХХI, 14; СХХХII, 4, 5).

В погребениях IX—X вв. встречаются лепные сосуды бабочных форм (табл. СХХХII, 52), иногда орнаментированные прсчерченными прямыми или ломаными линиями. Позднее господствует гончарная керамика, в XI—XII вв. — слабопрофилированные горшки с линейноволнистым орнаментом (табл. СХХХII, 39, 47, 49, 51, 53). Распространение обычая изготавливать керамику на гончарном круге связано со славянскими землями Польского Поморья.

Культура пруссов не выделялась каким-то специфичным набором украшений. Только учитывая весь комплекс особенностей их погребальной обрядности и сопровождающего инвентаря, а также анализируя

информацию, почерпнутую из письменных источников, территорию расселения пруссов можно очертить следующим образом (карта 43). На западе их поселения достигали р. Ногаты, южной границей прусской земли служили лесные массивы в верховьях рек Алле и Ангерапп, восточная проходила где-то в верхней части бассейна р. Преголя, на северо-востоке пруссы соседнили со скалвами, жившими в нижнем течении Немана.

Отдельные прусские племена, в том числе известные по письменным источникам сембы, археологически не выделены. Серьезные работы в этом направлении не производились, хотя и представляются перспективными. Сембы, входившие в число прусских племен, заселяли территорию Калининградского (бывш. Самбийского) полуострова. Впервые сембы упоминаются в «Северной хронике», сообщающей, что в конце VIII в. датский король завоевал их страну (Gaerte W., 1929, S. 321). Адам Бременский во второй половине XI в. упоминает пруссов и среди них сембов — жителей Самбийского полуострова (Adam Bremensis, 1917, p. 18). Петр Дусбургский в «Хронике Прусской земли» (1326 г.) называет и пруссов, и сембов (Dusburg P., 1961, p. 50—52).

Чужеродным погребальным памятником в земле пруссов является курганный могильник в лесу Кауп у д. Вишнево (бывш. Вискаутен). Он когда-то насчитывал свыше 500 курганов, которые раскапывались в последние десятилетия XIX в. И. Гейдеком и А. Беценбергером (Heydeck J., 1899, S. 61—80) и в 30-е годы XX в. (Nerman B., 1934, p. 372—384). В 1956 и 1958 гг. еще 14 курганов здесь исследованы Ф. Д. Гуревич (Гуревич Ф. Д., 1963, с. 197—209).

Это были полусферические насыпи высотой 0,6—1 м и диаметром основания 5—12 м. На вершине каждого кургана лежал камень, иногда весьма крупных размеров. Около некоторых курганов, у их подножия, имелись каменные кладки прямоугольной или округлой формы. При исследовании кладок обнаружены угольки, кости животных, обломки керамики; нередко встречались вещевые находки. Иногда среди кампей пахотились и единичные пережженные косточки.

Остатки трупосожжений, совершенных на стороне, помещали в верхней части курганной насыпи или на материке. В отдельных курганах зафиксированы небольшие ямки, вырытые в материке, в которые и ссыпали остатки кремации. Вещи обычно находились при захоронениях; почти все они имели следы пребывания в огне, мечи и копья нарочито сгибались.

В мужских захоронениях обнаруживают предметы вооружения: меч, накопечники копий, резе умбона от щитов. Из железных предметов бытового назначения, как правило, встречаются похи. Найдены также пряжки, удила, заклепки, обломки кожаных гребней.

Железные украшения представлены скорлупообразными фибулами, цепочками, перстнями, бусами из стекла и пасты.

Еще И. Гейдек обратил внимание на отличие рассматриваемых курганов от погребальных памятников пруссов и сопоставил их со скандинавскими

древностями. Последующие исследования убедительно показали, что курганный могильник у д. Вишнево принадлежит к памятникам скандинавской культуры IX—X вв. Очевидно, здесь, в земле пруссов, недалеко от берега Балтийского моря, в то время существовала норманнская колония. Нужно полагать, что это было торговое поселение, осуществлявшее связь прусского населения со Скандинавией. Мысль, высказанная в 30-х годах XX в. некоторыми немецкими археологами, о том, что скандинавская колония была источником формирования культуры пруссов и что будто бы норманны политически господствовали в земле пруссов (Engel C., 1935a, S. 116; Engel C., Le Baume W., 1937, S. 202—207), не имеет в основе каких-либо фактических материалов.

Основой хозяйства пруссов в эпоху средневековья были земледелие и скотоводство. Слабая изученность поселений не дает возможности описать эту хозяйственную деятельность пруссов детально. Постепенно внедрявшееся пашенное земледелие, нужно полагать, в конце I — начале II тысячелетия н. э. стало ведущей формой хозяйства. Об этом, в частности, свидетельствует находка железного лемеха на городище Грачевка. Многочисленные захоронения с конями являются показателем значительной роли скотоводства. Адам Бременский (XI в.) сообщает, что пруссы «употребляют в пищу мясо лошадей. Молоко и кровь их они используют как напиток» (Adamus Bremensis, 1917, p. 18). Суммируя сообщения письменных источников, можно утверждать, что пруссы знали сельское хозяйство, охоту, ремесла и торговлю. Участки земли были закреплены по «наследственным жребиям между земледельцами». Частной собственности на землю еще не было, землей владела соседская община при периодических переделах пахотных участков.

Значительную роль играла охота. Адам Бременский сообщает, что меха пруссы имеют в избытке и охотно меняют дорожке куньи шкурки на шерстяную одежду.

Англосакский путешественник Вульфстан, посетивший в 890 г. земли пруссов на берегу Вислинского залива, отмечает, что в этой стране было много рыбы и меда (SRP, 1, S. 732).

Развиты были у пруссов и различные ремесла. Найденные на городище Грачевка железные плаки свидетельствуют о местном железоделательном производстве, сырьем для которого служили в изобилии встречающиеся в прусской земле болотные руды. Показателем широкого развития железообрабатывающего ремесла являются многочисленные железные изделия, найденные при раскопках как могильных памятников, так и поселений. На городище Грачевка обнаружены уже названный лемех с коротким и широким лезвием, серпы, топор с расширяющимся лезвием, ножи (табл. СXXXI, 26), ножицы, гарпун, пила-пожовка, дротик, дужки ведер, пряжки.

Бронзовых изделий на городище Грачевка мало — пластичатый браслет с геометрическим орнаментом, ложновитой перстень, бочковидная гирька.

В земле пруссов изготавливали сланцевые пряслица различных форм, которые постоянно встречаются как в могильниках, так и на поселениях.

Заканчивая краткую характеристику ремесленной деятельности пруссов, несколько слов нужно сказать о гончарном производстве. Проникновение гончарного круга на территорию пруссов происходит в X—XI вв., в это время гончарная керамика постепенно вытесняет лепную. Как уже отмечалось, гончарный круг заимствован пруссами от северо-западных славян, поэтому прусская керамика в некоторой степени производна от поморско-польской глиняной посуды. Распространение гончарного круга в земле пруссов, как и в других местах, следует связывать с процессом выделения специалистов-гончаров.

О развитии торговых связей пруссов, прежде всего, свидетельствуют монетные находки. Прусские земли входят в один из трех регионов Балтики, где наблюдается концентрация кладов куфических монет (Фомин А. В. 1982, с. 16—21). Наиболее ранние монеты в этих кладах здесь относятся к 810-м годам. Клады монетного серебра активно оседали в земле пруссов в IX—X вв., свидетельствуя о том, что этот район выполнял функции торгового посредника или транзитного центра во взаимосвязях Европы с арабским Востоком. Сводка находок византийских монет в Восточной Пруссии была составлена шведским нумизматом С. Болином (Bolin S., 1925, S. 203—240).

Привозными изделиями в земле пруссов являются мечи, стрелена, некоторые наконечники копий. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что далеко не все оружие пруссов импортировалось из других стран. В XI в. местные оружейники изготавливали предметы вооружения по североевропейским образцам, при этом ими вырабатывались вполне самостоятельные типы мечей, копий и топоров. До широких исследований прусских поселений невозможно говорить о повсеместном выделении ремесленников в особую прослойку, но можно предполагать, что в земле пруссов имелись центры ремесленного производства, ориентировавшиеся на местный рынок сбыта.

Пока трудно сказать, насколько широко была развита торговля янтарем в раннем средневековье. Владея крупнейшим месторождением янтаря, предки пруссов добывали его и в первой половине I тысячелетия н. э., широко экспортировали, по сведениям Тацита, в необработанном виде. Добыча янтаря продолжалась и в эпоху средневековья, о чем говорят находки янтаря в погребениях пруссов и на городище Грачевка, где обнаружено около 300 кусков необработанного янтаря.

В памятниках пруссов имеются пряслица из розового шифера. Однако трудно сказать, поступали ли они в прусские земли непосредственно из Древней Руси или же через посредство летто-литовских племен. В XII—XIII вв. к пруссам проникают и отдельные женские украшения восточнославянских типов.

Описание пруссов Вульфстаном дает материалы для понятия социальной структуры их общества. Он упоминает «королей», «богатых людей» или людей «высокого звания», неимущих и рабов. «Короли» и «богатые люди» выделяются своим богатством.

Анализ погребальных памятников пруссов не позволяет конкретно представить эти различные со-

циальные группировки. Погребальная обрядность, очевидно, в большей степени связана была с языческим мировоззрением пруссов. Могильные памятники говорят об относительном равноправии общинников при наличии патриархальных тенденций. Мужчина-воин был основой прусского общества в эпоху средневековья. Это вытекает из единообразной структуры мужских погребений. Захоронения женщины обычно безынвентарные или малоинвентарные, что обусловлено опять-таки язычеством — жены отправлялись в загробный мир вместе со своими мужьями. Только в отдельных наиболее богатых погребениях прусских могильников можно видеть захоронения племенной знати или военных предводителей. Такие погребения выявляются начиная с XI в. Основная же масса погребений принадлежит свободным общинникам. При этом предметы вооружения клались в погребения и «неимущих», и «богатых людей».

Социальная дифференциация прусского общества, по-видимому, сдерживалась частыми войнами, постоянными набегами, совершаемыми с разных сторон. Внешняя опасность обязывала иметь вооруженное население.

Еще в X—XII вв. совершали военные походы на прусские земли правители Дании и Польши, которые оказались безрезультатными. В начале XIII в. папская курия направила в Пруссию для миссионерской деятельности Христиана, получившего вскоре сан епископа прусского. Это было частью общей политики папства и Германской империи в наступлении на земли юго-восточной Прибалтики. Христиану удалось привлечь на свою сторону и обратить в христианство отдельных представителей прусской племенной знати. Однако в 1212—1218 гг. произошло большое восстание пруссов против Христиана и его рыцарей, против собственной знати. Папа Гонорий III объявил крестовый поход на пруссов. Но пруссы твердо стояли против всяких попыток силой оружия захватить их земли, лишить их самостоятельности.

В конце концов Тевтонский орден при поддержке польских князей и предательстве прусской знати постепенно сумел подчинить одну за другой части территории пруссов, залив их кровью местного населения, опустошив местные села и крепости. На захваченных землях рыцари возводили свои замки.

Археология мало что может добавить к тем довольно многочисленным письменным документам — договорам, «правдам», актам и описаниям, на основании которых восстанавливается история пруссов XIII—XIV вв., их героического сопротивления захватчикам, постепенной сдачи ими своих позиций и начавшегося онемечивания. Историками написано об этом довольно много. Специальный обзор историографии древних пруссов был сделан Г. Ловмянским (Lowmiański H., 1947). Обзор и анализ основных источников по истории пруссов принадлежит В. Т. Пашуто (Пашуто В. Т., 1959, с. 79—112). Им же написана специальная статья, посвященная борьбе пруссов за независимость (Пашуто В. Т., 1958, с. 54—81), и издан один из важнейших источников — «Помезанская правда» (Пашуто В. Т., 1955). На основе сравнительно поздних письменных источников сделаны попытки осветить культуру, рели-

гию и общественное устройство пруссов до их завоевания Орденом (Перцев В. Н., 1953, с. 329—378; 1955, с. 90—123).

Прусский язык имеет большое значение не только для исследований по балтистике, но и для изучения индоевропейских языков. Памятники прусской письменности издавались и исследовались Р. Траутманом (Trautmann R., 1910) и В. Мажюлисом (Mažiulis V., 1966). Словарь языка древних пруссов подготовлен к печати В. Н. Топоровым (Топоров В. Н., 1975; 1979; 1980; 1984).

Курши

На восточном побережье Балтийского моря, примерно до р. Вента на востоке, не достигая Рижского залива на севере и низовьев Немана на юге, жили курши (карта 47). В «Повести временных лет», рассказывая о расселении племен в Восточной Европе, летописец называет это племя под именем *корсь*. Вторично оно названо в перечне племен данников Руси (ПВЛ, I, 1950, с. 10, 13). Впервые курши упоминаются в письменных источниках IX в. (*Scriptores Sveciarum*, p. 173—260). В XIII—XIV вв. курши неоднократно упоминаются в «Хронике Генриха Латвийского» (Генрих Латвийский, 1938) и в «Рифмованной хронике» (*Livländische Reimchronik*, 1876).

Начиная с середины XVIII в. среди ученых имел место спор о том, были ли курши балтами или прибалтийско-финским племенем. Окончательно этот вопрос был решен латышским языковедом Я. Эндзелиным, который, проанализировав топонимы и антропонимы, убедительно показал, что курши были балтским племенем (Endzelins J., 1912).

Первые археологические исследования в земле куршей были проведены еще в 30-х годах прошлого столетия. Это сравнительно небольшие раскопки Ф. Крузе в могильнике Капседе (Kruse Fr., 1842). В 60-х годах XIX в. исследованиями могильников в Курземе (Димитровас, Яздай, Прышманчай) занимался К. Гревингк (Grewingk C., 1870, S. 7—44). Менее значительные раскопки принадлежат А. Розену (могильник Варвес Стрики). К 80-м годам относятся раскопки могильника Имбаре Т. Даугирда (Dowgird T., 1889, s. 3—11). Тогда же раскопки в Варвес Стрики были продолжены К. Бой, а в Прышманчай — Берлинским музеем.

Работы по изучению могильных древностей в земле куршей весьма активизировались в 90-х годах XIX в., что в значительной степени обусловлено было подготовкой и проведением X Археологического съезда (Рига, 1895 г.). В. И. Сизов раскапывал в 1895 г. могильники Капседе, Пасилциемс и Варвес Стрики (Сизов В. И., 1896). Значительные исследования были произведены на могильнике Андуляй Е. Фрёлхем и А. Гётце (*Jahresbericht*, 1895, S. 4, 5; 1897, S. 9—11; *Sb. Prussia*, 1896, S. 107, 108; Götze A., 1908, S. 489—498). В Пасилциемсе раскопки в 1897 г. были продолжены Н. Е. Бранденбургом (Бранденбург Н. Е., 1902), а в Имбаре в 1898 г. — Й. Жогасом (Жогас Й., 1900, с. 46, 47).

К этому времени относятся первые обобщения накопленного археологического материала. В 1895 г. в

Рижском научном обществе с докладом о состоянии и задачах археологии выступил Я. Зиёмалис, в котором дал обзор могильных древностей Курземе (Ziemalis J., 1895). В работах Р. Гаусманна были подмечены специфические особенности погребальных памятников куршей: в раннее время — погребения с каменными венцами, в VIII—XIII вв. — грунтовые могильники с трупосожжениями (Hausmann R., 1896, с. 1909). Важной сводкой древностей стала археологическая карта Ковенской губ., составленная Ф. В. Покровским (Покровский Ф. В., 1899а).

В первые десятилетия XX в. были продолжены раскопочные работы на могильниках Курземе. Среди них следует назвать исследования А. Бецценбергера в Андуляй, Лайстай и Рамучай (*Bezenberger A.*, 1904, S. 95, 96; Götze A., 1908, S. 489—500) и В. Нагевичюса в Кяулейкяй, Кретинге и Пришманчай (*Nagevičius V.*, 1909, 333—336 ps.; 1931, S. 337—352; 1935, 7—61, 64 ps.). Раскапывался также могильник Дири в 1909 г. Г. Видеманисом и в 1911 г. А. Рафаелем (*Sb. Kurl.* 1909—1910).

Значительными успехами в области изучения куршских древностей характеризуются 20—30-е годы XX в. Большие раскопки были произведены в Апуоле, где исследовались городище и могильник (*Volteris E.*, 1933, 467—472 ps. *Puzinas J.*, 1938, 292—294 ps.). В 1929 и 1930 гг. под руководством Ф. Балодиса и Б. Нермана исследовались могильники Порани, Приедилэй и Смукими в окрестностях Гробиня. В последнем было вскрыто более сотни погребений. Все эти могильники связаны со скандинавским поселением Гробиня, возникшим в земле куршей, и, таким образом, являются памятниками, важными для изучения курско-скандинавских отношений (Nerman B., 1958).

Наиболее значительные раскопки могильников в земле куршей в 20—30-х годах произвели Э. Штурмс и П. Баленюкас. Первый в 1931—1942 гг. исследовал по нескольку погребений в 10 пунктах. Апаринас, Балтени, Бунка, Дарзниеки, Гравенниеки, Злеку Приедниеки, Мазкатузи, Пасилциемс, Страутини, Яци. Результаты раскопок остались в основном не опубликованными (*Šturms E.*, 1950). П. Баленюкас с 1926 по 1941 г. вел раскопки на могильниках Гинталишке, Годеляй, Кяулейкяй, Лайвяй, Рудайчяй и Яздай также небольшими площадями. Материалы исследований автором не были введены в научный оборот. Небольшими раскопками был затронут и ряд других могильников. Так, в 1922 г. И. Криевинш копал могильник Бучас, в 1924 г. Е. Вале вел раскопки в грунтовом могильнике Мазкатузи (*Vale E.*, 1928), а К. Рубулис — в Лики. В 1927 г. Ф. Якобсон исследовал погребения в Илксуми, в 1930—1934 гг. копался могильник Кукай, в 1932 г. очень небольшие раскопки произвели А. Карнупс в Салдус Езера и Г. Риекстиньш в Варвес Стрики. В 1940 г. К. Ошс пять погребений раскопал в Тилтени.

Исторические обобщения по археологическому изучению куршских памятников были сделаны Ф. Балодисом (*Balodis Fr.*, 1930; 1935; 1938). Из всей совокупности археологических материалов он впервые попытался выделить древности куршей. В I—IV вв. они хоронили умерших по обряду трупоположения в грунтовых могильниках, иногда имевших каменные конструкции. В VI—VIII вв. по-

лучает распространение обряд кремации умерших. Характерными вещами куршских захоронений V—IX вв., по Ф. Балодису, были втульчатые топоры, бронзовые оковки питьевых рогов, миниатюрные глиняные сосуды, изготовленные от руки, большие булавы, браслеты с утолщенными гранеными концами, круглые привески. Наиболее типичными могильниками являются Дири в Латвии и Андудай в Литве. В IX—XII вв. курши продвигаются на север, расселяясь в области, заселенной ливами, их курземской частью.

В 1935 г. интересную работу по древней истории куршей опубликовал Э. Штурмс (Sturms E., 1935). Он проанализировал историю Курземе от раннего железного века до средневековья включительно и дифференцировал древности этой земли на две части. Южную часть, так называемую клайпедскую культуру с преобладанием трупосожжения, исследователь относил к скалвам, северную, где господствует ингумация, — к собственно куршам.

Для каталогизации древностей литовской части региона расселения средневековых куршей большое значение имели археологическая карта, составленная в конце 20-х годов П. Тарасенка (Tarasenska P., 1928), и книга М. Гимбутас, посвященная погребальным памятникам территории Литвы в целом (Alseikaitė-Gimbutienė M., 1946). Весьма ценным источником является работа И. Гоффмана, в которой обобщаются материалы раскопок могильников Литовского Приморья (Hoffmann J., 1941).

Самые крупные и самые значительные раскопки в земле куршей проведены латвийскими и литовскими археологами в последние десятилетия, после окончания второй мировой войны. Уже в конце 40-х годов были начаты исследования могильников Лайвьяй и Наусодис под руководством Р. Куликаускаса и П. Куликаускаса. В 1949—1951 гг. в Лайвьяй было исследовано 174 трупоположения и 100 захоронений с остатками сожжения. Еще 22 погребения этого могильника были вскрыты в 1956 г. И. Наудужасом (Navickaitė O., 1961, 73—84 psl. Butėnienė E., 1964, 83—99 psl.). Наиболее крупные раскопки произведены в Паланге, где в 1961—1962 гг. А. Таутавичюсом было исследовано 374 погребения VIII—XIII вв. (Volkaitė-Kulikauskienė R., 1964a, 41—52 psl.; Таутавичюс А., 1970, с. 235—237). Большие раскопки произведены Р. Куликаускаса и П. Куликаускасом в 1968—1971 гг. в могильнике Гиркаляй (Куликаускаса Р., 1968a, с. 69—71). Целый ряд могильников (Акменские, Гинталишке, Застаучай, Кукай, Сирайчяй) был затронут раскопками В. Валатки (Butėnienė E., 1959, 159—176 psl. Chlodinska A., 1974, 77—81 psl. Navickaitė O., 1961, 87—88 psl.; Valatka V., 1970, 89—90 psl.; АО 1974 г., с. 388). Производились также раскопки могильников Пришманчяй (О. Кунцене), Кашучай (Radzvilovaitė E., 1970, 68—71 psl.; АО 1970 г., с. 318, 319), Лаздининкай, Яздайчяй и др.

На территории Латвии П. Степиньш исследовал в 60-х годах могильники Дири, Мазкатужи, Руцавас, Смукуми и Струнгас (Stepinš P., 1967). В 60-х годах начинаются значительные полевые работы в Курземе под руководством Э. С. Мугуревича. В том числе им были исследованы могильник Элеку Приедниекы и ряд поселений (Mugurēvičs E., 1964, 14, 15 lpp.;

1965, 13, 14 lpp.; 1966, 23, 24 lpp.; 1968a, 68—72 lpp.; 1968b, 18—21 lpp.; 1971b, 49—52 lpp.; 1973, 50—52 lpp.; 1976, 73—78 lpp.; 1977, 48—51 lpp.; 1978a, 54—57 lpp.; 1979a, 57—61 lpp.; 1979b, 54—57 lpp.; 1980, 76—80 lpp.).

Параллельно с накоплением фактологических материалов исследователи стремились все более конкретно осветить археологию и средневековую историю куршей. Обзор погребальных древностей Литвы, сделанный в 1947 г. Ф. Д. Гуревич, был компилятивным и ныне принадлежит к числу устаревших (Гуревич Ф. Д., 1947, с. 31—37). В 50-х годах прибалтийскими археологами была написана серия статей, в которых среди прочих древностей рассматривались и куршские. Это работы П. Куликаускаса (Куликаускас П., 1952, с. 104—107; 1954, с. 36—46), Р. Куликаускаса (Куликаускаса Р. К., 1952, с. 108—122), Х. А. Моора (Моора Х. А., 1952, с. 33—39), Р. Яблонските (Яблонските Р., 1955, с. 3—19).

В «Очерках по археологии Литвы» (Kulikauskas P., Kulikauskienė R., Tautavičius A., 1961) наряду с другими памятниками территории Литвы получили обстоятельную характеристику и были систематизированы древности части куршей. Некоторые итоги изучения могильников куршей IX—XII вв., расположенных на литовском побережье Балтийского моря, были подведены в небольшой статье Р. Куликаускаса (Куликаускаса Р., 1968b, с. 51—55). Несомненный интерес представляет ее же работа об этнической принадлежности могильников литовского побережья Балтики (Волкайте-Куликаускаса Р., 1970, с. 241—246).

Этнические особенности погребальных памятников куршей на территории Латвии изучались В. А. Уртаном (Urtāns V., 1970b, 61—65 lpp.). В «Археологии Латвии» (Latvijas arheologija, 1974, 133—174, 180—191 lpp.) куршские древности V—IX вв. получили обстоятельную характеристику наряду с другими, а древности куршей X—XII вв. выделены в специальный раздел. Полная сводка данных по куршским древностям территории Литвы вошла в «Археологический атлас Литовской ССР» (Atlasas, 1975, 1977, 1978). Наконец, следует назвать работу А. З. Таутавичюса по этническому размежеванию территории Литвы в I тысячелетии н. э. (Таутавичюс А. З., 1980, с. 80—88). Э. С. Мугуревичу принадлежит важная статья о взаимоотношениях куршей с прибалтийско-финским населением в северной части Курземе (Мугуревич Э., 1970, с. 21—38).

Во II — первой половине VII в. в земле куршей были распространены грунтовые могильники с поверхностными венцами из камней (табл. СХХХIII). Обряд погребения — трупоположение в неглубоких ямах (часто 0,2—0,3 м). Погребальная яма засыпалась землей и мелкими камнями и окружалась венцом диаметром до 4—6 м из валунов. Некоторые венцы погребений середины I тысячелетия н. э. имеют овальную или подчетыреугольную форму и меньшие размеры. К венцу одного погребения присоединяли венцы других — получалась целая могильная система. Умерших в могильные ямы клали головой на север, в середине I тысячелетия н. э. — преимущественно на северо-запад. Обнаруживаемые остатки кострищ свидетельствуют о распространении культа огня.

В могильном инвентаре мужских захоронений встречаются втульчатые топоры, косы, наконечники копий, ножи, точильные камни, миниатюрные горшочки. Изредка вместе с умершим хоронили и коня. В женских захоронениях обычны ножи, шилья, миниатюрные горшки, иногда пряслица, берестяные коробки и украшения — ожерелья из бус, браслеты, булавки.

Наиболее известными могильниками с каменными венцами являются Капседе, Курманчай, Мазкатужи и Шерняй. Во второй половине VI или первой половине VII в. обычай сооружать венцы из камней исчезает. Вопрос о причинах этого явления в археологии пока не изучен.

С этого времени у куршей получают распространение грунтовые могильники без каменных венцов. Умерших хоронили рядами в направлении север — юг или юг — север, на спине, в вытянутом положении; кисти рук обычно складывались на груди. Погребения мужчин и женщин имеют противоположную ориентировку.

Мужчинам в могилу клали орудия труда и предметы вооружения. Типичными для мужского погребального инвентаря являются втульчатые топоры, наконечники копий, косы, совообразные фибулы, арбалетовидные фибулы со змеиными головками, ритоны. Для погребений VIII—XI вв. характерны боевые ножи в окованных бронзой ножнах и ремни с бронзовыми накладками. В погребениях IX—XII вв. нередко встречаются мечи, иногда боевые топоры. С конца X в. в мужские захоронения клали весы с гирьками. Нередки и украшения — витые шейные гривны, массивные браслеты, янтарные подвески.

Для женских погребений характерны булавки для крепления головных уборов, большие нагрудные булавки с цепочками и подвесками для застёжки одежды (табл. СХХХIV, 1, 6—8), многочисленные браслеты разных типов, в том числе с утолщенными концами и спиральные массивные (табл. СХХХV, 11—13, 16—18), перстни (табл. СХХХV, 8, 14), янтарные бусы и пряслица.

С конца VIII в. наряду с трупоположениями получают распространение и погребения по обряду кремации умерших. Количество последних постепенно увеличивается. С X—XI вв. трупосожжения в куршских могильниках господствуют. Погребальный костер устраивался либо на месте захоронения, либо вне его. Различные предметы, предварительно ритуально поломанные или побывавшие в огне, вместе с остатками трупосожжения бессистемно ссыпались в могильные ямы. В VIII—IX вв. вырывались такие же погребальные ямы, как и при трупоположениях. Позднее для захоронений остатков сожжений устраивались круглые или овальные в плане ямы различных размеров. Остатки кремации иногда помещались в небольших деревянных коробах; погребения в глиняных урнах неизвестны вовсе.

Среди фрагментарных и обгоревших вещей обычны витые шейные гривны (табл. СХХХIV, 5, 9, 10, 13, 14), подковообразные застёжки (табл. СХХХIV, 16, 18—20, 23, 25, 30) и браслеты. В мужских погребениях встречаются также кресала, цилиндрические замки, ключи.

На основании наблюдений за расположением ве-

щей при трупоположениях и остатков тканей, встречаемых в единичных могилах, реконструируются женские головные уборы типа намитки, которые прикреплялись к волосам булавкой. В одежде мужчин важное место занимал пояс, богато украшенный бронзовыми и серебряными бляшками. В одном из погребений могильника Дири найден шлем.

Этнически определяющих украшений среди куршских древностей нет. Но весьма характерными являются бронзовые привески-гребни, сделанные из пластин и по форме делящиеся на два вида: 1) прямоугольные с прямой или изогнутой спинкой; 2) трапециевидные с прямой или изогнутой спинкой. Зубья гребней короткие, иногда, намеченные лишь короткими насечками.

Такие гребни, по подсчетам И. Озере, в количестве 22 найдены только в куршских могильниках в захоронениях по обряду сожжения. Датируются они XI—XIV вв. Их распространение обусловлено специфическими языческими представлениями куршей. В XI—XII вв. привески-гребни известны и в древностях видземских ливов, но они отличаются от куршских зооморфной орнаментацией спинки.

Большинство предметов в куршских захоронениях складывалось у головы умершего (наконечники копий, косы, топоры, пряслица, точильные бруски). Здесь же иногда помещались миниатюрные глиняные сосудики или рог для питья, а в отдельных случаях добавочный погребальный инвентарь, завернутый в бересту.

Обычай помещать в могилы миниатюрные сосудики является типично куршским. Этот обряд прослеживается здесь в течение длительного времени, начиная с первых веков нашей эры. Так, в могильнике Рудайчай I погребения с миниатюрными сосудами составляли свыше 40% исследованных и большинство их относилось к III—IV вв. (Michelbertas M., 1968, 81, 96—112 psl.). В раннесредневековых могильниках процент захоронений с миниатюрными сосудами колеблется от 13 до 55. В самом большом из исследованных могильников в Паланге обнаружено 50 сосудиков, большая часть которых датирует X—XI вв.

По форме миниатюрные глиняные сосуды обычно не повторяют бытовую керамику. Они весьма разнообразны — от слабопрофилированных цилиндрической или тюльпановидной формы до профилированных или с ребром на плечиках. Высота сосудиков 3,5—9 см.

Для определения функций миниатюрных горшочков существенно то, что, во-первых, нередко в них находятся кусочки янтаря, украшения и другие предметы; во-вторых, некоторые из них вложены в берестяную коробочку, содержащую и иной инвентарь; в-третьих, некоторые из них настолько малы, что они не могут быть использованы для жертвенной пищи (известно, что в Литве еще в XVI в. умершим «жертвовали» хлеб, пиво и др.). Л. Накайте, посвятившая миниатюрным горшочкам из погребальных памятников с территории Литвы специальную работу, полагает, что они клались в могилы с чисто ритуальными целями, как символы бытовых сосудов (Nakaitė L., 1964, 53—73 psl.).

Наиболее характерными могильниками куршей являются Дири, Гейстауты, Мазкатужи, Паланга,

Лайвяй, Гиркаляй. В качестве примера коротко охарактеризуем Гиркаляйский могильник (Клайпедский р-н Литовской ССР). Он был устроен на невысоком холме среди луговой равнины. Могильник занимал весь холм и содержал погребения от VIII до XIII в. включительно. Более ранние погребения — трупоположения, более поздние (XI—XIII вв.) — трупосожжения. Самые ранние захоронения находились в восточной части холма, а самые поздние — в западной.

Для трупоположений устраивались большие ямы размерами 2,2—2,6×0,8—0,9 м. Трупосожжения составляли основную часть могильника. Часть их обнаружена в больших ямах, сходных по строению с ямами для трупоположений. Иногда остатки кремации ссыпались прямо в такие ямы, в других случаях помещались в небольшие деревянные ящики.

Часть погребального инвентаря сжигалась вместе с умершим, другую часть клали в могилу. Оружие в могилах представлено наконечниками копий, боевыми топорами, боевыми ножами и мечами. Среди украшений имеются витые шейные гривны с петлями на концах, спиральные и пластинчатые браслеты, подковообразные застёжки, стеклянные бусы. Найдены и остатки головных уборов.

Могильник Гиркаляй по обрядности и инвентарю является типичным для куршских погребальных памятников Литовского Поморья.

В Курземе на некоторых могильниках вплоть до X—XI вв. продолжал бытовать обряд трупоположения. Обычно такие кладбища содержат наряду с ингумациями и трупосожжения, но известны и единичные могильники (Барта, Дикули, Медзе), содержащие исключительно трупоположения. Возможно, это обусловлено слабой изученностью памятников.

В период X—XIV вв. в Курземе, как и в более южных областях расселения куршей, преобладали грунтовые могильники с трупосожжениями. Наиболее распространенными были ямы площадью от 1 до 4 кв. м, ориентированные с юго-запада на северо-восток или с юга на север, т. е. примерно так же, как были ориентированы трупоположения в могильниках куршей. Изредка встречаются и более крупные могильные ямы, некоторые из них имеют площадь до 10 кв. м. Они предназначались для коллективных захоронений или для погребений знати.

В куршских могильниках восточных районов (Звидви, Тилтини), там, где они соприкасались с земгалами, преобладает ориентация с северо-запада на юго-восток, отражающая, скорее всего, влияние земгалов.

В Курземе зафиксирован и иной погребальный ритуал, выявленный в нескольких пунктах, — сломанный и сожженный погребальный инвентарь погружали на дно озер. Одно из таких мест находок было обнаружено в оз. Вилкумуйжас в г. Талсы (Šturms E., 1936c, 72—86 lpp.). Произведенные здесь подводные исследования показали, что предметы находятся часто в небольших углублениях на дне озера. В местах скопления вещевых находок зафиксированы остатки свай (Apals J., 1968a, 48 lpp.).

Начиная с XIII в. в северных и срединных частях Курземе появляются новые могильники с трупоположениями (Анце, Дундага, Маткуле, Лаукумуйжа, Пилтене и др.). Большинство их устроено на новых

местах. Погребения в них ориентированы на запад и юго-запад, иногда с небольшими отклонениями, и сопровождаются украшениями — шейными гривнами, лентовидными браслетами, перстнями с витой передней частью или со щитком, монетами-подвесками XIII—XIV вв. Судя по инвентарю, это погребения куршей. Э. Штурмс полагал, что такие могильники оставлены куронизированными ливами, поскольку большинство их расположено в пограничной зоне, где соприкасались курши и ливы (Šturms E., 1936b, S. 49). Другие исследователи допускают, что это христианские захоронения части куршей — жителей так называемой области Vredesugonia, которая попала под власть католической церкви. Согласно договорам, заключенным в 1230 и 1231 гг., курши этой области согласились креститься и принять священников, присланных из Риги. В пользу такого предположения говорят и способ захоронения в рассматриваемых могильниках, характерный для христианских кладбищ, и примерное совпадение территории их распространения с областью Vredesugonia (Мугуревич Э., 1970, с. 34).

В то же время на остальной части Курземе долго сохраняется традиция кремации умерших. Только в XIV—XV вв. погребения с трупосожжениями постепенно уступают место христианским трупоположениям с ориентацией на юго-запад.

С историей Курземе тесно связана история ливов. Основываясь на письменных источниках, историк П. Йохансен правильно утверждал, что в XIII—XIV вв. курши в северной и центральной частях Курземе жили вперемешку с ливами (Johansen P., 1939). Это было подтверждено В. Кипарским, исследовавшим курземские топонимы, упомянутые в документах XIII—XVI вв. Среди них были выделены и топонимы прибалтийско-финского происхождения (Kiparsky V., 1939, karte 5). На основе археологических данных вопрос о куршско-ливских отношениях исследовался Х. А. Моора (Моора Х. А., 1950, с. 29—37) и Э. С. Мугуревичем (Мугуревич Э., 1970, с. 21—36).

Погребальными памятниками ливов в Курземе, прежде всего, являются каменные могильники с оградками, функционировавшие здесь до X—XI вв. и единичные каменные курганы, по мнению Э. Штурмса и Х. А. Моора, восходящие к каменным могильникам. Э. Штурмс относил к ливам и песчаные курганы X—XI вв. Ливам принадлежат также грунтовые могильники с трупоположениями XI—XIII вв., ориентированными на северо-восток. Все эти погребальные памятники известны преимущественно в северной Курземе, куда, судя по распространению могильников с трупосожжениями, начиная с XI в., проникают курши. Северная Курземе стала областью внутрирегионального контакта куршей и ливов, результатом которого стала постепенная ассимиляция последних. Еще в XV в. помимо куршского населения в Курземе проживали ливы, составляя около 20—30% населения (Johansen P., 1939, Fig. 168). При этом можно полагать, что ливы в это время расселились в центральной и даже в южной частях Курземе. Как отмечал В. Кипарский, о ливах, проживавших между Гробинем, Кулдигой и Кандавой в начале XV в., упоминал Жильбер де Ланнуа (Kiparsky V., 1939, S. 48, 49).

Поселения куршей исследованы раскопками пока сравнительно слабо, поэтому делать какие-либо историко-культурные построения обобщающего характера преждевременно. Изучались в основном городища с прилегающими к ним открытыми поселениями.

Одно из неукрепленных поселений раскапывалось Э. С. Мугуревичем в Приедниекс на правом берегу р. Вента. Исследована береговая полоса протяженностью 130 м и шириной 2–3 м. Выявлено семь выложенных из камней очагов, которые имели диаметр 0,7–0,8 м и небольшие углубления. По лепной керамике и некоторым находкам поселение датируется второй половиной I — началом II тысячелетия н. э. (Mugurēvičs E., 1971b, 49 lpp.).

Рядом с этим поселением находится городище Пабержкалнс. Оно имеет длинную, узкую площадку размерами 100×20 м, защищенную двумя параллельными валами. Их разрезы показали, что они имели внутренние столбовые конструкции. Городище синхронно селищу. На площадке городища исследованы остатки наземных построек с очагами.

Наиболее значительные исследования произведены Э. С. Мугуревичем в Сабиле в бассейне р. Абава (Mugurēvičs E., 1976, 73–78 lpp.; 1977a, 48–51 lpp.; 1978a, 54–57 lpp.; 1979b, 54–57 lpp.; 1980, 76–80 lpp.). Городище принадлежит к типу мысовых и устроено между двумя оврагами, с напольной стороны защищено валом и рвом. В 1922 г. небольшие раскопки здесь произвел Е. Брастиньш. Э. С. Мугуревичем исследовались укрепления на северном склоне городища. Оно было основано во второй половине I тысячелетия н. э. и первоначально имело деревянную ограду, устроенную на двухметровой террасе посередине 20-метрового склона холма. За оградой был вырыт ров шириной 3 м и глубиной 1 м. В X–XI вв. эти укрепления были уничтожены, была сделана подсыпка склонов, закрепленная камнем, которая увеличила площадку городища и крутизну склонов.

Основные раскопочные работы велись Э. С. Мугуревичем на посаде, где за три полевых сезона вскрыто 2600 кв. м. Выделено три строительных периода. Ранний характеризуется полуземляночными жилищами постройки со столбовой конструкцией стен (слои XI–XII вв.) В плане они имели четырехугольную, иногда округлую форму. Отапливались жилища очагами, устраиваемыми в воронкообразных углублениях. В некоторых случаях края очагов выкладывались камнями. Свыше 20 очагов выявлено вне построек.

К среднему и верхнему строительным периодам (XIII–XVII вв.) относятся наземные жилища, которые выявляются по остаткам фундаментов в виде скоплений камней. Отопительными устройствами были глинобитные печи, реже — печи-каменки. Глинобитные печи устраивались непосредственно на земляных полах. Основаниями их служили округлые площадки из глины. Иногда основание ограждалось камнями. Верхние части печей сводчатые, своды делались из глины или из камней.

К среднему строительному горизонту относится сыростная печь, сложенная из глины. Ее основанием являлась округлая в плане площадка (диаметром 1 м) из обожженной глины с небольшим углуб-

лением в центре. В печи и около нее встречены крицы и плак общим весом 110 кг.

При раскопках Сабильского посада найдено большое количество предметов, многие из которых свидетельствуют о значительном развитии здесь ремесленной деятельности. Обнаружены доломитовые литейные формы, тигли, зубило, пробойник, скобели. Встречено много бытовых предметов. В числе украшений имеются подковообразные застёжки, разнотипные подвески (ромбовидные, круглые, «топорики», «птички», зубы животных, бубенчики, лунницы), перстни, браслеты, шейные гривны. На их основании можно утверждать, что поселение принадлежало куршам и ливам.

Значительные раскопки велись на городище Талсы, представляющем собой типичный раннефеодальный замок. Расположено оно в куршско-ливской смешанной зоне, но населяли его в основном курши. Первое упоминание о Талсе в письменных источниках относится к 1231 г.

Площадь поселения около 3500 кв. м. Основные раскопки (1936–1938 гг.) принадлежат А. Карнупсу (Karnups A., 1938). Выявлено девять строительных горизонтов в напластованиях, отложившихся в течение полтысячелетия (X–XIV вв.). Основным типом жилища были квадратные в плане полуземлянки площадью около 16–18 кв. м. Это были срубные постройки, опущенные в грунт на 0,6–0,9 м. В верхних горизонтах (XII–XIV вв.) имелись уже наземные постройки той же конструкции. Размеры домов — от 3×5 до 5×6,5 м.

Небольшие раскопки были произведены также на городище Маткуле, расположенном в излучине р. Имулу, левого притока Абава (Э. Мугуревич, 1966, с. 26, 27). Нижние горизонты культурного слоя памятника относятся к культуре штрихованной керамики. В эпоху средневековья поселение было отстроено заново. Площадка городища размерами 50×25 м была защищена валами с двух сторон — два вала имелись в мысовой части и один с напольной стороны, за которым на 6 м ниже площадки городища находился форбург.

Наибольшими раскопками на площадке городища исследованы остатки углубленной в грунт постройки столбовой конструкции. С запада и севера от городища располагался обширный посад. Это был один из политических и экономических центров части земли куршей. В письменных источниках Маткуле впервые упоминается в 30-х годах XIII в. На противоположном берегу Имулу находится культовый холм, где собирались племенные собрания и совершались жертвоприношения (Šturms E., 1938, S. 118).

Раскопками на городище исследованы остатки полуземляночной постройки, в основании которой найдены два крупных рога — характерное для куршей языческое жертвоприношение. Работами в форбурге и на посаде жилищ не обнаружено. Вещевые находки (железные ножи, шилья, наконечник стрелы, ключи; бронзовые фибулы, браслеты, крестик и подвески; каменные пряслица) свидетельствуют об интенсивной хозяйственной деятельности. Дата поселения X–XIII вв.

В Литве среди прочих поселений куршам принадлежит городище Апуоле. Оно устроено на высоком (75 м) холме при впадении р. Врикис в Луову.

Площадка размерами 80×55 м с напольной стороны защищена валом высотой 9–10 м. Его шурфовка произведена в 1928 и 1929 гг. Э. Вольтером, а трапешейные раскопки в 1931 и 1932 гг. В. Нагевичюсом. В валу были открыты бревенчатые конструкции. На основе вещевых находок установлено, что поселение функционировало в X–XIII вв. (Puzinas J., 1938, 292–294 psl. Volkaite-Kulikauskienė R., 1958a, 42–47 psl.).

На территории расселения куршей находится Гробиня — городище и могильник переселенцев из Скандинавии. Поселение раскапывал в 1929 и 1930 гг. Б. Нерман (Nerman B., 1958, S. 8–12, 81–84, 168–170). В культурном слое толщиной 0,9 м были выделены три горизонта, относящиеся к IX–XI вв.

Общественно-экономическое развитие куршей опережало другие латышские и литовские земли, чему в немалой степени способствовало их расселение по Балтийскому побережью. Находимые в памятниках куршей предметы вооружения и украшения свидетельствуют о торговых связях их с другими странами, в частности со Скандинавией и Готландом. Осуществляли курши и военные набеги на соседние земли. Известно, что флот куршей в начале XIII в. неоднократно угрожал немецким захватчикам, в 1210 г. курши напали на Ригу.

Еще раньше курши упорно и успешно боролись с набегами скандинавов, целью которых были грабежи и сборы дани с приморских земель. Источник IX в. «Житие святого Ансгария» рассказывает, что в начале IX в. курши освободились от временной зависимости от шведов, а в 854 г. наголову разбили датчан, уничтожив половину их войска и кораблей. Этот источник сообщает, что «княжество куршей» подразделяется на пять городских округов. Упоминаются два крупных и богатых города куршей — Апулия и Зеебург, вмещавшие гарнизоны в 7–15 тысяч человек (Senās Latvijas, 1937, 5 lpp.).

В сочинении Саксона Грамматика «Датская книга» говорится о том, что курши избирали «королей»-предводителей перед военными походами. Власть их, очевидно, ограничивалась племенным собранием и не была наследственной. Саксон Грамматик сообщает и о некоторых конкретных куршских предводителях. Так, рассказывается о правителе Локере, разбившем шведского викинга и обладавшем единоличной властью, и о короле куршей Дорно (Saxo Grammaticus, 1900). Налицо оформление полугосударственного образования куршей. В источниках XIII в. называются земли куршей: Пилсатс, Мегове, Дувзаре, Цеклис, Пиемере.

В «Сage об Эгиле Скалагриммессоне» — участнике военного похода на куршей в начале X в. — говорится о том, как он и его воины были захвачены в плен при попытке грабежа одного из куршских селений. Эгилу с окружением удалось бежать из плена, прихватив с собой трех других пленников-датчан. По-видимому, куршская знать использовала в своих хозяйствах рабов-пленников.

В начале XIII в. значительные области куршей оказались под властью немецких крестоносцев. Последние строят здесь замки. Среди исследованных археологами упомянем епископский замок в г. Пплтене, построенный на рубеже XIII и XIV вв. С 30-х

годов XIV в. до второй половины XVI в. он был столицей Курляндского епископства. Каменный замок с форбургом, огражденный рвом, был устроен на берегу р. Вента.

Раскопками Э. С. Мугуревича исследовано 600 кв. м его площади (Mugurēvičs E., 1977c, 51–55 lpp.; 1978b, 59 lpp.). Были исследованы конструкции моста, перекинутого через 40-метровый ров, и кирпичные помещения внутри нижней части моста. Собранные немногочисленные вещевые находки, характеризующие культуру прибалтийских немцев XIV–XVI вв.

Курши приняли участие в этногенезе латышского и литовского народов.

В языковом отношении курши принадлежали западным балтам. О близком родстве пруссов и куршей писали Э. Блессе (Blesse E., 1929, 154 lpp.; 1931, S. 293–312), Я. Эндзелин (Endzelins J., 1979, 551 lpp.; 1982, 385 lpp.) и др.

Скалвы

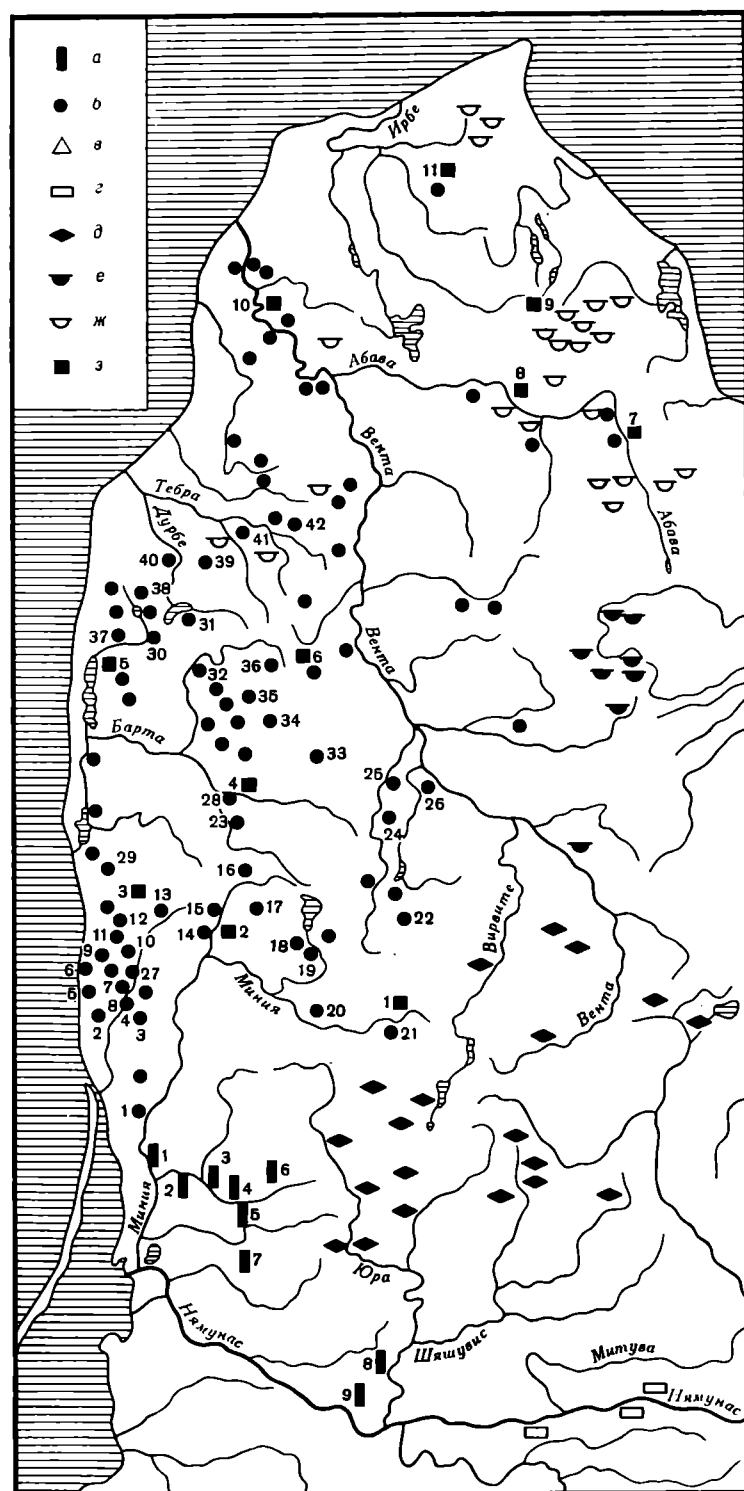
Южными соседями куршей были скалвы, заселявшие земли по обоим сторонам нижнего течения Немана, включая часть восточного побережья Куршского залива (карта 47). Именно здесь локализуют скалвов письменные источники орденового периода (SRP, I, 1863, S. 151). Восточными соседями скалвов были жемайты, на юго-востоке они соприкасались с ятвягами, а на западе — с пруссами. Скалвия (Скаловия), согласно хроникам XIII–XIV вв., одна из прусских земель. Однако, судя по археологическим материалам, скалвы были наиболее близкими и, очевидно, родственными куршам.

Исследования средневековых могильных памятников в Скалвии были начаты в 90-х годах прошлого столетия А. Беценбергером. В 1891–1893 гг. в могильнике Вежайчяй им было раскопано несколько сотен захоронений (Sb. Prussia, 1893, S. 135; 1895, S. 250; 1896, S. 136; Katalog Prussia, 1897, S. 16–18, Fig. 47–54). В 1897 и 1898 гг. А. Беценбергер вел раскопки на могильнике Грейжепай, исследовав там 17 погребений (Bezenberger A., 1900, S. 135–152). В 1901 и 1902 гг. тем же исследователем раскапывался могильник Лумпенпай (Bezenberger A., 1909, S. 130–147). В 1909 г. небольшие раскопки на могильнике Скомантай произведены были В. Нагевичюсом (Nagevičius V., 1935, 70–72 psl.). Еще в 1902 г. А. Беценбергером и Г. Шей начаты были небольшие раскопки в могильнике Страгнай. Они были продолжены в 1911 г. Г. Шей и В. Гайгалайтисом (Engel C., 1931a, S. 330; Volkaitė — Kulikauskienė R., 1964b, 224–226 psl.).

В 20–30-х годах XX в. раскапывались два могильника в древней земле Скалвии — Никелай (Puzinas J., 1938, 284–287 psl.) и Паулайчяй (Puzinas J., 1938, 226, 266, 283, 284 psl.).

В левобережной части Нижнего По Неманья исследовался могильник Липкунай (Engel C., 1931a, S. 313–324).

Особый интерес представляют раскопки могильника Юргайчяй, произведенные в 60-х годах Л. Накайте (Накайте Л., 1968, с. 65–67; Nakaitė L., 1971, 126–128 psl.; 1972, 101–121 psl.). В 1968 г. той же

Карта 47. Памятники куршей и скалвов

a — могильники скалвов: 1 — Стрева; 2 — Скомантай; 3 — Юргайчай; 4 — Никелай; 5 — Паулайчай; 6 — Вилку Кампас; 7 — Вежайчай; 8 — Грейженай; 9 — Лумпенай; 10 — могильники куршей: 1 — Лайстай; 2 — Рамучай; 3 — Андучай; 4 — Кретинга; 5 — Гиркалай; 6 — Палавга; 7 — Пришманчай; 8 — Генчай; 9 — Кяулейкай; 10 — Яздай; 11 — Рудайчай; 12 — Лаздинкай; 13 — Кашучай; 14 — Имбаре II; 15 — Имбаре I; 16 — Лайвай; 17 — Гинталишке; 18 — Годеляй; 19 — Яздайчай; 20 — Наусодис; 21 — Акменскине; 22 — Сирайчай; 23 — Апуоле; 24 — Скерий; 25 — Кукай; 26 — Застаучай; 27 — Димитравас; 28 — Клайшай; 29 — Мазкатужп; 30 — Приедулай; 31 — Дпри; 32 — Бунка; 33 — Тилтнин; 34 — Дарзинеки; 35 — Балтепи; 36 — Гравиениекп; 37 — Страутини; 38 — Крастини; 39 — Струнгас; 40 — Бучас; 41 — Илсуми; 42 — Апаринас; **b** — каменные курганы ятвягов; **c** — могильники аукштайтов; **d** — могильник жемайтов; **e** — могильник земгалов; **ж** — могильники ливов; **з** — исследованные поселения: 1 — Паплие-

исследовательницей раскапывался могильник Вилку Кампас в том же Шилутском р-не Литовской ССР (Nakaitė L., 1970a, 43–56 psl.; 1970b, 71–73 psl.).

Поселения региона расселения скалвов раскопки пока не изучались.

Своеобразие могильников исследуемого региона, их отличие от погребальных памятников прусских племен V–XIII вв. было подмечено давно (Engel C., 1931a, S. 327; Waetzold D., 1939, S. 116–120). Большинство исследователей стало относить могильники нижнего Немана к скалвам (Hoffmann J., 1944, S. 139; Volkaitė-Kulikauskienė R., 1970, 38–40 psl.; Волкайте-Куликаускаене Р., 1970, с. 242–246). Некоторая противоречивость мнений относительно племенной атрибуции нижненеманских могильников обусловлена тем, что они несколько различаются между собой на севере и юге территории своего распространения. Так, могильники, входящие в северную группу (в окрестностях селений Прекуле и Швекшна и города Шилуте), некоторые ученые считали куршскими (Hoffmann J., 1944, Karte), хотя они заметно отличаются от куршских.

Эти две компактные группы могильников, почти одинаковых по своей обрядности, по-видимому, нужно связывать с двумя племенами скалвов. В начале XIII в. в письменных источниках между Скалвой и Курсой называется земля Ламата. Согласно источникам XIII–XIV вв., Ламата локализуется между Куршским заливом и р. Юра (Lowmiałski H., 1932, S. 100, 101, 111). В этой связи А. З. Татутавичюс полагает, что могильники северной группы следует связывать с жителями земли Ламата, а к собственно скалвам относить древности поречья Нижнего Немана и нижнего течения р. Юра (Таутавичюс А., 1968в, с. 60–63; 1980, с. 86).

Для территории Скалвии (и позднейшей Ламаты) характерны грунтовые могильники, датируемые V–XIII вв. В раннее время сосуществовали два обряда погребения — труположение и трупосожжение. Число захоронений по обряду кремации умерших постепенно увеличивается, и на рубеже I и II тысячелетий н. э. они становятся преобладающими.

Погребения по обряду ингумации ориентированы в основном на север и северо-запад. В северном регионе вместе с мужчинами иногда погребался конь. В южном регионе погребения с конями весьма редки, но в составе погребального инвентаря встречаются предметы конского снаряжения.

Погребальный инвентарь весьма многочислен. В мужских захоронениях обычны предметы вооружения. Встречаются также фибулы и браслеты. При женских погребениях часты металлические подвески от головных уборов, своеобразные бронзовые булавы для крепления головного убора (длинные пруты с расплюсченной средней частью), нагрудные фибулы. Украшения головного убора составляют этнографическую особенность скалвов. Головной убор имел форму шапочки, которая отделялась металлическими сердцевидными подвесками. Такие шапочки известны в основном по раскопкам могильников Вежайчай и Юргайчай.

ния; 2 — Имбаре; 3 — Ипилтис; 4 — Апуоле; 5 — Гробиня; 6 — Эмбутеб; 7 — Маткуле; 8 — Сабиле; 9 — Талсы; 10 — Пилтене; 11 — Дундага

Захоронения по обряду трупосожжения совершались в круглых или овальных ямах разной величины. Сожжение умерших производилось на стороне. Погребальный материал такой же, как и в погребениях по обряду трупоположения. В мужских захоронениях IX—XII вв. встречается больше предметов вооружения, в женских — увеличивается число украшений, особенно витых шейных гривен и подковообразных застёжек.

Мужские погребения IX—XII вв. в северном регионе изредка сопровождаются трупоположениями коней. В южном регионе захоронения коней очень редки, но есть вещи конского снаряжения. В погребениях по обряду сожжения встречается согнутое или сломанное оружие.

Одним из могильников, давших ценную информацию о раннесредневековой культуре скалвов, является Юргайчяй, находящийся близ городища Йомантай возле рек Тельшена и Апва. Площадь могильника около 2 га. При его раскопках встречены преимущественно трупоположения, захоронения по обряду кремации единичны.

Умерших хоронили в продолговатых ямах глубиной 0,3—0,7 м. В засыпях могильных ям зафиксированы угольки и зола. Ориентированы умершие в основном головами на север, реже на северо-запад, и как исключение встречено юго-западное направление. Умерших клали на спине с вытянутыми ногами, с согнутыми и сложенными на груди руками.

При захоронениях по обряду трупосожжения вырывались ямы такой же формы и величины. Сожженные кости рассыпались посередине ямы на небольшой площади — около 0,30×0,30 м.

Вместе с покойником в одной яме нередко хоронили его коня. Коней помещали спрва от мужчины. Головы коней часто украшали серебряными и бронзовыми сердцевидными подвесками. Кони хоронились с железными удилами, уздечками, украшенными бронзовыми спиральками, и поводьями, обмотанными бронзовой проволокой.

В мужских погребениях нередко оружие: железные втульчатые наконечники копий, однолезвийные мечи с деревянными рукоятками. Изредка встречаются бытовые предметы — косы, ножи, огнива. Есть и украшения, чаще всего различные арбалетные фибулы (табл. СХХХVI, 1, 4), спиральные перстни; в одном из погребений обнаружена шейная гривна. Редкими находками являются железные шпоры и рога для питья. Несколько раз зафиксированы остатки кожаных поясов с бронзовыми пряжками. Некоторые ремни имеют нарядные разделители разнообразных форм и оковки.

Для женских захоронений характерны различные украшения (табл. СХХХVI). Среди них выделяются серебряные сердцевидные или круглые подвески, разделенные бронзовыми спиральками, — остатки головных уборов (Nakaité L., 1971, 126—128 psl.). Нередки различные арбалетные фибулы, спиральные перстни, браслеты с утолщенными концами и выпукло-вогнутые с расширенными концами (табл. СХХХVI, 13, 15), ожерелья из янтарных бус (табл. СХХХVI, 3) и бронзовых спиралек. Более редкими находками являются шейные гривны с петлей и крючком на концах, с витой, тордированной или гладкой круглого сечения дужкой и булавки для

головных уборов. Изредка встречаются железные ножи, шилья и пряслица.

Могильник Юргайчяй принадлежит к числу ранних и датируется в основном VII—VIII вв. При его раскопках зафиксированы остатки круга, выложенного из камней, свидетельствующие о том, что здесь были и более ранние погребения, относящиеся к первым столетиям I тысячелетия н. э. Кроме того, обнаружены изделия и более позднего периода — начала II тысячелетия н. э.

К VIII в. относятся погребения, исследованные раскопками в могильнике Вилку Кампас. Здесь раскопано восемь погребений, в том числе три трупоположения и пять трупосожжений. Первые захоронения находились в ямах глубиной до 0,75 м, умершие были положены в них головами на северо-запад или северо-восток. Для трупосожжений устраивались такие же ямы.

Погребальный инвентарь представлен железными ножами, шильями, втульчатым топором, глиняным пряслицем, несколькими железными втульчатыми наконечниками копий и мечами. Среди украшений имеются бронзовые арбалетовидные фибулы, шейная гривна с петлей и крючком на концах, бронзовые выпукло-вогнутые браслеты с сильно расширяющимися концами, спиральные перстни.

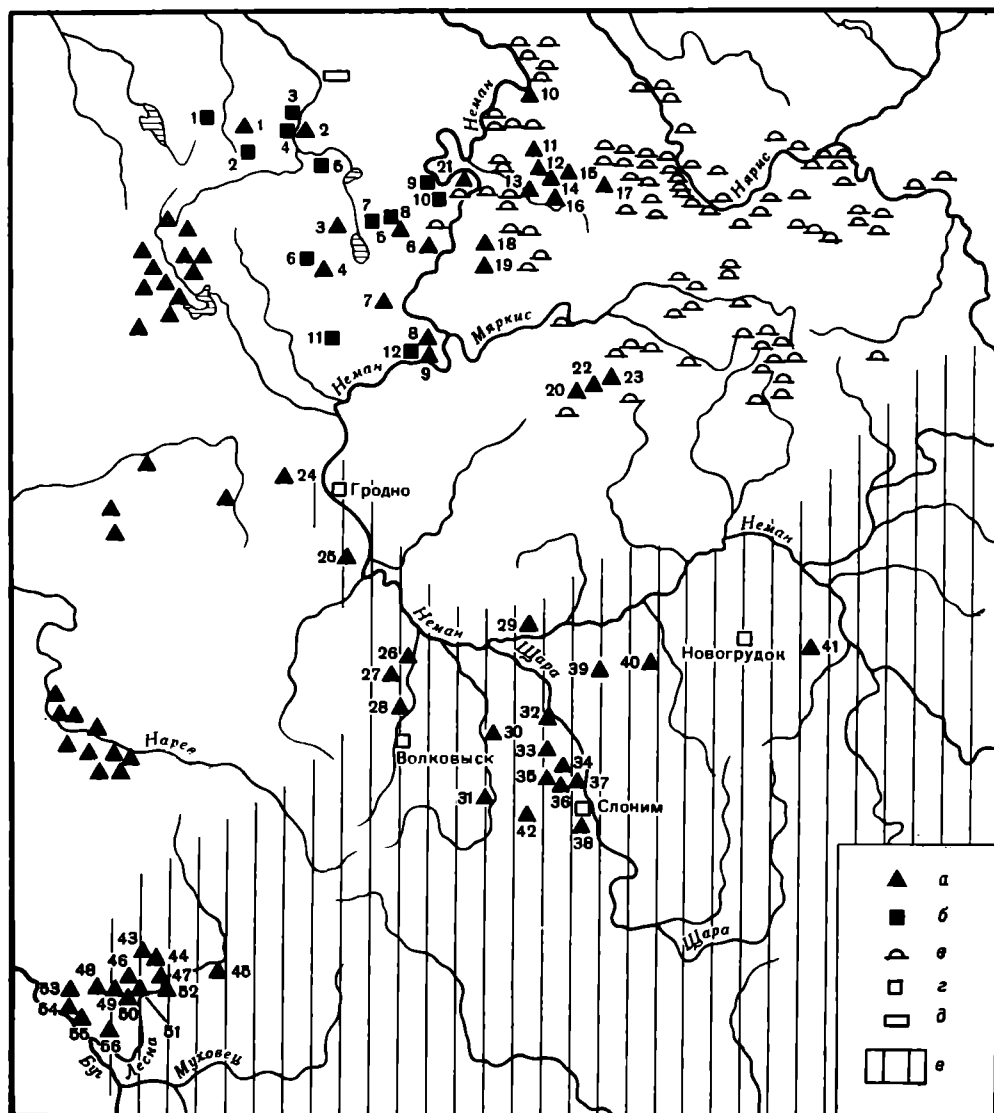
Более поздние погребения исследованы на могильниках Никелай, Паулайчяй, Скомантай, Вежайчяй.

Как уже говорилось, могильники северного и южного регионов различаются слабо. В мужских погребениях могильников южного региона больше предметов вооружения, но редки захоронения коней. В погребениях по обряду сожжения встречены согнутые и сломанные предметы вооружения, чего не отмечено в северном. Очевидно, различия в целом носят второстепенный характер. Поэтому в настоящем разделе они рассматриваются целостно и отнесены к скалвам. Может быть, эти две компактные группы древностей оставлены двумя скалвскими племенами и одно из них составило основу населения земли Ламата.

Ятвяги

В древности ятвяжские племена, по-видимому, занимали довольно обширные пространства южнее прусских и литовских земель (карта 48). Язык ятвягов не сохранился и изучается лингвистами по реликтам — данным, извлеченным из литовских диалектов, сформировавшихся на ятвяжском субстрате, по топонимическим материалам, отчасти по материалам антропониимики. Согласно исследованиям Я. С. Отрембского, язык ятвягов западнобалтский, которому не чужды особенности, весьма характерные для славянских языков (Отрембский Я. С., 1961, с. 3—8).

Русские летописи именуют рассматриваемую здесь этническую группировку исключительно ятвягами. Польские и немецкие средневековые источники параллельно с этим этнонимом называют их также судавами или судинами. Тождество терминов ятвяги и судины очевидно из текста указа императора Сигизмунда, в котором сказано: «Terram vocatam Suderlant alias Jetven» (Gerullis G., 1921, S. 44), «земля, называемая Судовней или Ятвягией».

Карта 48. Памятники ятвягов

а — могильники с каменными курганами: 1 — Ожкабалей; 2 — Лиепинай; 3 — Делница; 4 — Рудамина; 5 — Радастай; 6 — Луксмей; 7 — Дирмшкес; 8 — Папишкес; 9 — Вилкятинис; 10 — Майсиеюнай; 11 — Немайтонис; 12 — Бейжюнис; 13 — Эйтүлионис; 14 — Моша; 15 — Миглинишкес; 16 — Лаваришкес; 17 — Мустеняй; 18 — Виесюнай; 19 — Слабаделе; 20 — Мицконис; 21 — Пуниос Шилас; 22 — Версекеле; 23 — Версека; 24 — Ясудово; 25 — Колпаки; 26 — Волпа; 27 — Лазы; 28 — Подрось; 29 — Береговцы; 30 — Митрони; 31 — Кошели; 32 — Бердовичи; 33 — Гольнка; 34 — Климовичи; 35 — Кошево; 36 — Милькановичи; 37 — Павловичи; 38 — Соколово; 39 — Воловники; 40 — Гюниские; 41 — Сулятичи; 42 — Межевичи; 43 — Лисовичи; 44 — Войское; 45 — Угляны; 46 — Свищево; 47 — Шестаково; 48 — Хотыново; 49 — Гурки; 50 — Тростяница; 51 — Ратайчицы; 52 — Радость; 53 — Яцковщина; 54 — Ставы; 55 — Рудавец; 56 — Раковица; б — исследованные ятвяжские городища Литовского Занеманья: 1 — Кунигишкяй-Пайевонис; 2 — Пилякалняй; 3 — Мешкучяй-Капсукас; 4 — Кумелионис; 5 — Варнупай; 6 — Рудамина; 7 — Каупипкяй; 8 — Обелите; 9 — Норкунай I; 10 — Норкунай II; 11 — Павейсипинкай; 12 — Лишкява; в — курганы восточнолитовского типа; г — основные древнерусские города; д — могильники аукштайтов; е — области расселения восточных славян в X—XIII вв.

Этноним судовы впервые назван Птолемеем (II в. н. э.). Они вместе с галиндами жили к востоку от Вислы (Клавдий Птолемей, 1948, с. 236, 237).

Русские летописи упоминают ятвягов начиная с X в. Среди послов Руси в Византию под 944 г. называется «Ятвяг Гунарев» (ПВЛ, I, 1950, с. 34). На этом основании некоторые исследователи по-

лагают, что уже в это время какая-то часть Ятвėгии находилась в даннических отношениях с Русью. К 983 г. относится первое известие о военном походе киевского князя Владимира на ятвягов: «Иде Володимеръ на ятвягы, и победи ятвягы и взя землю их» (ПВЛ, I, 1950, с. 58). В 1038 г. был организован новый поход: «Ярослав иде на ятвягы» (ПВЛ, I, 1950, с. 103). Походы киевских и волынских князей на ятвягов имели место и в XII в. Повторение походов на подданные народы — дело обычное в ту эпоху. Однако эти фрагментарные известия летописей не позволяют наметить даже приблизительно пределы ятвяжской территории того времени. Более детальные сведения о ятвėгах относятся к XIII в., когда их земли находились севернее г. Визны, за р. Бебжа (северо-восточные области современной Польши).

С середины XIII в. ятвėги в русских летописях не упоминаются. У польских хронистов они известны еще длительное время. Немецкие авторы писали о ятвėгах в связи с завоеванием крестоносцами земель пруссов. В XV в. ятвėги были описаны польским хронистом Яном Длугошем, который сообщает, что областью расселения их было все Подлясье (между русскими, мазовецкими и литовскими землями) и главным городом был Дрогичин. По М. Стрыйковскому (XVI в.), ятвėжские земли в древности простирались от Волыни до пруссов, столицей их

был Дрогичин, им принадлежал и Новогрудок (Крамзин Н. М., 1766, с. 180). Матвей Меховит, писавший в начале XVI в., сообщает, что ятвягов осталось уже немного, но отводит им обширные земли Подляшья (Меховский М., 1936, с. 108).

Основываясь на сведениях польских хронистов XV—XVI вв. и картографии географических названий, производных от этнонима, многие исследователи стали полагать, что до XIII в. ятвяги заселяли обширные пространства, включавшие Сувалкию, Подляшье, Берестейскую волость и Верхнее Понеманье. Сторонниками этого мнения в русской историографии были Н. П. Барсов, В. Б. Антонович, А. М. Андрияшев, П. Д. Бряпцев, И. Филевич, М. К. Любавский и др., в польской — Т. Нарбут, Д. Шульц, Я. Ярошевич. Специально истории ятвягов была посвящена работа А. Шёгрена (Sjögren A., 1858), в которой к землям этого племени прибавляется юго-западная Литва. Н. П. Барсов, основываясь на топонимике и летописных известиях, полагал, что древнейшие поселения ятвягов вплоть до IX—XI вв. находились в Верхнем Понеманье и отделяли русские земли от Литвы. В XII—XIII вв. ятвяги были оттеснены славянами и литвой за Нарев и Бебжу, в южную часть прусской озерной области. Оставшиеся в Понеманье ятвяги слились со славянами и литвой (Барсов Н. П., 1885, с. 38—42).

Предпринимались попытки археологического и антропологического обоснования широкого расселения ятвяжских племен. Так, Ю. Д. Талько-Гринцевич отмечал примесь ятвягов в антропологическом строении современного населения Подляшья. Ряд исследователей, в частности Э. А. Вольтер, Н. Янчук и Р. Эйхлер, относили к ятвяжскому населению каменные могилы Побужья (Вольтер Э. А., 1908, с. 1—9; Янчук Н., 1892, с. 223—255; Kohn A., 1878, S. 256).

Только немногие историки скептически относились к мнению об обширных ятвяжских землях. Так, Ю. Кулаковский отрицал правдоподобность известий польских хронистов XV—XVI вв. о расселении ятвягов от Пруссии до Волыни и полагал, что они занимали только области севернее р. Нарев (Заметки..., 1858, с. 47—73). Н. П. Авенариус утверждал, что ятвяги были преимущественно охотниками и бродягами, поэтому они не оставили памятников археологии. По его мнению, ятвяги никогда не жили в Подляшье, южнее Наревы, а ятвяжские поселения в окрестностях Дрогичина, о которых сообщают Я. Длугош и Матвей Меховит, были поселениями пленных или беглых ятвягов (Авенариус Н. П., 1890, с. 27—34). К числу исследователей, отрицавших широкое расселение ятвягов, принадлежат и М. Тэппен (Тоерпен М., 1858, Tabl. 1, 1870, S. 1—17).

В 30-х годах нашего столетия немецкий археолог К. Энгель предпринял попытку выделения группы археологических древностей, которые он связывал с культурой ятвягов (судовов). Эти древности исследователь назвал восточномазурской культурой, которая территориально помещалась на сравнительно небольшой части северо-восточной Польши (Engel C., La Baume W., 1937, S. 291).

Начиная с 50-х годов много внимания вопросам истории и археологии ятвягов стали уделять поль-

ские исследователи. Здесь прежде всего следует назвать обстоятельную библиографию по археологии ятвягов, составленную и изданную А. Каминским (Kamiński A., 1956, С. 193—271). Он решительно возражает против широкого расселения ятвягов в древности. Исследователь полагает, что в письменных источниках нет вполне определенных данных в пользу широкого расселения ятвягов, а местности с названиями, производными от этнонима «ятвяги», могут быть связаны с местами, которые были заселены пленными ятвягами, переселенцами или беженцами. Археологических памятников, подчеркивает А. Каминский, которые можно было бы связать с ятвягами, нет ни в Подляшье, ни в Верхнем Понеманье (Kamiński A., 1953). Каменные могилы, известные в Подляшье, польские исследователи считают мазовецкими.

Для времени, предшествующего XIII в., А. Каминский считал ятвяжскими землями, кроме Сувалкии, район р. Слины, название которой, вероятно, связано с именем одного из ятвяжских племен — злинцев, и бассейн верхнего течения Свислочи (Неманской), где известны р. Ятвязь и несколько деревень с тем же названием и где Я. Розвадовский открыл специфические реликты западнобалтских языков.

И другие польские исследователи ограничивают древнюю ятвяжскую территорию сравнительно небольшим участком северо-восточной Польши, полагая, что Подляшье, Берестейская волость и Верхнее Понеманье не были заселены ятвягами (Антоневич Е., 1957, с. 172). Эту точку зрения разделяла и Ф. Д. Гуревич (Гуревич Ф. Д., 1950, с. 110—120; 1961, с. 177—179).

Однако с этим мнением согласиться никак нельзя. В распоряжении науки имеется слишком много косвенных и немало прямых свидетельств в пользу некогда широкого расселения ятвяжских племен. Так, остатки ятвяжского населения еще в начале XIX в. сохранялись в Гродненском уезде по берегам рек Котры и Пелясы (Янчук Н., 1892, с. 235). По свидетельству Т. Нарбута, литовцы называли эту часть Понеманья (южнее р. Пелясы) Ятвягией (Narbut T., 1842, S. 170). Э. А. Вольтер при описании говоров литовского населения Слонимского уезда подчеркивал его несомненно западнобалтские особенности и утверждал, что литовцы Верхнего Понеманья не являются собственно литовцами, а ведут свое происхождение от ятвягов (Volter E. A., 1895, S. 166—187; Вольтер Э. А., 1912, с. 151—160). Недавно Я. С. Отрембский подтвердил это (Отрембский Я. С., 1961, с. 7). В. Курашкевич выявил следы ятвяжского языка в окрестностях Дрогичина, Мельника и южнее, на левом берегу Буга (Kuraskiewicz W., 1955, s. 334—348). Я. С. Отрембский писал о большом влиянии языка ятвягов на польский язык. Областью ятвяжского воздействия является восточная Польша, в частности, мазовецкие говоры польского языка (Otrębski J., 1964, s. 207—216).

Еще А. Л. Погодин на основе анализа водных названий пришел к выводу, что Понеманье целиком и Побужье частично (ниже Бреста) входили в круг земель, заселенных в древности балтскими племенами (Погодин А. Л., 1910, с. 354). Последующими работами К. Буги, Я. Розвадовского и других ученых

подтверждено паличие в гидронимике названных территорий значительного слоя балтского происхождения, что говорит о том, что пришедшие славяне застали здесь балтов. К. Буга на основе лингвистических данных считал, что восточные славяне вошли в контакт с ятвягами в период между VII и X столетиями (Būga K., 1913, с. 12).

Среди гидронимов балтского происхождения в Сувалькии, Верхнем Понеманье и Побужье обнаруживаются названия, специфически ятвяжские. К. Буга к числу последних отнес названия рек с суффиксом *-da* (Būga K., 1923, 100 psl.). В. Н. Топоров показал, что гидроним Кшна (левый приток Буга) по происхождению — ятвяжский (Топоров В. Н., 1959, с. 251—256). Гидронимы ятвяжских типов были картографированы В. В. Седовым (Седов В. В., 1964, с. 39, рис. 1), и оказалось, что они известны на широкой территории, которую отводили ятвягам польские хроники XV—XVI вв. Дискуссия, имевшая место после этого, в которой приняли участие и лингвисты, и археологи (Tautavičius A., 1966, 161—182 psl.; Ванагас А. П., 1968, с. 143—155; 1976, с. 139—151; Савукинас Б., 1966, с. 165—176; Седов В. В., 1968а, с. 177—185; Таутовичюс А., 1968а, с. 187—190), выявила спорные моменты, но подтвердила то, что древняя ятвяжская территория, судя по данным гидронимии, охватывала не только северо-восточные районы современной Польши, но и земли Белорусского Понеманья, юг Литовской ССР, Литовское Занеманье и части Брестского Побужья.

В статье «Курганы ятвягов» (Седов В. В., 1964, с. 36—51) было отмечено, что почти на всей территории распространения ятвяжской гидронимии известны своеобразные погребальные насыпи, целиком сложенные из камня, или каменно-земляные курганы, в которых камень был существенным компонентом. Эти так называемые каменные курганы существенно отличаются как от славянских погребальных памятников, так и от восточнобалтских могильных древностей.

Исследователи западнобалтских погребальных памятников неоднократно отмечали, что для племен западных балтов в течение длительного времени было характерно применение камня при захоронениях (Engel C., La Baume W., 1937, S. 141; Alseikaitė-Gimbutienė M., 1946, S. 77, 84). Обряд погребения под каменными курганами распространился у всех западнобалтских племен еще в I тысячелетии до н. э. (Engel C., La Baume W., 1937, S. 84—86). У пруссов и галиндов в I тысячелетии н. э. произошла эволюция обрядности — на смену курганам пришли грунтовые захоронения. Однако применение камня в виде кладок или вымосток сохраняется длительное время, в частности у пруссов вплоть до XIII—XIV вв.

В отличие от прусско-галиндских племен ятвяги сохраняли курганный обряд захоронения в течение всего I тысячелетия н. э., а в отдельных местах древней ятвяжской территории обряд погребения в каменных курганах удержался до конца XIII в. (табл. CXXXVII, 35). На смену каменным курганам пришли так называемые каменные могилы. Наиболее ранние из них датируются концом XI—XII в., но наибольшее число каменных могил относится уже к XIV—XVI вв. Применение же камня для обо-

значения погребений в отдельных местностях расселения ятвяжских племен сохранилось до XVII в. (Talko-Hryniewicz J., 1920, s. 48—51). Территория нашей страны охватывает только восточные части древнего ятвяжского ареала. Поэтому настоящий раздел не является монографической характеристикой всех средневековых ятвяжских древностей. Основная масса последних находится на территории современной Польши, где в последнее десятилетие проделана большая работа по обследованию и раскопкам погребальных памятников ятвягов.

Второе, что следует оговорить заранее: некоторые, может быть, многие каменные курганы и каменные могилы Верхнего Понеманья и Брестского Побужья, относящиеся к эпохе Древней Руси, не являются собственно ятвяжскими памятниками. Расположены они на восточнославянской территории, где в целом господствуют древнерусские курганы, а в погребениях под каменными насыпями обычны древнерусские вещи. Поэтому каменные курганы и могилы XI—XVI вв. нельзя относить безоговорочно к ятвягам. Можно говорить только, что эти памятники по происхождению являются ятвяжскими, а оставлены могли быть и ятвяжским населением, кое-где островками сохранившимся на древнерусской территории, и славянизированными потомками ятвягов, и, что не исключено, славянским населением, воспринявшим ятвяжский погребальный обряд в силу тесного контакта с остатками коренного населения.

Каменные курганы и каменные могилы в Верхнем Понеманье были введены в научный оборот после раскопных изысканий Э. А. Вольтера и В. А. Шукевича. В 80—90-х годах прошлого столетия этими археологами раскапывались могильники в Слабаделе (Слободка), Бундорияй, Мицконисе, Дворчанах, Дунич-Могилицах, Опаковцах, Пузеле, Вензовщине, Воробьяк, Церемце и др. (Шукевич В. А., 1893, с. 96—100; Szukiewicz W., 1899, s. 35—38; 1902, s. 40—45; ОАК, 1891, с. 329; 1892, с. 50). А. А. Спицын вскоре после получения первых сведений об этих раскопках, основываясь на женских украшениях, принадлежащих к продукции древнерусского ремесла, предложил считать каменные курганы и могилы Белорусского Понеманья памятниками русского населения Черной Руси (Спицын А. А., 1899, с. 303—310).

Активные раскопки этих древностей были продолжены В. А. Шукевичем в первые десятилетия XX в. (Szukiewicz W., 1910a, s. 63—69; 1910b, s. 39—45; 1911, s. 57—62; 1914, s. 56—75). Менее значительные исследования каменных курганов и могил производились С. Яроцким в конце прошлого столетия (Jarocki S., 1901, s. 47, 48), а в первые десятилетия XX в. И. Басанавичюсом (Basanavičius J., 1936, 123, 124 psl.) и С. Круковским (Krukowski S., 1911, с. 1—17; 1914, s. 1—13). В Среднем Побужье подобные памятники исследовались С. А. Дубинским (ОАК, 1911, с. 65, 66).

В интересной обзорной статье, посвященной археологии балтов, А. А. Спицын выделил каменные курганы Неманско-Вилийского междуречья в отдельную группу памятников и рассматривал их как древности балтского населения (Спицын А. А., 1925, с. 131, 132). Материалы, поступившие из раскопок рассматриваемых памятников в 20—30-х годах, не-

значительны. В это время были произведены очень небольшие исследования лишь литовскими археологами в могильниках Лиепинай (Puzinas J., 1938, 233 psl.; Alsekaitė-Gimbutienė M., 1946, S. 80, 81), Лукснай, Ейтулионис, Бейжионис. Интересные курганы были раскопаны в 1936 г. у д. Подрось в гродненском течении Немапа (Jaskanis D., 1962, s. 337—361).

Для изучения ятвяжских древностей на территории Литвы существенное значение имеют раскопки курганов, выполненные в послевоенные годы. П. Куликаускас исследовал могильники Папишкес и Вилькаутинис (Kulikauskas P., 1974a, 45, 46 psl.; 1974b, 46—52 psl.), Ю. Маркелевичюс продолжил работы в Папишкес, Э. Бутениене произвела небольшие работы в могильнике Немайтонис (Butėnienė E., 1972b, 39, 40 psl.). Могильник Лаваришкес исследовался О. Навицкайте и А. Таутавичюсом (Таутавичюс А., 1959, с. 150), могильник Мустенай — Д. Андрашюнайте и А. Гирипинкасом (Andrašūnaitė D., 1972, 36, 37 psl.; Girininkas A., 1974, 52, 53 psl.), Моша — В. Даугудисом.

Полная информация о всех каменных курганах на территории Литвы помещена в «Археологическом атласе Литовской ССР» (Atlansas, 1977).

В Белорусском Помеманье и Брестском Побужье в послевоенные годы исследовались преимущественно кампные курганы древнерусского времени. Их раскопками занимались Ф. Д. Гуревич (Гуревич Ф. Д., 1962, с. 204), И. В. Бируля (Бируля И. В., 1966, с. 280; 1970, с. 120—122), В. В. Седов (Седов В. В., 1963, с. 41—43) и Я. Г. Зверуго (Очерки, 1972, с. 45). В последние годы исследованиями помеманских каменных могил занимается А. В. Квятковская.

Сводный обзор ятвяжских погребальных памятников был выполнен В. В. Седовым (Седов В. В., 1964, с. 36—51).

Каменные курганы — погребальные насыпи, целиком сложенные из камня или камешно-земляные, в которых камень был существенным компонентом. Каменные курганы обычно имеют задернованную поверхность, поэтому по внешнему виду их часто невозможно отличить от славянских или литовских погребальных насыпей.

Каменные курганы — круглые в плане, диаметром 8—15 м, образуют сравнительно немногочисленные группы. Лишь в виде исключения известны могильники, состоящие из пескольных десятков погребальных насыпей. В частности, крупные группы отмечены в южной части Литовского Занеманья, где встречены среди круглых курганов и отдельные длинные насыпи (Kulikauskas P., 1974b, 51 psl.).

Древнейшие погребения в каменных курганах на территории нашей страны относятся к IV и V вв. Это захоронения по обряду кремации. Находятся они, как правило, по одному в кургане, в грунтовой яме под насыпью или в основании насыпи. Погребальные ямы заполнялись в значительной степени камнями. Мужчины хоронились головой на север, женские погребения в ранних кампных курганах пока не выявлены.

Погребальный инвентарь этих курганов немногочислен. Это втульчатые или проушные узколезвийные топоры, пожи, наконечники копий, пряжки,

изредка встречаются арбалетовидные фибулы, умбоны щитов.

К наиболее ранним из числа исследованных на территории нашей страны принадлежат каменные курганы в Лукснай, Радостай, Рудамине и Слабаделе, датируемые IV—V вв. В Слабаделе (Слободке) 26 курганов, сложенных из камней, раскопаны были еще в 1888 и 1889 гг. Э. А. Вольтером (ОАК, 1891, с. 329—331; 1892, с. 52, 53). Открыты захоронения по обряду труположения, лишь один курган содержал безыпвентарное трупосождение. Среди немногочисленного инвентаря, обнаруженного при труположениях, имеется железный умбон.

Подобный умбон конической формы, датируемый IV—V вв., найден в кургане с трупосождением в Рудамине в Литовском Занеманье (Radzvilovaitė E., 1966, 137 psl.). Насыпь была сложена из камней и земли (Antoniewicz W., 1920, с. 141, 142).

V—VI вв. датируются курганы, раскопанные в Немайтонис в 1970 г. Э. Бутениене (Butėnienė E., 1972b, 39, 40 psl.). Это были насыпи высотой около 1 м и диаметром основания 12—13 м. Погребение по обряду труположения открыто лишь в одном из трех исследованных курганов. Оно находилось в грунтовой яме размерами 3×1,4 м. Яма была заполнена в значительной части камнями.

Все эти курганы в целом идентичны синхронным погребальным насыпям ятвяжского населения Сувалкии, которые ныне хорошо известны благодаря плодотворным работам польских археологов. Наиболее известными среди последних являются курганы в Осове, Живой Воде, Шурпилах и др. (Jaskanis J., 1974; 1977, s. 239—249).

В III—IV вв. обряд труположения сосуществовал у ятвягов с обрядом трупосождения. Начиная с V в. трупосождения становятся господствующим, а вскоре единственным обрядом. Принадлежность труположений и захоронений по обряду кремации умерших в каменных курганах Сувалкии и соседних областей одному и тому же населению не вызывает каких-либо возражений. Нахождение курганов с труположениями и трупосождениями в одних и тех же могильниках, присутствие в одной насыпи обоих видов захоронений, тождество погребального инвентаря и керамического материала неоднократно отмечались многими исследователями.

Ятвяжских курганов второй половины I тысячелетия н. э. на нашей территории раскопано довольно много. Обычно под дерном курганов открывается покров, сложенный из камней в один или несколько ярусов. Немало курганов и целиком сложенных из камней, есть насыпи с внутренним ядром из камней. Остатки трупосождений (кремация умерших, как правило, совершалась на стороне) в курганах середины и третьей четверти I тысячелетия н. э. помещаются под насыпью в небольших могильных ямах или среди камней самой насыпи. Число захоронений в одном кургане колеблется от одного — трех до шести.

В северной части Верхнего Помеманья такие курганы известны еще по раскопным исследованиям В. А. Шукевича и Э. А. Вольтера. Каменные курганы с сожжениями раскапывались ими в Баготе, Версеке, Вилкопис и Мицконис (Szukiewicz W., 1914, s. 58—68). В курганах Баготе и Мицконис остатки

трупосожжений были зафиксированы в подкуранных ямах, в Версекеле и Вилконице остатки кремации находились среди камней погребальных насыпей.

Некоторые трупосожжения этих курганов сопровождались вещевым инвентарем. Так, в курганах Версекеле обнаружены узколезвийный железный топор, втульчатый наконечник копья, копический умбон щита, железная пряжка, точильный камень (Radzvilovaitė E., 1966, 2 pav.). Некоторые исследователи полагают, что этот инвентарь типичен для восточнолитовских курганов. Однако предметы тех же типов были распространены у многих балтских племен, в том числе ятвяжских.

Основная масса погребений в каменных курганах — безурновые. В Сувалкии урновые захоронения встречаются чаще, но также в целом составляют незначительный процент. Урновое погребение было исследовано В. А. Шукевичем в одном из курганов в Версекеле. В насыпи, целиком сложенной из камней, имелось два захоронения по обряду кремации. Одно из них было безурновым и безынвентарным, второе находилось в горшке, который сверху был накрыт другим, с острой гранью на плечиках и низкой шейкой.

Из раскопок ятвяжских погребальных памятников последних лет очень интересными и существенными являются исследования П. Куликаускаса в д. Вилькяутинис в Литовском Занеманье. Когда-то могильник насчитывал около 150 каменных курганов. В 1913 г. несколько насыпей здесь было исследовано С. Круковским. В 1973 и 1974 гг. шесть курганов раскопаны экспедицией Вильнюсского университета (АО 1973 г., с. 389, 390; АО 1974 г., с. 407, 408).

Сожжение умерших совершалось на стороне. Собранные с погребального костра кальцинированные кости сыпались в виде небольшой кучки на выровненную площадку, которая оконтуривалась венцом из камней булыжника. Насыпь сооружалась из камней и земли. Высота курганов около 1 м, диаметр основания 5—7 м. Обычно в одном кургане хоронили двух умерших. Иногда сожженные кости рассыпались в основании кургана, занимая площадь около 1×0,6 м.

При захоронениях встречены вещи: арбалетные фибулы с треугольной ножкой, датирующие погребения V—VII вв., железные наконечники копий, железные профилированные пряжки, ножи, оковки ножен, бронзовая шпора.

В составе Вилькяутинского могильника имелся каменный вал длиной 40 м, шириной 3—4 м и высотой 0,5—0,6 м. Раскопки его показали, что это погребальная насыпь, в некоторой степени напоминающая длинные курганы кривичей. Вал был сооружен из трех-четырех рядов камней, под которыми открыты захоронения того же облика, что и в круглых курганах. Они находились как в срединной части основания вала, так и по его краям. Кальцинированные кости сыпались на выровненную площадку и обкладывались венцом из камней или несколькими камнями. После этого сооружалась погребальная насыпь. В одном из погребений обнаружены железный нож, наконечник копья и пряжка, остальные могилы безынвентарные.

Погребения по обряду сожжения в ятвяжских каменных курганах последней четверти I тысячелетия н. э. почти всегда лишены погребального инвентаря, и поэтому их выделение затруднительно. В каждом кургане содержится одно-два захоронения. Это кучки кальцинированных костей, помещенные в различных частях насыпи или под нею.

Самые поздние ятвяжские курганы с трупосожжениями определяются находками гончарной керамики X—XII вв. По своему устройству курганы конца I и первых веков II тысячелетия н. э. не отличаются от предшествующих.

В качестве примера таких курганов можно назвать могильник в Ясудово в Гродненском р-не (Krukowski S., 1911, s. 1—21). Он находится на левом берегу Немана в низине среди холмов. В его составе было несколько полушаровидных курганов высотой до 2 м и диаметром основания 5,5—12,5 м. Лишь один из 15 курганов достигал высоты 2,3 м, а две насыпи имели удлиненную форму.

Курганы были сооружены из глины и песка и внутри содержали прямоугольные (в одном случае — округлую) каменные кладки, уложенные в основаниях. Наиболее крупная из них имела размеры 3,5×3 м и высоту 1,45 м.

В основании насыпей зафиксированы кострища. Обряд погребения — трупосожжение (в одном кургане — труположение). Кальцинированные кости обнаруживались или в насыпи, или на кострище. Иногда сожженные кости помещались в глиняных сосудах-урнах. Курганы содержали в основном по одному захоронению, но в отдельных встречено по несколько сожжений.

Многие курганы были безынвентарными. Часть захоронений сопровождалась единичными находками в виде обломков керамики или ножа. Обилием находок выделялись два кургана. В кургане 2 встречены 10 глиняных сосудов (табл. СХХVI, 5, 14, 16), пять железных ножей и бронзовые украшения, в кургане 3 — 11 сосудов, наконечники копий и бронзовые украшения.

Украшения и предметы одежды представлены подковообразными застегками (табл. СХХХVII, 16, 19), в том числе с фасетированными концами, пластинчатыми и массивными браслетами (табл. СХХХVII, 20—22, 26, 27), перстнями различных типов (табл. СХХХVII, 1, 2, 5, 7, 14, 15), витыми шейными гривнами (табл. СХХХVII, 3) и трапециевидными подвесками (табл. СХХVII, 24). Глиняные сосуды изготовлены при помощи гончарного круга. Они украшены рифлением, широкими полосами, насечками и штампом. Форма сосудов горшкообразная, один — в форме ведра.

Некоторые могильники функционировали длительное время. К числу таковых принадлежат курганы в д. Каткушкес Эйшишкского р-на Литовской ССР. Они располагались на правом берегу р. Гуя и имели полушаровидную форму высотой до 1,4 м и диаметр основания 8—10 м.

В 1951 г. один курган высотой 0,6 м и диаметром 7 м был раскопан А. З. Тауавичюсом (Tautavičius A., 1958, 69—71 psl.). Захоронение по обряду трупосожжения открыто в насыпи, сложенной из камней и грунта. Найденные здесь железные серп,

удила и пряжка позволяют датировать захоронение VII — VIII вв.

В 1969 г. еще пять курганов в этом могильнике исследовано О. Кунцене (Kuncienė O., 1973a, 91—106 psl.; Butėnienė E., 1970, 64—66 psl.). Насыпи были сооружены из крупных камней, уложенных беспорядочно. В основании их прослежены черные прослойки толщиной около 0,1—0,2 м. В курганах в центре основания открыто по одному захоронению по обряду кремации. Кальцинированные кости занимали площадки размерами от 1×0,9 м до 1,1×1 м. Среди костей находился поврежденный огнем инвентарь, в основном предметы конского снаряжения (железные двух- или трехчленные удила, железные полукруглые пряжки, бронзовые оковки уздечек) и железные серпы. В одном из курганов были еще железные стремяна. Курганы, раскопанные О. Кунцене, датируются IX—XII вв.

Как уже говорилось, в целом ареал каменных курганов ятвяжского типа обширен. Помимо Литовского Занеманья, он простирается на северо-востоке в глубь современной территории Литвы, захватывая правобережье среднего течения Немана с бассейном р. Мяркис и часть левобережья Нериса.

В VIII в. ареал каменных курганов здесь несколько сокращается. В междуречье Нериса и Мяркиса каменные курганы сменяются земляными насыпями — погребальными памятниками восточнолитовского типа. Очевидно, здесь имело место расселение литвы в земли, принадлежавшие ранее ятвям. В бассейне же Мяркиса каменные курганы сохраняются до XII в. включительно.

А. З. Таутовичюс обратил внимание на то, что на территории Литвы на правом берегу Немана каменные курганы по вещевому инвентарю во многом сходны с восточнолитовскими. Вероятно, полагает в связи с этим исследователь, каменные курганы севернее р. Мяркис оставлены одним из ятвяжских племен, по культуре близких литве (Таутовичюс А. З., 1980, с. 84).

В течение XI—XII вв. обряд трупосожжения в каменных курганах постепенно сменяется трупоположением. Смена обрядности происходила неодновременно в разных районах. Так, в отдельных местах Неманско-Нерисского междуречья обряд кремации удерживался до начала XIII в., а в Брестском Побужье последние сожжения в каменных курганах датируются XI в. Допустимо предположение, что смена обрядности протекала в условиях сильного воздействия славянского этноса, заселившего к тому времени значительные области Верхнего Понеманья.

Многие каменные курганы с трупоположениями первых веков II тысячелетия н. э. расположены в тех же могильниках, что и курганы с сожжением. Устройство курганов остается неизменным. По-прежнему курганные насыпи имеют покров, сложенный из камней в один или несколько ярусов, встречаются курганы, возведенные целиком из камней. Умерших клали или в основание курганов, или в подкурганные ямы. Большинство погребенных имеет западную ориентировку, но всюду изредка встречаются захоронения мужчин, обращенных головой к востоку. Около погребенных обнаруживаются скопления золы и углей. В каждом кургане, как правило, находят-

ся одно трупоположение, в редких случаях — два-три.

Погребальный инвентарь женских захоронений состоит из перстнеобразных височных колец с заходящими концами, немногочисленных трехбусинных височных колец (табл. СXXXVII, 4), браслетов и перстней восточнославянских типов. Кроме того, попадаются спиральные перстни и браслеты, характерные для балтских племен. В курганах междуречья Немана и Нериса нередко обнаруживаются фрагменты налобных повязок (головных уборов, по А. А. Спицыну): бронзовые или серебряные бляшки с тисненым узором. В очень немногих курганах встречены бусы (от одной до шести в погребении) — мелкие из синего, светлозеленого или матового стекла, пастовые или глиняные, стеклянные посеребренные и изредка бронзовые. Железные ножи и глиняные сосуды древнерусских типов (табл. СXXVI, 18) отмечены и в мужских, и в женских погребениях. В мужских захоронениях встречаются железные топоры, наконечники копий, кресала, пряжки.

Для определения этнической принадлежности каменных курганов с трупоположениями XI—XIII вв. существенно то, что они ведут свое происхождение от более ранних каменных курганов, ятвяжская принадлежность которых представляется бесспорной. Тот факт, что эти памятники нигде не выходят за пределы ятвяжского гидронимического ареала, тоже косвенно указывает на их связь с ятвягами. Славянский характер женских украшений в поздних каменных курганах вполне понятен. Каменные курганы относятся к тому времени, когда Верхнее Понеманье и Брестское Побужье уже были заселены славянами и эти земли вошли в состав Древней Руси. Поэтому каменные курганы со славянскими украшениями нужно относить в основном к славянизированным ятвям.

В XIII—XIV вв. в Верхнем Понеманье широко распространяются каменные могилы (Гуревич Ф. Д., 1962, с. 121—130; Седов В. В., 1982, с. 122). По своему происхождению они связаны непосредственно с каменными курганами. Однако считать каменные могилы ятвяжскими уже нельзя. Это были памятники древнерусского населения Черной Руси, населения, сложившегося в результате тесного взаимодействия ятвягов со славянами.

Поселения древней ятвяжской земли изучены крайне неравномерно. Целый ряд городищ середины и второй половины I тысячелетия н. э. (до широкого славянского расселения) выявлен в Верхнем Понеманье, но они пока не подвергались серьезным раскопным исследованиям. Наиболее изученным регионом в этом отношении стало Литовское Занеманье. Еще в 1909 г. увидела свет книга Ю. Радзюкина (Radziukynas J., 1909), в которой получили характеристику 36 городищ этого региона.

В 1950—1970-х годах литовскими археологами были проведены обширные исследования раннесредневековых поселений Занеманья (Kulikauskas R., 1982). Этими работами установлено, что городища в Занеманье возникли в конце I тысячелетия до н. э. — в первые века нашей эры. Ранним поселениям свойственно было сочетание керамики со штрихованной,

шероховатой (опершавленной) и гладкой поверхностью, но наиболее характерной является шероховатая (хророватая) керамика.

В раннем средневековье ятвягами использовались старые городища. Охарактеризуем некоторые из них.

Городище Кумелёнис находится на берегу р. Шешупе близ г. Капсукас. Устроено оно на возвышении, защищенном водами реки. С напольной стороны городище укреплено валом высотой 1,5 м и ровом шириной 6 м. Исследование памятника произведено В. Даугудисом (Daugudis V., 1970в, 24–27 psl.; Kulikauskas P., 1970, 20, 21 psl.; Куликаускас П., 1970, с. 95, 96).

Культурный слой на площадке городища достигал 0,6–0,8 м толщины и был разделен на три основных горизонта. Поселение было основано в первые века нашей эры. К раннему горизонту относятся штрихованная и гладкостенная керамика. Средний горизонт слоя датируется IV–IX вв. и характеризуется керамикой с шероховатой поверхностью. Венчики горшковидных сосудов украшались зацепками. Остатков построек здесь не сохранилось. Разрез вала показал, что он состоял из глины, скрепленной положенными вдоль и поперек бревнами и камнями. На вершине зафиксированы остатки сгоревшей деревянной ограды.

Верхний горизонт культурного слоя городища Кумелёнис на основании находок железных наконечников стрел датируется X–XI вв. Гончарная керамика этого слоя украшена волнистым узором. Найдены обугленные зерна бобовых культур. На вершине вала также были обнаружены остатки сгоревших деревянных укреплений, а с внешней стороны склон вала был вымощен камнями, что характерно для ятвяжских городищ.

В 100 м юго-западнее городища расположено селище площадью около 1,5 га, устроенное на возвышении. Поселение функционировало с III по XI в. В слоях второй половины I тысячелетия н. э. выявлены следы железоплавильных печей и ямы хозяйственного назначения. Найдены фрагменты глиняных тиглей и обломки глиняной посуды — шероховатой, чернолощеной, гладкостенной и гончарной.

Среди городищ, раскопывавшихся П. Куликаускасом, наибольший интерес представляет Каукай. Городище устроено на возвышении левого берега р. Першекке в Алитусском р-не. Площадка его почти округлая, размерами 25×22 м. Почти со всех сторон городище защищено валом высотой до 6–8 м. Раскопки производились в 1967–1969 гг. (Куликаускас П., 1970, с. 97–100; Kulikauskas P., 1970, 15–22 psl.; 1982, 29 psl.).

Культурный слой памятника в его центре имел толщину 0,5–0,6 м, а около вала — до 1,8 м. Для нижнего горизонта типична керамика с шероховатой поверхностью. Среди находок имеются улиткообразное спиральное височное кольцо, железная арбалетовидная фибула с короткой ножкой, датирующие нижние горизонты слоя V–VII вв.

Для верхнего горизонта слоя (VIII–XIV вв.) характерны каменные кладки — вымостки, расположенные по краям городищенской площадки. Между камнями встречено много фрагментов глиняной посуды, кости животных, обугленные зерна бобов. Та-

кие каменные кладки свойственны и другим городищам Занеманья. Они использовались при сооружении оборонительных укреплений и служили полами хозяйственных помещений.

От наземных жилых построек сохранились лишь очаги, сложенные из камней и имевшие круглую или овальную форму и размеры около 1,5×0,8 м. Они были углублены в грунт на 0,4–0,6 м. Выявленные ямы от столбов свидетельствуют, что жилищами были постройки со стенами столбовой конструкции. В домах имелись хозяйственные ямы для хранения пищевых запасов.

При раскопках собрано большое количество вещевых находок, в том числе около 120 наконечников стрел, многочисленные ножи, косы, каменные зернотерки, стеклянные и бронзовые бусы, одежные булавы и др.

Городище Рудамина устроено на вершине большого и высокого холма (табл. СХХVII, 4). Овальная площадка размерами 85×65 м окружена валом высотой до 3 м. В 1965 г. раскопками Р. Куликаускаса и П. Куликаускаса вскрыты вымостки из камней, очаги, ямы от столбовых построек. Найдены многочисленные находки, в том числе железные наконечники стрел, коса, бронзовая перекладчатая фибула, покрытая серебряным листом, и др. Нижний слой поселения характеризуется лепной керамикой с шероховатой или гладкой поверхностью, для верхнего типична гончарная керамика с волнистым и линейным орнаментом. Поселение существовало продолжительное время, от I до XIV в. (Kulikauskas P., 1972b, 83–109 psl.).

Примером городища, возникшего относительно поздно, является Пилякальняй в Вилкавишском р-не. Оно исследовалось П. Куликаускасом (Kulikauskas P., 1972a, 143–161 psl.; Куликаускас П., 1966, с. 79–81; 1968, с. 308–311). Раньше здесь имелось открытое поселение, датируемое второй половиной I тысячелетия н. э. В XII в. рядом строится укрепленное поселение размерами 55×35 м. По периметру его защищал мощный оборонительный вал, внешний крутой склон которого был вымощен камнем. По-видимому, одновременно часть селища защищается валом высотой 2 м и длиной 190 м. Это единственное в Литовском Занеманье поселение, имеющее укрепленный форбург — посад. В культурном слое выявлены остатки столбовых построек и очагов, каменные кладки, гончарная керамика и немногочисленные металлические вещи. Поселение погибло в XIV в.

Материалы, полученные при раскопках поселений Литовского Занеманья, дают возможность утверждать, что основой их хозяйства были земледелие и скотоводство. О земледелии свидетельствуют железные серпы, зернотерки и обугленные зерна культурных растений — проса, ячменя, пшеницы, гороха, бобов и вики. Богатая остеологическая коллекция с городища Каукай содержит прежде всего кости домашних животных — крупного и мелкого рогатого скота, свиньи и лошади. Роль охоты и рыболовства была незначительной. О развитии металлургии и металлообработки говорят многочисленные местные типы изделий, остатки ремесленных печей, крицы, шлаки и фрагменты литейных форм.

Значительные части ятвяжской земли постепенно вошли в состав Древнерусского государства, Польши и Литвы. Свою независимость долго сохраняла лишь Сувалкия, занимавшая северо-восточную часть современной Польши и соседние районы Литовской ССР. Эта земля ятвягов последней среди западных балтов утратила независимость. В XIII в. в процессе войн с немецкими крестоносцами одна за другой пали ятвяжские волости, которыми правили князья и нобили.

Вопрос о дифференциации ятвягов на отдельные племена не раз ставился в исторической литературе. Е. Налепя на основе исторических и лингвистических данных выделяет четыре ятвяжских племен — судиной, дейнове, поллексяне и собственно ятвяги (Nalera J., 1964). В. В. Седов локализует дейнове в правобережной части Верхнего Понеманья

(Седов В. В., 1968б, с. 24—30). Впрочем, вопрос о племенном членении ятвяжской земли по археологическим данным пока не разработан.

* * *

Судьба западнобалтских племен различна. Курши и скалвы, как уже говорилось, вошли в состав литовской и латышских народностей. Ятвяжские земли в значительной части были заселены славянами, восточными и ляхскими (польскими). Постепенно ятвяги были славянизированы, а северо-восточная окраина Ятвугии вошла в территорию формирования литовской народности. Земли пруссов, несмотря на отчаянное сопротивление, были завоеваны немцами-крестоносцами. Часть пруссов бежала в литовские и западнорусские земли, остальные оказались ассимилированными.

Подписи к иллюстрациям части второй

Таблица CIV. Городища литовско-латышских племен.

1 — Тервете; 2 — Неменчине; 3 — Ерсика; 4 — Межотне; 5 — Мигонис; а — граница поселения

Таблица CV. Древности латгалов. Эволюция.

1, 3, 11, 15, 18, 19, 23—26 — браслеты; 2, 20 — перстни; 4, 12, 17, 27 — шейные гривны; 5, 6 — привески; 7 — реконструкция головного убора; 8, 9 — подковообразные застёжки; 10, 21, 22 — булавки; 13 — раковины каури; 14, 16 — фибулы; 1 — Локстене; 2 — Асоте; 3 — Тропеле; 4 — Даниловка; 5 — Кампи; 6 — Калснава; 7 — Леясдопелес; 8 — Одукалис; 9, 26 — Нукши; 10, 13 — Маскава (Вишкю); 11 — Таурени; 12 — Лудвига (Айзкалне); 14, 21 — Смони; 15, 27 — Лайзану; 16, 20 — Леясбитени; 17, 18 — Кивты; 19 — Славейты; 22 — Эзербрицы (Яунпиебалга); 23 — Атспукас; 24 — Салиняс; 25 — Вересаука; 1—6, 8—12, 14—27 — цветной металл; 13 — раковина

Таблица CVI. Головные и нагрудные украшения латгалов.

1, 7 — головные венчики; 2—6, 8—10, 16—19 — привески разных типов; 11, 15 — шейные гривны; 1—3, 6—9, 18 — Лудза (Люцин); 4, 10, 16, 17, 19 — Асоте; 5 — Леясбитени; 11, 12 — Кенте; 13 — Людвиге; 14 — Кивты; 15, 20 — Лайзану; 1—20 — цветной металл

Таблица CVII. Браслеты, перстни, булавки латгалов.

1, 4, 5, 11, 20, 21, 26, 28, 31, 33, 34 — браслеты; 2, 3, 6, 7, 22, 24, 27, 29, 30, 32 — перстни; 8—10, 11—19, 23 — булавки одежные; 1 — Аулеас Гравери; 2, 3, 6, 7, 22, 24, 27, 29, 30, 32 — Лудза (Люцин); 4 — Ишкиле; 5 — Лиепкалнес; 8 — Саласпилс Лаукскола; 9, 12—17, 23 — Кенте; 10 — Маскава (Вишкю); 11 — Вересаука; 18 — Эзербрицы; 19 — Скридиши; 20 — Лайзану; 21 — Карлю Симтены; 25 — Кивты; 26 — Салиняс; 28 — Нукши; 31 — Ружина; 33 — Атекунас; 34 — Славейты; все — бронза

Таблица CVIII. Фибулы и нагрудные украшения латгалов.

1—3, 5, 7—9, 11, 12, 15, 18 — привески; 4, 6, 10, 13, 14, 16, 17, 19 — фибулы; 1—3, 5, 6, 9, 12 — Асоте; 4, 6, 8, 10, 11, 13, 14, 17, 18 — Лудза; 15 — Саласпилс; 16 — Вишкю, Гнилой Ручей; 19 — Букмуйжас Нипери; 1—19 — бронза

Таблица CIX. Орудия труда и бытовые предметы латышских племен.

1—4 — мотыги; 5, 13, 15, 16, 18, 25—27 — ножи; 6, 14 — кельты; 7, 36, 37 — серповидные ножи; 8 — долото; 9 — костыль; 10, 17, 28—30 — рыболовные крючки; 11, 12, 21, 38 — тигли; 19, 20 — пряслица; 22—24 — гарпуны; 31 — весы; 32—35, 39, 40 — серпы; 1, 14 — Карлю Симтены; 2, 3, 5, 6, 11, 12, 21, 25—27, 30, 32, 35—40 — Кенте; 4 — Русиши; 7, 8, 10, 13, 15—20, 22, 23, 28, 29 — Асоте; 9 — Леясбитени; 24, 31, 34 — Лудза (Люцин); 33 — Лайзану; 1—10, 13—18, 22—37, 39, 40 — железо; 11, 12, 21, 38 — глина; 19, 20 — свинец

Таблица CX. Орудия труда и бытовые предметы латгалов.

1, 8, 34, 39—46 — топоры; 2 — шило; 3—6 — проколки; 7, 11, 17 — кресала; 9 — ножины; 10, 12—14, 16, 18—22, 24—30 — пряслица; 15 — кость с отверстием; 23 — нож; 31—33 — гребни; 35, 36, 38 — куски ткачи; 37 — ледоходный шип; 1, 35, 36, 38, 41 — Лудза (Люцин); 2—7, 9, 11—17, 19, 24—26, 30—33, 37—39, 44 — Асоте; 8 — Леясбитени; 10, 18, 20—22, 28, 29, 46 — Кенте; 23 — Карлю Симтены; 27 — Улмели; 34 — Нукши; 40 — Аугстасила; 42 — Звиргденес Иснауда; 43 — Ликснас Янушани; 45 — Саласпилс Лаукскола; 1, 2, 8, 9, 11, 17, 23, 34, 37, 39—46 — железо; 3—7, 14, 15, 31—33 — кость; 10, 16, 18—22, 28 — глина; 12, 13, 24—26, 29, 30 — камень; 35, 36, 38 — ткань

Таблица CXI. Оружие латгалов.

1 — меч; 2—13, 15, 16 — наконечники копий и дротиков; 14 — боевой нож; 17—29, 32—34, 36, 37 — наконечники стрел; 30, 31 — пряжки; 35, 40 — пояса; 38 — ножны; 39 — булава;

1—3, 10, 11, 14, 35, 38, 40 — Лудза (Люцин); 4 — Маскава; 5, 13, 17—20, 22—24, 26—28, 32—34, 39 — Асоте; 6, 7, 9, 12, 15, 21, 25, 36, 37 — Кенте; 8 — Карлю Симтены; 16 — Лайзану; 29 — Саулескалис; 30 — Леясбитени; 31 — Смони; 1—29, 32—34, 36, 37, 39 — железо; 30, 31 — бронза; 35, 38, 40 — кожа и бронза

Таблица CXII. Керамика из памятников латышских племен.

1—3, 5, 7, 9, 11, 12, 14—16 — Асоте; 4, 6, 8, 10, 13, 17—20 — Кенте

Таблица CXIII. Древности селов. Эволюция.

1, 4, 12 — шейные гривны; 2, 3, 6, 18, 19 — браслеты; 5, 14, 17 — булавки; 7 — перстень; 8, 10, 13 — привески; 9 — реконструкция женского убранства; 11 — фибула; 15 — наконечник дротика; 16 — серп; 20 — топор; 1 — Саласанчи; 2, 3, 5—8, 10 — Леясдопелес; 4 — Страутмали; 9 — Таурене; 11 — Саука; 12 — Мурниеки; 13, 15, 17, 19 — Боки; 14, 18 — Слате; 16 — Зесерцелми; 20 — Мезевевере; 1—8, 10—14, 17 — 19 — цветной металл; 15, 16, 20 — железо

Таблица CXIV. Украшения из памятников селов.

1, 3, 5, 7, 10 — булавки одежные; 2, 22, 26—29 — браслеты; 4 — шейная гривна; 6 — бубенчик; 8, 9, 11, 12, 15 — привески; 13, 14 — бляшки; 16—20, 24, 25 — перстни; 21, 23 — подковообразная фибула; 1—3, 5, 6, 8, 9, 11—14, 16—25, 27, 28 — Селпилс; 4 — Мурниеки (Нереж); 7, 26 — Слате; 10, 29 — Боки (Абелу); 15 — Гринерты (Звардес); 1, 3, 5 — железо; 2, 6—11, 13, 14, 16—29 — бронза; 4 — серебро; 12 — кость; 15 — бронза, серебро, железо

Таблица CXV. Древности земгалов. Эволюция.

1, 25 — пряжки; 2, 3, 6 — подковообразные застёжки; 4, 9, 10, 30—33 — булавки; 5, 14, 19, 23, 27 — шейные гривны; 7, 8, 11, 15, 16, 22 — привески; 12, 17, 26, 28, 29 — браслеты; 13 — перстень; 18 — головной венчик; 20, 21, 24 — фибулы; 34 — топор; 35 — пешня; 1 — Подини-Рупини; 2, 5, 7—10, 14, 15 — Межотне; 3, 6, 11 — Тервете; 4 — Шкерстани; 12, 17 — Ислицес; 16 — Атвасес; 18, 21, 30, 31 — Плавниеккалис; 19, 23 — Симтены (Карлю); 20 — Лиекни; 22 — Гринерты; 24, 34 — Русиши; 25 — Кокмуйжа; 26, 27, 35 — Опи (Добеле); 28 — Балас (Добеле); 29 — Стури (Тервете); 32 — Зиедони; 33 — Ликсман; 1—33 — цветной металл; 34, 35 — железо

Таблица CXVI. Украшения земгалов.

1, 5 — фибулы; 2, 6, 7, 16, 17 — булавки одежные; 3, 11, 14 — шейные гривны; 4, 8 — спиральки; 9 — крестовидная привеска; 10, 12, 15, 18, 20—24 — браслеты; 13 — пряжка; 19 — перстень; 25 — подковообразная застёжка; 1 — Русиши; 2—4, 7, 8, 11, 12, 18, 23 — Карлю Симтены; 5 — Лиекни; 6 — Плавниеккалис; 9 — Яусвирлаукс Какужены; 10 — Стури; 13 — Кокмуйжа; 14, 15 — Опи; 16, 21 — Рудишкяй; 17 — Яунейкяй; 19 — Дегесяй; 20 — Беяс; 22 — Диржяй; 24 — Смигеляй; 25 — Слеспняй; 1—25 — бронза

Таблица CXVII. Древности жемайтов. Эволюция.

1, 2, 7 — перстни; 3 — пряжка; 4 — наконечник пожен меча; 5, 6, 9, 12, 17, 19 — шейные гривны; 8, 15 — наконечники копий; 10 — реконструкция женского наряда (по Р. Волкайте-Куликаускайене); 11 — шпора; 13, 14, 18 — браслеты; 16 — булава; 1, 4 — Пашиле; 2 — Папилалес; 3 — Палукнис; 5 — Вежлаукис; 6 — Шаукотас; 7, 9 — Папруджяй; 8 — Пасежерис; 10 — Упина; 11—14, 19 — Пашувис; 15 — Рекете; 16 — Купелишке; 17 — Дубисса; 18 — Драустиняй; 1—7, 9, 12—14, 16—19 — цветной металл; 8, 11, 15 — железо

Таблица CXVIII. Украшения жемайтов.

1 — реконструкция женского костюма; 2 — головной венчик; 3, 4, 6, 7, 11—13, 17—22, 24 — перстни; 5, 9, 10, 15 — фибулы; 8, 14, 16 — подковообразные застёжки; 23 — при-

веска; 1, 2, 10, 15 — Пашупшвис; 3, 7, 11, 12, 18, 24 — Лепшай; 4, 14 — Папруджай; 5 — Гильвычай; 6, 19, 23 — Рингувеняй; 8 — Валгува; 9 — Плауцшкяй; 13 — Пашиле; 16 — Палукнис; 17 — Бубай; 20 — Папилалис; 21 — Лидувеняй; 22 — Патумшалай; 2—23 — бронза; 24 — серебро

Таблица СХХХ. Украшения жемайтов.

1—3 — булавки одежные; 4, 8, 11, 13, 15 — браслеты; 5—7, 9, 10, 12, 14, 16 — гривны шейные; 1 — Вежлаукис; 2 — Кушелишке; 3 — Радвилай; 4, 5, 7—9, 13, 16 — Пашупшвис; 6 — Акмене; 10, 11 — Лидувеняй; 12 — Папруджай; 14 — Шакарва; 15 — Палукнис; 1—5, 7—9, 11—15 — бронза; 6, 10, 16 — серебро

Таблица СХХ. Древности аукштайтов. Эволюция.

1 — меч; 2 — наконечник стрелы; 3, 10, 22, 24 — браслеты; 4, 7, 8, 23 — пряжки; 5, 19 — шейные гривны; 6 — наконечник ножен меча; 9 — реконструкция конского оголовья; 11 — удила; 12 — топор; 13 — головной венчик; 14 — реконструкция женского наряда; 15, 16, 18, 21 — фибулы; 17 — наконечник копья; 20 — булавка; 1 — Мартынишкяй; 2 — Лонтайняй; 3 — Лидувеняй; 4, 8 — Граужай; 5, 13—16, 18, 21 — Пашупшвис; 6, 24 — Каунас (?); 7, 9, 11 — Вершвай; 10, 20 — Саргенай; 12 — Аукштуолай; 17, 22 — Эйгулай; 19 — Акмене; 23 — Памусис; 1, 2, 11, 12, 17 — железо; 3—8, 10, 13, 15, 16, 18—24 — цветной металл

Таблица СХХI. Украшения аукштайтов.

1, 3 — булавки одежные; 2, 4, 5, 11 — фибулы; 6—10 — гривны шейные; 12, 13, 20 — подковообразные застёжки; 14, 15, 19 — браслеты; 16 — височное украшение; 17 — перстень; 18 — привеска; 1 — Радикай; 2 — Вилькия; 3 — Пумпняй; 4, 8, 11 — Вершвай; 5, 7, 9 — Середжюс; 6 — Драустиняй; 10 — Пирагай; 12, 13, 18 — Граужай; 14 — Эйгулай; 15 — Саргенай; 16 — Паюостис; 17 — Пакальнишкяй; 19, 20 — Каунас; 1—3, 5, 9—11, 14, 15, 18—20 — бронза; 4, 6—8, 12, 13, 16, 17 — серебро

Таблица СХХII. Древности литвы. Эволюция.

1, 2 — наконечники стрел; 3 — височное кольцо; 4 — браслет; 5 — ожерелье; 6, 22 — пряжки; 7, 20 — серпы; 8, 13 — стрелы; 9, 26 — топоры; 10 — наконечники ножен меча; 11 — удила; 12 — реконструкция женского наряда; 14, 21, 24 — наконечники копий; 15 — шейная гривна; 16 — прислище; 17 — булавка; 18, 23 — фибулы; 19 — сосуд; 25 — умбон; 1, 2 — Возгеляй; 3, 12, 18 — Эйкотишкис; 4 — Вильнюс; 5 — Миссионерка; 6 — Палауке; 7, 8, 11 — Стакай; 9, 13, 14, 25 — Пакраугле; 10 — Утенеле; 15, 19 — Аукштадварис; 16 — Юодонис; 17 — Великушкис; 20, 22 — Каткушкис; 21 — Дукштас; 23, 24, 26 — Пабаре; 1, 2, 7—9, 11, 13, 14, 20, 21, 24 — железо; 3—6, 10, 15, 17, 18, 22, 23 — цветной металл; 16, 19 — глина

Таблица СХХIII. Предметы вооружения литовских племен.

1, 3, 9, 11 — мечи; 2, 4—8, 10, 12, 14—17, 28 — наконечники стрел; 13, 18—27 — наконечники копий; 29, 33 — стрелы; 30, 31 — удила; 32 — умбон; 1 — Кулай; 2, 4—7, 10, 14—17, 28 — Каукай; 3 — Пернарава; 8 — Вильканцы; 9 — Мартынишкяй; 11 — Цинтелишке; 12 — Аукштадварис; 13, 22, 30 — Рекете; 18, 21, 26 — Черная Лужа; 19, 24 — Дукштас; 20, 32 — Эйгулай; 23, 25 — Варонис; 29, 31 — Диевенишкис; 33 — Мартынишкяй; 1—32 — железо; 33 — железо, серебро

Таблица СХХIV. Различные находки из памятников литовских племен и ятвягов.

1—4, 7, 8, 10, 20, 21 — топоры; 5 — ножны; 6 — точильный брусок; 9 — питьевой рог; 11, 25, 28, 32 — прислица; 12, 13 — ключи; 14, 15 — ножи; 16 — блоковидное кресало; 17, 18, 26, 27, 30, 31 — серпы; 19 — мотыга; 22 — шило; 23, 24 — косы; 29 — кельт; 1 — Аукштуолай; 2 — Годеляй; 3 — Паужерис Скаудвилес; 4, 5, 11 — Вензовщина; 6 — Пашешувис; 7 — Дукштас; 8, 19, 26 — Пашупшвис; 9 — Тирас-Пурвс; 10 — Шаркаймис; 12, 13 — Дворчаны; 14, 23, 29 — Рекете; 15, 22 — Нача; 16 — Шатриес Пилкалнис; 17 — Гузкис; 18 — Возгеляй; 20 — Лавяй; 21 — Опаковцы; 24 — Наркунай; 25, 28 — Кунигишкяй; 27 — Диевенишкис; 30 — Катришкис; 31 — Черная Лужа; 32 — Турбаусай; 1—5, 10—14, 15, 17—31 — железо; 6—8, 16 — камень; 9 — рог; 32 — глина

Таблица СХХV. Украшения литвы.

1, 2 — булавки одежные; 3 — шейное ожерелье; 4—6 — височные кольца; 7 — реконструкция женского убора; 8, 10—12, 15, 16, 21 — пряжки; 9 — шейная гривна; 13, 22 — брасле-

ты; 14 — фибула; 17, 20 — бляшки; 18, 19 — подковообразные застёжки; 1, 2, 22 — Великушкис; 3 — Миссионерка; 4 — Аукштадварис; 5 — Пакраугле; 6 — Дусетос; 7, 14 — Эйкотишкис; 8, 11, 12, 15 — Памусис; 9 — Першаукштис; 10 — Засвирь; 13 — Дукштас; 16 — Каткушкис; 17 — Телетеляй; 18 — Воронишкяй; 19 — Папаунья; 20 — Возгеляй; 21 — Курклинтишкяй

Таблица СХХVI. Керамика из памятников литовских племен и ятвягов.

1, 3, 12, 17 — Табаусай; 2 — Аукштадварис; 4, 7, 9 — Памусис; 5, 14—16 — Ясудово; 6, 10 — Капитонишкис; 8 — Кунигишкяй-Паевонис; 11 — Равеснинкай; 18 — Нача; 19 — Карнупи

Таблица СХХVII. Городища пруссов и ятвягов.

1 — Грачевка; 2 — Кунигишкяй-Паевонис; 3 — Русское II; 4 — Рудамина; 5 — Апуоле

Таблица СХХVIII. Эволюция прусских древностей.

1 — план и разрез погребения 127; 2, 32, 36, 40, 41 — фибулы; 3 — фибула с остатками ткани и меха; 4, 5, 16, 23, 33, 42—44 — пряжки; 6, 17, 24 — мечи; 7, 11, 18, 25, 34 — стрелы; 8, 20, 27, 30, 35, 38, 45 — сосуды; 9, 15, 22, 28 — подковообразные застёжки; 10 — наконечник дротики; 12, 19, 26, 37 — реконструкция конского оголовья; 13 — план и разрез погребения 34; 14 — кольцевидная фибула; 21 — план и разрез погребения 116; 29 — наконечник копья; 31 — план и разрез погребения 358; 39 — план погребений 104 и 105; 1, 4, 5, 25, 28, 29, 31, 32, 34, 36, 38—43, 45 — Суворово; 2 — Железнодорожный; 3 — Штангенвальде; 6 — Орехово; 7 — Ижевское; 8, 14, 15 — Муромское; 9 — Панаево; 10, 12, 13, 18—23, 26, 27, 30 — Ирзекапинис; 11 — Светлогорск-Сельский; 16 — Вольное; 17 — Сосновка; 24 — Совхозное; 33 — Холмогорье; 35 — Светлый; 37 — Поваровка; 44 — Детлеверу; 1, 13, 21, 31, 39 — планы; 2, 5, 9, 15, 16, 22, 28, 32, 33, 36, 40—44 — бронза; 3 — серебро и ткань; 4, 6, 7, 10, 11, 17, 18, 24, 25, 29, 34 — железо; 8, 20, 27, 30, 35, 38, 45 — глина; 12, 19, 26, 37 — реконструкции; 14 — бронза и серебро; 23 — железо и бронза

Таблица СХХIX. Предметы и украшения пруссов.

1—7, 13, 14, 21 — фибулы; 8, 15 — перстни; 9 — булавка; 10, 11, 16, 19, 26 — шейные гривны (26 — развертка); 12, 17, 23 — бляшки; 18, 24, 27—30, 32 — подковообразные застёжки; 20, 22, 25, 31 — пряжки; 1—4, 6, 10, 11, 14, 16, 18, 22 — Суворово; 5 — Детлеверу; 7, 13 — Коврово; 8, 12, 21, 25 — Штангенвальде; 9 — Муромское; 15 — Совхозное; 17 — Холмогорье; 24 — Ижевское; 26 — Куликово; 29 — Айслитен; 31 — Кострово; 32 — Вольное; 1—8, 10—19, 25, 27—29, 31 — бронза; 9, 20 — железо и бронза; 21—24 — бронза и кость; 26 — золото; 30, 32 — бронза и серебро

Таблица СХХХ. Предметы вооружения пруссов.

1 — боевой нож-скромасак; 2, 4, 11—15, 19, 20 — наконечники копий; 3, 6, 7, 10 — булавки; 5, 8 — шлемы; 9, 18 — топоры; 16 — наконечник дротики; 17 — бляшка; 21 — разделитель ремня; 22—24, 27, 29, 32 — мечи; 25, 26, 28, 30, 31, 33 — наконечники ножен; 1, 22 — Ветрово; 2, 20 — Ижевское; 3 — Орехово; 4, 6, 9, 11—13, 15—19, 21, 23, 25, 28, 32, 33 — Ирзекапинис; 5, 31 — Коврово; 7, 14 — Муромское; 8 — Калининград; 10 — Светлогорск-Сельский; 24 — Суворово; 26 — Лужки; 27 — Зайцево; 29 — Сосновка; 30 — Тюленево; 1, 2, 7, 10, 11, 15, 16, 19, 20, 22, 23, 27, 32 — железо; 3, 6, 21, 25, 26, 28, 30, 31, 33 — бронза; 4, 12—14, 17 — железо, бронза, серебро; 5, 8, 18—24 — железо, бронза; 9 — железо, серебро

Таблица СХХXI. Бытовые предметы пруссов.

1 — рог питьевой; 2, 3 — точильные камни; 4, 5, 16—18 — прислица; 6 — разновесок; 7 — острога; 8 — ножницы; 9 — 11, 13, 14 — ключ; 12 — замок; 15 — фишка игральная; 19 — заклепка; 20 — топор; 21 — петля и крюк от запора шкатулки; 22 — дужка ведра и накладка ее крепления; 23 — молоток; 24 — пинцет; 25, 30, 31, 36 — ножи; 26 — лемех плуга; 27 — серп; 28, 32, 33 — гребни; 29 — бритва; 34, 42, 43 — кресала; 35 — коса; 37, 40, 47, 49, 51—53 — сосуды; 38 — рукоять; 39 — весы; 41 — скоба; 44 — футляр для весов; 45, 48, 50 — весовые гири; 46 — штамп для изготовления глиняных форм; 54 — рыболовное грузило; 55 — фрагмент керамики с графитом; 1—8, 10, 13, 15, 19, 21, 22, 28, 31, 39—41, 43, 45—51, 55 — Ирзекапинис; 9, 32 — Коврово; 11, 27, 44 — Ветрово; 12 — Тюленево; 14 — Вольное; 16 — Светлогорск-Сельский; 17, 18, 25, 29, 30, 33, 36, 37, 42, 52, 53 — Су-

ворово; 20 — Логвиново; 23 — Ровное; 24, 38 — Муромское; 26, 35 — Грачевка; 34, 54 — Штангенвальде; 1, 32, 33 — кость и бронза; 2—5, 54 — камень; 6, 44—46, 48, 50 — бронза; 7—9, 11, 13, 14, 19—21, 23—27, 29—31, 34—36, 38, 41, 43 — железо; 10, 12, 22, 39, 42 — железо и бронза; 15—18, 37, 40, 47, 49, 51—53, 55 — глина; 28 — кости

Таблица СХХХII. Конское снаряжение пруссов.

1, 6, 7, 15 — подвески к конскому оголовью; 2, 3, 5, 9, 10 — удила; 4, 27, 35, 51 — накладки сбруи; 8, 11, 20, 22, 24, 25, 29, 31, 33, 36, 37, 42 — стремена; 12, 13, 53 — фиксаторы перекрестия ремней оголовья; 14 — остатки ремня оголовья с накладками; 16, 17 — наконечник ремня оголовья; 18, 19 — бубенчики; 21, 39, 44—50 — пряжки; 23 — навершие нагайки; 26 — подвеска с остатками ремня и пряжкой; 28 — ботало; 30 — обоймица ремня; 32, 38, 40, 41 — шпоры; 34 — кольцо со штырем от плети; 43 — часть конского оголовья; 52 — подвеска; 1, 5—9, 13—19, 23, 24, 26—30, 32, 34—37, 39—44, 46—53 — Ирзекапинис; 2—4, 20, 22, 25, 45 — Суворово; 10 — Киртегенен; 11, 21 — Холмогоры; 12 — Ижевское; 31 — Куликово; 33 — Вольное; 38 — Домбрава; 1—3, 7, 9—11, 20, 22, 24, 25, 27, 29—37, 40, 41, 44, 45, 47, 49, 51, 53 — железо; 4, 6, 12, 13, 18, 19, 21, 23, 39, 46, 50 — бронза; 5, 8, 42, 48 — железо и серебро; 14, 16, 17 — серебро; 15, 26, 52 — бронза и серебро; 28, 38 — железо и бронза; 43 — железо, бронза, серебро, кожа

Таблица СХХХIII. Древности куршей. Эволюция.

1, 3, 6 — подковообразные застёжки; 2 — шейная гривна; 4, 5, 8 — подвески; 7 — реконструкция женского убранства; 9, 24 — сосуды; 10, 11, 15 — булавки; 12, 17, 19 — фибулы; 13, 14 — браслеты; 16 — височное кольцо; 18 — бусы; 20 — втульчатый топор; 21 — рог питьевой; 22 — пряслице; 23 — серп; 1, 6, 10, 11 — Целмини; 2 — Гравас; 3 — Алсунгас; 4, 5 — Вилкумуйжа; 7 — Пришманчай; 8 — Капениеки; 9 — Лайвй; 12 — Гробиня; 13 — Вибины; 14 — Ужава; 5—18, 22—24 — Гейстауты; 19 — Лиёпая; 20 — Элкас-Кезены (Прикуле); 21 — Тирас-Пурвс (Руцава); 1—6, 8, 10—17, 19 — цветной металл; 9, 24 — глина; 18 — янтарь; 20, 23 — железо; 21 — рог

Таблица СХХХIV. Украшения куршей.

1, 6—8, 17 — булавки одежные; 2, 16, 18—20, 23, 25, 30 — подковообразные застёжки; 3 — перстни; 4, 22, 28, 29 — пряжки; 5, 9, 10, 13, 14 — гривны шейные; 11, 12 — височные украшения; 15, 24, 26, 27 — бляшки; 21 — совообразная фибула; 1, 7, 15, 22, 23, 28 — Лайвй; 2, 4, 16, 25, 30 — Ширайчу; 3, 10, 12 — Курмайчай; 5 — Кретинга; 6, 20, 24, 26 — Пришманчай; 8 — Кяулейкяй; 9 — Клайшй; 13, 14 — Реке-те; 17 — Тубаусй; 18, 29 — Гинтелешке; 19 — Скерй; 21 — Андуляй; 27 — Лаукжемис; 1—4, 6—16, 18, 19, 22—30 — бронза; 5 — серебро; 15, 20, 21 — бронза, серебро; 17 — железо

Таблица СХХХV. Украшения куршей.

1, 3, 11—13, 15—18 — браслеты; 2 — головной вечник; 4—10 — привески; 5—7, 9 — фибулы; 8, 14 — перстни; 1, 7, 14—16, 18 — Рудайчай; 2, 9 — Пришманчай; 3 — Тубаусй; 4, 5, 12 — Кяулейкяй; 6 — Ужпелкяй; 8, 13 — Лукняй; 10 — Талсы; 11 — Лайвй; 17 — Двиляй; 1—3, 5, 8—18 — бронза; 4, 7 — бронза, серебро; 6 — серебро

Таблица СХХХVI. Древности скаллов.

1, 4, 6, 7 — фибулы; 2, 5 — бляшки; 3 — ожерелье из бус; 8 — подвеска; 9, 10, 12 — подковообразные застёжки; 11, 17, 19 — поясные пряжки; 13—16 — браслеты; 18 — перстень; 1, 2, 4—6, 8, 16 — Веспайтен; 3, 10, 18 — Паулайчай; 7, 9 — Неман; 11, 19 — Советск; 12, 14, 17 — Ржевское; 13 — Моунайкяй; 15 — Швекшна; 1 — бронза, серебро; 2, 4—7, 9—16, 19 — бронза; 3 — янтарь; 8 — бронза, железо; 17 — бронза, кожа; 18 — серебро

Таблица СХХХVII. Древности ятвягов.

1, 2, 5, 7, 14, 15 — перстни; 3, 20—22, 26, 27 — браслеты; 4 — височное кольцо; 6 — крестик; 8, 9, 11—13 — бляшки; 10 — бусина; 16, 19 — подковообразные застёжки; 17, 18 — пряжки; 23, 25 — бубенчики; 24, 28—32 — привески; 33 — разрезы курганов; 1, 2, 8, 11—13, 21, 27 — Вензовщина; 3—6, 9, 10, 14, 15, 17, 18 — Дворчань; 7, 19, 20, 23, 25, 28—32 — Каукяй; 16, 24, 26 — Ясудово; 22 — Нача; 33 — Карначиха; 34 — Свищцево; 35 — Бейжионис; 1—32 — цветной металл; 33—35 — разрезы курганов; а — дерн; б — камни; в — песок; г — остатки трупосожжения; д — остатки трупоположения

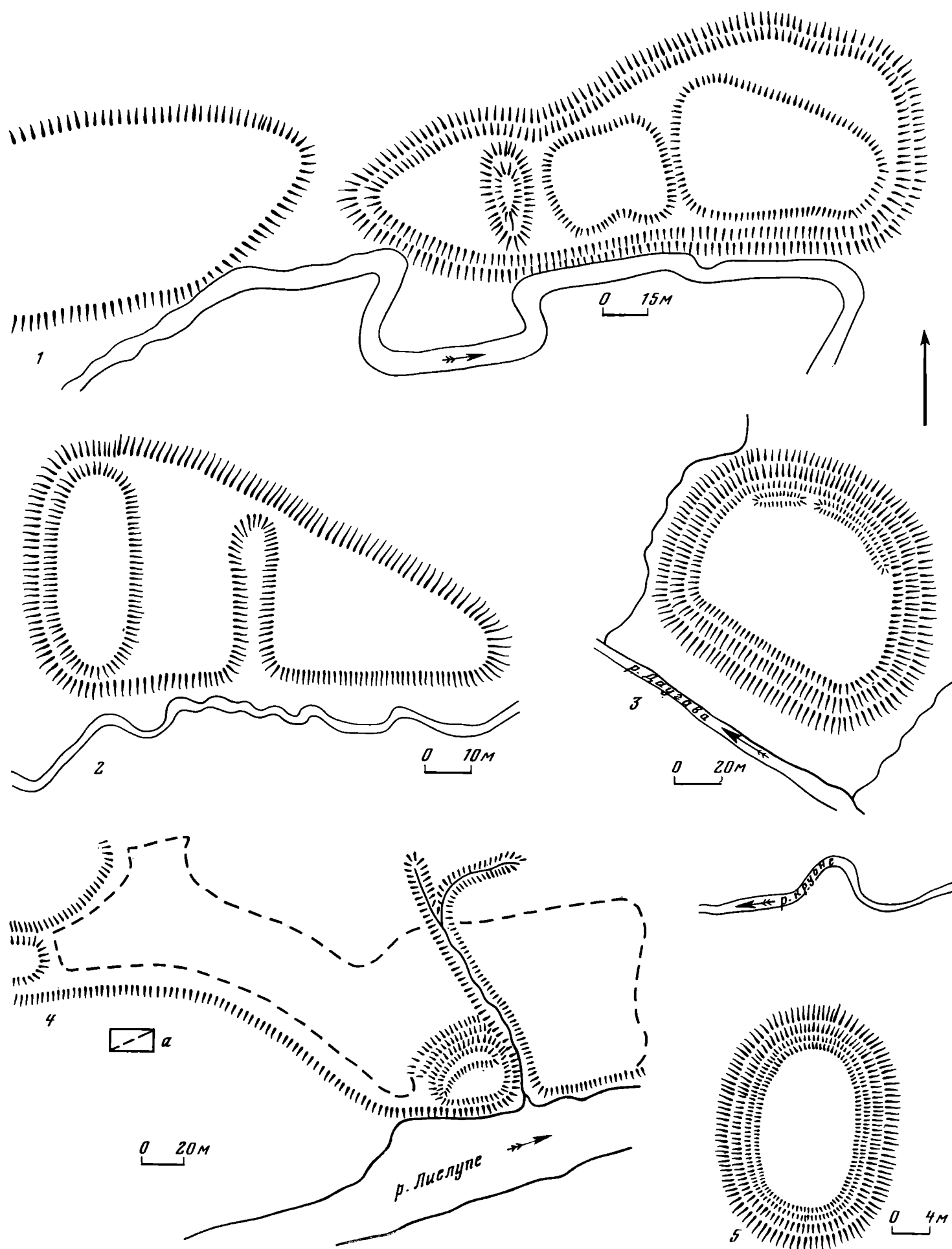

Таблица CIV. Городища литовско-латышских племен.

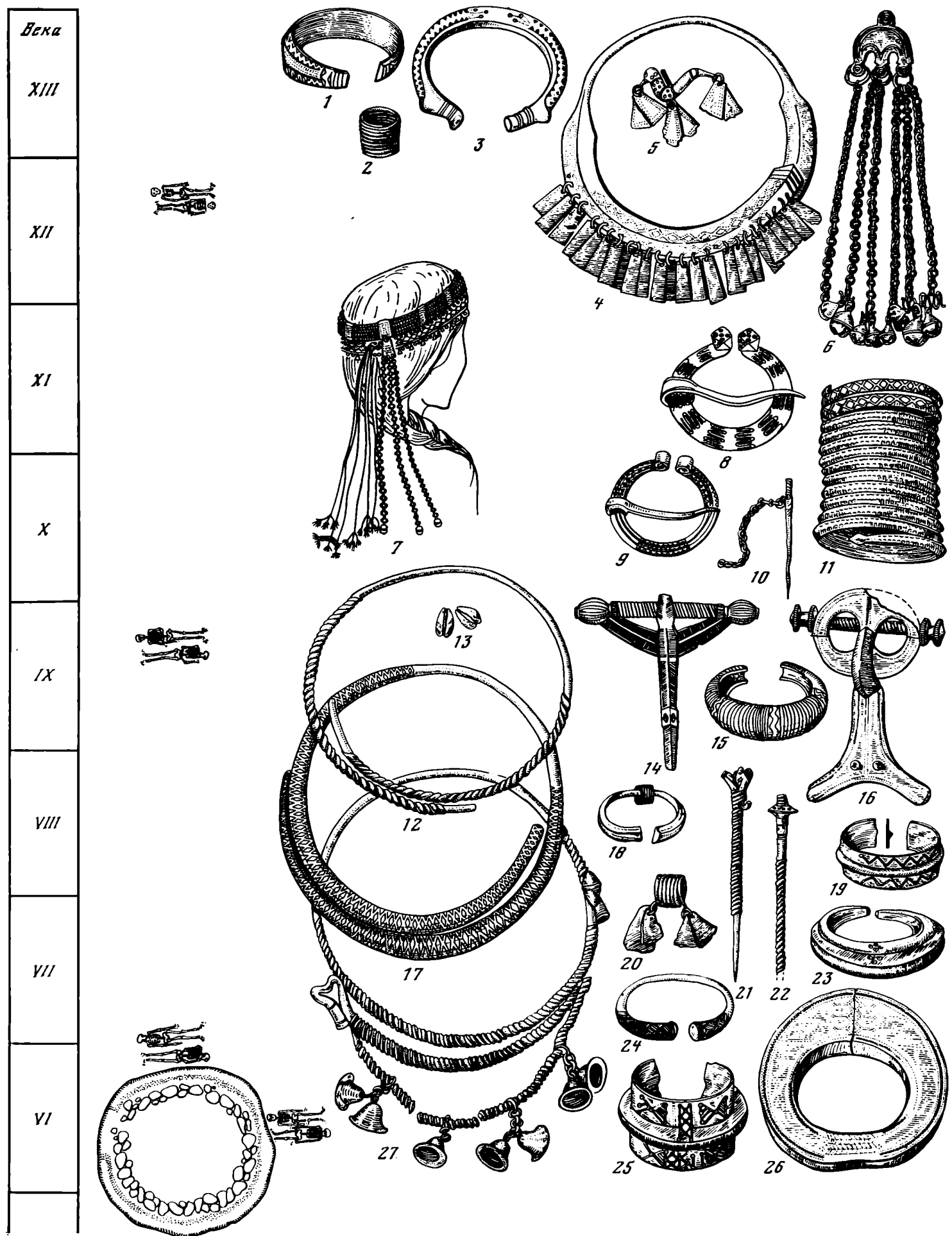

Таблица CV. Древности латгалов. Эволюция.

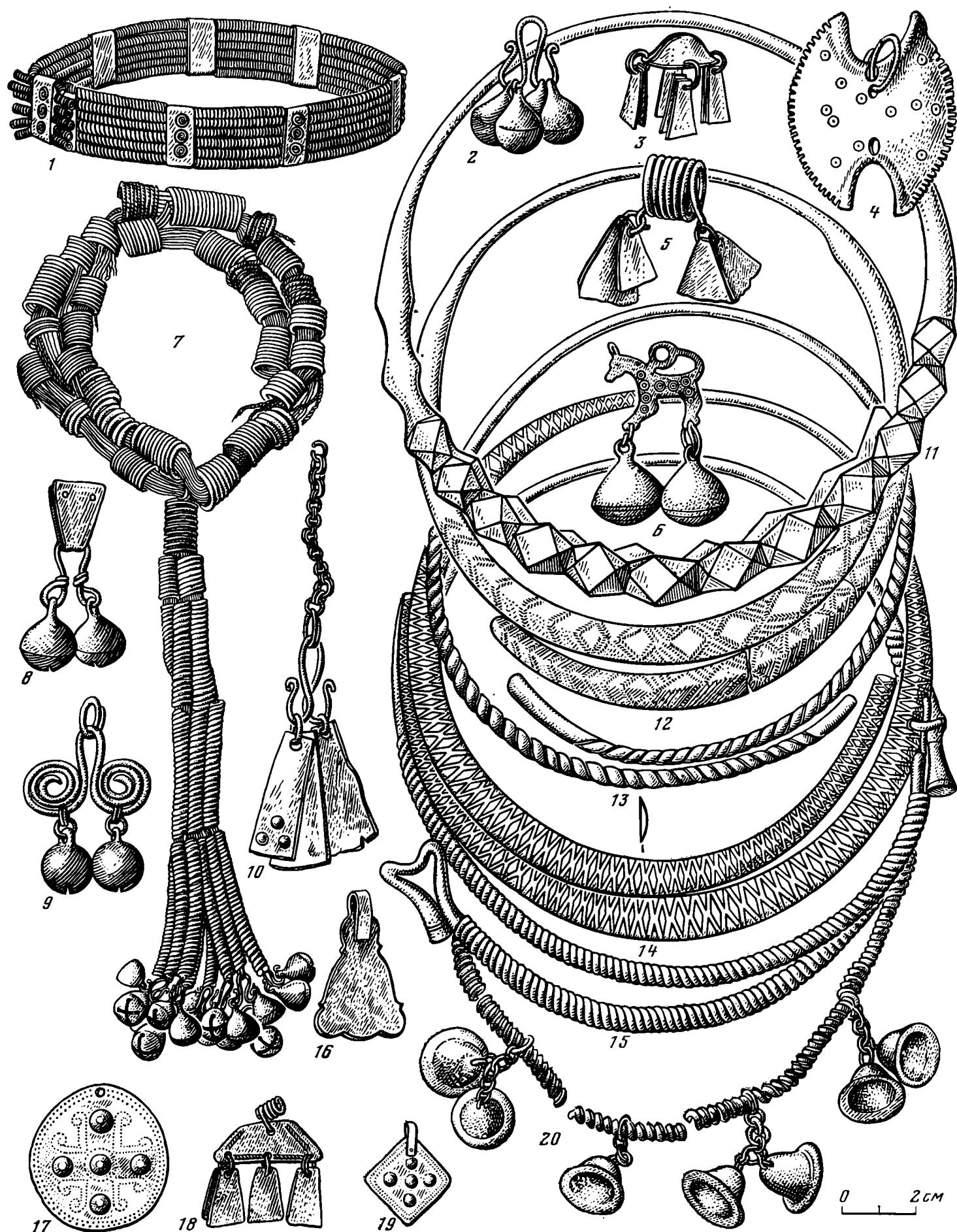

Таблица CVI. Головные и нагрудные украшения латгалов.

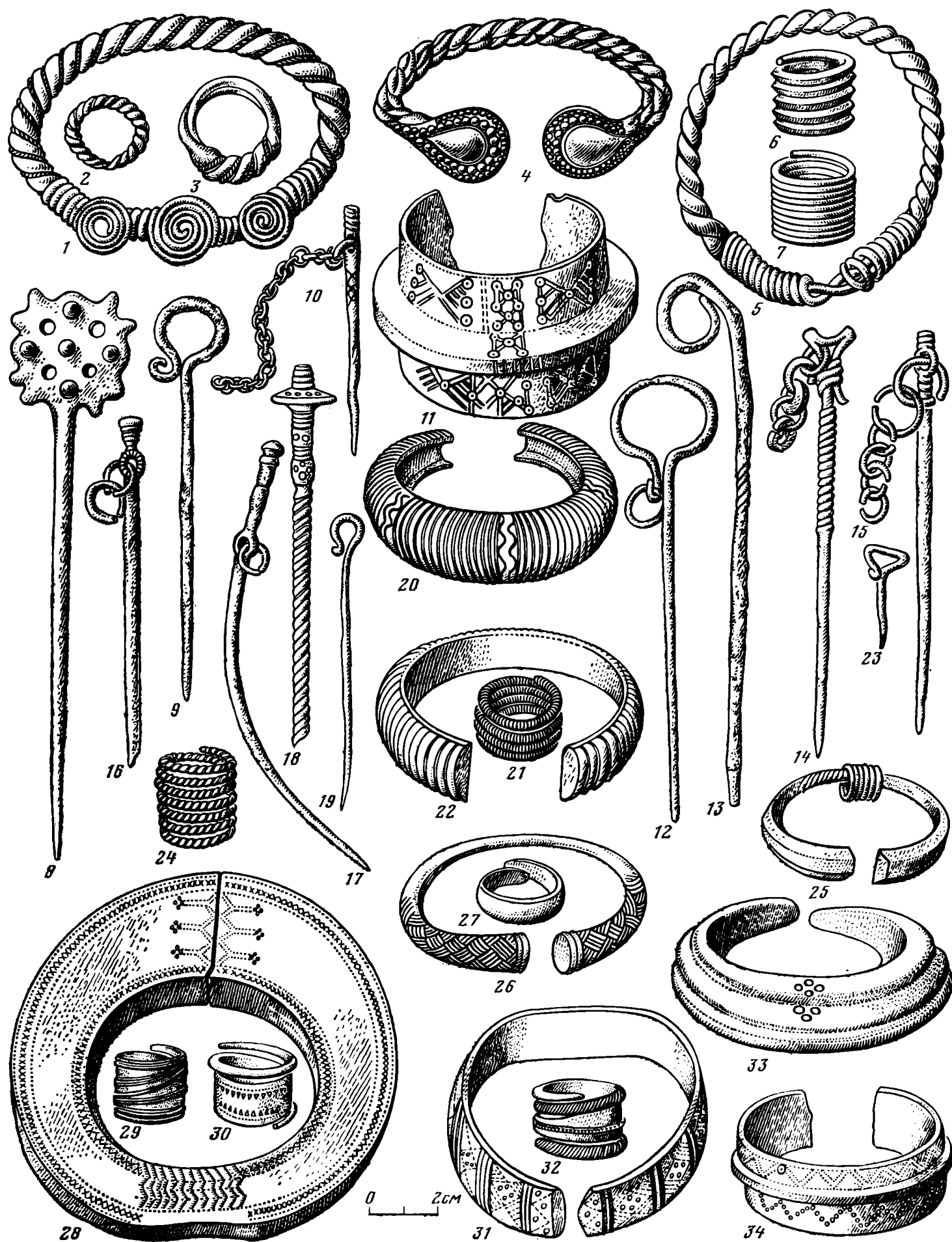

Таблица CVII. Браслеты, перстни, булавки латгалов.

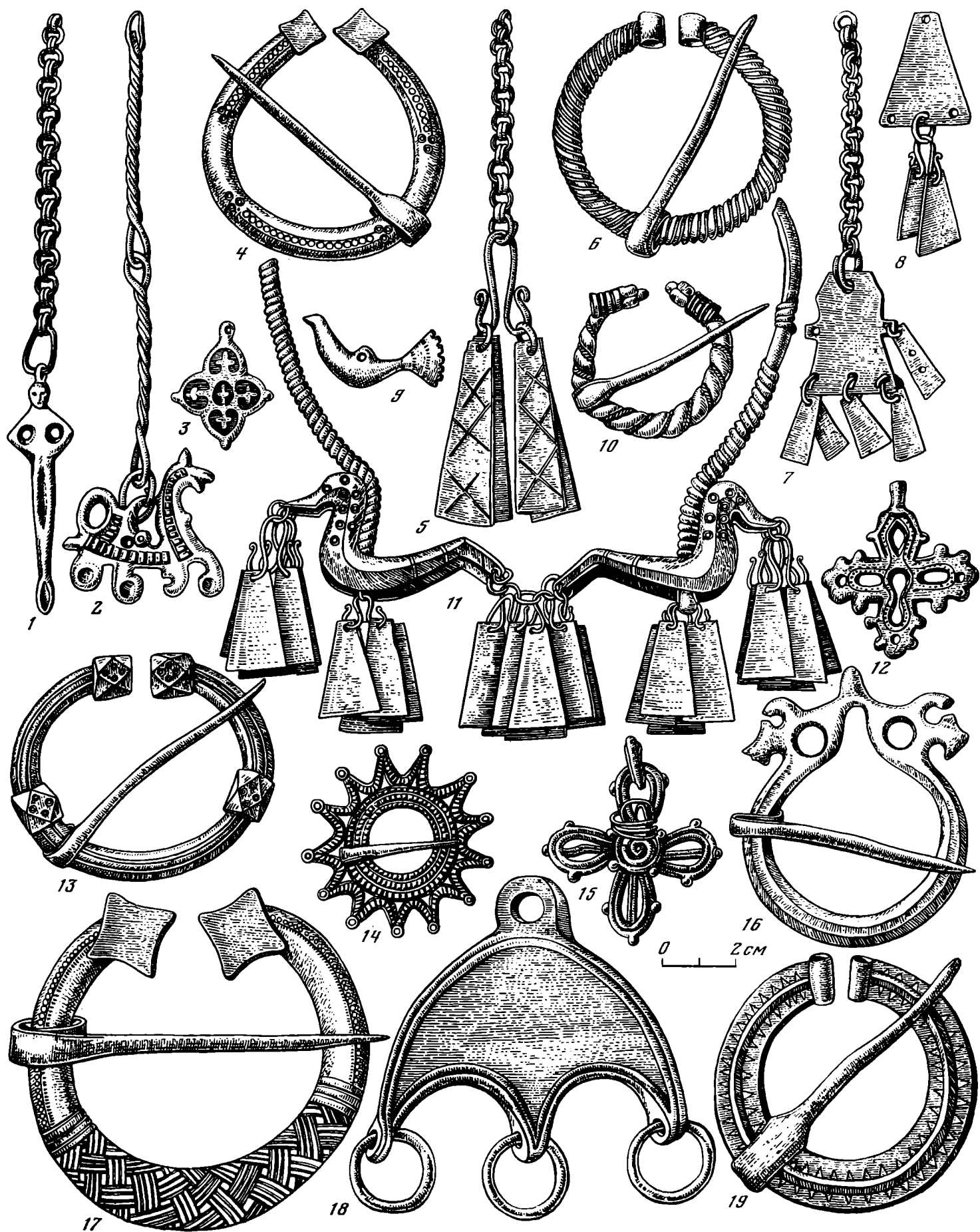

Таблица CVIII. Фибулы и нагрудные украшения латгалов.

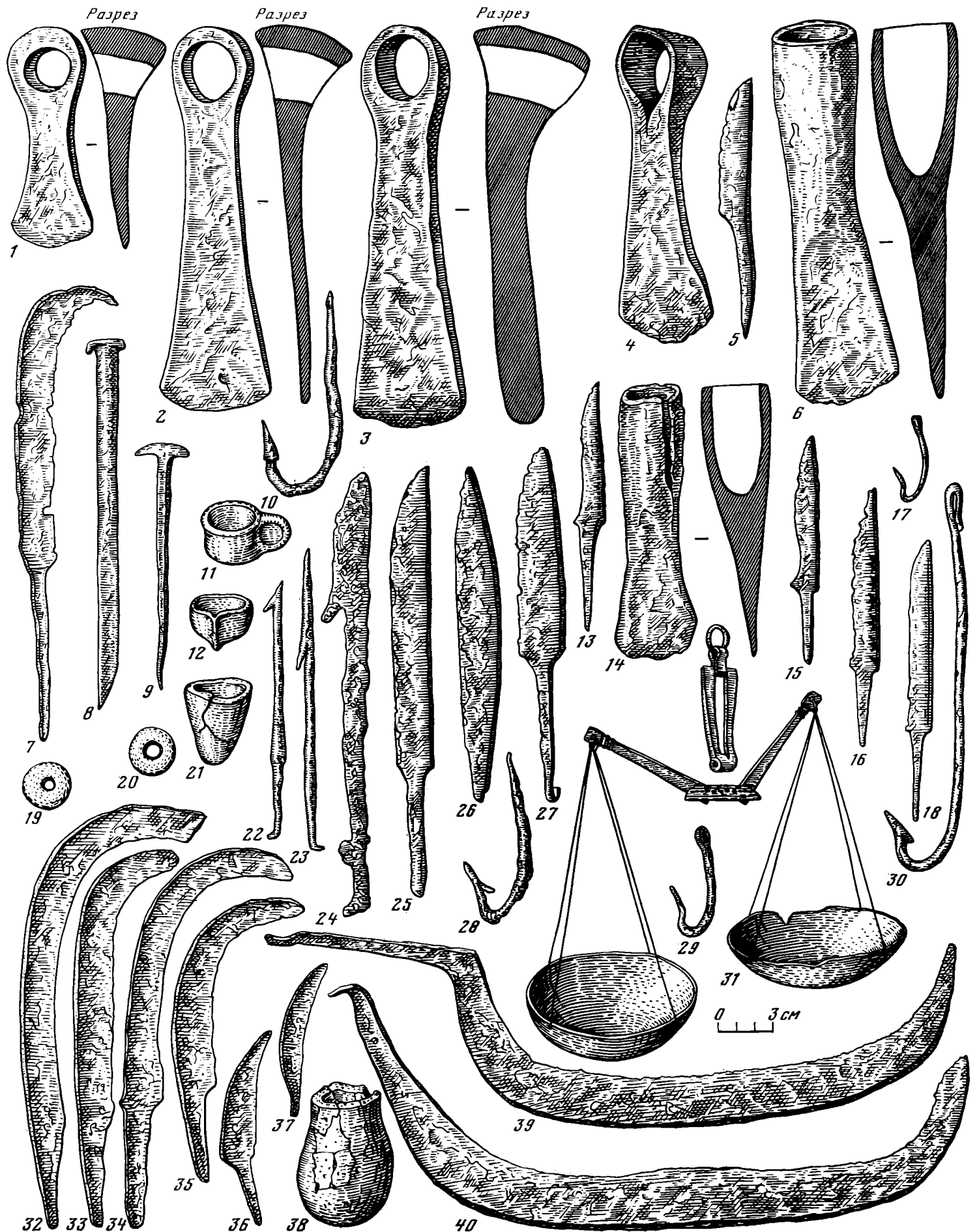

Таблица СІХ. Орудия труда и бытовые предметы латышских племен.

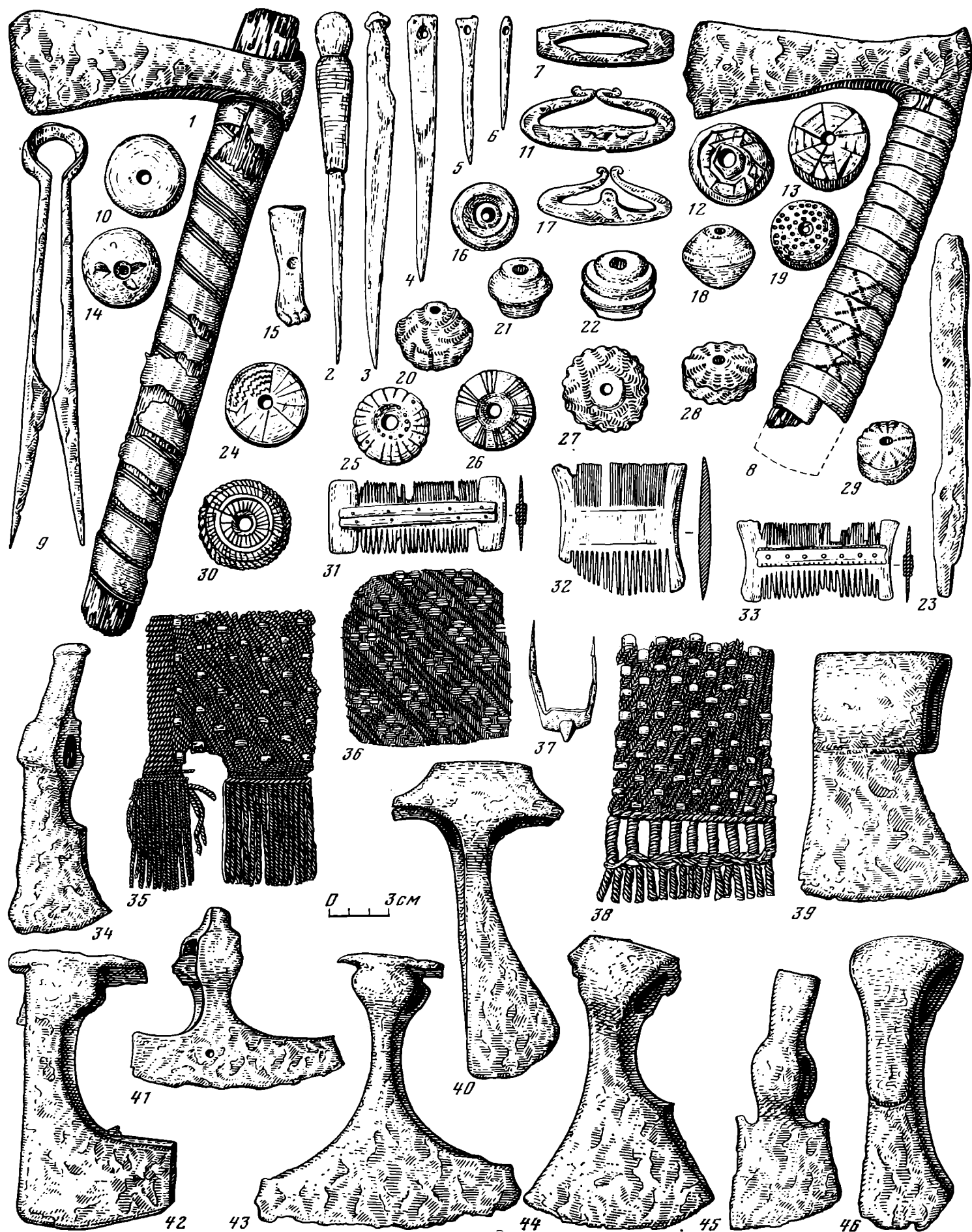

Таблица СХ. Орудия труда и бытовые предметы латгалов.

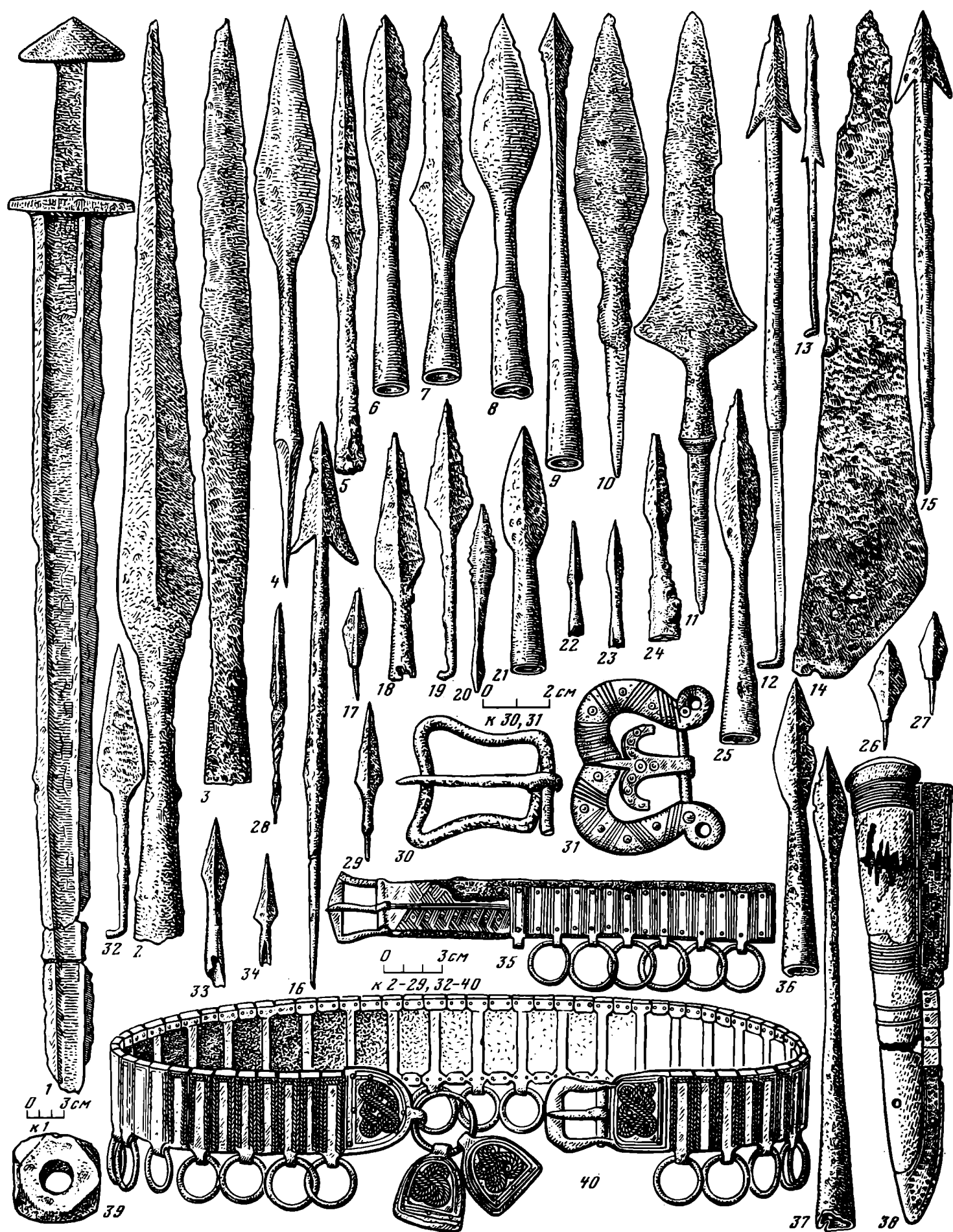

Таблица CXI. Орудие латгалов.

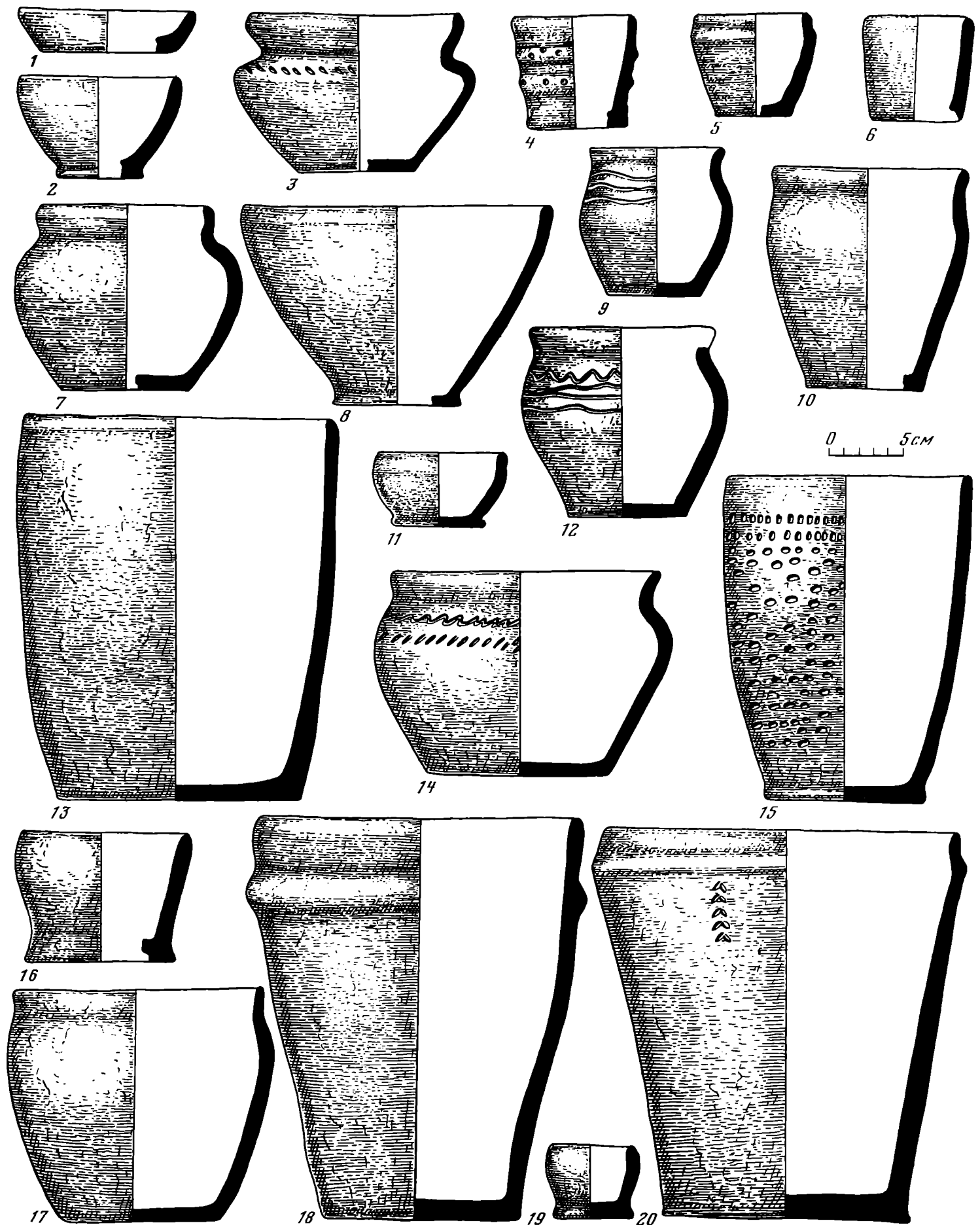

Таблица СХІІ. Керамика из памятников латышских племен.

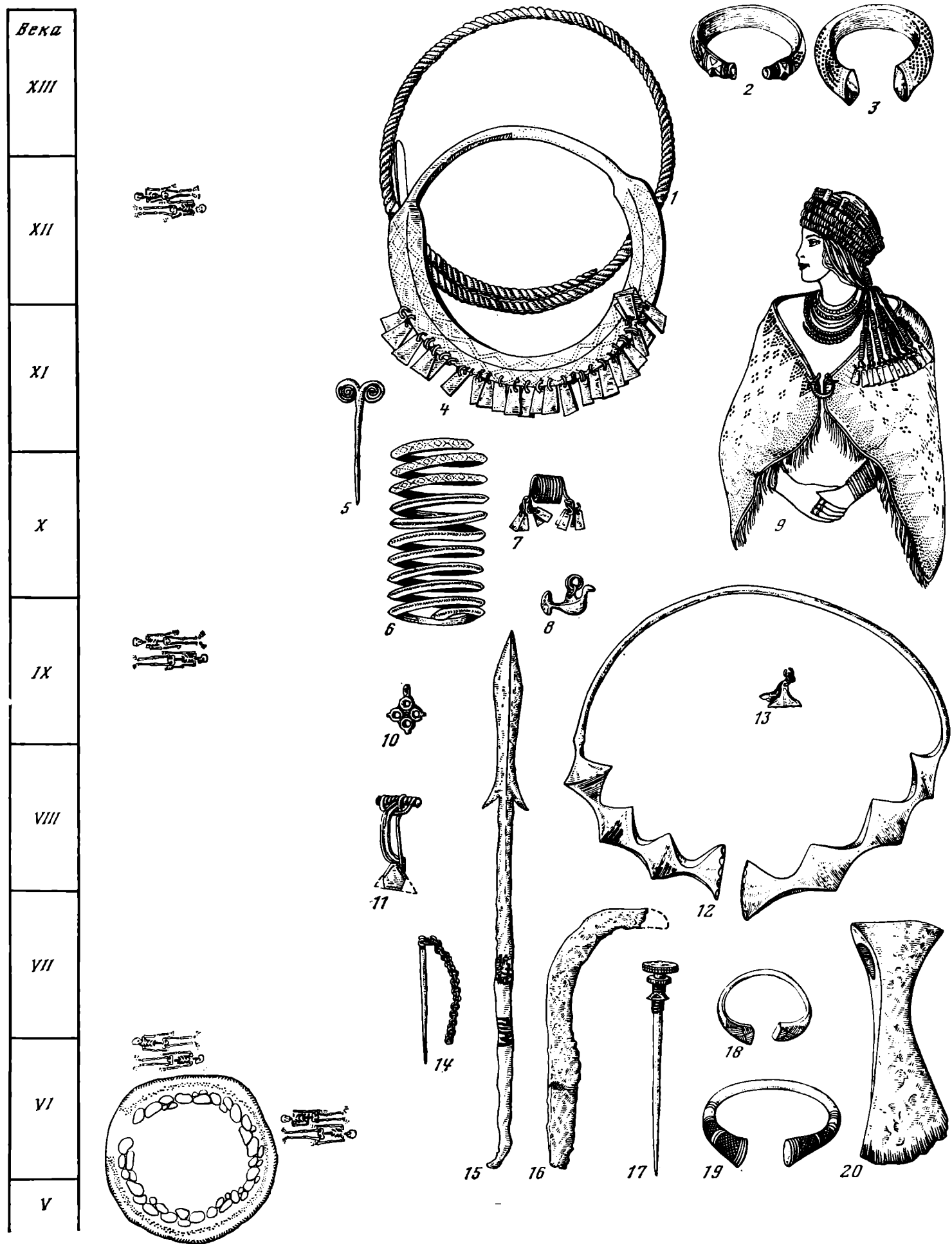

Таблица СХІІІ. Древности селов. Эволюция.

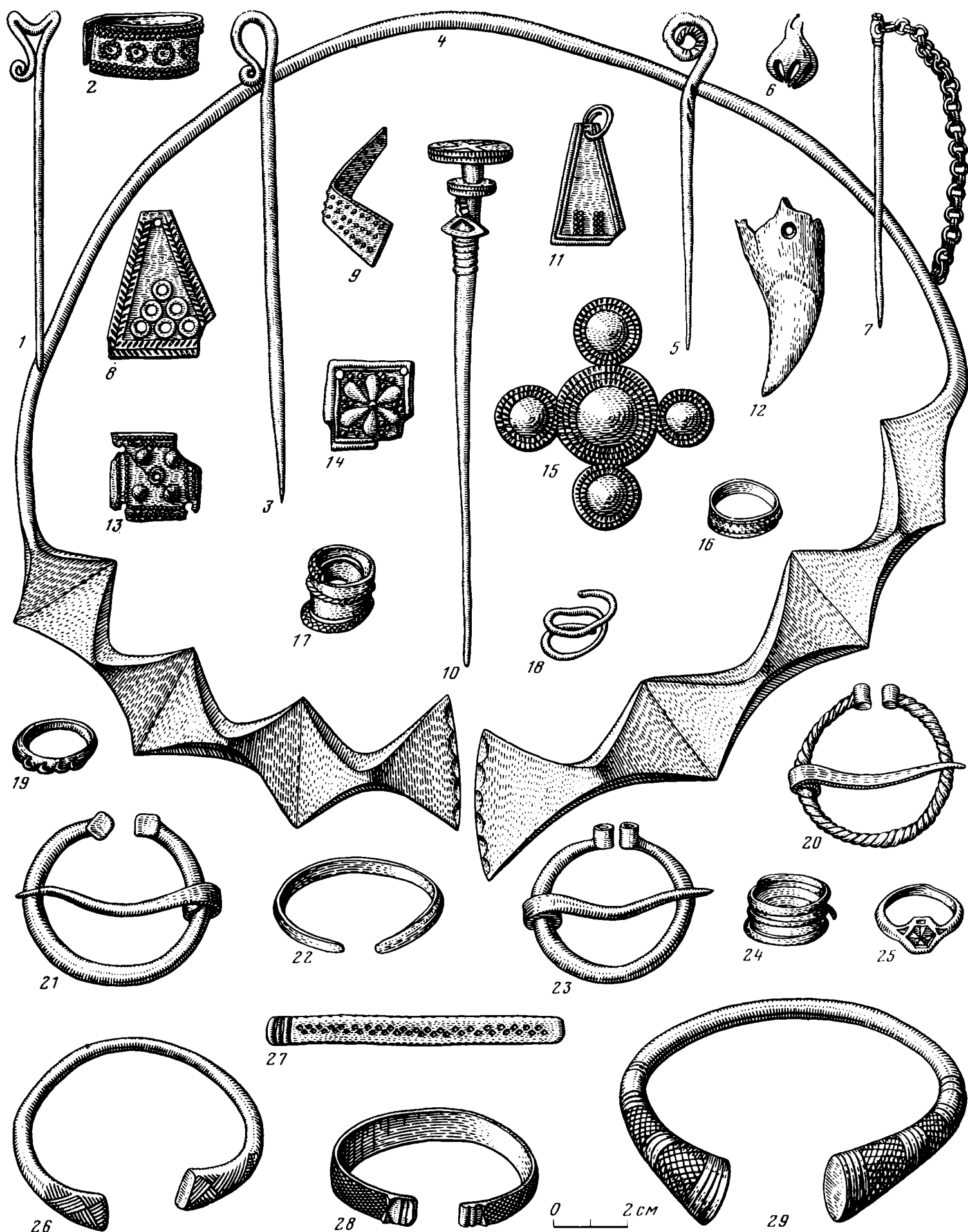

Таблица CXIV. Украшения из памятников селов.

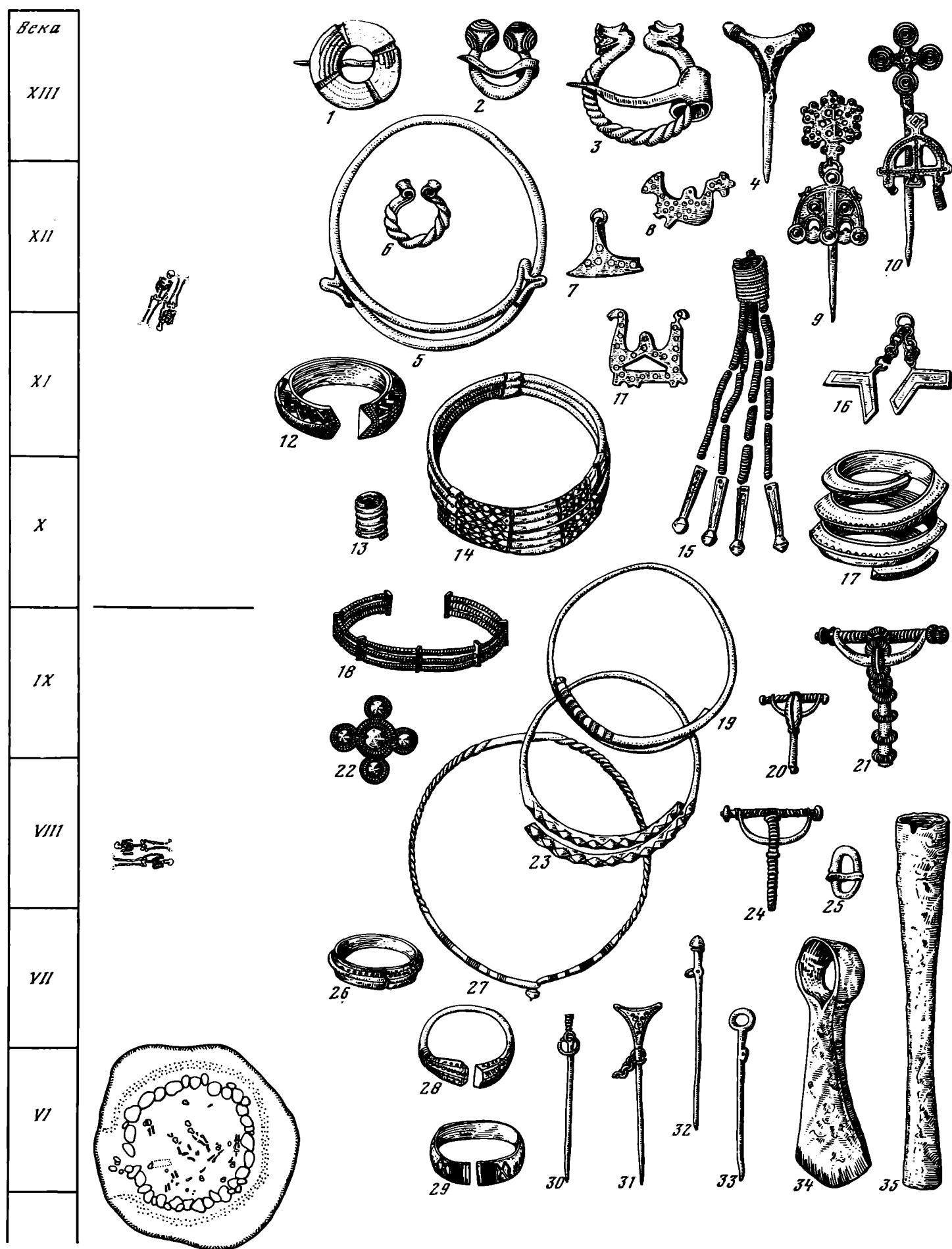

Таблица CXV. Древности земгалов. Эволюция.

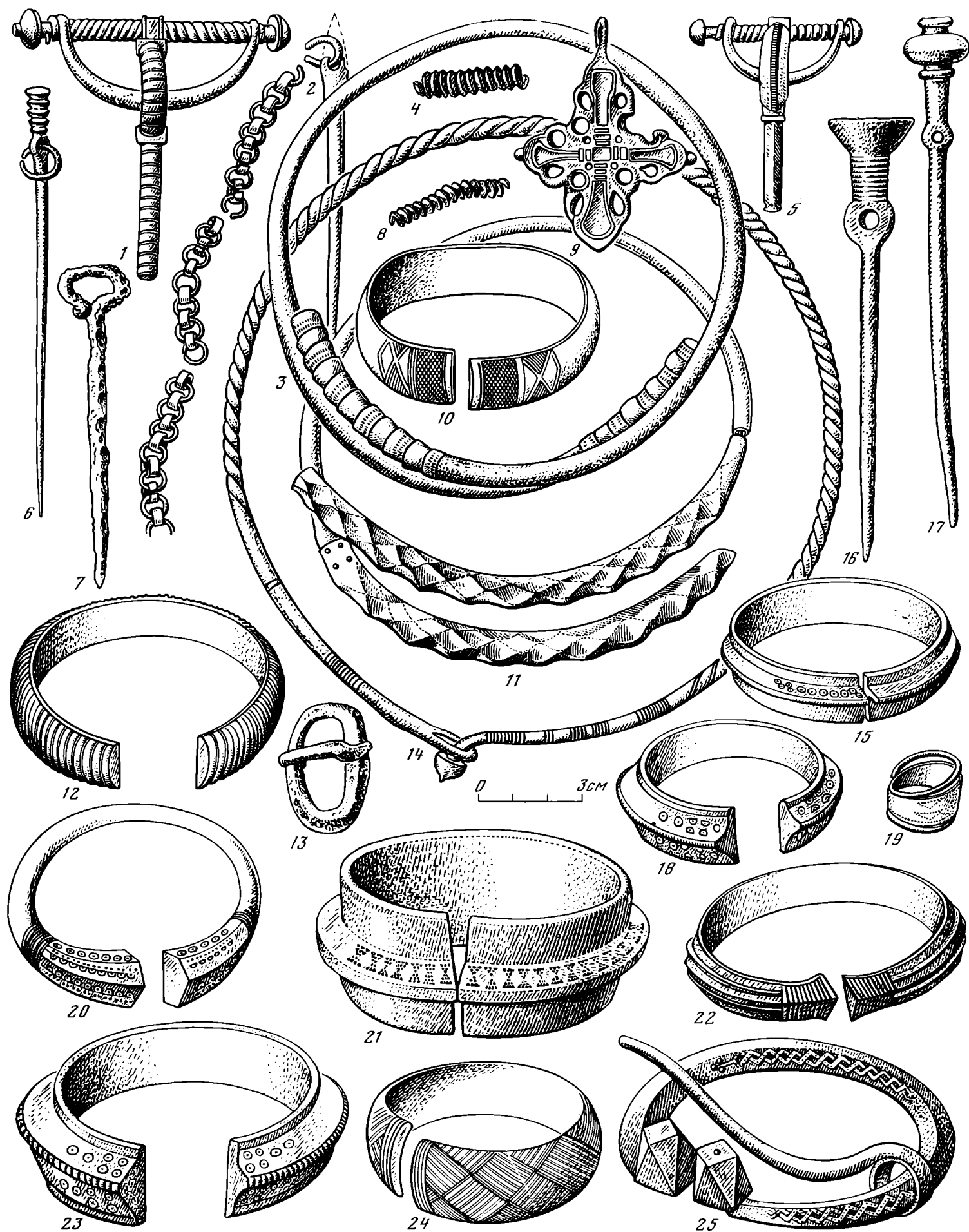

Таблица CXVI. Украшения земгалов.

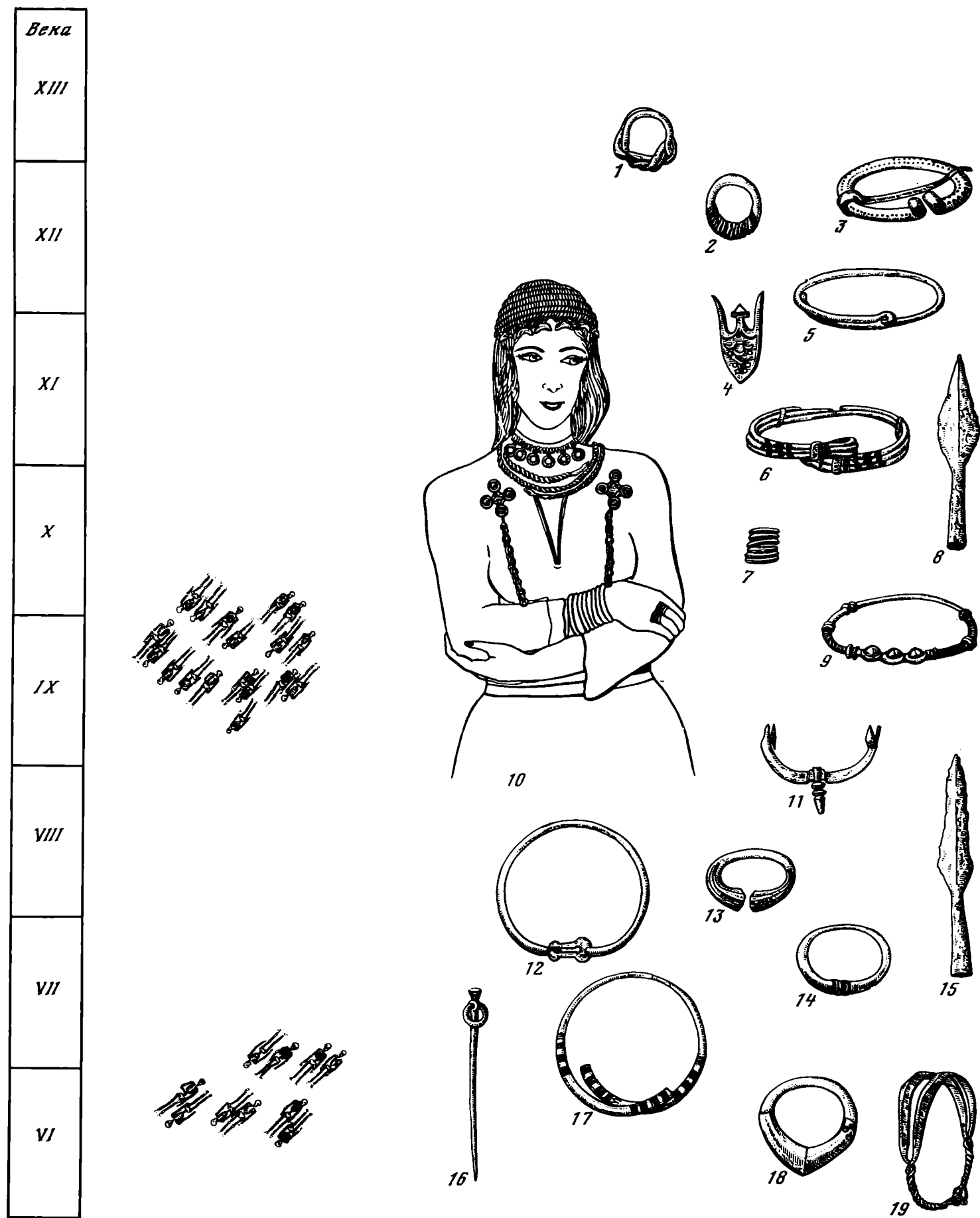

Таблица CXVII. Древности жемайтов. Эволюция.

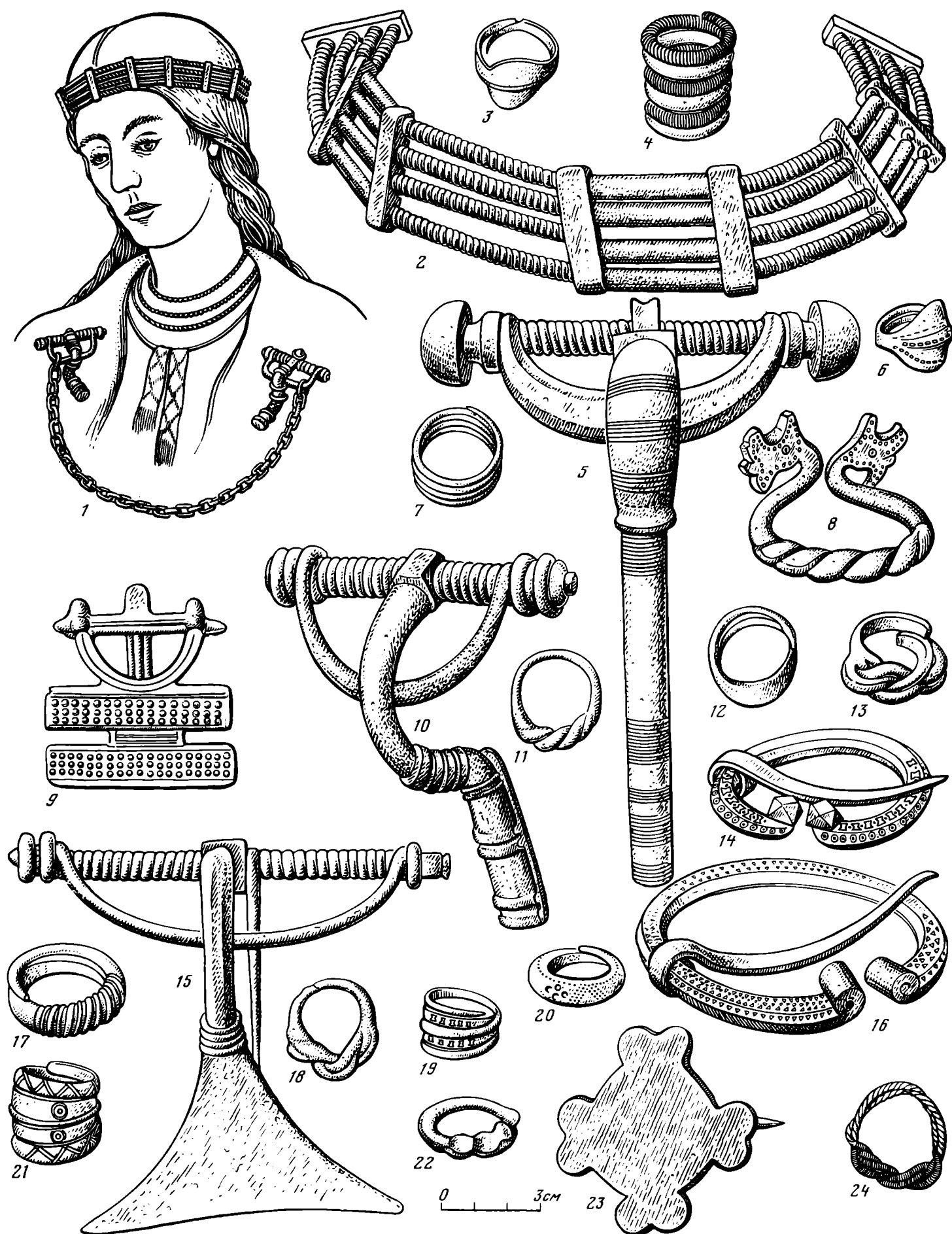

Таблица CXVIII. Украшения жемайтов.

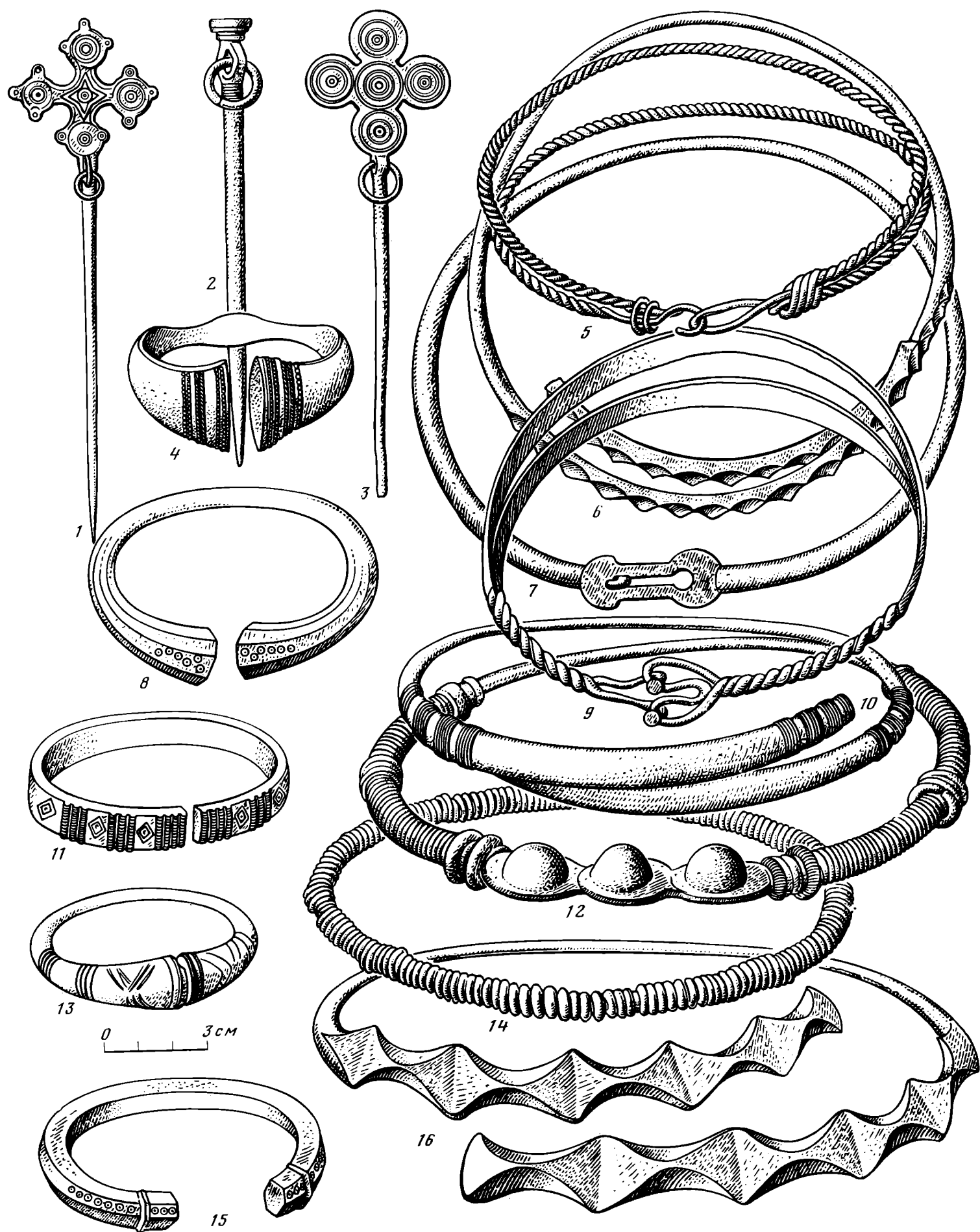

Таблица СХІХ. Украшения жемайтов.

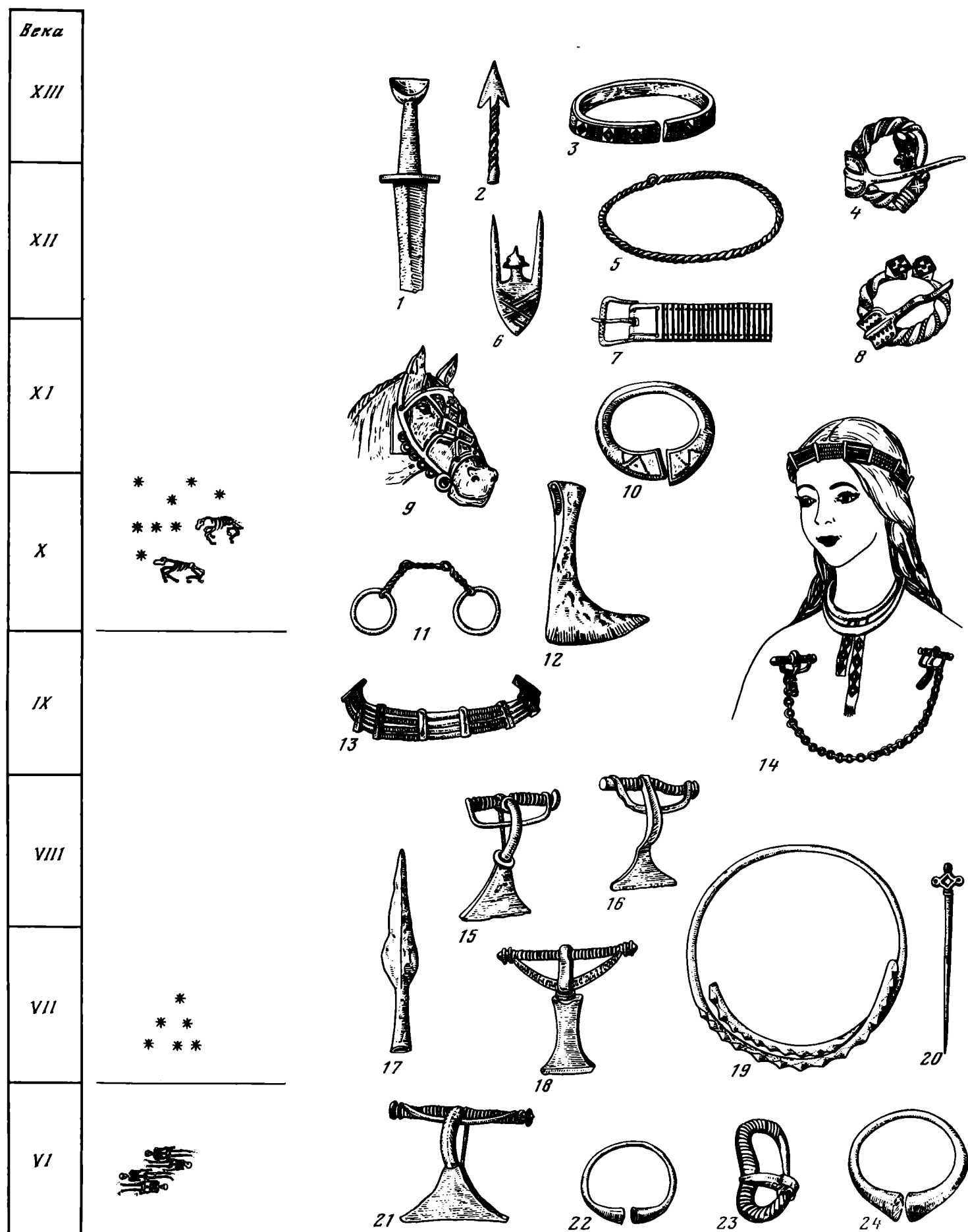

Таблица СХХ. Древности аукштайтов. Эволюция.

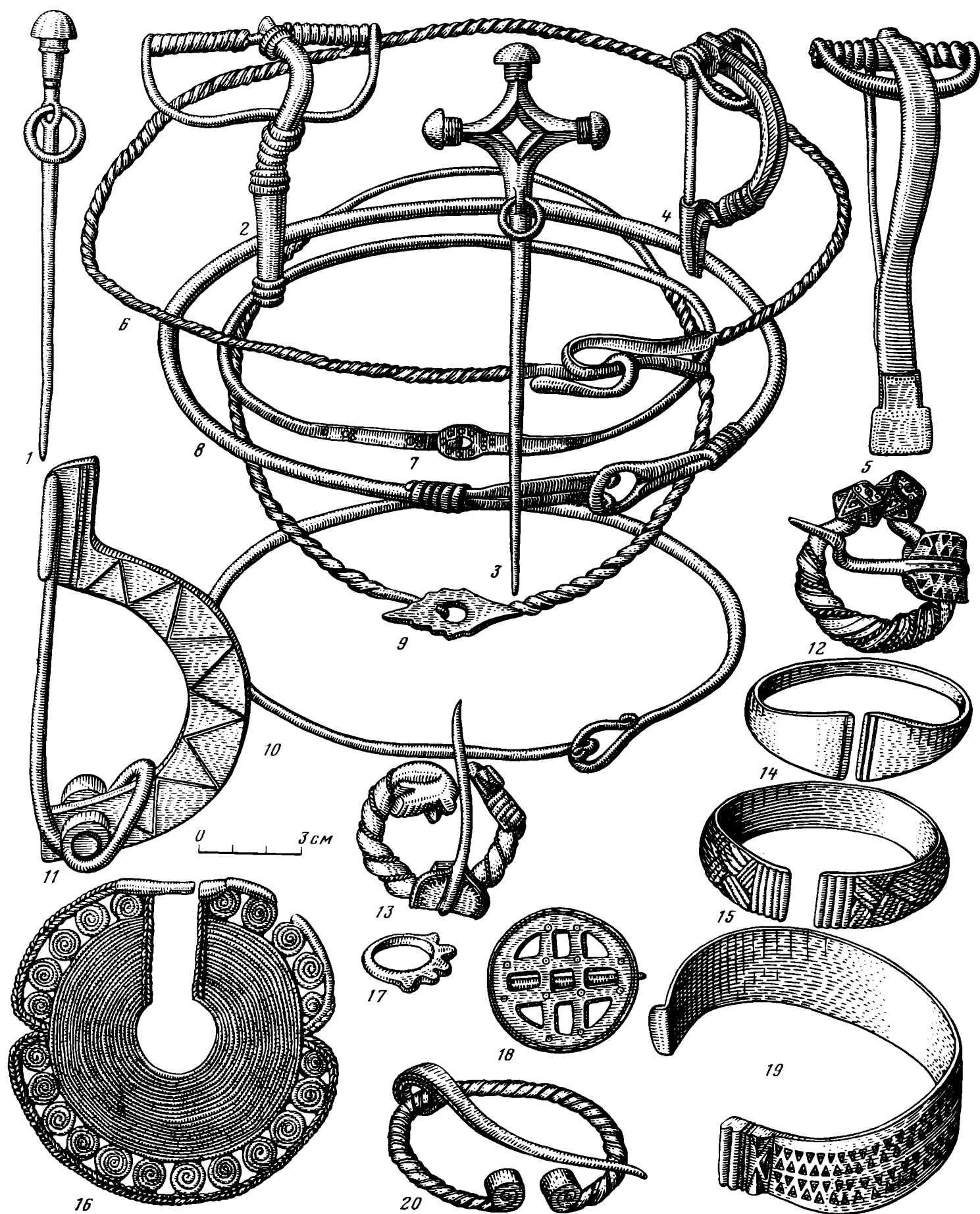

Таблица СХХІ. Украшения аукштайтов.

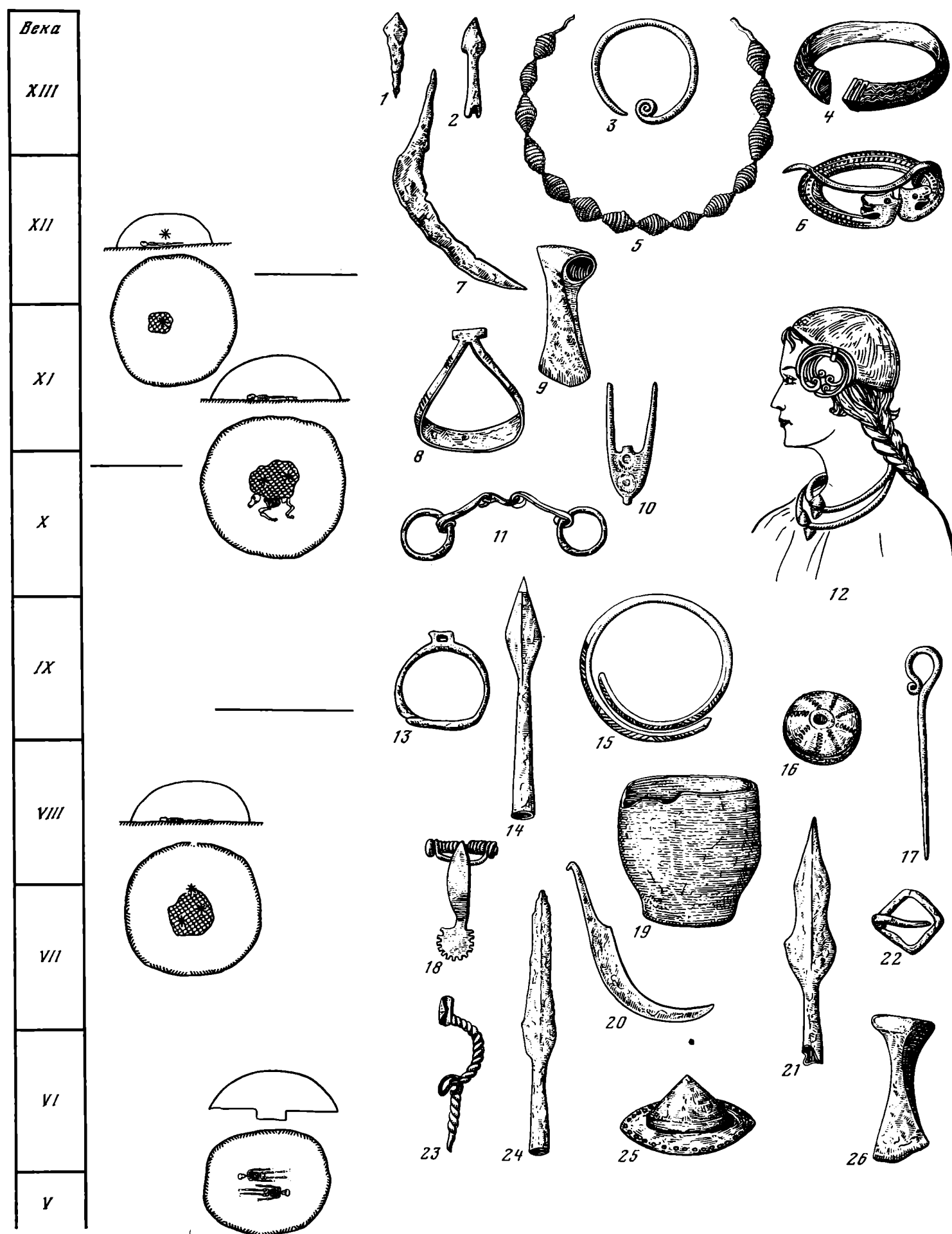

Таблица СХХII. Древности литвы. Эволюция.

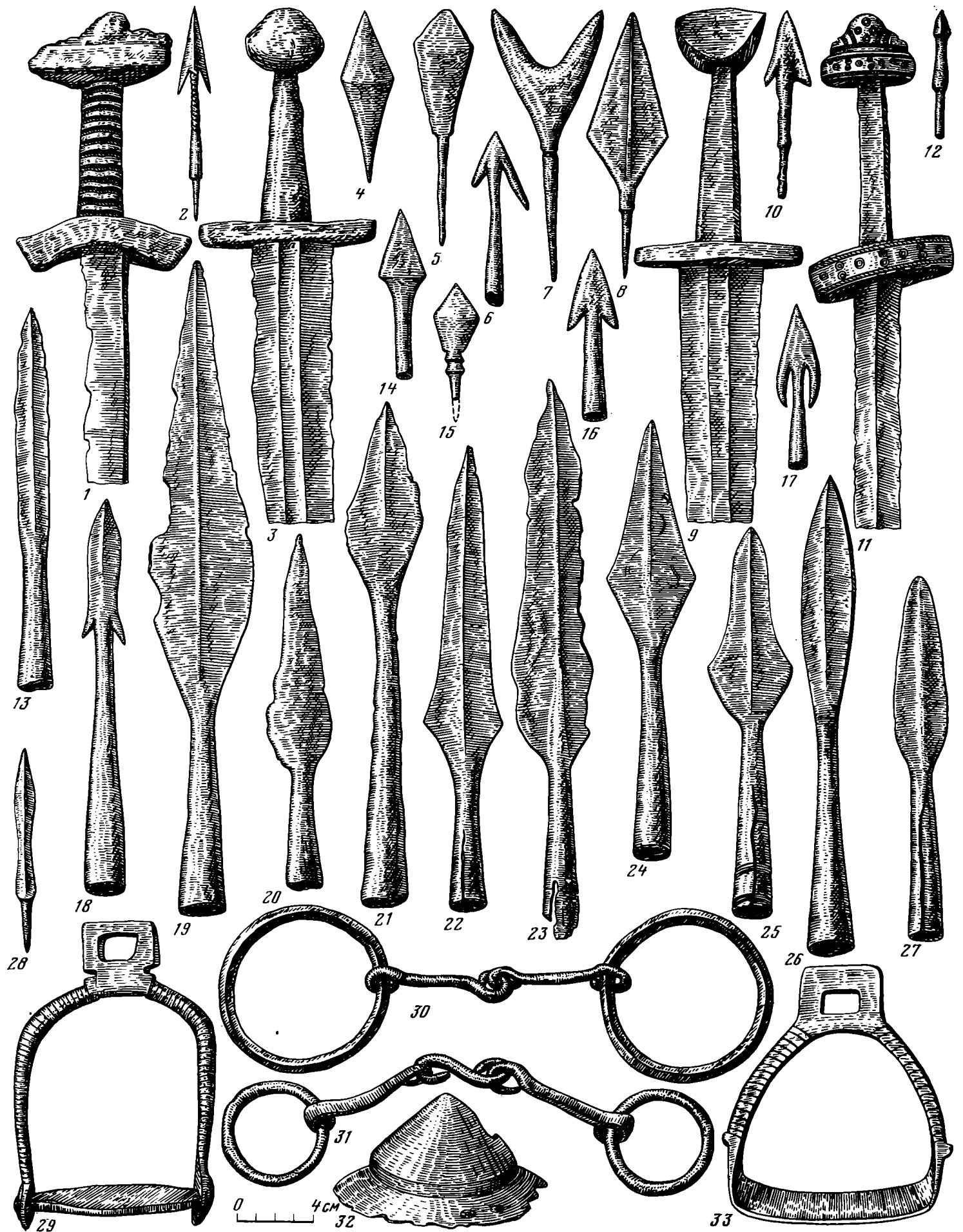

Таблица СХХІІІ. Предметы вооружения литовских племен.

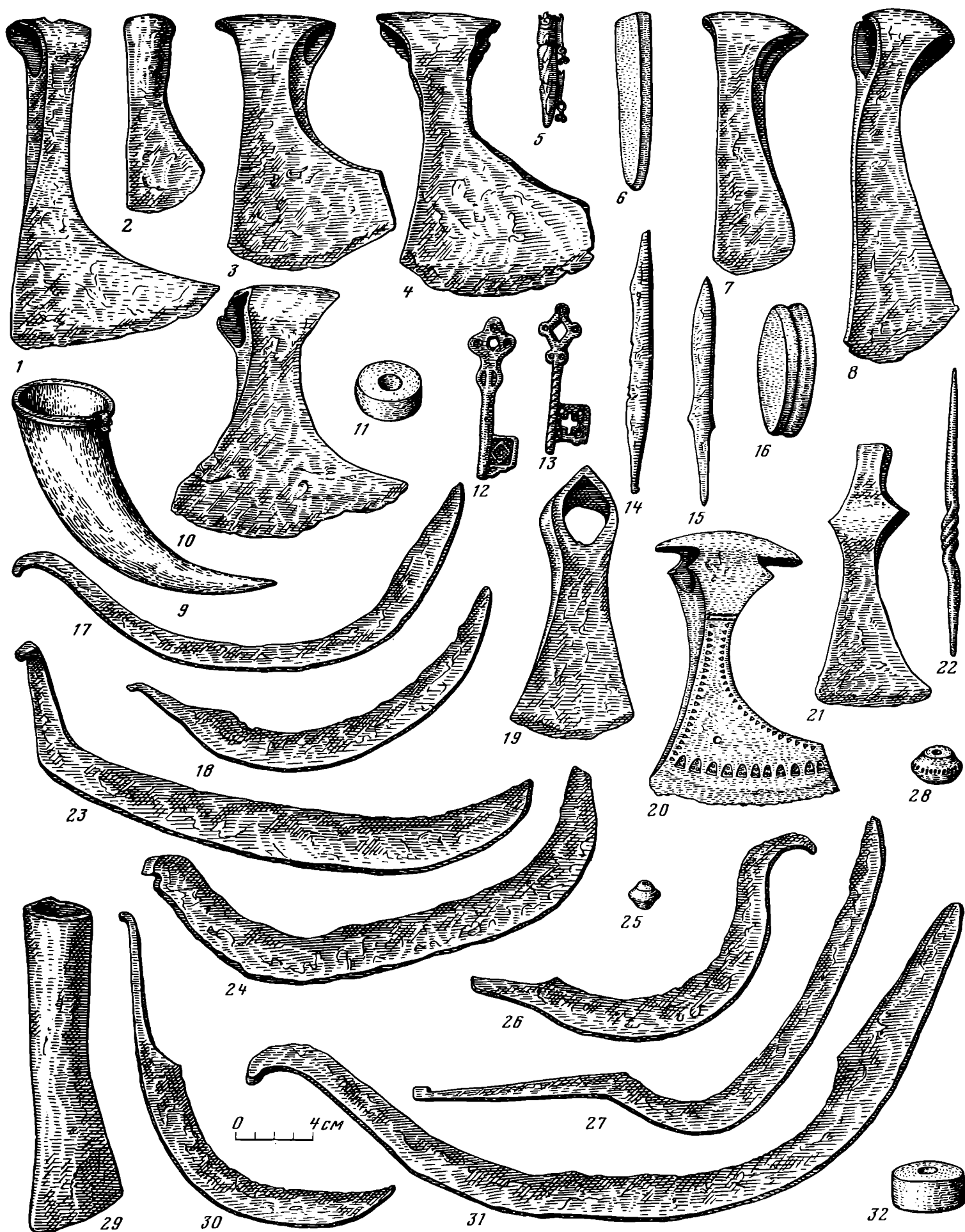

Таблица СХХIV. Различные находки из памятников литовских племен и ятвягов.

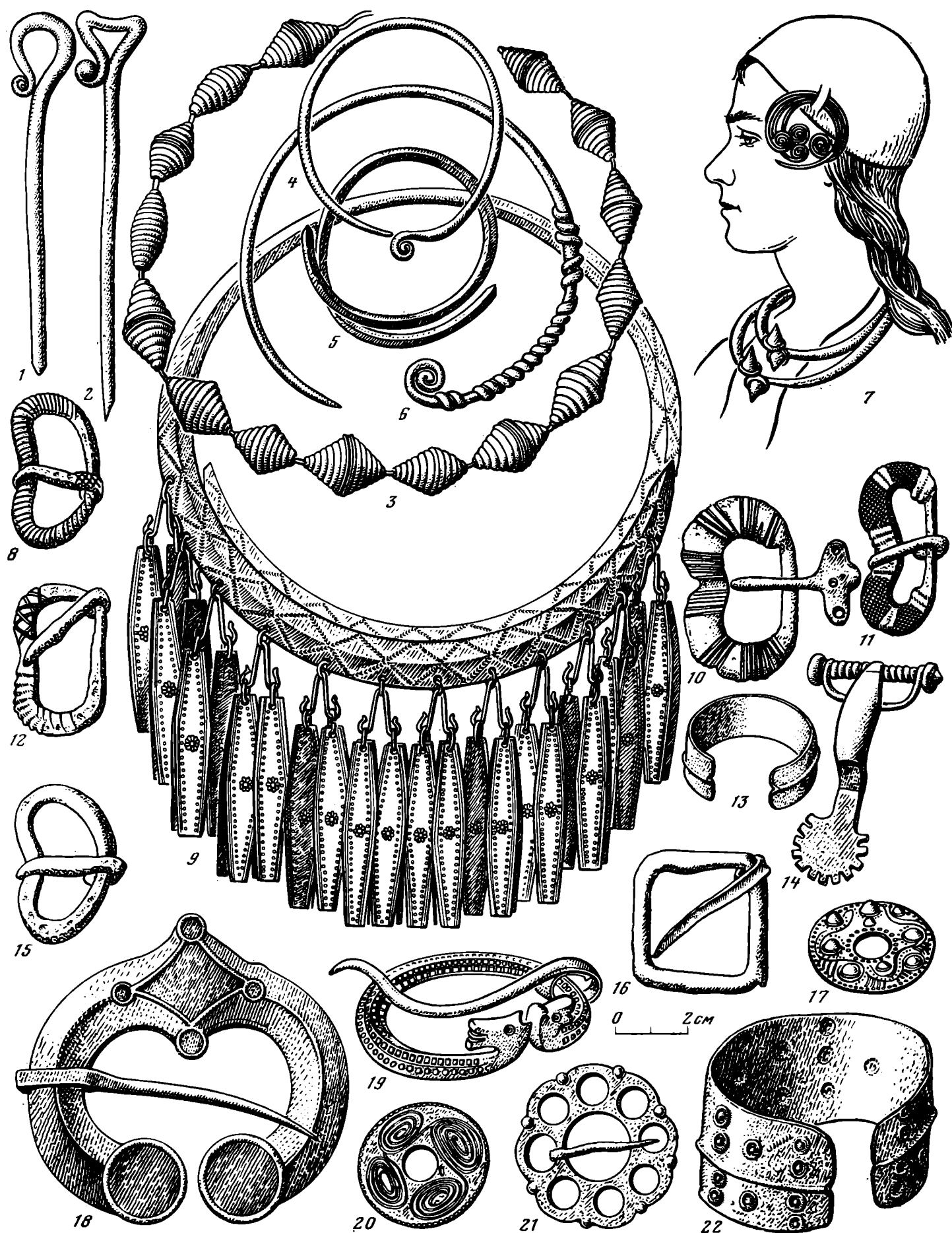

Таблица СХХV. Украшения литвы.

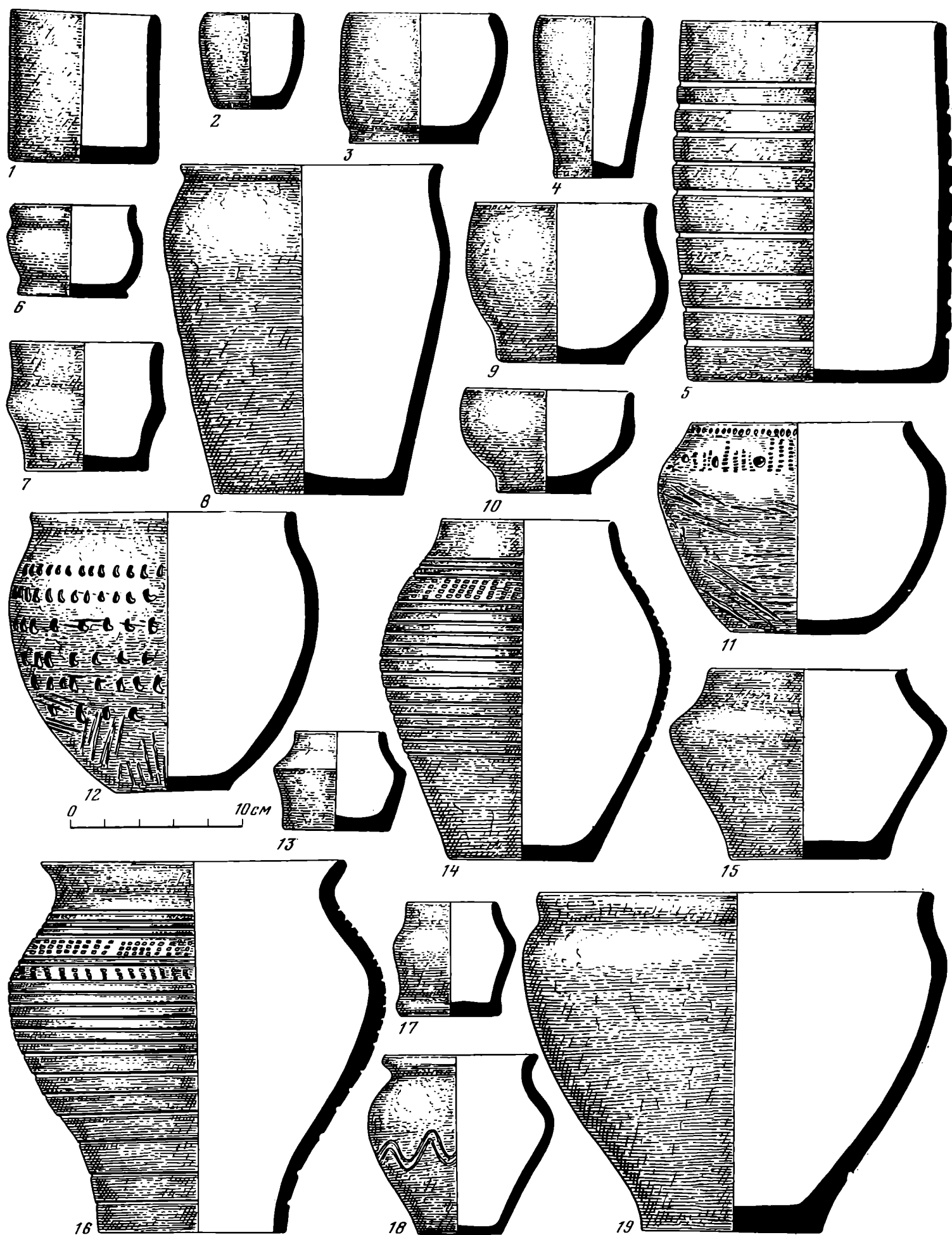

Таблица СХХVI. Керамика из памятников литовских племен и ятвягов.

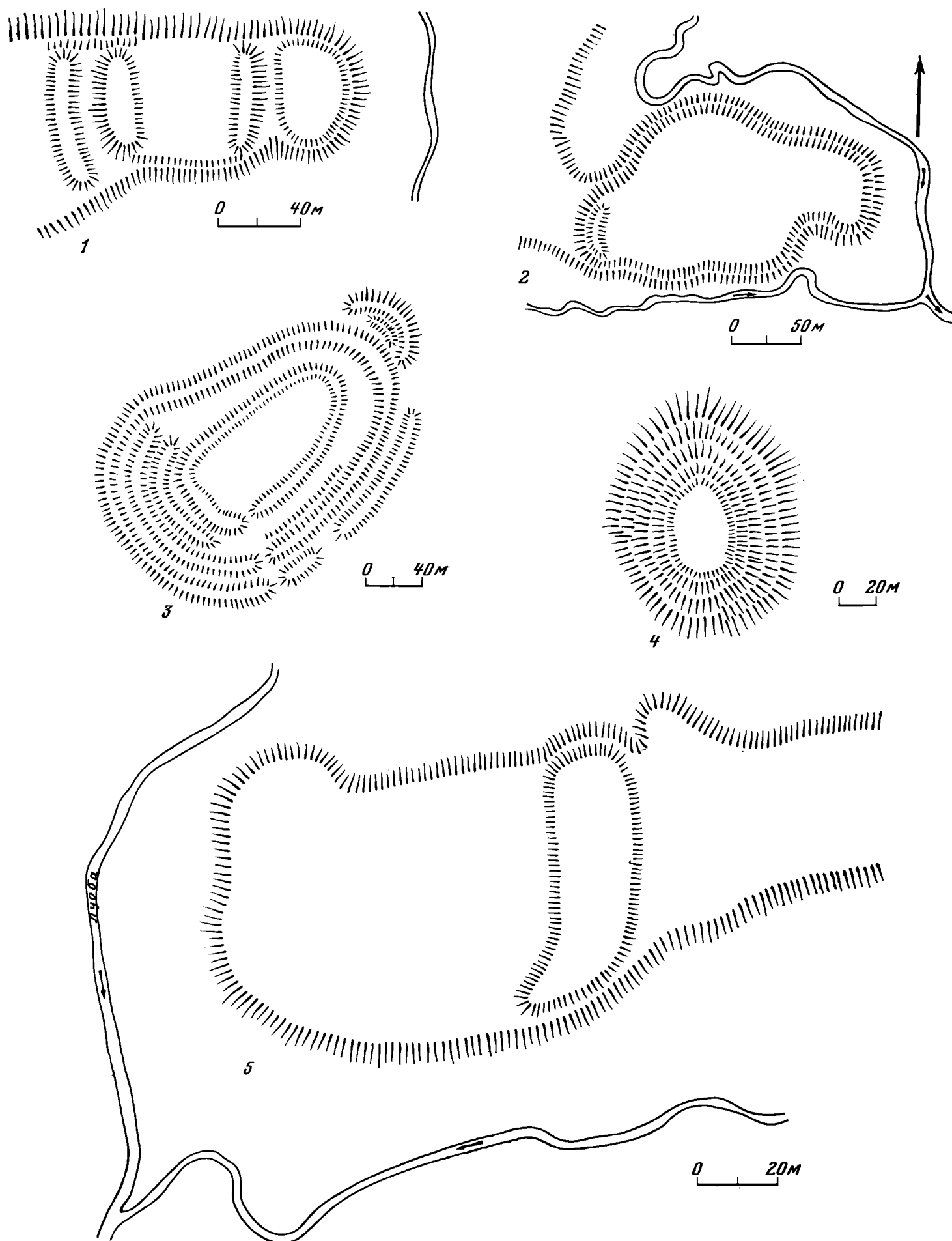

Таблица СХХVII. Городища пруссов и ятвягов.

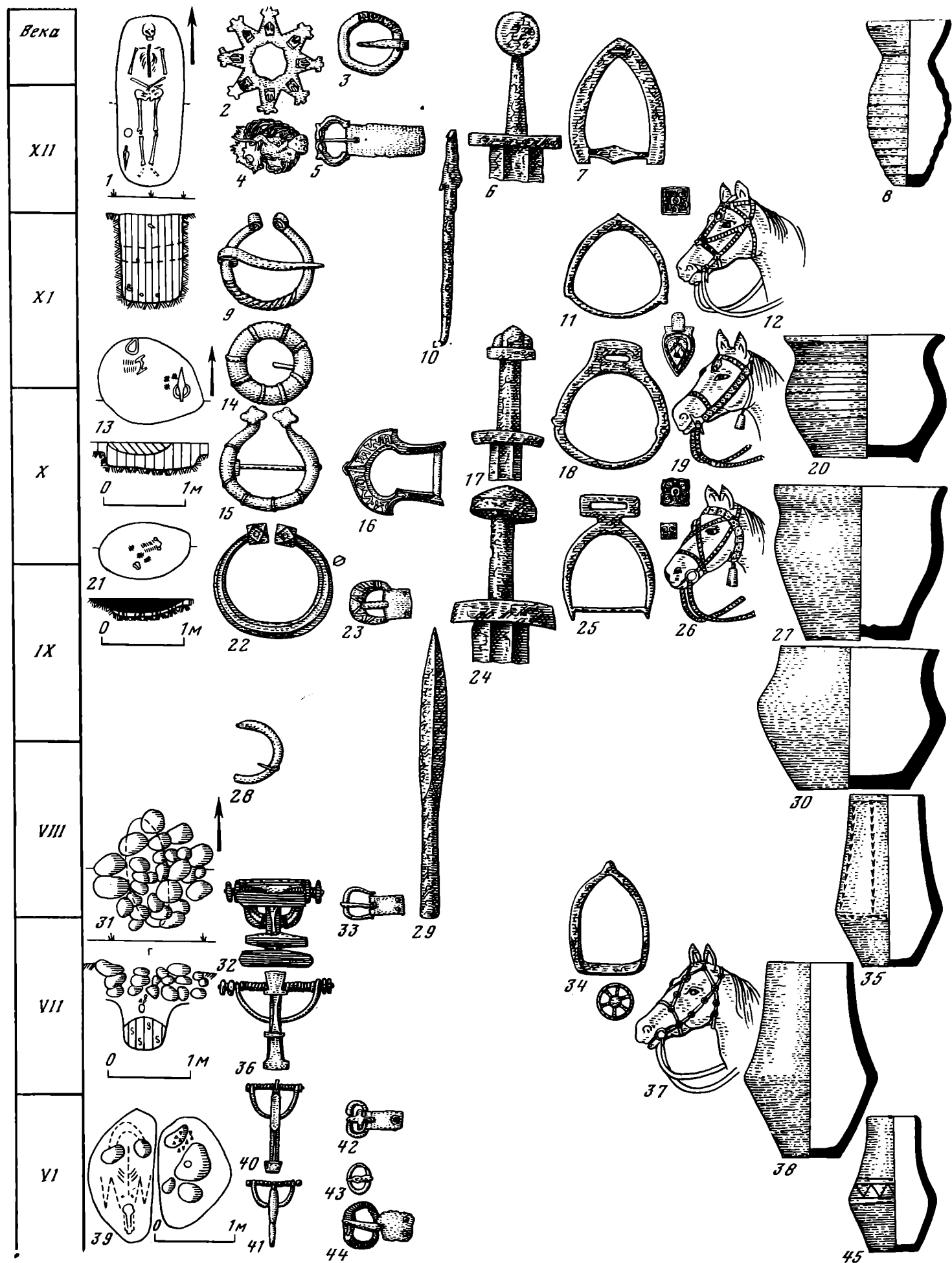

Таблица СХХVIII. Эволюция прусских древностей.

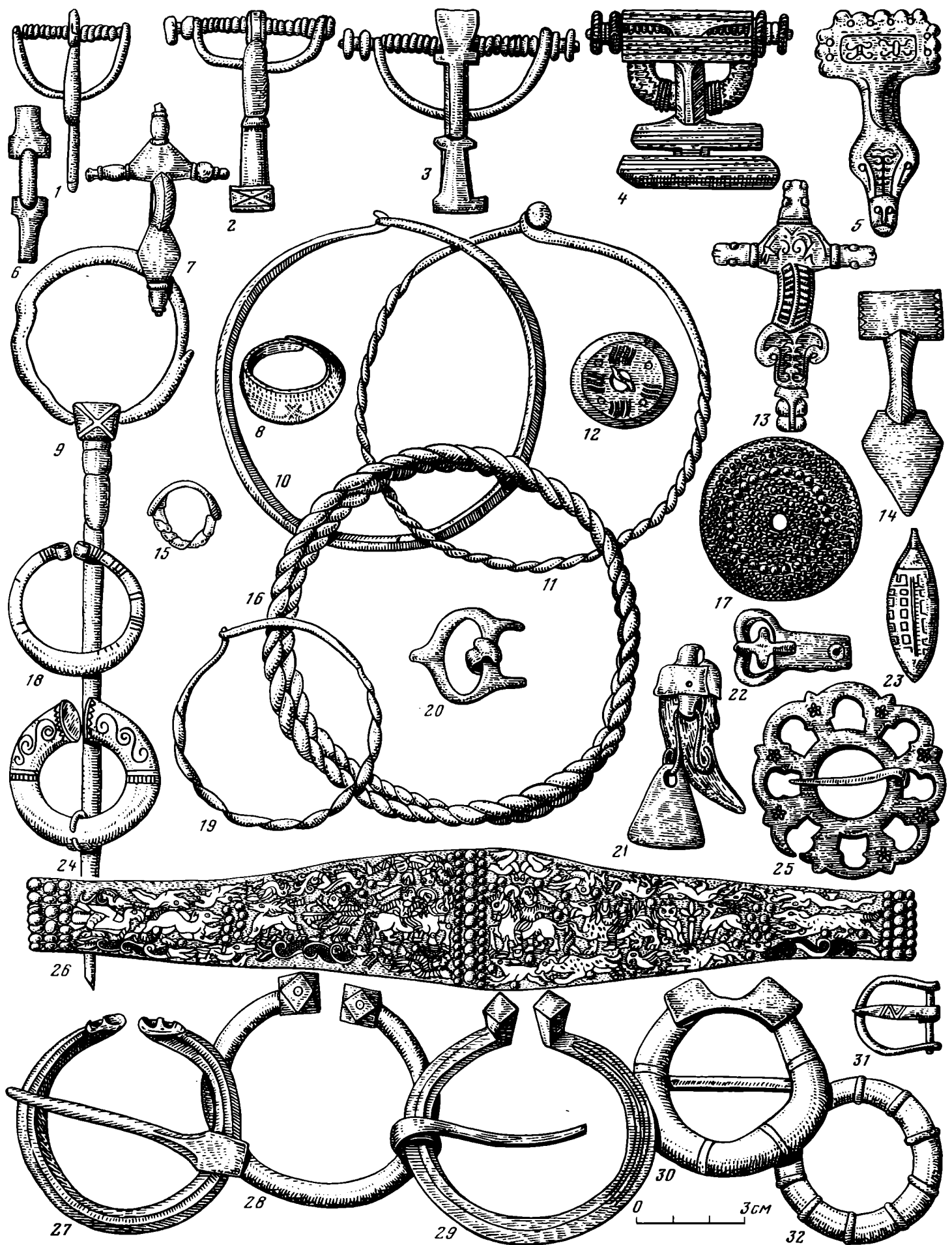

Таблица СХХІХ. Предметы и украшения пруссов.

Таблица СХХХ. Предметы вооружения пруссов.

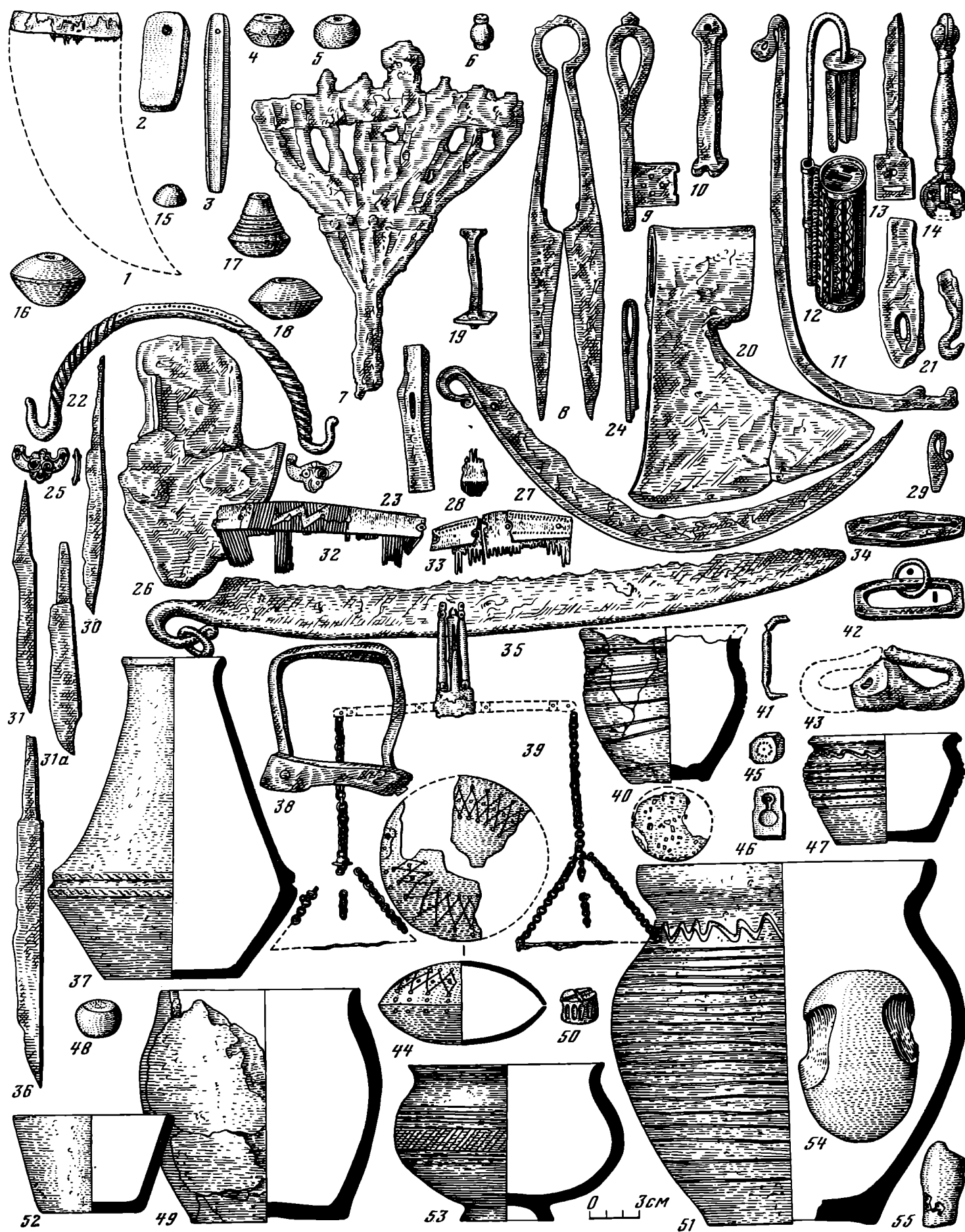

Таблица СXXXI. Бытовые предметы пруссов.

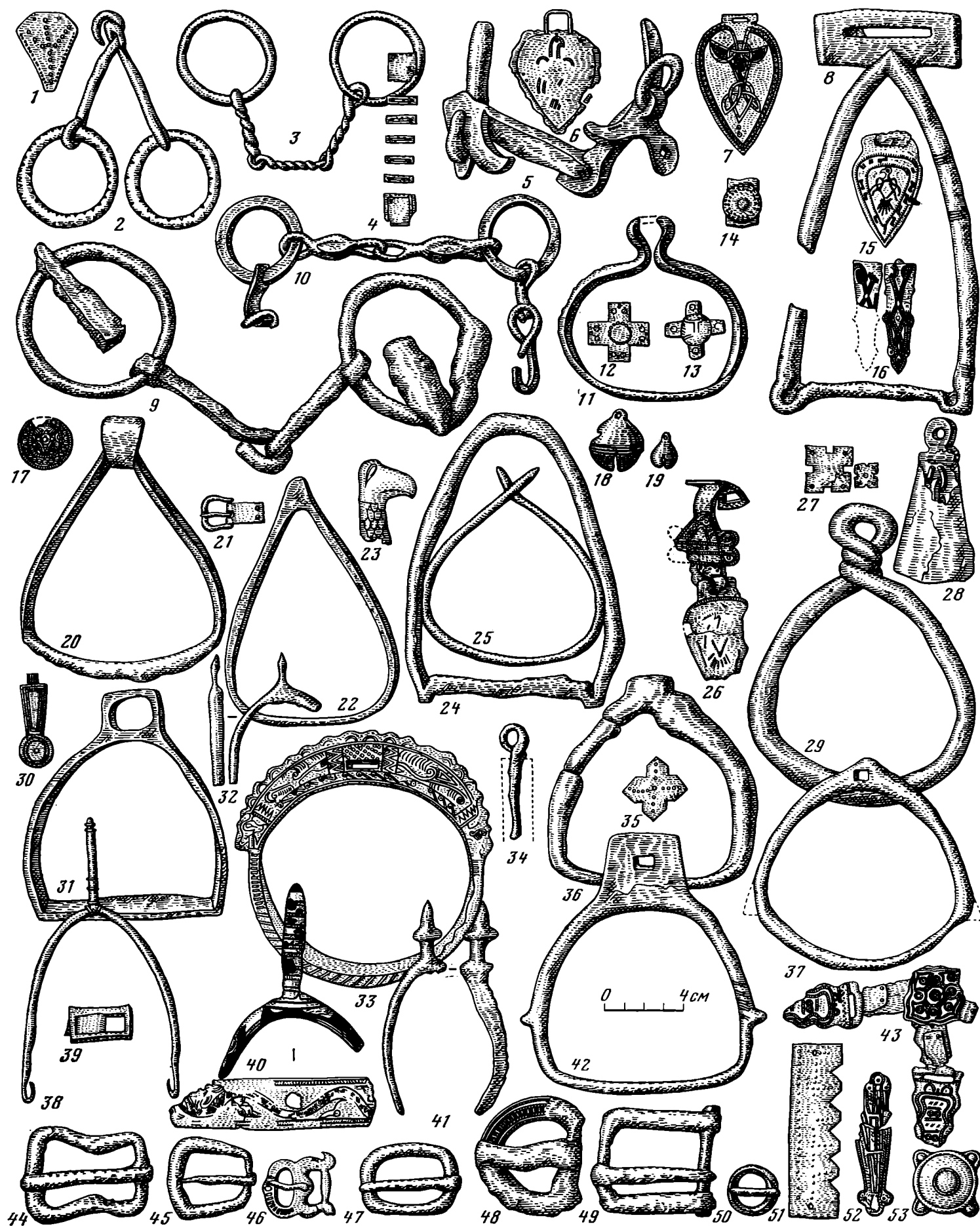

Таблица CXXXII. Конское снаряжение пруссов.

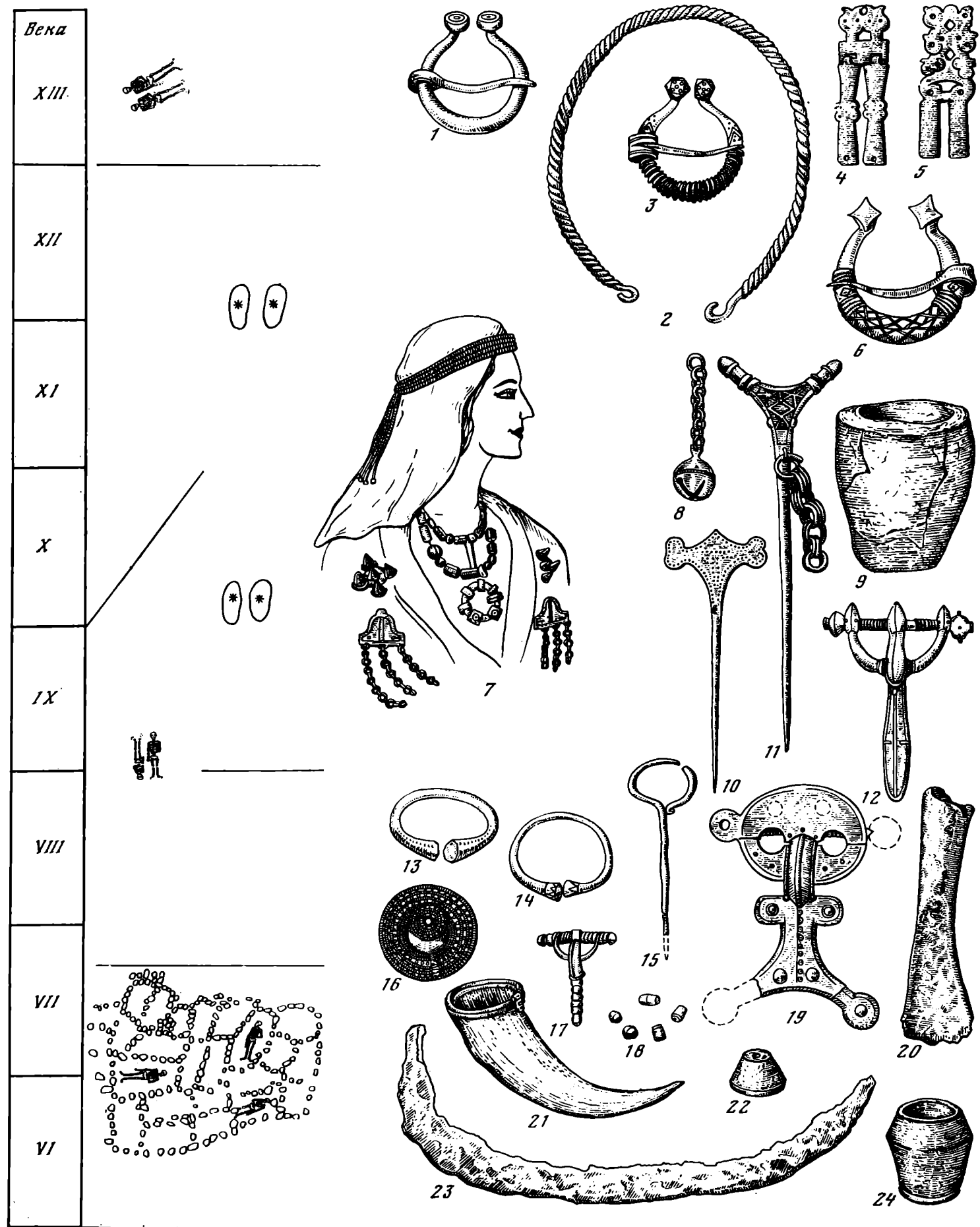

Таблица СXXXIII. Древности куршей. Эволюция.

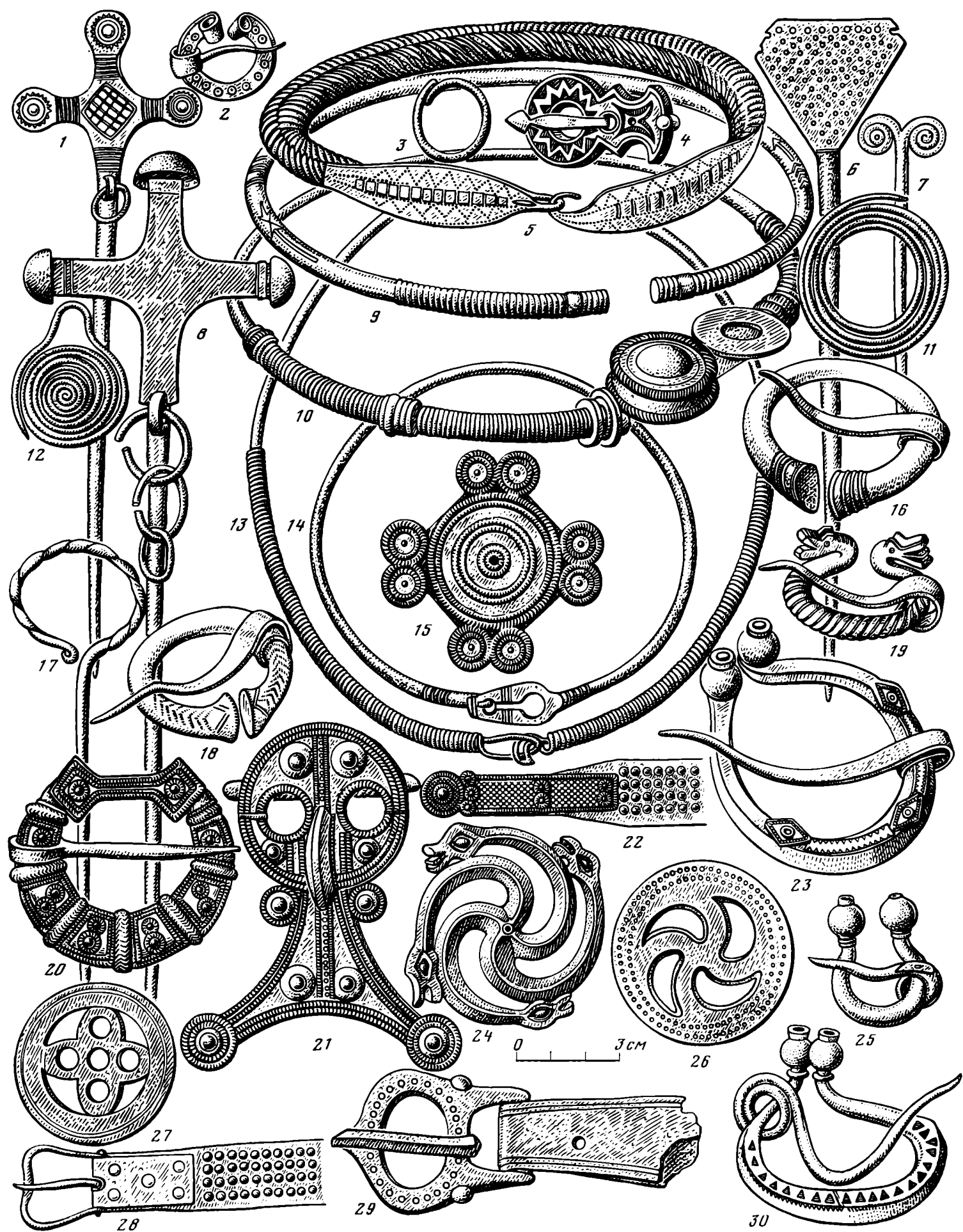

Таблица CXXXIV. Украшения куршей.

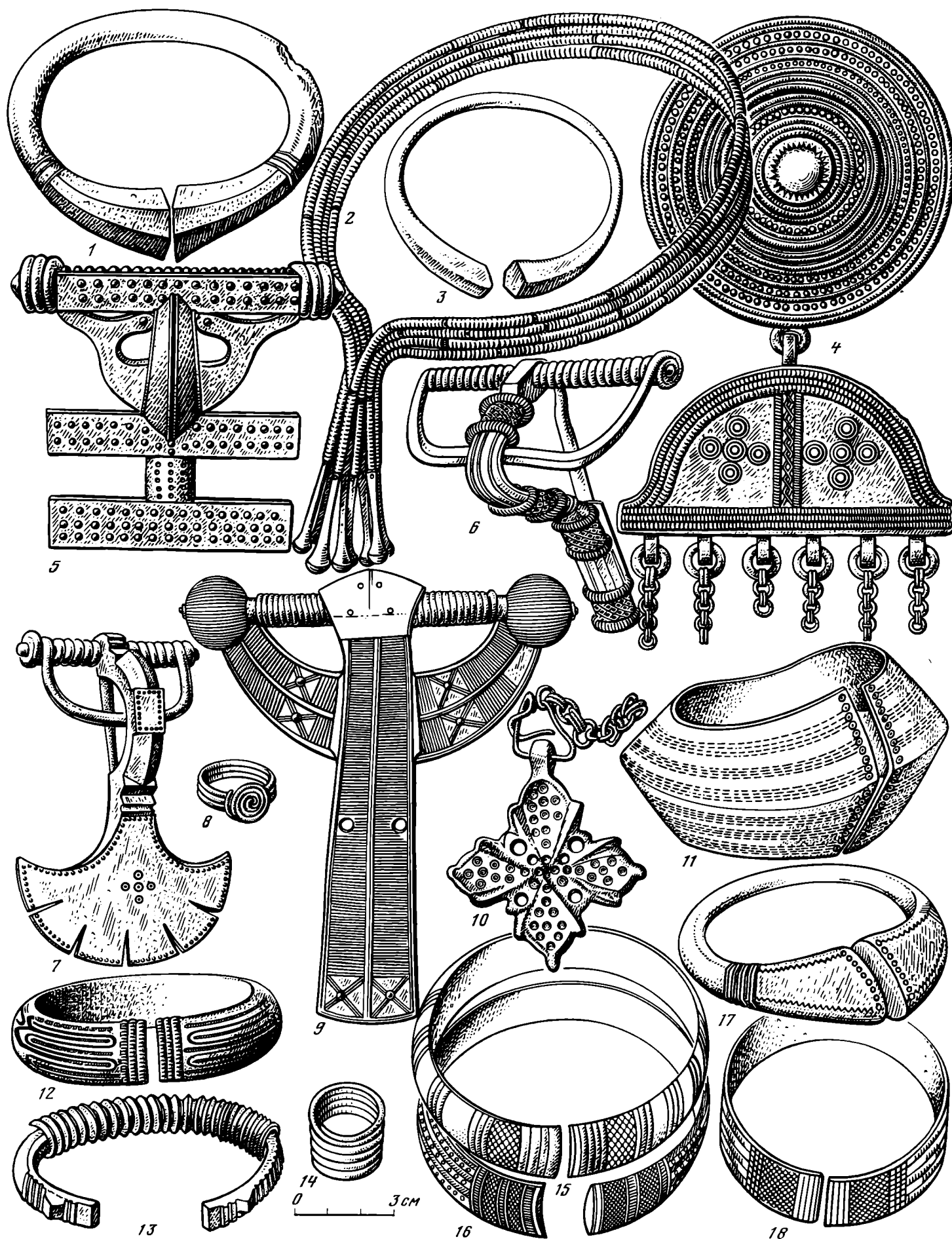

Таблица СXXXV. Украшения куршей.

Таблица СХХХVI. Древности скалвов.

Таблица СXXXVII. Древности литвягов.

Источники

- Аннинский С. А., 1940. Известия венгерских миссионеров XIII и XIV вв. о татарах в Восточной Европе.— Исторический архив. М.; Л., т. III.
- Генрих Латвийский, 1938. Хроника Ливонии. М.; Л.
- Житие Константина Муромского. 1860.— В кн.: Памятники старинной русской литературы. СПб., вып. I.
- Иордан, 1960. О происхождении и деянии гетов.— «Getica». М.
- Клавдий Птолемей, 1948. География.— Вестник древней истории, 2.
- Константин Багрянородный, 1982. Об управлении империей.— В кн.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М. Краткая сибирская летопись, 1880, СПб.
- Мезовский М., 1936. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л.
- Новгородская летопись, 1950.— Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.
- ПВЛ, I, 1950.— Повесть временных лет. М.; Л.
- Путешествие Абу Хамида, 1971.— Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153). М.
- Путешествие Платона Карпини и Рубрука, 1957.— Путешествие в восточные страны Платона Карпини и Рубрука. М.
- Слово о погребении..., 1965.— Слово о погребении Русских земель.— В кн.: Безунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII в. М.; Л.
- Adamus Bremensis, 1917.— Adamus Bremensis Gesta Hammaburgensis Ecclesiae pontificum.— In: Scriptores rerum Germanicarum. Hannoverae et Lipsiae.
- Anonimus.— Anonimus, Rerum Hungaricarum. Sangalli, 1849.
- Dusburg P., 1961. Petri de Dusburg. Chronica terrae Prussiae.— In: Scriptores rerum Prussiarum. Leipzig, t. 1.
- HCL — Heinrici Chronicon. Editio altera. Recognoverunt L. Arbusow et A. Bauer. Hannoverae, 1955.
- Livländische Reimchronik, 1876/Ed. L. Meyer Padeborn.
- Saxo Grammaticus, 1900. Die ersten neun Bücher der dänischen Geschichte. Berlin.
- Scriptores Svecicarum. Scriptores rerum Svecicarum medii aevi. Upsaliae, 1828, t. II.
- Senas Latvijas, 1937. Senās Latvijas vēstures avoti. 1–3. Rīgā.
- SRP, I — Scriptores Rerum Prussicarum, I. Leipzig, 1861.
- SRP, II — Scriptores Rerum Prussicarum, II. Leipzig, 1863.

Исследования и публикации

- Абрамович Д. И., Крылов Г. В., Николаев В. А., Терновский Д. Ф., 1963. Западно-Сибирская низменность: Очерк природы. М.
- Авдеев А. М., Богачев А. Ф., Жиганов М. Ф., Зеленева Ю. А., 1975. Раскопки в Горьковской области.— АО 1974 г. М.
- Авдеев А. М., Богачев А. Ф., Бояркин А. В., Жиганов М. Ф., Елисеев А. Г., Козакин В. П., 1976. Исследования в Горьковской области.— АО 1975 г. М.
- Авенариус Н. П., 1890. Дрогичин Надбужский и его древности.— МАР, вып. 4.
- Агеева Е. И., Максимова А. Г., 1959. Отчет Павлодарской экспедиции 1955 г.— ТИИАЭ АН Каз. ССР, т. 7.
- Акимов М. С., 1961. Некоторые итоги изучения антропологического состава древнего населения Прикамья.— ВАУ, вып. I.
- Акимов М. С., 1968. Антропология древнего населения Приуралья. М.
- Аксенов С. Н., Артемьева В. Д., Вихляев В. И., Сухарева В. М., Холин В. В. 1979. Работы в бассейне Мокши.— АО 1978 г. М.

- Алексеев В. П., 1969. Происхождение народов Восточной Европы. М.
- Алешковский М. Х., 1960. Курганы русских дружинников XI–XII вв.— СА, № 1.
- Алихова А. Е., 1948а. Перемчалкинский могильник.— В кн.: Археологический сборник. Саранск, вып. I.
- Алихова А. Е., 1948б. Старосотенский могильник.— В кн.: Археологический сборник. Саранск, вып. I.
- Алихова А. Е., 1949а. Могильник у колхоза «Красный Восток».— КСИИМК, вып. XXIX.
- Алихова А. Е., 1949б. Мордва и мурома.— КСИИМК, вып. XXX.
- Алихова А. Е., 1949в. Мордовские могильники X–XIV вв.— КСИИМК, вып. XXV.
- Алихова А. Е., 1954. Муранский могильник и селище.— МИА, 42.
- Алихова А. Е., 1958. Некоторые хронологические и племенные отличия в культуре мордвы конца I и начала II тысячелетия н. э.— СА, № 2.
- Алихова А. Е., 1959а. Из истории мордвы конца I — начала II тысячелетия н. э.— В кн.: Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск.
- Алихова А. Е., 1959б. Некоторые древние городища Мордовской АССР.— В кн.: Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск.
- Алихова А. Е., 1959в. Серповский могильник.— В кн.: Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск.
- Алихова А. Е., 1965а. Некоторые замечания по поводу сообщения М. Р. Полесских.— В кн.: Этногенез мордовского народа. Саранск.
- Алихова А. Е., 1965б. Расселение мордовского народа по данным археологии.— В кн.: Этногенез мордовского народа. Саранск.
- Алихова А. Е., 1965в. Распад первобытнообщинных отношений и становление средневековых отношений у мордвы.— В кн.: Этногенез мордовского народа. Саранск.
- Алихова А. Е., 1973. Мавзолей города Мокши—Наровчата.— СА, № 2.
- Амброз А. К., 1971а. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. I.— СА, № 2.
- Амброз А. К., 1971б. Проблема раннефеодальной хронологии Восточной Европы, II.— СА, № 3.
- Анастасьев А. М., 1876. О раскопках курганов Коломенского уезда.— ИОЛЕАЭ, т. XX, М.
- Андреева Е. Г., 1977. Фауна поселения Крутик по костным остаткам из раскопок Белозерской экспедиции.— В кн.: Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический, т. 82(5).
- Антейн А. К., 1961. Структура, свойства и технология производства железных и стальных изделий Асотского городища.— В кн.: Шноре Э. Д. Асотское городище. Рига.
- Антейн А. К., 1973. Дамасская сталь в странах бассейна Балтийского моря. Рига.
- Антоневич Е., 1957. К археологическому изучению древнего населения Прибалтики.— Изв. АН ЭССР. Обществ. науки, 2.
- Анучин Д. Н., 1899. К истории искусства и верований у приуральской чуди.— МАВГР. М., т. III.
- Анциутис К. Я., Янсон А. Я., 1962. Некоторые вопросы этнической истории древних селов.— СЭ, № 6.
- Аристе П., 1947. Происхождение водского языка.— Учен. зап. Тартуского ун-та. Филологич. науки, № 4.
- Аристе П. А., 1956. Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития.— В кн.: Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин.
- Аристе П. А., 1958. Ливы и ливский язык.— Изв. АН ЛатвССР, II.

- Аристе П. А., 1975. Вопрос балтийских заимствований. — В кн.: Вопросы финно-угроведения. VI. Саранск.
- Арсланова Ф. Х., 1963. Бобровский могильник. — ИАН КазССР, сер. ист., арх., этп., вып. 4. Алма-Ата.
- Арсланова Ф. Х., 1968. Памятники Павлодарского Припиртышья (VII—XII вв.). — В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата.
- Арсланова Ф. Х., 1980. Керамика раннесредневековых курганов Казахстана Припиртышья. — В кн.: Средневековые древности евразийских степей. М.
- Артамонов М. И., 1958. Саркел — Белая Вежа. — МИА, 62.
- Артамонов М. И., 1962. История хазар. Л.
- Археологическая карта Казахстана. 1960. Алма-Ата.
- Археологический сборник. 1948. Археологический сборник под ред. Ю. В. Готье. Саранск.
- Архипов Г. А., 1962а. Городища первой половины I тысячелетия н. э. в Марийской АССР. — В кн.: Тр. Марийской археологической экспедиции. т. II. Йошкар-Ола.
- Архипов Г. А., 1962б. Ижевское городище. — Тр. Мар. НИИ, вып. XVII. Йошкар-Ола.
- Архипов Г. А., 1964. Дубовский могильник. — Тр. Мар. НИИ, вып. XIX. Йошкар-Ола.
- Архипов Г. А., 1967. Происхождение марийского народа по археологическим данным. — В кн.: Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола.
- Архипов Г. А., 1968. К вопросу об этногенезе марийцев. — КСИА, вып. 113.
- Архипов Г. А., 1970. Раскопки на Уржумкинском комплексе. — АО 1969 г. М.
- Архипов Г. А., 1973. Марийцы IX—X вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола.
- Архипов Г. А., 1976а. Марийский край в памятниках археологии. Йошкар-Ола.
- Архипов Г. А., 1976б. К вопросу о городцеко-азелинских контактах в связи с проблемой происхождения марийцев. — В кн.: Археология и этнография марийского края, вып. I. Йошкар-Ола.
- Архипов Г. А., 1977. Починковский могильник. — В кн.: Древности Волго-Камья. Казань.
- Архипов Г. А., 1978. Земледелие и животноводство древних марийцев. — В кн.: Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья: Докладный период. Йошкар-Ола.
- Архипов Г. А., 1979а. Работы Марийской экспедиции. — АО 1978 г. М.
- Архипов Г. А., 1979б. Археологические свидетельства о ремесле древних марийцев. — В кн.: Из истории хозяйства населения Марийского края. — АЭМК, вып. 4, Йошкар-Ола.
- Архипов Г. А., 1980. Работы Марийской экспедиции на р. Унге. — АО 1979 г. М.
- Архипов Г. А., 1982а. Городища и селища Поветлужья и Горьковского Заволжья (к истории марийско-славянских контактов). — В кн.: Поселения и жилища Марийского края. — АЭМК, вып. 6. Йошкар-Ола.
- Архипов Г. А., 1982б. Марийско-удмуртские этнокультурные связи (к вопросу об азелинском компоненте в марийском и удмуртском этносе). — В кн.: Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск.
- Архипов Г. А., 1983. Раскопки Дубовского могильника. — АО 1981 г. М.
- Архипов Г. А., 1984. Дубовский могильник. — В кн.: Новые памятники археологии Волго-Камья. Йошкар-Ола.
- Архипов Г. А., Вайнер И. С., Казовский В. Ф., Краснов Ю. А., Никитина Г. Ф., Патрушев В. С., Цветкова И. К., 1972. Работа Чебоксарской экспедиции. — АО 1971 г. М.
- Архипов Г. А., Воронина Р. Ф., Казовский В. Ф., Краснов Ю. А., Патрушев В. С., Цветкова И. К., Черников В. Ф., 1971. Работа Чебоксарской экспедиции. — АО 1970 г. М.
- Архипов Г. А., Никитина В. В., 1973. Уржумский археологический комплекс. — АО 1972 г. М.
- Архипов Г. А., Никитин В. В., 1981. Археологические исследования в 1976—1980 гг. (экспедиция Марийского НИИ и ун-та). — В кн.: Материальная и духовная культура марийцев. — АЭМК, вып. 5. Йошкар-Ола.
- Архипов Г. А., Патрушев В. С., 1976а. Ардинское городище. — АО 1975 г. М.
- Архипов Г. А., Патрушев В. С., 1976б. Археологические исследования в Марийской АССР в 1969—1975 гг. — В кн.: Древние и современные этнокультурные процессы в Марийском крае. — АЭМК, вып. I. Йошкар-Ола.
- Архипов Г. А., Патрушев В. С., Халиков А. Х., Членова Н. А., 1969. Исследования Ахмыловского комплекса. — АО 1968 г. М.
- Архипов Г. А., Патрушев В. С., Халиков А. Х., 1971. Марийская археологическая экспедиция в 1966—1968 гг. — В кн.: Новые страницы в истории Марийского края. — Тр. МарНИИ, вып. 23. Йошкар-Ола.
- Арциковский А. В., Борковский В. И., 1963. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М.
- Атгазис М. К., 1980. Вопросы этнической истории земгалов. — В кн.: Из древнейшей истории балтских народов по данным археологии и антропологии. Рига.
- Ауль Ю. М., 1964. Антропологические исследования водни и пжорцев на западе Ленинградской области. — Учен. зап. Тартуского ун-та, вып. 155. Тарту.
- Аун М., 1970. Раскопки городища и поселения Унипиша. — АО 1969 г. М.
- Аун М., 1972. Раскопки городища «Ложь Калевипозга». — АО 1971 г. М.
- Аун М., 1974. Об исследовании городища «Ложь Калевипозга» в Алатскиви. — Изв. АН ЭССР, Обществ. науки. 1.
- Аун М., 1975. Селище Кививаре в Валгаском районе. — Изв. АН Эст. ССР, Обществ. науки. 1.
- Атмеров Р. Б., 1955. Могильник близ Стерлитамака. — СА, XXII.
- Бадер О. Н., 1951а. Городища Ветлуги и Унжи. — МИА, 22.
- Бадер О. Н., 1951б. Древнее Поветлужье в связи с вопросами этногенеза мари и ранней истории Поветлужья. — СЭ, № 2.
- Бадер О. Н., 1953. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции. — Учен. зап. Пермского гос. ун-та. т. IX, вып. 3. Харьков.
- Бадер О. Н., 1954. Жертвенное место под Писаным камнем на р. Вишерс. — СА, XXI.
- Бадер О. Н., 1972. О древнейших финно-уграх на Урале и левых финнах между Уралом и Балтикой. — В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М.
- Бадер О. Н., Оборин В. А., 1958. На заре истории Прикамья. Пермь.
- Балашин М. П., 1911. Казенные лесные дачи Тарского уезда Тобольской губернии: Материалы к изучению колонизационных районов Азиатской России. Под ред. проф. К. Д. Глинка. СПб.
- Баллод Ф. В., 1910. Некоторые материалы по истории латышского племени с IX по XIII столетие. — Записки Московского археологического института. 8. М.
- Баллод Ф. В., 1911. Отчет о командировке в Прибалтийский край летом 1909 г. (Беверинские раскопки). — Тр. Московского предварительного комитета по устройству XV АС. М.
- Банк А. В., 1938. Серебряная братина XII—XIII вв. — В кн.: Памятники эпохи Руставели. Л.
- Банк А. В., 1959. Крышка серебряного сосуда из Ямало-Ненецкого округа. — СЭ, № 15.
- Барсов Н. П., 1885. Очерки русской исторической географии. Варшава.
- Баргенов В., 1895. Погребальные обычаи обдорских остяков. — Живая старина, вып. III—IV.
- Басандайка, 1947. Томск.
- Бахрушин С. В., 1927. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М.
- Бахрушин С. В., 1935. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв. Л.
- Башенькин А. Н., 1982. Работы в бассейне Шексны. — АО 1981 г. М.
- Башенькин А. Н., 1984. Исследования в бассейне Шексны. — АО 1982 г. М.
- Башенькин А. Н., 1985. Исследования в юго-западном Белозерье. — АО 1983 г. М.
- Беликова О. Б., 1983. Раскопки Змеинкинского могильника на Чулымс. — АО 1981 г. М.
- Беликова О. Б., Плещева Л. М., 1983. Памятники Томского Приобья V—VIII вв. н. э. Томск.
- Беркутов Л. А., 1913. Городище Кладовая Веретья. — Изв. Сарапульского земского музея, вып. 3. Сарапул.
- Беркутов Л. А., 1914. Разведки и раскопки, произведенные Беркутовым по поручению Сарапульского земского музея в 1910, 1912, 1913 гг. — Изв. Сарапульского земского музея, вып. 4. М.
- Берс А. А., 1930. Прошлое Урала. М.

- Берс Е. М., 1948. Никито-Ивдельские находки.— В кн.: Первое Уральское археологическое совещание. Молотов, 1948.
- Берс Е. М., 1951. Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей.— МИА, 21.
- Берс Е. М., 1958. Некоторые данные о древнейшей истории Среднего Зауралья.— В кн.: Вопросы истории Урала. Свердловск.
- Берс Е. М., 1959. Каталог археологических коллекций Свердловского краеведческого музея. Свердловск.
- Берс Е. М., 1963. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск.
- Бируля И. В., 1966. Каменные курганы правобережья Западного Буга.— В кн.: Древности Белоруссии: Материалы конференции по археологии Белоруссии и смежных территорий (1966 г.). Минск.
- Бируля И. В., 1970. Курганы у д. Ратайчицы.— В кн.: Древние славяне и их соседи. М.
- Бобров В. В., 1982. Керамика поселения Смирновский Ручей I.— В кн.: Проблемы археологии и этнографии Сибири: Тезисы докладов к региональной конференции 7–9 апреля 1982 г. Иркутск.
- Боброва А. И., 1981. Работы Среднеобского отряда.— АО 1980 г. М.
- Боброва А. И., 1982. О хронологии художественных бронз Тискинского могильника.— В кн.: Археология и этнография Приобья. Томск.
- Богатов И. П., 1947. Город Муром в VIII–XVI вв. Муром.
- Богатов И. П., 1959. О времени возникновения Муромы.— СА, № 3.
- Богоявленский С. К., 1900. Раскопки в Лифляндской и Курляндской губ. 1896 г.— Тр. Х АС, III. М.
- Борисов В. Л., 1903. Отчет о раскопках.— ОАК за 1900 г.
- Бортунов Н. Н., 1949. Находка на горе Азов на Урале.— КСИИМК, вып. XXV.
- Бранденбург Н. Е., 1895. Курганы южного Приладожья.— МАР, № 18. СПб.
- Бранденбург Н. Е., 1902. Древности неизвестной народности.— В кн.: Путеводитель по С.-Петербургскому артиллерийскому музею: Отдел доисторический. СПб.
- Браун Ф., 1879. Черноморье. I. Одесса.
- Брицкая Э. П., 1959. Городище Тервете и его историческое значение.— В кн.: Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М.
- Брук С. И., 1981. Население мира: Этнодемографический справочник. М.
- Брыкина Н. А., Кочуркина С. И., Сазонова О. И., 1972. Исследования в Приладожье.— АО 1971 г. М.
- Брыкина Н. А., Кочуркина С. И., Сазонова О. И., 1973. Тиверск.— АО 1972 г. М.
- Брюсов А. Я., 1969. Финское погребение X–XI вв. в дер. Погостище Кирилловского района Вологодской области.— КСИА, вып. 120.
- Бубрих Д. В., 1947. Происхождение карельского народа. Петрозаводск.
- Бубрих Д. В., 1948. Историческая фонетика финского-суоми языка.— Советское финно-угроведение, VIII. Петрозаводск.
- Бубрих Д. В., 1949. О древней прибалтийско-финской речи.— Изв. Карело-финской научно-исследовательской базы АН СССР, 1.
- Бубрих Д. В., 1971. Русское государство и формирование карельского народа.— В кн.: Прибалтийско-финское языкознание, вып. 5. Л.
- Булычев Н. И., 1899. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М.
- Буров Г. М., 1959а. Археологические памятники эпохи камня и раннего железа: Памятники бассейна р. Вычегды.— В кн.: Памятники культуры Коми АССР. Сыктывкар.
- Буров Г. М., 1959б. Двуслойная стоянка в урочище Кузьюмы на верхней Вычегде.— Изв. Коми филиала ВГО, 5. Сыктывкар.
- Буров Г. М., 1960а. Из результатов археологических разведок 1957 г. на верхней Вычегде.— В кн.: Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР, вып. 5. Сыктывкар.
- Буров Г. М., 1960б. Стоянки у с. Вольдино и эпоха раннего металла на верхней Вычегде.— Тр. Коми филиала АН СССР, вып. 9. Сыктывкар.
- Буров Г. М., 1961. Основные итоги и проблемы изучения археологии Вычегодского края.— ВАУ, вып. 1. Свердловск.
- Буров Г. М., 1962а. Долговременные поселения на р. Вис (бассейн р. Вычегды).— МАЕСВ, вып. 1.
- Буров Г. М., 1962б. Раскопки в бассейне р. Вычегды.— ВАУ, вып. 2. Свердловск.
- Буров Г. М., 1963а. Вычегодский край в каменном, бронзовом и железном веках.— Автореф. канд. дисс. Сыктывкар.
- Буров Г. М., 1963б. Новые данные о могильниках XII–XIV вв. у с. Гам на нижней Вычегде.— В кн.: Историко-филологический сборник, вып. 8. Сыктывкар.
- Буров Г. М., 1965. Вычегодский край: Очерки древней истории. М.
- Буров Г. М., 1966. Археологические находки в старичных торфяниках бассейна р. Вычегды.— СА, № 1.
- Буров Г. М., 1967. Древний Синдор. М.
- Буров Г. М., 1968а. В гостях у далеких предков. Сыктывкар.
- Буров Г. М., 1968б. Результаты раскопок Висских торфяников в 1963–1964 гг.— Учен. зап. Пермского гос. ун-та. 191. Пермь.
- Буров Г. М., 1971. Археологические памятники Вычегодской долины. Сыктывкар.
- Буров Г. М., 1975. К вопросу о происхождении коми.— СА, № 4.
- Буров Г. М., 1983. Луки и деревянные стрелы V–VI вв. н. э. с поселения Вис II в Привычегодье.— КСИА, вып. 175.
- Буров Г. М., Серебренников Б. А., 1965. Некоторые вопросы этногенеза коми в свете археологических данных.— В кн.: Этногенез мордовского народа. Саранск.
- Вага В. Я., 1980. Памятники архитектуры Эстонии. Л.
- Вайнер И. С., Воронина Р. Ф., Казовский В. Ф., Краснов Ю. А., Цветкова И. К., 1973. Работы Чебоксарской экспедиции.— АО 1972 г. М.
- Вайнштейн С. И., 1961. Тувинцы-тоджинцы. М.
- Вайнштейн С. И., 1966. Памятники второй половины I тысячелетия н. э. в Западной Туве.— ТТКАЭ, т. 2. Л.
- Валатка В., 1966. Раскопки могильника в Мауджорай (Кялмеский р-н) в 1964 г.— В кн.: Материалы к отчетной конференции археологических и этнографических экспедиций 1964–1965 гг. Вильнюс.
- Ванагас А. П., 1968. К вопросу о диалектной дифференциации балтов, обитавших на территории Литвы (по данным гидронимии).— Тр. АН ЛитССР, сер. А, 1(26).
- Ванагас А. П., 1976. К вопросу о ятвяжских реликтах в Литве.— Acta Baltico-Slavica, 9. Bialystok.
- Ванкина Л. В., Граудонис Я. Я., Шноре Э. Д., 1964. Археологические данные по этногенезу Латвии. Л.
- Васильев В. И., 1979. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М.
- Васильев В. И., Могильников В. А., 1981. Основные проблемы этнической ретроспекции исторического прошлого Западной Сибири эпохи железа.— В кн.: Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск.
- Васильев Е. А., 1983. Исследования в Нижнем Приобье.— АО 1981 г. М.
- Васильев Ю. С., 1971. Об историко-географическом понятии «Заволочье».— В кн.: Проблемы истории феодальной России. Л.
- Вассар А. К., 1956. К изучению племен I–IV вв. в западной и юго-западной Эстонии.— В кн.: Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин.
- Верещагин А. С., 1905. Сказания русских летописцев о Вятке.— Тр. Вятской ученой архивной комиссии за 1905 г., вып. 1. Вятка.
- Вестберг Ф., 1908. К анализу восточных источников о Восточной Европе.— ЖМНП. XIV.
- Викторова В. Д., 1962а. Археологические исследования на реках Реж и Ница.— ВАУ, вып. 2. Свердловск.
- Викторова В. Д., 1962б. Могильник и поселение у д. Мыс на р. Нице.— ВАУ, вып. 4. Свердловск.
- Викторова В. Д., 1964. Курганы у с. Макушино на р. Нице.— АЭБ, т. II.
- Викторова В. Д., 1968. Памятники лесного Зауралья X–XIII вв. н. э.— Учен. зап. ПГУ, № 191. Тр. Камской археологической экспедиции, вып. IV. Пермь.
- Викторова В. Д., 1969. Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья: Автореф. канд. дис. Свердловск.
- Викторова В. Д., 1970. Этапы развития фигурно-штампованной орнаментации на сосудах памятников бассейна р. Тавды.— ПХКПАПЭС.

- Викторова В. Д., 1973. Ликинский могильник X–XIII вв. – ВАУ, вып. 12. Свердловск.
- Викторова В. Д., Генинг В. Ф., Стоянов В. Е., 1964. Археологическая экспедиция Уральского университета. – АЭБ, т. II.
- Вилсоне М. Р., 1952. Археологические раскопки в г. Риге. – КСИИМК, вып. XLII.
- Вилсоне М. Р., 1960. Археологические раскопки в Риге в 1959 г. – В кн.: Тезисы докладов на сессии, посвященной итогам археологических и этнографических экспедиций 1959 г. Рига.
- Вилсоне М. Р., 1963. Археологические раскопки в Риге на площади Альберта в 1962 г. – Тезисы докладов на научной отчетной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических экспедиций 1962 г. Рига.
- Вилсоне М. Р., 1964. Археологические раскопки в Риге в 1963 г. – В кн.: Тезисы докладов на научной отчетной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических экспедиций 1963 г. Рига.
- Вилсоне М., 1967. Начальный период истории Риги. – В кн.: Рига: Очерки по истории города. Рига.
- Вилсонский М., Павеле Т., 1961. Археологические раскопки в Риге в 1960 г. – В кн.: Тезисы докладов на сессии, посвященной итогам археологических и этнографических экспедиций 1960 г. Рига.
- Вильчинский П. С., 1850. Археологические поиски в Лпте. – Записки С.-Петербургского археолого-этнографического общества, т. II. СПб.
- Визляев В. И., 1979. О генезисе культуры южмордовских племен. – В кн.: Археологические памятники мордвы I тысячелетия н. э. Саранск.
- Визляев В. И., 1980. Исследования в Примокшанье. – АО 1979 г. М.
- Визляев В. И., 1981. Древние поселения Примокшанья. – АО 1980 г. М.
- Визляев В. И., Мартынов В. Н., 1978. Рец. на книгу: Жиганов М. Ф. Память веков. Саранск, 1976. – СА, № 2.
- Визляев В. И., Халин В. В., 1977. Жуковское городище. – АО 1976 г. М.
- Визляев В. И., Халин В. В., 1978. Раскопки Второго Жуковского городища. – АО 1977 г. М.
- Владыкин В. Е., 1970. К вопросу об этнических группах удмуртов. – СЭ, № 3.
- Волкайте-Куликаускас Р., 1970. К этническому вопросу о грунтовых могильниках I – начала II тысячелетия, расположенных у Литовского взморья. – In: Studia archaeologica in memoria Hagri Mooga. Tallinn.
- Волкайте-Куликаускас Р., 1981. К вопросу о локализации аукштайтов в центральной части Литвы. – В кн.: Проблемы этногенеза и этнической истории балтов: Тезисы докладов. Вильнюс.
- Вольтер Э. А., 1908. К вопросу о ятвягах. – В кн.: Ежегодник Русского археологического общества при С.-Петербургском университете, 2. СПб.
- Вольтер Э. А., 1912. Следы древних пруссов и их языка в Гродненской губернии. – Изв. Отделения русского языка и словесности АН, XVI, 4. СПб.
- Воронин Н. Н., 1941. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. – МИА, 6.
- Воронин Н. Н., 1947. Муромская экспедиция. – КСИИМК, вып. XXI.
- Воронина Р. Ф., 1969. Раскопки Крюково-Кужновского могильника. – АО 1968 г. М.
- Воронина Р. Ф., 1970. Раскопки Крюково-Кужновского могильника. – АО 1969 г. М.
- Воронина Р. Ф., 1971. О погребальном обряде Крюково-Кужновского могильника. – КСИА, вып. 128.
- Воронина Р. Ф., 1973. Женский головной убор среднецентральной мордвы. – КСИА, вып. 136.
- Воронина Р. Ф., 1974. О некоторых деталях одежды среднецентральной мордвы VIII–XI вв. – КСИА, вып. 140.
- Воронина Р. Ф., Колышницкая О. М., 1972. Раскопки Ивановского могильника. – АО 1971 г. М.
- Габрюнайте К., 1965. Локальные подражания раннесредневековым племенам русского типа в Литве. – Acta Baltico-Slavica, 2. Bialystok.
- Гаврилова А. А., 1965. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.
- Гадзяцкий С. С., 1940. Вотская и Ижорская земли Новгородского государства. – Исторические записки, 6. М.
- Гадзяцкий С. С., 1941. Карелия и карелы в новгородское время. Петрозаводск.
- Гебауэр Ф. Ю., 1887. Заметки о Кашипском Чудском городище. – ЗУОЛЕ, т. XI, вып. I–II.
- Генинг В. Ф., 1953. Бродовский могильник. – КСИИМК, вып. 52.
- Генинг В. Ф., 1954а. Наскальные изображения Писаного камня на р. Вишере. – СА, XXI.
- Генинг В. Ф., 1954б. Новый могильник позднепереломовского времени. – КСИИМК, вып. 55.
- Генинг В. Ф., 1955. Памятники харинского времени в Прикамье. – КСИИМК, вып. 57.
- Генинг В. Ф., 1958. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск.
- Генинг В. Ф., 1959. Очерки этнических культур Прикамья в эпоху железа. – Тр. Каз. филиала АН СССР. Сер. гуманитар. наук, вып. 2. Казань.
- Генинг В. Ф., 1961. Проблемы изучения железного века Урала. – ВАУ, вып. 1. Свердловск.
- Генинг В. Ф., 1962. Мыдлань-шай – удмуртский могильник VIII–IX вв. – ВАУ, вып. 3. Свердловск.
- Генинг В. Ф., 1964. Деменковский могильник ломоватовской культуры. – ВАУ, вып. 6. Свердловск.
- Генинг В. Ф., 1967а. Мазунинская культура в Среднем Прикамье. – ВАУ, вып. 7. Ижевск.
- Генинг В. Ф., 1967б. Некоторые проблемы этнической истории марийского народа (о мерянской этнической общности). – В кн.: Происхождение марийского народа: Материалы научной сессии. Йошкар-Ола.
- Генинг В. Ф., 1967в. Этногенез удмуртов по данным археологии. – В кн.: Вопросы финно-угорского языкознания, вып. IV. Ижевск.
- Генинг В. Ф., 1972. Южное Приуралье в III–VII вв. н. э. – В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М.
- Генинг В. Ф., 1974. Исследования Уральской археологической экспедиции в 1970 г. – ИИС, вып. 15.
- Генинг В. Ф., 1976. Этногенез удмуртов по данным археологии. – Вопросы финно-угорского языкознания, вып. IV. Ижевск.
- Генинг В. Ф., 1977. Проблема происхождения венгров. – СА, № 1.
- Генинг В. Ф., 1979а. Могильник чепецкой культуры в дер. Вельякар (IX–XII вв.). – В кн.: Северные удмурты в начале II тысячелетия н. э. Ижевск.
- Генинг В. Ф., 1979б. Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н. э. (По материалам могильников Прикамья). – КСИА, вып. 158.
- Генинг В. Ф., 1980. Заселение и этническая принадлежность населения Чепцы в I тысячелетии н. э.: (По материалам Варнинского могильника). – В кн.: Новый памятник половецкой культуры. Ижевск.
- Генинг В. Ф., Голдина Р. Д., 1967. Поселение Большой Лог у г. Омска. – В кн.: V Уральское археологическое совещание: (Тез. докладов и сообщений). Сыктывкар.
- Генинг В. Ф., Голдина Р. Д., 1969. Позднеломоватовские памятники в Коми-Пермяцком национальном округе. – ВАУ, вып. 9. Свердловск.
- Генинг В. Ф., Голдина Р. Д., 1973. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье. – ВАУ, вып. 12. Свердловск.
- Генинг В. Ф., Евдокимов В. В., 1969. Логиновское городище. – ВАУ, вып. 8. Свердловск.
- Генинг В. Ф., Корякова Л. Н., Овчинникова Б. Б., Федорова Н. В., 1970. Памятники железного века в Омском Прииртышье. – ПХКПАПЗС.
- Генинг В. Ф., Оборин В. А., 1960. К вопросу о гляденовской культуре. – Учен. зап. ПГУ, т. XII, вып. 1. Пермь.
- Генинг В. Ф., Овчинникова Б. Б., 1969. Пахомовский могильник. – ВАУ, вып. 9. Свердловск.
- Генинг В. Ф., Стоянов В. Е., 1961. Итоги археологического изучения Удмуртии. – ВАУ, вып. 1. Свердловск.
- Герасимов А. А., 1931. К вопросу о национальности летописной «муромы». – Изв. Нижневолжского института краеведения им. М. Горького, т. IV. Саратов.
- Герасимова Л. В., 1982. Бусы перми вычегодской. – В кн.: Проблемы этногенетических исследований Европейского Северо-Востока. Пермь.
- Глазов В. П., 1977. О курганах Костромского Поволжья. – КСИА, вып. 150.

- Голдина Р. Д., 1968. К вопросу о своеобразии неволинских памятников бассейна р. Сылвы.— Учен. зап. Пермского гос. ун-та, вып. 191. Пермь.
- Голдина Р. Д., 1969а. Городище Кучум-Гора.— ВАУ, вып. 8. Свердловск.
- Голдина Р. Д., 1969б. Могильники VII—IX вв. на верхней Каме.— ВАУ, вып. 9. Свердловск.
- Голдина Р. Д., 1969 в. Раскопки Невелинского могильника в Прикамье.— АО 1968 г. М.
- Голдина Р. Д., 1979. Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье.— КСИА, вып. 158.
- Голдина Р. Д., Кананин В. А., 1976. Работы в Афанасьевском районе Кировской области.— АО 1975 г. М.
- Голдина Р. Д., Королев О. П., Макаров Л. Д., 1980. Агафоновский I могильник — памятник ломоватовской культуры на севере Пермской области.— В кн.: Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. Ижевск.
- Голдина Р. Д., Прокопов А. В., 1970. Исследования Агафоновского могильника на верхней Каме.— АО 1969 г. М.
- Головачев И. М., 1906. Очерк заселения Сибири в XVI и XVII столетиях. СПб.
- Голубева Л. А., 1961. Могильник X—середины XI в. на Белом озере.— СА, № 1.
- Голубева Л. А., 1962. Археологические памятники веси на Белом озере.— СА, № 3.
- Голубева Л. А., 1964а. Белозерская весь и ее западные соседи в X—начале XI в.— В кн.: Скандинавский сборник, VIII. Таллин.
- Голубева Л. А., 1964б. Огнива с бронзовыми рукоятками.— СА, № 3.
- Голубева Л. А., 1965. К истории пластинчатых огнив Восточной Европы.— В кн.: Новое в советской археологии. М.
- Голубева Л. А., 1966. Коньковые подвески Верхнего Прикамья.— СА, № 3.
- Голубева Л. А., 1970. К проблеме этногенеза веси.— В кн.: Древние славяне и их соседи. М.
- Голубева Л. А., 1971. Назначение железных игл с кольцами.— СА, № 4.
- Голубева Л. А., 1973. Веси и славяне на Белом озере, X—XIII вв. М.
- Голубева Л. А., 1976. Коньки-подвески междуречья Волги и Оки.— СА, № 2.
- Голубева Л. А., 1979а. Веси, скандинавы и славяне в X—XI вв.— В кн.: Финно-угры и славяне. Л.
- Голубева Л. А., 1979б. Зооморфные украшения финно-угров.— САИ, Е159. М.
- Голубева Л. А., 1981. Конские погребения в курганах Северо-Восточной Руси VIII—X вв.— СА, № 4.
- Голубева Л. А., 1982. К истории треугольной подвески.— В кн.: Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск.
- Голубева Л. А., 1984. Женщины-литейщицы (Из истории женского ремесленного литья у финно-угров).— СА, № 4.
- Голубева Л. А., Варенов А. Б., 1978. Полые коньки-амулеты Древней Руси.— СА, № 2.
- Гондатти Н. Л., 1888а. Предварительный отчет о поездке в северо-западную Сибирь. М.
- Гондатти Н. Л., 1888б. Следы язычества у инородцев северо-западной Сибири. М.
- Гордеев Ф. И., 1965. Ирано-тюркские заимствования в марийском языке.— Тезисы научной сессии по этногенезу марийского народа. Йошкар-Ола.
- Городцов В. А., 1905. Материалы для археологической карты долины и берегов р. Оки.— Тр. XII АС, т. I. М.
- Городцов В. А., 1909. Древнее население Рязанской обл.— Изв. Отделения русского языка и словесности АН, XIII, 4. СПб.
- Городцов В. А., 1910. Бытовая археология. М.
- Городцов В. А., 1914. Археологические исследования в окрестностях г. Муром в 1910 г.— Древности, т. XXIV. М.
- Городцов В. А., 1925. Дубровицкий финский могильник.— В кн.: К материалам по археологии Рязанского края. Рязань.
- Городцов В. А., 1937. Подчеремский клад.— СА, II.
- Горюнова Е. И., 1934. Мари-Луговской могильник.— ПИДО, № 9—10.
- Горюнова Е. И., 1947. Селище Полянки.— КСИИМК, вып. XV.
- Горюнова Е. И., 1948а. Ефаевский могильник.— В кн.: Археологический сборник, 1. Саранск.
- Горюнова Е. И., 1948б. Коринский могильник.— В кн.: Археологический сборник, 1. Саранск.
- Горюнова Е. И., 1948в. Погибловский могильник.— В кн.: Археологический сборник, 1. Саранск.
- Горюнова Е. И., 1948 г. Сарлейский могильник.— В кн.: Археологический сборник, 1. Саранск.
- Горюнова Е. И., 1950. Итоги работ Муромской экспедиции.— КСИИМК, вып. XXXIII.
- Горюнова Е. И., 1952. К вопросу о племенной принадлежности летописной мери.— КСИЭ, вып. 17.
- Горюнова Е. И., 1953. Муромский могильник (К истории г. Мурома).— КСИИМК, вып. 52.
- Горюнова Е. И., 1956. Об этнической принадлежности населения Березняковского городища.— КСИИМК, вып. 65.
- Горюнова Е. И., 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья.— МИА, 94.
- Готье Ю. В., 1930. Железный век в Восточной Европе. М.; Л.
- Граудонис Я. Я., 1980. Штрихованная керамика на территории Латвийской ССР и некоторые вопросы этногенеза оалтов.— В кн.: Из древнейшей истории балтских народов по данным археологии и антропологии. Рига.
- Граудонис Я. Я., Тыниссон Э. Ю., 1963. Раскопки ливских курганов в Кримулде.— СА, № 1.
- Грач А. Д., 1968. Древнетюркские курганы на юге Тувы.— КСИА, вып. 114.
- Гроздилов Г. И., 1965. Археологические памятники Старого Изборска.— АСГЭ, 7.
- Грязнов М. П., 1956. История древних племен верхней Оби.— МИА, 48.
- Гуревич Ф. Д., 1947. Обряды погребения в Литве.— КСИИМК, вып. XVIII.
- Гуревич Ф. Д., 1950. К вопросу об археологических памятниках летописных ятвягов.— КСИИМК, вып. XXIII.
- Гуревич Ф. Д., 1960. Из истории юго-восточной Прибалтики в I тысячелетии н. э. (по материалам Калининградской области).— МИА, 76.
- Гуревич Ф. Д., 1961. Этнический состав населения Верхнего Пономанья по археологическим данным второй половины I тысячелетия н. э.— В кн.: Исследования по археологии СССР. Л.
- Гуревич Ф. Д., 1962. Древности Белорусского Пономанья. М.; Л.
- Гуревич Ф. Д., 1963. Норманский могильник у дер. Вишнево.— В кн.: Скандинавский сборник, VI. Таллин.
- Гуревич Ф. Д., 1966. Прибалтийский импорт в Пономанье в X—XIII вв.— In: Pionksiajast varase feodalismi. Tallinn.
- Гуслястый Н. В., 1980. Раскопки и разведка в Вологодской области.— АО 1979 г. М.
- Давидан С. И., 1971. Раскопки кургана у дер. Мутакуля.— СГЭ, вып. 33.
- Данилайте Е., 1970. Распространение памятников культуры штрихованной керамики на территории Литвы.— В кн.: Древние славяне и их соседи. М.
- Данилевский Н. Я., Грот К. Я., 1883. О пути мадьяр с Урала в Лебедю.— Изв. Русского географического общества, т. 19, вып. 3. СПб.
- Даркевич В. П., 1975. Светское искусство Византии. М.
- Даугудис В., 1966а. Археологические раскопки городищ в Норкунай (Пренайский район) в 1964—1965 гг.— В кн.: Материалы к отчетной конференции археологических и этнографических экспедиций 1964—1965 гг. Вильнюс.
- Даугудис В., 1966б. Археологические раскопки поселения у местечка Лаваришкес (Вильнюсский район) в 1965 г.— В кн.: Материалы к отчетной конференции археологических и этнографических экспедиций 1964—1965 гг. Вильнюс.
- Дебец Г. Ф., 1941. Вепсы.— Учен. зап. МГУ, вып. 3. М.
- Дежмант К., 1971. Раскопки на каменном могильнике Прооза.— АО 1970 г. М.
- Дежмант К., 1973. Продолжение раскопок каменного могильника в Прооза.— АО 1972 г. М.
- Денисов В. П., Оборин Б. А., Поляков Ю. А., 1967. Камская археологическая экспедиция.— АО 1966 г. М.
- Денисова Р. Я., 1964а. К вопросу об антропологическом типе селов XI—XII вв. в связи с краниологическим материалом из могильника Леясдопелес.— Изв. АН ЛатвССР, 5. Рига.
- Денисова Р. Я., 1964б. Новый краниологический материал из могильника латгалов VII—VIII вв. и некоторые вопро-

- сы этнической истории восточных латышей.— Изв. АН ЛатвССР, 2. Рига.
- Денисова Р. Я., 1965. Особенности антропологического типа селов в современном населении юго-восточной Латвии.— СЭ, № 4.
- Денисова Р. Я., 1975. Антропология древних балтов. Рига.
- Денисова Р. Я., 1977. Этногенез латышей (по данным крапнологии). Рига.
- Деоник В. Б., 1961. Классификация бус юго-восточной Европы V—IX вв.— СА, № 3.
- Деоник В. Б., 1963. Классификация и хронология аланских украшений VI—IX вв.— В кн.: Средневековые памятники Северной Осетии.— МИА, 114.
- Деревянко Е. И., 1977. Троицкий могильник. Новосибирск.
- Дмитриев А., 1891. Пермская старина, вып. III. Пермь.
- Долгих Б. О., 1960. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.— ТИЭ, т. 55. Нов. сер. М.
- Древности Камы, 1933.— Спицын А. А. Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына в 1898 г.— В кн.: Материалы ГАИМК, вып. II. Л.
- Дремов В. А., 1967. Древнее население лесостепного Приобья в эпоху бронзы и железа по данным палеоантропологии.— СЭ, № 6.
- Дробляев Д. А., Кирпичников А. Н., 1981. Европейский средневековый меч, найденный в Западной Сибири.— В кн.: Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1980. Л.
- Дубов И. В., 1977. Урновые погребения ярославских могильников.— В кн.: Проблемы археологии и этнографии, вып. 1. Л.
- Дубов И. В., 1978. Ярославское Поволжье в X—XI вв.— В кн.: Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. Л.
- Дубов И. В., 1982а. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья: (Историко-археологические очерки). Л.
- Дубов И. В., 1982б. Тимерево (итоги и перспективы исследования).— В кн.: Северная Русь и ее соседи. Л.
- Дубов И. В., 1984. Глиняные лапы в погребальном обряде курганов Аландских островов и Волго-Окского междуречья.— В кн.: Новое в археологии СССР и Финляндии: Доклады Третьего советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии, 11—15 мая 1981 г. Л.
- Дубынин А. Ф., 1949а. Малышевский могильник. (К истории нижней Оки I тысячелетия н. э.).— КСИИМК, вып. XXV.
- Дубынин А. Ф., 1949б. Раскопки Малышевского могильника.— КСИИМК, вып. XXVII.
- Дубынин А. Ф., 1966. О племенной принадлежности населения северной окраины Муромской земли.— СА, № 3.
- Дульзон А. П., 1952. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар.— Учен. зап. ТГПИ, т. X. Томск.
- Дульзон А. П., 1955а. Остияские могильники XVI—XVII вв. у с. Молчаново на Оби.— Учен. зап. ТГПИ, т. XIII. Томск.
- Дульзон А. П., 1955б. Пачангский курганный могильник.— Учен. зап. ТГПИ, т. XIV. Томск.
- Дульзон А. П., 1956. Археологические памятники Томской области.— В кн.: Тр. ТОКМ, т. V. Томск.
- Дульзон А. П., 1957. Остияцкий курганный могильник XVII в. у с. Молчаново на Оби.— Учен. зап. ТГПИ, т. XVI. Томск.
- Дундулене П. В., 1950. Земледелие в дофеодалной Литве.— КСИЭ, XII.
- Евтюхова Л. А., 1948. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан.
- Евтюхова Л. А., 1952. Каменные лезвия Южной Сибири и Монголии.— МИА, 24.
- Евтюхова Л. А., Киселев С. В., 1941. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г.— Тр. ГИМ, вып. XVI.
- Елисеев Ю. С., 1959. Древнейший письменный памятник одного из прибалтийско-финских языков.— Изв. АН СССР, отд. лит. и языка, XVIII. 1. Л.
- Емельянов В. Д., 1912. Отчет о раскопках.— ОАК за 1908 г. СПб.
- Ермолаев А., 1914. Ишимская коллекция. Красноярск.
- Ерофеева Е. Н., 1976. Курганный могильник у д. Семухино на р. Тезе.— В кн.: Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.
- Ефименко П. П., 1926. Рязанские могильники.— МЭ, III, вып. 1.
- Ефименко П. П., 1937. К истории западного Поволжья в I тысячелетии н. э. по археологическим источникам.— СА, II.
- Ефименко П. П., Третьяков П. Н., 1948. Древнерусские поселения на Дону.— МИА, 8.
- Жеребцов Л. Н., 1982. Формирование этнографических групп коми (зырян).— В кн.: Финно-угорский сборник. М.
- Жиганов М. Ф., 1959а. Изучение археологических памятников мордовского народа за годы Советской власти.— В кн.: Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск.
- Жиганов М. Ф., 1959б. Новые археологические памятники в долинах рек Вад и Теша.— В кн.: Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск.
- Жиганов М. Ф., 1959в. Из истории ремесла, домашнего производства и торговых связей мордвы в XIII—XIV вв.— В кн.: Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск.
- Жиганов М. Ф., 1959г. Старший Кужендеевский могильник в бассейне р. Теша.— СА, № 1.
- Жиганов М. Ф., 1961. К истории мордовских племен в конце I тысячелетия н. э. (могильник у пос. Заря).— СА, № 4.
- Жиганов М. Ф., 1971. Исследования древнемордовских памятников в Горьковской области.— АО 1970 г. М.
- Жиганов М. Ф., 1972. Работы Мордовской экспедиции в Горьковской области.— АО 1971 г. М.
- Жиганов М. Ф., 1976. Память веков. Саранск.
- Жиганов М. Ф., Авадеев А. М., Елисеев А. В., Прокудин В. П., 1977. Работы Мордовской экспедиции.— АО 1976 г. М.
- Жиганов М. Ф., Зеленева Ю. А., Сурков А. В., 1974. Раскопки Абрамовского могильника.— АО 1973 г. М.
- Жогас И., 1900. Археологические заметки по Тельшевскому уезду.— В кн.: Памятная книжка Ковенской губ. на 1901 г. Ковно.
- Заметки..., 1858 — Заметки о западной части Гродненской губернии.— В кн.: Этнографический сборник, издаваемый Русским географическим обществом, III. СПб.
- Записки АНО, 1849.— Записки С.-Петербургского археологического общества, I. СПб.
- Зарина А. Э., 1980. Некоторые общие с ливами элементы украшения одежды латгалов и селов XII—XIII вв.— В кн.: Из древнейшей истории балтских народов (По данным археологии и антропологии). Рига.
- Збруева А. В., 1952. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху.— МИА, 30.
- Зданович С. Я., 1967. Лихачевский могильник на р. Ишим.— В кн.: V Уральское археологическое совещание (Тезисы докладов и сообщений). Сыктывкар.
- Зеленева Ю. А., 1984. Раскопки средневековых памятников в Примокшанье.— АО 1982 г. М.
- Земцов А. А., 1976. Геоморфология Западно-Сибирской равнины. Томск.
- Зиняков Н. М., 1976. Технология производства железных предметов Елыкаевской коллекции.— В кн.: Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Кемерово.
- Зиняков Н. М., 1982. Кузнечные изделия Тимирязевского I курганного могильника.— В кн.: Археология и этнография Приобья. Томск.
- Знаменский М. С., 1889. Городище на Чувашском мысу близ Тобольска. Тобольск.
- Золотарева И. М., 1957. Черепа из Перейминского и Козловского могильников (средняя Обь).— МИА, 57.
- ЗРАО, 1899. Нов. сер., т. XI, вып. 1—2.
- ИАО, 1859. Известия Археологического общества, I, СПб.
- Иванов А., 1925. Пустошенский могильник.— Тр. Владимирского областного музея, вып. 1. Владимир.
- Иванов П. П., 1952. Материалы по истории мордвы VIII—IX вв. Издание Моршанского краеведческого музея.
- Иванова М. Г., 1978. Земледелие северных удмуртов в начале II тысячелетия н. э.— В кн.: Материалы к ранней истории Удмуртии. Ижевск.
- Иванова М. Г., 1979а. Памятники чепецкой культуры (Материалы к археологической карте).— В кн.: Северная Удмуртия в начале II тысячелетия н. э. Ижевск.
- Иванова М. Г., 1979б. Хозяйство северных удмуртов в конце IX — начале XIII в.— В кн.: Северные удмурты в начале II тысячелетия н. э. Ижевск.
- Иванова М. Г., 1982а. Городище Гурья-кар.— В кн.: Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск.

- Иванова М. Г., 1982б. Качкашурское селище.— В кн.: Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск.
- Иванова М. Г., 1982в. Маловишский могильник.— В кн.: Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск.
- Ивановский Л. К., 1880. Курганы Водской пятины Новгородской земли.— Изв. РАО, 9.
- Ильинский Г. И., 1930. Лебедия Константина Багрянородного.— *Byzantinoslavica*, II. Praha.
- Иоганзен Б. Г., 1963. Природа Томской области. Томск.
- Иславин В., 1847. Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб.
- Исланова И. В., 1982. Селище Шурскол II близ Ростова Великого.— СА, № 2.
- Истомина Т. В., 1982. Жертвенные комплексы средневековых памятников Приуралья как этнический определитель.— В кн.: Проблемы этногенетических исследований Европейского Северо-Востока. Пермь.
- Истомина Т. В., 1983. Погребальный обряд перми вычегодской.— Автореф. канд. дис. Л.
- Историко-этнографический атлас Сибири. 1961. М.; Л.
- История Тувы, 1964. М.
- Казаков Е. П., 1972. О некоторых венгерских аналогиях в вещевом материале Танкеевского могильника.— В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М.
- Казаков Е. П., 1979. Работы в зонах Куйбышевского и Нижнекамского водохранилищ.— АО 1978 г. М.
- Казанцев Д. Е., 1979. Истоки финно-угорского родства. Йошкар-Ола.
- Калинина Л. И., 1959. О некоторых вопросах топонимии левобережья средней Оби.— Учен. зап. ТГПИ, т. 18. Томск.
- Калинина Л. И., 1961. Ареалы распространенных хантыйских топонимов в Западной Сибири.— Учен. зап. ТГПИ, т. 19, вып. 2. Томск.
- Каменский В. И., 1909. «Чертово городище» в Ветлужском уезде по раскопкам 1908 г.— МАЭ, VII. СПб.
- Кананин В. А., 1980. Исследования городища Шудья-кар в верховьях Камы.— КСИА, вып. 160.
- Канивец В. И., 1964. Канинская пещера. М.
- Канивец В. И., 1965. Древние поселения южно-печорской равнины.— МАЕСВ, вып. 3. Сыктывкар.
- Канивец В. И., 1969. Исследования в Печорском Приполярье.— АО 1968 г. М.
- Канивец В. И., 1974. Печорское приполярье (эпоха раннего металла). М.
- Канивец В. И., Лузгин В. Е., 1965. Археологическая разведка на Южно-Печорской равнине.— МАЕСВ, вып. 2. Сыктывкар.
- Карамзин Н. М., 1766. История государства Российского, кн. 1. СПб.
- Казовский В. Ф., Краснов Ю. А., Ошибкина С. В., Трубинова Н. В., Халиков А. Х., Черников В. Ф., 1970. Чебоксарская экспедиция.— АО 1969 г. М.
- Кёппен П., 1851. Водь и Водская пятна.— ЖМНП, LXX.
- Кёппен П., 1854. Селения, обитаемые ижорами в С.-Петербургской губ.— Учен. зап. АН по Первому и Третьему отделениям, II. СПб.
- Кёппен П., 1861. Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. СПб.
- Кёппен Ф. П., 1886. Материалы к вопросу об первоначальной родине и первобытном родстве индоевропейского и финно-угорского племени. СПб.
- Кибилов А. К., 1957. Работа Тянь-Шаньского археологического отряда.— КСИЭ, вып. XXVI.
- Кипарисова Н. П., 1948. Жертвенное место па Голом Камне.— В кн.: Первое Уральское археологическое совещание. Молотов, 1948.
- Киркор А., 1859. Археологические розыскания в Виленской губ.— Изв. Археологического общества, I. СПб.
- Кирпичников А. Н., 1979. Историко-археологические исследования древней корелы. («Корельский город» XIV в.).— В кн.: Финно-угры и славяне. Л.
- Кирпичников А. Н., 1980. Древний Орешек: Историко-археологические очерки о городе-крепости в истоке Невы. Л.
- Кирпичников А. Н., Овсянников О. В., 1979. Крепость Копорье по новым данным архитектурно-археологических исследований.— СА, № 3.
- Кирпичников А. Н., Петренко В. П., 1974. Тиверский городок. (К вопросу изучения древностей Русской Карелии).— КСИА, вып. 139.
- Кирпичников А. Н., Рябинин Е. А., 1982. Финно-угорские племена в составе Новгородской земли (некоторые итоги новых исследований).— СА, № 3.
- Кирпичников А. Н., Шаскольский И. П., 1965. Ред. на кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963.— СА, № 1.
- Кирюшин Ю. Ф., 1976. Поселение Тух-Эмтор IV — памятник Васюганского Приобья.— ИИС, вып. 19. Томск.
- Киселев С. В., 1951. Древняя история Южной Сибири. М.
- Кнабе Г. С., 1962. Словарные заимствования и этногенез: (К вопросу о балтийских заимствованиях в восточных финно-угорских языках).— Вопросы языкознания, 1.
- Ковалевская В. Б., 1969. К вопросу о «поломской культуре».— В кн.: Древности Восточной Европы. М.
- Ковалевская В. Б., 1972. Башкирия и евразийские степи IV—IX вв. (По материалам поясных наборов).— ПАДИУ. М.
- Колмогоров А., 1914. Тихвинские курганы. М.
- Колчин Б. А., 1958. Хронология новгородских древностей.— СА, № 2.
- Колчин Б. А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого.— МИА, 65.
- Кольчатова В. А., 1982. О времени заселения Ижорского плато.— В кн.: Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.
- Комаров К. И., 1981. Раскопки курганов у д. Плешково.— АО 1980 г. М.
- Комарова М. Н., 1952. Томский могильник — памятник древних племен лесной полосы Западной Сибири.— МИА, 24.
- Конаков Н. Д., 1983. Коми — охотники и рыболовы во второй половине XIX и в начале XX в. М.
- Кондратьева Г. Т., 1964. Археологические работы на р. Чепце.— В кн.: АЭБ, вып. II.
- Кондратьева Г. Т., 1967а. Некоторые древние городища северных удмуртов: (К этногенезу древнеудмуртских племен).— Учен. зап. МОПИ, т. 198, вып. 3. М.
- Кондратьева Г. Т., 1967б. Новые данные из истории древнеудмуртской одежды.— Учен. зап. МОПИ, т. 183, вып. 2. М.
- Кондратьева Г. Т., 1967в. Древнеудмуртский могильник у д. Чиргино.— Учен. зап. МОПИ, т. 183, вып. 2. М.
- Кондратьева Г. Т., 1970а. Археология.— В кн.: Об исследовании культуры удмуртского народа. Ижевск.
- Кондратьева Г. Т., Стоянов В. Е., 1962. Археологические работы на Чепце.— ВАУ, вып. 2. Свердловск.
- Конилов Б. А., 1977а. Городище Новогородное по результатам раскопок 1974—1976 гг.— В кн.: Материалы Третьей отчетной научно-методической конференции Омского университета. Омск.
- Конилов Б. А., 1977б. Исследования в лесостепном и таежном Прииртышье.— АО 1976 г. М.
- Конилов Б. А., 1978а. Исследование средневековых могильников в Омской области.— АО 1977 г. М.
- Конилов Б. А., 1978б. Новые материалы I тысячелетия н. э. из лесостепного и таежного Прииртышья (Омская область).— В кн.: Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск.
- Конилов Б. А., 1979а. Изучение средневековых памятников в Омском Прииртышье.— АО 1978 г. М.
- Конилов Б. А., 1979б. О характере, объеме и роли угротюркских связей: (На примере таежной части Омского Прииртышья V—XIII вв.).— В кн.: Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск.
- Конилов Б. А., 1980а. Зоо-антропоморфные изображения эпохи раннего средневековья из Омского Прииртышья.— В кн.: Духовная культура народов Сибири. Томск.
- Конилов Б. А., 1980б. Материалы к характеристике вооружения среднеиртышского населения в эпоху раннего средневековья.— В кн.: Археология Прииртышья. Томск.
- Конилов Б. А., 1981. Работы на средневековых памятниках таежного Прииртышья.— АО 1980 г. М.
- Конилов Б. А., 1982. Культуры таежного Прииртышья VI—XIII вв.— Автореф. канд. дис. Новосибирск.
- Конилов Б. А., 1983. Курганный комплекс X—XII вв. у с. Усть-Ишим Омской области (К вопросу об усть-ишимской культуре).— В кн.: Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. Новосибирск.
- Конилов Б. А., 1984а. О тюркском компоненте в культуре населения лесного Прииртышья конца I — начала II тысячелетия н. э.— В кн.: Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тезисы до-

- кладов Областной научной конференции по антропологии, археологии и этнографии. Омск.
- Конилов Б. А., 1984б. Усть-Ишимские курганы и некоторые вопросы раннесредневековой истории таежного Прииртышья. — В кн.: Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск.
- Конилов Б. А., Шваан Ф. Д., 1984. Исследование Кипских курганов: (К вопросу о тюркизации). — В кн.: Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири: Сборник научных трудов. Омск.
- Константинов И. В., 1978. Ранний железный век Якутии. Новосибирск.
- Корзунина Г. Ф., 1979. Об Одино и кресалах Прикамья. — В кн.: Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.
- Королев К. С., 1977. Поселение Шойнаты II на средней Вычегде. — МАЭСВ, вып. 6.
- Королев К. С., 1978. Исследования бассейна р. Вычегды. — АО 1977 г. М.
- Королев К. С., 1979а. Новый район обитания вычегодских племен. — В кн.: Вопросы финно-угроведения: Тезисы докладов на XVI Всесоюзной конференции финно-угроведов, ч. 2. Сыктывкар.
- Королев К. С., 1979б. Работы Вычегодского отряда. — АО 1978 г. М.
- Королев К. С., 1980. Раннесредневековый могильник Шойнаты I. — В кн.: Древние памятники Северного Приуралья. Сыктывкар.
- Королев К. С., 1982. Исследования на Вычегде. — АО 1981 г. М.
- Косарев М. Ф., 1969а. К вопросу о кулайской культуре. — КСИА, вып. 119.
- Косарев М. Ф., 1969б. Некоторые вопросы этнической истории Обь-Иртышья по археологическим материалам. — ПАС. Новосибирск.
- Косарев М. Ф., 1974. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.
- Косарев М. Ф., 1981. Бронзовый век Западной Сибири. М.
- Косарев М. Ф., 1984. Факторы и особенности зарождения древних раннеклассовых образований в таежной зоне Западной Сибири. — В кн.: Конференция «Причины преобразования первобытного общества в рабовладельческое и феодальное». Тезисы докладов. М.
- Косинская Л. Л., 1980. Работы на Выми. — АО 1979 г. М.
- Косинская Л. Л., 1981. Работы Коми республиканского краеведческого музея. — АО 1980 г. М.
- Косинская Л. Л., 1982. Работа республиканского краеведческого музея Коми АССР. — АО 1981 г. М.
- Косменко М. Г., 1978. Двуслойное поселение в устье р. Суны. — В кн.: Средневековые поселения Карелии и Приладожья. Петрозаводск.
- Костров Н., 1872. Нарымский край. Томск.
- Кочкуркина С. И., 1973. Юго-восточное Приладожье в X—XIII вв. Л.
- Кочкуркина С. И., 1975. Памятники типа линнавуори в Карелии. — В кн.: Скандинавский сборник, XX. Таллин.
- Кочкуркина С. И., 1976. Тиверск. — КСИА, вып. 146.
- Кочкуркина С. И., 1978а. Контакты населения северо-западного Приладожья с Эстонией и Финляндией в I—начале II тысячелетия н. э. — В кн.: Скандинавский сборник, XXIII. Таллин.
- Кочкуркина С. И., 1978б. Территория летописной корелы в XII—XIV вв. (По археологическим данным). — В кн.: Средневековые поселения Карелии и Приладожья. Петрозаводск.
- Кочкуркина С. И., 1981. Археологические памятники корелы V—XV вв. М.
- Кочкуркина С. И., 1982. Древняя корела. Л.
- Кравченко Т. А., 1969. Раскопки Шатрищенского могильника в 1966 г. — КСИА, вып. 119.
- Кравченко Т. А., 1974. Шатрищенский могильник (По раскопкам 1966—1969 гг.). — В кн.: Археология Рязанской земли. М.
- Краснов Ю. А., 1974. Предисловие. — В кн.: Дьяковская культура. М.
- Краснов Ю. А., 1980а. Безводнинский могильник: (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.
- Краснов Ю. А., 1980б. О дате Березняковского городища. — КСИА, вып. 162.
- Краснов Ю. А., Краснов Н. А., 1967. «Домик мертвых» на городище дьяковского времени. — АО 1966 г. М.
- Краснов Ю. А., Краснов Н. А., 1978. Погребальное сооружение на городище «дьякова типа». — В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.
- Краут А., 1980. Спасательные раскопки поселения позднего железного века в Куусалу. — Изв. АН ЭССР, Обществ. науки, 4.
- Краут А., 1981. Археологические раскопки в Куусалу. — Изв. АН ЭССР, Обществ. науки, 4.
- Крживицкий Л., 1909. Жмудские пилкалписы. — ИАК, 29.
- Крживицкий Л., 1913. Последние моменты неолитической эпохи в Литве. — Сборник в честь 70-летия Д. Н. Анучина. М.
- Кривошеков И. Я., 1911. Пермь Великая. — В кн.: Материалы по изучению Пермского края, вып. IV. Пермь.
- Куза А. В., 1975. Новгородская земля. — В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М.
- Куза А. В., Леонтьев А. Е., Пушкина Т. А., 1982. Рец. на книгу: Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. Л., 1978. — СА, № 2.
- Кузавинис К., 1965. Происхождение названия «литва». — В кн.: Всесоюзная конференция по топонимике СССР, Тезисы докладов и сообщений. Л.
- Кузнецов С. К., 1910. Русская историческая география. М.
- Кулаков В. И., 1980а. Результаты раскопок грунтового могильника у поселка Клиновки в 1977 г. — Acta Baltico-Slavica, XIII. Bialystok.
- Кулаков В. И., 1980б. Ритуальный комплекс в могильнике у Клиновки. — КСИА, вып. 160.
- Кулемзин В. М., 1973. Иноэтнические элементы в культуре васюганских и ваховских хантов. — ПАС. Новосибирск.
- Кулемзин В. М., Лукина Н. В., 1973. Легенды и сказки хантов. Томск.
- Куликаускас П., 1952. Исследования археологических памятников Литвы. — КСИИМК, вып. 42.
- Куликаускас П., 1954. Некоторые данные о первоначальном заселении территории Литвы и племенных группах в I и начале II тысячелетия н. э. по данным археологии. — Тр. ИЭ, т. XXIII. М.
- Куликаускас П., 1966. Исследования городищ Занеманья — юго-западной части Литвы. — В кн.: От эпохи бронзы до раннего феодализма. Таллин.
- Куликаускас П., 1968. Исследование городищ Занеманья в Литве. — In: Liber Josepho Kostrowski octogenario a veneratoribus dicatus. Wrocław; Warszawa; Kraków.
- Куликаускас П., 1970. Археологические исследования городищ в Литве в 1967—1968 гг. — In: Studia archaeologica in memoriam Hagri Moora. Tallinn.
- Куликаускас Р. К., 1952. Погребальные памятники Литвы конца I — начала II тысячелетия н. э. — КСИИМК, вып. 42.
- Куликаускас Р. К., 1953. Погребения с конями у древних литовцев. — СА, XVII.
- Куликаускас Р., 1966. Раскопки курганов в окрестностях Чиобишкис в 1963—1964 гг. — В кн.: Материалы к отчетной конференции археологических и этнографических экспедиций 1964—1965 гг. Вильнюс.
- Куликаускас Р., 1968а. Исследования в дер. Гиркаляй (Клайпедский р-н). — В кн.: 20 лет: Археологические и этнографические экспедиции Института истории АН ЛитССР (1948—1967 гг.). Вильнюс.
- Куликаускас Р., 1968б. Исследования грунтовых могильников IX—XII вв., раскопанных у побережья Балтийского моря. — В кн.: 20 лет: Археологические и этнографические экспедиции Института истории АН Лит. ССР (1948—1967 гг.). Вильнюс.
- Куликаускас Р. К., 1977. Образование литовской народности. — В кн.: Проблемы этнической истории балтов: Тезисы докладов. Рига.
- Кунцене О., 1966. Исследования курганов Беваденишкес (Тракайский р-н) в 1964 г. — В кн.: Материалы к отчетной конференции археологических и этнографических экспедиций 1964—1965 гг. Вильнюс.
- Кунцене О., 1968. Раскопки в дер. Микитай (Шакайский р-н). — В кн.: 20 лет: Археологические и этнографические экспедиции Института истории АН Лит. ССР (1948—1967 гг.). Вильнюс.

- Куусинен О. В., 1950. «Калевала» — эпос карело-финского народа. — В кн.: Труды юбилейной научной сессии, посвященной 100-летию полного издания «Калевалы». Петрозаводск.
- Кушнер (Кнышев) П. И., 1951. Этнические территории и этнические границы. — Тр. ИЭ, т. XV. М.
- Кызласов Л. Р., 1960. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М.
- Кызласов Л. Р., 1969. История Тувы в средние века. М.
- Лаанест А., 1966. Ижорские диалекты. Таллин.
- Лави А., Лаул М., Соколовский В., 1981. Исследования на поселении Олуствере. — Изв. АН ЭССР. Обществ. науки, 4.
- Лави А., Соколовский В., 1980. Некоторые результаты исследования поселения в Олуствере. — Изв. АН ЭССР. Обществ. науки, 4.
- Лапшин В. А., 1981а. Исследования под Суздалем. — АО 1980 г. М.
- Лапшин В. А., 1981б. Ранняя дата владимирских курганов. — КСИА, вып. 166.
- Ласло Д., 1972. К вопросу о формировании финно-угров. — В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М.
- Лашук Л. П., 1955а. Очерки по истории Коми АССР, т. I. Сыктывкар.
- Лашук Л. П., 1955б. Стоянка Красная Гора близ Сыктывкара. — Изв. Коми филиала РГО, вып. 3. Сыктывкар.
- Лашук Л. П., 1959. Из истории земледельческо-скотоводческого хозяйства коми (до конца XVIII в.). — Тр. Коми филиала АН СССР, 8.
- Лашук Л. П., 1961. Происхождение народности коми. М.
- Лашук Л. П., 1972. Формирование народности коми. М.
- Лебедев В. Д., Марков К. П., Базмегьева Т. Л., Паскуль М., 1961. Рыбы и рыболовство обитателей Асотского городища (XI—XIII вв. н. э.) на Даугаве. — В кн.: Шноре Э. Д. Асотское городище. Рига.
- Лебедев Г. С., 1977. Археологические памятники Ленинградской области. Л.
- Левашова В. П., 1950. О городищах Сибирского юрта. — СА, XIII.
- Левичкий Т., 1978. «Магьяры» у средневековых арабских и персидских географов. — В кн.: Восточная Европа в древности и средневековье. М.
- Ледяйкин В. И., 1971. Городецкая культура и древняя мордва. Автореф. канд. дис. М.
- Ледяйкин В. И., Мартынов В. Н., Шитов В. И., 1974. Разведка в Горьковской области. — АО 1973 г. М.
- Ледяйкин В. И., Разживин В. Ф., Шитов В. И., 1972. Раскопки в Старом Кадеме. — АО 1971 г. М.
- Ленц Э. Ю., 1902. Предметы вооружения и конского убора, найденные близ с. Демьяновки Мелитопольского уезда. — ИАК, 2. СПб.
- Леонтьев А. Е., 1975. Сарское городище в истории Ростовской земли: Автореф. канд. дис. М.
- Леонтьев А. Е., 1976. Классификация пожей Сарского городища. — СА, № 2.
- Леонтьев А. Е., 1980. Исследования Волго-Окской экспедиции. — АО 1979 г. М.
- Леонтьев А. Е., 1981. Скандинавские вещи в коллекции Сарского городища. — Скандинавский сборник, XXVI. Таллин.
- Леонтьев А. Е., 1984. Поселения мери и славян на оз. Неро. — КСИА, вып. 179.
- Леонтьев А. Е., Рябилин Е. А., 1980. Этапы и формы ассимиляции летописной мери. — СА, № 2.
- Леонтьев А. Е., Рябилин Е. А., 1981. Могильник и городище у д. Попово на р. Унже. — АО 1980 г. М.
- Лерберг А. Х., 1819. Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. СПб.
- Лесман Ю. М., 1981. О сидячих погребениях в древнерусских могильниках. — КСИА, вып. 164.
- Лесман Ю. М., 1982. Хронологическая периодизация курганов Ижорского плато. — В кн.: Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.
- Лехтосало Хиландер П.-Л., 1979. Связи западных финнов с Восточной Европой в эпоху викингов. — В кн.: Финно-угры и славяне. Л.
- Линевский А. М., 1949. Общество юго-восточного Приладожья в XI в. — В кн.: Изв.-ия карело-финской научно-исследовательской базы АН СССР, № 1. Петрозаводск.
- Линтури Э., 1984. Зооморфные овально-выпуклые фибулы Финляндии и Приладожской Карелии эпохи крестовых походов. — В кн.: Новое в археологии СССР и Финляндии: Доклады Третьего советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии, 11–15 мая 1981 г. Л.
- Логина Э. С., 1978. Поселение Энты I. — МАЕСВ, вып. 7. Сыктывкар.
- Лузгин В. Е., 1970. Первая разведка на Центральном Ти-мане. — АО 1969 г. М.
- Лузгин В. Е., 1972. Древние культуры Ижмы. М.
- Лунегов Н. А., 1955. Редикарский могильник. — КСИИМК, вып. 57.
- Лыткин В. И., 1973. Из истории словарного запаса пермских языков. — Вопросы языкознания, № 5.
- Лыугас В., 1970а. Исследование древних поселений в Вилла (юго-восточная Эстония). — АО 1969 г. М.
- Лыугас В., 1970б. Экспедиция по изучению предистории г. Таллина. — АО 1969 г. М.
- Лыугас В., 1971а. Исследование могильников и остатков древних полей в Кымси. — АО 1970 г. М.
- Лыугас В., 1971б. Раскопки каменного могильника Куреве на о. Сааремаа. — АО 1970 г. М.
- Лыугас В., 1975. Раскопки в Иру. — АО 1974 г. М.
- Львова З. А., 1977. К вопросу о причинах проникновения стеклянных бус X — начала XI в. в северные районы Восточной Европы. — АСГЭ, 18. Л.
- Львова З. А., 1978. Химический состав стеклянных бус I Поломского могильника. — В кн.: Материалы к ранней истории Удмуртии. Ижевск.
- Ляпушкин И. И., 1958. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне реки Дона. — МИА, 62.
- Мажитов Н. А., 1968. Бахмутинская культура. М.
- Мажитов Н. А., 1981. Курганы Южного Урала VIII—XII вв. М.
- Майданова Л. М., 1962. Ареалы финно-угорской этнонимии Урала. — В кн.: Вопросы топонимистики: Доклады кружка сравнительно-исторического языкознания, вып. 1. Свердловск.
- Макаренко Н. Е., 1910. Новинский и Заколпский могильники. — Тр. Владимирской архивной комиссии, кн. X. Владимир.
- Макаров Н. А., 1982а. Работы на севере Вологодской области. — АО 1981 г. М.
- Макаров Н. А., 1982б. Средневековый могильник Попово на Каргополье. — КСИА, вып. 171.
- Макаров Н. А., 1983а. Работы Онежско-Сухонского отряда. — АО 1982 г.
- Макаров Н. А., 1983б. Раскопки средневекового могильника Погостище в Вологодской области. — СА, № 3.
- Макаров Н. А., 1984. Работы Онежско-Сухонского отряда. — АО 1982 г. М.
- Макаров Н. А., 1985. Работы Онежско-Сухонского отряда. — АО 1983 г. М.
- Мандель М., 1975. Раскопки каменного могильника в Лихула. — АО 1974 г. М.
- Марков А. К., 1910. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб.
- Мартынов В. Н., 1976а. Археологическая разведка в Мордовской АССР и южных районах Горьковской области. — В кн.: Материалы по археологии Мордовии. Саранск.
- Мартынов В. Н., 1976б. Декоративный комплекс женского костюма мордвы-мокши VIII—XI вв. — В кн.: Материалы по археологии Мордовии. Саранск.
- Мартынов В. Н., 1979. Федоровское городище. — В кн.: Археологические памятники мордвы I тысячелетия н. э. Саранск.
- Мартынов В. Н., Надькин Д. Т., 1979. Об этнической принадлежности населения рязанского и муромского Поочья I тысячелетия н. э. — В кн.: Археологические памятники мордвы I тысячелетия н. э. Саранск.
- Мартынов В. Н., Петербургский И. М., Шитов В. И., 1975. Раскопки Журавкинского могильника. — АО 1974 г. М.
- Мартынов В. Н., Шитов В. И., 1977. Раскопки Федоровского городища. — АО 1976 г. М.
- Мартынов В. Н., Петербургский И. М., Шитов В. И., 1975. Раскопки Журавкинского могильника. — АО 1974 г. М.
- Мартынов В. Н., Шитов В. И., 1976. Раскопки в Горьковской области и Мордовской АССР. — АО 1975 г. М.
- Мартынов В. Н., Шитов В. И., 1978. Раскопки Федоровского городища и разведка в бассейне р. Мокши. — АО 1977 г. М.
- Мартынов В. Н., Шитов В. И., 1979. Раскопки Федоровского городища. — АО 1978 г. М.
- Маршак Б. И., 1971. Согдийское серебро. М.
- Маршак Б. И., 1976. Материалы по среднеазиатской торевтике. — СА, № 1.

- Матвеев А. К., 1959. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала.— Учен. зап. Уральского ун-та, вып. 32. Свердловск.
- Матвеев А. К., 1961. Древнеуральская топонимика и ее происхождение.— ВАН, вып. 1. Свердловск.
- Матвеев А. К., 1968. О древнейших местах расселения угорских народов (по данным языка).— Учен. зап. ПГУ, № 191. Тр. Камской археологической экспедиции, вып. IV. Пермь.
- Матвеев С. Г., 1929а. Городище Сабанчи-кар.— Тр. научного общества изучения Вотского края, вып. 4. М.
- Матвеев С. Г., 1929б. Могильник Чем-шай.— Тр. научного общества изучения Вотского края, вып. 4. М.
- Матюшенко В. И., 1961. Об антропоморфных изображениях на глиняных сосудах из поселения Самусь IV.— СА, № 4.
- Матюшенко В. И., Старцева Л. М., 1970. Еловский курганный могильник I эпохи железа.— В кн.: Вопросы истории Сибири, вып. 5. Томск.
- Медведев А. Ф., 1959. Оружие Новгорода Великого.— МИА, 65.
- Медведев А. Ф., 1966. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы. Самострел, VIII—XIV вв.— САИ, вып. Е1-36. М.
- Мейнандер К. Ф., 1979. Биармы.— В кн.: Финно-угры и славяне: Доклады первого советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии, 15—17 ноября 1976 г. Л.
- Мельников С. Е., 1856. Археологические поиски в Яренском уезде.— ЗРАО, т. VIII. СПб.
- Мельникова Е. А., 1977. Скандинавские рунические надписи: Тексты, перевод, комментарий. М.
- Мерквичус А., 1968. Раскопки в дер. Няндриный (Капсуковский р-н).— В кн.: 20 лет: Археологические и этнографические экспедиции Института истории АН Лит. ССР (1948—1967 гг.). Вильнюс.
- Мизинова В. П., 1958. Новые поступления с реки Сын (Западная Сибирь).— СГЭ, вып. 13. Л.
- Миллер Г. Ф., 1937. История Сибири, т. I—II. М.; Л.
- Митрофанов А. Г., 1969. Территория распространения и проблема происхождения культуры штрихованной керамики.— В кн.: Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии. Минск.
- Митрофанов А. Г., 1978. Железный век средней Белоруссии. Минск.
- Миттельбертас М., 1968. Некоторые черты погребального обряда курганов Жемайтии и северной части Центральной Литвы.— В кн.: 20 лет: Археологические и этнографические экспедиции Института истории АН Лит. ССР (1948—1967 гг.). Вильнюс.
- Могильников В. А., 1963. Работы Иртышского отряда.— КСИА, вып. 94.
- Могильников В. А., 1964а. Васюганский клад.— СА, № 2.
- Могильников В. А., 1964б. Население южной части лесной полосы Западной Сибири в конце I — начале II тысячелетия н. э.: Автореф. канд. дис. М.
- Могильников В. А., 1964в. Новоникольское IV городище (в связи с некоторыми вопросами древней истории Прииртышья).— СА, № 1.
- Могильников В. А., 1964г. Работы Иртышского отряда в 1962 г.— КСИА, вып. 102, с. 135—141.
- Могильников В. А., 1964д. Элементы древних угорских культур в материале хантыйского могильника Халас-Погор.— АЭБ, вып. II.
- Могильников В. А., 1965. Ананьевское городище и вопрос о времени тюркизации Среднего Прииртышья и Барабы.— СА, № 1.
- Могильников В. А., 1968а. Елыкаевская экспедиция Томского ун-та.— СА, № 1.
- Могильников В. А., 1968б. Исследование курганной группы эпохи раннего железа Калачевка II.— КСИА, вып. 114.
- Могильников В. А., 1968в. Культура племен лесного Прииртышья IX — начала XIII в.— Учен. зап. ПГУ, № 191. Тр. Камской археологической экспедиции, вып. IV. Пермь.
- Могильников В. А., 1969а. Исследование Мало-Тобендинских курганов.— КСИА, вып. 120.
- Могильников В. А., 1969б. К вопросу о самоедской принадлежности культур эпохи железа Среднего Приобья.— ПАС. Томск.
- Могильников В. А., 1970а. К вопросу об этнокультурных ареалах Среднего Прииртышья и Приобья эпохи раннего железа.— ПХКПАПЗС.
- Могильников В. А., 1970б. Работы в Омском Прииртышье.— АО 1969 г. М.
- Могильников В. А., 1971. Сперановское городище.— КСИА, вып. 128.
- Могильников В. А., 1972а. Исследования в Омском Прииртышье.— АО 1971 г. М.
- Могильников В. А., 1972б. К вопросу о саргатской культуре.— В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М.
- Могильников В. А., 1973а. Археологическая разведка на севере Омской области.— КСИА, вып. 136.
- Могильников В. А., 1973б. Начало тюркизации населения Приобья и Среднего Приобья.— В кн.: Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока: (Тезисы докладов всесоюзной конференции). Новосибирск.
- Могильников В. А., 1974а. К вопросу о дифференциации этнической общности обских угров в I тысячелетии н. э.— СА, № 2.
- Могильников В. А., 1974б. Работы в Омском Прииртышье.— ИИС. вып. 15, Томск.
- Могильников В. А., 1980. Об этническом составе населения Среднего и Верхнего Приобья в I тысячелетии н. э.— В кн.: Народы и языки Сибири. Новосибирск.
- Могильников В. А., 1981. О культурах лесной полосы Западной Сибири второй половины I тысячелетия н. э.— В кн.: Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск.
- Могильников В. А., 1985. Предметы изобразительного искусства обских угров и вопрос этнической интерпретации керамики вожжайского типа.— В кн.: Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск, с. 91—95.
- Могильников В. А., Конилов Б. А., 1983. Могильник потчевашской культуры в Среднем Прииртышье.— СА, № 2.
- Могильников В. А., Овчинникова Б. Б., 1976. Исследование Оськинского городища.— КСИА, вып. 147.
- Могильников В. А., Цепкин Е. А., 1968. Рыболовство у населения лесного Прииртышья в эпоху железа.— СА, № 3.
- Молвыгин А., Соколовский В., 1979. Нумизматические находки 1978 г.— Изв. АН ЭССР. Обществ. науки, 4.
- Молодин В. И., 1972. Керамическая печь из поселения Ордынское 6.— ВАС, вып. 38. Новосибирск.
- Молодин В. И., 1976. Находка меча из Западной Сибири (предварительное сообщение). Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук, № 11, вып. 3. Новосибирск.
- Молодин В. И., Бобров В. В., Равнушкин В. И., 1980. Айдашинская пещера. Новосибирск.
- Молодин В. И., Савинов Д. Г., Елагин В. С., 1981. Погребения тюркского времени из могильника Преображенка III (Центральная Бараба).— В кн.: Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск.
- Молодин В. И., Соболев В. И., Елагин В. С., 1983. Городища тюркского времени в Барабинской лесостепи.— В кн.: Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. Новосибирск.
- Мольнар Э., 1955. Проблемы этногенеза и древней истории венгерского народа.— Studia historica, 13. Budapest.
- Монгайт А. Л., 1953. Из истории населения бассейна среднего течения Оки в I тысячелетии н. э.— СА, XIII.
- Монгайт А. Л., 1959. Абу Хамид ал-Гарнати и его путешествие в русские земли в 1150—1153 гг.— История СССР, т. I. М.
- Монгайт А. Л., 1961. Рязанская земля. М.
- Моора А. Х., 1956. Об историко-этнографических областях Эстонии.— В кн.: Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин.
- Моора А. Х., 1950. Вопросы этногенеза народов советской Прибалтики по данным археологии.— КСИЭ, вып. XII.
- Моора А. Х., 1952. Некоторые вопросы археологического изучения Прибалтики.— КСИИМК, вып. XLII.
- Моора А. Х., 1954а. Археологические памятники I—IV вв. в Прибалтике.— КСИИМК, вып. 53.
- Моора А. Х., 1954б. Некоторые вопросы этногенеза эстонского народа в свете археологических данных.— СА, XXI.
- Моора А. Х., 1956. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии.— В кн.: Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин.
- Моора А. Х., 1958. О древней территории расселения балтийских племен.— СА, № 2.
- Моора А. Х., Моора А. Х., 1960. К вопросу об историко-культурных подобластях и районах Прибалтики.— СА, № 3.
- Моора А. Х., Моора А. Х., 1965. Из этнической истории води и ижоры.— В кн.: Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloost. Tallinn.

- Морозов В. М., 1981а. Работы в бассейне нижней Оби.— АО 1980 г.
- Морозов В. М., 1981б. Средневековые городища Нижнего Приобья.— ВАУ, вып. 14. Свердловск.
- Морозов В. М., 1982. Средневековые поселения и жилища на р. Дуван.— В кн.: Археологические исследования Севера Евразии: Межвузовский сборник научных трудов. Свердловск.
- Морозов В. М., 1983. Работы в Нижнем Приобье.— АО 1981 г.
- Морозов В. М., 1985. Средневековые памятники Нижнего Приобья.— АО 1983 г.
- Морозов В. М., Пархимович С. Г., 1984. О культурной и этнической принадлежности поселений бассейна р. Тром-Аган.— В кн.: Древние поселения Урала и Западной Сибири. ВАУ, вып. 17. Свердловск.
- Морозов В. М., Пархимович С. Г., 1985. Городище Перегребное I (К вопросу о проникновении приуральского населения в Западную Сибирь в начале II тысячелетия н. э.).— В кн.: Западная Сибирь в древности и средневековье: Сборник научных трудов. Тюмень.
- Морозов В. М., Стефанов В. И., Федорова Н. В., 1979. Работы Северного отряда.— АО 1978 г. М.
- Москаленко А. Н., 1956. Раскопки на Архангельском городище в 1952—1953 гг.— КСИИМК, вып. 62.
- Москаленко А. Н., 1972. Славяно-венгерские отношения в IX в. и древнерусское население среднего и верхнего Дона.— В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М.
- Мошинская В. И., 1953а. Городище и курганы Потчеваш: (К вопросу о потчевашской культуре).— МИА, 35.
- Мошинская В. И., 1953б. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя.— МИА, 35.
- Мошинская В. И., 1959. Об одной группе глиняных антропоморфных изображений из Западной Сибири.— КСИА, вып. 75.
- Мошинская В. И., 1973. Об одной категории западносибирской мелкой пластики.— КСИА, вып. 136.
- Мошинская В. И., 1975. Археологические памятники севера Западной Сибири.— САИ, вып. ДЗ-8. М.
- Мошинская В. И., 1976. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М.
- Мошинская В. И., Лукина Н. В., 1982. О некоторых особенностях в отношении к собаке обских угров.— В кн.: Археология и этнография Приобья. Томск.
- Мошинская В. И., Чернецов В. Н., 1953. Городище Андрушин Городок.— КСИИМК, вып. 51.
- Мугуревич Э. С., 1965. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига.
- Мугуревич Э. С., 1966. Археологические раскопки на городище Маткуле в 1965 г.— В кн.: Тезисы докладов на научной отчетной сессии, посвященной итогам археологических экспедиций 1965 г. Рига.
- Мугуревич Э. С., 1967. Исследование поселений, городищ и замков на территории Латвийской ССР (1945—1965 гг.).— Acta Baltico-Slavica, 5. Białystok.
- Мугуревич Э. С., 1968. Развитие раннесредневековых поселений на территории Латвии.— In: I Międzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej, IV. Wrocław; Warszawa; Kraków.
- Мугуревич Э., 1970. Некоторые вопросы этнической истории Курземе в X—XV вв.— В кн.: Взаимосвязи балтов и прибалтийских финнов. Рига.
- Мугуревич Э. С., 1973. Проблема вендов в период раннего феодализма в Латвии.— In: Berichte über den II. Internationalen Kongress für slawische Archäologie, Band II. Berlin.
- Мурыгин А. М., 1977. Памятники раннего средневековья на Мезени.— МАЕСВ, вып. 6.
- Мурыгин А. М., 1978. Поселение Чойновты V на Мезени.— МАЕСВ, вып. 7.
- Мурыгин А. М., 1980. Поселение Усогоorsk III на средней Мезени.— МАЕСВ, вып. 8.
- Мурыгин А. М., 1981. О некоторых традициях в раннесредневековой керамике Северного Приуралья.— В кн.: Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск.
- Мурыгин А. М., 1982. Разведки по р. Вашке.— АО 1981 г. М.
- Мурыгин А. М., Королев К. С., 1979. Западносибирский этнический компонент на Печоре и Вычегде в эпоху раннего железа и средневековья.— В кн.: Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск.
- Мягков И. М., 1929. Древности Нарымского края (В собрании Томского краевого музея).— Тр. Томского краевого музея, т. II. Томск.
- Мяэсалу А., 1980. Аварийные археологические раскопки на городище Тарту.— Изв. АН ЭССР. Обществ. науки, 4.
- Мяэсалу А., 1981. Раскопки городища Тарту.— АО 1980 г. М.
- Назаренко В. А., 1970. Классификация погребальных памятников Южного Приладожья.— В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.
- Назаренко В. А., 1974. О погребальном ритуале приладожских курганов с очагами.— КСИА, вып. 140.
- Назаренко В. А., 1979а. Норманны и появление курганов в Приладожье.— В кн.: Северная Русь и ее соседи. Л.
- Назаренко В. А., 1979б. Об этнической принадлежности приладожских курганов.— В кн.: Финно-угры и славяне. Л.
- Назаренко В. А., 1980а. Исторические судьбы Приладожья и их связь с Ладогой.— В кн.: Славяне и Русь. Киев.
- Назаренко В. А., 1980б. Об уровне социально-экономического развития населения юго-восточного Приладожья IX—X вв.— В кн.: Fenno-ugri et slavi. 1978. Helsinki.
- Назаренко В. А., 1984. Новый памятник заволочской чуди.— В кн.: Новое в археологии СССР и Финляндии: Доклады Третьего советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии. Л.
- Назаренко В. А., Овсянников О. В., Рябинин Е. А., 1984. Средневековые памятники чуди заволочской.— СА, № 4.
- Накайге Л., 1968. Раскопки в дер. Юргайчяй (Шилутский р-н).— В кн.: 20 лет: Археологические и этнографические экспедиции Института истории АН Литовской ССР (1948—1967 гг.). Вильнюс.
- Нарбут Г., 1822. Урочище Русь.— Северный архив, I. СПб.
- Народы Сибири, 1956. Народы Сибири: Этнографические очерки. М.; Л.
- Насонов А. Н., 1951. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М.
- Недошивина Н. Г., 1969. Акатовский курганный могильник XI—XII вв. в Подмосковье.— В кн.: Экспедиции Государственного Исторического музея. М.
- Недошивина Н. Г., Фезнер М. В., 1982. Социальный и этнический состав населения Ярославского Поволжья в IX—XI вв. (По материалам Тимеревского могильника).— В кн.: Научная конференция «Историческая общность, социально-экономическое и политическое единство народов СССР»: Тезисы. М.
- Нейштадт М. И., 1971. Мировой природный феномен — заболоченность Западносибирской равнины.— Изв. АН СССР. Сер. геогр. I.
- Никитин А. В., 1968. Раскопки курганов в Вологодской области.— АО 1967 г. М.
- Никитин А. В., 1974. Городище и могильник у дер. Крестцы.— КСИА, вып. 139.
- Никитин А. В., 1975. Вологодская и Каргопольская экспедиция.— АО 1974 г. М.
- Никонов С. П., Тарасенко Г. Н., Черезов И. В., 1968. География Тюменской области. Свердловск.
- Новокрещеных Н. Н., 1901. Археологические исследования в западной части Пермской губернии.— Тр. Пермской ученой архивной комиссии, вып. IV. Пермь.
- Носилов К. Д., 1904. У вогулов: Очерки и наброски. СПб.
- Нукшинский могильник, 1957: Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР, I. Рига.
- ОАК за 1874 г. СПб., 1877.
- ОАК за 1882—1888 гг. СПб., 1888.
- ОАК за 1892 г. СПб., 1894.
- ОАК за 1890 г. СПб., 1893.
- ОАК за 1891 г. СПб., 1892.
- ОАК за 1894 г. СПб., 1896.
- ОАК за 1896 г. СПб., 1898.
- ОАК за 1897 г. СПб., 1900.
- ОАК за 1898 г. СПб., 1901.
- ОАК за 1903 г. СПб., 1906.
- ОАК за 1904 г. СПб., 1907.
- ОАК за 1905 г. СПб., 1907.
- ОАК за 1908 г. СПб., 1912.
- ОАК за 1909—1910 гг. СПб., 1913.
- ОАК за 1911 г. СПб., 1914.
- ОАК за 1912 г. СПб., 1916.
- ОАК за 1913—1915 гг., ч. II. СПб., 1918.
- Оборин В. А., 1951. Плеховский могильник на р. Каме.— КСИИМК, вып. XXXVI.
- Оборин В. А., 1953а. Баяновский могильник на р. Косье.— Учен. зап. Пермского гос. ун-та, т. IX, вып. 3. Харьков.

- Оборин В. А., 1953б. Рождественские городище и могильник.— Учен. зап. Пермского ун-та, т. IX, вып. 3. Харьков.
- Оборин В. А., 1956а. К вопросу об удмуртско-пермских связях в IX—XI вв. (по археологическим данным).— Учен. зап. Пермского ун-та, т. XI, вып. 3. Харьков.
- Оборин В. А., 1956б. Некоторые проблемы изучения родановской культуры.— Учен. зап. Пермского ун-та, т. XI, вып. 3. Харьков.
- Оборин В. А., 1956в. Памятники родановской культуры у с. Таборы: (Из работ Камской археологической экспедиции).— КСИИМК, вып. 65.
- Оборин В. А., 1956. К вопросу об удмуртско-пермских связях в IX—XV вв.— В кн.: Общественный строй у народов Северной Сибири. Учен. зап. Молотов. гос. ун-та, т. XI, вып. 3. Харьков.
- Оборин В. А., 1957. Коми-пермяки IX—XV вв.— Автореф. канд. дис. М.
- Оборин В. А., 1961. Некоторые итоги и задачи изучения железного века Верхнего и Среднего Прикамья.— БАУ, вып. 2. Свердловск.
- Оборин В. А., 1962. Раскопки памятников железного века в Верхнем Прикамье.— БАУ, вып. 2. Свердловск.
- Оборин В. А., 1968. Краткий очерк работ Камской археологической экспедиции в 1962—1966 гг.— Учен. зап. Пермского ун-та, вып. 191. Пермь.
- Оборин В. А., 1969. Культурные связи племен Верхнего Прикамья с племенами Северо-Востока в эпоху железа.— В кн.: Древности Восточной Европы. М.
- Оборин В. А., 1970. Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья.— БАУ, вып. 9. Свердловск.
- Оборин В. А., 1973. Могильник Телячий Брод VII—XII вв.— БАУ, вып. 12. Свердловск.
- Оборин В. А., 1976. Раскопки древнего Искора.— АО 1975 г. М.
- Оборин В. А., 1977. Раскопки Искорского городища.— АО 1976 г. М.
- Оборин В. А., 1978. Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль. Пермь.
- Оборин В. А., 1980. Раскопки Искорского городища и святилища.— АО 1981 г. М.
- Оборин В. А., Трефилов А. Ф., 1954. Отчет о работе археологического отряда комплексной экспедиции.— Зап. Удм. НИИ, вып. 16. Ижевск.
- Общественный строй у народов Северной Сибири. М., 1970.
- Овсянников О. В., 1979. Археологические памятники «Чуди Заволочской» в бассейне р. Ваги.— В кн.: Вопросы финно-угроведения: Этнография, антропология, археология, фольклористика, литературоведение. Сыктывкар.
- Овсянников О. В., 1980. Археологические работы в Архангельской области.— АО 1979 г. М.
- Овсянников О. В., 1982. Разведки в Архангельской области.— АО 1981 г. М.
- Овчинникова Б. Б., 1967. К вопросу о происхождении памятников сылвенской культуры (по материалам керамики).— В кн.: V Уральское археологическое совещание: (Тезисы докладов и сообщений). Сыктывкар.
- Ожередов Ю. И., 1983. Работы Кёчгинского отряда.— АО 1981 г. М.
- Окладников А. П., 1948. Древние шаманские изображения Восточной Сибири.— СА, X.
- Олсова Г. И., 1962. Мансийские оронимы Северного Урала.— В кн.: Вопросы топонимики: Доклады кружка сравнительно-исторического языкознания, вып. 1. Свердловск.
- Основы финно-угорского языкознания, 1974. Основы финно-угорского языкознания: (Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М.
- Отрембский Я. С., 1961. Язык ятвягов.— Вопросы славянского языкознания, вып. 5. М.
- Очерки, 1972. Очерки по археологии Белоруссии, II. Минск.
- Ошибкина С. В., 1972. Могильник Пески в Вологодской области.— КСИА, вып. 129.
- Паавер К. Л., 1961. Костные остатки птиц из Асотского городища.— В кн.: Шноре Э. Д. Асотское городище. Рига.
- Павеле Т., 1963. Археологические раскопки в г. Риге по ул. Ленина, 1.— Тезисы докладов на научной отчетной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических экспедиций 1962 г. Рига.
- Паллас П. С., 1770. Путешествие по разным провинциям Российского государства, т. II, кн. 1. СПб.
- Панкрушев Г. А., 1976. Происхождение карел (по археологическим данным).— В кн.: Происхождение карел: Доклады семинара в Йоэпсу 30.VI—2.VII 1976 г. Петрозаводск.
- Панкрушев Г. А., 1980. Происхождение карел по археологическим данным.— В кн.: Новые археологические памятники Карелии и Кольского полуострова. Петрозаводск.
- Патканов С. К., 1891а. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям.— Живая старина, вып. III—IV. СПб.
- Патканов С. К., 1891б. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. СПб.
- Патканов С., 1912. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды ивородцев, т. I. СПб.
- Патрушев В. С., 1964. Древнемарийские поселения второй половины I тысячелетия н. э.— В кн.: Археологический сборник. Тр. VIII Всесоюзной студенческой конференции. JL.
- Патрушев В. С., 1983. Раскопки Малахайского городища.— АО 1982 г. М.
- Патрушев В. С., Халиков А. Х., 1967. Ахмыловский археологический комплекс.— АО 1966 г. М.
- Патрушев В. С., Халиков А. Х., 1968. Марийская экспедиция.— АО 1967 г. М.
- Пашуто В. Т., 1955. Помезания. М.
- Пашуто В. Т., 1958. Борьба прусского народа за независимость (до конца XIII в.).— История СССР, т. 6. М.
- Пашуто В. Т., 1959. Образование литовского государства. М.
- Пелих Г. И., 1963. Элементы переднеазиатской культуры у нарымских селькупов.— Тр. ТГУ, т. 171. Томск.
- Пелих Г. И., 1966. Досамодийский тип жилища нарымских селькупов.— Учен. зап. ТГУ, № 60. Томск.
- Пелих Г. И., 1972. Происхождение селькупов. Томск.
- Первушин Н. Г., 1896. Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии.— МАВГР, вып. 2. СПб.
- Перени И., 1956. Взаимоотношения между венграми и восточнославянскими племенами.— Studia slavica, II. Budapest.
- Перцев В. Н., 1953. Культура и религия древних пруссов.— Учен. зап. Белорусского ун-та. Сер. ист., вып. 16. Минск.
- Перцев В. Н., 1955. Внутренний строй Пруссии перед завоеванием ее немцами.— Учен. зап. Белорусского гос. ун-та. Сер. ист., вып. 23. Минск.
- Петербургский И. М., 1976а. Новые археологические памятники в бассейне реки Сивинь.— В кн.: Материалы по археологии Мордовии. Саранск.
- Петербургский И. М., 1976б. К вопросу об экономических связях мордвы в I—начале II тысячелетия н. э.— В кн.: Материалы по археологии Мордовии. Саранск.
- Петербургский И. М., 1979. Второй Журавкинский могильник.— В кн.: Археологические памятники мордвы I тысячелетия н. э. Саранск.
- Петербургский И. М., 1980. Работы в долине р. Вад.— АО 1979 г. М.
- Петербургский И. М., 1981. Раскопки в долине р. Вад.— АО 1980 г. М.
- Петербургский И. М., Разживин В. Ф., 1976. Раскопки в долине р. Вад.— АО 1975 г. М.
- Петербургский И. М., Чуистова Л. И., Зеленева Ю. А., 1977. Раскопки в Мордовской АССР.— АО 1976 г. М.
- Петербургский И. М., Чуистова Л. И., Зеленева Ю. А., Беллев Я. В., 1978. Раскопки Старобадиковского II могильника.— АО 1977 г. М.
- Петербургский И. М., Чуистова Л. И., Беллев Я. В., 1979. Раскопки Старобадиковского II могильника.— АО 1978 г. М.
- Петренко В. П., 1975. Исследование погребальных памятников Северного Поволжья.— АО 1974 г. М.
- Пигнатти В. Н., 1915. Искер.— ЕТГМ, вып. XXV. Тобольск.
- Пименов В. В., 1965. Вепсы. Очерки этнической истории и генезиса культуры. М.; JL.
- Плетнев В. А., 1903. Об остатках древности и старины в Тверской губ. Тверь.
- Плетнева Л. М., 1971. Исследования в Томской области.— АО 1970 г. М.
- Плетнева Л. М., 1972. Тимирязевский могильник в городище на р. Томь.— АО 1971 г. М.
- Плетнева Л. М., 1973. Курганный могильник у д. Могильники.— ИИС, вып. 5. Томск.
- Плетнева Л. М., 1975. Работа Томского отряда Среднеобской экспедиции.— АО 1974 г. М.

- Плетнева Л. М., 1976а. Погребальный обряд Тимирязевского I курганного могильника.— В кн.: Языки и топонимия. Томск.
- Плетнева Л. М., 1976б. Работы Томского отряда Среднеобской экспедиции.— АО 1975 г. М.
- Плетнева Л. М., 1977. Томское Приобье в конце VIII—III вв. до н. э. Томск.
- Плетнева Л. М., 1978. Работы Томского отряда Среднеобской экспедиции.— АО 1977 г. М.
- Плетнева Л. М., 1979а. Влияние природных условий на хозяйство населения Томского Приобья в эпоху железа.— В кн.: Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск.
- Плетнева Л. М., 1979б. Работы Томского отряда.— АО 1978 г. М.
- Плетнева Л. М., 1980. Работы Томского отряда.— АО 1979 г. М.
- Плетнева Л. М., 1981а. О культурной и этнической принадлежности памятников Томского Приобья V—VIII вв. н. э.— В кн.: Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск.
- Плетнева Л. М., 1981б. Работы Томского отряда.— АО 1980 г. М.
- Плетнева С. А., 1958. Печенеги, тюрки и половцы в южно-русских степях.— МИА, 62.
- Плетнева С. А., 1964. Номадские поселения през VII—IX вв. в Приазовье и бассейна на реке Дон.— Археология, 4. София.
- Плетнева С. А., 1967. От кочевий к городам. М.
- Погодин А. Л., 1901. Из истории славянских передвижений. СПб.
- Погодин А. Л., 1910. Лекции по славянским древностям. Харьков.
- Подгорбунский В. И., 1928. Заметки по изучению гончарства якутов.— Сибирская живая старина, вып. 7. Иркутск.
- Поездка в Трейден, 1896. Поездка в Трейден — Путель.— Изв. Х АС. Рига.
- Покровский Ф. В., 1891. Грабяловские курганы.— Виленский вестник, № 242. Вильно.
- Покровский Ф. В., 1893а. Археологическая карта Виленской губернии. Вильно.
- Покровский Ф. В., 1893б. Вторая археологическая экскурсия в бассейн реки Лоша.— Тр. Виленского отделения Московского предварительного комитета по устройству в Вильно IX АС. Вильно.
- Покровский Ф. В., 1893в. Случайная археологическая экскурсия в верховья р. Вилейки.— Тр. Виленского отделения Московского предварительного комитета по устройству в Вильно IX АС. Вильно.
- Покровский Ф. В., 1895. Курганы на границе современной Литвы и Белоруссии.— Тр. IX АС, I. М.
- Покровский Ф. В., 1897. К исследованию курганов и городищ на восточной окраине современной Литвы.— Тр. IX АС, II. М.
- Покровский Ф. В., 1899а. Археологическая карта Ковенской губернии. Вильно.
- Покровский Ф. В., 1899б. К исследованию бассейна р. Вилии в археологическом отношении.— Тр. X АС, I. М.
- Полесский М. Р., 1962. Пензенские могильники мордвы IV—V вв.— СА, № 4.
- Полесский М. Р., 1965. Ранние памятники материальной культуры мордвы-мокши.— В кн.: Этногенез мордовского народа. Саранск.
- Полесский М. Р., 1970а. Археологические памятники Пензенской области: Путеводитель. Пенза.
- Полесский М. Р., 1970б. Раскопки жилищ VIII—IX вв.— АО 1969 г. М.
- Полесский М. Р., 1970в. Этногенез мордвы по данным новых археологических памятников.— В кн.: Feesid Congressus tertius internationalis fenno-ugristarum. Tallinn.
- Полесский М. Р., 1970 г. Некоторые памятники мордвы-мокши конца I — начала II тысячелетия н. э.— В кн.: Исследования по археологии и этнографии Мордовской АССР. Тр. Мордовского НИИЯЛИЭ, вып. 39. Саранск.
- Полесский М. Р., 1977. Раскопки Золотаревского городища.— АО 1976 г. М.
- Полесский М. Р., 1979. Армянский могильник.— В кн.: Археологические памятники мордвы I тысячелетия н. э. Саранск.
- Поливанов В. Н., 1896. Муранский могильник. М.
- Поляков И. С., 1877. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби. СПб.
- Поляков Ю. А., 1973. К вопросу о раннем этапе этнической истории коми-пермяцкого народа.— В кн.: Языки и ономастика Прикамья. М.
- Попов А. А., 1955. Плетение и ткачество у народов Сибири XIX — первой половины XX в.— СМАЭ, XVI. М.; Л.
- Попов А. И., 1973. Названия народов СССР. Л.
- Попов А. И., 1981. Следы времен минувших. Л.
- Посредников В. А., 1969. Археологические работы на р. Вах.— ИИС, вып. 2. Томск.
- Посредников В. А., 1973. Большеларьякское поселение II — археологический памятник Сургутского Приобья.— ИИС, вып. 5. Томск.
- Потапов Л. П., 1936. Очерки по истории Шории. М.; Л.
- Потемкина Т. М., 1964. Большое Бакальское городище.— АЭБ, вып. II.
- Происхождение марийского народа. 1967. Йошкар-Ола.
- Прокофьева Е. Д., 1949. Мамонт по представлениям селькупов.— САМЭ, II. М.; Л.
- Прокофьева Е. Д., 1950. Орнаменты селькупов.— КСИЭ, вып. X.
- Прокофьева Е. Д., 1952. К вопросу о социальной организации селькупов (роль и фратрия).— ТИЭ, вып. XVIII.
- Прокофьева Е. Д., 1961. Представления селькупских шаманов о мире (по рисункам и акварелям селькупов).— СМАЭ, т. 20.
- Прокошев Н. А., 1931. Могильник близ Вятки.— СГАИМК, № 11—12.
- Прокошев Н. А., 1938. Погребение на р. Чусовой.— СА, III.
- Проходцов И. И., 1914. Могильник в местности «Закопиче» близ села Дегтяного Спасского уезда.— Тр. РУАК, XXVI, 1.
- Прыткова Н. Ф., 1930. Одежда ижор и води.— В кн.: Западнотихвинский сборник.— Тр. Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран, 16. Л.
- Равдоникас В. И., 1924. Доисторическое прошлое Тихвинского края. Тихвин.
- Равдоникас В. И., 1930. Проблемы изучения культур эпохи металла в Карелии.— В кн.: Ежегодник Карельского государственного музея за 1928 г. Петрозаводск.
- Равдоникас В. И., 1932. Ижорский могильник в Красногвардейске.— СГАИМК, № 11—12.
- Равдоникас В. И., 1934. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье.— Изв. ГАИМК, 94. Л.
- Равдоникас В. И., 1940. Археологические памятники западной части Карело-Финской ССР.— КСИИМК, вып. VII.
- Равеская А. М., 1875. Донесение о раскопках в урочище Черном.— Изв. ОЛЕАЭ, XX.
- Раппопорт П. А., 1961. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв.— МИА, 105.
- Расиньш А. П., 1959. Культурные и сорные растения в материалах археологических раскопок на территории Латвийской ССР.— В кн.: Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М.
- Расиньш А. П., 1961. Культурные и сорные растения и состояние земледелия в окрестностях Асотского городища в IX—XIII вв.— В кн.: Шноре Э. Д. Асотское городище, 1961. Рига.
- Распопова В. И., 1979. Основания для датировки металлических изделий из Пенджикента.— КСИА, вып. 158.
- Распопова В. И., 1980. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.
- Рерих Н. К., 1899а. Некоторые древности Шелонской пятины и Бежецкого конца.— ЗРАО, XI, 1—2.
- Рерих Н. К., 1899б. Раскопки художника Н. К. Рериха в Петербургской губернии в 1895—1898 гг.— ЗРАО, XI, 1—2.
- Рерих Н. К., 1900. Экскурсия археологического института 1899 г. в связи с вопросом о финских погребениях в С.-Петербургской губернии.— Вестник археологического института, XIII. СПб.
- Рерих Н., 1901. К древностям валдайским и водским.— ИАК, 1.
- Рихтер Е., 1959. К вопросу об этнической истории сету.— Изв. АН ЭССР. Обществ. науки, 4.
- Розенфельдт И. Г., 1969. Древнее языческое святилище на северном мысу Старорязанского городища.— В кн.: Древности Восточной Европы. М.

- Розенфельдт И. Г., 1974. Северный мыс городища Старая Рязань.— В кн.: Археология Рязанской земли. М.
- Розенфельдт И. Г., 1980. Еще раз о Березняковском городище.— КСИА, вып. 162.
- Розенфельдт Р. Л., 1978. Муромский могильник в с. Молотицы.— В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.
- Розов Н. С., Дремов В. А., 1966. Материалы по антропологии Среднего Приобья VII—X вв. н. э.— СЭ, № 5.
- Романцова В. Д., 1976. Городища X—XIII вв. в Новосибирском Приобье.— В кн.: Языки и топонимия. Томск.
- Романцова В. Д., 1978. Городище Седова Запмка.— В кн.: Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск.
- Рот А. М., 1973. Венгерско-восточнославянские языковые контакты. Будапешт.
- Рыбаков Б. А., 1948. Ремесло Древней Руси. М.
- Рыбаков Б. А., 1976. Новые данные о культе небесного оленя.— В кн.: Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.
- Рыбаков Б. А., 1979. Космогоническая символика «чуждских» шаманных бляшек и русских вышивок.— В кн.: Финно-угры и славяне. Л.
- Рыков П. С., 1914а. Дневник раскопок близ м. Сморгонь.— В кн.: Записки Северо-западного отдела Русского географического общества. 4. Вильно.
- Рыков П. С., 1914б. Могильник близ Маркинешты Опмянского уезда.— В кн.: Записки Северо-западного отдела Русского географического общества, 4. Вильно.
- Рыков П. С., 1914в. Могильник близ станции Сморгонь.— Записки Северо-западного отдела Русского географического общества, 4. Вильно.
- Рыков П. С., 1917. Древности Летгалии. Режица.
- Рыков П. С., 1929. Культура древних финнов в районе р. Узы. Саратов.
- Рыков П. С., 1933. Очерки по истории мордвы. Саратов.
- Рыков П. С., 1936. Очерки по истории Нижнего Поволжья по археологическим данным. Саратов.
- Рябинин Е. А., 1974а. Новгород и северо-западная область Новгородской земли (культурные взаимодействия по археологическим данным).— В кн.: Культура средневековой Руси. Л.
- Рябинин Е. А., 1974б. Погребения с орудиями труда на северо-западе Новгородской земли.— КСИА, вып. 139.
- Рябинин Е. А., 1975. Зооморфные украшения Костромского Поволжья.— КСИА, вып. 144.
- Рябинин Е. А., 1976. Археологические памятники Вотской земли.— СА, № 1.
- Рябинин Е. А., 1979. Чудские племена Древней Руси по археологическим данным.— В кн.: Финно-угры и славяне. Л.
- Рябинин Е. А., 1981а. Зооморфные украшения Древней Руси X—XIV вв.— САИ, вып. Е1—60. М.
- Рябинин Е. А., 1981б. О средневековых древностях Заволочья (по находкам в бассейне р. Кокшеньги).— СА, № 3.
- Рябинин Е. А., 1981в. Славяно-финно-угорские взаимоотношения в Вотской земле (по материалам работ Ижорской экспедиции).— КСИА, вып. 166.
- Рябинин Е. А., 1984. Городища Вотской Земли.— КСИА, вып. 179.
- Савельев П. С., 1852. Археологические поиски в окрестностях Усть-Сысольска.— ЖМВД, т. IV.
- Савельева Э. А., 1962а. Некоторые материалы по археологии европейского северо-востока.— МАЕСВ, вып. 1.
- Савельева Э. А., 1962б. Некоторые материалы по средневековой археологии Вычегодского края.— МАЕСВ, вып. 1.
- Савельева Э. А., 1963. Первый Веслянский могильник.— В кн.: Историко-филологический сборник, вып. 8. Сыктывкар.
- Савельева Э. А., 1964. Средневековые могильники на р. Вымь.— В кн.: АЭБ, т. II.
- Савельева Э. А., 1967а. Пермь вычегодская по археологическим данным.— Автореф. канд. дис. М.
- Савельева Э. А., 1967б. Тохтинское поселение на р. Яренге.— Тезисы V Уральского археологического совещания. Сыктывкар.
- Савельева Э. А., 1967в. Языческий могильник Ветью на р. Вымь.— Изв. Коми филиала ВГО, т. II. Сыктывкар.
- Савельева Э. А., 1967г. Языческий могильник перми вычегодской.— АО 1966 г. М.
- Савельева Э. А., 1968. Археологические раскопки средневековых памятников коми-зырян XII—XIV вв.— АО 1967 г. М.
- Савельева Э. А., 1971. Пермь вычегодская по археологическим данным. М.
- Савельева Э. А., 1972. Лузская пермца. Сыктывкар.
- Савельева Э. А., 1973а. Вадъягский могильник.— В кн.: Памятники каменного и медно-бронзового века на Печоре и Усе. Сыктывкар.
- Савельева Э. А., 1973б. Кичилькосьский могильник 2.— МАЕСВ, вып. 5.
- Савельева Э. А., 1976а. Раскопки I и II Веслянских могильников.— АО 1975 г. М.
- Савельева Э. А., 1976б. Тохтинское поселение на р. Яренге.— Тезисы V Уральского археол. совещания. Сыктывкар.
- Савельева Э. А., 1978. Раскопки Ыджыдзельского могильника.— АО 1977 г. М.
- Савельева Э. А., 1979а. Раскопки Ыджыдзельского могильника.— АО 1978 г. М.
- Савельева Э. А., 1979б. Хронология погребальных комплексов Веслянского I могильника.— КСИА, вып. 159.
- Савельева Э. А., 1980. Работы Вымского отряда Северодвинской экспедиции.— АО 1979 г. М.
- Савельева Э. А., 1982. Актуальные проблемы этногенеза коми-зырян.— В кн.: Проблемы этногенетических исследований Европейского Северо-Востока. Пермь.
- Савельева Э. А., 1985а. Этногенез коми-зырян.— Научные доклады Коми филиала АН СССР. Сыктывкар, вып. 130(18).
- Савельева Э. А., 1985б. Этногенез коми-зырян (по данным археологии).— В кн.: Проблемы этногенеза народа коми. Сыктывкар.
- Савельева Э. А., Истомина Т. В., Семенов В. А., 1979. Работы Вымского отряда Северодвинской экспедиции.— АО 1978 г. М.
- Савельева Э. А., Истомина Т. В., 1980. II Веслянский могильник.— В кн.: Древние памятники Северного Приуралья. Сыктывкар.
- Савельева Э. А., Канивец В. И., 1965. Некоторые вопросы этногенеза коми в свете археологических источников.— Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной конференции по финно-угроведению. Сыктывкар.
- Савельева Э. А., Малышев Н. П., 1977. Чабаровское городище.— МАЕСВ, вып. 6.
- Савельева Э. А., Чеснокова Н. Н., 1979. Работа Вычегодского отряда Северодвинской экспедиции.— АО 1978 г. М.
- Савинов Д. Г., 1973. К этнической принадлежности сrostкинских культур.— ПАС. Новосибирск.
- Савинов Д. Г., 1976. Расселение кимаков в IX—X вв. по археологическим источникам.— В кн.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата.
- Савукина Б., 1966. К проблеме западнобалтийского субстрата в юго-западной Литве.— In: Baltistica, 1(2). Vilnius.
- Садикова М. Х., 1962. Новые памятники железного века Башкирии (исследования 1957 г.).— АЭБ, т. I.
- Сакса А. И., 1981. Древности Карельского перешейка (по материалам Карельских могильников).— КСИА, вып. 166.
- Сакса А. И., 1984. Комплекс археологических памятников у д. Ольховки (Лапинлахти).— В кн.: Новое в археологии СССР и Финляндии: Доклады Третьего советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии 11—15 мая 1981 г. Л.
- Сальников К. В., 1952. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск.
- Сальников К. В., 1956. Исетские древние поселения.— СА, XXV.
- Сальников К. В., 1961а. Опыт классификации керамики лесостепного Зауралья.— СА, № 2.
- Сальников К. В., 1961б. Основные итоги и проблемы археологического изучения Южного Урала.— ВАУ, вып. 1. Свердловск.
- Сальников К. В., 1967. Очерки древней истории Южного Урала. М.
- Самоквасов Д. Я., 1908. Могилы Русской земли. М.
- Сатанев В. В., 1914. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг.— ИАК, вып. 56.
- Седов В. В., 1952. Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода.— КСИЭ, вып. XV.
- Седов В. В., 1953. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX—XIV вв.).— СА, XVIII.

- Седов В. В., 1961. Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах древней Руси.— СА, № 2.
- Седов В. В., 1963. Из полевых исследований 1961 г.— КСИА, вып. 96.
- Седов В. В., 1964. Курганы ятвягов.— СА, № 4.
- Седов В. В., 1966а. Рязанско-окские могильники.— СА, № 4.
- Седов В. В., 1966б. Финно-угорские элементы в древнерусских курганах.— В кн.: Культура Древней Руси. М.
- Седов В. В., 1967. Поселения культуры штрихованной керамики.— In: Acta Universitatis Wratislaviensis, 56. Wroc'aw.
- Седов В. В., 1968а. Ятвяжские древности в Литве.— Тр. АН ЛитССР. Сер. А, 1(26). Вильнюс.
- Седов В. В., 1968б. Ятвяжское племя дейнова.— КСИА, вып. 113.
- Седов В. В., 1970а. Новгородские сопки.— САИ, Е1-8. М.
- Седов В. В., 1970б. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М.
- Седов В. В., 1970в. Славяне и племена юго-восточного региона Балтийского моря.— In: Berichte über den II. Internationalen Kongreß für slawische Archäologie, Bd. I. Berlin.
- Седов В. В., 1971. Балтская гидронимика Волго-Окского междуречья.— В кн.: Древнее поселение в Подмосковье. М.
- Седов В. В., 1974. Длинные курганы кривичей.— САИ, Е1-8. М.
- Седов В. В., 1975. Жилища юго-восточной Прибалтики (I — начало II тысячелетия н. э.).— В кн.: Древнее жилище народов Восточной Европы. М.
- Седов В. В., 1978. Этнография Восточной Европы середины I тысячелетия н. э. по данным археологии и Иордана.— В кн.: Восточная Европа в древности и средневековье. М.
- Седов В. В., 1979. Этнический состав населения Новгородской земли.— В кн.: Финно-угры и славяне. Л.
- Седов В. В., 1980. Балты и славяне в древности (по данным археологии).— В кн.: Из древнейшей истории балтийских народов. Рига.
- Седов В. В., 1982. Восточные славяне в VI—XIII вв.— Археология СССР. М.
- Седов В. В., 1983. Финно-угорская археология в 1970—1981 гг. (эпоха средневековья).— КСИА, вып. 175.
- Седов В. В., 1984. Водь.— В кн.: Новое в археологии СССР и Финляндии: Доклады Третьего советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии 11—15 мая 1981 г. Л.
- Седов В. В., 1985. Днепровские балты.— В кн.: Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. Вильнюс.
- Седова М. В., 1959. Ювелирные изделия древнего Новгорода.— МИА, 65.
- Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М.
- Седова М. В., Беленькая Д. А., 1981. Окольный город Суздаля.— В кн.: Древнерусские города. М.
- Селезнев Ф. Я., 1925. Археологические исследования в окрестностях Муром. Культура финно-угров средней Оки. Владимир.
- Селиванов А. В., 1895. О раскопках Борковского могильника.— Тр. XI АС, I. М.
- Селиванов А. В., 1909. О древнейшем населении приокского района, предшествовавшем славянской колонизации.— Тр. Третьего областного историко-археологического съезда. Владимир.
- Селиранд Ю. Я., 1969. Полевые исследования эстонских археологов.— АО 1968 г. М.
- Селиранд Ю. Я., 1970. Раскопки на Сакаланских городищах.— АО 1969 г. М.
- Селиранд Ю., Тыниссон Э., 1978а. Предварительные результаты исследования городища Варбола в 1974—1976 гг.— Изв. АН ЭССР. Обществ. науки. 1.
- Селиранд Ю., Тыниссон Э., 1978б. Раскопки городища Варбола.— АО 1977 г. М.
- Семенов В. А., 1967а. Из истории удмуртского народного орнамента (III—XII вв.).— В кн.: Вопросы финно-угорского языкознания, вып. IV. Ижевск.
- Семенов В. А., 1967б. Петропавловский могильник VI—VIII вв. в южной Удмуртии.— ВАУ, вып. 7. Свердловск.
- Семенов В. А., 1967в. Археологические исследования на юге Удмуртии в 1965—1966 гг.— Тезисы докладов на V Уральском археологическом совещании. Сыктывкар.
- Семенов В. А., 1967г. Новые памятники VI—XVIII вв. в среднем течении р. Чепцы.— В кн.: Вопросы археологии Удмуртии. Ижевск.
- Семенов В. А., 1971. Удмуртская экспедиция.— АО 1970 г. М.
- Семенов В. А., 1972. Удмуртская экспедиция.— АО 1971 г. М.
- Семенов В. А., 1976а. Новые памятники VI—XVIII вв. в среднем течении р. Чепцы.— В кн.: Вопросы археологии Удмуртии. Ижевск.
- Семенов В. А., 1976б. Южные удмурты в XVI в. (по материалам Ореховского могильника).— В кн.: Вопросы этнографии Удмуртии. Ижевск.
- Семенов В. А., 1979а. Кышкиский могильник X—XII вв.— В кн.: Северные удмурты в начале II тысячелетия н. э. Ижевск.
- Семенов В. А., 1979б. Большесазоновский древнеудмуртский могильник X—XII вв.— В кн.: Северные удмурты в начале II тысячелетия н. э. Ижевск.
- Семенов В. А., 1979в. Материалы к истории жилища и хозяйственных сооружений удмуртов в VI — первой половине IX в.— В кн.: Материалы археологических памятников Камско-Вятского междуречья. Ижевск.
- Семенов В. А., 1980. Варнинский могильник.— В кн.: Новый памятник полоумской культуры. Ижевск.
- Семенов В. А., 1982. Маловенижское городище Пор-кар.— В кн.: Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск.
- Семенов В. А., Корепанов К. И., Старцева А. Ю., 1973. Удмуртская экспедиция.— АО 1972 г. М.
- Семенова В. И., 1981. Раскопки Урьевских городищ.— АО 1980 г. М.
- Семенова В. И., 1983. Исследования в окрестностях пос. Урьево.— АО 1981 г. М.
- Семенова В. И., 1984. Работы в Сургутском и Нефтеюганском районах Тюменской области.— АО 1982 г. М.
- Семенова В. И., 1985. Раскопки могильника Усть-Балык.— АО 1983 г. М.
- Сергеев С. И., 1895. О пещерах на р. Яйве и ее притоках Соликамского уезда. Пермской губернии.— В кн.: Пермский край, т. 3. Пермь.
- Серебренников Б. А., 1957. О некоторых следах исчезнувшего индоевропейского языка в центре Европейской части СССР, близкого балтийским.— Тр. АН ЛитССР. Сер. А, 1.
- Сидоров А. С., 1954. Археологические памятники Коми АССР.— Изв. Коми филиала ВГО, вып. 2. Сыктывкар.
- Сидоров Е. А., Соболев В. Н., 1977. Раскопки памятника Чулым 2.— АО 1976 г. М.
- Сизов В. И., 1896. Предварительный отчет о поездке с археологической целью в Курляндскую губернию летом 1896 г.— АИЗ, 4.
- Синяев В. С., 1950. Материалы к археологической карте нижнего Чулыма.— СА, XIII.
- Сирелиус У. Д., 1907. Домашние ремесла остяков и вогулов.— ЕТГМ, вып. XVI. Тобольск.
- Слава М. К., 1959. Комплексы женской народной одежды латышей в конце XVIII и первой половине XIX в.— В кн.: Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М.
- Слава М. К., 1977. Латышская народная одежда как источник для изучения этнической истории.— В кн.: Проблемы этнической истории балтов: Тезисы докладов Рига.
- Слава М. К., 1981. Этнокультурные связи населения западных частей Латвии и Литвы по данным одежды.— В кн.: Проблемы этногенеза и этнической истории балтов: Тезисы докладов. Вильнюс.
- Словцов И. Я., 1885. О находках предметов каменного периода близ г. Тюмени.— Зап. ЗСО РГО, кн. VII, вып. 1. Омск.
- Словцов И. Я., 1892. В стране кедра и соболя.— Зап. ЗСО РГО, кн. XIII, вып. 1. Омск.
- Смирнов А. П., 1929а. Ванвиздинская дюнная стоянка.— ТСА РАНИОН, т. IV. М.
- Смирнов А. П., 1929б. Довдыкарское городище. Тр. НОИВК, вып. IV. М.
- Смирнов А. П., 1931. Финские феодальные города.— В кн.: На удмуртские темы. М.
- Смирнов А. П., 1937. Могильник Бпгер-шай.— СА, IV.
- Смирнов А. П., 1938а. Прикамье в I тысячелетии н. э.— Тр. ГИМ, вып. VIII. М.
- Смирнов А. П., 1938б. Промышленность и общественный строй у народов Прикамья в I тысячелетии н. э. (по данным археологии).— Зап. Удм. НИИ, вып. 88. Ижевск.
- Смирнов А. П., 1938в. Финские феодальные города.— В кн.: На удмуртские темы. М.
- Смирнов А. П., 1940. Очерк древней истории мордвы.— В кн.: Тр. ГИМ, вып. XI. М.

- Смирнов А. П., 1949. Археологические памятники на территории Марийской АССР и их место в материальной культуре Поволжья. Козмодемьянск.
- Смирнов А. П., 1952. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья.— МИА, 28.
- Смирнов А. П., 1958. Финно-угорские племена первой половины I тысячелетия н. э.— В кн.: Очерки истории СССР, III—IX вв. М.
- Смирнов А. П., 1965. Этногенез мордовского народа по данным археологии. I—XV вв. н. э.— В кн.: Этногенез мордовского народа. Саранск.
- Смирнов А. П., 1971. К вопросу о русско-мордовских отношениях в X—XIV вв.— СА, № 3.
- Смирнов Н. Г., 1975. Ландшафтная интерпретация новых данных по фауне адриатических памятников Зауралья.— ВАУ, вып. 13. Свердловск.
- Смирнов Я. И., 1909. Восточное серебро: Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. СПб.
- Советское финно-угроведение, 1980а. Советское финно-угроведение, 1975—1980.— Материалы к V Международному финно-угорскому конгрессу. Турку, 1980. Указатель литературы к обзорам. М.
- Советское финно-угроведение, 1980б. Советское финно-угроведение, 1975—1980.— Материалы к V Международному финно-угорскому конгрессу. Турку, 1980. Обзоры работ советских ученых. М.
- Советское финно-угроведение, 1985. Советское финно-угроведение, 1980—1984. Материалы к VI Международному финно-угорскому конгрессу. Сыктывкар, 1985. Указатель литературы. М.
- Соколова З. П., 1957. К истории жилища обских укров.— СЭ, № 2.
- Соколова З. П., 1959. К вопросу о развитии обско-угорской землянки.— Ежегодник Тюменского областного музея, вып. 1. Тюмень.
- Соколова З. П., 1971. Пережитки религиозных представлений у обских укров.— СМАЭ, 27.
- Соколовский В., 1979. Второй Олуствереский клад.— Изв. АН ЭССР. Обществ. науки, 4.
- Сорокин С. С., 1959. Железные изделия Саркела-Белой Вежи.— МИА, 75.
- Спицын А. А., 1888. К истории вятских инородцев. Вятка.
- Спицын А. А., 1893а. Люцинский могильник.— МАР, № 14.
- Спицын А. А., 1893б. Приуральский край. Археологические изыскания о древнейших обитателях Вятской губернии.— МАВГР, вып. 1.
- Спицын А. А., 1895. Дополнительные замечания.— В кн.: Бранденбург Н. Е., Курганы южного Приладожья.— МАР, № 18.
- Спицын А. А., 1896. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского.— МАР, № 20.
- Спицын А. А., 1899а. Материалы по доисторической археологии России.— ЗРАО, т. XI, вып. 1—2.
- Спицын А. А., 1899б. Предполагаемые древности Черной Руси.— ЗРАО, XI, вып. 1—2.
- Спицын А. А., 1901. Древности бассейнов рек Оки и Камы.— МАР, № 25.
- Спицын А. А., 1902. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых.— МАР, № 26.
- Спицын А. А., 1903а. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова.— МАР, № 29.
- Спицын А. А., 1903б. Отчет о раскопках.— ОАК за 1901 г.
- Спицын А. А., 1904. Лифляндские курганы.— ИАК, вып. 6.
- Спицын А. А., 1905. Владимирские курганы.— ИАК, вып. 15.
- Спицын А. А., 1906а. Зауральские древние городища.— ЗОРСА, т. VIII, вып. 1.
- Спицын А. А., 1906б. Шаманские изображения.— ЗОРСА, т. VIII, вып. 1.
- Спицын А. А., 1906в. К истории заселения Верхнего Поволжья русскими.— Тр. II Тверского обл. археологического съезда. Тверь.
- Спицын А. А., 1907. Курганы в окрестностях озера Жеймны.— ЗОРСА, т. VII, вып. 2.
- Спицын А. А., 1915. Археологический альбом.— ЗОРСА, т. XI.
- Спицын А. А., 1924. Древности Иваново-Вознесенской губернии. Иваново-Вознесенск.
- Спицын А. А., 1925. Литовские древности.— Tauta ir žodis, III, Каунас.
- Средне-приинская мордва, 1969. Материальная культура средне-приинской мордвы VIII—XI вв. (По материалам раскопок П. П. Иванова за 1927—1928 гг.). Саранск.
- Ставровский Я., 1900. Племена Озерной области.— В кн.: Россия. Полное географическое описание нашего отечества под ред. П. П. Семенова, т. III. СПб.
- Станкевич И. Л., 1981. Исследования в Ярославской области.— АО 1980 г. М.
- Станкевич Я. В., 1941. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X вв.— МИА, 6.
- Станкевич Я. В., 1947. Хронологическая классификация погребений юго-восточного Приладожья.— КСИИМК, вып. XIV.
- Старостин П. Н., 1981. Памятники предболгарского времени Нижнего Прикамья.— В кн.: Плиско-Преслав. София.
- Старостин П. Н., Кузьминых С. В., 1978. Погребение литейщицы из пятого Рождественского могильника.— В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.
- Старцева Л. М., 1966. Керамика городища Кижир-во.— В кн.: Вопросы археологии и этнографии Западной Сибири. Учен. зап. ТГИ, № 60.
- Степанов П. Д., 1948. Памятники I тысячелетия н. э. в восточной части Мордовской АССР.— КСИИМК, вып. XIX.
- Степанов П. Д., 1949. Еще один памятник древней мордвы в долине р. Суры.— Зап. Мордовского НИИЯЛИЭ, № 11. Саранск.
- Степанов П. Д., 1951. Итоги раскопок древнемордовских памятников.— КСИИМК, вып. XXXVIII.
- Степанов П. Д., 1952. К вопросу о земледелии у древней мордвы.— СЭ, № 3.
- Степанов П. Д., 1956. Итоги археологических работ в Западном Поволжье за пятилетие 1945—1949 гг. Саратов.
- Степанов П. Д., 1964а. Андреевский курган.— Тр. Мордовского НИИЯЛИЭ, вып. 27. Саранск.
- Степанов П. Д., 1964б. Памятники угорско-мадьярских (венгерских) племен в Среднем Поволжье.— АЭБ, т. II.
- Степанов П. Д., 1967. Ош-Пандо. Саранск.
- Степанов П. Д., 1969. Археологические памятники на территории Мордовии. Саранск.
- Степанов П. Д., 1970а. Древняя история мордвы-эрзи, ч. II.— В кн.: Исследования по археологии и этнографии Мордовской АССР. Тр. Мордовского НИИЯЛИЭ, вып. 39. Саранск.
- Степанов П. Д., 1970б. Новое в древней истории мордвы-эрзи.— В кн.: Тезисы докладов III Международного Конгресса финно-угроведов, вып. 2. Таллин.
- Степи Евразии, 1981. Степи Евразии в эпоху средневековья.— Археология СССР. М.
- Стоколос В. С., 1960. Археологическая разведка Серовского музея.— В кн.: Из истории Урала. Свердловск.
- Стоянов В. Е., 1969. Узловское поселение.— ВАУ, вып. 8. Свердловск.
- Стоянов В. Е., Ширяев А. Г., 1964. Селище Речкино I.— ВАУ, вып. 6. Свердловск.
- Стубавс А. Я., 1959. Раскопки городища Кентекалнс в 1954—1956.— В кн.: Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М.
- Стубавс А. Я., 1966. Некоторые археологические находки XI—XIII вв. из городища Кокнесе.— В кн.: От эпохи бронзы до раннего феодализма. Таллин.
- Стубавс А. Я., 1967. Археология в Советской Латвии (1945—1967 гг.).— СА, № 4.
- Стубавс А., 1970. Археологические находки из древнего Саласпилса и хронология памятника.— В кн.: Studia archaeologica in memoriam Harri Moora. Tallinn.
- Стубавс А. Я., 1977. Некоторые аспекты этногенеза ливов и балтов.— В кн.: Проблемы этнической истории балтов: Тезисы докладов. Рига.
- Стубавс А. Я., 1981. Некоторые аспекты этнической истории селов (II—XII вв.).— В кн.: Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. Тезисы докладов. Вильнюс.
- Сыркина И. А., 1983. Клад с городища Лорвож (XII в.).— СА, № 4.
- Талицкая И. А., 1952. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы.— МИА, 27.
- Талицкая И. А., 1953. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья.— МИА, 35.
- Талицкий М. В., 1940а. К этногенезу Коми.— КСИИМК, вып. 1.
- Талицкий М. В., 1940б. Кочергинский могильник.— МИА, 1.

- Талицкий М. В., 1941а. К этногенезу народа Коми.— КСИИМК, вып. IX.
- Талицкий М. В., 1941б. Обследование р. Чусовой.— В кн.: Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. М.; Л.
- Талицкий М. В., 1951. Верхнее Прикамье в X—XIV вв.— МИА, 22.
- Тамла Т., 1978. Исследование городища и поселения в Пада.— Изв. АН ЭССР. Обществ. науки, 4.
- Тамла Т., 1980. Предварительные результаты Падаской экспедиции в 1978—1979 гг.— Изв. АН ЭССР. Обществ. науки, 4.
- Тамла Т., Лаул М., 1979. Археологические раскопки в Кяэпа.— Изв. АН ЭССР. Обществ. науки, 4.
- Тараканова С. А., 1955. Археологические памятники воды.— В кн.: Тезисы докладов на объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики. М.
- Тараканова С. А., Саадре О. В., 1955. Результаты археологических раскопок 1952 и 1953 гг. в Таллине.— В кн.: Muisteed asulad ja linnused. Tallinn.
- Тарасов П. Г., 1909. Отчет о раскопках.— ОАК за 1906 г.
- Тарасов П. Г., 1910. Отчет о раскопках.— ОАК за 1907 г.
- Таугавичюс А. З., 1959. Восточнолитовские курганы.— ВЭИИП.
- Таугавичюс А., 1967. Археологические раскопки Института истории АН Литовской ССР.— АО 1966 г. М.
- Таугавичюс А., 1968а. Дополнительные замечания по вопросу о границах между ятвяжскими и литовскими племенами.— Тр. АН Лит. ССР. Сер. А., 1(26).
- Таугавичюс А., 1968б. Раскопки в дер. Бикавенай (Шилутский р-н).— В кн. 20 лет: Археологические и этнографические экспедиции Института истории АН Лит. ССР (1948—1967 г. г.). Вильнюс.
- Таугавичюс А., 1968в. Территория жемайтов по археологическим данным V—XII вв.— В кн.: 20 лет: Археол. и этнограф. экспедиции Ин-та истории АН Лит. ССР. Вильнюс.
- Таугавичюс А., 1970. Археологические исследования в Литве в 1962—1966 гг.— Acta Baltico-Slavica, VII. Białystok.
- Таугавичюс А. З., 1980. Балтские племена на территории Литвы в I тысячелетии н. э.— В кн.: Из древнейшей истории балтских народов по данным археологии и антропологии. Рига.
- Теплоузов А. Ф., 1924. Следы былого пребывания угорского народа в смежных областях Пермской и Вятской губерний.— ЗУОЛЕ, т. XXXIX.
- Теплоузов А. Ф., 1960. О происшедшей некогда смене угров пермяками на верхней Каме, на верхней Вычегде и удмуртами на р. Чепце.— Тр. Камской археологической экспедиции, т. III. Учен. зап. Пермского ун-та, вып. 1. Пермь.
- Теплоузов А. Ф., 1892. Земледельческие орудия пермской чуди.— В кн.: Пермский край, т. I. Пермь.
- Теплоузов А. Ф., 1893. Древности пермской чуди в виде баснословных людей и животных.— В кн.: Пермский край, т. II. Пермь.
- Теплоузов А. Ф., 1895а. Древности, найденные в Чаньвенской пещере Соликамского уезда.— В кн.: Пермский край, т. III. Пермь.
- Теплоузов А. Ф., 1895б. Древности пермской чуди из серебра и золота и ее торговые пути.— Пермский край, т. II. Пермь.
- Теплоузов А. Ф., 1896. Чудское жертвенное место на р. Колве.— Тр. Пермской ученой архивной комиссии, вып. II. Пермь.
- Теплоузов А. Ф., 1897. Рисунки древностей пермской чуди, принадлежащие Пермскому музею. Пермь.
- Титов Л., 1840. Статистическое описание г. Муром. Владимир.
- Ткаченко О. Б., 1985. Мерянский язык. Киев.
- Томсинский С. В., 1982а. О двух типах построек Тимеревского селища.— В кн.: Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.
- Томсинский С. В., 1982б. Постройки Тимеревского поселения.— В кн.: Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л.
- Топоров В. Н., 1959. Две заметки из области балтийской топонимики. О южной границе ятвягов.— In: Rakstu krājums veltījums akademikim profesoram Dr. Jānim Endzelīnam viņa 85 drives im 65 darba gadu atcerei. Rīgā.
- Топоров В. Н., 1975. Прусский язык. Словарь А—Д. М.
- Топоров В. Н., 1979. Прусский язык. Словарь Е—Н. М.
- Топоров В. Н., 1980. Прусский язык. Словарь I—К. М.
- Топоров В. Н., 1984. Прусский язык. Словарь К—Л. М.
- Топоров В. Н., Трубачев О. Н., 1962. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.
- Третьяков П. Н., 1934. Первобытная охота на севере Азии.— В кн.: Из истории родового общества на территории СССР. М.; Л.
- Третьяков П. Н., 1941а. К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э.— МИА, 5.
- Третьяков П. Н., 1941б. Северные восточнославянские племена.— МИА, 6.
- Третьяков П. Н., 1957. К вопросу об этническом составе населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н. э.— СА, № 2.
- Третьяков П. Н., 1961. У истоков этнической истории финно-угорских племен.— СЭ, № 2.
- Третьяков П. Н., 1962. Рец. на кн.: Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья.— СА, № 4.
- Третьяков П. Н., 1966. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л.
- Третьяков П. Н., 1970. У истоков древнерусской народности. Л.
- Третьяков П. Н., Шмидт Е. А., 1963. Древние городища Смоленщины. М.; Л.
- Трефилов А. Ф., 1951. О древностях удмуртов.— Учен. зап. Удм. НИИ, вып. 15. Ижевск.
- Троицкая Т. Н., 1963. К вопросу о культе медведя в Приобье.— Изв. СО АН СССР, 1963, № 9. Сер. обществ. наук, вып. 3. Новосибирск.
- Троицкая Т. Н., 1973а. Об этногенезе племен лесостепного Приобья в конце I тысячелетия н. э.— ПАС. Новосибирск.
- Троицкая Т. Н., 1973б. Пояса из погребений Новосибирского Приобья.— КСИА, вып. 136.
- Троицкая Т. Н., 1976. Новосибирское Приобье в IX—X вв. н. э.— В кн.: Языки и топонимия. Томск.
- Троицкая Т. Н., 1977. Погребения с трупосожжениями конца I тысячелетия на р. Уени в Новосибирской области.— В кн.: Археология Южной Сибири. Кемерово.
- Троицкая Т. Н., 1978. Красный Яр I — памятник позднего железного века.— В кн.: Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск.
- Троицкая Т. Н., 1979. К вопросу о тюркизации населения Новосибирского Приобья во второй половине I тысячелетия н. э.— В кн.: Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск.
- Троицкая Т. Н., 1980. Одинцовская культура в Новосибирском Приобье.— В кн.: Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск.
- Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И., 1980. Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск.
- Трибацев О. Н., 1965. Заметки по этимологии и ономастике.— В кн.: Питання ономастики. Київ.
- Трубицкая Н. В., 1953. Племена городецкой культуры.— Тр. ГИМ, вып. XXII. М.
- Трубицкая Н. В., 1965. Древние мордовские племена в начале I тысячелетия н. э.— В кн.: Этногенез мордовского народа. Саранск.
- Труммал В. К., 1971. Археологические раскопки в Тарту и поход князя Ярослава в 1030 г.— СА, № 2.
- Туганов В. В., Ефимова Т. П., 1982а. Возделываемые культуры и их засорители на полях северных удмуртов в XI—XII вв.— В кн.: Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск.
- Туганов В. В., Ефимова Т. П., 1982б. Палеоагроботанические исследования в бассейне р. Чепцы Удмуртской АССР. (X—XIV вв.).— Ботанический журнал, № 4.
- Туткина Н. В., 1966. Об этническом составе населения бассейна р. Шексы в X—XII вв.— В кн.: Археологический сборник: Тр. ГИМ, вып. 40. М.
- Туткина Н. В., 1970. Новый памятник веси на р. Суде.— В кн.: Ежегодник ГИМ, 1965—1966. М.
- Туткина Н. В., 1971. Этническая принадлежность погребенных в курганах юго-восточного Приладожья.— В кн.: История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М.
- Туткина Н. В., 1976. Этнические особенности веси X—XII вв.: Автореф. канд. дис. М.
- Туткина Н. В., 1980. Археологические исследования в г. Муроме.— В кн.: История и культура Евразии по археологическим данным: Тр. ГИМ, вып. 51. М.
- Тыниссон Э. Ю., 1966. Об этнических границах в западной Видземе.— В кн.: Конференция по топонимике северо-западной зоны СССР. Рига.
- Тыниссон Э. Ю., 1968. Археологические памятники ливов в Видземе (X—начало XIII в.): Автореф. канд. дис. Таллин.

- Тыниссон Э. Ю., 1970а. Ливы.— Вопросы истории, № 3.
- Тыниссон Э. Ю., 1970б. Исследование городища Соонтагана.— АО 1969 г. М.
- Тыниссон Э. Ю., 1971. Раскопки городища Соонтагана.— АО 1970 г. М.
- Тыниссон Э. Ю., 1972а. Раскопки городища Коновере.— АО 1971 г. М.
- Тыниссон Э. Ю., 1972б. Раскопки городища Соонтагана.— АО 1971 г. М.
- Тыниссон Э. Ю., 1973. Исследования в западной Эстонии.— АО 1972 г. М.
- Тыниссон Э., 1974а. Исследование селища в Линнузе.— Изв. АН ЭССР. Обществ. науки, 1.
- Тыниссон Э. Ю., 1974б. Раскопки городища Коновере.— АО 1973 г. М.
- Тыниссон Э. Ю., 1975а. Исследования городища в Лоху.— АО 1974 г. М.
- Тыниссон Э., 1975б. О некоторых результатах исследований городища Коновере.— Изв. АН ЭССР. Обществ. науки, 1.
- Тыниссон Э. Ю., 1976а. Городище в Лоху (западная Эстония).— АО 1974 г. М.
- Тыниссон Э., 1976б. Исследования городища Лоху.— Изв. АН ЭССР. Обществ. науки, 1.
- Тыниссон Э., 1977. Оборонительные сооружения городища Лоху.— Изв. АН ЭССР. Обществ. науки, 1.
- Тыниссон Э., 1980. Некоторые итоги изучения древнеэстонского жилища (по материалам городищ XI—XIII вв.).— Изв. АН ЭССР. Обществ. науки, 1.
- Тыниссон Э., 1981. Раскопки городища Варбола.— АО 1980 г. М.
- Тыниссон Э. Ю., Граудонис Я. Я., 1961. Раскопки ливских курганов в Кримулде.— Изв. АН Латв. ССР, № 10.
- Тыниссон Э. Ю., Мугуревич Э. С., 1965. Результаты исследования ливских археологических памятников в 1964 г.— В кн.: Тезисы докладов на научной сессии, посвященной итогам экспедиций археологов и этнографов в Латвийской ССР в 1964 г. Рига.
- Тыниссон Э., Селиранд Ю., 1978. О раскопках городища Варбола.— Изв. АН ЭССР. Обществ. науки, 4.
- Тыниссон Э., Селиранд Ю., 1979. Исследование городища Варбола.— АО 1978 г. М.
- Тюленев В. А., 1984. К вопросу о дошведском поселении на месте Выборга.— В кн.: Новое в археологии СССР и Финляндии: Доклады Третьего советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии, 11—15 мая 1981 г. Л.
- Уваров А. С., 1872. Меряне и их быт по курганным раскопкам. М.
- Уваров А. С., 1907. Каталог собрания древностей графа А. С. Уварова. Отд. III—IV. М.
- Уваров Ф. А., 1890. Куманский могильник.— Древности, XIV. М.
- Ураев Р. А., 1956. Дополнение к «Археологическим памятникам Томской области».— Тр. ТОКМ, т. V.
- Успенский Д., 1845. Ингры, вятя, ягрямя, саваолаксы.— Финский вестник, II. СПб.
- Устрялов Н. Г., 1883. Сказания князя Курбского, ч. 1. СПб.
- Фальк И. Г., 1824. Записки путешествия от С.-Петербурга до Томска.— В кн.: Полное собрание ученых путешествий по России, т. VI. СПб.
- Фасмер Р. Р., 1929. Список монетных находок, зарегистрированных Секцией пумизматики.— СГАИМК, т. II. Л.
- Фаттахов Р. М., 1980. Краниологические характеристики материалов из Варнинского могильника.— В кн.: Новый памятник полоумской культуры. Ижевск.
- Федоров А. Ф., 1904. Дубровский могильник.— Тр. РАУК, т. XVIII, вып. 2.
- Федоров-Давыдов Г. А., 1974. Находки кладов золотоордынских монет.— В кн.: Города Поволжья в средние века. М.
- Федорова Н. В., 1974. Исследования на городище Потчеваш у г. Тобольска.— ИИС, вып. 15. Томск.
- Федорова Н. В., 1976. Новая находка болгарского серебра в Северном Приобье.— В кн.: Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа. (Препринты докладов и сообщений). Уфа.
- Федорова Н. В., 1978. О культурной принадлежности обр-тышских памятников I тысячелетия н. э.— В кн.: Ранний железный век Западной Сибири. Томск.
- Федорова Н. В. 1979а. Новые находки мелкой антропоморфной пластики на поселениях конца I тысячелетия н. э. в Среднем Приобье.— ВАП. Тюмень.
- Федорова Н. В., 1979б. Опыт типологического анализа западно-сибирского культового литья: (К вопросу о взаимосвязи искусства и среды).— В кн.: Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск.
- Федорова Н. В., 1981а. Итоги четырехлетнего изучения поселений I тысячелетия н. э. Барсовой Горы.— ВАУ, вып. 14. Свердловск.
- Федорова Н. В., 1981б. Новый клад эпохи средневековья с Барсовой Горы.— В кн.: Проблемы западно-сибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск.
- Федорова Н. В., 1982. Два серебряных сосуда из района г. Сургута.— СА, № 1.
- Федорова Н. В., 1984. Западная Сибирь и страны средневекового Востока по археологическим данным (X—XIII вв.).— Автореф. канд. дис. Л.
- Федосеева С. А., 1968. Древние культуры верхнего Вилкуя. М.
- Фетнер М. В., 1962. Глиняные лапы из Тимеревского курганного могильника.— СА, № 3.
- Фетнер М. В., 1963. Предметы языческого культа.— В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М.
- Фетнер М. В., Янина С. А., 1978. Весы с арабской надписью из Тимерева.— В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.
- Филиппенко В. А., 1959. Погребение X в. в Астраханской области у с. Лапас.— СА, № 2.
- Флоринский В. М., 1888. Археологический музей Томского университета. Томск.
- Флоринский В. М., 1894. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Томск.
- Фомин А. В., 1982. Начало распространения куфических монет в районе Балтики.— КСИА, вып. 171.
- Халиков А. Х., 1962.— Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа.— В кн.: Тр. Марийской археологической экспедиции, т. II. Йошкар-Ола.
- Халиков А. Х., 1967. У истоков финно-угорских народов.— В кн.: Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола.
- Халиков А. Х., 1976. Об этнических основах марийского народа.— В кн.: Древние и современные этнокультурные процессы в Марийском крае. Археология и этнография Марийского края, вып. 1. Йошкар-Ола.
- Халиков А. Х., 1979. Об археологических основах этногенеза пермских финнов.— В кн.: Вопросы финно-угорского языкознания, вып. VI. Сыктывкар.
- Халиков А. Х., Архипов Г. А., 1967. Марийская археологическая экспедиция (1960—1965 гг.).— В кн.: История, археология, этнография мари: Тр. МарНИИ, вып. 22. Йошкар-Ола.
- Халиков А. Х., Безугова Е. А., 1960. Материалы к древней истории Поволжья (Археологические исследования в Ветлужском районе Горьковской области в 1957 г.). Горький.
- Халикова Е. А., 1970. К вопросу об этнической принадлежности ломоватовских и раннеродановских памятников Верхнего Прикамья.— В кн.: Вопросы финно-угорского языкознания, вып. V. Йошкар-Ола.
- Халикова Е. А., 1972. Погребальный обряд Тапкеевского могильника и его венгерские параллели.— В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М.
- Халикова Е. А., 1975. Magna Hungaria.— Вопросы истории, № 7.
- Халикова Е. А., 1976а. Больше-Тиганский могильник.— СА, № 2.
- Халикова Е. А., 1976б. Раппевенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья.— СА, № 3.
- Халикова Е. А., 1978. Еще раз о проблеме происхождения венгров.— СА, № 4.
- Ханенко Б. И. и В. Н., 1902. Древности Приднепровья, V. Киев.
- Харузин Н. Н., 1894. Обзор доисторической археологии в Эстляндской, а также Лифляндской и Курляндской губерниях по трудам местных исследователей.— В кн.: Временник Эстляндской губ., 1. Ревель.
- Хвоцинская Н. В., 1976. Население восточного побережья Чудского озера.— КСИА, вып. 146.
- Хвоцинская Н. В., 1977а. О новом типе курганов в могильнике у дер. Залахтовы.— КСИА, вып. 150.
- Хвоцинская Н. В., 1977б. Погребения в грунтовых ямах в могильнике у д. Залахтовы.— В кн.: Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л.
- Хвоцинская Н. В., 1981. О некоторых различиях курганов северо-запада Новгородской земли.— КСИА, вып. 166.

- Хвоцинская Н. В., 1983. К вопросу о древних захоронениях воды.— КСИА, вып. 175.
- Хлебникова Т. А., 1963. Еще одна находка болгарских ювелирных изделий.— СА, № 1.
- Хлобыстин Л. П., 1982. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур севера Евразии. Автореф. докт. дис. М.
- Хлобыстин Л. П., Овсянников О. В., 1973. Древняя «ювелирная» мастерская в западносибирском Заполярье.— В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М.
- Хомич Л. В., 1966. Непцы. М.; Л.
- Хомутова Л. С., 1984. Кузнечная техника на земле древней веси (по материалам поселения у дер. Городище).— СА, № 1.
- Худяков М. Г., 1917. Древности Малмыжского уезда.— Тр. Вятской ученой архивной комиссии, вып. 1—2. Вятка.
- Цалкин В. И., 1961. Фауна из раскопок средневековых городищ на территории Латвии.— В кн.: Шноре Э. Д. Асотское городище. Рига.
- Цветкова Н. Н., 1982. Материалы к этнической антропологии мордвы.— В кн.: Проблемы этнических исследований европейского Северо-Востока. Сыктывкар.
- Цеплин П. А., 1822. Нечто о вотландцах.— Северный архив, I. СПб.
- Циркин А. В., 1965. Экономические и культурные связи мордвы со славянскими племенами в VII—XIII вв.— В кн.: Этногенез славянского народа. Саранск.
- Циркин А. В., 1967. Археологические памятники Мордовской АССР.— АО 1966 г. М.
- Циркин А. В., 1968. Кельгининский могильник.— В кн.: Тр. Мордовского НИИЯЛИЭ, вып. 34. Саранск.
- Циркин А. В., 1968. Раскопки в среднем течении р. Мокши.— АО 1967 г. М.
- Циркин А. В., 1969. Работы в долине Мокши.— АО 1968 г. М.
- Циркин А. В., 1970. Археологические раскопки и разведки в нижнем и среднем течении р. Мокши.— АО 1969 г. М.
- Циркин А. В., 1971. Нижнеборковский клад.— СА, № 3.
- Циркин А. В., 1972. Шокшинский могильник.— СА, № 1.
- Чагаева А. С., 1966. Памятники эпохи железа в Среднем Прииртышье.— В кн.: Из истории г. Омска и Омской области. Омск.
- Чагаева А. С., 1968а. Мурлинское городище и его датировка.— В кн.: Материалы научной конференции молодых ученых г. Томска, т. 2. Томск.
- Чагаева А. С., 1968б. Раскопки в лесном Прииртышье.— АО 1967 г. М.
- Чагаева А. С., 1969. Основные проблемы истории Омского Прииртышья в I тысячелетии н. э.— ПАС.
- Чагаева А. С., 1970. О хронологии памятников Чувашского мыса.— В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск.
- Чагаева А. С., 1973. Могильники в окрестностях д. Айткулово Омской области.— ИИС, вып. 4.
- Чебоксаров Н. Н., 1946. Этногенез комп по данным антропологии.— СЭ, № 2.
- Чебоксаров Н. Н., 1952. К вопросу о происхождении народов угро-финской языковой группы.— СЭ, № 1.
- Чебоксаров Н. Н., Трофимова Т. А., 1949. Антропологическое изучение манси.— КСИИМК, вып. IX.
- Чемакин Ю. П., 1981а. Городища Барсов Городок 1/13 и 1/14.— В кн.: Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск.
- Чемакин Ю. П., 1981б. Работы Сургутского отряда.— АО 1980 г. М.
- Черепнин А. И., 1894. Борковский остров и его древности.— Археологические известия и заметки, № 6—7. М.
- Черепнин А. И., 1895а. Местная старина. Борковский могильник.— Тр. РУАК, IX, 2.
- Черепнин А. И., 1895б. Местная старина. Борковский могильник.— Тр. РУАК, X, 2.
- Черепнин А. И., 1896а. Местная старина. Борковский могильник.— Тр. РУАК, X, 3.
- Черепнин А. И., 1896б. Очерк доисторического прошлого Рязанского края.— В кн.: Празднование 800-летия города Рязани. Рязань.
- Черепнин А. И., 1897. Местная старина. Заметки о Польновском могильнике.— Тр. РУАК, XII, 1.
- Черепнин А. И., 1899. О рязанско-окских могильниках.— Тр. ХАС, 1. М.
- Черепнин А. И., 1903. Кулаковский могильник и городище Старой Рязани.— Тр. РУАК, XVIII, 1.
- Черепнин А. И., Проходцов И. И., 1898. Дневник раскопок прогонских курганов.— Тр. РУАК, XIII, 1.
- Черепнин Л. В., 1969. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М.
- Чернецов В. Н., 1935а. Вогульские сказки. Л.
- Чернецов В. Н., 1935б. Древняя приморская культура на полуострове Ямал.— СЭ, № 4—5.
- Чернецов В. Н., 1941. Очерк этногенеза обских угров.— КСИИМК, вып. IX.
- Чернецов В. Н., 1946. Основные этапы истории Приобья от древнейших времен до X в. н. э.— КСИИМК, вып. XIII.
- Чернецов В. Н., 1947а. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье.— ТИЭ. Новая серия, т. I. М.; Л.
- Чернецов В. Н., 1947б. Результаты археологической разведки в Омской области.— КСИИМК, вып. XVII.
- Чернецов В. Н., 1949. Зеленая Горка близ Салехарда.— КСИИМК, вып. XXV.
- Чернецов В. Н., 1953а. Бронза усть-полуйского времени.— МИА, 35.
- Чернецов В. Н., 1953б. Древняя история Нижнего Приобья.— МИА, 35.
- Чернецов В. Н., 1953в. Усть-Полуйское время в Приобье.— МИА, 35.
- Чернецов В. Н., 1957. Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э.— МИА, 57.
- Чернецов В. Н., 1959. Представления о душе у обских угров.— ТИЭ. Новая серия, т. 51.
- Чернецов В. Н., 1971. Наскальные изображения Урала.— САИ, вып. В4—12 (2).
- Чернецов В. Н., Мошинская В. И., 1951. Городище Большой Лог.— КСИИМК, вып. XXXVII.
- Черников В. Ф., 1974. Желтухинский могильник.— В кн.: Первое поволжское археолого-этнографическое совещание. Казань.
- Черников В. Ф., 1975. Исследования в Горьковской области.— АО 1974 г. М.
- Черницын Н. А., 1966. Угро-финские могильники на территории Вологодской области.— СА, № 4.
- Чернов Г. А., 1941. Стоянки древнего человека на р. Колве, Колва-Вис и Сандибей-Ю в Большеземельской тундре.— КСИИМК, вып. IX.
- Чернов Г. А., 1948а. Стоянки древнего человека в бассейне р. Печоры.— КСИИМК, вып. XXIII.
- Чернов Г. А., 1948б. Археологические находки в центральной части Большеземельской тундры.— В кн.: Тр. Комиссии по изучению четвертичного периода АН СССР, т. VII, вып. 1, М.; Л.
- Чернов Г. А., 1951а. Археологические находки на р. Щучьей.— КСИИМК, вып. XV.
- Чернов Г. А., 1951б. Жертвенное место в северной части Большеземельской тундры.— КСИИМК, вып. XXXIX.
- Чернов Г. А., 1951в. Петрушинская стоянка на Средней Печоре.— КСИИМК, вып. XXXIX.
- Чернов Г. А., 1951. Стоянки древнего человека в северной части Большеземельской тундры.— КСИИМК, вып. XXXVI.
- Чернов Г. А., 1954. Новые археологические находки в Большеземельской тундре.— КСИИМК, вып. 54.
- Чернов Г. А., 1956. Новые археологические находки в Печорском бассейне.— КСИИМК, вып. 64.
- Чернов Г. А., 1959а. Археологические памятники неолита и раннего металла. Памятники Печорского бассейна и Большеземельской тундры.— В кн.: Памятники культуры Коми АССР. Сыктывкар.
- Чернов Г. А., 1959б. Новые стоянки древнего человека на средней Печоре.— СА, № 2.
- Чернов Г. А., 1960. Уньинская пещерная стоянка в бассейне р. Печоры.— СА, № 2.
- Чеснокова Н. Н., 1981. Возможности применения различных методик в анализе керамического материала.— В кн.: Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск.
- Чеснокова Н. Н., 1982а. Классификация ванвиздинской керамики.— В кн.: Проблемы этногенетических исследований европейского Северо-Востока. Сыктывкар.
- Чеснокова Н. Н., 1982б. Работы в Сыктывдинском районе Коми АССР.— АО 1981 г. М.
- Чеснокова Н. Н., 1983. Ванвиздинская археологическая культура.— Автореф. канд. дис. Л.

- Чеснокова Н. Н., Герасимова Л. В., 1980. Работы в Сыктывдинском районе Коми АССР.— АО 1979 г. М.
- Чеснокова Н. Н., Савельева Э. А., 1979. Работы Вычегодского отряда Северодвинской экспедиции.— АО 1978 г. М.
- Чиндина Л. А. (Павленок Л. А.), 1967. О погребальном обряде Молчаповского могильника (VI—VIII вв.).— ВИС, вып. 3. Томск.
- Чиндина Л. А., 1970а. Керамика могильника Релка на Средней Оби.— СА, № 1.
- Чиндина Л. А., 1970б. Нарымско-Томское Приобье в середине I тысячелетия н. э.— Автореф. канд. дис. Томск.
- Чиндина Л. А., 1970в. О некоторых хронологических особенностях среднеобской керамики I тысячелетия н. э.— ПХКПАПЗС.
- Чиндина Л. А., 1971. Древние личины из Васюгапья.— СА, № 4.
- Чиндина Л. А., 1972. Работы в Нарымском Приобье.— АО 1971 г. М.
- Чиндина Л. А., 1973а. Культурные особенности среднеобской керамики эпохи железа.— ИИС, вып. 7. Новосибирск.
- Чиндина Л. А., 1973б. Работа в Нарымском Приобье.— АО 1972 г. М.
- Чиндина Л. А., 1974а. Исследования в Нарымском Приобье.— АО 1973 г. М.
- Чиндина Л. А., 1974б. Могильник Релка.— ВИС, вып. 8. Томск.
- Чиндина Л. А., 1974в. Разведка в верховьях р. Кети.— ИИС, вып. 15. Новосибирск.
- Чиндина Л. А., 1976. О возможности реконструкции социальной организации Нарымского Приобья в раннем средневековье.— ИИС, вып. 21. Новосибирск.
- Чиндина Л. А., 1977. Могильник Релка на средней Оби. Томск.
- Чиндина Л. А., 1978. Саровское городище.— В кн.: Вопросы археологии и этнографии Сибири. Томск.
- Чиндина Л. А., 1980. Отражение социальных изменений в некоторых идеологических представлениях западносибирского населения в эпоху железа.— В кн.: Конференция «Идеологические представления древнейших обществ»: Тезисы докладов. М.
- Чиндина Л. А., 1981. Раскопки поселения Малгет.— АО 1980 г. М.
- Чиндина Л. А., 1982. Культурные особенности Приобья в эпоху железа.— В кн.: Археология и этнография Приобья. Томск.
- Чиндина Л. А., 1985. История Среднего Приобья в V в. до н. э.— IX в. н. э.— Автореф. дис. д-ра исторических наук Новосибирск.
- Чиндина Л. А., Балакин Ю. В. 1976. Поселения Круглое озеро I и II.— ИИС, вып. 19. Новосибирск.
- Чиндина Л. А., Кирюшин Ю. Ф., 1975. Раскопки поселения Малгет.— АО 1974 г. М.
- Шаскольский И. П., 1961. Политические отношения Новгорода к корел в XII—XIV вв.— Новгородский исторический сборник, 10. Новгород.
- Шаскольский И. П., 1979. Проблемы этногенеза прибалтийско-финских племен юго-восточной Прибалтики в свете данных современной науки.— В кн.: Финно-угры и славяне. Л.
- Шатилов М. Б., 1927. Остяко-самоеды и тунгусы Принарымского района.— ТТКМ, т. 1.
- Шатилов М. Б., 1931. Ваховские остяки.— ТТКМ, т. 4.
- Шемакина А. С., 1976. К вопросу о хозяйстве в лесном Припиртышье в I тысячелетии н. э.— ИИС, вып. 24. Новосибирск.
- Шемакина А. С., 1977. Раскопки в Тарском Припиртышье.— АО 1976 г. М.
- Шемакина А. С., 1979. Особенности хозяйства потчевашского населения в условиях лесостепной зоны.— В кн.: Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск.
- Шемакина А. С., 1980. Подвеска с изображением бобров из Припиртышья.— В кн.: Вопросы этнокультурной истории Сибири. Томск.
- Шер Я. А., 1966. Каменные изваяния Семиречья. М.; Л.
- Шикаева Т. Б., 1980. Погребальный обряд марийцев XVI—XVIII вв. (по материалам могильников).— В кн.: Материальная и духовная культура марийцев: АЭМК, вып. 5. Йошкар-Ола.
- Шитов В. Н., 1970. Разведка в западных районах Мордовии.— АО 1969 г. М.
- Шитов В. Н., 1971. Старо-Кадомский могильник.— АО 1970 г. М.
- Шитов В. Н., 1972. Раскопки Старо-Кадомского могильника.— АО 1971 г. М.
- Шлыгина Н. В., 1978. Водская свадьба. (Традиции и русское влияние).— В кн.: Русский народный свадебный обряд. Исследования и материалы. Л.
- Шмидельм М. Х., 1955. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н. э.— V в. н. э.). Таллин.
- Шмидельм М. Х., 1956. О племенах северо-восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия до н. э. и в первой половине I тысячелетия н. э.— В кн.: Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин.
- Шмидельм М. Х., 1959. Городище Рыуге в юго-восточной Эстонии.— В кн.: Вопросы этнической истории народов Прибалтики по данным археологии, этнографии и антропологии. М.
- Шмидельм М. Х., 1968. Раскопки на территории Эстонии.— АО 1967 г. М.
- Шмидт А. В., 1925. Пермский округ в доисторическом прошлом.— Экономика, № 10. Пермь.
- Шмидт А. В., 1926а. Изучение доисторического прошлого Предуралья и его задачи.— Экономика, № 5. Пермь.
- Шмидт А. В., 1926б. К вопросу о происхождении пермского звериного стиля.— МАЭ, VI. Л.
- Шмидт А. В., 1927. О чуди и ее гибели.— ЗУОЛЕ, т. XI.
- Шмидт А. В., 1929. Археологические изыскания Башкирской экспедиции.— Хозяйство Башкирии, № 8, 9. Уфа.
- Шноре Э. Д., 1959. Городища древних латгалов.— ВЭИНП.
- Шноре Э. Д., 1961. Асотское городище. Рига.
- Шноре Э. Д., 1960. Раскопки 1959 г. на городище и в поселении Кишукалнс в с. Шелупинки Лудзенского р-на.— Тезисы докладов на сессии, посвященной итогам археологических и этнографических экспедиций 1959 г. Рига.
- Шноре Э. Д., 1977. Археологические памятники бассейна реки Айвиексте в железном веке и связанные с ними этнические вопросы.— В кн.: Проблемы этнической истории балтов: Тезисы докладов. Рига.
- Шокшув Г. А., 1962. Новый памятник ханьского времени в бассейне р. Сылвы.— ВАУ, вып. 4. Свердловск.
- Шукевич В. А., 1893. Об археологических местностях в Лядском и Трокском уездах.— Тр. Вилнского отделения Московского предварительного комитета по устройству в Вильне IX АС. Вильно.
- Шапова Ю. Л., 1956. Стекланные бусы древнего Новгорода.— МИА, 55.
- Эдинг Д. Н., 1928. Сарское городище. Ростов Ярославский.
- Эдинг Д. Н., 1940. Резная скульптура Урала.— Тр. ГИМ, вып. X.
- Эрдели И., 1959. Венгры в Лебедии: Материальная культура венгров IX—X вв.— Автореф. канд. дис. Л.
- Эрдели И., 1967. Извлечения из хроник Венгерского Анонима.— ВАУ, вып. 7. Свердловск.
- Эрдели И., 1970. К вопросу о пребывании древних венгров на Кубани.— In: Congressus tertius Internationalis Fennougristae. Tallinn.
- Эрдели И., 1984. Венгры на Дону.— В кн.: Маяцкое городище: Тр. советско-болгаро-венгерской экспедиции. М.
- Яблонские Р., 1955. О древнейших культурных областях на территории Литвы.— СЭ, № 3.
- Ядринцев Н., 1884. Древняя столица Сибирского царства — археологические находки М. С. Знаменского.— Восточное обозрение, № 22. СПб.
- Языки народов, 1966. Языки народов СССР, т. 3. Финно-угорские и самодийские языки. М.
- Языков Д., 1840. О финских жителях С.-Петербургской губернии.— Русский исторический сборник, IV. М.
- Яковлев Я. А., 1983. Работы в бассейне Тьма.— АО 1981 г. М.
- Яковлева Т. Ф., 1978. Работы в Суздальском районе.— АО 1977 г. М.
- Янин В. Л., 1965. Я послал тебе бересту... М.
- Янин В. Л., 1977. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М.
- Янин В. Л., Алешковский М. Х., 1971. Происхождение Новгорода: (К постановке проблемы).— История СССР, № 2.
- Янитс К., 1979. Об исследовании поселения эпохи железа у дер. Линнузе вблизи Кунда.— Изв. АН ЭССР. Обществ. науки, 4.
- Янитс Л. Ю., 1956. К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения территории Эстонской ССР.— В кн.: Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин.

- Янитс Л. Ю., 1975. Древнейшие культурные группы на территории распространения прибалтийских финнов.— В кн.: Вопросы финно-угроведения, VI. Саранск.
- Янчук Н., 1892. Несколько слов по поводу археолого-этнографической экскурсии в Седлецкую губернию в 1891 г.— В кн.: Памятная книжка Седлецкой губернии на 1892 г. Седлец.
- Ярославское Поволжье, 1963. Ярославское Поволжье X—XI вв. М.
- Ястребов В. Н., 1893. Лядинский и Томниковский могильники.— МАР, № 10.
- Ailio J., 1922a. Fragen der russischen Steinzeit.— SMYA, XXIX, 1.
- Ailio J., 1922b. Karialaiset soikeat kupurasoljet.— SMYA, XXXII, 3.
- Alexandrov V. V., Tallgren A. M., 1930. Funde aus der römischen Eisenzeit im Gouv. Novgorod.— ESA, V.
- Alseikaitė-Gimbutienė M., 1946. Die Bestattung in Litauen in der vorgeschichtlichen Zeit. Tübingen.
- Ancient cultures..., 1976. Ancient cultures of the Uralian peoples. Budapest.
- Ancitis K. un Jansons A., 1963. Vidzemes etniskās vēstures jautājumi.— AE, V.
- Andrašiunaite D., 1972. Mustenių-Baubonių pilkapių (Trakų raj.) tyrinėjimai 1970 m.— AETL 1970 ir 1971 m.
- Antanavičius J., 1969. X—XIII a. žirgų kamanos iš Pakalniškių.— Kraštotyra. 1969. Vilnius.
- Antanavičius J., 1971. Pakapių kaimo žirgų kapai.— Kraštotyra, 1971. Vilnius.
- Antanavičius J., 1972a. Kejenų (Raseinių raj.) pilkapių ir senkapio kasinėjimai 1970 m.— AETL 1970 ir 1971 m.
- Antanavičius J., 1972b. Pakalniškių kapinyno (Šakių raj.) tyrinėjimai 1971 m.— AETL, 1970 ir 1971 m.
- Antanavičius J., 1974. Pakalniškių (Šakių raj.) senkapio kasinėjimai 1972 ir 1973 metais.— AETL, 1972 ir 1973 m. Vilnius.
- Antanavičius J., 1975. Geležiniai žirgo aprangos dirbiniai.— Kraštotyra. 1975. Vilnius.
- Antanavičius J., 1976. Balno kilpos Lietuvoje X—XIV a.— MAD, 1.
- Antanavičius J., 1978. Pakalniškių (Šakių raj.) kapinynas.— In: Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 1974 ir 1955 metais. Vilnius.
- Anteins A., 1957. Kēntes pilskalna dzelzs un terauda izstrādājumu struktūras, īpašības un izgatavošanas tehnoloģija.— Arheoloģija un etnogrāfija, 1. Rīga.
- Antoniewicz W., 1920. Wykopalska z kurhanu późno rzymskiego (we wsi Urdomin w pow. Kalwaryjskim, gub. Suwałska) — Przegląd archeologiczny, I, z. 2—3. Poznań.
- Apala Z., 1978. Arheologiskie izrakumi Cēsu pilsdrupās 1977. gadā.— Mat. 1977.
- Apala Z., 1979. Arheologiskie izrakumi Cēsu pilsdrupās 1978. gadā.— Mat. 1978.
- Apala Z., 1980. Cēsu arheoloģiskās ekspedīcijas darbs 1979. gadā.— Mat. 1979.
- Apala Z. 1982. Cēsu arheoloģiskās ekspedīcijas darbs.— Mat. 1980/81.
- Apals J., 1965a. Hidroarheoloģisko pieminekļu apzināšana 1964. gadā.— RT, 1964.
- Apals J., 1965b. Klāstu mitnes Latvijas PSR teritorijā.— Изв. АН Латв. ССР, № 5.
- Apals J., 1966. Hidroarheoloģiskās ekspedīcijas darbs 1965. gadā.— RT, 1965.
- Apals J., 1968a. Hidroarheoloģiskās ekspedīcijas darbs 1967. gadā.— RT, 1967.
- Apals J., 1968b. Saar Āraiši jārves — Horisont. Tallinn, 6.
- Apals J., 1971. Āraišu ezera pils izrakumu rezultāti (1965—1969g.).— Изв. АН Латв. ССР, № 12.
- Apals J., 1972. 1971. gadā izrakumi Drabešu Liepiņās.— Mat. 1971.
- Apals J., 1974. Āraišu ezera pils dzīvojamās ēkas.— AE, XI.
- Apals J., 1982. Izrakumi Gēsu Riekstu kalnā.— Mat. 1980/81.
- Apals J., Apala Z., 1973. Āraišu arheoloģiskās ekspedīcijas izrakumi 1972. gadā. Mat. 1972.
- Appelgren Hj., 1891. Suomen muinaislinnat.— SMYA, XII.
- Appelgren Hj., 1905. Die vielreihigen silbernen Gliederketten in finnländischen Funden.— SMYA, XXIII.
- Appelgren-Kivalo Hj., 1910. Romanische Ornamentik.— Suomen Museo. XVII. Helsinki.
- Ariste P., 1935. Wotische Sprachproben. Tartu.
- Ariste P., 1960. Tünapäeva vadjalastest.— Etnograafia Muuseumi Aastaraamat, XVII. Tartu.
- Ariste P., 1965. Vadjä kohanimes.— In: Slaavi-läänemere-soome suhete ajaloust. Tallinn.
- Arne T. J., 1914. La Suède et l'Orient. Uppsala.
- Arne T. J., 1935. Barsoff Gorodok. Stockholm.
- Aspelin J. R., 1875. Suomalais-Ugrilaisen muinaistutkimnon alkeita kirjottanut. Helsingissä.
- Aspelin J. R., 1876. Etudes archeologiques sur le Nord Finno-Ougrien.— In: Congress International d'antropologie et d'archeologie préhistorique à Stockholm 1874. Stockholm.
- Aspelin J. R., 1877. Antiquités du Nord Finno-Ougrien, II. L'age du fer. Antiquités Permiennes. Helsingfors.
- Aspelin J. R., 1878. Antiquités du Nord Finno-Ougrien, III. L'age du fer. Antiquités Morduienes, Mériennes et Tschoudes. Helsingfors.
- Aspelin J. R., 1880. Antiquités du Nord Finno-Ougrien, IV. L'age du fer. Antiquités de la Finlande.
- Aspelin J. R., 1884. Antiquités du Nord Finno-Ougrien, V. L'age du fer. Antiquités des Provinces Baltiques. Helsingfors.
- Atgāzis M., 1966. Arheoloģisko pieminekļu apzināšana Zemgalē 1965. gadā.— RT, 1965.
- Atgāzis M., 1967. Arheoloģisko pieminekļu apzināšana Zemgalē 1966. gadā.— RT, 1966.
- Atgāzis M., 1968a. Arheoloģisko pieminekļu apzināšana Zemgalē.— RT, 1967.
- Atgāzis M., 1968b. 1967.g. izrakumi Vecdolē.— RT, 1967.
- Atgāzis M., 1969a. Arheoloģisko pieminekļu apzināšana Zemgalē 1968. gadā.— RT, 1968.
- Atgāzis M., 1969b. 1968.g. izrakumi Nariņos, Strautniekos un Vecdolē.— RT, 1968.
- Atgāzis M., 1970a. Arheoloģisko Pieminekļu apzināšana Zemgalē 1969. gadā.— RT, 1969.
- Atgāzis M., 1970b. Mežotnes arheoloģiskās ekspedīcijas darbs 1969. gadā.— RT, 1969.
- Atgāzis M., 1971a. Arheoloģisko pieminekļu apzināšana Zemgalē 1970. gadā.— RT, 1970.
- Atgāzis M., 1971b. Mežotnes arheoloģiskās ekspedīcijas darbs 1970. gadā.— RT, 1970.
- Atgāzis M., 1973. Arheoloģisko pieminekļu apzināšana Zemgalē.— RT, 1972.
- Atgāzis M., 1974. Dzelzs iedzītā šķēpu gali ar atkarpēm Latvijā.— AE, XI.
- Atgāzis M., 1979. Izrakumi Alūksnes pilī.— Mat. 1978.
- Atgāzis M., 1980. Izrakumi Alūksnes pilī un Spieķu senkapos.— Mat. 1979.
- Atgāzis M., 1982. Pētījumi Alūksnes pilī.— Mat. 1980/81.
- Atlasas, 1975. Lietuvos TSR archeoloģijas atlasas, II. Piliakalniai. Vilnius.
- Atlasas, 1977. Lietuvos TSR archeoloģijas atlasas, III. I—XIII a. pilkapynai ir senkapiai. Vilnius.
- Atlasas, 1978. Lietuvos TSR archeoloģijas atlasas, IV. Vilnius.
- Aun M., 1975. Unipiha linnuse uurimise tulemustest.— Изв. АН Эстр. ССР, обществ. науки, 4.
- Auns M., 1982. Senās Latgales politiskā struktūra 12.gs.—13.gs. sākumā.— Latvijas PSR zinātņu Akadēmijas vēstis, 9.
- Balinski M., 1846. Starożytna Polska, II, cz. 2. Warszawa.
- Balodis Fr., 1928. Tanisa kalna izdarītie izrakumi un konstatēto mitņu slāņu datējums.— In: Pieminekļu valdes materiālu krājumi. Arheoloģijas raksti, 1. Rīgā.
- Balodis Fr., 1930. Letten und lettische Kultur in vorgeschichtlicher Zeit.— Geografiska Annaler, 1929, 3—4, Stockholm.
- Balodis Fr. 1933. Die baltisch-finnisch Grenze in Lettland in vorgeschichtlicher Zeit.— Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, LXVII. Helsinki.
- Balodis Fr., 1935. Ethische Probleme und die archäologischen Untersuchungen der letzten Jahre in Lettland.— In: Latvijas universitātes Raksti. Filoloģijas un filozofijas fakultātes sērija, III, 2. Rīgā.
- Balodis Fr., 1938. Senākie laiki. Latviešu senvēsture.— In: Latviešu vēsture, 1. Rīgā.
- Balodis Fr., 1940. Jersika un tā 1939. gadā izdarītie izrakumi. Rīgā.
- Basanavičius J., 1936. Autobiogrāfija.— Lietuvių tauta, kn. V. Vilnius.
- Bähr J. K., 1850. Die Gräber der Liven. Ein Beitrag zur nordischen Alterthumskunde und Geschichte. Dresden.

- Bebre V., Caune A.*, 1980. Izrakumi Bauskas pilsdrupās un arheoloģisko pieminekļu pārbaude Bauskas rajonā.— Mat. 1979.
- Beckhern C.*, 1887–1888. Das propugnaculum introitu terrae Natangiae der Chronik des Dusburg.— Sb. Prussia, 14.
- Beckhern C.*, 1895. Ueber die Benennungen der Ostpreussischen Burgwälle und die Pillberge im Samlande.— Altpreussische Monatsschrift, 32.
- Berga T.*, 1980. Izrakumi Valmieras Lucas kalna.— Mat. 1979.
- Berga T.*, 1982. Valmieras ekspedīcijas darbs.— Mat. 1980/81.
- Bezenberger A.*, 1900. Gräberfeld bei Greyszönen, kr. Tilsit.— Sb. Prussia, H. 21.
- Bezenberger A.*, 1904. Analysen der vorgeschichtlichen Bronzen Ostpreussens. Königsberg.
- Bezenberger A.*, 1909. Das Gräberfeld verschiedenen Perioden bei Schuditten, Kr. Fischhausen.— Sb. Prussia, 22.
- Bezenberger A.*, 1914. Das Gräberfeld bei Bludau, Kr. Fischhausen.— Sb. Prussia, 23, H. 1.
- Bielenstein A.*, 1884a. Bericht über die Lokaluntersuchung auf Terweten und Heiligenburg bei Hofzumberge.— Sb. Kurl., 1866.
- Bielenstein A.*, 1884b. Fragmente aus der Ethnographie und Geographie Alt-Livlands.— Sb. Kurl. 1864–1871. Mitau.
- Bielenstein A.*, 1892. Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im XIII. Jahrhundert. St.-Petersburg.
- Bielenstein A.*, 1896. Die lettischen Burgberge.— В кн.: Тр. X AC, II, Rīgā.
- Blesse E.*, 1929. Latvi. Rīgā.
- Blesse E.*, 1931. Die Kuren und ihre sprachliche Stellung im Kreise der baltischen Volksstämme.— In: Congressus secundus archaeologorum.— Balticorum Rigae. Rīgā.
- Boenigk W.*, 1879–1880a. Ueber Ostpreussische Burgwälle.— Sb. Prussia, 6.
- Boenigk W.*, 1879–1880b. Wallberge und Landmauern im nördlichen Teil der Gaue Galinden und Sudauen.— Sb. Prussia, 6.
- Boy K.*, 1896. Bericht über Ausgrabungen auf dem Kronsgute Ziemalden im Kurland.— Sb. Kurl. 1895.
- Bolin S.*, 1925. Die Funde römischer und byzantinischer Münzen in Ostpreussen.— Sb. Prussia, 26.
- Brastiņš E.*, 1923. Latvijas pilskalns, 1. Kuršu zeme. Rīgā.
- Brastiņš E.*, 1926. Latvijas pilskalns, 2. Zemgalē un Augšzeme. Rīgā.
- Brastiņš E.*, 1928. Latvijas pilskalns, 3. Latgalē. Rīgā.
- Brastiņš E.*, 1930. Latvijas pilskalns, 4. Vidzemē. Rīgā.
- Brensztejn M. E.*, 1901. Cmentarzyska «Gargźdi kalns» i «Szyłuks» We wsi Judsodzie w pow. i parafii Telszewskiej na Zmujdzi — MAAE, V.
- Bresava M.*, 1962. Uzkalniņu kapulauks jēkabpils rajona Staburaga c/p Pākos.— RT, 1961.
- Bresava M.*, 1964. 1963. gadā izrakumi apmetnē pie Pīgēnu mājām.— RT, 1963.
- Bresava M.*, 1966. Jauni materiāli par sēļu kolektīvo uzkalniņu kapulaukiem.— Изв. АИЛ Латв. ССР, № 5.
- Briede I.*, 1979. Kristapiņu kapulauks.— Mat., 1978.
- Briede I.*, 1980. Kristapiņu kapulauks un apmetnē.— Mat. 1979.
- Briede I.*, 1982. Izrakumi Kristapiņu kapulaukā 1980. gadā.— Mat. 1980/81.
- Brīvkalne E.*, 1959. Tērvetes pilskalnā arheoloģiskie izrakumi 1958. gadā.— RT, 1958.
- Brīvkalne E.*, 1960. Rakstītās ziņas un arheoloģiskas liecības par 9.—13. gs. Mežotni.— AE, II.
- Brīvkalne E.*, 1964. Daži amatniecības darinājumi Tērvetes pilskalnā.— In: AE, VI.
- Buchholtz A.*, 1888. Über Ausgrabungen auf dem Römershof — Ascheradenschen Gräberfelde.— Sb. Rig. 1887.
- Buchholtz A.*, 1900. Der Muhkukalns im Kokenhusenschen Kirchspiel.— Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde. 1899. Rīgā.
- Bujack G.*, 1886–1887. Ein Wadithaus aus dem letzten heidnischen Zeit zu Bosenb, Kr. Sensburg.— Sb. Prussia, 13.
- Bunge Fr.*, 1853. Liv-, Estn- und Curländisches Urkundenbuch, I. Reväl.
- Butėnienė E.*, 1959. Siraikių X–XII a. Senkapis.— ILKI, II.
- Butėnienė E.*, 1964. Laivių kapinyno laidosena.— MAD, 1.
- Butėnienė E.*, 1970. Katkuškių, Eišiškių raj., pilkapių tyrinėjimai 1969 metais.— AETL 1968 ir 1969 m.
- Butėnienė E.*, 1972a. Maisiejūnų pilkapių (Kaišiadorių raj.) tyrinėjimai 1971 m.— AETL 1970 ir 1971 m.
- Butėnienė E.*, 1972b. Nemaitonių (Kaišiadorių raj.) pilkapių tyrinėjimai 1970 m.— AETL 1970 ir 1971 m.
- Butėnienė E.*, 1974. Zabieliškių (Salčininkų raj.) pilkapių tyrinėjimai 1972–1973 m.— AETL 1972 ir 1973 m.
- Būga K.*, 1913. Kalbu mokslas bei mūsų Senovė. Kaunas.
- Būga K.*, 1923. Jotvingų žemės upių vardu galūnė — da.— In: Tauta ir žodis, 1, Kaunas.
- Būga K.*, 1961a. Aisčių praeitis vietų vardų šviesoje.— In: Būga K. Rinktiniai raštai, III. Vilnius.
- Būga K.*, 1961b. Lietuvių kalbos žodinas.— In: Būga K. Rinktiniai raštai, III. Vilnius.
- Castren M. A.*, 1857. Ethnologiska föreläsningar öfver altaiska folken.— Nordiska resor och forskningar af M. A. Castren, IV. Helsingfors.
- Caune A.*, 1971. Arheoloģiskie uzraudzības darbi Vecrīgā 1970. gadā.— RT, 1970.
- Caune A.*, 1972. Arheoloģiskie pētījumi Rīgā. 1971. gadā.— Mat. 1971.
- Caune A.*, 1973a. Arheoloģiskās liecības par pirmatnējo zemes līmeni un reljefu Vecrīgā.— Mat. 1972.
- Caune A.*, 1973b. Rīgas arheoloģiskās ekspedīcijas darbs 1972. gadā.— Mat. 1972.
- Caune A.*, 1974a. Arheoloģisko materiālu liecības par Rīgas pirmsākumiem.— Изв. АИЛ Латв. ССР, № 10.
- Caune A.*, 1974b. Dobumakmeņi Latvijā.— AE, XI.
- Caune A.*, 1975a. 1974. gadā izrakumi Vecrīgā.— Mat. 1974.
- Caune A.*, 1975b. Jauni dati par koka ēku konstruktīvo izveidojumu Rīgā 13. gs.— Mat. 1974.
- Caune A.*, 1976a. 1975. gadā arheoloģiskie pētījumi Vecrīgā.— Mat. 1975.
- Caune A.*, 1976b. Rīgas plānojums pirms 13. gs.— Mat. 1975.
- Caune A.*, 1977a. Arheoloģiskie pētījumi Vecrīgā 1976. gadā.— Mat. 1976.
- Caune A.*, 1977b. Izrakumi Jaunsaules Silinū kapulaukā un Bauskas pilsdrupās.— Mat. 1976.
- Caune A.*, 1978. Arheoloģiskie pētījumi Vecrīgā 1977. gadā.— Mat. 1977.
- Caune A.*, 1979a. 1978. gadā izrakumi Rīgā, Daugavas ielā.— Mat. 1978.
- Caune A.*, 1979b. Celtnų ziedojumi Rīgā 12–16 gs.— Mat. 1978.
- Caune A.*, 1978b. Rīgas 13.—14. gs. «mūra nami» (stenhus).— AE, XII.
- Caune A.*, 1980a. Arheoloģisko pētījumi rezultāti Rīgā, Daugavas ielā, Aldaru ielā un Komunāru bulvārī.— Mat. 1979.
- Caune A.*, 1980b. Rīgas 12.—13. gs. koka ēku durvis.— Mat. 1979.
- Caune A.*, 1982a. 1980. gadā pētījumi Rīgā Daugavas ielā.— Mat. 1980/81.
- Caune A.*, 1982b. Izrakumi Bauskas pilī 1980. un 1981. gadā.— Mat. 1980/81.
- Caune A.*, 1985. Rīgā zem Rīgas. Rīgā.
- Caune A., Verigo V.*, 1978. Arheoloģiskie izrakumi Bauskas pilsdrupās 1977. gadā.— Mat. 1977.
- Caune A., Verigo V.*, 1979. Bauskas ekspedīcijas darbs.— Mat. 1978.
- Cenak-Holubowiczowa H.*, 1936. Zabytki archeologiczne wojewódstwa Wileńskiego i Nowogródzkiego. Wilno.
- Cenak-Holubowiczowa H.*, 1955. Cmentarzysko kurhanowe z VI i VII w. w miejscowości Karmazyny koło miasta Troki w Litewskiej SSR.— Wiadomości archeologiczne, XXII, 3–4. Warszawa.
- Chalikova E. A., Chalikov A. H.*, 1981. Altungarn an der Kama und im Ural (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani). Budapest.
- Cholodinska A.*, 1974. Kukių (Mažeikių raj.) Senkapio ir gyvenvietės tyrinėjimai 1973 m.— AETL 1972 ir 1973 m.
- Christiansson H.*, 1973. Sten-brons-järn i Övre Norrland. Kronologiska nivåer belysta av nya fynd i Skellefte-Byske älvdalar.— SMYA, 75.
- Cimermane I.*, 1974. Spodrinātā keramika Latvijā.— AE, XI.
- Crome H.*, 1937. Karte und Verzeichnis der vor- und frühgeschichtlichen Wehranlagen in Ostpreussen.— Altpreussen, 2. Königsberg.
- Crome H.*, 1938–1940. Verzeichnis der Wehranlagen Ostpreussens.— Sb. Prussia.
- Daiga J.*, 1964. Dzelzs ieguves krāsnis Sēlpils Spietīņu apmetnē.— AE, VI.
- Daiga J.*, 1972. Izrakumi Raušu libiešu ciemā 1971. gadā.— Mat. 1971.
- Daiga J.*, 1973. Kābelu apmetnē.— Mat. 1972.

- Daiga J.*, 1974. Izrakumi Salaspils Lipšu kapulaukā.— Mat. 1973.
- Daiga J.*, 1975. Izrakumi Salaspils Lipšu kompleksā un Doles Raušu ciemā.— Mat. 1974.
- Daiga J.*, 1976. Izrakumi Lipšu ciemā un kapulaukā.— Mat. 1975.
- Daiga J.*, 1977. Izrakumi Ludzas pilī 1976. gadā.— Mat. 1976.
- Daiga J., Atgāzis M.*, 1962. Arheologiskie izrakumi Sēlpils Spietiņos un Plāteros 1961. gadā.— RT, 1961.
- Daiga J., Atgāzis M.*, 1963. Izrakumi Spietiņu-Plāteru senvietu kompleksā 1962. gadā.— RT, 1962.
- Daiga J., Atgāzis M.*, 1964. Sēļu II arheologiskās ekspedīcijas darbs 1963. gadā.— RT, 1963.
- Daiga J. un Grosvalds J.*, 1964. Senākie tīģeļi Latvijā.— AE, VI.
- Daiga J., Snore E.*, 1971. Izrakumi lībiešu ciemā vieta Doles Raušos 1970. gadā.— RT, 1970.
- Daugudis V.*, 1961. Mažulonių piliakalnis.— IĻKI, III.
- Daugudis V.*, 1962. Aukštadvario piliakalnio įtvirtinimai ir pastatai.— MAD, 1.
- Daugudis V.*, 1970a. Imbarės piliakalnio ir gyvenvietės tyrinėjimai 1970 metais.— AETL 1968 ir 1969 m.
- Daugudis V.*, 1970b. Kapsuko apylinkių piliakalnių tyrinėjimai 1968 metais.— AETL 1968 ir 1969 m.
- Daugudis V.*, 1972. Brodėliškų piliakalnio tyrinėjimai 1970 m.— AETL 1970 ir 1971 m.
- Daugudis V.*, 1974. Bražuoles (Trakų raj.) piliakalnio tyrinėjimai 1972 m.— AETL 1972 ir 1973 m.
- Daugudis V.*, 1978. Gyvenvietės ir pastatai.— In: Lietuvių materialinė kultūra IX–XIII amžiuje, I. Vilnius.
- Daugudis V.*, 1981. Seniausieji mediniai pastatai ir įrenginiai Lietuvoje (4. M. e. V–VIII amžių įtvirtimai ir pastatai).— MAD, 2.
- Daugudis V.*, 1982. Senoji medinė statyba Lietuvoje. Vilnius.
- Deemant K.*, 1975. Das Steingraberfeld von Proosa bei Tallinn.— Изв. АН ЭССР. Общество. науки, 1.
- Deemant K.*, 1976. Zur Untersuchung des Steingraberfeldes von Proosa.— Изв. АН ЭССР. Общество. науки, 1.
- Deemant K.*, 1977. Neue Funde aus dem Steingraberfeld von Proosa.— Изв. АН ЭССР. Общество. науки, 1.
- Deemant K.*, 1978a. Funde der mittleren Eisenzeit aus Proosa.— Изв. АН ЭССР. Общество. науки, 4.
- Deemant K.*, 1978b. Über die Ausgrabungen des Steingraberfeldes von Proosa.— Изв. АН ЭССР. Общество. науки, 1.
- Deemant K.*, 1979a. Archäologische Ausgrabungen auf dem Tallinner Alten Markt.— Изв. АН ЭССР. Общество. науки, 4.
- Deemant K.*, 1979b. Das eisenzeitliche Steingraberfeld von Proosa.— Изв. АН ЭССР. Общество. науки, 4.
- Deemant K.*, 1980. Ausgrabungen des Steinkistengrabes von Proosa.— Изв. АН ЭССР. Общество. науки, 4.
- Deemant K.*, 1981. Ausgrabungen in Proosa.— Изв. АН ЭССР. Общество. науки, 4.
- Dowgird T.*, 1886. Pamiątki z czasów przedhistorycznych na Zmujdzi. Melżyn kapas pod Jasnagórką.— Pamiętnik Fizyograficzny, VI. Warszawa.
- Dowgird T.*, 1887. Pamiątki z czasów przedhistorycznych na Zmujdzi. Melżyn kapas pod Jasnagórką.— Pamiętnik Fizyograficzny, VII. Warszawa.
- Dowgird T.*, 1888. Pamiątki z czasów przedhistorycznych na Zmujdzi. Melżyn kopas w folwarku Wizdergi.— Pamiętnik Fizyograficzny, VIII. Warszawa.
- Dowgird T.*, 1889. Pamiątki z czasów przedhistorycznych na Zmujdzi. Opis cmentarzyska i piliakalnia w Imbarach w roku 1885 i 1886.— Pamiętnik Fizyograficzny, IX. Warszawa.
- Ebert M.*, 1913. Die baltischen Provinzen Kurland, Livland, Estland.— Praehistorische Zeitschrift, V. Leipzig.
- Ebert M.*, 1925. Reallexikon der Vorgeschichte. Bd. III. Berlin.
- Ebert M.*, 1928–1929. Reallexikon der Vorgeschichte, Bd. XIII. Berlin.
- Eesti ajalugu*, 1935. Eesti ajalugu I. Esiajalugu ja muistne vabadusvõitlus. Tartu.
- Ekblom R.*, 1931. Idrisi und die Ortsnamen der Ostseeländer Namn och Rygh, H. 1–2.
- Endzelins J.*, 1912. Über die Nationalität und Sprache der Kuren.— Finnisch-ugrische Forschungen, Bd. 12. Helsingfors — Leipzig.
- Endzelins J.*, 1932. Vai Mežotne senāk bijusi pilsēta.— Burtnieks. Rīga.
- Endzelins J.*, 1979. Darbu izbas, III–1. Rīgā.
- Endzelins J.*, 1982. Darbu izbas, IV–2. Rīgā.
- Engel C.*, 1931a. Beiträge zur Gliederung des jungsten Zeitalters in Ostpreussen.— In: Congressus Secundus Archaeologorum Balticorum Rigae. Rīgā.
- Engel C.*, 1931b. Einführung in die Kultur des Memellandes. Memel.
- Engel C.*, 1935a. Aus ostpreussischer Vorzeit. Königsberg.
- Engel C.*, 1935b. Vorgeschichte der altpreussischen Stämme. Königsberg.
- Engel C., La Baume W.*, 1937. Kulturen und Völker der Frühzeit im Preußenlande. Königsberg.
- Europaeus A.*, 1923. Muinaistutkimuksen tehtäviä Karjalassa.— Kalevalaseuran Vuosikirja, 3. Helsinki.
- Fettich N.*, 1937. Die Metallkunst der landnehmenden Ungarn.— Archaeologia Hungarica, XXI. Budapest.
- Fodor I.*, 1977. Ou le dominicain Julien de Hongrie retrouvait-il les Hongrois de l'Est? — In: Les anciens Hongrois et les ethnies Voisines à l'Est. Budapest.
- Fraenkel E.*, 1950. Die baltischen Sprachen. Ihre Beziehungen zu einander und zu den indogermanischen Schwesteridiomen als Einführung in die baltische Sprachwissenschaft. Heidelberg.
- Friedental A.*, 1938. Ein Brandgraberfeld der jüngeren Eisenzeit aus West-Estland.— In: Beiträge zur Kunde Estlands, XXI. Tallinn.
- Gaerte W.*, 1929. Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg.
- Gerullis G.*, 1921. Zur Sprache der Sudawer-Jatwinger.— In: Festschrift Adalbert Bezzenberger. Göttingen.
- Gimbutas M.*, 1963. The Balts. New York.
- Gimbutienė M.*, 1985. Baltai priešistoriniais laikais. Etnogenezė, materialinė kultūra ir mitologija. Vilnius.
- Ginters V.*, 1938. Rituelle Steinkreise auf livischen Graberfeldern der jüngeren Eisenzeit.— Opetatud Eest seltsi toimetused, XXX. Tartu.
- Ginters V.*, 1939a. Sena Mežotne.— SM, I.
- Ginters V.*, 1939b. Sena Mežotne.— SM, IV.
- Girininkas A.*, 1974. Baubonių — Mustenių (Trakų raj.) pilkapyo tyrinėjimai 1973 m.— AETL 1972 ir 1973 m.
- Golubeva L. A.*, 1980. The White Lake area and the Volga Water-way.— In: Fenno-ugri et slavi. 1978. Helsinki.
- Gombocz Z.*, 1912. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache.— Helsinki.
- Götze A.*, 1908. Brettstempelweberei im Altertum. Berlin.
- Graudonis J.*, 1964. Altenes ekspedīcijas 1963. gadā. arheologiskie izrakumi.— RT 1963.
- Graudonis J.*, 1965. Altenes arheologiskās ekspedīcijas pārbau des izrakumi 1964. gadā.— RT, 1964.
- Graudonis J.*, 1969a. Arheologisko pieminekļu apzināšana Augšzeme.— RT, 1968.
- Graudonis J.*, 1969b. Ikšķiles arheologiskā izpēte. 1968 gadā.— RT, 1968.
- Graudonis J.*, 1970. Ikšķiles arheologiskās ekspedīcijas darbs 1969. gadā.— RT, 1969.
- Graudonis J.*, 1971. Arheologiskie izrakumi Ikšķilē 1970. gadā.— RT, 1970.
- Graudonis J.*, 1972. Izrakumi Ērgļu Jaunākēnu kapulauka 1971. gadā.— Mat. 1971.
- Graudonis J.*, 1973a. Ērgļu Jaunākēnu kapulauks.— Mat. 1972.
- Graudonis J.*, 1973b. Senā Ikšķiles baznīca un 1972 gadā tajā veiktie pētījumi.— Mat. 1972.
- Graudonis J.*, 1974. Ikšķiles arheologiskās ekspedīcijas darbs 1973. gadā.— Mat. 1973.
- Graudonis J.*, 1975. Arheologiskie izrakumi Ikšķilē 1974. gadā.— Mat. 1974.
- Graudonis J.*, 1976. Ikšķiles arheologiskās ekspedīcijas darbs 1975. gadā.— Mat. 1975.
- Graudonis J.*, 1977. Izrakumi Turaidas pilsdrupās 1976. gadā.— Mat. 1976.
- Graudonis J.*, 1978. Izrakumi Turaidas pilsdrupās 1977. gadā.— Mat. 1977.
- Graudonis J.*, 1979. Izrakumi Turaidas pilsdrupās 1978. gadā.— Mat. 1978.
- Graudonis J.*, 1980. Izrakumi Turaidas pilsdrupās 1979. gadā.— Mat. 1979.
- Graudonis J.*, 1982. Izrakumi Turaidas pilsdrupās 1980. un 1981. gadā.— Mat. 1980/81.

- Graudonis J., Apals J., 1965. Altenes arheolģiskās ekspedīcijas pārbaudes izrakumi 1964. gadā.— RT, 1964.
- Grewingk C., 1865. Das Steinalter der Ostseeprovinzen Liv-, Est- und Kurland und einiger ungrenzenden Landstriche.— In: Schriften der Gelehrten Estnischen Gesellschaft, 4. Dorpat.
- Grewingk C., 1870. Über heidnische Gräber Russisch-Litauens und einiger benachbarten Gegenden insbesondere Lettlands und Weissrusslands.— In: Verhandlungen der Gelehrten estnischer Gesellschaft, VI, H. 1–2. Dorpat.
- Grewingk C., 1874–1877. Zur Archäologie des Baltikums und Russlands, I, II. Braunschweig.
- Grewingk C., 1875. Über ein Heidengrab von Kremon in Livland und die Unterscheidung heidnischer Liven- und Lettengräber.— Sb. GEG, 1874.
- Grewingk C., 1884. Erläuterungen zur Karte des Stein-, Bronze- und ersten Eisentalers von Liv-, Est- und Kurland. Dorpat.
- Grewingk C., 1887. Archäologische Ausflüge in Liv- und Estland.— Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft, 1886. Dorpat.
- Hackman A., 1905. Die ältere Eisenzeit in Finland, I. Helsingfors.
- Hackman A., 1925. Förfärv till Finlands Nationalmuseum 1921–1924.— Finskt Museum, 32. Helsinki.
- Hajdu P., 1969. Finno-Ugrische Urheimatforschung.— Ural-Altaische Jahrbücher, 41. Wiesbaden.
- Hajdu P., 1975. Finno-Ugrain Languages and Peoples. London.
- Hällström O., 1948. Lisiä suomalaisten soikeiden kupurasollien historiaan.— Suomen museo, 65. Helsinki.
- Hansen G., 1875. Die Sammlungen inländischer Alterthümer und anderer auf die baltischen Provinzen bezüglichen Gegenstände des Estländischen Provinzial-Museum beschrieben von. Reval.
- Hartmann H. E., 1871. Das vaterländische Museum zu Dorpat oder die Sammlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft und des Central-Museum vaterländischer Alterthümer der Kaiserlich Universität zu Dorpat beschrieben von. Dorpat.
- Hausmann R., 1889. Der Aschenfriedhof auf dem Kalmomägi in Orriküll (Kp. Kergel).— Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft. Dorpat.
- Hausmann R., 1893. Bericht über eine Ausgrabung.— Sitzungsberichte der kurländischen Gesellschaft für Literatur und Kunst. 1892. Mitau.
- Hausmann R., 1896a. Einleitung zur Abtheilung Archäologie.— In: RK.
- Hausmann R., 1896b. Grabfunde aus Estland. Ein archäologische Studie von. Reval.
- Hausmann R., 1896c. Überblick über die Entwicklung der archäologischen Forschung in den Ostseeprovinzen während der letzten fünfzig Jahre.— Tp. X AC, II. M.
- Hausmann R., 1909. Uebersicht über die archäologische Forschung in den Ostseeprovinzen im letzten Jahrzehnt.— In: Arbeiten des Ersten Baltischen Historikertages zu Riga 1908. Riga.
- Hausmann R., 1910. Prähistorische Archäologie von Estland, Livland, Kurland. Dorpat.
- Hausmann R., 1914. Der Silberfund von Mehntack in Estland.— In: Baltische Studien zur Archäologie und Geschichte. Berlin.
- Hällström O., 1948. Lisiä suomalaisten soikeiden kupurasollien syntyhistoriaan.— Suomen Museo, 65. Helsinki.
- Heikel A. O., 1889. Tuukkalan löytö.— SMYA, X.
- Heikel A., 1894. Antiquites de la Sibirie Occidentale. Helsingfors.
- Heydeck J., 1895. Das Graberfeld von Daumen und ein Rückblick auf den Anfang einer deutschnationalen Kunst.— Sb. Prussia, 19.
- Heydeck J., 1899. Die Wikingergräber der Kaup bei Wiskiauten, Kr. Fischhausen.— Sb. Prussia, 22.
- Hoffmann J., 1941. Die Spätheidnische Kultur des Memellands (10–12 Jhrh. n. d. Ztw.) Königsberg und Berlin.
- Hollack E., 1908a. Erläuterungen zur vorgeschichtlichen Übersichtskarte von Ostpreussen. Berlin.
- Hollack E., 1908b. Die Grabformen ostpreussischen Gräberfelder.— Zeitschrift für Ethnologie, 40. Berlin.
- Hollack E., Bezenberger A., 1898. Das Graberfeld bei Kellaren im Kreise Allenstein.— Sb. Prussia, 21.
- Holubowicz W., 1934. Odkrycie archeologiczne pod Swirem.— Kurier Wileński, N 150.
- Holubowicz W., 1937. Pięć lat pracy terenowej Muzeum Archeologicznego Uniwersytetu Stefana Batorego w Wilnie (1933–1937).— Rocznik archeologiczny. Wilno.
- Holubowiczowie H. i W., 1940. Wykopiska na Wileńszczyźnie w latach 1938 i 1939. Wilno.
- Holzmayer J. B., 1881. Osiliana III.— Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft, X. Dorpat.
- Itkonen E., 1950. Die Vorgeschichte des Finnen aus der Perspektive eines Linguisten.— Ural-Altaische Jahrbücher, XXXII. Wiesbaden.
- Itkonen E., 1969. Zur geographischen Ausdehnung der finnisch-ugrischen Urheimat.— Ural-Altaische Jahrbücher, 41. Wiesbaden.
- Jaanusson H., 1971. Ett estniskt korsformat hänge från Bjurhovda i Västerås.— Fornvännen, 66. Uppsala.
- Jaanis L., Laul S., Lõugas V., Tõnisson E., 1982. Eesti esiajalugu. Tallinn.
- Jablonskis J., 1969. Imbaré — sena gyvenvietė — Kraštotyra. Vilnius.
- Jahresbericht..., 1895. Jahresbericht der Altertumsgesellschaft Insterburg für das Vereinsjahre pom 1. Oktober 1894 bis 31. Dezember 1895. Insterburg.
- Jahresbericht..., 1897. Jahresbericht der Altertumsgesellschaft Insterburg für 1897. Insterburg.
- Jakimowicz R., 1929. Kultura Polski wczesnohistorycznej.— Przegląd archeologiczny, IV. Poznań.
- Jakimowicz R., 1948. Okres wczesnohistoryczny.— In: Prehistoria ziem polskich. Kraków.
- Jākobsons F., 1929. Senlatviešu ienākšana Latvijā.— Senatne, 1–2. Rīga.
- Jākobsons F., 1929–1930. Dzelzs laikmets Latvijā.— Latviešu konversācijas vārdnīca, 4. Rīga.
- Jarocki S., 1901. Kurhany i cmentarzysko w pow. Oszmiańskim.— Światowit, t. III.
- Jaskanis D., 1962. Materiały z badań wczesneśredniowiecznego cmentarzyska w miejscowości Podroś kolo Wołkowyska w BSSR.— In: Rocznik Białostocki, III.
- Jaskanis J., 1974. Obrządek pogrzebowy zachodnich Bałtów u schyłku starożytności (I–V w. n. e.). Wrocław.
- Jaskanis J., 1977. Cmentarzyska kultury zachodniobałtyjskiej z okresu rzymskiego. Materiały do badań nad obrządkiem pogrzebowym.— Materiały starożytne i wczesnośredniowieczne, t. IV. Wrocław; Warszawa; Kraków, Gdańsk.
- Johansen P., 1939. Kurland Bewohner zu Anfang der historischen Zeit.— In: Baltische Lande, I. Berlin.
- Juodelis S., 1972. Norkūnų pilkapių (Rokiškio raj.) kasinėjimai.— In: Archeologiniai ir etnografiniai tyrinėjimai Lietuvoje 1970 ir 1971 metais. Vilnius.
- Jung J., 1898. Muinasajateadus eestlaste maalt. II. Kohalised muinasaja kirjeldused Liivimaalt, Pernu ja Viljandi maakonnast. Juriev.
- Jung J., 1899. Muinasajateadus eestlaste maalt. I. Üleüldine muinasaja kirjeldus. Juriev.
- Jung J., 1910. Muinasajateadus eestlaste maalt. III. Kohalised muinasaja kirjeldused Tallinnamaalt. Tartu.
- Kalējs O., 1940. Jersikas senkapi.— Senatne un Maklsa, 2. Rīga.
- Kamiński A., 1953. Jaćwież. Terytorium, ludność, stosunki gospodarcze i społeczne. Łódź.
- Kamiński A., 1956. Materiały do bibliografii archeologicznej jaćwieży od I do XIII w.— In: Materiały starożytne, I. Warszawa.
- Karnups A., 1931. Ausgrabungen auf dem Burgberge Tanīskalns im Jahre 1930.— In: Congressus secundus archaeologorum Balticorum Rigae, 19.–21.VIII.1930. Rīgā.
- Karnups A., 1938. Der Burgberg Talsi.— In: Conventus primus historicorum Balticorum Rigae. Acta et relata. Rīgā.
- Kasswürm K., 1873. Alte Schlossberge und andere Überreste von Baumwerken aus der Vorzeit im Pregelgebiet Litauens.— Schriften der Physikalisch-Ökonomenischen Gesellschaft, 14.
- Katalog Prussia, 1897. Katalog Prussia-Museums im Nordflügel des Königlichen Schlosses zu Königsberg in Prussia, Teil II. Die Funde der Zeit heidnischer Gräberfelder. Königsberg.
- Khalikova E. A., Kazakov E. P., 1977. Le cimetière de Tankeevka.— In: Les anciens Hongrois et les ethnies voisines à l'Est. Budapest.
- Kiparsky V., 1939. Die Kurenfrage.— In: Annales Academiae scientiarum Fennicae, ser. B., t. XLII. Helsinki.

- Kirkor A., 1855. Wycieczka archeologiczna po guberniji Wi-leńskieij.— In: Biblioteka Warszawska, III. Warszawa.
- Kivikoski E., 1939. Svenskar i österled under 500-talet.— Finskt Museum. Helsingfors.
- Kivikoski E., 1944. Zur Herkunft der Karelrier und ihrer kultur.— Acta Archaeologica, XV. København.
- Kivikoski E., 1951. Die Eisenzeit Finnlands. Porvoo; Helsinki.
- Kivikoski E., 1967. Finland. New York; Washington.
- Kivikoski E., 1971. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki.
- Kivikoski E., 1973. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki.
- Kivikoski E., 1980. Långangsbacken. Helsingberg.
- Kohn A., 1878. Vorhistorische Gräber bei Czekanow und Niewiadoma in Polen.— Zeitschrift für Ethnologie, 10, Berlin.
- Köppen P., 1849. Ethnographische Karte des St.-Petersburgischen Gouvernment. St.-Petersburg.
- Köppen P., 1867. Erklärender Text zu der ethnographischen Karte des St.-Petersburger Gouvernment. St.-Peterburg.
- Koskinen J., 1866. Sur l'antiquité des Lives en Livonie.— In: Acta Societatis Scientiarum Fennicae, VIII. Helsingfors.
- Krukowski S., 1911. Cmentarzysko mogil ciałopalnych w Jasudowe pod Sopoćkiniami w pow. augutowskim, gub. Suwalskiej— Swiatowit, IX. Warszawa.
- Krukowski S., 1914. Cmentarzysko ciałopalny bez popielnic w Wysokiem Swiatowit, XI. Warszawa.
- Kruse Fr., 1842. Necrolivonica oder Alterthümer Liv-, Esth- und Curlands bis zur Einführung der Christlichen Religion in den Kaiserlich Russischen Ostsee-Gouvernements. Dorpat; Leipzig.
- Kruse F., 1856. Ur-Geschichte des estnischen Volksstammes und der Kaiserlich Russischen Ostseeprovinzen Liv-, Esth- und Curland überhaupt, bis zur Einführung der christlichen Religion. Moskau.
- Krzywicki L., 1906. Żmudz starożytna. Dawni Żmudzini i ich warownie. Warszawa.
- Krzywicki L., 1913. Grodzisko Derbuckie na Żmudzi.— Pamiętnik Fizyograficzny, XXI. Warszawa.
- Krzywicki L., 1914. Grodziska górno-litewskie. I. Gorodzisko w Duktach. II. Grodzisko w Warańcadi.— Pamiętnik Fizyograficzny, XXII. Warszawa.
- Krzywicki L., 1928. Zemačių senovė. Kaunas.
- Krzywicki L., 1931. Piliakalnis w Gabrijeliszkach.— In: Księga pamiątkowa celem uczczenia 350-ej rocznicy założenia Uniwersytetu Stefana Batorego w Wilnie. Warszawa.
- Kulikauskas P., 1958. Nemenčinės piliakalnis.— ILKI, I.
- Kulikauskas P., 1960. Seniausie pastatai Lietuvoje.— In: Lietuvos TSR architektūros klausimai, I. Vilnius.
- Kulikauskas P., 1970. Kaukų ir Obelytės piliakalnių tyrinėjimai 1967–1969 metais.— AETL 1968 ir 1969 m.
- Kulikauskas P., 1972a. Piliakalnio kaimo Rasių apylinkės Vil-kaviškio rajono piliakalnis ir jo tyrinėjimai 1961 metais.— Istorija, XII, 2. Vilnius.
- Kulikauskas P., 1972b. Rudaminos (Lazdijų raj.) piliakalnio 1965 m. tyrinėjimo duomenys.— Istorija, XIII, 2. Vilnius.
- Kulikauskas P., 1974a. Papiškiu (Varėnos raj.) pilkapiai.— AETL 1972 ir 1973 m.
- Kulikauskas P., 1974b. Vilkautinio (Varėnos raj.) pilkapių tyrinėjimai 1973 m.— AETL 1972 ir 1973 m.
- Kulikauskas P., 1975. Sudargo piliakalniai.— Lietuvos TSR aukštųjų mokyklų mokslo darbai. Istorija, XV–2. Vilnius.
- Kulikauskas P., Kulikauskienė R., Tautavičius A., 1961. Lietuvos archeologijos bruožai. Vilnius.
- Kulikauskas P., 1982. Užnemunės piliakalniai. Vilnius.
- Kulikauskiene R., Kulikauskas P., 1972. Sudargo piliakalnių tyrinėjimai 1970 m.— AETL, 1970 ir 1971 m.
- Kuncienė O., 1969. Pabarių (Eišiškių raj.) pilkapių 1966 m. tyrinėjimai.— MAD, 1.
- Kuncienė O., 1970. Pamusio pilkapių (Varėnos raj.) tyrinėjimai 1968 metais.— AETL 1968 ir 1969 m.
- Kuncienė O., 1971. Sausių (Trakų raj.) pilkapiai.— MAD, 1.
- Kuncienė O., 1972a. Laukių pilkapių (Švenčionių raj.) tyrinėjimai 1971 m.— AETL, 1970 ir 1971 m.
- Kuncienė O., 1972b. Pamusio (Varėnos raj.) pilkapiai (1. Laidosena).— MAD, 3.
- Kuncienė O., 1972c. Prekybiniai ryšiai IX–XIII amžiais.— In: Lietuvos gyventojų prekybiniai ryšiai I–XIII a. Vilnius.
- Kuncienė O., 1973a. Katkuškių pilkapiai.— MAD, 4.
- Kuncienė O., 1973b. Pamusio (Varėnos raj.) pilkapiai. (2. Radiniai).— MAD, 2.
- Kuncienė O., 1974. Naravų (Trakų raj.) pilkapių tyrinėjimai 1972 m.— AETL 1972 ir 1973 m.
- Kuncienė O., 1975. Susisiekimo vandenu priemonės Lietuvojeiki XIII a.— MAD, 2.
- Kuncienė O., 1978a. M. e. V–VII amžių užbarzdinis ietigalis iš Grigiškių (Neravų) pilkapyno.— MAD, 2.
- Kuncienė O., 1978b. Prekyba.— In: Lietuvių materialinė kultūra IX–XIII amžiuje, II. Vilnius.
- Kuncienė O., 1980. Grigiškiu (Neravų) pilkapyno laidojimo papročiai (1. M. e. V–VII a. pilkapiai).— MAD, 3.
- Kuncienė O., 1981. Grigiškiu (Neravų) pilkapyno laidojimo papročiai (2. M. e. VIII–X a. pilkapiai). Pobaiga.— MAD, 3.
- Kuncienė O., 1982. Grigiškiu (Neravų, Trakų raj.) pilkapyno radiniai (1. Darbo įrankiai ginklai).— MAD, 3.
- Kuraszkiewicz W., 1955. Domniemany ślad Jądzwingów na Podlasiu.— In: Studia z filologii polskiej i słowiańskiej, I. Warszawa.
- Kustin A., 1958. Kalmistu XIII–XIV sajandist Karjas Saaremaal.— Изв. АН ЭССР. Обществ. науки, 1.
- Kustin A., 1962. Randvere kivikalmistu Saaremaal.— In: Muistsed kalmed ja aarded. Tallinn.
- Kustin A., 1966. Kiviringkalme Kureveres Saaremaal.— In: Pronksiajast varase feodalismini. Tallinn.
- Kuujo E., 1958. Kurkijoen kihlakunnan historia. Pieksämäki.
- Kuzavinis K., 1964. Lietuvos vardo kilme.— Kalbotyra, X. Vilnius.
- Laid E., 1923. Eest muinaslinnad. Dorpat.
- Laid E., 1939. Varbola Jaanilinn.— In: Muistse Eesti linnused. 1936–1938. a. uurimiste tulemused. Tartu.
- László G., 1955. Etudes archéologiques sur l'Histoire de la Société des Avars.— Archaeologia Hungarica, XXXIV. Budapest.
- Laszlo G., 1960. Die Ältesten Epochen der uralischen Vorgeschichte.— Congressus Internationalis fenno-urgistarum. Budapest.
- Latvijas arheologija, 1974. Latvijas PSR arheologija. Rīgā. Latviešu kultūra senatnē, 1937, Rīgā.
- Lavi A., 1978a. Ausgrabungen auf dem Tarandgräberfeld von Kõrenduse.— Изв. АН ЭССР. Обществ. науки, 1.
- Lavi A., 1978b. Gräberfelder von Lahepera.— Изв. АН ЭССР. Обществ. науки, 4.
- Lavi A., 1980. Über die archäologischen Untersuchungen in Lahepera im Jahre 1978.— Изв. АН ЭССР. Обществ. науки, 4.
- Lehtosalo P.-L., 1966. Rapukoristeisten solkien ajoitunsta.— Suomen Museo, 73. Helsinki.
- Lelewel J., 1853. Narody na ziemiach słowiańskich przed powstaniem Polski. Poznań.
- Lietuvos TSR istorijos, 1955. Lietuvos TSR istorijos šaltiniai, I. Vilnius.
- Łowmiański H., 1931. Studia nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego, 1. Wilno.
- Łowmiański H., 1932. Studia nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego, t. 2. Wilno.
- Łowmiański H., 1947. Dotychczasowy stan badań dziejów dawnych prusów. Olsztyn.
- Lūgas V., 1975. Tarandkalme uus rekonstruktsionnikatse.— In: Fenno-Ugristica, I. Tartu.
- Lūgas V., 1976a. Ausgrabungen der Steingräber und Flurrelikte in Iru.— Изв. АН СССР. Обществ. науки, 1.
- Lūgas V., 1976b. Neues zu den vorgeschichtlichen Bodendenkmälern von Saaremaa (Osul).— Изв. АН ЭССР. Обществ. науки, 1.
- Lukkarinen J., 1917. Eräs muinainen kulkutie Laatokan ja Oulunsuun välillä.— Suomen Museo, XXIV. Helsinki.
- Mandel M., 1976. Ausgrabungen einer Steinsetzung in Lihula.— Изв. АН ЭССР. Обществ. науки, 1.
- Mandel M., 1978a. Archäologische Ausgrabungen in Keila.— Изв. АН ЭССР. Обществ. науки, 4.
- Mandel M., 1978b. Über die archäologischen Untersuchungen in Uugla.— Изв. АН ЭССР. Обществ. науки, 4.
- Mandel M., 1979. Über die archäologischen Ausgrabungen im Dorf Linnamäe (Linnamaa).— Изв. АН ЭССР. Обществ. науки, 4.
- Mandel M., 1980. Über die neuen Ausgrabungen in Kõmsi.— Изв. АН ЭССР. Обществ. науки, 4.
- Mandel M., 1981. Ergebnisse der archäologischen Ausgrabungen des Gräberfeldes von Linnamäe (Linnamaa).— Изв. АН ЭССР. Обществ. науки, 4.
- Manninen J., 1932. Die finnisch-ugrischen Völker. Leipzig.
- Mark K., 1970. Zur Herkunft der finnisch-ugrischen Völker vom Standpunkt der Anthropologie. Tallinn.
- Mažiulis V., 1966. Prūsų kalbos paminklai. Vilnius.

- Mažiulis V.*, 1970. Baltų ir kitų indoeuropečių kalbų santykiai. Vilnius.
- Meinander C. F.*, 1950. Etelä-Pohjanmaan historia I. Esihistoria. Helsinki.
- Merkevičius A.*, 1974. Sauginių (Šiaulių raj.) senkapio tyrinėjimai 1973 m.—AETL, 1972 ir 1973 m.
- Metsar L.*, 1949. Randvere kalmistu. Tartu.
- Michelbertas M.*, 1968. Rūdaičiu I kapinynas.—In: Lietuvos archeologiniai paminklai. Lietuvos pajūrio I–VII a. kapinynai. Vilnius.
- Michelbertas M.*, 1972a. Berklainių pilkapio (Pasvalio raj.) tyrinėjimai 1970 m.—AETL, 1970 ir 1971 m.
- Michelbertas M.*, 1972b. Daujėnų pilkapių (Pasvalio raj.) tyrinėjimai 1970 m.—AETL, 1970 ir 1971 m.
- Michelbertas M.*, 1972c. V m. e. a. Daujėnų apgalvis.—Istorija XIII, 1. Vilnius.
- Müller K.*, 1888. Weltkarte des Castorius genant die Peutinger-riche Tafel. Ravensburg.
- Moora A.*, 1964. Peipsimaa etnilisest ajaloo. Tallinn.
- Moora H.*, 1928. Senā dzelzslaikmeta uzkalniņu kapu izrakumi Jēkabpils apriņķi.—Pieminekļu valdes materiālu krājumi. Arheoloģijas raksti, I. Rīgā.
- Moora H.*, 1929a. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr., I. Dorpat.
- Moora H.*, 1929b. Wotische Altertümer aus Estland.—ESA, IV.
- Moora H.*, 1932. Die Vorzeit Estlands. Tartu.
- Moora H.*, 1938. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr., II. Tartu.
- Moora H.*, 1952. Pirmatnējā kopienas iekārta un agrā feodālā sabiedrība Latvijas PSR teritorijā. Rīgā.
- Moora H.*, 1953. Tallinna tekkimisest ja vanusest. (О возникновении города Таллина).—Изв. АН ЭССР. Обществ. науки, 2.
- Moora H.*, 1955. Muistsete linnuste uurimise tulemustest Eesti NSV-s.—In: Muistsete asulad ja linnused. Tallinn.
- Moora H.*, 1964. Sinialliku. Tallinn.
- Moora H.*, 1967. Einige Ergebnisse der Burgbergforschung in Ostbaltikum.—Suomen Museo. Helsinki.
- Moora H., Saadre O.*, 1939. Lohavere linnamaagi.—In: Muistsete Eesti linnused. 1936–1938. a. uurimiste tulemused. Tartu.
- Mugurēvičs E.*, 1961. Svarīgākie ceļu lībiešu un latgaļu teritorijā.—AE, III.
- Mugurēvičs E.*, 1964. Kurzemes ekspedīcijas darbs 1963. gadā.—RT, 1963.
- Mugurēvičs E.*, 1965. Kurzemes ekspedīcijas darbs 1964. gadā.—RT, 1964.
- Mugurēvičs E.*, 1966. Arheoloģiskie izrakumi Matkules pilskalnā 1965. gadā.—RT, 1965.
- Mugurēvičs E.*, 1967. Izrakumi Mārtiņšals senā ciema teritorijā.—RT, 1966.
- Mugurēvičs E.*, 1968a. Arheoloģisko pieminekļu apzināšana Kurzēmē 1967 g.—RT, 1967.
- Mugurēvičs E.*, 1968b. Kapu veidi Kurzēmē agra feodālisma periodā.—RT, 1967.
- Mugurēvičs E.*, 1968c. Mārtiņšalas pils un baznīca (1967 g. izrakumi).—RT, 1967.
- Mugurēvičs E.*, 1969. Arheoloģiskie izrakumi Mārtiņsalā 1968 g.—RT, 1968.
- Mugurēvičs E.*, 1970. Arheoloģiskie izrakumi Mārtiņsalā 1969. gadā.—RT, 1969.
- Mugurēvičs E.*, 1971a. Arheoloģiskie izrakumi Mārtiņsalā 1970. gadā.—RT, 1970.
- Mugurēvičs E.*, 1971b. Kurzemes ekspedīcijas darbs 1970. gadā.—RT, 1970.
- Mugurēvičs E.*, 1972. Izrakumi Mārtiņsala 1971. gadā.—Mat. 1971.
- Mugurēvičs E.*, 1973a. Arheoloģiskie izrakumi Mārtiņsalā 1972. gadā.—Mat. 1972.
- Mugurēvičs E.*, 1973b. Kurzemes ekspedīcijas darbs 1972. gadā.—Mat. 1972.
- Mugurēvičs E.*, 1974a. Arheoloģiskie izrakumi Mārtiņsalā 1973. gadā.—Mat. 1973.
- Mugurēvičs E.*, 1974b. Ciems un pils Mārtiņsalā (izrakumu rezultātu kopsavilkums).—Mat. 1973.
- Mugurēvičs E.*, 1975. Izrakumi Mārtiņsalā.—Mat. 1974.
- Mugurēvičs E.*, 1976. Izrakumi Sabiles pilskalna un senpilsēta.—Mat. 1975.
- Mugurēvičs E.*, 1977a. Izrakumi Sabilē un Tojātos.—Mat. 1976.
- Mugurēvičs E.*, 1977b. Olinkalna un Lokstenes pilsnovadi, 3.—15. gs. arheoloģiskie pieminekļi. Rīgā.
- Mugurēvičs E.*, 1977c. Piltenes biskaps pils un tās arheoloģiska izpēte.—Mat. 1976.
- Mugurēvičs E.*, 1978a. Izrakumi Sabilē 1977. gadā.—Mat. 1977.
- Mugurēvičs E.*, 1978b. Slīteres-Piltenes ekspedīcija 1977. gadā.—Mat. 1977.
- Mugurēvičs E.*, 1979a. Arheoloģisko pieminekļu apzināšana Ventpils un Kuldīgas rajonā.—Mat. 1978.
- Mugurēvičs E.*, 1979b. Sabiles ekspedīcijas darbs 1978. gadā.—Mat. 1978.
- Mugurēvičs E.*, 1980. Arheoloģisko izrakumu rezultāti Sabiles Senpilsētā.—Mat. 1979.
- Mugurēvičs E.*, 1982a. Arheoloģiskie izrakumi Dundagas pilī.—Mat. 1980/81.
- Mugurēvičs E.*, 1982b. Arheoloģiskie izrakumi Rēzeknes pilskalnā.—Mat. 1980/81.
- Muistse Eesti*, 1939. Muistse Eesti linnused. Tartu.
- Munkacs B.*, 1904. Alanische Sprachdenkmäler.—Keleti Szemle, V-1. Budapest.
- Nagevičius V.*, 1909. «Kirminų kalno» kapinės.—Lietuvių tauta, kn. 1, d. 3. Vilnius.
- Nagevičius V.*, 1931. Das Gräberfeld von Prižmonti.—Congressus Secundus Archaeologorum Balticorum Rigae. Rīgā.
- Nagevičius V.*, 1935. Mūsų pajūrio medžiaginė kultūra VIII–XIII amž.—Senovė, 1. Kaunas.
- Nakaitė L.*, 1959. Juodonių gyvenvietės (Rokiškio raj.) archeologinių tyrinėjimų duomenys.—ĮLKI, II.
- Nakaitė L.*, 1964. Miniatiūrinės IX–XIII amžių įkapės Lietuvoje.—MAD, 2(17).
- Nakaitė L.*, 1970a. Šilutės raj. Vilkų Kampo kaimo «Kapų kalno» tyrinėjimai.—Tr. AH Ljt. CCP, seria A, вып. 3(34).
- Nakaitė L.*, 1970b. Vilkų kampo, Šilutės raj., kapinyno tyrinėjimai 1968 metais.—AETL 1968 ir 1968 m.
- Nakaitė L.*, 1971. Senovinis moterų galvos papuošalas.—In: Kraštotyra. 1972. Vilnius.
- Nakaitė L.*, 1972. Jurgaičių kapinyno VII–VIII a. kapai.—Tr. AH Ljt. CCP, seria A, вып. 4(41).
- Nalepa J.*, 1964. Jaćwiegowie. Nazwa i lokalizacja. Białystok.
- Narbutt T.*, 1842. Dzieje starożytne narodu litewskiego, II.—Wilno.
- Navickaitė O.*, 1957. Veršvų kapinyno laidojimo papročiai.—MAD, 2.
- Navickaitė O.*, 1958. Žirgo apranga Veršvų kapinyne.—ĮLKI, I.
- Navickaitė O.*, 1961. Plokštinių kapinynų tyrinėjimai Lietuvoje 1948–1959 m.—ĮLKI, III.
- Nermann B.*, 1929. Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der jüngeren Eisenzeit.—Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Handlingar. Del. 40: 1. Stockholm.
- Nermann B.*, 1934. Swedish viking colonies of the Baltic.—ESA, IX.
- Nermann B.*, 1958. Grobin-Seeburg. Ausgrabungen und Funde. Stockholm.
- Nirvi R. E.*, 1961a. Inkeröismurteiden asema.—Kalevalaseuran Vuosikirja, 41, Porvoo; Helsinki.
- Nirvi R. E.*, 1961b. Die Stellung der ingrischen Dialekte (Sitzungsberichte die Finnischen Akademie der Wissenschaft, 1960). Helsinki.
- Nordman C. A.*, 1924. Karelska järnåldersstudier.—SMYA, XXXIV.
- Nordman C. A.*, 1934. Guldarmbandet från Metsäpirtti.—SMYA, XL.
- Nordman C. A.*, 1942. Schatzfunde und Handelsverbindungen in Finnlands Wikingerzeit.—Acta Archaeologie, XIII. København.
- Nordman C. A.*, 1945. Smyckefyndet från Sipilänmäki Sakkola.—SMYA, XLV.
- Oinas F. J.*, 1955. The Votes. Indiana.
- Okulicz J.*, 1973. Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do VII w. n. e. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk.
- Otrębski J.*, 1964. Udział Jaćwingów w ukształtowaniu się języka polskiego.—In: Acta Baltico-Slavica, 1. Białystok.
- Ovsjannikov O. V.*, 1980. First discovered burialfield of «Zavolocheskie tšchud». Finno-ugri et slavi. Helsinki.
- Opik E.*, 1970. Vadjalastest ja isuritest XVIII sajandi lõpul. Tallinn.

- Pasternak J.*, 1937. Die ersten altungarischen Grabfunde nördlich der Karpaten.— *Archaeologia Hungarica*, XXI. Budapest.
- Petersen J.*, 1919. De norske vikingasverd. En typologisk-kronologisk studie over vikingetidens vaaben. Kristiania.
- Pierson W.*, 1869. Ueber die Nationalität und die Sprache der alten Preussen. Berlin.
- Przybyłski B.*, 1932. Notatki archeologiczne za Żmudzi.— *Z otchłani wieków*. 1. Warszawa.
- Puzinas J.*, 1938. Naujausių proistorinių tyrinėjimų duomenys.— *Senovė*, IV. Kaunas.
- Puzinas J.*, 1941. Dvigubas kapas, surastas Veršvuose.— *Vytauto Didžiojo kultūros muziejaus metraštis*, I. Kaunas.
- Radziukynas J.*, 1909. Suvalkų rėdybos pilekalniai su žemlapiu. Varšava.
- Radzivilovaitė E.*, 1966. Lietuvių genčių skydai II—VIII amžiais.— *Tp. AH Jlt. CCP, cepja A.*
- Radzivilovaitė E.*, 1970. Kaščių kapinyno, Kretingos raj., tyrinėjimai 1969 metais.— *AETL* 1968 ir 1969 m.
- Ränk G.*, 1960. Vattjalaiset. Helsinki.
- Raudonikas W. J.*, 1930. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm.
- Richter A.*, 1857. Geschichte dem russischen Kaiserthum einverleibten deutschen Ostseeprovinzen, I. Riga.
- Rudzite M.*, 1964. Latviešu dialektologija. Riga.
- Rūke V.*, 1940. Programma izloksņu aprakstiem. Riga.
- Salmo H.*, 1938. Die Waffen der Merowingerzeit in Finnland.— *SMYA*, 42.
- Salmo H.*, 1956. Finnische Hufeisenfibeln.— *SMYA*, 56.
- Schroeder L.*, 1894. Die archäologische Excursion des Sommers 1889.— *Sb. GEG*.
- Schwindt Th.*, 1893. Tietoja karjalan rautakaudesta.— *SMYA*, XIII.
- Sedov V. V.*, 1980a. Slav-westfinnish links in Izborsk and its neighbourhood.— *In: Feno-ugri et slavi*. 1978. Helsinki.
- Sedov V. V.*, 1980b. Zur ethnischen Geschichte der ostsee-finnischen Stämme.— *In: Congressus Quintus Internationalis Feno-Ugristarum*. Pars IV. Turku.
- Selirand J.*, 1962. Kaberla maa-alune kalmistu (13.—17. sajand).— *In: Muistsed kalmed ja aarded*. Arheologiline kogumik, II. Tallinn.
- Selirand J.*, 1966. Prillspiraalpäiste nõeltega linikukeed.— *In: Pronksiajast varase feodalismi*. Tallinn.
- Selirand J.*, 1972. Sinialliku linnamäe muistne nimi.— *Keel ja Kirjandus*, 5. Tallinn.
- Selirand J.*, 1974a. Ausgrabungen auf dem Territorium der Bischofsburg Kuressaare (Arensburg).— *Изв. AH ЭССР, Обществ. науки*, 1.
- Selirand J.*, 1974b. Eestlaste matmiskombed varafeodaalsete subete tärkamise perioodil (11.—13. sajand). Tallinn.
- Selirand J.*, 1975. Über die Grabfunde bei der Kirche zu Valjala.— *Изв. AH ЭССР, Обществ. науки*, 1.
- Selirand J.*, 1976. Neue Grabfunde bei der Kirche zu Valjala.— *Изв. AH ЭССР, Обществ. науки*, 1.
- Selirand J.*, 1979. Von der Verbreitung der ersten Elemente des Christentums bei den Esten.— *In: Rapports du III-e Congrès International d'Archéologie Slave*. Tome 1. Bratislava.
- Selirand J.*, 1980. Die archäologischen Forschungen in der Estnischen SSR in den Jahren 1967—1978.— *Zeitschrift für Archäologie*, 1. Berlin.
- Serning I.*, 1956. Lapska offerplatsfynd från järnålder och medeltid i de svenska lappmarkerna.— *Acta Lapponica*, XI. Stockholm.
- Setälä E. N.*, 1926. Suomensukuisten kansojen esihistoria.— *Suomen suku*, 1. Helsinki.
- Setälä E. N.*, 1932. Suome sugu rahvaste eelajalugu. Tartu.
- Sievers C.*, 1871. Bericht über antiquarische Forschung im Jahre 1876.— *Verh. GEG*, X.
- Sirelius U. T.*, 1903. Die Handarbeiten der Ostjaken und Wogulen. Helsingfors, 1903.
- Sitzka J.*, 1896. Archäologische Karte von Liv-, Est- und Kurland. Jurjew (Dorpat).
- Sjögren A. J.*, 1830. Über die älteren Wohnsitze der Jemen. Ein Beitrag zur Geschichte der tschudischen Völker in Russland.— *Mémoires de l'Académie Impériale de Sciences de St.-Petersbourg*. VI-me série, I—3. St.-Petersbourg.
- Sjögren A. J.*, 1833. Über die finnische Bevölkerung der St.-Petersburgischen Gouvernements und den Ursprung des Names Ingermanlands. St.-Petersburg.
- Sjögren A.*, 1858. Über die Wohnsitze und Verhältnisse der Jatwägen. St.-Petersburg.
- Sjögren A. J.*, 1861. Über die finnische Bevölkerung des St.-Petersburgischen Gouvernements und den Ursprung des Namens Ingermanland. Bd. 1. St.-Petersburg.
- Skrutis M.*, 1889. Seji, Kurzemes augšgala senči. Riga.
- Slava M.*, 1961. Latviešu zemnieku kreklu tipi (18 gs. beigās—19. gs. pirmajā pusē).— *AE*, III.
- Stankus J.*, 1970a. Geležies dirbinių gamybos Lietuvoje V—VIII amžiais technologija.— *MAD*, 3.
- Stankus J.*, 1970b. Geležinių įrankių gamybos technologija Lietuvoje IX—XIII amžiais.— *MAD*, 1.
- Stankus J.*, 1978. Juodoji metalurgija.— *In: Lietuvių materialinė kultūra IX—XIII amžiuje*, I. Vilnius.
- Stepiņš P.*, 1939. Senkapi «Liepu kalnā» Rubas pag. Rūsīšos—Debešos, Jelgavas apriņķi.— *SM*, 1.
- Stepiņš P.*, 1967. Durbes kauja. Riga.
- Strandberg R.*, 1938. Les broches d'argent caréliennes en forme de fer à cheval et leurs ornements.— *ESA*, XII.
- Stubavs A.*, 1957. Amatniecība 6.—8. gs. pēc archeolģiskiem atradumiem Ķentes pilskalnā un apmetnē.— *AE*, 1.
- Stubavs A.*, 1962. Arheolģiskie izrakumi Koknesē 1961. gadā.— *RT*, 1961.
- Stubavs A.*, 1963. Arheolģiskie izrakumi Koknesē 1962. gadā.— *RT*, 1962.
- Stubavs A.*, 1964. Arheolģiskie izrakumi Koknesē 1963. gadā.— *RT*, 1963.
- Stubavs A.*, 1965. Arheolģiskie izrakumi Koknesē 1964. gadā.— *RT*, 1964.
- Stubavs A.*, 1966. Arheolģiskie izrakumi Kokneses pilskalnā 1965. gadā.— *RT*, 1965.
- Stubavs A.*, 1967. Arheolģiskie izrakumi Koknesē 1966. gadā.— *RT*, 1966.
- Stubavs A.*, 1968. Arheolģiskie izrakumi Salaspilī.— *RT*, 1967.
- Stubavs A.*, 1969. Arheolģiskie izrakumi Salaspilī 1968. gadā.— *RT*, 1968.
- Stubavs A.*, 1970. Arheolģiskie izrakumi Salaspilī 1969. gadā.— *RT*, 1969.
- Stubavs A.*, 1971. Arheolģiskie izrakumi Salaspils pils vietā 1970. gadā.— *RT*, 1970.
- Stubavs A.*, 1972. Salaspils arheolģiskās ekspedīcijas 1971. gadā darba rezultāti.— *Mat*. 1971.
- Stubavs A.*, 1973. Izrakumi Salaspils Zviedru skanstē 1972. gadā.— *Mat*. 1972.
- Stubavs A.*, 1974a. Par Latvijas pilskalnu tipolģiju un klasifikāciju. *AE*. XI.
- Stubavs A.*, 1974b. Salaspils arheolģiskās ekspedīcijas 1973. gadā darba rezultāti.— *Mat*. 1973.
- Stubavs A.*, 1974c. Salaspils Zviedru skanstes periodi un to hronolģija.— *Mat*. 1973.
- Stubavs A.*, 1975. Izrakumi Salaspilī 1974. gadā.— *Mat*. 1974.
- Stubavs A.*, 1976a. Izrakumi pēdējā sezonā Salaspilī.— *Mat*. 1975.
- Stubavs A.*, 1976b. Ķentes pilskalns un apmetnē. Riga.
- Stubavs A.*, 1977. Arheolģiskie izrakumi Stupeļu apmetnē 1976. gadā.— *Mat*. 1976.
- Stubavs A.*, 1978. Izrakumi Stupeļu pilskalnā un senpilsētā 1977. gadā.— *Mat*. 1977.
- Stubavs A.*, 1979a. Izrakumi Krigānu ezersalas apmetnē 1978. gadā.— *Mat*. 1978.
- Stubavs A.*, 1979b. Stupeļu arheolģiskās ekspedīcijas darbs 1978. gadā.— *Mat*. 1978.
- Stubavs A.*, 1980a. Arheolģiskie pētījumi Ritē (1976—1979 g.).— *Mat*. 1979.
- Stubavs A.*, 1980b. Krigānu arheolģiskās ekspedīcijas darbs 1979. gadā.— *Mat*. 1979.
- Svabe A.*, 1936. Jersikas karaļvalts.— *Senatne un māksla*, I. Riga.
- Szukiewicz W.*, 1899. Kurhany kamienne.— *Swiatowit*, I. Warszawa.
- Szukiewicz W.*, 1900. Kurhany ciałopalne w Pomusiu.— *Swiatowit*, II. Warszawa.
- Szukiewicz W.*, 1902. Kurhany kamienne w pow. Lidzkim (gub. Wileńska).— *Swiatowit*, IV. Warszawa.
- Szukiewicz W.*, 1910a. Kurhany ciałopalny przy wsi Versoce w powiecie Lidzkim, gubernii Wileńskiej.— *MKAAE*, X.
- Szukiewicz W.*, 1910b. Poszukiwania archeologiczne w pow. Lidzkim, gub. Wileńskiej.— *MKAAE*, X.

- Szukiewicz W., 1911. Cmentarzysko szkieletowe w Salaspiciskach.— MKAAE, XI.
- Szukiewicz W., 1914. Kurhany ciałopalny w Bogatej, Mickuńcach i Wersocze.— MKAAE, XIII.
- Snore E., 1933. Izrakumi Slatēs sila uzkalniņu kapas 1927. gadā.— In: Pieminekļu valdes materiālu krājumi. Arhaioloģijas raksti, 1, Rīgā.
- Snore E., 1935. Libji.— In: Latviešu konversācijas vārdnīca, XII. Rīgā.
- Snore E., 1936. «Kara kapi» Mērdzenes pag. Dzērvju ciemā.— Senatne un Maksla, 2. Rīgā.
- Snore E., 1937. Izrakumi Sabiles «Krievu kapos».— Vēstures atziņas un tēlojumi. Rīgā.
- Snore E., 1939. Dignājas pilskalns (Iss pārskats par 1939. gadā izrakumiem).— SM, 4.
- Snore E., 1957. Asotes pilskalna krāsnis.— AE, I.
- Snore E., 1961. 1960. gada arheoloģiskā ekspedīcija Daugavas kreisajā krastā.— RT, 1960.
- Snore E., 1962. Izrakumi Lejasdopeļu arheoloģiskā kompleksā.— RT, 1961.
- Snore E., 1963. Sēļu I ekspedīcijas darbs 1962. gadā vasarā.— RT, 1962.
- Snore E., 1967. Doles Vampeniešu kapulauki.— RT, 1966.
- Snore E., 1968. Doles Vampeniešu 1967. gadā ekspedīcija.— RT, 1967.
- Snore E., 1969. Vampeniešu arheoloģiskās ekspedīcijas darbs 1968. gada.— RT, 1968.
- Snore E., 1970. Vampeniešu-Raušu arheoloģiskās ekspedīcijas darbs 1969. gadā.— RT, 1969.
- Snore E., 1972. Doles Vampeniešu 1971. gadā arheoloģiskās ekspedīcijas guvumi.— Mat. 1971.
- Snore E., 1973. Vampeniešu-Raušu arheoloģiskās ekspedīcijas darbs 1972. gadā.— Mat. 1972.
- Snore E., 1974. Raušu arheoloģiskās ekspedīcijas darbs 1973. gadā.— Mat. 1973.
- Snore E., 1975. Arheoloģiskie izrakumi Doles Vampeniešu I kapulauka.— Mat. 1974.
- Snore E., 1978. Arheoloģiskie izrakumi Beteļu kapulaukā Augšzemē 1977. gadā.— Mat. 1977.
- Snore E., 1979. Arheoloģiskās ekspedīcijas darbs Augšzemē 1978. gadā. Mat., 1978.
- Snore E., 1980. Ratulānu arheoloģiskās ekspedīcijas darbs 1979. gadā.— Mat. 1979.
- Snore E., 1982. Izrakumi Kuncu kapulaukā.— Mat., 1980/81.
- Snore E., Zariņa A., 1980. Senā Sēlpils. Rīgā.
- Snore R., 1929. Izrakumi Dobeles padasta Ošu senkapos 1926. gadā.— Rīgas Latviešu biedrības Zinibukomisijas Rakstu Krājums, 49. Rīgā.
- Snore R., 1930. Dzels leikmeta latviešu rotas adatas.— In: Latviešu aizvēstures materiāli, 1. Rīgā.
- Snore R., 1936. Latvijas aizvēstures. 1. Agrais un vidējais dzelzs laikmets (I—VIII gs. pēc Kr.).— Congressus Secundus archaeologorum Balticorum Rigae, 2. Rīgā.
- Stokmanis A., 1926. Vecākā dzelzs leikmeta uzkalninu kapi pie Boku mājām Jekābpils apkārtnē.— Latvijas Saule, 43/44. Rīgā.
- Sturms E., 1935. Die vorgeschichtlichen Probleme des Kurenlandes.— Sb. Rīg., 1934.
- Sturms E., 1936a. Latvijas akmens laikmeta materiāli.— Latviešu aizvēstures materiāli, 2. Rīgā.
- Sturms E., 1936b. Zur Vorgeschichte der Liven.— ESA, X.
- Sturms E., 1936c. Vilkumuižas ezera atradumi.— SM, 2.
- Sturms E., 1938. Baltische Alkhügel.— In: Conventus Primus historicorum Balticorum Rigae, 16—20. VIII. 1937. Acta et relata. Rīgā.
- Sturms E., 1939. Sēji.— In: Latviešu konversācijas vārdnīca, 19. Rīgā.
- Sturms E., 1950. Die Ausgrabungen in Rutzau und Bauske mit einem Exkurs: frühgeschichtliche Fundgruppen und heutige Dialektgrenzen in Lettland und Litauen.— In: Ur- und Frühgeschichte als historische Wissenschaft. Festschrift zum 60. Geburtstag von E. Wahle. Heidelberg.
- Talko-Hryniewicz J., 1920. Przyczynek do paleoetnologii Litwy. Cmentarzysko na Arjańskiej górze w majetnosci Unji pod Wierzbolowen, pow. Wolkowyszii, gub. Suwalska.— Prace i materiały antropologiczne-archeologiczne i etnograficzne, I, 1—2. Kraków.
- Tallgren A. M., 1910. Suomen karjalan rautakaudesta.— In: Karjalan Kirja, 1. Porvoo.
- Tallgren A. M., 1916. Fornasaker från Olonets på Historiska Museet i Helsingfors.— Finskt Museum, XXIII. Helsinki.
- Tallgren A. M., 1918. Muutamia uusia muinaislöytöjä ja kaivauksia.— Suomen Museo, 25. Helsinki.
- Tallgren A. M., 1922. Zur Archäologie Eestis, I. Dorpat.
- Tallgren A. M., 1924. L'Orient et l'Occident dans l'âge du fer finno-ugrien.— SMYA, XXXV, 3.
- Tallgren A. M., 1925. Zur Archäologie Eestis, II. Dorpat.
- Tallgren A. M., 1926. Suomalais-ugrilainen muinaistiede.— Suomen Suku, 1. Helsinki.
- Tallgren A. M., 1928. Les provinces culturelles finnoises de l'âge récent de fer dans la Russie du nord.— ESA, III.
- Tallgren A. M., 1929. Zur osteuropäische Archäologie.— Finnisch-ugrische Forschungen, XX. Helsingfors.
- Tallgren A. M., 1931a. Biarmia.— ESA, VI.
- Tallgren A. M., 1931b. Suomen muinaisuus.— In: Suomen historia. Porvoo; Helsinki.
- Tallgren A. M., 1932. Suomen karjalan rautakaudesta.— In: Karjalan Kirja, 2. Porvoo; Helsinki.
- Tallgren A. M., 1938a. Inkerinmann muinaisaisutuksesta.— In: Suomalainen Tiedekatemia. Esitelmät ja pöytäkirjat 1937. Helsinki.
- Tallgren A. M., 1938b. The prehistory of Ingria.— ESA, XII.
- Tamla T., Jaanits K., 1977. Das Gräberfeld und der spätneolithische Siedlungsplatz von Paju.— Изв. АН ЭССР. Обществов. науки, 1.
- Tamla Ü., 1977. Das Tarandgrab vom Mõigu-Peetri.— Изв. АН ЭССР. Обществов. науки, 1.
- Tamm J., 1976. Zur Geschichte des mittelalterlichen Marstalles von Tallinn.— Изв. АН ЭССР. Обществов. науки, 1.
- Tamm J., 1979. Über die archäologischen Untersuchungen der Nikolaikirche.— Изв. АН ЭССР. Обществов. науки, 4.
- Tamm J., 1980. Über die archäologischen Ausgrabungen in der Umgebung der Nikolaikirche.— Изв. АН ЭССР. Обществов. науки, 4.
- Taraska P., 1928. Lietuvos archeologijos medžiaga. Kaunas.
- Taraska P., 1934. Apeiginiai Lietuvos piliakalniai.— Židinys, 11. Kaunas.
- Taraska P., 1956. Lietuvos piliakalnis. Vilnius.
- Taraska P., 1958. Pados akmenyje. Vilnius.
- Tautavičienė B., 1974. Šarkų (Silales raj.) senkapis.— AETL, 1972 ir 1973 m.
- Tautavičius A., 1955. Rytų Lietuvos pilkapiai.— MAD, 1.
- Tautavičius A., 1957. Kapitoniskių pilkapiai.— MAD, 1.
- Tautavičius A., 1958. Salčininkų rajono pilkapynų tyrinėjimai.— ILKI, I.
- Tautavičius A., 1966. Lietuvių ir jotvingių genčių gyventų plotų ribų klausimu.— Тр. АН ЛССР. Серия А, вып. 2 (24).
- Tautavičius A., 1970. Vakarinės Žemaitijos dalies moterų kepuraitės IX—XII a.— In: Muzejai ir paminklai. 1970. Vilnius.
- Tautavičius A., 1972. Prekybiniai-kultūriniai rūsiai V—VIII amžiais.— In: Lietuvos gyventojų prekybiniai rūsiai I—XIIIa. Vilnius.
- Tautavičius A., 1981. Žemaičių etnogenezė (archeologijos duomenimis).— In: Iš lietuvių etnogenezės. Vilnius.
- Teesid Congressus, 1970. Congressus, Tertius internationalis Fenno-Ugristarum. Tallinn.
- Tischler O., 1877. Bericht über die prähistorisch-antropologischen Arbeiten der Physikalisch-Ökonomischen Gesellschaft.— Schriften der Physikalisch-Ökonomischen Gesellschaft, Bd. 18. Königsberg.
- Tischler O., 1902. Ostpreussische Altertümer aus der Zeit der grossen Gräberfelder nach Christi Geburt. Königsberg.
- Thomsen V., 1890. Beröringer mellem de finske og de baltiske (litauisk-lettiske) Sprog. København.
- Toeppen M., 1858. Atlas zur historisch-comparativen Geographie von Preussen. Gotha.
- Toeppen M., 1870. Geschichte Masurens. Danzig.
- Toivonen J. N., 1953. Zur Frage der finnisch-ugrischen Urheimat.— Journal de la Societ Finno-Ougrien, 56—1. Helsinki.
- Tõnisson E., 1962. Eesti aardeleid 9.— 13. sajandist.— In: Muisteed kalmed ja aarded. Tallinn.
- Tõnisson E., 1965. Lõhavere linnamägi. Tallinn.
- Tõnisson E., 1966. Liivi käbaskalmistud Krimuldas.— Изв. АН ЭССР. Обществов. науки, 1.
- Tõnisson E., 1974. Die Gauja-Liven und ihre materielle Kultur (11. Jh.—Anfang 13. Jhs.). Ein Beitrag zur ostbaltischen in der Eisenzeit. Tallinn.

- Tõnisson E.*, 1977. Soontagana maa ja tema maalinna.— Eesti Loodus, 10. Tallinn.
- Tõnisson E.*, 1981. Esiaja ahjud Eestis.— Изв. АН ЭССР. Общество науки, 1.
- Trautmann R.*, 1910. Die altpreußischen Sprachdenkmäler. Göttingen.
- Trummal V.*, Arheoloogilised kaevamised Tartu linnusel.— Уч. зап. Тартуского роч. ун-та, 161. Тарту.
- Trummal V.*, 1970. Arheoloogilised kaevamised Tartu vanalinna territoriumil.— Уч. зап. Тартуского ун-та, 258. Тарту.
- Trummal V.*, 1974. Lisandied Vana—Tartu ajalcole.— Уч. зап. Тартуского ун-та, 340. Тарту.
- Tyszkiewicz E.*, 1842. Kernów i Troki.— Tygodnik Petersburgski, 1842.
- Tyczkiewicz K.*, 1871. Wilija i jej brzegi. Drezno.
- Urbanavičius V.*, 1970a. Grauzių, Kėdainių raj., senkapio tyrinėjimai 1969 metais.— AETL, 1968 ir 1969 m.
- Urbanavičius V.*, 1970b. Grauzių lobis — MAD, 3.
- Urbanavičius V.*, 1970c. Ruseinių senkapio, Kėdainių raj., tyrinėjimai 1968 ir 1969 metais.— AETL, 1968 ir 1969 m.
- Urbanavičius V.*, 1974. Lakštaičių-Meškių (Siaulių raj.) senkapio kasinėjimai 1973 m.— AETL, 1972 ir 1973 m.
- Urbanavičius V.*, 1979. Jakštaičių senkapis.— In: Lietuvos archeologija, 1. Vilnius.
- Urtāns V.*, 1962a. Kalniešu otrais kapulauks.— In: Latvijas PSR Vēstures muzeja raksti. Arheologia. Rīgā.
- Urtāns V.*, 1962b. Ko jaunu deva izrakumi Aizkraukles Lejasbitēnos.— RT, 1961.
- Urtāns V.*, 1963. Dažas atziņas par Lejasbitēnu kapulauku.— RT, 1962.
- Urtāns V.*, 1964a. Aizkraukles ekspedīcijas 1963. gadā izrakumi (Lejasbitēnu) kapulaukā, apmetnēs, pilskalnā un pie upurozola.— RT, 1963.
- Urtāns V.*, 1964b. Latvijas 5.— 9. gs. depoziti.— AE, VI.
- Urtāns V.*, 1965. Izrakumi Lejasbitēnu un Lejasziedu apmetnēs, Kalnaziedu pilskalnā un Lejasbitēnu kapulaukā.— RT, 1964.
- Urtāns V.*, 1966. Izrakumi Cesvaines pilskalnā un kapulaukā pie Lucēm.— PT, 1965.
- Urtāns V.*, 1967. Daugmales ekspedīcijas rezultāti 1966. gadā.— RT, 1966.
- Urtāns V.*, 1968a. Daugmales ekspedīcijas rezultāti 1967. gadā.— RT, 1967.
- Urtāns V.*, 1968b. Latvijas iedzīvotāju sakari ar slāviem I g. t. otrajā pusē.— AE, VIII.
- Urtāns V.*, 1969a. Arheoloģiskie pētījumi Daugmalē.— In: Muzeji un kultūras pieminekļi. Rīgā.
- Urtāns V.*, 1969b. Daugmales ekspedīcijas rezultāti 1968. gadā.— RT, 1968.
- Urtāns V.*, 1970a. Daugmales ekspedīcijas rezultāti 1969. gadā.— RT, 1969.
- Urtāns V.*, 1970b. Etniskās atšķirības apbedīšanas tradīcijās un kapu inventārā Latvijā 5.— 9. gs.— AE, IX.
- Urtāns V.*, 1971. Daugmales ekspedīcijas rezultāti 1970. gadā.— RT, 1970.
- Urtāns V.*, 1972. Aizkraukles arheoloģiskās ekspedīcijas gūvumi 1971. gadā.— Mat. 1971.
- Urtāns V.*, 1973. Aizkraukles arheoloģiskās ekspedīcijas 1972. gadā darba rezultāti.— Mat., 1972.
- Urtāns V.*, 1974a. Izrakumi Aizkraukles senītu kompleksā.— Mat. 1973.
- Urtāns V.*, 1974b. Seni pagāniskā kulta vietu arheoloģiskā izpēte.— Mat. 1973.
- Urtāns V.*, 1976. Pētījumi Aizkraukles pilskalnā, priekšpili un Lejasžagaru kapulaukā 1975. gadā.— Mat. 1975.
- Urtāns V.*, 1977a. Izrakumi Aizkraukles pilskalnā 1976. gadā.— Mat. 1976.
- Urtāns V.*, 1977b. Senākie depoziti Latvijā (līdz 1200 g.). Rīgā.
- Urtāns V.*, 1979. Izrakumi Madalānu pilskalnā un kapulaukā 1978. gadā.— Mat. 1978.
- Urtāns V.*, 1980. Izrakumi Madalānu pilskalnā 1979. gadā.— Mat. 1979.
- Urtāns V.*, 1982. Madalānu pilskalns un Madalānu kapulaukā pētījumi 1980 un 1981. gadā.— Mat. 1980/81.
- Urtāns V., Briede I., Urtāns J.*, 1975. Aizkraukles ekspedīcijas darbs 1974. gadā.— Mat. 1974.
- Vaitkunskienė L.*, 1978. Socialinės nelygybės atspindžiai žemaičiai laidojimo paminkluose (Žasino kapinynas, Silalės raj.) — Lietuvos istorijos metraštis. 1977. Vilnius.
- Vaitkunskienė L.*, 1981. XII a. Grauzių auksakalys (1. Auksakalio kapo tyrinėjimai).— MAD, 1.
- Vaitkunskienė L.*, 1982. XII a. Grauzių auksakalys (2. Auksakalio gaminiai).— MAD, 1.
- Vaitkunskienė L., Merkevičius A.*, 1978. Spalvotųjų metalų dirbiniai ir jų gamyba.— In: Lietuvių materialinė kultūra IX—XIII amžiuje. I. Vilnius.
- Valatka V.*, 1969. Gargždo lauko kapinynas.— In: Muziejai ir paminklai. 1969. Vilnius.
- Valatka V.*, 1970. Gintališkės kapinyno, Plungės raj., tyrinėjimai 1968 ir 1969 metais.— AETL, 1968 ir 1969 m.
- Valatka V.*, 1974. Paragaudžio (Silalės raj.) senkapis.— AETL, 1972 ir 1973 m.
- Vāle E.*, 1928. Izrakumi Rucava un Bauska.— In: Pieminekļu valdes materiālu krājumi. Arhαιologijas raksti, 1—2. Rīgā.
- Vankina L.*, 1962. Arheoloģiskie izrakumi Boļu kapulaukā 1961. gadā.— RT, 1961.
- Vasks A.*, 1973. Aizsardzības izrakumi Dzērvju kapulaukā Ludzas rajonā.— Mat. 1972.
- Vasks A.*, 1974. Izrakumi Vaidu kapos.— Mat. 1973.
- Vasks A.*, 1979. Brikuļu nocietinātā apmetnē.— Mat. 1978.
- Vasks A.*, 1980. Darbu nobeigums Brikuļu nocietinātajā apmetnē.— Mat. 1979.
- Vasmer M.*, 1932. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. I. Die Ostgrenze der baltischen Stämme.— Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophische-historische Klasse. Berlin.
- Vasmer M.*, 1934. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas II. Die ehemalige Ausbreitung der Westfinnen in den heitigen slavischen Ländern.— Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophische-historische Klasse. Berlin.
- Vasmer M.*, 1935. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas III. Merja und Tscheremissen.— Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophische-historische Klasse. Berlin.
- Vassar A.*, 1939. Iru Linnapāra.— In: Muistse Eesti linnused. 1936—1938a. uurimiste tulemused. Tartu.
- Vilsons M.*, 1965. Rīgas vēstures sākumi.— In: Rīga. Apcerējumi par pelsētas vēsturi. Rīgā.
- Virchow R.*, 1877. Bericht über eine archäologische Reise nach Livland.— Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Vorgeschichte. Berlin.
- Voigt Y.*, 1827. Geschichte Preussens, Bd. I. Königsberg.
- Voigt Y.*, 1829. Geschichte. Preussens, Bd. II. Königsberg.
- Volkaitė-Kulikauskienė R.*, 1951. Linksmučių (Pakruojo raj., Sioulių srit.) kapinyno 1948 m. tyrinėjimų duomenys.— In: Lietuvos istorijos instituto darbai. 1. Vilnius.
- Volkaitė-Kulikauskienė R.*, 1958a. Lietuvos archeologiniai paminklai ir jų tyrinėjimai. Vilnius.
- Volkaitė-Kulikauskienė R.*, 1958b. Migonių (Jiezno raj.) archeologiniai paminklai.— ILKI, I.
- Volkaitė-Kulikauskienė R.*, 1959. Miniatiūrinių piliakalnių Lietuvoje klausimu.— ILKI, II.
- Volkaitė-Kulikauskienė R.*, 1964a. Nauji duomenys apie Vakarų Lietuvos moterų galvos dangą ankstyvojo feodalizmo laikotarpiu.— MAD, 2 (17).
- Volkaitė-Kulikauskienė R.*, 1964b. IX—XII amžių kalavijai Lietuvoje.— In: Iš lietuvių kultūros istorijos, IV. Vilnius.
- Volkaitė-Kulikauskienė R.*, 1970. Lietuviai IX—XII amžias. Vilnius.
- Volkaitė-Kulikauskienė R.*, 1974. Nauji duomenys apie žemdirbystę ir gyvulininkystę rutų Lietuvoje XIII—XV amžiai.— MAD, 3.
- Volkaitė-Kulikauskienė R.*, 1975. Kai kurių VIII—XI a. rytų Lietuvos moterų galvos papuošalų klausimu.— MAD, 4.
- Volkaitė-Kulikauskienė R.*, 1978. Žemdirbystė, gyvulininkystė ir medžioklė.— In: Lietuvių materialinė kultūra IX—XIII amžiuje. I. Vilnius.
- Volter E. A.*, 1895. Die Litauer im Kreise Slonim (Zur litauische Dialektenkunde).— In: Mitteilungen der litauischen literarischen Gesellschaft, IV, 2. Tilsit; Heidelberg.
- Volteris E.*, 1933. Apuolė.— Praetis. II. Kaunas.
- Vuorela T.*, 1964. The Finno-Ugric Peoples. Bloomington.
- Waetzold D.*, 1939. Zur Tracht der Bewohner des Memelgebietes in der Eisenzeit.— Altpreußen, 4. Königsberg.
- Zaborski A.*, 1905. Cmentarzysko w Poszuszwiu w pow. i gub. Kowieńskie.— Światowit, VI. Warszawa.
- Zakkarov A., Arendt W.*, 1934. Studia Levedica archeologischer Beitrag zur Geschichte der Altungarn im IX Jh.— Archaeologia Hungarica, 16. Budapest.

- Zariņa A., 1960. Latgaļu vainagi laikā no 6. līdz 13. gadsimtam.— AE II.
- Zariņa A., 1968. 1967. gadā. arheologiskie izrakumi Salaspils Laukskolā.— RT, 1967.
- Zariņa A., 1969. Salaspils Laukskolas arheoloģiskās ekspedīcijas darbs 1968. gada.— RT, 1968.
- Zariņa A., 1970a. Arheoloģiskie izrakumi Salaspils Laukskolā 1969. gadā.— RT, 1969.
- Zariņa A., 1970b. Seno latgaļu apģērbs 7.— 13. gs. Rīgā.
- Zariņa A., 1971. Arheoloģiskie izrakumi Salaspils Laukskolā 1970. gadā.— RT, 1970.
- Zariņa A., 1972. Arheoloģiskie izrakumi Salaspils Laukskolā 1971. gadā.— Mat. 1971.
- Zariņa A., 1973. Izzakumi Salaspils Laukskolā 1972. gadā.— Mat. 1972.
- Zariņa A., 1974. Salaspils Laukskolas libiešu sakari ar kaimiņiem 10.— 13. gs.— Mat. 1973.
- Zariņa A., 1975. Izzakumi Salaspils Laukskolā 1974. gadā.— Mat., 1974.
- Zariņa A., 1976. Izzakumi Salaspils Laukskolā 1975. gadā.— Mat. 1975.
- Zariņa A., 1977. Izzakumi Lielvārdē 1976. gadā.— Mat. 1976.
- Zariņa A., 1978. Krāsnis Salaspils Laukskolas libiešu 10.— 13. gs. ciemu Vietās.— AE, XII.
- Ziemalis J., 1895. Baltijas resp. Latvijas arheoloģijas tagadējās stāvoklis un tās uzdevumi nākamajos gados. Jelgava.
- Zinkevičius Z., 1981. Zemačių tarmės kilmės klausimu.— In.: Iš lietuvių etnogenezės. Vilnius.
- Zinkevičius Z., 1984. Lietuvių kalbos istorija, t. 1. Vilnius.
- Ziogas J., 1909. Archeologiski tyrinėjimai Gaidės apylinkėje.— In.: Lietuvių tauta, I—3. Vilnius.
- Zotchlani wieków, 1936. Warszawa.
- Архивные материалы**
- Борисов В. А., А-1900. Отчет о раскопках.— Архив ЛОИА, ф. 1, д. 110.
- Викторова В. Д., А-1968. Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья (опыт систематизации археологических памятников): Канд. дис. Свердловск.— Архив ИА АН СССР, Р-2, № 2043. 324 с.
- Викторова В. Д., А-1969. Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья (опыт систематизации археологических памятников): Приложение к канд. дис. Свердловск.— Архив ИА АН СССР, Р-2, № 2043а.
- Викторова В. Д., Данилевич С. Б., А-1962. Юдинское городище: Отчеты об археологических исследованиях Уральской археологической экспедиции в Свердловской области летом 1962 г.— Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2481.
- Гашева Т. Г., А-1963. Отчет об археологических разведках по р. Тоболу в Ялуторовском районе: Отчеты Курганского отряда археологической экспедиции Уральского университета.— Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2079, с. 22—68.
- Генинг В. Ф., А-1964. Отчет об археологических исследованиях Ишимского отряда Уральской археологической экспедиции в 1964 г.— Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2865.
- Генинг В. Ф., Бушueva Т. Г., А-1962. Малое Бакальское городище: Отчеты археологической экспедиции Уральского университета.— Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2362, с. 166—207.
- Грен А. Н., А-1924. Отчет об археологической экспедиции 1924 г. в селах Вожем, Гам и Усть-Вымь.— Научный архив Коми республиканского краеведческого музея, д. 140.
- Денисов В. П., А-1959. Отчет о раскопках Большевысисского могильника.— Архив Пермского областного краеведческого музея.
- Ефименко П. П., А-1921. Отчет о разведывательных работах могильника близ села Вакино Московской губ. в 1921 г.— Архив ЛОИА, д. ГАИМК, № 89/1921.
- Королев К. С., А-1978. Отчет о полевых исследованиях Вычегодского археологического отряда в 1975—1978 гг.— Архив ИА, Р-1, № 7339, 7339а.
- Косарев М. Ф., А-1971. Отчет о работе Западносибирской экспедиции.— Архив ИА АН СССР, Р-1, № 4497.
- Кутаков Ю. М., А-1963. Отчет об археологических разведках по р. Пышме, произведенных летом 1962 г.— Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2776.
- Кутаков Ю. М., Лепкова Н., А-1962. Отчет об археологической разведке, проведенной по открытому листу № 218. Отчеты об археологических исследованиях УАЭ в Свердловской области летом 1962 г.— Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2481.
- Матющенко В. И., А-1963. Отчет о полевых археологических исследованиях кафедры археологии и этнографии Томского университета в 1963 г.— Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2712.
- Мельников С. Е., А-1852. Об археологических открытиях в Вологодской губернии.— Архив ЛОИА АН СССР, ф. 6, д. 193.
- Оборин В. А., А-1960. Отчет о работе археологической экспедиции Коми-Пермяцкого окружного краеведческого музея.— Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2091.
- Прокопов В. А., А-1970. Отчет об исследовании Агафоновского могильника, проведенном осенью 1970 г.— Архив ИА АН СССР, Р-1, д. 5913.
- Равдоникас В. И., А-1928. Отчет о палеонтологическом обследовании по рекам Оять, Паша и Сясь в Лодейнопольском округе, произведенном В. И. Равдоникасом в 1928 г.— Архив ЛОИА, д. 12, № 113.
- Рерих Н. К., А-1894. Дело Археологической комиссии о раскопках студента Н. Рериха в Изварской казенной даче Царскосельского лесничества.— Архив ЛОИА, д. 64/1894.
- Рерих Н. К., А-1896. Дело Археологической комиссии с ходатайством Н. Рериха о разрешении ему производства раскопок в С.-Петербургской губ.— Архив ЛОИА, д. 56/1896.
- Рерих Н. К., А-1897. Дневник 1897 г.— Архив ЛОИА, дело 54/1897.
- Сидоров А. С., А-1928. Археологические памятники Вымского района Коми АССР (по материалам обследования 1928 г.).— Архив ЛОИА АН СССР, ф. 35, д. 9.
- Тыниссон Э. Ю., А-1963. Отчет о разведке ижорских и водских погребальных памятников в северо-западной части Ленинградской обл. в 1963 г.— Архив ИА АН СССР, д. 2661.
- Черницын Н. А., А-1925. Из доисторического прошлого Кокшетьи: Отчет об археологических исследованиях в 1925 г.— Архив ЛОИА АН СССР, ф. 2, 190/1925.
- Чернецов В. Н., А-1952. Отчет о работах Западносибирской экспедиции в 1952 г. на южном берегу Андреевского озера в 20 км от г. Тюмени.— Архив ИА АН СССР, Р-1, № 891.
- Эрмитаж, 255. Государственный Эрмитаж. Отдел истории первобытной культуры, секция Северо-Запада. Колл. из Пирозера, № 255.
- Эрмитаж, 1553/7. Государственный Эрмитаж. Отдел истории первобытной культуры, секция Северо-Запада. Колл. 1553/7.

Список сокращений

АИЗ	— Археологические известия и заметки	МОПИ	— Московский областной педагогический институт
АО	— Археологические открытия	МЭ	— Материалы по этнографии России
АС	— Археологический съезд	НИИЯЛИЭ	— Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории, экономики при Совете Министров Мордовской АССР
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа	Морд.	
АЭБ	— Археология и этнография Башкирии	НОИВК	— Научное общество истории Вятского края
АЭМК	— Археология и этнография Марийского края	ОАК	— Отчет Археологической комиссии
ВАУ	— Вопросы археологии Урала	ПАС	— Проблемы археологии Сибири
ВГО	— Всероссийское географическое общество	ПВЛ	— Повесть временных лет
ВЭИНП	— Вопросы этнической истории народов Прибалтики	ПГУ	— Пермский государственный университет
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры	ПИДО	— Проблемы истории докапиталистических обществ
ГИМ	— Государственный исторический музей	ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
ЕТГМ	— Ежегодник Тобольского государственного музея	ПХКПАПЭС	— Проблемы хронологии и культурной принадлежности памятников Западной Сибири
ЖМВД	— Журнал министерства внутренних дел	РАО	— Русское археологическое общество
ЖМНП	— Журнал министерства народного просвещения	РУАК	— Рязанская ученая архивная комиссия
ЗОРСА	— Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества	СА	— Советская археология
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества	САИ	— Свод археологических источников
ЗУОЛЕ	— Записки ученого общества любителей естествознания	СГАИМК	— Сообщения ГАИМК
ИАК	— Известия Археологической комиссии	СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа
ИАН Каз.ССР	— Известия Академии наук Казахской ССР	СМАЭ	— Сборник Музея антропологии и этнографии
ИАО	— Известия Археологического общества	ТГПИ	— Томский государственный педагогический институт
ИОЛЕАЭ	— Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете	ТГУ	— Томский государственный университет
ИСО АН СССР	— Известия Сибирского отделения АН СССР	ТИЭ	— Труды Института этнографии АН СССР
ИИС	— Из истории Сибири	ТОКМ	— Томский областной краеведческий музей
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР	ТСА РАНИОН	— Труды секции археологии Российской ассоциации научных институтов общественных наук
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР	ТТКМ	— Труды Томского краеведческого музея
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии АН СССР	АЕ	— Arheologija un etnografija. Rīgā
МАВГР	— Материалы по археологии восточных губерний России	AETL	— Archeologiniai ir etnografiniai tyrinėjimai Lietuvoje... metais. Vilnius
МАЕСВ	— Материалы по археологии европейского Северо-Востока	Altpreussche-Monatsschrift	— Schriften der physikalisch-ökonomischen Gesellschaft. Königsberg
МАР	— Материалы по археологии России	ESA	— Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki
МАР НИИ	— Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории при Совете Министров Марийской АССР	GEG	— Gelehrten Estnischen Gesellschaft. Tartu (Dorpat)
МГУ	— Московский государственный университет	ILKI	— Iš lietuvių kultūros istorijos. Vilnius
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР	Jahresbericht	— Jahresbericht der Altertumsgesellschaft Insterburg für das Vereinsjahre. Insterburg
		LA	— Latvijas PSR arheologija. Rīgā, 1974
		LLM, 1958	— Lietuvių liaudies menas, I. Senovės lietuvių papuošalai. Vilnius
		LLM, 1966	— Lietuvių liaudies menas, II. Senovės lietuvių papuošalai. Vilnius
		LPSR ZA	— Latvijas PSR Zinātnu Akadēmijas, Rīgā

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

MAD	— Lietuvos TSR Mokslų akademijos darbai, A serija. Vilnius	RT	— Zinātniskās atskaites sesijas referātu tēzes par arheologu, antropologu un etnogrāfu... gada pētījumu rezultātiem. Rīgā
Mat.	— Zinātniskās atskaites sesijas materiāli par arheologu un etnogrāfu... gada pētījumu rezultātiem. Rīgā	Sb. GEG	— Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft. 1861—1923. Dorpat
Mitt. Riga	— Mitteilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv.— Ehst- und Kurland's herausgegeben von der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der russischen Ostseeprovinzen. Riga	Sb. Kurl.	— Sitzungsberichte der kurländischen Gesellschaft für Literatur und Kunst. Mitau
MKAAE	— Materiały Komisji antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne Akademii Umiejętności w Krakowie. Kraków	Sb. Prussia	— Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia zu Königsberg. Königsberg
Prussia	— Prussia. Zeitschrift für Heimatkunde und Heimatschutz. Königsberg, 1926—1941	Sb. Riga	— Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde (der Ostseeprovinzen Russland) zu Riga 1873—1934. Riga.
RK	— Katalog der Ausstellung zum X. archäologischen Kongress in Riga 1896. Riga, 1896	SM	— Senatne un Māksla. Rīgā
		SMYA	— Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Helsinki
		Verh. GEG	— Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft. 1840—1943. Tartu

Указатель имен

- Абаев В. И.** 237
Авдеев А. М. 82, 99, 100, 457
Авенариус Н. П. 413, 457
Агеева Е. И. 186, 457
Адам Бременский, немецкий хронист 52, 402, 457
Адрианов А. В. 218
Айлио Ю. 5, 12, 45, 47, 48, 477
Акимова М. М. 136, 457
Аксепоу С. Н. 101, 106, 457
Александр Македонский, царь Македонии 113
Александр Невский, князь новгородский 43
Александр III, римский папа 42
Александров А. А. 40, 41, 477
Алексеев В. П. 7, 457
Алексеева А. А. 53, 56
Алешковский М. Х. 41, 171, 457, 476
Алихова А. Е. 82, 87, 98, 100, 101, 105, 106, 457
Алсейкайе-Гимбутене М. см. Гимбутас М.
Альберт — римский епископ 376
Альгирдас, литовский князь 388
Амброз А. К. 93, 103, 147, 225, 226, 457
Анастасьев А. М. 92, 457
Андрасюнайте Д. 392, 415, 477
Андреева Е. Г. 63, 457
Андриашев А. М. 413
Аннинский С. А. 114, 236, 457
Ансгарий, христианский проповедник 409
Антанавичюс Ю. 387, 389, 390, 477
Антейн А. К. 27, 30, 363, 457, 477
Антоневич Е. 413, 457
Антонович В. Б. 81, 413
Анучин Д. Н. 173, 457
Апцитис К. Я. 365, 477
Апала Э. 355, 376, 477
Апалс Я. 34, 355, 358, 359, 367, 407, 477
Аппельгрэн Я. 44—46, 49, 50, 477
Аристе П. А. 12, 13, 23, 34, 40, 43, 44, 457, 458, 477
Арсакон М. Е. 56
Арсланова Ф. К. 166, 188, 193, 458
Артамонов М. И. 198, 236, 238, 458
Артемьева В. Д. 101, 106, 457
Архипов Г. А. 69, 71, 99, 108—111, 113—115, 173, 212, 242, 243, 458, 474
Арциховский А. В. 47, 458
Аспелин И. Р. 5—7, 13, 24, 34, 48, 52, 92, 97, 173, 477
Атгазис М. К. 25, 366, 371—374, 376, 458, 477
Ауль Ю. М. 34, 458
Аун М. Э. 15, 20, 458, 477
Аунс М. О. 364, 477
Ахмеров Р. Б. 157
Бадер О. Н. 5, 108, 129, 146, 150, 158, 177, 178, 458
Балакин Ю. В. 218, 219, 227, 228
Баленюнас П. 387, 404
Балкашин М. И. 202, 458
Балод Ф. см. Балодис Ф. В.
Балодис Ф. В. 25, 33, 354, 356, 358, 359, 365, 366, 371, 404, 405, 458, 477
Балчюнайте Д. 392
Барсов Е. В. 52
Барсов Н. П. 413, 458
Басанавичюс И. 414, 477
Бахметьева Т. Л. 363, 465
Бахрушин С. В. 175, 177, 179, 215, 458
Башенькин А. Н. 53, 54, 58, 62, 458
Безухова Е. А. см. Халикова Е. А.
Бекгерн К. 399, 478
Белепкая Д. А. 73
Беликова О. Б. 164, 218—220, 225, 226, 229, 458
Беляев Я. В. 99
Бёнигк Ф. 399, 400, 478
Беркутов Л. А. 135, 136, 458
Берс А. А. 178, 458
Берс Е. М. 145, 169—171, 173, 177, 178, 459
Беценбергер А. 399, 402, 404, 409, 478, 480
Билештейн А. 23, 24, 33, 34, 354, 365, 370, 478
Бируля Н. В. 415, 459
Блессе Э. 409, 478
Бобров В. В. 222, 459
Боброва А. И. 202, 216, 232, 233, 459
Богатов И. П. 82, 83, 459
Богачев А. Ф. 82, 99, 457
Богданов Н. И. 52
Богоявленский С. К. 24, 33, 366, 459
Бой К. 370, 404, 478
Болин С. 403, 478
Борков В. Л. 144, 459
Борковский В. И. 47, 458
Бортвин Н. Н. 178, 459
Бранденбург Н. Е. 52, 404, 459
Брастиньш Е. 354, 371, 408, 478
Браун Ф. 236, 370, 459
Бренштейн М. Е. 381, 478
Бресав М. 366, 367, 478
Бривкалне Э. П. 371, 373—375, 379, 459, 478
Бриде И. 25, 355, 478, 485
Брук С. И. 163, 459
Брыкина Н. А. 55, 459
Брюсов А. Я. 12, 53, 56, 459
Брызга, атаман 208
Брянцев П. Д. 413
Бубрих Д. В. 12, 34, 44, 51, 52, 66, 459
Буга К. 7, 365, 413, 414, 478
Булычев Н. И. 94, 459
Буров Г. М. 117—122, 203, 459
Бутенене Э. 392, 405, 415, 417, 478
Бухгольц А. 24, 354, 366, 370, 478
Бушуева Т. Г. 180—182, 486
Бэр И. 23, 477
Вага В. Я. 23, 459
Вайпер И. С. 99, 108, 459
Вайнштейн С. И. 187, 459
Вайткусене Л. М. 381, 386, 396, 485
Валатка В. 381, 384, 405, 485
Валаткене В. 384
Вале Е. 404, 485
Ванагас А. П. 414, 459
Ван Глазенберг 390
Ванкина Л. В. 366, 367, 371, 459, 485
Варнас А. 387
Васильев В. И. 163, 184, 207, 216, 459
Васильев Ю. С. 64, 459
Васк А. В. 355, 365, 485
Вассар А. К. 14, 17, 21, 459, 485
Верещагин А. С. 143, 459
Вестберг Ф. 52, 236, 458
Видеманис Г. 404
Виестарт, князь земгалов 373
Викторова В. Д. 164—177, 179, 182, 183, 202—206, 459, 460, 486
Вилсопе М. Р. 25, 376, 460, 485
Вильчинский П. С. 390, 460
Випоградов А. В. 242
Вирхов Р. 23, 485
Витов М. В. 34
Вихляев В. И. 99—101, 105, 106, 457, 460
Владимир, полоцкий князь начала XIII в. 358
Владимир (Святославович), князь киевский 412
Владыкин В. Е. 144, 460
Волкайте-Куликаускаене Р. К. см. Куликаускаене Р.
Вольтер Э. А. 381, 390, 391, 404, 409, 413—415, 460, 485
Вольф К. 23
Воронин Н. Н. 73, 77, 82, 460
Воронина Р. Ф. 99, 102, 104, 107, 108, 243, 459, 460
Воронцов-Дашков И. И. 107
Воскресенский А. С. 107
Всеволод, ерсицкий князь 358
Всеслав Брячиславич, князь полоцкий 42
Вульфстап, англосакский путешественник IX в. 7, 402, 403
Вуорела Т. 7, 485
Вячко (Ветсеке), князь кок-чесский 358
Габрюнайте К. 387, 390, 460
Гаврилова А. А. 167, 181, 182, 187—189, 223—226, 229, 460
Гадзяцкий С. С. 42, 51, 52, 460
Гайгалайтис В. 409
Гайлюшас Л. 391
Гао-Цзу 229
Гардизи ал-Марвази, персидский географ 237
Гартвик II, архиепископ Бремена 375
Гаусман Р. 13, 14, 19, 24, 46, 354, 370, 404, 480
Гейден И. 399, 402, 480
Гейкель А. 43, 44, 47, 167, 183, 186, 206, 480
Генниг В. Ф. 69, 82, 130, 131, 133, 135, 136, 140, 142, 143, 145—147, 149, 152, 154, 156, 158, 165, 179—187, 189—192, 227, 228, 238, 239, 460, 486
Генрих Латвийский (Ливонский), немецкий хронист 22, 23, 33, 34, 358, 365, 370, 373, 374, 404, 457
Генрих IV Баварский 75, 92
Гераклитов А. А. 82, 460
Герасимова Л. В. 128, 460, 476
Герман Вартбергский, немецкий хронист 388
Германарих, предводитель готов 107
Герте В. 399, 402, 479
Гётце А. 404, 479
Гизе Ф. 398
Гимбутас М. 10, 381, 387, 391, 405, 414, 415, 477, 479
Гинтерс В. 24, 25, 371, 374, 479
Гирининкас А. 392, 415, 479
Глазов В. Н. 34
Глазов В. П. 69, 78, 460
Глинка Ф. М. 52
Голдина Р. Ф. 145—150, 152, 154, 167, 173, 182, 183, 188—190, 198, 225—227, 460, 461
Голубева Л. А. 6, 38, 48, 52—54, 56—58, 60, 64, 66, 74, 76, 79, 89, 90, 103, 111—113, 140, 157, 158, 172, 212, 461
Гондатти Н. Л. 204, 461
Гонорий III — папа римский 403
Гордеев Ф. И. 144, 461
Городков Б. Н. 207
Городцов В. А. 67, 81, 93, 242, 461
Горюнова Е. И. 67—69, 71, 73, 74, 78, 80, 82, 83, 90—92, 98, 101, 107, 108, 179, 241, 242, 461
Готье Ю. В. 95, 98, 461
Гоффманн И. 405, 410, 480
Граков Б. Н. 75
Граудонис Я. Я. 25, 355, 366,

- 367, 371, 376, 395, 459, 461, 474, 479, 480
 Грач А. Д. 187, 461
 Гревинг К. 10, 14, 23, 404, 480
 Грен А. Н. 116, 122, 486
 Гроздилов Г. П. 35, 38, 53, 461
 Гросвальд И. 364
 Грот К. Я. 236, 461
 Грунерт В. 399
 Грязнов М. П. 177, 189, 190, 218, 221, 223—226, 229, 461
 Гуковский К. 391
 Гунарев, ятвяг. 412
 Гуревич Ф. Д. 19, 395, 399, 400, 402, 405, 413, 415, 417, 461
 Гуслистый Н. В. 66, 461
 Дайга И. В. 25, 364, 366, 371, 376, 478, 479
 Данилайте Е. 395, 461
 Данилевский Н. Я. 236, 461
 Даркевич В. П. 215, 461
 Даугеруте, жена ерсицкого кн. Всеволода 358
 Даугирдас Т. 381, 385, 387, 391, 404
 Даугудис В. 382, 385, 391, 392, 394, 415, 418, 461, 479
 Деамант К. 14, 15, 22, 461, 479
 Денисов В. П. 147, 153, 461, 486
 Денисова Р. Я. 10, 33, 366, 461, 462
 Деопик В. Б. 167, 190, 226, 462
 Деревянко Е. И. 188, 462
 Длугош Ян, польский средневековый хронист 412, 413
 Дмитриев В. А. 153
 Дмитриев П. А. 164
 Дмитриев-Мамонтов А. И. 183
 Долгих Б. О. 175, 462
 Дорно, куршский правитель 409
 Дорр Р. 399
 Дремов В. А. 231, 462
 Дробглав Д. А. 215, 462
 Дубицкий С. А. 414
 Дубов И. В. 69, 73, 75, 77, 462
 Дубынин А. Ф. 69, 71, 74, 75, 82, 83, 89, 242, 462
 Дульзон А. П. 187, 219, 232—234, 462
 Дундулене П. В. 396, 462
 Дюсбург Петр, немецкий хронист XIV в. 388, 402, 457
 Елдокимов В. В. 165, 183, 185, 186, 190—192, 228, 460
 Европеус А. 45, 50, 51, 52, 479
 Евтюхова Л. А. 174, 181, 188, 198, 199, 223—224, 233, 462
 Елагин В. С. 186, 193, 222
 Елисеев А. В. 100
 Елисеев Ю. С. 47, 462
 Емельянов В. Д. 130, 135, 462
 Ермак 177, 202, 235
 Ермолаев А. 218, 222, 462
 Ерофеева Е. Н. 69, 78, 462
 Ефименко П. П. 92, 93, 98, 99, 237, 462, 486
 Ефимов Т. П. 140
 Жиганов М. Ф. 82, 97—101, 105—107, 462
 Жильбер де Лавнуа 407
 Жогас Й. 385, 391, 404, 462, 486
 Жуков Б. С. 98
 Заборски А. 381
 Зария А. Э. 25, 27, 28, 31, 360, 361, 367, 368, 376, 378, 462, 486
 Збруева А. В. 116, 117, 147, 462
 Званцев М. П. 108
 Зверуго Я. Г. 415
 Зданович С. Я. 183, 184, 186, 192, 462
 Зеленева Ю. А. 82, 99, 101, 457, 462
 Зеленин Д. К. 34
 Зиёмалис Я. 404, 486
 Зиняков Н. М. 230, 462
 Зитцка Я. 354
 Знаменский М. С. 183, 462
 Зуйков В. Н. 178
 Зыков С. А. 213
 Ибн Русте, арабский географ 237
 Ибн-эль-Варди, арабский средневековый автор 398
 Ибрагим ибн-Якуб, испанско-арабский путешественник 398
 Иван III, князь московский 42
 Иванов А. 92, 462
 Иванов П. П. 93, 107, 462
 Иванова М. Г. 136, 138, 140, 462, 463
 Ивановский Л. К. 34, 38—40, 463
 Идриси Абу-Абн-Аллах-Мохамед, арабский средневековый автор 22, 374, 398
 Ильинский Г. И. 236, 463
 Ингвар, скандинавский путешественник XI в. 370
 Индреко Р. 14
 Иннокентий III, римский папа 33
 Иордан, историк VI в. 7. 52, 67, 97, 107, 457
 Иосиф, хазарский царь 107
 Иохер А. А. 390
 Исланова И. В. 69, 73, 463
 Истомина Т. В. 123, 124, 125, 139
 Иовайша Е. 387
 Иоханзен П. 407, 480
 Казаков Е. П. 91, 238, 463, 480
 Казанцев Д. Е. 5, 463
 Кайзерлинг Т. 370
 Кай-Юань 229
 Калейс О. 354, 480
 Калинина Л. И. 202, 231, 463
 Каменский В. И. 108, 113, 114, 463
 Кампская Б. 390
 Каминский А. 413, 480
 Кананин В. А. 148, 158, 463
 Канивец В. И. 117, 120, 203, 204, 463
 Карамзин Н. М. 52, 413, 463
 Карл Великий, германский император 7
 Карнупс А. 25, 354, 404, 408, 480
 Кассвюрм К. 399, 480
 Каховский В. Ф. 99, 108, 458, 459, 463
 Каширский В. А. 391, 392, 396
 Квятковская А. В. 415
 Кёппен П. 5, 34, 37, 42, 463, 481
 Кибиров А. К. 189, 463
 Кивикоски Э. 19, 38, 44, 45, 47, 48, 51, 77, 481
 Кипарский В. 407, 480
 Кипарисова Н. П. 178, 463
 Киркор А. 390, 463
 Кирпичников Л. Н. 35, 37, 43, 44, 48—50, 75, 215, 462, 463
 Кирюшин Ю. Ф. 193, 202, 219, 230, 463
 Киселев С. В. 188, 224, 463
 Кнабе Г. С. 96
 Ковалевская В. Б. 135, 147, 463
 Ковригина Н. 391
 Козловский В. М. 116
 Колмогоров А. И. 52, 463
 Колчин Б. А. 62, 171, 172, 177, 181, 198, 212, 463
 Кольчатова В. А. 35, 40, 54, 463
 Колышницина О. М. 99, 460
 Комаров К. И. 69, 242, 463
 Комарова М. Н. 218, 463
 Комес А. С. 177
 Конаков Н. Д. 126, 463
 Кондратович-Сирокомля Л. 390
 Кондратова Г. Т. 130, 136
 Конилов Б. А. 164, 174, 183, 186, 188—190, 193, 195—201, 224, 226, 234, 463, 464
 Константин Багрянородный (Порфирогенет), византийский император 97, 236, 237, 457
 Константин Муромский, проповедник христианства 81
 Константинов И. В. 228, 464
 Кончус И. 381
 Конькова О. И. 42
 Корзухина Г. Ф. 110, 464
 Корепанов К. И. 131
 Королев К. С. 117, 119, 123, 464
 Королев К. С. 150, 486
 Корякова Л. Н. 182—184, 192, 460
 Косарев М. Ф. 163, 231, 232, 234, 235, 464, 486
 Косинская Л. Л. 117, 120, 464
 Косинцев П. А. 212
 Коскинен И. 33, 481
 Косменко М. Г. 55, 464
 Костров Н. 221, 464
 Кочуркина С. И. 44, 45, 47, 49—51, 53—55, 61, 242, 459, 464
 Кравченко Т. А. 93, 97, 464
 Крайнов Д. А. 63, 69, 75
 Краснов Ю. А. 69, 74, 82, 85, 90, 99, 108, 458, 459, 464
 Краут А. 15
 Крживицкий Л. 381, 388, 391, 464, 481
 Кривошеков Н. Я. 153, 464
 Кривиньш Я. 354, 404
 Кротков А. А. 100
 Крузе Ф. 10, 13, 23, 404, 481
 Круковский С. 414, 416, 481
 Крупейченко И. П. 54
 Куза А. В. 35, 43, 51, 75, 464
 Кузавинис К. 390, 464
 Кузнецов С. К. 82, 108, 218, 464
 Кузьминых С. В. 114, 472
 Кулаков В. И. 399, 400, 401, 464
 Кулаковский Ю. 413
 Кулемзин В. М. 221, 464
 Куликаускас П. 3. 10, 383, 387, 388, 392, 395, 405, 415—418, 464, 481
 Куликаускас Р. К. 10, 371, 387, 388, 391, 392, 394—397, 405, 409, 410, 418, 420, 460, 464, 481
 Кунцене О. В. 388, 391, 392, 397, 405, 417, 464, 481
 Курашкевич В. 413, 481
 Курбский А. М. 92
 Кутаков Ю. М. 171, 486
 Кутафьев П. И. 232, 233
 Куусинен О. В. 51, 465
 Кушнер П. И. 398, 465
 Кызласов Л. Р. 181, 189, 190, 223, 224, 465
 Лаакман Х. 34
 Лаанест А. 43
 Ла-Бом В. 399, 413, 414, 479
 Лави А. 15, 20, 465, 481
 Лапшин В. А. 69, 73, 75, 465
 Ласло Д. 5, 189, 465, 481
 Лаул М. 15, 20, 465
 Лашук Л. П. 117, 121, 129, 465
 Лебедев В. Д. 363, 465
 Лебедев Г. С. 35, 38, 54, 57, 465
 Левашова В. П. 182, 465
 Леvedия — легендарный воевода венгров 236
 Левицкий Т. 237, 465
 Ледяйкин В. И. 99, 100, 105, 465
 Лембиту, старейшина эстов 22
 Ленц Э. Ю. 224, 465
 Леонтьев А. Е. 69, 71, 73—75, 80, 241, 242, 465
 Лерберг А. Х. 34, 465
 Лесма Ю. М. 37, 39, 465
 Лехтосало-Хиландер П.-Л. 47, 48, 465, 481
 Линевский А. М. 53, 241, 465
 Линтури Э. 47, 465
 Ловмянский Г. 396, 403, 410, 481
 Лоешке Г. 24
 Локере, куршский правитель 409
 Лузгин В. Е. 117, 465
 Лукина Н. В. 201, 221
 Лунегов И. А. 146, 154, 159, 223, 465
 Лухтан А. Б. 392
 Лыткин В. И. 129, 465
 Лыугас В. 15, 17, 20, 465, 480, 481
 Львова З. А. 64, 142, 465
 Любавский М. К. 413
 Ляпушкин И. И. 174, 198, 465
 Мажитов Н. А. 167, 226, 465
 Мажюлис В. 7, 404, 481, 482
 Майдапова Л. М. 175, 179, 465
 Макаренко Н. Е. 75, 92, 465
 Макаров П. А. 53—56, 61, 241, 465
 Максимов А. Г. 186, 457
 Малышев Н. П. 124
 Мандель М. 15, 465, 481
 Марк К. 7, 481
 Маркелевич Ю. 387, 392, 415
 Марков А. К. 92, 115, 465
 Марков К. П. 363, 465
 Мартин Ф. 207, 209
 Мартынов С. Г. 136
 Мартынов В. Н. 83, 88, 89, 100, 102, 104, 105, 460, 465
 Маршак Б. И. 228, 465
 Матвеев А. К. 52, 175, 179, 466
 Матвеев С. Г. 136, 171, 466
 Матюшенко В. И. 195, 218, 227, 466, 486
 Медведев А. Ф. 61, 179, 466
 Мейландер К.-Ф. 77, 466, 482
 Мейнард — ливский епископ 375
 Мельников С. Е. 122, 125, 466, 486
 Мельникова Е. А. 370, 466
 Меркевичюс А. 381, 383, 386—388, 396, 466, 482
 Меховит (Меховской) М. — польский хронист XVI в. 413, 457
 Мешко, польский князь 398

- Мизинова В. 210—212, 214, 466
Миллер Г. Ф. 208, 466
Миндовг, литовский князь 365
Митрофанов А. Г. 395, 466
Михельбертас М. 366, 367, 395, 406, 466, 482
Могиляников В. А. 163, 164, 167, 168, 171, 173, 175, 178, 183—186, 188—190, 193, 195, 197, 198, 201, 202, 216, 218, 222—224, 226, 228, 231—234, 459, 466
Молвыгин А. 20, 466
Молодин В. И. 186, 193, 195, 215, 220, 222, 466
Мольнар Э. 236, 466
Монгайт А. Л. 91—93, 95—97, 104, 143, 466
Моора А. Х. 35, 37, 40, 42, 43, 466, 482
Моора Х. А. 6, 7, 12—14, 22, 23, 25, 26, 31, 33—35, 37, 40—43, 94, 96, 365, 366, 372, 395, 405, 407, 466, 482
Морозов В. М. 167, 169, 175, 208, 209, 212, 215, 216, 235, 467
Москаленко А. Н. 236, 237, 467
Мошенина И. Н. 75
Мошинская В. И. 164, 165, 171, 175, 183, 186, 188—192, 201, 214, 467
Мугуревич Э. С. 25, 26, 31—34, 355—357, 363, 364, 375, 376, 380, 405, 407—409, 467, 474, 482
Мурыгин А. М. 117, 119, 122, 467
Мягков И. М. 227, 467
Мяэсалу А. 14, 467
- Навицкайте О. 381, 387, 388, 391, 405, 415, 482
Нагевичус В. 404, 409, 482
Надькин Д. Т. 82, 88, 104, 105
Назаренко В. А. 54, 56—58, 64, 66, 241, 467
Накайте Л. 396, 406, 409—411, 467, 482
Налепа Е. 419, 482
Напирскис К. 23
Нарбут Т. 398, 413, 467, 482
Насонов А. Н. 64, 467
Наудужас И. 405
Недошивина Н. Г. 75, 93, 467
Нерман Б. 19, 25, 402, 404, 409, 482
Нефедов Ф. Д. 81, 93
Никитин А. В. 53, 54, 58, 467
Никитина Г. Ф. 108
Новокрещенных Н. Н. 144, 467
Нойгебауэр В. 399
Нордман К. А. 38, 44—47, 51, 482
Носилов К. Д. 204, 467
- Оборин В. А. 129, 136, 139, 143, 144, 146—148, 150, 153—158, 172, 177, 183, 202, 203, 212, 458, 460, 467, 468, 486
Овсянников О. В. 37, 65, 213, 214, 216, 468, 482
Овчинникова Б. Б. 168, 179—184, 192, 468
Один, скандинавский бог 113
Озере И. А. 406
Озолиньш Ф. 354, 371
Озолс К. 354
Окладников А. П. 157, 468
Окулич Е. 399, 482
Олег, киевский князь 67
Олсова Г. И. 179, 468
Орозий 7
- Отрембский Я. С. 411, 413, 468, 482
Опибкина С. В. 53, 56, 99, 108, 468
Ошс К. 371, 404
- Паавер К. Л. 363, 468
Павеле Т. И. 376, 460
Паллас П. С. 179, 468
Панин А. В. 52
Панкратов Б. И. 229
Панкрушев Г. А. 51, 468
Пархимович С. Г. 209, 212, 215, 216
Паскуль М. 363, 465
Патканов С. К. 175, 207, 208, 211, 219, 224, 234, 468
Патрушев В. С. 99, 108, 109, 458, 468
Пашуто В. Т. 387, 403, 468
Пелгусий, пжорский старейшина (крестильное имя Филипп) 43
Пелих Г. И. 219—221, 227, 233, 468
Первухин Н. Г. 130, 135, 468
Перени Й. 236, 468
Перцев В. Н. 404, 468
Петербургский И. М. 99—101, 107, 468
Петерсен Я. 29, 30, 483
Петренко В. П. 44, 49, 54, 57, 468
Пигнатти В. Н. 183, 193, 201, 468
Пименов В. В. 52—54, 66, 468
Плано Карпини, францисканский монах, путешественник XIII в. 236
Плетнев В. А. 94, 468
Плетнева Л. М. 164, 189, 217—223, 225, 226, 229, 230, 232, 458, 468, 469
Плетнева С. А. 181, 198, 225, 237, 469
Плятер А. 390
Погодин А. Л. 96, 413, 469
Подгорбунский В. И. 188, 469
Покровский Ф. В. 381, 385, 391, 393, 404, 469
Полесских М. Р. 97, 100, 101, 105, 106, 243, 469
Поливанов В. Н. 97, 98, 469
Поляков И. С. 201, 469
Поляков Ю. А. 147, 469
Попов А. И. 42, 51, 52, 66, 81, 197, 390, 469
Посредников В. А. 203, 216, 230, 469
Потапов Л. П. 223, 230, 469
Потемкина Т. М. 180—183, 469
Прокопов В. А. 147, 152, 486
Прокофьева Е. Д. 221, 222, 231, 469
Прокошев Н. А. 116, 157, 198, 469
Прокудин В. П. 100
Проходцев И. И. 93, 469
Прыткова Н. Ф. 34, 37, 469
Птолемей Клавдий 412, 457
Пузинас И. 381, 387, 404, 409, 415, 483
Пургос (Пургас), один из племенных мордовских князей 97, 100
Пуреш, один из племенных мордовских князей 97
Пурпетерс Н. 24
Пушкина Т. А. 75
Пшибильский Б. 385, 483
- Равдоникас В. И. 34, 42, 51, 53, 55, 56, 469, 483, 486
Равчушкин В. Н. 222
Радзюкинас Ю. 417, 483
Раевская А. М. 42, 469
Раппопорт П. А. 49, 469
Расипыш А. П. 26, 363, 375, 469
Расопова В. И. 167, 189, 469
Рассадович А. И. 178
Рафаель А. 404
Реппиков Н. И. 52, 55
Рерих Н. К. 34, 38, 40, 469, 486
Риекстиньш Х. 24, 354, 404
Рихтер А. 365, 483
Рихтер Е. 12, 469
Розвадовский Я. 414
Розен И. 23, 404
Розенфельдт И. Г. 69, 97, 469, 470
Розенфельдт Р. Л. 98, 470
Розов А. А. 35
Розов Н. С. 231, 470
Романов Е. Р. 354
Романцова В. Д. 195, 470
Россоманин Д. 164
Рот А. М. 237, 470
Рубрук, путешественник XIII в. 236
Рубулис К. 404
Руднев Д. Д. 116, 117
Рыбаков Б. А. 6, 114, 115, 224, 227, 470
Рыжников Н. А. 177
Рыков П. С. 95, 98, 100, 101, 107, 362, 391, 470
Рюрик, легендарный новгородский князь 67
Рябинин Е. А. 6, 35, 37, 41, 42, 65, 66, 71, 74, 75, 78, 79, 242, 470
Рябиница Т. В. 35
- Саадра О. В. 14, 22, 473
Савельев П. С. 68, 69, 122, 470
Савельева Э. А. 48, 66, 116, 117, 119, 120, 122—125, 130, 170, 470
Савинов Д. Г. 186, 193, 470
Савукинас Б. 414, 470
Садыкова М. Х. 198, 470
Сазопова О. И. 55, 459
Сакса А. И. 44, 470
Саксон Грамматик 409
Салмо Х. 45, 46, 483
Салонен Г. 52
Сальпиков К. В. 163, 178, 179, 180, 470
Самоквасов Д. Я. 224, 470
Саханев В. В. 224, 470
Седов В. В. 6, 7, 10, 12, 13, 23, 31, 35, 37—42, 48, 51, 54, 60, 61, 69, 84, 93, 95, 96, 171, 173, 212, 227, 359, 362, 395, 414, 417, 470, 471, 483
Седова М. В. 19, 38, 48, 73, 173, 198, 212, 471
Селезнев Ф. Я. 81, 82, 471
Селиванов А. В. 93, 95, 471
Селибранд Ю. Я. 14, 15, 18, 19, 22, 23, 471, 474, 483
Семенов В. А. 123, 130—134, 136, 139, 142, 471
Семенова В. И. 203—210, 213, 471
Семеновский Н. А. 56
Семина Г. Я. 52
Сергеев С. И. 177, 178, 471
Сергеев С. М. 158
Сергиевский Г. П. 56
Серебрешников Б. А. 96, 459, 471
- Сетяля Э. Н. 5, 12, 483
Сиверс К. 23, 483
Сигизмунд, император германский 411
Сидоров А. С. 117, 120, 122, 471, 486
Сидоров Е. А. 193, 229, 491
Сизов В. И. 354, 404, 471
Сирелиус У. Т. 188, 192, 197, 214, 471, 483
Скрузитис М. 365, 483
Слава М. К. 365, 471, 483
Словцов И. Я. 164, 471
Смирнов А. П. 6, 52, 68, 69, 82, 93, 95, 98, 105, 107—109, 116, 121, 122, 136, 139, 140, 143, 147, 153, 182, 226, 471, 472
Смирнов К. А. 69
Смирнов Н. Г. 191, 192, 472
Смирнов Я. И. 167, 472
Соболев В. И. 193, 220, 222
Сokolova З. П. 165, 168, 169, 203, 209, 219, 227, 472
Соколовский В. 15, 20, 465, 472
Сорокин С. С. 198, 202, 472
Спицын А. А. 6, 19, 24, 34, 37, 38, 40, 46—48, 52, 60, 65, 67—69, 75, 81, 83, 92, 93, 95, 96, 98, 108, 116, 130, 135, 144, 147, 153, 156, 158, 171, 180, 182, 205—207, 218, 242, 354, 391, 414, 417, 472
Ставровский Я. 34, 472
Станкевич Я. В. 53, 68, 71, 472
Станкус Й. 386, 483
Старостин П. Н. 114, 472
Старцева Л. М. 227, 233, 472
Старцева Л. Ю. 131
Статкевичус В. 381
Степанов П. Д. 82, 98, 100, 101, 106, 236, 472
Степипыш П. 354, 366, 405, 483
Стефан, епископ упсальский 42
Стоянов В. Е. 130, 182, 183, 185, 472
Стрыковский М. 412
Стубавс А. Я. 25—27, 33, 355, 357, 359, 363, 366, 367, 369, 370, 472, 483
Сударев В. М. 101, 106
Сурков А. В. 99
- Талицкая И. А. 146, 164, 472
Талицкий М. В. 52, 108, 116, 129, 140, 147, 153, 155, 157, 158, 174, 199, 472, 473
Тальгрэн А. М. 5, 6, 12, 14, 23, 34, 40—45, 47, 49, 51—53, 64, 67, 95, 484
Талько-Гришцевич Ю. Д. 413, 414, 484
Тамла Т. 15, 20, 484
Тараканова С. А. 14, 22, 35, 473
Тарасов П. Г. 130, 135, 473
Тарасенка П. 381, 386, 388, 391, 405, 484
Тауавичене Б. 381, 387, 484
Тауавичус А. 3, 10, 372, 381, 383, 387, 388, 391, 392, 395, 397, 405, 410, 414—417, 473, 484
Тацит, римский автор I в. н. э. 403
Теплоухов А. Ф. 129, 144, 153, 179, 473
Теплоухов Ф. А. 129, 140, 144, 153, 156, 178, 179, 204, 473
Терехова Л. М. 209
Титов А. 81, 473
Тихонов С. А. 56
Тихонравов К. И. 68
Ткаченко О. Б. 67, 473

- Толмачев В. Я. 180
Томсен В. 96
Томсинский С. В. 73, 473
Топоров В. Н. 7, 404, 414, 473
Топорков Б. Н. 178
Траутман Р. 404, 485
Третьяков П. Н. 5, 13, 35, 68—74, 77, 78, 80, 94—96, 104, 237, 241, 395, 473
Трефилов А. Ф. 136, 473
Троицкая Т. Н. 163, 164, 189, 218, 220—226, 228, 229, 473
Трубачев О. Н. 7, 398, 473
Трубникова Н. В. 95, 99, 108, 473
Трумал В. К. 14, 21, 473, 485
Туганаев В. В. 140, 473
Тухтина Н. В. 53, 54, 56, 58, 66, 82, 473
Тыниссон Э. Ю. 14, 15, 20—23, 25, 26, 28, 30, 33, 42, 46, 473, 474, 480, 484, 485, 486
Тышкевич Е. 390, 485
Тышкевич К. 390, 485
Тышлер О. 398, 399, 401, 484
Тэппен М. 413, 484
Тюленев В. А. 44, 474
- Уваров А. С. 68, 69, 79, 81, 91, 242, 474
Уваров Ф. А. 93, 474
Урбанавичус В. 381, 387, 388, 485
Урган В. А. 25, 30, 32, 355, 362, 364, 371, 405, 485
Урган Ю. 25, 485
Успенский Д. 34, 37, 474
Устрялов Н. Г. 92, 474
Ушаков Н. А. 52, 68
- Фасмер М. 7, 12, 40, 52, 67, 485
Фасмер Р. Р. 91, 92, 474
Фаттахов Р. М. 131, 474
Федоров А. Ф. 93, 474
Федорова Н. В. 164, 171, 174, 182—184, 189, 192, 203, 205, 206, 208, 210, 211, 214, 216, 235, 474
Федоров-Давыдов Г. А. 107, 474
Федосеева С. А. 228, 474
Фехнер М. В. 75, 77, 474
Филевич И. 413
Филипп см. Пелгусий
Филиппченко В. А. 198, 474
Флоринский В. М. 183, 474
Фойгт И. 398, 485
Фомин А. В. 403, 474
Фрелих Е. 404
Фриденталь А. 12, 14, 479
- Хакман А. 12, 44, 45, 49, 50, 480
Хайду П. 5, 7, 480
Халиков А. Х. 5, 99, 103, 109, 114, 116, 135, 474, 478
Халикова Е. А. 108, 114, 135, 238, 474, 478, 480
Халин В. В. 100, 101, 106
Хальстрем О. 47, 480
Ханенко Б. И. 236, 474
Ханенко В. Н. 236, 474
Харузин Н. Н. 354, 474
Хвошинская Н. В. 35, 40, 474, 475
Хлебникова Т. А. 212, 475
Хлобыстин Л. П. 206, 213, 214, 216, 475
Ходаковский З. Д. 52
Холандер Б. 370
Холлак Э. 399, 480
Хомутова Л. С. 62, 475
- Холцмайер Я. 13, 480
Хомич Л. В. 227, 475
Христиан, епископ прусский 403
Худяков М. Г. 136, 475
- Цалкин В. И. 363, 475
Цауне А. В. 25, 365, 371, 376, 378, 478
Цветкова И. К. 56, 99, 108
Цветкова Н. Н. 97, 475
Цепкин Е. А. 201
Цеплин П. А. 34, 37, 41, 475
Цимермане И. 364, 478
Циркин А. В. 99, 100, 106, 107, 475
- Чагаева А. С. (Шемякина А. С.) 183, 184, 186—188, 191, 193, 202, 475
Чебоксаров Н. Н. 129, 475
Чемякин Ю. П. 208, 209, 211, 213, 475
Чиндина Л. А. 164, 188—191, 206, 216, 218—232, 234, 476
Черепнин А. И. 93, 95, 475
Черепнин Л. В. 47, 475
Чернецов В. Н. 164—175, 178, 179, 182—184, 187, 188, 191, 193, 195, 199, 200, 202—216, 218, 220—224, 227, 231, 233, 475, 486
Черников В. Ф. 82, 90, 99, 108, 475
Черницын Н. А. 66, 475, 486
Чернов Г. А. 117, 203, 210, 475
Чеснокова Н. Н. 117, 119, 120, 122, 123, 475, 476
Членова Н. Л. 108
Чупетова Л. И. 99
- Шаскольский И. П. 35, 51, 54, 75, 476
Шатилов М. Б. 204, 476
Шафарик П. И. 7
Шваан Ф. Д. 196, 198
Швиндт Т. 44, 45, 49, 483
Шегрен А. И. 34, 41, 42, 52, 413, 483
Шемякина А. С. 191, 192, 201, 202, 476
Шер Я. А. 189, 199, 476
Шереметьев Д. С. 107
Шей Г. 409
Шикаева Т. Б. 109, 476
Шиллинг К. 370
Шимон де Кеза 237
Шитов В. И. 99—101, 465, 476
Шлыгина Н. В. 34, 476
Шмидехельм М. X. 14, 15, 17, 20, 23, 476
Шмидт А. В. 116, 144, 145, 147, 153, 157, 158, 237, 476
Шмидт Е. А. 94
Шмидт Э. 370
Шноре Р. 19, 25, 354, 371, 484
Шноре Э. Д. 24, 25, 34, 354—356, 358, 359, 363, 366—368, 371, 376, 378, 476, 484
Шокшуев Г. А. 145, 476
Шрёдер Л. 24, 483
Штейн Я. 366
Штокманис А. 366, 484
Штурмс Э. 24, 25, 30, 31, 33, 34, 354, 365, 371, 404, 405, 407, 408, 484
Шукевич В. А. 390, 393, 414—416, 476, 483, 484
Шульц Д. 413
Шульц Л. Р. 207
- Щапова Ю. Л. 177, 226, 476
- Эберт М. 12, 14, 24, 25, 354, 370, 479
Эгил Скалаграммесон 409
Эдинг Д. Н. 88, 69, 82, 476
Эйнгарт 7
Эйхлер Р. 413
Энгель К. 399, 402, 409, 410, 413, 414, 479
Эндзелин Я. 34, 404, 409, 479
Эрдели И. 236, 237, 476
Эрлих Б. 399
- Юлиан, венгерский монах-путешественник XIII в. 236—238
Юмп — латышское языческое божество 30
- Яблонские Р. 405, 476
Ядрей, новгородский воевода 208, 215
Языков Д. 41, 476
Якимович Р. 391, 480
Якобсон Ф. 25, 354, 371, 404, 480
Яковлева Т. Ф. 105, 476
Якубович И. А. 52
Якш Р. 24
Янин В. Л. 41, 47, 476
Янитс К. 15, 20, 476
Янитс Л. Ю. 13, 15, 476, 477, 480
Янсон А. Я. 365
Янчук Н. 413, 477
Ярослав (Владимирович), князь киевский 21, 22, 42, 43, 97, 412
Ярослав Всеволодович, князь новгородский 52
Яроцкий С. 414, 480
Ярошевич Я. 413
Ястребов В. Н. 97, 107, 193, 477
Яунюс К. 7
Яоряппа Я. 12
- Adam Bremensis см. Адам Бременский
Ailio J. см. Айлио Ю.
Alexandrov A. A. см. Александров А. А.
Alseikaitė-Gimbutienė М. см. Гимбутас М.
Ancitis K. см. Анцитис К. Я.
Andrašiūnaitė D. см. Андрашюнайте Д.
Antanavičius J. см. Антанавичюс Ю.
Anteins A. см. Антейн А. К.
Antoniewicz W. 415, 477
Apala Z. см. Апала Э.
Apals J. см. Апалс Я.
Appelgren H. см. Аппельгрен Я.
Appelgren-Kivalo H. см. Аппельгрен Я.
Arend W. 236, 485
Ariste P. см. Аристе П. А.
Arne T. J. 48, 170, 173, 204—207, 209—213, 233, 477
Aspelin J. R. см. Аспелин И. Р.
Atgāzis M. см. Атгазис М.
Aun M. см. Аун М. Э.
Auns M. см. Аунс М. О.
- Bähr J. K. см. Бэр И.
Balinski M. 390, 477
Balodis Fr. см. Балодис Ф.
Basanavičius J. см. Басапавичюс И.
Bebre V. 376, 478
Bekchern C. см. Бекчерн К.
Berga T. 376, 478
- Bezzenberger A. см. Бецценбергер А.
Bielenstein A. см. Биленштейн А.
Blesse E. см. Блессе Э.
Boenigk F. см. Бёнигк Ф.
Bolin S. см. Болин С.
Boy K. см. Бой К.
Brastiņš E. см. Братиньш Е.
Brenstejn M. E. см. Бренштейн М. Е.
Bresava M. см. Бресава М.
Briede I. см. Бриеде И.
Brivkalne E. см. Бривкальне Э. П.
Buchholtz A. см. Бухгольд А.
Bujack G. 400, 478
Bunge Fr. 365, 478
Butėnienė E. см. Бутенене Э.
Būga K. см. Буга К.
- Castren M. A. 5, 478
Caune A. см. Цауне А. В.
Cehak-Holubowiczowa H. 391, 478
Cholodinska A. 405, 478
Christiansson H. 47, 478
Cimermane J. см. Цимермане И.
Crome H. 399, 478
- Daiga J. см. Дайга И. В.
Daugudis V. см. Даугудис В.
Deemant K. см. Деемант К.
Dowgird T. см. Даугирдас Т.
Dusburg P. см. Дусбург Петр
- Ebert M. см. Эберт М.
Ekblot R. 374, 479
Endzelins J. см. Эндзелин Я.
Engel C. см. Энгель К.
Europaеus A. см. Европеус А.
Fettich N. 237, 479
Fodor I. 236, 479
Fraenkel E. 7, 479
Friedental A. см. Фриденталь А.
- Gaerte W. см. Герте В.
Gerullis G. 411, 479
Gimbutas M. см. Гимбутас М.
Gimbutienė M. см. Гимбутас М.
Ginters V. см. Гинтерс В.
Girininkas A. см. Гиринишас А.
Golubeva L. A. см. Голубева Л. А.
Gombocz Z. 237, 479
Götze A. см. Гётце
Graudonis J. см. Граудонис Я. Я.
Grewingk C. см. Гревингк К.
Grosvalds J. см. Гросвальд И.
- Hackman A. см. Хакман А.
Hajdu P. см. Хайду П.
Hansen G. 13, 480
Hartmann H. E. 13, 480
Hausmann R. см. Гаусман Р.
Hällström O. см. Хальмстрем О.
Heikel A. см. Гейкель А. К.
Heydeck J. см. Гейдек И.
Hoffmann H. см. Гоффманн И.
Hollak E. см. Холлак Э.
Holubowicz W. 391, 480
Holzmayer J. B. см. Холцмайер Я.
- Itkonen E. 5, 480

- Jaanits K. см. Япитс К.
 Jaanits L. см. Янитс Л. Ю.
 Jaanitson H. 19, 480
 Jablonskis J. 385, 480
 Jakobson F. см. Якобсон Ф.
 Jakimowicz R. см. Якимович Р.
 Jansons A. см. Янсон А. Я.
 Jaroski S. см. Яроцкий С.
 Jaskanis D. 415, 480
 Jaskanis J. 415, 480
 Johansen P. см. Йохансен П.
 Jung J. 13, 480
 Juodelis S. 366, 480

 Kalējs O. см. Калейс О.
 Kamiński A. см. Каминский А.
 Karnups A. см. Карнупс А.
 Kasswürm K. см. Кассвюрм К.
 Kazakow E. P. см. Казаков Е. П.
 Khalikova E. A. см. Халикова Е. А.
 Kiparsky V. см. Кипарский В.
 Kirkor A. см. Киркор А.
 Kivikoski E. см. Кивикоски Э.
 Kohn A. 413, 481
 Körpen P. см. Кёппен П.
 Koskinen J. см. Коскинен И.
 Krukowski S. см. Круковский С.
 Kruse Fr. см. Крузе Ф.
 Krzywicki L. см. Крживицкий Л.
 Kulikauskas P. см. Куликаускас П. Э.
 Kulikauskienė R. см. Куликаускаене Р. К.
 Kuncienė O. см. Купцене О. В.
 Kuraszkievicz W. см. Курашкевич В.
 Kustin A. 15
 Kuujo E. 45
 Kuzavinis K. см. Кузавинис К.

 La Baume W. см. Ла-Бом В.
 Laid E. 14, 22
 Laszlo G. см. Ласло Д.
 Laul S. 15, 480
 Lavi A. см. Лави А.

 Lehtosalo P.-L. см. Лехтосало-Хиландер П. Л.
 Lowmiański H. см. Ловмяньский Г.
 Lōugas V. см. Лыугас В.
 Lukkarinen J. 47, 481

 Mandel M. см. Мандель М.
 Manninen J. 37, 481
 Mark K. см. Марк К.
 Mažiulis V. см. Мажюлис В.
 Merkevičius A. см. Меркевичюс А.
 Metsar L. 15, 482
 Michelbertas M. см. Михельбертас М.
 Miller K. 365, 482
 Moora A. см. Моора А. Х.
 Moora H. см. Моора Х. А.
 Mugurevičs E. см. Мугуревич Э. С.
 Munkácsi B. 237, 482

 Nagevičius V. см. Нагевичюс В.
 Nakaite L. см. Накайте Л.
 Nalepa J. см. Налепе Е.
 Narbut T. см. Нарбут Т.
 Navickaitė O. см. Навицкайте О.
 Nerman B. см. Нерман Б.
 Nirvi R. E. 43, 482
 Nordman C. A. см. Нордман К. А.

 Oinas F. J. 34, 482
 Okulicz J. см. Окулич Е.
 Otrębski J. см. Отрембский Я. С.
 Ovsyannikov O. V. см. Овсянников О. В. 65
 Opik E. 34, 482

 Pasternak J. 237, 483
 Petersen J. см. Петерсен Я.
 Pierson W. 398, 483
 Przybylski B. Пшибыльский Б.
 Puzinas J. см. Пузинас И.

 Radziukynas J. см. Радзюкн-пас Ю.
 Radzvilovaite E. 405, 415, 416, 483
 Raudonikas W. I. см. Равдоникас В. И.
 Ränk G. 34, 483
 Relewell J. 374, 483
 Richter A. см. Рихтер А.
 Rudzile M. 365, 483
 Rūke V. 365, 483

 Saadre O. см. Саадре О. В.
 Salmo H. см. Салмо Х.
 Saxo Grammaticus см. Саксон Грамматик
 Schwindt Th. см. Швиндт Т.
 Sedov V. V. см. Седов В. В.
 Selirand J. см. Селиранд Ю. Я.
 Serning I. 47, 483
 Setälä E. N. см. Сетяля Э. Н.
 Sirelius U. T. см. Сирелиус У. Т.
 Sjögren A. J. см. Шегрен А. И.
 Skruzitis M. см. Скрузитис М.
 Slava M. см. Слава М. К.
 Stankus J. 396, 483
 Stepiņš P. см. Степиныш П.
 Stranberg R. 46, 483
 Stubavs A. см. Стубавс А. Я.
 Szukiewicz W. см. Шукевич В. А.
 Snore E. см. Шноре Э. Д.
 Snore R. см. Шноре Р.
 Stokmanis A. см. Штокманис А.
 Sturms E. см. Штурмс Э.

 Talko-Hryniewicz J. см. Талько-Гринцевич Ю. Д.
 Tallgren A. M. см. Тальгрэн А. М.
 Tamla T. см. Тамла Т.
 Tamm J. 14, 22, 484
 Tarasenska P. см. Тарасенка П.
 Tautavičienė B. см. Таутаевичене В.

 Tautavičius A. см. Таутавичюс А. З.
 Thomsen V. 96, 484
 Tischler O. см. Тышлер О.
 Toeppen M. см. Тэппен М.
 Toivonen J. N. 5, 484
 Trautmann R. см. Траутман Р.
 Trummal V. см. Труммал В. К.
 Tyszkiewicz E. см. Тышкевич Е.
 Tyszkiewicz K. см. Тышкевич К.
 Tönnisson E. см. Тыниссон Э. Ю.

 Urbanavičius V. см. Урбапавичюс В.
 Urtāns J. см. Уртап Ю.
 Urtāns V. см. Уртап В. А.

 Vaitkunskienė L. см. Вайткупсене Л. М.
 Valatka V. см. Валатка В.
 Vāle E. см. Вале Е.
 Vankina L. см. Вапкипа Л. В.
 Vasks A. см. Васк А. В.
 Vasmer M. см. Фасмер М.
 Vassar A. см. Вассар А. К.
 Verigo V. 376, 478
 Vilsonė M. см. Вилсоне М. Р.
 Virchow R. см. Вирхов Р.
 Voigt J. см. Фойгт И.
 Volkaite-Kulikauskienė R. см. Куликаускаене Р.
 Volteris E. (Volter E.) см. Вольтер Э. А.
 Vuorela T. см. Вуорела Т.

 Waetzold D. 410

 Zaborski A. см. Заборски А.
 Zakkarov A. 236, 485
 Zariņa A. см. Зариня А. Э.
 Ziemalis J. см. Зиемалис Я.
 Zinkevičius Z. 7, 381, 486
 Zitzka J. см. Зитцка Я.
 Žiogas J. см. Жюгас

Указатель географических названий *

- Абава, р. 24, 31, 362, 408, 410
Абакумова 59
Абрамово 184
Абрамовский 98, 99, 101, 103, 105, 243
Аверино 137, 145, 148, 159—161,
Агафоново 145—147, 151, 152, 156, 245
Адамово 131, 136—139,
Азелино 114
Азия 5
Азия Средняя 189
Айвексте 362, 365, 366
Айдашинская пещера 217, 222
Айзкальне (Ясмуйжас) 354, 362, 420
Айзкраукле 23—25, 28, 29, 32
Айслитен 421
Айссельбиттен см. Коврово
Айткулово 183, 184, 186, 188, 193, 194
Айяунское 207
Акатово 93
Акмене 421
Акменские 405, 410
Аксакшур 136, 143
Аксеново 172, 193, 194, 215, 234, 246
Акулова гора (Муратово) 54, 59
Аламово 70
Аландские о-ва 77
Алатау Кузнецкий 164
Алатскиви 15, 16
Алатырь, р. 97
Александрова гора 70
Александровка 194, 197, 247
Алексеевка 194, 196, 202
Алексеевский р-н (Татарская АССР) 238
Алене 357
Алеховщина 56, 59, 241
Алитус 382
Аллажи 23—25
Аллапурсково 37, 39
Алле, р. 402
Алсунгас 422
Алтай 111, 163, 164, 187—189, 224—226
Алтене 376, 377
Алт-Лаари 16, 20
Алуксне 376
Алферьево 103
Аммональный склад, уроч. 130, 133
Ангерап, р. 402
Андреевский 101, 103, 105
Андреевское оз. 164, 166—168, 172, 245
Андреевцы 382, 391
Андроново 164, 168
Андрюшин Городок, уроч. 164—168, 203, 245
Андулай 404, 405, 410, 422
Аннино 145
Антасаре 382
Антипино 165
Антоновцы 145
Антужи 362, 366
Анц 407
Анцулай 382, 390
Анюшкар, уроч. 153—156, 158, 159, 245
Апаринас 404, 410
Апулия 409
Апуоле 404, 408, 410, 421
Арайшу 355, 358, 359, 362, 363
Арбонье 37, 240
Арганз 172, 194, 201, 246, 247
Ардинское 109
Ардла 16
Аркана 16
Арктическое побережье 208, 209, 214, 216
Армиево 98—102, 105, 107, 242, 243
Арск 143
Артын 184
Артюшкина 37, 39
Арукюла 16
Архангельская губ. 65
Архангельская обл. 65, 123, 124
Архангельское 145
Архиерейская Заимка, уроч. 188, 217—220, 222—225, 227—231, 248
Асере 16
Асоте 355—359, 362—364, 376, 420
Асуте 357
Атак 184
Атвасес 420
Атекунас 420
Ателкузу 236, 237
Атзеле 364
Аткарский 102
Атлым Большой 203
Атспукас 420
Атымья, р. 207
Аугустасила 420
Аугшземе 365—369
Аукштадварис 382, 392, 394—396, 420
Аукштайтис 387
Аукштиейи 382
Аукштуолай 421
Аулеяс Гравери 420
Аутине 364
Ахмылово 108—110, 112, 243
Ахун 100
Ахья, р. 20
Ачикуль, оз. 184, 185
Ашвар, р. 411
Ашно-Пандо 99, 100
Аять 145
Аять, оз. 178
Бабаево 54, 59
Багота 415
Бадиково Старое 98, 99, 101, 103, 107, 242, 243
Базабырь 172, 205
Базцево 145
Бакальская 168, 179—182, 245, 246
Баклуши, оз. 184
Балдино 62
Балдонес Лаури 24
Балезино 130, 136, 137
Баллетеп 400
Балтени 404, 410
Балтийский бассейн 69
Балтийское море 5, 7, 8, 12, 13, 397, 398, 400, 402, 404, 405
Балтика 5, 12, 30, 64, 403, 405
Балтинава 364
Балх 179
Баляс 362, 371, 420
Баляс Шкерстайни 362, 371
Барабинская лесостепь 185
Барабошанский 99
Барвиха 94
Баренцево море 8
Барсов Городок, уроч. 170, 172, 203—213, 216, 247
Барсучье, уроч. 168
Барта 398, 407
Барта, р. 410
Басандайка, р. 199, 212, 217—219, 229, 232—234, 247
Баскаково 72
Бауска 374, 376
Башкирия 166, 167, 198, 227, 236, 238
Башмачное 184
Башур Малый 157
Баяндино 145, 146
Баяново 145, 149, 153—158, 161, 245
Бибжа, р. 413
Бевандентишкес (Безводна) 391
Бегулицы 35, 39
Бедеровский Бор, уроч. 232
Бежецк 52, 59
Бежецкая пяттина 40
Безводна 391
Безводное 79, 82—85
Безымянное, уроч. 183, 184, 193—195, 246, 247
Бейгурезь 131, 137
Бейжинис 391, 412, 415, 422
Беклемишево 145, 146
Белая, р. 8, 237—239
Белогорье 209
Белое море 5
Белое оз. 8, 52, 53, 55, 61, 64
Белозерский р-н 55
Белозерский у-д 52
Белоозеро 52—55, 58, 59, 61—64, 67, 70, 241
Белоозерский край 12
Белозерье 12, 42, 52—54, 58, 61—64
Белоруссия 390, 391
Белые Кресты 59
Белый Городок 70
Белый Яр 184, 193, 194, 247
Бельково 145, 146, 245
Бенкенштейн 399
Бердаа 179
Бердовичи 412
Береговцы 412
Березняки 68, 69, 72, 80, 241, 244, 274
Березовка, р. 147
Березово 172, 205, 207, 215, 247
Берестейская волость 413
Берклайний 362, 366
Берковский р-н 145
Бертасвальде 400
Беседа 240
Бессониха 92
Бетели 366
Бигершай, уроч. 136, 137, 138, 139, 244
Бикавенай 381, 382
Бильдос 391
Бирини 24
Бисерово 92
Битюково 84
Бича Малая 172, 194, 200, 234, 247
Бичевник, уроч. 117, 118
Близнецово 400
Блюдау, см. Кострово
Боборыкино 180
Боброво 166, 184, 193
Багандипка 168
Богатырское 137
Богатырские Бугры, уроч. 217, 232
Богданово (Прикамье) 137
Богданово (Западная Сибирь) 184
Богородское 109
Богослов 72, 78
Богуничи 240
Бодьягшай, уроч. 136
Боки 362, 366—368, 420
Болгария Волжская 8, 63, 64, 107, 126, 129, 140—144, 148, 151, 153, 157—161, 210, 214
Большая Брембола 70, 76, 78
Большая Гора 110
Большая Пристань 184, 191, 193—195
Большеварыжское 137

* Принятые сокращения: губ.— губерния, обл.— область, оз.— озеро, о-в — остров, п-ов — полуостров, р — река, р-н — район, уроч.— урочище. Остальное — названия континентов, регионов, населенных пунктов.

- Большевикское 145, 147, 149,
 Большеземельная тундра 205, 210
 Большекиварское 131
 Большепалкинская 137
 Большесазоновое 136, 244
 Большие Поля 36, 240
 Большие Горы 54
 Большой Лог, уроч. 183, 184, 188, 191, 246
 Бор 56
 Бор, уроч. 122
 Борисовский 109, 110
 Борисовское оз. 118
 Борисово-Судское 54, 59
 Борисо-Глебское 97
 Борки 92—95, 97, 242
 Борницы Большие 37, 39
 Борнуково 99, 101
 Боровиково 165, 168
 Боровка, см. Пагинай
 Борово 391
 Боровская Верхняя 154, 156, 158
 Боросня 398
 Боршево Большое 237
 Ботнический залив 5, 47
 Браделишкес 382, 392, 394
 Бражол 390
 Бражуоле 392, 394
 Брасла, р. 29
 Брест 413
 Брикули 355
 Броды 144, 152
 Брут, р. 236
 Бубяй 381, 382, 421
 Буг, р. 8, 236, 412—414
 Бугриха, уроч. 81
 Будино 38, 39
 Буджак, уроч. 154
 Будрионис 382
 Буйловка 237
 Буково 76
 Букуйжас Нипери 420
 Бундес 24
 Бундорпай 414
 Бунка 404, 410
 Бургайчяй 390
 Бурдаково 145, 146
 Бурино 131, 136, 137
 Бурково 145, 146, 149, 151, 245
 Бурмистрово 184
 Бурьгинское 108—110, 114
 Бучас 404, 410
 Бычино 157
 Вабалнинкас 362
 Вага, р. 52, 53, 57, 59, 60, 65, 66
 Вад, р. 98, 100—102
 Вадъяг, уроч. 123, 125
 Вагиль, р. 203
 Вагува 421
 Важгорт, уроч. 145, 146, 156, 245
 Важская земля 65
 Вайнижи 24, 30
 Вайтекунай 381—383, 386
 Вакино 145
 Вал, р. 130
 Валга 15
 Валгале 30
 Валгаский р-н 15
 Валгма 16
 Валданица 54, 59, 62, 241
 Валдомай 362
 Валмиера 376, 378, 380
 Вальяла 15, 16, 240
 Вампениеши 24, 25, 28, 240
 Вана-Выйду 16
 Вана-Пылтсамаа 16
 Ванвиздино оз. 116, 118, 121, 244
 Ванкино 154
 Варбола 14—16, 21, 22, 240
 Варвес Стрики 404
 Варди 16
 Вардува, р. 383
 Варжупите, р. 374
 Варламовка 117, 118, 203
 Варлишкес 382
 Вармия 398
 Варнакушка 54
 Варникам 399, 401
 Варнино 130—134, 136, 138—141, 143, 244
 Варнупай 412
 Варус (Поречье) 72
 Варух, р. 236
 Варяжское море 398
 Василево 49
 Васильевское 70
 Васильевское (Воскресенское) 65
 Васильки 70, 72, 76, 78, 241
 Васильсурское 109
 Васнево 145
 Васюган, р. 193, 202, 217, 226, 228, 230, 234, 248
 Васюганье 202, 216
 Васютино 53, 55, 241
 Ватчино, уроч. 122
 Вах, р. 163, 172, 194, 203, 216, 230, 234
 Вакино 92, 93
 Вахрушева 54, 59, 62, 241
 Вахтовый 220, 230
 Вашка, р. 123
 Введенское 37
 Вевери Сапдимарди 240
 Вевис 390
 Ведмер 373, 375
 Вежайчяй 409, 410, 411
 Вежлаукис 420, 421
 Вейденен 400
 Вексиды 72, 80
 Великая, р. 16, 362
 Великий Устюг 215
 Великолукское 399
 Великоморавская держава 236
 Великушкес 382, 391, 421
 Велионю 391
 Вель, р. 65
 Вельгорт 136
 Вельяшев Лог 37
 Вельюона 382, 388
 Венгеро 184
 Венгрия 111, 173, 212, 237
 Венгрия Великая (Magna Hungaria) 8, 236—238
 Вензовщина 414, 421, 422
 Венижи Малые, уроч. 136, 138, 139, 142
 Венславийский 382, 387, 389
 Вента, р. 24, 33, 34, 372, 385, 404, 409—410
 Вепрева Пустынь 76
 Вербное 400
 Веревы 16
 Вересаука 420
 Версека 412
 Версекеле 412, 415, 416
 Верхне-Камский тектонический вал 5
 Верхнекетское 232
 Верхне-Речежское 109
 Верхояны 36, 240
 Верхотурский уезд 175
 Верх-Язвенское 157
 Вершвай 382, 387, 388, 421
 Веселовский 108—113, 115, 243, 244
 Вески 76
 Весляна, р. 118—121, 123, 125, 172, 244
 Весь 70, 76
 Весь, р. 52
 Веськово 70, 72, 76, 78
 Весьякар, уроч. 133, 136—138, 143, 244
 Ветлуга, р. 8, 69, 108, 109, 114, 115
 Ветрово 399, 400, 421
 Ветью, уроч. 123, 125, 244
 Вецдоле 25
 Вецкажоки 363
 Вецаулес-Чапаны (Альт-Раден) 362, 370
 Вибини 422
 Видземе 12, 24, 26, 27, 31, 33, 365—367, 372, 373, 380
 Видлица, р. 54, 59, 62
 Виесиенас 360
 Виесюнай 412
 Византия 364, 412
 Визна 412
 Викулово 193
 Вилепская губ. 391
 Вилия, р. 382, 394
 Вилкавишский р-н 418
 Вилкопис 382, 415, 416
 Вилку Кампас 410, 411
 Вилкумуйжа 422
 Вилкумуйжас, оз. 407
 Вилкяутинис 412, 415, 416
 Вилла 20
 Вилливере 16
 Вильгорт 123, 125
 Вилькашцы 421
 Вилькия 421
 Вильнюс 382, 394, 397, 421
 Вильнюсский р-н 390
 Вильняле, р. 394
 Вильтина 16
 Вильянди 13—16, 20—22
 Вина Гора 54, 59, 62
 Вингрис, р. 386
 Виндрей, р. 101
 Винница 56
 Вишури Эссари, см. Эссари
 Вирвите, р. 410
 Вирика 16
 Виролайнен 240, 241
 Вис, оз. 117—121, 244
 Висим 145
 Вискаутен, см. Вишпево
 Висла, р. 7, 8, 398, 412
 Висленский залив 402
 Висулахти 48
 Вишкю, Гнилой ручей 420
 Вишкю Маскавас 354, 362
 Вишера, р. 118, 144, 157, 158
 Вишпево 399, 400, 402, 422
 Вихмязъ 54, 59, 62
 Вичугино 54, 59, 241
 Владимир 69, 73
 Владимиро-Суздальская земля 76, 77
 Владимирская обл. 68, 77
 Владимирские хутора 70
 Владимирское 62
 Водская дорога 40
 Водская земля 38, 40, 46
 Водская (Вотская) пяттина 34
 Воеводская Гора 91
 Вожаке 40
 Вожаниново 40
 Вожбол, р. 66
 Воже, оз. 61
 Вож-Пай, уроч. 203, 247
 Возгеляй 421
 Вознесенский посад (Иваново) 70, 76
 Войнословово 34, 37
 Войсковицы 37, 39
 Войское 412
 Войсковоро 43
 Волга, р. 5, 8, 12, 52, 64, 68—72, 91, 97, 98, 101, 105, 107—109, 113—115, 236—238
 Волгирево 154
 Волгово 37, 240
 Волго-Камье 5
 Волго-Окское междуречье 67, 77, 94, 96
 Волжский бассейн 5, 40
 Волковицы 37, 47, 240
 Волковиск 412
 Воловники 412
 Вологодская обл. 54, 241
 Волосово 37, 39
 Волосовский р-н 38
 Волпа 412
 Волхов, р. 34, 36, 43, 47, 55
 Волочихино 98, 99, 101, 103
 Вольное 400, 421, 422
 Вольнь 412, 413
 Вопша 37, 39, 240
 Воркерос, уроч. 117, 118
 Воробьево (Западная Сибирь) 180
 Воробьево (Воронежская обл.) 237, 239
 Воробьяк 414
 Воронеж 54
 Воронеж 236, 239
 Воронежская обл. 237
 Воронино 37, 41, 240
 Воронишкый 421
 Воронишкес 390
 Воронова 70
 Воротынский р-н 109
 Ворскла, р. 8
 Воскресенский ручей 54, 62
 Воскресенское (Васильевское городище) 65
 Восток Арабский 403
 Восток Ближний 27, 364, 397
 Восток Мусульманский 210, 216
 Восточно-Европейская равнина 13, 38
 Вотский конец 40
 Вотская 40
 Вотское 40
 Вотчинский уезд 122
 Воцкая Гора 40
 Врикис, р. 408
 Вруда 37, 39
 Вужшай, уроч. 136, 137
 Вуколов Бугор 97
 Вуоска, р. 48—50
 Выборг 44, 45, 49
 Выжумские 108, 109, 111, 115, 243
 Выймаствере 16
 Вымь, р. 118
 Выра 39
 Вырусский р-н 15, 20
 Высокий Яр, уроч. 217
 Вытегра, р. 164
 Выханду, р. 20
 Вычегда, р. 8, 116—118, 120, 122, 129, 202, 203, 216
 Вычегодский край 214
 Вышгород (Таллин) 22
 Вышгородское 97
 Вьяке-Калю 16
 Вьяля 16
 Вятка 115
 Вятка, р. 8, 69, 108, 109, 115, 135, 136, 144, 157

- Вятский край 108, 135, 320
Вятский тектонический вал 5
Вятца 16
- Гаврилово-Посадский р-н 71
Гагино 99, 101, 243
Гайгово 54, 59, 62, 241
Гайны 144, 153
Галиндия 398
Галич Мерский 67
Галичино 54, 59, 62
Галкина 165, 168
Гальховен 400
Гамалово 37, 42, 43
Гамбург 377
Ганьково 54, 59
Гарамиха 145
Гараселет 47
Гардвинген 400
Гарево 148
Горняки 54, 59, 241
Готен 400
Гатчина 42, 43
Гауя, р. 16, 23, 24, 29, 33, 361, 362, 366, 373
Гданьский залив 400
Гдовский р-н 89
Гедмина гора (Вильнюс) 382
Гейстауты 406, 422
Гелгаудинкис 389
Генчяй 410
Германия 378, 379
Гидсайяг, уроч. 122, 123, 125, 128, 172, 244
Гилвичяй 381, 422
Гинталишке 404, 405, 410, 422
Гиркаляй 40, 405, 407
Гиронис 382
Гиттола 54, 59
Глазов 136
Глумицы 37, 39
Гляденово 172
Гнездилово 70, 72, 73, 76
Гноинские 412
Годеляй 404, 410, 421
Голый Камень, гора 171, 178
Голынка 412
Гонголово 37, 39
Гоп-ул-гурезь, уроч. 131, 137
Горбово 37
Горбунята 152
Городино 131, 136, 137, 142
Горелуха 54, 59, 62
Горка на Олопке 54, 59
Горка у оз. Лача (Архангельская обл.) 54, 59
Горка на р. Паше (Ленинградская обл.) 54
Горки 184
Горноправдинск (Фплинское) 172
Горносталево 183—185
Городец на р. Саре, с. Сарское
Городище (Вологодская обл.) 53, 55, 241
Городище (Западная Сибирь) 168
Городище (Прикамье) 158, 245
Городище (Ярославская обл.) 70, 72, 76, 78
Городище на р. Сясь (Ленинградская обл.) 54, 59, 62
Городок 168
Горт-Кушет, уроч. 145, 154, 245
Горький 91
Горьковская обл. 97, 109
Гостилицы 37
Гостицы 36
- Готланд 19, 44, 46, 51, 397, 409
Грабиолай 390
Гравани 362, 366
Гравас 422
Гравениеки 404, 410
Граужай 382, 387, 388, 389, 396, 421
Грачевка 399, 400, 402, 403, 421, 422
Гребитен 400
Грейбау 399
Грейженай 409, 410
Гремячипской 114
Грибаново 145, 155
Гринайчяй 390
Гринерти 366, 420
Гришкино оз. 217, 219, 231
Гробишя 404, 407, 409, 410, 422
Гродненский р-н 416
Гродненский уезд 413
Гродно 412
Гротреск 47
Грудяты 145
Гузебаево 130
Грызово 37
Гурдошур, уроч. 137
Гурино 154, 156
Гурки 412
Гурошай 391
Гурьевск 400
Гурьякар, уроч. 136, 140—143, 244
Гусек 83, 84
Гуски 391, 421
Гущата 148
Гуя, р. 416
Гыркес-шур, уроч. 130, 131, 133
- Давыдково 70, 76
Давыдово 99
Даймише 37—39
Даниловка 420
Данилово 145, 154, 245
Дания 403
Данишай, уроч. 135
Дапсау 400
Дарзниеки 404, 410
Дарсунишкис 382, 391
Даугава, р. 12, 23—28, 31—33, 356—359, 361, 362, 364—366, 368, 370, 371, 373—376
Даугавас Огленеке 355, 362
Даугавпилсский р-н 366
Даугмале 24, 32, 362, 371, 373—375
Дауценай 362, 366, 367
Двиляй 422
Двина Западная, р. 5, 8, 12, 395
Двина Северная, р. 5, 8, 52, 65, 66
Дворниково 203
Дворчаны 414, 421, 422
Дебеловское 72
Дебессы 136
Девенишкес 382, 391, 421
Дегесяй 362, 420
Дегесне 382
Десятинный (Закопищенский) 92, 93
Дельгиенен 400
Дельница 412
Деменково 144, 145, 149, 152, 154, 157, 245
Демино 168, 169, 172
Демьянка, р. 194
Демьянское 208
Дентукогер 237
Дербутай 381
Деревня 72
- Десна, р. 8, 91
Детлеверу 421
Джибъяг, уроч. 122—124
Дзервес 355, 362
Дзержинского 217
Дигнае 354, 356, 359, 362, 364, 366, 370
Диджюляй 382, 391
Дикули 407
Димитравас 410
Диржай 362, 420
Дири 404—406, 410
Дирмишкес 412
Дисна, р. 395
Дмитровас 404
Днепр, р. 8, 236, 237
Днепроовский бассейн 64
Днестр, р. 8, 236
Добеле 362, 420
Доброе 70
Добрянский р-н 145, 148
Довайнионис 382, 391, 392, 394
Долгово 155
Доле 24, 25, 28
Доложское 39
Домашковицы 37, 39
Домбрава 422
Дон, р. 7, 8, 236, 237
Дон (Донты), уроч. 117, 118
Дондино 137
Дондыкар, уроч. 136—138, 140, 160, 244
Доронино 194
Драбети, см. Лиенпнас
Драустиняй 420, 421
Дребнау 400
Древнерусское государство 418
Дреймани 30
Дрогичин 412, 413
Дружное 399, 400
Друцминай 382
Дубингяй 391
Дубки 84
Дубиса, р. 382, 385, 397
Дубисса 420
Дубна (б-н Даугавы), р. 362
Дубник 72
Дубницы 36
Дубовский 108, 110, 111, 113—115
Дубровический 92—94
Дубровино 131
Дубровский 92—94, 242, 244
Дуван, р. 165—169, 172, 175, 245
Дувзаре 409
Дудино 59
Дукшта, р. 394
Дукштас 382, 391, 394, 421
Дундага 240, 376, 407, 410
Дунаевка 399
Дупай, р. 236
Дунич-Могилыцы 414
Дураково 137
Дурасовское 69, 71, 72, 80, 241, 242
Дурбе, р. 410
Дусетос 421
Дусетский р-н 390
Дусяй 390
Дырпино 139
Дюна, уроч. 203, 206
Дятлицы 37, 39
- Евгачино 183, 184
Евдино 117—119, 123
Евлево 154
Евразия 167, 172—174, 177, 181, 198, 224, 225
Европа 5, 38, 403
Европа Восточная 5—7, 12, 23, 29, 38, 44, 52, 91, 94, 96, 113, 163, 171, 174, 236, 239, 404
Европа Западная 210, 397
Европа Северная 29
Европа Юго-Восточная 198
Европейская часть СССР 173
Егвино 145
Егна, р. 52
Егорьевский уезд 92
Единьга, р. 66
Ежово 131, 137
Ейтублионис 392, 415
Екабпилсский р-н 366, 367
Екатериновка (Тарский р-н) 194
Екатериновка (Тевризский р-н) 194
Елгавский р-н 371
Елево 145
Елизавет-Михайловка 98, 99, 103, 107, 242, 243
Елицы 39
Еловка 232, 233
Елохово 242
Елькаево 217, 222, 223, 230
Еманаевское 108, 110, 114, 115
Емца, р. 65
Енгальчево 99
Енисей, р. 9, 163, 167, 181, 234
Еремина Гора 54, 59, 62
Ермаково 207
Ернурское 109
Ерские 354, 356, 358, 359, 362—364, 376, 379, 420
Ерикское княжество 357, 364
Ефаево 99, 102, 103, 107, 243
Ефанахинский 108
Ефремково 54
- Жабина 136, 137
Жабок 92, 242, 286
Жасинас 381, 384, 386
Жвиляй 382
Жвирбляй 391
Жеймелис 362
Жеймена 391
Жейменис 382
Жеймяна, р. 395
Железнодорожный 421
Желтухино 82, 83, 85, 86
Желдь 382, 391
Жемчужный Бугор, уроч. 93, 95
Жемайтис 381, 383, 385, 386
Жемайтская возвышенность 381
Жешарт, уроч. 118
Живая Вода 415
Жиганово 123, 125, 128
Жидкапай 390
Жилье, уроч. 164—166, 172, 203, 245
Жингяй 391
Жуковка 99, 100
Журавкино 98, 99, 103, 107, 242, 243
Журавлевка 194
- Забайкалье 228
Забелишкес 382, 392
Заболотнево 131, 137
Заволочье 65
Загар 145, 156, 157, 245
Загбово 131
Загорицы 37
Загородный Сад (Тюмень) 168, 169, 171, 172, 174
Зажупанье 240
Зайцево 400, 421
Залахтовы 35
Залющик 54, 57, 59

- Заколпье 92
Занеманье 417, 418
Занеманье Литовское 412, 415—418
Заозерная 168, 203, 245
Заозерье (Калининградская обл.) 399, 400
Заозерье (Приладожье) 54, 59, 62, 241
Заостровье 400
Западновисский б-н 7, 10
Западносибирская низменность 5
Заполярье 207, 208, 247
Зародята 145, 148, 149, 172, 214, 245
Зарини 24, 25, 28
Зарино 145
Заря 98, 99, 102, 103, 242, 243
Засвирь 382, 391, 393, 421
Застаучий 405, 410
Засторонье 36, 37
Зауралье 163—166, 168, 170, 171, 173—177, 179, 183, 202—205, 211, 212, 214, 234
Зауралье Северное 236
Зауралье Среднее 163, 207
Зауралье Южное 163
Звейниекс 24
Звенигород 74, 77
Звездви 407
Звездрукалнс 24, 30
Звиргзнес Иснауда 420
Зеебург 409
Зезюлка-Сидаришкес 382, 391
Зеленая Горка, уроч. 203, 207—211, 213, 247
Зеленец, уроч. 117, 118, 121
Земгале 356, 367, 370, 373—375, 380
Земгалия 370, 371
Земландский полуостров 398
Зергитен 400
Зесерцелин 362, 366, 420
Зигесдикен 400
Зиедони 420
Зиндау 400
Злеку Приедниекс 404, 405
Змеинкино 232
Зобачево 145
Золотая Горка, уроч. 168
Золотая Орда 97, 100, 107, 183
Зортене 400
Зофен см. Суворово
Зубарево 59, 70, 241
Зуйкар, уроч. 131, 145
Зуннас 240
- Иб, уроч. 118, 122
Ибре, р. 410
Иванкино 232
Иванова Гора 110
Иваново 68, 70, 76
Ивановская обл. 68, 69, 71, 78, 79, 82, 83
Ивановское 184
Иваньково 99, 103, 104
Ивасканмяки 240
Ивдель 170, 172, 178
Ивейникс 240
Игнатевка 184
Идипи 29
Иднакар, уроч. 136—138, 140, 142, 244
Идогово 145
Иецава, р. 24, 362
Иэн, р. 130
Ижевское (Калининградская обл.) 421, 422
Ижевское (Поволжье) 108—110, 114, 115
- Ижма, р. 117, 118, 129
Ижора (Inkere, Ingere), р. 34, 42, 43
Ижорская земля 42, 43
Ижорское плато 19, 34, 35, 37—41, 47, 48, 240
Изборск 16, 19, 38, 48, 359
Извара 37, 40
Извиль 131, 137
Илемна, р. 83
Ипра 16
Ийла 16, 240
Ик, оз. 185
Икшкиле 24, 25, 31, 376, 379, 420
Илкусми 404, 410
Ильино (Прикамье) 145
Ильино (Приладожье) 54, 59, 62, 241
Ильменский бассейн 40
Ильмень, оз. 34, 41
Ильчебага 184, 194, 195, 197
Имбаре 383, 385, 404, 410
Имулу 408
Имшегал 172, 194, 196, 197, 247
Ингрия 42
Ингул, р. 236
Инкино 217, 232
Ипкуль, оз. 168
Интернат 72
Иньва, р. 147, 154
Инью 16, 240
Ипилтис 410
Иран 210
Ирбит 165, 167, 168, 245
Ирбитское оз. 168, 169, 172, 173
Иргиз, р. 9
Ирзекапинис 399, 401, 421, 422
Иринский Борик 217
Ирмесь, р. 71
Иртыш, р. 9, 163, 167, 183, 185, 193, 194, 200—203, 208, 213, 215, 216
Иртыш-Ишимское междуречье 185
Иртышский бассейн 201
Иртыш, оз. 178
Иру 14—16, 20, 21, 23
Ирча, оз. 172, 184, 186, 199
Исаева 54
Исакова 54
Исеть 178, 179
Исеть, р. 9, 177, 179, 180, 183, 245
Искер 183, 184, 193, 194, 201, 214, 215, 247
Искор 154, 156, 157
Ислица, р. 371
Ислицес 420
Исток 203
Итиль, р. 236, 237
Иткуль, оз. 178
Ить, р. 72
Итяково 99
Ичалки 99, 101
Ишварские юрты 172, 247
Ишейка 194
Ишим, р. 179, 182, 183, 185, 193, 200
Ишимка 217, 218, 222
Ишимская лесостепь 185
- Йомантай 411
Йуга 36
Йярни 16
- Каали 16
Кабелес 24, 25, 31, 240
Кабели 24
Каберла 15, 240
Кабожя 59, 241
- Кавказ 167
Кавосалми 240
Кадвесте 16
Кадам Старый 98, 99, 103
Казанское ханство 97, 143
Казань 108
Казарское 94
Казахстан 181—183, 192
Кайболово 37, 41
Кайсы 194
Какужены 371
Калашацкий Брод 145
Калашинское 94
«Калевипоэга ложе» в Алатскиви 21
Калининградская обл. 398, 399
Калининградский полуостров 5, 402
Калиновка 99, 102
Калитино 37, 39, 240
Калихновщина 36
Калли 16
Калме 16
Калмистомьяки (Куркийоки) 36, 240
Калмистомьяки (Ряйсяля) 36, 240, 241
Калнаселас 370
Калниеши 355, 362
Калснава 420
Кама, р. 8, 109, 129, 135, 146—149, 153, 158, 160—162, 177, 203, 216, 237, 238
Каменка 54, 62
Каменка Малая 36
Каменные Пески, уроч. 203, 207
Каменный Мыс 216, 217
Камно 21
Кампи 354, 362, 420
Камско-Вычегодский край 64
Камышенка 400
Капарщина 37, 39
Кандава 24, 240, 407
Канево 145, 146, 149, 154, 245
Канинская пещера 118, 119, 203, 204
Кангаурово 110
Кантси 16
Кантсимяги 20
Капениекс 422
Капитонишкес 382, 391, 421
Капседе 404, 406
Капсукас 418
Капукалнс 355, 362
Капша, р. 51, 57, 66
Капшейга 54, 62
Карасево 137
Каратовкалнс 240
Карагаево 203
Карагай 172, 194, 247
Карашур, уроч. 137
Каравамсур 131, 132
Каргополь 52, 59, 61
Карелия 19, 33, 51
Карельская АССР 44
Карельский перешеек 12, 44, 46, 48, 49, 51, 53
Кар-Ил, уроч. 131
Каркли 362
Карлуха 54, 59, 62, 241
Карлю Айнава 354
Карлю Симтены 420
Карасево оз. 217
Карасий Бор, уроч. 217
Кармазинай 390, 391
Кармалейка 99
Карначиха 422
Карнупи 421
Карпатский бассейн 236
Карпаты 236
- Карссовия 398
Карушпор, уроч. 123
Карибыв, уроч. 122—124, 126, 244
Карья 15, 16
Карым 172, 205, 247
Касимовская возвышенность 93
Касимовский уезд 92
Каткушкес 382, 391, 416, 421
Катришкес 421
Каукай 418, 421, 422
Каукола 240
Каунас 389, 391, 421
Каунасский р-н 387
Кауп 402
Каупишкяй 412
Кахала 16
Качка 145
Качиры 184—186
Качкашур, уроч. 136, 137, 244
Кашин 70
Кашино 180
Каштауваляй 381, 382
Кашучий 405, 410
Каэпа 15, 20
Каюково 207
Каяно море 47
Кваляр 137
Кебени 362, 366
Кедваым, уроч. 123—125
Кезники 400
Кейенай 382, 387
Кейла 15
Кейла, р. 15, 22
Кекомьяки 36, 240, 241
Кексгольм (совр. Приозерск) 44, 50
Келары 399
Кельгинино 99, 103, 106, 107
Кельто 43
Кема, р. 52, 59
Кемольское 145
Кенигсберг 398
Кенте 26, 27, 420
Кентескалнс 25, 26
Кереметь, уроч. 139
Керженец, р. 114
Керкмяги 14
Кернаве 397
Кестра 76
Кестрин 70
Кестым, уроч. 137
Кеть, р. 216, 217, 220, 232, 248
Кибол 72
Кививаре 15, 20, 21, 240
Кивило Кусистесе 240
Кивты 360, 362, 420
Кидомля 59
Киев 67, 91, 113, 236
Киевщина 227
Кижирово 217
Кийсанлахти 45
Кийу 240
Кикерино Большое 38
Кильмезь, р. 136
Кирино 72
Кимры 69, 197
Кингисепп 13
Кинешма 78
Кинтусовы юрты 172, 203—205, 207, 209, 210, 212, 215, 247
Киш 184, 191, 193—196, 198, 199, 202, 234, 246, 247
Кипо-Кулары 172, 193—195, 200, 201, 234, 246, 247
Кирбла 16
Киргизия 189
Киржеманавский 98
Кириллина 54, 59
Кирилловский р-н 53

- Кировоград 236
 Кировская обл. 136
 Киртеген 400, 422
 Киршапен 400
 Кисловка 217—219, 223, 229, 232
 Киснема (Троицкое) 53, 56, 59
 Ключер 70, 76, 81, 242
 Кихелькоона Лоона 16
 Кичилькосское уроч. 123—126, 128, 244
 Кишукалне 355
 Клайн-Дрозден 399
 Клайпедский р-н 407
 Клайшпий 410, 422
 Клевицы 390
 Клещино оз. 52, 67
 Климовичи 412
 Клиновка 399, 400
 Клюковка 99
 Ключевое 217
 Ключи 168
 Клязьма, р. 82, 91, 92
 Кляннышланта, уроч. 122—125
 Кляпово 145
 Княжино 56
 Княжпогост 117, 118, 122, 123
 Княшино 54, 62
 Кобанское 70, 76
 Кобожя, р. 53
 Кобрату 16, 240
 Ковалейское 99, 100
 Ковардицы 84
 Коваша, р. 42
 Ковенская губ. 381, 404
 Коверила 241
 Коврово 399, 400, 421
 Когула 16
 Кодач-ди, уроч. 117, 118
 Козлов мыс, уроч. 165, 167
 Козьмино 145
 Кокмуйжа 420
 Кокнесе 355, 357—359, 362, 363, 365, 376, 377, 379
 Кокнесское княжество 358, 364
 Кокорин о-в 59
 Кокпомъг, уроч. 123, 125, 244
 Кокорино 53
 Кокуй 184
 Кокуниemi 240
 Кокусалми 240, 241
 Кокшага Большая, р. 109
 Кокшенга, р. 52, 66
 Коларово 217, 222
 Колва-вис, р. 157, 203, 205
 Колеул 217
 Колово 168
 Колодцы 399
 Коломенский уезд 92
 Колпаки 412
 Колпь, р. 52, 58
 Колувань 22
 Кольдина 84
 Комарово 137
 Коми АССР 123, 128
 Конда, р. 163, 202, 203
 Кондрашкино, оз. 217
 Конезерье 37
 Конищевский (Фефеловский) 92, 93
 Коновере 15, 21, 23
 Коновляты 145, 146
 Коноховицы 37
 Конрадсвальд, см. Хойново
 Константинополь 67
 Коньгуши 100
 Копово 137
 Копок 71, 72
 Копорье 34, 37, 41, 47
 Коптики 178
 Корбола 59, 65, 241, 270—272
 Кордор, уроч. 123
 Корела 37, 44, 47, 49, 50
 Корелия 47
 Корнейтен 400
 Корино 99, 105
 Корниловка 82—89, 91
 Корткерос 120, 123
 Кортышево 137
 Корчево 145
 Коршуново 137
 Коса, р. 149
 Костивере 240
 Костина 54, 59, 62
 Кострово 399, 400, 421
 Кострома, р. 8
 Костромская обл. 69, 71, 72, 79
 Косьва, р. 144
 Котельниково 400
 Котино 39, 240
 Которосль, р. 81, 91
 Котра, р. 413
 Коукунниemi 45, 240
 Кохтла 16
 Кохтла Куузику 16
 Кочеве 145
 Кочергинский 108—111, 153, 244
 Кочкино 82—89, 242, 243
 Кошелево 172, 184, 189, 192, 194, 207, 213
 Кошели 412
 Коши 59
 Кошибеево 99, 242
 Кошкуль 194, 195
 Кошцево 412
 Красная Горка, уроч. 117, 118, 131, 143
 Красная Слудка 137
 Красногорское 246
 Красное 72
 Краснокамск 147
 Краснослободский р-н 106
 Красноярка 184, 194
 Красный Восток 99, 103, 107
 Красный Городок 99
 Красный Камень, уроч. 180
 Красный Яр 216—218, 220, 222—226, 228, 229, 247, 248
 Крастини 410
 Крева гора (Вильнюс) 382
 Кремала 382, 387
 Кремлевская (Ульяновский) 65
 Кремнево 400
 Крестцы 54, 59, 62
 Кретинга 404, 410, 422
 Кретуонай 392
 Кривец 242
 Кригану оз. 367, 370
 Криву-Капи 25
 Кримулда 23—25, 240
 Кристепени 354, 355, 362
 Криуши 240
 Криушкино 70, 72, 76
 Круглица 94
 Круглицы 54, 241
 Круглое оз. 217—219, 227, 229—231, 247, 248
 Крустпилс 355
 Крутик 53—55, 59, 61—64, 70, 80, 241, 257, 267
 Крутойярка 194
 Кручевницкий ручей 54, 62
 Крылос 237
 Крюково-Кужново 98, 99, 103, 107, 242, 243
 Крючково 54
 Кряково 242
 Кубаево 70
 Кубашевское 108—110, 114
 Кубенское оз. 65
 Куву, р. 236
 Куваново 131
 Кудеярово 99
 Кудринская 65, 66
 Кудырга, уроч. 224
 Кудышкар, уроч. 145, 154, 156, 159, 245
 Кужвим, уроч. 118
 Кужендеево 99, 101, 103, 105, 106
 Кузластась, уроч. 126
 Кузнецовское 109
 Кузнецы-Чалых 54, 59
 Кузьвомиш, уроч. 117, 118, 121, 244
 Кургино 54, 59, 241
 Куреваниха 54, 59
 Куревере 15, 16
 Курессааре 13
 Курземе 12, 23—27, 30—33, 379, 380, 404, 405, 407
 Курземский п-ов 23
 Кури 362
 Куркийоки 36, 44, 49, 50, 240, 241
 Курклинтишкяй 421
 Курляндское епископство 409
 Курманский 92—95, 242
 Курманчяй 406, 422
 Курса 410
 Куртумово 165, 168
 Куршенай 381
 Куршский залив 400, 409, 410
 Кустерь 70, 72, 73, 76, 78, 242
 Кустово 232, 233, 248
 Кууде 16
 Куузику 16
 Куусалу 15, 240
 Кухмарь 72
 Кучум-Гора, уроч. 180, 182
 Кучуминское, оз. 172, 207
 Кушеват 203
 Кушелышке 420, 421
 Кушманы 137, 138, 140
 Кушнареново 227, 238
 Кушьяно 137
 Кузьминский (Константиновский) 92—95, 242
 Куйбышевская обл. 93, 106
 Кукрузе 16
 Кукая 404, 405, 410
 Кулай 421
 Кулаковский 92, 93
 Куласово 154
 Кулдига 407
 Кулеватово 99
 Кулики 180
 Куликово (Калининградская обл.) 399, 400, 421, 422
 Куликово (Поволжье) 99, 102, 103
 Кулой, р. 66
 Кулхамьяки 241
 Кума, р. 237
 Кумачево 399
 Кумбата 54, 62
 Кумелёнис 412, 418
 Кунгурская лесостепь 177
 Кунда 15
 Кунда, р. 20
 Кунигишкес 382, 391, 421
 Кунигишкяй-Пайевонис 412, 421
 Кунпу 362, 366
 Купарисемьяки 241
 Куппала 45, 240, 241
 Купроссы 145, 154
 Куракино 58
 Курганай 382, 391
 Курганка 184
 Кшна, р. 414
 Кыласово, уроч. 145, 159
 Кымси 15, 16, 240
 Кыола 16
 Кыпки 136—139, 244
 Кырдым 172
 Кырендуге 240
 Кырузе 16
 Кыштовка 184
 Кюры 371
 Кякисалми 240
 Кяку 15, 16, 18
 Кяревере 16
 Кяулейкяй 404, 410, 422
 Кяэпа 36
 Лабино 137
 Лаваришкес 391, 392, 394, 412, 415
 Лаврята 149, 154, 155, 158, 159, 245
 Лагеди 16
 Лагереве 239
 Ладога (Старая) 21, 44, 49, 51, 57, 59, 62, 80
 Ладожское оз. 8, 36, 44, 45, 51, 53, 56, 64
 Лаеквере 16
 Лазарево Поле, уроч. 131
 Лаздиникай 405, 410
 Лаздупите, р. 356
 Лазовское 399, 400
 Лазы 412
 Лайвяй 404, 405, 407, 410, 421, 422
 Лайемяки 240
 Лайзану 420
 Лайкишкяй 382, 387
 Лайстай 410
 Лаксейская пещера 168, 170, 178
 Ламата 410, 411
 Лао 16
 Лапинлахти 36, 45, 240, 241
 Лапландия 47
 Лаптау, см. Муромское
 Лапушишке 382, 391
 Ларьяк Большой 194, 203, 247
 Латвийская ССР 25, 355, 395
 Латвия 10, 12, 19, 23—26, 354—356, 362, 364, 366, 369, 371, 375—377, 379, 380, 395, 405
 Латгалия 357—359, 362—365, 379
 Лаукна 16
 Лаукскола 24, 28, 29, 240, 368
 Лаукумуйжа 407
 Лауциена 31
 Лахепера 15, 240
 Лача, оз. 53, 59
 Лачагалс 360
 Лашковицы 37, 39
 Лебяжье (Лебяжка), р. 178
 Левашово 157
 Леvedия 236, 237
 Левинский 92
 Левоча 54, 59
 Левуо, р. 362, 372
 Ледовитый океан 207
 Лезги 35, 38
 Лекма, р. 137
 Лембург, см. Малпилс
 Лемино 154, 155, 160
 Лемовжа, р. 41
 Ленинградская обл. 38, 44, 49
 Ленк-Понк, уроч. 172, 174, 203, 204, 207, 209, 215, 247
 Ленская 172
 Ленский р-н 123
 Ленское 123, 125, 126, 245
 Лентварис 390
 Леоново (Прикамье) 241

- Леоново (Приладожье) 54, 59, 62
 Леппянсемьяки 36, 240, 241
 Лепшай 381, 421
 Лесдри 16
 Лесна, р. 412
 Лесниково 91
 Лесогурт, уроч. 139
 Летное 399
 Лехмя 16
 Лехмя-Лоо 15
 Леху 16
 Лехди 16
 Лейсбигсын 355, 362, 420
 Лейсдопелес 362, 365, 366, 368, 370, 420
 Лейсжагари 25
 Лейслепя 364
 Лжа, р. 362
 Либаги 31
 Ливония 23, 27, 365, 377
 Ливонский орден 23, 25, 365, 368, 373, 376, 377
 Лидуенай 421
 Лиенки 420
 Лиелварде 25
 Лиелпечи 24
 Лиелпинай 412, 415
 Лиелрути 25
 Лиелупе, р. 24, 362, 370—372, 374
 Лиелпенас 25, 29, 240, 355, 362
 Лиелкалнес 420
 Лиетава, р. 390
 Лийколанъярви, оз. 49
 Лики 404
 Ликино 164, 168, 169, 171—175, 203, 206, 211, 215, 245
 Ликолампя, оз. 45
 Ликсмань 420
 Ликснае Яунушани 420
 Лиманду 16, 240
 Лимбажская округа 30
 Линкау 400
 Линксмена 362
 Линксмучай 362, 371
 Линкунай 409
 Линнамяэ 15
 Линнузе 15, 20
 Линтупис 382, 391
 Липчинка 165, 168, 176
 Липшени 25
 Лисий Бор, уроч. 147
 Лисий Мыс, уроч. 217
 Лисино 37, 39, 40
 Лисовичи 412
 Лиственный Увал, уроч. 184, 194
 Литва 10, 19, 94, 366, 371, 379, 381, 383, 386, 387, 389, 391, 395—397, 405, 406, 408, 413, 415, 417, 418
 Литовская ССР 390, 392, 394, 395, 405, 407, 410, 414—416, 418
 Литовское Поморье 405, 407
 Лихачево 183—187, 192
 Лихула 15, 16, 240
 Личагалис 742
 Личупе, р. 25
 Липкява 412
 Ловать, р. 8
 Ловки-Антасаре 391
 Логвиново 399, 400, 422
 Логвиново 165, 180, 183—186, 188, 190—192, 246
 Ложка, оз. 184
 Лоем, уроч. 125
 Лозьм, уроч. 117—120, 123
 Локстене 362, 376, 377, 420
 Лонг-Юган 207
 Лонтанай 421
 Лоона 16
 Лоотвина 16, 240
 Лопатино 84
 Лопотти 36, 37, 44, 45, 49, 50
 Лопьювад оз. 117, 118
 Лопьял 108, 109
 Лор-Вож, уроч. 172, 207
 Лоху 15, 22
 Лоша 382, 391
 Луга, р. 34—36, 41, 60
 Луговое Большое 99
 Лудвигава 420
 Лудза (Люцин) 354, 360, 362, 376, 420
 Лудзенский р-н 355, 366
 Лудзенское оз. 355
 Лудошур, уроч. 137
 Лужки 421
 Луза, р. 125, 129
 Луистари 113
 Лукняй 422
 Лукснай 412, 415
 Лукстеннеки 360
 Лумпенай 409, 410
 Луова, р. 408
 Лух, р. 82
 Луковницкое (Палецкое) 97
 Лыбаево Старое 180
 Лысая Гора 217, 218, 222
 Лыхавере 14, 16, 22, 23, 240
 Лывы 72
 Лээдри 13, 18
 Люли-Кар, уроч. 203—205, 247
 Люм, уроч. 137
 Ляда, р. 97, 284
 Ляды 97, 99, 103, 106, 107, 198
 Лялино 123, 125
 Ляхтепеа 36
 Мадалану 355
 Маджар (ал-Маджар) 237
 Мади 16, 240
 Мадонский р-н 355
 Мажейкяй 372
 Мажулонис 382, 391, 392, 394, 396
 Мазкатужи 404—406, 410
 Маэстраупе 25
 Майдла-Лива 16
 Майсеюнай 392, 412
 Майшимай 387
 Майшягала 382, 396, 397
 Макарово 137
 Макарьево 131
 Максимкин Яр 217
 Максимовка 81, 83—86, 88, 90, 91, 242
 Максимовка, р. 81
 Макушино 176
 Макшур 137
 Малахай 110
 Малахово 168, 245
 Малгет 217—221, 223, 227, 229—232, 247
 Малла 16
 Маллавере 16
 Малмыж 136
 Мало-Ажмирское 99
 Малоаниково 154, 157
 Маловенижское 137, 142, 143, 244
 Мало-Давыдовское 70, 71, 72
 Малокиварское 131
 Малоключевское 137
 Маломедлино 137
 Малпилс 25
 Малта, р. 362
 Мальдайтен 400
 Мальцево 145
 Малышево 82—88, 90, 242
 Мамеева зимовье, уроч. 172, 203, 205
 Мандрога 59
 Мантау 400
 Мантинсари 45
 Мантуровский р-н 71
 Мануйлово 34, 240
 Мань-Няслан-Тур, оз. 207—215, 235, 247
 Мари-Билимарское 109
 Марийская АССР 107, 114
 Мари-Луговской 114
 Марквята 382, 391
 Мартенишкес 382
 Мартиньсала 31, 240, 376, 377, 379
 Мартяновка 99
 Мартынишкяй 421
 Мартыновка 227
 Мартыново 155
 Марьино 399, 400
 Марьинская 65, 66
 Маскава (Вишкуп) 420
 Маскевичишкис 354, 362
 Матвейцево 70
 Маткуле 407, 408, 410
 Мауджиорай 381, 382, 384
 Махтыли 172
 Машкино 106
 Мегове 409
 Мегра, р. 55
 Медвежье, уроч. 117, 118
 Медвежья Голова 22
 Медзе 407
 Медсуна 374
 Межевичи 412
 Межионис 382, 391
 Межмали 355, 356, 363, 364
 Межотне 362, 371, 373, 374, 420
 Мезевере 420
 Мезень, р. 8, 116—119, 123
 Меларен, оз. 370
 Мелдершишкис 362, 366
 Мелехино 145
 Мельник 413
 Мемеле, р. 371
 Меметово 137
 Меотида 237
 Мерв 91
 Мергино 54, 59, 62, 241
 Мердзенец Даервас 354, 362
 Меркине 382, 392
 Мерские Станы 67
 Метсеполе 30, 33
 Мешкучай-Капсукас 412
 Мещанский Лес 99
 Мещерская низменность 92
 Мжара, р. 72, 73
 Миглинишкес 412
 Мигонис 382, 392, 420
 Микитай 382, 388
 Миккелли 44, 47, 48
 Миккельские оз. 44, 46, 48
 Миклас калн 371
 Милькановичи 412
 Минино 54, 56, 59
 Миния, р. 381, 385, 410
 Минусинская котловина 216, 229
 Минча 382
 Миса, р. 24, 362
 Миссионерка 421
 Митино 145, 146, 151, 245
 Митино-Зворыкино 54, 59, 62
 Митиново 84
 Митрони 412
 Митува, р. 410
 Михайловская 154
 Михайловское 69, 73, 75, 76, 78, 242
 Мицконис 412, 414, 415
 Мишино 168, 203, 245
 Мишкинево 364
 Мишкино 43
 Могилевская пустынь 59
 Могильники 217, 218, 220—223, 225, 229, 230, 248
 Могильный Мыс, уроч. 217
 Можгино 136
 Мойсио 48
 Мой-Ярей, уроч. 205
 Мока 16
 Мокша, р. 8, 98, 100—102
 Молога, р. 52, 53, 58, 144
 Мологичи 82—85
 Молчаново (Томская обл.) 216
 Молчаново (Тюменская обл.) 165, 167, 168, 172—174, 245
 Монтатай 390
 Моонзундский архипелаг 13
 Мордабское 145
 Моордзенац Даервас 723
 Мордовская АССР 97, 98, 106
 Мордовская Козловка 99
 Мордовские Парки 99
 Морозовка 400
 Морозовичи 37
 Моршанск 98, 99
 Моседис 386
 Москва 98
 Москва, р. 69, 91
 Московская обл. 92
 Моунайкяй 422
 Мохирево 168, 176, 245
 Мохша, см. Наровчат
 Моша 412, 415
 Мощинское 94
 Микукалсис 354
 Мулаши 165
 Муоло-Улякуса 45
 Муранский 98, 99, 106
 Муранское 106, 243
 Мурзино 168, 180
 Мурлинка, р. 184, 185, 188—192, 201, 202, 246
 Мурлы Малые 172, 184, 190, 246
 Мурниени 420
 Муром 52, 81—85, 88, 91, 242
 Муромка Большая 82
 Муромка Малая 82
 Муромское (Калининградская обл.) 399, 400, 421, 422
 Муромское оз. 54, 62
 Муса, р. 362
 Мустанай 392, 412, 415
 Мустла 16
 Мутакуля 37, 39
 Муховец, р. 412
 Муша, р. 362, 372, 382
 Мыдланьшай, уроч. 130, 131, 134, 135, 138—141, 143, 152
 Мыйгу-Пээтри 15
 Мыйзакюла 16
 Мыльникова 179, 180
 Мыс 176
 Мыхкюла 16
 Мюльзен 400
 Мьяла 13
 Мяркис, р. 382, 395, 412, 417
 Мярю 16
 Наану 14, 16, 22, 240
 Надеждино (Калининградская обл.) 400
 Надеждино (Поволжье) 99, 100
 Надровия 398
 Назарово 145
 Нарва 13
 Нарва (Нарова), р. 16, 34—36, 41, 43, 412, 413
 Нарини 24, 25, 28
 Наркунай 392, 421

- Нармонский 114
 Нароватово 99
 Наровчат 99, 100, 106
 Нарочь, оз. 395
 Нарьян-Мар 203
 Наскалинмяки 36, 45, 240, 241
 Настола 48
 Натангия 398
 Науейи Мапельяй 390
 Наусодис 405, 410
 Нача 421, 422
 Нева, р. 12, 36, 42, 43, 64
 Неволдино 145, 147, 152, 157, 245
 Негежма 54, 59
 Неготка 217
 Нельма, р. 400
 Немайтонис 392, 412, 415
 Неман, р. 5, 8, 381, 382, 385, 387—390, 395, 397, 398, 402, 404, 409, 410, 412, 413, 415, 417
 Неманско-Вилийское между-
 речье 414
 Неманско-Нерисское между-
 речье 417
 Неменчине 382, 392, 394—396, 420
 Немунайтис 390
 Ненашевское 70
 Нендриняй 382, 387
 Неревский конец (Новгород) 41, 42, 47
 Нерис, р. см. Нярис
 Нерль (Клязьминская), р. 73, 81, 91
 Неро, оз. 68, 70, 73, 81
 Нефедьево 53, 54, 56, 59, 61
 Нижнеборковский 98
 Нижний Конец 58, 59, 241
 Нижний Тагил 177, 178
 Нижняя Верея 82—86
 Низямы 207
 Никелай 409—411
 Николо-Набережное 82—84
 Никольское на р. Кема (Воло-
 годская обл.) 59
 Никольское на р. Колпь (Воло-
 годская обл.) 54
 Никольское на р. Суде (Воло-
 годская обл.) 53, 55, 56, 59, 62, 64
 Никольское на р. Оять (Ленин-
 градская обл.) 54, 59
 Никольщина 241
 Нику-Пеннала (Тёуся) 48
 Ниусьят, уроч. 118
 Нипца, р. 168, 176
 Новая 54, 59, 62
 Новгород 19, 34, 37, 38, 41—44, 47—49, 51, 52, 60, 66, 171, 198, 202, 212, 215, 365
 Новгородская губ. 52
 Новгородская земля 12, 19, 34, 35, 37, 38, 40, 41, 43, 49, 51, 52, 171
 Новгородский край 64
 Новгородско-Псковская земля 12
 Новгородчина 40, 41
 Новиково 217
 Новинка на р. Колпь (Вологод-
 ская обл.) 62, 241
 Новинка (Никольщина) на
 р. Оять (Ленинградская обл.) 54, 59
 Новленка 83, 84
 Новленская (Новая) 70, 72, 75, 78, 92
 Нововесь 54
 Новоградок 19, 412, 413
 Новогышино 131
 Новоникольск 168, 172, 174, 184, 193—195, 199, 201, 246, 247
 Ново-Пшеново 99, 100
 Новоселка 76
 Новоселки 72
 Новосельск 54, 59, 62, 241
 Новосибирская обл. 248
 Ново-Сиверская 37, 39, 240
 Новотроицкое 72
 Ново-Четовское 99, 101
 Новоягодное 184, 191, 193—195, 201, 246
 Новый Усад 101, 106
 Ногата, р. 402
 Ножа-Вар 99, 103
 Норвегия 113
 Норвежское море 8
 Норкунай 362, 366, 382, 412
 Носково 145, 154
 Носково Большое 145
 Нукат, пещера 198
 Нукуталахти 45
 Нукши 355, 360, 362, 420
 Нурмси 16
 Ньюиничи 54, 59, 241
 Нюр-Медер, уроч. 145
 Нявежис, р. 372, 382, 387, 389, 390, 397
 Нямунас, р. см. Неман
 Нярис, р. 382, 387, 390, 395, 397, 412, 417
 Обва, р. 144, 149, 157
 Обелите 412
 Обеляй 388, 389
 Обский Север 207
 Обь, р. 5, 9, 157, 163, 172, 174, 189, 193, 202, 203, 207, 209, 213, 215, 216, 219, 226, 230, 234
 Обь-Енисейское междуречье 216, 234
 Обь-Иртышское междуречье 239
 Обь-Иртышский водораздел 193
 Обь-Иртышье 184, 201, 213—216
 Овино 54, 59
 Огре 26
 Огре, р. 24, 362
 Огурцово 54
 Одалятси 16
 Одер, р. 8
 Одицово 54, 59
 Одукалнс 420
 Ожжабалай 412
 Ожогово 37
 Озера 39
 Озерный 241
 Озерово 400
 Озерское 156
 Ознобишино 83, 84
 Озьяч, уроч. 117, 118, 121, 244
 Ока, р. 8, 52, 69, 81, 82, 91, 92, 94, 96, 97, 105
 Окский бассейн 7, 10
 Окунево 183, 184, 186—190, 194, 226, 234, 246
 Олинькалнс 355, 357, 359, 363, 364
 Олонка, р. 52, 57
 Олонецкий перешеек 51, 53
 Олуствере 15, 20, 240
 Ольгин Крест 240
 Ольховка, р. 178
 Ольштинское воеводство 399
 Омелино 154, 245
 Омская обл. 193
 Омутня, р. 137, 139
 Омь, р. 9, 185, 194, 215
 Онега, р. 53
 Онежское оз. 8, 52, 53, 64
 Онежье 244
 Оюлва, р. 146
 Опаковцы 414, 421
 Опутятя 145, 148
 Ордынское 195
 Оредеж, р. 35
 Орехово (Белозерский край) 54, 59, 62
 Орехово (Калининградская обл.) 399, 421
 Орехово (Прикамье) 136, 139
 Орешек 43, 47, 48, 49
 Орикула 13, 16, 18
 Орлишкес 390
 Оронтур, оз. 202, 203, 247
 Осановец 70, 76
 Осипова Пустынь 70, 75
 Ославье 37, 39
 Осова 415
 Останлахти 241
 Остяцкий Бор, уроч. 194, 203, 232
 Оськино (Свердловская обл.) 168, 203
 Оськино (Томская обл.) 217
 Отепя 14, 16, 20—22, 240
 Отмичи 70
 Отнога, протока 184
 Оулу 47
 Охотное 400
 Охья 16
 Ошбирзес 240
 Оши 362, 371, 420
 Ошкенъ-Ланце 99
 Ошмось, уроч. 123—125
 Ошмянский р-н 390
 Ош-Пандо (Сайнинское) 99—101, 105
 Ошчой, уроч. 118, 119
 Оять, р. 52—54, 56, 58, 59, 241
 Паалдикис 392
 Паасо 37, 44, 49, 50, 240
 Паасонвуори, гора 49
 Пабаре (Пабарай) 382, 390, 393, 421
 Паберзкалнс 408
 Павейсининкай 412
 Павловичи 412
 Павлов Погост 240
 Павловский р-н 237
 Павлодарская обл. 185
 Пагинай 391
 Пагрибис 382
 Пада 15
 Падваришкес 391
 Паежерис 381, 382, 420
 Пайде 13
 Пайдеский р-н 15
 Пайкула 16
 Пайнвере 240
 Пайомантис 381, 382
 Пакальвишкяй 381, 382, 387, 389, 390, 421
 Пакапай 382, 387, 388
 Паки 366
 Пакиршиняй 382
 Паклибакяй 381
 Пакраутле 421
 Паланга 405, 406, 410
 Палехский р-н 82
 Палоша 391
 Палукис 381, 420, 421
 Памишкяй 362
 Памусис 390, 393, 421
 Памусяй 382
 Паневежис 373
 Панкрашино 148
 Паннония 6, 237, 238
 Панновская низменность 236
 Паново 98, 99, 103, 107, 242, 243
 Пантуе 241
 Панфилово 90
 Паньжа 99, 102
 Папаунья 421
 Папилалес 420, 421
 Папиле 362, 372, 381, 420
 Папишкес 412, 415
 Паплионийа 410
 Папруджяй 420, 421
 Парабель, р. 230
 Парагаудис 381, 382
 Парайсчай 382, 391
 Паргальяк 217
 Парзино Татарское 137
 Паркино 107
 Пасамане 391
 Паса-Шор, уроч. 118
 Пасвалис 373
 Пасвальский р-н 366
 Пасялпиемс 404
 Патумшалай 421
 Патьа 36, 240, 241
 Паужерис Скаудвилис 421
 Паулайчяй 409—411, 422
 Пахомово 179—184, 245, 246
 Пахомовская Пристань, уроч. 184
 Паша, р. 53, 54, 57, 58
 Пашешувис 381, 421
 Пашушвис 381, 420, 421
 Паэжарис 381
 Паю 15, 16
 Паюзи 16
 Паюмаа 16
 Паюостис 421
 Пегегяй 382
 Педезде, р. 362
 Пежовинцы 37, 39, 240
 Пезмук, уроч. 123, 125
 Пекаскалис 354, 359
 Пеклаб, уроч. 145
 Пекулякское, оз. 217, 219, 232
 Пекуново 70
 Пекша, р. 71
 Пелымский о-в 177
 Пелымский уезд 175
 Пеляса, р. 413
 Пенджикент 189
 Пенза 103
 Пензенская губ. 96
 Пензенская обл. 100
 Пеняхино 154, 158
 Перегребное 203, 207, 209, 212—215, 235
 Перейма, уроч. 164—167, 177, 180, 182, 245
 Перемчалок 99, 103, 107, 243
 Перекалыб 146
 Перлюкалнс 363
 Пермиловская Пустынь 82, 84, 85, 86
 Пермская обл. 136, 145, 148
 Персе, р. 357
 Першеке, р. 418
 Першукштас 391, 421
 Пестово 59
 Песчанка 117, 118
 Петкой, уроч. 123, 125, 244
 Петрово (Омская обл.) 183—185, 191
 Петрово (Свердловская обл.) 165, 168, 172, 246
 Петровская слобода 72
 Петровское 69, 73, 75—78
 Петрогром, гора 171, 177, 178
 Петропавловское 130
 Печешур, уроч. 136, 137, 142
 Печора, р. 8, 116—118, 122, 129, 163, 202, 216
 Печорский край 203
 Пездю 14, 16, 20
 Питени 366

- Пидж, уроч. 117, 118
 Пидула 16
 Пиере 409
 Пижама, р. 115, 118, 135
 Пийла 16
 Пилвины 382
 Пилсатс 409
 Пилсупис, р. 385
 Пилтене 376, 407, 409, 410
 Пильвины 391
 Пилякалний 412, 418
 Пинега, оз. 118
 Пионерск, 399, 400
 Пирагай 421
 Пирита, р. 17
 Пироговка, р. 139
 Пирозеро 54, 59, 62, 241
 Писаный Камень, уроч. 158, 177, 178
 Пичпанда 99
 Плавь пустошь 70
 Платори 362, 366
 Плаудиский 421
 Плесенское 145, 152, 154
 Плехановское, оз. 232—234, 248
 Плехово 153, 158
 Плешково 69, 70, 242
 Плещевцы 35, 37—39
 Плещеево оз. 73
 Плинкайгалис 381
 Пликишкес 391
 Плюсса, р. 16, 35
 Плявинас 355
 Плявинеккалн 370, 371, 420
 Побужье 413, 414
 Побужье Брестское 414, 415, 417
 Побужье Среднее 414
 Поважье 66
 Поваровка 400, 421
 Поветлужье 108, 109, 114, 115
 Поволжье 13, 55, 60, 67—69, 75—79, 81, 109, 173, 226
 Поволжье Костромское 40, 47, 59, 60, 68, 78, 79, 81, 113
 Поволжье Марийское 109, 318
 Поволжье Среднее 116, 136
 Поволжье Тверское 40
 Поволжье Ярославское 68, 69, 74—77, 81
 Пovyчеголье, р-н 117, 119, 126, 127, 129, 130, 162
 Погезания 398
 Погиблово 99, 101
 Погостище 54, 56, 59, 61, 66, 241
 Подболотня 82—91, 242, 243, 284
 Подборново 137
 Подборье Нижнее 54
 Подверетье 217
 Подгощи 40, 41
 Подини 371, 420
 Подляшье 43, 412
 Подмоклово 94
 Поднепровье 40, 96
 Поднепровье Верхнее 7, 10
 Поднепровье Киевское 236
 Подольское 68, 72, 74, 75, 80
 Подонье Верхнее 237
 Подрось 412, 415
 Подунавье 111
 Подунавье Среднее 6, 236, 238, 397
 Подчерем, р. 172
 Подъелье 54, 59, 62, 241
 Подъелдеское 54, 62, 241
 Пожва 158
 Пошльменье 40, 41
 Пой, р. 156
 Покровка 99
 Покчино 154, 155, 156
 Полевская 179, 180
 Полом 130, 131, 133, 136, 137, 143, 147, 244, 245
 Полотбицы 39
 Полоцк 167, 357, 364
 Полуденка 145, 146
 Польвитен 400
 Польновский 92, 93
 Польское Поморье 397, 401
 Польша 398, 399, 400, 403, 412—414, 418
 Польшино 137
 Полянки 99, 101, 106
 Поляны 382, 391
 Помезания 398
 Помоздино, уроч. 117, 118
 Помозинский уезд 122
 Понеманье 381, 413
 Понеманье Белорусское 395, 414, 415
 Понеманье Верхнее 414, 415, 417, 419
 Понеманье Нижнее 409
 Понетаево 99, 100
 Понизье 382, 391
 Попадьянское 69—72, 80, 241, 274
 Попад 382, 391
 Попе 240
 Попово (Ухтубужское) 71, 72, 242
 Попово (Вологодская обл.) 53, 56
 Пополутово 84
 Порани 404
 Поркар, уроч. 131, 138, 142
 Порозивица, р. 148
 Портнягино 131
 Портяново 137
 Порховский р-н 38
 Посады 70
 Потчеваш, уроч. 167, 168, 183, 184, 186, 188—190, 192, 194, 201, 246
 Починковский 108—111, 115, 243
 Починок 72, 301
 Почкалука 391
 Почтошур, уроч. 137
 Пошконис 382, 391
 Преголя, р. 400, 402
 Предкавказье 237
 Преквле 410
 Преображенка 184—186, 193, 215
 Приазовье 237
 Прибайкалье 228
 Прибалтийская возвышенность 5
 Прибалтика 5, 10, 12—14, 19, 23, 30, 46, 51, 62, 94, 354, 378, 398, 403
 Приботния 47
 Придорожный Бугор 93, 95
 Приедас 23, 25, 240
 Приеде 29
 Приеделяй 404
 Приедники 362, 366, 368, 408
 Приедулайи 410
 Приекшани 362, 366
 Приильменье 35
 Прииртышье 163, 164, 171, 173, 174, 181—185, 192, 193, 195, 197—203, 206, 207, 214, 231, 232, 234, 235, 239
 Прииртышье Омское 193
 Прииртышье Павлодарское 166
 Прииртышье Тарское 193, 202
 Приишьяме 163, 183, 185, 192
 Прикамье 5, 48, 52, 61, 113, 115, 116, 119, 121, 122, 127—129, 135, 136, 144, 145, 149, 150, 153, 158, 162, 171—173, 198, 202, 204, 210, 212, 214, 223, 225, 227, 230
 Прикамье Нижнее 239
 Прикарпатье 237
 Приладожье 12, 35, 44, 46—48, 51—58, 61—64, 241
 Прилуки 54
 Приморск 400
 Приобье 163, 168, 171, 172, 175, 176, 184, 189, 198, 206, 214, 221, 223, 230, 235, 239, 247, 340
 Приобье Верхнее 163, 189, 218, 225, 232
 Приобье Нарымское 163, 164, 175, 202, 206, 216, 218—220, 228, 229—232, 234, 248, 350
 Приобье Нижнее 163, 164, 166, 167, 170, 171, 173, 174, 178, 179, 183, 188, 192, 193, 200, 202, 206—209, 211—214, 218, 230, 232—235
 Приобье Новосибирское 195, 216—218, 220—221, 228, 229, 231, 234
 Приобье Среднее 163, 164, 171, 174, 175, 188—190, 200, 211, 216, 218, 220, 224—232, 234, 248
 Приобье Сургутское 164, 171, 174, 193, 199, 202, 203, 205—208, 211—214, 216, 233
 Приобье Томское 164, 188, 192, 216—221, 228, 229, 231—234, 247
 Приобье Томско-Нарымское 164, 232—234
 Приозерск 114, 135
 Приозерский р-н 49
 Прионежье 35
 Припечорье 119, 120
 Припять, р. 8
 Притоболье 182, 183
 Притолье 222, 223, 229, 233
 Приуралье 167, 173, 175, 177, 179, 183, 188, 190, 203, 212, 214, 216, 236, 237
 Приуралье Среднее 5
 Приуралье Южное 166, 167, 237, 239
 Причепоморье Северо-Западное 236
 Причудье 34, 35, 37, 38, 40, 41
 Пришманчай 404, 405, 410, 422
 Прологи 37, 39
 Прооза 15, 17, 240
 Проневская 65, 66
 Просторное 400
 Пруссия 398, 413
 Пруссия Восточная 399, 403
 Прусская земля 402
 Прут, р. 236
 Прэди 15
 Псел, р. 8
 Псков 21, 359, 365
 Псковская земля 12
 Псковская обл. 38
 Псковское оз. 12, 16, 41
 Псковщина 41
 Пудвай 137
 Пужбол 72
 Пузле 414
 Пуксиб, уроч. 145
 Пумпеняй 421
 Пумолипы 37, 240
 Пунгас 366
 Пуннос Шилас 382, 390, 392, 412
 Пуны 382
 Пунушево 43, 47
 Пур, р. 216
 Пурди 16
 Пурдас 23, 24
 Пуртса 16
 Пустошенский 92
 Путели 24, 240
 Путсинлахти 38
 Пучкалаукис 382
 Пуя, р. 65
 Пьяна, р. 101, 105
 Пызып, р. 130
 Пыйде 16
 Пыласво 164, 168, 169, 171, 172, 173, 175, 245
 Пышма, р. 175, 179
 Пыштайн 144—146, 149, 245
 Пюха Сепя 16
 Пюхоярви 241
 Пярни 16
 Пярну 13, 14, 22
 Пярну, р. 16
 Пярвуский р-н 15
 Пятницкий 81—88, 90, 242
 Пяэлда 13, 16
 Раасику 16, 240
 Рабетицы 37, 39, 47, 240
 Рабола 54, 59, 62
 Равесниинкай 421
 Радвиллишкисский р-н 386
 Радвилай 421
 Радзес 362
 Радикяй 382, 387, 421
 Радостай 412, 415
 Радость 412
 Ражкино 103
 Райсте 16
 Равере 16, 240
 Раковица 412
 Рамонинский 382
 Рамучай 410
 Рандвере 15, 17, 18, 240
 Раплаский р-н 15
 Растемборк 400
 Ратайчицы 412
 Ратогово 154
 Ратла 16
 Ратуланы 366, 367
 Ратушная пл. (Рига) 378
 Ратушная пл. (Таллин) 22
 Раудоненай 382, 387
 Раутъярви Уймола Хирнула 241
 Рауши 24, 25, 28, 31, 32, 240
 Раху 16, 240
 Рахула 16
 Рачево, уроч. 172, 184, 194, 207, 213, 215
 Раз 16
 Редзес 355
 Редикар 145, 146, 154, 156, 159, 161, 223
 Резекне 355, 362, 363, 365, 376
 Рейнас 25, 30, 240
 Рейнская обл. 364
 Рекете 420—422
 Рекучай 391
 Релка уроч. 188, 206, 216—231, 234, 247, 248
 Реола 16
 Речкино 180
 Ржевское 422
 Рига 24—27, 32—34, 354, 362, 376, 378, 407, 409
 Рига, р. 25, 32
 Ригачево 59
 Рижский залп 5, 16, 23, 24, 30, 33, 362, 404
 Ридакюла 16
 Рисккала, о-в 45
 Рпексту калнс 34
 Риклинай 382
 Римайсай 382, 387, 388
 Римшанцы 382, 391

- Ривгельс 400
 Рисгоры 390
 Рлума 16
 Ровное 421, 422
 Роговицы 37, 39
 Роготино 37, 39
 Роданово 153—156, 160, 171, 172, 214, 245
 Родники 400
 Рождественно 37, 39
 Рождественский 114
 Рождественское 145, 153, 157, 158, 245
 Рокантишкес 382, 390
 Рокенай 382
 Рокишки 366
 Романишкый 387, 389
 Романово (Западная Сибирь) 77
 Романово (Калининградская обл.) 399
 Ронковицы 37
 Россия 235
 Ростов 52, 67
 Ростовка 184
 Ростовское оз. 52
 Рошу 16
 Рочевщина 54, 59, 241
 Рубики 362, 366
 Рудапец 412
 Рудайчяй 404, 406, 410, 422
 Рудампна 412, 415, 418, 421
 Рудишкый 362, 420
 Ружина 420
 Руки 362, 366
 Руквижяй 362
 Русейный 382, 387, 388
 Русеинхпское 109
 Русиново 145
 Руспши-Дебешш 362, 371, 420
 Русса Старая 40
 Русская павыпна 5
 Русское 399, 400, 421
 Русс. рукав Немана 398
 Руссна. залив 398
 Русь (Древняя Русь) 6, 19, 22, 23, 30, 41—43, 126—128, 158, 160, 161, 214, 215, 235, 357, 358, 364, 375, 397, 398, 403, 404, 412, 414, 417
 Русь Северная 21
 Русь Северо-Западная 19, 47
 Русь Черная 38, 395, 414, 417
 Русю Рагас 382
 Рутлипы 37, 39
 Рутка 108—110, 244
 Рутуваны 776, 777, 778
 Рутавас 405, 422
 Ручьи 54
 Рупшону, оз. 355
 Рувя Малая 36
 Рыбьяжная 54
 Рыбкино 106
 Рыбкинский р-н 106
 Рыгте 14, 16, 20, 21, 23, 240
 Рябболово 37—39
 Рявала 21
 Рязанская губ. 92
 Рязанская земля 100
 Рязань (Старая) 93, 97
 Ряйсяля 36, 240
- Савремаа 15, 17
 Сабанчикар. уроч. 136, 137, 139
 Сабиле 25, 32, 408, 410
 Савастере 240, 252
 Саввино-Сторожевский монастырь 74
 Савина 184, 246
 Савиновщина 240
 Савинская Горка 59
- Савково 84, 92
 Саво 47, 48
 Сазоново 137
 Сайгатино 172, 207, 209, 210, 215
 Сайгаты 147
 Сайнишское, см. Ош-Пандо
 Сака 16
 Сакала 20, 21
 Саккола 44
 Сакнитес 23, 240
 Сакон 99, 100
 Саксукалнс 23
 Салакас 382, 391
 Саламатово 137
 Саланта, р. 385
 Салантай 385
 Саласанчи 366, 420
 Саласпилс 24, 25, 374, 376, 420
 Саласпилс Ляукскола 25, 27, 28, 31, 32, 420
 Салаца, р. 16, 24, 30
 Салдус Езера 404
 Салехард 203, 207
 Салиняс 420
 Салым, р. 207
 Самбийский п-ов 402
 Самбия 398
 Саммасте 16
 Самозлейское 99
 Сандерманланд 77
 Санкино 168
 Саньково 54, 241
 Сара, р. 70, 81
 Сарагожа 54, 59
 Саранск 98
 Саратов 98
 Саратовская обл. 97
 Саргенай 388, 396, 421
 Саргино 145
 Саркани 355, 365
 Саркел 198, 202
 Сарлей 99, 101, 243
 Саровка 232, 248
 Сарское 68—74, 77—81, 241, 242, 276, 279
 Сатис р. 100
 Саувере 16, 240
 Саугиняй 381, 382
 Савка, оз. 366, 420
 Саулескалнс 420
 Саулиешш 240
 Саунья 16
 Саусяй 382, 391
 Саха 16
 Саяно-Алтай 189
 Саяны 164
 Свердловск 177
 Свердловская обл. 145
 Свете, р. 24
 Светлогорск 400, 421
 Светлый 421
 Светупе, р. 30
 Свирь, р. 52, 64
 Свислочь (Неманское), р. 413
 Свищево 412, 422
 Северский Донец, р. 8
 Седа, р. 24
 Седова Займка, уроч. 195
 Сельяр 130, 137
 Сейм, р. 8
 Сейнейн Мапельяй 391
 Селивановский р-н 82, 83
 Селикса (Младший Селиксенский) 99, 103, 105, 243
 Селпкса-Трофимовский 103
 Селония 365
 Селпилс 362, 367—369, 376, 378—380, 420
 Семенишкес 390
 Семеново 65, 66
 Семиречье 189
 Семухино 70, 78, 79
 Сепычело 137
 Сепычи, уроч. 131
 Сепычкар, уроч. 139
 Сергач 99, 101, 103
 Середжюс 421
 Середка 54
 Серет, р. 236
 Сержанты 382, 391
 Серпово 99, 101—103
 Сеткулово 193, 194
 Сибирский Юрт 182
 Сибирь 174, 175, 181, 202, 220, 221, 224, 235
 Сибирь Западная 122, 153, 163, 166, 170—173, 175, 177, 179, 181, 192, 198, 200—204, 212—215, 219, 223, 227, 233, 234
 Сибирь Южная 233
 Сива, р. 136
 Сивинь, р. 100
 Сигтуна 370
 Сигулда 23, 24
 Сикайни 362
 Симва, уроч. 118
 Симон-Наволоок 54
 Симпалово 137
 Симтены (Карлю) 420
 Синдея, р. 168
 Синдор оз. 118
 Синиаллику 14, 16, 22
 Синия, р. 362
 Синия Гора. гора 178
 Сирайчяй 405, 410
 Скалвия (Скаловия, Скалва) 409, 410
 Скандинавия 28, 57, 61, 113, 397, 402, 409
 Скеряй 410, 422
 Скетвере 240
 Скинейкяй 391
 Скомантай 409—411
 Скородум 180
 Скривере 24, 240
 Скридиши 420
 Скрипуново 207, 209
 Скуодаский р-н 386
 Слабаделе (Слободка) 412, 414, 415
 Славейты 420
 Слате 362, 366, 420
 Слепсний 420
 Слипа, р. 413
 Слободицы 72
 Словинново 54
 Слоним 412
 Слонимский уезд 413
 Слудка 205
 Смалиникай 387, 390
 Смедово 37, 240
 Смилтеляй 362, 420
 Смилтаине 354
 Смирновский ручей 217
 Смоленщина 94
 Смолокурня, уроч. 118
 Смольково 38
 Смони 420
 Сморгонь 382, 391
 Смукумп 404, 405
 Советск 422
 Совхозное 421
 Согом 172, 205, 207, 208, 247
 Сойкинский п-ов 42
 Соколово 412
 Сокольникы 400
 Солдырь 137, 142
 Соликамск 158
 Соликамский р-н 153
 Соловницко 40, 41
- Сольвычегодский уезд 172
 Соновское 110, 114, 115
 Соонтагана 14, 16, 22
 Сопка, уроч. 184, 186
 Сораково 137
 Сортавала 38, 44, 49, 240, 241
 Сортыня 203, 247
 Сорыно 145
 Сосновка 421
 Сосново-Солонепкий р-н 106
 Сосьва Северная, р. 163, 172, 203—205, 207, 210, 247
 Сохта 230
 Сперановка 184
 Сплетини 362, 366
 Среднекиварское 131
 СССР 6
 Ставы 412
 Стакай 382, 391, 421
 Стан 54, 59, 241
 Старая Сотня 99, 102, 243
 Старово 76
 Старовская Пустошь 65
 Стародевичье 99, 100, 101, 106
 Старорязанское уроч. 137
 Старорязанская 137
 Старо-Сиверская 37, 39, 240
 Стаутмали 775
 Седери 29
 Стежера, р. 72
 Степаново (Вологодская обл.) 62
 Степаново (Пензенская обл.) 103
 Стерлитамак 157
 Сторожевск 120, 123
 Сторожина 37
 Страгнай 409
 Страшницы 38
 Страутини 404, 410
 Страутмали 362, 366, 420
 Стрева 382, 392, 410
 Струнгас 405, 410
 Ступели 367, 369, 370
 Стурн 362, 371, 420
 Стучкинский р-н 356
 Субочиничи 59, 62
 Сувалкия 418
 Суворова 399, 421, 422
 Суворовский 114
 Суда, р. 52, 53, 58, 61, 64
 Судавия (Судовия) 398, 411, 413—416
 Сударгас 382, 388, 390
 Судата 391
 Судателе 390
 Судогодский р-н 92
 Судострой 117, 118
 Сурское 180
 Суздаль 72, 73
 Суздальская земля 75
 Сулятичи 412
 Сумино 37
 Сумма, р. 34, 41
 Суна, р. 54, 62
 Сунгирь 69, 70, 72—75, 79, 80, 242
 Суотниemi 36, 45, 240
 Сура, р. 8, 101—103
 Сургут 193, 207, 208
 Сурдегяй 390
 Сур-Микли 44
 Сусея, р. 362
 Сухолжино 54, 62
 Сухона, р. 5, 8, 61, 66
 Суяново 154, 157
 Сыктывкар 116
 Сылта, р. 145, 148, 153, 157, 183
 Сыня, р. 247

- Сысола, р. 117—119, 122, 123, 129
 Сытке 16
 Сюржавере 16, 240
 Сяглицы 39
 Сязнига, р. 54, 59, 62, 241
 Сясь, р. 53, 54, 57, 58
- Таадиквере 16
 Таадиквере Кивпмие 16
 Табат, р. 216
 Табрия 16
 Табора, р. 153
 Тавастланд 51
 Тавда, р. 9, 163—166, 168, 169, 171, 175—177, 193, 202, 203, 205
 Таз, р. 163, 172, 205, 207, 213—216, 234, 247
 Таймыр, п-ов 163
 Такка Хааска 16
 Талава 364, 379
 Таленс 23, 240
 Таллин 13—17, 21, 22, 240
 Талсы 24, 31, 407, 408, 410, 422
 Тамбов 97
 Тамме 16, 240
 Таммику 240
 Таммовишкен 399
 Тамочная 184
 Тан-Варуп-Эква, уроч. 171, 207, 211, 212, 215, 247
 Танискалнс 354, 356, 358, 359, 376
 Танкеевка 91, 238
 Таря, р. 172, 193, 194
 Тараканово 131
 Тарбья Каламехе 16
 Тарбья Микв 16
 Таровицы 37—39, 240
 Тарский округ 172, 246
 Тарту 13—16, 20—22, 24
 Татарская АССР 238
 Таубаусай 421
 Таугасалу 16
 Таураге 385
 Таурапилс 382
 Таурени 420
 Таутово 99
 Тахтула 16
 Тахула 16
 Ташьялуды, уроч. 137
 Тверечюс 391
 Тверская губ. 144
 Тебендя Малая 194—196, 198, 201, 246, 247
 Тебра, р. 410
 Теглино 39
 Теглицы 38
 Теза, р. 78
 Тезяково 103
 Телетелай 421
 Телешово 72
 Тельшена, р. 411
 Тельшай 384
 Телячий Брод 145, 147, 151
 Тенишево 99, 101
 Тентис, р. 194
 Теньковское 71
 Теньки 76
 Тервете 362, 370, 371, 373—376, 379, 380, 420
 Тервете, р. 373
 Терпилицы 39, 240
 Тетюши 716
 Теша, р. 98—101, 105
 Тиверск 37, 44, 47—50, 240
 Тиганы Большие 238
 Тилтими 404, 407, 410
 Тиман 117
 Тимерево 69, 73, 76—78, 80, 241, 242
- Тимрязево 217—222, 223, 225, 226, 229, 230, 247, 248
 Тирас-Пурвс 421, 422
 Тискино 172, 202, 232, 233, 248
 Титвидишке 381
 Титчпха 237
 Тлури Кийсаплахти 241
 Тиури (Тиурилиинасаарп), пороги 49
 Тиутей-Сале, мыс 203, 205—207, 209, 247
 Тихвинка, р. 53, 54, 59, 64
 Тихвинский везд 52, 59, 62, 241
 Тихманьча 56, 59
 Тобол, р. 9, 179, 193, 202, 203
 Тобольск 183, 185, 216
 Тойма, р. 136
 Токмово 99
 Тольсено 131, 136
 Томниково 99, 102, 103, 107, 243
 Томск 199, 212, 229, 234
 Томская обл. 163, 216
 Тонтиямяки 36, 45, 46
 Торниме 16
 Торово 54
 Торосово 37, 39
 Тосна, р. 43
 Тохта, уроч. 117—119, 123, 148, 244
 Тояты 25
 Тракай 394, 397
 Трейден 24
 Трепе 363
 Тресковицы 37
 Троице-Пельвицкое 94, 96
 Троице-Печорский уезд 122
 Троицк 99, 101
 Троицкое, уроч. 154
 Троицкое (Киснема) 56
 Тром-Аган, р. 216
 Тропеле 420
 Тропитек 400
 Тростяница 412
 Трубеж, р. 93
 Трүүл 236
 Тубаусай 422
 Тува 187, 226
 Тутбулатово 137
 Туй, р. 146, 148, 193
 Тукумс 24, 31
 Тульпякиемис 387
 Туман (Вагильский), оз. 166, 203, 204
 Тумовка 82—85, 90, 91, 242
 Тумы 137
 Тумяны 399
 Тура, р. 164—168, 175—177, 179, 181, 202, 203, 205
 Турайда, 23, 24, 25, 376
 Турайское 131, 137
 Тургай, р. 9
 Туруновка 184, 185
 Турушево 145
 Турьино 244
 Тууккала 46—48
 Тух-Эмтор, оз. 193, 194, 202, 203, 217, 247
 Тылассы 137
 Тым, р. 216, 221, 231, 232
 Тымпаль, уроч. 137
 Тыняя 16
 Тыня, р. 166, 203, 204
 Тырва 15, 20
 Тырве 16
 Тыризе 16
 Тырма 16
 Тырсаме 16
 Тырновский 92, 93
 Тюково 247
 Тюмень 164, 168, 169, 171, 172, 174
- Тюм-Тюм 114
 Тюленево 421
 Тюркский каганат 224, 232
 Тяхтыты 181, 198, 233
 Тяголого 232
- Убыть, р. 130
 Уганди 21
 Угдаж, уроч. 118
 Угдыш, оз. 244
 Угляны 412
 Угодичи 72
 Угра, р. 94
 Угорская земля 236
 Угорские горы (Карпаты) 236
 Удмуртский Караул 137
 Удора, р. 129
 Удорский р-н 123
 Уень, р. 216—218
 Ужава 422
 Ужпалай 390, 422
 Узлово 184, 185, 246
 Узмень 59
 Узьякар, уроч. 137
 Уй, р. 9, 193
 Уканы 131, 137
 Уки 168, 172, 194, 213—215, 235
 Укмерге 388
 Улила 16
 Ульяновская 66
 Ульяновская обл. 97
 Умна 216—218, 220, 229, 248
 Уна-Пай, о-в 172, 174, 207, 209, 215, 247
 Унжа, р. 8, 71, 82, 115
 Унипила 15, 16, 20
 Унотицы 39
 Унтемы Старые 131
 Уньвино, пещера 118, 119, 244
 Уосуккала 45
 Упа (Эстонская ССР) 16
 Упина 381, 382, 384, 420
 Упмале 374
 Упорож 72
 Уразай, р. 194
 Урай 203
 Урал, р. 9, 94
 Урал, горы 5, 163, 164, 168, 171, 175—180, 192, 202, 207, 209, 211, 227
 Урал Северный 202
 Урал Средний 202
 Уралочка, уроч. 178
 Урачкино 168, 169, 172
 Урваново 82—85, 90
 Уржумский уезд 158
 Урьево 207, 208, 213
 Урьвино 145, 146, 149, 154, 156, 245
 Уса, р. 8
 Усини 371
 Ус-Нёл, уроч. 203, 205, 213, 247
 Усогорск, уроч. 117, 118
 Ус-Толт, уроч. 203, 247
 Усть-Балык 209, 210
 Усть-Вагиль 203
 Усть-Вагранский грот 178, 207
 Устье 65, 72
 Усть-Ишим 172, 193, 194, 196—199, 201, 215, 234, 246
 Усть-Ишимский р-н 193, 199
 Усть-Капша 54
 Усть-Ляга, уроч. 117, 118
 Усть-Нибель, уроч. 117, 118
 Усть-Озерное 232
 Усть-Пуя 65, 241, 271
 Усть-Рудица 37, 42
 Усть-Рыбежна 62
 Усть-Сысола, уроч. 122
 Усть-Сысола, погост 122—125
 Усть-Тара 194
- Усть-Туй, уроч. 148
 Усть-Тым 217
 Усть-Уньвино уроч. 118
 Утемль 130
 Утебикар, уроч. 137
 Утенеле 421
 Утенский р-н 392
 Утроя, р. 362
 Утузы 184
 Утьма 194
 Уугла 15
 Уве-Веневере 16
 Уфа, р. 8
 Ухтинский волок 244
 Ухтубужское, см. Попово
 Ушна, р. 82, 83, 384
 Уштуру 355, 359
 Ущевицы 240
- Федоровка (Стенькин Городок) 99, 100, 242
 Федоровское 145
 Федоровщина 145
 Федяшевское 94
 Фенно-Скандинавия 61, 77
 Филинское (Горноправдинск) 203, 247
 Филляндия 12, 19, 30, 44, 46—51, 60, 113
 Финский залпв 12, 16, 34, 36, 41—43, 48
 Фьюнатово 35
- Хазарский каганат 237
 Хайме 16
 Хайтмали 16
 Халас-Погор, о-в 216
 Хальяла Варанди 240
 Хангла-Сам 203
 Ханнуккайнен 240
 Ханты-Мансийский А. О. 163
 Хапакюля 36
 Хапсальский р-н 15, 20
 Хара-Пасл 172
 Харино 144—146, 154, 172, 245
 Харьюмаа 21
 Харьюкский р-н 15
 Хаэн-Сале, мыс 207—209, 213, 247
 Хельме-Нягутси 16
 Хельсинки 44
 Хелюля 36, 45, 49, 240, 241
 Хелюлявпюкк, р. 49
 Хенномяки 36, 45, 240, 241
 Хернемаяки 45
 Хидмас (Хянгилус), р. 236
 Хянгилус, р. 236
 Хитровское 99
 Ховинсапи 36, 45, 240, 241
 Хойпо 99, 100, 242
 Хойпово 399
 Холланд, см. Пасленк
 Холмогорье 421, 422
 Холповицы 37, 39
 Холви 68, 83, 84, 85
 Хомяково 131
 Хопер, р. 8
 Хотимль 69, 72, 74, 75, 78, 80, 242, 276
 Хотынпы 39
 Хотыново 412
 Хохлово 99
 Хрипелево 70
 Хутор-Бол 194, 195
 Хувкки 16
 Хэйбила-Падара, р. 203, 207, 210, 247
 Хюненберг см. Летное
 Хяме 47, 48
 Хямеслахти 37, 44, 49, 115, 131

- Царскосельский уезд 40
 Цепелне (Цигельня) 382, 391
 Цеклис 409
 Целмпи 422
 Центелишке 421
 Церемец 414
 Цесвайне 355, 362, 376, 378, 380
 Цесис 34, 376
 Цесисский р-н 358
 Цигенберг 399
 Цпемальде 362, 370
 Цпа, р. 8, 82, 97, 98, 101, 103, 105, 107
 Чаадаево 83, 84
 Чабарово 124, 126, 244
 Чабылово 139
 Чабьяшай, уроч. 135
 Чагодоша, р. 52, 64
 Чазево 145, 146, 149, 154
 Чайковск 147
 Чаньвенская пещера 158, 177—179, 203, 204, 245
 Чаны, оз. 184
 Часадор, уроч. 123, 125, 128, 244
 Чебашиха 83, 84
 Чежагово 154
 Челмужи 54, 59, 62, 66,
 Челябинская обл. 177
 Чемихино 57, 59, 62
 Чемошур, уроч. 137
 Чемшай, уроч. 135, 136, 138, 139, 142, 244
 Чепецкий край 136
 Чепца, р. 112, 113, 130, 131, 133, 135—137, 139, 141—144, 153, 157
 Червино уроч. 123
 Чердынъ 145, 154
 Черемис 99
 Черемисское кладбище 108—111, 114, 115, 243, 244
 Черемшаны 99
 Черная 72
 Черная Лужа 382, 391, 421
 Чернево 147, 148
 Червобор, уроч. 117, 118
 Черное оз. 229
 Чернутаево 123
 Черный Мыс 217
 Чертово (Елпанское) 97
 Чертово городище (по р. Ветлуге) 108—111, 114, 243
 Чертово селище 99
 Чехломей 203, 217
 Чибинькар, уроч. 137
 Чискури 25, 29
 Чикманы, уроч. 156, 157
 Чинья Ворык, уроч. 244
 Чнобишкис 382, 390
 Чирва, р. 203
 Чирва, уроч. 147
 Чиргино 136, 138
 Чистый Яр, уроч. 217
 Чморгино 137
 Чойновты, уроч. 118
 Чудинты, уроч. 118, 121
 Чудское оз. 12, 15, 16, 34, 36, 37
 Чудской конец 67
 Чужьялы 139
 Чузик, р. 194, 217
 Чулково 82, 83, 85—88
 Чулым 184, 193
 Чулым, р. 9, 163, 216, 218, 231
 Чупино 184, 185
 Чур 130
 Чуркиняг, уроч. 118
 Чусовая, р. 144, 150, 153, 157, 198
 Чюдин 64
 Шаверское 99—101
 Шайтанка, р. 232
 Шайтанская пещера 168, 170, 172, 178
 Шайшур, уроч. 135
 Шакарва 421
 Шалавия 398
 Шаловино 131
 Шанталы, р. 238
 Шантвичи 54, 57, 59, 241
 Шапочное, оз. 341
 Шаркай 381, 382
 Шаркаймис 421
 Шарташские каменные палатки, уроч. 177, 178
 Шатриес Пилкалнис 421
 Шатрищи 92—94, 97
 Шаукотас 381, 382, 420
 Шауляй 372, 381, 385
 Шахнова 54, 59, 241
 Швейцарай 382, 391
 Швекшна 410, 422
 Швента 390
 Швеция 19, 47, 48, 60, 61, 77, 113
 Швянтойя, р. 382, 395, 397
 Шексна, р. 52—55, 58, 59, 62, 64, 69, 80
 Шелахметь 106
 Шелебово 70, 76
 Шеломок, уроч. 217
 Шелонская пяттина 40
 Шелупинки 355
 Шемышлейка 103
 Шенкурск 64
 Шенкурский уезд 64, 65
 Шеркалы 172, 203, 207, 209, 214
 Шерняй 406
 Шестаково 411
 Шестецкое 137
 Шестовицы 76
 Пешувис, р. 385
 Шешты, уроч. 118
 Шешупе, р. 382, 388, 418
 Шигирское, оз. 178
 Шилале 386
 Шилальский р-н 384
 Шилихинское 109
 Шилуте 410
 Шилутский р-н 410
 Ширьево 59
 Шиш, р. 193
 Шкерстани 420
 Шлакалькен 400
 Шмакова гора 93
 Шогда, р. 54
 Шойнагы, оз. 117—119, 121, 123, 125
 Шойнаыб, уроч. 145
 Шокша 98, 99, 102, 103, 107, 243
 Шокшево 70, 75, 76
 Шокшино 122
 Штангенвальде 421, 422
 Штантау 400
 Штральзунд 377
 Штрейлакен 400
 Штгозеро 54, 62
 Шуделька, р. 218, 219, 231
 Шудитен 400
 Шудиттен, см. Орехово
 Шудьякар, уроч. 145, 148, 149, 155, 158, 244
 Шүлец 72
 Шүрпины 415
 Шүрскол 72, 73, 80
 Шүструй, р. 101
 Шүтрово 217, 223, 225, 227, 230, 234
 Шухлиха 65
 Шушва, р. 381—383, 386
 Шяшувис, р. 410
 Шара 412
 Шельябож 117, 118
 Шипняк 54, 59
 Шукрино 145
 Шукровщина 54, 59, 241
 Шучья, р. 203
 Ыви 16
 Ыджыдьедь, уроч. 123, 125, 128, 244
 Эбаргүль 172, 184, 194, 198, 201, 215, 246, 247
 Эгбакар, уроч. 137
 Эзербрицы 420
 Эзетнюк, уроч. 137
 Эйгуляй 421
 Эйкени-Умургас 24, 30
 Эйкогишкис 421
 Эйсельбитен 400
 Эйслитен 400
 Эйствере 16
 Эйтуллионис 412
 Эйшипшкский р-н 416
 Экете 396
 Экриттен см. Ветрово
 Элкас-Кезены (Приекуле) 422
 Элленскруг 400
 Эллерхаус 399
 Эльблонг 399, 400
 Эльтема, р. 99
 Эмайгы, р. 21
 Эмба, р. 9
 Эмбутеб 410
 Энивере 16, 240
 Эсперово 158
 Эссари, о-в 45
 Эссу 16
 Эстония 12—20, 22, 23, 31, 35, 37, 46, 48, 50, 51
 Эстонская ССР 13, 25
 Этиль, р. 709, 713
 Юг, р. 5
 Юг Большой, р. 54
 Югра 198, 202, 215
 Юдинис 382
 Юдино 164—166, 168, 172, 176, 179, 245
 Юдтшен 400
 Юкснурме 16
 Юмский (Загребинский) 108—111, 243, 244
 Юнгино 232
 Юдонис 396, 421
 Юодсоде 381, 382
 Юра, р. 382, 385, 410
 Юргайчяй 409—411
 Юри Васкяла 240
 Юромка 83, 84
 Юрт-Акбалык 216—218, 220, 229
 Юрьев (Тарту) 21, 358
 Юрьев Польской 242
 Ютор, р. 232
 Юшковское 109
 Яаккима 37, 241
 Ягуодж, уроч. 117, 118, 120, 121
 Ягкодзы, уроч. 117, 118
 Ягошур, уроч. 137
 Ягтыдин, уроч. 117, 118
 Яздай 404, 410
 Яздайчяй 405, 410
 Язьва, р. 157
 Яйва, р. 158
 Якиманское 71, 72
 Якиманская слобода 84
 Якутия 228
 Якштайчяй 381, 382, 385
 Ялпичч-Нел, уроч. 172, 203—205, 207, 210, 247
 Ям 37
 Ямал, п-ов 203, 207, 209
 Ямало-Ненецкий А. О. 163
 Ямгорт 207, 211, 215, 247
 Ямсыса, р. 184, 194
 Янтарный 399
 Янту 16
 Ярве 16
 Яренга, р. 117, 148
 Яровщина 54, 59, 62, 242
 Ярославль 68, 73, 90
 Ярославская обл. 68, 69, 71, 80
 Яскелево 37, 39
 Ясмуйжас 354
 Ясудово 412, 416, 421, 422
 Ятвягия 411—413, 419
 Ятвязь, р. 413
 Яунакены 355, 362
 Яунамуйжа 370
 Яунейкяй 362, 420
 Яунпиебалга 420
 Яусвирлаукас 420
 Яци 404
 Яцковщина 412
 Ящюнай 382, 391
 Яя, р. 218
 Hungaria Magna см. Венгрия
 Великая
 Sellianus, р. 365
 Semgala 370
 Vredeturonia 407

Указатель этнических названий и археологических культур

Авары 189
Айсты-аестии 7
Азелинская культура 109, 111, 112, 114
Азелинско-мазунинские племена 132
Акациры 7
Аксеновский вариант нижеобской культуры 193
Аланы 104, 107, 237
Ананьинская культура 109, 116, 122, 135, 210
Андроновская культура 163
Арв 143
Арские люди 143
Аукштайты 7—9, 381, 382, 385, 387, 388, 390, 395, 410, 412, 421, 439, 440

Бакальская культура 8, 168, 177, 179—183, 245, 246, 322, 323
Балтские племена 10, 19, 25, 33, 360, 364, 372, 375, 390, 397, 413, 416, 417
Балты 5, 7—10, 13, 32, 68, 69, 77, 84, 94, 96, 353, 365, 381, 395, 399, 404, 414
Балты днепровские 7, 10
Балты западные 398, 409, 414, 418
Бахмутинская культура 167, 237, 238
Белорусы 7
Болгары волжские 63, 91, 100, 109, 111, 112, 115, 201, 239

Ванвиздинская культура 116—122, 244, 304, 305
Вануйта (фратрия) 207
Варяги 67
Ведин (Вяту) 144
Венгры 6, 163, 236—239
Венды 33, 34
Вепсы 12, 52, 64, 66, 129, 130
Верхнеобская культура 190, 221
Весь 6, 8, 12, 42, 44, 48, 51—53, 57—61, 63, 64, 66, 75, 77, 80, 90, 97, 107, 115, 241, 264—266, 268, 269
Видивария 7
Виссанус (весь) 52
Виссы 52
Вису 143
Вогулы 177, 179
Воль 6, 8, 12, 34—43, 60, 240, 249, 258
Вожпайский тип памятников 200, 204, 206, 216, 247, 335
Востоchnомазурская культура 414
Вымская культура 116, 122—

130, 170, 202, 209, 214, 235, 244, 306, 307
Вятчаны 143

Галинды 7, 398, 412, 414
Германцы 5, 7, 12
Гляденовская культура 116, 122, 153, 157, 195, 210
Голядь 7
Городецкая культура 67, 82, 83, 95—97, 99, 105, 109
Гребенчато-ямочной керамики культуры 163

Датчане 409
Лайноне 419
Дьяковская культура 54, 67, 68, 81, 82, 95

Еловская культура 163
Емь (хяме) 6, 12, 18, 44, 48, 51, 361

Жемайты 7, 8, 365, 372, 373, 381—387, 390, 397, 409, 410, 420, 421, 436—438
Жмудь см. жемайты

Заозерный тип керамики 171
Западнобалтские племена 353
Зарубинецкая культура 68
Земгалы 7, 8, 24, 27, 28, 32, 34, 359—362, 364, 365, 370—376, 379, 380, 382, 385, 390, 407, 410, 420, 434, 435
Зимгола, см. земгалы
Злины 413

Ижора 6, 8, 12, 36, 42, 43, 46, 48
Иллирийцы 5
Имнискары 107
Индоевропейцы 5
Ису 52
Италики 5
Иткульская культура 163

Камасинцы 164
Караабызская культура 116
Кара-якуповский тип 238, 239
Карелы 12, 43, 44
Карелы-ливикс 53
Карелы-людикс 53
Карымский этап 184, 206, 216
Кексгольмских могильников культура 44
Кельты 5
Кеты 164, 234, 248
Кимаки 181, 189
Кинтусовский тип памятников

9, 164, 168, 179, 193, 200, 202—216, 233, 247, 336—339
Клайпедская культура 405
Койбалы 164
Колочинская культура 7
Коми 60, 213, 235
Коми-вычегодские племена 122
Коми-зыряне 6, 9, 116, 122—130
Коми-пермяки 6, 9, 116, 135, 153—162, 171
Корела (karjala, karjalaiset) 6, 8, 12, 36, 40, 43—54, 60, 129, 259—263
Корсь см. курши
Кошбеевские племена 105
Копивчи 67, 68, 360, 362, 395
Копивчи псковские 12
Кулайская культура 163, 197, 207, 216, 222, 230, 231, 234
Курши 7, 8, 24, 26, 28, 32—34, 41, 359, 365, 372, 379, 380, 382, 385, 404—409, 410, 419, 422, 452—454
Кувшапенковская культура 238, 239
Куштерьякский тип 238, 239
Кыпчаки 182

Латгалы 7, 8, 24, 25, 27, 28, 32—34, 354—366, 368, 370, 372, 378—380, 382, 395, 420, 424—427, 429, 430
Латыши 7, 379
Латышская народность 370, 375, 379, 380, 419
Латышские племена 18, 353, 354, 361, 362, 376, 397, 420, 428, 431
Летгола см. латгалы
Летто-литовские племена 403
Летто-литовцы 7
Либь см. ливы
Ливы 6, 8, 12, 19, 23—30, 32—34, 41, 48, 240, 253, 256, 257, 361, 365, 368, 373, 375, 376, 379, 380, 405, 407, 408, 410
Ливы видземские 33, 379, 380, 406
Ливы гауйские 23, 25, 26, 29—31, 33
Ливы даугавские 23, 25, 27—34
Ливы курземские 31, 33, 34
Ливы метсепольские 30
Литва 7, 8, 381, 390, 392—395, 413, 417, 421, 441, 444
Литовская народность 370, 390, 395, 397, 419
Литовские племена 18, 353, 364, 381, 382, 395—397, 421, 442, 443
Литовцы 7, 358, 360, 387, 388, 395, 396, 413

Лодоседа (род) 207
Ломоватовская культура 122, 183, 245, 310, 311
Лопь 44
Люликарская группа памятников 204, 206, 247

Макушинский тип памятников 8, 165, 176, 177, 245, 320
Манси 6, 158, 163—165, 167, 170, 175, 177—179, 206, 207, 211, 221
Мари 8, 69, 74, 89, 104, 108—110, 112, 115, 301
Марийцы 6, 66, 67, 69, 107—115, 136, 140, 143, 144, 243, 244, 297—303
Марийцы горные 108, 109
Марийцы луговые 108, 109
Маторы 164
Меря 6, 8, 42, 52, 54, 62—64, 67—69, 73—75, 77—82, 89, 90, 97, 103, 107, 109, 111, 113, 115, 241, 242, 273, 275, 277, 278, 280
Мещера 6, 8, 67, 69, 80, 92, 93, 95, 96, 242, 286
Мокша 97—99, 102, 104, 105
Молчановский тип памятников 8, 163—167, 205, 245, 315, 316
Монголы 107
Мордан (мордва) 144
Мордва 8, 42, 64, 67, 74, 81—83, 89, 92—95, 97—103, 106, 107, 109, 242, 243, 289—296
Мордва-мокша 6
Мордва-эрзя 6
Мощинская культура 7, 95
Мощ (фратрия) 211
Мурома 6, 8, 42, 52, 62, 64, 66—69, 74, 78, 80—85, 87, 88, 90—92, 97, 99, 101, 111, 112, 242, 281—285

Нганасаны 163
Немцы 23, 42, 365, 377, 409, 419
Ненцы 163, 164, 207, 216
Ненцы лесные 163
Нижнеобская культура 168, 193, 202, 216
Новгородцы 22, 42, 50, 52, 202, 215
Норманны 68, 91, 375, 402
Норома (нерева, нарова, нерома, норома) 41, 42

Одинцовская культура 163, 164, 216—218, 221
Оронтурский тип памятников 163, 164, 166, 167, 170, 178, 200, 202—208, 216, 230, 247, 333, 334
Осинская культура 116, 134
Остяки 201, 208

Петрогромский тип памятников 8, 168, 177, 180, 245, 321
Пермь 64, 66
Пермь вычегодская 66, 123
Пермяне 66
Печенеги 236, 237
Печора 64
Поволжско-финские племена 6
Позднеазелинская культура 131
Позднебахмутинская культура 131
Позднемазунинская культура 131
Поллексяне 419
Половцы 181, 236
Поломская культура 116, 130—135, 244

Поляки 398
Пор (фратрия) 211
Потчевашская культура 8, 163—165, 170, 183—193, 195—197, 201, 203, 224, 226, 228, 230, 234, 246, 324—327
Правенгерские племена 6
Правенгры 163
Празападнофинские племена 6
Пракамско-финские племена 5
Пракоми 116
Праобско-угорские племена 6
Прапермские племена 6
Праугры 6
Праудмурты 116, 152
Прафинно-угры 6
Прафинны 6
Прибалтийской типичной гребенчато-ямочной керамики культура 13
Прибалтийско-финские племена 6, 12, 13, 29, 33, 51
Протоманси 164, 175
Прусские племена 397, 402, 410
Пруссы 7, 8, 398—404, 409, 412, 414, 419, 421, 422, 446, 448—451
Пьяноборская культура 116, 135, 146, 153
Пьяноборские племена 238

Релкинская культура 163, 164, 184, 188, 190, 191, 203, 216—234, 247, 248, 341—349
Родановская культура 143, 153—162, 245, 312, 313
Рогожной керамики культура 67, 97
Родановская культура 179, 209
Русские 107, 109, 177, 235
Рязано-окских могильников культура 93—97, 104, 105

Саамы 44
Салтовская культура 134, 150, 236
Самодийские племена 6
Самодийцы 163, 164, 207, 216, 224, 227, 231, 234
Савгатская культура 163, 183, 192, 193, 197
Селькупы 163, 164, 187, 218—222, 231—234, 248
Селы 7, 8, 24, 32, 355, 358, 361, 362, 365—370, 372, 373, 378—380, 420, 432, 433
Сембии (сембы) 398, 402
Сету 12
Сипрты 207, 208, 216
Синегорский (петрогромский) тип памятников 168, 180
Скаллы 7, 8, 381, 382, 385, 398, 402, 405, 409—411, 419, 422, 455
Скандинавы 53, 54, 57, 58, 64, 75, 81, 91, 115, 398, 409
Славяне 5—8, 12, 34, 35, 38, 40, 41, 43, 52, 54, 57, 58, 60, 62—64, 68, 69, 73—76, 80—83, 91, 92, 95—97, 107, 112, 113, 115, 237, 358, 360, 375, 403, 413, 414, 417
Славяне восточные 361, 362, 412, 414, 419
Славяне западные 34, 397
Славяне ляхские (польские) 419
Словене ильменские (новгородские) 12, 34, 40, 173
Словене новгородские см. Словене ильменские

Среднеиртышская культура 192, 193
Сросткинская культура 173, 201
Судавы (судины, судовы) 398, 411, 412, 413, 419
Судиной см. Судавы
Сузгунская культура 163
Сумь (Суоми) 6, 12, 18, 48, 361
Сылвенская культура 148, 177, 180, 182, 183

Татары 100, 107, 136, 142, 177, 214
Татары иртышские 202
Татары казанские 109
Татары каринские (кократские) 142
Татары сибирские 183, 234
Татары тюменские 165
Таштыкская культура 190
Текстильной керамики культура 13, 67
Туманский тип памятников 167
Тунгусы 228
Туралинский тип памятников 165, 177
Турбаслинская культура 239
Түшемлинско-банцеровская культура 7
Тывский тип памятников 166, 202
Тюрки 164, 176, 177, 184, 188, 189, 193, 196, 199, 202, 218, 221, 224, 225, 230, 232—234
Тюркские племена 8, 9, 95, 237, 239
Тюхтятская культура 201

Угорская общность 163
Угорские народы 52
Угорские племена 5, 6
Угро-самодийские племена 163
Угро-самодийский этнос 135
Угры 117, 122, 129, 148, 153, 163, 175, 176, 202, 210, 211, 221, 234, 236
Угры обские 163, 164, 171, 174, 175, 187—189, 192, 197, 201, 204, 206, 207, 209, 213, 220—222, 227, 228, 231, 234
Удмурты 6, 8, 63, 109, 116, 131, 135
Усть-ишимская культура 8, 164, 168, 170, 174, 182, 186, 191, 193—202, 207, 216, 234, 246, 247, 328—332
Усть-полуйская культура 163, 199, 205

Финно-пермский этнос 122
Финно-угорские племена 5, 7, 35, 238
Финно-угры 5, 6, 8, 32, 41, 43, 80, 94, 96, 113, 115, 238
Финны 74, 75, 91, 92, 113
Финны (суоми) 6, 12, 40, 50, 51
Финны восточные 77, 95, 96
Финны западные 64, 66, 67
Финны поволжские 12, 13, 63, 64, 67, 68, 81, 83, 93, 94, 96, 97
Финны прибалтийские 12, 13, 25, 27—29, 31, 33, 41, 43, 44, 51, 240, 254

Финская народность 12
Финские племена 18
Фризы 398

Хазары 101, 236, 237
Хакасы 229
Ханты 6, 163, 164, 202, 205—
208, 211, 216, 221, 224, 228, 230,
234
Харино-ломоватовская куль-
тура 116, 129, 132, 144—153
Харинский тип памятников
177, 188
Хуннский союз племен 163

Ц-р-мис 107

Чегандинская культура 116
Чепецкая культура 130, 135—
144, 245, 308, 309

Черемисы 67, 97, 107, 108
Чуваши 129
Чудь 12, 21, 52, 67, 91, 97, 107
Чудь волховская 51
Чудь заволочская 6, 8, 12, 52,
64—66, 129
Чудь приладожская 52, 54, 57
Чудь прионятская 52

Шалавы, см. скалвы
Шведы 42, 409
Шорцы 230
Штрихованной керамики куль-
тура 356, 357, 395, 408

Эпцы 163
Эрзя 97, 98, 104
Эстонцы 12
Эсты 6, 8, 13—24, 30, 34, 36, 40,

41, 60, 240, 249—253, 361, 372,
375
Югра 198, 215, 216, 235
Юдинская культура 8, 164, 165,
168—171, 173—177, 181, 182, 207,
245, 317—319

Якуты 188
Ятвяги 7, 8, 390, 398, 409—419,
421, 422, 443, 445, 446, 456
Ятвяжские племена 395, 411,
413, 414, 416, 417

Karjala, karjalaiset см. Корела
Merens 67
Mordens 97
Mordia 97
Simkala см. Земгалы
Vasina 57
Vatjalaiset см. Водь

Список карт

Карта 1. Финно-угры и балты в раннем средневековье	8	Карта 25. Распространение основных памятников вымской культуры	123
Карта 2. Расселение эстов	16	Карта 26. Распространение основных памятников ломской культуры	131
Карта 3. Памятники ливов	24	Карта 27. Распространение основных памятников чепецкой культуры	137
Карта 4. Археологические памятники води, корелы и ижоры	36	Карта 28. Размещение основных памятников хариноломоватовской культуры	145
Карта 5. Памятники веси X—XII вв.	54	Карта 29. Распространение основных памятников родовновской культуры	154
Карта 6. Памятники веси X—XII вв. (врезка к основной карте)	55	Карта 30. Распространение памятников молчановского типа	165
Карта 7. Характерные женские украшения веси X—XII вв.	59	Карта 31. Распространение памятников юдинской культуры	168
Карта 8. Характерные женские украшения веси X—XII вв. (врезка к основной карте)	60	Карта 32. Распространение глиняных антропоморфных фигурок	172
Карта 9. Характерные вещи для мужских погребений веси X—XII вв.	62	Карта 33. Распространение бронзовых вещей обско-угорских типов	172
Карта 10. Характерные вещи для мужских погребений веси X—XII вв. (врезка к основной карте)	63	Карта 34. Памятники макушинского типа	176
Карта 11. Памятники чуди заволочской	65	Карта 35. Памятники Горного Урала	178
Карта 12. Характерные украшения мери	70	Карта 36. Распространение памятников бакальской культуры	180
Карта 13. Поселения и грунтовые могильники мери (по А. Е. Леонтьеву)	72	Карта 37. Памятники потчевашской культуры	184
Карта 14. Мерянские элементы в курганных могильниках Ростово-Суздальской земли (по А. Е. Леонтьеву и Е. А. Рябинину)	76	Карта 38. Распространение памятников усть-ишимской культуры	194
Карта 15. Захоронения коней в курганах Ярославского Поволжья и Владимиро-Суздальской земли	76	Карта 39. Распространение памятников оронтурского типа	203
Карта 16. Грунтовые могильники муромы	83	Карта 40. Распространение памятников кинтусовского типа	207
Карта 17. Памятники муромской округи	84	Карта 41. Распространение предметов русского импорта XI—XIV вв. и местных подражаний	215
Карта 18. Конские погребения у муромы	86	Карта 42. Распространение памятников релкинской культуры	217
Карта 19. Характерные украшения муромы	88	Карта 43. Памятники Томско-Нарымского Приобья	232
Карта 20. Грунтовые могильники и характерные украшения мещеры	92	Карта 44. Памятники латышских племен	362
Карта 21. Археологические памятники мордвы VI—XV вв.	99	Карта 45. Памятники литовских племен	382
Карта 22. Распространение височных подвесок с грузиком и спиралью	103	Карта 46. Памятники пруссов	400
Карта 23. Археологические памятники марийцев VI—XIII вв.	110	Карта 47. Памятники куршей и скалвов	410
Карта 24. Распространение основных памятников ванядинской культуры	118	Карта 48. Памятники ятвягов	412

Оглавление

Введение (В. В. Седов)	5	Удмуртские племена в IX—XV вв. Чепецкая культура (Р. Л. Розенфельдт)	135
Часть первая Финно-угры	11	Харино-ломоватовская культура (Р. Л. Розенфельдт)	144
Глава первая Прибалтийские финны	12	Коми-пермяцкие племена в IX—XI вв. Родановская культура (Р. Л. Розенфельдт)	153
Эсты (В. В. Седов)	13	Глава четвертая	
Ливы (В. В. Седов)	23	Угры и самодийцы	
Водь (В. В. Седов)	34	Урала и Западной Сибири (В. А. Могильников)	163
Ижора (В. В. Седов)	42	Культуры лесного Зауралья VII—XIII вв.	164
Корела (В. В. Седов)	44	Памятники молчановского типа	165
Весь (Л. А. Голубева)	52	Юдинская культура	168
Чудь заволочская (Л. А. Голубева)	64	Памятники макушинского типа	176
Глава вторая Поволжские финны	67	Культура горного Урала (памятники петрогромского типа)	177
Меря (Л. А. Голубева)	67	Лесостепное Зауралье (бакальская культура)	179
Мурома (Л. А. Голубева)	81	Культуры лесного Прииртышья	183
Мещера (Л. А. Голубева)	92	Потчевашская культура	183
Племена культуры рязанско-окских могильников (В. В. Седов)	93	Усть-ишимская культура	193
Мордва (Л. А. Голубева)	97	Культуры Нижнего Приобья	202
Марийцы (Л. А. Голубева)	107	Памятники оронтурского типа	202
		Памятники кинтусовского типа	207
		Культуры Среднего Приобья	216
		Релкипская культура	216
		Томско-Нарымское Приобье в X—XIII вв.	232
Глава третья Прикамские финны	116	Глава пятая	
Вапвиздинская культура (Р. Л. Розенфельдт)	116	Венгры в Восточной Европе (В. В. Седов)	236
Коми-зырянские племена IX—XI вв.	122	Подписи к иллюстрациям части первой	240
Вымская культура (Р. Л. Розенфельдт)	130	Иллюстрации к части первой	249
Поломская культура (Р. Л. Розенфельдт)			

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть вторая		Глава восьмая	
Балты	353	Западнобалтские племена	398
(В. В. Седов)		Пруссы	398
		Курши	404
Глава шестая		Скалвы	409
Латышские племена	354	Ятвяги	411
Латгалы	354		
Селы	365	Подписи к иллюстрациям части второй	420
Земгалы	370	Иллюстрации к части второй	423
Формирование латышской народности	375	Литература	457
Глава седьмая		Список сокращений	487
Литовские племена	381	Указатели	489
Жемайты	381	Указатель имен	489
Аукштайты	387	Указатель географических названий	494
Литва	390	Указатель этнических названий	
Литовская народность	395	и археологических культур	505

**Финно-угры и балты
в эпоху средневековья**

✱

Утверждено к печати
ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии
Академии наук СССР

Редактор
Л. В. Артишевская

Редактор издательства
С. Н. Васильченко

Художник
Б. И. Астафьев

Художественный редактор
Н. Н. Власик

Художественно-технический редактор
Л. В. Каскова

Корректоры
А. Б. Васильев, Л. Р. Мануйльская

ИБ № 32164

Сдано в набор 02.12.86. Подписано к печати 05.04.87
А-01758. Формат 60×90^{1/8}. Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая
Усл. печ. л. 65 Усл. кр. отт. 70 Уч.-изд. л. 82
Тираж 23 900 экз. Тип. зак. 97
Цена 6 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

В 1988 г.
В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА»
ВЫЙДЕТ В СВЕТ

АРХЕОЛОГИЯ СССР
Степи
европейской части СССР
в скифо-сарматское время

60 л., 5 р. 50 к.

Материалы тома освещают жизнь ранних кочевников и их ближайших соседей, населявших степи и лесостепи Восточной Европы в VIII в. до н. э.— III в. н. э. Основное внимание в книге уделено скифам и сарматам, сыгравшим значительную роль в истории народов нашей страны в раннем железном веке. На основании археологических и античных письменных источников дана характеристика быта, хозяйственной деятельности, общественного строя различных групп племен, представлено современное состояние проблем скифской и сарматской археологии.

Для историков, археологов, этнографов, антропологов и широкого круга читателей.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по одному из адресов: 117192 Москва, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой».

480091 Алма-Ата, 91, ул. Фурманова, 91/97;
370005 Баку, 5, Коммунистическая ул., 51;
690088 Владивосток, Океанский проспект, 140;
320093 Днепропетровск, проспект Ю. Гагарина, 24;
734001 Душанбе, проспект Ленина, 95;
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289;
252030 Киев, ул. Пирогова, 4;
277012 Кишинев, проспект Ленина, 148;
343900 Краматорск, Донецкой области, ул. Марата, 1;
443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2;
220012 Минск, Ленинский проспект, 72;
630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22;
620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137;
700185 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6;
450059 Уфа, 59, ул. Р. Зорге, 10;
720000 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42;
310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87.

ИСПРАВЛЕНИЕ

Напечатано

Следует читать

стр. 76, справа,
24-25-я стр. св.

радиональной ориентировке
костриц, наличие во- 37
из них могут быть отнесе-
ны к финским по ме-

37 из них могут быть отне-
сены к финским по мери-
диональной ориентировке
костриц, наличие во-